

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav 11.25

**HARVARD COLLEGE
LIBRARY**

**FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828**

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XLIV. — ТОМЪ COLVI. — 1/18 МАРТА, 1880.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

П Я Т Н А Д Ц А Т Ы Й Г О Д Ъ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1880

PSlav 176. 25
~~Slav 30.2~~

~~12184~~

JAN 23 1864

Meinot fund.

(510)

" VESTNIK
" EVROPY
2 "

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

1838—1848.

Изъ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

XVI *).

Осенью 1843 года, проѣхавъ черезъ Москву, я познакомился съ Г., а также съ Т. Н. Грановскимъ и со всѣмъ кругомъ московскихъ друзей Бѣлинскаго, котораго зналъ доселѣ только по наслышкѣ. Я еще засталъ ученое и, такъ-сказать, междусословное торжество, происходившее въ Москвѣ по случаю первыхъ публичныхъ лекцій Грановскаго, собравшаго около себя не только людей науки, всѣ литературныя партіи и обычныхъ восторженныхъ своихъ слушателей—молодежь университета, но и весь образованный классъ города—отъ стариковъ, только-что покинувшихъ ломберные столы, до дѣвицъ, еще не отдохнувшихъ послѣ подвиговъ на паркетѣ, и отъ губернаторскихъ чиновниковъ до неслужащихъ дворянъ. Единодушіе въ привѣтствіи симпатичнаго профессора со стороны всѣхъ этихъ лицъ, раздѣленныхъ между собою всѣмъ родомъ своей жизни, своихъ занятій и цѣлей, считалось тогда очень знаменательнымъ фактомъ, и дѣйствительно фактъ имѣлъ нѣкоторое значеніе, обнаруживъ, что для массы публики существуютъ еще и другіе предметы уваженія, кромѣ тѣхъ, которые издавна указаны ей общимъ голосомъ или официально. Съ таковой точки зрѣнія, публичныя лекціи Грановскаго, пожалуй, могли считаться и политическимъ событіемъ, хотя самъ

*) См. выше: февр., 461 стр.

знаменитый профессоръ, посвятившій свои чтенія сжатымъ, но выразительнымъ очеркамъ нѣсколькихъ историческихъ лицъ, постоянно держался, съ тактомъ и достоинствомъ, нивогда его не покидавшими, на той узкой полосѣ, которая отведена была ему для преподаванія. Онъ сдѣлалъ изъ нея цвѣтущій оазисъ науки, какой только могъ. Въ мастерскихъ его рукахъ, эта узкая полоса изслѣдованія получила довольно большіе размѣры и на ней открылась возможность дѣлать опыты приложенія науки въ жизни, морали и идеямъ времени. Лекціи профессора особенно отличались тѣмъ, что давали чувствовать умный распорядокъ въ сбереженіи мѣстъ, еще недоступныхъ свободному изслѣдованію. На этомъ-то замѣренномъ, нейтральномъ клочкѣ твердой земли подъ собой, имъ же и созданномъ и обработанномъ, Грановскій чувствовалъ себя хозяиномъ; онъ говорилъ все, что нужно и можно было сказать отъ имени науки, и *рисовалъ* все, чего еще нельзя было сказать въ простой формѣ мысли. Большинство слушателей понимало его хорошо. Такъ поняло оно и лекцію о Карлѣ Великомъ, на которую и я попалъ ¹⁾). Образъ востановителя цивилизаціи въ Европѣ былъ въ одно время и художественнымъ произведеніемъ мастерской кисти, подкрѣпленной громадною, переработанною начитанностью и уваженіемъ къ настоящей роли всякаго могущества и величества на землѣ. Когда, въ заключеніе своихъ лекцій, профессоръ обратился прямо отъ себя къ публикѣ, напоминая ей, какой необъятный долгъ благодарности лежитъ на насъ по отношенію къ Европѣ, отъ которой мы даромъ получили блага цивилизаціи и человѣческаго существованія, доставшіяся ей путемъ кровавыхъ трудовъ и горькихъ опытовъ,—голосъ его покрылся взрывомъ рукоплесканій, раздавшихся со всѣхъ концовъ и точекъ аудиторіи.

Это единодушіе похвалы за смѣлость профессора (смѣлость могла тогда заключаться въ публичномъ заявленіи сочувствія къ Европѣ)—породила мысль у нѣкоторыхъ изъ друзей его, что наступила настоящая минута примиренія между двумя большими литературными партіями—западной и славянофильской, споръ между которыми уже сильно разгорѣлся въ промежутки 1840—43 годовъ. Съ цѣлью свести противниковъ и приготовить ихъ сближенію, затѣянъ былъ въ слѣдующемъ 1844 году дружескій обѣдъ, на которомъ присутствовали почти всѣ корифеи двухъ противоположныхъ ученій, какіе находились тогда въ Москвѣ: они подали на немъ другъ другу руки и объявили, что одинаково свя-

¹⁾ Тѣмъ лекціи Грановскаго была средневѣковая исторія Франціи и Англіи.

заны служеніемъ наукѣ и одинаково уважаютъ всѣ безкорыстные убѣжденія, порождаемыя ею. Но *дипломатическій* міръ, когда борьба не истощена еще вполне, рѣдко вноситъ прочныя основанія для мира между людьми. Поводы къ разладу между собравшимися на обѣдъ существовали еще въ такомъ обиліи, благодаря стеченію многихъ обстоятельствъ, а въ томъ числѣ и дѣятельности Бѣлинскаго, что, съ окончаніемъ, можно сказать, послѣдняго заздравнаго тоста на обѣдѣ, всѣ стояли опять на старыхъ мѣстахъ и въ полномъ вооруженіи.

Что-же произошло въ промежутокъ этихъ трехъ послѣднихъ лѣтъ? Собственно ничего новаго не произошло, а только повторилось въ обновленной формѣ и на другихъ, гораздо болѣе сложныхъ и продуманныхъ основаніяхъ—старое явленіе отпора Москвы цивилизаторской заносчивости Петербурга. Москва *дѣлала* консервативную оппозицію, на основаніи старыхъ началъ русской культуры,—Петербургу, провозглашавшему несостоятельность почти всѣхъ старыхъ русскихъ началъ передъ общечеловѣческими началами, т. е. передъ европейскимъ развитіемъ. Не разъ уже приходилось обѣимъ нашимъ столицамъ вступать въ борьбу на этой почвѣ, но никогда, можетъ быть, споръ между ними не захватывалъ столько вопросовъ научнаго свойства и не обнаруживалъ столько талантовъ, многосторонней образованности, хотя и принужденъ былъ, по обыкновенію, держаться на литературной, эстетической, философской и частью археологической аренѣ, и притворяться, никого, впрочемъ, не обманывая, невиннымъ споромъ двухъ различныхъ видовъ одного и того же русскаго патріотизма, а иногда даже и пустымъ разногласіемъ двухъ школьныхъ партій.

Въ сущности, дѣло тутъ шло объ опредѣленіи догматовъ для нравственности и для вѣрованій общества и о созданіи политической программы для будущаго развитія государства. Не очень точны были прозвища, взаимно даваемыя обѣими партіями другъ другу, въ видѣ эпитетовъ: *московской* и *петербургской* или *славянофильской* и *западной*,—но мы сохраняемъ эти прозвища, потому-что они сдѣлались общеупотребительными, и потому, что лучшихъ отыскать не можемъ: неточности такого рода неизбежны вездѣ, гдѣ споръ стоитъ не на настоящей своей почвѣ и ведется не тѣмъ способомъ, не тѣми словами и аргументами, какихъ требуетъ. Западники, что бы о нихъ ни говорили, никогда не отвергали историческихъ условій, дающихъ особенный характеръ цивилизаціи каждаго народа, а славянофилы терпѣли совершенную напраслину, когда ихъ упрекали въ наклонности къ уста-

новленію неподвижныхъ формъ для ума, науки и искусства. Дѣленіе партій на *московскую* и *петербургскую* можно допустить нѣсколько легче, и оно понятно, въ виду той массы слушателей, которая тамъ и здѣсь пристроилась въ одному изъ двухъ противоположныхъ ученій; но и оно не выдерживаетъ строгой повѣрки: какъ разъ къ обществу Москвы принадлежали вліятельнѣйшіе западники, какъ Чаадаевъ, Грановскій, Г. и др., а въ Петербургѣ издавался журналъ «Маякъ», который въ манерѣ защищать старые авторитеты напоминаетъ современнаго намъ, пресловутаго *Veuilleto* и можетъ назваться «*Père Duchêne*»-емъ консерватизма, преданій и идеаловъ старины. Въ Петербургѣ же сочувствіе къ славянофильству въ высшихъ слояхъ общества сказывалось много разъ и очень явственно. Мы увидимъ даже, что враждующіе имѣли еще пока чрезвычайно много точекъ соприкосновенія между собой, внослѣдствіи ими утерянныхъ, что въ средѣ ихъ существовали мысли, предметы, убѣжденія, передъ которыми умолкали разногласія. Когда я познакомился съ Г., онъ намъ читалъ только-что написанную имъ, извѣстную, остроумную параллель между Москвой и Петербургомъ. Сопоставляя упорство Москвы въ сохраненіи всяческихъ, почтенныхъ и непочтенныхъ своихъ особенностей, съ развѣсивностью Петербурга, не признающаго важности ни въ чемъ на свѣтѣ, кромѣ развѣ *приказаній*, полученнаго изъ надлежащаго источника, Г. все-таки не могъ скрыть, несмотря на всѣ свои юмористическія и саркастическія выходки, жертвой которыхъ были въ равной степени обѣ столицы наши, своего тайнаго благорасположенія къ одной, старѣйшей изъ нихъ,—благорасположенія, отъ котораго онъ не освободился и въ періодъ заграничной эмиграціи. Да онъ и не старался отъ него освободиться, а, напротивъ, какъ будто сберегалъ въ себѣ это чувство. А ужъ это-ли не былъ западникъ! Много такихъ примѣровъ благородной невыдержанности убѣжденій встрѣчается и въ другихъ лицахъ обѣихъ партій.

Тѣмъ не менѣе, борьба между партіями шла оживленная, особенно нѣсколько позднѣе и послѣ того, какъ она успѣла поставить себѣ опредѣленные цѣли; да и было за чтó бороться. Образованный русскій міръ какъ-бы впервые отчулся въ 30-мъ годамъ, какъ будто внезапно почувствовалъ невозможность жить въ томъ растерянномъ умственномъ и нравственномъ положеніи, въ какомъ оставался дотолѣ. Общество уже не слушало приглашеній отдаться просто теченію событій и молча плыть за ними, не спрашивая, куда несетъ его вѣтеръ. Всѣ люди, мало-мальски пробужденные къ мысли, принялись около этого времени искать,

съ жаромъ и алчностью голодныхъ умовъ, основъ для сознательнаго разумнаго существованія на Руси. Само собою разумѣется, что съ первыхъ же шаговъ они приведены были къ необходимости, прежде всего, добратъся до внутренняго смысла русской исторіи, до ясныхъ воззрѣній на старыя учрежденія, управлявшія нѣкогда политическою и домашнею жизнію народа и до правильнаго пониманія новыхъ учреждений, замѣнившихъ прежде бывшія. Только съ помощью убѣжденій, пріобрѣтенныхъ такимъ анализомъ, и можно было составить себѣ представленіе о мѣстѣ, которое мы занимаемъ въ средѣ европейскихъ народовъ, и о способахъ самовоспитанія и самоопредѣленія, которые должны быть выбраны нами для того, чтобы это мѣсто сдѣлать во всѣхъ отношеніяхъ почетнымъ. Все зашевелилось: исканія пошли, какъ извѣстно, съ двухъ противоположныхъ точекъ, и рано или поздно должны были привести изслѣдователей въ столкновеніе. Шумъ первыхъ ихъ споровъ и составилъ содержаніе всей эпохи нашего развитія, которая обозначается общимъ именемъ — эпохи сороковыхъ годовъ.

Люди этой эпохи не разъ уже обывались, даже и при ихъ жизни, пустыми идеалистами, не способными вывести за собой ни малѣйшей реформы, измѣнить въ чемъ-либо окружающаго ихъ строя жизни. Замѣчательно, что идеалисты сороковыхъ годовъ сами почти соглашались съ своими судьями и постоянно твердили, даже и печатно, что поколѣнію ихъ, какъ переходному, суждено только приготовить матеріалы для реформъ и измѣненій. О доброкачественности и пригодности этихъ матеріаловъ только и шелъ у нихъ весь споръ. А что споръ былъ не совсѣмъ безплоденъ — это доказывается сѣменами развитія, которыя онъ заложилъ, просочивъ всѣ слои тогдашняго образованнаго общества, и которыя вышли на свѣтъ, даже и послѣ систематическаго искорененія ихъ въ 1848 году, еще полными силы и жизни въ двухъ великихъ реформахъ настоящаго царствованія. Никто, полагаемъ, не станетъ опровергать, что начала русской народной культуры, замѣтныя въ крестьянской реформѣ, и начала европейскаго права, открывающіяся въ судебной — приготовлены были издавна тѣмъ самымъ споромъ, о которомъ говоримъ. Можно пожелать и всѣмъ нынѣшнимъ предметамъ споровъ такой же завидной исторической участи.

XVII.

Однимъ изъ важныхъ борцовъ въ плодотворномъ диспутѣ, завязавшемся тогда на Руси, былъ Г. Признаться сказать, меня ошеломилъ и озадачилъ, на первыхъ порахъ знакомства, этотъ необычайно подвижный умъ, переходившій съ неистощимымъ остроуміемъ, блескомъ и непонятной быстротой отъ предмета къ предмету, умѣвшій схватить и въ складѣ чужой рѣчи, и въ простомъ случаѣ изъ текущей жизни, и въ любой отвлеченной идее ту яркую черту, которая даетъ имъ фнѳіономію и живое выраженіе. Способность къ поминутнымъ, неожиданнымъ сближеніямъ разнородныхъ предметовъ, которая питалась, во-первыхъ, тонкой наблюдательностью, а во-вторыхъ и весьма значительнымъ капиталомъ энциклопедическихъ свѣдѣній, была развита у Г. въ необычайной степени,—такъ развита, что подъ конецъ даже утомляла слушателя. Неугасающій фейерверкъ его рѣчи, неистощимость фантазіи и изобрѣтенія, какая-то безоглядная расточительность ума — приводили постоянно въ изумленіе его собесѣдниковъ. Послѣ всегда горячѣй, но и всегда строгой, послѣдовательной рѣчи Бѣлинскаго, скользящее, безпрестанно перерождающееся, часто парадоксальное, раздражающее, но постоянно умное слово Г. требовало уже отъ собесѣдниковъ, кромѣ напряженнаго вниманія, еще и необходимости быть всегда наготовѣ и вооруженнымъ для отвѣта. За то уже никакая пошлость или вялость мысли не могли выдержать и полчаса сношеній съ Г., а претензіи, напыщенность, педантическая важность просто бѣжали отъ него или таяли передъ нимъ, какъ воскъ передъ огнемъ. Я знавалъ людей, преимущественно изъ такъ-называемыхъ серьезныхъ и дѣльныхъ, которые не выносили присутствія Г. За то были и люди, даже между иностранцами, въ эпоху его заграничной жизни, для которыхъ онъ скоро дѣлался не только предметомъ удивленія, но страстныхъ и слѣпыхъ привязанностей.

Почти такіе же результаты постоянно имѣла и его литературная, публицистическая дѣятельность. Качества первокласснаго русскаго писателя и мыслителя—Г. обнаружилъ очень рано, съ перваго появленія своего на арену свѣта, и сохранилъ ихъ въ теченіи всей жизни, даже и тогда, когда заблуждался. Вообще говоря, мало встрѣчается на свѣтѣ людей, которые бы умѣли сберегать, подобно ему, право на вниманіе, уваженіе и изученіе въ то самое время, когда онъ отдавался какому-либо увле-

ченію. Ошибки и заблужденія его носили еще на себѣ печать мысли, отъ которой нельзя было отдѣлаться однимъ только презрѣніемъ или отрицаніемъ ея. Этой стороною своей дѣятельности онъ походилъ на Бѣлинскаго, но Бѣлинскій, постоянно витавшій въ области идей, не имѣлъ вовсе способности угадывать характера людей, при встрѣчѣ съ ними, и не обладалъ злымъ юморомъ психолога и наблюдателя жизни. Г., наоборотъ, какъ будто родился съ критическими наклонностями ума, съ качествами обличителя и преслѣдователя темныхъ сторонъ существованія. Это обнаружилось у него съ самыхъ раннихъ поръ, еще съ московскаго періода его жизни, о которомъ говоримъ. И тогда Г. былъ умомъ въ высшей степени непокорнымъ и неуживчивымъ, съ врожденнымъ, органическимъ отвращеніемъ ко всему, что являлось въ видѣ какого-либо установленнаго правила, освященнаго общимъ молчаніемъ о какой-либо въ умѣ представляемой истинѣ. Въ такихъ случаяхъ хищническія, такъ-сказать, способности его ума поднимались цѣликомъ и выходили наружу, поражая своею ѣдкостью, изворотливостью и находчивостью. Онъ жилъ въ Москвѣ на Сивцовомъ-Вражѣ еще невѣдомымъ для публики лицомъ, но уже приобрѣлъ извѣстность въ кругу своемъ, какъ остроумный и опасный наблюдатель окружающей его среды; конечно, онъ не всегда умѣлъ держать подъ спудомъ тайну тѣхъ слѣдственныхъ протоколовъ, тѣхъ послужныхъ списковъ о близкихъ и дальнихъ личностяхъ, какіе велъ въ умѣ и про себя. Люди, безпечно стоявшіе съ нимъ объ руку, не могли не изумляться, а подчасъ и не сердиться, когда отрывались тѣ или другія части этой невольной работы его духа. Къ удивленію, вмѣстѣ съ нею уживались въ немъ самыя вѣжныя, почти любовныя отношенія къ избраннымъ друзьямъ, не избавленнымъ отъ его анализа, но тутъ дѣло объясняется уже другою стороною его характера.

Какъ бы для восстановленія равновѣсія въ его нравственной организаціи, природа позаботилась, однако же, вложить въ его душу одно неодолимое вѣрованіе, одну непобѣдимую наклонность: Г. вѣровалъ въ благородныя *инстинкты* человѣческаго сердца, анализъ его умиралъ и благоговѣлъ передъ инстинктивными побужденіями нравственнаго организма, какъ передъ единственной, несомнѣнной истиной существованія. Онъ высоко цѣнилъ въ людяхъ благородныя, страстныя увлеченія, какъ бы ошибочно они еще ни помѣщались, и никогда не смѣялся надъ ними. Эта двойная, противорѣчивая игра его природы — подозрительное отрицаніе, съ одной стороны, и слѣпое вѣрованіе—съ другой,

возбуждали частныя недоумѣнія между нимъ и его кругомъ и были поводомъ къ спорамъ и объясненіямъ; но именно въ огнѣ такихъ пререканій, до самаго его отъѣзда за-границу, привязанности къ нему еще болѣе закалялись, вмѣсто того, чтобы разлагаться. Оно и понятно почему: во всемъ, что тогда думалъ и дѣлалъ Г., не было ни малѣйшаго признака лжи, какого-либо дурного, скрыто-вскормленнаго чувства или расчетливаго коварства; напротивъ, онъ былъ всегда весь цѣликомъ въ каждомъ своемъ словѣ и поступкѣ. Да была и еще причина, заставлявшая прощать ему даже иногда и оскорбленія,—причина, которая можетъ показаться неѣроятной для людей, его незнакомыхъ.

При стойкомъ, гордомъ, энергическомъ умѣ, это былъ совершенно мягкій, добродушный, почти женственный характеръ. Подъ суровой наружностью сентинеля и эпиграмматиста, подъ прикрытіемъ очень мало церемоннаго и нисколько не застѣнчиваго юмора, жило въ немъ дѣтское сердце. Онъ умѣлъ быть какъ-то угловато нѣженъ и деликатенъ, а при случаѣ, когда наносилъ слишкомъ сильный ударъ противнику, умѣлъ тотчасъ же принести ясное, хотя и подразумеваемое покаяніе. Особенно начинающіе, ищущіе, пробующіе себя люди находили источники бодрости и силы въ его совѣтахъ: онъ прямо принималъ ихъ въ полное общеніе съ собой, съ своей мыслью, что не мѣшало его разлагающему анализу производить подчасъ надъ ними очень мучительные психическіе эксперименты и операціи. Говорить ли о странной аномаліи? Онъ самъ чувствовалъ эту струну добродушія въ себѣ и принималъ мѣры, чтобы она звучала не слишкомъ явственно. Самолюбіе его словно было оскорблено при мысли, что, кромѣ ума и способностей, у него могутъ еще подмѣтить и доброту сердца. Ему случалось насильственно ломать природный свой характеръ, чтобы на нѣкоторое время казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ созданъ, а человекомъ свирѣпаго закала; но капризы эти длились не долго. Другое дѣло было, когда онъ попалъ за-границу и увѣрился въ партіи движенія: тамъ онъ принялся за переработку своего характера очень серьезно. Нельзя было оставаться въ средѣ и во главѣ европейскихъ демократовъ, сохраняя ту же откровенность въ приемахъ жизни и обхожденія, какъ въ Москвѣ. Одно это могло уже уронить человека передъ клубнымъ и социалистическимъ персоналомъ, который охотно пользуется добродушіемъ, но весьма мало цѣнитъ его. Г. принялся гримироваться для новой своей публики въ человека, носящаго на себѣ тяжесть громаднаго политическаго мандата и призванія, между тѣмъ, какъ въ сущ-

ности его занимали всѣ разнообразнѣйшія идеи науки, искусства, европейской культуры и поэзіи, потому-что онъ былъ по-своему также и поэтъ. Слѣды этой неблагодарной работы надъ собой оказались особенно послѣ того, какъ первыя попытки его помочь русскому обществу въ работѣ совлеченія съ себя одежду *ост-зю* чловѣка—встрѣтили общее сочувствіе: онъ выработалъ изъ себя неузнаваемый типъ. Какая готовность попать всѣ связи и воспоминанія симпатіи въ интересахъ абстрактнаго либерализма, какое надменное легковѣріе въ приѣмѣ новѣстій, льстящихъ личному настроенію и ему поддакивающимъ, и какое неуспѣшное стояніе на караулѣ при всякомъ чувствіи своемъ, при всякой частной и національной склонности, чтобы оно не исказило величественнаго облика, какой подобаетъ безстрастному чловѣку, олицетворяющему судьбу народовъ! Впрочемъ, надо сказать, что Г. никогда вполне не достигалъ цѣли своихъ стараній. Онъ не успѣлъ выворотить себя на изнанку, а успѣлъ только перепортить себя. Онъ успѣлъ еще и въ другомъ—онъ нажилъ себѣ безвыходное страданіе, и если чья судьба можетъ назваться трагической, то, конечно, именно его судьба, подъ конецъ жизни. По необычайно-пылливому и проникательному уму онъ разобралъ до послѣдней пылинки ничтожество, пошлость и комическую сторону большинства корифеевъ европейской пропаганды и, однакожъ, слѣдовалъ за ними ¹⁾. По живому нравственному чувству, которое ему было обще съ Бѣлинскимъ, Грановскимъ и со всей русской эпохой 40-хъ годовъ, онъ возмущался безстыдствомъ, цинизмомъ мысли и поступковъ у *сво-бодныхъ* людей, собравшихся подъ однимъ съ нимъ знаменемъ, и бережно таилъ свое отвращеніе. Со всѣмъ тѣмъ, товарищи его, руководимые чутьемъ самосохраненія, отгадали въ немъ врага и обратили на него свое обычное оружіе — клевету, сплетню, диффамацию, пасквили. Г. остался одинъ ²⁾. Но до всего этого было еще далеко. Когда я узналъ его, Г. былъ въ полномъ

¹⁾ Мнѣ вспомнился при этомъ характеристическій анекдотъ. Послѣ 1848 г. одинъ изъ русскихъ эмигрантовъ С* вздумалъ составить альбомъ изъ портретовъ тогдашней немногочисленной русской эмиграціи, которую называли *настоящей Россіей*. Онъ обратился къ Г. за портретомъ. „Я согласенъ дать, — отвѣчалъ Г., мой портретъ въ коллекцію, но съ тѣмъ, чтобы въ нее былъ принятъ и сотоварищъ мой—христіанской лакей, недавно убжавшій отъ своего барина въ Парижъ“.

²⁾ Къ числу поэтическихъ страницъ, какихъ у Г. много, принадлежитъ описаніе его послѣдняго путешествія въ Неаполь и посѣщенія тамъ монастыря кармелитовъ. Горькія, глубоко-печальныя и трогательныя мысли, внушенныя ему тихимъ монастыремъ, показываютъ состояніе его души и принадлежать къ драгоценнымъ автобіографическимъ остаткамъ, которыми слѣдуетъ дорожить по справедливости.

блескъ молодости, исполненъ надеждъ на себя, составляя гордость и утѣшеніе своего круга. Въ эпоху первыхъ публичныхъ лекцій Грановскаго, онъ волновался, писалъ о нихъ статьи и торжествовалъ успѣхъ своего друга такъ шумно, что, казалось, будто празднуетъ свой собственный юбилей ¹⁾.

А, между тѣмъ, связи его съ Т. Н. Грановскимъ начались далеко не подъ счастливыми предзнаменованиями. Замѣчательно то обстоятельство, что зародыши различныхъ направлений и первые ростки ихъ показались у насъ какъ-то за-разъ въ концѣ 30-хъ годовъ и начала сороковыхъ. Едва началось страстное изученіе нѣмецкой философіи съ той *положительной* ея стороны, о которой мы говорили, какъ на скамьяхъ московскаго университета уже сформировался кружокъ молодыхъ людей, обратившихъ вниманіе не на философскіе, а на социальныя вопросы, поклонявшіеся не Гегелю, а Сентъ-Симону (1834). Во главѣ кружка стоялъ юноша, студентъ естественно-математическаго факультета, будущій кандидатъ его—именно, этотъ самый Г. Онъ позже говорилъ мнѣ, что и онъ, и его молодая партія смотрѣли очень подозрительно на Станкевича и Грановскаго, отбывались враждебно и насмѣшливо объ ихъ занятіяхъ, какъ о пріятномъ препровожденіи времени, найденномъ досужими людьми. Г. носился, на первыхъ порахъ, со своимъ Сентъ-Симономъ, какъ съ кораномъ, и рассказываетъ въ собственныхъ запискахъ, что, являсь однажды въ Н. А. Полевою, назвалъ его *отсталымъ* человекомъ за равнодушный отзывъ о реформаторѣ. Н. А. Полевой грустно и гнѣвно замѣтилъ: «Вотъ и трудись всю жизнь, чтобы первый мальчишъ назвалъ тебя никуда не годнымъ. — Погодите,—прибавилъ онъ пророчески,—то же будетъ и съ вами». Покамѣстъ въ умѣ молодого социалиста жило полное презрѣніе къ чистому мышленію и къ его представителямъ на Руси. Это такъ вѣрно, что когда Г. возвратился изъ первой своей Вятско-Владимірской жизни (1839 г.) въ Москву, кружокъ нашихъ философствующихъ принялъ его довольно холодно и не скрылъ, что считаетъ его чело-

¹⁾ Горачія статьи его о Грановскомъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1844 и въ „Москвитинѣ“, 1844, еще и тѣмъ были замѣчательны, что онъ протягивалъ въ нихъ руку славянской партіи, предлагая миръ на честныхъ условіяхъ. Вотъ что выговаривалъ онъ у нея для своихъ единомышленниковъ: „Нѣтъ положенія объективное относительно промежутнаго Европи, какъ положеніе русскаго. Конечно, чтобы воспользоваться имъ, недостаточно быть русскимъ, а надобно достигнуть *общечеловѣческаго* развитія, надобно именно не быть исключительно русскимъ, т.-е. понимать себя не противоположнымъ зап. Европѣ, а братственнымъ“ („Москвитинъ“ 1844 г., № 7). Партія славянофиловъ отчасти приняла эти условія мира, какъ увидимъ, но съ оговорками, много ихъ измѣнившими.

вѣкомъ еще не развитымъ и отсталого образа мыслей. Обстоятельство это и заставило Г. обратиться къ источнику благодати, къ изученію Гегеля, которымъ дотогѣ пренебрегаль. Открытіе, сдѣланное имъ тогда, имѣло важныя послѣдствія. Онъ усмотрѣлъ въ системѣ учителя совсѣмъ не то, что видѣли его новые друзья. Онъ признавалъ совпаденіе исторіи и человѣческаго прогресса съ ходомъ идеи, развивающейся діалектически въ логикѣ Гегеля, но думалъ, что моменты видоизмѣненія этой идеи соответствуютъ только общественнымъ и религіознымъ переворотамъ исторіи. Поступательные шаги въ человѣчествѣ, по этому толкованію, обнаруживаются тогда, когда какой-либо изъ историческихъ народовъ начинаетъ мѣнять старыя основы своей жизни. Тогда только и наступаютъ минуты реального осуществленія прогрессивныхъ идей въ исторіи. На этихъ, такъ-сказать, постоянныхъ, но и феноменальныхъ, случайныхъ протестахъ человѣчества и зиждется возможность признать единство эволюцій и логической идеи съ историческими явленіями, а не на основаніи естественнаго, рокового и неизбѣжно-прогрессивнаго хода человѣческаго развитія. Способъ такого пониманія допускался системой Гегеля наравнѣ съ другими: стоило только перевести идеи для этого проявленія изъ одного разряда фактовъ въ другой. Г. привлекъ къ своему образу пониманія и старовѣровъ философіи. Оказалось, что, выступивъ на литературное и жизненное поприще съ враждебнымъ настроеніемъ противъ лучшаго, существовавшаго тогда круга людей, Г. не только сошелся и сговорился съ нимъ, но и сталъ впереди его, какъ авторитетъ, въ вопросахъ отвлеченнаго мышленія. Философія сдѣлалась въ его рукахъ оружіемъ крайне острымъ и далеко берущимъ, но славянская партія выставила противъ нея другое, тоже хорошо испробованное оружіе. Такимъ образомъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, послѣ короткой размолвки, Бѣлинскій, Грановскій, Г. и др. были уже слючены единствомъ стремленій, и хотя внутренніе раздоры продолжали еще, отъ времени до времени, возникать между ними, но при общности принциповъ и особенно въ виду опаснаго врага, славянофильской партіи, они уже никогда не расходились такъ, чтобы не слышать голоса другъ друга и не отвѣчать на призывъ товарища.

XVIII.

Не будучи постояннымъ жителемъ Москвы и посѣщая ее случайно, чрезъ довольно долгіе промежутки времени, я не имѣлъ чести познакомиться съ домомъ Елагиныхъ, который, состоя изъ хозяйки, А. П. Елагиной, племянницы В. А. Жуковского, сыновей ея отъ перваго мужа, извѣстныхъ братьевъ П. В. и И. В. Кирѣевскихъ, и семейства, приобретеннаго въ послѣднемъ бракѣ,—былъ любимымъ мѣстомъ соединенія ученыхъ и литературныхъ знаменитостей Москвы, а по тону сдержанности, гуманности и благосклоннаго вниманія, въ немъ царствовавшему, представлялъ нѣчто въ родѣ замиренной почвы, гдѣ противоположныя мнѣнія могли свободно высказываться, не опасаясь засады, выходокъ и оскорбленій для личности препирающихся. Почтенный домъ этотъ имѣлъ весьма замѣтное вліяніе на Грановскаго, Г. и многихъ другихъ западниковъ, усердно посѣщавшихъ его: они говорили о немъ съ большимъ уваженіемъ. Можетъ быть, ему они и обязаны были нѣкоторой умѣренностью въ сужденіяхъ по вопросамъ народнаго быта и народныхъ вѣрованій,—умѣренностью, которой не зналъ уединенно стоявшій и дѣйствовавшій Бѣлинскій, называвшій ее прямо любезностію чайнаго столика. Обратное дѣйствіе западниковъ на московскихъ славянофиловъ, составлявшихъ большинство въ обществѣ Елагинскаго дома, тоже не подлежитъ сомнѣнію. Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ ему право на почетную страницу въ исторіи русской литературы, наравнѣ съ другими подобными же оазисами, куда срывалась русская мысль въ тѣ эпохи, когда не доставало еще органовъ для ея проявленія¹⁾.

Я самъ имѣлъ случай видѣть примѣръ воздѣйствія на Г. бесѣды съ людьми другого настроенія, несходнаго съ его собственнымъ, хотя въ примѣрѣ, который хочу привести, слышится также и отголосокъ его прежняго обхожденія съ социальными вопросами. Въ одно изъ утреннихъ мовхъ посѣщеній Г., въ мезонинѣ его дома на Сивцовомъ-Вражкѣ, гдѣ помѣщался его кабинетъ, онъ заговорилъ о презрѣніи, которое выражено было Бѣлинскимъ

¹⁾ Мы слышали, впрочемъ, что собранія въ домѣ Елагиныхъ все-таки должны были прекратиться подъ конецъ, вслѣдствіе все болѣе и болѣе возраставшей горячности споровъ между встрѣчавшимися тамъ людьми обихъ партій. Довольно привести одинъ примѣръ: въ 1845 г. разнища въ сужденіяхъ о памфлетѣ Н. М. Янкова: „Не наши“, и о поступкѣ автора, его написавшаго, чуть не вызвали дуэли между В. В. Кирѣевскимъ и Т. Н. Грановскимъ, едва устранившею друзьями ихъ.

въ мужицкому быту вообще, названному имъ «*лапотой и сермяжкою дѣйствительностью*». Фраза находилась въ разборѣ какой-то пустой книжонки съ разсказами изъ народной жизни, грубо и комически идеализированной авторомъ. «Книжка книжкой, — говорилъ Г., — но отъ нея неостороженъ и самъ по себѣ, и тѣмъ, что даетъ потачку журналу считать себя большимъ баринкомъ передъ народомъ. За что презиралъ лапотъ и сермяжку? Вѣдь онъ не болѣе, какъ признакъ крайней бѣдности, вопиющаго недостатка. Можно ли дѣлать изъ нихъ поворные эпитеты, а между тѣмъ такіе эпитеты стали распложаться въ журналѣ. Мнѣ иногда бываетъ очень трудно защищать его. Я, напримѣръ, ничего не нашелъ отвѣтить Хомякову, когда онъ, подобравъ эти фальшивыя ноты, замѣтилъ: — «хоть бы вы растолковали редактору, что онъ ходитъ въ сапогахъ потому только, что у него есть подписчики на «Отечественныя Записки», а не будь у него подписчиковъ на «Отечественныя Записки», и онъ не далеко бы ушелъ отъ лапотника».

Т. Н. Грановскій, по временамъ, также смотрѣлъ не со всѣмъ одобрительно на нѣкоторые полемическіе выходы Бѣлинскаго, особенно на тѣ, которыми затрогивались личности писателей, но ни онъ, ни Г. уже не допускали и мысли о потворствѣ славянско-народной партіи въ ея жалобахъ на безцеремонность критика — жалобахъ, имѣвшихъ постоянно въ виду его анализъ прошлыхъ и настоящихъ литературныхъ «*славъ*» Россіи. Въ мнѣніяхъ объ этихъ, такъ-называемыхъ, *славахъ* они почти постоянно сходились съ критикомъ. Не далѣе какъ въ 1842 г., Бѣлинскій, возмущенный тѣмъ, что одинъ изъ московскихъ профессоровъ не иначе смотрѣлъ на его изслѣдованія въ области литературы, какъ на преступленія противъ величества русскаго народа (*lèse-nation*), написалъ довольно злой и остроумный памфлетъ, подъ названіемъ «Педантъ», въ которомъ осмѣивалъ славы стороны мнѣній и приемовъ своего черезчуръ желчнаго противника. Памфлетъ имѣлъ большой успѣхъ и, разумѣется, раздражилъ до-нельзя того, кто послужилъ ему оригиналомъ. Вѣроятно, полагая возможнымъ требовать отъ Грановскаго важныхъ уступокъ на основаніи знакомства по университету и дому Елагинныхъ, обиженный предложилъ ему, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, довольно надменный вопросъ: «Неужели послѣ такой статьи онъ, Грановскій, еще рѣшится подать публично руку Бѣлинскому, при встрѣчѣ?» — «Какъ! подать руку? — отвѣчалъ Грановскій, вспыхнувъ: — На площади обниму ¹⁾». Говоря вообще,

¹⁾ Разсказъ Бѣлинскаго.
Томъ II. — Мартъ, 1880.

Бѣлинскій былъ, если можно такъ выразиться, смутителемъ московской жизни: безъ его раздражающаго слова, можетъ быть, она сохранила бы долѣе тотъ наружный видъ вящаго разномыслія, неисключающаго мягкихъ и дружелюбныхъ отношеній между спорящими, который составлялъ ея отличіе въ первый періодъ великой литературной распри, завязавшейся у насъ. Бѣлинскій, рѣшительными афоризмами и прогрессивно-растущей смѣлостью своихъ заключеній, ставилъ ежеминутно, такъ-сказать, на барьеръ своихъ московскихъ друзей со своими врагами въ Москвѣ. Первый, почувствовавшій несообразность положенія людей, наговачающихся какъ можно приличіе и ласковѣ наносить другъ другу если не смертельныя, то очень тяжелыя раны, былъ благороднѣйшій и послѣдовательнѣйшій Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Правда и то, что для него славянизмъ и русская народная жизнь составляли болѣе, чѣмъ доктрину или ученіе, защищать которыхъ обязываетъ честь: славянизмъ и народный русскій строй жизни сдѣлались жизненными основами его существованія и кровію его самого. Г. рассказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ встрѣтившись на улицѣ, К. С. Аксаковъ трогательно распрощался съ нимъ навсегда, не признавая въ немъ болѣе товарища на жизненномъ пути. Съ Грановскимъ дѣло было еще знаменательнѣе. К. С. Аксаковъ пріѣхалъ къ нему ночью, разбудилъ его, бросился къ нему на шею и, вѣрно сжимая въ своихъ объятіяхъ, объявилъ, что пріѣхалъ къ нему исполнить одну изъ самыхъ горестныхъ и тяжелыхъ обязанностей своихъ—разорвать съ нимъ связи и въ послѣдній разъ проститься съ нимъ, какъ съ потеряннымъ другомъ, несмотря на глубокое уваженіе и любовь, какія онъ питаетъ къ его характеру и личности. Напрасно Грановскій убѣждалъ его смотрѣть хладнокровнѣе на ихъ разномыслія, говорилъ, что, кромѣ идей славянства и народности, между ними есть еще другія связи и нравственныя убѣжденія, которыя не подвержены опасности разрыва,—К. С. Аксаковъ остался непреклоненъ и уѣхалъ отъ него сильно взволнованный и въ слезахъ ¹⁾. Тогда еще у насъ ученіе и взгляды порождали внутреннія интимныя драмы.

Въ домѣ же Елагиной, Г. встрѣчался съ постояннымъ своимъ оппонентомъ А. С. Хомяковымъ, въ которомъ чрезвычайно уважалъ собственную свою способность усматривать въ мысляхъ и фактахъ присущую имъ отрицательную сторону, ихъ немощи и болѣзни, и потому искалъ диспутовъ и столкновеній съ против-

¹⁾ Рассказъ Т. Н. Грановскаго.

никогда такой силы, такой эрудиции и такого остроумия. Въ это время Г. уже напечаталъ свою извѣстную, очень живую, хотя и отвлеченно-философскую статью: «Дилеттантизмъ въ наукѣ» («Отечеств. Записки», 1842 г.), въ которой давалъ право наукѣ несколько не беречь дорогихъ преданій, убѣждений, облегчающихъ существованіе людей и народовъ на землѣ, и уничтожать ихъ безъ робости, какъ только они противорѣчатъ въ чемъ-либо ее собственнымъ научнымъ основаніямъ. Въ этомъ правѣ науки онъ находилъ и ее отличие отъ дилеттантства, равно неспособнаго отдаться младенческой душой поэзіи народныхъ измышленій и слѣдовать неуклонно по пути анализа и строгаго изслѣдованія предметовъ. Этими качествами дилеттантства и объясняется его природная способность мѣшать всѣмъ дойти до окончательныхъ выводовъ, подъ предлогомъ дружелюбной помощи каждой изъ сторонъ. Взвѣсивъ и въ вознагражденіе какихъ-либо утратъ въ жизни, авторъ сузилъ отъ имени науки рядъ высокихъ наслажденій ума и такихъ здравыхъ убѣждений, которыя съ избыткомъ вознаграждать за все, что могло быть потрясено или уничтожено ею. Статья обнаруживала страстную, полнѣйшую вѣру во всемогущество науки, подъ которой разумѣлась все-таки философія естествознанія, и, несмотря на нѣсколько тяжелый языкъ, была глубоко-радикальной статьей по своему содержанію. При первой встрѣчѣ съ А. С. Хомяковымъ, Г. наткнулся, въ противоположность своему философскому радикализму, на другой, тоже полнѣйшій радикализмъ, но совсѣмъ иного вида.

Г. рассказалъ самъ, въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ изданій, часть тѣхъ споровъ его съ Хомяковымъ, которыя касались преимущественно строя, духа и основаній нѣмецкой философіи. Изъ этихъ сообщеній ясно оказывается, что главнѣйшимъ аргументомъ Хомякова противъ Гегелевой системы служило положеніе, что изъ разбора свойствъ и явленій одного *разума*, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ, не менѣе важныхъ нравственныхъ силъ человѣка, никакой философіи, заслуживающей этого имени, выведено быть не можетъ. О другой части своихъ споровъ съ Хомяковымъ — теозофской, Г. едва упоминаетъ въ запискахъ, можетъ быть потому, что она казалась ему гораздо менѣе важной, чѣмъ первая, но позволительно теперь не согласиться съ его мнѣніемъ.

Основнымъ, хотя еще и невысказываемымъ ясно поводомъ къ этой второй части ихъ диспутовъ послужило, предпринимаемое тогда А. С. Хомяковымъ, восстановленіе (реабилитация) византизма, столь опозореннаго между учеными на Западѣ. Способъ пони-

манія и приложенія его нашими прямыми, натуральными его защитниками—наставническимъ персоналомъ духовныхъ семинарій и академій, увеличивалъ еще отвращеніе къ нему. Съ извѣстнаго письма Чаадаева, однакожь, въ 1836 году, въ которомъ византизмъ объявлялся источникомъ умственного и политическаго растлѣнія всей Россіи и предавался чуть-чуть не проклятiю исторіи, уже нельзя было обойти вопроса о византизмѣ всякому, кто захотѣлъ бы сообщить своимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ видъ критически обсуженнаго и рассмотрѣннаго дѣла. А. С. Хомяковъ не только не обходилъ вопроса, но настойчиво примѣшивалъ его ко всѣмъ явленіямъ жизни и къ такимъ сферамъ дѣятельности человѣческой, гдѣ его присутствіе всего менѣе ожидалось, вездѣ давая ему, подъ рукою, роль мѣрила истины, добра и красоты. Ключъ къ пониманію многихъ крайне оригинальныхъ мнѣній и приговоровъ школы Хомякова, которые шли наперекоръ всѣмъ добытымъ фактамъ и положеніямъ, лежить именно въ изобрѣтеніи и употребленіи этого новаго критеріума для оцѣнки историческихъ явленій. Тезисы и положенія ея въ родѣ того, что религиозная сторона западнаго искусства и преимущественно до-рафаэлевской живописи есть произведеніе слабосильнаго мистицизма, а не прямого христіанскаго созерцанія, что привлекательный идеалъ стараго русскаго правителя представляетъ намъ царь Ѳеодоръ Ивановичъ въ своей особѣ, а прекрасный типъ правленія въ народномъ духѣ являетъ царствованіе Елизаветы Петровны въ новой нашей исторіи,—всѣ эти тезисы, говоримъ, и другіе, еще болѣе смѣлые и странные, оттого и приводили въ такое недоумѣніе противниковъ школы Хомякова, что они не вполне знали ея тайну и не обладали ключомъ къ разбору этихъ загадокъ.

Что Хомяковъ былъ добросовѣстенъ и вѣровалъ въ свои начала—о томъ не можетъ быть и слова, но позволительно думать вмѣстѣ съ тѣмъ, что его уму, преимущественно діалектическому, идея поднять знамя византизма, передѣлать приговоръ исторіи, поворотить общее мнѣніе назадъ—могла имѣть свою обольстительную сторону. Какъ бы то ни было, объявляя византизмъ великимъ и еще не вполне оцѣненнымъ явленіемъ въ человѣчествѣ, А. С. Хомяковъ тѣмъ самымъ отрицалъ и уничтожалъ громадную массу историческихъ, критическихъ и теологическихъ трудовъ Запада, враждебныхъ восточной цивилизаціи, понижалъ его кичливость и многіе предметы его гордости, какъ напримѣръ, эпохи «реформаціи» и «возрожденія», до смысла второстепенныхъ и даже болѣзненныхъ явленій человѣческой

мысли. Реформація была для него жалкой попыткой западныхъ народовъ исправить религію, прямыя источники которой засыпаны католицизмомъ на-глухо, а эпоха «возрожденія», ей предшествовавшая, отчаяннымъ призывомъ, со стороны тѣхъ же народовъ языческаго міра, на помощь для созданія у себя чего-либо похожаго на науку, искусство и цивилизацію. Положительная сторона въ защитѣ всеспасающаго византизма основывалась у него на представленіи и пониманіи церковнаго восточнаго ученія, какъ такого, которое допускаетъ полную свободу мысли при неограниченномъ авторитетѣ политическаго или церковнаго догмата. А. С. Хомяковъ нисколько не стѣснялся исторіей византійской имперіи, которая могла противорѣчить этому положенію. Во-первыхъ, для него дѣльной, безпристрастной исторіи византійскихъ грековъ вовсе не существовало на свѣтѣ, и все, что выдается за ихъ исторію въ Европѣ, представлялось ему чуть ли не сплошной клеветой или жалкимъ недоразумѣніемъ, а во-вторыхъ, она не могла бы служить ни подтвержденіемъ, ни опроверженіемъ его мысли, если бы и существовала. Начала, лежавшія въ основѣ восточнаго христіанства, были такъ глубоки и высоки, что политическое и общественное развитіе самой страны за ними не поспѣвало. Можно себѣ представлять раслабленіе константинопольскаго двора, общественныхъ нравовъ и государственныхъ порядковъ въ какомъ угодно видѣ, но духъ и созерцаніе, хранимое церковью народа и переданное ею вѣкамъ, все-таки остается единственнымъ фундаментомъ, на которомъ можетъ быть утверждено великое, образованное и нравственное—христіанское государство. Въ византійской имперіи ея церковное ученіе и есть настоящая ея исторія, ея мысль и ея право на благодарность народовъ. Въ позднѣйшихъ брошюрахъ, которыя А. С. Хомяковъ издавалъ за границей, въ пятидесятыхъ годахъ, подъ псевдонимомъ «Ignotus», содержится изложеніе главныхъ пунктовъ этого ученія и вытекающаго изъ нихъ взгляда на взаимныя отношенія народа къ своимъ іерархамъ и властямъ въ христіанской общинѣ. Восточное христіанство даже рядомъ и на зло азіатскому деспотизму, иногда становившемуся во главѣ его, сберегло представленіе о собраніи вѣрныхъ, какъ прототипъ государства, гдѣ каждый зависитъ отъ cadaго, и гдѣ каждый есть въ одно время и подначальное, и руководящее лицо. Оно допускало фактически, но не знало въ принципѣ дѣленія людей на учителей и учениковъ, на обязанныхъ повелѣвать и обязанныхъ повиноваться, потому что всѣ люди имѣли одно назначеніе—служить *церкви*,—и малѣйшій изъ нихъ могъ стать рядомъ

съ превознесеннымъ членомъ въ теченіи этой непрерывной службѣ и по ея требованію. Самые догматы, выработанныя восточнымъ христіанствомъ, при всемъ своемъ характерѣ непререкаемости и неизмѣнности, еще нисколько не стѣсняють свободы движенія для философской мысли, благодаря полученной ими въ «соборахъ» глубинѣ и всеобъемлемости: они облачаютъ человѣческое разумѣніе со всѣхъ сторонъ, какъ атмосфера или небо облачаютъ нашу землю. Сверхъ того, философія, не чуждающаяся теологическихъ истинъ, нравственныхъ и бытовыхъ вопросовъ, такая, зачатки которой находятся въ византійскихъ учителяхъ, отвѣчаетъ точно также на требованія сердца, какъ и на запросы самаго тонкаго метафизическаго анализа, и по этому двойственному характеру она именно и должна, рано или поздно, пустить живые отпрыски во всѣ виды науки, освѣщать и обновить умственный бытъ Европы.

Въ такому великому дѣлу обновленія западнаго, въ нравственномъ смыслѣ, европейскаго существованія призвана та національность, которая судьбами исторіи и Провидѣнія сдѣлалась наслѣдницей и представительницей византизма въ мірѣ, какова бы, впрочемъ, ни была поамѣсть бѣдная, смиренная, приниженная доля этой избранной національности.

Болѣе отвлеченнаго радикальнаго мышленія нельзя было противопоставить философскому радикализму Г., и послѣдній сознавался, что А. С. Хомяковъ заставилъ его прочесть волюминныя исторіи Неандера и Гфррера и особенно изучать исторію вселенскихъ соборовъ, мало знакомую ему, для того, чтобы восстановить нѣкотораго рода равновѣсіе въ спорѣ съ противникомъ и имѣть возможность погнѣять обильныя ссмысли Хомякова на каноны и параграфы соборныхъ постановленій, которыми онъ сныпалъ на память, противопоставляя ихъ точнымъ нѣмецкимъ тезисамъ Г.

Если основное положеніе Хомякова, точка исхода всей его системы, имѣла такой радикальный характеръ, то само собою разумѣется, что выводы, практическія приложенія, политическія, историческія и литературныя сужденія, ею обусловливаемыя, должны были еще въ сильнѣйшей степени носить отгнѣнокъ пренебреженія къ западной цивилизаціи, суроваго взгляда на ея развитіе и рѣшительнаго отрицанія большей части ея продуктовъ. Оно такъ и было. Самъ А. С. Хомяковъ прилежно слѣдилъ за ходомъ и открытіями наукъ, художествъ и даже ремеслъ въ Европѣ, будучи однимъ изъ самыхъ развитыхъ людей на Руси, но школа, имъ образованная, понеслась, какъ всегда бы-

васть, въ данномъ ей направленіи уже безъ оглядки и осторожности, сохраняемыхъ основателемъ. Все, съ чѣмъ носились тогда наши «западники», начиная отъ романовъ Ж. Занда, имѣвшихъ большой успѣхъ между ними, по социальнымъ вопросамъ, которые они поднимали, до новыхъ попытокъ къ устроению политическаго и экономическаго быта государствъ (Контъ, Прудонъ, Мишеле), — все это отстранялось школой Хомякова, какъ несостоящее вниманія. Европа объявлялась несостоятельной для здороваго искусства, для удовлетворенія высшихъ требованій человѣческой природы, для успокоенія религіозной жажды народовъ и водворенія справедливости, правотѣрности и любви между ними. Ей предназначались естественныя, финансовыя, техническія науки, великія промышленныя изобрѣтенія, созданіе громадныхъ торговыхъ и военныхъ флотовъ — словомъ, баснословныя успѣхи по всѣмъ отдѣламъ вѣдѣнія, способствующимъ матеріальной сторонѣ существованія. Она осуждалась на развитіе комфорта, роскоши, богатствъ, которыя и накопляются ею въ безмѣрномъ количествѣ. Благосостояніе Европы, безпримѣрное въ исторіи, продолжаетъ еще расти, въ ущербъ все болѣе и болѣе грубѣющему нравственному смыслу ея. Она даже закрываетъ глаза отъ встающей передъ ней смерти въ образѣ пролетаріата, который расплодился подъ ея кровомъ и грозитъ возобновленіемъ временъ варварства. Отъ европейскихъ литературъ школа Хомякова брала и помнила только подходящія мѣста изъ ихъ сатириковъ, моралистовъ и обличителей; историки и писатели Европы цѣнились по количеству упрековъ и нареканій, какіе случалось имъ проронить относительно своего времени и прошлаго ихъ отечества. Иностранная хрестоматія школы вся почти состояла изъ образцовъ этого рода, которые и цитировались ею часто и охотно. По свидѣтельству всѣхъ слышавшихъ Хомякова, онъ производилъ критику социальнаго и интеллектуальнаго положенія Европы съ особеннымъ искусствомъ, блескомъ и остроуміемъ, хотя и въ границахъ приличія и осторожности, свойственныхъ его чуткому уму. Какъ Г., со своей стороны, ни старался сдерживать и холодить его критическое воодушевленіе, онъ самъ еще не избавился отъ дѣйствія этой критики. Слова Хомякова, по нашему мнѣнію, оставили слѣды въ умѣ и сердцѣ Г. противъ его воли, можетъ быть, и отразились въ позднѣйшей его проповѣди о несостоятельности и банкротствѣ западной жизни вообще.

На пути этихъ жаркихъ преній встрѣчалось, однако же, имя, вокругъ котораго споръ шумѣлъ и гнѣвался особенно яростно, на подобіе потока, встрѣтившагося съ неподвижной скалой. Это

было имя нашего колосса, который, принимая от сената титулъ «отца отечества», сказалъ рѣчь, какъ-бы отвѣчающую изъ глубины прошлаго столѣтія на современныя волненія потомковъ: «Намъ всегда надлежитъ помнить участь Царяграда и Византійской имперіи, для того, чтобъ за пустыми занятіями не потерять своего государства». За то имя этого человѣка и причислялось наиболѣе горячими адептами школы къ разряду той вольницы, тѣхъ изгоевъ общества и ненавистниковъ русскаго быта, которыхъ во всѣ времена было много на Руси, не только между приказными и по царевымъ кружаламъ, но даже и въ почтенныхъ, но особенно строгихъ семействахъ. Эти-то изгой и произвели реформу, когда одинъ изъ гениальнѣйшихъ людей всѣхъ вѣковъ сдѣлался ихъ представителемъ и захватилъ бразды управленія московскимъ царствомъ. Радикальнѣе этого нельзя было отвѣчать западникамъ, благоговѣвшимъ передъ реформой; за то западники и мстили своимъ противникамъ, предавая съ своей стороны поруганію все, что тѣ считали святыней народнаго духа и народныхъ воспоминаній.

Въ печати, на скромномъ поприщѣ тогдашней публицистики, все это, разумѣется, являлось въ смягченномъ видѣ, высказывалось не такъ ярко и откровенно. На сцену люди выходили, за очень малыми, всѣмъ извѣстными исключеніями, нѣсколько принаряженные. Однако же слѣды домашнихъ бурь должны были отражаться и въ журнальной литературѣ, и дѣйствительно отражались. Журналъ «Москвитинъ», сдѣлавшійся эхомъ славянофильской школы, доходилъ въ защитѣ своихъ основныхъ положеній—о богатствѣ русскаго народнаго духа, о его религіозной сущности, объ элементахъ смиренія, кротости, терпѣнія, мудрости, его отличающихъ, до крайнихъ границъ увлеченія, до утвержденія, напримѣръ, что земля русская удобрялась для исторіи, не какъ земли западныхъ народовъ, кровью населеній, а только слезами ихъ. Журналъ «Отеч. Записки», сдѣлавшійся съ 1840 года центромъ соединенія для «западниковъ», въ своей проповѣди общечеловѣческаго развитія, законы котораго одинаковы, какъ они утверждали, для всѣхъ странъ, почасту простиралъ отрицаніе народныхъ отличій до степени непониманія, казавшейся напускной и предумышленной. Оба журнала вели ожесточенную полемику, и, конечно, не было недостатка съ обѣихъ сторонъ во взбалмошныхъ головахъ, въ «enfants perdus», которыхъ редакціи выпускали въ видѣ застрѣльщиковъ: они-то и производили тѣ курьезы и абсурды, которыхъ можно набрать довольно много и тутъ, и тамъ. Многіе и доселѣ еще по-

лагають, что эти курьёзы и абсурды именно и составляютъ характеристическія черты тогдашней журналистики, но раздѣлять этотъ взглядъ не предстоитъ возможности. За обоими журналами стояли еще люди, смотрѣвшіе гораздо далѣе того горизонта, которымъ ограничивались, по необходимости, публичные органы, ими поддерживаемые. Такъ, Бѣлинскій понималъ всѣ вопросы гораздо глубже, чѣмъ «Отеч. Записки», гдѣ писалъ, а за Бѣлинскимъ стояли еще Грановскій, Г. и др., часто вовсе не раздѣлявшіе взглядовъ своего журнала. Съ «Москвитининомъ» это еще было очевидно и рѣче. Люди, подобные обоимъ Кирѣевскимъ, Хомякову, Аксаковымъ, никакъ не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за всѣ задорныя выходки редакціи. По обширности пониманія славянофильскаго вопроса, по дѣльности и внутреннему значенію своихъ убѣжденій, они стояли гораздо выше «Москвитанина», который постоянно считался ихъ органомъ и поддерживался ими наружно.

Такимъ образомъ, обѣ литературныя партіи, въ описываемое время (1843) стояли какъ два лагеря другъ противъ друга, каждый со своими шпагами. Казалось, онѣ уже никогда и не будутъ встрѣчаться иначе, какъ съ побужденіемъ наносить взаимно удары и обвиниваться вызовами, но время, годъ прибывающаго размышленія устроили дѣло иначе. Уже въ половинѣ этого періода, между 1845—46 г., въ умахъ передовыхъ людей обонхъ становъ свершился поворотъ и начало возникать предчувствіе, что обѣ партіи олицетворяютъ собой каждая одну изъ существеннѣйшихъ потребностей развитія, одно изъ началъ, его образующихъ. Партіи должны были бороться, такъ какъ онѣ боролись, на глазахъ публики, для того именно, чтобы выяснить всю важность содержанія, заключающагося въ идеяхъ, ими представляемыхъ. Только послѣ ихъ усилій, трудовъ и борьбы можно было распознать, сколько жизненной правды заключается въ идеѣ народнаго, племенного.

XIX.

Въ концѣ 1843 г., Бѣлинскій, уже женатый, занималъ большую квартиру на дворѣ дома Лопатина, котораго лицевая сторона выходила на Анничкинъ мостъ и Невскій проспектъ.

Въ этомъ помѣщеніи Бѣлинскій предоставилъ себѣ три небольшихъ комнаты, изъ коихъ одна, попросторнѣе, именовалась столовой, вторая за ней слѣла гостиною и украшалась сафьян-

нимъ диваномъ съ обязательными креслами вокругъ него, а третья—нѣчто въ родѣ глухого коридорчика объ одномъ окнѣ—предназначалась для его библіотеки и кабинета, что подтверждали шпалы у стѣны и письменный столъ у окна. Впрочемъ, самъ хозяинъ нисколько не подчинялся этому распредѣленію: въ столовой онъ постоянно работалъ и читалъ, а диванъ гостиной служилъ ему большею частію ложемъ при частыхъ его недугахъ; въ кабинетъ онъ заглядывалъ только для того, чтобы достать изъ шпала нужную книгу. Двѣ заднія комнаты занимала его семья, умножившаяся вскорѣ дочерью Ольгою.

Ребенокъ этотъ, а потомъ сынъ, прожившій не долго и унесшій съ собою въ могилу послѣднія силы отца, да еще цвѣты на окнахъ—составляли тогда предметъ его ухаживаній, заботъ и нѣжнѣйшихъ попеченій. Они одни были его жизнію, которая начинала уже убѣгать отъ него и угасать по-немногу. Вскорѣ ему уже предписано было носить респираторъ при выходѣ на воздухъ, и онъ шутиливо говорилъ мнѣ: «вотъ каково я богатъ сдѣлался! Максимъ Петровичъ у Грибоѣдова ѣдалъ на золотѣ, а я дышу черезъ золото: это будетъ еще по-важнѣе, кажется!»—Часто заставлялъ я его на диванѣ гостиной въ совершенномъ изнеможеніи, особенно послѣ усиленныхъ трудовъ за срочной статьёй, оставлявшихъ его съ головной болью и въ лихорадкѣ. Надо сказать, впрочемъ, что онъ очень скоро поправлялся послѣ этихъ пароксизмовъ, поддерживаемый тѣмъ напряженнымъ состояніемъ духа и воли, которое уже не покидало его съ 1842 года, и которое, поднимая его часто съ одра болѣзни и давая ему обманчивый видъ человѣка, исполненнаго жизни и энергіи, разрушало въ то же время и послѣднія основы его страдающаго организма.

Возбужденное состояніе сдѣлалось, наконецъ, нормальнымъ состояніемъ его духа. Почти ни минуты покоя и отдыха не знала его нравственная природа до тѣхъ поръ, пока болѣзнь окончательно не сломила его. Самыя тихія, дружескія бесѣды чередовались у него съ порывами гнѣва и негодованія, которые могли быть вызваны первымъ анекдотомъ изъ насущной жизни или даже разсказомъ о какомъ-либо дикомъ обычѣ иной, очень далекой страны. Кто-то однажды разсказалъ передъ нимъ способъ, которымъ добывалъ себѣ евнуховъ хорошей расы старый египетскій папа, Мегеметь-Али. Мегеметь дѣлалъ именно разію на какое-либо сосѣднее негритянское племя и приказывалъ захватывать при этомъ всѣхъ дѣтей мужескаго пола; затѣмъ нѣтъ плѣнными производился строгій выборъ, а избранные экземпляры

подвергались известной операціи, послѣ которой ихъ тотчасъ же зарывали, по-иосъ, въ горячій песокъ степи. Половина дѣтей умирала, а другая, выдержавшая опыты, разсылалась старымъ злодѣемъ разнымъ турецкимъ сановникамъ, въ которыхъ онъ почему-либо нуждался. Кровь бросилась въ голову Бѣлинскому; онъ подошелъ къ анекдотисту, и произнесъ жалобнымъ голосомъ: «зачѣмъ вы рассказали это! — мнѣ придется теперь не спать ночь». Жена Бѣлинскаго вообще чрезвычайно боялась вечеровъ, когда онъ засиживался съ друзьями въ разговорѣхъ.

По дѣйствию воображенія и представительной способности, развитыхъ у него неимоვნно, онъ переносилъ ненависть на лица, уже отошедшія въ область исторіи, на давноминувшія событія, почему-либо возмущавшія его. У него было множество враговъ и предметовъ злобы, какъ въ современномъ мірѣ, такъ и въ царствѣ тѣней, о которыхъ онъ равнодушно говорить не могъ. Объективныхъ, то-есть, по-просту сказать, индифферентныхъ отношеній къ историческимъ дѣтелямъ или важнымъ фактамъ исторіи вовсе и не знала эта страстная природа. Бѣлинскій превращался какъ будто въ современника различныхъ эпохъ, на которыхъ натѣкался въ чтеніи, выбиралъ сторону, которую слѣдовало защищать, и боролся съ противной стороною, уже давно замолкшей, — такъ, какъ будто она сейчасъ нарушила его нравственный покой и убѣжденія. Нѣчто подобное, въ обратномъ смыслѣ, происходило и съ предметами его симпатій, которыя онъ отыскивалъ въ разныхъ вѣкахъ и у разныхъ народовъ: онъ влюблялся въ героевъ своей мысли, вскакивалъ съ мѣста при одномъ ихъ имени и не рѣдко защищалъ ихъ отъ современной критики до послѣдней возможности. Онъ неохотно разставался со своими друзьями. Но всего болѣе однако-же тратилъ онъ силъ на вражду и негодованіе. Кругъ враговъ его, кромѣ дѣйствительныхъ и состоявшихъ на лицо, увеличивался всѣмъ персоналомъ, добытымъ въ чтеніи: онъ боролся такъ же страстно съ тѣнями прошлаго, какъ и съ людьми и событіями настоящаго.

Можно себѣ представить, чтó происходило, когда Бѣлинскій покидалъ безотвѣтныхъ своихъ подсудимыхъ и случайно натѣкался на живое, современное лицо, стоявшее передъ нимъ воочію съ какимъ-либо ограниченнымъ пониманіемъ серьезнаго предмета или съ какой-либо тупой и обскурантской теоріей. Въ то время вообще не умѣли различать человека отъ его слова и сужденія, и думали, что они неизбѣжно составляютъ одно и то же. Всѣхъ менѣе допускалъ это различіе Бѣлинскій и громовыя его обличенія въ подобныхъ случаяхъ разрывали всѣ связи съ оппо-

нентомъ и не оставляли никакой надежды на возобновленіе ихъ въ будущемъ. Послѣдствіемъ такого образа сношеній со свѣтомъ была, конечно, необходимость жить въ одиночествѣ или только въ сообществѣ очень близкихъ людей, на что Бѣлинскій охотно и осуждалъ себя, не измѣняя нисколько своихъ приемовъ мысли и сужденій, когда насильно и случайно вводился въ другую среду.

Понятно, что въ такомъ же напряженномъ состояніи духа происходило и его чтеніе, даже и тогда, когда обращалось на предметы ученаго и отвлеченнаго содержанія. Мы уже упомянули, что въ этотъ періодъ его жизни, оно—чтеніе это—все прогрессивно разрасталось въ сторону экономическихъ и политическихъ вопросовъ. Такой манеры чтенія, какую усвоилъ себѣ Бѣлинскій, достаточно было, чтобы надсадить и болѣе сильный организмъ. Къ книгѣ, къ статьѣ, любому ученію и мнѣнію, начиная отъ самыхъ добросовѣстныхъ трактатовъ, захватывающихъ глубочайшіе интересы общества и человѣчества и кончая самыми ничтожными произведеніями русской словесности—Бѣлинскій всегда относился болѣе чѣмъ серьезно, относился страстно, допытывался психическихъ причинъ ихъ появленія, создавая имъ генеалогію, разбирая одну по одной черты ихъ нравственной фیزیономіи. Поводовъ для восторговъ и вспышекъ гнѣва находилось тутъ множество. Сколько разъ случалось намъ заставить его—послѣ оконченной книги, статьи, главы—рассказывающимъ вдоль трехъ своихъ комнатъ со всѣми признаками необычайнаго волненія. Онъ тотчасъ же принимался передавать свои впечатлѣнія отъ чтенія, въ горячій, ничѣмъ не стѣсненной импровизаціи. Я находилъ, что эта импровизація еще лучше его статей, но статьи въ такомъ тонѣ и не пишутся, да и писаться не могутъ. Если судить по количеству и массѣ ощущеній, порывовъ и мыслей, какіе переживалъ этотъ замѣчательный человѣкъ каждый день, то можно назвать его коротенькую жизнь, такъ быстро сгорѣвшую на нашихъ глазахъ, достаточно продолжительной и полной. Къ тому слѣдуетъ прибавить, что Бѣлинскій такъ вросался, смѣлъ выразиться, въ авторовъ, которыхъ изучалъ, что постоянно открывалъ ихъ затаенную, невысказанную мысль, поправлялъ ихъ, когда они измѣняли ей или нарочно затемняли ее, и выдавалъ ихъ послѣднее слово, которое они боялись или не хотѣли произнести. Этого рода обличенія были самой сильной стороной его критики. Такъ, во многихъ иностранныхъ, преимущественно экономическихъ и социальныхъ писателяхъ, онъ угадывалъ направление, которое они примутъ или должны принять. Такъ, на-

примѣръ, онъ говорилъ о Жоржъ-Зандѣ, котораго, впрочемъ, очень уважалъ, что писательница эта гораздо болѣе связана тѣми идеями и принципами, которые отвергаетъ, чѣмъ сколько сама то думаетъ; о Тьерѣ, онъ замѣчалъ, что въ его «Исторіи французской революціи» послѣдняя является чѣмъ-то въ родѣ *божью попущенія*, отчего въ ней становится многое непонятнымъ, несмотря на очень ясное и гладкое изложеніе. Пьера-Леру Бѣлинскій называлъ взбунтовавшимся католическимъ попомъ и т. д., а о русскихъ нашихъ дѣателяхъ и говорить нечего—онъ почти безошибочно опредѣлялъ всю будущую ихъ дѣятельность по первымъ представленнымъ ими образцамъ ея.

Не мудрено, если при этой постоянной работѣ его духа, пріятели его находили, что съ каждой новой встрѣчей онъ уже стоялъ не тамъ, гдѣ его видѣли наканунѣ: неустанное колесо мысли уносило его часто далеко изъ ихъ глазъ. Полемика его суждено было выразить именно эту сторону его психической натуры, жаждавшей борьбы и движенія, подобно тому какъ критико-публицистическія статьи изобличали его способность самообладанія и его господство надъ собственной мыслию.

Послѣ этого уже не трудно представить себѣ, что въ войнѣ между западниками и славянофилами Бѣлинскій оказался врагомъ непримиримымъ, между тѣмъ какъ другіе собраты его по оружію, какъ Г., или Грановскій и проч., считали себя втайнѣ только временными врагами нашей національной партіи и ждали отъ лучшихъ ея представителей только разъясненія ихъ программы, чтобы протануть имъ руку. Правда, и Бѣлинскій пришелъ позднѣе къ мысли о необходимости разобрать дѣльное въ ученіи славянофиловъ отъ не совсѣмъ дѣльнаго наноса, да также допустилъ и оговорки, ограждающія собственное его западное воззрѣніе отъ упрека въ слѣпой страсти ко всѣмъ европейскимъ порядкамъ, но онъ послѣдній кинулъ брешь, которую фанатически защищалъ отъ вторженія элементовъ темнаго, грубаго, непосредственнаго мышленія народныхъ массъ, противопоставляя знамя общечеловѣческаго образованія всѣмъ притязаніямъ и заявленіямъ такъ-называемыхъ народныхъ культуръ.

Исходной точкой всей ожесточенной полемики его противъ такихъ культуръ и противъ ихъ защитниковъ было убѣжденіе, что они могутъ возникать при всякомъ порядкѣ вещей и уживаться со всякимъ строемъ жизни, къ которому привыкли или который почему-либо излюбили. Наоборотъ, ему казалось, что основной характеръ общечеловѣческаго образованія именно и состоитъ въ томъ, что люди, его усвоившіе, подвергаютъ кри-

тивъ и обсужденію всѣхъ формы существованія и удовлетворяются только тѣми, которыя отвѣчаютъ логикѣ и выдерживаютъ самый строгій анализъ. На этомъ основаніи Бѣлинскій дѣлитъ міръ на зрячіе и слѣпые народы, и послѣдніе были ему противны по принципу, какими бы въ прочемъ добродѣтелями, высшими качествами души, способностями и другими знатными преимуществами ни обладали.

Нужно ли прибавлять, что о какой-либо справедливости по отношенію къ людямъ, народамъ и предметамъ не было и помину при этомъ, да о справедливости Бѣлинскій, въ пылу битвы, и не заботился, въ чемъ совершенно походилъ и на своихъ противниковъ, поступавшихъ точно также. И онъ, и они спасали только свои воззрѣнія, казавшіяся имъ благотворными по своимъ послѣдствіямъ, а о томъ—сколько падало при ихъ столкновеніяхъ напрасныхъ жертвъ, сколько наносилось грубыхъ ударовъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ, идеямъ и вѣрованіямъ, сколько страдало за-даромъ репутацій и личностей—никого и не думалъ. Все это предоставлялось разобрать послѣдующей исторіи и возвратить каждому должное и заслуженное. Для современниковъ же оставалась горькая, упорная борьба, отчаянная, многолѣтняя ненависть другъ къ другу, заморенная до того, что она даже пережила многихъ борцовъ и продолжалась отъ ихъ имени на ихъ гробахъ.

Еще до возвращенія моего на родину, именно въ 1842 г., Бѣлинскій, вскорѣ послѣ своего памфлета «Педантъ», о которомъ я уже упоминалъ, нанесъ и еще другой, тяжелый ударъ одной весьма почтенной личности московскаго круга—нынѣ покойному К. С. Аксакову. Известно, что К. С. Аксаковъ, при появленіи первой части «Мертвыхъ Душъ», въ томъ же 1842 г., написалъ статью, въ которой проводилъ мысль о сходствѣ Гоголя по акту творчества и силѣ созданія съ Гомеромъ и Шекспиромъ, находя, что только у однихъ этихъ писателей, да у нашего автора обнаруживается даръ указывать въ пошлыхъ характерахъ и въ самомъ пороки еще нѣкоторую внутреннюю крѣпость и своего рода силу, которыя почерпаются ими уже отъ принадлежности къ мощной и здоровой національности. К. С. Аксаковъ, приравнивая Гоголя къ Гомеру, по акту творчества, позабылъ при томъ упомянуть о множествѣ гениальныхъ европейскихъ писателей, отличавшихся тоже необычайными творческими способностями, которые, такимъ образомъ, какъ-будто ставились всѣ ниже Гоголя, а вдобавокъ—еще прямо объявлялъ, что въ дѣлѣ романа, понятаго какъ продолженіе древне-грече-

скаго эпоса, — уже ни одно *современное европейское имя* не можетъ быть поставлено рядомъ съ именемъ Гоголя, ни въ какомъ случаѣ. Ничто не могло возмутить Бѣлинскаго болѣе этихъ афоризмовъ. Тотъ самый Бѣлинскій, который первый провозгласилъ Гоголя гениальнымъ художникомъ, объявлялъ теперь и печатно, и устно, что гениальность Гоголя, какъ создателя типовъ и характеровъ, хотя и не можетъ быть опровергаема, но имѣетъ все-таки значеніе относительное. По содержанію и внутреннему смыслу задачъ, разрѣшаемыхъ русскимъ авторомъ, она ограничена умственнымъ и нравственнымъ положеніемъ страны, и дѣло, имъ производимое, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ вопросами и темами европейскаго искусства, съ цѣлями, какія оно себѣ задавало и задаетъ теперь въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей; что затѣмъ никакой предполагаемой крѣпости и силы народнаго духа въ выводимыхъ Гоголемъ на сцену лицахъ не обрѣтается, ни о какомъ такомъ значеніи ихъ, вѣроятно, авторъ и не думалъ, а если и думалъ, то ребячески ошибался. Вдобавокъ, Бѣлинскій прибавлялъ, что Гоголь не только не выше всѣхъ европейскихъ романистовъ, но, превосходя многихъ изъ нихъ даромъ непосредственнаго творчества, наблюденія и поэтическаго чувства, уступаетъ въ объемѣ и значеніи основныхъ идей нѣкоторымъ, даже и не очень крупнымъ явленіямъ европейской литературы. Всѣ эти замѣтки наносили достаточно сильный ударъ новому, предпринятому толкованію Гоголя, но Бѣлинскій присоединилъ еще къ этому нѣсколько саркастическихъ выводовъ изъ положеній своего противника и заключалъ споръ насильственной. Последнимъ ударомъ — *coup de grâce* — этой полемикѣ со стороны Бѣлинскаго было его заявленіе, что если судить по нѣкоторымъ лирическимъ мѣстамъ первой части «Мертвыхъ Духъ», въ которыхъ общаются изумительныя откровенія относительно внутренней и внѣшней красоты русской жизни, то Гоголь можетъ, пожалуй, утратить и значеніе великаго *русскаго* художника. Съ тѣхъ поръ имя Бѣлинскаго пронеслось «яко зло», въ лагерѣ славянофиловъ, и даже сдѣлалось у нихъ какъ-бы олицетвореніемъ наносной, ни съ чѣмъ не связанной, чуждой народу петербургской цивилизаціи, между тѣмъ какъ сами они отписали за собой Москву, какъ городъ, гдѣ особенно живетъ и развивается чуткое пониманіе русскаго народнаго духа со всѣми его чаяніями и представленіями.

XX.

Я засталъ Бѣлинскаго еще подъ вліяніемъ этой полемики, раздраженнаго ею въ высшей степени и собирающагося на новыя битвы. Не проходило дня, чтобъ не завязывался разговоръ о московскомъ пониманіи нравственныхъ и политическихъ задачъ Европы и Россіи, о московскихъ толкованіяхъ Гоголя и сторонъ русской жизни, имъ разоблаченныхъ, о московскомъ представленіи порядковъ старо-русскаго быта и о морали, которая истекаетъ изъ ученія славянофиловъ или въ немъ подразумѣвается. Повторяемъ, о справедливости въ противникамъ тутъ не было и помысла, да и противники платили той же монетою своему петербургскому оппоненту и его партіи. Споръ сошелъ на вражду и пререкательство между двумя городами. Съ обѣихъ сторонъ патріотизмъ заключался въ томъ, чтобъ унижить одну столицу на счетъ другой. Для человѣка, нѣсколько чуждаго страстей, въ которыхъ истощались обѣ партіи, не было возможности сохранить что-либо похожее на свободное мнѣніе. Выхода покажеться не существовало. Надо было выбирать между партіями, жертвуя всѣми возраженіями, которыя могли появляться въ умѣ, при ихъ взаимныхъ напраслинахъ, и, такъ-сказать, обезличить себя въ пользу своей собственной стороны.

Никто не испыталъ на себѣ полнѣе и болѣзненнѣе дѣйствіе этой перестрѣлки между двумя центрами нашего развитія, какъ И. С. Тургеневъ, очутившійся въ средѣ ихъ, когда явился изъ-заграницы, выступивъ вскорѣ потомъ и на литературное поприще съ поэмой «Параша» (1843 г.). Заподозривъ въ немъ съ первыхъ же шаговъ истаго западника, партія, недружелюбно смотрѣвшая на образцы чуждаго воспитанія и развитія, словно задалась мыслью — собрать какъ можно болѣе помѣхъ на его жизненномъ пути. Цѣлая коллекція пустыхъ анекдотовъ о его словахъ, выраженіяхъ, замѣчаніяхъ, собиралась тщательно противниками и пускалась въ ходъ съ нужными прикрасами и дополненіями. О произведеніяхъ Тургенева до «Записокъ Охотника» — иначе и не говорилось, какъ о чудовищностяхъ западнаго развитія, пересаженныхъ, безъ всякихъ признаковъ таланта, на русскую почву. Не такъ думалъ Бѣлинскій, открывшій съ-разу въ «Парашѣ» признаки недюжинной авторской наблюдательности и способности выбирать оригинальную точку зрѣнія на предметы: «что мнѣ за дѣло до всѣхъ анекдотовъ о немъ, — говорилъ Бѣлинскій: — это написалъ «Парашу», тотъ сдумаетъ поправить себя,

въ чемъ будетъ нужно и когда будетъ нужно». Слова его и на этотъ разъ оправдались. Быстрое, ослѣпительное развитіе художническаго таланта въ Тургеневѣ, вмѣстѣ съ развитіемъ качествъ его нравственной природы, его духа благорасположенія, терпимости вообще къ людямъ и особенно справедливости къ ихъ трудамъ и убѣжденіямъ — примирило съ нимъ всѣхъ его бывшихъ преслѣдователей и поставило его самого въ центрѣ умственнаго движенія.

Впрочемъ, въ то время, между партіями таилась, однако же, одна связь, одна примиряющая мысль, болѣе чѣмъ достаточная для того, чтобы открыть имъ глаза на общность цѣли, къ которой онѣ стремились съ разныхъ сторонъ... Но еще не наступило время для разъясненія этого примиряющаго начала, лежавшаго въ вершѣ посреди браннаго поля и безпрестанно затапываемаго ногами борцовъ. Зерно, однако же, проросло, несмотря на всѣ невзгоды, какъ увидимъ. Связь заключалась въ одинаковомъ сочувствіи къ поработенному классу русскихъ людей и въ одинаковомъ стремленіи къ упраздненію строя жизни, допускающаго это поработеніе, или даже на немъ именно и основаннаго. Пока-мѣстъ никто еще не хотѣлъ видѣть сродства въ основномъ мотивѣ, двигавшемъ обѣ партіи, и когда, по временамъ, мотивъ этотъ обнаруживался самъ собой, партіи наши торопились поскорѣ замать его. Для вѣщаго укрѣпленія розни, не довѣряли ни чувствамъ, ни характеру, ни намѣреніямъ другъ друга. Въ Москвѣ говорили по поводу петербургскихъ гуманныхъ протестовъ: «Петербургъ сдѣлалъ изъ либерализма и своего отчаянія покойное вольтеровское кресло, въ которомъ и нѣжится». Изъ Петербурга отвѣчали на это: «на московскихъ историческихъ пуховикахъ еще слаще должно спать, — особенно подъ гуль сорока-сороковъ». Ко всему этому присоединялись еще и стихотворныя перебранки. Въ Москвѣ писались пасквили и эпиграммы на Бѣлинскаго и притомъ людьми, въ житейскомъ отношеніи, несомнѣнно чистаго нравственнаго характера, а изъ Петербурга имъ отвѣчали ругательной пѣсенкой, содержащей, между прочимъ, такую строфу:

Да, Россія — властью вашей —
Та же, что и до Петра:
Набиваетъ брюхо кашей
И рыгаетъ до утра.

Какое же тутъ могло быть соглашеніе?

Раздраженный полемикой, Бѣлинскій сдѣлался подозрительнымъ въ высшей степени. Такъ, движимый все тѣмъ же опа-

сеніемъ за элементы европейскаго развитія, онъ недружелюбно отнесся и къ нашей провинціальной литературѣ, къ появлявшимся тогда сборникамъ, харьковскимъ, архангельскимъ и другимъ, усматривая тутъ намѣреніе образоватъ маленькіе центры цивилизаціи, въ противоположность большимъ, государственнымъ центрамъ—петербургскому и московскому—и проводить у себя дома, въ тихомолку, идеи о самостоятельной народной культурѣ, которая способна сама отыскать себѣ всѣ нужныя основы.

Пробасть, раздѣлявшая партіи, особенно расширилась, когда у насъ публично зашла рѣчь о правахъ на наше патріотическое и народное сочувствіе всѣхъ иноземныхъ—австрійскихъ, венгерскихъ, турецкихъ славянъ. Рѣчь эта, впервые поднятая М. П. Погодинымъ, перешла въ русскую печать изъ официальныхъ и частныхъ круговъ, гдѣ конфиденціально держалась съ начала 30-хъ годовъ—въ такомъ декламаторскомъ видѣ, что на первыхъ порахъ вызвала у Бѣлинскаго глумленіе надъ ея формой и содержаніемъ. Положеніе, принятое имъ по славянскому вопросу, имѣло одинаковый источникъ съ тѣмъ, которое онъ выбралъ относительно славянства вообще. Поведомъ къ отрицанію этого вопроса служило Бѣлинскому опять предположеніе, что за вопросомъ скрывается попытка прославленія темныхъ народныхъ культуръ и усиліе противопоставить ихъ теперь съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ выработаннымъ началамъ европейской мысли. Въ самомъ дѣлѣ, попытка на этотъ разъ могла рассчитывать на тѣ невольныя симпатіи въ угнетеннымъ племенамъ и народамъ, которыя должны жить и дѣйствительно жили въ русской публикѣ. Никто болѣе самого Бѣлинскаго не былъ predisposed къ такого рода сочувствію, но при мысли, что тутъ можетъ существовать планъ—возвысить бѣдное, племенное творчество съ его суевѣріями, заблужденіями и бессознательными проблесками истины на степень равную или даже высшую обдуманнѣе основъ и началъ европейскаго образованія—при одной этой мысли Бѣлинскій устранялъ всѣ другія соображенія и нерѣдко насилывалъ свое чувство. Такъ и въ настоящемъ случаѣ вышло, что Бѣлинскій хладнокровно относился къ доблестнымъ трудамъ и жертвамъ тѣхъ почтенныхъ иностранныхъ дѣятелей славянства, которые спасали языкъ и нравственную физіономію своихъ племенъ отъ конечной гибели посреди другихъ, враждебныхъ имъ народовъ. Не болѣе справедливости, впрочемъ, оказывали и противники Бѣлинскаго ему самому, когда принимались разбирать основы и побужденія его оппозиціи. Они объявляли его человѣкомъ, преданнымъ самымъ узкимъ

интересамъ существованія, не имѣющимъ даже и органа для пониманія патріотическихъ или народныхъ инстинктовъ. Они шли и далѣе. По горячей его защитѣ государственныхъ пріемовъ Петра I, по заявленнымъ симпатіямъ къ Петербургу, они объявляли его мелкимъ и врядъ ли *стоимъ безкорыстнымъ* централизаторомъ и бюрократомъ. Централизаторомъ онъ, дѣйствительно, и былъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ говорили его враги, — не въ пользу какого-либо существующаго уже порядка дѣлъ и вещей, а того дальняго, который представлялся ему въ видѣ единенія всѣхъ народовъ Европы на почвѣ одной общей цивилизаціи, подъ покровомъ однихъ законовъ для разумнаго существованія.

Съ какимъ одушевленіемъ говорилъ онъ о первыхъ проблескахъ этой будущей централизаціи, этого будущаго строя жизни, которые усматривалъ и въ сближеніи европейскихъ народовъ между собой посредствомъ новыхъ дорогъ, международныхъ установленій и проч., и въ ихъ усиліяхъ создать, не уничтожая родовыхъ и племенныхъ особенностей каждой страны, одинъ общій кодексъ для государственнаго и общественнаго существованія человѣчества! А вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ уже не могъ, да и не хотѣлъ сдерживать своего негодованія, какъ только ему казалось, что обнаруживаются признаки посягательства на этотъ мерцающій вдали и еще далеко не обработанный кодексъ. Все, что затрудняло его осуществленіе со стороны народнаго тщеславія, заносчивости этнографовъ, возвеличивающихъ ту или другую изъ народныхъ группъ на-счетъ всѣхъ другихъ національностей, или со стороны свептицизма, почерпающаго въ отрицательныхъ и темныхъ подробностяхъ современной европейской жизни доводы въ пользу устраненія ея отъ дѣлъ, — все это приводило его въ неопи-санное волненіе. Во многомъ онъ и заблуждался, какъ показало время, при восторженномъ изложеніи своихъ надеждъ на развитіе Европы, но онъ заблуждался — доблестно, какъ бываетъ съ людьми, глубоко-вѣрующими въ какую-либо великую идею! Бѣлинскій до того ревниво охранялъ добро, собранное старой и новой европейской цивилизаціей, что уже подозрительно смотрѣлъ на образцы и замѣчательныя произведенія другихъ, чуждыхъ ей культуръ и отзывался о нихъ очень сдержанно. При появленіи поэмы «Наль и Дамаянти» въ художественномъ переводѣ Жуковскаго, онъ ограничился напоминовеніемъ читателю, какъ греческій эпосъ «Иліада» выше измышленій индійскаго народнаго творчества. То же самое было и тогда, когда прекрасный переводъ Я. К. Грота познакомилъ русскую публику съ финской эпо-

пеей: «Калевала», съ этимъ памятникомъ фантазій и представленій народа, нѣкогда населявшаго, какъ говорятъ, всю Европу. Противопоставляя опять финскій эпосъ греческому созерцанію жизни, Бѣлинскій находилъ въ первомъ только безобразную фантазію, чудовищные образы и сплетенія, свойственные дикому народу, и которые должны оттолкнуть всякаго, кто разъ ознакомился со стройностію, мѣрой и изяществомъ греческой народной производительности.

Какъ ни важны были, однако же, всѣ эти вопросы, и къ какой яркой полемикѣ ни давали они поводъ, все же они не могли заслонить ни на минуту передъ Бѣлинскимъ чисто-русскаго вопроса, который тогда цѣлкомъ сосредоточивался у него на одномъ имени Гоголя и на его романѣ «Мертвыя Души». Романъ этотъ открывалъ критикѣ единственную арену, на которой она могла заниматься анализомъ общественныхъ и бытовыхъ явленій, и Бѣлинскій держался за Гоголя и романъ его цѣлко, какъ за нежданную помощь. Онъ какъ-бы считалъ своимъ жизненнымъ призваніемъ поставить содержаніе «Мертвыхъ Душъ» вѣ въ возможности предполагать, что въ немъ таится что-либо другое, кромѣ художественной, психически и этнографически вѣрной картины современнаго положенія русскаго общества. Всѣ силы своего критическаго ума напрягалъ онъ для того, чтобъ отстранить и уничтожить попытки къ допущенію какихъ-либо другихъ, смягчающихъ выводовъ изъ знаменитаго романа, вромѣ тѣхъ суровыхъ, строго-обличающихъ, какіе прямо изъ него вытекаютъ. Послѣ всѣхъ своихъ отступленій въ область европейскихъ литературъ, въ область славянства и проч., онъ возвращался съ этого поля, болѣе или менѣе удачныхъ битвъ, опять къ своему постоянному, домашнему дѣлу, только освѣженный предшествующими кампаніями. Домашнее дѣло это заключалось преимущественно въ томъ, чтобъ выбить изъ литературной арены навсегда, если можно, какъ дивихъ, коварныхъ и своекорыстныхъ ругателей гоголевской поэмы, такъ и восторженныхъ ея доброжелателей, прозрѣвающихъ въ ней не то, что она дѣйствительно даетъ. Онъ не уставалъ указывать правильныя отношенія къ ней и устно, и печатно, приглашая при всякомъ случаѣ и слушателей, и читателей своихъ подумать, но подумать искренно и серьезно о вопросѣ—почему являются на Руси типы такого безобразія, какіе выведены въ поэмѣ; почему могутъ совершаться на Руси такіа невѣроятныя событія, какія въ ней разсказаны; почему могутъ существовать на Руси, не при-

вода нѣкого въ ужасъ, такія рѣчи, мнѣнія, взгляды, какіе переданы въ ней.

Бѣлинскій думалъ, что добросовѣстный отвѣтъ на вопросъ можетъ сдѣлаться для человѣка, добывшаго его, программой дѣятельности на остальную жизнь и особенно положить прочную основу для его образа мыслей и для правильнаго сужденія о себѣ и другихъ.

Къ этому же времени относится и появленіе въ русской изящной литературѣ, такъ-называемой «натуральной школы», которая созрѣла подъ вліяніемъ Гоголя, объясняемаго тѣмъ способомъ, какимъ объяснялъ его Бѣлинскій. Можно сказать, что настоящимъ отцомъ ея былъ—послѣдній. Школа эта ничего другого не имѣла въ виду, какъ указаніе тѣхъ подробностей современнаго и культурнаго быта, которыя не могли еще быть указаны и разобраны никакимъ другимъ способомъ, ни политическимъ, ни научнымъ разслѣдованіемъ. Кстати замѣтить: прозвище «натуральной» дано ей было корифеемъ риторическаго, безалащнаго, фальшиво-благонамѣреннаго изложенія русской жизни, Булгариннымъ, но изъ вражды къ Бѣлинскому прозвищу обрадовались, и прозвище усвоили даже и люди, глубоко-презиравшіе литературную и критическую дѣятельность Булгарина. Оно и до сихъ поръ держится у насъ, несмотря на свое происхожденіе и на свою бессмыслицу.

XXIII.

Покуда все это происходило вокругъ имени Гоголя, самъ онъ повернулъ въ такую сторону, куда не пошли за нимъ и многіе изъ тѣхъ, которые считались людьми, раздѣляющими всѣ его взгляды. Въ февралѣ 1844 г., я получилъ отъ него неожиданно и послѣ долгаго молчанія слѣдующее письмо:

„Февраля 10-го, Нипа. 1844.

«Ивановъ прислалъ мнѣ вашъ адресъ и сообщилъ мнѣ вашу готовность исполнять всякія порученія. Благодарю васъ за ваше доброе расположеніе, въ которомъ, впрочемъ, я никогда и не сомнѣвался. Итакъ, за дѣло. Вотъ вамъ порученія: 1-е... (это первое порученіе заключалось въ понужденіи друга Гоголя, товарища его по Нѣжину, а теперь повѣреннаго по дѣлу печатанія «Мертвыхъ Душъ» въ Петербургѣ, Н. Я. Прокоповича, къ скорѣйшему доставленію наличныхъ вырученныхъ денегъ и

разсчетовъ. Какъ мало любопытное, мы его пропускаемъ и прямо переходимъ ко второму порученію, какъ самому существенному для насъ, которое уже и выписываемъ цѣлкомъ, съ сохраненіемъ ореографіи автора).

«2. Другая просьба. Увѣдомте, въ какомъ положеніи и какой приняли характеръ нынѣ толки, какъ о М. Душахъ, такъ и о сочиненіяхъ моихъ. Это вамъ сдѣлать я знаю будетъ отчасти трудно, потому-что кругъ, въ которомъ вы обращаетесь болѣею частію обо мнѣ хорошаго мнѣнія, стало быть, отъ нихъ, что отъ козла молока. Нельзя-ли чего-нибудь достать нынѣ этого круга, хотя чрезъ знакомыхъ вашимъ знакомымъ, чрезъ четвертые или пятые руки. Можно много довольно умныхъ замѣчаній услышать отъ тѣхъ людей, которые совсѣмъ не любятъ моихъ сочиненій. Нельзя ли при удобномъ случаѣ также узнать, что говорится обо мнѣ въ салонахъ Булгарина, Греча, Сенковского и Полевого, — въ какой силѣ и степени ихъ ненависть, или уже превратилась въ совершенное равнодушіе. Я вспомнилъ, что вы можете узнать кое-что объ этомъ даже отъ Романовича ¹⁾, котораго вѣроятно встрѣтите на улицѣ. Онъ безъ сомнѣнія бываетъ по-прежнему у нихъ на вечерахъ. Не дѣлайте все такъ, какъ бы этимъ вы, а не я интересовался. Не дурно также узнать мнѣніе обо мнѣ и самого Романовича.

«За все это я вамъ дамъ совѣтъ, который пахнетъ страшною стариной, но тѣмъ не менѣе очень умный совѣтъ. Тритесь побольше съ людьми и раздвигайте всегда кругъ вашихъ знакомыхъ, а знакомые эти чтобы непременно были опытные и практическіе люди, имѣющіе какіе-нибудь занятія; а знакомаясь съ ними держитесь такого правила: постройте къ себѣ и по снисходительнѣе къ другимъ, а въ хвостъ этого совѣта положите мой обычай не пренебрегать никакими толками о себѣ, какъ умными, такъ и глупыми, и никогда не сердиться ни на что. Если выполните это, благодать будетъ надъ вами, и вы узнаете ту мудрость, которой ужъ никакъ не узнаете ни изъ книгъ, ни изъ умныхъ разговоровъ.

«Увѣдомте меня о себѣ во всѣхъ отношеніяхъ какъ вы живете, какъ проводите время, съ кѣмъ бываете, кого видите, что дѣлаютъ всѣ знакомые и незнакомые.

«Въ какомъ положеніи находится вообще картолюбіе илюбіе, и что нынѣ предметомъ разговоровъ какъ въ большихъ, такъ и

¹⁾ Тоже нѣжинскій товарищъ Гоголя, пробывавшійся въ литературѣ съ большими успѣхами и посѣщавшій для того разныя литературныя круги.

въ малыхъ обществахъ, естественно въ выраженіяхъ приличныхъ, чтобы не оскорбить никого. Затѣмъ, обвиняя васъ искренно и душевно и желая всякихъ существенныхъ пользъ и пріобрѣтеній, жду отъ васъ скорого увѣдомленія. Прощайте.—Вашъ Г.».

«Адресуйте во Франкфуртъ на Майнѣ, на имя Жуковскаго, который отнынѣ учреждается тамъ, и гдѣ чрезъ мѣсяцъ я намѣренъ быть самъ».

Письмо принадлежало къ числу тѣхъ, которыя удивляли весьма близкихъ къ Гоголю людей, какъ Плетнева, напримѣръ, своими безконечными вопросами о толкахъ и мнѣніяхъ публики по поводу его сочиненій. Гоголь требовалъ особенно перечета наиболѣе дикихъ и безобразныхъ мнѣній. Даже и не очень короткіе знакомые Гоголя завалены были письмами подобнаго рода и подали поводъ думать, что любопытство это, подѣ благовиднымъ предлогомъ изученія отношеній публики къ его дѣятельности, прикрываетъ у него особый видъ ѣдкаго тщесловія, которое способно еще доставлять ему нѣкотораго рода наслажденіе. Что касается до меня, я обрадовался письму Гоголя и написалъ ему пространный отвѣтъ съ откровенностію и добродушіемъ, которыя мнѣ самому напоминали незабвенные вечера въ Римѣ, Альбано, Фраскати и проч., когда мы проводили чудныя южныя ночи въ безконечныхъ толкахъ и разговорахъ о всемъ и о вся, когда за этими разговорами, какъ не-разъ случалось въ Тиволи, даже вовсе не ложились въ постель на ночь, а просиживали до утра на окнѣ тракторіи, дремая подѣ шумъ фонтана, который монотонно плескалъ посреди ея двора, перерѣзывая великолѣпныя линіи древняго греческаго храма, высившагося на другомъ его концѣ. Тогда все понималось просто и также говорилось. Но я ошибся жестоко—времена перемѣнились. Не предчувствуя еще новаго направленія, принятаго Гоголемъ, я неожиданно и невольно попалъ въ болное мѣсто его мысли и растровожилъ ее. Хорошо помню, что, отвѣчая на его вызовъ, я представилъ ему положеніе партій относительно его романа и передавалъ полемику Бѣлинскаго съ ними, причемъ, конечно, не считалъ нужнымъ отзывать осторожно ни объ одной изъ нихъ. Мнѣ казалось, что я обязанъ былъ высказать ему всю мою мысль сполна, какъ онъ того просилъ, и потому, можетъ быть съ нѣкоторымъ излишнимъ пыломъ и негодованіемъ, говорилъ и о врагахъ его изъ *салонъ* Булгарина и Сенювскаго и о друзьяхъ его изъ московской партіи. Не подозрѣвая тѣсныхъ связей, образовавшихся у Гоголя съ послѣдней въ то время, я впалъ въ

одну изъ тѣхъ опрометчивыхъ искренностей, которыя заставляютъ человѣка раскрываться въ собственной своей правдивости. Гоголь, призывавшій искренность, не выдержалъ этой и не понялъ дружескаго письма.

Въ концѣ его, если не измѣняетъ мнѣ память, находилось еще замѣчаніе, что въ ту переходную эпоху, въ которой мы живемъ, почти невозможно себѣ и представить такого дѣла, которое бы получило отзывъ въ потомствѣ, такъ какъ оно, вѣроятно, не захочетъ и знать о нѣкоторыхъ надеждахъ и стремленіяхъ нашего времени. Конечно, замѣчаніе принадлежало къ разряду громкихъ, но незрѣлыхъ и заносчивыхъ афоризмовъ, какіе въ частной интимной перепискѣ сливаются нерѣдко съ пера у человѣка, желающаго сказать скорѣе богѣ, чѣмъ менѣе того, что ему кажется нужнымъ, и не предвидящаго вдобавокъ, что слово его будетъ прочитано не дружескимъ, а уже подозрительнымъ глазомъ судьи и цензора. Можно было ожидать опроверженія и разъясненія замѣчанія, но, конечно, не того, что я получилъ.

Съ спокойной совѣстью я отправилъ мое, не въ мѣру откровенное, письмо, и черезъ два мѣсяца получилъ на него отвѣтъ. Я былъ просто приведенъ въ недоумѣніе этимъ отвѣтомъ. Онъ содержалъ въ себѣ строжайшій, болѣе чѣмъ начальническій, а какой-то пастырскій выговоръ, точно Гоголь отлучалъ меня торжественно отъ общенія съ вѣрными своей церкви. Въмѣсто мнѣ знакомаго добродушнаго, прозорливаго, все понимающаго и классифирующаго психолога—стоялъ теперь передо мною совсѣмъ другой человѣкъ, да и не человѣкъ, а какой-то проповѣдникъ на каедрѣ, имъ же и воздвигнутой на свою потребу, громащій съ нея грѣхи бѣдныхъ людей на-право и на-лѣво, по власти кѣмъ-то ему данной и не всегда зная хорошенько, чѣмъ они дѣйствительно грѣшатъ. Тонъ письма сбилъ меня совсѣмъ съ толка, потому что я еще не зналъ тогда, что роль пророка и проповѣдника Гоголь уже довольно давно усвоилъ себѣ, что въ этой роли онъ уже являлся г-жѣ Смирновой, Погодину, Языкову, даже Жуковскому и многимъ другимъ, грома и по временамъ бичуя ихъ съ ловкостью почти что ветхо-завѣтнаго человѣка. Привожу это письмо цѣликомъ:

„Франкфуртъ, мая 10-го (1844).

«Благодарю васъ за нѣкоторыя извѣстія о толкахъ на книгу. Но ваши собственныя мнѣнія... смотрите за собой; они пристрастны. Неумѣренные эпитеты, разбросанные кое-гдѣ въ ва-

немъ писемъ уже показываютъ что они пристрастны. Человѣкъ благоразумный не позволилъ бы ихъ себѣ никогда. Гнѣвъ или неудовольствіе на кого бы-то ни было всегда несправедливы, въ одномъ только случаѣ можетъ быть справедливо наше неудовольствіе, когда оно обращается не противъ кого-либо другого, а противъ себя самого, противъ собственныхъ мерзостей и противъ собственнаго неисполненія своего долга. Еще: вы думаете, что вы видите дальше и глубже другихъ, и удивляетесь, что многіе, по-видимому, умные люди, не замѣчаютъ того, что замѣтили вы. Но это еще Богъ вѣсть кто ошибается. *Передовые люди* не тѣ, которые видятъ одно что-нибудь такое, чего другіе не видятъ, и удивляются тому, что другіе не видятъ; *передовыми людьми* можно назвать только тѣхъ, которые именно видятъ все то, что видятъ другіе (всѣ другіе, а не нѣкоторые), и опершись на сумму всего видятъ все то, чего не видятъ другіе и уже не удивляются тому, что другіе не видятъ того же. Въ писемъ вашемъ отраженъ человѣкъ просто унывшій духомъ и невзглянувшій на самого себя. Еслибъ мы всѣ вмѣсто того чтобы разсуждать о духѣ времени, взглянули какъ должно всякой на самого себя, мы больше гораздо бы выиграли. Кромѣ того, что мы узнали бы лучше, что въ насъ самихъ заключено и есть, мы бы приобрѣли взглядъ яснѣе и многостороннѣй на всѣ вещи вообще и увидѣли бы для себя пути и дороги тамъ, гдѣ грѣховное уныніе все темнитъ передъ нами и вмѣсто путей и дорогъ показываетъ намъ только самое себя, т. е. одно грѣховное уныніе. Злой духъ только могъ подшепнуть вамъ мысль, что вы живете въ какомъ-то переходящемъ вѣкѣ когда всѣ усилія и труды должны пропасть безъ отвзвуха въ потомствѣ и безъ ближайшей пользы кому. Да если бы только хорошо освѣтились глаза наши, то мы увидали бы что на всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы ни довелось намъ стоять, при всѣхъ обстоятельствахъ, какихъ бы то ни было, сноснѣшествоующихъ или поперечныхъ, столько есть дѣлъ въ нашей собственной, въ нашей частной жизни, что можетъ быть самъ умъ нашъ помутился отъ страху, при видѣ неисполненія и пренебреженія всего, и уныніе не даромъ бы тогда закралось въ душу. По крайней мѣрѣ оно бы тогда было болѣе прощательно, чѣмъ теперь. Признаюсь, я считалъ васъ (не знаю почему) гораздо благоразумнѣе. Самой душѣ моей было какъ-то неловко, когда я читалъ письмо ваше. Но оставляю это, и не буду никогда говорить. Всякихъ мнѣній о нашемъ вѣкѣ и нашемъ времени я терпѣть не могу, потому что они всѣ ложны, потому что произносятся людьми, которые чѣмъ-нибудь раздра-

жены, или огорчены... Напишите мнѣ о себѣ самомъ, только тогда когда почувствуете сильное неудовольствіе противъ себя самого, когда будете жаловаться не на какіе-нибудь помѣшательства со стороны людей, или вѣка, или чего бы то ни было другого, но когда будете жаловаться на помѣшательства со стороны своихъ же собственныхъ страстей, лѣни и недѣтельности умственной. Еще: и луча вѣры нѣтъ ни въ одной строчкѣ вашего письма и малѣйшей искры смиренія высокаго въ немъ незамѣтно! И послѣ этого еще хотѣть, чтобъ умъ нашъ не былъ одностороненъ, или чтобъ былъ онъ безпристрастенъ. Вотъ вамъ цѣлый воезъ упрековъ. Не удивляйтесь, вы сами на нихъ напросились. Вы желали отъ меня освѣжительнаго письма. Но меня освѣжаютъ теперь одни только упреки, а потому ими же я прислужился и вамъ.

«А вмѣсто всякихъ только о томъ, чѣмъ другой виноватъ или невыполнилъ своей обязанности, постарайтесь исполнить тѣ обязанности, которые я наложу на васъ. Принимите мнѣ каталогъ Смирдинской бывшей бібліотеки для чтенія, со всѣми бывшими прибавленіями. Онъ полнѣйшій книжный нашъ Реестръ, да присоедините къ тому Реестръ книгъ всѣхъ напечатанныхъ Синодальной типографіей: это можете узнать въ Синодальной запискѣ. Да еще сдѣлайте одну вещь: выпишите для меня мѣлкимъ почеркомъ всѣ критики Сенков. въ Библіотекѣ для чтенія на М. Д. и вообще на всѣ мои сочиненія, такъ чтобы ихъ можно послать въ письмѣ. Сколько я ни просилъ объ этомъ, никто не исполнилъ. Каталогъ Смирд. есть вѣроятно мой у Прокоповича. Пошлите тоже съ почтой, которая нынѣ принимаетъ посылки. Адресуйте въ Берлинъ на имя служащаго при тамошней миссіи графа Мих. Мих. Віельгорскаго для доставки мнѣ, если почта не возмется доставить во Франкфуртъ прямо на мое имя. Вотъ вамъ обязанности покажутся истинно Христіанскія. Отъ васъ требуетъ выполненія этого долга прямо, безвозмездно. — Н. Гоголь».

Несмотря на совершенно неожиданный для меня учительскій и раздраженный тонъ этого письма, оно меня все-таки глубоко тронуло: во-первыхъ, и замѣчательнымъ литературнымъ своимъ достоинствомъ, а во-вторыхъ — и преимущественно какой-то безпредѣльной вѣрой въ новое соверпаніе, имъ возвышаемое. Загадкой оставалось для меня только слѣдующее: какимъ процессомъ мысли Гоголь перенесъ прямо на меня все, что я говорилъ вообще о современныхъ людяхъ, и отыскалъ въ моихъ сообщеніяхъ

личный вопросъ,—уныніе, ропотъ, недовольство судьбой и другія качества неудачнаго честолюбца. Но особенно не могъ я понять, откуда тутъ взялся еще вопросъ о религіозныхъ моихъ убѣжденіяхъ, о состояніи моей души и совѣсти, такъ какъ исповѣдываться въ нихъ я не имѣлъ ни малѣйшаго помысла передъ Гоголемъ, да онъ и не возбуждалъ такого вопроса. Передавать толки публики о «Мертвыхъ Душахъ» и по этому поводу представить свидѣтельство о болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи своего религіознаго чувства—кому же это могло придти въ голову? Впослѣдствіи все это объяснилось. Письмо Гоголя, какъ и множество другихъ такихъ же, полученныхъ разными лицами въ Россіи, было однимъ изъ той гряды облачковъ, которая предшествовала появленію роковой книги «Переписка съ друзьями». Письма возвѣщали ея близкое восшествіе на горизонтъ. Гоголь, ужаснувшійся успѣху своего романа между западниками и людьми непосредственнаго чувства, весь погруженъ былъ въ замыселъ разоблачить свои настоящія историческія, патристическія, моральныя и религіозныя воззрѣнія, что, по его мнѣнію, было уже необходимо для пониманія готовящейся 2-й части поэмы. вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе созрѣвали въ умѣ его надежда и планъ надѣлать, наконецъ, безпутную русскую жизнь кодексомъ великихъ правилъ и неизбѣжныхъ аксіомъ, которыя помогутъ ей устроить свой внутренній міръ на образецъ всѣмъ другимъ народамъ. Но намѣреніе оставалось еще покамѣстъ тайной для всѣхъ, и служить какимъ-либо поясненіемъ дѣйствій Гоголя не могло. Въ потемкахъ я отвѣчалъ Гоголю, что получилъ его письмо, благодарю за участіе ко мнѣ, не огорчаюсь его выговорами, не отвергаю вовсе его совѣтовъ, но считаю нужнымъ указать ему на странную ошибку. Онъ считаетъ меня человѣкомъ весьма высокаго мнѣнія о себѣ, надменнымъ и страдающимъ гордостью, а между тѣмъ могъ бы замѣтить въ теченіи долгихъ нашихъ сношеній, что я скорѣе имѣлъ претензію считать себя ничтожнѣйшимъ изъ дѣтей міра, и безъ всякаго вознагражденія, о которомъ говорить повѣтъ, употребившій однажды это выраженіе.

Затѣмъ корреспонденція наша прекращается на-долго, до 1847 года, когда, живя уже съ больнымъ Бѣлинскимъ на водахъ въ Силезіи, въ Зальцбрунѣ, я опять получилъ отъ Гоголя письмо, но уже мягкое и отчасти грустное письмо. Книга его «Переписка съ друзьями» уже вышла и принесла ему такую массу огорченій, упрековъ, наконецъ, клеветъ и незаслуженныхъ оскорбленій, что онъ склонился подъ этой бурей общественнаго

негодованія, какъ тростникъ—до земли. Состояніе его духа отразилось и на письмѣ, но объ этомъ послѣ. Съ тѣхъ поръ уже благодушное, ласковое, снисходительное настроеніе не покидало Гоголя по отношенію къ старому его корреспонденту и собесѣднику, и всякій разъ, какъ мы встрѣчались, до самой его смерти, выказывалось съ новой силой. Въ 1851 году, за годъ до своей кончины, провожая меня изъ своей квартиры, въ Москвѣ, на Никольскомъ бульварѣ (домъ графа Толстого), онъ, на порогѣ ея, сказалъ мнѣ въволнованнымъ голосомъ: «Не думайте обо мнѣ дурного и защищайте передъ своими друзьями, прошу васъ: я дорожу ихъ мнѣніемъ».

Страдальческій, умиротворенный и на все уже подготовленный обликъ Гоголя,—Гоголя послѣднихъ дней,—остался въ моей жизни самымъ трогательнымъ воспоминаніемъ, наравнѣ съ обликомъ медленно умирающаго и все еще волнующагося Бѣлинскаго.

Бѣдный, запутавшійся другъ, погибшій добровольной и мучительной смертью именно потому, что жилъ въ эпоху столѣнія неустановившихся вѣрованій, одинаково важныхъ и неустрашимыхъ, и которую такъ горячо защищалъ противъ мнѣнія о ея переходномъ состояніи! Чрезвычайно замѣчательно слѣдующее обстоятельство. Въ мартѣ 1848 года, занимаясь обработкой 2-й части «Мертвыхъ Душъ» въ Москвѣ, онъ пишетъ старому своему товарищу, уже упомянутому Н. Я. Прокоповичу, что труду его мѣшаютъ, во-первыхъ, недуги, а во-вторыхъ — отраженіе на авторѣ всѣхъ невыгодныхъ вліяній шаткаго *переходнаго* времени, въ которое онъ живетъ. Итакъ, ужасъ и негодованіе, возбужденные въ Гоголѣ однимъ намекомъ на то, что эпоха эта можетъ быть названа переходною, миновались совершенно черезъ четыре года, да и не только миновались, но сама мысль признана еще неоспоримой истиной, на основаніи личнаго опыта. Вотъ это замѣчательное мѣсто письма, съ котораго я тогда же снялъ точную копию, конечно, не объясняя никому причинъ, почему я считаю его особенно важнымъ.

„Москва, 29-го марта (1848).

«Болезни приостановили мои занятія «Мертвыми Душами», которыя пошли было хорошо. Можетъ быть, болѣзнь, а можетъ быть — и то, что какъ поглядишь, какіе глупые настаютъ читатели, какіе безтолковые цѣнители, какое отсутствіе вкуса... просто не поднимаются руки. *Странное дѣло, хоть и знаешь, что трудъ твой не для какой-нибудь переходной современной минуты, а*

все-таки современное неустройство отнимаетъ нужное для него спокойствіе».

Какъ далеко стоитъ это признаніе отъ восклицанія: «Злой духъ только могъ подшепнуть вамъ мысль, что вы живете въ какомъ-то переходящемъ вѣѣ, когда всѣ усилія и труды должны пропасть безъ отзвука въ потомствѣ...» — Увы! Какъ еще положеніе это ни казалось опрометчиво, заносчиво и ложно, сказанное неловко и не въ-время, самъ Гоголь, страстно опровергавшій его, испыталъ еще сомнѣніе въ пользѣ своихъ усилій и трудовъ для *потомства*, — сомнѣніе, результатомъ котораго было, какъ извѣстно, сожженіе 2-й части «Мертвыхъ Душъ». Если бы дѣло состояло тогда въ его власти, то результатомъ этого настроенія могло бы быть и нѣчто большее — именно сожженіе всѣхъ его трудовъ вообще. Правда, тутъ примѣшалась душевная болѣзнь, патологическое состояніе мозговыхъ органовъ, — но развѣ переходныя эпохи именно и не отличаются этими болѣзнями, которыя сами суть не что иное, какъ произведеніе глухой борьбы началъ въ глубинѣ души и мысли каждаго развитаго человѣка.

Со всѣмъ тѣмъ мнѣ легко сознаться теперь и повторить, что замѣчаніе о бесплодности трудовъ, предпринятыхъ въ переходное время, которымъ я погрѣшилъ тогда, и которое вызвало такіа недоразумѣнія, было вполне необдуманно и ложно въ основаніи. Ни дѣятельность Гоголя, ни дѣятельность самого Бѣлинскаго, а также и людей 40-хъ годовъ вообще изъ обоихъ лагерей нашихъ не остались безъ слѣда и вліянія на ближайшее потомство, да найдутъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще не одинъ отголосокъ и въ болѣе отдаленныхъ отъ насъ поколѣніяхъ. Это убѣжденіе только и могло вызвать составленіе настоящихъ «Воспоминаній».

XXIV.

Мнѣ приходится говорить теперь о замѣчательномъ въ исторіи нашихъ литературныхъ партій 1845-мъ годѣ и приступить къ краткому библиографическому отчету о нѣкоторыхъ статьяхъ журнала «Москвитининъ», состоявшаго слишкомъ малое время подъ непосредственной редакціей И. Кирѣевскаго. Статьи были важнымъ событіемъ описываемой эпохи, и безъ разбора ихъ — дальнѣйшій рассказъ о ней утерялъ бы свой настоящій смыслъ. Они именно обозначаютъ ту минуту, съ которой распря между славянами и западниками приняла у насъ новый, менѣе безпо-

щадный и слѣбной характеръ, чѣмъ прежде, хоть и долго потомъ еще не нуждалась въ воинственномъ одушевленіи, но тонъ становился другой. Перемѣна тона и самой рѣчи, на которую рѣшились прежде всѣхъ славяне, имѣла значительныя послѣдствія по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ и положенію дѣйствующихъ лицъ въ обѣихъ партіяхъ.

Извѣстно, что, кромѣ Бѣлинскаго, вопросъ объ отношеніи народной культуры къ европейскому образованію занималъ еще Грановскаго и Г., съ ихъ друзьями. По близкимъ отношеніямъ ихъ къ славянскимъ дѣателямъ, вопросъ этотъ мѣшалъ сойтись имъ съ людьми противнаго лагеря, нравственную цѣну которыхъ они очень хорошо знали, на какой-либо нейтральной почвѣ. Дѣйствительно, пока въ славянской партіи господствовало полное отрицаніе европеизма, невозможно было никакое примиреніе и соглашеніе. Черезъ это препятствіе именно и перешагнули Кирѣвскіе, Хомяковъ и ихъ друзья, когда въ 1845 году приняли въ свои руки редакцію журнала «Москвитининъ». Они сдѣлали первый шагъ на-встрѣчу западникамъ. Можно сказать, что новые редакторы «Москвитинина», овладѣвая журналомъ, ничего другого и не имѣли въ виду, какъ правильнаго, съ ихъ точки зрѣнія, постановленія и разрѣшенія вопроса. Тогда и оказалось съ перваго же раза, что для славянской партіи *типъ* европейской цивилизаціи столько же дорогъ, какъ и любому европейцу, но дорогъ не какъ готовый образецъ для подражанія, а какъ надежный владчикъ въ капиталъ собственныхъ умственныхъ сбереженій русской народной культуры, какъ хорошій пособникъ при обработкѣ ею самой своего капитала.

Первымъ дѣломъ редакторовъ было, поэтому, устраненіе и опроверженіе тѣхъ мнѣній своихъ собственныхъ единомышленниковъ, которые или презирали типъ европейской цивилизаціи, или противопоставляли его славянской культурѣ, какъ нѣчто враждебное послѣдней или къ ней неприложимое. Руководящая статья И. В. Кирѣвскаго въ 1-мъ № «Москвитинина» за 1845 годъ («Обозрѣніе современнаго состоянія словесности») наносила тяжелые удары преслѣдователямъ Запада и, прежде всего, старому критику того же «Москвитинина» — С. III., который въ 1841 году въ статьѣ: «Взглядъ на образованіе европейское», выражалъ мнѣніе, что Россія, не испытывавшая ни реформаціи, ни революціи и тѣмъ самымъ сохранившая въ себѣ великое нравственное единство, не можетъ дѣлать духовной жизни съ болѣзненнымъ европейскимъ міромъ, а скорѣе призвана, можетъ быть, исполнить и обновить его. И. В. Кирѣвскій не менѣе С. III. вѣро-

валъ во всё, такъ-сказать, догматы славянофильской партіи, въ печальное раздвоеніе европейской жизни, въ необходимость и возможность ея обновленія началами восточнаго любу мудрїа, что и высказывалъ въ своемъ трактатѣ; но И. В. Кирѣевскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ представленіе о роли Запада въ дѣлѣ цивилизаціи гораздо болѣе широкое, чѣмъ ультра-славяне изъ его собственной партіи, которымъ и не замедлилъ высказать горькія истины.

Во второй своей статьѣ («Москвитянинъ», № 2, 1845 года) онъ объявлялъ оба направленія наши, какъ чисто-русское, такъ и чисто-западное, одинаково ложными, и это на основаніяхъ, которыя были гораздо болѣе оскорбительны для собственной его партіи, чѣмъ для враждебной ей. «Чисто-русское направленіе ложно потому,—замѣчалъ онъ,—что пришло неизбежно, роковымъ образомъ, въ ожиданію чуда и призыву его на помощь своей вѣры, ибо только чудо можетъ воскресить мертвеца—русское прошлое, которое такъ горько оплакивается людьми этого возрѣвїа. Направленіе, вдобавокъ, не видитъ, что каково бы ни было просвѣщеніе европейское, но истребить его вліяніе, послѣ того, какъ мы однажды сдѣлались его причастниками, уже находится внѣ нашей силы, да это было бы и великимъ бѣдствіемъ».—«Оторвавшись отъ Европы,—добавлялъ онъ,—мы перестаемъ быть общечеловѣческою національностью, лишаемся всѣхъ благъ римско-греческаго образованія» («Москвитянинъ», 1845 года, № 2, стр. 63—78). Западникамъ, подъ которыми преимущественно разумѣлся Бѣлинскій, какъ самый крайній изъ нихъ, посылался тоже довольно тяжкій укоръ. Направленіе ихъ обвинялось въ непониманіи того, что истины Запада суть только остатки христіанскихъ началъ, и упрекъ добавлялся замѣчаніемъ, что они *женоподобно* управляются одной страстью къ предмету обожанія, которая и привела ихъ къ негѣпой мысли, будто все уже рѣшено Европой и слѣдуетъ только подбирать какъ святыню все, что она бросаетъ нужнаго и ненужнаго» (стр. 73). Вмѣсто этихъ пустыхъ направленій, для Кирѣевскаго существуетъ и важно только представленіе о двухъ родахъ образованія—одно то, которое творится чрезъ внутреннее устроеніе духа, силою извѣщающей въ немъ истины. Это самое разумное, высшее, и уже безъ познанія Европы обойтись не можетъ. Другое—нижнее образованіе слагается чрезъ формальное развитіе разума и приобрѣтеніе высшихъ познаній, съ помощью одного заимствованія; оно дѣлаетъ изъ человѣка подобіе логически-технической выкладки, безъ національныхъ и всякихъ другихъ убѣжденій (74).

Въ концѣ изслѣдованія является у Кирѣвскаго резюмирующій тезисъ, который гласитъ: «поэтому, любовь къ образованности европейской, равно какъ и любовь къ нашей,—обѣ совпадаютъ въ послѣдней точкѣ своего развитія въ одну любовь, въ одно стремленіе къ живому, полному, вселовѣческому и истинно-христіанскому просвѣщенію». Обѣ статьи И. В. Кирѣвскаго произвели громадное впечатлѣніе и нашли доброжелателей и порицателей одинаково въ обоихъ лагеряхъ—славянскомъ и западномъ. Бѣлинскій принадлежалъ къ числу порицателей. Въ постройкѣ статей онъ усмотрѣлъ отчасти нѣмецкій характеръ, искусно, но фальшиво обобщающій предметы, а потомъ и нѣкоторую непослѣдовательность: «Какъ же это,—говорилъ онъ,—Кирѣвскій отыскалъ племя, способное дополнить развитіе Европы свѣжими элементами своего издѣлія, а между тѣмъ предлагаетъ ему идеалы цивилизаціи собственнаго своего измышленія. Да вѣдь идеалъ-то цивилизаціи и есть само это избранное племя! Нѣтъ, ужъ если вы не обманываете самого себя, говоря, что сподобились читать въ книгѣ судебъ о призваніи русскаго народа, такъ не стыдитесь лежать передъ нимъ во прахѣ. Я больше люблю Ш. и П., которые, не бродя по сторонамъ, просто ревутъ: «мы спасители, мы обновители!»—ужъ и знаешь, что имъ на это отвѣчать».

Третья статья И. Кирѣвскаго, которая, по плану его, должна была заняться текущими явленіями литературы, къ сожалѣнію, не появилась въ печати.

Не менѣе рѣшительно и строго отнесся къ доморощеннымъ гонителямъ Запада и А. С. Хомяковъ въ двухъ прекрасныхъ своихъ статьяхъ: а) «Письмо въ Петербургъ» («Москв.», 1845, № 2): о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ; и б) «Мнѣніе иностранцевъ о Россіи» («Москв.», 1845, № 4).

Послѣдняя не была подписана и, конечно, имѣла въ виду извѣстную книгу Кюстина, которая, несмотря на строгое запрещеніе ея, читалась у насъ повсемѣстно и возбуждала характеристичной нѣкоторыхъ лицъ и событій саркастическіе толки въ тихомолку, очень невинные, но очень безпокоившіе однакоже административныхъ людей эпохи. Обычныхъ славянофильскихъ оговорокъ и въ этихъ статьяхъ нашлось много. Какъ и Кирѣвскій, Хомяковъ объявлялъ въ первой изъ нихъ просвѣщеніе не чѣмъ инымъ, какъ просвѣтленіемъ всего разумнаго состава въ человѣкѣ или народѣ, дополняя эту мысль еще замѣчаніемъ, что такое просвѣтленіе можетъ совпадать съ наукой, а можетъ существовать и безъ нея, не теряя отъ того своего благотвори-

наго дѣйствія ¹⁾. Какъ и Кирѣевскій, онъ предпосылалъ обличенію друзей обличеніе западниковъ и шюаля Бѣлинскаго, которыхъ винилъ въ непростительной односторонности. Въ литературныхъ сужденіяхъ своихъ, какъ И. В. Кирѣевскій, такъ и А. С. Хомяковъ, очень близко подходили къ Бѣлинскому, а часто шли и дальше его. Вотъ, напримѣръ, мѣсто изъ второй статьи Кирѣевскаго: «Произведенія нашей словесности, какъ отраженія европейскихъ, не могутъ имѣть интереса для другихъ народовъ, кромѣ интереса статистическаго, какъ показанія мѣры нашихъ ученическихъ успѣховъ въ изученіи ихъ образцовъ» («Москв.», 2, 63). Сильнѣе этого ничего не говорилъ и Бѣлинскій, а сколько брани вытерпѣлъ онъ за подобные, теперь уже совершенно оправданные приговоры! Правда—славянская наша партія, часто соглашаваясь втайнѣ съ положеніями ненавистнаго ей критика, старалась всемѣрно держать себя въ сторонѣ отъ него, отыскивая подъ-часъ довольно хитростнымъ способомъ возможность, раздѣляя его мнѣніе, противорѣчить ему. Примѣровъ этому много. Оградивъ такимъ образомъ убѣжденія свои отъ всякихъ подозрѣній въ потакательствіи врагамъ, Хомяковъ тѣмъ съ болѣею силой обращается къ старовѣрамъ собственной партіи, чужающимся отъ Запада какъ отъ язвы. «Не думайте», восклицаетъ онъ: «что подъ предлогомъ сохранить цѣлостность жизни и избѣжать европейскаго раздвоенія, вы имѣете право отвергать какое-либо умственное или вещественное усовершенствованіе Европы». — «Есть что-то смѣшное», продолжаетъ онъ: «и даже что-то безнравственное въ этомъ фанатизмѣ неподвижности» (Ib. стр. 82—83). — «Знайте», поясняетъ онъ далѣе, «что усвоеніе чуждыхъ стихій производится въ силу законовъ нравственной природы народа и производитъ новыя явленія, обнаруживающія его своеобразность, многосторонность и самостоятельность». — Онъ даже обвиняетъ нашихъ ультра-патріотовъ и гонителей Запада просто скептиками, лишеными вѣры въ силу истины и здоровыхъ началъ русской жизни, которую защищаютъ и которая на нашихъ глазахъ, несмотря на характеръ подражательности, ей свойственной, уже опередила своихъ учителей во многомъ: въ ней, напримѣръ, немислимо такое явленіе, какъ *базарское* искусство, занятое воспроизведеніемъ въ одно время греческихъ, византійскихъ и средневѣковыхъ памятниковъ.

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ Хомяковъ приводитъ въ примѣръ такихъ мудрыхъ и свѣтлыхъ эпохъ, сложившихся, однакоже безъ участія формальнаго знанія,—царствованія Феодора Ивановича, Алексія Михайловича и императрицы Елизаветы Петровны, о чемъ было уже говорено.

Было довольно странно восхвалять русскую жизнь за то, чего она не сдѣлала, не имѣя еще и понятія объ исторіи искусства вообще, но мѣткость всѣхъ другихъ опредѣленій Хомякова была признана славянами по отношенію къ западникамъ, а западниками по отношенію къ славянамъ.

Вторая статья Хомякова: «Мнѣніе иностранцевъ о Россіи», любопытна была тѣмъ, что освобождала иноземныхъ авторовъ и ихъ русскихъ подсказывателей отъ отвѣтственности за неабытности, распространяемыя ими о Россіи. Чтбъ другое могли бы они говорить?—замѣчаетъ Хомяковъ. Основное жизненное начало народа, откуда все исходитъ, весьма часто не только не понимается другими народами, да нерѣдко и имъ самимъ. Примѣромъ тому можетъ служить Англія, и доселѣ не понимаемая, по мнѣнію автора, ни чужеземными, ни *своими* писателями ¹⁾. При одномъ формально научномъ образованіи и при одномъ логическомъ способѣ добыванія идей—прибавляетъ онъ—нѣтъ и возможности уловить душу народа, уразумѣть начала, которыми онъ живетъ. Вотъ почему нашъ простой народъ, не пошедь за высшими классами въ логическомъ и формальномъ образованіи, оказалъ, по Хомякову, громадную услугу Руси. «Тутъ произоню», говоритъ авторъ, «бессознательное асновидѣніе человѣческаго разума, которое предугадываетъ многое, чему еще не можетъ дать ни имени, ни положительнаго очертанія» (№ 4 «Москв.»., с. 38). Сохранявъ свою національную культуру, русскій народъ подготовилъ дорогіе матеріалы для народнаго самосознанія, которое еще болѣе укрѣпится и сильнѣе выразится послѣ усвоенія элементовъ европейской цивилизаціи, и уже сдѣлаетъ тогда невозможнымъ жетолекованія русской жизни, какъ со стороны чужеземныхъ, такъ и своихъ изслѣдователей.

Даже и такой труженикъ, какъ П. В. Кирѣевскій, весь посвятившій себя собранію памятниковъ народнаго творчества и не охотно являвшійся на журнальную арену, принялъ участіе въ дѣлѣ созиданія прочныхъ основъ для своей партіи. Онъ опровергалъ въ № 3 «Москвитянина» извѣстное положеніе М. П. Погодина, по которому русскій народъ всегда отличался мяг-

¹⁾ Это сѣкое положеніе А. С. Хомякова, всѣми замѣченное и не оставленное безъ возраженія, показывало еще разъ, какъ далеко улегалъ его блестящій умъ, наклонный къ рѣшительнымъ словамъ и афоризмамъ, ради потрясающаго ихъ дѣйствія на слушателей. Вотъ что говорилъ онъ далѣе въ подтвержденіе своей мысли: „Вездѣ она (Англія) является, какъ созданіе условнаго, мертваго формализма... но она вѣдѣтъ съ тѣмъ имѣть преданія, поэзію, святость домашняго очага, теплоту сердца и Дикенса, *мѣткою брата* нашего Гоголя“ (!). „Москв.“, 1845 г., № 4, с. 29.

костію, податливостію, не зная сословной розни и *легко покорялся* всякому требованію. П. В. Кирѣевскій считалъ это положеніе оскорбительнымъ для русскаго народа, предлагалъ другое поясненіе его исторіи и вывралъ жаркое возраженіе М. П. Погодина, подтверждавшаго свою прежнюю тему о податливости русскаго народа ссылками на лѣтописи.

Вообще можно полагать, что старшій редакторъ журнала имѣлъ причины раскаяваться въ томъ, что предоставилъ органъ свой другимъ рукамъ, несмотря на быстрое нравственное и матеріальное значеніе, прибрѣтенное «Москвитяниномъ» подъ новой редакціей. Уже съ 3-го нумера, М. П. Погодинъ поспѣшилъ оградить себя отъ нападковъ своихъ слишкомъ добросовѣстныхъ и откровенныхъ друзей, требованія которыхъ все болѣе и болѣе росли и грозили оставить его самого и добрую часть его партіи позади себя. Въ статейкѣ: «За русскую старину» (№ 3, с. 27) онъ съ нескрываемой досадою возражаетъ на упрекъ или на *клевету*, какъ выразился, будто славянофилы не уважаютъ Запада, будто хотятъ воздвигнуть мертвый трупъ, будто нечестиво поклоняются неподвижной старинѣ. Обиженный редакторъ довольно иронически поясняетъ, что они ратуютъ только за русскій духъ, вбѣющій изъ старины, за самостоятельность жизни, а потомъ и за свободное признаніе всѣхъ заслугъ запада, востока, сѣвера и юга (с. 31).

Это значило не отвѣчать вовсе на сущность вопроса. По окончаніи года, М. П. Погодинъ поспѣшилъ принять журналъ опять въ свои руки и легко успѣлъ лишить его значенія, которое онъ сталъ прибрѣтать. «Москвитянинъ» влачилъ довольно безцвѣтное существованіе, опаздывая книжками и изрѣдка оживляясь полемическими искрами, скоро потухавшими безслѣдно въ массѣ литературнаго хлама. Такъ продолжалось до 1850 г., когда новое поколѣніе, исключительно воспитанное Москвой, опять обратило на журналъ вниманіе публики. Имена свѣжихъ дѣятелей, оживившихъ тогда редакцію журнала, подъ знаменемъ котораго они собрались, теперь хорошо извѣстны. Это были, по части художественнаго производства, А. Островскій, А. Писемскій, А. Потѣхинъ, Кокоревъ и другіе, а по части критики и философіи — Ап. Григорьевъ, Эдельсонъ, Т. Филипповъ и др. Петербургъ тотчасъ же завязалъ и съ ними полемику, принявъ ихъ за эпигоновъ — послѣдковъ старой могущественной партіи, но это уже относится къ другому періоду литературы и развитія.

Московскіе западники, съ Грановскимъ и Г. во главѣ, не оставили руки, такъ великодушно протянутой имъ партіей славянъ,

безъ отвѣта. Они просто обрадовались возможности связать съ высокоразвитыми своими противниками опять нѣкоторый обмѣнъ мыслей, такъ какъ главный ровъ, мѣшавшій всякому сношенію между обоими лагерями, былъ если не вполне, то на половину засыпанъ. Слово возвратилось борцамъ, потому что они могли уже разумѣть другъ друга. Сохраняя всѣ свои отличія и свою независимость, не признавая очень многія изъ положеній славянъ, которыми они обрашивали и дополняли главную тему о пользѣ и необходимости изученія Европы, а особенно не отрицаясь отъ права и обязанности энергически противиться при случаѣ выводамъ, которые они дѣлали изъ исторіи, какъ русской, такъ и европейской вообще—московская западная партія признавала, однакоже, важность ихъ послѣдняго profession de foi и поняла необходимость и законность уступокъ и съ своей стороны. Уступки эти и были сдѣланы, какъ увидимъ. Но Бѣлинскій оставался внѣ всего этого движенія.

П. Анненковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШЬ

Посвящается Ив. С. Тургеневу.

XIV *).

МУЧЕНИКЪ ЗАХОЛУСТЬЯ.

I.

Иванъ Ивановичъ Березинъ былъ воплощеннымъ героемъ современнаго романа, не сочиненнаго или выдуманнаго, а дѣйствительнаго, и не разъ разыгравшагося передъ нами въ «весенній», полный возвышенныхъ иллюзій и добрыхъ начинаній періодъ русской жизни. Крошечнымъ мальчикомъ онъ попалъ въ сельскую школу, на скорую руку и съ большими матеріальными пожертвованіями основанную престарѣлой и экзальтированной барышней-помѣщицей, вдругъ ударившейся въ обожаніе народа и какъ-то тоже вдругъ утратившей всякую способность думать и говорить о чемъ бы-то ни было, кромѣ народнаго образованія. Въ скоромъ времени бойкій, миловидный Ваня, ставшій украшеніемъ школы и предметомъ боготворенія барышни, послѣ нѣкоторой возни съ родителями, не желавшими терять работника, былъ перемѣщенъ въ барскій домъ, и съ этого дня сдѣлался предметомъ неуспѣшныхъ попеченій и заботъ своей покровительницы. Окончивъ курсъ гимназій первымъ ученикомъ и съ медалью, онъ поступилъ въ университетъ по естественному факультету, а вмѣстѣ съ нимъ

*) См. „Вѣстникъ Европы“: февраль и мартъ, 1872; февраль и апрѣль, 1876; май, 1879.

переходила въ городъ и восторженная барышня, на всѣхъ перекресткахъ кричавшая о способностяхъ и чуть ли не гениальности бывшаго крестьянскаго мальчика. На этомъ мѣстѣ, въ самый разгаръ обожанія Вани, барышню внезапно подкосила жесткая рука смерти, помѣшавъ ей какъ слѣдуетъ обезпечить будущность своего воспитанника. Ваня остался одинъ безъ всякихъ средствъ, да еще съ привычками, усвоенными во время хорошаго, полнаго довольства, житя. Отъ народа у него осталось только крѣпкое сложеніе да красивое лицо, блѣлое, румяное, чисто русское-мужичье, только выхоленное на хорошихъ кормахъ; отъ всего прошлаго—обрывки кое-какихъ знаній, непрактичность и, усвоенная отъ воспитательницы, склонность къ фантазіи и мечтательности; но онъ не унывалъ, и хорошо дѣлалъ, такъ какъ на Руси стояла «весна», и время было самое благоприятное для новыхъ, почти невиданныхъ и только-что входившихъ въ моду людей изъ народа. Благодѣтельница не даромъ трезвонила по всему городу о гениальности студента-крестьянина, и, благодаря этому неумолкаемому трезвону, Березинъ тотчасъ же получилъ весьма выгодное мѣсто домашнего учителя у богатой вдовы, тоже вдругъ, на пятидесятомъ году своей жизни, сообразившей всю нелѣпость и скудость женскаго образованія, и твердо рѣшившейся дать своей единственной дочери возможно-серьезное и современное направленіе. Тутъ все пошло какъ по маслу и совершилось такъ, какъ неминуемымъ образомъ должно было совершиться въ то блаженное время; не успѣлъ хорошенько опомниться и оглядѣться домашній учитель, какъ уже былъ по уши влюбленъ въ свою ученицу, пользовался взаимностью и, наконецъ, торжественно объявленъ былъ женихомъ. Всѣ радовались и блаженствовали: мать восхищалась тѣмъ, что стала выше устарѣвшихъ предрассудковъ; молодые—цѣлые дни взапуски толковали о томъ: какъ начать вмѣстѣ работать, пойдутъ одной дорогой, будутъ дѣлать настоящее дѣло, хотя юная супруга и не совсѣмъ ясно понимала, въ чемъ заключается это дѣло, а смутно догадывалась, и только ближайшіе, довольно знатные родственники, точно затерявшіеся въ глубинѣ сцены хористы, уныло пѣли о мезальянсѣ, въ безсильномъ гнѣвѣ потрясая сжатыми кулаками. Потомъ, когда миновали первые восторги, сдѣлана была попытка ввести Березина въ высшее общество, заставить служить, сдѣлать карьеру, но такъ какъ такого рода попытки не увѣнчались успѣхомъ, то въ концѣ-концовъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безполезнаго прожизнанія въ одной изъ столицъ, Березинъ купилъ на имя жены большое, удаленное отъ города и всякихъ

сообщеній имѣніе, въ одной изъ приволжскихъ губерній, и такимъ образомъ очутился на самомъ дѣѣ захолустья.

Положеніе его было завидное: молодъ, здоровъ, богатъ, независимъ, кандидатъ естественныхъ наукъ; жена хотя и слишкомъ спокойная и флегматичная для роли общественной дѣятельницы, но въ то же время рѣдкій, вырождающійся типъ безотвѣтной русской женщины, видѣвшей въ мужѣ какое-то высшее существо; а во всему этому нескончаемая, не дающая ни минуты покоя или отдыха дѣятельность въ качествѣ гласнаго, судьи и члена училищнаго совѣта. Чего же болѣе требовать и желать человѣку, и если Березинъ изрѣдка и напускалъ на себя мрачныя думы о народной бѣдности, о трудящейся молодежи, о подчиненіи женщинъ и т. д. и т. д., то въ то же время въ немъ не было ни малѣйшаго признака ожесточенія въ отношеніи къ жизни. Онъ такъ и оставался непрактичнымъ, добрымъ, или, вѣрнѣе сказать, мягкимъ человѣкомъ, съ вѣчной, даже въ минуту сильнаго раздраженія не сходящей съ лица, кроткой улыбкой. Онъ не былъ проникнутъ ясно сознанными стремленіями, но болѣе подчинялся потребностямъ своей мягкой природы, воображалъ себя отвлеченнымъ реалистомъ, нѣжно любилъ естественныя науки, ни въ грошъ не ставилъ знаніе исторіи и литературы, даже отечественной, любилъ человѣчество и, увлекаясь своей страстью къ народу, то-и-дѣло, кстати и не кстати склонялся: народъ, народа, народу, о народѣ!—и въ то же время кичился своимъ происхожденіемъ изъ народа, нисколько не уступая въ этомъ случаѣ какому-нибудь Рюриковичу, съ презрѣніемъ относившемуся ко всему, что только не происходило отъ Рюрика. По временамъ онъ былъ даже способенъ къ утвержденію, что понимать и любить народъ можетъ только человѣкъ, вышедшій изъ народа, —способенъ не позволять никому другому даже мечтать о служеніи меньшей братіи. Ко всему этому Березинъ, будучи не прочь порисоваться, ораторствовать, развивать отвлеченныя общечеловѣческія идеи, отличался неизмѣнной способностью къ преувеличенію и крайностямъ: восхищаться такъ восхищаться, порицать такъ порицать, ужасаться такъ ужасаться. Эту послѣднюю, выдающуюся черту его характера живо подмѣтили и хорошо изучили университетскіе товарищи, въ шутку называя Березина «восхищательнымъ знакомъ», —что очень не нравилось и всегда бѣсило юнаго студента.

Но при всѣхъ своихъ слабостяхъ Березинъ былъ, относительно, честнымъ и энергичнымъ человѣкомъ, не только нужнымъ, но даже необходимымъ при нашемъ, доводящемъ до от-

чаянія безлюдья. Такъ или иначе, но онъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ людей, не только перешедшихъ отъ фразы къ дѣлу, но и способнымъ на существенныя матеріальныя жертвы въ пользу меньшей братіи. Со временемъ всѣ такъ и привыкли къ тому, что онъ неминуемымъ образомъ долженъ выступить на земскихъ собраніяхъ съ новыми, иногда полезными предложеніями, а тогда же послѣ прочтенія имъ же написаннаго доклада совѣта долженъ подняться съ мѣста и, какъ выражались мѣстные земцы, «дѣйствовать», то-есть горячо защищать неотступныя просьбы о новыхъ добавочныхъ суммахъ на святое дѣло народнаго образованія. Обыкновенно въ такую торжественную минуту мѣстные тузы принимались всячески мѣшать оратору, умышленно и громко вѣвать, усиленно курить, пуская цѣлыя облака дыма, но такъ какъ Березинъ все-таки продолжалъ «дѣйствовать», то противники съ шумомъ поднимались съ своихъ мѣстъ, оставляя его среди облаковъ дыма, съ глазу на глазъ съ крестьянами и всякими разnochинцами.

За то такая, неутомимая, постоянная возня съ народной пользой, при всемъ ничтожествѣ достигаемыхъ результатовъ, въ нѣкоторой степени вознаграждалась извѣстной, въ сущности микроскопической популярностью, и во время судебныхъ выборовъ гласные изъ крестьянъ, весело подталкивая другъ друга, дружно сыпали Березину направо, а немногочисленные друзья не шути восхищались имъ, тщательно отыскивая первоначальный источникъ его народолюбія въ первыхъ годахъ дѣтства...

Стояла глубокая, мертвая осень, когда Березинъ переѣхалъ въ старый барскій домъ купленнаго имѣнія, тотчасъ же почувствовавъ себя въ положеніи богатаго иностранца, поселившагося въ одномъ изъ швейцарскихъ пансіоновъ. Вокругъ неутомимо шевелился огромный муравейникъ, жизнь котораго не имѣла ничего общаго съ городской и вообще интеллигентной жизнью. Зброшенное въ самую глубь захолустя, селеніе продолжало оставаться въ первобытномъ состояніи, ничего не зная и не желая знать о какихъ-то новыхъ вѣяніяхъ и просвѣтительныхъ начинаніяхъ. Чтеніе, преимущественно статей научнаго содержанія, насадило до тошноты и только заводило далеко уже отставнаго Березина въ безвыходные, темные корридоры, изъ которыхъ онъ не зналъ, какъ и выбраться; сосѣдей ни души, кромѣ двухъ управляющихъ большихъ имѣній, а хозяйство находилось въ рукахъ вѣрнаго челоуѣка, между тѣмъ какъ все участіе Березина заключалось въ постоянныхъ заботахъ объ улучшеніи пищи и увеличеніи жалованья рабочимъ.

Ненастные дни превратились въ постоянные сумерки, въ воздухѣ стояла мелкая изморозь, прервано всякое сообщеніе, о газетахъ нѣтъ и помину. Удручающая скука, точно темное, все ниже и ниже опускавшееся облако, тяготѣла надъ барской усадьбой; все бродило въ какомъ-то усыпленіи, ноги едва двигались, руки болтались, какъ плети, или вдругъ кто-нибудь напивался, а то ни съ того, ни съ другого поднималъ ссору или драку. Всѣ на мгновеніе пресыпались, наполняли сквернословіемъ и безъ того душную атмосферу, жаловались, тормозили Березина, чтобы потомъ снова погрузиться въ непробудный сонъ, между тѣмъ какъ мѣстные новости ограничивались слухами о томъ, что Буйковский батюшка все держался, долго держался и вдругъ разрыдался, а Шиповскій зарекся; или, наоборотъ, — то-есть Шиповскій прорвался, а Буйковский наложилъ на себя зарокъ воздержанія; что помѣщикъ Кашкаровъ въ одинъ чулокъ проскакалъ по улицѣ; что сидѣлецъ Викторъ Ефимовичъ завелъ торбанъ и тѣмъ удесатерилъ доходъ кабака; что крестьяне села Елшанки наврыли и изувѣчили оборотня, оказавшагося дьячкомъ Аполлономъ; что Василій Андреевичъ вызвалъ на поединокъ Аванасія Ивановича, а самъ бѣжалъ въ Вѣну; что кто-то изъ городскихъ тузовъ сломалъ чугунныя ворота; что находящійся на испытаніи дьяконъ Триумфальскій вотъ уже третій день штурмуетъ домъ приходскаго священника, даже препятствуя подвозу свѣстныхъ припасовъ осажденному; что 6-ть волковъ сволокли крестьянина съ лошади, а 12-ть остановили почту и т. д., все въ такомъ же родѣ.

Съ ужасомъ сообразивъ, что, сидя сложа руки, при такой обстановкѣ, можно быстро дойти до нравственнаго и умственнаго усыпленія, а при постоянной дѣятельности никакая глушь опасна быть не можетъ, Березинъ всячески старался навязать себѣ какъ можно болѣе дѣла. Онъ постарался сойтись съ священникомъ, вытаскилъ на свѣтъ Божій хранившійся для порядка при церкви, но никогда и никѣмъ не примѣнявшійся уставъ о приходскихъ попечительствахъ, на свой счетъ выстроилъ очень хорошую, свѣтлую и помѣстительную школу, добылъ плавсу-учительницу, впрочемъ, весьма прилежную и преданную дѣлу, вошелъ въ интимныя отношенія съ законоучителями, учителями и учительницами сосѣднихъ школъ, приглашалъ ихъ къ себѣ, всячески содѣйствовалъ постройкѣ новыхъ училищъ, на собственный счетъ снабжалъ ихъ всякими невиданными до того времени учебными пособиями, и, къ довершенію всего, настѣжь распахнулъ свои двери для меньшей братіи, жаждавшей совѣта, защиты и помощи.

Рѣкой хлынулъ народѣ, поспѣвая възвалить на плечи Березина свои нужды и лихія болѣсти и превращая его въ одно и то же время въ какого-то банкира для бѣдныхъ, въ судью, адвоката, землемѣра, архитектора, доктора, а при случаѣ даже и оператора.

Некогда было обдумывать, готовиться, читать, когда каждый часть приходилось кого-нибудь наставлять, выручать, спасать, когда съ каждымъ шагомъ впередъ открывались все новыя и новыя потребности, безъ которыхъ, очевидно, не могъ жить и существовать народъ, Богъ-вѣсть какимъ образомъ перебивавшійся до того времени.

— Понимаете? — всѣмъ и каждому толковалъ Березинъ, — все это нигуда не годится, все это нужно устроить, измѣнить, и какъ можно скорѣе, какъ можно скорѣе!

II.

Въ одинъ изъ безконечныхъ осеннихъ вечеровъ, въ кабинетѣ Березина собрался интимный совѣтъ, состоявшій изъ хозяина, его жены, мѣстнаго священника, оказавшагося страстнымъ реформаторомъ, учительницы-плагсы, волостного старшины и замѣчательно умнаго сельскаго старина Захара Михайловича.

Хозяинъ быстро шагаль по комнатѣ, ораторствуя о необходимости ссудосберегательнаго товарищества, на устройство коего онъ немедленно жертвовалъ 2000 рублей, накопленные изъ судейскаго жалованья съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала шли на нужды сельской школы, лишенной всякой, даже грошовой поддержки со стороны крестьянъ. Хозяинъ дома, одобрительно кивая головой, покорными и все еще влюбленными глазами слѣдила за взъерошенной, энергичной фигурой мужа. Священникъ, едва поспѣвавшій за Березиннымъ, то-и-дѣло перебивалъ его рѣчь своими восторженными одобреніями и громкими возгласами. Это былъ человѣкъ лѣтъ 40, бездѣтный вдовецъ, бурсакъ стараго закала, веселаго и отчасти беззаботнаго характера. Мужики любили его и выражались о немъ такъ:—Горьчичный, да ничего: обругаетъ, разожжетъ, какъ только надо, а сейчасъ опять разговариваетъ, всей душой въ тебѣ... Ну, и на счетъ поборомъ прость, страсть какъ прость!

Съ тѣхъ поръ, какъ въ русскомъ обиходѣ завелись хорошія слова, когда заговорили о пользѣ общественной и прогрессѣ, священникъ, точно восторженный юноша, влюбился въ эти слова, едва

понимая ихъ значеніе, но по природѣ своей не зная предѣла надеждамъ и увлеченіямъ.

Учительница, вся въ черномъ, точно въ траурѣ, полная блондинка, съ красными щеками, только вводившими въ заблужденіе относительно ея разбитого здоровья, то-и-дѣло подносила къ глазамъ судорожно сжатый платокъ. Волостной старшина, отличавшійся низкимъ лбомъ, густо намасленными волосами, маленькій, юркій человекъ, не имѣвшій ни малѣйшаго признака мужика и появившій въ старшину прямо изъ сидѣльцевъ питейнаго заведенія, то-и-дѣло привскакивалъ съ креселъ, какъ будто намѣреваясь сообщить что-то весьма нужное, но, ничего не сказавши, снова опускался на свое мѣсто.

Молчать и сельскій старикъ, извѣстный пчелякъ и садоводъ Захаръ Михайловичъ, но на лицѣ его выражалось напряженное вниманіе и нескрываемое удовольствіе, что вотъ и ему, старику, довелось слышать такіа умныя рѣчи и завросто сидѣть и бесѣдовать въ барскомъ домѣ. Типичное, строгое лицо старика, съ орлиными, насквозь пронизывающими глазами, горѣвшими неутомимымъ любопытствомъ и неистощимой любознательностью изъ-подъ нависшихъ бровей и массы густыхъ, спутанныхъ и слегка посѣдѣвшихъ волосъ, здравый смыслъ, всегда умная рѣчь, невѣроятная въ мужикѣ симпатія къ грамотности и всякимъ благимъ начинаніямъ, все это, вмѣстѣ взятое, съ первой же встрѣчи поразило Березина и вызывало самое искреннее поклоненіе къ старому дѣду. Миръ, мірское дѣло и вообще все свое, все мірское старикъ презиралъ отъ глубины души и съ особеннымъ злорадствомъ тѣшился надъ своими односельцами: какіе это крестьяне, — ложатся съ виномъ и встаютъ съ виномъ, пьютъ, пьютъ, да уже перепьютъ и лишковъ, — возмущался старикъ и спѣшилъ укрыться отъ суеты міра сего на своемъ, уединенномъ пчельникѣ, среди имъ же самымъ взлелѣянныхъ яблонь, малины, хмѣля и тихаго, глухаго шума пчелъ, носившихся въ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ мѣда. За то и міряне, изъ числа такъ-называемыхъ «отчаянныхъ», не пропускали ни одной изъ безконечныхъ гулянокъ, чтобы не поглумиться надъ богатымъ мужикомъ и не закинуть ему слишкомъ откровенныхъ намековъ на краснаго пѣтуха и возможности отобранія въ общество его сада, его любимаго дѣтища. Вообще, Захаръ Михайловичъ былъ самымъ типичнымъ представителемъ русскаго человека, всегда протестующій, ничѣмъ своимъ и окружающимъ недовольный, вѣчно жаждущій чего-то лучшаго, новаго, но не своего, а непременно чужого. Онъ не хранилъ въ своей памяти никакихъ

теплыхъ воспоминаній, точно въ теченіи его 70-ти-лѣтней жизни такъ и не случилось ничего хорошаго, ничего отраднаго. Страсть къ размышленію надъ всякими головоломными, чуть не государственными вопросами, страсть къ разспросамъ о томъ, какъ живутъ въ иностранныхъ земляхъ, были выдающимися наклонностями старика, и онъ особенно часто сталъ навѣщать Березина, какъ только узналъ, что тотъ видѣлъ свѣтъ и даже побывалъ за-границей. Старикъ просиживалъ у него цѣлые вечера, старательно и хитро выпытывая о заграничныхъ порядкахъ и оставаясь недовольнымъ, когда тотъ критически относился къ этимъ порядкамъ. Это былъ западникъ, крайній западникъ, въ то же время никогда ничего не видѣвшій, кромѣ своего села и ближайшаго уѣзднаго города, немногимъ отличавшагося отъ села. Ко всему этому остается добавить, что Захаръ Михайловичъ былъ самымъ яркимъ сподвижникомъ Березина, и сторонясь не только отъ мірской службѣ, но и всякой дѣятельности на пользу общества, въ то же время первый привелъ въ школу своихъ двухъ внучатъ и на всѣхъ перекресткахъ проповѣдывалъ, что ученіе свѣтъ, а не-ученіе тьма.

Къ концу вечера, до-сыта наговорившіеся собесѣдники единодушно порѣшили, во что бы то ни стало, открыть товарищество и завтра же на волостномъ сходѣ объявить народу объ ожидающемъ его благополучіи.

III.

На другой день Березинъ вышелъ на сходъ, собравшійся по случаю выбора волостного старшины. Огромная толпа покрывала все пространство сельской площади между кабакомъ и волостнымъ правленіемъ. Въ самомъ правленіи была такая давка, что ни войти, ни выйти не было никакой возможности. Всѣ языки и руки въ движеніи, всѣ голоса надорваны, всѣ обливались потомъ, каждый что-то выкрикивалъ, напирая на сосѣда, главнымъ образомъ заботясь о томъ, чтобы перекричать и заглушить его голосъ. Старшину любили и не желали смѣшать, такъ какъ онъ никому не мѣшалъ и въ сущности ничего не дѣлалъ—ни полезнаго, ни вреднаго, а вся его дѣятельность была исключительно сосредоточена на недоимкахъ, канцелярской работѣ, а главнымъ образомъ, на устройствѣ постоялаго двора, находившагося въ ближайшемъ городѣ, куда онъ то-и-дѣло скакалъ на волостной парѣ съ колокольникомъ и завывавшейся колодой пристяжной.

Въ правленіи не присутствовало никакого начальства, и никто ни съ какой стороны не вліялъ на свободу выборовъ.

Но вотъ пренія мгновенно упали и среди наступившей тишины быстро распространилось извѣстіе, что старшій старшина пообѣщалъ три ведра вина, а старики умираются и стоятъ на томъ, чтобы онъ раскошеливался и ставилъ 6-ть ведеръ на всю волость.

Минута, казалась, благопріятной, и Березинъ, ничего не понимавшій изъ того, что творилось въ правленіи, изрядно поработавъ плечами и руками, протискался впередъ и обратился къ народу съ приглашеніемъ принять участіе въ задуманномъ товариществѣ.

Рѣчь Березина была по обыкновенію несвязна и сбивчива. Онъ то говорилъ о своихъ жертвахъ, о томъ, что даетъ на устройство товарищества двѣ тысячи, и потомъ прибавлялъ: «что все это пустяки, о которыхъ и упоминать не слѣдовало... какія же это жертвы». То распространялся о своей дѣятельности, о томъ, что все-таки, благодаря счастливой случайности, имѣетъ нѣкоторую подготовку и въ первое время можетъ вести дѣла товарищества,—то вдругъ выражалъ сомнѣніе въ своихъ способностяхъ и продолжалъ: — Я вѣдь, братцы, никогда не готовился быть бухгалтеромъ, я самъ ничего не умѣю, иной мужикъ лучше меня считаетъ, такъ что безъ вашего содѣйствія, безъ вашей помощи я ничего не въ состояніи сдѣлать, безъ васъ я не справлюсь, ничего не могу... на васъ вся надежда... вамъ не занимать-стать здраваго смысла... у васъ, братцы, многому, многому слѣдуетъ поучиться...

Еще два-три слова въ такомъ родѣ—и окончательно расчувствовавшійся ораторъ потерялъ бы всякое самообладаніе, между тѣмъ, какъ на лицахъ обступившихъ Березина мужиковъ, открытыхъ и насмѣшливыхъ, можно было ясно читать: это на что же такъ? на что-же такъ?.. Нѣтъ, братъ, шалишь. Насъ тоже на кривой-то не вдругъ объѣдешь... шалишь!

Тутъ, и весьма кстати для оратора, вопросъ о количествѣ вина былъ, наконецъ, порѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ, такъ какъ старшина согласился поставить требуемое количество ведеръ.

— Чего маяться-то!—крикнулъ кто-то сзади...—пора мірское вино пить, чего тутъ маяться-то!

Вся толпа разомъ зашевелилась и хлынула на площадь.

— Дураки вы такіе! дураки! дур-р-р-аки!—на все правленіе гремѣлъ повелѣвшій отъ злобы Захаръ Михайловичъ.

IV.

Не взирая на первую неудачу, Березинъ не унывалъ, и душа его переполнена была готовностью посвятить жизнь отвлеченной, но все-таки горячей любви къ народу.

— Какъ-же быть, гдѣ-же намъ взять людей для подписанія просьбы,—обратился онъ къ священнику, какъ человѣку самому рьяному изъ всѣхъ его сподвижниковъ, но тотъ, ни на минуту не задумываясь, тотчасъ-же подыскалъ человѣкъ 20-ть изъ числа бывшихъ дворовыхъ и вслѣхъ празднующихся людей, всегда и на все готовыхъ.

Прощеніе объ открытіи товарищества написано, подписано и отправлено въ городъ.

Въ нетерпѣливомъ ожиданіи отвѣта Березинъ неуслынно готовился къ предстоящей дѣятельности, читалъ и перечитывалъ всевозможныя брошюры и популярныя книжки о товариществахъ, и въ то же время ежедневно, по нѣсколькимъ часамъ сряду, проводилъ въ школѣ, принимая даже участіе въ самомъ преподаваніи. Но вскорѣ между нимъ и нервной учительницей возникли совершенно неожиданныя и въ то же время нескончаемыя недоразумѣнія. Учительница непрерывно измѣняла свои отношенія къ Березину: то ей казалось, что онъ недостаточно сочувствуетъ школьному дѣлу, и она горько рыдала по этому случаю, то казалось, что онъ уже черезъ-чуръ часто бѣгаетъ въ школу и нѣтъ ли тутъ чего другого, какихъ-нибудь сѣтей и донъ-жуанскихъ поползновеній, тѣмъ болѣе, что какой-то таинственный верховой, въ самую глухую полночь, подѣвжалъ къ училищу, спрашивалъ учительницу и слѣды подковъ какъ разъ привели къ барскому дому... Нѣтъ ли тутъ чего такого, какого-нибудь заговора, посягательства? казнилась учительница и рыдала вразпуски. За тѣмъ неизлечимая подозрительность ея обратилась на г-жу Березину, пошли ежедневныя объясненія и письма, въ коихъ повторялось все одно и то же, о неравенствѣ положеній, о томъ, что г-жа Березина обезпечена и независима, а она, учительница, бѣдна и находится въ вѣчной зависимости отъ всѣхъ и отъ каждаго. Старшина, староста, какой-нибудь волостной писарь, всѣ могутъ преслѣдовать ее. Мало-ли что они могутъ... и опять лились потоки горючихъ слезъ.

Мѣсяца четыре спустя, лай дворовыхъ собакъ возвѣстилъ о прибытіи ямщика сосѣдней станціи. Онъ привелъ эстафету, извѣщающую, что уставъ утвержденъ, и Березину остается только полу-

чить его. Наконецъ, уставъ былъ полученъ. Въ скромномъ номерѣ губернской гостиницы собрались немногочисленные друзья и почитатели Березина и за стаканомъ вина всю ночь на пролетъ кипѣла задумчивая бесѣда, полная участія къ нарождающемуся учрежденію, полная любви къ народу; все было тщательно предусматрѣнно и обдумано заранѣе. Порѣшили, что товарищество должно быть открыто самымъ торжественнымъ образомъ: съ молебномъ, пѣвчими, угощеніемъ и подробнымъ разъясненіемъ устава, разъясненіемъ, послѣ котораго уже не оставалось бы никакихъ недоразумѣній, и для каждаго мужика все было бы ясно и понятно.

V.

Наступилъ давно ожидаемый день открытія товарищества. Березинъ вмѣстѣ съ женой съ раннего утра забрался въ школу, обдумывая свою рѣчь, обращенную къ народу, подыскивая и припоминая самыя доступныя для крестьянъ выраженія. Ему страшно хотѣлось быть понятнымъ, тѣмъ болѣе, что открытіе товарищества несомнѣнно привлечетъ массу народа, не даромъ же священники и всѣ остальные сотрудники нѣсколько дней сряду толковали мужикамъ о предстоящемъ торжествѣ, не даромъ-же наконецъ появляются въ газетахъ эти пространныя описанія трогательныхъ сценъ, сопровождавшихъ открытіе товариществъ въ разныхъ концахъ Россіи, причемъ неминуемымъ образомъ фигурировалъ мѣстный мировой посредникъ или передовой пропріетеръ, державшій рѣчь къ громадной толпѣ крестьянъ, осаждавшихъ волостное правленіе и проливавшихъ рѣки благодарныхъ слезъ. Прошелъ часъ, другой, еще одинъ, казалось безконечный часъ напраснаго ожиданія, но классная комната, въ которой предполагалось открытіе товарищества, оставалась пуста и безлюдна, и въ этой-то почти пустой комнатѣ отслуженъ былъ молебенъ, а потомъ среди громовъ освирипѣвшаго Захара Михайловича, среди избитыхъ фразъ о народномъ невѣжествѣ, глухихъ воплей растуществовавшей учительницы, состоялось первое постановленіе несуществовавшаго собранія, коимъ, какъ значилось въ книгѣ, единогласно избраны были председателемъ коллежскій ассесоръ Березинъ, бухгалтеромъ священникъ Терпигоревъ, распорядителемъ учительница Панкова, членами повѣрочнаго совѣта: волостной старшина, его кандидатъ Протафій Прохоровичъ и очень благообразный старикъ Елисей Антоновъ, обра-

щавшій на себя вниманіе своей гладкой, какъ ладонь головы, бѣлоснѣжной бородой до пояса, необычайно мягкимъ голосомъ и какой-то искусственной, всегда сладкой рѣчью.

Миновала недѣля, еще двѣ, три недѣли, а вновь народившееся товарищество не подавало ни малѣйшаго признака жизни. Никто не только не слѣпшилъ съ скромными сбереженіями, но даже не являлся занимать денегъ, и 2000 рублей, пожертвованныя Березинимъ, продолжали оставаться нетронутыми и неприкосновенными, а между тѣмъ въ мѣстной газетѣ успѣла уже появиться весьма пространная и глубоко прочувствованная статья, въ которой одинъ изъ юныхъ почитателей Березина съ большимъ, хотя и напускнымъ пафосомъ описалъ открытіе новаго товарищества, такъ точно и именно въ томъ самомъ порядкѣ, какъ это предполагалось и задумывалось тѣснымъ кружкомъ народолюбцевъ. Этого мало, извлеченіе изъ статьи въ самомъ непродолжительномъ времени очутилось въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ столичныхъ газетъ, а вслѣдъ за тѣмъ Березинъ получилъ уже письмо одного петербургскаго друга, тоже теплаго и сочувствующаго малаго, оканчивавшееся такъ: «Вчера прочелъ я, многоуважаемый Иванъ Ивановичъ, въ 129 № вѣдомостей подробное извлеченіе изъ статьи вашей земской газеты, объ открытіи основаннаго тобою товарищества, и не только порадовался осуществленію благой мысли, но положительно удивился надъ нѣкоторыми, по истинѣ поразительными подробностями самаго открытія. Будь же здоровъ и счастливъ, желаю тебѣ этого просто изъ патріотизма, потому что люди такіе, — какъ ты, нужны нашей родинѣ. Трудись, крѣпись, и да сохранять тебя силы земныя, надземныя и подземныя».

Дочитавъ до конца, Березинъ не выдержалъ, подошелъ къ письменному столу и съ-горяча набросалъ отвѣтъ, начинавшійся такъ: «Чтобы чортъ побралъ тебя вмѣстѣ съ твоей восторженностью и вразѣмъ корреспондентомъ», и т. д.

Напрасное ожиданіе пайщиковъ до такой степени смутило Березина, что онъ съ радостію умчался исполнять порученіе училищнаго совѣта.

Школьное дѣло тогда еще было дѣломъ новымъ, моднымъ, завлекательнымъ, съ неотразимой силой притягивавшимъ къ себѣ все, что только было отзывчиваго и душевнаго въ глуши. Даже слѣпые, ничего не видѣвшіе, кромѣ своихъ личныхъ, узкихъ, эгоистическихъ цѣлей, и тѣ на мгновеніе прозрѣли и заговорили о томъ, что все спасеніе темнаго, невѣжественнаго, пьянаго царства заключается въ образованіи и развитіи забытаго, обойден-

наго народа. Что же долженъ былъ чувствовать Березинъ, отличавшійся крайней впечатлительностью, народолюбіемъ и способностью къ порывистымъ увлеченіямъ. Онъ страстно полюбилъ крестьянскихъ ребятъ, стоялъ на томъ, что изъ нихъ должны выступить великія силы и слуги отечества, всѣми правдами и неправдами добивался прибавокъ на школы, старался по мѣрѣ силъ возвысить матеріальное и социальное положеніе сельскихъ учителей и учительницъ, этихъ великихъ тружениковъ родной земли, только-что не молился на изображеніе барона Корфа, благоговѣлъ предъ инспекторомъ народныхъ школъ, тогда еще единственнымъ на всю губернію, отличавшимся истинно добрыми качествами и какъ нельзя болѣе подходившимъ къ весеннему періоду школьнаго дѣла, и, наконецъ, не задумываясь тратилъ деньги на постройку школъ, на снабженіе ихъ учебными пособиями, на ѣзды и всевозможныя поощренія.

Порученіе, данное Березину, заключалось въ томъ, чтобы осмотрѣть школу, вновь возводимую обществомъ деревни Капешки, «проникнутымъ», какъ говорилось въ приговорѣ, «самымъ искреннимъ сочувствіемъ къ народному образованію и убѣдившимся въ неудобствахъ, сопряженныхъ съ посылкой дѣтей въ приходское училище сосѣднаго селенія».

Съ дѣтской радостью привѣтствовалъ училищный совѣтъ добрыхъ начинаній кашинцевъ, и никому даже въ голову не приходило, что какъ приговоръ, такъ и самое желаніе имѣть свою школу есть не что иное, какъ ловкій предлогъ отдѣлаться отъ участія въ постройкѣ помѣстительной приходской школы. Цѣлыхъ два года прошло въ напрасныхъ напоминаніяхъ и безпрерывной перепискѣ, между тѣмъ какъ школа все строилась и не достраивалась.

Собрались старики одинъ мудренѣе, одинъ краснорѣчивѣе другого, и повели Березина на выгонъ, гдѣ видѣлась крошечная избушка, съ покривившейся крышей, крыльцомъ безъ ступеней, съ оконными стеклами, выбитыми у голубей, устроившихъ въ необитаемой каморкѣ родъ своего голубинаго клуба.

— Это не школа, это хлѣвъ! да и хлѣвовъ такихъ не бываетъ...—горячился Березинъ.

— Извѣстно—дѣло общественное... Не одной матери дѣти... одни тянутъ за училище, другіе прочь...—размазывали старики.

— И крыша общественная?..—желчно перебилъ Березинъ, тыкая палкой въ новую, но уже совершенно негодную и покособившуюся крышу.

— Извѣстно, общественная.

— И печка общественная?— глухимъ голосомъ продолжалъ допрашивать Березинъ, входя въ избу и указывая на печку, успѣвшую провалиться.

— Какъ же, батюшка, и печка общественная.

Березина передернуло... Онъ въ первый разъ въ жизни ставился съ этимъ словомъ, въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ ему крестьяне.

Не отвѣчая, даже не оглядываясь на бородатыхъ дипломатовъ, онъ бросился въ сани, нырнулъ въ ближайшій ухабъ, въ другой, въ третій, въ сотый—и пошла обычная ломка костей и спины.

Завернулъ въ ближайшую школу. Съ шумомъ, не дожидаясь приказа, вскочили съ мѣста десятки мальчиковъ, успѣвшихъ полюбить Березина, звонкіе голоса пропѣли молитву, вокругъ ласковыя, смѣтливыя, улыбавшіяся дѣтскія лица, способныя въ минуту разсѣять всякую хандру, разогнать всякое облако. Живо, ни для кого незамѣтно пролетѣлъ урокъ, точно какая-нибудь забавная игра, мальчижи только-что не пляшутъ вмѣстѣ съ учителемъ и всѣмъ присутствовавшими при испытаніи и дружнымъ хоромъ отвѣчаютъ на вопросы педагога о томъ, что бываетъ толсто и что тонко? Что прямо и что криво? Что остро и что тупо?

— Щавель—кисель, а полынь?...— съ глубокомысленнымъ видомъ выкрикиваетъ педагогъ.

— Горька!!... гремитъ классъ.

— Собака лаетъ, а кошка?— захлебываясь отъ восхищенія продолжаетъ педагогъ.

— Мяучетъ!!...—точно изъ пушки палили ученики.

Перешли къ закону Божію, и ученики, зажмуривъ глаза, бойко проговорили молитвы и слово въ слово по книжкѣ пробарабанили: «когда Египтяне похоронили умершихъ, тогда стали сожалѣть, что отпустили Израильтянъ—Фараонъ съ войскомъ погнался за ними и догналъ ихъ на берегу Чермнаго моря. Израильтяне испугались», и т. д.

Учителя, учительницы и законоучителя, все друзья и знакомые Березина, по нѣскольку разъ перебивавшіе въ его домѣ, непрерывъ зазывали къ себѣ, не знали, гдѣ посадить, какъ выразить свою признательность къ ревнителю народнаго образованія, въ свою очередь до небесъ превозносившему ихъ качества, способности и заслуги.

Одинъ священникъ стараго закала, малограмотный, но большой охотникъ до лошадей и мѣняла, видимымъ образомъ желая поразить Березина, вынесъ книгу Дарвина, и поднявъ ее надъ

головой и въ то же время живая на учителя, вскричалъ: «виѣ-
стѣ съ нимъ за сто верстѣ посылали и таки-добыли!»

У себя въ домѣ Березинъ нашелъ невиданное освѣщеніе и
сейчасъ же бросившееся въ глаза праздничное настроеніе. Всѣ
свѣчи и лампы были зажжены, на кругломъ столѣ стоялъ огром-
ный подносъ съ десертомъ; радушная хозяйка, успѣвшая доста-
точно расплыться въ деревенскомъ затишьи, точно на крыльяхъ
летала по комнатамъ, принося все новыя яства и неотступно
угощая гостей.

Священникъ въ новой, шелковой рясѣ, ходилъ какъ-то осо-
бенно, то-и-дѣло приподнимаясь на носкахъ и точно вотъ-вотъ
собираясь улетѣть какъ птица. Учительница-плакса сидѣла раз-
раженная въ пухъ и прахъ, вся сіявшая стеклярусомъ и бу-
сами.

— Что такое, что случилось?—спрашивалъ озадаченный Бе-
резинъ.

— Торжествуемъ и празднуемъ успѣхъ...—отвѣчала хозяйка,
порывисто бросаясь на шею мужа.

— Успѣхъ, успѣхъ, успѣхъ—и въ кассѣ ни гроша!—пере-
билъ священникъ и при этомъ едва не поднялся къ облакамъ.

У Березина отъ удовольствія даже кровь бросилась въ лицо.

— О, нѣтъ, вы шутите, вы шутите?..—спрашивалъ онъ, не
довѣряя ушамъ...

Но слѣдовало, наконецъ, повѣрить, такъ какъ всѣ наличныя
деньги товарищества одновременно были разобраны сосѣдней
волею на покупку мгновенно выпавшаго скота.

— Удивительная вещь! Удивительная вещь!—восклиналъ Бе-
резинъ...—Но какъ же уставъ? Вѣдь это по настоящему не пай-
щики, не члены... какъ же быть съ уставомъ?—спохватился онъ
послѣ первыхъ восторговъ.

— А уставъ мы положили въ желѣзный сундукъ и станемъ
его держать за тремя замками и тремя печатами... безапелля-
ціонно рѣшилъ священникъ, высоко поднявъ стаканъ за процвѣ-
таніе товарищества.

Еще минута, и невиданное счастье распространилось въ ком-
наты, необычайной энергіей горѣли глаза присутствовавшихъ;
кажется, еще одно, только одно горячее слово—и всѣ они, тѣсно
сдвинувшись, пойдутъ на встрѣчу какъ будто и въ самомъ дѣлѣ
показавшейся гдѣ-то яркой зарѣ, только ими замѣченной и от-
крытой.

VI.

Потекли дни ликованій, достигшихъ крайнихъ размѣровъ, когда въ первое же воскресенье въ засѣданіе товарищества степенно вошли осиповскіе мужики, первые «богатыри», т.-е. богачи въ окрестности и, помолившись въ уголь, вздыхая и охая, принялись доставать далеко запрятанные деньги. Они явились и въ слѣдующее воскресенье и, живо сообразивъ, что получение 12% весьма выгодная вещь, заявили желаніе внести новые пай на своихъ женъ, дѣтей и даже внуковъ. Прокрался въ школу старый Пантелей, караульщикъ при сельской околицѣ, давно уже рехнувшійся отъ любви къ бѣжавшей молодой женѣ и среди общаго хихиканья, неотступныхъ приставаній и просьбъ рассказать все, что уже давнымъ-давно было извѣстно всѣмъ и каждому, съ ужасомъ и недовѣрчиво оглядываясь по сторонамъ, внесъ полный, десятками лѣтъ накопленный пай, ветхими, обѣденными мышами ассигнаціями. Также тайкомъ прибѣжала Настасья, забитая жена батрака-забулдыги и тихомолкомъ отъ мужа внесла послѣдніе, оставшіеся отъ бывшихъ достатковъ сто рублей, въ надеждѣ имѣть какое-нибудь обезпеченіе для семьи. Подъ-руки привели костлявый оставъ 80-ти-лѣтней старухи съ красными, ничего не видѣвшими глазами, сдѣлавшей вкладъ, проценты съ коего должныствовали идти мѣстному священнику на поминаеніе души; пріѣхалъ пастырь сосѣдняго, чувашскаго селенія—и сразу выложилъ 1,000 рублей, которые и оставилъ на три года въ товариществѣ.

Наступили, наконецъ, первые сроки уплатъ, явились заемщики, бравшіе на покупку коровъ; явились безъ гроша денегъ и только съ неотступными мольбами о новой отсрочкѣ. Березинъ заглянулъ въ уставъ и опустилъ голову, но никогда незадумывавшійся священникъ тотчасъ же нашелъ выходъ и предложилъ совѣту получить съ заемщиковъ одни проценты, отложивъ окончательную уплату до новаго срока: не лежать же деньгамъ безъ оборота, да и мужики спасибо скажутъ.

Березинъ молчалъ, отчасти довольный такимъ простымъ разрѣшеніемъ трудной задачи, совершенно искажавшимъ смыслъ устава, но въ то же время вызвавшимъ самое живое одобреніе со стороны мужиковъ, тотчасъ же окрестившихъ такую операцію своеобразнымъ названіемъ «перекладки».

Такимъ образомъ, само собою, помимо всякихъ уставовъ и

предположеній, складывалось какъ настоящее, такъ и будущее вновь открытаго товарищества.

Все пошло не такъ, какъ ожидалось, а такъ, какъ, повидимому, не должно было дѣлаться. Для всѣхъ стало понятно и ясно, какъ день, что при настоящихъ условіяхъ сельскаго быта ни о какомъ товариществѣ, ни о какихъ членахъ, понимающихъ дѣло, не можетъ быть и рѣчи, что въ дѣйствительности всѣ члены товарищества раздѣляются на двѣ категоріи и состоятъ изъ массы бѣдняковъ-заемщиковъ, не имѣющихъ ни малѣйшей склонности къ скромнымъ сбереженіямъ, не желающихъ дать какіе бы то ни было взносы, и весьма ограниченнаго количества полныхъ пайщиковъ, рассчитывающихъ только на крупный процентъ, причемъ самый уставъ съ перваго пункта его и до послѣдняго долженъ оставаться мертвой буквой и, по словамъ священника, лежать въ желѣзномъ сундукѣ подъ тремя замками и тремя печатами. Это послѣднее обстоятельство не только никого не тревожило, но для всѣхъ казалось вполне естественнымъ.

Какой тутъ уставъ, зачѣмъ уставъ, когда всѣ наши уставы для того только и сочиняются, чтобы никто не заглядывалъ и не соблюдалъ ихъ, когда всѣ очень довольны, а дѣла товарищества — пошли блестящимъ образомъ.

VII.

Прошло три года, и хотя путь, пройденный Березиннымъ, въ качествѣ предсѣдателя товарищества, члена училищнаго совѣта, попечителя нѣсколькихъ школъ и участковаго мирового судьи, довольно щедро былъ усыпанъ терніемъ, но въ то же время дѣятельность его все болѣе и болѣе расширялась.

Для Березина, окончательно засѣвшаго въ деревнѣ, все болѣе и болѣе становилось ясно, что проживаніе въ захолустѣ есть чистая смерть, что все спасеніе въ дѣятельности, а вся дѣятельность ограничивалась служеніемъ опальному захолусту и непреодолимымъ желаніемъ узнать народъ и какъ можно ближе сойтись съ нимъ; исполнить это ему казалось легко, онъ былъ независимъ, здоровъ и богатъ. Онъ не рѣшался еще дѣлать общихъ выводовъ и заключеній, но волей или неволей ему уже пришлось отказаться отъ нѣкоторыхъ иллюзій, такъ, напримѣръ, пришлось не только отбросить мысль — когда-нибудь передать дѣла товарищества въ руки крестьянъ, но даже всякую надежду выбрать изъ нихъ сколько-нибудь вѣрныхъ и понимающихъ дѣло.

помощниковъ. А послѣ того, какъ кандидатъ волостного старшины Протафій Прохоровичъ, избранный въ члены повѣрочнаго совѣта, болѣе года не вносилъ какихъ-то тридцати рублей, составлявшихъ все достояніе крестьянской вдовы, довѣрившей ему эти деньги для помѣщенія на вкладъ; когда Елисѣй Антоновичъ, красивый старецъ съ апостольскимъ лицомъ, въ-тихомолку началъ пользоваться невинными доходами, а наконецъ, самъ волостной старшина принялся всякими неправдами проводить въ товарищество первыхъ пьяницъ и плутовъ въ волости, — тогда Березинъ съ яростью истребилъ извѣстныя, когда-то цѣнимыя имъ брошюры, увѣрившія, что «какъ только понятіе о товариществѣ усвоивается, какъ только польза его дѣлается осознательной, крестьяне такъ ведутъ дѣло, такъ строго относятся къ исполненію своихъ обязанностей, что всякое руководство становится излишнимъ». На практикѣ все выходило навыворотъ, понятіе о товариществѣ никѣмъ не усвоивалось, а послѣ его трехлѣтняго существованія, передъ глазами предсѣдателя, совершенно неожиданно выросла цѣлая деревня, разъ и навсегда лишенная всякаго кредита, такъ какъ всѣ обыватели ея подрядъ отличались не только неисправностью, но и постояннымъ желаніемъ обмануть и провести правленіе, послѣдствіемъ чего было три уголовныхъ дѣла, кончившихся тюрьмой, а также исключеніе 174 неблагонадежныхъ членовъ.

Березинъ имѣлъ полную возможность, до малѣйшей подробности, узнать всю подноготную о крестьянахъ сосѣднихъ селъ и деревень, вошедшихъ въ составъ товарищества, но это близкое знакомство только запутывало вопросъ объ изученіи народа и затрудняло достиженіе какихъ бы то ни было общихъ выводовъ и заключеній. Какіе тутъ выводы и заключенія, когда самое слово «народъ» разбилось и рассыпалось передъ нимъ на множество селъ, деревень, выселовъ и обществъ, не имѣвшихъ между собою ничего одинаковаго, мало-мальски похожаго; когда одно общество нѣсколько лѣтъ уже не просыпалось отъ пьянства, вошедшаго въ жизнь и привычку, а рядомъ другое, за нѣкоторымъ исключеніемъ, представляло только что не общество трезвости, когда всѣ обитатели одной деревушки, кого ни возьми на выборъ, отличные работники, а обитатели другой — всѣ наперечетъ лѣнтяи, у которыхъ все изъ рукъ валится, когда встрѣчаются села и деревни, окруженныя всѣми условіями, необходимыми для полнаго довольства, и въ то же время поражающія бѣдностью и нищенскимъ видомъ обывателей — и тутъ же рядомъ, при условіяхъ, несравненно худшихъ, замѣчается извѣстная зажиточ-

ность; когда, наконецъ, изъ практики самого товарищества оказалось, что есть такіа села, съ которыми невозможно имѣть никакого дѣла, которые не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія, и есть села и деревушки, обыватели коихъ, во что бы то ни стало, приносили въ срокъ занятыхъ деньги.

Утративъ нѣкоторую долю своего народолюбія, вмѣстѣ со способностью рисоваться и фразерствовать, Березинъ сталъ работать еще болѣе прежняго. Цѣлые дни проходили для него въ школахъ, засѣданіяхъ товарищества или въ судейской камерѣ — и только поздно вечеромъ возвращался онъ въ среду своего семейства, усталый и истомленный. Онъ работалъ какъ волъ, работалъ, не пользуясь ни малѣйшимъ развлеченіемъ или отдыхомъ, работалъ, не оглядываясь по сторонамъ, закрывши глаза на все окружающее, заранѣе распредѣляя свои занятія по часамъ, днямъ и мѣсяцамъ, и только радуясь и утѣшаясь тѣмъ, что обороты товарищества достигли 27 тысячъ при 8 тысячахъ пайщиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ излюбленная, имъ же основанная школа окончательно встала на ноги, обогатилась всякими нужными и ненужными книгами и учебными пособиями, что учительница получала уже не 240, а 400 руб. жалованья, а главное, что школа могла содержать 10-ть бѣднѣйшихъ мальчиковъ на своемъ полномъ издѣивеніи и наконецъ открыть мастерскую, въ которой ученики обучались столярному мастерству. Наслаждаясь всѣмъ этимъ, Березинъ и не подозревалъ, что переживаетъ лучшіе, невозвратимые дни своей жизни. И точно — самолюбіе и возвышенныя стремленія были удовлетворены вполнѣ; провинціальныя либералы, изъ числа юныхъ акцизныхъ и контрольных чиновниковъ, трубили въ трубы и прославляли имя Березина во всѣхъ газетахъ, цѣлая волость выразила однажды свое соболѣзнованіе по случаю его болѣзни; высокопоставленное лицо письменно заявило признательность за сочувствіе святому дѣлу народного образованія и едва не украсило его грудь орденомъ св. Анны 3-й степени.

«Не могу умолчать о замѣчательной дѣятельности члена училищнаго совѣта И. И. Березина! — восклицалъ въ своемъ иностранномъ отчетѣ, кажется, уже третій по счету инспекторъ народныхъ училищъ: онъ своимъ вліяніемъ на крестьянъ улучшаетъ существующія и открываетъ вновь школы въ уѣздахъ, онъ на свой счетъ выстроилъ двухъ-этажную школу, содержитъ при школѣ десять мальчиковъ изъ бѣднѣйшихъ семействъ, онъ снабдилъ свою школу всѣми учебными пособиями, изъ которыхъ особенно выдается подвижной зоологическій атласъ, типы народовъ и въ

особенности коллекціи насѣкомыхъ, земель, минераловъ, металловъ, растеній и предметовъ изъ ржи, льна и т. д.

Всѣ были въ упоеніи, и никто не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣчать, что это упоеніе держалось на какой-то особаго рода добросовѣстной лжи, на очевидномъ для каждаго трезваго чловека преувеличеніи взаимныхъ заслугъ и способностей.

Всѣ, точно согласившись заранѣе, преувеличивали качества, заслуги и способности Березина, въ свою очередь платившаго тѣмъ-же самымъ, но что до этого, — когда въ результатъ всѣхъ этихъ взаимныхъ восхваленій и преувеличеній получалось общее наслажденіе, а въ попыткахъ, торопливо строилась первая сельская школа съ добродушными и трезвыми учителями, съ гуманнымъ обращеніемъ, съ учениками и ученицами, стрѣлой летѣвшими учиться.

VIII.

Еще годъ прошелъ. Березинъ только-что вернулся изъ столицы, гдѣ лечился отъ сильнаго нервнаго разстройства, лечился разомъ аллопатіей, гидропатіей, гимнастикой и электричествомъ. Онъ нѣсколько посвѣжѣлъ и пріободрился, какъ это всегда бывало съ нимъ послѣ отдыха и разнообразія столичной жизни, а потому хладнокровнѣе, нежели обыкновенно, перенесъ огорченія, поджидавшія въ деревнѣ. Въ его отсутствіе приходъ лишился священника, а товарищество — своей души. Это случилось благодаря проискамъ сосѣдняго землевладѣльца, у котораго товарищество отбило десятокъ мужиковъ, переставшихъ брать деньги подъ работу. вмѣстѣ съ священникомъ, покинула свое мѣсто и сельская учительница, постоянно трепетавшая за свою непорочность, и кончившая самымъ неожиданнымъ, для нея самой необъяснимымъ, замужествомъ съ юнымъ гимназистомъ, убоявшимся премудрости и пожелавшимъ скоропостижно жениться непременно на сельской учительницѣ. Обязанность священника принялъ писмоводитель, а на мѣсто ни за что, ни про что, сгубившей себя учительницы прислали учителя, только-что кончившаго курсъ въ учительской семинаріи.

Учительскія мѣста въ уѣздѣ замѣщались воспитанниками двухъ семинарій, различавшихся между собой особыми качествами и свойствами, скорѣе вымышленными и въ пылу ожесточенной полемики сочиненными разными ревнителями народнаго образованія, нежели существующими въ дѣйствительности. Однихъ

окрестили «маловѣрами», другихъ «проникнутыми нравственно-религіознымъ направленіемъ», тогда какъ при малѣйшей наблюдательности легко было сообразить и понять, что въ сущности между сельскими учителями рѣдко встрѣчались люди съ твердыми, разъ навсегда сложившимися убѣжденіями и вѣрованіями, а первые отличались отъ вторыхъ только нѣкоторыми внѣшними признаками, позволяли себѣ продовольствоваться молокомъ во время постовъ, между тѣмъ какъ вторые, даже по средамъ и пятницамъ, питались огурцами и капустой; первые напоминали обыкновенныхъ бурсаковъ съ претензіей на развязность и бойкость, вторые какъ нельзя болѣе походили на монастырскихъ послушниковъ; первые выучивали точно по заказу, — разъ, два и готово, — а вторые не обладали такой виртуозностью, но въ то же время только избранные изъ тѣхъ и другихъ въ состояніи были читать со смысломъ по-русски и правильно писать на своемъ языкѣ.

Учитель, водворившійся въ школѣ Березина, принадлежалъ къ такъ-называемымъ «маловѣрамъ», и вѣроятно вслѣдствіе этого выказывалъ большую развязность и бойкость. Его голова съ хохломъ бѣлыхъ, щетинистыхъ волосъ, была всегда закинута назадъ, глаза упорно смотрѣли вверхъ, а никогда не замыкавшіеся уста сыпали нескончаемымъ потокомъ фразъ о долгѣ, о любви къ дѣтямъ и высокомъ призваніи учителя. Не успѣлъ онъ осмотрѣться въ школѣ, какъ уже прислалъ Березину, какъ попечителю школы, записку слѣдующаго содержанія:

«Честь имѣю поворнѣйше просить васъ рассмотреть нужды школы, которыя состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Такъ какъ классная комната не промазана въ пазахъ, то тамъ по всей комнатѣ накопилась масса пыли, стѣны сдѣлались мрачными, въ комнатѣ недостаточно свѣта, вслѣдствіе чего можетъ развиваться глазная болѣзнь.

2) Та масса пыли, которая покрываетъ стѣны, при движеніи мальчиковъ до класса, во время перемѣны между классовъ и по окончаніи классовъ — можетъ подниматься со стѣнъ и носиться въ воздухѣ. Такимъ образомъ, намъ придется пользоваться не газомъ, не говоря уже о присутствіи кислорода, а съ примѣсью къ нему 50% твердыхъ веществъ, составляющихъ пыль.

3) Квартира учителя страдаетъ тѣми-же недостатками съ прибавленіемъ ко всему холода, какъ передавала моя предшественница, г-жа Панкова.

«Однимъ словомъ, школа страдаетъ всѣми гігіеническими

условіями, за отсутствіемъ ихъ, хотя ихъ и требуетъ современная педагогика.

«Покорнѣйше прошу васъ принять съ своей стороны надлежащія мѣры въ устраненію перечисленныхъ мною недостатковъ. 1874 г.—Учитель сельской школы Алексѣй Артодоксовъ».

Нѣсколько озадаченный такимъ посланіемъ, Березинъ безропотно принялся за исправленіе и безъ того исправнаго училища, а между тѣмъ приспѣли самые лучшіе дни въ году,—дни, когда мертвая, сельская жизнь мгновенно оживлялась и наконецъ-то вкушались плоды трудовыхъ, до тошноты однообразныхъ, до изнеможенія утомительныхъ, будничныхъ, праздничныхъ и воскресныхъ дней, постоянно занятыхъ засѣданіями товарищества.

По обыкновенію, вошедшему въ привычку, наканунѣ новаго года, въ домѣ Березина собирались всѣ члены правленія для провѣрки годового отчета и составленія новыхъ постановленій, безъ малѣйшихъ измѣненій проходившихъ въ общемъ собраніи. Затѣмъ 1-го января должно было состояться общее собраніе, а на другой день обыкновенно устраивалась большая ѣлка. Эти-то дни мирныхъ, сельскихъ торжествъ и были для Березина едва-ли не единственными, выходящими изъ ряда будничныхъ, днями истинно человѣческихъ, тихихъ радостей, впервые созданныхъ въ мертвой, кабакно-дикой, сельской обстановкѣ. Онъ хорошо понималъ это, и потому-то можетъ быть такъ сильно дорожилъ созданіемъ рукъ своихъ.

IX.

За большимъ столомъ, заваленнымъ толстыми книгами и бумагами, съ утра и до вечера сидѣли члены правленія, что-то писали, щелкали на счетахъ и тихо переговаривались между собою, а изъ дверей то-и-дѣло высовывались дворовые люди, насильственнымъ образомъ втянутые въ товарищество, а теперь сами собой пристрастившіеся къ сбереженіямъ: они съ нетерпѣніемъ ожидали, когда будутъ позваны и получать свои проценты.

Навонецъ, все было окончено, — записано, провѣрено и выяснено.

— Готово и, кажется, все, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, — съ видимымъ наслажденіемъ проговорилъ Березинъ, поднимаясь съ мѣста и выпрямляя наболѣвшую спину.

Всѣ поднялись, а изъ прихожей, широко улыбаясь и сіяя

отъ удовольствія, выступилъ скуластый учеръ съ книжкой въ рукахъ.

Проценты розданы, отчислена сумма, слѣдовавшая на школу, нагляднымъ образомъ убѣждавшая, что школа не только вполне обеспечена, но еще можетъ быть расширена и улучшена. Хозяйка зоветъ къ завтраку, и все принимается за чай и закуску, съ наслажденіемъ, возможнымъ только послѣ продолжительнаго, усилившаго труда. Въ уютной столовой начинается нескончаемое чаепитіе, слышится знакомый русскому уху трескъ крѣпкого сахара, попавшаго на еще болѣе крѣпкіе зубы, и долго тянется тихая, дѣловая бесѣда.

Наконецъ, третій самоваръ поконченъ, гости собираются восвояси, а почевать остается только взъерошенный «маловѣръ», съ которымъ необходимо еще о многомъ переговорить, многое обдумать и устроить къ предстоящей ѣлкѣ.

На другой день, послѣ обѣдни, обычные гости собрались въ домъ священника. Въ числѣ гостей, состоявшихъ изъ управляющихъ съ женами и дѣтьми, находился и Березинъ. Разраженный управляющіи, чтобы не уронить своего достоинства, усѣлись рядомъ на диванѣ; чисто выбритые и густо накрахмаленные управляющіе помѣстились вокругъ чайнаго стола, между тѣмъ какъ Березинъ, по обыкновенію, быстро прохаживался по комнатѣ, то-и-дѣло заглядывая въ окно, изъ котораго виднѣлась покрытая снѣгомъ площадь съ церковью по срединѣ и вереницей мужиковъ, плетущихся къ школѣ, гдѣ должно было происходить общее собраніе.

Гости сидѣли тихо, не шевелясь, и видимымъ образомъ стѣсняясь присутствіемъ Березина.

— Вотъ и праздниковъ дождались, Серафима Пареевна, — едва слышно проговорила одна изъ управляющихъ, и почему-то глубоко вздохнула.

— Да! — отвѣчала другая, и вздохнула еще глубже.

— Я слышалъ, вы, Иванъ Васильевичъ, хорошо продали гречиху? — бойко заговорилъ одинъ изъ управляющихъ.

Но Иванъ Васильевичъ, управитель сосѣдняго имѣнія, не отвѣчая ни слова, продолжалъ, сверкая глазами, смотрѣть на безпорядочно-болтавшагося по комнатѣ Березина, съ которымъ время отъ времени вступалъ въ горячіе споры, постоянно доказывая, что Россія есть самая непросвѣщенная имперія, что мужика слѣдуетъ драть какъ сидорову козу, а всѣ благія начинанія исчезнуть какъ дымъ...

Пришелъ нѣсколько запоздавшій въ церковь батюшка, румя-

ный, красивый, крайне добродушный и симпатичный молодой человекъ, подъ вліяніемъ Березина, всячески вымучивавшій изъ себя современнаго священника, стоящаго на высотѣ своего призванія.

— Слышали? слышали? — громко спрашивалъ священникъ, входя и обращаясь прямо къ Березину. — Оробѣлъ, совсѣмъ оробѣлъ: небольшое слово произнесъ — и оробѣлъ... Совершенно растерялся... А? плохо? Самъ знаю, что плохо...

Дѣло шло о только-что произнесенной священникомъ проповѣди.

Березинъ началъ увѣрять, что совсѣмъ не плохо, что неумѣнье говорить есть общій недостатокъ русскихъ людей, что этимъ смущаться нечего, что, наконецъ, вотъ онъ самъ ожидаетъ своей очереди и въ настоящую минуту казнится тѣмъ, что бы такое сказать на общемъ собраніи.

Злобствующій управляющій круто повернулся на стулѣ, готовясь немедленно доказывать не только бесполезность, но даже существенный вредъ, приносимый товариществомъ; но въ эту минуту вошелъ училищный сторожъ и доложилъ, что все готово и ожидаютъ только предсѣдателя.

Березинъ быстро исчезъ изъ комнаты, языки мгновенно развязались, а злобствующій управитель, собираясь вслѣдъ за Березинымъ и приглашая остальную компанію, говорилъ: «если уже затѣялось представленіе, то должно, чтобы всѣ его видѣли... какъ же иначе?»

Медленно, то-и-дѣло увязая въ сугробѣ, двигался Березинъ по площади и смущенный, какъ и всегда, при встрѣчѣ съ толпой, ничего не видя, не узнавая со всѣхъ сторонъ кланявшихся крестьянъ, вошелъ въ школу и тотчасъ же принялся торопить «маловѣра» съ чтеніемъ отчета.

По обыкновенію нечесанный учитель значительно крикнулъ и болѣе чѣмъ когда-нибудь закинулъ назадъ голову.

«Движимое чувствомъ вѣчной признательности въ учредителю ссудо-сберегательнаго товарищества, коллежскому ассесору Ивану Ивановичу Березину», — медленно, рисуясь и отчеканивая каждое слово, началъ педагогъ, — «единовременно пожертвовавшему двѣ тысячи рублей, безъ чего самое основаніе товарищества было бы немыслимо...»

— Позвольте! позвольте! что это такое? Я этого не ожидалъ и не желалъ... Позвольте! — перебивалъ Березинъ.

Но легче было повелѣвать стихіямъ, нежели остановить

вошедшаго въ азартъ педагога: онъ окончательно опрокинулъ голову и сталъ читать еще громче:

«Общее собраніе торжественно и единогласно постановило ходатайствовать о разрѣшеніи имѣть въ засѣданіи товарищества портретъ его учредителя и, можно сказать, отца — коллежскаго ассессора Березина, на память и въ назиданіе грядущему потомству», и т. д.

Чтеніе кончилось: ни одна черта не дрогнула и не шевельнулась на цѣлой сотнѣ крестьянскихъ лицъ, кругомъ все то же деревянное равнодушіе, тѣ же широко раскрытые рты и стоячіе, ничего не выражавшіе глаза.

Тутъ, и весьма встати, началась раздача прибылей, — къ столу подвинулось десятка два обросшихъ окладистыми бородами и облеченныхъ въ новые, желтые чепаны, богатырей-пайщиковъ. Они весело, на-перерывъ подавали свои книжки, облизываясь, получали по 12% на свои пай и за это отвѣшивали только-что не земные поклоны все еще стоявшему въ остолененіи предсѣдателю. Къ счастью, хлопоты по случаю школьной ёлки не давали задумываться и сосредоточиться на сюрпризѣ, устроенномъ членами повѣрочнаго совѣта, а самая ёлка, помимо воли, бросила въ атмосферу безмѣрной дѣтской радости, противъ которой не устоять никакимъ гражданскимъ скорбямъ и терзаніямъ.

Внутренность школы мгновенно преобразилась: полинявшіе обои закрылись коврами, сотни свѣтъ и цвѣтныхъ фонарей наводнили комнату огнемъ и свѣтомъ, три высокія ёлки снизу до верху разукрасились фольгой, золотомъ и серебромъ, а широкія, раскинувшіяся вѣтви ихъ гнулись подъ тяжестью платковъ, шарфовъ и лакомствъ. Но вотъ на лѣстницѣ послышался шумъ торопливыхъ шаговъ, въ комнату хлынула пестрая волна разряженныхъ, раскрасѣвшихся на морозѣ и расчесанныхъ по праздничному мальчиковъ и дѣвочекъ. Такая давка, что ни двгаться, ни присѣсть нѣтъ никакой возможности. Классная комната оказалась слишкомъ мала, чтобы вмѣстить такую кучу народа, всѣ стоятъ на своихъ мѣстахъ, вытянувъ руки по-швамъ, съ открытыми до невозможности ртами — и во весь голосъ, что было мочи, поютъ: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ...» Мѣшаются дѣтскіе, старческіе, женскіе и мужскіе голоса, а на возвышеніи уже стоитъ Вася, украшеніе школы, любимецъ Березина, голубоглазый мальчикъ со свѣжимъ румянцемъ и свѣтлыми кудрями; онъ приготовилъ «Школьника» Некрасова и открываетъ торжество... Все смолкло, притавило дыханіе:

Не бездарна та природа,
 Не погибъ еще тотъ край,
 Чтò выводить изъ народа
 Столько славныхъ то-и-знай,—
 Столько добрыхъ, благородныхъ,
 Сильныхъ любящей душой...

Среди мертвой тишины, водворившейся въ школѣ, раздается мягкій, глѣвучій, прямо въ душу идущій, голосъ Васи... Точно съ самаго неба слетѣло небывалое, никогда не испытанное умиленіе. Оно совершенно захватываетъ Березина, рядомъ съ нимъ стоитъ старый дѣдъ, Захаръ Михайловичъ, весь превратившійся въ слухъ и восторгъ, а большіе, широко раскрытые, полные слезъ глаза его неподвижно устремлены на Васю, на его любимого внука.

X.

Нестерпимо, небывало жаркое лѣто; раскаленная земля трескалась, все живущее окончательно повѣсило голову; въ знойномъ воздухѣ кружатся міриады мухъ, комаровъ и слѣпней, всячески допекая и безъ того истомленного мужика и его коня-пахаря. Березинъ, то разбирающій массу дѣлъ, въ качествѣ судьи, то стремглавъ скачущій по полямъ и неистовствующій противъ рабочихъ, то проникавшійся самой искренней жалостью къ тѣмъ же рабочимъ, по нѣскольку разъ въ день повторяетъ: «деревня лѣтомъ—адъ!»

Прибѣжалъ обливавшійся потомъ школьный сторожъ и, запыхавшись, объявилъ, что наѣхалъ ревизоръ—ревизовать товарищество, и въ ужасѣ только-что не добавляетъ: «погоди, постой, чтò только онъ съ тобой сдѣластъ».

Въ классной комнатѣ Березинъ нашелъ «маловѣра», письмоводителя и еще молодого, весьма элегантнаго господина, въ золотомъ пенснѣ на носу и въ такихъ великобѣдныхъ ботфортахъ, что на нихъ, противъ воли, то-и-дѣло останавливались глаза скромныхъ и нѣсколько одичавшихъ сельскихъ тружениковъ.

Само-собою разумѣется, что всѣ книги товарищества оказались въ блестящемъ видѣ, и элегантный ревизоръ ежеминутно пожималъ руки Березина и его сподвижниковъ; но когда нѣсколько приободрившіеся простаки подступили съ откровенными, возможными только въ глуши разговорами о непримѣнности устава, съ самаго дня открытія товарищества положеннаго подѣ

сукно, когда дѣло пошло на-распашку, когда заговорили о фиктивных членахъ, а главное—о неизбежной, налюбленной народомъ перекладкѣ, тогда ревизоръ мгновенно стушевался, точно ушелъ въ свои блестящіе ботфорты, и въ одно и то же время одобрялъ перекладку, которую называлъ «перепиской векселей», и тутъ же порицалъ, къ полному недоумѣнію деревенскихъ жителей, не искусившихся въ умѣньи говорить о вещахъ такъ, чтобы выходило прилично и, въ то же время, непонятно. Въ заключеніе посѣдовалъ обѣдъ у Березина, во время котораго деревенскіе дѣатели, съ одушевленными, красными лицами, разсуждались всевозможными проектами и предположеніями относительно будущихъ и неизбежныхъ измѣненій устава, между тѣмъ какъ юный ревизоръ старался выразить на лицѣ своемъ полное вниманіе и удовольствіе, тогда какъ для самаго поверхностнаго наблюдателя было бы ясно, что, кивая головой и ласково улыбаясь, онъ думалъ о чемъ-то совершенно постороннемъ, не имѣющимъ ничего общаго ни съ ссудо-сберегательными товариществами, ни съ опальнымъ захоластьемъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, правленіе товарищества получило отъ отдѣленія бумагу такого содержанія:

«1) Твердо, очень твердо держитесь устава и не допускайте никакихъ поблажекъ, существующихъ отъ доброты сердца, въ особенности при распоряженіи чужими деньгами, и, наконецъ, вслѣдствіе боязни, что разбѣгутся члены. Разбѣгутся дурные члены—и слава Богу: дурная трава изъ поля вонъ.

«2) Относительно ссудъ, вѣроятно, допускалась и допускается переписка росписокъ, чего уже не разрѣшать ни подъ какимъ видомъ.

«3) Паевые взносы, вѣроятно, платятся только при ссудѣ, что тоже совершенно противно уставу и должно быть немедленно прекращено».

Затѣмъ въ непродолжительномъ времени отъ совѣтовъ перешли къ болѣе суровымъ внушеніямъ, въ которыхъ уже говорилось, что всякое отступленіе отъ устава будетъ возложено на отвѣтственность правленія.

XI.

Цѣлую ночь, въ страшной тѣмѣ завывалъ вѣтеръ, дождь хлесталъ въ окна, ставни скрипѣли и хлопали, и всю ночь напролетъ, ни на одну минуту, не сомкнулись глаза Березина, безпокойно возившагося на постелѣ и съ ужасомъ помышлявшаго

объ отвѣтственности, которая все чаще и чаще грозила правленію. Передъ разсвѣтомъ Березинъ на минуту забылся. Но вотъ въ комнатѣ стало какъ-то особенно свѣтло; Березинъ быстро поднялся съ кровати, взглянулъ въ окно и остановился въ изумленіи: на крышахъ, на деревьяхъ, на дорогѣ, на дальнихъ поляхъ лежало бѣлое покрывало перваго снѣга. Нигдѣ ни доскута земли, ни кучи навоза, ни клока грязной соломы. Какая-то особенная тишина царилъ вокругъ, точно сама природа собралась, наконецъ, отдохнуть подъ бѣлымъ мягкимъ покровомъ; отовсюду вѣяло миромъ и чѣмъ-то такимъ, что вызываетъ спокойствіе и расположеніе къ отдыху. Березинъ тоже хотѣлъ бы отдохнуть, не выходить, никого не видать, ничѣмъ не заниматься, ни о чемъ не думать, но исполнить этого не было никакой возможности; въ камерѣ уже собралась толпа народа, въ два часа назначено очередное засѣданіе повѣрочнаго совѣта, а въ прихожей навѣрно уже ожидаетъ меньшая братія съ разнообразными нуждами и просьбами. Тутъ были и депутаты, выбранные для переговоровъ о полушубкахъ, которыми Березинъ долженъ былъ надѣлать учениковъ и ученицъ приходской школы, прежде нежели собирать ихъ; тутъ была оборванная баба съ отчаянной злобой, приносившая жалобу на волостной судъ; тутъ было цѣлое крестьянское семейство, уже нѣсколько лѣтъ дѣлившее между собой свое хозяйство; тутъ была солдатка, показывавшая всѣмъ своего больного, покрытаго язвами ребенка. Выступилъ впередъ старикъ съ вьющимися, еще темными волосами, спокойными, отчасти беззаботными, сѣрыми глазами и загорѣлымъ, но поразительно молоджавымъ лицомъ. По грубости коричневои кожи и тотчасъ же бросившейся въ глаза сутуловатости, ясно было, что вся долгая жизнь старика прошла въ непосильной, слишкомъ тяжелой работѣ. Иванъ Борисовичъ, — такъ звали старика, — былъ для Березина такимъ же предметомъ обожанія, какъ и Захаръ Михайловичъ, но все сходство между двумя стариками заключалось только въ свойственномъ большинству русскихъ людей стремленіи во что бы то ни стало отдѣлываться отъ всякихъ общественныхъ и мірскихъ дѣлъ, а затѣмъ они не имѣли между собою ничего общаго. Одинъ былъ типомъ настоящаго земледѣльца, стараго, уже исчезающаго закала, такъ-сказать приросшаго къ землѣ и ничего не знавшаго, не желавшаго знать, кромѣ хлѣбопашества; другой былъ исключительно садоводъ и пчелакъ; одинъ былъ человѣкъ самый незлобивый, степенный, и нравъ его противился всякому шуму и брани; другой вѣчно кипятился, порицалъ и кого-нибудь обличалъ; одинъ какъ нельзя болѣе справедливо названъ былъ

Березиннымъ «несокрушимымъ», за то, что никогда не ропталъ и уживался со всякимъ положеніемъ. Старшій сынъ его ушелъ за Дунай, второй въ азіатскую Турцію, а Иванъ Борисовичъ какъ будто и не замѣчалъ этого, и оставшись вдвоемъ съ слабымъ, болѣзненнымъ, малолѣткомъ, молча, безропотно управлялся со всеми работами, рассчитанными на 4 души. Напротивъ того, Захаръ Михайловичъ никогда добровольно не подчинялся какому-нибудь стѣсненію, а всегда громко и рѣзко протестовалъ. Наконецъ, одинъ былъ крайнимъ западникомъ, видѣлъ все наше спасеніе въ нѣмцахъ и заимствованіяхъ чужеземнаго, тогда какъ на откровенномъ лицѣ «несокрушимаго» тотчасъ же появлялась снисходительная, даже презрительная улыбка, какъ только рѣчь заходила о нѣмцахъ и вообще о чужеземныхъ порядкахъ, и никто въ цѣломъ свѣтѣ не въ состояніи былъ бы разубѣдить его въ томъ, что русскій народъ не первый народъ въ мірѣ, повелѣвающий всеми, другими народами, точно также какъ повелѣвали помѣщики своими бывшими крѣпостными людьми.

— Что скажешь?—спросилъ Березинъ.

— А вотъ, Господи благослови, пришлось въ вашемъ банкѣ деньги занимать.

— За чѣмъ же дѣло стало?

— А за ручателями.

— За тебя всякій поручится.

— Да вѣдь каждого и понтъ надо. Каждому ручателю поднеси,—это разъ; сельскому старостѣ за печать тоже поднеси—два; да въ волостную заплати, сколько тамъ положено за побѣрку ручательства,—это выходитъ три.

— Да вѣдь не всѣ же поручители пьяницы, ниці трезвыхъ.

— Непьющіе-то еще больше спросятъ: тѣмъ подавай самоваръ, да меду, да сластей всякихъ. Это еще больше составитъ. Нѣтъ, уже не откажите, какъ Богъ, такъ и вы—поручитесь.

Березинъ потерялъ уже счетъ принятымъ на себя ручательствамъ, но хорошо зная, какъ дорого обходится мужику ручательство, особенно такъ-называемыхъ «непьющихъ», не могъ отказать старику.

Въ эту минуту гдѣ-то на дворѣ раздались не-человѣческіе вопли и стenanія; изъ окна прихожей было видно, что по двору бѣжали люди, поспѣвая въ камерѣ и перегоня другъ друга; пожилой поваръ, въ башмакахъ и бѣлой курткѣ, забывъ свою обычную важность, стрѣлой летѣлъ изъ кухни, мимо него вихремъ неслись горничныя, обгоняя кучу дѣтей и дворовыхъ бабъ.

Ужасающее завываніе не умолкало, а Березинъ, тотчасъ же

вспомнившій о кликушѣ, оскорбившей лѣснаго сторожа и вызванной на судъ по его жалобѣ, поспѣвшиль отпустить просителей, а самъ нѣхотя, съ затаеннымъ волненіемъ, направился къ небольшому флигелю, въ которомъ помѣщалась камера и около котораго толпился народъ.

Вотъ онъ усѣлся на судейское кресло, грустный, подавленный, съ низко опущенной головой, а передъ нимъ стоитъ лѣсной сторожъ, еще молодой, рослый человѣкъ, и худенькая, злобно поводившая глазами баба, обязанная бѣлымъ, съѣхавшимъ на сторону платкомъ.

Какъ только заговорилъ сторожъ, такъ и залился горячими слезами, вовсе нейдущими къ его могучей фигурѣ; его отчаяніе не знало предѣловъ и было въ одно и то же время печально и въ высшей степени комично.

— Ёду я въ воскресный день изъ храма Божія,—среди наступившей тишины раздается плаксивый голосъ сторожа,—а она при всемъ народѣ... Стой! возьми меня, я твоя, твоя раба! а сама на возжахъ такъ и заостенѣла... Просто ужасъ слушать, хотя бы примѣрно пьяный, бударажился, похвалялся, а то ни-ни.

— Да изъ чего ты такъ убиваешься, неужели не понимаешь, что все это вздоръ, глупости...—успокоиваетъ судья.

— Какія глупости, когда въ явѣ, всѣмъ селомъ собираются убить, на вилы посадить, когда вдругъ тридцать бабъ—и все на меня одного выкликаютъ... Только и слышу: быть тебѣ на виллахъ, дождешься ты этого... Можетъ быть, за грѣхи свои и достоинъ, да дѣти малыя, этого жалко...—и снова раздаются неудержимыя рыданія.

— Это все твой груздочекъ дѣлаетъ — злобно покосившись на плаксу, замѣтила кликуша,—все твой груздочекъ виновать... Была я въ лѣсу,—продолжала она, обращаясь къ судѣ:—стояли мы съ бабами, а Александра (такъ звали сторожа) взялъ это груздочекъ да и говоритъ: вотъ я тебѣ, Анисьюшка, груздочекъ подарю, съ этого и началось.

Выступили свидѣтели, односельцы испорченной бабы, и въ одинъ голосъ показали, что тридцать бабъ выкликаютъ все на того же сторожа, а кликуша дѣйствительно повисла на возжахъ и среди улицы осыпала потерпѣвшаго бранью и упреками въ то время, когда ея семейные уже бѣжали съ оглоблями въ рукахъ, да не подоспѣли во-время... Но, показывая все это, мужики мрачно и подозрительно поглядывали на сторожа, видимо сожалѣя, что тотъ не получилъ должнаго возмездія.

— Все это вздоръ, чистый вздоръ, одно невѣжество... притворство... — порывисто началъ судья.

— Какое притворство, когда баба совсѣмъ извелась, избилась, молитвы слышать не можетъ, какое притворство!.. — громко заговорилъ мужъ обвиняемой. — Нѣтъ, ты скажи ему, чтобы онъ не шляется около моего двора — не то ему не одобровать, — на себя пусть пеняетъ...

— Вздоръ, все вздоръ, невѣжество, одно невѣжество, — горячился судья.

— Нѣтъ, — ты все-таки вразуми его — еще произвительнѣе и раздражительнѣе перебилъ мужъ, — скажи ему, собака!.. Вотъ-те крестъ, провалиться на мѣстѣ, — коли еще разъ увижу его возлѣ избы, — такъ и скажи! Я ему бока-то намну, будетъ помнить; такъ и скажи!

Ужасный, раздирающій душу крикъ раздался въ камерѣ, всѣ вздрогнули и невольно поблѣднѣли, а баба, какъ снопъ грянувшій на полъ, ломалась, вертѣлась колыцомъ и выла, какъ можетъ быть только стая голодныхъ волевоу.

Разомъ заговорили всѣ, бывшіе въ камерѣ мужики, единодушныя, страшныя угрозы со всѣхъ сторонъ сыпались на лѣснаго сторожа; а Березинъ уже и не помнилъ, какъ выбрался вонъ, какъ очутился въ своемъ кабинетѣ, уткнувшись въ подушку дивана, то-и-дѣло повторяя: это ужасно, ужасно, ужасно!

Засѣданіе повѣрочнаго совѣта, на которомъ волей или неволей долженъ былъ председательствовать Березинъ, шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Вокругъ стола сидѣли Березинъ, маловѣръ, старшина, два старика изъ крестьянъ и писмоводитель, а кругомъ толпились крестьяне, жаждавшіе попасть въ члены товарищества, или, выражаясь правильнѣе, желавшіе какъ можно скорѣе занять денегъ. Березинъ отбиралъ ручательства, прочитывалъ ихъ, спрашивалъ мнѣніе своихъ сотрудниковъ, напередъ увѣренный, что старшина и старики будутъ хлопотать только о своихъ знакомыхъ и родственникахъ, между тѣмъ какъ онъ всячески долженъ тянуть на сторону бѣдняковъ и дѣйствительно нуждающихся.

Пріемъ новыхъ заемщиковъ конченъ, Березинъ подступаетъ къ народу со шляпой, полной жеребьями въ рукахъ, мужики, крестьяне, вынимаютъ свернутые билетки, громко выражая свое отчаяніе или удовольствіе.

Къ столу подступили старые заемщики со своими просьбами и нуждами. Одинъ безотговорочно отдавалъ все, что требовалось; другіе, и это большая часть, никакъ не могли воздержаться отъ того, чтобы не поторговаться и не попросить уступочки.

Вокругъ только и слышалось: а вотъ и не хватило 30 копѣекъ, завтра принесу, или: сейчасъ пришла, какъ приду, такъ и пришла съ бабой. А то: нельзя ли сложить, вамъ все можно, все въ вашихъ рукахъ.

Подъ руки ввели все еще прозябавшій остовъ восьмидесятилѣтней старухи, съ самаго открытія товарищества положившей вкладъ, проценты съ коего должны были идти на поминаніе ея души, и то-и-дѣло мѣнявшей свои посмертныя распоряженія. Теперь она наставляла на томъ, чтобы проценты отсылались на св. Леонъ, такъ какъ на новаго священника она не надѣется: «служить, точно съ почтой скачетъ, повадить разъ другой, да и съ крестомъ поспѣлъ».

За старухой выступила едва движущаяся тѣнь молодого мужика, еще недавно перваго работника въ селеніи, страдавшаго неизлечимой болѣзью. Когда-то красивое лицо Висарія, теперь исхудалое, взрытое глубокими морщинами, безъ загара и румянца, съ тусклыми, голубыми глазами, носило на себѣ отталкивающій отпечатокъ близкой смерти. На угловатомъ, костлявомъ плечѣ едва держалась синяя, изорванная рубашка. Босые, дѣтски-бессильныя ноги съ трудомъ волочились по землѣ. Больной не могъ устоять на мѣстѣ, и потому какъ-то разомъ, противъ воли, опустился на полъ и тотчасъ же поблѣднѣвшими, дрожащими отъ слабости руками, принялся торопливо развязывать старый, замасленный кошелекъ.

— Что! какъ здоровье?—съ участіемъ спросилъ Березинъ, давно уже взявшій на свое попеченіе семейство Висарія и съ живою болью въ душѣ оглядывая человѣческую тѣнь, туда же озабоченную исполненіемъ долга и принятаго обязательства.

— И на свѣтъ бы не глядѣлъ... Руки бы на себя наложилъ...—простоналъ страдалецъ, протягивая двѣ красненькихъ бумажки.

Поднялась обычная возня, сопряженная съ поступленіемъ денегъ.

— Еще на-тощакъ кое-какъ дышу, а какъ поѣлъ—смерть да и полно... — между тѣмъ заговорилъ больной, оглядываясь на всѣ стороны и робко вызывая участіе къ своему положенію. Онъ, видимымъ образомъ, наслаждался возможностью поговорить съ людьми, послѣ вѣчнаго одиночества въ своей каморкѣ. Онъ торопился рассказать о томъ, какъ былъ испорченъ, сколько денегъ вытанила изъ него ворожея, какъ обошелъ его знахарь и во сколько обошлось постоянное, двухлѣтнее стремленіе «выйти въ дѣло», то-есть, во что бы то ни стало, не щадя послѣдняго

живота, отдѣлаться отъ злого недуга,—стремленіе, кончившееся только переселеніемъ въ крошечную келью, увеличившую цѣлый рядъ такихъ же келій, населенныхъ никому не нужнымъ, не многимъ даже извѣстнымъ людямъ, существующимъ на особомъ положеніи, совершенно оттертымъ отъ землевладѣнія и не имѣющимъ ничего общаго съ крестьянствомъ.

Висарій торопился передать все это, точно боялся, чтобы кто-нибудь не перебилъ его и не лишилъ послѣдняго утѣшенія.

— До того дошелъ, братцы мои, что ни силушки, ни одѣженки, ни вола, ни двора, остался съ однимъ подошвомъ, вотъ съ этимъ самымъ...—завключилъ Висарій, съ страшной ироніей показывая всѣмъ и каждому свое послѣднее достояніе.

— Гдѣ же это ты раздобылся денегъ-то?—полюбопытствовалъ кто-то изъ крестьянъ.

— Послѣднюю копну ржи продалъ... какъ ни трудно было, а обмолотилъ...—снова заговорилъ больной, видимо обрадованный возможностью продолжать бесѣду...—Лошадь у Никифора выпросилъ и самъ же въ городъ доставилъ... Да на бѣду попалъ на прасола... Кругомъ обошелъ, обольстилъ. Самъ въ доктору посылаетъ, а ногой-то кадь придерживаетъ, такъ на три рубля и обѣсилъ.

— Эхъ, деньги, деньги... Грѣха отъ нихъ много!..—отозвался кто-то изъ присутствовавшихъ.

— А уже изъ города-то чуть дотащился.—Ѣду, Ѣду, а все точно на мѣстѣ топчусь,—свороговоркой и задыхаясь продолжалъ больной.—Думалъ безпремѣнно помру... А тутъ, Господи благослови,—присталъ Никифоръ... Сейчасъ на житво гонить. Это онъ за лошадь наложилъ... Пускай дороговью, да уже Господь съ нимъ... Тоже не мало бѣгалъ, не мало искалъ лошади.—«Ты у меня не копайся... Чтобы готово было!» Я ему: дядя Никифоръ, а дядя Никифоръ,—умирать будемъ, ты послушай моихъ рѣчей — умирать будемъ! Умирать будемъ или нѣтъ?—повторялъ больной, обводя глазами окружающихъ и наслаждаясь общимъ сочувствіемъ.

Наконецъ, всѣ расчеты кончены.

— Вотъ, говорили... Висарька не заплатитъ, гдѣ заплатить...—возвысивъ голосъ, сказалъ больной.—А я что говорилъ: Висарька не хуже людей, не доведетъ поручителя въ отбѣтъ—и не довелъ, въ нитку вытянулся, а не довелъ. Слава Тебѣ, Вседержителю, Отцу небесному...

— Теперь я ничего не боюсь, хоть сейчасъ помирать,—и, весь просіявъ сознаниемъ исполненнаго долга, онъ, съ невѣроят-

нимъ усиленъ поднялся на ноги, бодро повернулся къ образамъ, разъ двадцать перекрестился и, слегка пошатываясь, пошелъ къ дверямъ.

Березинъ такъ и припалъ къ шнуровой книгѣ, стараясь не выдавать внутреннего волненія.

Когда онъ овладѣлъ собой и поднялъ голову, страдальца уже не было въ комнатѣ, а на мѣстѣ его стояла робкая, смиренная, нищенски-одѣтая баба. Онъ тотчасъ же узналъ, что это была та самая Настасья, что вложила 100 рублей тайкомъ отъ мужа, когда-то не только зажиточнаго, но даже богатаго крестьянина Буткова, спустившаго все, до послѣдней нитки, то-и-дѣло мѣнявшаго мѣста, то-и-дѣло попадавшагося въ кутузку, то-и-дѣло замѣшаннаго въ дракахъ и буйствахъ и своимъ безпробуднымъ пьянствомъ перецеголявшаго всѣхъ пьяницъ во всемъ окружающемъ пьяномъ царствѣ.

— Вотъ, получай проценты, — сказалъ Березинъ, видимо утѣшенный тѣмъ, что ему хотя нѣсколько удалось обезпечить брошенную семью безпутнаго батрака.

— Уже я за васъ и ночь и день молю Бога... — шопотомъ, глотая слезы, заговорила Настасья, — что бы я теперь дѣлалась малыми дѣтками, а теперь все дышу, все дышу, все подспорье...

— А гдѣ же мужъ?

— И не вѣдаю, гдѣ слоняется, а только все грозить и ненавидствуетъ за то самое, что я эти 100 рублей въ банкъ вложила.. Только бы, говорить, подъ руку подвернулась — живая не вырвется.

Баба нагнулась и концомъ фартука утерла слезы.

— Ну, это вадоръ, не бойся, нынче не прежнее время, нынче не то, что было... — съ убѣжденіемъ успокоивалъ Березинъ.

Выступилъ караульщикъ у околицы, старикъ, рехнувшійся послѣ побѣга жены и служившій предметомъ осмѣянія всѣхъ и каждого, и всюду, куда ни обращались его испуганные глаза, всюду встрѣчались только ухмыляющіяся лица и точно вынутые на показъ бѣлые, здоровые зубы.

Ненавистное, хорошо знакомое, родное хихиканье, безъ всякаго разбора, когда угодно, надъ чѣмъ и надъ вѣмъ хотите, тотчасъ же распространилось въ комнатѣ и неудержимо продолжалось во все время, пока старикъ, сердито ворча и огрызаясь на всѣ стороны, доставалъ изъ лаптя свое скромное сбереженіе.

Вдругъ поднялся шумъ, все суетилось и толпой повалило къ дверямъ.

— Что такое, что случилось?—спрашивалъ Березинъ.

— Сущіе пустяки, мужикъ бабу поучилъ, — равнодушно отвѣчалъ одинъ изъ вернувшихся крестьянъ.

— Какую бабу?

— А вотъ ту самую, что сейчасъ приходила за деньгами... Эту самую Настасью мужъ поучилъ.

Всѣ члены правленія разомъ устремились на площадь...

Среди тѣснаго кружка неподвижныхъ и, повидимому, совершенно равнодушныхъ крестьянъ, ничѣмъ лежала Настасья, припавшая лицомъ къ небольшой лужѣ крови, особенно рѣзавшей глаза на чистомъ, только-что выпавшемъ снѣгу. Нѣсколько бабъ, продолжая бездѣйствовать, жалобно голосили надъ неподвижно-лежавшей женщиной; какой-то мужикъ острилъ надъ бабами, повторяя: у бабъ слезы не куплены, и вызывая тѣмъ опять все то же, невыносимое для Березина, хотя и нѣсколько сдержанное, хихиканье.

— Бутковъ жену побилъ, шибко побилъ, страсть какъ побилъ, зачѣмъ деньги отъ него утаила, — объяснили Березину... Какъ она вышла съ деньгами, онъ ее и ну возить, деньги отобралъ и самъ бѣжалъ... такъ-то ноги поднималъ, что его и на лошади не догонишь.

Настасья не подавала признака жизни, ее подняли, ввели на телѣгу и тотчасъ же, по распоряженію старшины, повезли за 20-ть верстъ въ земскую больницу.

Березинъ былъ въ конецъ взволнованъ и овлоченъ противъ дикой, невѣстственной, варварской орды, какой казался ему въ эту минуту излюбленный, обожаемый народъ.

Уже вечерѣло, но этотъ, быстро пробѣжавшій трудовой день тяжелой ношей остался на спинѣ Березина—и долго не могъ онъ сбросить съ себя этой ноши.

Убитый и пасмурный, выходилъ онъ изъ школы, его догналъ «маловѣръ», и по обыкновенію, закинувъ назадъ голову и какъ будто считая звѣзды, появившіяся на чистомъ, морозномъ небѣ, скороговоркой объявилъ, что переходить въ другую школу, гдѣ надѣется получить, по крайней мѣрѣ, 60 рублей лишняго жалованья, да ремонтныхъ до 30 рублей въ годъ, да на сторожа 50 руб.

— Прекрасно, чего же лучше, если даютъ лишковъ...— безсознательно отвѣчалъ Березинъ, а въ ушахъ его такъ и тре-

щали громкія фразы маловѣра о долгѣ, о любви къ дѣтямъ и возвышенной обязанности распорядителя товарищества.

Впечатлѣнія дня не отступали отъ Березина, никакой возможности не было разобраться въ этой путаницѣ разнообразныхъ событій. Онъ испытывалъ непреодолимую грусть и моральную усталость—и опять потянулась мучительно бессонная ночь.

ХП.

Ровно восемь лѣтъ пролетѣло со дня открытія товарищества. Напоминанія о строгомъ исполненіи устава повторялись все чаще и чаще. «Перекладка» не существуетъ болѣе, чтó, впрочемъ, нисколько не мѣшало мужикамъ по-нѣскольку разъ въ день бѣгать въ Березину и осаждать его просьбами объ отсрочкѣ.

— Деньги принесъ?—спрашиваетъ Березинъ вошедшаго въ школу мужика.

— Нѣтъ, я на-счетъ перекладки.

— Изъ Питера пришла такая бумага, чтобы перекладки болѣе не допускать.

— Гляди какая кутавассія вышла,—размышляютъ мужики, видимымъ образомъ не довѣряя словамъ предсѣдателя и снова приставая съ просьбой объ отсрочкѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Да гдѣ же мы возьмемъ денегъ-то? Стало быть, намъ съ голоду теперича помирать. Тогда все соблазняли тѣмъ, что можно будетъ заплатить по времени, а теперь вдругъ скрутили,—вступаются другіе мужики, бывшіе въ засѣданіи.

— Расплатись и тогда опять занимай.

— А кабы я нашелъ чѣмъ расплатиться—то я бы наплевалъ и на банкъ-то вашъ... вся бѣда—взять негдѣ.

Сторожъ выпроваживаетъ докучливыхъ просителей, но изъ распахнувшихся дверей ясно долетаетъ: «Ахъ, вы, кровопивцы! Аспиды! Дьяволы, людоеды!»

Березинъ зажимаетъ уши и припадаетъ къ счетамъ.

Но вотъ пререканія кончены, и мужики безропотно стали платить долги, оставляя пай и въ то же время тотчасъ же занимая деньги, всячески торопя и настаивая на скорѣйшей ихъ выдачѣ. Такая, невиданная исправность болѣе беспокоила, нежели радовала Березина, смутно понимавшаго, что тутъ неладно, а вскорѣ разъяснилось, что большая часть членовъ приносила все однѣ и тѣ же деньги, занимаемыя, по выраженію мужиковъ,

«на переверть» у стараго Елисѣя, извлекавшаго изъ этого невѣроятныя выгоды.

Почтенный старецъ Елисѣй, съ большимъ скандаломъ и безъ всякаго участія со стороны членовъ товарищества, былъ изгнанъ вонъ, но на мѣстѣ его сѣдѣлъ точно такой же Елисѣй, только наружнымъ видомъ отличавшійся отъ своего предмѣстника.

Напуганный, озлобленный, никому не довѣряющій, ежечасно трепетавшій за цѣлость сундука, Березинъ, вопреки выгодамъ товарищества, принялся возвращать влады, даже противъ желанія самихъ владчиковъ. Такой оборотъ дѣла тотчасъ же отразился на чрезвычайномъ уменьшеніи прибыли на пан, что вызвало раздраженіе богатыхъ мужиковъ, немедленно потребовавшихъ назадъ свои деньги. Равновѣсіе терялось все болѣе и болѣе. Въ началѣ дѣла на каждый рубль паевого капитала приходилось около 43 в. занятыхъ денегъ, а прибыль на пан равнялась 12% годовыхъ, затѣмъ невыгодное отношеніе занятыхъ денегъ къ паевымъ все болѣе и болѣе увеличивалось, и на рубль паевого капитала уже приходилось только 38 в. занятыхъ денегъ. Наконецъ, это послѣднее отношеніе стало еще невыгоднѣе, и на 11,000 паевого капитала приходилось всего 2,200 р. занятаго, а прибыль дошла до 4% годовыхъ.

Комитетъ, относившійся съ особеннымъ сочувствіемъ къ дѣятельности Погибельскаго товарищества, совѣтовалъ: просить государственныя банкъ открыть кредитъ на первое время хотя въ 12 или 18 т. рублей. Березинъ чувствовалъ, какъ его волосы встаютъ дыбомъ на головѣ отъ такого совѣта. Для него, испушеннаго горькимъ опытомъ, было ясно, что построенное имъ, прекрасное на первый взглядъ, зданіе стоитъ на пескѣ, готовое рухнуть отъ первой случайности, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ облака пыли, а вся сомнительная опора заключается въ немъ, предсѣдатель, хиломъ, болѣзненнымъ и въ-добавокъ совершенно обезкураженнымъ.

Какъ на бѣду въ это самое время завернулъ Захаръ Михайловичъ и, внимательно посмотрѣвъ на Березина, качая головой, проговорилъ:—Худъ-то ты какъ! А? страсть какъ худъ!

— Пустиакъ! Сегодня худъ, завтра поправлюсь...—усиливаясь казаться какъ можно спокойнѣе, отвѣчалъ Березинъ.

— Я вотъ что тебѣ скажу...—рѣзко продолжалъ старикъ...—Ты эту свою банку прикрой.

— Никогда, никогда этого не будетъ, пока я живъ...

— А какъ вдругъ да помрешь... что тогда будетъ,—букнулъ дѣдъ, и съ своей обычной правдивостью принялся описы-

вать расхищеніе товарищества въ случаѣ смерти Березина, тотчасъ же вообразившаго себя въ положеніи, изъ котораго нѣтъ и быть не можетъ иного выхода, кромѣ отчаянія.

Такое мрачное настроеніе, какъ и слѣдовало ожидать, кончилось поѣздкой за границу для излеченія болѣзни, которой ни одинъ докторъ не умѣлъ ни понять, ни назвать.

XIII.

Только-что не на другой день послѣ своего пріѣзда на минеральныя воды, находившіяся въ одномъ изъ прелестѣйшихъ уголковъ Европы, Березинъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и уже истреблялъ двойную порцію минеральной воды и совершалъ прогулки по 15-ти верстъ безъ отдыха.

— *Bärgnatur!* восклицалъ водяной докторъ Вупъ, пользовавшій Березина, и, глядя на могучую фигуру своего пациента, невольно добавлялъ: «*Ich möchte wohl wissen, wo denn der Schuh drückt*».

Встрѣтились соотечественники, поднялись неизбежные споры о важныхъ матеріяхъ, о настоящемъ и будущемъ Россіи, о народѣ, причемъ противники, быстро шагая по комнатамъ, кричали всѣ разомъ, не внимая другъ другу и стараясь только о томъ, чтобы какъ можно лучше отдѣлать и выбѣсить другъ друга.

Березинъ не умѣлъ и не хотѣлъ обманывать ни себя, ни другихъ, и потому изображалъ мужа и современную глушь такъ, какъ она есть, и за это тотчасъ же попалъ въ разрядъ отсталыхъ и туницъ. Его стали избѣгать, съ нимъ перестали кланяться; упрекая въ невѣжествѣ, незнакомствѣ съ исторіей, космополитизмѣ, крѣпостничествѣ и чуть ли не въ ненависти къ народу; но въ то время, когда его противники, по большей части столичные жители, видимымъ образомъ блаженствовали, восхищаясь дарами цивилизаціи, когда они строили планы лѣтнихъ и осеннихъ наслажденій въ Швейцаріи, на морскихъ купаньяхъ и въ Парижѣ, онъ, этотъ космополитъ и ненавистникъ народа, мѣсяца два послѣ пріѣзда въ Европу, уже изнывалъ отъ скуки, не находилъ мѣста, не зналъ что дѣлать съ обуявшей его тоской по своей дикой родинѣ и ненавистному народу. Все окружающее отталкивало, было не по-сердцу: и люди, и нравы, и вычурныя, декоративныя, тысячу разъ рисованныя красоты Швейцаріи, и доходившая до приторности гѣжливость, вмѣстѣ съ непонятной для русскаго человѣка сентиментальностью, назанные

франты и франтики, и самодовольные буржуа, и невообразимая у насъ опрятная бѣдность, рядомъ съ раззолоченными отелями, подавлявшими бархатомъ, бронзой и комфортомъ.

Какая-то невѣдомая сила потянула Березина назадъ, въ его Погибѣлку, потянула такъ, какъ только въ состояніи тянуть обезсилѣвшаго пловца страшный омутъ въ неизмѣримую, загадочную глубь свою.

Вернувшись въ Погибѣлку, Березинъ ногъ подъ собою не чувствовалъ отъ удовольствія и совершенно искренно наслаждался положеніемъ человѣка, не только чувствующаго себя на своемъ мѣстѣ, въ родной атмосферѣ, но даже сознающаго свою необходимость и полезность для окружающаго. Въ свѣтлыя, блаженныя минуты Березинъ, невольнымъ образомъ, увлекался такимъ сознаніемъ, чтобы потомъ, послѣ первыхъ же столкновеній и толчеювъ, считать это дорогое сознаніе самообольщеніемъ и глупостью, илюзіей, способной возбуждать только стыдъ и негодованіе на самого себя.

Уже въ городѣ поджидалъ Березина все еще влачившій свое горькое существованіе Висарій, до послѣдняго издыханія стремившійся «выйти въ дѣло» и пожелавшій поступить въ губернскую больницу. Тотчасъ же пришлось помѣщать его, хлопотать объ немъ, а тамъ одинъ за другимъ явились «несокрушимый», Захаръ Михайловичъ, священникъ, члены товарищества, пошли толки о школѣ, о дѣлахъ, потекли массы всякихъ прошеній, на столѣ ожидала куча нераспечатанныхъ конвертовъ съ прошеніями, поднялась нескончаемая суета, и въ мертвой, глухой Погибѣлкѣ снова закопошилась, уснувшая за время отсутствія Березина, дѣятельность и съ удвоенной силой завертѣлось вновь смазанное и пущенное въ ходъ колесо.

Столько заботъ и хлопотъ, что ихъ хватило бы и на десять человѣкъ. Школа все еще оставалась безъ учителя, и никто не зналъ, когда онъ отыщется, тѣмъ болѣе, что Березину непремѣнно хотѣлось, чтобы новый учитель былъ изъ числа окончившихъ курсъ въ семинаріи, выпускавшей, по его мнѣнію, людей съ религиозно-нравственнымъ направленіемъ. Березинъ давно уже мечталъ о такомъ наставникѣ для своей школы и постоянно ораторствовалъ на эту тему въ тѣсномъ кружкѣ деревенскихъ дѣятелей.

Его давнишнее желаніе исполнилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Разъ онъ зашелъ на свою мельницу и столкнулся тамъ съ молодымъ, весьма неповоротливымъ и неуклюжимъ малымъ, одѣтымъ въ длинное, поношенное, черное пальто и съ ногъ до головы засыпаннаго тонкимъ слоемъ муки. Березинъ

полюбопытствовать узнать: откуда и какъ попала на его мельницу такая странная и невиданная фигура, и узнать, что молодой человѣкъ—кончившій курсъ въ семинаріи, съ желаемымъ направленіемъ, сынъ бывшаго двороваго человѣка, въ ожиданіи мѣста усердно помогавшій во всѣхъ работахъ своимъ бѣднымъ родителямъ.

— Такого намъ и нужно, именно такого,—скромнѣе, благочестивѣе и трудолюбивѣе,—только что не вскрикнулъ Березинъ—и тотчасъ же помѣстилъ благочестиваго и трудолюбиваго юношу въ свою школу.

Новый учитель,—добродушнѣйшій и честнѣйшій юноша,—примысли, придѣлся и сталъ постояннымъ гостемъ Березина. Онъ отличался отъ «маловѣра» тѣмъ, что тотъ постоянно смотрѣлъ вверхъ, а этотъ не смотрѣлъ ни вверхъ, ни по сторонамъ, а все внизъ; тотъ былъ неумолкаемо разговорчивъ, этотъ былъ молчаливъ какъ могила, и только потихоньку хрустѣлъ пальцами; тотъ щеголялъ въ куцомъ пиджакѣ, этотъ носилъ длинное пальто чернаго цвѣта, и вся измощенная и наклоненная фигура его живо напоминала фигуру монастырскаго послушника.

Начались длинные, осенніе вечера, а съ ними вмѣстѣ неизбѣжное чтеніе вслухъ, но какъ только послушникъ приступилъ къ чтенію, такъ сейчасъ же оказалось, что при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, онъ не настолько силенъ въ грамотѣ, чтобы правильно и со смысломъ читать по-русски. Но онъ будетъ читать, во что бы то ни стало онъ будетъ читать!—рѣшилъ Березинъ, и вечернія чтенія продолжались мучительнымъ образомъ, отыкаясь на нервахъ Березина и его домашнихъ.

Пришлось, наконецъ, познакомиться съ массой накопившихся бумагъ и прошеній. Чувство самосохраненія говорило Березину: не смотри туда, если хочешь сохранить душевное спокойствіе и возстановленное здоровье; но дѣлать нечего, и добровольно принятая обязанность требовала ея точнаго исполненія. Открывается первый, попавшійся на глаза, конвертъ, и Березина, только-что возвратившагося изъ самаго центра цивилизаціи, такъ и ошеломило красотою современной глуши: «Сего октября мѣсяца 15-го дня, вечеромъ,—объявлялось въ первомъ, попавшемся въ руки прошеніи,—полицейскій сотскій дер. Колмогорской слободы, Василій Лоховъ, какъ всѣмъ извѣстно, отличающійся человѣколюбіемъ къ спиртнымъ напиткамъ, предостановился напротивъ моего дома и сталъ ругать меня всяческими словами» и т. д.

Открыто другое, третье, четвертое, десятое прошеніе, и все тѣ же и тѣ же отвратительныя ругательства, отъ которыхъ ни-

куда не уйдешь, ни-куда не спрячешься на Руси; тѣ же угрозы краснымъ пѣтухомъ, обмазываніе дегтемъ воротъ, звѣрскія драки оглоблями и полѣньями, драки съ «перерывами», во время коихъ крестьянину Хоянову дозволялось испить водицы, послѣ чего опять пошамъ въ ходъ оглобли, полѣнья и даже кирпичи.

Ужась и страхъ овладѣвали Березиннымъ, между тѣмъ какъ почтительно стоявшій возлѣ стола, всегда ровный и невозмутимый писмоводитель, спокойно и коротко объяснялъ намопленіе дѣлъ о дракахъ и буйствахъ осенними свадьбами и престольными праздниками, какъ будто это такъ и слѣдовало, такъ и должно быть, какъ будто осенніе свадьбы и праздники никакъ не могли обойтись безъ буйства, пьянства, угрозъ и искалѣченія человѣческихъ лицъ.

Не успѣлъ Березинъ опомниться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на него прошеніями уголовного характера, какъ на него уже надвинулась цѣлая туча назначенныхъ къ разбирательству гражданскихъ дѣлъ, съ которыми необходимо было ознакомиться заранѣе.

На бѣлой обложкѣ перваго изъ этихъ дѣлъ крупнымъ, писарскимъ почеркомъ было написано: «гражданское дѣло по иску довѣреннаго г. Анчаусова Ильи Трудюлюбова съ крестьянина села Кондарати Василья Сысуева 5 р. 64 к., и неустойки 60 руб. съ судебными издержками и за веденіе дѣла». У Березина такъ и зарыбило въ глазахъ отъ цѣлой страницы цифръ и мелочныхъ расчетовъ: «имъ же, Сысуевымъ,—гласило прошеніе, забрато: 22-го ноября 1877 г. въ задатокъ 20 руб.; въ 1878 г. февраля 24-го—50 к.; апрѣля 15-го—2 руб.; іюня 3-го—1 р. 50 к. (выкупъ кафтана нѣтъ кабака); 7, 22 и 23-го іюля не работалъ самовольно, за чтб, согласно 2-го пункта договора, записано 3 р. 50 к. штрафныхъ. 21-го іюля въ 2 раза—2 р.; 26-го августа—выкупъ сапогъ 2 р. 26 к.; 10 и 21-го не работалъ самовольно (2 пун. договора)—штрафа 2 руб.; 28-го октября—30 коп. (выкупъ картуза); неустойки по 4 пун. договора 60 руб., и за веденіе дѣла съ судебными издержками по вашему усмотрѣнію».

Затѣмъ, волей или неволей пришлось познакомиться съ безграмотнымъ, неисполнимымъ, безвѣчнымъ условіемъ относительно полевыхъ работъ, приложеннымъ къ 20-ти искамъ, предъявленнымъ купцомъ Разиннымъ къ сосѣднимъ крестьянамъ: «каждое дѣло работы,—гласило условіе,—должно быть сдѣлано въ требуемомъ видѣ, скоро и неотложно, какъ для себя: хозяйственно, доброкачественно, бережливо, осторожно и тщательно, хлѣбовъ

не терять, ни утрачивать, ни заминать и не травить; снѣтъ каждый хлѣбъ по лѣхамъ, а разсѣявши — пологое повѣшивать на оглобли телѣгъ, а если окажутся обсѣвки, то онѣя намъ, крестьянамъ, исправить своими сѣменами, для того, дабы каждый разсѣвалъ съ примѣной осторожностью и бережливостью, а если нѣтъ своихъ сѣмянъ, то брать у купца Разина съ двойною за нихъ съ насъ, крестьянъ, платою денегъ; хлѣбовъ не заѣзжать, за что мы, крестьяне, отвѣчаемъ по назначенію денежно, а до этого отобраніемъ чего либо изъ сбури.

Утомленіе Березина не знало предѣловъ и всякое самообладаніе оставило его, когда онъ, наконецъ, добрался до заключительнаго пункта безконечнаго условія. — «Въ исправномъ же исполненіи работъ, — гласилъ заключительный пунктъ, — не принимать отъ насъ никакихъ непредвидѣнныхъ, могущихъ встрѣтиться причинъ, не исключая какъ имущественныхъ несчастій, такъ и смертныхъ, а за исправнымъ производствомъ и окончаніемъ упомянутыхъ выше работъ обязанъ будетъ слѣдить нашъ сельскій староста, всякими наказаніями и мѣрами строгости понуждая каждого изъ насъ выполнить сіе условіе, какъ должно».

— «Что же это такое, сами на себя налагаютъ руки, сами себя разрѣшаютъ понуждать, то-есть бить... Ужасно, ужасно, ужасно!» — казнилъ Березинъ, никогда, въ теченіи своей хозяйственной дѣятельности, не заключавшій ни одного условія съ рабочими.

Но это еще не все. При первомъ же вступленіи въ должность, Березину пришлось получить нѣсколько своихъ рѣшеній, отмененныхъ съѣздомъ, рѣшеній, правильныхъ по здравому смыслу и совѣсти, но какимъ-то чудомъ оказавшихся неправильными «при сопоставленіи ст. 81 уст. гр. суд. съ ст. 129 и 146-й». — Пришлось помѣтить десятокъ апелляціонныхъ жалобъ, переполненныхъ лакейскимъ остроуміемъ безграмотнаго, безстыднаго, жаднаго и злого дѣльца или, вѣрнѣе, гешефтъ-махера, не принадлежавшаго ни къ какой націи, ни къ какой религіи, ни къ какой опредѣленной профессіи, неизвѣстно откуда взявшагося, точно выпрыгнувшаго изъ земли, какъ страшное, отталкивающее знаменіе времени и, въ то же время, способнаго малѣйшимъ прикосновеніемъ къ дѣлу подорвать спокойствіе и благополучіе самаго рязнаго и добросовѣстнаго судьи.

Мягкое сердце Березина болѣло, душа переполнилась горечью, а исполненіе судейской обязанности, послѣ первыхъ, можно-сказать, весеннихъ лѣтъ, приносило только раздраженіе и сознаніе своего безсилія. Для него стало ясно, что жизнь да-

лего убѣжала впередъ, и быстрой, неудержимой волной уносилась все дальше и дальше, выдвигая новый сортъ людей, блиставшихъ самоуверенностію и очевиднымъ легкомысліемъ; что самый взглядъ на судейскую обязанность незамѣтнымъ образомъ упростился, между тѣмъ какъ онъ продолжалъ оставаться все такимъ же, вѣчно сомнѣвающимся и неувереннымъ въ себя, сейчасъ же готовымъ вообразить себя на мѣстѣ потерпѣвшаго и нисколько неспособнымъ къ неумолимому, объективному исполненію буквы закона, такъ какъ въ немъ жило инстинктивное стремленіе къ справедливости и отысканію правды по особенностямъ каждаго дѣла. Ему продолжало казаться, что для опальнаго, невѣстнаго захолустья не наступило и еще долго не наступитъ возможность объективнаго исполненія уставовъ, только-что не цѣликомъ перенесенныхъ изъ западной Европы, и въ то же время для него не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что все когда-то умѣстное и терпимое становится невозможнымъ и смѣшнымъ, а самая судейская обязанность, даже въ довѣрчивыхъ сердцахъ, не возбуждаетъ болѣе того энтузіазма, какъ прежде. Вокругъ только и слышалось:—выгодно, невыгодно, два урожая и наплевать на ваше судейство—и только, и ничего болѣе, почти что ничего...

Прошедшее съ разными сочувствіями, спичами и солидарностями исчезло какъ дымъ, а на мѣсто всего этого, выросло «сопоставленіе ст. 81 съ 129 и 146», непреоборимое опасеніе, чтобы солидарный, выступающій рука объ руку товарищъ не выкинулъ штуки и не завелъ въ глубокую и вязкую тину,—выросло соображеніе выгодъ и невыгодъ, связанныхъ съ отправленіемъ судейской обязанности, выросли вѣчныя недоразумѣнія, ничѣмъ не прикрытыя, неустрашимыя и тотчасъ же вслывшія наружу, какъ только судьи задумали устроить какое-то пиршество въ старомъ, привольномъ духѣ съ тостами, спичами, сочувствіями, солидарностями и всякой устарѣвшей дребеденью, и вышло изъ всего этого пиршества одно только расстройство желудка и головы, да родное хихиканье за спиной сосѣда, то же самое хихиканье, которымъ встрѣчалась каждая изъ пошлыхъ, отталкивающихъ, невозможныхъ въ теченіи «весенняго» періода судейской дѣятельности выходы новаго дѣльца, о которомъ говорилось выше.

Долго и неподвижно сидѣлъ Березинъ надъ ворохомъ судейскихъ бумагъ, припоминая прошлое, сравнивая съ нимъ настоящее и безнадежно отказываясь отъ будущаго.

Вокругъ точно все вымерло, не къ кому было обратиться за

сочувствіемъ, не съ кѣмъ отвести душу: либеральные чиновники, когда-то восхищавшіеся гражданскими подвигами Березина, ступали, бывшіе товарищи по службѣ или лежать въ могилѣ, или готовились лечь, или же ушли въ другую, совершенно противоположную сторону; одинъ, самый чистый и прямой, удалился въ глушь и задачей жизни поставилъ себѣ: своими руками расчистить сто десятинъ собственнаго лѣса, такъ чтобы лѣсъ этотъ нисколько не уступалъ лѣсамъ германскимъ; другой—обратился въ область изобрѣтеній и открытій и, дѣйствительно, въ значительной степени улучшилъ плуги Рамсона и Геда, приспособленіемъ маленькаго ящика, въ которомъ какъ разъ могли помѣститься труба и висеть рабочаго; третій—единственный на всю губернію распространитель народныхъ школъ, предметъ обожанія и поклоненія Березина, вмѣстѣ съ которымъ Березинъ ликовалъ, рукоплескалъ и только-что не танцевалъ при видѣ быстрого роста школьнаго дѣла—этотъ, дѣйствительно полезный дѣятель, увеличивъ число губернскихъ свѣтилъ, принялъ подобающій его положенію солидный видъ, никакъ не совмѣстимый съ порывами восторга и увлеченія. Бывшей привычки ободрять, поощрять и рукоплескать другъ другу и въ поминѣ не было, никто не только не преувеличивалъ талантовъ и заслугъ своего ближняго, но въ чемъ-то подоврѣвалъ, язвилъ и хихикалъ за спиной его.

Одинъ изъ инспекторовъ, кажется четвертый по счету, не сообразивъ обстоятельствъ, написалъ въ своемъ отчетѣ: «Счастливы дѣти, обучающіяся въ школѣ г. Березина! Въ нихъ невольно должны развиваться изящныя, благородныя чувства при созерцаніи въ классѣ хорошихъ рисунковъ, симметріи въ расположеніи учебныхъ пособій»... Но на этомъ все и покончилось, и Березину не пришлось уже болѣе слышать никакихъ восхваленій и поощреній, тѣмъ болѣе, что даже провинціальная газета, въ которой прежде печатались эти восхваленія, прекратила свое существованіе.

XIV.

Березинъ загрустилъ, быстро утративъ бодрость духа и вывезенный изъ за-границы запасъ здоровья. Въ былое время такое настроеніе живо изглаживалось подъ вліяніемъ другихъ, болѣе отрадныхъ впечатлѣній, въ особенности же—подъ вліяніемъ сельской школы съ ея неотразимымъ обаяніемъ, но въ настоящую минуту школа, основанная Березинымъ и составлявшая предметъ его постоянныхъ заботъ, утратила большую долю своей прелести.

«Послушникъ», помимо воли и желанія, навелъ уныніе не только на Березина, но и на самихъ учениковъ и всю обстановку школы. Всюду распространилось неряшество и мракъ, а многочисленныя учебныя пособія, разнообразныя мѣры и коллекціи насѣкомыхъ, минераловъ и даже самый подвижный, фзіологическій атласъ, когда-то любимѣйшій инспектора и даже поманій въ его отчетъ, — все это стояло на полкахъ безъ всякаго употребленія, покрытое густымъ слоемъ пыли.

«Послушникъ» не умѣлъ одушевить учениковъ, не умѣлъ и не могъ разсказать имъ что-нибудь интересное и подходящее къ ихъ дѣтскому пониманію. Вообще онъ не только былъ лишенъ дара слова, но не въ состояніи былъ связать двухъ словъ, а чтобы какъ-нибудь выйти изъ затруднительнаго положенія и поддержать свое достоинство — онъ заучивалъ первую, попавшуюся въ книгѣ тираду, и съ этой готовой тирадой на языкѣ являлся къ Березину, чтобы повторять ее встали и не встали въ теченіи цѣлаго праздничнаго дня. Такимъ образомъ, въ одно воскресенье онъ двадцать разъ повторилъ: «обученіе должно идти отъ ближайшаго къ отдаленнѣйшему, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ знакомаго къ незнакому»; въ другое: «прежде всего учитель долженъ быть хорошей нравственности, искренно почитать Бога, доказать на дѣлѣ успѣхи обученія, заслужить довѣріе окружающей среды и стать для нея своимъ человѣкомъ»; въ третье: «народная пѣснь въ педагогикѣ есть носительница живыхъ, индивидуальныхъ основъ національнаго воспитанія».

Стремись во что бы то ни стало осуществить послѣднюю мысль, «послушникъ» досталъ скрипку и принялся обучать пѣнію. Съ полдня и до полуночи въ квартирѣ его раздавались неумолкаемые, адскіе звуки, а сторожъ, сторожиха, просвири со своими чадами и домочадцами, все это стремглавъ бросилось жаловаться на сиринача, лишавшаго ихъ сна и покоя; священникъ, при всей природной, казалось, неизмѣримой добротѣ, наконецъ, вскипѣлъ такимъ негодованіемъ, что тотчасъ же послѣ херувимской попросилъ самозваннаго регента не дѣлать соблазна въ храмѣ Божіемъ. Голова Березина трещала отъ поднявшихся взаимныхъ жалобъ, уязвленій, пререканій и пересудовъ.

Онъ запирался, а наконецъ — и вовсе пересталъ бывать въ школѣ.

Принялся Березинъ наблюдать и повѣрять результаты, полученные послѣ десятилѣтняго уже существованія его школы, и волей или неволей долженъ былъ признать, что они были крайне плачевны: одинъ, много два мальчика попали на мѣста и полу-

тали изрядное жалованье, трое или четверо, изъ числа сорока, читали съ грѣхомъ пополамъ и могли все-какъ роскиснуть за неграмотнаго, — общимъ же, преимущественнымъ свойствомъ школьнаго образованія все-таки оставалась способность его испаряться немедленно по оставленіи школьной скамьи.

Еще болѣе печальное явленіе представляли мальчики, выдававшіеся по своей даровитости и желанію продолжать ученіе, о которыхъ въ особенности заботился Березинъ, стараясь во что бы то ни стало провести ихъ въ учительскія семинаріи.

Изъ четырехъ его любимцевъ, только одинъ — и то самый ограниченный — благополучно добрался до учительскаго мѣста, между тѣмъ какъ остальные были исключены за дурное поведеніе или за лѣность. Эти неудавшіеся ученики, толкавшіеся между крестьянами, но не имѣвшіе съ ними ничего общаго, уже обросшіе бородами, знаемые съ физикой и геометрией и, въ довершенію благъ, помѣшавшіеся на стихотворствѣ, — нестерпимо мучили Березина и тяжелымъ камнемъ лежали на его совѣсти.

Въ минуту такихъ терзаній зашелъ Захаръ Михайловичъ, помолился образу и подселъ въ Березину. Старикъ казался особенно строгъ и сердитъ, онъ молча положилъ плечу на пелъ и, не говоря ни одного слова, далеко засунувъ руку за нафтакъ, досталъ письмо и подаль его Березину.

Письмо было отъ Васи, съ мѣсяцъ тому назадъ отправившагося въ сосѣдній городъ для поступленія въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Березинъ жадно схватилъ письмо своего любимца, надѣясь найти въ немъ утѣшеніе и отраду.

«Что можетъ быть злобнѣе для молодого ума, что можетъ быть чернѣе для души молодого, пылкаго юноши, кипящаго безсмысленною мстью ко всему отжившему» и т. д., — началъ Березинъ и перевернулъ листъ, не видя конца какой-то непонятной галиматіи, въ заключеніе коей вверху выѣщала дѣда, что онъ не приметъ въ учебное заведеніе и, наконецъ, что ему необходимо 60 рублей:

«Единственно только то говорю вамъ, — добавлялъ вверху, — если не хотите моей гибели, то пришлите денегъ. Сами тоже не пріѣзжайте, потому что не найдете меня. Больше писать нечего и не могу. Теперь я до невозможной степени страдаю, мои мысли находятся въ энергическомъ безпорядкѣ, такъ что и свѣтъ постылъ. Прощайте, Богъ знаетъ — увидимся, что ли? Остаюсь въ ожиданіи денегъ — Василій Манидинъ».

— Онъ меня этимъ самымъ письмомъ точно ножомъ пр-

нужь... — съ невыразимой горечью проговорилъ старикъ, слѣдя за впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Березина пространнымъ посланіемъ его любимца.

— Что же теперь дѣлать?..—едва проговорилъ Березинъ.

— Собираюсь въ городъ, — на днѣ моря и тамъ разыщу... А не поѣдетъ — такъ его скручу и на веревкѣ приведу... — вотряхивая спутанными волосами, рѣшительно проговорилъ дѣдъ.

— Какъ это можно! что ты? — такъ все испортишь! — съ живостью перебилъ Березинъ, испугавшись, чтобы раздраженный дѣдъ не принялъ окончательнаго рѣшенія.

Затѣмъ водворилось молчаніе, прерываемое все усиливавшимися всхлипываніями потрясеннаго старика и его отрывистыми разсужденіями о томъ, что съ другими внучатами онъ распорядится иначе: сегодня кончилъ ученіе — завтра за соху, а вся бѣда въ томъ, что уже больно мало ученыхъ и грамотныхъ; заведется одинъ, два на цѣлую деревушку — и ну чертить, цѣны себѣ не находятъ, надъ каждымъ неученымъ куражится, надъ всѣми и надъ всѣмъ насмѣшничаетъ...

Березинъ, низко нагнувъ голову, съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ всегда умную, всегда правдивую рѣчь старика, и ему становилось что-то очень грустно и, въ то же время, мучительно совѣстно, такъ такъ только благодаря его настояніямъ Вася продолжалъ ученіе и, наконецъ, отправился въ городъ.

Березинъ думалъ успокоиться и утѣшиться при обобреніи другихъ школъ его уѣзда, но и въ этомъ жестоко ошибся. Съ закрытіемъ учительскихъ сѣздовъ, сельскіе учителя, обреченные на вѣчное, безысходное одиночество, походили на какихъ-то одичавшихъ Робинзоновъ, какъ-будто даже не замѣчавшихъ окружающаго ихъ народа, не имѣвшихъ съ этимъ народомъ ни малѣйшаго соприкосновенія, точно вокругъ одинокой школы поднимался темный лѣсъ, а мужики были тутъ не чѣмъ инымъ, какъ дико растущими деревьями. Разнообразныя учебныя пособія, столь щедро рассылаемыя въ «весенній періодъ» школьнаго дѣла, стояли безъ всякаго употребленія. Еще недавно бывшіе въ такомъ почетѣ и модѣ приемы обученія: наглядность, объяснительное чтеніе и т. д., все это какъ-то само собою вывелось и, въ то же время, ничѣмъ не замѣнялось. Каждый изъ учителей шелъ куда глаза глядятъ, не зная хорошенько, что дѣлать, какъ и чему учить и не зная къ кому обратиться за разъясненіями. Иврѣдка, не болѣе одного раза въ теченіи зимы заглядывалъ членъ училищнаго совѣта или одинъ изъ пяти инспекторовъ, назначенныхъ

въ губернію, но ихъ требованія и наставленія до такой степени расходились, до того отзывались общими мѣстами, что еще болѣе обивали несчастнаго Робинзона, смутно начинавшаго понимать, что ни тотъ, ни другой не былъ вполне увѣренъ въ томъ, что говорилъ, — ни тотъ, ни другой, при всемъ своемъ усердіи, не въ состояніи дать серъбаннаго и твердаго направленія, такъ какъ въ сущности ни тотъ, ни другой никогда не готовился быть педагогомъ, а только волей или неволей исправлялъ обязанность педагога, за неимѣніемъ лучшаго.

Грустный, подавленный новыми, нивогда прежде не приходившими въ голову мыслями, переѣзжалъ Березинъ изъ одной школы въ другую, съ недоумѣніемъ и страхомъ выслушивая робкія, сдержанныя жалобы на то, что училища остаются безъ бумаги и перьевъ, а учителя и учительницы около семи мѣсяцевъ не получаютъ жалованья изъ земскихъ суммъ, взятыхъ въ свое полное распоряженіе юнымъ дѣятелемъ Чичиковымъ, прямо съ ученической скамьи занявшимъ самое видное и выдающееся мѣсто въ земствѣ.

И все это оказалось справедливо: школы безъ бумаги и перьевъ, учителя съ подтянутыми отъ голода желудками, въ то время, когда юный дѣятель Чичиковъ, съ карманами и руками, полными денегъ, красовался въ губернскихъ салонахъ и обѣдался трофеями и аршинными осетрами. Юный дѣятель велъ веселую жизнь, обращалъ день въ ночь, былъ любимцемъ губернскаго общества и не только носилъ фамилію героя «Мертвыхъ Душъ», но въ то же время, по странному стеченію обстоятельствъ, былъ вылитымъ Павломъ Ивановичемъ, — такимъ же мягкимъ, пріятнымъ въ обращеніи, благонамѣреннымъ, солиднымъ, жирнымъ и розовымъ, какъ и его однофамилецъ.

Березинъ изнывалъ отъ ярости и горя, но молчалъ, молчалъ потому, что всѣ молчали, молчалъ потому, что боялся увеличить и безъ того значительное количество своихъ враговъ, молчалъ, презирая и себя и другихъ за это молчаніе и каждый день собираясь открыть истину. Наступилъ рядъ тревожныхъ дней, бессонныхъ ночей...

— Это скандалъ! чистѣйшій скандалъ! — горячился Березинъ, съ тяжелымъ чувствомъ наблюдая свое собственное, нравственное паденіе. Гдѣ та энергія, независимость, съ которой онъ десять лѣтъ тому назадъ выступалъ на поприще общественнаго дѣятеля, все это испарилось неизвѣстно куда и замѣнилось нерѣшительностью, гадкой боязнью новыхъ непріятностей, уступчивостью и небывалой способностью примиряться съ дѣйствительностью.

— Вы больны? что съ вами? какъ похуѣли!—вотъ вопросы, которыми осыпали Березина въ то время, когда онъ проводилъ тревожные дни и бессонныя ночи. Въ ночной тиши ему грезилась бѣдныя учителя съ подведенными отъ голода животами, школы безъ перьевъ и грифелей, аршинныя осетры съ трюфелями и замороженнымъ шампанскимъ.

— Нѣтъ, не могу, не могу молчать,—я достаточно вытерпѣлъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—рѣшилъ наконецъ Березинъ, цѣлыхъ десять ночей не смыкавшій глазъ, и нѣсколько часовъ спустя, примчавшись въ городъ, трагическимъ тономъ рассказывалъ обо всемъ своему товарищу по совѣту и настойчиво требовалъ слѣдствія.

Когда онъ высказалъ все, что хотѣлъ высказать, когда обоюдный запросъ двухъ членовъ, обращенный къ юному Чичикову, былъ готовъ, подписанъ и отправленъ по назначенію, тогда только Березинъ вздохнулъ свободно, какъ человѣкъ, сбросившій съ плечъ своихъ тяжесть, которую слишкомъ долго таскалъ.

Послѣдствіемъ запроса было упорное молчаніе Чичикова, спокойно и весело продолжавшаго ѣсть трюфели и ухаживать за губерскими дамами,—вмѣшательство губернскаго совѣта, насильственнымъ образомъ вынужденная повѣрка денежной суммы, назначенной на народное образованіе, повѣрка, при одномъ воспоминаніи о которой на откровенномъ лицѣ Березина постоянно выступала краска стыда и негодованія, и наконецъ неожиданный бѣгство Чичикова, живо напоминавшее приключенія его знаменитаго однофамильца.

Мѣсто юнаго Чичикова занялъ майоръ Кувшинниковъ, могучій, прямой и откровенный на распаху. Онъ тотчасъ же заявилъ, что народному образованію не сочувствуетъ и, все чаще и чаще уклоняясь отъ своей обязанности, оставилъ Березина глазъ на глазъ съ престарѣлымъ, въ высшей степени исполнительнымъ и добродушнымъ чиновникомъ, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, далеко не подготовленнымъ къ тому, чтобы рѣшать судьбу народнаго образованія въ цѣломъ, обширномъ уѣздѣ и руководить будущностью такого дѣла, которое еще вчера называли дѣломъ первой важности, дѣломъ священнымъ.

По своимъ привычкамъ, простотѣ и вкусамъ, по своей простой натурѣ, Березинъ чувствовалъ живое тяготѣніе къ новымъ дѣятелямъ по народному образованію, поселившимся въ городѣ поближе къ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ воспитывались ихъ дѣти.

Онъ не могъ не уважать инспекторовъ народныхъ школъ; ему хорошо было извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ съ боль-

шимъ успѣхомъ подвизались на другихъ перпринцахъ государственной службы, но въ то же время онъ не могъ оставаться слѣпымъ и не замѣчать нѣкоторую слабость ихъ въ качествѣ педагоговъ, массу наваленнаго на нихъ труда, не имѣвшаго ничего общаго съ народнымъ образованіемъ, а главнымъ образомъ ихъ непрактичность, тотчасъ же бросающуюся въ глаза отчужденность отъ сельской жизни и полнѣйшее незнакомство съ дѣйствительными нуждами и потребностями своеобразной народной школы.

По временамъ ему даже казалось: что если бы такіе, простые и добродушные люди, какъ большинство инспекторовъ, рѣшились откровенно высказать существо своей обязанности,—вѣдь они сказали бы: мы сочиняемъ, пишемъ и переписываемъ отчеты, завалены канцелярской работой и только изрѣдка имѣемъ возможность ѣздить по земскимъ школамъ.

Заглядывалъ Березинъ въ эти громадные отчеты, составляющіе сущность инспекторской дѣятельности. Изъ одного узналъ, что послѣ испытанія въ Березовской школѣ, бывшіе при этомъ испытанія сельскія власти, отцы и матери учащихся разомъ зарыдали отъ умиленія и благодарности къ заботливому начальству и попечительному земству,—изъ другого, что успѣхи миссіонерской школы превзошли всякія ожиданія и въ нихъ, и въ особенности въ перемѣнѣ, происшедшей съ отступниками, нельзя не видѣть промысла Божій.

И все это писалось въ то время, когда въ губерніи, величиною съ цѣлую Бельгію, буквально не нашлось ни одного селенія, которое по собственному почину основало бы хотя какую-нибудь школу, хотя бы въ видахъ возможнаго облегченія своимъ дѣтямъ воинской повинности. Все это писалось тогда, когда Березину, какъ постоянному сельскому жителю, было хорошо извѣстно, что никакой перемѣны съ отступниками не произошло и произойти не могло.

— Ужасно! Ужасно! Ужасно!—казнлся Березинъ, испытывая ощущеніе челоуѣка, котораго ни за что, ни про что охатили ледяной водой. Онъ ясно понималъ, что его дѣятельность въ качествѣ ревнителя народнаго образованія кончена, да и самое народное образованіе должно быть передано въ руки оффиціальныхъ дѣателей, хотя бы для того, чтобы положить предѣлъ существующему недоумѣнію и хаосу.

XV.

Изъ-за чего себя мучить всенными дразгами и мелочами жизни, почему не быть такъ же покладистымъ, какъ всё окружающее?.. Затѣмъ сопротивляться и не мириться съ такъ называемой печальной действительностью?—пробовалъ размещать Березинъ, но изъ всѣхъ этихъ практическихъ размышленій ничего не вышло, и онъ продолжалъ мучиться надъ каждымъ обычнымъ явленіемъ закулисной жизни.

Онъ задумывался и страдалъ надъ каждой погрѣшностью, которую посылалъ элегантной внятинѣ Анастасьевой по обвиненію ея въ нарушеніи нитейлаго устава, надъ подписнымъ листомъ въ пользу черногорцевъ, въ то время, когда свои мужики сидѣли безъ хлѣба, надъ бурными ораціями и войною съ администраціей по случаю единодушнаго выбора въ члены управы, извѣстнаго, пренебрегающаго огонь и воду, Архипа Архиповича, только-что обязавшагося воздвигнуть Божій храмъ, взамѣнъ отданныхъ въ его распоряженіе казачьихъ цѣлой волости,—надъ земскими партіями, готовыми защищать всякое зло и воровство, какъ только это доказывалось ихъ противниками; надъ поразительнымъ безправіемъ и продажною волостного суда, надъ бездѣйствіемъ и тупостью сельскихъ властей; надъ вѣчными дравами и пожарами, по случаю престольныхъ праздникоу, и надъ непрерывными, вошедшими въ обычай поджогами изъ-за одного отказа въ утощеніи виноу... Его въ одинаковой степени отталивали и вожди либеральной партіи, храбро выставлявшіе свои аристократическія фамиліи на питейныхъ заведеніяхъ всей губерніи, и столпы консерватизма, до сихъ поръ прославившіеся только своимъ буйствомъ и оргіями; въ одинаковой степени возмущали все чаще и чаще неоторизованная ликвидаціи лучшихъ и богатѣйшихъ крестьянскихъ семействъ, послѣ которыхъ осталась только нищета и позоръ, и крушеніе нивѣстѣйшихъ дворянскихъ фамилій, мгновенно потерявшихъ свои родовыя помѣстья и сдѣлавшихся какою-то притчей во языцѣхъ, предметомъ толковъ и насмѣшекъ самихъ низшихъ подонкоу общества.

Березинъ страдалъ и мучился за всѣхъ и за все, и такимъ образомъ, незамѣтно для себя самого, омончательно попалъ на несчастную зарубку какого-то мученика закулистья, не имѣвшаго ни минуты отдыха, не знавшаго ни одного беззаботно и спокойно проведеннаго дня и вѣчно испытывавшаго напряженное и угнетенное располженіе духа.

Березинъ искалъ успокоенія въ земскихъ порядкахъ сосѣднихъ уѣздовъ, съ упованіемъ на лучшее хватался за журналы очередныхъ земскихъ собраній, но только наталкивался на случаи, способные вызвать одно нескончаемое, ошудряющее и незнакомое ему хихиканье.

Вотъ журналъ очереднаго собранія сессіи 1876 года. Онъ на удачу развернулъ довольно объемистый томъ и прочелъ слѣдующее: «При баллотированіи гласнаго Правнукова на должность предсѣдателя управы, нѣкоторые гласные обратились къ предсѣдателю собранія Прадѣдову съ заявленіемъ, что онъ, Прадѣдовъ, держать руки свои подъ сукномъ избирательнаго ящика и направляеть ими руки гласныхъ отъ крестьянъ».

Березинъ поморщился, перевернулъ нѣсколько листовъ и продолжалъ чтеніе: «предсѣдатель собранія Прадѣдовъ, удаляясь въ смежную комнату, выразился: «я ему не довѣряю», и при этомъ указалъ на своего кандидата г. Дѣдова, бывшаго уже на предсѣдательскомъ мѣстѣ, вырвалъ (а не взялъ, какъ сказано въ журналѣ) изъ рукъ г. Дѣдова списокъ гласныхъ и закричалъ (а не произнесъ, какъ означено въ журналѣ): «Федоръ Валерьянович! прошу васъ занять мѣсто у ящика». Г. Прадѣдовъ такъ возвысилъ голосъ, что многіе крикомъ его были поражены, а г. Дѣдовъ, находясь на предсѣдательскомъ мѣстѣ, бликъ г. Прадѣдова, опустилъ даже голову и зажалъ руками уши, говоря: «нѣтъ силъ оставаться болѣе въ собраніи». Послѣ чего гласный Внучковъ закричалъ: «г. предсѣдателя изъ собранія вонъ!!!» Въ это время въ залѣ собранія поднялся чрезвычайный шумъ, и гласный Дѣдовъ сказалъ, что онъ пригласитъ полицію и, подойдя къ двери, вскричалъ: «сторожъ, иди за помощникомъ исправника». Послѣ этого, г. предсѣдатель Прадѣдовъ позвонилъ и объявилъ, что онъ закрываетъ собраніе».

Журналъ сессіи 1876 года съ негодованіемъ отброшенъ въ сторону, а на мѣстѣ его въ рукахъ Березина очутился журналъ сессіи 1877 года: «Предъ баллотированіемъ, г. Племянниковъ обратился съ такимъ воззваніемъ къ собранію: «Въ прошломъ земскомъ собраніи, я былъ удостоенъ чести быть избраннымъ огромнымъ большинствомъ въ предсѣдателя управы. Цѣни эту честь, я считаю своей священной обязанностью баллотироваться и теперь, и надѣюсь...» съ этими словами онъ вышелъ въ смежную комнату. По окончаніи баллотировки, когда г. предсѣдатель пересчиталъ избирательные шары, объявивъ неизбирательныхъ 32, а избирательныхъ лишь 10, г. Племянниковъ, возвращаясь изъ смежной комнаты земскаго собранія и, оставшись противъ изби-

рательнаго ящика, задомъ къ предсѣдателью и лицомъ къ собранію, произнесъ слѣдующія слова: «господа! я забаллотированъ, но остаюсь все тѣмъ же, а вы... что сказать объ васъ?» И затѣмъ, послѣ значительной паузы, склонивъ голову внизъ, плюнулъ и направился въ своему стулу... Что значить вашъ плевокъ?—обратился къ г. Племянникову гласный Пасынковъ. На что сей послѣдній отвѣчалъ, что онъ поперхнулся вслѣдствіе кашля, но что онъ хотѣлъ сказать гласнымъ, что они достойные люди. Собраніе было возмущено... и т. д. Но, не взирая на общее и весьма понятное въ настоящемъ случаѣ негодованіе между гласными, все же нашлось нѣсколько благоразумныхъ людей, которые протестовали, доказывая, что обстоятельства, относящіеся къ баллотированію гласнаго Племянникова, изложены не согласно съ дѣйствительностью. Г. Племянниковъ вошелъ въ залу собранія и, остановившись у угла стола, бокомъ къ г. предсѣдателью, лицомъ къ гласнымъ,—значилось въ протестѣ, сказалъ слѣдующее: «гг! я забаллотированъ, но остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, вы же...» а самъ онъ заважлялся, отпихнулся и, продолжая кашлять, пошелъ на свое мѣсто. Гласный г. Пасынковъ проситъ г. Племянникова докончить. Г. Племянниковъ отвѣчалъ: «я кашляю, но я хотѣлъ сказать, что вы достойнѣйшіе люди».

— Ужасно! ужасно! ужасно! — кричалъ Березинъ, шагая назадъ и впередъ по своему кабинету, въ которомъ уединился все чаще и чаще. Онъ не только подмѣчалъ отрицательныя явленія современной глуши, негодовалъ и мучился, но это негодованіе и эту муку порицанія перенесъ на самого себя, признавая себя, вмѣстѣ со всѣми другими, отвѣтственнымъ за все творившееся вокругъ, отыскивая въ себѣ самомъ признаки тѣхъ же самыхъ попомановѣній, наклонностей и качествъ, коими отличались герои неурядицы и нескончаемыхъ безобразій. Онъ упрекалъ себя въ черствости, скряжничествѣ, притворствѣ, трусости, рабствѣ, пристрастіи въ одной формѣ, способности къ двойной морали, фразерствѣ и т. д. и т. д. безъ конца. Онъ испытывалъ постоянную борьбу лучшихъ стремленій души съ слабостями человѣческой природы, а послѣдствіемъ такой борьбы являлись вѣчное недовольство собой и нескончаемое угрызеніе совѣсти. Въ отшатнулись отъ него какъ отъ чуждаго, тяжелого, скучнаго и раздражительнаго, и онъ отшатнулся отъ всѣхъ и даже въ своемъ семействѣ являлся какъ будто чужимъ, постороннимъ чужимъ. Во время его исключительнаго стремленія къ общественной дѣятельности и общественной пользѣ, его жена и дѣти,

появленіе на задній планъ, составили между собою нѣчто тѣсное, отдѣльное, не имѣвшее съ нимъ ничего близкаго и общаго.

Въ концѣ-концовъ Березинъ не зналъ что дѣлать, куда дѣваться, съ своими общечеловѣческими стремленіями и абстрактными идеями, внесенными въ основу его практической дѣятельности.

Оставался народъ, долгое время вызывавшій обожаніе, нескончаемыя работы и пожертвованія, но этотъ еще недавно обожаемый народъ давно уже пересталъ существовать для Березина какъ нѣчто цѣлое и обязательное, а когда заходила рѣчь о народѣ, то онъ ограничивался словами: «да, между народомъ есть отличные люди, подлѣ которыхъ легче живется и дышится». Этого мало, — утративъ осторожность и терпѣніе, прежде всего необходимыя для всякаго наблюдателя сельскаго быта, не желая знать историческихъ причинъ и прошедшаго, въ которомъ жилъ нашъ народъ, Березинъ съ беспощадностью сосредоточилъ на немъ ту же самую, такъ сказать, сокрушающую и ехидную требовательность, съ которой относился къ себѣ и вообще ко всѣмъ несовершенствамъ нашего общества. Онъ на лету ловилъ уродливыя явленія народнаго быта, тщательно развѣсывалъ и собиралъ ихъ и кончилъ тѣмъ, что считалъ всѣхъ народолюбцевъ или за красныхъ патріотовъ, или же за восторженныхъ институтокъ, по уши влюбленныхъ въ учителя рисованія, или же наконецъ за людей, преслѣдовавшихъ какія-то личныя, не совсѣмъ понятныя, даже не совсѣмъ чистыя побужденія. Ходивія фразы о народѣ вляли его въ лоскъ, и онъ не могъ равнодушно слышать, когда при немъ говорили о томъ: какъ беззавѣтно шалъ народъ освобождать своихъ братьевъ-славянъ, или какъ свято хранить онъ свои исконныя обычаи и первобытные идеалы, пережившіе всѣ историческія невзгоды, вѣковую опеку, вѣковое начальство, и т. д.

«Гдѣ же эти первобытные идеалы, гдѣ мірскіе люди, гдѣ прославленная община, спасающая народъ отъ окончательнаго разоренія и выручающая мужика въ каждой бѣдѣ и невзгодѣ?» — спрашивалъ себя Березинъ, ежедневно толкавшійся дѣ народѣ и знавшій, какъ свои пять пальцевъ, всю подноготную не только относительно сосѣднихъ селъ и деревень, но каждаго отдѣльнаго двора и семьи.

Вокругъ ли тѣни общинно-бытовыхъ началъ, ли тѣни существеннаго участія или желанія выручить и помочь, ли малѣйшаго признака мірскихъ людей — и все вращалось на той же почвѣ личнаго интереса, личныхъ ненавистей и личныхъ пріязней. — Послѣ каждаго пожара Березинъ неминуемымъ образомъ лѣталъ на погорѣлое мѣсто, узнавалъ, испытывалъ съ личностью слѣдо-

вателя, во что бы то ни стало, добивался признаков общественной помощи, но на всё расспросы всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «ни, ни, ни, никто ни крохи, только штрафовка (т.-е. страховка) вышла, а не явился урядникъ, такъ и отъ всего селенія праха бы не осталось»... Еще менѣе участія проявляла община въ отношеніи вдовъ, перебивавшихся на положеніи небесныхъ птицъ и сиротъ, неминуемымъ образомъ обреченныхъ на расхищеніе и кабалу ближайшихъ родственниковъ, или выбранныхъ почителей.

Раскладка денежныхъ повинностей, разорительный и ничѣмъ не вызванный переходъ на одну, такъ-называемую сиротскую десятину, отказъ отъ содержанія и постройки школы, избраніе нигуда негоднаго сельскаго начальства, сдача мірскихъ кабаковъ, самосудъ надъ мелкимъ ворнишкой, сопровождаемый ослепленіемъ, пинками и невольной прогулкой обвиняемаго по всему селенію съ украденнымъ хомутомъ на шеѣ, при раздражающихъ душу звукахъ заслонокъ и ежовородъ, арѣская расправа съ крестьянской бабой, иногда противъ воли вынужденной бѣжать отъ мужа, а главнымъ образомъ — взаимное угощеніе мірскими виномъ и бесовѣстное вымогательство этого вина, во что бы то ни стало, у кого поцало: у праваго или виноватаго, у нищаго или состоятельнаго, у каждаго, кого только можно застрашать и притѣснить подъ какимъ-нибудь предлогомъ, — вотъ въ чемъ проявлялась на глазахъ Березина дѣятельность прославленной общины и обыкновенно во вредъ, а не въ пользу крестьянъ.

Долго и упорно сокрушался Березинъ надъ народной бѣдностью, объясняя этой, часто рѣзущей глаза, бѣдностью всѣ мрачныя явленія сельской жизни, но въ настоящую минуту ему уже казалось, что таковаго рода объясненіе есть только самый симпатичный и легкій способъ отдѣлаться отъ серьезнаго изученія народной жизни, изученія на мѣстѣ, въ теченіи многихъ, многихъ лѣтъ. Онъ, наконецъ, додумался до того, что наша бѣдность вообще, то-есть не только крестьянская, но и бѣдность всѣхъ остальныхъ сословій безъ всякаго исключенія, имѣетъ въ себѣ нѣчто общее, и что если на Руси много дѣйствительной бѣдности, то во всякомъ случаѣ далеко болѣе бѣдности, происходящей отъ распущенности, отъ жадности въ быстрой наживѣ, отъ неспособности къ сбереженіямъ, отъ лѣни, неумѣлости и невѣжества.

Березина мучило постоянное несогласіе дѣйствительнаго съ надеждами и ожиданіями, ему дѣла не было до того, что его наблюденія общинно-бытовой жизни относились къ извѣстной

мѣстности, колонизированной выходцами со всѣхъ концовъ Россіи, давно уже отвыкшими отъ своихъ исконныхъ порядковъ. — Онъ продолжалъ свои вѣстныя наблюденія, преувеличивая, дѣлая рѣшительные выводы и испытывая горькое положеніе человѣка, разочаровавшагося не въ одномъ частномъ лицѣ, а только-что не въ цѣломъ обществѣ.

Но болѣе всего возмущало Березина неожиданное открытіе, что всѣ пожертвованія и заботы о приходѣ ни на волосъ не сблизили его съ прихожанами, и что діаконъ Триумфальскій, исключенный изъ духовнаго званія за пьянство, буйство и похищеніе языка одного изъ самыхъ большихъ церковныхъ колоколовъ, тотъ самый, что десять лѣтъ тому назадъ штурмовалъ священника въ его собственномъ домѣ, въ настоящее время пріютившійся въ селѣ Погибелѣ, въ качествѣ сельскаго писаря, пользовался несравненно большимъ сочувствіемъ, расположеніемъ и довѣріемъ, нежели онъ, Березинъ, такъ и оставшійся непонятымъ, чужимъ, если не смѣшнымъ въ глазахъ народа, даже и не подозревавшаго въ немъ ни его народолюбія, ни его возвышенныхъ стремленій.

Тутъ какъ на зло, между крестьянами ближайшихъ волостей, ни съ того, ни съ другого пошли, ничѣмъ не вызванные, для всѣхъ несомнѣнные и въ то же время никого не возмущавшіе толки о томъ, что Березинъ сильно понажился около своего банка, то-есть, ссудо-сберегательнаго товарищества.

— Онъ тутъ страсть сколько денегъ нажилъ, страсть какъ набилъ карманы, — одобрительно кивая головой и добродушно улыбаясь, на всѣхъ сходкахъ и окрестныхъ базарахъ, разсуждали мужики.

XVI.

На ближайшемъ повѣрочномъ совѣтѣ обнаружилось, что прибыли товарищества, полученной въ теченіи перваго полугодія, едва достаточно на покрытіе болѣе нежели скромныхъ расходовъ управленія, и такимъ образомъ пайщики остаются безъ всякой прибыли. Даже невозможно было идти, такъ какъ на общемъ собраніи, неминуемымъ образомъ, слѣдовало ожидать поголовнаго возстанія пайщиковъ и немедленнаго удаленія ихъ изъ товарищества.

Березинъ терялъ голову, не зная что дѣлать, то-есть лизивировать или послѣдовать совѣту комитета, то-есть позависство-

вать денегъ и продолжать несомнѣнно полезное дѣло. Съ каждымъ днемъ усиливавшееся болѣзненное состояніе только увеличивало нерѣшительность Березина. Утромъ онъ считалъ закрытіе товарищества только-что не преступленіемъ, а начитавшись вечеромъ разнообразныхъ извѣстій о повсемѣстныхъ растратахъ, вломахъ казенныхъ сундуковъ и крупныхъ кражахъ общественныхъ денегъ, онъ ужасался за будущее, и цѣлыя ночи на пролетъ видѣлъ одни растраты, расхищенія, вломы, и какъ будто слышалъ проклятія пайщиковъ, градомъ сыпавшіяся на его бѣдную голову.

Впередѣ все казалось мрачно и безнадежно; здоровье видимымъ образомъ измѣняло, волей или неволей приходилось думать объ оставленіи должности судьи и неизбежной разлукѣ съ писмоводителемъ, этимъ единственнымъ дѣтелемъ разлагавшагося товарищества. Священникъ держался въ сторонѣ, изъ страха навлечь на себя гоненіе духовнаго начальства, неблагоприятно смотрѣвшаго на горячее участіе его предмѣстника въ дѣлахъ товарищества, между тѣмъ какъ учитель-послушникъ, наслушавшись и начитавшись военныхъ разсказовъ, думалъ только о томъ, чтобы какъ можно скорѣе поступить въ юнкера и покинуть педагогическое поприще.

Много дней и ночей продумалъ Березинъ и, наконецъ, рѣшилъ, что все спасеніе заключается въ немедленной передачѣ товарищества въ полное распоряженіе земства, онъ даже поздоровѣлъ отъ такой счастливой мысли, и съ увѣренностью направился къ выдающемуся земскому дѣтелю, полинявшему дѣльцу стараго закала, исполненному несокрушимой самоувѣренности и непримиримой ненависти ко всему, что только не называлось отношеніемъ или докладомъ за № 28,732-мъ.

Какъ только переступилъ Березинъ порогъ земскаго дѣтеля, такъ и понесло затхлымъ воздухомъ архива и канцелярскимъ сургучомъ, а съ первыхъ же словъ между хозяиномъ и гостемъ возникло взаимное, ничѣмъ не устранимое непониманіе другъ друга, такъ какъ одинъ былъ человекомъ жизни, на собственной спинѣ испытавшій прелести заholустныхъ порядковъ, другой зналъ только порядки канцелярскіе и ничего болѣе не хотѣлъ знать.

Думалъ-было Березинъ обратиться къ земскому собранію, но его даже перевернуло при одной мысли о такомъ обращеніи, а въ воображеніи мгновенно нарисовалась картина, неминуемымъ образомъ поджидавшая впередѣ: тѣсная, неприглядная комната, длинный столъ, покрытый сукномъ и бумагами, опытный предсѣдатель, навывшій въ умѣніи проскакивать съ земскими дѣлами

такъ быстро, чтобы никто даже и не замѣтилъ, когда начиналась эта скачка и чѣмъ кончалась; членъ управы изъ народа, канцелярскій труженикъ, одушевленный единственнымъ стремленіемъ какъ можно долѣе сохранить свое выгодное мѣсто, и какъ ученый попугай, заучившій нѣсколько мудреныхъ и модныхъ словъ, то-и-дѣло повторяемыхъ мѣстными ораторами; другой членъ, тоже изъ простыхъ и какъ-бы въ противоположность первому, настоящій бегемотъ въ національной поддевиѣ, бегемотъ, расплывшійся въ родномъ, привольномъ болотѣ, и постоянно погруженный въ мечты и думы о своихъ кабачныхъ операціяхъ; земская интеллигенція, развалившаяся на переднихъ мѣстахъ, болтавшая о томъ, о семъ, но только не о земскомъ дѣлѣ и точно щеголявшая равнодушіемъ въ общественной пользѣ; представители меньшей братіи, эта декоративная часть собранія, въ образѣ волостныхъ старшинъ, съ замасленными волосами, низко опущенными головами, полузакрытыми глазами и непреодолимымъ желаніемъ вздремнуть послѣ бессонной ночи, проведенной въ телѣжкѣ волостнаго ямщика. Секретарь только-что пробарабанилъ докладъ председателя Погибельскаго товарищества, Березинъ нѣхотя, то краснѣя, то блѣднѣя, поднимается съ своего мѣста и начинаетъ «дѣйствовать», то-есть доказывать необходимость принятія товарищества въ непосредственное завѣдываніе земства...

— Ну, дѣйствуетъ! и еще долго будетъ дѣйствовать... Идите курить, пускай одинъ дѣйствуетъ! — раздается вокругъ, между тѣмъ какъ постоянный антагонистъ и ненавистникъ Березина, старецъ съ голымъ, какъ ладонь, черепомъ и мутными глазами, вѣчно грустный, вздыхающій, жалующійся на трудныя времена и въ то же время скупающій одно имѣніе за другимъ, давно уже притихъ и притаился какъ охотникъ, намѣтившій свою жертву; онъ даже не возражаетъ, не распространяется въ излишнихъ объясненіяхъ, а какъ-бы про себя, едва слышно шипитъ: «въ комиссію».

— Туда же, туда же! — въ одинъ голосъ подхватываютъ представители мѣстнаго безсилія, со всѣхъ сторонъ кивая головами и только-что не посылая воздушныхъ поцѣлуевъ торжествующему старцу.

— А приказы, предписанія — и все явится, все отыщется, даже сочувствіе къ шлоамъ и ссудо-сберегательнымъ товариществамъ! — злобствовалъ Березинъ, останавливаясь на подробностяхъ воображаемой картины земскаго собранія... Но безъ приказа, безъ предписанія ничье сердце не забьется при мысли о помощи ближнему,

о безкорыстномъ служеніи родному краю... Все, что можно заказать, купить на деньги: желѣзныя дороги, берданки, предметы роскоши и комфорта, европейскія зданія и костюмы и т. д., все, что доступно каждому ученому понугаю и ученой обезьянѣ, все это нѣбеса, все это было и будетъ, но все то, что вырабатывается продолжительными усиліями самого общества, чего невозможно ни заказать, ни купить, ни перенять на скорую руку, живой интересъ къ тому, что совершается крутомъ, сознание долга, добра и зла, ясное представленіе о справедливомъ и несправедливомъ, честномъ и безчестномъ, о томъ, что необходимо и что ненужно, духъ законности и порядка, энергичнаго, неослабнаго труда, бережливости и серьезнаго, обдуманнаго отношенія къ каждому дѣлу, — все это отсутствуетъ, и такое явленіе не только никого не тревожить, но большинство слонять горой за это беспорядочное состояніе.

Нѣсколько недѣль подрядъ Березинъ находился въ возбужденномъ состояніи, завершившемся длиннымъ, перешошленнымъ горечью посланіемъ въ одинъ изъ комитетовъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ.

Отвѣтъ не замедлилъ и заключался въ слѣдующемъ: «На почтенное письмо ваше отъ 14-го апрѣля сего года, намъ остается только съ грустью сказать: да будетъ по глаголу вашему. Мы хорошо понимаемъ ваше тяжелое положеніе и, бывши на вашемъ мѣстѣ, не поступили бы иначе. Одна надежда, да и та плохая, — что, можетъ быть, вы какъ-нибудь найдете возможнымъ найти распорядителя на свое мѣсто, повторяемъ — плохая, потому что онъ все-таки не замѣнитъ васъ».

Два воскресенья сряду вызывались члены на общее собраніе для разсужденія о предстоящей ликвидаци, но оба раза собраніе не состоялось за неявкой членовъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы на выручку потерявшему всякое самообладаніе Березину не подошелъ новый громадный колоколъ, съ большими издержками приобретенный приходомъ.

Торжественное поднятіе мѣднаго великана должно было вспомнить всю окрестность и всѣхъ ближайшихъ членовъ изъ крестьянъ, а первый звонъ его долженъ былъ возвѣстить соединитъ селамъ, деревнямъ, хуторамъ и выселкамъ о преждевременной кончинѣ погибѣльнаго ссудо-сберегательнаго товарищества.

XVII.

Нѣтъ и помину о сельскихъ будняхъ, о нуждѣ и бѣдности. Погода славная и веселая... Зеленая площадь затоплена народомъ. Красныя, бѣлыя и синіе головные платки, кумачъ, пилсъ, желтые и черныя чепаны,—все это, какъ маковъ цвѣтъ, играло и пестрѣло на солнцѣ... Бѣлый храмъ смотрѣлъ торжественнѣе обыкновеннаго и, блестя золотыми крестами, точно выплывалъ изъ волнуемой толпы народа. Съ высокой колокольни тянутся длинныя канаты, за которые держится масса народа, готовая по первому знаву тащить громадный колоколъ, стоявшій на паперти. Изъ верхняго окна колокольни то-и-дѣло показывалась голова подрядчика въ бархатномъ картузѣ, сдвинутомъ на затылокъ.

— Съ Господомъ-Богомъ, православные! Трогай! тихо, спокойно, вѣжливо!!..—кричитъ подрядчикъ.

Православные тронули.

— Стой! стой! что вы творите? куда ломите?—раздается голосъ подрядчика, снова показавшаго свое толстое и красное отъ испуга лицо.

— Да куда же вы прѣте?.. силъ монахъ нѣтъ.—Съ ума, что ли, спятили! — оретъ распорядитель, въ пылу гнѣва только-что не выскакивая изъ окна колокольни, безъ всякой мысли о послѣдствіяхъ.

А между тѣмъ колоколъ, медленно покачиваясь, поднимался все выше и выше, и скоро могучій голосъ его заговорилъ на всю окрестность. Трезвонили ужасно много, кто хотѣлъ, тотъ и влѣзалъ на колокольню, звонилъ сколько душѣ угодно, выдѣлавая дивовищныя трели.

Бережливъ ходилъ по площади, опустивъ голову, заложивъ руки за спину, томясь ожиданіемъ предстоящаго собранія.

Вотъ онъ уже стоитъ въ тѣсномъ кругу мужиковъ, проникнутыхъ искреннимъ сознаніемъ, что они тутъ ничего не понимаютъ и не могутъ. Онъ долго водилъ глазами вокругъ себя, какъ-бы соображая, что ему дѣлать, что сказать, — наконецъ, кашлянулъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ принялся объяснять причины, вызвавшія закрытіе товарищества. Въ ушахъ у него шумѣло, и онъ съ какимъ-то недовѣріемъ и страхомъ прислушивался къ своимъ собственнымъ словамъ и запутаннымъ фразамъ.

Вотъ все замолкло,—онъ пересталъ говорить; стоявшій про-

тивъ него плотный мужикъ съ просьбою и равнодушнымъ лицомъ, все время слушавшій Березина, какъ человѣка, котораго нельзя не слушать, поклонился ему въ поясъ и упорно молчалъ, и всѣ молчали. Всѣ чувствовали какую-то неловкость и скуку. Кто-то изъ членовъ правленія спросилъ мужиковъ, что они будутъ теперь дѣлать, къ кому обратятся въ случаѣ нужды?

— А Богъ-то? Бога будемъ просить, — у него, у батюшки, милости много... Никто какъ Богъ! — вяло проговорилъ кто-то изъ толпы, такъ — чтобы только сказать что-нибудь.

Толпа стала расходиться по домамъ.

— А ты не думай, стѣбить себя безпокоить, — не думай о такихъ пустякахъ, по-своему обыкновенію, принялась убѣждать Березина его жена, тотчасъ же прочитавъ на отвращенномъ лицѣ его слѣды какихъ-то страшныхъ, мучительныхъ мыслей.

Но благоразумные совѣты не приносили никакой пользы, — Березинъ не находилъ себѣ мѣста, не зналъ что дѣлать, за что взяться, и потому ужасно обрадовался появленію ямщика съ цѣлымъ мѣшкомъ, набитымъ только-что полученной съ почты корреспонденціей.

Березинъ зналъ хорошо цѣлебное свойство труда въ такую минуту, которую онъ переживалъ, а потому съ напускнымъ, упорнымъ вниманіемъ принялся за чтеніе полученныхъ бумагъ и газетъ.

Въ его руки попала длинная, безграмотная, бессмысленная и, въ то же время, наглая апелляціонная жалоба.

Въ другой жалобѣ говорилось, что судья Березинъ, не имѣя къ тому никакого законнаго основанія, высмалъ стаканъ чаю проголодавшемуся довѣренному купца Крахмалова... Въ третьей — что судья Березинъ, вызвавъ свидѣтеля — сотника Кулябина — улыбнулся и сказалъ: «ты подкупной свидѣтель, и я тебѣ не вѣрю»... Въ четвертой — что судья постановилъ возмутительное рѣшеніе. Но вотъ попала краткая, но сильная бумага, требовавшая отъ судьи немедленнаго объясненія по содержанію жалобы, исходившей все изъ того же грязнаго источника и отличавшейся все той же нелѣпостью и бессмыслицей.

Пробѣжавъ эту, совершенно неожиданную бумагу, Березинъ нѣсколько минутъ стоялъ среди комнаты съ полу-открытымъ ртомъ, держась обѣими руками за голову. Подумалъ, рѣшилъ немедленно подать въ отставку и съ удвоеннымъ усердіемъ принялся за чтеніе.

Въ руки попалось нѣсколько номеровъ земской газеты, а въ

глаза тотчасъ же бросилось заявленіе юнаго священника, исключительно занятаго изобрѣтеніемъ пальто-рясы, что онъ ни впредь, ни послѣ не намѣренъ обращать никакого вниманія на мнѣніе члена совѣта Березина, такъ какъ сей послѣдній ничего не смыслить въ преподаваніи закона Божія.

Далѣе слѣдовала пространная статья другого священника, тоже изъ юнаго поколѣнія, съ бурсацкой удалью отдѣлавшаго Березина и беззащитно утверждавшаго, что законоучитель, получающій за свой трудъ 20 руб., будетъ полезенъ на 20 руб.; получающій 36 руб. 75 коп. — будетъ приносить пользы на 36 руб. 75 коп. — и т. д., и т. д.

Затѣмъ попался длинный рассказъ сельскаго учителя о томъ, какъ онъ хотѣлъ лишить себя жизни, а потомъ струсилъ.

Далѣе подвернулся печатный циркуляръ инспектора народныхъ школъ, требовавшій немедленной выписки для училища практической гимнастики Шмидта, — точно крестьянскія дѣти и безъ того, даже съ нѣкоторымъ излишествомъ, не упражняются въ этомъ полезномъ занятіи.

Опять подумалъ Березинъ, припомнилъ злобствующихъ законоучителей, весь хаосъ школьнаго дѣла и волей или неволей рѣшилъ: тотчасъ же умыть руки, не мѣшаться въ дѣла совѣта и прекратить свои обычные странствованія по школамъ.

Онъ нѣсколько минутъ просидѣлъ неподвижно, потомъ опомнился, вскочилъ и бросился вонъ изъ комнаты. Онъ исходилъ десятки верстъ, восклицая: «ужасно! ужасно! ужасно!» и затыкая уши, чтобы только не слышать всюду преслѣдовавшаго его колокольнаго трезвона и разгульных пѣсень ликовавшаго народа.

Поздно вернувшись домой, Березинъ, не раздѣваясь, улегся въ постель; подлѣ него, на столѣ, цѣлую ночь горѣла свѣча, а онъ безсознательно и упорно смотрѣлъ на потолокъ.

Слишкомъ туго натянутая струна, наконецъ, лопнула.

Съ этого самаго дня порядокъ въ домѣ пошелъ слѣдующій: хозяйка приняла на себя всѣ заботы о дѣтахъ и дѣлахъ, обычные разговоры во время чая и обѣда сокращались съ каждымъ днемъ. Березинъ увѣрялъ всѣхъ и каждого, что никогда такъ не блаженствовалъ, какъ въ настоящее время, развѣзавшись съ своими просвѣтительными затѣями и неутомимой дѣятельностью, но въ то же время, подъ предлогомъ нездоровья, все чаще уединялся въ своей комнатѣ. Воздухъ комнаты, въ которой заключался Березинъ, былъ пропитанъ лекарствами и все смотрѣло въ ней печально: опущенныя зеленныя шторы, заваленный кни-

гаме столъ, темная, старинная мебель, покрытая слоемъ пыли охотничьи принадлежности, полинявшіе портреты бывшихъ кумировъ и засохшіе, никогда не политые, лишенные запаха цвѣты. А всего печальнѣе выступала въ полусвѣтѣ фигура хозяина. Онъ лежалъ на диванѣ, крѣпко скрестивъ на груди руки, между тѣмъ какъ потухшіе глаза и страшная худоба вызывали невольную, оскорбительную жалость.

По временамъ онъ вставалъ — неряшливый, поду-одѣтый, подходилъ къ зеркалу, убѣждался, что худѣетъ не по днямъ, а по часамъ, что зыбъ не въ порядкѣ, — и снова неподвижно, какъ живой мертвецъ, протягивался на диванѣ.

Онъ посылалъ къ чорту благія начинанія и свои увлеченія, и тотчасъ же мучился воспоминаніями близкаго прошлаго, полнаго жизни, надеждъ и прелестей просвѣтительной дѣятельности, а неожиданный разрывъ съ этимъ прошлымъ представлялся въ глазахъ его тяжкимъ, непростительнымъ преступленіемъ. Надежды улетучились, изъ краткаго списка бывшихъ идеаловъ то-и-дѣло приходилось вычеркивать новое имя. Вскорѣ въ этомъ дорогомъ спискѣ остались только: какой-то сельскій священникъ, пытавшійся быть добрымъ пастыремъ своего стада; сельскій учитель, выбившійся изъ разряда своихъ фразистыхъ, но легковѣсныхъ собратій; два-три мужика; кровный аристократъ, отъ нечего дѣлать расчищавшій свои запущенные лѣса; два, Богъ знаетъ куда, заброшенныхъ товарища по университету — и только.

Онъ чувствовалъ, что въ его жизни совершился роковой переворотъ, — дѣлать ничего не хотѣлъ, да и не могъ, а потому постоянно и невольно обращался къ себѣ — и горькая улыбка такъ и застыла на лицѣ его.

Вспоминались Березину и земскія собранія, его ораторство и общій шопотъ: «Дѣйствуетъ! ну, теперь пойдемъ курить: онъ еще долго будетъ дѣйствовать, — пускай себѣ дѣйствуетъ».

Теперь онъ уже не могъ возбуждать ни общаго, откровеннаго хихиканья, ни затаеннаго негодованія; онъ уже не въ силахъ былъ вносить волненіе и безпорядокъ въ обычный, уже установившійся ходъ земскаго дѣла, и изъ мученика, когда-то дѣйствовавшаго, вышелъ мученикъ бездѣйствующій.

А между тѣмъ миновала черезъ-чуръ затянувшаяся осень, дико заревѣла первая мятель, невиданное количество снѣга разомъ закружилось въ воздухѣ, точно бѣлый, однообразный и безконечный холстъ, то тутъ, то тамъ разрываемый порывами вѣтра, долгое время колебался и носился передъ глазами безъ

дѣйствующаго мученика, скрывая небо, солнце и звѣзды. Свѣтъ падало все больше и больше, свѣтъ поднимался бѣлой, высокой стѣной, затемняя свѣтъ, едва проникавшій въ верхній, еще не занесенный уголокъ окна. Глаза притупились, мысли путались.

«Что же будетъ? Чѣмъ же это кончится? Когда кончится? Когда наступитъ новая весна?» спрашивалъ себя Березинъ, вглядываясь въ однообразное, безцвѣтное волнующееся пространство — и, не находя отвѣта, затихъ и замолкъ подъ сугробами русской зимы.

ВАЛЕРІАНЪ НАЗАРЬЕВЪ.

На Волгѣ.
1880 г., января 4.

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ

ВЪ

ЖИЗНИ ЛАССАЛЯ.

Прошло почти шестнадцать лѣтъ со времени трагической смерти нѣмецкаго ученаго агитатора и представителя извѣстной соціальной идеи, Лассалья. Въ теченіи этихъ шестнадцати лѣтъ въ Германіи не переставали появляться брошюры, вызванныя этимъ неожиданнымъ тогда событіемъ, — брошюры, писанныя людьми, принимавшими, такъ или иначе, дѣятельное участіе въ томъ романѣ, въ тѣхъ сердечныхъ отношеніяхъ, которыя были ближайшей причиной его преждевременной смерти. Въ печати появились его сокровеннѣйшія бесѣды, письма и телеграммы, его личныя сношенія съ друзьями и недругами за послѣдніе мѣсяцы жизни, и вся эта исторія теперь выяснена до мельчайшихъ подробностей, особенно съ прошлаго года, когда сама героиня этого послѣдняго романа въ жизни Лассалья, сознавая, какъ незавидна была ея роль въ этомъ печальномъ дѣлѣ, нашла нужнымъ описать его сама, съ своей точки зрѣнія, въ надеждѣ, что къ ней будетъ примѣнена мудрая французская поговорка: *tout comprendre—c'est tout pardonner*. Мы говоримъ о брошюрѣ Елены фонъ-Раковица: «*Meine Beziehungen zu Ferdinand Lassalle*», которая нашла даже нужнымъ увѣковѣчить свои черты приложеннымъ къ этой брошюрѣ портретомъ. Съ этой и другими брошюрами въ рукахъ, теперь можно положительно сказать, съ полнымъ знаніемъ дѣла, что Лассаль погибъ жертвой страсти къ дѣвушкѣ, которая совсѣмъ не понимала его, которая по воспитанію и характеру была его антипо-

домъ, которая смотрѣла на свои отношенія къ нему, какъ на случайное, но интересное и возбуждающее «приключеніе», внѣ того пустого великосвѣтскаго кружка, гдѣ она выросла и вращалась, и, увѣряя его въ полной взаимности ихъ чувства, только кокетничала съ нимъ въ то время, когда онъ ставилъ на карту свою жизнь, чтобы вырвать это пустое и недостойное существо изъ рукъ безчестнаго отца и глупой, безсердечной матери.

Слишкомъ два года тому назадъ, въ «Вѣстникъ Европы» была напечатана характерная переписка Лассала съ одной изъ нашихъ соотечественницъ, съ которою Лассаль случайно встрѣтился въ Ахенѣ, и которая, противъ своего желанія, загля въ немъ пылкую страсть, признанія которой составляютъ содержаніе его переписки съ нею. Это было еще въ 60-мъ и 61-мъ годахъ, когда Лассаль, до тѣхъ поръ исключительно преданный тому, что онъ считалъ своей общественной задачей и своимъ призваніемъ, мучительно искалъ сердечной жизни и личнаго счастья, когда блистательные успѣхи надъ политическими противниками казались ему очень многимъ для его ума и гордости, но ровно ничѣмъ—для его сердца. Онъ былъ тогда въ цѣлѣхъ лѣтъ и жаждалъ женской безавѣтной привязанности, каковой обыкновенно не находить мужчина, когда самъ носитъ способность къ ней въ своемъ сердцѣ. Въ концѣ іюля 1863 года, когда привязанность его къ нашей соотечественницѣ еще не совсемъ угасла, когда онъ еще писалъ ей, отказавшей ему во взаимности, что онъ особенно взволнованъ, увидавъ снова ея почеркъ, и уже завязывались его близкія отношенія къ другой дѣвушкѣ, виновницѣ его гибели, онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ умныхъ и выразительныхъ писемъ: «Мнѣ нужно личное счастье, а у меня его вовсе нѣтъ. Я еще имѣю всѣхъ моихъ друзей, но ничего, что наполняло бы мнѣ сердце, а я, кажется, достаточно глупъ, чтобы нуждаться въ этомъ. Итакъ, довольство ума—вотъ грустный удѣлъ моей души».

И страстная натура его боролась противъ этого грустнаго удѣла со всѣмъ пыломъ сильнаго и цѣльнаго чувства, не допуская никакихъ колебаній, стремившагося поглотить любимое существо и, въ свою очередь, отдаться ему вполне, безъ остатка. Последний романъ Лассала, который мы хотимъ рассказать на основаніи подлинныхъ его писемъ и рассказовъ самой его героини, былъ плодомъ новаго порыва одинокой и глубоко-симпатичной души къ личному счастью, къ женской привязанности. Судьба, обстоятельства, оставляли эти страстные порывы неудовлетворенными, и трагическій исходъ ихъ становится вполне есте-

ственнымъ и понятнымъ въ виду той непреклонной послѣдовательности, съ какою предавалась имъ цѣльная натура Лассалья. Онъ былъ невысокаго мнѣнія объ умственной развитости нѣмецкихъ женщинъ. За исключеніемъ старой графини Гацфельдъ, которую онъ вырвалъ силою своего ораторскаго таланта и необычайной настойчивости изъ когтей гнуснаго мужа, доставивъ ей независимость и большое состояніе, онъ не находилъ въ нѣмецкомъ обществѣ такой женщины, которая отвѣчала бы его умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ. И вотъ, онъ влюбляется въ русскую дѣвушку. Эта дѣвушка цѣнитъ его привязанность, отдаетъ справедливость его талантамъ, она рада его дружбѣ и готова особенно дорожить ею; но она выросла въ русской средѣ, въ русской деревнѣ; онъ для нея чужой человѣкъ, иностранецъ, она не чувствуетъ къ нему ничего, кромѣ самой искренней дружбы, а онъ кипитъ страстью, онъ хочетъ полной взаимности или разлуки, всего или ничего, онъ сначала надѣется, онъ рыдаетъ, какъ дитя, умоляя о взаимности, и когда рушится всякая надежда, когда его сердечное одиночество становится мучительнымъ, невыносимымъ, и въ душѣ еще живы отголоски нераздѣленной страсти, онъ заглушаетъ ихъ новой привязанностью, на этотъ разъ еще менѣе счастливой, которая открываетъ передъ нимъ могилу.

Въ этомъ отношеніи жизнь и личность Лассалья, особенно его послѣдній романъ, представляютъ большой психологическій интересъ, даже независимо отъ крупнаго ихъ общественнаго значенія. Передъ нами его письма, въ которыхъ онъ исповѣдуетъ свою душу передъ двумя, страстно-любимыми имъ женщинами. Начало его сильной привязанности къ нашей соотечественницѣ относится къ концу 60-го года; два года спустя, онъ переноситъ ту же привязанность на другую дѣвушку, и высказываетъ ей тѣ же свои задушевные убѣжденія, тѣ же мысли и чувства, свидѣтельствующія о глубокой и полной искренности этого человѣка, закрѣпленной потомъ его смертью. И въ той, и въ другой перепискѣ тѣ же сильные и рѣзкія мнѣнія, тѣ же противорѣчія, всегда порождаемыя разладомъ стремленій съ данною дѣйствительностью, та же сила воли, та же самоувѣренность, близкая къ самообожанію, но вмѣстѣ и та же безкорыстная и безграничная преданность разъ выработанному убѣжденію и сложившемуся чувству. Лассаль писалъ много, писалъ по цѣлымъ днямъ; онъ былъ неутомимъ въ своей и дѣловой, и сердечной перепискѣ, въ своей публицистической дѣятельности; и тѣмъ не менѣе, онъ отзывается съ ужасомъ и презрѣніемъ о журнальной

дѣятельности, какъ о проституціи, какъ-будто нельзя и въ журналистикѣ остаться вѣрнымъ избранному направленію и определенной задачѣ. Нераздѣльно преданный одной идее, которую была проникнута вся его общественная дѣятельность, преслѣдуемый администраціей и судами, предупреждая любимыхъ имъ женщинъ, что въ супружествѣ съ нимъ ихъ ожидаютъ, быть можетъ, тюрьма, изгнаніе и нищета, онъ рѣзко высказывался противъ самопожертвованія, называлъ его глупостью, говорилъ, что нехѣно жертвовать своимъ спокойствіемъ и счастьемъ для спокойствія и счастья другихъ въ отдаленномъ будущемъ. Такія противорѣчія легко объяснимы. Эта богатая натура была одарена слишкомъ большими жизненными силами, чтобы не стремиться жить на всѣхъ парахъ, чтобы не ожидать со дня на день побѣдоноснаго разрѣшенія ея задачъ и стремленій. Избытокъ силъ порождалъ въ немъ преувеличенныя надежды на близкое торжество его идеи, а всѣ мы знаемъ, какъ сильно поднимаютъ людей преувеличенныя надежды, и какъ жестоко принижаетъ и убиваетъ ихъ отсутствіе надеждъ. Если прибавить къ этому, что Лассаль умеръ еще молодымъ человѣкомъ, что ему не было и сорока лѣтъ, когда его сразила вражеская пуля, то мы вполне поймемъ его искреннія противорѣчія, его самообольщеніе, смѣнявшееся горькими жалобами на скудость добытыхъ результатовъ, и самоувѣренность, не всегда оправдываемую горькими ошибками, изъ которыхъ одна стояла ему жизни.

I.

Зимой и весной 1862 года, у берлинскаго адвоката Гирземенцеля и его жены, миловидной блондинки, были вторники, на которые собиралось по вечерамъ многочисленное общество. Вторники эти представляли одну, впрочемъ исключительно хозяйственную, особенность. Хозяева, не имѣя домашней кухни, не могли предлагать гостямъ ничего стѣснаго, кромѣ хлѣба и масла; но каждый гость заявлялъ, чего онъ желаетъ, и горничная хозяйки приносила все это изъ сосѣднаго ресторана. За-то вино Гирземенцеля славилось въ Берлинѣ, и хозяйинъ любезно и щедро угощалъ имъ свое общество: онъ имѣлъ въ Берлинѣ свой погребъ, и лучшія его вина были всегда къ услугамъ гостей.

Въ одинъ изъ этихъ вторниковъ, въ девять часовъ вечера, къ Гирземенцелямъ пріѣхала, въ сопровожденіи какихъ-то родственниковъ, красивая девятнадцатилѣтняя дѣвушка, незадолго

передъ тѣмъ сблизившаяся съ хозяйкой дома. Ее звали Елена Деннигесъ. Гостей собралось еще немного; но любезная хозяйка, привѣтствуя свою юную гостью, тѣмъ не менѣе поспѣшила шепнуть ей: «Онъ здѣсь!»

— Пожалуйста, не представляйте насъ другъ другу, тихо отвѣчала ей гостя. Мнѣ не хочется, чтобъ онъ тотчасъ замѣтилъ меня; на это есть свои причины.

Комната, гдѣ хозяйка и юная гостя обмѣнялись этими неслышными другимуъ словами, была уставлена рѣзною мебелью съ высокими спинками, и дѣвушка поспѣшно опустилась на табуретъ за спинкой софы, стоявшей посреди комнаты, гдѣ она могла, оставаясь сама незамѣченной, видѣть сквозь рѣзбу все, что происходитъ вкругъ.

Хозяйка, между тѣмъ, подошла къ двери, ведущей въ кабинетъ мужа, и сказала:

— Теперь пожалуйста, господа: здѣсь больше гостей.

Въ кабинетѣ Гирземенцеля, плохо освѣщенномъ небольшою зеленою лампой, было накурено, и изъ пріемной комнаты нельзя было различить гостей хозяина. Но въ дверяхъ вскорѣ показались три фигуры: хозяинъ, подлѣ него какой-то малорослый, безобразный еврей, и высокій, стройный, красивый мужчина съ блестящими глазами, широко раскрытыми въ эту минуту подѣ вліяніемъ оживленнаго разговора.

— Какъ жаль, — подумала дѣвушка, что «онъ» — не этотъ красивый и стройный мужчина.

Она знала только, что «онъ» — еврей, и приняла за «него» малорослаго и некрасиваго гостя. Продолжая начатый въ кабинетѣ разговоръ объ одномъ новомъ сочиненіи, вошедшіе заняли мѣста въ гостиной. Самый интересный изъ нихъ — это былъ «онъ», Лассаль — помѣстился на той софѣ, за которой, на табуретѣ, скрывалась Елена.

Дѣвушка всматривалась въ некрасиваго еврея, предполагая въ немъ Лассалья, о которомъ ей говорили многіе, будто онъ и она созданы другъ для друга. Но это продолжалось недолго. Интересный гость, помѣстившійся на софѣ, заговорилъ горячо и красиво, и она забыла все остальное... Но усидѣть въ своемъ уединеніи она, все-таки, не могла. Когда говорившій высказалъ мысль, которой она не поняла, или которая показалась ей невѣрной, она кокетливо вскочила съ своего табурета, мигомъ очутилась подлѣ него и громко возразила:

— Нѣтъ, я другого мнѣнія!

Краснорѣчивый гость, изумленный внезапнымъ возраженіемъ,

привсталъ съ своего мѣста и молча взглянулъ на свою оппонентку.

— Нѣтъ?— спросилъ онъ:— Отрицаніе— вотъ что приходится мнѣ прежде всего услышать отъ этого существа? Вотъ вы какая— вѣдь это вы? Да, да! Я такъ и представлялъ себѣ васъ! Такъ и должно быть.

Дѣвушка обратилась было къ хозяйкѣ съ просьбой представить ихъ другъ другу, но онъ тихо взялъ ее за руку и сказалъ:

— Зачѣмъ? Вѣдь мы уже знакомы. Вы знаете, кто я, а вы, вы — Брунгильда, Адриенна Кардовиль ¹⁾, та плутовка, о которой мнѣ рассказывалъ Корфъ, — однимъ словомъ, вы — Елена!

Дѣвушка засмѣялась и тотчасъ поняла, что это «онъ», что она, къ счастью, заблуждалась на счетъ его наружности. Онъ казался ей величественнымъ, несокрушимымъ, подавляющимъ своею привлекательностью. Онъ называлъ ее Брунгильдой, потому что желалъ быть самъ ея Зигфридомъ. Ей было все равно, о чемъ и чтó онъ говорилъ съ ней въ этотъ вечеръ. Ей было важно только то, что они встрѣтились, и что у нея завязались новыя, интересныя отношенія. Когда хозяйка пригласила гостей ужинать, Елена и привлекательный ея собесѣдникъ встали, взявшись за руки, и за столомъ проболтали всю ночь, до четырехъ часовъ утра. Онъ любовался ею, называлъ себя Зигфридомъ, ее — новой Брунгильдой, и дѣтски радовался тому, что она любитъ хорошее вино.

— Прелестно!— говорилъ онъ.— Я всегда желалъ такой жены, которая умѣетъ цѣнить благородное вино. Мы будемъ пользоваться моимъ погребомъ на славу!

Когда наступитъ это время, и какъ достигнуть имъ такого союза— объ этомъ не было рѣчи. Это подразумевалось само собою, какъ нѣчто несомнѣнное.

Въ это время кто-то подошелъ къ Лассалю съ картами и спросилъ его мнѣнія объ одной азартной игрѣ. Лассаль взялъ карты, перемишлялъ ихъ, показалъ какъ играть, но потомъ вдругъ отстранилъ ихъ, и нетерпѣливо сказалъ:

— Это до насъ не касается. Оставьте меня въ покоѣ, оставьте насъ однихъ.

Въ четыре часа все было убрано со стола, и гости стали расходиться, въ томъ числѣ и Елена съ своими родственниками: молодой, но очень чопорной дамой и пожилымъ господиномъ. Лассаль подаль ей плащъ, приговаривая:

¹⁾ Изъ „Вѣчнаго жда“ Эжена Сю.

— Скорѣй, скорѣй! Пойдемъ, пожалуйста.

Онъ не только сказалъ ей: *ты*, но вышедши съ нею за дверь, въ сопровожденіи ея родственниковъ, взялъ ее на руки, какъ ребенка, и понесъ съ лѣстницы; спустившись, онъ опять поставилъ ее на ноги, предложилъ ей свою руку и, помолчавъ минуту, сказалъ:

— Теперь намъ надо поговорить и о дѣлѣ. Когда мы увидимся опять, и когда мнѣ пріѣхать къ твоей бабушкѣ, чтобы на чистоту объясниться съ нею.

Елена знала, какъ враждебно относятся къ нему ея домашніе, и затруднилась отвѣтить разомъ на эти вопросы.

— Нѣтъ, не пріѣзжайте, — сказала она послѣ нѣкотораго колебанія: теперь вамъ нельзя пріѣхать; со временемъ—можетъ быть, но отнюдь не теперь. Препятствій такъ много, да и бабушка сильно хвораетъ.

Была ясная и свѣжая весенняя ночь; деревья еще не распустились; по одну сторону возвращавшейся четы стоялъ безмолвный и темной массой Тиргартенъ, и только въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ раздавались шаги двухъ родственныхъ спутниковъ Елены.

Лассаль остановился и заставилъ ее посмотреть ему въ глаза, а потомъ сказалъ тихо, почти жалобнымъ тономъ:

— Дитя! Дитя! Затѣмъ ты затрудняешь развязку? Къ чему откладывать то, что рано или поздно должно непременно случиться? Развѣ ты не чувствуешь, какъ и я, что судьба предназначила насъ другъ другу? Развѣ не знаешь, что нельзя безнаказанно играть своей судьбой?

Елена молчала. Легкая дрожь пробѣжала по ней, и впервые охватило ее ощущеніе, съ тѣхъ поръ уже никогда не покидавшее ее въ присутствіи Лассалья—ощущеніе сладостнаго страха, исчезновенія собственной воли и полнаго подчиненія его авторитету.

Она уже не смѣла противорѣчить ему, хотя и желала высказать свои возраженія. Видя ея замѣшательство, Лассаль нѣжно сказалъ ей:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобы ты страдала. Вѣдь ты дитя, нѣжное, слабое дитя, и я сдѣлаю все, что прикажутъ твои дѣтскія уста. Разумѣется, жаль будетъ потеряннаго времени, но бѣда не велика: передъ нами еще долгая, счастливая будущность.

Эти слова успокоили ее. Она легко вздохнула, и Лассаль сказалъ ей, смѣясь:

— Какой же ты ребенокъ, какая плутовка! Ты вѣдь знаешь, что Корфъ называетъ тебя золотокурой плутовкой? На другой

день послѣ бала, гдѣ онъ видѣлъ тебя въ первый разъ, онъ былъ у меня и, входя, уже въ дверяхъ крикнулъ мнѣ: я нашелъ вамъ жену, Лассаль, но она — лисица!

Такъ дошли они до дому Елены, гдѣ разстались какъ старые знакомые, которымъ предстоитъ завтра же увидѣться опять.

II.

Кто же была эта дѣвушка, которой Лассаль при первомъ же знакомствѣ могъ уже говорить *ты* и носить на рукахъ, и почему она и жена Гирземенцеля придавали такое значеніе его присутствію, въ этотъ вторникъ, на обычномъ вечерѣ у адвоката?

Елена была дочь бывшаго доцента, баварскаго придворнаго и дипломатическаго чиновника Дѣннигеса, прежде наставника баварскаго наслѣднаго принца. Это былъ одинъ изъ тѣхъ полусвѣтскихъ людей, которые умѣютъ только жуировать жизнію и извлекать изъ своего выгоднаго общественнаго положенія все то, что можетъ этому способствовать. Наука и литература съ ихъ идеями привлекательны для нихъ только съ этой своей пріятной стороны. Человѣкъ, по-своему образованный, у котораго собиралась пообѣдать и повеселиться баварская и вообще нѣмецкая аристократія и интеллигенція, фонъ-Дѣннигесъ всего менѣе заботился о воспитаніи своихъ дѣтей. Не больше заботилась о немъ и подруга его жизни, моложавая и великосвѣтская дама, погруженная въ удовольствія и развлечения. Воспитаніе дѣтей было предоставлено гувернанткамъ, но предоставлено лишь настолько, насколько это не мѣшало дѣтямъ проникаться легкомысліемъ и слабохарактерностью. Никакой системы, никакой выдержки, никакихъ серьезныхъ заботъ и цѣлей не имѣли въ виду эти постоянно улаждавшіе себя родители. Когда Еленѣ пошелъ двѣнадцатый годъ, родители уже открыли передъ нею двери свѣта. Физически дѣвочка развилась очень рано. Двѣнадцати лѣтъ, она уже не уступала ростомъ и фигурой юнымъ девятнадцатилѣтнимъ дамамъ, и мать ея, красивая женщина, окруженная поклонниками и удовольствіями, была еще такъ молода, что находила забавнымъ имѣть такую «взрослую» дочь.

Одинъ, почти невѣроятный случай въ дѣтствѣ Елены показъ, какъ легко смотрѣли родители на призваніе дѣвушки, какъ презрительно относились эти «образованные» люди къ ея человѣческому праву на нравственную физіономію и самостоятельность. Когда ей было всего двѣнадцать лѣтъ, они задумали соединить

ее на-вѣн съ сорокалѣтнимъ итальянскимъ генераломъ, котораго она еще ни разу не видала и который снискалъ благосклонность ея матери своимъ особеннымъ кулинарнымъ искусствомъ. Въ своей побѣдѣ на островъ Сардинію, супруги Деннигесъ познакомились и сблизились съ коммендантомъ Алессандріи, который вскорѣ плѣнился портретомъ Елены, и общали выдать за него свою дочь. Воображеніе дѣвочки съ дѣтства было пропитано смутными мечтаніями о бракѣ, роскоши, удовольствіяхъ; оно было сильно развито въ ней насчетъ другихъ способностей, и притомъ съ чувственной стороны; теперь мать постоянно твердила ей, какъ прелестно, будучи еще ребенкомъ, сдѣлаться генеральшей, «превосходительствомъ», какъ щедра на роскошь и удовольствія любовь пожилого мужа. Только такой мужъ, говорила она дѣвочкѣ, умѣетъ истинно любить молодую жену и сдѣлать ее вполне счастливою, только такой мужъ будетъ ей вѣчно благодаренъ за ея расположеніе, даже за одно ея согласіе быть его женою. Страстные посланія пожилого итальянца также дѣлали свое дѣло. Дѣвочка съ гордостью показывала ихъ своимъ подругамъ и кичилась передъ ними, радуясь ихъ зависти. Она бредила бархатомъ и драгоценными украшеніями, многочисленной прислугой и роскошной обстановкой, величалась своей сокрушительной красотой, мечтала о возможности имѣть любовниковъ послѣ брака. Но эти развращающія грезы плѣняли ее только заочно, пока «женихъ» не предсталъ ей самъ во всей своей оригинальной непривлекательности. «Женихъ» произвелъ на дѣвочку ужасающее впечатлѣніе; но отъ него защитила и спасла ее только бабушка по матери, обожавшая свою внучку. Бабушка убѣдила родителей оставить дѣвочку въ покоѣ и отпустить ее съ нею въ Берлинъ, гдѣ она жила постоянно.

При всей своей любви къ Еленѣ, бабушка не могла дать ей другое воспитаніе. Она боготворила свою внучку, безпрекословно подчинялась ея дѣтской, капризной и испорченной волѣ и баловала ее безъ всякой мѣры. Дѣвочка росла въ полномъ убѣжденіи, что ей одной позволительно многое, что непозволительно другимъ, становилась все болѣе и болѣе прихотливой и эсцентричной. По примѣру бабушки, всѣ родные и знакомые всячески баловали внучку. Въ числѣ послѣднихъ былъ черноволосый и черноглазый мальчикъ Янко, князь Раковица, не много моложе Елены, игравшій очень незавидную роль въ ея жизни. Влюбленный Янко сначала нравился Еленѣ, и навсегда остался ея покорнѣйшимъ слугою; она прозвала его своимъ «мавританскимъ пажемъ», любила бесѣдовать съ нимъ по-французски и

уже мечтала воспитать себя въ немъ мужа, вполне отвѣчающаго ей вкусомъ, способнаго стать ея орудіемъ, ея собственностью. Но эти планы нисколько не помѣшали Еленѣ, вскорѣ попавшей опять изъ Берлина къ родителямъ, въ Италію, гдѣ отецъ ея занималъ дипломатическій постъ, влюбиться тамъ въ одного юнаго русскаго моряка. Подъ вліяніемъ новаго увлеченія, у ней достало духу объявить пожилому итальянскому генералу, что онъ всегда былъ ей несносенъ, а теперь сталъ ненавистенъ. Мать была вѣдѣла себя отъ этого отказа; но Елена предоставила бабушкѣ укротить ее; итальянскій генералъ поспѣшилъ удалиться, и все это чудовищное сватовство окончилось ничѣмъ.

Елена провела нѣсколько лѣтъ болѣею частью въ Ниццѣ, среди цвѣтовъ и морскихъ прогулокъ, въ чадѣ увеселительныхъ кавалькадъ и ежедневныхъ развлеченій. Единственнымъ ея стремленіемъ было прослыть искуснѣйшей и отважнѣйшей наѣздницей, прелестнѣйшей танцовщицей, царицей проказъ и всякаго веселья. Бабушка ужаснулась послѣдствій такой жизни и рѣшилась спасти любящую внучку, т.-е. опять увести ее съ собою въ Берлинъ. Дѣвушка съ радостью согласилась на новое переселеніе; она жаждала все новыхъ и новыхъ впечатлѣній; ей хотѣлось попасть въ новое общество, увидать нѣмецкій театръ, а тутъ, подлѣ родителей, ничто не привязывало ее къ семьѣ и домашнему кругу.

И вотъ, зимою 1861 года, бабушка съ внучкой опять поселились въ Берлинѣ. Публичныя лекціи, мастерскія художниковъ, балы, концерты и театръ поглотили все вниманіе юной наѣздки. Явно былъ опять съ нею, и терпѣливо выслушивалъ ея сужденія обо всемъ, что она видѣла и слышала; на немъ лежала обязанность непремѣнно раздѣлять ея порывы и вспышки, подлѣ страхомъ подвергнуться ея неудовольствію и гнѣву.

Весь берлинскій свѣтъ и артистическій міръ хорошо знали въ то время гостепріимный домъ стараго президента Бонсери и радушной маленькой президентши, отличавшейся своею необыкновенною любезностью. Въ январѣ 1862 года у нихъ былъ блестящій балъ. Съ особеннымъ вниманіемъ занялась своимъ туалетомъ Елена. Ей предстояло встрѣтиться на балу съ артистами и артистками берлинской сцены, передъ которыми она не хотѣла посрамить своего вкуса. Въ ярко-освѣщенной большой залѣ она встрѣтилась съ даровитой исполнительницей женскихъ шекспировскихъ ролей, Августой Формесъ. Между нею, г-жой фонъ Бюловъ (нынѣ г-жой Рихардъ Вагнеръ) и Еленой завязался разговоръ à trois, какъ вдругъ Формесъ съ своей обычной живостью

встала, вывела за рукавъ одного проходившаго мимо ихъ офицера и громко сказала ему: «идите сюда, баронъ, здѣсь рѣдкое существо, своего рода феноменъ!» И тотчасъ же представила офицера Еленѣ:

— Ротмистръ баронъ Корфъ, зять Мейербера. Вы, конечно, уже видѣли прежде эту золотистую ундину,—прибавила она, обращаясь къ барону.

И любезный баронъ тотчасъ пригласилъ свою новую знакомку на вальсъ.

По поводу брака его съ старшей дочерью Мейербера, въ Берлинѣ было много толковъ о необычайныхъ похожденияхъ барона; его оригинальность нравилась Еленѣ, съ раннихъ лѣтъ пресыщенной всякаго рода удовольствіями и искавшей эксцентрическихъ встрѣчъ и походовъ. Она сразу отнеслась къ нему, какъ къ старому знакомому. Удивленный ея свободнымъ обращеніемъ, онъ пристально посмотрѣлъ на нее и вдругъ спросилъ: «Вы знаете Лассалья?»

Елена, живя въ Италіи, ни разу не слыхала этого имени. Она отвѣчала, что не знаетъ его, но баронъ стоялъ на своемъ.

— А все-таки вы его знаете!—сказалъ онъ.—Такъ можете говорить только дѣвушка, знающая Лассалья и раздѣляющая его мнѣнія.

— Я говорю вамъ, что не знаю его. Кто это Лассаль?

— Стыдно, стыдно!—серьезно сказалъ баронъ.—Не отрицаетесь же его! Предоставьте это малодушному, окружающему насъ, обществу. Подадимъ другъ другу руку и скажемъ съ гордостью: мы знаемъ и любимъ его.

— Какой вздоръ!—съ досадою отвѣчала Елена. — Оставьте меня въ покоѣ съ вашимъ скучнымъ незнакомцемъ. Я не знаю его—даю вамъ слово, что не знаю. Вы вѣрите теперь?

— Я долженъ вѣрить,—сказалъ баронъ:—но въ такомъ случаѣ не могу не пожалѣть васъ и его за каждый часъ, который вы проводите, не зная другъ друга, потому что вы другъ для друга созданы.

Любопытство, кокетство Елены были до крайности возбуждены этимъ разговоромъ. Они еще усилились недѣли двѣ спустя, на вечерѣ у банкира Жака. За ужиномъ, хозяева посадили ее подлѣ человека, слышавшаго однимъ изъ остроумнѣйшихъ людей въ Берлинѣ, рядомъ съ Карломъ Ольденбергомъ. Онъ принадлежалъ къ числу лучшихъ друзей Лассалья и, какъ Корфъ, сказалъ ей за ужиномъ: «Вы рѣдкое, удивительное существо,—первая дѣвушка, которую я могъ бы представить себѣ женой

Лассала». Елена осмыскала своего собесѣдника разспросами, и онъ говорилъ ей о талантѣ и обширныхъ ананіяхъ Лассала, объ его необыкновенномъ дарѣ увлекать за собою общество, о томъ, что знакомые и друзья предпочитаютъ его вечера всякому другому удовольствію, несмотря на то, что на нихъ присутствуетъ графиня...

— А кто эта графиня?

— Старый другъ Лассала, шестидесяти лѣтъ, нарушенная до невозможности, съ пивкообразными поддѣльными бровями, желтой какъ пергаментъ и жилистой шеей, цѣлый день не выпускающая длинной гаванской сигары изъ своихъ поддѣльныхъ зубовъ; но въ умственномъ отношеніи необыкновенная женщина, знающая не хуже любого ученаго политическую экономію и римское право, — словомъ, старый мужчина въ женскомъ образѣ.

У Елены составилось поэтому не совсѣмъ привлекательное представленіе о Лассалѣ. Ей говорили только объ его умѣ и знаніяхъ; а тутъ еще эта вѣчно курящая старая графиня, съ которой, по ея мнѣнію, могъ уживаться только уродливый, горбатый и грязный «жидокъ».

На другой день послѣ разговора съ Ольденбергомъ, она спросила бабушку о Лассалѣ. Но бабушка отозвалась, что онъ «ужасный демагогъ», былъ замѣшанъ въ кражѣ какой-то шкатулки и вообще не изъ тѣхъ людей, съ которыми могутъ быть знакомы порядочные люди.

Несчастному Янко пришлось, по волѣ его повелительницы, разузнать побольше о Лассалѣ. И онъ прежде былъ того мнѣнія, что это не нужно для нея, что она, конечно, никогда не встрѣтится съ «такимъ человѣкомъ», однако исполнилъ ея желаніе.

Еленѣ случилось однажды заѣхать поутру къ Гирсеменцелямъ. Она застала хозяйку въ очень нарядномъ костюмѣ.

— Вы собираетесь ѣхать? — былъ вопросъ Елены.

— Нѣтъ, мы только-что вернулись домой съ большого и очаровательнаго завтрака у Лассала.

— Лассала? Вы знаете Лассала?

— Еще бы! Лассалъ одинъ изъ лучшихъ друзей моего мужа.

— Какая вы счастливая — вы знаете Лассала! Нельзя ли мнѣ видѣть его у васъ?

— Я съ удовольствіемъ познакомлю васъ. Но это не совсѣмъ легко. Онъ не приходитъ тогда, когда его зовутъ, а только тогда, когда ему вздумается и позволяетъ время. Но по вторникамъ онъ бываетъ у насъ довольно часто. Я дивлюсь, что вы до сихъ поръ не встрѣтили его у насъ во вторникъ.

Случилось такъ, что именно въ ближайшій вторникъ послѣ этого разговора и произошла та первая встрѣча Лассалья съ Еленой, подробностями которой мы начали нашъ рассказъ.

III.

На другой день, когда пришелъ Янко, Елена начала свой рассказъ о вечерѣ Гирземенцелей словами:

— Ну, Янко, вчера я нашла человѣка, за которымъ пойду, куда онъ захочетъ. Если онъ пожелаетъ имѣть меня женою, я не пойду ни за тебя, ни за кого другого.

Слезы показались на черныхъ глазахъ «мавританскаго пажа».

— Конечно, лишь бы ты была счастлива, — отвѣчалъ онъ съ обычной покорностью ея волѣ.

Но вновь увидѣться съ Лассалемъ стало очень трудно. Какъ ни старался онъ завязать сношенія съ Еленой, всѣ его усилія были тщетны. Поведеніе Елены у Гирземенцелей возбудило сильныя подозрѣнія ея родныхъ, которые уже не выпускали ее изъ дому безъ надежной охраны. Напрасно она сердилась, выходила изъ себя. Ей не довѣряли, и только «мавританскій пажъ» помогъ ей отправить тайно письмо къ артистѣй Формесъ, въ которомъ она негодовала на тираннію домашнихъ, высказывала артистѣй свое высокое уваженіе и посылала поклонъ «Гераклиту»¹⁾. Что вышло изъ этого письма — неизвѣстно; но Еленѣ все-таки не удалось увидѣться съ Лассалемъ. Только разъ, въ одномъ обществѣ, чуть ли не въ домѣ профессора Гнейста, при ней зашла рѣчь о Лассалѣ, и славившаяся своею красотой жена профессора Дидерици громко сказала: — «Лассаль самый красивый изъ всѣхъ мужчинъ, какихъ я когда-нибудь встрѣчала». Входящій въ эту минуту, знаменитый, но уже престарѣлый Бѣтъ, прибавилъ: — «Самый ли онъ красивый — объ этомъ не берусь судить; но онъ умнѣйшій и ученѣйшій изъ людей, которыхъ я когда-нибудь знавалъ!»

Лѣто прошло, не принеся съ собою новой пицци для эксцентричности и кокетства Елены. Но осенью переселился въ Берлинъ адвокат Гольтгофъ съ своею женой, давнишній другъ отца Елены. И онъ, и жена его были уже люди пожилые и пользовались неограниченнымъ довѣріемъ бабушки, которая охотно отпускала съ ними всюду свою любимую внучку. Гольтгофъ звалъ

¹⁾ Заглавіе одного изъ сочиненій Лассалья.

Елену «дочкой», она называла его «папá Гольтгофъ», и онъ былъ у нихъ вполнѣ домашнимъ человѣкомъ.

Въ началѣ зимы, Бюловъ давалъ свой первый концертъ. Елена была въ этомъ концертѣ съ супругами Гольтгофъ. До начала, усадивъ своихъ дамъ, Гольтгофъ сталъ здороваться съ своими знакомыми; Елена замѣтила, что, между прочимъ, онъ горячо пожалъ руку Лассалю. Когда онъ вернулся на свое мѣсто, она уже поджидала его съ нетерпѣніемъ и спросила:

— Вы, стало-быть, знаете Лассалю?

— Да, мы съ нимъ пріятели, а у меня къ тому же съ нимъ дѣла. Развѣ и вы знаете его, дочка?

— Нѣтъ! Я спросила о немъ потому, что вы никогда не упоминали о вашемъ знакомствѣ.

Въ антрактѣ, Гольтгофъ опять поспѣшилъ къ Лассалю. Тотъ спросилъ его о чемъ-то и при этомъ улыбнулся, взглянувъ на Елену.

— Чтó произошло у васъ съ Лассалемъ, Елена?—спросилъ «папá Гольтгофъ», возвратившись къ своимъ дамамъ.—Скрываться бесполезно: я вижу ясно, что тутъ есть какая-то тайна. Лассаль обратился ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ, чтó и вы: «Такъ вы знаете дѣвицу Деннигесъ?» И когда я отвѣтилъ, что знаю и спросилъ, почему это его интересуешь, онъ взглянулъ на васъ и отвѣчалъ, улыбаясь:—«Нѣтъ, я спросилъ потому, что вы никогда не упоминали о ней». — Чтó же такое было между вами? Будьте откровенны.

— Ничего, въ самомъ дѣлѣ ничего! Однажды мы встрѣтились въ обществѣ, а съ тѣхъ поръ...

— Вы желали бы видѣться еще? Это не особенно трудно. Вѣдь оба вы довольно часто бываете у насъ.

Въ это время началась вторая часть концерта, и разговоръ прекратился; но Елена нашла нужнымъ сказать потомъ своему покровителю, какъ враждебно относятся къ Лассалю ея родные. «Папá Гольтгофъ» смотрѣлъ на такое знакомство съ меньшею строгостью.

— Ну, не сейчасъ же онъ проглотитъ васъ; вѣдь онъ не звѣрь! Все это не такъ страшно, и легко можетъ быть улажено.

Елена торжествовала. Ея отношенія къ Янко, принявшія въ теченіе лѣта и осени довольно горячій характеръ, вдругъ отошли на второй планъ. Ему пришлось теперь выслушивать ея прізнанія, относившіяся къ другому, болѣе интересовавшему ее «предмету». Бывшая невѣста итальянскаго генерала тервала преданнаго юношу безъ милосердія и пощады. Ея необузданностью,

ей дикими порывами любовались, и она уже давно считала себя въ правѣ давать имъ полную свободу.

Вскорѣ состоялся первый «Juristenball» сезона. Было рѣшено, что Елена поѣдетъ на этотъ балъ съ супругами Гольтгофъ. На слѣдующее утро «папа Гольтгофъ» навѣстилъ бабушку и внучку и, пользуясь благопріятной минутой, сказалъ Еленѣ:

— Одинъ человѣкъ проситъ у васъ позволенія также пріѣхать на этотъ балъ. Хотите?

— Конечно. Балъ — дѣло публичное, и я не могу ничего ни разрѣшать, ни запрещать по этому поводу. Но я буду очень рада, если «онъ» пріѣдетъ.

Когда вошла бабушка, Гольтгофъ показавъ Еленѣ три билета для входа на балъ: одинъ предназначался для него съ женою, другой для нея и третій — для «одного человѣка». Бабушка ничего не подозрѣвала, и даже не замѣтила особенныхъ заботъ, съ которыми Елена отнеслась на этотъ разъ къ своему туалету.

Лассаль былъ уже въ залѣ, когда Гольтгофы вошли съ Еленой. Онъ разговаривалъ съ Вальдекомъ, но скорѣ подошелъ къ нимъ, предложилъ Еленѣ руку и пошелъ съ нею, точно они видѣлись и говорили только вчера, а не полгода назадъ.

— Въ этой залѣ, гдѣ всѣ устали на насъ глаза и дивятся, зачѣмъ тутъ Фердинандъ Лассаль, — здѣсь не мѣсто серьезно говорить о томъ, о чемъ мы должны переговорить между собой, — сказалъ онъ. — Но дѣтя приказало, и я пріѣхалъ. Видишь ли, дурочка, — продолжалъ онъ, смѣясь: — мы не можемъ обойтись другъ безъ друга. Чувствуешь ли ты это теперь? Мнѣ нужно узнать отъ тебя сегодня только двѣ вещи: что сдѣлала бы ты, еслибъ была моею женою, а они приговорили бы меня къ смерти, и ты увидѣла бы меня входящимъ на эшафотъ?

Какъ ни оригиналенъ былъ такой вопросъ на балу, Елена быстро отвѣчала:

— Я дождалась бы той минуты, когда они отрубятъ твою гордую голову, чтобы глаза моего орла могли до послѣдней минуты видѣть то, что онъ любитъ, и потомъ приняла бы яду, — вѣрнѣйшаго яду, сообща избраннаго нами самими.

Отвѣтъ понравился Лассалю.

— Ядъ уже готовъ, — сказалъ онъ, смѣясь. — Но будь покойна — дѣло не поидетъ такъ далеко. Моя звѣзда свѣтла и счастливо восходитъ; она еще далеко не въ зенитѣ, не тамъ, откуда начинается закатъ.

Вскорѣ подошелъ Янко съ приглашеніемъ на давно обѣщанную мазурку. «Вы позволите?» — сказалъ онъ Лассалю, прини-

мая отъ него свою даму, и потомъ, сдѣлавъ съ нею нѣсколько шаговъ, спросилъ ее дрожащимъ голосомъ: — «Такъ это онъ?»

Лассаль и Янко видѣлись тутъ впервые, и впервые измѣрили другъ друга глазами. Окончивъ танецъ, Янко проводилъ свою даму туда, гдѣ сидѣла г-жа Гольтгофъ; но тамъ уже стоялъ Лассаль, и онъ поспѣшно отошелъ.

— Итакъ, — сказалъ вполголоса Лассаль, обратившись къ Еленѣ: — мнѣ предстоитъ устранить съ пути этого мавританскаго внязя, одного изъ драконовъ, охраняющаго мое сокровище?

— Онъ не считается, это мой пажъ и ничего больше, — спокойно отвѣчала Елена, отрицаясь своихъ отношеній къ Янко, съ которымъ была на *ты*, котораго воспитывала себѣ въ мужа, и стараясь казаться равнодушной.

— Съ такими-то глазами? — серьезно возразилъ Лассаль. — И неужели думаетъ плутовка, что я не знаю въ точности всего, что онъ творилъ въ долгій промежутокъ нашего «междоусобія»? Я знаю все, все! Но мнѣ это безразлично. Я все-таки достигну своей цѣли, если ты мнѣ хоть немного поможешь. Ты поможешь?

Елена кивнула головой въ знакъ согласія.

— Въ такомъ случаѣ, — продолжалъ онъ, — мнѣ нужно прежде всего узнать что-нибудь вѣрнѣе о твоихъ родителяхъ. Чѣмъ можно приручить мамашу? Ухаживать ли за нею, или лучше — бесѣдовать съ ней о модномъ проповѣдникѣ? Или еще лучше играть съ нею въ вистъ и держать ей мотокъ, когда она разматываетъ шерсть?

— Нѣтъ, — сказала Елена со смѣхомъ. — Ужъ лучше приволочнитесь за нею — къ этому она всего больше привыкла. Затѣмъ вы можете говорить съ ней обо всемъ — о наукѣ, литературѣ, искусствѣ.

— А отецъ?

Елена почти не знала своего отца и могла сказать о немъ очень мало. Но Лассаль и безъ того былъ увѣренъ, что съ отцомъ онъ, такъ или иначе, непремѣнно поладитъ.

— Съ мужчинами, — сказалъ онъ, — всегда можно сговориться, особенно съ порядочными, учеными мужчинами. Но нѣтъ на свѣтѣ ничего безнадежнѣе, ничего неодолимѣе безразсудной женщины.

На этотъ разъ бесѣда опять была прервана приглашеніемъ на танецъ. Лассаль сердился на эти перерывы:

— То была по-истинѣ несчастная мысль прійхать сюда, — сказалъ онъ съ досадою. — Балъ — ужаснѣйшее мѣсто для серьез-

нихъ разговоровъ. Я останусь—прибавилъ онъ, встрѣтивъ умоляющій взглядъ Елены,—но съ тѣмъ условіемъ, что вы танцовать больше не будете!

Елена не рѣшилась сказать ни «да», ни «нѣтъ». Она боялась раздражить его, боялась и стать предметомъ общаго вниманія, если будетъ отказываться отъ танцевъ, чтобы оставаться все время съ Лассалемъ.

— Вѣдь это неловко,—проговорила она — что скажутъ обо мнѣ, если я весь вечеръ проболтаю съ вами?

— Что скажутъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.—Вы безпокоитесь объ этомъ? Но я забылъ, что передо мной еще «дитя!» Оно говоритъ иногда такъ толково и умно, что я совсѣмъ забываю о его младенчествѣ. Но это не годится, плутовка. Кто хочетъ идти одной дорогой съ Фердинандомъ Лассалемъ, тотъ не долженъ «нести осла».

— Нести осла? Что это такое?

— Это эпизодъ изъ моей жизни, или скорѣе причина моей необычайной энергіи, моей несокрушимой воли. Хочешь выслушать эту исторію?

— Разумѣется! и сію минуту, скорѣе!

— Ты замѣтила, какъ они всѣ смотрятъ на меня на этомъ балу?—началъ Лассаль, отошедши съ Еленой не много въ сторону. Каждый смотритъ на меня съ своей особой точки зрѣнія, и только немногіе находятъ, что мое присутствіе тутъ понятно или по крайней мѣрѣ безразлично. Одинъ находитъ это въ высшей степени страннымъ со стороны человѣка, желающаго представлять народъ, другой думаетъ: вотъ какъ онъ проводитъ свои ночи, вотъ его прославленные кабинетныя занятія. Словомъ, всѣ считаютъ непозволительнымъ съ моей стороны то, что кажется очень естественнымъ со стороны всякаго другого, даже со стороны стараго Вальдека. Но это не удивляетъ меня, это всегда было такъ. Когда я былъ еще мальчикомъ и игралъ съ другими мальчуганами,—разумѣется, всегда въ качествѣ ихъ проводителя—мнѣ приписывали всякую бѣду. Разобьетъ ли кто окно, помнутъ ли гдѣ-нибудь садъ—Фердинандъ Лассаль непременно виновенъ. Это часто удивляло меня; я не могъ понять, отчего меня всегда и во всемъ обвиняли.

— О, я отлично понимаю—отчего: la supériorité est une infirmité publique!

— Потомъ пришло время, когда отецъ задумалъ сдѣлать меня купцомъ. Я не хотѣлъ этого, и послѣ долгой борьбы, о которой я расскажу тебѣ когда-нибудь, принялся учиться. Люд-

скимъ пересудамъ не было счету. Одни держали сторону отца, другіе были за меня, внося раздоръ въ нашу семью, вызывая ссоры между отцомъ, матерью и мною. Именно въ это время попало мнѣ въ руки старое собраніе басенъ, и я прочелъ въ немъ коротенькій разсказъ о томъ, какъ старый дѣдушка съ своимъ маленькимъ внукомъ велъ на рынокъ осла. На встрѣчу имъ шелъ человѣкъ и сказалъ: «какіе вы глупые люди! у васъ оселъ, а вы оба пѣшкомъ идете подлѣ!» Старикъ тотчасъ ваялъ своего внука и посадилъ его на осла. На встрѣчу шелъ другой прохожій и закричалъ мальчику: «стыдись, братъ, у тебя молодныя ноги, а ты оставляешь старика бѣжать рядомъ!» Мальчикъ соскочилъ, и на осла сѣлъ уже дѣдъ. Но и онъ сидѣлъ не долго. На встрѣчу имъ шелъ мужикъ и сказалъ: «хорошъ дѣдъ! По такой жарѣ заставляетъ мальчугана бѣжать за осломъ!» Старикъ сажаетъ мальчика съ собой и радуется, что они, наконецъ, сидятъ оба. Но подъ самымъ городомъ встрѣчается имъ господинъ съ фізіономіей умника и въ золотыхъ очкахъ, который говоритъ: «фу, какіе изверги, въ такую жару ѣдутъ двое на бѣдномъ животномъ!» Смущенные жестокимъ упрекомъ, и дѣдъ и внукъ сошли на землю, потащивъ минутку и, чтобы поправить дѣло, сами подняли осла и потащили его вмѣстѣ на рынокъ. Вотъ это-то и есть исторія объ ослѣ, котораго ты хочешь нести, а я нести не хочу. Когда я прочелъ въ дѣтствѣ этотъ разсказъ, онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе; я долго думалъ о глубокой и плодотворной правдѣ, составляющей его содержаніе, и торжественно далъ себѣ клятву никогда не «носить осла», что бы ни дала мнѣ жизнь, въ какія бы положенія она меня ни поставила.

Лассаль вообще любилъ дѣлить людей по этому признаку, на носящихъ и неносящихъ осла. Въ числу послѣднихъ онъ относилъ обыкновенно князя Бисмарка. Этотъ не понесетъ осла, говорилъ онъ.

Послѣ бала, Лассаль сказалъ Еленѣ на прощанье:

— Я счастливъ уже тѣмъ, что опять встрѣтился съ тобой. Это было труднѣе, чѣмъ вытащить Брунгильду изъ огня. Теперь все пойдетъ хорошо, предоставь мнѣ уладить все остальное!

Нѣсколько дней спустя, «папѣ Гольтгофъ» посѣтилъ Елену. Бабушка спала, и онъ, пользуясь этимъ, спросилъ свою «дочку», согласилась ли бы она выйти за человѣка не-дворянскаго рода и къ тому же еврея.

— Да, еслибъ этотъ человѣкъ назывался Лассалемъ, — отвѣчала она. — Скажите: вы дѣлаете мнѣ этотъ вопросъ по формальному порученію Лассала?

Гольтгофъ смутился, и съ привычными ему колебаніями и желаніемъ удовлетворить всѣхъ и каждаго, какъ бы ни были противоположны ихъ понятія и требованія, отвѣчалъ:

— Да, то-есть онъ не поручалъ мнѣ этого прямо, а только просилъ разузнать...

— Благодарю васъ, — съ досадою сказала Елена, вставая съ мѣста: — въ такомъ случаѣ мнѣ уже не нужно пускаться въ дальнѣйшія объясненія. Я и не желаю ничего больше слышать объ этомъ.

Косвенная попытка Лассалья мало тронула ее. Ей видимо хотѣлось полной, безусловной побѣды.

Бабушка проснулась; Еленѣ нужно было куда-то ѣхать, и Гольтгофъ пошелъ въ комнату старухи.

Прошли еще двѣ недѣли, не ознаменовавшіяся ничѣмъ особеннымъ, кромѣ замѣтнаго старанія Гольтгофа не допускать, чтобы Лассаль и Елена встрѣтились у него въ домѣ. Разъ утромъ, когда Елена сидѣла за письменнымъ столомъ, погруженная въ свою переписку, въ ея комнату вошла бабушка съ распечатаннымъ письмомъ въ рукахъ.

— Я писала твоему отцу о твоемъ бракѣ съ Лассалемъ, — сказала бабушка, — и получила отъ него отвѣтъ. Онъ рѣшительно отказывается въ своемъ согласіи.

Изумленная Елена вышла изъ себя и дрожащимъ отъ досады голосомъ закричала бабушкѣ:

— Развѣ Лассаль или я поручали тебѣ совѣтоваться объ этомъ съ отцомъ?

— Нѣтъ, но мнѣ говорилъ Гольтгофъ...

— Ну, если ты и Гольтгофъ заварили кашу, такъ сами и расхлебывайте ее. Ни мнѣ, ни Лассалю нѣтъ дѣла до всего этого!

И она захлопнула свой бюваръ, встала и вышла изъ комнаты, оставивъ смущенную бабушку на произволъ судьбы. Старуха такъ боялась своей избалованной и капризной внучки, что съ тѣхъ поръ ни разу не намекнула ей объ этомъ дѣлѣ ни единымъ словомъ.

Въ слѣдовавшіе за тѣмъ мѣсяцы Лассаль одинъ только разъ видѣлся съ Еленой, при помощи Гольтгофа, на праздникѣ въ память Уланда, въ театрѣ «Викторія». Онъ былъ въ одной ложѣ съ Гольтгофомъ, Еленой и ея бабушкой. Но въ такой обстановкѣ разговоръ естественно вертѣлся около общихъ мѣстъ.

«Папѣ Гольтгофъ» не переставалъ однако же говорить Еленѣ о Лассалѣ. Онъ и жена его рассказывали ей подробности о

планахъ и рисункахъ для дома, который онъ собирался строить для себя въ Берлинѣ. Однажды Гольтгофъ просилъ Елену дать ему свою фотографическую карточку. «Одинъ человекъ, — сказалъ онъ, — хочетъ убраться свою столовую въ помпейскомъ стилѣ, украсить ее фресками и вѣрными копіями».

Эта фресковая живопись должна была изображать или троянскую войну, или сказаніе Эдды, но во всякомъ случаѣ героиня, будетъ ли это Елена или Брунгильда, должна имѣть черты Елены Деннигесъ.

— Такъ любитъ Фердинандъ свою Елену, — прибавилъ Гольтгофъ.

Они все-таки не видались; но въ мартѣ, въ рожденіе Елены, она получила большую корзину фіалокъ и бѣлыхъ розъ съ безымяннымъ стихотвореніемъ, писаннымъ на бумагѣ съ вензелемъ Ф. Л. Когда жена Гольтгофа пріѣхала поздравить Елену, послѣдняя рассказала ей свой новый секретъ и узнала отъ нея, что въ Берлинѣ пріѣхала сестра Лассала, г-жа Фридландъ, которая нетерпѣливо желаетъ познакомиться съ нею. Жена Гольтгофа приглашала ее пріѣхать для этого на другой день, и Елена поспѣшила согласиться. Она нашла у Гольтгофа маленькую, кроткую и очень подвижную даму, уже выпешшую изъ первой молодости, которая встрѣтила ее съ открытыми объятіями и чрезвычайной радостью. «Такою именно представляла я себѣ жену Фердинанда, — говорила она вскорѣ послѣ первыхъ привѣтствій. — Вы прекрасно подходите другъ къ другу. Я уже теперь люблю васъ почти такъ же сильно, какъ мой братъ». Завязалась оживленная бесѣда, среди которой сестра Лассала предложила Еленѣ пойти въ кабинетъ Гольтгофа и привести его оттуда въ гостиную. Елена всегда пользовалась привилегіей вымывать его, постучавшись къ нему три раза, даже во время его занятій и приѣмовъ.

Елена порхнула по комнатамъ къ кабинету и постучалась. Мысль, что Лассаль, быть можетъ, въ кабинетѣ, промелькнула въ ея возбужденномъ воображеніи, и на стукъ ея, дѣйствительно, послышалось: «войдите», произнесенное не голосомъ Гольтгофа. Дверь отворилась; двѣ руки быстро подняли ее, понесли и опустили на кресло. Гольтгофъ взволновался при видѣ этой картины. Онъ кинулся охранять свою «дочку».

— Не запугивайте моего ребенка, Лассаль, и прежде всего поклонитесь мнѣ оба, что вы никогда не проговоритесь объ этомъ свиданіи у меня. Бабушка и все семейство Елены никогда не простили бы мнѣ этого свиданія.

Полу-шутя, полу-серьёзно онъ взялъ въ руки крестообразную рукоятку кинжала, требуя клятвы. Елена произнесла ее.

— Я еврей, — сказалъ Лассаль: — я не вѣрую въ этотъ знакъ, и потому не могу передъ нимъ клясться. Но я клянусь передъ тѣмъ, что мнѣ милѣе и священнѣе всего на свѣтѣ, — клянусь передъ этой маленькой дѣтской рукой, — прибавилъ онъ, взявъ руку Елены. — Довольно ли такой клятвы?

Гольцгофъ призналъ себя удовлетвореннымъ, и такъ какъ Елена и не подумала звать ихъ въ гостиную, хотя и стучалась въ кабинетъ съ этой именно цѣлью, то они проболтали около часу, пока забытая ею дамы не пришли сами съ чашками кофе. Въ этотъ день было рѣшено, что лѣтомъ Лассаль пріѣдетъ къ родителямъ Елены въ Женеву, хитростью «случайно» познакомиться съ ними и, пользуясь своимъ даромъ привлекать людей и имѣть на нихъ влияние, расположить ихъ въ свою пользу.

Черезъ нѣсколько дней бабушка Елены серьёзно заболѣла, и съ тѣхъ поръ уже не могла поправиться. Онѣ ѣздили для нея на воды. Потомъ пріѣхала въ Берлинъ мать Елены, чтобы навѣстить больную и присутствовать при родахъ своей сестры, баронессы К.-П. Баронесса умерла отъ родовъ; бабушка прохворала все лѣто, и также умерла въ началѣ зимы 1863 года.

За нѣсколько дней до смерти, предвидя ея приближеніе, старуха велѣла позвать Янко и говорила съ нимъ часа два, поручая ему свою внучку. Она говорила, что хотя и считаетъ его почти мальчикомъ — ему было тогда девятнадцать лѣтъ — но въ то же время видитъ въ немъ единственнаго человѣка, на честность и любовь котораго она можетъ положиться. Она взяла съ него обѣщаніе никогда не покидать Елену и всегда заботиться объ ея счастіи.

По смерти бабушки, Елена возвратилась съ матерью въ родительскій домъ. Ея отецъ былъ въ это время баварскимъ поѣзженнымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи и жилъ постоянно въ Женевѣ.

IV.

Зима и въ Женевѣ, какъ въ Берлинѣ и Ниццѣ, прошла для Елены незамѣтно, въ разнаго рода увеселеніяхъ, въ поѣздкахъ по Швейцаріи и южной Франціи. Въ мартѣ 1864 г. въ Женеву пріѣзжалъ Янко и нѣсколько недѣль гостилъ въ домѣ Деннигеса. «Мавританскій принцъ», какъ звали его въ этой семьѣ, придалъ

своимъ появленіемъ еще больше оживленія и разнообразія ея беззаботной и веселой жизни. Всѣ признавали за нимъ несомнѣнные «общественные таланты»: онъ считался и хорошимъ музыкантомъ, и отличнымъ танцоромъ.

Но въ маѣ Елена заболѣла лихорадкой, послѣ которой обнаружались признаки общаго упадка силъ и расслабленія нервной системы. Врачи посоветовали ей провести нѣкоторое время въ горахъ, въ болѣе прохладномъ климатѣ. Вскорѣ представился и удобный случай послѣдовать этому совѣту. Хорошо знакомое Деннигесамъ англійское семейство мистриссъ Арсонъ, состоявшее изъ матери и дѣтей, прибыло въ это время изъ Ниццы въ Швейцарію, чтобы съ тою же самою цѣлью поселиться въ окрестностяхъ Берна, вмѣстѣ съ семьей тогдашняго американскаго консула въ Женевѣ, Лесли. Съ ними была отпущена въ окрестности Берна и больная Елена, получившая въ это время отъ своего берлинскаго друга Гольтгофа письмо, въ которомъ онъ говорилъ, между прочимъ: «Л. (Лассаль) очень страдаетъ горломъ и, вѣроятно, долженъ будетъ выдержать курсъ леченія сывороткой на Риги».

Елена вскорѣ совсѣмъ оправилась въ бернскихъ горахъ, и когда мистриссъ Арсонъ—вѣроятно, по ея желанію и просьбѣ—предложила своимъ спутницамъ предпринять восхожденіе на Риги, эта мысль была съ восторгомъ принята всѣми. Черезъ нѣсколько дней нервныя дамы были уже въ Люцернѣ, чтобы оттуда предпринять задуманную вечернюю прогулку.

При иныхъ условіяхъ поѣхалъ въ Швейцарію Лассаль. Не болѣзнь горла, по крайней мѣрѣ, не одна эта болѣзнь, какъ писалъ Гольтгофъ Еленѣ, заставляла его искать леченія и отдыха. Въ одномъ стихотворномъ посланіи къ берлинскому профессору Притцелю и въ своихъ письмахъ онъ горько жаловался на страшное утомленіе отъ непрерывныхъ работъ. Онъ чувствовалъ, что прежнія силы измѣняются ему, а съ ними и прежнія увѣренность въ успѣхъ. «Какъ ни крѣпокъ мой организмъ,—я смертельно утомленъ,—писалъ онъ въ это время:—мое возбужденіе такъ сильно, что я совсѣмъ не сплю по ночамъ. Провалившись до пяти часовъ утра на кровати, я встаю съ головной болью и совершенно истощенный. Безумное напряженіе, съ которымъ я въ четыре мѣсяца писалъ памфлетъ противъ Шульце и Бастіа, имѣя при этомъ еще и другія работы, и глубокое, мучительное разочарованіе, сердечное огорченіе, причиняемое мнѣ равнодушіемъ и апатіей рабочаго класса—всего этого было слишкомъ много даже и для меня! Я предаюсь «ремеслу глупца» (*métier*

de dure), и это тѣмъ больше огорчаетъ и раздражаетъ меня, что нельзя высказывать мое огорченіе и раздраженіе, что надо вгонять его внутрь, часто даже утверждать совсѣмъ противоположное».

Въ маѣ онъ выѣхалъ изъ Берлина и, будучи предсѣдителемъ основаннаго имъ общаго нѣмецкаго союза рабочихъ, по пути собиралъ сходки и провознесъ рѣчи въ Лейпцигѣ, Дюссельдорфѣ, Золингенѣ и Барменѣ, въ Кельнѣ, Дунсбургѣ, Вермелскирхенѣ и Ронсдорфѣ. До Карлсруэ онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ графиней Гацфельдъ и нѣсколькими друзьями. Въ Карлсруэ они расстались: графиня поѣхала на-воды въ Вильдбадъ, а онъ — на Риги, и поселился въ томъ мѣстѣ этой горы, которое хорошо извѣстно путешественникамъ подъ именемъ Риги-Кальтбадъ. Со времени первыхъ встрѣчъ его съ Еленой, утекло много воды. Его первоначальное намѣреніе пріѣхать въ Швейцарію, чтобы познакомиться съ ея родителями и расположить ихъ въ свою пользу, относилось еще къ прошлому лѣту. Въ теченіи цѣлаго года Лассаль имѣлъ еще другія сердечныя отношенія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ, повидимому, забылъ свои встрѣчи и бесѣды съ дѣвушкой, будто бы предназначенной для него самою судьбой. Но новая, совсѣмъ неожиданная встрѣча съ нею вновь оживила въ немъ угасшее чувство.

Когда Елена и многочисленные ея спутники поднимались верхомъ на Риги, пошелъ сильный дождь, отъ котораго они должны были укрыться подъ навѣсомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Риги-Кальтбада. Дамы сильно промокли, и находились въ довольно печальномъ настроеніи. Веселая прогулка обратилась въ досадное приключеніе. Елена, разумѣется, вспомнила сообщеніе Гольтгофа.

— Есть на Риги лечебное заведеніе? — спросила она своего проводника, восьми-лѣтняго мальчика, совазшаго ея лошади мюль сѣна.

— Какъ же! Даже два заведенія! Одно въ Клестерли, другое — здѣсь, въ Кальтбадѣ.

Елена нагнулась къ мальчику и опять спросила:

— Не знаешь ли, мальчикъ, — не здѣсь ли живетъ нѣкто докторъ Лассаль?

— Да, живетъ! — былъ отвѣтъ мальчика.

— Такъ бѣги и приведи его сюда.

И Елена рассказала своимъ спутникамъ, совсѣмъ не знавшимъ по-нѣмецки, о чемъ былъ у ней разговоръ съ проводникомъ и какое порученіе онъ взялся исполнить.

Лассаль сидѣлъ за работой — что-то усердно писалъ — когда вошелъ мальчикъ и объявилъ, что какая-то «великолѣпная» дама желаетъ его видѣть. Онъ быстро всталъ и поспѣшилъ за мальчикомъ.

— Боги Греціи! Это она! — закричалъ онъ, приближаясь къ путешественникамъ.

Елена представила его своему обществу, какъ одного изъ своихъ берлинскихъ друзей. Лассаль привѣтствовалъ путешественниковъ по-французски и съ-разу произвелъ на нихъ пріятное впечатлѣніе. Спутники и спутницы Елены горѣли нетерпѣніемъ увидѣть восходъ солнца съ вершины Риги, и Лассаль, напрасно убѣждавшій ихъ сойти съ коней и провести вечеръ въ Кальбадѣ, вызвался сопровождать ихъ.

— Знаете ли, догадываетесь ли, чѣмъ я былъ занятъ, когда этотъ мальчикъ прибѣжалъ мнѣ сказать, что какая-то великолѣпная дама желаетъ меня видѣть? — спросилъ онъ Елену. — Я писалъ старому Бѣку и Гольтгофу, прося у нихъ рекомендательныхъ писемъ къ вашему отцу. Довольно мы играли; пора привести наше дѣло къ окончательной и счастливой развязкѣ.

Дождь пересталъ, и путники стали подниматься. Лассаль все время бесѣдовалъ съ Еленой, требовалъ отъ нея окончательнаго отвѣта и согласія предпринять съ нимъ поѣздку черезъ Гемми до Шамона.

— Отчего не выйти за меня тотчасъ же? — горячо говорилъ Лассаль Еленѣ. — Отчего не поѣхать завтра изъ Люцерна не въ Бернъ, а во Францію, гдѣ я могу устроить дѣло такъ, что насъ обвиняютъ безъ всякихъ формальностей? Когда мы уѣдемъ тайкомъ, твои родители принуждены будутъ дать свое согласіе. Противъ совершившагося факта спорить очень трудно.

Но Елена не соглашалась поступить такъ рѣшительно. Лассаль смѣялся на ея возраженія, но соглашался испытать мирный путь переговоровъ. За ужиномъ, на вершинѣ горы, онъ былъ въ ударѣ, много и увлекательно говорилъ со спутниками и спутницами Елены, прерывая эту общую бесѣду отдѣльнымъ, нѣмецкимъ разговоромъ съ нею.

— Чтѣ собственно имѣютъ противъ меня твои родители? — спросилъ онъ между прочимъ.

— Право, не знаю; я никогда не говорила съ нимъ о васъ.

— Но тогда, когда Гольтгофъ спрашивалъ твою бабушку, чтѣ писалъ тогда отецъ противъ меня?

Елена рассказала, какъ былъ прерванъ ею разговоръ съ ба-

бушкой, а съ тѣхъ поръ имя его ни разу не было произнесено въ ея семействѣ.

— Какой ребенокъ!—вскричалъ онъ.—Да это почти невозможно, не слыхано! Если-бъ мы теперь знали, какія причины заставляютъ ихъ быть противъ меня, то могли бы бороться противъ этихъ причинъ, а противъ неизвѣстнаго бороться невозможно.

— Я думаю,—нерѣшительно сказала Елена,—имъ непріятна ваша политическая дѣятельность, и потому «графиня».

— Моя политическая дѣятельность тутъ не причесть,—отвѣчалъ Лассаль.—Не можетъ быть, чтобъ люди по политическимъ причинамъ дѣлали свою дочь несчастной. И не всегда же мое политическое положеніе будетъ такимъ, какъ теперь. Самый честолюбивый отецъ могъ бы быть удовлетворенъ тѣмъ положеніемъ, какое я желаю, въ концѣ-концовъ, доставить его дочери.

Общій разговоръ, между тѣмъ, продолжался; но Лассаль опять прервалъ его обращеннымъ къ Еленѣ вопросомъ:

— А чтó рассказывалъ мнѣ Гольтгофъ про юнаго мавра? Вы, кажется, чуть не помолвлены? Бабушка будто бы уладила это передъ смертью?

— Помолвлены? Нѣтъ, еще не совсѣмъ, но...

— Помолвлены вы или нѣтъ—мнѣ совершенно все равно!—громко сказалъ онъ. Всего поминчиве тутъ то, что Брунгильда могла воображать, или хотя бы помыслить одну минуту, будто Зигфридъ такъ легко уступить ее другому! Я ни мало не беспокоюсь объ этой помолвкѣ. Я разорву ее! Неприкосновенъ только брачный союзъ—да и то еще вопросъ! Пока я живу, пока въ моихъ жилахъ движется капля горячей крови, я не отдамъ тебя никому другому. Въ крайнемъ случаѣ, я дождался бы послѣдняго часа, и тогда пришелъ бы и взялъ бы отъ самого алтаря свою невѣсту. Говорю это рѣшительно и торжественно: не пытайся принадлежать другому—я не допущу этого; я потребую тебя, какъ мою собственность. Я уже сказалъ тебѣ однажды и повторяю теперь: мы — наша судьба. Мы можемъ бороться противъ нея, а она все-таки приводитъ насъ другъ къ другу. Сегодняшняя встрѣча служить тому новымъ доказательствомъ!

Елена вовсе не была убѣждена въ этомъ. Она находила Лассалья «интереснымъ», позволяла ему говорить ей *ты* еще въ Берлинѣ, въ разговорахъ съ нимъ вела себя, какъ его невѣста, и въ то же время воображала, что это ни къ чему ее не обязываетъ. Его увѣренность въ томъ, что сама судьба посылаетъ

ихъ другъ другу, только пугала ее. На мужчинъ она привыкла смотрѣть, какъ на свою забаву и добычу. Лассаль былъ первый человѣкъ, который не подчинялся ей и предписывать ей свою волю. Она не любила его, она забавлялась и играла, а онъ съ-разу предъявлялъ ей самыя серьезныя требованія, хотѣлъ всего или ничего. Это дѣлало на нее непріятное впечатлѣніе. Она не терпѣла препятствій, борьбы, домашняго разлада, и всю ночь искала удобнаго и пріятнаго выхода изъ завязанной ею интриги. Когда въ гостинницѣ раздался рожокъ, призывавшій путешественниковъ смотрѣть восходъ солнца, она еще не спала и поспѣшно выбѣжала выѣстъ съ другими, чтобы ничего не увидѣть: гора была окутана туманомъ, и того зрѣлища, для котораго стекались на Риги многочисленные гости, совсѣмъ не оказалось. Лассаль нашелъ Елену «божественною» въ ея небрежномъ утреннемъ нарядѣ, и былъ въ отчаяніи, что не могъ показать ей восходъ солнца во всемъ его великолѣпіи. Потомъ, за утреннимъ кофе, онъ уже просилъ у ней бесѣды съ глазу на глазъ, послѣ завтрака, чтобы привести, наконецъ, въ порядокъ ихъ серьезныя дѣла.

Бесѣда эта происходила въ бібліотекѣ.

— Боже! Какой у васъ болѣзненный видъ,—сказалъ Лассаль, встрѣчая входившую Елену.—Этому надо положить конецъ. Вы кашляете, но у васъ болить не грудь, не правда ли? Вы очень нѣжны, и этотъ скверный климатъ вамъ не годенъ. Все это мы перемѣнимъ. Когда болѣть мое бѣдное дитя, я отложу въ сторону политику и дѣла, мы поѣдемъ въ Египетъ или въ Индію, гдѣ я предамся книгамъ и наукѣ и буду ходить за моимъ ребенкомъ, пока онъ опять не станетъ здоровой Брунгильдой.

— Но мы еще не женаты,—замѣтила Елена.—Да и врачи не находятъ у меня ничего, кромѣ нервнаго расстройства, и говорятъ, что холодъ мнѣ полезнѣе жары.

— Они ослы,—прервалъ ее Лассаль.—Мы уѣдемъ на зиму въ Египетъ, а что касается женитьбы, мы должны теперь же порѣшить наше дѣло.—Дитя, скажи мнѣ только: «Да, я желаю», и я сдѣлаю все остальное самъ.

Они сидѣли на низенькомъ диванѣ. Взявъ ее за руки, онъ долго смотрѣлъ ей въ глаза.

— Я не могу отказать вамъ ни въ чемъ, когда я съ вами,—проговорила она нерѣшительно.—Требуйте отъ меня чего хотите, только не воли, не энергіи. Я женщина, самая женственная женщина въ мірѣ, невмѣняемая, капризная—*et fille*.

— Нѣтъ, я не стану мучить больное дитя,—сказалъ онъ.—

Я успокоюсь, и ты можешь обдумать свое рѣшеніе, когда мы не будемъ вмѣстѣ. Только, ради всѣхъ боговъ, рѣшайся какъ можно скорѣе. Я не могу и не хочу переносить долѣе эту томительную неизвѣстность.

Елена обѣщала, что если онъ разстанется съ ними въ Кальтбадѣ, на обратномъ ихъ пути съ вершины Риги, то она рѣшитъ все дорогой и дастъ ему окончательный отвѣтъ. Въ эту минуту ее занимала больше всего графиня, и она спросила, какъ посмотреть графиня на его бракъ.

— Ты говоришь это потому, что не знаешь ее, — возразилъ Лассаль. — Добрая графиня не знаетъ иного счастья, кромѣ моего. Но еслибъ, что совсѣмъ немислимо, она отнеслась къ намъ непріязненно, то я, какъ бы дорого это мнѣ ни стоило, забылъ бы всѣ принесенныя и принятыя жертвы, чтобы заботиться только о насъ и нашемъ счастьи. Но если ты отвѣтишь мнѣ: да, а ты, я думаю, не можешь дать другого отвѣта — то нужно ли мнѣ принять христіанство? — спросилъ онъ. — Ты вѣдь знаешь, что я еврей? Потребуешь ли ты перемѣны религіи?

— Ни за что въ мірѣ! — былъ отвѣтъ Елены. — По мнѣ, будь хоть магометаниномъ, а еще лучше — язычникомъ: друзья называютъ меня «гречанкой», потому что я охотѣе вѣрю многимъ богамъ.

Лассаль разсмѣялся.

— Если-бъ ты потребовала, я тотчасъ принялъ бы христіанство, но для меня гораздо лучше, что ты не ставишь такого требованія. Перемѣна религіи испортила бы мнѣ много крови, уронила бы меня во мнѣніи нѣкоторыхъ друзей, а это, говорю откровенно, было бы мнѣ въ высшей степени непріятно. Но съ тѣхъ поръ, какъ я такъ неожиданно встрѣтилъ тебя вчера и продумалъ объ этомъ, только съ тѣхъ поръ мнѣ стало ясно, какъ дорога моему сердцу эта плутовка, какъ охотно я пожертвую всѣмъ — слышишь ли: всѣмъ — только не ею! Теперь ты знаешь это и можешь посмѣяться надъ гордымъ человѣкомъ, такъ покорно склоняющимъ колѣно передъ своею маленькой, жестокосердой царевной. Мнѣ хотѣлось бы, однако, знать, держишься ли ты и въ любви твоего оригинальнаго многобожія?

— До сихъ поръ — да. Я никогда не довольствовалась однимъ человѣкомъ. Мнѣ всегда приходилось слишкомъ много прибавлять къ одному; съ первыхъ моихъ отношеній въ русскому моряку, я всегда охотно составляла бы одного изъ двоихъ или троихъ, и такъ какъ этого сдѣлать нельзя, то мнѣ болѣею частью приходилось дѣлить мою любовь.

— Такъ, такъ! Но теперь, я надѣюсь, довольно будетъ и одного,—весело возразилъ Лассаль.—Я вѣдь знаю: о легкомысліи и «греческихъ мнѣніяхъ» моей плутовки ходило много ужасающихъ разсказовъ, но все это ничего, я тоже велъ не особенно святую жизнь, и не требую отъ моей жены большаго, чѣмъ сколько приношу ей самъ. Прошу только, чтобы отнынѣ это было иначе.

Елена хотѣла разсказать свое прошлое, свои грѣхи противъ всего того, что она бойко называла «священною нѣмецкою моралью», но онъ рѣзко прервалъ ее.—Не надо, не надо! Ради Бога, не разсказывай! Въ чему эти помпейскія раскопки? Предоставимъ ихъ тѣмъ, кто больше интересуется прошлымъ, чѣмъ настоящимъ и будущимъ. Съ прошедшимъ мы покончили, оно лежитъ за нами, а впредь будемъ принадлежать другъ другу и жить другъ для друга. Этого довольно!

Вскорѣ вошла мистриссъ Арсонъ, напоминая, что пора ѣхать. Въ Кальтбадѣ они разстались. Прощаясь, Лассаль взялъ обѣ руки Елены и, страстно цѣлуя ихъ, сказалъ:

— Теперь прощай, прощай на самое короткое время, мое боготворимое счастье! Будь разумна и тверда. Ты добра, какъ дитя, но и бессильна какъ дитя. О, еслибъ я могъ перелить хоть частицу моей колоссальной воли, моей титанической энергіи въ эти голубыя жилы! Сожми мои руки—вотъ такъ!—можетъ быть, операція удастся при помощи магнетизма. Я хочу, и ты должна хотѣть! И, какъ мы говорили, твоя задача будетъ легка: скажи мнѣ только разумное, самостоятельное *да*,—*et je me charge du reste!*

На этомъ они разстались. Елена просила своихъ спутниковъ и спутницъ оставить ее дорогой одну, и, вспомнивъ на минуту о Янко, съ которымъ она зашла уже слишкомъ далеко, рѣшилась дать Лассалю утвердительный отвѣтъ. Внизу, у подошвы Риги, она уже нашла тамъ двухъ мальчугановъ, изъ которыхъ одинъ вручилъ ей записку, а другой—депешу. Обѣ были отъ Лассала, обѣ выражали его нетерпѣніе и умоляли ее беречь свое здоровье. Въ Бернѣ Елену также ожидала депеша Лассала, подписанная: *Энффридъ*, а въ Вабернѣ, около Берна, гдѣ они жили, еще двѣ депеши—съ тою же подписью.

V.

Первою мыслию Елены по возвращеніи было написать Янко. Въ этомъ письмѣ она рассказала ему все, заявляла свое сожалѣніе, и даже, предвидя препятствія со стороны родителей, рассчитывала на его помощь! Совсѣмъ иначе звучало письмо въ Лассалю. Елена говорила въ немъ, что чувствуетъ въ себѣ теперь присутствіе воли, что хочетъ быть и будетъ его женой, что какъ ни тяжело ей убить счастье Янко, она рѣшилась на это теперь, какъ рѣшилась бѣжать съ нимъ, «своимъ царственнымъ орломъ», «своимъ господиномъ», «своимъ другомъ-сатаной», если окажется невозможнымъ склонить родителей на этотъ желанный союзъ.

Черезъ день послѣ своей неожиданной встрѣчи, 27-го іюля, Лассаль писалъ о ней графинѣ Гадфельдъ. Онъ былъ вполне увѣренъ и рассказывалъ это въ своемъ письмѣ графинѣ, что Елена, узнавъ изъ письма Гольтгофа объ его пребываніи на Ригя-Кальтбадѣ, устроила поѣздку туда съ своими пріятельницами, чтобъ отыскать его тамъ. На эту любезность надо отвѣчать любезностью, прибавлялъ онъ, и я обещаю Еленѣ пріѣхать въ Женеву между 15-мъ и 25-мъ августа. Онъ просилъ графиню держать его секретъ въ глубокой тайнѣ и приглашалъ ее пріѣхать туда же, чтобы видѣться съ нимъ и познакомиться съ его невѣстой. А, между тѣмъ, онъ намѣренъ бросить страшно скучный Кальтбадъ и поѣхать въ Бернъ. На другой день, 28-го, онъ опять писалъ графинѣ: «Вы очень ошибочно судите обо мнѣ, полагая, что я не могу довольствоваться нѣкоторое время наукой, дружбой и красивой природой, что мнѣ необходима политика. Я ничего не желаю такъ сильно, какъ вполне развязаться съ политикой, чтобъ уйти въ науку, дружбу и природу. Я исполненъ политикой и сытъ ею по горло. Правда, я возпылалъ бы къ ней болѣею страстью, чѣмъ когда-нибудь прежде, еслибъ наступили серьезныя событія, еслибъ я получилъ власть или имѣлъ въ виду средство приобрести ее—такое средство, которое мнѣ пригодно, потому что безъ власти ничего не сдѣлаешь. А для ребяческой игры я слишкомъ старъ и слишкомъ великъ. Оттого я въ высшей степени неохотно принялъ предсѣдательство въ обществѣ германскомъ союзѣ рабочихъ. Я уступилъ только вашимъ настояніямъ. И теперь это положеніе гнететъ меня.

«Воюю, сильно боюсь, что событія будутъ развиваться медленно, очень медленно, а моя страстная душа не терпитъ этихъ

дѣтскихъ болѣзней, этихъ хроническихъ процессовъ. Я понимаю политику, какъ дѣятельность настоящей минуты. Все другое можно дѣлать, оставаясь и въ научной области. Попытаюсь оказать въ Гамбургѣ нѣкоторое вліяніе на событія. Но насколько это будетъ успѣшно—я не могу обѣщать, и самъ не ожидаю многого.

«О, какъ хотѣлось бы мнѣ устранишься!

«Сейчасъ получилъ письмо отъ Елены, письмо въ высшей степени серьезное. Дѣло принимаетъ рѣшительный оборотъ. Отступление уже невозможно для меня, да я, по правдѣ, и не вижу, зачѣмъ было бы мнѣ отступать! Елена—красивая дѣвушка, и по своимъ личнымъ свойствамъ единственная дѣвушка, подходящая къ моимъ требованіямъ; вы сами нашли бы ее единственной подходящей для меня женой.

«Итакъ, впередъ черезъ Рубиконъ. Онъ ведетъ къ счастью! И васъ, добрая графиня, столько же, сколько меня».

На другой день, благодаря краткости швейцарскихъ разстояній, Лассаль, получившій наканунѣ отвѣтъ Елены, былъ уже въ Бернѣ, и за вечернимъ чаемъ бесѣдовалъ въ Вабернѣ съ окружающимъ ее обществомъ, засыпавъ ее предварительно любовными денешами и страстными письмами. Въ своихъ письмахъ изъ Кальтбада въ Вабернъ, онъ писалъ, между прочимъ, Еленѣ: «Честолюбива ли ты? Что сказало бы мое дитя, еслибъ я могъ когда-нибудь устроить ей триумфальный въѣздъ въ Берлинъ, веюмой шестью бѣлыми конями, какъ первой женщины Германіи, высоко стоящей надъ всѣми другими?»... «Собственно говоря, въ высшей степени глупо терзать себя злосчастной политикой, благомъ и невзгодами другихъ людей! Все это было хорошо, пока я былъ одинъ, и не имѣлъ лучшаго дѣла—а теперь! Не лучше ли мнѣ отказаться отъ всего, уѣхать съ тобою далеко, далеко, туда, куда пожелаетъ мое дитя, моя царица, и отдаться нашему счастью, нашимъ занятіямъ и немногимъ друзьямъ!»

Лассаль, очевидно, былъ въ лихорадкѣ. Въ Вабернѣ онъ самъ рассказывалъ Еленѣ, что сидѣлъ въ это время въ телеграфномъ бюро Кальтбада, и, занимаясь тамъ своими дѣловыми письмами и бумагами, укрощалъ порывы своего нетерпѣнія депешей на ея имя. Однообразное постукиванье телеграфнаго аппарата дѣйствовало на него успокоительно; ему казалось, что онъ такимъ образомъ приходитъ въ прямое соприкосновеніе съ нею.

Лассаль пріѣхалъ въ Вабернъ, охваченный безпредѣльною, безумною страстью почти сорокалѣтняго холостяка къ двадцатилѣтней дѣвушкѣ. Подлѣ Елены онъ забывалъ все, свои полити-

ческія и соціальныя заботы; она играла съ ними, какъ съ «большою собакой», — такъ называлъ онъ себя — и строгимъ кличемъ унимала его бурные порывы. Все это было для него ново; онъ какъ ребенокъ предавался неизвѣданнымъ ощущеніямъ взаимной любви и счастья.

Но онъ былъ нѣмецъ по воспитанію и еврей по крови, и никогда не забывалъ положительныхъ требованій жизни даже и въ чадѣ своихъ восторговъ. Бесѣдуя съ Лассалемъ, Елена говорила ему, что «все благоразумное» дѣйствуетъ на нее какъ ядъ, и тѣмъ не менѣе онъ принеся показать ей массу бумагъ.

— Тебѣ необходимо знать хорошенько, — сказалъ онъ, — какую жизнь я тебѣ предлагаю, и довольно ли тебѣ того, что я могу дать тебѣ.

Онъ объяснилъ, какъ велики его средства; откуда онъ ихъ получаетъ и почему считаетъ ихъ достаточными для супружества. Лассаль имѣлъ въ то время около семи тысячъ талеровъ годового дохода. Объясняя ихъ происхожденіе, онъ объяснилъ и свои отношенія къ графинѣ Гацфельдъ, которымъ молва приписывала двусмысленный, даже предосудительный характеръ.

— Ты слышала о моихъ отношеніяхъ къ графинѣ. Я хотѣлъ бы знать, насколько ты вѣришь тому, что могли говорить тебѣ объ этомъ?

— Я смотрю на эти отношенія очень просто. Она была красива, ты былъ очень молодъ, влюбился въ нее, и вы облизались. Теперь она стара, а ты еще молодъ, и вы стали теперь друзьями.

— Слава Богу! — воскликнулъ Лассаль. — Какъ я радъ, что встрѣчаю разсудительное существо — безъ причудъ, безъ предразсудковъ — натуральнѣйшую изъ натуръ! Мои отношенія къ графинѣ были приблизительно такіа, какъ ты говоришь, но не совсѣмъ такіа. Я прикованъ къ ней священными узами, которыхъ никогда не разорву иначе, какъ по самымъ важнымъ причинамъ, да и то едва ли — я связанъ съ нею благодарностью. Я былъ еще мальчикомъ, когда эта женщина, находясь въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, почтила меня своимъ довѣріемъ, положила всю свою судьбу въ эту дѣтскую руку. Я доказалъ ей, что то была рука взрослого человѣка, но на это нужно было время; графиня не могла знать заранее, чѣмъ кончится ея дѣло, и все-таки довѣряла мнѣ, и я всю жизнь обязанъ ей за это благодарностью!

— Я преклоняюсь передъ такими отношеніями, — сказала Елена.

Лассаль благодарно поцѣловалъ ее и продолжалъ:

— Ты знаешь, въ общихъ чертахъ, исторію о шкатулкѣ, ты читала мою тогдашнюю защитительную рѣчь. Я былъ еще очень юнъ, но никогда не рассказывался потомъ въ моемъ тогдашнемъ образѣ дѣйствій, и, быть можетъ, поступилъ бы и теперь точно такъ же, какъ тогда. Но это дѣло и мои отношенія въ графинѣ, мое полное погруженіе въ ея интересы, веденіе ея страшно запутанныхъ процессовъ сбили меня съ предполагаемаго поприща и отчасти даже поссорили меня съ семьей. И для меня, и для нея, или, лучше, для той партіи, въ интересъ которой я дѣйствовалъ, надо было установить вознагражденіе за всѣ мои матеріальныя жертвы, чтобы мы оба были свободны, чтобы графиня не была слишкомъ одолжена мною. И вотъ, мы заключили договоръ, по которому я, если выиграю ея дѣло противъ ея мужа, графа Гацфельда, буду получать изъ спасеннаго гацфельдовскаго состоянія пожизненный доходъ въ вознагражденіе за потраченные мною деньги, за понесенный трудъ и потерянное время. Ты поймешь и, конечно, одобришь этотъ поступокъ. Въ этомъ отношеніи я совершенно свободенъ относительно графини, и она давно уже свободна по отношенію ко мнѣ. Наши сердечные интересы уже давно расходятся въ противоположныя стороны.

— Славу богу!—вскричала въ свою очередь Елена, цѣлуя его.—И я тоже буду очень любить твою графиню, и теперь же напишу ей, какъ дочь въ матери; я сдѣлаю все, чтобы быть ей пріятной. Но я думаю, ей все-таки не нужно быть всегда у насъ и съ нами?

Лассаль былъ несказанно обрадованъ этимъ вопросомъ. Онъ весело бѣгалъ по комнатѣ, много разъ поцѣловалъ Елену и множество разъ повторилъ ея послѣднія слова.

— Нѣтъ, нѣтъ!—говорилъ онъ весело.—Этого совсѣмъ не нужно! Она и не должна этого требовать! Вѣдь было бы ужасно такое супружество втроемъ. Когда она въ Италіи, мы уѣдемъ въ Египетъ; когда она въ Швейцаріи, мы уѣдемъ въ Парижъ или въ Германію, и наоборотъ. Мы будемъ посѣщать ее разъ въ годъ. Скажи же: довольно ли тебѣ того, что я могу предложить тебѣ?—возвратился Лассаль къ своему первоначальному вопросу.

— Вполнѣ,—отвѣчала Елена.

— Кланусь, твой выборъ не дуренъ,—сказалъ Лассаль, довольный и потирая свои руки. Жена Фердинанда Лассала должна быть первою изъ всѣхъ. Поговоримъ объ этомъ обстоятельно. Имѣешь ли ты понятіе о моихъ планахъ и цѣляхъ? Нѣтъ?

Взгляни на меня,—прибавилъ онъ, выпрямляясь:—похожъ ли я на человѣка, способнаго довольствоваться второю ролью въ государствѣ? Неужели я стану отдавать сонъ моихъ ночей, мозгъ моихъ костей и силу моихъ легкихъ, чтобы вынимать для другихъ капитаны изъ огня? Похожъ ли я на политическаго мученика? Нѣтъ! Я готовъ дѣйствовать и бороться, но я хочу также насладиться добытымъ призомъ и возложить на тебя—скажу пока—побѣдный вѣнецъ. Поди сюда, и стань подлѣ меня передъ зеркаломъ. Посмотри: не гордая ли, не царственная ли чета передъ тобою?

Отуманенный въ эту минуту самоувѣренностью и страстью, Лассаль не зналъ мѣры своимъ надеждамъ на будущее.

— «Фердинандъ», избранный народа—вотъ какъ должны они назвать меня, если удастся наше дѣло, и мы торжественно въѣдемъ въ Берлинъ. Успѣхъ потребуетъ упорной борьбы—и время еще не подоспѣло—быть можетъ, придется еще долго, долго ждать въ бесполезномъ мученичествѣ, въ страдательномъ ораторствѣ или, еще лучше, въ полномъ бездѣйствіи,—не знаю! Vedremo! Передъ нами еще много времени, чтобы пораздумать объ этомъ; но теперь ты приобщилась моему духу, отнынѣ ты моя!

Елена плохо понимала политическіе и общественные вопросы. Она легко и буквально повѣрила всему, что онъ говорилъ ей съ такимъ увлеченіемъ и безграничной самоувѣренностью.

День прошелъ въ шуткахъ, прогулкахъ, чтеніи стихотвореній: Лассаль отлично читалъ ихъ. Поздно вечеромъ, когда Елена, войдя въ свою комнату, подошла къ открытому окну, чтобы полюбоваться лунною ночью и вдохнуть чуднаго горнаго воздуха, въ окно простерлись снаружи двѣ руки, быстро обнявшія ея станъ. Она легко протестовала; но онъ успокоилъ ее.

— Не тревожься, мое сердце! Я буду вести себя примѣрно и останусь подлѣ тебя, пока ты такъ устанешь, что скажешь мнѣ: «куш!» Тогда я уйду. А теперь ночь такъ прекрасна, сердце такъ полно, ты такъ близко... Сонъ невозможенъ; будемъ болтать, молиться лунѣ, или изъ вѣчнаго сочетанія двухъ словъ: Фердинандъ и Елена—сложимъ вновь пѣснь пѣсней любви...

Но разговоръ не удержался на этой высотѣ. Елена упомянула случайно о Цительманѣ, въ домѣ котораго при ней была однажды рѣчь о Лассалѣ. Цительманъ былъ тогда правой рукой кн. Бисмарка.

— Что тамъ говорили?—горячо спросилъ Лассаль.

— Говорили не много,—отвѣчала Елена.—Жена Цительмана

проговорила, что Лассаль былъ у Бисмарка, что Бисмаркъ очарованъ имъ; но въ эту минуту мужъ сердито посмотрѣлъ на нее, и она замолчала. Правда ли это? Есть у тебя тайныя дѣла съ Бисмаркомъ?—Лассаль помолчалъ, улыбнулся и, взявъ ее за руку, сказалъ вполголоса: «Ахъ, дитя! Слыханное ли дѣло! Этими маленькими пальцами—ты вѣдь знаешь, что глупо имѣть такіе маленькіе пальцы—этими лапками Эльфа дерзко хватается она за мои драгоцѣннѣйшія тайны, которыя я, какъ сокровища, храню въ моемъ сердцѣ, роется въ нихъ, обращается съ этими сокровищами, какъ съ своей безспорной собственностью, высматриваетъ инныя, точно соръ, и требуетъ драгоцѣннѣйшихъ изъ нихъ для себя, какъ бездѣлку, какъ украшеніе для волосъ! Но я люблю ее—эту наивную дерзость. Да, я былъ у Бисмарка. «Желѣзный» великанъ хотѣлъ плѣнить меня. Желѣзо—цѣнный металлъ: оно такъ крѣпко, жестко, такъ сильно рубить и колеть. Чего, чего не сдѣлало желѣзо на свѣтѣ! Почти все достигнуто, закрѣплено при помощи желѣза—почти все—почти! Но есть еще другой металлъ, болѣе гибкій и мягкій, назначенный не для геройскихъ и боевыхъ дѣлъ, и все-таки болѣе могучій, чѣмъ всемогущее желѣзо. Этотъ металлъ—золото. Чтѣ разрушено желѣзомъ, то вновь создается золотомъ. Дождь, плѣвившій сердце Данаи, былъ золотой дождь. Да, да, золотистая плутовка: еще вопросъ, который изъ двухъ металловъ сильнѣе, вліятельнѣе! Наверху, въ своихъ «желѣзныхъ» кружкахъ, они, разумеется, говорятъ, что «золото—жидовское», но все дѣло во вліяніи, единственно въ немъ. Наконецъ, желѣзо ржавѣетъ отъ времени, а ржавое желѣзо поступаетъ въ кладовую. Сдадимъ же его въ кладовую столѣтій, исторіи! О Бисмаркѣ скажу, что то, чего онъ хотѣлъ отъ меня, не состоялось и не могло состояться. Мы оба слишкомъ лукавы, оба замѣтили наше лукавство, и въ концѣ-концовъ могли-бы только разсмѣяться, глядя другъ на друга. Но мы слишкомъ хорошо воспитаны для этого, и дѣло ограничилось одними посѣщеніями и остроумными бесѣдами.

— А понравился тебѣ Бисмаркъ? Онъ очень уменъ?

— Уменъ! Чтѣ значитъ вообще: уменъ! Если мы съ тобой умны, то Бисмаркъ не уменъ! Онъ рѣзокъ, онъ тяжелъ,—онъ именно «желѣзный». Утонченное желѣзо дѣлается сталью, и тогда можно дѣлать изъ него колющее, красивое оружіе, но все-таки оружіе! Я предпочитаю золото—золото, чтѣ у тебя на головѣ, чтѣ дано мнѣ въ таинственномъ дарѣ—быть ловцомъ людей, дѣлать ихъ своими! Ты еще увидишь, мое сердце, чего можетъ достигнуть наше золото!

— Но вѣдь и ты много говоришь объ оружіи, о крови и борьбѣ; наконецъ, и перевороты не дѣлаются безъ оружія и желѣза.

— Дитя! Дитя! Ты хочешь узнать все въ эту чудную лунную ночь! Дѣла вѣковъ, результаты глубокихъ изслѣдованій—ты все выпрашиваешь у меня, забавляясь, и я, несчастный, долженъ бросить тебѣ все это на колѣни, какъ игрушку. Говорить о борьбѣ, вѣнчать къ оружію, еще далеко не то же, что холодно-кровно побивать ближняго окровавленной рукой. Да и знаешь ли ты, плутовка, о какомъ оружіи я говорю? Золотое оружіе духа: даръ слова, человѣколюбіе, благосостояніе и очеловѣченіе обдіныхъ, обділенныхъ и трудящихся, и особенно воли,—вотъ это благородное и истинно золотое оружіе въ моихъ глазахъ выше и вѣрнѣе, чѣмъ наносящее раны ржавое оружіе среднихъ вѣковъ. Я допускаю кровь и мечъ только въ крайней необходимости, если враги сами того потребуютъ. Но они должны, я думаю, бояться насъ и безъ кровопролитія. Однако свѣтаетъ, а мы собираемся завтра на Ниссенъ.—Желаю тебѣ сладко спать и видѣть меня во снѣ.

Онъ продолжительно обнялъ ее и тихо проговорилъ:

— Какое счастье, какое блаженство ожидаетъ насъ, когда ты будешь исполнѣ моею. Чудную женщину сдѣлаю я изъ этого ребенка!

И Лассаль, и Елена, писали графинѣ изъ Ваберна. Елена называла ее второй матерью, просила ея помощи и совѣтовъ, благодарила ее за дружбу къ Лассалю и заочно цѣловала ея руки. Лассаль между прочимъ писалъ графинѣ 30-го іюля:

«Вообще я долженъ вамъ сказать, что Елена питаетъ сильную симпатію къ вамъ—одно изъ самыхъ существенныхъ условий моего счастья съ нею. Въ этомъ отношеніи, она совсѣмъ не похожа на другихъ женщинъ. Въ ней нѣтъ и признака ревности и зависти. Пока я не сказалъ ей, что вы больны сами и нуждаетесь въ леченіи, она находила ужаснымъ и непонятнымъ, что вы не сопровождали меня на Риги-Кальтбадъ, чтобъ остаться тамъ со мною»... «Елена вообще натура въ смыслѣ Гете, вопреки свѣтскому тонкому внѣшнему образованію, которое ею усвоено, но которое никогда не могло получить господства надъ ея внутреннимъ міромъ. Единственный, но огромный ея недостатокъ—отсутствіе воли. Въ ней нѣтъ и слѣда воли. Само по себѣ это, разумѣется, большой порокъ. Но еслибъ мы женились, то отсутствіе воли, быть можетъ, перестало бы оставаться порокомъ. У меня достаточно воли для двоихъ;—Елена была бы въ моихъ

рукахъ какъ флейта въ рукахъ артиста. Но самый бракъ будетъ сильно затрудненъ этимъ безсиліемъ воли. Теперь она, конечно, рѣшилась быть моею женою. Но долго ли продержится эта рѣшимость у лишеннаго воли существа, когда начнутся препятствія и столкновенія? Все это я еще обдумую серьезно, прежде чѣмъ открою формальныя дѣйствія.»

Въ другомъ письмѣ къ графинѣ изъ Берна, 2-го августа, Лассаль говорить: «Вы совѣтуете мнѣ подумать о томъ, что еще недавно я былъ смертельно влюбленъ въ другую. Но я отвѣчу на это, что, во-первыхъ, понятіе: «быть смертельно влюбленнымъ» — для меня вообще не существуетъ; а во-вторыхъ, что и теперь еще въ чувственномъ отношеніи М. для меня привлекательнѣе Елены, и это можетъ служить вамъ лучшимъ доказательствомъ, что я повинуюсь не одному только чувственному влеченію. Напротивъ: личность Елены такъ безусловно подходитъ къ моимъ требованіямъ, что я не могъ и думать найти когда-нибудь такую женщину. Какое въ самомъ дѣлѣ счастье, будучи уже 39^{1/2} лѣтъ отроду встрѣтить такую красивую, любезно-мыслящую и подходящую дѣвушку, которая такъ сильно меня любитъ и, что безусловно необходимо мнѣ, совершенно тонетъ въ моей волѣ!»

Графинѣ не нравился этотъ союзъ; она относилась недо- вѣрчиво въ поспѣшности Лассалья, писала ему, что онъ испортитъ все дѣло своимъ нетерпѣніемъ, что въ сношеніяхъ съ женщинами онъ обыкновенно теряетъ голову и вѣрный взглядъ на вещи. Но онъ видимо не довѣрялъ графинѣ, и твердо стоялъ на своемъ намѣреніи теперь-же жениться на Еленѣ.

Между влюбленными было условлено, что 3-го августа Елена поѣдетъ къ родителямъ въ Женеву съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, а онъ послѣдуетъ за нею четырьмя часами позже. Дома Елена должна была сказать только, что она встрѣтила Лассалья на Риги, что онъ въ скоромъ времени пріѣдетъ въ Женеву и посѣтитъ ея родителей, потому что давно желаетъ познакомиться съ ними. Приглашая графиню пріѣхать на берега Женевского озера, Лассаль писалъ ей въ тотъ-же день, 3-го августа, что въ случаѣ отказа родителей, Елена должна оставить родительскій домъ и отдаться подъ ея защиту и покровительство.

VI.

Въ назначенный день, въ двумъ часамъ, Елена возвратилась къ родителямъ въ Женеву, а въ четвертомъ часу уже отправилась къ Лассалю въ ближайшій пансіонъ Леона (Пакки), съ своей горничной Терезой, слѣдующее письмо:

«Мое сердце, мой красивый, царственный орелъ, еще не прошло и часа, что я въ родительскомъ домѣ, а я уже имѣю сообщить тебѣ нѣчто новое, но только печальное. Приѣхавъ сюда, я узнала, что младшая моя сестра Маргарита помолвлена съ графомъ Кейзерлингомъ, и застала всю семью внѣ себя отъ счастья и радости. Ахъ, Фердинандъ, мнѣ больно подумать, что не такъ отразится на нихъ мое счастье, и одново мнѣ это безразлично: и въ радости, и въ горѣ, я твоя вѣрная, тебѣ одному преданная жена.

«Я воспользовалась радостнымъ настроеніемъ семьи и сказала матери, что ты посѣтишь насъ сегодня; но бѣдная женщина представляетъ себѣ моего прекраснаго Фердинанда какимъ-то хищникомъ, и я встрѣтила съ ея стороны рѣшительный отпоръ, и притомъ по глупымъ причинамъ, которыя слишкомъ мелочны для того, чтобы затронуть тебя. И вотъ, я сочла себя вынужденною прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ.—«Слушай, мама,—сказала я:—сегодня я не въ первый разъ говорю: я *хочу*, и повѣрь, что я исполню мою волю, что это такъ же вѣрно, какъ мое присутствіе передъ тобой въ эту минуту». Тутъ я коротко рассказала нашу встрѣчу.

«Пока я говорила, мать нѣжно слушала и даже ни разу не прервала меня, хотя на глазахъ ея выступили слезы. Я заключила нѣсколькими поцѣлуями и увѣреніями въ любви къ ней, и еще разъ повторила: «Только въ немъ мое счастье, въ немъ моя судьба!»

«Она тихо плакала и вышла изъ комнаты, и я, дитя, стала твоей дѣйствительной Брунгильдой. Я не плакала, не дрожала, я смотрѣла на твое изображеніе и тихо молила тебя: приди, мой высокій, гордый, царственный орелъ, придай мнѣ силъ и твердости твоимъ чуднымъ орлинымъ взглядомъ. Такъ молила я, и вѣра въ тебя помогла мнѣ: благодарю тебя, мой сильный Зигфридъ.

«Вскорѣ вошла мать и сказала, что должна передать все отцу, что въ противномъ случаѣ произойдетъ страшный скандалъ. Я отвѣчала на это, что прошу ее не говорить отцу, что испол-

неніе этой просьбы—единственное, чего я требую въ награду за мое довѣрчивое признаніе, что ты не желаешь, чтобы отецъ познакомился съ тобою, имѣя предвзятія мысли за или противъ; словомъ, я просила принять тебя просто, какъ всякаго другого, и потомъ уже судить о тебѣ. Но мать была неумолима и объявила: «Отецъ никогда и ни за что не приметъ его, я должна пойти и сказать ему все». Я спросила, что же имѣетъ онъ противъ Лассала, что можетъ онъ сказать противъ него, сак епін его политическое положеніе—вполнѣ достаточная причина, чтобы принять его, когда онъ придетъ.» «Не политическое, а общественное его положеніе, исторія со шкатулкой и отношенія къ графинѣ Гацфельдъ и многое другое, не позволяютъ отцу вести съ нимъ знакомство»,—возразила мать.—Я сказала на это, что не требую отъ нихъ ничего другого, кромѣ согласія принять и узнать его. «Но ты не можешь требовать отъ отца, отвѣчала она, чтобы онъ, выдавая дочь за графа Кейзерлинга, принималъ въ свою семью человѣка, о которомъ всѣ отзываются такимъ образомъ». Я: «Не принимайте его въ члены семьи, дайте только ваше согласіе выпустить меня изъ семьи; если вы того требуете, я даю вамъ обѣщаніе никогда не переступить вашего порога, какъ ни больно это мнѣ, какъ ни надрывается при этомъ мое сердце!»

«Мать ничего не отвѣчала на это, плакала еще больше, и, успокоившись нѣсколько, сказала мнѣ нѣсколько строгихъ словъ, упрекая меня въ томъ, что я слишкомъ много позволяла себѣ подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія и т. д.

«Но, видя, что я стою на своемъ, она вышла изъ моей комнаты съ твердымъ намѣреніемъ рассказать все отцу. Онъ теперь на оверѣ съ моимъ родственникомъ, д-ромъ Аридтомъ, и одному Богу извѣстно, что случится, когда онъ вернется домой. Во всякомъ случаѣ, я буду тверда, какъ скала....

«Первый здѣшній адвокатъ—Амберни. Ты желаешь знать его имя.

«Теперь половина седьмого, и ты, мое сердце и божество, конечно, уже здѣсь? О! эта мысль придаетъ мнѣ твердости и силы—мнѣ нужно чувствовать близость и всемогущество моего господина и повелителя, чтобы не уступать, чтобы не быть и въ отношеніи къ другимъ тѣмъ же, чѣмъ я остаюсь передъ тобою—ребенкомъ. Но я чувствую тебя и твою любовь, я ничего не боюсь и останусь навсегда твоей женой, твоимъ ребенкомъ, молящейся на тебя вещью! О, еслибъ графиня была здѣсь!

«Скажи мнѣ хоть въ короткой запискѣ, что ты меня любишь! Вѣдь я такъ сильно люблю тебя, Фердинандъ!»

«Совершилось—они высказались:—отецъ объявилъ мнѣ, что «не считаетъ меня больше своей дочерью!» И что произойдетъ теперь—известно одному Богу.

«Я могу...»

На этомъ словѣ обрывается письмо Елены, очевидно написанное въ сильномъ волненіи. Письмо было дописано уже послѣ разговора съ отцомъ, который, узнавъ о случившемся, пришелъ къ дочери съ грубыми распросами объ «этомъ плутѣ Лассалѣ», съ которымъ она осмѣлилась завязать какія-то шашни. Онъ грозилъ Еленѣ проклятіемъ, кричалъ, что не потерпитъ постыднаго брака дочери съ отверженникомъ общества и, строго воспретивъ ей выходить изъ дому, возбѣшенный вышелъ изъ комнаты.

На-своро набросавъ письмо, Елена отправила его съ горничной Терезой. Грозный тонъ и проклятія отца напугали ее. Она не ожидала такого сильнаго отпора, и не знала, что начать. Ей было досадно, зачѣмъ она отвергала прежде предложенія Лассалья увести ее изъ Берна. Въ это время позвонили къ обѣду. Было около семи часовъ. Елена взяла шляпку и плащъ, немного денегъ и бывшій у нея маленькій чемоданъ, и поспѣшно вышла на улицу, незамѣченной никѣмъ изъ домашнихъ. Она направилась къ ближайшему пансіону Леовѣ, куда, по ея соображеніямъ, уже прибылъ Лассаль и доставлено ей письмо. Теперь она соглашалась бѣжать съ нимъ. Ей уже грезилось, что черезъ часъ они будутъ на пути во Францію...

У подъѣзда пансіона стоялъ извозчикъ, а подлѣ него Лассаль, только-что вышедшій изъ экипажа, и Тереза съ письмомъ въ рукахъ. Такая неожиданность сильно напугала ее. Значитъ, онъ еще ничего не знаетъ, надо все обяснить вновь, и бѣгство будетъ замедлено, а можетъ быть и парализовано мѣрами отца. Лассаль выѣхалъ изъ Берна двумя часами позже, чѣмъ предполагалъ, и только теперь подъѣхалъ къ гостинницѣ. Увидѣвъ Елену, онъ поблѣднѣлъ и, не здороваясь, спросилъ: «Ради Бога, что случилось?» Елена, между тѣмъ, шепнула Терезѣ, чтобъ она шла домой и готовилась къ отбѣду. Потомъ, обратившись къ Лассалю, она показала ему письмо и проговорила «прочти!»

— Дитя, что съ тобой?—сказалъ Лассаль, замѣтивъ сильное волненіе Елены.—Пойдемъ, здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ; войди сюда.

И, войдя въ домъ, онъ открылъ дверь въ чью-то комнату подвального этажа. Онъ велъ Елену подъ руку къ стулу, но

она упила къ ногамъ его, прежде чѣмъ дошла до стула, и проговорила:— «Прочти, и дѣлай со мной что хочешь. Я теперь твоя жена, твои вещи!»

— Успокойся, мое сердечко, отдохни,—говорилъ онъ, поднявъ ее и переноси на кровать,—а я пока прочту письмо.

Письмо раздражило его. Когда онъ кончилъ читать, лицо его приняло суровое выраженіе; онъ увидѣлъ, что Елена тотчасъ по приѣздѣ нарушила данное ему обѣщаніе не говорить дома ни слова объ ихъ отношеніяхъ, пока онъ не познакомится съ ея отцомъ.

— Ты поступила не такъ, какъ я приказалъ тебѣ! — проговорилъ онъ сердито.—Непослушаніе моей воли—вотъ первое, что ты мнѣ предлагаешь,—и этимъ ты испортила все!

Лассаль замѣчалъ въ этой дѣвушкѣ полное отсутствіе воли, но онъ совсѣмъ не замѣчалъ отсутствія такта и ума. Теперь онъ видѣлъ ясно, какъ безразсудно она опрокинула всѣ его соображенія и расчеты на соглашеніе съ отцомъ. Онъ вышелъ изъ себя, и напрасно она умоляла его рѣшиться теперь же на то, что самъ онъ предлагалъ ей раньше, т.-е. бѣжать во Францію и обвѣнчаться тамъ. Онъ отвѣчалъ, что не позволитъ поступать съ собою, какъ съ мальчишкой, что приметъ ее къ себѣ не иначе какъ съ согласія родителей, которыхъ онъ къ тому принудитъ, что онъ телеграфируетъ сегодня же своей матери, сестрѣ, графинѣ, которыя приѣдутъ въ Женеву и у которыхъ она можетъ оставаться до свадьбы. Онъ ходилъ въ волненіи по комнатѣ, обдумывая свои дальнѣйшія дѣйствія, когда приближала Тереза съ тревожными воплями.

— Бога ради, уѣзжайте скорѣй, барышня,—торопливо говорила она.—Васъ ищутъ, отецъ въ ярости, онъ послалъ за полиціей. Я привела карету: поѣздъ отходить черезъ четверть часа, вы еще поспѣете.

Но Лассаль оставался непреклоненъ. Онъ сказалъ Терезѣ, что она впослѣдствіи уѣдетъ съ ними, а теперь должна оставаться дома и навѣщать ихъ обо всемъ, и воспользовался приведенною каретою, чтобъ отвезти Елену къ ея пріятельницѣ, г-жѣ Роньонъ, жившей въ одной улицѣ съ семействомъ Дэннигесъ, въ очень близкомъ отъ него разстояніи. Г-жа Роньонъ приняла ихъ радушно, предоставила Терезѣ часть своей виллы и общала не пускать къ ней никого, кромѣ Терезы. Пока шелъ разговоръ объ этомъ, она стояла у окна.

— Та mère et Marguerite,—сказала она вдругъ, къ великому смущенію Елены.

— Само небо посылаетъ ихъ,—воскликнула Лассаль.—Я желаю видѣться и говорить съ ними.

Хозяйка пригласила ихъ въ свою гостиную.

— Я не могу терпѣть присутствія этого человѣка!—вскричала мать, увидѣвъ Елену и Лассалья.—Прогоните его!

— Скажите, ради Бога, что вы имѣете противъ меня?—спросилъ Лассаль.

— Въ этомъ я не обязана вамъ отчетомъ,—закричала она, повернувшись къ нему спиной.—Но мой мужъ стумбеть васъ отсюда. Васъ выгонять, какъ негодяя. Прочь съ моихъ глазъ, прочь!

— Уйдемъ, — сказала Елена Лассалю, положивъ на него руку.—Я не потерплю, чтобы съ тобой такъ говорили. Никто не долженъ смѣть обращаться съ тобою такъ въ моемъ присутствіи.

— Говорите и дѣлайте, что вамъ угодно, милостивая государыня,—вы все-таки не лишите меня самообладанія,—спокойно сказалъ Лассаль.—Всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ, я буду видѣть въ васъ мать Елены, и воздержусь отъ всякаго рѣзкаго слова.

Спокойный тонъ Лассалья еще больше раздражилъ мать. И когда онъ прибавилъ, что сейчасъ же пойдетъ къ ея мужу и спокойно обсудитъ съ нимъ все дѣло, какъ съ человѣкомъ благоразумнымъ и разсудительнымъ, она грубо отвѣтила:

— Мой мужъ не приметъ васъ, онъ велитъ лакеямъ выбросить васъ за дверь!

— Онъ этого не сдѣлаетъ,—спокойно возразилъ Лассаль.— Я не изъ тѣхъ людей, которыхъ выбрасываютъ за дверь; но такъ какъ я не желаю подвергать отца Елены такой попыткѣ замарать насъ всѣхъ, то не пойду къ нему, а напишу ему.

— Онъ возвратитъ вамъ ваши письма нераспечатанными!—былъ отвѣтъ матери.

— Тогда, милостивая государыня, истощите и мое терпѣнье. Тогда мы будемъ въ правѣ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, мы будемъ къ тому вынуждены.

— Да вы уже поступили такъ! — вскричала мать съ злобой усмѣшкой. — Вы заставили мою дочь сдѣлать неслыханный шагъ: она покинула родительскій домъ и не хочетъ возвратиться. Вы чудище, вы украли мою дочь!

— Онъ этого не дѣлалъ!—вступилась Елена.—Я ушла отъ угрозы и проклятій отца!

— Вы думаете, милостивая государыня, что я украсть вашу

дочь?—спросилъ Лассаль спокойно и съ улыбкой.—Вы сейчасъ увидите, какъ вы неправы. Елена, ты готова на все для меня, на всякую жертву? Ты согласна по моему знаку идти со мной или сдѣлать то, о чемъ я попрошу тебя?

— Конечно,—отвѣчала Елена съ нѣкоторымъ страхомъ.— Я сдѣлаю все, чего ты желаешь; я готова сію же минуту уйти съ тобой. Требуй отъ меня, чего хочешь,—только бы мнѣ не идти отсюда съ своими.

— А я именно этого и требую,—требую какъ величайшей жертвы, какую ты можешь принести мнѣ. Ты сдѣлаешь это? ты согласна?

— Если ты въ самомъ-дѣлѣ того требуешь, если ты можешь этого требовать—да! Но я страшно боюсь, я дрожу при одной мысли, что буду съ ними.

— Ты сдѣлаешь это для меня,—сказалъ онъ твердо.— Итакъ, милостивая государиня, я возвращаю вамъ вашу дочь. Послушайте: я, который могъ сдѣлать съ вашей дочерью все, что хочу, я возвратилъ вамъ ее—хотя и на короткое время. Она идетъ съ вами только потому, что я этого хочу: не забывайте этого никогда и—прощайте!

Потомъ онъ обнялъ Елену.

— Прощай не надолго,—сказалъ онъ, прижимая ее къ сердцу.—Я никогда не забуду того, что ты для меня дѣлаешь, возвращаясь въ ненавистный родительскій домъ. Я вѣчно останусь у тебя въ долгу за это. Ничего больше я не требую отъ твоей твердости и воли. Я знаю, что и этого безконечно много; все остальное—теперь ужъ мое дѣло. Не позволяй дурно обращаться съ тобой, но затѣмъ исполняй то, чего отъ тебя требуютъ; я буду знать все, что они дѣлаютъ съ тобой, и при малѣйшей обидѣ тотчасъ приду къ тебѣ на помощь. Помни это и не считай себя несчастливой: ты не долго оставишься у нихъ. Поддайся на короткое время ихъ волѣ; моя воля сильнѣе, и мы побѣдимъ. Прощай!

Онъ поцѣловалъ ее, пожалъ ей руку и вышелъ. Вслѣдъ за нимъ вышла и мать Елены, оставивъ ее у г-жи Роньонъ съ Маргаритой. Обѣ сестры плакали, когда появился отецъ. Онъ былъ въ изступленіи. Безъ шляпы, съ длиннымъ охотничьимъ ножомъ въ рукѣ, онъ ругалъ непечатными словами Лассала, свою дочь и г-жу Роньонъ, которая, по праву хозяйки, не хотѣла выпустить его въ этомъ видѣ. Елена дрожала отъ страха.

— Ради Бога, успокойтесь всѣ,—сказала она.—Вѣдь я готова сдѣлать все, что ты хочешь, папѣ!

— Да, и сдѣлаешь... — заревѣлъ онъ, подкрѣпляя свою фразу ругательнымъ словомъ. — И сдѣлаешь — не потому, что такъ хочется тебѣ и твоему вылощенному любовнику, этому подлому жиду, а потому, что я этого требую. Я научу тебя уважать мою волю!

При этомъ онъ схватилъ ее за волосы и поволокъ по улицѣ до самаго дома, который уже охраняла призванная имъ полиція. Онъ привелъ Елену въ ее комнату, самъ заболотилъ у ней окна, самъ заперъ ее дверь на ключъ и крикнулъ ей изъ другой комнаты: «такъ ты и будешь сидѣть, пока не одумаешься!»

VII.

Такимъ образомъ, послѣ безтактной ошибки, сдѣланной Еленой, новая, исполненная, повидимому, житейскаго такта, но еще болѣе крупная ошибка Лассалья, не лишенная впрочемъ театральнаго героизма, тѣмъ не менѣе, имѣла длинный рядъ самыхъ серьезныхъ и печальныхъ послѣдствій. На первый взглядъ казалось бы очень понятнымъ и даже трогательнымъ, что дочь, возвратившись въ семьѣ, доверчиво открыла своей матери тайну, хотя и обѣщала хранить ее про себя. Въ семьѣ радости; всѣ довольны и счастливы помолвкой младшей дочери, а радость заразительна и доверчива. Казалось бы, какъ было молодой дѣвушкѣ не открыться довольной и любящей матери! Но не таковы были уже давно отношенія Елены къ матери и отцу. Эти люди, отъ вреднаго вліянія которыхъ спасала ее еще покойная бабушка, эта мать, которая сватала ее — еще двѣнадцатилѣтняго ребенка, этотъ отецъ, съ которымъ она была почти незнакома, были для Елены люди чуждые, о которыхъ она и думала и говорила въ этомъ смыслѣ. Нѣжность къ матери, будто бы вызвавшая дочь на откровенность, была дѣланная, фальшивая, порожденная не избыткомъ чувства, а нетерпѣливымъ желаніемъ проболтаться о предстоящемъ собственномъ супружествѣ, когда младшая сестра помолвлена и объявлена невѣстой. Положеніе старшей сестры всегда неловко, когда младшая выходитъ замужъ раньше, но оно должно быть еще болѣе неловко въ семьѣ, исполненной свѣтскихъ и модныхъ предрасудковъ. Елена отнеслась не довольно серьезно въ своему положенію и своимъ сердечнымъ отношеніямъ; она проболталась при первомъ случаѣ, который показался ей удобнымъ. Но эту ошибку еще можно было поправить. Она могла писать Лассалю и получать отъ него

письма, могла при случаі бѣжать и обвиняться съ нимъ. Теперь, послѣ ошибки Лассала, это было уже гораздо труднѣе. Возвращая матери дочь, Лассаль, конечно, былъ въ сто разъ больше джентльменомъ въ отношеніи къ матери, чѣмъ пропитанный дворянскимъ гонимомъ Деннигесъ въ отношеніи къ нему. Но Деннигесъ былъ баварскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Швейцаріи, а это давало ему нѣкоторый кредитъ и въ обществѣ, и въ официальныхъ сферахъ. Возвратить ему дочь послѣ того, какъ она бѣжала изъ дому, значило великодушно и благородно предать ее въ руки того домашнего правосудія, которое способно тащить дѣвушку за волосы по улицѣ, устраивать для нея домашнее тюремное заключеніе и всячески насиловать ея волю. Самъ Лассаль вскорѣ понялъ важность своей ошибки и не жалѣлъ для себя самыхъ рѣзкихъ эпитетовъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ. Но было уже поздно.

Въ тотъ же день, послѣ сцены съ матерью Елены, Лассала посѣтили графъ Кейзерлингъ и д-ръ Арндтъ, предлагая ему оставить Елену въ покоѣ и уѣхать изъ Женевы, во избѣжаніе непріятностей, какія можетъ причинить ему Деннигесъ, какъ повѣренный въ дѣлахъ. Лассаль отвѣчалъ на это отказомъ и требовалъ, напротивъ, чтобы Деннигесъ его принялъ. Съ этой цѣлью онъ написалъ ему два письма, которыя тотъ оставилъ безъ отвѣта.

Ночь прошла для него безъ сна. Горько упрекалъ онъ себя за возвращеніе Елены семейству, и рѣшился во что бы то ни стало сломить сопротивленіе послѣдняго. Съ этой ночи начинается его неутомимая, ежеминутная работа для достиженія предполагаемой цѣли. Онъ поднимаетъ на ноги своихъ друзей, вызываетъ изъ Цюриха своего друга, полковника Рюстова, извѣщая его, что дѣло идетъ о жизни и смерти, пишетъ графинѣ, что онъ, который пятнадцать лѣтъ не зналъ слезъ, плачетъ теперь и терзается своимъ поступкомъ, «преступленіемъ своей глупости», что онъ долженъ вырвать Елену или хитростью, или силой, и просить ее пріѣхать скорѣе. «Если я не доведу дѣла до конца—а я сильно сомнѣваюсь въ этомъ—то буду навсегда надломленъ и покончу со всѣмъ»,—писалъ онъ, между прочимъ, графинѣ.—Сознаніе моей глупости сломить меня, быть можетъ, еще больше, чѣмъ утрата дѣвушки. Если я не поправлю этой глупости побѣдой, то буду всегда цитать въ себѣ полнѣйшее презрѣніе».

Рюстовъ пріѣхалъ въ Женеву 6-го августа. Графиня тоже отвѣчала успокоительной депешей, обѣщая пріѣхать изъ Вильбада

10-го или 11-го; но уже 4-го опять посѣтили Лассалья графъ Рейзерлингъ и д-ръ Арндтъ. На этотъ разъ они объяснили, что посланы Еленой, и предъявили слѣдующія строки, писанныя ея рукой: «То, что скажетъ вамъ мой родственникъ, вполне согласно съ истиной. — *Дитля*». А «родственникъ» утверждалъ, что Елена совсѣмъ отказывается отъ Лассалья, что она заявила отцу полное сожалѣніе о случившемся и уже выѣхала изъ Женевы. Лассаль отвергнулъ эту записку, какъ вынужденную насиліемъ. Дѣйствительно, Елена оставалась запертою въ своей комнатѣ. Домашніе употребляли всѣ средства, чтобы сломить ея сопротивленіе. Къ ней входили сестры, плакали и умоляли ее уступить. Любимый братъ, заставъ ее въ слезахъ, плакалъ вмѣстѣ съ нею; онъ соглашался, что она права, желая своего счастья; но, прибавлялъ онъ, вѣдь и «они» правы. Отцу придется оставить службу; онъ и другой братъ не могутъ сдѣлаться одинъ — офицеромъ, другой — дипломатомъ, и Елена губить семью, настаивая на бракѣ съ Лассалемъ. Къ просьбамъ сестеръ и братьевъ присоединялись просьбы матери и даже грубаго отца. Елена, неспособная къ борьбѣ, томимая одиночествомъ и скукой, вскорѣ потерялась и смирилась. Разумѣется, семья была въ восторгѣ; обрадованные родители назвали друзей и музыку, потребовали шампанскаго и шли за здоровьемъ раскаявшейся дочери. Еще недавно ругавшійся отецъ называлъ ее теперь лучшей дочерью въ мірѣ, своей любимой дочерью, идеаломъ дочерей. 6-го, подъ предлогомъ болѣзни, усмиренная, но еще не совсѣмъ благонадежная, Елена была отправлена въ Бз. Въ этотъ день, передъ отъѣздомъ, она писала въ Вабернъ своей пріятельницѣ, мистриссъ Арсонъ, что считаетъ себя несчастной и разбитой, но вполне попорилась судьбѣ. Когда она ѣхала въ каретѣ съ навою-то дамой на желѣзную дорогу, Лассаль шелъ съ Рюстовомъ по улицѣ, и они встрѣтились случайно. Елена дружески поклонилась имъ изъ кареты; никто не зналъ тогда, что ее увозятъ изъ Женевы. Отсылая дочь, Деннидесъ сильно хлопоталъ о томъ, чтобы швейцарское правительство выслало Лассалья, выдавалъ его за шпиона и агента Бисмарка, но безуспѣшно.

Терзаемый своими неудачами, негодуя на поведеніе отца Елены, Лассаль былъ неутомимъ въ своихъ усиліяхъ сломить его отеческое самодурство и дать ему почувствовать свое значеніе и силу. 7-го, 10-го и 12-го августа онъ писалъ Еленѣ длинныя письма, въ которыхъ объяснялъ ей подробно, по пунктамъ, ея права, формально признанныя закономъ, умолялъ ее

не поддаваться лживымъ наговорамъ родныхъ, доказывать, что она — совершеннолѣтняя по закону, просилъ у нея еще одного, послѣдняго свиданія, если она уже рѣшилась пожертвовать имъ для отца. Въ письмѣ 10-го августа онъ извѣщалъ Елену, что ѣдетъ въ Карлсруэ, чтобы хлопотать объ ихъ дѣлѣ, оставляя своимъ уполномоченнымъ въ Женевѣ полковника Рюстова, которому просить довѣрять такъ же, какъ довѣрять она ему самому, и совѣтуетъ ей письменно заявить адвокату Амберни о притѣсненіяхъ отца. «Только ночью со среды на четвергъ (послѣ сцены между нимъ и матерью Елены), только съ этой ночи понималъ я, точно по вдохновенію свыше, степень моей любви къ тебѣ, — писалъ онъ Еленѣ 10-го августа. — Только страданіе разорвало ту кору относительнаго спокойствія, какою обыкновенно покрываетъ меня счастье, и любовь моя вышла на свѣтъ во всемъ своемъ колоссальномъ и страшномъ образѣ! Я буду благословлять грубость твоихъ родителей, когда завладѣю тобою. Только безмѣрные муки, снѣдающія меня теперь, выяснили мнѣ, какъ велико для меня твое *дѣйствительное* значеніе! Елена! Еслибъ ты могла измѣнить мнѣ, отказаться отъ меня, несмотря на данныя тобою клятвы, ты стала бы недостойна моихъ теперешнихъ страданій. Успокой же меня хотя одною строкой! Мысль, что ты отъ меня отрекаешься, повергаетъ меня въ состояніе, близкое къ безумію. И Если говорить, что въ такомъ случаѣ все на свѣтѣ — ложь, и нѣтъ возможности чему-нибудь вѣрить! Елена! неистово и въ мукахъ отчаянія любимое существо! увѣрь меня одной строкой, что ты остаешься твердой и вѣрной». 12-го, опять извѣщая Елену о своемъ отъѣздѣ въ Карлсруэ, онъ говоритъ, что только тогда повѣрить ея измѣнѣ, когда она скажетъ ему это сама, при личномъ свиданіи, что письменныя ея заявленія могутъ быть вынуждаемы отцомъ, и кончается письмо словами: «Ты можешь торжествовать! Моя любовь къ тебѣ превосходить все, что когда-либо пѣли о любви поэзія и легенда! Будь тверда, et je me charge du reste!»

Но письма Лассалы не доходили до Елены. Она была окружена такимъ внимательнымъ надзоромъ, что никакія сношенія съ ней не были возможны помимо строгаго отца. Да и никто не зналъ, куда увезена Елена, — никто не догадывался, что она въ Бз.

На другой день послѣ письма, заключительныя строки котораго приведены выше, Лассаль уѣхалъ въ Германію, чтобы отсюда дѣйствовать противъ Деннигеса. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, онъ телеграфировалъ графинѣ, что просить ее остановиться

на пути въ Швейцарію и ожидать его въ Карлсруэ. Въ Женевѣ онъ оставилъ Рюстову полную довѣренность дѣйствовать отъ его имени. Графиня уже нѣсколько дней ожидала его въ Карлсруэ, когда онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ. 15-го, онъ извѣщалъ Рюстова, что графиня поѣдетъ къ мистриссъ Арсонъ къ Вабернъ, чтобы прочесть письма Елены въ ней и ѣхать съ нею въ Женеву, тамъ переговорить съ матерью и найти средство передать его письмо Еленѣ. «Отчаяніемъ въ сердца» кончается это письмо къ своему уполномоченному. Отчаяніе Лассалья было такъ велико, что онъ, какъ ребенокъ, рыдалъ въ Карлсруэ, бесѣдуя съ графиней о своей неудачѣ. Всѣ средства были пущены имъ въ ходъ съ необычайной энергіей, лишь бы выдти изъ этого нестерпимаго положенія. Думая, что родители Елены, какъ католики, считают его принадлежность къ еврейскому исповѣданію главнымъ препятствіемъ къ браку ихъ дочери, онъ даже рѣшился принять католицизмъ, и просилъ графиню поѣхать къ майнцскому епископу Кеттелеру, одобрително отзывавшемуся объ его политической дѣятельности, чтобы заявить объ его желаніи переимѣнить вѣру и найти въ немъ поддержку при баварскомъ дворѣ. Самъ Лассаль долженъ былъ, между тѣмъ, ѣхать въ Мюнхенъ и дѣйствовать тамъ на министра иностранныхъ дѣлъ, какъ главнаго начальника Дёнингеса. 16-го августа, графиня уже была въ Майнцѣ и подробно писала Лассалю о своемъ свиданіи съ епископомъ Кеттелеромъ. Епископъ благосклонно отзывался о Лассалѣ и его стремленіяхъ, сожалѣя, что подъ ними нѣтъ прочнаго фундамента религіи; онъ заявилъ готовность сдѣлать все возможное, чтобы сохранить общему дѣлу необходимаго человѣка, съ такимъ успѣхомъ разоблачающаго заблужденія и неправду людей, одобрилъ намѣреніе Лассалья хлопотать въ Мюнхенѣ, осуждалъ поступки отца, старался успокоить взволнованную и плакавшую графиню, но нашелъ невозможнымъ вмѣшаться въ дѣло безъ предварительной просьбы о томъ самой дѣвушки, если она католичка и желаетъ прибѣгнуть къ покровительству церкви. «Прощайте, мое дорогое, мое доброе дитя,—заклучала свое письмо графиня.—Я чувствую себя мертвою и внутренно, и наружно. Я все еще вижу передъ собой ваше блѣдное страдальческое лицо, какъ я видѣла его въ окно вагона передъ моимъ отъѣдомъ изъ Карлсруэ».

Но эти хлопоты оказались совершенно напрасными. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Мюнхенъ, Лассаль узналъ, что Дёнингесъ и его дѣти не католики, а протестанты. Въ Мюнхенѣ онъ обратился прямо къ министру иностранныхъ дѣлъ, барону Шренку,

былъ очень хорошо принять и въ и нѣлъ съ нимъ нѣсколько свиданій. Лассаль въ то же время велъ безпрерывную телеграфную и почтовую переписку съ графиней, Рюстовъ и другими своими друзьями. 19-го августа, графиня уже была въ Бернѣ, видѣлась въ Ваберѣ съ мистрисъ Арсонъ, и нѣсколько дней спустя пріѣхала въ Женеву. Все, что она узнала тутъ отъ Рюстова, и что Рюстовъ телеграфировалъ и писалъ Лассалю въ Мюнхенъ, было крайне печально для него. И Рюстовъ, и графиня, повидимому, скоро поняли, что Елена не изъ тѣхъ натуръ, за которыя стоить преломить копья съ врагами. Въ рукахъ Рюстова уже были несомнѣнные доказательства тому, что Елена прямо отрекалась отъ Лассала, отчасти подъ вліяніемъ угрозъ и просьбъ отца, но все-таки отрекалась.

Вотъ что происходило въ Бѣ, пока Лассаль находился въ Карлсруѣ и Мюнхенѣ, а графиня ѣздила въ Майнцъ и Бернъ. Елена сидѣла однажды въ своей комнатѣ, разсѣянно читая любимый Лассалемъ романъ Бальзака: «Père Goriot», когда въ ней вошелъ Янко Раковица, только-что пріѣхавшій по вызову отца. Онъ былъ влюбленъ въ нее не премину и бросился цѣловать ея руки, ноги и волосы, умаян о пощадѣ и взаимности, обѣщая быть ея защитникомъ передъ семьей. Елена смилостивилась, и хотя жаловалась на сдѣланное ей насиліе, но подала ему нѣкоторныя надежды.

Пріѣздъ Янко и согласіе Елены сдѣлаться его женой видимо ободрили родителей. Они уже не считали болѣе нужнымъ скрываться въ Бѣ, и возвратились въ Женеву съ своей дочерью въ качествѣ невесты Янко фонъ-Раковица. Чтобы покончить исторію съ Лассалемъ, отецъ Елены самъ заявилъ желаніе видѣться съ его повѣреннымъ, и съ этой цѣлью назначилъ ему свиданіе, происходившее 18-го августа, о которомъ Рюстовъ въ тотъ же день писалъ Лассалю въ Мюнхенъ:

«Старикъ Дѣннигесъ сказалъ мнѣ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не дастъ своего согласія на бракъ дочери съ тобою. При другихъ обстоятельствахъ, онъ, быть можетъ, ограничился бы только отказомъ въ своемъ согласіи, предоставляя Еленѣ поступать, какъ она хочетъ. Но Елена уже четыре или пять мѣсяцевъ помолвлена съ г. фонъ-Раковица. Онъ, Дѣннигесъ, былъ противъ этого брака, но сама Елена непремѣнно хотѣла его. Теперь онъ призвалъ этого молодого человѣка, помолвка совершена торжественно, и онъ считаетъ долгомъ чести поддержать это нравственное обязательство, если Раковица не откажется отъ него самъ, чего онъ не сдѣлалъ.

«Я возразилъ ему, что такое же точна вѣрнѣе, что я долженъ изложить ему—твою. Елена дала тебѣ слово, и ты далъ ей свое. Ты связанъ своимъ словомъ, независимо отъ принятаго или обязательства. Ты поставленъ въ необходимость дѣйствовать пока въ томъ предположеніи, что Елена несвободна въ своихъ рѣшеніяхъ, что она уступаетъ нравственному и физическому гнету. Ты нравственно обязанъ, пока существуетъ такое предположеніе, рѣшиться на самыя крайнія мѣры, а ни въ какомъ случаѣ не можешь такъ легко отказываться отъ дѣвушки, которая ради тебѣ ушла изъ дому къ тебѣ.

«Дѣйствительно торжественно протестовалъ противъ этого: никакого насилія нѣтъ; Елена свободна; во всемъ, что говорили о дурномъ обращеніи съ нею, нѣтъ и слова правды. Онъ имѣлъ съ нею спокойное объясненіе, которое кончилось тѣмъ, что она бросилась ему на шею и выказала величайшее раскаяніе. Но онъ все-таки сказалъ Еленѣ, что нельзя разорвать отношенія съ тобой безъ всякихъ объясненій, что она должна расхлебать то, что заварива сама,—должна написать тебѣ.

«Я спросилъ, настолько ли свободна Елена, чтобы я могъ передать ей письмо отъ тебя, и можетъ ли она свободно прочесть его. Онъ отвѣчалъ утвердительно. Позвали Елену. Прежде всего она вручила мнѣ несчастное письмо къ тебѣ, которое отецъ запечаталъ туго жер, при мнѣ, не читая его. Съ твоего позволенія, я распечаталъ это письмо, чтобы узнать, прежде чѣмъ буду тебѣ телеграфировать, могу ли я дать тебѣ хоть искру надежды.

«Съ своей стороны, я передалъ Еленѣ важнѣйшее изъ твоихъ писемъ въ ней, и она читала, чтобы внимательно прочесть его. Мы остались пока одни съ отцомъ. Черезъ полчаса она возвратилась. Я всматривался, не замѣчу ли въ ней какого-нибудь волненія, какого-нибудь намёка въ ея взглядѣ. Я не замѣтилъ — ничего. Она сказала мнѣ съ тою только дѣше, въ которой выразилось самое меньшее, что она должна была ощутить при данныхъ обстоятельствахъ и подъ моими укоризненнымъ и вопрошательнымъ взглядомъ: «Скажите г-ну Лассалу, что я прочла его письмо; но все происходитъ совершенно такъ, какъ связано въ письмѣ къ нему, которое я передала вамъ». Я сказалъ ей, что готовъ исполнить всякое ея порученіе, и она вышла съ легкимъ поклономъ.

«Не сердись на меня,—я просто не знаю, что и подумать о ней. Пока я могу только стоять, разинувъ ротъ, передъ такими фактами.

«Дорогой мой, бѣдный мальчикъ, твои акціи стоятъ постыдно низко. Тебѣ ничего болѣе не остается, какъ имѣть еще разъ свиданіе съ Еленой — и тогда безпощадно поступить съ твоей «вещью», какъ съ вещью. Она произвела на меня сегодня такое впечатлѣніе, что я не посовѣстлся бы при случайнѣ поступить съ нею точно также за твой счетъ».

Рюстовъ сообщалъ въ томъ же письмѣ, что по слухамъ, Денигесъ сѣмилитъ выдать дочь за Янко въ 20-ю сентября, и съ этою цѣлью Янко покупаетъ себѣ въ Гейдельбергѣ докторскій дипломъ, такъ какъ отецъ его не соглашается на женитьбу сына безъ такого удостовѣренія его успѣховъ въ наукахъ.

Письмо къ Лассалу, которое Елена вручила Рюстову, похоже болѣе на оффиціальную бумагу, чѣмъ на частное объясненіе. Оно вполне отрицательнаго свойства и несомнѣнно продиктовано ей отцомъ, прежде чѣмъ она проила переданное ей Рюстовымъ письмо Лассала. Елена писала:

«М. Г. Г-ну Лассалу. Примирившись отъ всего сердца съ моимъ нареченнымъ женихомъ, Янко фонъ-Рамоваца, глубоко раскаявшись въ моихъ поступкахъ и вновь сниславъ его любви и прощеніе; написать объ этомъ и вашему адвокату въ Берлинѣ, г. Гольтфу, прежде чѣмъ я получала его письмо, въ которомъ онъ предостерегаетъ меня противъ васъ, объявляю вамъ добровольно и съ полнымъ убѣжденіемъ, что во всѣхъ отношеніяхъ расхожусь съ вами и буду вѣчно любить моего нареченнаго жениха и всегда останусь ему вѣрной. Елена фонъ-Денигесъ».

Если Елена любила Лассала, если она не знала о ничтожномъ, кромѣ слуха объ отъѣздѣ его изъ Женевы, то теперь въ любопытство могло быть удовлетворено исполнѣ. Письмо Лассала, переданное ей Рюстовымъ, звучало не прежнею страстью, объявляло ей и его положеніе, указывало ей, какъ поступить на будущее время. Но она даже и не прочла его. Она говоритъ въ своихъ запискахъ, что, взявъ изъ рукъ Рюстова письмо Лассала, вышла съ нимъ и не читая отдала его Янко, стоявшему за дверью той комнаты, гдѣ сидѣли Рюстовъ и отецъ. А Лассалъ въ это время напрасно бомбардировалъ своего друга денешами о содержаніи ея отвѣта, спрашивая: «какъ идутъ дѣла? Дурно? Посредственно? Безнадежно? Отвѣчай хоть намекомъ. Я лежу на раскаленномъ жалѣзѣ!» Но Рюстовъ не могъ сообщить ему ничего утѣшительнаго, и вотъ что между прочимъ писалъ ему Лассалъ 19-го августа:

..... «О, какъ ты меня мучишь!

«Если эта женщина, за которую я такъ безмѣрно страдаю, отречется отъ меня, то будетъ опозорено все, что носить имя человѣка! Возможно ли такъ разрывать сердце твердое какъ скала, сердце, которое такъ любить, такъ неизмѣнно выдерживаетъ всѣ превратности, какъ мое!

«Сегодня я опять цѣлый часъ совѣщался съ министромъ. Онъ былъ дѣйствительно возмущенъ насиліемъ, сдѣланнымъ Еленѣ и мнѣ, сказалъ, что не можетъ понять противодѣйствіе Деннигеса, что самъ онъ въ подобномъ случаѣ не ставилъ бы мнѣ препятствій, несмотря на мое политическое направленіе и пр., и мы пришли къ слѣдующему рѣшенію:

«Онъ даетъ адвѣкату Гэнле, принимающему большое участіе во мнѣ, официальное порученіе ѣхать со мной въ Женеву и уладить съ Деннигесомъ мое дѣло à l'amiable. Порученіе будетъ дано Гэнле въ формѣ письма министра къ Деннигесу, письмо, въ которомъ министръ заявитъ, что просилъ Гэнле поѣхать въ Женеву и уладить съ нимъ дѣло à l'amiable, что очень желательно во многихъ отношеніяхъ и т. д. Еслибъ полюбовное согласіе не удалось, министръ предлагаетъ Деннигесу дать мнѣ очную ставку съ Еленой передъ нотариусомъ, чтобъ она въ присутствіи нотариуса свободно заявила свою волю о томъ, желаетъ ли она быть моею женою, или нѣтъ; министръ объясняетъ далѣе, что въ случаѣ ея отрицательнаго отвѣта, такимъ образомъ будетъ по крайней мѣрѣ устранена всякая тѣнь подозрѣнія въ насиліи, неприличномъ для посланника, а я получу возможность успокоиться относительно полной свободы ея воли и не буду болѣе считать ее жертвой грубой силы.

«Ты поймешь, что если въ Еленѣ есть хоть искра правдивости, воли и вѣрности, то этимъ путемъ можно все поправить.... Мнѣ придется погибать теперь не отъ грубаго насилія, которое я уже сломилъ, если Елена скажетъ мнѣ передъ нотариусомъ «нѣтъ» вмѣсто «да» и не пойдетъ со мною, а отъ безмѣрной завѣщанности, отъ неслыханной шаткости и легкомыслія женщины, которую я люблю выше всякой дозволенной мѣры. Было бы въ самомъ дѣлѣ чудовищно, еслибъ я для того только склонилъ министра прислать сюда комиссара и призвать ее при мнѣ къ нотариусу, чтобъ она поставила меня своимъ «нѣтъ» въ страшно смѣшное положеніе. И однако, если она непремѣнно желаетъ вознестъ мнѣ княжалъ въ сердце,—je n'ai rien à dire! По крайней мѣрѣ я погибну не отъ высокоумія грубаго человѣка. Но

я ни въ какихъ обстоятельствахъ не могу считать ее такъ окончательно, такъ безгранично испорченной».

Лассаль настаивалъ въ томъ же письмѣ, чтобъ Елена была какъ-нибудь предупреждена о будущемъ официальномъ свиданіи ихъ у нотариуса, и былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, что просилъ Рюстова заранѣе приготовить все къ ихъ внезапному отъѣзду, даже паспортъ на имя Елены Дённогесъ 21½ или 22 лѣтъ отъ роду. Собираясь выѣхать изъ Мюнхена, онъ поручилъ Рюстову разомъ телеграфировать отбѣтъ Елены въ Мюнхенъ, Линдау, Ольтенъ и Бернъ,—города, черезъ которые ему предстояло пробѣжать. Въ ту же ночь Лассаль писалъ графинѣ, что «все, все, все зависить отъ исхода одного этого часа (у нотариуса), который рѣшитъ для него вопросъ о жизни и смерти». Если Елена скажетъ «нѣтъ», писалъ Лассаль, то это будетъ ужасающимъ памятникомъ того, что мужчина никогда не долженъ приковывать себя къ женщинѣ... «Я погибну тогда отъ страшнѣйшаго предательства, отъ презрѣннѣйшей измѣны, какія когда-либо наблюдало всевидящее солнце»... «Будьте здоровы» — кончилъ онъ свое письмо. «На свѣтѣ нѣтъ справедливости, если я не добьюсь этой дѣвушки. Никогда человѣкъ такъ не терзался, не томился, не сгоралъ изъ-за женщины. Уже одна физическая работа—я исписалъ сегодня до 60 страницъ почтовой бумаги — исписалъ въ смертельной тревогѣ—уже одна эта работа до крайности изнурительна, не говоря о страшной пыткѣ, которую я выношу».

20-го августа, когда графиня Гацфельдъ пріѣхала въ Женеву, семейство Дённогесъ было уже тамъ, письмо Елены къ Лассалю было уже вручено Рюстову, но все еще не совсѣмъ успокоенный Дённогесъ самъ передалъ дочери письмо графини, предварительно взявъ съ нея слово отвѣчать графинѣ не иначе, какъ черезъ его посредство. Графиня, хорошо зная, что ея записка должна пройти черезъ руки отца, сухо извѣщала Елену о своемъ пріѣздѣ въ Женеву въ интересахъ Лассалья и приглашала ее къ себѣ для окончательныхъ переговоровъ по дѣлу, одинаково важному и для нея, и для Лассалья. Елена говоритъ, что увидѣла въ этой сухой запискѣ оскорбительный отвѣтъ на свое горячее письмо къ графинѣ изъ Ваберна отъ 1-го августа; но любезный отвѣтъ графини на тогдашнее ея письмо нашелся въ бумагахъ Лассалья и появился въ печати; онъ могъ не дойти до Елены, сношенія которой съ Лассалемъ были прерваны 4-го. Вмѣсто всякаго отвѣта, она вручила посланному графини ключокъ бумаги, на которомъ написано: «Lettre reçue, Hélène de Dönniges».

— Ты правъ, — сказала она при этомъ отцу. — Графиня Гацфельдъ, должно быть, ужасная женщина!

Но ужасна была совсѣмъ не графиня, а эта новая и глупая ошибка Елены. Она не только не воспользовалась возможностью заводить черезъ графиню сношенія съ Лассалемъ, но даже внутренно возмущалась противъ него за то, что онъ называлъ графиню своей второй матерью и поручалъ ей свои сердечныя дѣла. Отецъ былъ очень доволенъ этимъ впечатлѣніемъ — и продиктовалъ Еленѣ нѣсколько строкъ въ графинѣ, въ которыхъ она объявила, что отношенія съ Лассалемъ совершенно покончены, и отклоняла всякое посредничество въ этомъ дѣлѣ.

Лассаль между тѣмъ рвался уѣхать изъ Мюнхена въ Женеву, не слушая ни Рюстова, ни графини, которые, въ своихъ отвѣтахъ на безчисленные его депеши, старались задержать его пока въ Мюнхенѣ. Слѣдующая депеша, подписанная ими обоими, въ которой, какъ и во всѣхъ телеграммахъ Лассала и его друзей, Елена переименована въ Генри, Лассаль — въ Юліана, вполне характеризуетъ ихъ положеніе въ этомъ дѣлѣ и полученныя ими свѣдѣнія:

«Женева, 22 августа 1864. Фердинанду Лассалу. Мюнхенъ, гостинница Оберталлентера. Заблуждаетесь на счетъ обстоятельствъ. Генри хуже и безстыднѣе, чѣмъ можно себя вообразить. По собственной волѣ дерзко отказался дать Софіи (графинѣ) какой-нибудь отвѣтъ; вообще о насиліи теперь нѣтъ и рѣчи. Приглашеніе въ нотариусу съ цѣлью устранить предполагаемый гнѣтъ можете только повести къ рѣшительному «нѣтъ» со стороны Генри. Отецъ еще чванится своимъ служебнымъ положеніемъ, давая Генри предлогъ пожертвовать собою этому положенію; надо устранить этотъ предлогъ. Напугать отца — теперь главное дѣло. Всего важнѣе, чтобы начальникъ отца написалъ ему письмо такого содержанія: полученный начальникомъ доносъ на отца рождаетъ его въ служебномъ отношеніи, письменныя доказательства на лицо, правота Юліана очевидна, поведение Генри невѣроятно; въ социальную, уже произошло многое, едва-ли совмѣстимое съ публичною должностію, занимаемой отцомъ; отецъ долженъ покончить дѣло въ полномъ удовольствіи Юліана, и тѣмъ избѣжать скандала, падающаго на него самого и на Генри. Предстоящій прїѣздъ Гёнге въ высшей степени полезенъ и необходимъ. Подписано: Софія Виммельс».

Но Лассаль уже спѣшилъ въ Женеву съ Гёнге, пораженный тѣмъ отвѣтомъ Елены, который прислалъ ему Рюстовъ. Получивъ этотъ отвѣтъ, онъ подробно писалъ Рюстову, 21-го августа,

передъ отъѣздомъ изъ Мюнхена, и въ этомъ письмѣ упоминалъ о какомъ-то замыслѣ, оставшемся тайной для публики. «Я одобряю все, что только вѣрно ведетъ въ цѣли, — писалъ онъ. — Одобряю похищеніе хитростью и силой. Всякое средство, если только оно вѣрное, для меня не только пригодно, но и совершенно безразлично. Полагайся, поэтому, только на крупныя средства. Но они, разумѣется, должны быть исполнѣ вѣрны, не должны только портить то, чего я добился здѣсь, въ Мюнхенѣ». Утопающій хватается за соломенку, и Лассаль въ этомъ же письмѣ еще утѣшаетъ себя надеждой, что отвѣтъ Елены еще не доказывается ея измѣны, что онъ наполовину объясняется ея безнадѣжнымъ положеніемъ.

VIII.

Но вотъ онъ самъ въ Женевѣ, и притомъ съ повѣреннымъ баварскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Между ними условлено, что Гёгле сначала попытается мирно уладить дѣло, а Лассаль попроситъ съ этою цѣлью свиданія и разговора съ Деннигесомъ. Только въ томъ случаѣ, если эта попытка будетъ безуспѣшна, рѣшено было воспользоваться письмомъ министра и потребовать отъ Деннигеса, чтобы дочь его заявила у нотаріуса, желаетъ ли она выйти за Лассала, или нѣтъ. 25-го августа, Гёгле передалъ Деннигесу письмо Лассала, который просилъ свиданія съ нимъ, соглашаясь на присутствіе его жены при этомъ свиданіи, но отклоняя заранѣе всякихъ другихъ свидѣтелей. На этотъ разъ—это была уже третья просьба Лассала о томъ — просимое свиданіе состоялось. Оно не имѣло успѣха. Несмотря на предупрежденіе Лассала въ началѣ разговора, что почти безответственное положеніе отца Елены требуетъ отъ него крайней умѣренности выраженій, Деннигесъ безаастѣнчиво отвергалъ приписываемое ему насильственное вліяніе на выборъ Елены, отрицалъ всякій гнетъ съ своей стороны, принималъ въ комнату свою прислугу, въ качествѣ свидѣтелей, называлъ Лассала лжецомъ, и даже письменно заявилъ объ этомъ Гёгле, прибавляя, что онъ будто бы уличилъ Лассала во лжи, что Лассаль требовалъ удаленія Янко и безпрепятственныхъ свиданій съ Еленой, какъ единственнаго средства одѣлать ея рѣшеніе исполнѣ свободнымъ. Вслѣдствіе этого письма, обвинявшаго Лассала во лжи и искажавшаго ихъ разговоръ, у адвоката Амберни на другой же день были составлены два акта, удостовѣ-

равніе дурное обращеніе отца съ дочерью и даже тѣлесное истязаніе. Одинъ изъ нихъ подписанъ свидѣтелемъ, полковникомъ Беккеромъ, другой—Лассалемъ. Въ этомъ послѣднемъ актѣ Лассаль, сдѣлавъ оговорку относительно возможныхъ послѣдствій обращеннаго къ нему Деннигесомъ обвиненія во лжи, формально ставилъ требованіе, чтобы г. Деннигесъ или позволилъ ему свободно видаться съ дочерью у себя въ домѣ, въ теченіи двухъ недѣль, или далъ дочери возможность заявить свою волю передъ нотариусомъ послѣ предварительнаго двухчасового разговора съ нимъ, Лассалемъ, въ сосѣдней комнатѣ нотариуса, наединѣ или въ присутствіи посвященнаго въ дѣло полковника Рюстова. Послѣднее тѣмъ болѣе необходимо, — прибавляетъ Лассаль, что «вчерашня словесныя заявленія г. фонъ-Деннигеса еще усилили противъ прежняго мое убѣжденіе въ томъ состояніи неволи, въ какомъ находится дочь его подъ вліяніемъ совершеннаго надъ нею физическаго и еще продолжающагося нравственнаго насилія, и г. Деннигесъ, на весьма опредѣленно поставленный мною вопросъ: утверждаетъ ли онъ, что Елена, по собственной волѣ и помимо его запрещенія беретъ назадъ данное мнѣ слово, — принужденъ былъ отозваться, что не можетъ дать подобнаго увѣренія». «Нотариальное заявленіе Елены, — прибавляетъ Лассаль въ своемъ актѣ, — должно состояться въ присутствіи одного изъ членовъ или друзей семьи, избраннаго самими родителями Елены, но въ отсутствіе послѣднихъ, такъ какъ все случившееся прежде достаточно доказываетъ, что ихъ присутствіе совершенно упрядняетъ свободную волю дочери».

Но Деннигесъ и Елена сумѣли парализовать и это требованіе Лассала. Въ тотъ же самый день, 26-го августа, когда Ганле передалъ Деннигесу желаніе министра и требованіе Лассала, отецъ заявилъ согласіе исполнить и то, и другое, если сама Елена не воспротивится этому. А Елена была уже подготовлена къ отрицательному отвѣту, и вотъ отчетъ Ганле и Рюстова объ ихъ свиданіи съ нею:

«Она показалась намъ душевно вполне свободной и нисколько не смущенной, и скорѣе обнаружила холодную насмѣшку и условную веселость, тѣмъ хотя бы какою-нибудь слѣдъ протекшей прежде или еще продолжающейся душевной борьбы. Полковникъ Рюстовъ спокойно и рѣшительно объяснилъ ей, почему Лассаль настаиваетъ на двухчасовомъ (по бѣльшей мѣрѣ) разговорѣ съ нею наединѣ или при свидѣтелѣ, присутствіе котораго требуется пріличіемъ, но который не стѣснялъ бы ихъ

свободы. Она отклонила это требованіе, возразивъ на нѣкоторые отдѣльные представленія:

«— Къ чему это? Я знаю, чего онъ хочетъ. Мнѣ надоѣла вся эта исторія.

«Когда напомнили о данныхъ ею клятвахъ, она возразила съ насмѣшкой:

«— Клятва?! Я не даю клятвъ!

«На замѣчаніе, что эти отвѣты рѣзко противорѣчаютъ совершенно исключительнымъ ея поступкамъ, напр., тому, что происходило въ пансіонѣ Леовѣ, она отвѣчала съ легкостью:

«— Да, это правда; но это случилось лишь въ первую минуту.

«Рюстовъ, наконецъ, поставилъ ей на видъ, что, судя по одному изъ ея заявленій, она какъ-будто боится возврата къ прежнему настроенію послѣ личной бесѣды съ Лассалемъ. Но она отрицала это опасеніе и отзывалась, что личная бесѣда «совершенно бесполезна». И когда Гэнле замѣтилъ, что нѣтъ надобности длить бесѣду два часа, что Лассаль самъ прерветъ ее гораздо раньше, если Елена отвѣтитъ и ему точно такъ же, — она сказала, смѣясь:

«— Лассаль любитъ говорить много и долго, ему и двухъ часовъ, пожалуй, будетъ мало!

«На слова полковника Рюстова, что по ея собственному признанію, она глубоко неправа передъ Лассалемъ, что она поэтому обязана дать ему удовлетвореніе, Елена возразила съ улыбкой:

«— Удовлетвореніе его тщеславію?

«— Нѣтъ, я говорю объ его нравственномъ чувствѣ, — поправилъ ее Рюстовъ.

«Гэнле убѣждалъ Елену, что она должна согласиться на личную бесѣду съ Лассалемъ, даже жевать этой бесѣды, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она поступила съ нимъ несправедливо — и это она тотчасъ признала; во-вторыхъ, эта бесѣда можетъ уменьшить, для нея самой и для ея семьи, тѣ непріятныя послѣдствія, которыми угрожаетъ имъ настойчивость Лассала. Елена отвѣчала, что не отвергаетъ вѣрности этого соображенія, что желаетъ еще подумать, и обѣщала письменно сообщить Гэнле свое рѣшеніе. Подписано: *В. Рюстовъ. Д-ръ Гэнле*».

Извѣстіе объ этомъ разговорѣ Гэнле и Рюстова съ Еленой привело Лассала въ состояніе, близкое къ безумію. Прежнюю страсть къ Еленѣ смѣнило теперь негодованіе на эту недостойную дѣвушку и ея семью. Когда прошелъ первый порывъ огорченія

и гнѣва, онъ поспѣшилъ телеграфировать друзьямъ, хлопотавшимъ въ его пользу, чтобъ они прекратили всѣ свои старанія. Одна изъ его депешъ была адресована Рихарду Вагнеру, въ Штаренбергъ, близъ Мюнхена: «Я отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ вслѣдствіе безусловной безнравственности лица. Благодарю за добрыя намѣренія. Не предпринимайте ничего болѣе. Лассаль». Съ своей стороны Гёгле, стигнувъ данное ему порученіе исполненнымъ, тотчасъ уѣхалъ изъ Женевы, уведомивъ Дёнингеса письмомъ, что было бы излишне ожидать еще и письменнаго сообщенія его дочери. О Еленѣ говорили въ это время, что она омарована своимъ Янко и блаженствуетъ въ его объятіяхъ на лугу отцовскаго сада.

Глубоко разочарованный и оскорбленный, съ разбитыми безвозвратно надеждами, Лассаль не могъ не обрушить всей тяжести своего негодованія на людей, которые разбили эти надежды и поставили его въ это ужасное положеніе. Въ тотъ же день, когда происходилъ разговоръ Рюстова и Гёгле съ Еленой, онъ послалъ секундантовъ и прямой вызовъ отцу ея и косвенный вызовъ Янко. Отцу онъ писалъ, что отказывающаяся имѣть дѣло съ такой «безстыдной дѣвой», какъ его дочь, что не кочетъ бесчестить себя подобнымъ бракомъ, и требуетъ удовлетворенія за всѣ нанесенныя ему оскорбленія. Въ письмѣ къ Янко Лассаль предоставлялъ своему сопернику безпрепятственно продолжать ту особенную роль, какая была отведена ему въ этомъ дѣлѣ. На другой день, написавъ свое завѣщаніе, онъ ждалъ отвѣта на отправленныя напередъ письма. Утромъ пришли къ нему графъ Кейзерлингъ и д-ръ Арндтъ, но не съ отвѣтомъ Дёнингеса, а съ вызовомъ Янко. Рюстовъ совѣтовалъ Лассалю не принимать этого вызова, пока не кончено дѣло съ отцомъ, который и тутъ пользовался Янко, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Но Лассаль рѣшительно отказался медлить и выжидать, и требовалъ немедленнаго свиданія своихъ секундантовъ, Рюстова и венгерскаго генерала Бетлена, съ секундантами Янко. Эти послѣдніе не замедлили сообщить, что Дёнингесъ поспѣшно уѣхалъ въ Бернъ, предоставивъ своему будущему зятю защищать честь семьи. Попытки секундантовъ уладить дѣло миромъ, состоявшіяся 27-го августа, не имѣли, да и не могли имѣть успѣха. Дуэль была назначена на 28-ое, въ 7½ часовъ утра, близъ Корружа, предмѣстья Женевы. Наванунѣ, Рюстовъ убѣждалъ Лассалья заняться стрѣльбой и указывалъ ему мѣсто, гдѣ это возможно. «Пустяки!» — отвѣчалъ на это ему Лассаль, а Янко, между тѣмъ, прилежно упражнялся и сдѣлалъ въ этотъ день

полтора ста пробныхъ выстрѣловъ въ одномъ стрѣлковомъ заведеніи.

Въ назначенный день, Рюстовъ разбудилъ своего тихо спавшаго друга, въ пять часовъ утра. Лассаль вручилъ ему свое завѣщаніе, для передачи графинѣ Ганцфельдъ, въ случаѣ несчастнаго исхода дуэли. Въ концѣ седьмого часа, они уже были въ Корружѣ. Дордгой, Лассаль нѣсколько разъ повторилъ Рюстову свою просьбу, чтобы дуэль происходила на французской землѣ: постѣ дуэли, онъ непременно хотѣлъ остаться въ Жемевѣ и повончять съ «старымъ трусомъ». Онъ былъ увѣренъ въ счастливомъ для него исходѣ поединка, и не обнаруживалъ ни малѣйшаго волненія.

«Противники прибыли въ 7^{1/2} часовъ,—рассказываетъ Рюстовъ въ своей запискѣ объ этой дуэли.—Съ ними былъ д-ръ Зейлеръ, знавшій удобное мѣсто для поединка. Они поѣхали впереди, мы послѣдовали за ними.

«На меня палъ жребій зарядить пистолеты для перваго выстрѣла и командовать.

«Пока я заряжалъ, стороны были поставлены на условленное и отмѣренное разстояніе. Мнѣ совѣтовали командовать громко и внятно, но эти совѣты были излишни. На каждый выстрѣлъ дано было двадцать секундъ, притомъ заряжавшій секунданта долженъ былъ командовать сначала *разъ*, черезъ десять секундъ *два*, черезъ двадцать—*три*.

«Я командовалъ *разъ*. Пять секундъ спустя уже раздался первый выстрѣлъ, и притомъ со стороны г. Равовица. Меньше чѣмъ черезъ секунду раздался выстрѣлъ Лассали.

«Онъ далъ промахъ, онъ самъ уже былъ смертельно раненъ. Удивительно, что онъ еще могъ выстрѣлить.

«Сдѣлавъ выстрѣлъ, онъ произвольно подался на два шага назадъ. Только теперь услышалъ я—мнѣ надо было смотрѣть на часы—что кто-то спросилъ: «Вы ранены?»—«Да», отвѣчалъ Лассаль.

«Мы тотчасъ отвели его и положили на одѣяло, и тутъ же была наложена первая перевязка.

«Пока противная сторона уѣзжала, я и д-ръ Зейлеръ повели Лассали къ экипажу и помогли ему сѣсть. Мы оба ѣхали съ нимъ и по возможности его поддерживали.

«Я велѣлъ извозчику ѣхать немощеной дорогою. Намъ пришлось проѣхать по камню всего двѣсти шаговъ.

«Лассаль былъ очень тихъ дорогою; только при проѣздѣ по

каменной мостовой, онъ жаловался на сильную боль отъ раны и спрашивалъ, скоро ли мы будемъ дома.

«Что рана его опасна—это я зналъ по опыту. Но только около полудня, когда я пошелъ, по его настоянію, къ нотариусу, я узналъ отъ сопровождавшаго меня д-ра Зейлера, что рана смертельна. Когда пришелъ нотариусъ, я не пустилъ его къ раненому, находя, что онъ не въ состояніи принять кого-нибудь».

«На другой день мнѣ пришлось однако же отправиться, по просьбѣ Лассалья, къ адвокату Амберни, съ которымъ онъ хотѣлъ посоветоваться о переданномъ мнѣ завѣщаніи. Амберни нашелъ, что завѣщаніе въ порядкѣ, и Лассаль тутъ же еще разъ запечаталъ его и написалъ на немъ новый адресъ».

Лассаль былъ раненъ въ нижнюю часть живота, куда пуля попала съ лѣвой стороны и вылетѣла съ правой. Раненный до своей смерти говорилъ очень мало. Разъ онъ вскричалъ отъ боли и яростно потребовалъ воды. Чтобы смягчить его страданія, ему давали такъ много опиума, что онъ не могъ придти въ себя. Женевскіе врачи признали его состояніе безнадежнымъ, и призванные по телеграфу изъ Гейдельберга и Цюриха Хеліусъ и Бильротъ подтвердили это мнѣніе.

На третій день послѣ дуэли, 31-го августа, въ семь часовъ утра, его уже не стало. Ему еще не исполнилось и сорока лѣтъ.

Въ Женевѣ тотчасъ составилъ международный комитетъ, чтобы торжественно похоронить Лассалья. Погребеніе происходило 2-го сентября, въ женевскомъ Temple unique; болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ собралось на эту печальную церемонію. По желанію графини Гацфельдъ, трупъ Лассалья былъ набальзамированъ и отвезенъ въ Германію, гдѣ она хотѣла выставить его вездѣ, гдѣ Лассаль имѣлъ наиболѣе приверженцевъ. Но прусское правительство и друзья Лассалья совѣтовали везти трупъ прямо въ Бреславль. Тамъ, въ семейномъ склепѣ еврейскаго кладбища, 14-го сентября, былъ погребенъ Лассаль, одинъ изъ немногихъ евреевъ, отказавшихся отъ своей религіи и національной исключительности и усвоившихъ себѣ, вмѣстѣ съ духомъ времени, общеевропейскія стремленія и задачи. Въ концѣ декабря на этой могилѣ поставили простой памятникъ съ надписью: «Здѣсь покойся то, что было смертнаго въ мыслителѣ и борцѣ Лассаль».

А Елена? О томъ, что было съ нею въ эти послѣдніе дни, мы знаемъ только изъ однихъ ея записокъ. Въ своихъ «Отношеніяхъ къ Фердинанду Лассалю», она хочетъ увѣрить читателя, что надежда принадлежать ему никогда ее не покидала, что

еслибъ она хоть минуту осталась съ Генле одна, безъ неприятнаго ей Рюстова и безъ отца, который стоялъ прямо противъ нея и не спускалъ съ нея испытующаго взгляда, — дѣло приняло бы совсѣмъ иной оборотъ. Рѣзко отвѣчая Рюстову, котораго отецъ выдавалъ ей за человека безпристрастнаго, понимающаго невозможность брака между нею и Лассалемъ, она будто бы дала понять свое тяжелое положеніе Генле, и вполне расположила его въ свою пользу. Но онъ, какъ мы уже знаемъ, такъ мало ожидалъ отъ нея, что махнулъ рукой и уѣхалъ въ Мюнхенъ, не считая нужнымъ дожидаться ея письменнаго отвѣта.

Вечеромъ, въ домѣ Дѣннигеса поднялась тревога. Получивъ вызовъ Лассала, отецъ заперся въ своихъ комнатахъ съ близкими людьми, между прочимъ и съ Янко, который на минуту зашелъ въ комнату Елены, чтобы сказать ей:

— Не бойся: все уладится. Отецъ ѣдетъ сегодня въ Бернъ.

Прошли ночь и слѣдующій день. Вечеромъ Янко опять зашелъ къ Еленѣ, чтобы проститься съ нею.

— Ты уѣзжаешь?

— Можетъ быть...

— Чтѣ это значить? Пожалуйста, не мучь меня неувѣстностью: я страшно нервна, я такъ истощена, что не въ силахъ больше выносить загадокъ.

И Янко передалъ ей, что отецъ показалъ ему вызовъ, жалобно объясняя свое положеніе: ни лѣтъ, ни семья не позволяютъ ему драться, а между тѣмъ, какъ оставить такое пятно на чести семейства? Мать высказалась въ томъ же смыслѣ, но гораздо яснѣе. Ему, Янко, приходится стрѣляться за отца. Конечно, онъ никогда не бралъ оружія въ руки, а Лассаль отличный стрѣлокъ; но онъ упражнялся сегодня часа два сряду. Елена признается, что была довольна вѣстью о дуэли. Гибель Янко казалась ей несомнѣнной; Лассаль убьетъ его непремѣнно, и тогда въ домѣ поднимется гвалтъ, подъ шумъ котораго она опять уйдетъ въ Лассаль! Въ ночь передъ дуэлью, пока Янко писалъ письма роднымъ, она занялась приготовлениями къ задуманному бѣгству, жгла сохранившіяся письма, положила въ дорожный мѣшокъ немного бѣлья и украшеній, и утромъ надѣла два платья одно на другое, чтобы быть совершенно готовою и снаряженною на нѣсколько дней. Приготовившись бѣжать, она простилась съ Янко «не безъ нѣкотораго состраданія», прибавляетъ она въ своей исповѣди.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, Елена нетерпѣливо ждала развязки. «Если карета, въ которой привезутъ несчастнаго Янко,

подѣдетъ очень тихо—соображала она—то, значить, Янео тяжело раненъ; если же карета остановится, не подѣвжая къ дому, и изъ нея выйдетъ кто-нибудь другой, чтобы «подготовить» семью къ печальному событію, то, значить, онъ убитъ. Въ обоихъ случаяхъ, я должна воспользоваться первой минутой замѣшательства!»

Такъ прошли часы. Елена нагнулась надъ каминномъ, чтобы сжечь послѣднюю пачку писемъ, когда къ дому быстро подѣжала карета. Мысль, что въ ней могъ сидѣть уцѣлѣвшій Янео, даже не пришла въ голову Еленѣ. Къ отцу ея такъ часто ѣздили поутру! Но вдругъ кто-то рванулъ дверь ея комнаты, и вошелъ Янео. «Дуэль, стало быть, не состоялась—и все остается по старому», быстро соображала она въ эту минуту. Янео подошелъ, взялъ ее за руки и, цѣлуя ихъ, сказалъ:

— Рада ли ты, что я живъ?

— Да, конечно...

— А что ты сдѣлаешь, если я скажу тебѣ, что Лассаль раненъ?

Она захохотала.

— Я бы этому не повѣрила!

— И однако это такъ, я ранилъ его, вовсе не желая, и, надѣюсь, ранилъ легко.

— Ты? Ты его ранилъ?—Ну, разумѣется, рана должна быть очень легкая,—сказала Елена съ усмѣшкой.—Поди, оставь меня одну,—прибавила она съ неудовольствіемъ.

На третій день послѣ дуэли, Янео вошелъ къ ней утромъ, блѣдный, и пригласилъ ее въ садъ.

— Я имѣю сказать тебѣ нѣчто прискорбное — только не здѣсь.

Въ саду онъ молча подвелъ ее къ скамейкѣ.

— Что такое?—спросила она.

— Лассаль умеръ!

Она оттолкнула Янео, проговоривъ:

— Уйди! Уйди! Теперь я и тебя ненавижу!

Но эта «ненависть» прошла очень скоро.

Полгода спустя, Елена уже была женою этого самаго Янео, отъ руки котораго палъ ея «царственный орелъ» и которому она, въ тотъ критическій день, такъ сильно желала тяжелой или смертельной раны.

Вскорѣ умеръ и Янео.—Что случилось съ ней потомъ, мы не знаемъ, да и едвали это можетъ интересовать кого-нибудь. Сама по себѣ, какъ лицо, какъ характеръ, Елена представляетъ явленіе ничтожное и жалкое. Отъ природы одаренная только красотой,

нравственно испорченная воспитаніемъ, безъ воли и самой скромной доли чувства собственнаго достоинства, она замѣчательна развѣ только, какъ рѣдкій примѣръ дѣвушки, имѣвшей безсердечіе отдаться убійцѣ того, кого она будто бы страстно любила, и найти себѣ успокоеніе и пристань въ его супружескихъ объятіяхъ. Она интересна только по отношенію къ Лассалю, а этотъ интересъ вполнѣ истощивается его трагической смертью. Ничтожество не помышало, оно непремѣнно помогло ей пережить и Лассалья, и Янко, и многихъ участниковъ рассказанной нами драмы, и рисоваться теперь передъ свѣтомъ жертвой возвышенной и глубокой любви и чужого непониманія и насмѣху. Эта легкая, холодная натура никогда и никого не любила.

Лассаль былъ для нея интересной новинкой, кратковременнымъ героемъ ея романическихъ похощеній, ея личной забавы и кокетства. Она не понимала, она не могла понять его. Это былъ человѣкъ другого міра, совершенно ей чуждаго, къ которому она не примыкала ни одною стороною своей природы и своего прошлаго. Лассаль заплатилъ жизнію за свое увлеченіе такою жалкой натурой, за страстную любовь безъ малѣйшихъ признаковъ уваженія къ предмету своей страсти, за глубоко ошибочное отношеніе къ женщинѣ, какъ къ вещи. Эти безличныя существа въ женскомъ образѣ, безъ воли, безъ нравственной подкладки, съ неизменнымъ умственнымъ уровнемъ, всегда обоюдоостры. Онѣ легко подчиняются вліянію и волѣ сильнаго характера; но онѣ такъ же легко поддаются всякимъ другимъ сильнымъ вліяніямъ, хотя бы эти вліянія были чисто-внѣшняго свойства. Коренная ошибка въ жизни каждаго изъ насъ всегда разрѣшается крупными послѣдствіями, и тѣмъ цѣльнѣе и характернѣе человѣкъ, тѣмъ быстрѣе и печальнѣе разрѣшается романъ его жизни. Блестящій, даровитый, настойчивый и страшно самонадѣянный, Лассаль не зналъ уступокъ обстоятельствамъ; онъ хотѣлъ взять съ бою то, что не давалось въ руки обыкновенными путями, и, какъ цѣльный человѣкъ, честно, но безплодно, палъ въ этомъ бою.

В. К.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПОЗНАНСКАГО УЧИТЕЛЯ

РАЗСКАЗЪ ЛИТВОСА.

Въ послѣдней книжкѣ, за прошедшій годъ, варшавскаго журнала «Нива» ¹⁾ появилась статья одного изъ молодыхъ талантовъ, успѣвшихъ обратить на себя вниманіе въ новѣйшей польской литературѣ, подъ псевдонимомъ Литвоса. Настоящій его этюдъ, избранный нами для ознакомленія нашего общества съ новымъ движеніемъ въ польской литературѣ, представляетъ хотя небольшой, но весьма талантливый опытъ тонкаго психическаго анализа; задача усложнена выборомъ темы: душевная жизнь юноши, почти ребенка, съ ея начинающимися радостями и печалями, съ ея внутренней борьбой, хотя и дѣтской, но столь сильной, что она могла ему стоить жизни. Отсутствие у автора всякой предвзятой тенденціи, на которую иногда, какъ на веретено, наматывается безконечная нить подобранныхъ фактовъ, увеличиваетъ достоинство этого небольшого этюда и служитъ вѣрнымъ признакомъ самостоятельности таланта, почерпающаго силу въ живости образовъ и тонкости непосредственнаго наблюденія. При взаимной отчужденности нашей и польской литературъ, мы желали бы время отъ времени знакомить нашу публику съ такими явленіями послѣдней, которыя характеризуютъ новое движеніе въ польской изящной литературѣ, въ сторону отъ роман-

¹⁾ Двухнедельный журналъ критики и литературы „Niwa“, издаваемый въ Варшавѣ, подъ псевдуромъ, девятый годъ. См. выпускъ 1-го декабря 1879 г., стр. 818 и слѣд.

тивизма, и переносить его на болѣе реальную почву — наблюденія и изученія окружающаго міра, гдѣ фантазія является только необходимою пособницею творчества, но не исключительнымъ и даровымъ его источникомъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Пруссіи, а именно — въ Познани.

I.

... Свѣтъ лампы, хотя и чрезвычайно слабый, часто будилъ меня, и не разъ случалось, что, проснувшись въ два или три часа ночи, я видѣлъ Мишу все еще сидящимъ за книгою у стола. Маленькая худощавая фигурка мальчика, одѣтаго только въ одно бѣлье, нагнувшаяся надъ разложенными на столѣ книгами, казалась какинъ-то страннымъ привражомъ. Среди ночной тишины, измученный голосъ мальчика механически повторялъ латинскія спряженія или греческія склоненія съ такимъ однообразіемъ, съ какимъ въ церкви повторяютъ слова молитвы. Когда я ему приказывалъ ложиться спать, мальчикъ испуганными глазами смотрѣлъ на меня и, послѣ минутнаго молчанія, возражалъ: — Я еще не знаю уроковъ.

А я вѣдь съ нимъ работалъ съ четырехъ до восьми часовъ, а потомъ съ девяти до полуночи, да и не ложился никогда, не убѣдившись, что Миша все приготовилъ и все знаетъ, какъ слѣдуетъ; по правдѣ сказать, всего этого было слишкомъ много. Окончивъ изученіе послѣдняго урока, затвердивъ всѣ слова и даже запятые, мальчикъ забывалъ первый, часъ тому назадъ выученный урокъ, а греческія, латинскія и нѣмецкія спряженія и нѣмецкія названія разныхъ округовъ въ бѣдной головѣ Миши создавали такой хаосъ, что онъ, бѣдняжка, напрасно старался заснуть. Тогда-то слѣзалъ онъ съ кровати, зажигалъ лампу и снова принимался за книгу. Когда я на него сердился за этотъ избытокъ прилежанія, онъ плакалъ и просилъ не гнать его спать. Со временемъ я самъ привыкъ къ этому слабому свѣту лампы, къ латинскимъ спряженіямъ и нѣмецкимъ названіямъ округовъ, раздававшимся среди ночи; когда Миша не работалъ ночью — я просыпался. Конечно, мнѣ слѣдовало запретить ему это долбленіе въ два, три часа ночи, чтобы ребенокъ не выбился изъ силъ, — но чтѣ же мнѣ было дѣлать? Долженъ же онъ былъ каждый день хоть кое-какъ выучить уроки; въ противномъ случаѣ, его бы исключили изъ училища, а Богу одному извѣстно, какъ это огорчило бы Марію Ѳеодоровну, которая послѣ смерти мужа

осталась одна, съ двумя дѣтьми на рукахъ, и всѣ свои надежды и упованія возложила на одного Мишу. Безысходное было мое положеніе, такъ какъ, съ другой стороны, я сознавалъ вполнѣ, что чрезмѣрные умственные занятія разрушаютъ здоровье мальчика и могутъ его погубить. Необходимо было восстанавливать его силы, потраченные на греческій и латинскій языки, ему слѣдовало заниматься гимнастикою, верховою ѣздою,—но на все это не было времени. Ребенку назначали такіа громадныя количества печатныхъ строкъ и страницъ для выучиванія наизусть, столько приходилось ему писать и переписывать, что, положа руку на сердце, я повторяю: времени не хватало. Каждую, рѣшительно каждую минуту жизни мальчика, необходимую для развлечения, здоровья и жизни Миши отнималъ греческій языкъ, латынь и нѣмецкій. По утрамъ, когда я клалъ ему въ ранецъ книги и когда я видѣлъ, какъ худенькія его плечи сгибались подъ бременемъ византійскихъ томовъ—сердце у меня въ груди такъ и сжималось отъ боли. Иногда я рѣшался просить учителей, чтобы они снисходительнѣе и внимательнѣе относились къ слабому ребенку, но нѣмецкіе педагоги не вняли моимъ мольбамъ, и на всѣ мои доводы и просьбы отвѣчали, что я балую ребенка, что онъ, какъ видно, мало занимается, что у него худой выговоръ и... что онъ плачетъ при малѣйшемъ случаѣ. Я самъ страдаю грудью, а притомъ съ колебелю веду отшельническую жизнь—при такихъ условіяхъ хоть кто сдѣлается нервнымъ и раздражительнымъ, а потому упреки господъ учителей отравили не одну минуту моей жизни. Кто же зналъ лучше меня, довольно ли Миша занимается? Это былъ ребенокъ, одаренный отъ природы не Богъ знаетъ какими способностями, но до того терпѣливое созданіе, съ такимъ твердымъ характеромъ, каковаго мнѣ ни у одного другого ребенка не случалось встрѣчать. Бѣдный Миша обожалъ свою мать, а такъ какъ ему сказали, что Марія Федоровна—несчастная и притомъ больная женщина, и что если онъ будетъ плохо учиться, можетъ этимъ окончательно разрушить ея здоровье, то мальчикъ дрожалъ при одной мысли о прискорбныхъ послѣдствіяхъ его лѣни и цѣлыя ночи проводилъ за книгою, лишь бы не огорчить матери. Онъ рыдалъ, когда получалъ дурной баллъ, но никто не догадывался, чего онъ плачетъ и какимъ грѣшникомъ онъ считаетъ себя въ эти минуты. Да и кому было какое дѣло до него! У него было худое произношеніе—и довольно! Я его не портилъ, не баловалъ, но только способенъ былъ понимать его больше, чѣмъ другіе, а за то, что я не бранилъ его за неудачи, но старался утѣшать въ горѣ, а себя не

корю. Я самъ работалъ въ жизни не мало, испыталъ голодъ и нужду, никогда не былъ счастливъ и не жду счастья,—да, впрочемъ, чортъ возьми, теперь ужъ я вѣдь приобрѣлъ способность безъ зубоинаго скрежета думать объ этомъ. Правда, что мнѣ не вѣрится, чтобы стоило жить въ Божьемъ мѣрѣ, но, можетъ быть, потому именно я и сочувствую всякому горю. Будучи въ возрастѣ Миши, я былъ, по крайней мѣрѣ, здоровъ, знавалъ и удовольствія, гоняясь по улицамъ за голубями или играя съ товарищами передъ ратушею. Кашель меня не мучилъ; когда меня сбѣли, я плакалъ, но въ общемъ былъ свободенъ, какъ птица, и ни о чемъ не заботился. У Миши же и этого не было. Жизнь обратила его въ наковальню, и для него стала тяжкимъ молотомъ; только-бы и было у него радости, что нахототаться отъ души, натворить вдоволь проказъ и набѣгаться на свѣжемъ воздухѣ, согрѣтомъ лучами солнца. Но, въ крайнему горю, такого соединенія труда съ потребностями дѣтскаго организма я еще не видѣлъ, — наоборотъ, я видѣлъ дитя, идущее въ школу и возвращающееся оттуда пасмурнымъ, сгорбленнымъ отъ тяжести книгъ, изнуреннымъ, съ морщинами у глазъ, постоянно сдерживающимъ рыданья... Я скорбѣлъ его скорбью, хотѣлъ быть для него убѣжищемъ—опорой.

Я самъ учитель, хотя и частный, и не знаю, какъ бы сталъ жить въ свѣтѣ, еслибы утратилъ вѣру въ цѣну знанія и въ пользу, отъ него получаемую. Думаю однако, что ученье не должно быть трагедіей для дѣтей, что латынь не можетъ замѣнить воздуха и здоровья, а правильное или неправильное произношеніе не должно рѣшать судьбы маленькихъ существъ.

Думаю также, что педагогика лучше исполняетъ свою задачу, когда ребенокъ чувствуетъ, что она — рука, крѣтко направляющая его, а не тогда, когда становится ногой, которая давитъ ему грудь и топчетъ все, что онъ привыкъ чтить и любить. Я такой обскурантъ, что, вѣроятно, не измѣню уже мнѣнія въ этомъ отношеніи, и убѣждаюсь въ немъ все сильнѣе, вспоминая о моемъ бѣдномъ Мишѣ, котораго я такъ горячо любилъ. Въ теченіи шести лѣтъ я былъ его учителемъ, сначала въ качествѣ гувернера, а потомъ, послѣ его поступленія во второй классъ гимназій,—въ качествѣ репетитора: времени было довольно, чтобы привязаться къ нему. Наконецъ, зачѣмъ скрывать передъ самимъ собою: онъ мнѣ былъ дорогъ, какъ сынъ женщины, для меня безконечно дорогой... Она объ этомъ не знала, да и не узнаетъ никогда. Я твердо помню, что я просто-на-просто — домашній учитель, къ тому же, человекъ больной, а она—дочь богатаго по-

мѣщина, дворянина, вполнѣ барыня, о которой я не поспѣлъ бы и мечтать. Но такъ какъ одинокое сердце, разбитое жизнью, ищетъ себѣ опоры, какъ ищетъ ея и раковина, подбрасываемая волною, то и мое сердце прильнуло къ ней. Что мнѣ съ собой подѣлать! Да, наконецъ, ей это не въ ущербъ. Я отъ нея не требую больше свѣта, чѣмъ отъ солнца, которое согрѣваетъ весною мою болѣзную грудь. Шесть лѣтъ я прожилъ въ ея домѣ, былъ свидѣтелемъ смерти ея мужа, видѣлъ ее несчастной, одинокой и всегда вроткой, любящей дѣтей, почти святою въ своемъ вдовствѣ, — и я долженъ былъ полюбить ее... Да это и не любовь, — это скорѣе моя религія.

Миша сильно напоминаетъ мать. Часто, когда онъ поднималъ на меня глаза, мнѣ казалось, что смотрю на нее. Это были тѣ же нѣжныя черты, тотъ же лобъ, отбѣненный богатыми волосами, тотъ же изгибъ бровей и, главное, почти тотъ же голосъ. Въ характерѣ матери и ребенка была та же общность, проявляющаяся въ склонности къ восторженнымъ чувствамъ и взглядамъ. Они оба принадлежали къ разряду существъ нервныхъ, впечатлительныхъ, благородныхъ и любящихъ, способныхъ на всякія жертвы, но которыя находятъ мало счастья, сопріявсаясь съ жизнью и ея дѣйствительностью, отдавая ей гораздо больше, чѣмъ могутъ получить отъ нея. Этотъ разрядъ людей теперь уже исчезаетъ, и я думаю, что новѣйшіе натуралисты могли бы сказать про нихъ, что они заранѣе осуждены на смерть, такъ какъ являются на свѣтъ съ порокомъ сердца: они любятъ слишкомъ много!

Семья Миши была когда-то очень богата, но слишкомъ много любила... Различныя бури унесли богатства, а то, что осталось, хотя и не можетъ быть названо нищетою, ни даже бѣдностью, однако, въ сравненіи съ утраченнымъ, составляетъ слишкомъ мало. Миша былъ младшимъ членомъ въ семьѣ, и Марья Федоровна любила его не только какъ родное дѣтище, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всѣ свои надежды на будущее. Въ несчастію, съ пристрастіемъ, свойственнымъ всѣмъ матерямъ, она видѣла въ немъ необыкновенныя способности. Въ сущности, мальчикъ не былъ тупъ, но принадлежалъ къ числу дѣтей, чьихъ способности, въ началѣ посредственныя, развиваются только въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ развитіемъ физическихъ силъ и здоровья. При другихъ условіяхъ онъ могъ бы кончить курсъ и сдѣлаться полезнымъ труженникомъ на любомъ поприщѣ. При существующихъ условіяхъ — онъ только мучился и, зная о высокомъ мнѣніи, которое мать составила о его способностяхъ, напрасно силлся оправдать это мнѣніе. Мои глаза много видѣли, и я рѣ-

нился не удивляться ничему, но, сознаюсь, мнѣ съ трудомъ пришлось повѣрить, что могъ существовать такой хаосъ, въ которомъ ребенка могли бы погубить настойчивость, сила воли и трудъ. Въ этомъ есть что-то неестественное, большое, и еслибъ слова могли вознаградить меня за скорбь и горечь — я повторилъ бы слова Гамлета: «въ свѣтѣ творятся вещи, о которыхъ и не снилось мудрецамъ».

Я работалъ вѣстѣ съ Мишей, словно отъ балловъ, получаемыхъ имъ за успѣхи, зависѣла моя собственная будущность. Да и дѣйствительно, цѣль-то у насъ была общая: не огорчить ее, показать ей хорошую аттестацію, вызвать улыбку счастья на ея устахъ. Когда мальчику удавалось получить хорошій баллъ, онъ возвращался изъ класса сияющій, счастливый. Мнѣ казалось, что онъ вырасталъ на моихъ глазахъ, выпрямлялся въ такія минуты. Его пасмурные глаза смѣялись тогда искреннею дѣтскою веселостію и блестяли, словно угольки. Тогда Миша сбрасывалъ съ узкихъ плечей ранецъ, переполненный книгами и, подмигивая мнѣ, говорилъ, входя въ комнату: — Ахъ! какъ мама будетъ рада! я получилъ сегодня по географіи — угадайте, сколько? — И когда я дѣлалъ видъ, что не догадываюсь, онъ подбѣгалъ ко мнѣ съ прелестнѣйшей гримаской и обвивая руками мою шею, говорилъ будто бы шопотомъ, но очень громко: — Пять, право, пять! — Это были счастливыя минуты для насъ обоихъ. По вечерамъ, послѣ такихъ успѣховъ, Миша погружался въ сладкія грѣзы и воображая, что будетъ, когда ему удастся получить всѣ отличные баллы, нашептывалъ отчасти мнѣ, отчасти себѣ самому: — На Рождественскія святки поѣдемъ въ Зальсінно, снѣгъ выпадетъ, какъ обыкновенно зимою, и мы поѣдемъ на саняхъ. Приѣдемъ ночью, но мама будетъ ждать меня, обниметъ меня, расцѣлуетъ, а потомъ спроситъ объ аттестаціи. Я нарочно сдѣлаю грустную физіономію, а мама тутъ читаетъ: «по закону Божью — отличный, по нѣмецкому языку — отличный; по латыни — отличный, всѣ отличные!»

И слезы навертывались на глазахъ у бѣднаго мальчика, а я, вѣсто того, чтобы сдерживать его, самъ слѣдилъ за нимъ усталымъ воображеніемъ и припоминалъ дни, проведенные въ Зальсінѣ, его тишину, то благородное существо, которое тамъ распоряжалось, и счастье, которое доставить ей приѣздъ мальчика съ отличными баллами въ аттестаціи.

Я пользовался такими минутами, давалъ ему совѣты, объясняя ему, что мать очень заботится объ его успѣхахъ, но заботится также и о его здоровьѣ, и что поэтому онъ не долженъ пла-

вать, когда я веду его на прогулку, спать столько, сколько я найду нужнымъ и не сидѣть упорно по ночамъ. Мальчикъ, расчувствовавшись, обнималъ меня, повторяя: — Хорошо, хорошо, я буду страсть какъ здоровъ и вырасту такъ, что ни мама, ни Леля не узнаютъ меня.

Я очень часто получалъ письма отъ Марьи Федоровны, въ которыхъ она поручала мнѣ наблюдать за здоровьемъ мальчика, но, въ сожалѣнію, я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался, что согласить ученье со здоровьемъ было такъ же невозможно, какъ совершить путешествіе на луну. Еслибъ преподаваемые предметы были слишкомъ трудны для Миши, я легко уладилъ бы дѣло, переведя его изъ второго класса въ первый; но эти предметы, хотя и безцвѣтные, онъ понималъ прекрасно: дѣло, значить, было не въ ученьи, но во времени; а главной заботой былъ несчастный нѣмецкій языкъ, которымъ ребенокъ не владелъ достаточно хорошо. Въ этомъ ужъ я былъ безсиленъ. Этому ужъ я не могъ помочь и надѣялся только, что наступающіе праздники, двухнедѣльный отдыхъ пополнятъ тѣ изъяны въ здоровьѣ мальчика, которые создали непосильный трудъ.

Еслибъ Миша былъ равнодушнымъ ко всему совершающемуся съ его особою, я-бъ о немъ меньше заботился; но неудачи онъ чувствовалъ, кажется, сильнѣе еще чѣмъ успѣхи. Минуты радости и тѣхъ паторокъ, о которыхъ я упоминалъ, въ несчастію были слишкомъ рѣдки. Я такъ научился читать по его лицу, что какъ только онъ являлся, я съ перваго взгляда узнавалъ, когда ему не посчастливилось. — Ты получилъ худой баллъ? — спрашивалъ я. — Да. — Что же, ты не зналъ? Иногда онъ отвѣчалъ: «не зналъ», но чаще однако: «зналъ, но не сумѣлъ сказать». И дѣйствительно, товарищъ Миши, первый ученикъ второго класса, котораго я нарочно привелъ для того, чтобы Миша съ нимъ вмѣстѣ учился, говорилъ, что Миша потому именно получаетъ дурные баллы, что не умѣетъ... высказаться. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ, все болѣе и болѣе истощался и умственно, и физически, такіа неудачи повторялись все чаще. Я подмѣтилъ, что когда онъ, заплакавшись, садился за уроки, то бывалъ тихъ и наружно спокоенъ, но въ этой удвоенной энергіи, съ которой принимался за свои задачи, проглядывало отчаяніе и какая-то лихорадочность. Иногда же онъ забивался въ уголъ, сжималъ голову обѣими руками и молчалъ: экальтированный мальчикъ воображалъ, что онъ роетъ могилу подъ ногами любимой матери и не зналъ, какъ помочь горю, чувствуя,

что сидитъ въ закоддованномъ кругу, изъ котораго ему нѣтъ выхода.

Его ночныя бдѣнія стали повторяться все чаще. Боясь, что проснувшись, я велю ему ложиться спать, онъ вставалъ тихоюшко съ постели, уносилъ лампу въ переднюю, тамъ зажигалъ ее и садился за работу. Прежде чѣмъ я узналъ объ этомъ, онъ просидѣлъ такимъ образомъ нѣсколько ночей въ неотапливаемой комнатѣ. Я не находилъ другого средства, какъ только встать, позвать его въ комнату и передѣлать съ нимъ еще разъ всѣ уроки для того, чтобы убѣдить его, что онъ ихъ знаетъ и напрасно только подвергается простудѣ. Но подъ конецъ онъ и самъ уже не понималъ, чтó онъ знаетъ, а чего не знаетъ. Ребенокъ терялъ силы, худѣлъ, желтѣлъ и омрачался все болѣе. Подчасъ я убѣждался, что не одинъ только трудъ подрывалъ его силы. Однажды, когда я читалъ ему исторію, которую «для рассказыванья своимъ племянникамъ», — чтó я дѣлалъ каждый день, по желанію Маріи Федоровны, Миша вскопчилъ съ плавающими глазами и воскликнулъ: — Такъ это въ самомъ дѣлѣ не сказка? а то!..—А то что?—спросилъ я его съ изумленіемъ. Онъ стиснулъ зубы вмѣсто отвѣта и, наконецъ, зарыдалъ такъ страстно, что я долго не могъ его успокоить.

Я допытывался о причинѣ этой вспышки у товарища, — онъ не зналъ или не хотѣлъ сказать ея, но я и самъ вскорѣ догадался. Не подлежало сомнѣнію, что Мишѣ приходилось слышать въ нѣмецкой школѣ многое, чтó оскорбляло его сокровеннѣйшія чувства, что было презрѣніемъ, насмѣшкою надъ странною, языкомъ, преданіями родины, однимъ словомъ — надъ всѣмъ, что въ семьѣ учили его чтить и любить. Такія мнѣнія скользили по другимъ мальчикамъ, не оставляя ничего, кромѣ глубокой ненависти къ учителямъ, но такому чувствительному мальчику, какъ Миша, онѣ причиняли сердечное страданіе. Онъ не смѣлъ протестовать, хотя, быть можетъ, не разъ ему хотѣлось кричать отъ боли, но онъ внутренно волновался, стискивалъ зубы, тосковалъ и огорчался. Такимъ образомъ, къ страданіямъ, причиняемымъ неудачами и дурными баллами, присоединялась еще неописанная горечь отъ нравственнаго разлада, въ которомъ онъ жилъ постоянно. Двѣ силы, два голоса, повиновеніе которымъ составляетъ обязанность ребенка, но которыя потому именно и должны находиться въ полномъ согласіи, толкали Мишу въ двѣ противоположныя стороны. То, чтó одинъ авторитетъ называлъ бѣлымъ, возвышеннымъ, дорогимъ — другой клеймилъ именемъ отжившаго, смѣшного; то, чтó на

являлъ одного называлось добродѣтелью, другой считалъ преступленіемъ. На пути этого разлада мальчикъ слѣдовалъ за авторитетомъ, въ которому рвалось его сердце, но долженъ былъ прикидываться, что слушаетъ и принимаетъ къ сердцу слова противнаго; онъ долженъ былъ притворяться съ утра до вечера и жить въ этомъ тягостномъ принужденіи дни, недѣли, мѣсяцы... Ужасное положеніе... ребенка!

Судьба Миши была по-истинѣ ужасна. Жизненные драмы большаго частью начинаются нѣсколько позже, когда деревенности успѣтъ лишиться своихъ первыхъ листьевъ,—для него же все то, что составляетъ несчастье, нравственное насиліе себя самого, скрытая скорбь, безпокойство, бесплодные усилія, борьба съ трудностями, постоянная утрата надеждъ,—все это началось для Миши на одиннадцатомъ году его жизни. Ни его тощее сложеніе, ни слабыя силы не въ состояніи были вынести этого груза. Проходили дни, недѣли, бѣдняжка удваивалъ усилія, а результаты были все хуже, все плачевнѣе. Письма Маріи Федоровны, хотя и нѣжныя, придавали еще вѣсу тяжелому бременю. — «Богъ одарилъ тебя, Миша, необыкновенными способностями,— писала мать,—надѣюсь ты не обманешь надеждъ, возложенныхъ на тебя, и станешь отрадой для меня, полезнымъ гражданиномъ своей родины». Получивши первый разъ такое письмо, мальчикъ судорожно схватилъ мою руку и, заливаясь слезами, сталъ говорить:—Что мнѣ дѣлать, за что приняться? И дѣйствительно, что ему было дѣлать? Могъ ли онъ помочь тому, что не явился на свѣтъ съ врожденною способностью къ языкамъ и что не умѣлъ удачно объясняться по-нѣмецки?

II.

Наступили каникулы. Миша получилъ не особенно хорошую аттестацію: по тремъ главнымъ предметамъ у него были неудовлетворительные баллы. По его усерднѣйшей просьбѣ я не посылалъ ее Маріи Федоровнѣ. «Дорогой мой — восклицалъ онъ, ломая руки: — мама не знаетъ, что теперь давали аттестацію, а въ Рождеству Богъ мнѣ поможетъ». Бѣдное дитя надѣялось, что исправить еще эти дурные баллы, да, сказать правду, эта надежда жила еще и во мнѣ. Я полагалъ, что онъ втянется въ школьные порядки, освоится со всѣмъ, успѣтъ въ нѣмецкомъ языкѣ, приобрететъ надлежащее произношеніе и, что всего важнѣе, будетъ употреблять все меньше времени на

приготовленіе уроковъ. Не будь у меня этой надежды, я давно написалъ бы Маріи Ѳеодоровнѣ и представилъ бы ей все дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. И дѣйствительно въ скоромъ времени мои надежды начали оправдываться. Вскорѣ послѣ каникулъ Миша получилъ три отличныя, изъ которыхъ одинъ по-латыни. Онъ одинъ во всемъ классѣ зналъ, что прошедшее время отъ *gaudeo* — *davisus sum*; зналъ же онъ это потому, что, получивши передъ тѣмъ два отличныя, спрашивалъ меня, какъ сказать по-латыни: радуюсь. Я думалъ, что мальчикъ обезумѣлъ отъ счастья. Онъ сейчасъ же написалъ матери письмо, начинающееся словами: «дорогая маменька! Знаешь ли голубушка, какъ будетъ *perfectum* отъ *gaudeo*? Вѣроятно, не знаешь этого ни ты, ни маленькая Леля, такъ какъ во всемъ классѣ зналъ это только я одинъ!»

Миша обожалъ мать. Со времени полученія трехъ отличныхъ балловъ, онъ то-и-дѣло разспрашивалъ меня о различныхъ *perfecta* и *participia*. Сохранить эти отличныя баллы составляло теперь цѣль его жизни. Но сіяніе счастья не было продолжительное. Вскорѣ роковое произношеніе разрушило все то, что создало усердіе, а непомѣрное количество предметовъ не позволяло ребенку посвятить каждому изъ нихъ столько времени, сколько этого требовала его изиуренная память. Случай увеличилъ еще число неудачъ. И Миша, и его товарищъ забыли мнѣ сказать про одно письменное упражненіе и не приготовили его. Послѣднему это сошло, такъ какъ его, какъ перваго ученика, даже не спрашивали о немъ; но Мишѣ сдѣлали публичный выговоръ въ шлолѣ съ угрозой, что онъ будетъ исключенъ, если съ нимъ еще разъ случится что-нибудь подобное. Учитель полагалъ, что онъ умышленно не сказалъ мнѣ объ упражненіи, чтобъ не готовить его, а мальчикъ, неспособный ни на малѣйшую ложь, не находилъ средствъ доказать свою невинность. Конечно, онъ могъ сказать въ свою защиту, что и товарищъ также забылъ объ этой задачѣ, но сдѣлать это—значило посрамить честь товарищества. Въ отвѣтъ на мои увѣренія гѣмецъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что я поощряю лѣность въ мальчикѣ. Это обстоятельство стоило мнѣ не мало огорченія, но больше еще обезпокоилъ меня видъ Миши. Къ вечеру, думая, что я его не замѣчаю, онъ схватился обѣими руками за голову и провизнесъ шопотомъ: «болитъ! болитъ! болитъ!» Письмо матери, въ которомъ она называла Мишу самыми гѣжными именами за тѣ отличныя баллы, было для него новымъ ударомъ. «Да», говорилъ онъ, закрывая лицо руками, «хорошо же обрадую я маму!» На слѣдующій день, когда я подавалъ ему ранецъ съ книгами, онъ закачался и чуть не упалъ. Я не

хотѣлъ пускать его въ школу, но онъ увѣрялъ меня, что чувствуетъ себя совершенно хорошо; онъ просилъ только, чтобы проводить его въ классъ, такъ какъ боялся головокруженія. Въ полдень Миша возвратился опять съ неудовлетворительнымъ балломъ. Онъ получилъ его за урокъ, который онъ зналъ прекрасно, но, по словамъ товарища, испугался и не могъ сказать ни слова. Такимъ образомъ о немъ составили въ гимназiи рѣшительное мнѣнiе, какъ о мальчикѣ, проникнутомъ «вредными идеями» и полномъ «дурныхъ инстинктовъ», тупымъ и лѣнивымъ. Противъ двухъ послѣднихъ упрековъ, о которыхъ онъ зналъ, онъ боролся, какъ утопающій съ волною — отчаянно, но безплодно. Слѣдствiемъ этой борьбы была совершенная утрата вѣры въ самого себя и въ собственныя силы; въ немъ выработалось безотрадное убѣжденiе, что его трудъ и усилiя напрасны, что онъ никогда не научится правильному произношенiю, а что долженъ плохо учиться, и въ то же время онъ зналъ, какъ посмотреть на это мать, какъ она будетъ страдать, и какъ губительно все это можетъ подѣйствовать на ея слабое здоровье. Патеръ изъ Зальсина, изрѣдка писавшiй Мишѣ, человекъ преданный ихъ дому, но крайне недальновидный, вончалъ каждое свое письмо словами: «Помни, Миша, что не только радости, но и здоровье матери зависятъ отъ твоихъ успѣховъ». Да, объ этомъ Миша помнилъ слишкомъ хорошо и даже во снѣ говорилъ тихимъ, печальнымъ голосомъ: «Мама! мама!» какъ-бы прося у нея прощенiя. На яву же онъ получалъ все худшiя откѣтки.

Между тѣмъ, быстро приближались рождественскiе праздники, и нельзя было заблуждаться на счетъ аттестацiи. Я написалъ объ этомъ Марiи Федоровнѣ, желая предупредить ее. Въ этомъ письмѣ я написалъ откровенно и рѣшительно, что дитя очень слабо и обременено работой, что, помимо усерднѣйшаго труда, оно не въ состоянiи поладить со своимъ дѣломъ, и что, по всей вѣроятности, придется взять его изъ училища, воспитывать въ деревнѣ, а главнымъ образомъ — укрѣплять его здоровье. По полученному вскорѣ отъ нея отвѣту я догадался, что ея материнское самолюбiе нѣсколько задѣто, но все-таки она отвѣтила мнѣ, какъ умная женщина и любящая мать. Опасаясь волновать Мишу, я умолчалъ и объ этомъ письмѣ, и о намѣренiи взять его изъ гимназiи, а сказалъ ему только, что каковы бы ни были результаты его ученiя — мать знаетъ, что онъ трудился и сумѣетъ оправдать его неудачи. Мои слова видимо облегчили его: онъ плакалъ долго отъ души, что не случалось съ нимъ съ нѣкотораго времени. «Сколько горя я причиняю мамѣ!» говорилъ онъ плача.

Однако при мысли, что скоро уѣдетъ въ деревню, увидетьъ мать, маленькую Лелю и патера, онъ улыбался сквозь слезы. И я также стремился въ Залѣсно, такъ какъ не въ состояніи уже былъ дольше смотрѣть на состояніе ребенка. Тамъ ждало его сердце матери, вниманіе окружающихъ, тишина и успокоеніе. Тамъ ученъе приметъ родной обликъ, благосклонный, не чужой и оттапливающий; тамъ атмосфера будетъ чистая, родная, и грудь дитяти будетъ дышать сладко и такъ легко, легко... Я ждалъ для него праздниковъ, какъ спасенія, и по пальцамъ считалъ дни, которые насъ отъ нихъ отдѣляли и которые приносили Мишѣ все новыя огорченія. Казалось, все сговорилось вредить ему. «Въ видахъ большаго упражненія» въ языкъ, употребляемомъ въ гимназій, дѣтямъ приказано было не употреблять другого въ разговорѣ. Миша забылся, и какъ «деморализирующий» получилъ опять публичный выговоръ. Это имѣло необыкновенное значеніе, такъ какъ случилось какъ разъ передъ праздниками. Не берусь описывать, какъ это подѣйствовало на самолюбиваго и впечатлительнаго ребенка: какой хаосъ поднялся въ его головѣ! Все рвалось въ этой дѣтской груди, и онъ передъ собою, вмѣсто свѣта, видѣлъ непроглядную тьму. Бѣдняжка, онъ сгибался подъ бременемъ неудачъ, какъ колосъ подъ вліяніемъ бурнаго вѣтра. Наконецъ, лицо этого одиннадцатилѣтняго ребенка приняло трагическое выраженіе: онъ глядѣлъ такъ, какъ будто слезы постоянно сдвигали ему горло, и словно онъ силою сдерживалъ рыданія; порою глаза его походили на глаза страдающей птички; потомъ его охватывала странная задумчивость и сонливость; движенія становились безсознательными и голосъ необыкновенно вялымъ. Иногда, пользуясь нѣсколькими минутами свободнаго времени, я ему говорилъ, что намъ слѣдовало бы прогуляться. Миша не прекословилъ, какъ это бывало прежде, а бралъ фуражку и шелъ за мною, не говоря ни слова. Я былъ бы очень радъ, еслибъ могъ замѣтить въ немъ равнодушіе, но, въ сожалѣнію, подъ этой наружностію крылось отчаяніе, молчаливая покорность ужасной судьбѣ. Онъ принимался за уроки, рѣшалъ задачи, какъ и прежде, но болѣе не привычѣ. Замѣтно было, что, повторяя машинально спряженія, онъ думалъ о другомъ, или, вѣрнѣе, ни о чемъ не думалъ. Однажды, когда я его спросилъ, все ли приготовилъ, онъ отвѣчалъ вяло и сонно: «Мнѣ кажется, что изъ этого ничего не выйдетъ». Я боялся при немъ намекнуть даже о матери, чтобы не переполнить чаши горечи, которую испивали его дѣтскія уста.

Смотря на постепенно вянувшее тѣло мальчика, я приходилъ въ ужасъ. Жилки на вискахъ, которыя прежде показывались,

когда онъ былъ въ очень веселомъ настроеніи духа, теперь были видны постоянно. Онъ похорошѣлъ до того, что сдѣлался похожимъ на писаную картину. Сердце сжималось, смотря на этого ангела-ребенка, который производилъ впечатлѣніе вянущаго цвѣтка. Съ перваго взгляда онъ казался въ нормальномъ состояніи, но въ сущности онъ худѣлъ и терялъ силы. Ему тяжело было носить ранецъ съ книгами, и чтобы не обременять слабыхъ силъ мальчика, я вѣсилъ въ него только нѣкоторые книги, а остальные носилъ самъ, такъ какъ въ послѣднее время я всегда провожалъ его въ школу и заходилъ за нимъ по окончаніи классовъ.

Наконецъ, наступили праздники. Марія Федоровна прислала за нами лошадей изъ Залѣсина, въ письмѣ же она увѣдомляла насъ, что всѣ ждутъ насъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и оканчивала словами: «Я слышала, что тебѣ очень трудно учиться и уже не жду больше отличныхъ балловъ, но желательно было бы для меня, чтобы всѣ твои учителя думали такъ же, какъ и я, что ты дѣлалъ все, что въ состояніи былъ сдѣлать, и что хорошимъ поведеніемъ старался вознаградить неудовлетворительные успѣхи».

Но, въ сожалѣнію, учителя были совсѣмъ противоположнаго мнѣнія — слѣдовательно, и тутъ надежда рушилась. Послѣдній выговоръ касался непосредственно поведенія мальчика, — и въ этомъ отношеніи мнѣнія учителей и матери совершенно расходились. По мнѣнію нѣмецкихъ педагоговъ, только тѣ дѣти вели себя хорошо, которыя на ихъ насмѣшки надъ народными преданіями и языкомъ отвѣчали улыбкой. Въ силу такихъ нравственныхъ правилъ, Миша, какъ не подающій надеждъ на успѣшное окончаніе курса и напрасно отнимающій мѣсто у другихъ, былъ исключенъ изъ школы. Съ этимъ приговоромъ онъ вернулся вечеромъ домой. На дворѣ шелъ большой снѣгъ, въ комнатѣ было уже почти темно, и я не могъ замѣтить перемены въ лицѣ ребенка. Я видѣлъ только, какъ онъ подошелъ къ окну и сталъ безучастно глядѣть на падающія хлопья снѣга, кружившіяся въ воздухѣ. Не завидны должны были быть его мысли, которыя, на подобіе снѣжныхъ хлопьевъ, кружились въ его бѣдной головкѣ; но я предпочелъ не говорить съ нимъ ни о приговорѣ, ни объ отиѣткахъ. Такъ прошло около четверти часа гнетущаго молчанія. Въ комнатѣ между тѣмъ почти совсѣмъ стемнѣло. Я сталъ улаживать вещи въ сундукъ, и, вида, что Миша все еще стоитъ у окна, спросилъ у него:

— Миша, что ты тамъ дѣлаешь?

— Вѣдь правда, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ и заи-

каюсь на каждомъ словѣ, — что мама и Леля сидятъ теперь у камина въ зеленомъ кабинетѣ и говорятъ обо мнѣ?

— Очень можетъ быть, но почему у тебя голосъ дрожить? не боленъ ли ты?

— Нѣтъ, ничего, только мнѣ какъ-то очень холодно.

Я уложилъ его въ постель и, раздѣвая его, съ горестью смотрѣлъ на его исхудалыя ноги и руки, точно соломинки. Я ему велѣлъ напиться чаю, а потомъ накрылъ его одѣяломъ, сколько могъ, теплѣе.

— Чтѣ, стало теперь теплѣе?

— О, да! Голова немного болитъ.

Бѣдная голова! — и было отчего ей болѣть! Уставшій ребенокъ вскорѣ уснулъ и тяжело поднималась его узенькая грудь; я же покончилъ съ укладкой вещей и, чувствуя себя тоже не совсѣмъ здоровымъ, легъ въ постель. Погасивъ свѣчку, я сейчасъ же уснулъ.

Около трехъ часовъ ночи меня разбудилъ свѣтъ лампы и знакомый мнѣ монотонный голосъ, повторяющій латинскія спряженія. Я открылъ глаза и сердце мое тревожно забилося. На столѣ горѣла лампа, а Миша сидѣлъ за книгою въ одной рубашкѣ; щеки его пылали, глаза полузакрыты, какъ-бы для лучшаго напряженія памяти, голова была наклонена, сонный голосъ повторялъ:

— *Conjunctivus: Amet, ames, amet, amemus, ametis...*

— Миша!

— *Conjunctivus: Amet, ames...*

Я его дернулъ за плечо:

— Миша!

Онъ проснулся, началъ хлопать глазами удивленно, какъ будто не узнаетъ меня.

— Чтѣ ты дѣлаешь? чтѣ съ тобою?

— Я повторяю все сначала, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь, — завтра я долженъ получить патерку...

Я взялъ его на руки и положилъ въ кровать; тѣло его горѣло, какъ огонь. Къ счастью, въ этомъ же домѣ жилъ докторъ, я сію минуту привелъ его. Докторъ недолго задумывался. Онъ пощупалъ пульсъ ребенка, приложилъ руку въ головѣ и опредѣлилъ болѣзнь: у Миши было воспаленіе мозга.

Ахъ! много, должно быть, не могло помѣститься въ головѣ ребенка!..

Болѣзнь съ каждой минутой все болѣе и болѣе усиливалась. Я послалъ телеграмму Маріи Федоровнѣ, и на слѣдующій день

сильно дернутый звонокъ извѣстилъ меня о ея прибытіи. Когда я взглянулъ на нее, лицо ея подъ чернымъ вуалемъ было блѣдно, какъ полотно; рука ея съ необыкновенной силой опиралась на мое плечо, глаза ея тревожно впились въ меня, когда она спросила:

— Живъ?

— Да, докторъ сказалъ, что теперь лучше.

Она откинула вуаль, мокрый отъ дыханія, и бросилась въ комнату ребенка. Я говорилъ неправду. Миша былъ еще живъ, но ему не было лучше. Онъ не узналъ матери, которая сѣла возле него и держала его руки въ своихъ. Только тогда, когда я ему положилъ на голову свѣжій ледъ, онъ сталъ жмурить глаза и усиленно всматриваться въ наклоненное къ нему лицо матери. Онъ видимо напрягалъ всѣ усилія къ тому, чтобы побороть мучившій его жаръ и бредъ, губы его дрожали, онъ улыбнулся и наконецъ прошепталъ:

— Мама!..

Она схватила его за обѣ руки и просидѣла такъ нѣсколько часовъ, даже не скинувъ съ себя дорожнаго платья. Только тогда, когда я обратилъ на это ея вниманіе, она сказала:

— Правда, я забыла снять шляпку.

Когда она сняла шляпку, сердце мое сжалось. Между бѣлыми волосами, украшавшими ея молодую голову, просвѣчивали частыя серебристыя нити. Три дня тому назадъ ихъ можетъ быть не было еще.

Теперь она сама перемѣняла примочки и подавала мальчику лекарство. Миша слѣдилъ за ней глазами, куда бы она ни повернулась, но опять не узнавалъ ея. Вечеромъ жаръ усилился. Въ бреду онъ декламировалъ какое-то стихотвореніе, по временамъ говорилъ на языкѣ, предписанномъ въ употребленію въ гимназій, или склонялъ латинскія слова. Я постоянно уходилъ изъ комнаты, такъ какъ не могъ этого слушать. Еще будучи здоровымъ, онъ тайкомъ выучилъ литургію, желая доставить этимъ сюрпризъ матери, и теперь дрожь пробѣгала по всему тѣлу, когда это одиннадцатилѣтнее дитя повторяло въ предсмертной агоніи монотоннымъ ужасающимъ голосомъ: «Deus meus, deus meus, quare me repulisti et quare tristis incedo dum affligit me inimicus!» Не сдумѣю выразить, какое гнетущее впечатлѣніе производили на меня эти слова.

Это былъ канунъ Рождества Христова. Съ улицы долеталъ гулъ, говоръ и бречаніе колокольчиковъ у саней. Городъ принималъ праздничный, радостный видъ. Когда уже совершенно

стемнѣло, видно было сквозь окна, по другую сторону улицы, ёлку, горящую свѣчами, увѣшанную золотыми и серебряными блестящими орѣхами, и вокругъ этой ёлки дѣтскія головки съ темными и свѣтлыми развѣянными кудрями, прыгающія точно на пружинахъ. Окна горѣли свѣтомъ, а комнаты наполнялись криками радости и удивленія. Голоса, долетающіе съ улицы, были веселы, и радость становилась общей; только нѣтъ мальчикъ повторялъ: «Deus meus, deus meus, quare me repulisti?» Въ воротахъ подошли мальчики колядующіе и запѣли рождественскія пѣсни. Приближалась ночь Рождества, а мы трепетали, чтобъ она не стала ночью смерти. Была минута, когда намъ казалось, что мальчикъ пришелъ въ сознание, такъ какъ началъ звать мать и Лелю, но это продолжалось недолго. Его учащенное дыханіе по временамъ совершенно прекращалось. Нельзя было заблуждаться. Эта маленькая душа только на половину была между нами. Умъ его давно оставилъ худенькое тѣло, а теперь улетѣлъ онъ самъ въ какую-то мрачную даль и безконечность и не видѣлъ и не чувствовалъ ничего, даже головы матери, которая лежала у его ногъ, полумертвая. Онъ сталъ совершенно равнодушнымъ и не смотрѣлъ больше на насъ. Каждое дыханіе его груди удаляло его и будто заслоняло мракомъ. Болѣзнь понемногу тушила искры жизни. Отяжелѣвшія руки ребенка лежали неподвижно, носъ его заострился, а лицо принимало холодное, строгое выраженіе. Дыханіе только становилось все чаще и наконецъ стало напоминать шопотъ часовъ. Еще одно мгновеніе, одинъ вздохъ—и послѣднее зернышко песку должно было упасть въ жизненныхъ часахъ: долженъ былъ наступить вонецъ.

Въ полночи намъ показалось, что онъ уже кончается, такъ какъ онъ началъ хрипѣть и стонать, какъ человѣкъ захлебывающійся водою, а потомъ вдругъ умолкъ. Но зеркальце, которое докторъ приложилъ ему ко рту, еще покрылось потомъ. Часъ спустя жаръ уменьшился: всѣ мы думали, что онъ спасенъ. И докторъ возымѣлъ маленькую надежду. Бѣдной Маріи Федоровнѣ сдѣлалось дурно.

Въ теченіи двухъ часовъ ему все дѣлалось лучше. Въ утру, такъ какъ я бодрствовалъ уже четвертую ночь у постели мальчика и кашель все больше мучилъ меня, я вышелъ въ переднюю и, бросившись на кровать, уснулъ. Голосъ Маріи Федоровны разбудилъ меня. Я думалъ, что она зоветъ меня, но въ ночной тишинѣ я слышалъ явственно: «Миша! Миша!» У меня волосы стали дыбомъ, когда я понялъ, какимъ страннымъ голосомъ она

звала ребенка; но прежде чѣмъ я успѣлъ подняться, она вбѣжала въ переднюю и дрожащими губами прошептала:

— Миша... умеръ!

Я бросился стремительно къ постели мальчика. Да! Положеніе головы на подушкѣ, открытый ротъ, глаза, неподвижно устремленные на одну точку, скованныя черты лица не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія: Миша умеръ!

Я накрылъ его одѣяломъ, которое мать сдернула съ его исхудалаго тѣла, закрылъ ему глаза, а потомъ долго долженъ былъ приводить въ чувство Марію Фёдоровну. Первый день праздниковъ прошелъ въ приготовленіи къ похоронамъ; тяжелая эта была задача, такъ какъ мать не хотѣла покинуть трупа сына, а силы ей постоянно измѣнялись. Она упала въ обморокъ, когда пришли брать мѣрку для гроба, потомъ когда стали одѣвать покойника и, наконецъ, когда ставили катафалкъ. Ея отчаяніе встрѣчалось на каждомъ шагѣ съ равнодушіемъ гробовщиковъ, привывшихъ къ такимъ видамъ, и перешло почти въ бредъ. Она сама укладывала въ гробъ стружки подъ атласомъ и бредила, точно въ жару, что голова ребенка лежитъ слишкомъ низко. А между тѣмъ Миша лежалъ на кровати, одѣтый въ новый мундиръ и бѣлыя перчатки, неподвижный, равнодушный во всему: и къ выговорамъ нѣмецкихъ педагоговъ, и къ латинскимъ спряженіямъ, и къ обязательному языку. Наконецъ, мы положили покойника въ гробъ и поставили на катафалкъ, окруженный двумя рядами свѣчей. Комната, въ которой этотъ бѣдный ребенокъ просклонялъ столько латинскихъ словъ, перерѣшилъ столько задачъ, обратилась будто въ часовню, такъ какъ притворенные ставни не пропускали дневного свѣта, а нѣжный мерцающій блескъ свѣчей придавалъ стѣнамъ церковный, торжественный видъ. Со времени полученія послѣднихъ отличныхъ балловъ я не видѣлъ у Миши такого яснаго выраженія лица. Его тонкій профиль, обращенный къ потолку, вротѣ улыбался, словно этотъ мальчикъ былъ радъ этому вѣчному отдохновенію смерти и чувствовалъ себя счастливымъ. Мерцаніе свѣчей придавало его лицу и этой улыбкѣ видъ жизни и сна. Мало-по-малу стали сходиться его товарищи, которые не уѣхали на праздники. Глаза дѣтей расширялись съ изумленіемъ при видѣ свѣчей, катафалка и гроба. Быть можетъ, эти маленькіе мундирчики удивлялись строгому выраженію и роли товарища. Еще такъ недавно онъ былъ среди нихъ, какъ они, сгибался подъ тяжестью ранца, переполненнаго нѣмецкими книгами, получалъ худые баллы, наставленія и публичные выговоры, отличался дурнымъ произношеніемъ; всякій

изъ нихъ могъ его дернуть за ухо или за волосы, а теперь онъ лежалъ выше всѣхъ ихъ, торжественный и спокойный, окруженный свѣтомъ; всѣ приближались къ нему съ уваженіемъ и извѣстной тревогой, и даже его другъ, хотя онъ и былъ первымъ ученикомъ, въ сравненіи съ нимъ ничего не значилъ. Мальчики, толкая другъ друга локтями, перешептывались, что теперь онъ уже ни о чемъ не заботится, и что еслибъ даже вошелъ «Негт Инспекторъ», то онъ не вскочилъ бы уже, не испугался бы, но улыбался бы такъ же спокойно; что онъ тамъ можетъ дѣлать рѣшительно все, что ему вѣдуется, шумѣть, сколько захочетъ, и говорить на какомъ угодно языкѣ — съ маленькими ангелами съ крыльями на плечахъ.

Перешептываясь такимъ образомъ, они приближались къ гробу и произносили заупокойную молитву.

На слѣдующій день закрыли гробъ, привѣпили крышку гвоздями и повезли на кладбище, гдѣ комки песку, перемѣшанные со снѣгомъ, вскорѣ скрыли его навсегда передъ моими глазами. Теперь, когда я это пишу, прошелъ уже почти годъ съ того печальнаго времени, но я помню и жалѣю тебя, маленькій Миша, ты, преждевременно увядшій цвѣтокъ. У тебя было неправильное произношеніе, но за то честное любящее сердце. Не знаю, гдѣ ты и слышишь ли ты меня, но знаю, что твой учитель кашляетъ все больше, что онъ все печальнѣе, все болѣе одинокъ, и скоро, можетъ быть, послѣдуетъ за тобою...

Н.

ИТАЛЬЯНСКАЯ НОВЕЛЛА

и

ДЕКАМЕРОНЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

VI *).

Въ дни Боккаччо жизнь была проще и естественнѣе, характеры не сложны, а проявленія ихъ какъ нельзя болѣе цѣльны и рѣшительны—все это подтверждается не только цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ приключеній, отъ которыхъ зависитъ интересъ новеллъ *второго дня*, но и всѣмъ содержаніемъ рассказовъ *третьяго дня*. Въ нихъ говорится о томъ, какъ люди хитростью, тонкостью (*industria*) достигали желаемого или возвращали себѣ потерянное. Очевидно, что эта тема опять дастъ большой просторъ итальянской *beffa*, т.-е. опять красота лжи и обмана составитъ существенный интересъ новеллы; но, кромѣ того, мотивъ этотъ осложняется еще тѣмъ, что желаемое и теряемое относится здѣсь почти исключительно къ удовлетворенію физической страсти, *industria* связана съ силою животныхъ appetitovъ, потому рассказы эти совершенно невозможны для чтенія въ наше время. Къ тому же, помимо грязнаго содержанія, самыя достоинства Боккаччо, какъ рассказчика, обращаются тутъ противъ него: тщательность отдѣлки, не останавливающаяся ни передъ какими подроб-

*) См. выше: февраль 568 стр.

ностями въ описаніи, юморъ автора, комизмъ его, который здѣсь выражается однимъ цинизмомъ, словомъ, весь его талантъ повѣствователя, примѣненный къ невозможному содержанію, способствовалъ грустной репутаціи его, какъ крайне скабрѣзнаго писателя, и составляетъ самую яркую черту великаго творенія. Но можно ли строго винить автора за вольность пера, — о которой онъ самъ въ послѣдствіи жалѣлъ, если онъ свои новыя художественныя приемы повѣствованія, вѣрность наблюденія, близость къ жизни, реализмъ, влагалъ въ тотъ матеріалъ, который давала ему его эпоха? Эти сюжеты въ большинствѣ случаевъ не сочинялись имъ, а являлись въ «Декамеронѣ» изъ народныхъ вымысловъ: заимствованія ихъ ученые изслѣдователи могутъ указать въ длинномъ рядѣ европейскихъ и не-европейскихъ повѣстей; они составляютъ, наконецъ, одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ всей средневѣковой поэтической мысли.

Обыкновенно у насъ съ понятіемъ объ искусствѣ среднихъ вѣковъ возникаетъ образъ величественнаго готическаго собора, представленіе о творчествѣ, знавшемъ одни только грандіозно-идеальные отвлеченные пути мысли; мы невольно думаемъ объ архитектурѣ, проникнутой религиозными стремленіями, о настроеніи эпохи, воплощенномъ въ красотѣ готики, этой наиболѣе послѣдовательной, строго-логической, единственной, можно сказать, формѣ монументальнаго искусства, правильно развившейся въ цѣльный законченный организмъ; мы привыкли не даромъ видѣть въ этихъ формахъ искусства выраженіе высокихъ, недостижимыхъ, неземныхъ идеаловъ, находить въ нихъ ту идею религиознаго восторга и вмѣстѣ церковнаго авторитета, которою отмѣчены какъ наука и искусство эпохи, такъ и ея великія историческія явленія — рыцарство, папство, крестовые походы... Это направленіе ума, хотя и было господствующимъ, но оно не могло заглушить всѣхъ другихъ потребностей умственной жизни. Какъ противовѣсомъ рыцарской эпопей — являлся фавль, а искусственно-аллегорическому строю придворной поэзіи — юмористическій реализмъ народныхъ книгъ, народныхъ повѣстей, такъ точно и въ противоположность аскетическому духу религиознаго ученія, налагавшаго запрещеніе на всѣ земныя радости и утѣхи, народный умъ создавалъ, заимствовалъ, усваивалъ тѣ темныя разсказы, въ которыхъ не только осмѣивались служители церкви, не только поощрялся обманъ, ловкость преступленія, но торжествовала молодая, полная силъ природа человѣка, желавшая въ жизни видѣть и веселыя, свѣтлыя ея стороны. Протестомъ противъ исключительности церковнаго ученія, всюду видѣвшаго образы стра-

данія и смерти, а радостей искушавшаго только въ загробной жизни, въ идеальной области небесныхъ видѣній,—протестомъ, быть можетъ, бессознательнымъ, является тотъ новый родъ поэзіи, въ которомъ народное воображеніе выше всѣхъ нравственныхъ интересовъ ставило чувственные наслажденія, удовлетвореніе земной страсти, особенно если оно достигалось помощью плутовства, мошенничества. Поэтому тотъ флорентинецъ XIV-го вѣка, который за красотой тонко-веденной интриги не видѣлъ безнравственности лжи и обмана, не оскорблялся и рядомъ тѣхъ повѣстей, въ которыхъ главную роль играла чувственность, не взиравшая ни на семейныя связи, ни на достоинство челоуѣка. Поэтому и Боккаччо, собравши въ художественныхъ разсказахъ «Декамерона» всѣ элементы повѣсти, удѣлилъ такъ много мѣста разсказамъ, анекдотамъ и приключеніямъ, острова которыхъ совершенно непонятна въ нашъ вѣкъ. А въ то время не только на югѣ, гдѣ страсти вообще сказываются рѣзче и откровеннѣе, но и на сѣверѣ въ самыхъ знаменитыхъ произведеніяхъ поэзіи—вспомнимъ *Чоусера*, *Canterbury Tales*—юморъ, комизмъ, немислимы были безъ цинизма; а потомъ и гораздо позднѣе, въ драмахъ, не говоря уже про комедіи итальянскаго возрожденія, *Маккиавелли*, кардинала *Биббьенни* и друг., у предшественниковъ *Шекспира*, да и у великаго драматурга самого на сценѣ такая широкая игра физическихъ силъ, такая грубая, необузданная страсть животныхъ аппетитовъ, что «Декамеронъ» въ этомъ отношеніи не представляетъ исключительнаго явленія.

Грустныя и грязныя стороны жизни выводились въ повѣсти не только ради ихъ первобытнаго, низшаго рода комизма; но такъ какъ вообще физическая жизнь у мало-развитаго общества заявляетъ себя очень громко, то она должна находить отраженіе свое и въ литературѣ. А въ то время, когда общество объединяется только религіозной идеей, основываетъ свои нравственныя понятія на церковномъ авторитетѣ, на религіозномъ вѣрованіи: произволъ страстей этими понятіями сдерживаться не можетъ, извѣстно, что молодость народа вовсе не есть время наибольшей чистоты его нравовъ, напротивъ, только съ развитіемъ просвѣщенія и образованія укрѣпляются его семейныя связи, является тотъ взглядъ на женщину, который уважаетъ въ ней ея челоуѣческое достоинство, и котораго не знаетъ общество на ранней степени развитія. Въ вѣкъ же Боккаччо грубость нравовъ господствовала одинаково во всѣхъ классахъ общества. Тотъ типъ благороднаго рыцаря, который созданъ нѣмецкою романтическою школою XIX-го вѣка и въ которомъ мы видимъ обыкновенно

представителя средневѣкового военного сословія, существуетъ только въ фантазіи поэтовъ, не выдавшихъ, за искусственной фальшью рыцарской поэзіи, ея дѣйствительныхъ основъ. А на дѣлѣ рыцари, которые служили носителями и защитниками идеальныхъ стремленій своего вѣка, воспитывая высокія добродѣтели, чистую любовь, — въ жизни высказывали ту же первобытную необузданность инстинктовъ, какъ и низшее сословіе, и ихъ поэты, ставившіе такъ высокое поклоненіе, обожаніе женщины, прикрывали изощренными формами разныхъ «судовъ любви» и т. п. слабость семейныхъ узъ и безнравственность домашнего быта. Да оно и не могло быть иначе: та же юность, свѣжесть чувства, непосредственность, энергія желанія, душевнаго импульса, которая порождала силу религіознаго возбужденія, та же сила молодого темперамента сказывалась и въ неумѣньи владѣть своими страстями, сдерживать влеченія физической природы, и вызывала, какъ возмутительный комизмъ новеллы, такъ и грубость, дикую жестокость трагическихъ столкновеній, разыгрывавшихся и въ придворной и въ буржуазной средѣ. Отъ этого Боккачіо не разбираетъ сословія въ своихъ скандальныхъ исторіяхъ; черная ихъ изъ народной изустной и письменной литературы, онъ какъ нельзя болѣе вѣрнѣе своимъ источникамъ, которые подобныя похищенія приписывали одинаково, какъ королямъ, рыцарямъ, горожанамъ, такъ и духовнымъ лицамъ, т.-е. непосредственно отражали существовавшіе нравы. Правда, что и въ народную литературу эти скандальные сюжеты шли дальними путями, приходили съ востока, гдѣ иные условія цивилизаціи порождали и иные условія семейныхъ и нравственныхъ отношеній, приходили и изъ тѣхъ поздне-греческихъ повѣстей и романовъ, пережившихъ античную словесность, въ которыхъ чувственная эротика составляла главный элементъ разсказа, въ которыхъ выразилась вся испорченность общества, доживающаго послѣдніе дни. Но какими бы путями и откуда бы ни проникали въ Европу эти смѣшанные полу-восточные, полу-классическіе, на-половину религіозно-аскетическіе (буддистскіе), на-половину утонченно-развращенные (александрійскіе) элементы повѣсти, несомнѣнно, что они находили благодарную почву въ воображеніи молодыхъ народовъ, встрѣчавшихъ въ нихъ ту же распущенность, ту же неурядицу нравственныхъ отношеній, которую они видѣли и въ своей неустановившейся жизни. Сила аппетита, удовлетвореніе страсти путемъ насилія, обмана, всяческихъ продѣловъ, въ то время казавшихся очень смѣшными, являлись въ литературѣ прямымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, поддерживались всѣмъ

складомъ современнаго общества ¹⁾. Поэтому-то, если въ нашемъ романѣ незаконная любовь даетъ автору возможность заглянуть по-глубже во внутреннюю жизнь героевъ, раскрыть передъ читателемъ цѣлый міръ чувствъ и страданій, вызываемыхъ осложняющимися отношеніями дѣйствующихъ лицъ, то стариннаго разсказчика привлекалъ въ такомъ сюжетѣ одинъ голый фактъ преступленія, мало возмущавшій его нравственное чувство: любовная интрига была занимательна тѣми обманами и ловушками, которыми сопровождалась, тѣми водевильными недоразумѣніями и коллизіями, которыми обставлялъ ее авторъ-юмористъ.

Впрочемъ, если художественной повѣсти эпоха придавала часто характеръ скабрѣзнаго водевиля, то она же обусловила и высочайшій трагизмъ новеллъ слѣдующаго, *четвертаго дня* «Декамерона». Въ нихъ стихійная сила мало развитой природы человѣческой сказалась не въ одной неудержимой страсти животныхъ побужденій, но и въ строгомъ, мрачномъ колоритѣ описываемыхъ событій. Этотъ день посвященъ разсказамъ о жертвахъ несчастной любви — *si ragione di coloro li cui amori ebbero infelice fine*. Здѣсь любовь, болѣею частью естественное, сильное чувство, имѣетъ несчастный исходъ, или вслѣдствіе неумѣренной пылкости страсти: такъ, въ Nov. 3, женщина изъ ревности отравляетъ своего любовника и разрушаетъ счастье всего семейства; или вслѣдствіе внѣшнихъ прегрѣшествій, въ видѣ неравенства общественныхъ положеній; вслѣдствіе естественной коллизіи, возникающей при незаконной любви замужней женщины, — Nov. 9: мрачная исторія гр. Руссильонскаго, пославшаго женѣ сердце ея любовника, отчего та лишила себя жизни; или, наконецъ, вслѣдствіе коллизіи любви и чести, любви и родительской воли: Nov. 9 — внукъ короля сицилійскаго хочетъ похитить влюбленную въ него дочь Тунисскаго короля въ то время, какъ ее везутъ въ назначенному ей отцомъ жениху; овладѣваетъ ея кораблемъ, несмотря на обещаніе, данное его дѣдомъ, причеиъ свита бросаетъ не вѣсту въ море, а его казнить дѣдъ за то, что онъ нарушилъ его рыцарское слово. Въ этихъ разсказахъ главными мотивами дѣйствія, основами разсказа являются тѣ страсти и чувства, ко-

¹⁾ Никто, по поводу невольнаго сдѣла, придется еще разъ вернуться къ вопросу о книжкѣ «Декамерона». Мы увидимъ, что этотъ характеръ Боккаччевой повѣсти, съ одной стороны, обуславливался указаннымъ отчасти настроеніемъ эпохи, а съ другой — извѣстными потребностями народнаго ума, той степенью эстетическаго развитія, на которой находится народъ, создающій подобныя сюжеты. Самъ же новеллистъ и въ этомъ случаѣ пользовался только тѣмъ, что ему давало народное творчество.

торыя хотя и подъ незамѣнлившимися формами, никогда не устарѣютъ въ человѣчествѣ; отсюда и глубокий интересъ этихъ разсказовъ, не говоря уже про совершенство ихъ формы, зависѣвшее отъ крайне несложнаго ихъ содержанія. Отъ этого, хотя въ болѣе части этихъ разсказовъ мы и не можемъ не удивляться терпимости автора къ человѣческой слабости, ярости тѣхъ красокъ, которыми онъ рисуетъ самыя неудобныя положенія, но эта беззащитная точность описанія, излишняя въ наше время детальность разсказа, не оскорбляютъ такъ нравственнаго чувства, а содѣйствуютъ полнотѣ и цѣльности общаго впечатлѣнія: впечатлѣнїе это заставляетъ насъ чувствовать въ лицахъ этихъ разсказовъ сильный, здоровый темпераментъ, въ которомъ всякое чувство имѣетъ возможность развернуться со всѣмъ пыломъ страсти, въ которомъ всякое движеніе сердца есть проявленіе нетронутыхъ душевныхъ силъ въ молодомъ необузданномъ организмѣ. Здѣсь молодость народа сказывается не однимъ избыткомъ физической жизни, сила страсти не однимъ злоупотребленіемъ ею, какъ въ предшествующемъ отдѣлѣ разсказовъ, не одиѣми грязными продѣлками и проказами, но и горячностью, глубиною сердечнаго чувства; тутъ любовь производитъ трагическія столкновенія вполнѣ цѣльныхъ характеровъ, вѣрныхъ одному чувству, несложныхъ и не надорванныхъ многовѣковой цивилизаціею: тутъ ненависть, месть, ревность, гнѣвъ проявляются въ широкихъ размѣрахъ, которые превышаютъ пониманіе нашего сѣвернаго, слабонервнаго поколѣнія. Здѣсь коллизіи чувствъ разрѣшаются не только убійствомъ, не только кинжалъ, ядъ служатъ мстителами за поруганную честь, — здѣсь (Nov. 1 и 9) вынимается изъ трупа сердце любовника и подносится одинъ разъ дочери оскорбленнымъ отцомъ, другой разъ мужемъ невѣрной женой. Но подъ жестокостью этихъ нравовъ великій писатель умѣлъ угадать черты общечеловѣческой природы, художественное изображеніе которой не можетъ не поражать насъ своей искренностью и правдивостью; умѣлъ воссоздать живыхъ людей, подъ историческимъ характеромъ которыхъ мы чувствуемъ нѣчто родственное намъ, хотя и далеко превосходящее насъ грубой энергіею и непосредственностью чувства. Въ этой жизненности характеровъ, близкихъ намъ, несмотря на разстояніе столькихъ вѣковъ, — сказался талантъ безсмертнаго поэта, создавшій и безукоризненную форму новеллы: изъ всѣхъ повѣстей «Декамерона» этотъ отдѣлъ ихъ наиболѣе замѣчателенъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ, по художественной законченности,

по тому совершенству разсказа, которое никогда не утерять своего значенія въ словесномъ искусствѣ.

А что эти новеллы были вполнѣ вѣрны духу эпохи и націи, среди которыхъ возникли, хотя заимствовались изъ древнихъ и далекихъ источниковъ, что ихъ за то высоко цѣнили современники, доказывается ихъ необыкновенною популярностью: такъ, ни одна новелла не переводилась, не передѣлывалась, не обрабатывалась такъ часто, какъ первая новелла этого дня: она переведена была латинской прозой, латинскими стихами, итальянскими октавами; она составляетъ содержаніе пяти итальянскихъ трагедій и одной англійской XVI вѣка; она разсказана французскими стихами и англійскими, и наконецъ обработана Драйденомъ въ драмѣ *Sigismunda and Guiscardo*. Содержаніе знаменитой повѣсти крайне не сложно: Танкредъ, князь Салернскій, такъ безумно любитъ единственную дочь свою, вдову, что держитъ ее при своемъ дворѣ и не отдаетъ ее замужъ; молодая женщина влюбляется въ юношу, служащаго при отцѣ, и часто принимаетъ его у себя черезъ потаенный ходъ. Отецъ однажды дѣлается незамѣтнымъ свидѣтелемъ ихъ свиданія, приказываетъ убить молодого человѣка, а дочь осыпаетъ упреками за то, что она не только забыла свою честь, но и избрала человѣка, стоящаго по сословію гораздо ниже ея. Послѣ длиннаго діалога, въ которомъ отецъ и дочь упрекаютъ другъ друга съ одинаковымъ правомъ и одинаковымъ краснорѣчіемъ, дочери приносятъ въ золотой чашѣ сердце ея возлюбленнаго; она наливаетъ себѣ яду, выпиваетъ его, ложится на постель и, держа въ рукахъ то, что ей было дороже всего на свѣтѣ—сердце возлюбленнаго, умираетъ. Въ этомъ несложномъ разсказѣ, въ фактическомъ описаніи смерти, которая является естественнымъ завершеніемъ глубокой страсти, такъ много истиннаго трагизма, что совершенно понятно, почему повѣсть эта служила сюжетомъ столькихъ трагедій.

Вообще въ этихъ новеллахъ Боккачіо не жалѣетъ драматическихъ средствъ для потрясающихъ эффектовъ; но эффекты эти выводятся на сцену только какъ послѣдствія извѣстныхъ крайностей чувства, какъ проявленія необузданныхъ страстей. Сильное, горячее чувство молодыхъ людей отбѣивается въ иныхъ повѣстяхъ темными предчувствіями несчастнаго конца; черные сны являются предвѣстниками страданія, разлуки. Такъ, одна изъ этихъ новеллъ (Nov. 6) по силѣ и поѣву страсти, которою проникнута, имѣетъ нѣчто родственное съ твореніемъ Шекспира «Ромео и Юлія» (заимствованнымъ, какъ извѣстно, изъ итальян-

своей новеллы). Андреола, дочь богатых родителей, полюбила сосѣда, Габріотто, прекраснаго и достойнаго юношу, но по званію стоящаго ниже ея. Молодые люди сходятся часто въ саду и кончаютъ тѣмъ, что вступаютъ въ тайный бракъ. Андреола видитъ однажды во снѣ, что они находятся въ саду, и нѣчто темное и ужасное, образа чего она не можетъ опредѣлить, отнимаетъ у ней Габріотто и скрываетъ его подъ землею. Нануганная, она пропускаетъ одно свиданіе, а когда встрѣчается на другой разъ съ нимъ въ саду, объявляетъ, почему она не была, и рассказываетъ сонъ. Онъ старается уговорить ее и, въ доказательство того, что не придаетъ снамъ никакого значенія, рассказываетъ ей свой собственный сонъ: онъ видѣлъ, что приручилъ хорошенькую бѣленькую козу, и однажды, покуда она ласкалась къ нему, на него бросилась страшная, черная собака, стала кусать его въ лѣвый бокъ и прогрызла его до самаго сердца. Такой сонъ, конечно, ничего не имѣетъ успокоительнаго, и молодая женщина не перестаетъ тревожиться: ей все кажется, что вотъ-вотъ исполнится ея сонъ, и у нея отнимется ея Габріотто. Лѣтняя ночь, сцена у прекраснаго, свѣтлаго фонтана; Андреола держитъ въ рукахъ бѣлыя и красныя розы. Темное предчувствіе ея сбывается: Габріотто тяжело вздыхаетъ, вскрикиваетъ и падаетъ на траву. Она наклоняется, кладетъ его къ себѣ на колѣни, но онъ весь въ поту, еле дышетъ и черезъ нѣсколько мгновеній умираетъ. Слезы, отчаяніе жены. Сперва она думаетъ тайно похоронить его, а затѣмъ лишитъ себя жизни; но служанка, повѣренная ея любви, отговариваетъ ее отъ этого тѣмъ доводомъ, что за самоубійство она будетъ въ аду, а онъ, какъ хорошій человѣкъ, навѣрно заслужилъ рай, и они никогда не увидятся въ будущей жизни: лучше провести остатокъ дней въ молитвахъ за него, и т. п. Она соглашается; покойника убаюкаютъ розами, и обѣ женщины несутъ его къ дому родителей, чтобъ и тѣ могли оплакать его безвременную кончину. Но на дорогѣ ихъ встрѣчаетъ подеста, дѣло происходитъ въ г. Бресція, и хотя Андреола откровенно рассказала ему все случившееся, онъ задерживаетъ обѣихъ женщинъ съ ихъ ношей, приводитъ ихъ къ себѣ и здѣсь предлагаетъ Андреолѣ свою любовь, обѣщая освободить ее. Она мужественно защищаетъ и не боится его суда. На утро приходитъ ея отецъ, у котораго она проситъ прощенія за тайный бракъ; онъ, горячо любя ея, бранитъ ее только за ея недовѣріе, за то, что она скрыла отъ родителей свою любовь. Вѣсть объ этомъ событіи облетѣла городъ; не только родные покойника и его жены собираются оплакивать и хоронить его,

но вся молодежь города, сочувствуя любви и горю молодой женщины, осыпает его цвѣтами; самые знатные, почетные люди города выносят его на рукахъ изъ дворца подесты и хоронятъ съ торжествомъ, небывалымъ для юноши такого званія. Огорченной вдовѣ—подеста предлагаетъ теперь руку, но она отказывается отъ этой чести и уходитъ въ монастырь. Красотѣ и потрясающему впечатлѣнію этой несложной тѣмы, рассказанной такъ широко, мѣшаетъ, мнѣ кажется, только этотъ эпизодъ вѣроломнаго судьи; неблагоприятный поступокъ его не придаетъ никакого новаго интереса повѣсти, рассказывающей не больше какъ не совсѣмъ обыкновенную развязку довольно обыкновеннаго романа; простой и цѣльный характеръ любящей жены отъ этого испытанія не обогащается никакой новою чертою: не трудно повѣрить, что послѣ сцены смерти въ саду молодой женщинѣ хватить мужества, чтобъ защищать свою честь. Источникъ этой новеллы—неизвѣстенъ. Говорили, что сюжетъ заимствованъ изъ старинной хроники гор. Бресчин, но Ландау (*Die Quellen des Decamerone*, стр. 109) предполагаетъ, что скорѣе хроникѣръ взялъ фактъ изъ «Декамерона», чѣмъ на оборотъ. Мотивъ же вѣроломнаго судьи—очень распространенный въ греческихъ романахъ, которые, какъ мы увидимъ въ пятомъ днѣ рассказовъ, были не безъ вліянія не только на средневѣковую народную литературу, но и въ сильной степени на «Декамеронъ».

Если въ рассказѣ объ Андреолѣ и Габріотто средствами драматическаго эффекта служатъ темныя предчувствія въ формѣ сновъ, то въ другой новеллѣ этого дня сонъ играетъ еще болѣе значительную роль. Это 5-я новелла: сестра любитъ одного юношу; братья, желая скрыть ея безчестье, убиваютъ его,—они купцы, а онъ ихъ приказчикъ,—сами закапываютъ его тѣло въ землю и распускаютъ слухъ, что отправили его въ дальнее путешествіе по дѣламъ; сестра горюетъ въ разлукѣ; во снѣ ей является ея возлюбленный и объясняетъ, гдѣ онъ похороненъ: она отрываетъ его тѣло, уноситъ съ собою его голову, кладетъ ее въ цвѣточный горшокъ, засыпаетъ землей, сажаетъ въ него кустъ базилики, орошаетъ его постоянно слезами и цвѣтокъ вырастаетъ въ полной красотѣ, благодаря и необыкновенно-удобренной почвѣ, и ея тщательному уходу: она ни на минуту не расстаётся съ цвѣткомъ, тоскуетъ и плачетъ надъ нимъ, а когда братья, отрывши, что хранится въ горшкѣ, отнимаютъ его у нея, она умираетъ отъ горя. Нельзя не сознаться, что поэтическая мысль посадить цвѣтокъ базилики на черепъ любимаго человѣка и возродить его своими слезами имѣетъ для насъ

много диваго, но она такъ же, какъ и явленіе во снѣ мертвеца, объясняющаго причины своей смерти, вполне согласна съ духомъ народной поэзіи; притомъ же самъ авторъ заявляетъ, что событіе это воспѣвается въ народѣ до сихъ поръ, и приводитъ начальныя слова этой пѣсни.

Впрочемъ, близость къ народной жизни, отраженіе въ новеллѣ ея стихійныхъ силъ, не тронутыхъ нашею рефлексіею, связывается очень рѣзко и безъ научныхъ изслѣдованій о происхожденіи этихъ сюжетовъ: цѣльность характеровъ, размѣры, которые въ нихъ принимаетъ страсть, сила неподдѣльнаго простого чувства, отъ избытка котораго умираютъ герои,—говорятъ уже за то, что повѣсти Боккачіо не были плодомъ одной фантазіи поэта, что эти тѣмы разсказа создавались столько же жизнью народа, сколько его поэзіей. Въ новеллѣ 8-й этого же дня разсказывается, какъ Джироламо съ дѣтства еще любилъ Сальвестру, но мать, не желавшая этого брака, услала его въ Парижъ; вернувшись, онъ нашелъ Сальвестру замужемъ и, убѣдившись въ ея вѣрности мужу, умеръ съ горя; а она хотя и присутствовала при его внезапной смерти, пошла въ церковь взглянуть на покойника; тутъ вдругъ она почувствовала всю свою прежнюю любовь къ нему, упала на гробъ и умерла отъ прилива сильнаго чувства ¹⁾. Читатели-современники Боккачіо не могли не видѣть въ изображеніи этихъ сильныхъ потрясающихъ чувствъ художественнаго воссозданія того, чтó они видѣли вокругъ себя. Весьма видную роль играла физическая сила, страстность темперамента не только въ эту раннюю эпоху итальянской жизни, но и въ блестящій періодъ возрожденія, крайне дешева была жизнь человѣка, и быстро за словомъ, за движеніемъ сердца слѣдовало дѣло,—за оскорбленіемъ ударъ ножа,—а вслѣдствіе того и тѣ сильныя проявленія аффекта, которыя придаютъ столько драматизма этимъ новелламъ, были явленіемъ весьма обыкновеннымъ, зауряднымъ, и для нагляднаго, вполне реальнаго воспроизведенія всего этого въ искусствѣ поэтъ-художникъ могъ списывать съ натуры, брать черты окружавшей его дѣйствительности ²⁾. Понятно, что современники Боккачіо должны

¹⁾ А. Мюссе въ своихъ *Poésies Nouvelles*, 1886—1882, разсказываетъ содержаніе этой новеллы, превосходно давая чувствовать ту простоту и неподдѣльность чувства, которымъ дышетъ разсказъ средневѣковаго итальянскаго новеллиста.

²⁾ Тэнъ въ своей *Philosophie de l'art en Italie* приводитъ множество разсужденій и фактовъ въ подтвержденіе своей характеристики страстнаго темперамента, такъ рѣзко отпечатлѣвавшагося въ автобіографіи Бенн. Челлини, и бывшаго значительнымъ условіемъ художественнаго развитія эпохи.

были узнавать самих себя въ тѣхъ характерахъ, которые если любить, то умирають для всякаго другого чувства, если ослаблены ревностью, то, не долго думая, отравляютъ любимаго человѣка; они должны были видѣть художественное воплощеніе всей своей душевной жизни въ образахъ, завѣщанныхъ еще первобытнымъ творчествомъ народа (базилика, вырощенная слезами); у нихъ и въ жизни, и въ поэзіи, какъ любовь, ея счастье и неудачи, такъ и сама смерть не вызывала всѣхъ сложныхъ, неуловимыхъ, утонченныхъ ощущеній, которыя являются у насъ плодомъ умственной работы многочисленныхъ поколѣній,—тамъ всякій характеръ выдѣлялся очень рѣзко и опредѣленно, а не дробился на множество трудно-уловимыхъ чертъ; тамъ всякое чувство выливалось сполна—en bloc, безъ оттѣнковъ, тамъ автору не было случая выказать ту виртуозность психическаго анализа, ту почти болѣзненную склонность къ самонаблюденію и самоизученію, которая заставляетъ насъ въ произведеніяхъ нашего времени видѣть черты собственной природы, отраженіе нашего собственнаго душевнаго состоянія. Люди, которые такъ легко всѣ коллизіи чувствъ, всѣ затрудненія жизни разрѣшали ударомъ кинжала или кубкомъ яда, умѣли высоко цѣнить несложное дѣйствіе повѣсти, и въ той же степени увлекались реальнымъ описаніемъ своей жизни, въ какой и мы увлекаемся, когда авторъ «Анны Карениной» мастерски рисуетъ намъ безысходный лабиринтъ мелкихъ развѣтлений мысли, возникающій въ измученномъ мозгу перваго человѣка. Въ этой близости къ жизни своего народа, своей эпохи—заключается и великое значеніе всякаго произведенія искусства.

Геній же Боккачіо, рисуя только то, что давала ему жизнь и фантазія его народа, заставляетъ насъ, силою своего идеальнаго воспроизведенія, и подъ реальными чертами средневѣковыхъ характеровъ чувствовать людей и страсти всѣхъ временъ и народовъ.

VII.

Пятый день «Декамерона» посвященъ судьбамъ счастливой любви, тѣмъ приключеніямъ и препятствіямъ, которыя претерпѣваются и побѣждаются влюбленными. Если любовь у Боккачіо—чувство крайне несложное, то и въ этихъ разсказахъ оно не можетъ давать повода никакимъ внутреннимъ, психологическимъ перипетіямъ, и тутъ препятствія—въ области вѣншней жизни.

Какъ въ предыдущихъ новеллахъ затрудненія рѣшались ядомъ и енижаламъ, такъ и здѣсь—внѣшнія препятствія побѣждаются довольно простыми способами. Главная помѣха счастью — неравенство общественнаго положенія, устраняется поворотомъ фортуны въ родѣ нечаяннаго открытія высокаго званія, скрытаго подъ чужимъ именемъ (Nov. V, VII), или слѣпой игры случая (въ Nov. II: море приноситъ дѣвушку, обречшую себя вѣрной смерти, въ ту страну, куда женихъ ея, получивши по бѣдности отказъ въ ея руки, отправился искать счастья).

Въ этомъ подборѣ приключеній мы встрѣчаемся съ тѣми мотивами разсказа, присутствіе которыхъ въ средневѣковой повѣсти — несомнѣнно, хотя наукѣ и трудно пока рѣзко обозначить ихъ вліяніе. Эти мотивы разсказа—воспоминанія классической древности, которыя, какъ мы имѣли случай замѣтить въ Новеллинно, были очень живучи въ народной мысли. Воспоминанія эти отчасти поддерживались сношеніями съ Византіей, прямой наслѣдницей древняго міра, и явились въ «Декамеронѣ» какъ отголоски народнаго творчества, претворившаго въ себѣ смѣсь самыхъ разнородныхъ элементовъ. Въ этой дѣятельности средневѣковой фантазіи, греко-римская литература участвовала тѣми своими произведеніями, которыя были наиболѣе близки по времени, но по художественному своему значенію стояли очень низко, такъ что воображеніе молодыхъ народовъ должно было перерабатывать тѣ элементы, въ которыхъ проявлялась одряхлѣвшая мысль, утратившая уже высокія творческія способности. Поздне-греческая беллетристика, слѣды которой мы встрѣчаемъ въ 5-мъ днѣ «Декамерона» — греческіе романы III—VI вѣковъ по Р. X. — возникла ¹⁾ въ пору полного распада всѣхъ основъ античной жизни и античной цивилизаціи. Какъ въ гражданской жизни широкій космополитизмъ римскаго владычества занялъ мѣсто древней исключительности, древняго дѣленія міра на эллиновъ и варваровъ, какъ въ религіозной мысли этихъ суевѣрныхъ вѣковъ смѣшались всѣ культы, всѣ религіозныя и философскія школы, такъ и въ художественной дѣятельности этой эпохи мы не видимъ уже прежнихъ носителей эпическихъ и трагическихъ идеаловъ, тѣхъ мифовъ и преданій, которые выросли на почвѣ древней Эллады, служили лучшимъ выраженіемъ ея народнаго міросозерцанія и доставляли богатый матеріалъ творчеству ея

¹⁾ Rohde: Der griechische Roman u. s. Vorlaeuffer. Ст. объ этой книгѣ А. Веселовскаго: „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1876, № 11. Въ „Revue de d. Mondes“ 15-го марта прошлаго года, Гаст. Буассье излагаетъ очень легко исторію греч. романовъ по Роде, но не касается самихъ произведеній.

поэтовъ, здѣсь господствуетъ личная дѣятельность писателей, слабо отражающая народную мысль. Если авторы поздне-греческихъ романовъ и разрабатывали мѣстные саги и легенды, то эти отголоски обще-народной поэзіи, собранные со всего міра, становились у нихъ предметомъ личнаго вымысла: это былъ только матеріалъ, изъ котораго они набирали пеструю мозаику безжизненныхъ романовъ, не вкладывая въ нее никакого сильнаго искренняго чувства. Въ этотъ вѣкъ ученыхъ критиковъ, комментаторовъ и компиляторовъ—и художественная мысль могла только собирать, компилировать поэтическіе элементы Востока и Запада, но она неспособна была ни оживить ихъ единымъ духомъ, ни заставить ихъ служить новымъ идеаламъ, потому что устарѣли чувства, одряхлѣли всѣ основы жизни, а идеаловъ народныхъ, общественныхъ не существовало. Въмѣсто патріотическихъ гражданскихъ чувствъ двигателями человѣческихъ стремленій въ этой литературѣ является малое, личное чувство, любовь. Роде разбираетъ чрезвычайно подробно, какъ изъ эллинистической хроники выросла эротическая фабула романа и заглушила всѣ болѣе глубокіе и высокіе мотивы поэзіи. Эгоистическое чувство, которое имѣетъ характеръ сентиментально-болѣзненнаго состоянія, не можетъ дать силы и отдѣльному человѣку, не можетъ и въ литературѣ быть предметомъ живого конкретнаго воспроизведенія, потому что не въ силахъ побудить своихъ жертвъ къ какой-нибудь дѣйствительной, здоровой дѣятельности, къ какому-нибудь ясно-опредѣленному дѣлу; страсть тутъ является не побужденіемъ къ высокому подвигу, какъ въ древнемъ эпосѣ, а дѣлаетъ человека игрушкой внѣшнихъ обстоятельствъ. Мѣсто идеи или воли боговъ, которымъ подчиняются произведенія великаго искусства, заступилъ произволъ, — слѣпой, неопредѣленный рокъ, проявляющійся въ ничѣмъ необъяснимой игрѣ случая. Эта фаталистическая сила составляетъ руководящую идею романа или, правильнѣе, обуславливаетъ полное отсутствіе идеи: возможна-ли какая-нибудь ясная основная мысль въ произведеніи, когда людьми управляетъ непостижимый капризъ? Случай выдаетъ ихъ изъ стороны въ сторону, изъ одной опасности въ другую, неизвѣстно зачѣмъ,—ихъ воля, ихъ характеръ не руководятъ ими, потому что они безхарактерны и безличны, а ихъ чувство такъ блѣдно и слабо, что вводится въ романъ для приданія интереса чисто-внѣшнимъ событіямъ, отъ нихъ независящимъ. Естественно, что при этомъ не можетъ быть рѣчи о цѣльномъ, законченномъ дѣйствіи. Одно событіе слѣдуетъ за другимъ, безъ внутренней связи, безъ опредѣленнаго основанія. Чувство, которое, казалось бы, составляетъ

главный мотивъ дѣйствія, не можетъ связать расплывающагося повѣствованія, потому что оно не болѣе какъ пассивное, болѣзненное настроеніе души: къ тому же, поэзія того времени, проникутая софистическими теоріями, не можетъ воссоздавать прямого непосредственнаго чувства, способнаго быть источникомъ активной жизни; поэзію замѣняетъ *риторика*. Пользуясь изученіемъ древней поэзіи, заимствуя однѣ формы ея, холодная, условная риторика софистовъ издавала готовые рецепты, по которымъ описывалось всякое чувство. Въ ихъ риторическихъ сочиненіяхъ на эротическія тѣмы, а потомъ и въ романахъ, любовь всегда является съ одними признаками болѣзненнаго разстройства; при такой единственной формѣ проявленія, она, естественно, не можетъ придать интереса внутренней исторіи героевъ; потому интересъ долженъ заключаться не въ самомъ изображеніи ея, а въ многочисленныхъ обстоятельствахъ ея вѣдшей судьбы. Отъ этого греческій романъ, кромѣ эротической фабулы, основнымъ элементомъ повѣствованія имѣетъ еще похищенія, т.-е. странствованія любящей четы изъ страны въ страну, сопровождаемыя самыми необыкновенными перипетіями. При крайней бѣдности чувства, при безхарактерности героевъ, при отсутствіи психологической завязки, повѣствователь старался завлечь фантазію читателя подборомъ невозможныхъ приключеній; тутъ онъ не жалеетъ эффектовъ: враги преслѣдуютъ любящую чету, настигаютъ ихъ и, казалось, они погибли, какъ вдругъ является неожиданное спасеніе—волшебство играетъ тутъ не послѣднюю роль, и тогда оживаютъ трупы; буря, убійство, похищенія, самыя невѣроятныя совпаденія затягиваютъ рассказъ; затѣмъ, преслѣдованіе продолжается, вводится множество новыхъ лицъ, и опять въ самую критическую минуту какой-нибудь поворотъ фортуны выводитъ героевъ изъ этой опасности въ другую, чтобъ затѣмъ опять привести къ спасенію, такъ что подъ конецъ теряется не только нить событій, но и счетъ имъ. Итакъ, эротическій и странный элементы повѣствованія—вотъ содержаніе этой беллетристики, а неумѣренное употребленіе сильныхъ, потрясающихъ эффектовъ и риторическая напыщенность, выражающаяся въ длиннотахъ, въ софистическомъ пафосѣ и правильности рѣчей и обращеній,—составляютъ главные признаки этого рода поэзіи ¹⁾.

Въ мертвенномъ застоѣ византійской жизни долго жили под-

¹⁾ Нѣтъ возможности дальше останавливаться на этой интересной формѣ повѣствованія, въ которой пришла греческая поэзія, и которая такъ подробно изслѣдована у Роде. Она тѣмъ болѣе интересна, что должна была имѣть большое вліяніе на рыцарскую поэзію, на рыцарскіе романы и поэмы.

ражанія этимъ романами, а черезъ Византію проникали и въ средневѣковую литературу. Въ Италію они заходили и черезъ ученыхъ монаховъ, которые нарождавшемуся поколѣнію гуманистовъ преподавали греческій языкъ. Намеки на вліяніе этихъ романовъ въ «Декамеронѣ» — несомнѣнны, хотя они могли быть не столько книжными воспоминаніями автора, сколько заимствованіями изъ народной фантазіи, знакомой съ византійскими источниками. Непосредственное присутствіе этого элемента Роде указываетъ въ *первой* новеллѣ этого дня, которая потому представляетъ намъ нѣкоторыя новыя стороны повѣсти, нѣкоторыя особенности какъ по содержанію, такъ и по формѣ разсказа.

На островѣ Кипрѣ у одного знатнаго и богатаго человѣка было нѣсколько сыновей; изъ нихъ одинъ превосходилъ другихъ ростомъ и красотой, но такъ былъ глупъ, что ни ласки и побой отца, ни всѣ труды учителей не могли ни обучить, ни воспитать его. Звали его Гамво, но прозвище ему было Кимонъ, что на тамошнемъ языкѣ значило дуракъ (Bestione); даже манеры и голосъ его были грубы, какъ у послѣдняго мужика; потому его отправили жить въ помѣстьѣ съ работниками, и это общество ему пришлось болѣе по вкусу, чѣмъ городское. Однажды въ лѣсу онъ встрѣчаетъ красавицу дѣвушку; она спитъ, онъ останавливается передъ ней, и видъ ея производитъ на него чудесное дѣйствіе: въ груди просыпается чувство, сознаніе красоты. Вмѣстѣ съ чувствомъ развивается и мысль: дикарь спѣшитъ въ городъ, жаждетъ ученія, и черезъ четыре года усвоиваетъ себѣ всѣ качества высокаго воспитанія лучше всей молодежи острова Кипра. Онъ проситъ руки Ифигеніи — виновницы его перерожденія; отецъ ея отказывается ему, потому что она помолвлена за юношу съ о. Родоса. Нашъ герой не унываетъ, нападаетъ на корабль, везущій невѣсту, похищаетъ ее, но бурей его опять относитъ къ о. Родосу, гдѣ у него отнимаютъ добычу и сажаютъ его въ тюрьму. Свадьба Ифигеніи откладывается на нѣкоторое время, потому что братъ жениха ея сватается за одну дѣвушку, въ которую влюбленъ и Лизимахъ, высшій судья острова. Такъ какъ обѣ свадьбы должны быть вмѣстѣ, то Лизимахъ уговаривается съ Кимономъ, освобождаетъ его изъ тюрьмы, вмѣстѣ съ нимъ и другими товарищами нападаетъ на домъ, гдѣ пируютъ оба брата, и похищаютъ обѣихъ невѣстъ; оба сообщника уѣзжаютъ въ Кипръ, женятся на дѣвушкахъ, несмотря на ихъ сопротивленіе, и наслаждаются полнымъ счастіемъ.

По мнѣнію Роде, въ этой новеллѣ очень много чертъ позднегреческаго романа: античный костюмъ, греческія имена, мѣсто

дѣйствія — острова Родось и Кипръ, гдѣ всегда разыгрывались эти романы — риторическая напыщенность длинныхъ рѣчей; кромѣ этихъ вѣшнихъ признаковъ, слабо связанная интрига — введеніе новыхъ лицъ, такъ какъ герои не могутъ сами распутать приключеній; похищеніе невѣсты, обѣщанной отцомъ другому; произволъ случая — буря приноситъ Кимона не туда, куда онъ направляется, а опять къ Родосу; влюбленный судья, который въ греческихъ романахъ очень часто затягиваетъ развязку; наконецъ, самая любовь и ея высокое дѣйствіе на душу человѣка, — все это указываетъ, что новелла имѣла основаніемъ не реальное событіе, украшенное народнымъ вымысломъ, и не народную сказку съ восточнымъ колоритомъ, а тѣ полу-классическіе, полу-византійскіе источники средневѣковыхъ эпоей, которые сказались и въ искусственныхъ произведеніяхъ Боккачіо, какъ «Filosoro», «Teseide» и т. п. Впрочемъ, условныя формы риторической искусственности или искусственнаго идеализма, которыя привились въ тѣхъ эпоеяхъ, мы въ сильной степени встрѣчаемъ въ одномъ отдѣлѣ «Декамерона», о которомъ скажемъ послѣ. Въ повѣстяхъ же 5-го дня и въ предыдущихъ эти воспоминанія классической беллетристики сказались подборомъ приключеній, которыми украшается любовная исторія, и въ которыхъ случайность, нечаянность играетъ главную роль. Такимъ образомъ, если авторъ поздне-греческихъ романовъ долженъ былъ наполнять любовную исторію безконечнымъ множествомъ невѣроятныхъ похожденій потому только, что поэзія его времени не умѣла воспроизвести одно сильное, искреннее чувство, то воображеніе новыхъ народовъ, заимствуя эти мотивы, точно также дѣлало случай двигателемъ вѣшнихъ приключеній, — но уже потому, что первобытное чувство было просто и несложно и не допускало никакихъ внутреннихъ, душевныхъ перипетій, не могло давать повода ни къ психологическому анализу, ни къ внутреннему драматизму интриги. Вотъ, почему тѣ приемы литературы, которые вызывались упадкомъ и дряхлостью древняго міра, у средневѣковой Европы служили, наоборотъ, выраженіемъ ея молодости и сердечной простоты, точно также, какъ развращенность и распушенность нравовъ, породивши особыя черты въ литературѣ первыхъ вѣковъ нашей эры, отразились отчасти въ средневѣковой повѣсти, столь обильно надѣленной цинизмомъ. По этой же причинѣ рассказчикъ XIV-го вѣка, воспроизводя то, что жило въ памяти и фантазіи его народа, пользовался, вмѣстѣ съ тѣмъ, матеріаломъ, заимствованнымъ иными, отжившими условіями быта и словесности.

Но отъ этого новелла его не сходила съ реальной почвы: такіе мотивы, какъ внѣшнія перипетіи и приключенія въ любовной исторіи, хотя были вліяніями поздне-греческой беллетристики на народную фантазію, могли быть очень близкими и дѣйствительной жизни. Путешествія, которыя мы видимъ во 2-мъ и 5-мъ днѣ «Декамерона», случайности морского плаванія, разбойники на сушѣ и на морѣ, — словомъ, тѣ препятствія, которыя даютъ автору возможность соединять и разъединять любовниковъ, соответствуя приѣмамъ греческой беллетристики, могли, вмѣстѣ съ тѣмъ, основываться и на жизненномъ опытѣ слушателей и повѣствователя: рассказчикъ могъ одѣвать сказочно-художественной формой память о дѣйствительно случившихся въ народѣ событіяхъ.

Такой характеръ народно-сказочнаго вымысла имѣетъ 2-я новелла этого дня, благодаря корсарамъ, сарацинамъ, дѣйствующимъ въ ней, плѣну у восточнаго султана и ясному, несложному содержанію. Въ ней рассказывается, какъ на Липарскихъ островахъ отецъ не отдаетъ дочери за Мартуччіо Гомито, котораго она любитъ потому только, что онъ бѣденъ. Мартуччіо пускается въ море, чтобъ не иначе вернуться на родину, какъ богатымъ человѣкомъ, но попадаетъ въ руки сарацинъ, которые отвозятъ его въ Тунисъ. Вѣсть о гибели судна, гдѣ находился Мартуччіо, доходитъ до молодой дѣвушки, которая, считая его погибшимъ, въ отчаяніи хочетъ лишиться себя жизни, — ночью садится въ лодку, отчаливаетъ отъ берега и предоставляетъ себя произволу волнъ и вѣтра. Укрывши голову плащомъ, долго пролежала она въ лодкѣ, пока не заснула, а море было очень спокойно и принесло ее къ берегу, недалеко отъ Туниса. Тутъ ее нашла одна женщина, которая говорила и по-латыни, объяснила ей, гдѣ она находится, взяла ее подъ свое покровительство и помѣстила ее къ одной старушкѣ, гдѣ она могла руководѣлемъ заработать себѣ пропитаніе. А между тѣмъ Мартуччіо, сидя въ тюрьмѣ, нашелъ возможность оказать важную услугу тунисскому королю, придумавъ новую военную хитрость, вошелъ въ большую милость и сталъ знатнымъ и богатымъ человѣкомъ. Слухъ о томъ разносится по всему тунисскому королевству, доходитъ до его невѣсты, которая даетъ ему знать о томъ, гдѣ она; они сходятся, въ великой радости обоихъ, и препятствій для счастливаго брака не оказывается. Военная хитрость — причина счастливой развязки — состоитъ въ слѣдующемъ: вооруженіе какъ тунисцевъ, такъ и гренадскихъ мавровъ, ихъ враговъ, — лукъ и стрѣлы. Тунисцы дѣлаютъ себѣ тонкую тетиву и небольшія

стрѣлы; въ битвѣ, когда обѣ стороны выпускаютъ свои запасы стрѣлъ, то подбираютъ непріятельскія, пущенныя въ нихъ. На тунисскую тетиву будетъ годиться крупная непріятельская стрѣла, но ихъ стрѣлы не подойдутъ къ непріятельскимъ лукамъ и тѣмъ придется сдаться за неимѣніемъ оружія. Этимъ, заимствованнымъ изъ хроникъ Виллани, «военнымъ анекдотомъ» воспользовался Боккачю, чтобъ придать интересъ, остроу довольно незамысловатымъ приключеніямъ своихъ героевъ. Въ слѣдующей, 3-й новеллѣ рассказываются приключенія двухъ влюбленныхъ, которые бѣгутъ изъ Рима отъ вражды, раздирающей ихъ семейство, сбиваются съ дороги, попадаютъ въ руки разбойниковъ; потомъ блуждаютъ въ лѣсу, розыскивая другъ друга, пока, съ помощью обитателей сосѣдняго замка, не сходятся вновь.

Кромѣ подобныхъ приключеній, новеллы этого дня вводятъ еще одинъ довольно благодарный эффектъ развязки: это — узнаваніе родственниковъ по какимъ-нибудь примѣтамъ, или разоблаченіе высокаго званія, скрытаго по разнымъ причинамъ (Nov. V, VII). Такие эффекты встрѣчались и во второмъ днѣ «Декамерона»: въ тѣмъ счастливо распутанныхъ обстоятельствахъ; быть можетъ, и въ нихъ можно видѣть наслѣдіе античной литературы, такъ какъ въ классической комедіи, у Теренція, подобный мотивъ служить удобной развязкой интриги; но это классическое наслѣдіе такъ глубоко проникло въ художественную мысль, что въ повѣсти являлось отзвучіемъ народныхъ вымысловъ.

Духомъ народныхъ же сказаній, преданій и повѣрій, вѣетъ и отъ новеллы 8-й этого дня, гдѣ мы встрѣчаемъ то религиозное настроеніе этой эпохи, которымъ проникнута «Божественная Комедія». Въ Равеннѣ жилъ прекрасный и богатый юноша — Настаджіо-дельи-Онести. Онъ влюбился въ дочь Паоло Траверсари и дѣлалъ все возможное, чтобъ ей понравиться; но она была дика и жестока, гордилась своей красотой, знатностью, была высокомѣрна и презрительна, такъ что юноша въ большомъ горѣ думалъ даже лишиться себя жизни, — онъ рѣшился вовсе не думать о ней, но не могъ: тѣмъ меньше у него было надежды, тѣмъ сильнѣе была любовь. Сколько ни уговаривали его родные и друзья, долго не рѣшался онъ уѣхать изъ Равенны, — наконецъ, послѣ долгихъ приготовленій, онъ выѣхалъ изъ города въ сопровожденіи большой свиты, какъ-будто бы направляясь во Францію или въ Испанію. Но, отѣхавши три мили, онъ остановился въ Къасси, велѣлъ здѣсь разбить палатки и зажилъ, задавая пиры, обѣды и ужины. Дѣло было въ началѣ мая, стояла прекрасная погода; Настаджіо раздумался о жесто-

кой дамъ сердца и направился одинъ пѣшкомъ къ лѣсу изъ пиній. Болѣе полу-мили прошелъ онъ по лѣсу, былъ уже пятый часъ дня, какъ вдругъ ему послышались женскіе вопли и стоны. Онъ остановился, поднялъ голову—и тутъ только замѣтилъ, куда зашелъ. На-встрѣчу ему изъ чащи лѣса бѣжала съ крикомъ и слезами прекрасная женщина, обнаженная, растрепанная, испаряпанная сучьями и шипами; вслѣдъ за нею гнались двѣ страшныя собаки, которыя кусали ее, гдѣ только могли, а за ними—сердитый всадникъ на черномъ конѣ, съ длиннымъ мечомъ въ рукахъ, странно бранился и грозилъ смертью женщинѣ. Удивленіе и ужасъ овладѣли юношей; не имѣя оружія, онъ схватилъ сукъ дерева, чтобъ защитить несчастную отъ преслѣдователей. Но всадникъ издали закричалъ ему: «оставь, Настаджіо! мы должны наказать эту дурную женщину, какъ она того заслуживаетъ». Тутъ собаки оставили ее, всадникъ сошелъ съ коня, и когда Настаджіо замѣтилъ ему, что стыдно вооруженному человѣку преслѣдовать беззащитную женщину, какъ дикаго звѣря, то онъ объяснилъ, что при жизни влюбленъ былъ въ нее не меньше, чѣмъ и Настаджіо—въ дочь Паоло Траверсари, но она была такъ сурова и такъ жестока съ нимъ, что въ отчаяніи онъ лишилъ себя жизни; радуясь его гибели, она вскорѣ умерла и сама, и точно такъ же, какъ и онъ, осуждена на вѣчныя муки за свою жестокость и злорадство. На томъ свѣтѣ имъ дано наказаніе: ей—бѣгать отъ него, а ему, какъ своего смертельнаго врага, преслѣдовать ту, которую онъ такъ сильно любилъ. Каждый разъ, какъ онъ догонитъ ее, онъ прокалываетъ ее тѣмъ самымъ мечомъ, которымъ лишилъ себя жизни, вынимаетъ у ней сердце, внутренности и отдаетъ ихъ собакамъ; затѣмъ она опять оживаетъ—и снова начинается дикая охота; по пятницамъ обыкновенно онъ настигаетъ ее въ этомъ лѣсу, но и по остальнымъ днямъ они не отдыхаютъ, а продолжаютъ преслѣдованіе по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она дурно про него думала или жестоко съ нимъ обращалась, и это преслѣдованіе длится столько лѣтъ, сколько мѣсяцевъ она его мучила. Видя себя отъ ужаса, Настаджіо присутствуетъ при всей сценѣ наказанія. Развязка новеллы понятна: юноша воспользуется этимъ зрѣлищемъ, чтобъ расположить къ себѣ свою возлюбленную: въ слѣдующую пятницу онъ приглашаетъ къ себѣ все семейство Траверсари, велитъ накрыть обѣдъ въ лѣсу подъ пиніями; въ урочный часъ является всадникъ въ погонѣ за жестокосердой красавицей, рассказываетъ исторію наказанія всему обществу, въ которомъ находятся многіе, хорошо его знавшіе при жизни; всѣ растроганы,

а дочь Паоло Траверсари, для которой предназначалось поучение, побоялась для себя такой же участи и въ тотъ же день послала сказать Настаждію, что она согласна на всё его желанія.

Очевидно, что авторъ тутъ имѣлъ предметомъ народное преданіе, приуроченное въ данному мѣсту — дѣйствіе происходитъ въ Равеннѣ. Къ тому же, подобныя примѣры зрѣлищъ, содѣйствующихъ исправленію запугиваніемъ грѣшной совѣсти, довольно распространены въ средневѣковой литературѣ; хотя прямымъ источникомъ этой новеллы считаютъ хронику Гелинанда (François Helinand † 1229), но Боккачіо не выходитъ тутъ изъ того свойства суевѣрно-набожнымъ вѣкамъ круга представленій, въ которомъ мстительное привидѣніе возвращалось на землю, чтобы наказать враговъ или отплатить за обиду. Мало того, профессоръ Веселовскій (Ad. Bartoli, i prescuratori del Bocc., стр. 29), указываетъ, что новелла могла обрабатывать мѣстную сагу, такъ какъ существуетъ легенда о превращеніи Теодориха въ демоническаго охотника, а эту легенду можно опять связать съ сѣвернымъ миеомъ Вустона, и т. д.

Въ слѣдующемъ днѣ новеллъ мы имѣемъ дѣло не съ тѣмъ творчествомъ народа, которое заводитъ насъ въ глубь его мнѣческой жизни, но съ тѣми рассказами, которые вытекаютъ изъ народной жизни, непосредственно окружающей новеллиста.

Рассказы *шестого* дня вводятъ насъ въ область новеллы въ томъ первоначальномъ, тѣсномъ смыслѣ слова, въ которомъ этотъ терминъ употреблялся въ новеллино. Это — анекдоты; тѣ *leggiadri motti, belli detti*, всё тѣ *fiore di parlare*, образчики которыхъ мы уже видѣли отчасти въ первомъ днѣ, гдѣ имъ приписывалась такая невѣроятная сила. Мы видѣли и на примѣрѣ Саккетти, что флорентійцы были вообще большіе охотники до анекдотовъ, что у нихъ пользовалась большимъ сочувствіемъ дерзкая насмѣшка, вызывавшая колкій отвѣтъ и тѣмъ обращавшаяся въ орудіе противъ самого насмѣшника. Любя насмѣшку за ея остроту, новеллисты не считали анекдота мелкимъ служебнымъ жанромъ повѣствованія. Напротивъ, онъ у нихъ занималъ первое мѣсто. Оттого и у Боккачіо анекдотъ не является орудіемъ сатиры, не долженъ служить обществу, клѣйма однимъ мѣткимъ словомъ народъ, сословіе или нравы; онъ не стремится, какъ нашъ историческій анекдотъ, ярымъ, выдающимся примѣромъ освѣтить характеръ исторической личности, — анекдотъ XIV-го вѣка самъ себѣ цѣль, — употребляется ради одного комическаго эффекта, долженъ забавлять, не задаваясь никакими посторонними задачами.

Конечно, въ этомъ разрядѣ Боккачьевыхъ новеллъ больше, чѣмъ гдѣ-либо чувствуется ихъ время, и мы невольно удивляемся не только слабѣзости иныхъ выходовъ, но и крайней наивности остротъ, прозрачности тѣхъ намековъ, которые тогда казались чрезвычайно тонки и замысловаты. Напримѣръ, въ новеллѣ 8-й рассказывается, какъ одна молодая женщина все порицала, всѣми была недовольна, всѣхъ находила неприятными, а дядя посоветовалъ ей никогда не глядѣться въ зеркало, если ей такъ противны неприятныя лица. Тонкость, которую раскусить ребенокъ, не была понята гримасницей и не достигла своей цѣли. Понятно потому, что въ этихъ новеллахъ привлекательно не столько содержаніе ихъ, сколько приемы рассказчика: въ нихъ ясно слышится неторопливый, спокойный тонъ человѣка, который мастерскимъ рассказомъ умѣетъ приковать вниманіе: онъ по-долгу останавливается на мелочахъ и деталяхъ, намекаетъ то на то, то на другое извѣстное слушателямъ обстоятельство, но не впадаетъ въ длинноты, а тщательно поддерживаетъ интересъ до того окончательнаго момента, когда онъ скажетъ свое мѣткое, красное словцо. Эта манера лежитъ въ самомъ слогѣ автора и не передается ни въ изложеніи, ни въ переводѣ; не говоря уже про то, что она слишкомъ сильно окрашена мѣстнымъ колоритомъ: рассказывая анекдотъ, гдѣ участвуютъ лица, извѣстныя во Флоренціи, гдѣ встрѣчаются намеки на извѣстныя въ то время событія, приурочивая незамысловатую остроту къ исключительно мѣстнымъ интересамъ, новеллистъ нравился своей публикѣ, потому что она узнавала саму себя во всѣхъ деталяхъ рассказа. А въ наше время, когда не только не смѣшить это остроуміе, но еще нуженъ комментарий, чтобы понять всѣ тонкости, всю соль повѣсти, она кажется безсодержательной и плоской, какъ плоски въ переводахъ бойкіе водевили, продуктъ французской жизни, съ ихъ намеками на иной бытъ, на иной складъ жизни, со всей ихъ живостью и веселостью. Но если новелла, несмотря на это мѣстное значеніе, на свою *actualité*, переживаетъ, какъ образецъ художественнаго рассказа, цѣлыя поколѣнія и цѣлыя вѣка, то нельзя не признать за ней того художественнаго совершенства, ради котораго надо забыть и недалніе ея намеки и нетонкое ея остроуміе. Возьмемъ для примѣра *вторую* новеллу этого дня.

Дѣло происходитъ въ 1300 году, когда Данте былъ пріоромъ республики, а папа Бонифацій старался примирить партіи Гвельфовъ и Гибеллиновъ, враждовавшихъ въ лицѣ двухъ семей Герки и Донати. Когда папа Бонифацій послалъ по своимъ

важнымъ дѣламъ благородное посольство во Флоренцію, оно остановилось въ домѣ знатнаго дворянина Джери Спіна. Каждое утро проходили посланники со своимъ хозяиномъ мимо хлѣбника Чисти, который, находясь при дѣлѣ, всегда видалъ ихъ. Чисти, хотя ремесло (arte) имѣлъ не высокое, былъ очень богатый человекъ, и, несмотря на это, не оставлялъ своего дѣла, жилъ онъ очень роскошно и держалъ, между прочимъ, самыя лучшія красныя и бѣлыя вина во всей странѣ. Видя мессира Джери каждое утро съ папскими послами, онъ придумалъ, какъ бы хорошо было по такой жаркой погодѣ угостить ихъ хорошимъ бѣлымъ виномъ. Но, помня свое положеніе въ обществѣ, онъ зналъ, что неприлично ему, простому хлѣбнику, пригласить къ себѣ такихъ высокопоставленныхъ гостей, и сталъ придумывать, какъ бы устроить такъ, чтобъ мессиръ Джери самъ назвалъ его к нему. Онъ надѣлъ бѣлую куртку, чистый фартукъ, въ которомъ больше походилъ на мучника, чѣмъ на хлѣбника, велѣлъ вынести къ дверямъ ведро свѣжей воды, графинчикъ лучшаго своего бѣлаго вина и два стакана, которые были такъ чисты, что казались серебряными. Когда проходили знатные господа, Чисти, сплюнувъ въ сторону, принимался пить съ такимъ аппетитомъ, что тутъ и покойнику бы захотѣлось напиться. Видя это раза два, мессиръ Джери наконецъ не выдержалъ:—Ну, что, Чисти, вкусно?—Да, но какъ вкусно узнаете только тогда, когда попробуете!—отвѣчалъ Чисти, вскочивши. Усталость-ли, погода-ли, или особенная манера Чисти пить, вызвали жажду у благороднаго мессира, только онъ, смѣясь, предложилъ посланникамъ войти къ хлѣбнику и попробовать его вина. Чисти усадилъ гостей, самъ вымылъ стаканъ и наполнилъ виномъ, которое показалось всѣмъ необыкновенно вкуснымъ; съ тѣхъ поръ папское посольство не проходило мимо пиварни, не отвѣдавши тамъ вина; когда оно собиралось уѣзжать, мессиръ Джери задавалъ большой пиръ и пригласилъ лучшихъ гражданъ Флоренціи, между ними и Чисти; но хлѣбникъ ни за что не хотѣлъ пойти.

Во время торжества, Джери Спіна послалъ одного изъ прислуги попросить у Чисти хорошаго вина, чтобы хватало по полустакану на гостя. Слуга, который былъ очень сердитъ на Чисти за то, можетъ быть, что тотъ ни разу не угостилъ его виномъ, пошелъ къ нему и взялъ съ собою большую бутылъ. Какъ только ее увидѣлъ Чисти, то прямо сказалъ ему:—мессиръ Спіна послалъ тебя не ко мнѣ!—и сколько слуга ни увѣрялъ его, онъ не далъ другого отвѣта; тотъ съ тѣмъ и ушелъ. Когда онъ вер-

нулся во второй разъ, то, по приказанію хозяина, спросилъ хлѣбника:

— Если не къ тебѣ, то къ кому же послалъ меня мессиръ Спина?

— Къ Арно!—отвѣчалъ Чисти.—Когда этотъ отвѣтъ передали мессиру, онъ догадался въ чемъ дѣло, велѣлъ показать себѣ бутылъ, съ которой ходилъ слуга, выбрали его, какъ слѣдуетъ, и велѣлъ взять приличный графинъ.—Вотъ теперь я вижу, что ты посланъ ко мнѣ, сказалъ Чисти, и наполнилъ бутылъ. Въ тотъ же день онъ послалъ боченокъ этого вина къ мессиру Джери Спина и велѣлъ сказать ему, что онъ вовсе не испугался, видя большую бутылъ, но хотѣлъ только дать понять, что то вино, которое пили у него посланники, вино не для всѣхъ. Мессиръ поблагодарилъ его и съ тѣхъ поръ очень его любилъ и уважалъ.

Разскажемъ, какъ хорошенъкая жанровая картинка изъ быта средневѣковой общины, проливаетъ яркій свѣтъ на общественныя отношенія: въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ тутъ и богатство ея горожанъ, не боящихся труда, и ихъ отношеніе къ властямъ, къ высшему сословію, — хлѣбникъ не смѣетъ предложить вина благороднымъ людямъ, а знатный дворянинъ не можетъ не видѣть усиливающагося значенія буржуазіи и приглашаетъ ремесленниковъ на обѣдъ въ честь высокихъ посланниковъ. Въ этомъ анекдотѣ живо чувствуется сила того общества, которое такъ высоко подниметъ могущество своихъ ремесленныхъ и купеческихъ фамилій, что пройдетъ нѣсколько вѣковъ, и эти фамиліи будутъ и банкирами — и будутъ, какъ Медичисы, держать въ своихъ рукахъ судьбы европейской политики. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что такъ-какъ итальянскія новеллы часто одѣваютъ мѣстными костюмами сюжеты самыхъ отдаленныхъ странъ и самыхъ древнихъ временъ, то изъ нихъ не слѣдуетъ слишкомъ поспѣшно выводить заключенія о бытѣ и культурѣ Италіи; тѣмъ не менѣе трудно сомнѣваться, что Боккаччо разсказываетъ тутъ былъ чисто-флорентійскаго происхожденія, такъ много въ ней чертъ мѣстнаго характера, не говоря про историческія имена, названія улицъ и т. п. Нельзя не сознаться, что разсказчикъ былъ и великій поэтъ, если въ его граціозномъ, незатѣйливомъ анекдотѣ такъ живо возникаетъ физіономія города, такъ рельефно выдѣляется характеристическая фигура зажиточнаго ремесленника, — хлѣбникъ себѣ на умѣ, знаетъ какъ поддѣть великихъ міра сего, знаетъ какъ думать и объ ихъ прислугѣ, понимаетъ себѣ цѣну, но видитъ и свое мѣсто въ лѣстницѣ общественной

іерархіи. Въ жизненности и типичности дѣйствующаго лица не заключается ли красота и прелесть новеллы, которая хотя отъѣнена чисто-мѣстнымъ колоритомъ, но и намъ вполне доступна и понятна? Эта художественность являлась у Боккачіо ненамѣренно: желая потѣшить публику хорошенькимъ анекдотомъ, мѣткимъ словечкомъ умнаго хлѣбника, онъ вовсе и не думалъ, что мастерски нарисуетъ цѣлый типъ; онъ только, какъ опытный рассказчикъ, цѣнитъ остроту, заранее предвидя и предвещая ея успѣхъ, хочетъ съ эффектомъ преподнести ее слушателямъ, а для того, не торопясь, заранее ее подготавливаетъ и, прежде чѣмъ произнести ее, не жалѣетъ деталей, чтобы пояснить—гдѣ, какъ, при какихъ обстоятельствахъ, она была сказана. А это предварительное описаніе ея только придаетъ большую правдоподобность и живость рассказу, но подъ его реальными чертами создаются типы, въ яркомъ цѣльномъ образѣ увѣковѣчивается цѣлый уголокъ современной художнику жизни.

Такой же типичностью, такимъ же художественнымъ реализмомъ сильнѣе другихъ отмѣчена послѣдняя новелла этого дня, въ которой рассказывается уловка монаха, вывернувшагося изъ затрудненія. Она—единственная въ этомъ днѣ—не относится къ анекдотамъ, вся сила которыхъ въ одномъ мѣткомъ словѣ, и могла бы, по яркости выводимаго типа, служить обличеніемъ духовенства; тутъ новеллистъ, соображаясь съ своимъ сюжетомъ, пускаетъ въ ходъ юморъ чисто-народнаго пошиба: въ этой новеллѣ такъ много разныхъ присказокъ и побасенокъ, что, передавая ея содержаніе, трудно сохранить ея комическій характеръ. Вотъ что, приблизительно, въ ней рассказывается.

Въ Чертальдо живетъ богатый, набожный и легковѣрный народъ; туда каждый годъ является за подаваніемъ одинъ монахъ ордена св. Антонія, по прозванію *frate Cipolla* (братъ Луковица). Это—человѣкъ маленькаго роста, рыжий, веселый, назойливый, большой болтунъ и, хотя вовсе неученный, говорилъ какъ риторы (*un gran rettorico*), такъ что люди, незнающіе его, могли бы принять его за самого Туллія или Квинтиліана; при этомъ онъ въ дружбѣ и кумовствѣ со всѣмъ городомъ. Пришедши однажды за привычною лептою въ Чертальдо, онъ во время обѣдни, при большомъ стеченіи народа, напомнилъ въ проповѣди о тѣхъ приношеніяхъ ихъ монастырю, за которыя св. Антоній хранитъ вѣдѣніи коровъ, ословъ, свиней, овецъ, и объявилъ, что въ тотъ же вечеръ, принимая пожертвованія, онъ покажетъ и дастъ на поклоненіе набожному народу рѣдко-замѣчательную святыню, а именно, перо Архангела Гавріила, оставленное имъ у Пресвятой

Дѣвы въ Назаретѣ. Въ числѣ его слушателей было двое молодыхъ людей, которые, посмѣявшись этой выдумкѣ, рѣшились подшутить надъ нимъ, хотя были большіе съ нимъ пріятели. Въ тотъ же самый день, пока «братъ» обѣдалъ въ замкѣ, они отправились къ нему въ гостинницу и условились, что, пока одинъ будетъ разговаривать съ его слугой, другой разыщетъ въ его вещахъ перо, выдаваемое за святыню, а затѣмъ оба посмотрятъ, что-то монахъ покажетъ народу. Здѣсь слѣдуетъ юмористическая характеристика этого слуги при фрате Чиполла, Гуччіо. Про него самъ Чиполла говорилъ, что онъ обладаетъ девятью такими качествами и въ такой степени, что каждое изъ качествъ порознь могло бы уничтожить добродѣтель, умъ и святость Соломона, Аристотеля или Сенеки. Если одно изъ качествъ имѣетъ такую силу, то что же долженъ быть за человѣкъ, который, не имѣя ни ума, ни добродѣтели, ни святости, обладаетъ девятью изъ нихъ? Качества эти подобраны монахомъ подъ риму: *tardo, sugliardo, bugiardo, — negligente, disubbidiente, maldicente, — trascutato, smemorato, scostumato*; т.-е. лѣнивъ, грязенъ, лгунъ, — небреженъ, непослушенъ, золъ на языкъ; дерзокъ, глупъ, невѣжливъ. При этомъ онъ воображаетъ себѣ, что очень красивъ, и бѣгаетъ за женщинами, думая, что въ него всѣ влюблены; подслушиваетъ, кто бы съ монахомъ что ни говорилъ, и поспѣваетъ всюду съ своимъ мнѣніемъ. Ему-то монахъ поручилъ хранить свои вещи, а Гуччіо сидѣлъ въ кухнѣ, его любимомъ мѣстопребываніи, особенно когда тамъ была женская прислуга. Въ тотъ день онъ былъ занятъ ухаживаньемъ за кухаркой; на описаніе ея уродливости и его грязнаго костюма Боккачіо не пожагѣлъ самыхъ ярыхъ красокъ. Молодые люди очень обрадовались, видя, что Гуччіо занятъ въ кухнѣ, прошли въ комнату монаха и отыскиали между его вещами тотъ ящичекъ, гдѣ лежало перо — попугай! Птица эта была тогда вообще мало извѣстна, а въ Чертальядо ее не только никогда не видали, но никогда про нее и не слыхивали. Путники завладѣли перомъ, а въ ящикъ — насыпали угольевъ, которые нашли тутъ же въ комнатѣ, привели все въ прежній порядокъ и стали дожидаться проповѣди. Народъ, который послѣ обѣдни разошелся по домамъ, разнесъ на весь городъ слухъ о новой святынѣ, и вечеромъ къ церкви собралась огромная толпа. Монахъ, пообѣдавши, выспавшись, велѣлъ Гуччіо принести вещи и началъ проповѣдь на тѣму объ Архангелѣ. Зажжено было двое свѣчей, вынуть ящикъ изъ шелковой обертки, отпертъ... Когда монахъ увидѣлъ уголья, онъ не могъ придумать, кто бы подмѣнилъ святыню и мысленно выругалъ не Гуччіо, а самого себя — за то, что

довѣрился слугѣ, зная, каковъ онъ. Ничуть не перемѣнившись въ лицѣ, онъ поднялъ руки къ небу, заперъ ящикъ и воскликнулъ: «о, Боже, благословенно да будетъ Твое всемогущество!» Здѣсь начинается курьёзное описаніе путешествія, которое монахъ еще въ молодости предпринималъ будто-бы на востокъ. Издѣваясь надъ невѣжествомъ грубой толпы, онъ разводитъ небывлицы въ родѣ присказокъ нашихъ балагуровъ-раечниковъ, показывающихъ «артиллерійскій мостъ на тысячу верстъ» и т. п. Называя земли, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, онъ сыплетъ именами флорентійскихъ улицъ; онъ бывалъ въ странѣ лжи «Terra di Menzogna», гдѣ много монаховъ разныхъ вѣроисповѣданій благочестиво пекутся о своемъ спокойствіи и собственной пользѣ; онъ видѣлъ горы, гдѣ воды текутъ книзу; видѣлъ въ Индіи пернатыхъ, которыя летали, — вещь невѣроятная для того, кто этого не видалъ; онъ зналъ купца, который разбивалъ орѣхи и продавалъ сворлупу; былъ въ тѣхъ земляхъ, гдѣ лѣтомъ хлѣбъ холодный стѣбитъ 4 копѣйки, а теплый идетъ даромъ и т. п. Наконецъ, патріархъ Іерусалимскій по имени «Non-miblasmete-se-vo-i-riase» показывалъ ему столько святыхъ реликвій, что не пересчитаешь: во-первыхъ, крѣпкій цѣльный палецъ св. Духа, пучокъ волосъ Серафима, явившагося св. Франциску, ноготь херувима, платье св. Вѣры Католической (Santa Fe Catolica) и т. д. и т. д. Этой святыней онъ будто бы подѣлился съ остроумнымъ монахомъ, далъ ему сосудецъ со звономъ волоколовъ изъ Соломонова храма, перо архангела Гавріила, одну изъ сандалій св. Герарда, которую онъ ужъ отдалъ пубожному челоуѣку во Флоренціи, и наконецъ уголья, на которыхъ былъ сожженъ св. мученикъ Лаврентій. Перо архангела и уголья святого хранятся въ двухъ одинаковыхъ ящичкахъ, причемъ св. отецъ часто принимаетъ эти ящички одинъ за другой; такъ случилось и на этотъ разъ. Впрочемъ, это не простая случайность, а очевидно — промыслъ Божій; потому что празднествъ этого святого будетъ черезъ два дня, и само Провидѣніе, для того, чтобы возжечь въ сердцахъ слушателей истинное благоговѣніе къ святому Лаврентію, побудило его принести вмѣсто пера священные уголья, одно прикосновеніе которыхъ спасаетъ отъ огня. Приношеніе и пожертвованія посыпались находчивому монаху изобильнѣе, чѣмъ когда-либо; публика подходила къ нему, а онъ святыми угольями клалъ большіе кресты на платье мужчинъ и на покрывала женщинъ, увѣряя, что если отъ того уголья и убавлялись, то въ ящикѣ опять выросли, — чудо, замѣченное имъ не разъ. Такимъ образомъ, кромѣ выгодъ для себя, онъ ничего не получилъ отъ шутки, которую

надъ нимъ сыграли, а двое насмѣшниковъ, слушая его курьезную проповѣдь, такъ хохотали, что чуть не своротили себѣ челюсти; когда же толпа разошлась, они подошли къ монаху, объяснили, что сдѣлали, и отдали перо, которое на слѣдующій годъ дало поводъ новой проповѣди и новымъ поборамъ.

Главный мотивъ новеллы—выдаваніе простыхъ угольевъ за реликвіи, заимствованъ изъ восточнаго сборника; но если онъ не имѣетъ фактическаго основанія, то тѣмъ не менѣе обработанъ весьма близко къ дѣйствительности: не будь эти типы — монаха и прислужника,—списаны, конечно не безъ шаржа, съ натуры, новелла не имѣла бы той жизненности, которая до сихъ поръ заставляетъ насъ чувствовать силу ея сатиры. Она впоследствии подвергалась сильнымъ нареканіямъ и преслѣдованіямъ, за насмѣшку автора будто бы надъ святыней. Но наврядъ ли сатира была главною цѣлью автора; наше время склонно видѣть тутъ обличеніе невѣжественности и суевѣрія народныхъ массъ, а, вѣроятно, рассказчика и его публику тѣшила прежде всего курьезная проповѣдь, какъ доказательство ловкой находчивости монаха, и онъ, заботясь не больше, какъ о цѣльности, полнотѣ и правдоподобности смѣшного приключенія, тщательно обрисовываетъ героевъ рассказа и тѣмъ достигаетъ высшихъ цѣлей художественнаго произведенія: онъ воссоздаетъ людей и время, а сатира возникаетъ уже сама собой отъ тонкости и вѣрности его наблюденія, отъ искренности и правдивости въ передачѣ наблюдаемыхъ явленій. Отъ этого и яркость характеристики, отъ этого и мастерское веденіе дѣйствія.

Если гениальный рассказчикъ, чтобы дать понять слушателямъ всю мѣткость остроумнаго словца, какъ-бы мимоходомъ создаетъ типы и обличаетъ недостатки общества, то эта же цѣль его обуславливаетъ и наглядность, съ которою онъ умѣетъ возстановить передъ нами отдѣльную ситуацію, нарисовать небольшое законченное дѣйствіе. Новеллою въ тѣсномъ смыслѣ часто называется рассказъ о такомъ событіи, которое, представляя рядъ затрудненій, разрѣшается ловкостью и находчивостью человѣка. Если развязка приводится однимъ отвѣтомъ, то интересъ рассказа заключается столько же въ типичности главнаго лица, сколько въ живой постановкѣ сюжета и въ описаніи тѣхъ затрудненій, которыя преодолеваются. Поэтому Боккаччо не только мѣтко характеризуетъ лицо, но не менѣе живо и натурально ведетъ и самое дѣйствіе. Это особенно ясно на хорошенькой четвертой новеллѣ этого дня. Содержаніе ея вѣратцѣ таково:

Куррадо Джіанфилляцци убилъ на охотѣ журавля: птица

была молодая и жирная, и онъ отдалъ повару ее зажарить. Когда кушанье было почти готово, къ повару Кикибіо явилась его возлюбленная и стала приставать, прося кусочекъ жареного, которое, къ тому же, такъ отлично пахло. Онъ было-отказалъ ей, но не устоялъ противъ ея угрозы и далъ ей ножку. Хозяинъ удивился, когда журавля подали обѣ одной ногѣ и позвалъ къ себѣ повара; тотъ, не зная, какъ оправдаться—онъ былъ венеціанецъ и изрядный дурачекъ (*come puovo bergolo ero, cosi pargeva*)—сталъ увѣрять, что журавли и живые иначе не бывають, какъ обѣ одной ногѣ. Разсердился Куррадо, но не хотѣлъ при гостяхъ терять съ нимъ словъ и сказалъ только, что пусть завтра Кикибіо покажетъ ему журавля обѣ одной ногѣ; а не покажетъ, онъ съ нимъ расправится по-своему. На другой день выѣзжаютъ они оба искать журавля; отъ страха дрожитъ Кикибіо, и куда ни посмотреть, все ему чудятся журавли—но на парѣ ногъ. Наконецъ, подѣзжая къ рѣкѣ, видятъ они до 12 журавлей, стоящихъ, какъ они всегда стоятъ, когда спятъ, на одной ногѣ. Обрадовался Кикибіо и показалъ ихъ хозяину; тотъ разсердился, крикнулъ на журавлей, тѣ пустились бѣжать. Развѣ ты не видишь обѣихъ ногъ? Кикибіо въ испугѣ, самъ не зная какъ, напелся: «Да, но вы вчера не кричали, а еслибъ закричали, то, пожалуй, журавль точно такъ расправилъ бы другую ногу, какъ и эти!» Хозяинъ согласился, что и вчера слѣдовало кричать, разсмѣялся и помирился съ нимъ.

Другой интересный примѣръ того, какъ тщательно и подробно ведетъ авторъ свое повѣствованіе, чтобъ сказать пикантную въ свое время остроу, видно изъ 9-ой новеллы, весьма любопытной во многихъ отношеніяхъ. Озаглавлена она такимъ образомъ (привожу въ переводѣ): «Гвидо Кавальканти одною фразой (*motto*) говорить вѣжливую дерзость нѣкоторымъ флорентійскимъ кавальерамъ, которые хотѣли поймать его въ распλοхъ». Надо замѣтить, что личность эта историческая: одинъ Гвидо Кавальканти былъ другъ Данте, поэтъ, умершій въ 1300 году, а отецъ его, о которомъ идетъ рѣчь въ новеллѣ, Кавальканти-деи-Кавальканти, извѣстенъ былъ за эпикурейца и атеиста, почему и Данте въ 10-й пѣснѣ Ада помѣстилъ его въ отдѣленіи еретиковъ. Этотъ Кавальканти нарисованъ у Данте нѣсколькими стихами въ той знаменитой сценѣ, когда путники остановились и говорятъ съ гордымъ флорентинцемъ Фаринато-дельи-Уберти, а тѣмъ Кавальканти приподнимается изъ могилы, осматривается, какъ будто ищетъ кого-нибудь рядомъ съ Данте и, наконецъ, спрашивается, со слезами: «Если величіе души привело Данте въ эту темную

область, то гдѣ же другъ его», т.-е. сынъ Кавальканти? (Тер. 18—24). Этого же еретика выводить и Боккачю, только онъ переноситъ насъ въ ту веселую жизнь Флоренціи, гдѣ какъ будто не существуетъ Гибеллиновъ, переносившихъ въ Адъ свои политическія страсти, ни еретиковъ, терпѣвшихъ муки въ огненныхъ могилахъ.

«Вамъ должно быть извѣстно, что въ старину въ нашемъ городѣ были прекрасные и похвальные обычаи, которые до насъ не сохранились, потому что скупость возросла вмѣстѣ съ богатствомъ и всѣхъ ихъ вывела. Одинъ изъ этихъ обычаевъ состоялъ въ томъ, что въ разныхъ мѣстахъ Флоренціи собирались дворяне изъ окрестностей (*gentili uomini delle contrade*), образовывали изъ себя кружки, заботясь, чтобы тутъ были только тѣ, кто могъ нести большіе расходы, потому что каждый угощалъ общество на свой счетъ поочередно, сегодня одинъ, завтра другой: они часто приглашали иностранныхъ рыцарей, когда такіе попадались, а также и своихъ горожанъ. Разъ въ годъ по крайней мѣрѣ они всѣ одѣвались одинаково; въ извѣстные дни года вмѣстѣ ѣздили верхомъ по городу, или устраивали турниры, особенно по большимъ праздникамъ, или когда въ городъ приходила радостная вѣсть о побѣдѣ, или о чемъ другомъ. Въ одно изъ такихъ обществъ, собиравшееся вокругъ мессира Бетто Брунеллески ¹⁾, компанія этого мессира всячески придумывала, какъ бы привлечь Гвидо Кавальканте-деи-Кавальканти; и не даромъ они добивались того: Гвидо былъ не только одинъ изъ первыхъ въ мірѣ «логиковъ» и замѣчательный философъ, — до этого компаніи дѣло было мало, — но онъ былъ очень красивый и порядочный человѣкъ (*leggiadriomo e costumato*), хорошо говорилъ, и все, что ни дѣлалъ и что подобаетъ дѣлать дворянину, онъ дѣлалъ лучше другихъ; кромѣ того, онъ былъ чрезвычайно богатъ и каждому могъ воздать должное. Мессиру Бетто съ товарищами никогда не удавалось залучить его, и они приписывали это тому только, что, много размышляя, Гвидо чуждался людей. А такъ какъ онъ держался ученія Эпикура, то большинство (*la gente volgare*) думало, что въ своихъ размышленіяхъ онъ старался доказать, что нѣтъ Бога. Вотъ однажды случилось, что Гвидо шелъ по улицѣ Адимори отъ С. Микеле къ С. Джовани, дорѣгой, по которой онъ часто ходилъ и которая уставлена была большими могильными памятниками изъ мрамора (они теперь въ церкви

¹⁾ Предокъ знаменитаго архитектора (1377—1446), построившаго тотъ куполъ флорентійскаго собора, который М. Анджело взялъ образцомъ для купола св. Петра.

С. Репарата); онъ находился между порфировыми колоннами, этими памятниками и запертой дверью; тогда мессиръ Бетто и его общество, проѣзжая по площади С. Репарата и завидя Гвидо между могилами, сказали себѣ: пойдемъ, подразнимъ его! (Andiamo a dargli briga). Они припорили коней какъ на веселую атаку, настигли его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, и стали говорить: «Гвидо, ты отказываешься быть изъ нашихъ! Но если ты и найдешь, что Бога нѣтъ, то что же будетъ изъ этого?» — Гвидо, видя, что уйти отъ нихъ некуда, быстро отвѣтилъ: — «Господа, вы здѣсь у себя дома, можете сказать мнѣ все, что вамъ угодно!» И опершись рукою на одинъ изъ могильныхъ памятниковъ, которые были очень высоки, онъ прыгнулъ очень легко, перекинулся на другую сторону и, увернувшись отъ нихъ, ушелъ. Собесѣдники остались въ недоумѣніи; глядя другъ на друга, они стали говорить, что онъ полоумный, что отвѣтъ его не имѣетъ смысла, что мѣсто, гдѣ они находились, принадлежало столько же имъ, сколько всѣмъ другимъ горожанамъ и самому Гвидо не меньше, чѣмъ имъ. Но мессиръ Бетто, обращаясь къ нимъ, сказалъ: «Полоумные-то вы, если не поняли его: онъ вѣжливо и немногими словами сказалъ намъ самую крупную дерзость: потому что, посмотрите-ка хорошенько, эти памятники вѣдь дома, въ которыхъ живутъ мертвые; если онъ говоритъ, что тутъ мы дома, это значитъ, что мы и другіе глупы, и необразованные люди въ сравненіи съ нимъ и другими учеными хуже, чѣмъ мертвые. Потому-то, находясь тутъ, мы у себя дома». Тогда поняли всѣ, что хотѣлъ сказать Гвидо, устыдились, не стали приставать къ нему, а мессира Бетто стали считать кавалеромъ тонкимъ и умнымъ. Дерзость, выраженная такъ загадочно, носить на себѣ характеръ восточной образности, напоминая отчасти ветхозавѣтныя сравненія; г-нъ Буслаевъ (Стр. Нов. и Разск., 4, 1874), говоря о переводѣ Панчитантры на персидскій языкъ VI в., рассказываетъ, что ученый врачъ, посланный въ Индію — почерпнуть тамъ новыя знанія, вычиталъ въ одной книгѣ, что на индійскихъ горахъ растутъ чудодѣйственныя травы, воскрешающія изъ мертвыхъ, — отправился въ Индію набрать этихъ травъ, долго искалъ и не могъ найти. Когда, наконецъ, въ своихъ поискахъ обратился онъ къ браминамъ, ему объяснили они смыслъ вычитанной имъ загадки. Дѣйствительно въ Индіи есть такая драгоцѣнность, только подъ горами надобно разумѣть мудрецовъ, воскрешающее зелье — это ихъ ученіе, а мертвые — это глупцы и порочные, которыхъ ученіе мудрецовъ воскрешаетъ къ новой жизни. Такимъ образомъ, соль новеллы —

дерзость или колкость и вмѣстѣ глубокомысленное сравненіе, взятое изъ тѣхъ средневѣковыхъ мотивовъ, которые, являясь съ Востока, пронимали собою народное творчество. Тутъ мы имѣемъ наглядный примѣръ того, какъ новеллистъ *новое*, необыкновенное для своего разсказа не только бралъ изъ народной фантазіи, но умѣлъ это зерно окружить чертами народной жизни, отразить въ формѣ анекдота окружающую его дѣйствительность: новелла обставлена деталями чисто-мѣстнаго характера, лицо — извѣстное въ исторіи, памятное народу опредѣленной фізіономіей философа; нравы — быть современной рыцарской молодежи, мѣсто — ясно обозначено, главные улицы Флоренціи. Разсказчикъ не упустилъ изъ виду ничего, чтó бы могло придать интересъ пикантной остротѣ, въ глазахъ современной ему публики. Оттого для повдвѣйшаго времени его *pointe* не чувствительны и ихъ остроуміе устарѣло; но приемы его художественнаго разсказа никогда не утратятъ своего значенія. Приемы эти вытекали изъ той непосредственности, съ которой велъ дѣло разсказчикъ; разсказывая анекдотъ про историческое лицо, онъ заботится вовсе не о томъ, чтобы одною рѣзкою чертою уловить его фізіономію, характеризовать его индивидуальность; его интересъ — на комической сторонѣ предмета. Такъ, напримѣръ, въ 5-ой новеллѣ рѣчь идетъ о Джіотто. Боккачіо сперва говоритъ о его великомъ талантѣ, о томъ, какъ онъ воспроизводилъ природу съ такою вѣрностью, что обманывалъ зрѣніе: тутъ, конечно, мы въ правѣ ожидать какого-нибудь на то доказательства, анекдота изъ художнической дѣятельности, въ родѣ тѣхъ, какіе приписываются всѣмъ великимъ живописцамъ (къ нимъ, напримѣръ, относится анекдотъ, разсказанный у Вазари про то, какъ Джіотто, будучи еще ученикомъ Чимабуе, на рисункѣ учителя нарисовалъ муху такъ вѣрно и живо, что Чимабуе нѣсколько разъ пытался согнать ее, прежде чѣмъ догадался, что она написана). А между тѣмъ новеллистъ хочетъ только доказать своимъ разсказомъ ту мысль, что если судьба въ низкомъ сословіи скрываетъ иногда благородство характера (*la fortuna sotto villi arti alcuna volta grandissimi tesori di virtu nasconde*), то точно такъ же и подъ самою некрасивою наружностью природа скрываетъ иногда удивительныя дарованія (*magavigliosi ingegni*). Такъ, нѣкто мессиръ Форезе да-Рабатта, извѣстный ученый законовѣдъ, обладалъ маленькою, уродливою фигуркой и сморщеннымъ курносимъ лицомъ. Джіотто, какъ извѣстно, не былъ красивѣе. Случилось имъ однажды встрѣтиться, возвращаясь изъ своихъ помѣстій. На дорогѣ ихъ засталъ проливной дождь; они было-укрылись въ знакомому крестьянину,

но дождь не перестаетъ, и они, взявши старыя плащи и порыжѣлыя шляпы, продолжаютъ путь. Пока дождь лилъ сверху, а лошади брызгали ихъ грязью изъ-подъ ногъ, путники, намочивше и испачканные, увлеклись бесѣдой: Джіотто былъ мастеръ говорить. Слушая, Фореze принялся вдругъ со всѣхъ сторонъ осматривать его съ ногъ до головы, и потомъ, не глядя на себя, а видя его въ такомъ непредставительномъ и некрасивомъ видѣ, засмѣялся и сказалъ: «Джіотто, еслибъ какой-нибудь иностранецъ, никогда тебя не видавшій, встрѣтилъ теперь насъ, какъ ты думаешь, повѣрилъ ли бы онъ, что ты — лучший живописецъ въ мірѣ?» На что Джіотто быстро отвѣчалъ: — Да, конечно, повѣрилъ бы, еслибъ, глядя на васъ, могъ подумать, что вы грамотны (*voi sapeste l'a, bi, ci*). Естественно, что личность гениальнаго живописца мало выясняется отъ незамысловатаго примѣра его находчивости. Но тутъ Боккаччо рисуетъ Джіотто такимъ, какимъ сохраняла его народная молва, приписывая ему много живости, веселости и остроумія. Вообще этой тѣсной связи писателя съ мыслью народа нельзя не замѣтить и въ этомъ отдѣлѣ анекдотовъ; но то, что было особенно близко и интересно его эпохѣ, намъ кажется значительно устарѣлымъ (напримѣръ, этотъ остроумный будто бы отвѣтъ); намъ не только не смѣшны всѣ эти выходки и отвѣты, но даже самые художественные приемы автора насъ не сразу привлекаютъ: его изящество описанія, тщательность отдѣлки, всѣ достоинства его реализма простираются на предметы мѣстнаго характера, мало намъ знакомые, и понятно, что анекдотъ, требующій комментарія, не производитъ уже того непосредственно-художественнаго обаянія, которымъ дѣйствовалъ онъ на своихъ современниковъ.

VIII.

Остроуміе въ разсказахъ 7-го, 8-го и 9-го дней «Декамерона» выражается не въ отдѣльных замѣчаніяхъ и отвѣтахъ, а рядомъ проказъ и продѣлокъ. Имѣя предметомъ ту распространенную въ народѣ *beffa*, образцы которой мы уже видѣли раньше, разсказы эти опять должны вращаться въ области городскихъ, лучше сказать, мѣщанскихъ интересовъ. Тутъ этотъ существенный элементъ разсказа еще тѣснѣе обособляется тѣмъ, что *седьмой день* посвященъ исключительно тѣмъ обманамъ и продѣлкамъ, которые разыгрываются женами надъ мужьями. Выше мы видѣли, что сюжеты на эту тему изобиловали въ средневѣковой повѣсти,

являясь въ нее изъ самой глубокой древности, изъ самыхъ отдаленныхъ источниковъ повѣствованія. Тѣма эта пустила корни и развилась въ средневѣковой литературѣ, благодаря различнымъ и отчасти противоположнымъ обстоятельствамъ. Съ одной стороны, тутъ дѣйствовало монашеское, аскетическое ученіе христіанскихъ проповѣдниковъ, которые, предостерегая народъ отъ искушенія и грѣха, вселяли ненависть къ женщинѣ, какъ къ источнику всякаго зла на землѣ, вселяли враждебное чувство и къ семейной жизни, какъ несомнѣстимой съ идеаломъ подвижничества, выросшемъ на Востоку и разошедшемся по всей средневѣковой Европѣ. Что на Руси это направленіе мысли было господствующимъ — извѣстно всякому, кто хотя бѣгло знакомъ съ нашей старинной письменностью ¹⁾. Несомнѣнно, что это ученіе, эти идеалы, выходя изъ книжной литературы, изъ житій святыхъ, изъ легендъ, изъ церковныхъ традицій, глубоко затрогивали умственную дѣятельность народа и необходимо должны были отражаться на его повѣствовательной литературѣ. Черная основныя тѣмы повѣстей изъ восточныхъ сборниковъ, средневѣковая фантазія усвоивала себѣ и тѣ примѣры женской злобы, которыми богаты были эти сборники, и которые вполне согласовались съ отрицательнымъ взглядомъ монаха на женщину. Если, какъ мы видѣли въ Новеллино, сила женской красоты уподоблялась демонской, если человѣкъ ничего не въ силахъ былъ противопоставить влеченіямъ своей природы, то не даромъ у него являлось озлобленіе, и онъ мстилъ женщинѣ рядомъ самыхъ грубыхъ нападокъ на ея необузданность, непостоянство, жестокость и вѣроломство. Съ другой стороны, мы видѣли, въ *третьемъ днѣ* «Декамерона», что тѣма о томъ, какъ ловкостью, *industria*, возвращается потерянное и пріобрѣтается желаемое, — относилась цѣль этой ловкости, этихъ желаній, почти исключительно въ кругъ чувственныхъ наслажденій, потому только, что молодая природа новыхъ народовъ сказывалась избыткомъ физическихъ страстей; въ литературѣ эта потребность жить и радоваться, а не ждать утѣшеній въ загробной жизни, выражалась преобладаніемъ грубаго цинизма. И, конечно, особенно рѣзко выражался этотъ цинизмъ, эта необуз-

¹⁾ Заблужденіе: Опыт изученія русскихъ древностей и исторій. Ст. „Женщина по понятіямъ русскихъ книжниковъ“. См. у Пнина (Очеркъ литер. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ стр. 276). Интересный фактъ, что изъ 5-ти новеллъ Боккачіо, извѣстныхъ въ Россіи, 3 заимствованы изъ этого 7-го дня, вѣроятно не только потому, что онъ былъ весьма распространенъ въ народной западной литературѣ, но и потому, что какъ нельзя болѣе соответствовали ходячему на Руси мнѣнію о присущей женщинѣ испорченности.

данная потребность наслажденія въ тѣхъ произведеніяхъ ихъ фантазіи, которыя, близко соприкасаясь съ дѣйствительностью, отражали всю грубость первобытнаго общества. Повѣсть, занимствуя у монаховъ духъ обличенія женщины, одѣвала это обличеніе самыми яркими красками, и тема женской невѣрности должна была давать просторъ циническимъ сюжетамъ въ самыхъ неограниченныхъ размѣрахъ. Отъ этого, то направленіе, которое вызывалось аскетизмомъ, съ другой стороны поддерживалось совершенно противоположнымъ ему стремленіемъ человѣческой природы: духъ моралистовъ выборомъ извѣстнаго ряда сюжетовъ старался противодѣйствовать грубости первобытныхъ инстинктовъ, а повѣсть потворствовала имъ, хотя и разрабатывала тѣ же самые сюжеты.

Кромѣ того, откровенность страсти, разнузданность физическихъ побужденій, являясь въ этомъ отдѣлѣ народной словесности естественнымъ противовѣсомъ тому церковно-монашескому духу, которымъ отчасти вызывалась, дѣлалась вмѣстѣ съ тѣмъ и законнымъ дополненіемъ того высоко-идеальнаго исключительнаго содержанія, которое христіанская религія вкладывала въ формы новаго искусства. Извѣстно, что высшія произведенія средневѣковаго духа, готическая архитектура и схоластическая наука задавались обширными цѣлями, высокими идеалами, для достиженія которыхъ у человѣчества не хватило средствъ: соборы остались недостроенными, потому что колоссальные размѣры должны были соответствовать той безпредѣльно-обширной идеѣ, которую они олицетворяли въ своихъ строго-органическихъ формахъ; въ той же мѣрѣ не удалась и средневѣковой наукѣ попытка объединить всѣ проявленія ума человѣческаго, подчинивъ ихъ одному теологическому закону: жизнь не укладывалась въ рамки ея увесхоластическаго метода. Какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ, идеалы превышали въ народѣ способности къ ихъ художественному воспроизведенію; оттого та литература его, которая не задавалась идеальными цѣлями, а непосредственно вытекала изъ его дѣйствительной жизни, должна была давать перевѣсъ земнымъ помысламъ надъ идеальными, неудовлетворенными стремленіями души; заставляя въ погонѣ за чувственными наслажденіями торжествовать плоть надъ духомъ, повѣсть цинически относилась ко всякому обману, ко всей житейской грязи, и тѣмъ какъ-бы уравнивала въ народномъ умѣ высокіе порывы религіозно-настроенной мысли. Ниже, въ 10-мъ днѣ «Декамерона» мы увидимъ, какъ трудно было идеаламъ того вѣка облечься въ соответствен-

ную художественную форму: какъ далеко ни уходили идеальные замыслы писателя, они не покидали той почвы грубо-грязнаго реализма, на которой основанъ отдѣлъ его рассказовъ о женской хитрости.

Такимъ образомъ, душевное настроеніе того общества, которое въ своей первобытной литературѣ переработывало и восточно-христіанскіе эстетическіе элементы мысли, и остатки отжившихъ классическихъ литературъ въ видѣ греческой и римской беллетристики, самое настроеніе этого общества обуславливало въ произведеніяхъ средневѣковаго народнаго ума изобиліе тѣхъ темъ и сюжетовъ, которые не могутъ быть терпимы въ изящной литературѣ. Но, помимо этого общаго движенія мысли, въ богатствѣ вариантовъ на тему женской невѣрности виновата прежде всего извѣстная степень эстетическаго развитія. Повѣсть обособилась, выдѣлилась изъ того первоначальнаго умственнаго достоянія народа, изъ котораго образуется всякое эпическое произведеніе. Въ эпосѣ обыкновенно за миѳическимъ періодомъ слѣдуетъ богатырскій, героическій, который въ средніе вѣка вырождается въ эпопею искусственную, въ рыцарскій романъ; онъ преслѣдуетъ высокія цѣли повѣствованія, воплощаетъ образы героевъ. Но этимъ не исчерпываются всѣ литературныя потребности народнаго ума. Кромѣ способности творить полумиѳическихъ героевъ, олицетворяя въ нихъ свое возрѣніе на человѣка и природу, у народа есть еще не менѣе сильное стремленіе тѣшиться, забавлять своею фантазією, пестрою игрою отдѣльныхъ представленій,—это—стремленіе къ смѣшному, къ комическому, на которомъ умъ человѣческій останавливается съ одинаковою любовью, какъ и на высокомъ изящномъ. Если смѣхъ производится сопоставленіемъ двухъ противорѣчивыхъ понятій, а тонкость ума, остроуміе состоитъ въ томъ, чтобъ въ несхожихъ понятіяхъ найти сходство и примирить ихъ противорѣчіе, открывши какую-нибудь незамѣтную, общую имъ черту, то всякія «загадки», создаваемыя народною фантазією, вытекаютъ изъ этой склонности къ смѣшному и забавному. Отъ этого въ народномъ, еще полумиѳическомъ творествѣ, въ эпосѣ, загадка играетъ такую важную роль; позже, область народнаго остроумія расширяется, и все, что порождаетъ смѣхъ, будь то игра словъ, каламбуръ, игра случая въ жизни, необыкновенное приключеніе, мѣткій отвѣтъ, саркастическое замѣчаніе—будетъ привлекать умъ своею острою строною; а впоследствии обособится въ отдѣлъ повѣствованія преимущественно анекдотическаго характера. Этотъ-то отдѣлъ на-

родной словесности и составить прежде всего матеріалъ новеллы ¹⁾).

Въ средніе вѣка матеріалъ этотъ изобилуетъ, средневѣковая фантазія черпаетъ его отовсюду, особенно охотно изъ восточныхъ литературъ; на примѣръ, извѣстно, какъ распространена въ странствующихъ разсказахъ исторія замысловатаго процесса, курьезной тяжбы, въ которой проявляется остроумная проницательность, тонкость судьи или мудреца, разрѣшающаго неразрѣшимый вопросъ; въ Новеллино на эту тему есть разсказъ о мудрецѣ, который по признаванъ, видимымъ ему одному, угадываетъ истину. Въ подобныхъ сюжетахъ фантазія тѣшится загадкой, комическій элементъ—въ неожиданной разгадкѣ, въ необыкновенномъ оборотѣ дѣла. Но склонность первобытнаго ума къ комизму можетъ выражаться и инымъ еще путемъ. Во Франціи большой отдѣлъ фаблю посвященъ ловкимъ обманамъ, покражамъ, хитро придуманнымъ и скрытымъ преступленіямъ и т. п., потому только, что всякій обманъ можетъ быть *смѣшонъ*. Разумѣется, нравственная сторона лжи здѣсь, за хитростью выдумки, не принимается въ расчетъ; да и вообще нравственные идеалы усиливаются въ народѣ позже, и первая ступень народнаго развитія не есть время его невинности и доброты, какъ воспѣвали въ старину поэты. Обманъ смѣшонъ, потому что смѣшно видѣть ловко одураченнаго человѣка, весело можетъ быть осмѣять человѣческую глупость и довѣрчивость; назначеніе повѣсти занять умъ комическимъ пред-

¹⁾ Въ чемъ заключается и при какихъ историческихъ условіяхъ усиливается этотъ „новелистическій матеріалъ“—очень остроумно характеризовано въ небольшой брошюрѣ: Bernhard Erdmannsdorffer: Das Gultalter der Novelle in Hellas. Berlin, 1870. Находя большое сходство въ историческомъ и социальномъ положеніи двухъ эпохъ, эпохи крестовыхъ походовъ въ Европѣ и эпохи 7-ми мудрецовъ въ Элладѣ (отъ окончанія мненчески-героическаго періода до процвѣтанія древнихъ тиранній), авторъ на примѣръ итальянской новеллы опредѣляетъ анекдотическое содержаніе повѣсти, и, хотя подобныхъ произведеній у грековъ не существовало, указываетъ всѣ элементы, изъ которыхъ они могли бы образоваться и которые существовали какъ въ народной жизни, въ народныхъ вѣрованіяхъ и сказаніяхъ, такъ и у повѣствователей-историковъ Эллады. Автору можно возразить только то,—если допустимъ, что историческія параллели бывають не только блестящи, но и вѣрны дѣйствительной исторіи,—что существованіемъ однихъ элементовъ новеллы нельзя опредѣлить данной эпохи; нельзя говорить о „вѣкѣ новеллы“, когда новелла не существуетъ, какъ отдѣльный родъ художественныхъ произведеній, когда въ литературѣ расцвѣтъ только матеріалъ ея; а онъ можетъ быть у всѣхъ народовъ известной степени развитія, во всѣхъ литературахъ, потому что вытекаетъ изъ общечеловѣческой потребности народнаго ума, изъ склонности нашего воображенія не къ одному высшему, но къ забавному, къ остроумному, къ *смѣшному*, къ смѣси необыкновеннаго, загадочнаго.

ставленіемъ, и потому въ ея шутиливомъ содержаніи должно быть подобрано все, что можетъ придать пикантность предмету. Если смѣшонъ всякій обманъ, то особенный смѣхъ долженъ возбуждать онъ въ области семейныхъ, супружескихъ отношеній. Обманутый мужъ часто служитъ поводомъ трагическихъ столкновеній, но своею глупою стороною издревле доставляетъ сюжеты и для безчисленныхъ комедій. Вспомнимъ, какъ много комизму потратило человѣчество на обработку этой тѣмы, какъ часто и какъ зло смѣялось оно надъ одураченными мужьями! Смѣялось оно главнымъ образомъ потому, что обманъ смѣшонъ не только своею острою, но и своими грязными сторонами. На низшей ступени народнаго развитія, при низкомъ уровнѣ общественной нравственности—и комизмъ существуетъ преимущественно циническій; тутъ смѣшны кажутся тѣ шутки и выходки, которые впослѣдствіи будутъ называться наивными, откровенными и, наконецъ, прямо неприличными и непристойными. Рассказывая случаи одураченія мужа или любовника, народъ потѣшался не проникательностью догадливаго человѣка, какъ въ восточной сказкѣ, не острою, не тонкою, но грязною и плоскою стороною житейскихъ отношеній. Отсюда и крайній цинизмъ народной повѣсти; оттого и въ Боккачевой новеллѣ такое изобиліе сюжетовъ рѣшительно непонятныхъ и немислимыхъ въ наше время. Ихъ непозволительное содержаніе точно также обуславливалось задачами новеллы, какъ и незамысловатость остроумія предъидущаго дня анекдотовъ.

Слѣдовательно, если первымъ назначеніемъ новеллы было воспроизведеніе всего остроумнаго, выдающагося въ жизни, того ли, что просто смѣшно, комично, какъ отвѣтъ шута, или того, что является необыкновенной загадочной игрой случайностей въ жизни человѣка,—то понятно, почему рассказчикъ черпалъ свой сюжетъ одинаково, какъ изъ области трагическихъ столкновеній и любовныхъ похищеній, такъ и изъ области грубыхъ проказъ и продѣлокъ, «beffa». Въ послѣднемъ случаѣ онъ ради смѣха касался самыхъ грязныхъ мелочей жизни, переполняя яркимъ цинизмомъ повѣствованіе, заимствованное имъ или изъ народныхъ вымысловъ, или изъ самой дѣйствительности. Мы уже видѣли на новеллахъ первыхъ дней, какимъ реализмомъ отмѣчены эти рассказы и какъ ихъ происхожденіе обуславливало художественные приемы гениальнаго рассказчика; мы видѣли, что новеллистъ, хотя и обрабатывалъ общеевропейскіе сюжеты, но обрисовывалъ ихъ чертами окружавшей его жизни, потому что встрѣчалъ вокругъ себя, какъ ту цѣльность, первобытность душев-

ныхъ страстей и ощущеній, отразившуюся на мрачномъ колоритѣ 4-го дня, такъ и тотъ индифферентизмъ, который особенно рѣзко выдается на примѣрѣ Саккетти; мы упоминали о томъ, что жизнь республиканской общины изобиловала художественными элементами, но стояла очень далеко отъ нравственныхъ идеаловъ и задачъ; что историческій характеръ народа, тонеость, изворотливость дипломатическаго ума, бойкость, насмѣшливость народа, торгашей и шутовъ, преобладаніе въ государствѣ личныхъ интересовъ и стремленій—все порождало пониманіе той художественности, за которою не видна была жестокость или грубость тогдашняго остроумія. Если насмѣшка цѣнилась такъ высоко, что за нее прощалось даже преступленіе, то новеллистъ могъ рисовать ее во всей ея жизненной полнотѣ, не стѣсняясь никакими соображеніями, и рисовать ради художественнаго эффекта, а никакъ не ради обличенія. Отъ этого хотя у новеллы вообще нельзя отнять сатирическаго общественнаго значенія, но не слѣдуетъ забывать, что сатира въ ней подчинялась художественнымъ цѣлямъ повѣствованія: новеллистъ только смѣялся, а не негодовалъ, и сатира возникала сама собою отъ зоркости его художественнаго взгляда; какъ въ незатѣйливомъ анекдотѣ, пересказывая плоскую колкость, рассказчикъ умѣлъ уловить и передать типичный характеръ, такъ и тутъ, въ новеллахъ, напоминающихъ, болѣею частію, площадные народные фарсы съ побоями и изъ старыя извѣстными хитростями, подъ перомъ художника создаются типы и ситуаціи, тѣ комическіе мотивы, которыми впоследствии не побрезгаютъ великіе драматурги-комики и Италіи, и Франціи, и Англіи.

Мы не станемъ подробнѣ останавливаться на разсказахъ этого 7-го дня «Декамерона»: они ведутся на тѣмъ тѣхъ обмановъ, насмѣшекъ, которые ради любви или ради безопасности женщины дѣлали мужьямъ, будучи уличены и нѣтъ (*delle beffe, le quali o per amore o per salvamento de loro, le donne hanno gia fatte asuoi mariti, senza esserne avveduti o si*). Эти хитрости и увертки разсказаны съ безцеремонностью, составившей имъ репутацію невозможныхъ въ литературѣ сюжетовъ. Но и тутъ Боккачіо не можетъ претендовать на оригинальное изобрѣтеніе тѣмъ своего разсказа: почти всѣ онѣ составляютъ основные мотивы дѣйствія, сюжеты, извѣстные у европейскихъ народовъ. Здѣсь встречаемъ классическія воспоминанія, въ видѣ сказки Апулея, но большая часть новеллъ заимствована изъ французскихъ фаблю и изъ тѣхъ средневѣковыхъ сборниковъ, которые обрабатывали тѣмы, занесенныя съ Востока. Извѣстные приемы

обмана, одѣ и тѣ же хитрости попадались очень часто въ подобныхъ сюжетахъ, и талантъ рассказчика могъ только ссызваться въ ихъ подборѣ, въ ихъ новой, оригинальной отдѣлкѣ. Одинъ изъ такихъ, наиболѣе распространенныхъ мотивовъ, заключается въ рассказѣ (Nov. IV) о томъ, какъ мужъ однажды запираетъ дверь передъ женою, возвращающеюся поздней ночью, а та, бросивъ камень въ колодезь, дѣлаетъ видъ, какъ-будто сама утопилась; когда мужъ, испугавшись, выходитъ изъ дому, она запирается и обвиняетъ его при народѣ въ томъ, въ чемъ сама была виновата. Позже, мотивъ этотъ встрѣчается въ ком. Мольера и въ ком. К. Бибиены, заимствовавшихъ его, быть можетъ, у Боккачіо, не говоря уже про равнiя обработки его у средневѣковыхъ рассказчиковъ. На заимствованiя изъ народной литературы, помимо ученыхъ изслѣдованiй, указываетъ самый духъ этихъ новеллъ; крайнiй цинизмъ въ подборѣ комическихъ моментовъ, низкия и грубыя побужденiя, на которыхъ основывается завязка и развязка разсказа, очевидно переносились художникомъ изъ той сферы народнаго творчества, въ которую и грубость варварства, и утонченная развращенность античныхъ воспоминанiй и влiянiя Востока вносили всѣ свою долю грязныхъ помысловъ и интересовъ. Правда, Боккачіо, какъ гениальный писатель, распоряжается своимъ матеріаломъ довольно произвольно. Такъ, во второй новеллѣ этого дня и раньше—въ десятой 5-го, онъ ведетъ разсказъ довольно близко къ подлиннику—сказкѣ Апулея, не измѣняя въ немъ многихъ мелочей и подробностей разсказа, и нѣкоторые мѣста пересказывая чуть не дословно; но за то костюмъ его лицъ—чисто итальянскiй, и разсказъ отличается вполне оригинальными, чисто-боккачiевыми чертами. Часто онъ смягчаетъ грубость, дикость оригинала, или усиливаетъ комическiя стороны сюжета, подчеркивая грязную шутку, циническое замѣчанiе. При этомъ онъ не скрываетъ, что не ему принадлежитъ изобрѣтенiе сюжета, и это служитъ даже въ пользу его разсказа, напр., въ 1-ой новеллѣ этого дня, онъ выдаетъ разсказъ за быль и предлагаетъ два варіанта какого-нибудь обстоятельства: одни будто бы рассказываютъ это такъ, другіе—иначе.

Вообще онъ ничѣмъ не стѣсняется, чтобъ придать яркость, цѣльность и рельефность своему разсказу: онъ опуститъ неправдоподобную мелочь, прибавитъ новое, болѣе или менѣе пикантное обстоятельство и немногими, казалось бы, мелкими чертами опредѣлитъ всѣ очертанiя своей жанровой картины. Отсюда большая законченность художественнаго изображенiя, тѣ качества

повѣсти, которыя дѣлають «Декамеронъ» классическимъ образомъ изящнаго разсказа. Но эти качества нисколько не смягчаютъ и крупныхъ недостатковъ содержанія, напротивъ, они выступаютъ здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ-либо. Чтобы сдѣлать новеллу ближе и доступнѣе фантазій читателя, бойкая кисть Боккаччо не останавливается ни предъ какими деталями и сюжетъ раскрывается во всей его непозволительной, непередаваемой яркости. Но виновать ли авторъ, если юморъ его примѣнялся къ тому, что жило въ фантазій его эпохи, и долженъ былъ выливаться въ образахъ, выхваченныхъ изъ житейской грязи? Винить ли его въ томъ, что другая область литературнаго творчества, болѣе чистая и высокая, не мирилась съ тѣмъ реализмомъ, представителемъ котораго Боккаччо является въ исторіи словесности? А, между тѣмъ, реализмъ этотъ дѣлаетъ его человекомъ новаго времени, хотя его повѣсть порождается умственнымъ настроеніемъ *средневѣковаго* общества. Въ чемъ свазывался этотъ реализмъ, какимъ образомъ на будничныя черты народной жизни великій писатель умѣлъ наложить печать творчества, сдѣлавши мелкій жанръ высоко-художественнымъ произведеніемъ, мы это видѣли отчасти на предшествующихъ темахъ новеллъ, отчасти увидимъ еще въ слѣдующихъ дняхъ «Декамерона», гдѣ сюжеты, какъ ни грубы и плоски, больше мирятся съ современнымъ намъ литературнымъ изложеніемъ.

Въ 8-мъ днѣ разсказовъ мы опять имѣемъ дѣло съ тою же «beffa», здѣсь идетъ рѣчь о насмѣшкахъ, которыя разыгрываются мужчинами надъ женщинами и обратно,—вообще о насмѣшкахъ одного надъ другимъ. Уже по одному заглавію можно судить, что дѣло не обходится тутъ безъ циническихъ сюжетовъ, но мы не возвращаемся такъ исключительно среди семейной грязи, какъ въ предъидущемъ днѣ. Новеллы восьмого дня наиболѣе соответствуютъ тому тѣсному значенію термина «puovo» — новый, которое имѣетъ онъ во Флоренціи того времени и которое придаетъ повѣсти ея комическій, насмѣшливый характеръ. Здѣсь насмѣшка разыгрывается надъ людьми «новыми», глупыми, недогадливыми, на которыхъ сыплются шутки и побои отъ весельчаковъ, изобрѣтателей разныхъ «новиновъ». Про одного острога въ 6-мъ днѣ 6-й новеллы Боккаччо говорить, что у него всегда были въ запасѣ «le piu nuove novelle» — самыя «новыя», смѣшныя выдумки. Нечего говорить, что остроуміе въ проказахъ этихъ шутниковъ кажется въ наше время такъ же плоско и наивно, какъ и въ изящно-разсказанныхъ анекдотахъ 6-го дня, но здѣсь, какъ и тамъ, выводятся на сцену живыя лица, и «beffa», порожденіе

чисто-мѣстной жизни, воплощается въ рядѣ законченныхъ художественныхъ образовъ. Если въ пересказѣ мелкой колкости рассказчикъ умѣетъ рельефно очертить ситуацію, намѣтить типъ, поражающій и теперь, на разстояніи столькихъ вѣковъ, своей жизненностью и реальностью, то естественно, что и въ этомъ дѣлѣ «Декамерона» мы встрѣчаемся съ тѣми же качествами повѣствованія. Типъ, который здѣсь очерченъ съ неподражаемымъ мастерствомъ, это — комическій типъ человека «новаго», того глупаго, довѣрчиваго «Каландрино», имя котораго вошло въ поговорку и стало нарицательнымъ для извѣстнаго рода характеровъ. Позднѣйшіе писатели, пользуясь типомъ, увѣковѣченнымъ въ «Декамеронѣ», нѣсколько шаржировали его: такъ, знаменитая въ итальянской литературѣ, какъ первая, классически-правильно написанная, комедія кардинала Биббиены, носитъ названіе «La Calandria», по имени главнаго дѣйствующаго лица — Каландро, довѣрчиваго, обманываемаго мужа, способнаго повѣрить самымъ невообразимымъ небылицамъ.

Каландрино — историческое лицо: живописецъ, жившій незадолго до Боккачіо, онъ, вѣроятно, еще памятенъ былъ многимъ современникамъ новеллиста; особенно много насмѣшекъ переносилъ онъ отъ своихъ собратьевъ художниковъ, которые шало-стями славились на всю Флоренцію. Самъ Джіотто, гениальный двигатель средневѣковой итальянской живописи, былъ, по свидѣтельству Боккачіо и Саккетти, истымъ флорентинцемъ въ дѣлѣ остроумія и шутливости, а талантливые послѣдователи его шли въ этомъ отношеніи по стопамъ учителя, пользуясь независимостью таланта, вольностью своего города и своего цеха, чтобы безпрепятственно продѣлывать разныя болѣе или менѣе безовидныя проказы. Въ «Декамеронѣ» главными зачинщиками и участниками шутокъ надъ Каландрино является Бруно и Буффальмакко (1340 †). Последняго Вазари ¹⁾ рекомендуетъ какъ шутника, «uomo burlesco celebrato da Messir Giovanni Boccaccio», пріятеля Бруно и Каландрино, живописцевъ тоже веселыхъ и шутливыхъ, «faceti e piacevoli», и въ подтвержденіе приводитъ нѣсколько анекдотовъ про него, рассказанныхъ въ 4-хъ новеллахъ Саккетти. Для біографа XVI-го вѣка новеллиста XIV-го были достовѣрными источниками, по которымъ онъ не затруднился характеризовать историческую личность; какъ про Джіотто Вазари приводитъ новеллы Саккетти, такъ точно и про Буффальмакко онъ ссылается на авторитетъ обоихъ новеллистовъ, подтверждая,

¹⁾ Vite dei piu eccellenti pittori scultori ed architetti, t. III.

такимъ образомъ, взглядъ на новеллу, какъ на воспроизведеніе дѣйствительной жизни въ ея смѣшныхъ, «новыхъ» проявленіяхъ. Если, такимъ образомъ, новелла служить для послѣдующихъ поколѣній выраженіемъ общественнаго мнѣнія о художникѣ, то, очевидно, что новеллистъ писалъ рассказы, группируя въ болѣе или менѣе художественное цѣлое тѣ анекдоты, толки и слухи, которыми народная молва окружала популярныхъ художниковъ. Понятно отъ этого, что, находясь въ такой тѣсной связи съ жизнью, новелла должна была имѣть большой интересъ для современнаго, производившаго ее общества. Встрѣчая въ ней знакомыя имена, знакомыя фигуры вѣстныхъ личностей, понимая какъ тотъ духъ насмѣшливой шутки, которымъ проникнуто ея содержаніе, такъ и всѣ тѣ мелочи, отмѣченныя мѣстнымъ колоритомъ, какъ имена улицъ и площадей, церквей — итальянецъ XIV-го вѣка въ описаніи пошловатой «beffa» видѣлъ выраженіе своего народнаго характера; точно такъ же, какъ въ новеллѣ — сказкѣ о случайныхъ приключеніяхъ оклеветанной женщины, влюбленной четы, благороднаго отца семейства, ему слышался отголосокъ далекихъ сказочныхъ преданій, разработанныхъ въ его первобытномъ творчествѣ. Но отъ этого же новелла такъ мало возбуждаетъ наше сочувствіе: насъ въ ней интересуетъ теперь только мастерство художника, создающаго изъ мѣстныхъ отжившихъ чертъ жизни тѣ типы и образы живыхъ людей, сходство которыхъ съ нашей природой мы всегда будемъ въ состояніи провѣрить.

И однимъ изъ такихъ неумирающихъ типовъ добродушнаго глупца, является «Каландрино». Боккаціо вводитъ его (8-я новелла 8-го дня) слѣдующими словами:

«Въ нашемъ городѣ, который всегда изобиловалъ разными обычаями и людьми «новыми», жилъ не такъ давно живописецъ Каландрино, человекъ простой и нравовъ «новыхъ», *di puove costumi*, который чаще всего бывалъ съ двумя другими живописцами, однимъ — по имени Бруно, и другимъ — Буффальмакко, людьми очень веселыми, но очень умиными и тонкими, дорожившими обществомъ Каландрино, потому что часто потѣшались надъ его привычками и простотой».

Въ то же время во Флоренціи жилъ нѣкто Мазо-дель-Саджіо, который въ этихъ новеллахъ часто фигурируетъ, какъ зачинщикъ разныхъ шалостей; по занятію, онъ былъ маклеръ, а въ его конторѣ или лавкѣ, «bottega», гдѣ, по свидѣтельству Вазари, сходились художники, трактовались, очевидно, не одни торговые дѣла: онъ былъ, какъ говоритъ Боккаціо, *d'una maravigliosa pia-*

sevolzza, изумительной шутливости, умный и ловкий на разные выдумки. Въ этой новеллѣ онъ потѣшается надъ Каландрино, и шутку продолжаютъ художники; въ другой онъ затѣваетъ шалость съ помощью шутовъ по ремеслу, придворныхъ буффовъ (Nov. 5). Наслушавшись рассказовъ о простотѣ Каландрино, онъ вздумалъ продѣлать надъ нимъ какую-нибудь шутку или увѣрить его въ какой-нибудь небылицѣ, а scipa piova cosa.

Замѣтивши однако, что Каландрино очень внимательно разсматриваетъ рѣзные камни въ церковномъ алтарѣ, Мазо, сговорившись съ однимъ изъ товарищей, сталъ недалеко отъ него и съ видомъ большого знатока принялся толковать о волшебной силѣ и чудесныхъ свойствахъ разныхъ камней. Каландрино прислушался, заинтересовался, подошелъ и сталъ спрашивать, гдѣ такіе чудодѣйственные камни находятся; Мазо совершенно серьезно называетъ ему вымышленныя имена, описываетъ страны, гдѣ растутъ сосиски, текутъ рѣки вина, гдѣ горы сыра пармезана, а на горахъ люди работаютъ макароны, варятъ ихъ въ супѣ съ каплунами и т. п. Каландрино продолжаетъ спрашивать, бывалъ ли тамъ Мазо, далеко ли эта страна за Абрुццами—и, видя, что Мазо не смѣется, онъ вѣритъ всему и спрашиваетъ, нѣтъ ли тамъ и чудесныхъ камней. Оказывается, что есть, и между прочими особенно замѣчателенъ камень эліотропія ¹⁾, имѣющій способность дѣлать человѣка невидимымъ, гдѣ бы онъ ни находился. На вопросъ, гдѣ еще можно найти такой камень, Мазо указываетъ рѣчку Муньоне (въ окрестностяхъ Флоренціи), и на дальнѣйшіе вопросы объясняетъ, что камни эти бываютъ разныхъ величинъ, но цвѣта почти всегда чернаго. Тѣмъ шутка Мазо и кончилась. Каландрино, разставшись съ нимъ, рѣшился идти отыскивать этотъ камень, но прежде сообщилъ о томъ Бруно и Буффальмакко, которыхъ онъ особенно любилъ. Провисавши ихъ цѣлое утро, онъ вспомнилъ, наконецъ, что они работаютъ въ одномъ монастырѣ, бросилъ всѣ свои дѣла и, несмотря на жару, побѣжалъ къ нимъ; онъ сталъ увѣрять ихъ, что теперь они могутъ сдѣлаться самыми богатыми людьми во Флоренціи, стоитъ только пойти сейчасъ—отыскать этотъ камень, который онъ хорошо знаетъ, положить его въ кошелекъ, пойти къ столамъ мѣнялъ, гдѣ навалено столько денегъ, и невидимо никому набрать ихъ сколько душѣ угодно. Бруно и Буффальмакко смѣялись, слушая его, а потомъ, переглянувшись, прикинулись удивленными

¹⁾ Въ существованіе этого камня народъ вѣрилъ; намеки на это повѣрье встрѣчаются и у Данте.

и одобрили его мысль. Къ сожалѣнiю только, на вопросъ объ имени камня, Каландрино не могъ ничего отвѣтить, потому что успѣлъ позабыть его. Что и въ имени, разъ мы знаемъ его силу, — говоритъ Каландрино, — поскорѣй бы идти искать его. Какой онъ формы? Всякихъ формъ, но цвѣта чернаго, — потому, думаетъ онъ, надо собирать всѣ черные камни, пока не нападешь на настоящiй; только скорѣе идти, не теряя времени. «Подожди, — сказалъ Бруно: — по-моему теперь не время: солнце стоитъ высоко и такъ высушило всѣ камни, что многiе утромъ черные, теперь кажутся свѣтлыми, да и въ полѣ есть народъ; кто-нибудь, видя ихъ, догадается, что они дѣлаютъ, примется искать и найдетъ раньше ихъ; лучше отправиться раннимъ утромъ и въ праздничный день. Буффальмакко согласился съ этимъ, и всѣ трое порѣшили начать поиски въ слѣдующее воскресенье. Когда Каландрино ушелъ, наказавши товарищамъ держать ихъ намѣренiе въ секретѣ, они стали сговариваться, что имъ дѣлать, чтобъ провести прiателя. А Каландрино насилу дождался воскресенья, на зарѣ пришелъ за художниками и направился съ ними къ воротамъ С.-Галло, къ Муньоне; самъ онъ шелъ впереди и метался изъ стороны въ сторону, подбирая всякiй черный камешекъ; они же, идя за нимъ, нагибались только изрѣдка. Каландрино успѣлъ уже наполнить камнемъ всѣ полы платья, когда прiатели замѣтили, что приближалось время обѣда, и грузъ у Каландрино былъ уже порядочный. Тутъ они вдругъ стали спрашивать другъ друга, гдѣ Каландрино, оборачиваться на всѣ стороны, и, хотя видѣли его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, прикинулись, какъ-будто его не замѣчаютъ; стали говорить, что, вѣроятно, онъ ушелъ себѣ обѣдать, увидавши, какъ они повѣрили его выдумѣ и стали собирать черные камешки; очевидно, онъ насмѣялся надъ ними, да и кто бы, кромѣ ихъ, повѣрилъ, что въ Муньоне водятся такiе рѣдкiе камни. Разумѣется, слушая все это, Каландрино не могъ не вообразить, что чудесный камень у него въ рукахъ, и онъ невидимъ. Вѣвъ себя отъ радости, онъ пошелъ назадъ, а друзья, видя это, сказали, что имъ слѣдуетъ вернуться домой. Бруно сталъ браниться и грозиться какъ-будто отсутствующему Каландрино. «Будь онъ тутъ, я бы запустилъ въ него камнемъ: онъ бы у меня долго припоминалъ эту насмѣшку!» и тутъ же не преминулъ пустить въ него камнемъ; Каландрино хотя и почувствовалъ боль, но промолчалъ, въ полной увѣренности, что онъ невидимъ, а прiатели всю дорогу не переставали побивать его камнями, то подъ тѣмъ, то подъ инымъ предлогомъ. Такъ дошли они до городскихъ воротъ; здѣсь прiатели раньше еще

уговорились со стражей и съ сборщиками податей, чтобъ пропустить Каландрино незамѣченнымъ. Тѣ, еле держась отъ смѣха, такъ и сдѣлали. Сама судьба содѣйствовала успѣху насмѣшки: идя по улицамъ города, Каландрино никого не встрѣтилъ, кто бы могъ съ нимъ заговорить, — къ тому же, было время обѣда и прохожихъ было мало. Входить Каландрино, съ своимъ грузомъ камней въ домъ; жена его, Тесса, прекрасная и достойная женщина, обезпеченная его долгимъ отсутствіемъ, принялась бранить его за то, что онъ опоздалъ къ обѣду, а онъ въ горѣ и отчаяніи, видя, что онъ не невидимъ, свалилъ въ комнатѣ всѣ свои камни, бросился на нее, схватилъ за косу и принялся изъ всѣхъ силъ бить ее руками и ногами, не слушая ни ея словъ, ни криковъ. Бруно и Буффальмакко, между тѣмъ, посмѣявшись съ городской стражей, пошли вслѣдъ за Каландрино — и, слыша драку у него въ домѣ, позвали его; онъ въ окно попросилъ ихъ войти, и они увидали въ комнатѣ его множество камней, въ одномъ углу — жену, растрепанную, избитую, горько плачущую, а въ другомъ — Каландрино, краснаго, разгоряченнаго, задыхающагося отъ усталости. Притворяясь изумленными, они стали спрашивать, что все это значить, но Каландрино не могъ произнести ни слова, такъ онъ былъ и утомленъ тяжелою ношей, и разстроенъ какъ злобою на жену, такъ и сожалѣніемъ о потерянномъ, какъ ему казалось, счастьѣ. Товарищи принялись упрекать его, говоря, что онъ пригласилъ ихъ съ собою искать чудеснаго камня, а самъ бросилъ ихъ и ушелъ; тутъ Каландрино успѣлъ навонецъ собраться съ духомъ: — Не сердитесь, дѣло было иначе, чѣмъ вы думаете! Я, несчастный, нашелъ чудесный камень, и все время былъ съ вами. При этомъ онъ рассказалъ имъ все, что они говорили дорогой и показавъ синяки на тѣлѣ отъ ихъ камней. Вы знаете, прибавилъ онъ, какъ непріятна и надоедлива бываетъ у воротъ стража: меня они пропустили и не видали, точно такъ же, какъ не видалъ меня никто на улицѣ: только здѣсь, дома, встрѣтила меня эта проклятая женщина и увидала меня, потому что при женщинахъ теряется всякая волшебная сила (*le femmine fanno perderla virtu ad ogni cosa*). Онъ могъ бы считать себя самымъ счастливымъ человекомъ во Флоренціи, а теперь сталъ самымъ несчастнымъ, и опять принялся ругать и клясть жену; Бруно и Буффальмакко не дали ему бить ее и, разыгрывая крайне удивленныхъ, насилу держались отъ смѣха; впрочемъ, они убѣдили его, что самъ онъ виноватъ больше всѣхъ: если онъ зналъ, что женщины нарушаютъ силу чудесныхъ

каменей, затѣмъ онъ не предупредилъ ее, чтобъ она не показывалась ему весь тотъ день на глаза? А не допустилъ его Богъ воспользоваться находкой за то, что онъ хотѣлъ обмануть своихъ товарищей и не сообщилъ имъ тотчасъ же о своемъ счастьѣ. Затѣмъ они не безъ труда помирили его съ женой и ушли, оставивъ его съ грудой камней.

Конечно, не только въ сокращенномъ изложеніи, но и въ переводѣ должно теряться много того, чтò дѣлаетъ привлекательнымъ и интереснымъ это шуточное содержаніе. Смѣшная и глупая шутка — нельзя не смѣяться слѣпой довѣрчивости человѣка, который, зная одинъ только цвѣтъ баснословнаго камня, мечтаетъ найти его около Флоренціи и радъ для того собрать всѣ черные камни у рѣки! — рассказана такъ живо и полно, съ такою точностью и опредѣленностью всѣхъ обстоятельствъ, что читатель дѣлается какъ будто очевидцемъ описываемаго случая. Тутъ не найдешь ни одной черточки, ни одного мелкаго жанра, который бы не говорилъ, не содѣйствовалъ живости дѣйствія или живости характеристики. Описываетъ ли Боккачіо какъ Каландрино бросилъ все и по жарѣ розыскиваетъ пріятелей, чтобъ высказать имъ интересные свѣдѣнія, передъ нами живо рисуется эта пустая, глупая голова, въ которой ничего не держится: повѣрилъ рассказамъ, загорѣлось искать эліотропію — и онъ забылъ, хотя знаетъ, гдѣ давно работаютъ его пріатели; прибѣжалъ къ пріателямъ и забылъ половину того, чтò ему наговорили про камень, и т. д. Характеръ выясняется и развивается, чѣмъ дальше идетъ рассказъ. Потому, несмотря на то, что новелла эта при первомъ чтеніи поражаетъ пустотой содержанія, но потомъ не менѣе поражаетъ и мастерствомъ характеристики. Въ наше время фактическая основа рассказа лишена, конечно, всякаго интереса, даже глупость Каландрино можетъ казаться невѣроятною, — впрочемъ разъ допустивши, что онъ въ состояніи повѣрить рассказамъ Мазо-дель-Саджіо, не трудно представить себѣ, какимъ образомъ его провели и пріатели, — а въ тѣ времена, когда всякій намѣш на народныя повѣрья и преданія въ родѣ того *Paus de Cosagne*, о которомъ упоминаетъ Мазо-дель-Саджіо, всякое собственное имя въ новеллѣ было живой современностью, рассказъ затрогивалъ читателя не только правдой художественной, но и полнымъ безусловнымъ сходствомъ съ дѣйствительностью. Новелла имѣла видъ достовернаго событія, или, вѣрнѣе, городской сплетни, выдаваемой за достоверное событіе. Въ самомъ дѣлѣ, точность Боккачіо несомнѣнна; она доказывается и такимъ тщательнымъ комментаторомъ

какъ *Манни*. ¹⁾ Упомянуть ли рассказчикъ мимоходомъ о томъ, что около такой-то церкви недавно были поставлены памятники, Манни докажетъ достовѣрность факта, и опредѣлитъ годъ приключенія, о которомъ идетъ рѣчь; назоветъ Боккачю улицу, по которой проходило то или иное изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа, Манни докажетъ, что именно этой, а не другой улицей оно должно было проходить, такъ какъ, по свидѣтельству разныхъ источниковъ, жило въ такой-то сторонѣ города. Задавшись цѣлью доказать, что «Декамеронъ» не вымысленъ, но представляетъ собою «истинную исторію», Манни не пожалѣлъ трудовъ для достиженія цѣли; потому онъ неистощимъ въ своихъ изслѣдованіяхъ: чего, чего не приводитъ онъ въ защиту своей мысли, давая отчетъ о каждомъ собственномъ имени въ новеллѣ! Онъ предложитъ и выписки изъ архивовъ, и полную родословную, и показанія современниковъ писателя, и цитаты изъ другихъ, болѣе раннихъ его комментаторовъ; онъ не поскупится на множество всевозможныхъ догадокъ и предположеній, опроверженій и комбинацій, въ доказательство того, что данное въ новеллѣ имя носило существовавшее живое лицо, которое было именно такимъ, какимъ его рисуетъ Боккачю. Конечно, подѣ-часъ всѣ эти предположенія бывають до смѣшного неосновательны и гадательны, но уже одна возможность возникновенія такого рода комментарія къ «Декамерону» указываетъ на реалистическій характеръ сборника; и нигдѣ Манни не стоитъ на болѣе твердой почвѣ своихъ объясненій, какъ именно въ кругу городскихъ сюжетовъ у Боккачю. Тутъ какъ ни наивна кажется мысль, что всякая новелла—историческій фактъ, тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть въ ней не фактическую истину, но очень вѣрное отраженіе данной исторической обстановки.

Мы видѣли, въ чемъ состояло интересное «новое» выдумки съ волшебнымъ камнемъ Каландрино; но этотъ герой фигурируетъ еще въ 6-й новеллѣ этого дня и въ 2-хъ новеллахъ слѣдующаго. Тутъ, въ 6-й новеллѣ, ему придается новая черта комизма: Каландрино боится своей жены, достойной Тессы, которая такъ жестоко и такъ невинно пострадала отъ него и его суевѣрія. Вотъ вератцѣ содержаніе новеллы:

У Каландрино есть небольшое имѣніе, куда онъ ѣздитъ съ женою каждый декабрь мѣсяцъ, чтобъ зарѣзать и посолить свинью. Одинъ разъ случилось ему поѣхать туда безъ жены, а

¹⁾ *Istoria del Decamerone di Giovanni Boccaccio scritta da—Domenico Maria Manni academico fiorentino. Firenze. MDCLXXXVII.*

Бруно и Буффальмакко провѣдали это и отправились погостить къ одному своему пріятелю, священнику, близкому сосѣду Каландрино. Встрѣтивши ихъ тутъ, Каландрино похвастался своими хозяйственными талантами и показалъ имъ зарѣзанную свинью. Они стали уговаривать его мясо продать, а деньги прокутить вмѣстѣ: женѣ можно сказать, что свинью украли. Каландрино на это не пошелъ изъ страха, что жена разсердится и выгонитъ его изъ дому; тогда пріатели рѣшили украсть свинью и прокутить деньги одни съ священникомъ. Для этого они пригласили Каландрино въ таверну, говоря, что священникъ будетъ угощать ихъ на свой счетъ, и хорошо зная, что Каландрино по скупости никогда не прочь напиться на чужія деньги; они такъ угостили пріятеля, что тотъ, вернувшись позднею ночью домой, поскорѣе легъ спать и двери не заперъ; друзья преспокойно вошли и утащили мясо. Когда они на утро явились къ нему, онъ уже замѣтилъ пропажу и встрѣтилъ ихъ съ жалобами и криками; они прикинулись, что не вѣрятъ ему: онъ хочетъ обмануть и ихъ, и жену, какъ они вчера сами ему совѣтовали, заставили его кричать изъ всей мочи, клясться и божиться, что мясо у него въ самомъ дѣлѣ украдено и наконецъ повѣрили и предложили розыскать вора; для этого слѣдовало созвать всѣхъ сосѣдей и угостить ихъ виномъ и имбиремъ. Каландрино согласился: Бруно отправился во Флоренцію къ знакомому аптекарю, купилъ у него имбрию въ сахарѣ и заказалъ двѣ пилюли изъ сабура (алое), чтобъ они имѣли видъ имбирной конфеты. Затѣмъ Бруно объяснилъ собравшимся сосѣдямъ, что такъ какъ у Каландрино случилась повража и ему надо найти виноватаго, то онъ проситъ каждаго изъ гостей съѣсть имбирную конфету: воръ тотчасъ слажется, потому что не въ состояніи будетъ проглотить ее, и выплюнетъ. На это испытаніе всѣ, конечно, согласились, и Бруно сталъ одѣлывать имбиремъ; только одному Каландрино онъ далъ сабуровую конфету; тотъ не вытерпѣлъ горечи и выплюнулъ ее; на это, конечно, обратили вниманіе; но Бруно на пробу далъ ему другую, опять горькую, которую Каландрино и старался держать во рту, пока слезы не покатились у него изъ глазъ и онъ не выплюнулъ и этой. Тутъ рѣшено было, что Каландрино самъ укралъ у себя свинью, и многіе разсердились на него за подозрѣніе на сосѣдей; а друзья стали упрекать его, говоря, что онъ нарочно обманулъ, чтобъ не угощать ихъ; разъ уже онъ насмѣялся надъ ними, заставивши цѣлое утро искать камень эліотропію, и увѣривши ихъ, что нашелъ его; теперь онъ отдастъ или продастъ кому-нибудь мясо и старается ихъ убѣдить, что оно украдено;

но они не повѣрятъ, и если онъ не хочетъ, чтобъ они рассказали это Тессѣ, то пусть дастъ имъ двѣ пары каплуновъ. Несчастному Каландрино ничего не оставалось дѣлать, какъ исполнить ихъ требованіе, а пріятеля, забравши и свинину, и каплуновъ, оставили его и одураченнымъ, и въ большихъ убыткахъ.

Другой типъ, созданный въ этихъ новеллахъ, если не вошелъ въ пословицу, какъ Каландрино, то нарисованъ не менѣе живо, мѣтко и комично; это типъ ученаго доктора изъ Болоньи Симоне да-Вилла (Nov. 9). Онъ не есть воплощеніе такой сплошной глупости и непроходимаго тупоумія, какимъ является Каландрино; это—добродушный, несмотря на жестокость въ минуты гнѣва, довѣрчивый и безхарактерный глупецъ. Докторъ—типъ дурака осложненный ученостью и напыщенностью. Поселившись во Флоренціи, онъ выказываетъ большое любопытство, интересуется всякимъ проходящимъ и обращаетъ особое вниманіе на Бруно и Буффальмакко, которые поражаютъ его своимъ постоянно веселымъ расположеніемъ духа. Онъ сближается съ художниками и сперва съ Бруно, который на первыхъ же порахъ разглядѣлъ, что онъ такое—*«lui essere un animale»*, и потѣшался надъ нимъ—*«con sue nuove novelle»*. Насмѣшка, которую они затѣяли и которая служить тѣмъ новеллы, интересна только тѣмъ, что вызываетъ множество подробностей, обрисовывающихъ этотъ типъ сполна, но сама по себѣ не отличается ни тонкостью остроумія, ни большою изобрѣтательностію; конечный ея результатъ тотъ, что ученый докторъ по своей трусости очутился въ стоѣ нечистотъ и съ трудомъ оттуда выбрался. Насмѣшники сблизились съ докторомъ, какъ они сблизились и съ Каландрино, ради того, чтобъ позабавиться надъ нимъ и сочинили мистификацію, разыгрывая которую, они обнаружили одну за другой всѣ смѣшныя стороны пріятеля. Рядомъ невозможныхъ выдумокъ, которыя по несообразности и нелѣпости оставляютъ за собой и волшебный камень эліотропію, и судебное испытаніе имбиремъ, Бруно сперва подстрекнулъ любопытство доктора: на его разпросы о причинѣ ихъ беззаботнаго веселья, онъ увѣрилъ его, что вмѣстѣ съ пріятелемъ принадлежитъ къ тайному обществу, которое имѣетъ волшебную силу доставлять имъ всевозможныя наслажденія, задавать пиры, великолѣпіе которыхъ можно описать только въ сказкахъ, и вызывать туда самыхъ красивыхъ женщинъ, смотря по вкусу, кто хочетъ королеву англійскую, кто французскую и т. д. Расписавши небывальщину самыми яркими красками, Бруно постоянно о ней напоминаетъ доктору, а у того отъ этихъ рассказовъ только слюнки текутъ. Наконецъ, онъ начинаетъ при-

ставать, чтобъ и его приняли въ это общество, и выставяеть всѣ свои преимущества, какъ-то: красоту наружности, большую ученость и прекрасное пѣніе. Бруно поддерживаетъ это самооболащенье самою грубою лестью и вмѣстѣ съ Буффальмакко продолжаетъ разыгрывать фарсъ, побуждая доктора къ новымъ хвастливымъ выходкамъ. Наконецъ, они рѣшили допустить его въ волшебное общество; для этого онъ ночью долженъ былъ одѣться въ свое парадное пурпуровое платье и стоять на одномъ изъ могильныхъ памятниковъ на площади около церкви S-ta Maria Novella; туда къ нему подойдетъ необыкновенное диковинное существо, которое посадить его на спину и доставить куда слѣдуетъ, если только онъ не будетъ бояться; но горе ему, если онъ струситъ и станетъ призывать святыхъ. Одинъ изъ художниковъ въ условленную ночь надѣлъ маску на голову, покрылся мѣхомъ шерстью вверхъ и, пока другой смотрѣлъ изъ-за угла, дикими прыжками подскочилъ къ доктору, стоявшему на памятникѣ; тотъ съ испугу забылъ данное ему наставленіе и къ великой потѣхѣ насмѣшниковъ былъ со спины чудовищнаго животнаго сброшенъ въ нечистоты... Впрочемъ, это ничуть не помѣшало ихъ дальнѣйшей дружбѣ. Въ другой новеллѣ, они уже заодно съ докторомъ обманываютъ опять Каландрино.

Остальныя продолженія, рассказанныя въ этомъ днѣ, по своему остроумію, по «новизнѣ» замысла представляютъ много сходнаго съ приведенными новеллами. Въ одной изъ нихъ рассказывается, напр. Nov. 5, какъ Мазо-дель-Саджіо, замѣтивши, что у одного, нелюбимаго въ народѣ, судьи, подеста, слишкомъ широкое нижнее платье, подговорилъ товарищей, изъ которыхъ одинъ шутъ по ремеслу, придворный паразитъ,—явиться въ судъ и сконфузить судью. Пока двое кричали и обвиняли другъ друга, держа судью за верхнее платье, третій спутникъ подлѣзъ подъ скамью и стащилъ съ него нижнее къ забавѣ всей публики. И эта глупая шалость описана такъ же наглядно и отчетливо, какъ и проказы художниковъ; обрисована съ той увлекательностью, которая была бы достойна болѣе интереснаго предмета. Здѣсь столько неудержимаго юмора и веселья, что нельзя не пожалѣть о подобномъ примѣненіи высокаго повѣствовательнаго таланта; но, впрочемъ, оно только доказываетъ, что Флоренція, изобилуя проказниками, цѣнила ихъ очень высоко и очень дорожила проявленіями своей изобрѣтательности; а потому Боккачіо самую нелѣпую—какъ намъ кажется—продѣлку находить и умною, и веселою, и интересною, и представляетъ ее воображенію читателя во всей прелести художественнаго воплощенія. Другія проказы

описаны съ не меньшимъ юморомъ и мастерствомъ и приближаются по сюжету къ новелламъ предыдущаго дня, а одна (10-я) имѣетъ нѣчто близкое къ разсказу о приключеніяхъ Андреучіо въ Неаполѣ. Здѣсь, какъ и тамъ, выводится ловкая красивая женщина, которая, прикинувшись и богатою и влюбленною, хотѣла-было обобрать прѣзжаго молодого купца, но тотъ, поплатившись одинъ разъ за увлеченіе, на другой оказался хитрѣе ея и, взявши съ нея сумму больше той, которую она у него выманила, оставилъ ей въ залогъ, вмѣсто обѣщаннаго товара, бочки съ пескомъ и водой.

Нечего и говорить, что во всѣхъ этихъ новеллахъ, какъ и раньше—въ днѣ хитрыхъ отвѣтовъ и находчивыхъ словъ, — вся дѣль разсказа въ самомъ разсказѣ, въ наглядной передачѣ предмета, внѣ всякаго преднамѣреннаго обличенія: разсказываетъ ли авторъ, какъ священникъ обманулъ, одурачилъ женщину, разсказъ ведется легко и шуточно, для потѣхи и удовольствія слушателей. Сатиры — нѣтъ и тѣни: вся задача автора, — комизмъ, доступный большинству. И ради этого комизма, онъ не жалѣетъ средствъ: какъ въ разсказѣ анекдота, онъ не поспуитъ на детали, чтобъ тонко и постепенно приготовить читателя къ комической развязкѣ, въ заключительному красному словцу, такъ и тутъ онъ не упуститъ изъ виду ничего, что можетъ придать забавную пикантность разсказу: онъ заставитъ, напр., духовное лицо влюбиться въ красавицу, мастерицу танцовать и играть на тамбуринѣ—пересчитаетъ и подарки, которыми оно задобриваетъ ее; изъ-за комическаго эффекта, онъ подобную ситуацію не задумается обрисовать со всѣмъ стараніемъ и набросаетъ бытовую картинку, полную красокъ и жизни, такъ же мало заботясь объ ея пристойности, какъ и объ ея обличительномъ направленіи. Живости веселаго разсказа не мало способствуетъ и его мастерство въ веденіи діалога; онъ умѣетъ у каждаго дѣйствующаго лица отнѣсти характеръ рѣчи: онъ пуститъ въ ходъ провинціализмы, если на сценѣ инородній; онъ сыплетъ шутками и прибаутками, если Мазо-дель-Саджіо или живописцы-пріятеля хотятъ дурачить кого-нибудь; онъ представитъ и говоръ мужика, который коверкаетъ слова, или по созвучію употребляетъ одно вмѣсто другого (напр., въ Нов. 2-й): крестьянинъ на вопросъ, куда онъ ѣдетъ, объясняетъ, что по судебному дѣлу онъ отправляется въ городъ и говоритъ при этомъ *vicenda* вмѣсто *faccenda*, *parenhtorio* вмѣсто *perentorio*, *pericolatore* вмѣсто *procuratore* и т. п.).

Отъ этого и языкъ Боккачіо здѣсь гораздо ярче, сильнѣе и

опредѣленнѣе, чѣмъ въ тѣхъ новеллахъ, гдѣ идетъ рѣчь объ отвлеченныхъ предметахъ. Здѣсь встрѣчаются и народныя пословицы и поговорки, которыя рассказчику нужны для того, чтобы крѣпкимъ словомъ дополнить ситуацію, ярче окрасить разговоръ, усиливая его юмористическій тонъ. Здѣсь, гдѣ на сценѣ *beffa* одинаково популярная во всѣхъ классахъ общества, языкъ невольно приближается къ разговорному и, касаясь будничныхъ интересовъ, не страдает однообразіемъ и блѣдностью, какъ мы отчасти это видѣли раньше. Напротивъ, переполняя его тѣми обычными присловіями и оборотами, которыми блещитъ живая народная рѣчь и которые до сихъ поръ живутъ въ устахъ итальянскихъ простолюдиновъ, рассказчикъ и языку придаетъ яркій мѣстный колоритъ. Боккаціо не даромъ считается отцомъ итальянской прозы: создавая новый родъ художественной литературы, онъ долженъ былъ создать для него и новый языкъ, матеріалъ для котораго онъ взялъ изъ того же источника, какъ и темы своей повѣсти; онъ отмѣтилъ его тѣми же тонкими, неуловимыми, но рѣзко опредѣленнымъ характеромъ своей народности, который дѣлаетъ его слогъ настолько же непреодолимымъ и непередаваемымъ, насколько намъ стали чужды и устарѣлы самыя темы разсказа. Конечно, это—одно изъ доказательствъ его истинно художественнаго значенія: у Боккаціо, какъ у настоящаго художника слова, внѣшняя форма изложенія не отдѣляется отъ содержанія, выраженіе мысли сливается съ самою мыслью; потому, переводя его новеллу на другой языкъ, мы не только вполне обезцѣчиваемъ, но и отнимаемъ у нея то, что составляетъ ея красоту и силу въ глазахъ создавшаго ее народа.

Тѣ же самыя достоинства изложенія и формы встрѣчаемъ мы и въ слѣдующихъ новеллахъ 9-го дня «Декамерона». Тутъ веселое общество не назначаетъ обязательной для рассказчиковъ темы, а, какъ въ первомъ днѣ, предоставляет каждому говорить о томъ, что ему болѣе всего нравится, и выборъ сюжетовъ, вращающихся здѣсь въ кругу городскихъ интересовъ, доказываетъ опять, что излюбленная тема итальянской новеллы была именно та *beffa*, которую мы видѣли уже въ достаточномъ количествѣ образцовъ. Потому разсказы эти мало чѣмъ отличаются отъ предыдущихъ: двѣ изъ нихъ (Nov. III, V) содержатъ въ себѣ насмѣшки, разыгранныя пріятелями надъ Каландрино; въ другихъ насмѣшливая вольность фабліо сказывается повѣстью о скандальномъ похищеніи монахини и другими крайне циническими сюжетами; тутъ находимъ и распространенный въ новеллахъ сюжетъ воровства-мошенничества (Nov. IV), какъ доказательство

ума и ловкости, — сюжетъ, смѣшившій публику успѣхомъ наглаго обмана; наконецъ, здѣсь есть и тотъ историческій анекдотъ объ извѣстныхъ флорентійцахъ, который у Боккаччо всегда разсказывается съ неподражаемымъ талантомъ. Это (Nov. VIII) — повѣсть о томъ, какъ одинъ обжора обманулъ другого, пообщавши ему хорошій обѣдъ, а тотъ отомстилъ ему, наказавши его жестокими побоями. Особенный интересъ имѣетъ этотъ эскизъ мѣстныхъ нравовъ потому, что тутъ Боккаччо выводитъ личностей не только хорошо всѣмъ извѣстныхъ во Флоренціи, но и увѣковѣченныхъ Данте. Оба великихъ поэта сошлись въ характеристикѣ этихъ героевъ, потому что оба пользовались одними источниками: тѣми сказаніями, преданіями, которыми народная молва во Флоренціи характеризовала чѣмъ-либо выдающихся гражданъ своей общины. Чьякко у Данте (Адъ, п. VI, 49—54) наказанъ за обжорство (*per la danno sa colpa della gola*), а Боккаччо характеризуетъ его, какъ человѣка въ высшей степени прожорливаго, который, не имѣя большихъ своихъ средствъ и будучи человѣкомъ благовоспитаннымъ, остроумнымъ и веселымъ, сдѣлался не то, чтобъ паразитомъ придворнымъ — *помі corte* — но насмѣшникомъ — *morditore*; — онъ искалъ общества людей богатыхъ, имѣвшихъ хорошій столъ, и часто являлся къ нимъ обѣдать и ужинать, иногда и безъ приглашенія. Это не первое уже указаніе въ «Декамеронѣ» на то, какъ способные люди пользовались склонностью флорентійцевъ къ насмѣшкѣ и обращали свое остроуміе въ выгодное ремесло. Чьякко былъ не единичное явленіе; кромѣ него, во Флоренціи того времени жилъ Бьонделло, который промышлялъ тѣмъ же, чѣмъ и Чьякко; оба встрѣчаются однажды въ постный день на рынкѣ, гдѣ продаютъ рыбу. Бьонделло покупаетъ миногу, и на вопросъ Чьякко объясняетъ, что мессире Корсо Донати вчера прислали трехъ миногъ, гораздо лучше этихъ, и двухъ осетровъ, которыми сегодня за обѣдомъ онъ будетъ угощать своихъ друзей. Чьякко является въ К. Донати на обѣдъ, но угощеніе оказывается самое скромное и постное, обыкновенная рыба изъ Арно: Бьонделло только подшутилъ надъ Чьякко. Потомъ онъ при каждой встрѣчѣ поддразниваетъ его, напоминая про обѣдъ изъ осетровъ. Чьякко, чтобъ отомстить ему, подговариваетъ одного мелкаго торговца, пойти будто по приказанію Бьонделло и попросить у Филиппа д'Арженти краснаго вина въ небольшую бутылку. Этотъ Филиппъ д'Арженти былъ знатный флорентинецъ, отличавшійся необыкновенною вспыльчивостью, жестокостью и крутостью нрава. Его помѣстилъ Данте въ томъ отдѣленіи Ада, въ болотѣ, гдѣ волнуются въ безсильной злобѣ свирѣпыя гнѣвныя

души, помѣстилъ его какъ знакомый Флоренціи типъ, объясняемый только ожесточенностью вѣковой борьбы между родовыми семействами города. Д'Арженти, услыжавъ просьбу, и зная Бьонделло, подумалъ, что тотъ насмѣхается надъ нимъ, хотѣлъ-было прибить посланнаго, но тотъ увернулся, а дворянина все болѣе и болѣе сталъ разбирать гнѣвъ. Чьякко, видѣвшій эту сцену, отыскалъ Бьонделло, и сказалъ, что его ищетъ д'Арженти. Тотъ ничего не зная, явился и былъ такъ поколоченъ, что долго не могъ выходить изъ дому, а потомъ остерегался шутить надъ Чьякко, который на его вопросъ: какова рыба у Б. Донати, спрашивалъ про вино у Ф. д'Арженти.

И на разсказъ этой грубо-площадной продѣлки у гениальнаго писателя истрачено столько же блестящаго таланта, сколько и на другіе такіе анекдоты. И здѣсь таже отчетливость и опредѣленность всей *mise-en-scène*, возможная только при будничной фактичности разсказа; и здѣсь такъ же вѣрно и точно переданы всѣ детали дѣйствія, всѣ оттѣнки людскихъ характеровъ, всѣ обороты живой рѣчи; и здѣсь потому таже яркость картины, дышащей силой и увлекательностью художественнаго воспроизведенія жизни.

А. А.

НОВЫЙ ПОМѢЩИКЪ

Романъ, въ двухъ частяхъ, Мавра Юкаля.

Съ венгерскаго.

VI *).

Госпожу Пойтой можно назвать красивой женщиной. Ея лицо изъ тѣхъ, которыя долго сохраняются. Впрочемъ, у нея только и есть одна забота—беречь свою красоту.

Съ дѣтьми возиться ей не приходилось, сильныхъ страстей она тоже не испытала. Многіе посѣдѣли вслѣдствіе переворота 49-го года, а ей разразившаяся буря не причинила ни одной безсонной ночи. Бываютъ такіе счастливыцы, которые живутъ лишь сами для себя.

Ровно въ полдень оканчиваетъ она свой туалетъ.

Теперь ей надо поджидать обожателей: каждому назначенъ извѣстный часъ. Номеръ 1-й является въ 12, № 2-й въ половинѣ перваго, № 3-й послѣ часу, № 4-й въ два часа. Каждаго слѣдуетъ встрѣтить сообразно съ его личными вкусами.

Номеръ первый, прямодушный деревенскій помѣщикъ, зовутъ его Ѳеодоръ Тёркѣльи, онъ уже не молодъ, но съ состояніемъ и серьезно помышляетъ о женитьбѣ. Это партія очень приличная.

Ѳеодоръ Тёркѣльи является ровно въ 12 часовъ, а въ половинѣ перваго его ожидаетъ знакомое общество въ отелѣ «Золотого Орла»; туда онъ долженъ въ-время попасть.

Потому-то въ 12 часовъ, кончивъ туалетъ, Коринна садится

*) См. выше: февраль, 640 стр.

за письменный столъ и раскрываетъ огромную расходную книгу. Увидавъ Тёрвёльи, она радостно восклицаетъ: «Ахъ, вы какъ разъ въ-время пришли, скажите мнѣ, пожалуйста, почему теперь продается шерсть? Мнѣ столько-то за нее предлагали, а я не согласилась. Какъ вы полагаете, не закрыть ли мнѣ винокуренный заводъ при теперешнемъ высокомъ акцизѣ?» Потомъ начинаетъ жаловаться на дороговизну:

— Ломаешь себѣ голову, придумывая, какъ бы заработать деньги! Женщины обманываютъ со всѣхъ сторонъ, зная, что онѣ въ дѣлахъ мало смыслятъ.

Тёрвёльи при встрѣчѣ съ пріятелемъ расхваливалъ госпожу Пойток. — Какая умная, расчетливая хозяйка! такую-то мнѣ и надо, мы точно одинъ для другого созданы!

Какъ только г-нъ Тёрвёльи уйдетъ, Коринна спѣшитъ смыть душистымъ мыломъ чернильныя пятна съ пальчиковъ. Дамы лишь возьмутъ перо въ руки, сейчасъ же испачкаются чернилами.

Спрятавъ расходную книгу, она разложитъ передъ собой модныя картинки, ожидая появленія обожателя № 2, который совсѣмъ въ иномъ родѣ.

Нумеръ второй, по имени Фердинандъ Тареи, извѣстная личность, членъ-распорядитель барскихъ баловъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ, которые въ Венгріи имѣютъ полное право называть себя «барами». Положеніе вѣдное. Въ котильонѣ онъ первый танцоръ. Это чего-нибудь да стоитъ. При этомъ мастеръ ухаживать. Въ его обществѣ невозможно соскучиться.

— А! вы изволите заниматься модными журналами?

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ, я только разсматриваю модныя картинки: ради картинокъ я и журналъ-то выписываю, только онѣ никуда не годны. Посмотрите пожалуйста, какъ вамъ покажется это лиловое платье рядомъ съ желтымъ. Точно маскарадные костюмы.

— Вы совершенно правы. Редакторъ, вѣроятно, разсылаетъ эти картинки въ угоду какому-нибудь модному магазину, который хочетъ навязать публикѣ костюмы «роково». Такъ можетъ одѣться только г-жа Сальмовари.

— Ха-ха-ха! (Ей насмѣшка понравилась). Я принуждена заказывать платья въ Вѣнѣ. У здѣшнихъ портныхъ совсѣмъ нѣтъ вкуса. Нѣкоторые изъ патріотизма къ нимъ обращаются.

— Уморительно! Хорошо, что вы не читаете этихъ журналовъ, по крайней мѣрѣ не попадетесь, какъ попался я однажды, гдѣ именно, не скажу, — однимъ словомъ, въ дамскомъ обществѣ, я очень не встати заговорилъ о литературѣ. Рѣчь зашла о пи-

сательницахъ, вдругъ одна дама спрашиваетъ меня, какого я мѣнія о новѣйшемъ стихотвореніи «Парадиза», появившемся въ журналѣ «Модный-Лучъ». Я полагаю, — отвѣтилъ я, — что авторъ его вѣрно какой-нибудь чувствительный сапожникъ изъ нѣмцевъ. Дама вдругъ встаетъ и раскланивается, благодаря за комплиментъ. Оказывается, что это было ея произведеніе.

— Ха-ха-ха! Скажите, кто это. Пожалуйста скажите?

— Нѣтъ, не могу.

— Навѣрное, баронесса Кирайвари? Вѣдь такъ? Ну, полноте скрывать. Или графиня Пойтон? Напрасно вы скрытничаете, я непременно узнаю, это презабавно! Хорошо же; ну, а теперь расскажите, въ чемъ будетъ каждая изъ этихъ дамъ на первомъ балу? Гдѣ онѣ заказали туалеты? О своемъ нарядѣ я умолчу. Вамъ, такъ и быть, скажу по секрету, но пожалуйста никому не передавайте, модисткѣ я строго запретила показывать мою наголку, а не то — я перестану у нея покупать уборы. Но если вамъ любопытно взглянуть на мой уборъ, я вамъ его покажу.

Конечно, онъ воспользовался предложеніемъ, въ восторгъ пришелъ отъ ея вкуса, увѣрялъ, что съ ней не легко соперничать. Бриллиантовые солитеры посреди цвѣтовъ, — да это будетъ великолепно при освѣщеніи!

— Это еще оригинальнѣе, чѣмъ украшеніе изъ старинныхъ монетъ, крупныхъ и мелкихъ, которое вы недавно надѣвали. Молодежи не случалось изучать болѣе интересной нумизматической коллекціи, да еще, о, восторгъ! — посреди ея виднѣлось ваше царственное личико. Да вы въ своемъ уборѣ будете блескѣть пуще самыхъ бриллиантовъ!

Черезъ полчаса Фердинандъ Таремъ раскланялся, освободивъ, такимъ образомъ, арену, и спѣшилъ всѣмъ рассказать, что въ нынѣшнемъ мясоѣдѣ, царицей бала будетъ госпожа Пойтон.

Пришелъ номеръ третій. Коринна взяла текстъ моднаго журнала. Номеръ третій — поэтъ.

Зовутъ его Даніель Феллегорми. Сейчасъ видно, что это псевдонимъ. Подъ этимъ именемъ онъ всюду извѣстенъ, настоящее же имя его знаютъ лишь кредиторы, получающіе отъ него векселя.

— Въ мечтахъ вашихъ, навѣрное, вы душой погружаетесь въ предстоящія наслажденія мясоѣда?

— О, нѣтъ, — вздохнула Коринна, — тщеславіе не затрогиваетъ моей души. Я тутъ отыскала стихотвореніе: что за прелестная фантазія! Какъ утѣшительно встрѣчать симпатичныя мысли. Подписанъ псевдонимъ, и я раздумываю, кто это можетъ быть?

А сама отлично знала, что авторъ стоитъ передъ ней.

Нумеръ третій покраснѣлъ до ушей и замѣтилъ, какъ счастливы поэты, которыхъ творческій духъ приходитъ въ соприкосновеніе съ другими поэтическими и прекрасными духами. Они-то и есть настоящіе властелины въ области ума.

— Не найдете ли вы нѣчто общее вотъ съ этимъ стихотвореніемъ,—сказалъ Даніель нѣсколько боязливо, вынимая изъ кармана листочекъ съ золотымъ ободкомъ и началъ манерно декламировать довольно шероховатые стихи: «Пойманная птичка», не какая-нибудь куропатка, а пѣвчая птичка. По содержанію нельзя отгадать, что это—сказка, или басня, или аллегорія на любовь, или патріотическое стихотвореніе.

Коринна принимаетъ его за послѣднее.

— Точно мы сговорились! Взгляните пожалуйста, я написала нѣчто похожее.

— Какъ, вы изволите писать стихи?

— Пожалуйста, никому объ этомъ не рассказывайте. Только вамъ однимъ я ихъ прочту.

— Позвольте посмотреть?

— Нѣтъ, я сама прочту. Пожалуйста, не критикуйте, я знаю, что стихотвореніе слабо. Вотъ его заглавіе: «Прикованный орелъ».

Прикованнымъ орломъ названъ былъ юноша, который сидитъ въ тюрьмѣ, бѣжать ему невозможно, и нѣтъ у него крыльевъ, чтобъ улетѣть; притомъ сторожъ слѣдитъ за каждымъ его шагомъ.

— Классическое стихотвореніе! Образцовое стихотвореніе! Позвольте мнѣ отдать его въ «Модный Лучъ».

— О, нѣтъ, нѣтъ, объ немъ пока, кромѣ васъ, никто не долженъ знать.

— Какая жалость, скрывать такой пламенный патріотизмъ!

Нумеромъ четвертымъ называется знакомый намъ докторъ Гришаекъ.

Почему-жъ было доктору Гришаку не ухаживать за г-жой Пойтой?

Онъ имѣетъ на то полное право. Развѣ не ему обязана она тѣмъ, что пожизненное владѣніе сдѣлалось ея неотъемлемой собственностью, такъ что она въ правѣ была его продать. Она должна быть ему благодарна. Ловкій адвокатъ легко можетъ такъ повернуть дѣло, что изъ благодарности и за адвокатскіе совѣты сочтутъ себя ему обязанной и будутъ смотрѣть на его дѣйствія, какъ на авансы съ цѣлію жениться.

Доктору Гришаку извѣстно, что г-жа Пойтон имѣетъ капиталъ, который заключается въ государственныхъ бумагахъ, приносящихъ по 7 процентовъ, а *Jove favente* они могутъ дать и 8 процентовъ. На это можно жить «прилично».

Есть и другія благопріятныя обстоятельства. Дама молода, красива и благоволяетъ къ нему. Правда, она имѣетъ и другихъ поклонниковъ, но однако ему оказываетъ предпочтеніе. Онъ ее ежедневно посѣщаетъ, она имѣетъ обыкновеніе оставлять его у себя обѣдать. Д-ръ Гришакъ даже теперь чувствуетъ себя какъ-бы дома у прелестной вдовы.

Ведетъ онъ дѣло такимъ образомъ, что Коринна принуждена повѣрять ему свои самыя сокровенныя тайны.

Понятно, защитникъ вора тоже говоритъ своему кліенту: — Пріятель, будь со мной откровененъ, говори правду, ложь пришесть я и самъ съумѣю.

Съ нѣкоторыхъ поръ д-ру Гришаку приходилось содѣйствовать въ одномъ дѣлѣ, которое ему повѣрили по секрету.

Вдова поручила ему хлопотать о томъ, чтобъ одинъ молодой человѣкъ, политическій преступникъ, какъ можно долѣе не получалъ амнистіи.

Этотъ молодой человѣкъ былъ Аладаръ Гароновѣльди.

Навѣрное старый Адамъ Гароновѣльди всячески хлопотеть, чтобъ его любимому племяннику сократили на дѣля десятъ лѣтъ срокъ заточенія.

Надо этому противодѣйствовать. Слѣдуетъ доказать, что Адамъ по прежнему мечтаетъ о заговорѣ. Надо увѣрить людей, что для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ онъ нуждается въ племянникѣ. Словомъ, надо постараться, чтобы отсрочили амнистію Аладара.

Докторъ Гришакъ легко могъ все это исполнить. Сейчасъ же откомандировалъ онъ нѣкую личность, снабдилъ ее извѣстными инструкціями, личность эта называлась—Штрафъ; о ней мы уже упоминали: это—бывшій мнимый Петефи.

Онъ былъ подкупленъ докторомъ Гришакомъ, чтобъ служить помощникомъ въ дѣлѣ г-жи Пойтон.

Доктору очень желательно было узнать, что побуждало прелестную женщину такъ яростно нападать на молодого человѣка. Хорошо, ежели это просто родственная вражда, ну, а если тутъ роль играетъ оскорбленная любовь?

При первомъ удобномъ случаѣ онъ началъ ее разспрашивать какъ-бы изъ участія къ ней, а равно и его адвокатской обязанности.

— Скажите мнѣ, отчего вы такъ безпощадно преслѣдуете Аладара Гароновельди. Вы на то имѣете важную причину, нѣтъ сомнѣнія.

— Видите ли, этого я бы никому въ свѣтъ не высказала, а вамъ скажу, чтобы вы обо мнѣ чего-нибудь дурного не подумали. По смерти моего мужа, старый Гароновельди много хлопоталъ и, наконецъ, удалось ему обручить меня съ своимъ племянникомъ Аладаромъ. Не легко было устроить сватовство, потому что Аладаръ приходится близкимъ родственникомъ моему покойному мужу; много стоило времени и труда достать необходимые документы для совершенія брака. У старика былъ прямой расчетъ: онъ такъ разсудилъ, что если я выйду за Аладара, у котораго есть свое собственное имѣніе, то земля, которою я владѣю на вдовьихъ правахъ, достанется ему, Адаму Гароновельди. О, старикъ очень ловокъ и хитеръ, какъ лиса, онъ опутаетъ, кого угодно.

Д-ръ Гришакъ по совѣсти не могъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

— Однако я была осторожна, и прежде нежели дать согласіе Аладару, заключила съ нимъ контрактъ, въ которомъ мы оба признали всѣ наши владѣнія общими между нами: что мое, то его, что его, то мое. Аладаръ человѣкъ легкомысленный, онъ сейчасъ же согласился на мое предложеніе. Въ то время у меня было очень небольшое состояніе, такъ какъ наслѣдство, полученное мною отъ матери, находилось подъ запрещеніемъ, что, вѣроятно, не было ему извѣстно. Передъ свадьбой вдругъ началась война съ Австріей за независимость. Аладаръ ушелъ съ пунцовой кокардой въ качествѣ капитана національной гвардіи. Я бѣжала въ Пресбургъ; послѣ узнала, что онъ перешелъ въ гусары и былъ въ дѣлѣ. Венгерцы произвели его въ полковники. Можете судить, до чего онъ былъ вѣтренъ, и каково мнѣ было сидѣть да ждать свадьбы?

— Признаюсь, это неслыханное легкомысліе.

— Внезапно прекратились его подвиги, онъ былъ арестованъ и, вообразите, у него не хватило ума оправдаться, по примѣру другихъ, — мало того, онъ еще взялъ на себя чужую вину. Явно, что онъ пустой человѣкъ, а еще прошелъ весь курсъ юридическихъ наукъ! Кончилось тѣмъ, что его осудили на тюремное заключеніе. Это бы еще не бѣда, да горе въ томъ, что у него конфисковали имущество.

— Вотъ оказія-то! — вскрикнулъ докторъ Гришакъ, ударивъ себя по колѣнку. — Онъ теперь понялъ въ чемъ суть.

— Теперь, если получить онъ свободу мы словно обмѣнялись ролями: я богата, онъ нищій, а между тѣмъ контрактъ въ его рукахъ, въ тому же, онъ такъ написанъ (объ этомъ сама я позаботилась), что если одна изъ сторонъ задумаетъ отъ него отказаться, то потерпитъ большой убытокъ. Поняли вы теперь въ чемъ дѣло?

— Вполнѣ!

Докторъ Гришаевъ въ восторгѣ былъ отъ ума Коринны; жаль, что она не мужчина, изъ нея могъ бы выйти отличный докторъ правъ. Впрочемъ, горю можно помочь, стоитъ сдѣлаться докторшей правъ. Мы созданы другъ для друга.

— Я вполнѣ оправдываю вашу заботливость; къ счастью законы наши даютъ возможность выйти изъ затруднительнаго положенія. Прежде всего, вы должны напечатать въ газетахъ слѣдующее заявленіе:

«Аладара Гароновѣльди, котораго мѣстопробываніе неизвѣстно, симъ приглашаютъ явиться въ вышеупомянутую мѣстность для переговоровъ касательно обязательствъ, означенныхъ въ свадебномъ контрактѣ. Если черезъ годъ и одинъ день со дня появленія сей публикаціи, онъ не явится, то всѣ вышеупомянутые обязательства объявлены будутъ недействительными».

— Неужели это возможно?

— О, да, подобныхъ случаевъ много, не разъ такимъ образомъ добивались развода.

— Но вѣдь извѣстно, гдѣ находится Аладаръ Гароновѣльди.

— Да мы не обязаны этого знать. Въ судебныхъ актахъ не требуется, чтобы упоминали о мѣстѣ жительства. Если означенное лицо черезъ годъ и одинъ день не явится въ указанное мѣсто, это его вина. Мы не обязаны знать, гдѣ онъ находится, судъ этого въ расчетъ не принимаетъ. Потомъ, по истеченіи срока я вамъ совѣтую выйти замужъ, чтобы впредь оградить себя отъ непріятныхъ обязательствъ; такимъ образомъ вы совершенно избавитесь отъ всякихъ преслѣдованій.

— Все-таки я бы не вышла замужъ, — заговорила г-жа Пойтои, не принимая мудраго совѣта. — Мнѣ слѣдуетъ дѣйствовать осторожно.

— Простите, по-моему теперь надо опасаться только Аладара. Надо похлопотать, чтобы въ теченіи года онъ оставался все въ одномъ мѣстѣ. Черезъ годъ не будетъ существовать никакихъ препятствій къ его освобожденію, коль скоро ему нельзя будетъ стать вамъ поперекъ дороги. Теперь же мы принуждены продлить его заточеніе.

— Я вовсе не объ немъ думала, а о себѣ. По отношенію къ нему зло было бы не велико, но мнѣ-то плохо бы пришлось. Вы себѣ представить не можете, какъ здѣсь строго судятъ каждый поступокъ. Всякое частное дѣло обращаютъ въ политическій вопросъ. Если бывшая невѣста эмигрировавшаго революціонера выйдетъ замужъ за хонведа, ее готовы камнями побить. Если кто не хочетъ жертвовать своихъ денегъ какому-нибудь эмигранту, того считаютъ предателемъ отечества. Вообще, на что бы я ни рѣшилась, рискую подвергнуться разнымъ пересудамъ, а я дорожу своей репутаціей.

— Да вѣдь вы не привязаны въ этому государству.

— Я и сама объ этомъ думаю, но все еще не могу рѣшиться уѣхать отсюда. Объ этомъ послѣ поговоримъ, а теперь займемся дѣломъ, о которомъ я васъ просила. Придете ли вы ко мнѣ на чашку чаю?—Это означало, что вдова не удерживаетъ его обѣдать. Въ видѣ поясненія она прибавила:

— У меня пропасть дѣла. Надо писать письма въ разные стороны.

— Если у васъ такая большая корреспонденція, то уже ради этого слѣдуетъ вамъ видѣти замужъ.

— Неужели вы думаете, что я бы заставила мужа писать за меня письма?

— Нѣтъ, я полагаю, что тогда прекратилась бы самая переписка.

— О, пожалуйста не воображайте, что я веду нѣжную переписку. Любовь не въ однихъ письмахъ высказывается.

Д-ръ Гришаевъ нашелъ ее замѣчаніе очень разумнымъ, въ особенности если человѣку любовное обязательство однажды насолито. Спускаясь съ лѣстницы, докторъ припоминалъ содержаніе всѣхъ писемъ, полученныхъ имъ отъ прелестной вдовы, и въ самомъ дѣлѣ ни въ одномъ не нашелъ намека на любовь.

Вернувшись въ свою квартиру, д-ръ Гришаевъ нашелъ визитную карточку кавалера Анвершмидта; на ней было карандашомъ нацарапано, что кавалеръ намѣревается быть къ нему въ пять часовъ.

— Ага, это онъ все объ іоркширскихъ свиняхъ хлопочетъ. Онъ до сихъ поръ воображаетъ, что адвокаты лишь для того созданы, чтобъ бѣгать въ погоню за четвероногими животными, пропавшими у какого-нибудь фермера. Пусть его двадцать разъ заѣдетъ, прежде чѣмъ застанетъ меня дома.

Однако онъ сію же минуту былъ наказанъ за свое злое намѣреніе прятаться отъ кліента: вошелъ Анвершмидтъ.

— Въ двухъ словахъ объясню, зачѣмъ прїѣхалъ къ вамъ.

— Знаю, знаю, это на счетъ іоркширскихъ?

— Чортъ возьми, да не напоминайте вы мнѣ объ этихъ іоркширскихъ свиньяхъ! — сердито закричалъ Анкершмидтъ. — Болванъ тотъ, кто началъ это дѣло. Ну, да что толковать, исторія кончена. Я объ другомъ хочу переговорить. Мнѣ нужно прошеніе. Надо, чтобъ оно было очень складно, хорошо написано.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Когда я выходилъ въ отставку, мнѣ тамъ, въ Вѣнѣ, сказано было, что если случится мнѣ подать просьбу, она тотчасъ будетъ исполнена. Теперь я хочу воспользоваться этимъ обѣщаніемъ, мнѣ нужно письменное прошеніе. Известно я все самъ поясню.

— Понимаю-сь, — сказалъ докторъ шопотомъ, — быть можетъ насчетъ ордена?

— Вотъ выдумали, да у меня ихъ столько, что не знаю куда надѣть. Кому мнѣ ихъ показывать, развѣ деревенскимъ мужикамъ? Мнѣ другого нужно. Я хочу выхлопотать амнистію человѣку, который сидитъ въ тюрьмѣ.

— Ахъ, это прекрасно, весьма благородно. Быть можетъ, онъ посаженъ за долги?

— Нѣтъ, за политическое преступленіе.

— Вѣроятно соучастникъ Аула?

— Нѣтъ, онъ венгерскій повстанецъ.

— Быть можетъ, бывший вашъ слуга?

— Вовсе нѣтъ. Я его даже не знаю. Однако хочу употребить все свое вліяніе, чтобъ помочь ему. Его зовутъ: Аладаръ Гароновельди. Онъ племянникъ Адама Гароновельди... Да чтó съ вами случилось, чортъ возьми!

— Такъ, ничего-сь! Подавился, косточка отъ рыбы у меня въ горлѣ остановилась.

— Рыбья кость изъ бараньей-то котлеты? Ну, со мной подобнаго ничего не случилось!

Д-ръ Гришакъ попалъ западню, онъ находился между двумя кліентами, изъ которыхъ одинъ хорошо ему платилъ, а другой въ будущемъ обѣщалъ много выгодъ.

— Осмѣлюсь спросить, чтó побуждаетъ васъ покровительствовать лицу?

— Это къ дѣлу не относится, нѣтъ надобности разглашать, о томъ, что я пытаюсь его освободить; къ тому же, когда дѣло будетъ кончено, мы о немъ забудемъ. Теперь я не знаю Аладара Гароновельди, да и послѣ не буду съ нимъ знакомиться. Теперь

ми съ вами ведемъ частную бесѣду. Я вовсе не желаю разыгрывать роль благодѣтеля и не жду аплодисментовъ изъ райка. Мнѣ нужно достичь цѣли—вотъ и все. Я желаю, чтобъ Аладаръ Гароновѣльди вернулся домой, болѣе мнѣ отъ него ничего не нужно. Если встрѣтимся на улицѣ, поздороваемся и пойдемъ каждый своей дорогой. Я не имѣю намѣренія хлопотать отъ своего имени, а хочу, чтобъ другое лицо подало просьбу, а я употреблю свое вліяніе въ Вѣнѣ на то, чтобъ она была исполнена.

— Такъ, такъ, я понимаю-съ. Старый Гароновѣльди будетъ подателемъ прошенія.

— Старикъ Гароновѣльди? Ого, пріятель мой, значить вы Гароновѣльди вовсе не знаете. Онъ ни о чемъ не просить.

— Сколько мнѣ извѣстно, онъ очень любитъ своего племянника.

— Онъ его любитъ, но просить за него не будетъ.

— Должно быть, онъ въ немъ крайне нуждается, потому что при своемъ управствѣ онъ въ конецъ разстроилъ свое хозяйство, которымъ молодой человѣкъ прекрасно завѣдывалъ.

— Все это, быть можетъ, и правда, только, несмотря на это, старый сосѣдъ скорѣе дастъ дому обрушиться или мышамъ изгрызть сапоги на своихъ ногахъ, нежели рѣшится подписать свое имя подъ какимъ-нибудь прошеніемъ. Это я знаю навѣрное. Тутъ долженъ похлопотать кто-нибудь другой. Напримѣръ, какой-нибудь близкій родственникъ.

Д-ра Гришака разобрало любопытство. На кого это онъ рассчитывается?—спрашивалъ онъ себя.

— Неужели вы не догадываетесь, кто объ этомъ долженъ похлопотать?

Д-ръ Гришакъ отрицательно покачалъ головой, онъ рѣшительно не зналъ на кого подумать.

— Что-жъ, такъ и не можете отгадать. Приготовьте-ка хоршее прошеніе. Слогъ не долженъ быть сухъ, вы просите не о патентѣ на нововобрѣтенную ваксу,—надо, чтобъ прошеніе было исполнено достоинства. Я уже позабочусь о томъ, чтобъ лицо, отъ имени котораго оно должно быть подано, подписало его. Я его самъ отвезу въ Вѣну. Поспѣшите скушать свой компотъ, нечего вамъ вынимать косточку изъ каждой вишни. Когда я былъ вашихъ лѣтъ, такъ вишни глоталъ вмѣстѣ съ косточками. Сами напишите просьбу, ее не слѣдуетъ показывать вашему помощнику. Я спрячу ее въ карманъ, и мы вмѣстѣ пойдемъ хлопотать о подписи.

Д-ръ Гришакъ сидѣлъ какъ на угляхъ. Вотъ будетъ потѣха-то!

Просьба, написанная его собственной рукой, отправится въ Вѣну подъ протекціей кавалера, между тѣмъ какъ г-жа Пойтон только-что дала ему порученіе, совершенно противорѣчащее этому поступку. Ему приходится сочинять трогательныя просьбы объ освобожденіи человѣка, который отобьетъ у него невѣсту.

Однако отъ Анкершмидта не отдѣлаешься, докторъ нѣхоти поторопился выпить кофе, усялся за письменный столъ и не вставалъ, пока не изготовилъ требуемаго документа.

Ему пришла на умъ хитрость: я, молъ, надѣлаю побольше ошибокъ, буду прибавлять слова да зачеркивать, такъ что бумагу необходимо будетъ переписать на-чисто. Онъ-таки ошибся въ расчетѣ. Прочитавъ прошеніе, кавалеръ тщательно сложилъ его и опустилъ въ карманъ.

— Позвольте, одинъ изъ моихъ писарей на-чисто перепишетъ бумагу.

— Нѣтъ надобности—и такъ ладно.

— Неужели вы хотите подать черновое прошеніе?

— Нѣтъ, само собой разумѣется. Но особа, отъ имени которой оно будетъ подано, сама, собственной рукой, должна его переписать.

— Ей этого не прочесть.

— Я самъ прочту и буду ей диктовать.

Не было возможности взять назадъ бумагу. Теперь прежде всего слѣдуетъ уведомить Коринну объ этой неожиданности. Опасность близка, надо всѣми силами стараться помѣшать кавалеру исполнить свое намѣреніе.

Къ счастью, самъ кавалеръ спѣшилъ идти хлопотать о своемъ дѣлѣ и взялся за шляпу. Д-ръ Гришакъ ужасно торопился: чѣмъ скорѣе разыщетъ онъ г-жу Пойтон, тѣмъ лучше. Правда, она его ждетъ лишь къ чаю, но въ такомъ важномъ случаѣ некогда дожидаться часу, указаннаго для аудіенціи, дорогá каждая минута!

У воротъ докторъ Гришакъ распрощался съ Анкершмидтомъ, пожали другъ другу руку, пожелали доброй ночи, радуясь, что удалось имъ повидаться, и вдругъ замѣтили, что оба идутъ по одному направленію.

— Вотъ отлично, намъ одна дорога.

На Кристофской площади они снова стали прощаться и пожали другъ другу руку.

— Желаю вамъ всякаго благополучія.

— Вы въ которую сторону пойдете?

— По Вайтцеровой улицѣ.

— И я тоже.

Снова вмѣстѣ пошли и очень смѣялись надъ неожиданнымъ спутничествомъ.

Наконецъ, Анкершмидтъ остановился у воротъ двухъ-этажнаго дома.

— Теперь намъ окончательно придется разстаться, — до свиданія, любезный докторъ.

— Очень радъ, что васъ видѣлъ...

— Чортъ возьми, да вы тоже сюда идете?

— Какъ? — и вы сюда?

— Ну, это въ самомъ дѣлѣ курьёзно.

— А мы уже три раза успѣли другъ съ другомъ проститься.

— По крайней мѣрѣ, не разстанемся, не простившись. Кто изъ вашихъ знакомыхъ живетъ здѣсь?

— Кто изъ моихъ знакомыхъ, — колебался, произнесъ докторъ. — Я иду по одному дѣлу къ г-жѣ Пойтон.

— Браво! да и я тоже! По крайней мѣрѣ вы мнѣ укажете, гдѣ ея дверь, вы можете меня представить. Мнѣ былъ извѣстенъ лишь номеръ дома. Я поспѣшилъ сюда — и вотъ счастливый случай, что мы встрѣтились.

Докторъ предоставилъ себя вести точно школьникъ, у него такъ сердце и стучало, какъ-бы отъ страха, что вотъ, молъ, учитель провѣдаетъ, что онъ напроказничалъ, и не миновать ему розогъ.

Анкершмидтъ, напротивъ, будучи покупщикомъ имѣнія г-жи Пойтон, — могъ разсчитывать на любезный приемъ съ ея стороны. Она всегда съ почтеніемъ объ немъ отзывалась, расхваливала его воинственные доблести и свѣтскую любезность.

Дѣйствительно, кавалера очень радушно встрѣтили. Хозяйка была къ нему крайне внимательна, отдавала ему предпочтеніе передъ всѣми гостями. За чаемъ сѣла около него, предоставивъ остальнымъ гостямъ размѣститься какъ имъ угодно; тутъ на лицо былъ и танцоръ, и сельскій хозяинъ, и поэтъ — и всѣ прочіе обожатели.

Д-ръ Гришаевъ старался держаться возлѣ хозяйки и принималъ участіе въ ея бесѣдѣ съ Анкершмидтомъ, вставляя въ разговоръ, по временамъ, свое словечко.

Потомъ гости начали разъѣзжаться. Д-ръ Гришаевъ поглядывалъ на часы, было около полуночи. Всѣ начали подниматься, только Анкершмидтъ вовсе не думалъ съ мѣста двигаться; онъ пилъ уже седьмую чашку чаю.

— Однако поздно становится, — развязно покачиваясь на стулѣ, замѣтилъ докторъ Гришаевъ.

— Конечно,—подтвердилъ Анкершmidtъ,—а вамъ вѣрно рано придется вставать?

— Я васъ поджидаю, чтобъ намъ вмѣстѣ вернуться; я нанялъ карету.

— Напрасно. Впрочемъ, пожалуй, подождите меня. Налейте себѣ еще чашку чаю, успеете выпить.

Кавалеръ началъ жечь ромъ съ сахаромъ въ чайной ложкѣ.

Коринна вернулась, проводивъ гостей, и опять возлѣ него усѣлась. Д-ръ Гришакъ сѣлъ поодаль и безцеремонно оперся на этажерку.

— Кажется, уже всѣ ваши гости разъѣхались?—спросилъ Анкершmidtъ.

— Что-жъ изъ этого,—успокоивала его Коринна.

— Мнѣ бы желательно было наединѣ переговорить съ вами.

Коринна вопросительно взглянула, указывая на доктора Гришака.

— О, присутствіе г-на доктора мнѣ нисколько не мѣшаетъ,—переливая пылающій ромъ съ ложки въ чашку, отвѣчалъ Анкершmidtъ.—Онъ посвященъ въ это дѣло.

«Что бы это могло быть», раздумывала Коринна, а докторъ Гришакъ развязно покачивался на стулѣ.

— Вы помолвлены,—добродушно взглянувъ на Коринну, сказалъ Анкершmidtъ.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ,—отвѣчала она, покраснѣвъ до ушей.

— Мнѣ такъ рассказывали.

— Я вовсе и не намѣрена выходить замужъ.

— Знаю, знаю. Неловкое положеніе. Вы оттапливаете всѣхъ, и никто не знаетъ по какой причинѣ. Но мнѣ-то она извѣстна. Пожалуйста не конфузьтесь. Вашъ женихъ въ тюрьмѣ. Я это очень хорошо знаю, да еще, къ тому-же, ему такъ долго придется быть въ заточеніи, что когда вы увидите, такъ оба будете пожилыми людьми, и тогда лишь протянете другъ другу руку. Вотъ вы и скрываете свое горе и всѣмъ говорите, что не выйдете замужъ. Я это очень цѣню. Можетъ быть, что во время войны я былъ противникомъ вашего жениха, но могу ли я его преслѣдовать, когда онъ беззащитенъ! Одно скажу, вы скоро будете счастливы и осчастливить васъ человекъ, котораго вы считаете на вѣки для васъ потеряннымъ.

Коринна съ удивленіемъ взглянула на д-ра Гришака, а тотъ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобъ вытянуть воротничокъ своей рубашки, точно ему хотѣлось за него спрятаться.

— Говоря безъ обиняковъ,—продолжалъ Анкершmidtъ,—я

хочу выхлопотать въ высшихъ сферахъ амнистію, такъ-что мѣсяца черезъ два Аладаръ Гароновѣлди будетъ у вашихъ ногъ.

Д-ръ Гришакъ при этихъ словахъ выпилъ стаканъ воды.

Коринна, растерявшись,—пробормотала: — Я, право, не понимаю.

— Однако вещь, кажется, очень простая.—Анкершмидтъ шарилъ въ карманъ и къ крайнему отчаянію д-ра Гришака вынулъ прошеніе.

Докторъ рѣшилъ, что теперь онъ человѣкъ пропащій.

— Вотъ тутъ прекрасно составленное прошеніе, вы его, сударыня, перепишите собственной ручкой. Надо, чтобъ видно было, какъ дрожить любящая рука. Не бѣда, если даже пропустите слова два—это докажетъ лишь сильное волненіе. Подпишитесь—и потомъ мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Вѣну. Я всюду, куда понадобится, буду васъ сопровождать, и могу васъ увѣрить, что намъ въ просьбѣ не откажутъ.

Коринна узнала на черновой бумагѣ почеркъ доктора.

И ей приходится переписывать ее собственной рукой. Ее заставляютъ хлопотать о дѣлѣ, котораго она боится какъ кошмара!

Кавалеръ только зналъ себѣ мѣшалъ сахаръ въ чашкѣ. Онъ вполне былъ доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на прелестную вдовушку, и ожидалъ, что она въ слезахъ кинется ему въ объятія, еще пожалуй, руку захочетъ поцѣловать, этого, конечно, онъ не допустить.

Но Кориннѣ вдругъ пришла хитрость на умъ.

Она сложила прошеніе и положила передъ кавалеромъ. Потомъ, холодно и между тѣмъ какъ-бы съ трудомъ переведа духъ, проговорила:

— До знакомства моего съ вами, я была способна на этотъ шагъ, теперь же—это вашъ противникъ, тотъ и мнѣ врагъ.

Анкершмидтъ, закусивъ губы, кинулъ внимательный взглядъ на Коринну изъ-подъ своихъ густыхъ бровей, молча положилъ въ карманъ прошеніе и застегнулъ сюртукъ.

— Поздно, пора намъ домой, г. докторъ.

— Развѣ вы не хотите допить чай,—спросила Коринна такимъ голосомъ, какъ будто просила остаться.

— Благодарю васъ, съ меня достаточно.—Кавалеру теперь больше ничего не было нужно.

Вздохнувъ довольно равнодушно, онъ раскланялся. Д-ръ Гришакъ, какъ опшаренный, шелъ за нимъ по пятамъ.

Онъ одинъ ни за что на свѣтѣ ни секунды долѣе не остался

бы у этой дамы, даже еслибъ ему сейчасъ предложили министерскій портфель.

Прежде всего надо ему у себя дома пообдумать, какіе параграфы привести себѣ въ оправданіе передъ Коринной. Въ настоящую минуту ему остается лишь удалиться подъ эгидой ветерана.

Анкершмидтъ молча спускался съ лѣстницы. Спустившись, оба остановились; пока докторъ ждалъ, чтобъ подѣлалъ извозчикъ, Анкершмидтъ положилъ ему руку на плечо, сказавъ:

— Послушайте-ка, г. докторъ, выдали ли вы, какъ въ шести щенятъ выбираютъ самаго жирнаго, а другихъ живыми въ воду бросаютъ?

Д-ръ съ удивленіемъ взглянулъ на кавалера, не понимая, въ чему онъ это сказалъ.

— Такъ я вамъ вотъ что скажу: судьба щенка, котораго собираются утопить, по-моему завиднѣе участи жениха вотъ этой барыни. Покойной ночи, милый докторъ.

Онъ предоставилъ ему ѣхать въ каретѣ, а самъ нѣшкомъ отправился домой.

VII.

Полуразвалившася дома Гароновѣлди, котораго онъ никому не хотѣлъ уступить, совсѣмъ не видно было съ улицы. Анкершмидтъ загородилъ его своимъ замкомъ, выстроеннымъ въ стилѣ «Renaissance». Обойдя вокругъ замка, можно было увидать старинное строеніе, окруженное старыми каштановыми деревьями, которыхъ верхушки, склоняясь, образовывали родъ свода, какъ-бы для защиты руины отъ бури. Зеленый плющъ дружески обвивалъ кирпичныя стѣны зданія, извиваясь между окнами до самой крыши.

Вокругъ дома росла трава до самыхъ деревьевъ, — все это пространство принадлежало старому Гароновѣлди, а за деревьями начинались владѣнія Анкершмидта, и земля убита была булыжникомъ. Гароновѣлди огородилъ свою землю, чтобъ въ нему не заѣзжалъ кто-нибудь верхомъ или въ каретѣ.

Кругомъ стариннаго дома преспокойно росла трава, никто ее не топталъ и не носилъ.

По четыре раза въ годъ, въ извѣстное время Компотъ приходилъ въ старій домъ со связкой ключей. Онъ открывалъ двери, провѣтривалъ комнаты, и, провозившись въ домѣ, съ полчаса опять запиралъ его на замокъ и удалялся.

Понятно, что Штрафъ (котораго мы будемъ теперь звать его настоящимъ именемъ) примѣтилъ, что управляющій аккуратно черезъ три мѣсяца появлялся въ старомъ зданіи.

Штрафъ такъ и остался въ семействѣ Анкершмидта въ качествѣ учителя музыки. Какъ намъ извѣстно, онъ хорошо игралъ на фортепіано и прекрасно разыгрывалъ роль польскаго эмигранта, такъ что, наконецъ, самъ Анкершмидтъ считъ его за поляка.

Однажды Штрафъ подстерегъ нашего Композъ. Управляющій направлялся къ старому дому; Штрафъ пробирался за нимъ. Композъ захлопнулъ за собой дверь, а Штрафъ спрятался за бузину и заглядывалъ въ окошко той комнаты, въ которую вошелъ Композъ.

Войдя въ комнату, Композъ кругомъ оглянулся, посмотрѣлъ, плотно ли закрыты занавѣски на окнахъ, и замѣтилъ, что черезъ желѣзную рѣшетку выбито было одно стекло въ окнѣ; если въ это отверстіе просунуть пучокъ соломы, то можно приподнять занавѣску и посмотрѣть, что въ комнатѣ дѣлается.

На Композъ надѣтъ былъ просторный сюртукъ, въ который можно было припрятать разныя вещи, въ родѣ того, какъ фокусникъ прячетъ въ свой фракъ разныя бездѣлушки.

Вдругъ появилась у него въ рукахъ маленькая четвероугольная коробочка. Не видно было, откуда онъ ее вынулъ. Кажется, она изъ чернаго дерева, словомъ—то была черная шкатулочка.

Композъ вынулъ изъ жилета маленькій ключикъ и отперъ шкатулку. Жаль одного, онъ такъ всталъ, что изъ-за крышки ящика не видно было, что въ немъ лежитъ.

А вѣрно, что-нибудь особенное находилось въ шкатулкѣ, Композъ смотрѣлъ въ нее долго, долго. Потомъ взялъ изъ кармана бумаги и положилъ въ шкатулку, снялъ съ пальца перстень и запечаталъ имъ ящикъ.

Очень подозрительный поступокъ! Послѣ снова взялъ ящикъ въ руки, повернулся и ушелъ. Поставилъ ли онъ куда-нибудь шкатулку или съ собой унесъ? Трудно рѣшить. Когда онъ выходилъ изъ дому, не видно было, несетъ онъ что-либо или нѣтъ?

Значитъ, улики такъ вѣрно на мѣстѣ и остались.

Во многихъ отношеніяхъ выгодно будетъ овладѣть этимъ предметомъ. За отысканіе его можно ждать награды.

Сейчасъ же написано было письмо г. Брейхейзелю, отправлено съ экстренной почтой и сказано было, чтобъ поспѣшили.

Надо признаться, что не замѣшкались.

Въ два часа по-полуночи тихонько явился г. Брейхейзелъ съ

своимъ секретаремъ, писцомъ, комиссаромъ и вооруженными жандармами, однихъ разставили тотчасъ же у дверей дома, другимъ велѣно было схватить Компоша.

Онъ чуть не обратился въ бѣгство; будучи совсѣмъ одѣтъ, онъ собирался идти въ конюшню.

— Стой!—крикнулъ Брейхейзель,—куда это?

— Въ конюшню,—преспокойно отвѣтилъ Компошъ.

— Чего вы тамъ ищете ночью?

— Я вѣдь исполняю должность эконома. Да и теперь уже не ночь, а утро.

— Какое утро, всего три часа по-полуночи.

— Да вѣдь это и называется утромъ; въ эту пору мужики принимаются за работу.

— Безъ колеостей; прошу покорно, слѣдуйте за нами. Принесите ключи отъ пустого дома. Г-нъ Микучекъ съ двумя жандармами будетъ васъ сопровождать.

Г-нъ Микучекъ былъ худенькій господинъ, съ узкими плечами, на немъ было узенькое пальто табачнаго цвѣта, въ которомъ онъ совсѣмъ бы замерзъ, еслибъ не спасъ его черный шерстяной шарфъ. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Этотъ г. Микучекъ такъ и ходилъ по пятамъ. Съ помощію ручного фонаря отыскали связку ключей, и потомъ вся компанія направилась къ дому. Впереди шелъ Брейхейзель, за нимъ Компошъ съ дрожащимъ Микучкомъ, а кругомъ вооруженные жандармы.

Когда дошли до дому, отъ г. Компоша официально потребовали, чтобъ онъ отперъ дверь.

Компошъ повиновался начальству.

— Два жандарма пусть останутся у дверей и не пускаютъ никого ни войти, ни выйти,—отдалъ приказъ Брейхейзель.—Эй, вы, впередъ съ ключами.

Г-ну Компошу никто не пояснилъ, чего разыскивали, а онъ ни у кого не спрашивалъ, чего ищутъ.

Начался обыскъ.

Стали осматривать полы въ комнатахъ, начали поднимать половицы по порядку, искусно шаря во всѣхъ углахъ. При свѣтѣ лампы изъ щелей выскакали мыши и крысы и разбѣжались во всѣ стороны. Въ углу нашли опустѣвшее сверчковое гнѣздо, изъ котораго торчали соломенки. Потомъ увидели фруктовыхъ червяковъ и цѣлую колонію мокрицъ. Но болѣе таинственнаго ничего не отыскивали.

Потомъ начали осматривать печи. По этой части г. Мику-

чекъ былъ очень свѣдущъ. Какъ человѣкъ практическій онъ хорошо зналъ, что печи и каминны могутъ служить проводниками въ разныхъ коморы. Разобрали по очереди всѣ печи и освѣдѣтельствовали каждый уголокъ. Въ урнахъ съ узкими горлышками, украшавшихъ печи, сбоку пробивали отверстія. Ничего въ нихъ не нашли, кромѣ сажки, и г. Микучекъ такъ въ ней выпачкался, что его можно было принять за трубочиста.

Сравнительно гораздо чище была работа вынимать мраморныя плиты въ сѣняхъ, крючками легко ихъ было вытащить, не запачкавъ даже рукъ.

Подъ плитами тоже ничего не нашли. Уинтеръ-коммиссару пришлось опять привинтить крышку на своей чернилицѣ и спрятать въ карманъ протоколъ, не занеся въ него ничего интереснаго; г. Брейхейзелъ самъ свѣтилъ ему, держа въ рукѣ фонарь, боясь, чтобъ чего-либо не подкинули.

Потомъ спустились они въ погребъ. Нѣсколько пустыхъ бочекъ стояли на доскахъ, у нихъ проломали дно и убѣдились, что онѣ совершенно пусты.

Но г. Микучекъ вѣдь практичный человѣкъ. Погребъ не такъ обыскиваютъ; по его приказанію, въ одну изъ бочекъ налили воды и повалили ее въ погребъ, потомъ въ верхъ двомъ опрокинули, такъ чтобъ вода разомъ вытекла. Это для того дѣлалось, чтобъ узнать, не запрятано ли что въ погребъ, — въ такомъ случаѣ вода сейчасъ стечетъ въ то мѣсто, гдѣ что-либо хранится.

Члены слѣдственной комиссіи взлѣзли на балки, чтобъ вода не попала имъ въ сапоги.

Компошъ, стоя между двумя жандармами, съ усиленною поглядывалъ на эту операцію.

Вдругъ вода потекла въ ту сторону, гдѣ на балкѣ стоялъ Компошъ и стала быстро исчезать въ углубленіе.

— Тамъ, тамъ надо искать! — закричали разомъ трое.

— Здѣсь копайте! — Начали отбрасывать гнилыя балки и быстро копать землю.

Микучекъ даже засучилъ шаровары, чтобъ поближе подойти.

Что-то зазвенѣло.

— А, тутъ что-то есть! — Самому Компошу крайне было любопытно узнать, что, молъ, тамъ запрятано.

— Потихоньку, осторожно!

Микучекъ руками вытаскивалъ изъ ямы комки грязи. Наконецъ ему что-то подъ руку попалось, онъ сталъ вытаскивать, — оказалось, это пустая бутылка. Еще вынулъ бутылку — и въ этой ничего нѣтъ; опять попалась пустая бутылка, и набралось цѣлыхъ

пятнадцать, различной формы. Были и маленькія и большія изъ коричневаго стекла, изъ зеленаго, изъ желтаго, изъ-подъ токайскаго вина, менешскаго, изъ-подъ шапманскаго — и всё до единой были пусты.

Члены слѣдственной компаніи съ удивленіемъ переглянулись между собой.

— Что это значить?

Между тѣмъ, уже начало свѣтать. Когда совсѣмъ разсвѣло, можно было освидѣтельствовать чердакъ.

Обыскъ на чердакѣ не привелъ ни къ какимъ открытіямъ.

Отправились въ комнаты. Тутъ обратилъ на себя вниманіе раскрашенный досчатый ящикъ, до-верху наполненный пожелтѣвшей бумагой. Въ немъ навѣрное было нѣсколько пудовъ вѣсу.

— Это что за бумаги? — спросилъ г. Брейхейзель, обернувшись къ Композу.

Композъ съумѣлъ скитрить и отвѣчалъ, пожавъ плечами: — Право не знаю. Неудобно ли вамъ будетъ посмотреть.

— Вотъ еще проклятое занятіе! Однако, быть можетъ, мы здѣсь найдемъ то, чего намъ нужно.

Съ кислыми мионами начали члены комиссіи развязывать пачку за пачкой, развертывали каждое письмо и прочитывали, чтобъ видѣть, не то ли это, котораго ищутъ. Нѣтъ, все не то! Въ письмахъ говорилось о томъ, что было за 200 да 300 лѣтъ назадъ, подписаны были имена людей давно умершихъ. Самыя чернила уже успѣли поблѣкнуть.

Нечего сказать, тяжелая была работа. Раздался обѣденный звонокъ, а комиссія еле справилась съ $\frac{1}{2}$ всѣхъ найденныхъ сокровищъ.

Видно было, что въ бумагахъ нѣтъ ничего подозрительнаго.

— Подождите, я кое-что придумаю! — неожиданно крикнулъ Брейхейзель, ударивъ по плечу своего пріятеля Микучека, какъ человѣкъ, которому пришла счастливая мысль.

— Идемъ въ первую комнату, пусть управляющій идетъ между двумя жандармами. — Идите же!

При этомъ г. Брейхейзель сунулъ лѣвую руку подъ фалды сюртука, а въ правой держа трость пошелъ самъ впередъ, въ комнату, гдѣ разобрали весь полъ.

Посреди этой комнаты стояло бюро съ оригинальной вышью, которая взадъ и впередъ двигалась, словно китайская штора.

Г-нъ Брейхейзель собралъ весь свой штатъ и съ торжествую-

щимъ видомъ всталъ около стола, изъ котораго предварительно вынули всѣ ящички.

Компошъ, увидавъ, что они готовятся сломать старинный столъ, не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Не можете ли вы мнѣ сказать, господа, что вы собственно разыскиваете?

— Шкатулочку изъ чернаго дерева, въ которую вы прячете письма.

— Ахъ, господа, да вѣдь она передъ вами стоитъ.

Дѣйствительно, ящичекъ стоялъ на столѣ, на возвышеніи, между двумя томами «Corpus juris» въ кожаномъ переплетѣ. Тамъ никому въ голову не пришло поискать ее.

Чтобъ загладить свой промахъ, г. Брейхейзель вдругъ крикнулъ Компошу:

— Что находится въ этой шкатулкѣ?

— Извольте посмотреть; вотъ ключъ.

— Зачѣмъ ящичекъ запечатанъ? — строго спросилъ г. Брейхейзель, наморщивъ брови.

— Чтобъ туда ничего не клали, кромѣ того, что я положилъ.

— Что же лежитъ въ этой шкатулкѣ?

— У васъ ключъ въ рукахъ, извольте взглянуть.

— Кому она принадлежитъ? Зачѣмъ она здѣсь спрятана? съ какою цѣлью ее запрятали?

— Позвольте, господа, это такіе вопросы, на которые я передъ судомъ готовъ отвѣтить, но не здѣсь, въ присутствіи любопытныхъ свидѣтелей.

— Вотъ какъ, вы не хотите мнѣ отвѣчать! Вахмистръ, съ этой минуты человѣкъ этотъ арестованъ.

Компошъ нисколько не испугался. Когда жандармскій унтеръ-офицеръ подошелъ къ нему, онъ, какъ человѣкъ знакомый съ законами, вынулъ свое единственное оружіе, складной ножикъ, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ подаль жандарму, сказавъ: возьмите!

Этимъ онъ показалъ, что не намѣренъ сопротивляться.

— Отведите этого человѣка въ городъ, пусть тамъ за нимъ наблюдаютъ.

— Поспѣютъ, вы меня еще выпустите, — скромно замѣтилъ Компошъ. — Что, мы пѣшкомъ пойдемъ, или велѣтъ запрячь лошадь?

Брейхейзель готовился отомстить ему, отправивъ его пѣшкомъ, но подумалъ, что провожатые за это ему спасибо не скажутъ. Онъ позволилъ Компошу послать въ контору и велѣтъ заложить

экипажъ, вахмистру строго велѣлъ слѣдить за нимъ, а самъ собрался уйти, взявъ шкатулку съ собою. Компонгъ почтительно остановилъ его.

— Вы изволили меня арестовать за то, что находится въ шкатулкѣ?

— Да, ну, а потомъ что?

— А если въ шкатулкѣ-то ничего нѣтъ?

— Ничего нѣтъ?

— Вѣдь ватѣмъ-то я и передалъ вамъ ключъ, чтобы вы изволили ее отпереть. Если вы, не открывъ, возьмете домой ящикъ, въ судъ его отопрутъ, и если найдутъ его пустымъ, тогда, воля ваша, я сдѣлаю скандалъ.

— Такъ что-жъ мнѣ дѣлать, по-вашему?

— Тутъ письма юнкера Аладара, которые онъ пишетъ черезъ каждые четыре мѣсяца дядѣ, изъ Куфштейна, гдѣ находится въ заточеніи. По конвертамъ изволите увидѣть, что они прошли черезъ всевозможный контроль. Сперва прочелъ ихъ комендантъ крѣпости, потомъ переслали ихъ въ Вѣну, въ главное полицейское вѣдомство, тамъ ихъ изслѣдовали даже химически, нѣтъ ли тутъ криптографіи изъ симпатическихъ чернилъ. Когда ничего подозрительнаго въ нихъ не найдутъ, отсылаютъ ихъ обратно въ Куфштейнъ, оттуда въ оберъ-полицейское венгерское правленіе, и оно доставляетъ ихъ по адресу. Все это видно по письмамъ. Мнѣ думается, почтенный господинъ, что надо бы сперва взглянуть, есть ли что въ шкатулкѣ, которую изволите съ собой брать, или, ничего нѣтъ. Такихъ шкатулокъ много въ Пештѣ у токарей; не думаю, чтобы ради самой шкатулки изволили вы прибыть сюда.

— Это справедливо.

Сломали печать, отперли замокъ и подняли крышку, все дѣлалось официально.

Увидѣли они, что въ шкатулкѣ находится портретъ молодого тусара, который вѣсилъ былъ въ крышку, а въ самомъ ящикѣ лежало писемъ двадцать.

— Чей это портретъ?—спросилъ Брейхейзель.

— Это Аладаръ Гароновельди, родственникъ и воспитанникъ Адама Гароновельди.

— А что это за письма?

Брейхейзель и его чиновникъ ровно ничего подозрительнаго въ письмахъ не нашли.

— Къ чему же таинственность, зачѣмъ прячете вы эти письма?

Композъ пожалъ плечами и разсмѣялся.

— Вы изволите видѣть, что письма написаны на иностранномъ языкѣ. Хозяинъ мой говорить, что онъ не заснетъ, если въ одномъ домѣ съ нимъ будутъ находиться буквы такой формы; сжечь писемъ онъ не хотѣлъ, потому что онѣ написаны племянникомъ. Оттого и приказалъ мнѣ спрятать ихъ гдѣ-нибудь внѣ дома. И вотъ, когда я ему перевожу каждое, вновь полученное письмо (самъ онъ ихъ даже въ руки не беретъ), возьму, принесу его сюда да и спрячу въ шкатулку. Я думалъ, что здѣсь онѣ никого не стѣсняютъ.

Это объясненіе окончательно вывело изъ терпѣнія г. Брейхейзеля.

Кто слышалъ о причудахъ стараго «куруца» (такъ назывались приверженцы патріота князя Ракоци) Адама Гароновѣльди, тому подобное поясненіе покажется вполне естественнымъ.

— Послушай-ка, сударь, — прошипѣлъ г. Брейхейзель, становясь на дыбы, — если здѣшніе господа изъ ума выжили, то все-таки не позволяется имъ насмѣхаться надъ судебнымъ вѣдомствомъ. Зачѣмъ они дѣлаютъ секретъ изъ пустяковъ и принуждаютъ насъ ѣхать сюда, и съ утра до ночи, не пивши, не ѣвши, производить обыскъ. Это шутка плохая. Подобный поступокъ считается непочтительностію въ начальству. Потому предостерегаю васъ, чтобъ впередъ вы воздерживались отъ подобныхъ дѣйствій, служащихъ помѣхою административнымъ учрежденіямъ и высшимъ государственнымъ постановленіямъ. Они тормозятъ развитіе и водвореніе порядка и спокойствія. И если впредь всѣ вы, въ особенности вы, безъ всякой надобности потревожите власти, то въ частной вашей жизни вы подвергнетесь строгому надзору. Впрочемъ, это предостереженіе имѣетъ двойную цѣль — напомнить вамъ о наказаніи, какое повлечетъ за собой вина, и съ другой стороны — какъ напоминаніе о томъ, что чистосердечное раскаяніе можетъ облегчить вашу участь.

Изъ этихъ цвѣтистыхъ рѣчей нашъ Композъ понялъ одно, — что ему возвращаютъ свободу.

Брейхейзель молча указалъ, чтобъ его отпустили.

— Значить, съ меня снимается обвиненіе.

Когда чиновники собирались уйти, Композъ сказалъ:

— Прошу покорнѣйше, господа, выслушайте одно словечко.

— Ну, что еще такое?

— Вы изволите видѣть, что я внѣ опасности, шкатулка въ моихъ рукахъ, ни въ чемъ меня не обвиняютъ, значитъ бояться мнѣ нечего. Потому скажу вамъ, что въ шкатулкѣ находится

кое-что, чего вы не видали. При этомъ онъ подавилъ пружинку въ крышкѣ, портретъ отскочилъ, подъ нимъ лежало нѣсколько мелко и часто исписанныхъ листовъ почтовой бумаги.

— Это что такое?

— Какъ, развѣ никто не умѣетъ по-венгерски? Нѣтъ? Тѣмъ лучше. Значить меня придется въ городъ отправить, потому что здѣсь я не расскажу, о чемъ говорится въ письмахъ. Я желаю, чтобъ высокопоставленные лица объ этомъ узнали. Гдѣ вѣх-министръ? Пріятель мой, экипажъ готовъ, есть у васъ цѣпи? Закуйте меня и отправимтесь.

Композну пояснили, что цѣпей ему не надѣвнуть, но все-таки онъ не долженъ удалиться. А онъ упрашивалъ господъ, чтобъ они опять сложили печь, все заперли и ключъ передали бы ключнику. Потомъ, взявъ своего провожатого къ себѣ въ экипажъ, онъ уѣхалъ, пожелавъ членамъ комиссіи всякаго благополучія.

— Препорядочный негодяй!—ворчалъ ему вслѣдъ г. Брейхейзель. — Нечего сказать!

Возвращаясь домой, кавалеръ Анкершмидтъ столкнулся съ комиссіей, которая, окончивъ обыскъ, ѣхала обратно въ городъ.

Его крайне удивила многочисленная вооруженная свита, окружавшая почтовую карету г. Брейхейзеля и его помощниковъ. Ему пришлось остановиться, потому что почтенные господа, издали увидавъ его экипажъ, велѣли остановить своихъ лошадей, вышли изъ кареты и подошли къ экипажу Анкершмидта, чтобъ поблагодарить его за радушный пріемъ въ его замѣтъ, гдѣ, послѣ обыска, навормили ихъ обѣдомъ.

— Чортъ возьми, да вы развѣ были на псовой охотѣ?

Въ первый моментъ ему пришло въ голову: не за полякомъ ли они пріѣзжали!

— Да и удачно поохотились. — Вы никакъ не подозреваете, какія опасныя тайны схоронены были въ старомъ домѣ, который находится рядомъ съ вашимъ замкомъ.

— Быть не можетъ? Уже не скомпрометтированъ ли г. Гарновѣльди?

— Ну, это со временемъ видно будетъ. Пока только его управляющій привлеченъ къ суду.

Анкершмидтъ съ досады развалился въ каретѣ и велѣлъ кучеру ѣхать дальше. Если въ старомъ домѣ дѣлали обыскъ, значить кто-нибудь донесъ. Донести только и могъ одинъ человѣкъ,

а именно этотъ бродяга. Анвершмидтъ упрекалъ себя за то, что при появленіи этого человѣка сейчасъ же не выгналъ его изъ дому. Нужно было брать его въ учителя! Бабы это выдумали его протезировать.

— Что теперь изъ этого выйдетъ? Если старый Гароновѣлди сдѣлаетъ какую-нибудь оплошность, такъ этимъ лишь продлить заточеніе племянника. Если откроютъ какой-нибудь заговоръ, прошеніе попадетъ не въ время.

Онъ еще и безъ того не могъ оправиться отъ грустнаго впечатлѣнія, вынесеннаго изъ разговора съ вдовой. Ближайшіе родственники отрекаются отъ несчастнаго узника! Каково! женщина, обрученная невѣста не хочетъ подать прошенія объ освобожденіи жениха! Никогда бы онъ этому не повѣрилъ, еслибъ на дѣлѣ не убѣдился, что возможно такъ поступать! Что было дѣлать кавалеру съ этимъ прошеніемъ въ карманѣ? Отъ чьего имени подать? Есть ли возможность уговорить на это старика Гароновѣлди? Да и будетъ ли прокъ изъ этого, коль скоро онъ попалъ подъ слѣдствіе?

Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ, когда доберется до дому.

Къ слугѣ, пришедшему взять чемоданъ, онъ обратился съ вопросомъ:

— Дома учитель музыки?

Узнавъ, что молодой человѣкъ утромъ вернулся съ охоты, онъ поспѣшилъ наверхъ, къ нему въ комнату.

— Не успѣлъ онъ снять дорожное платье, какъ появился маленький Дюсси съ порученіемъ отъ миссъ Натали. Миссъ просить его превосходительство въ залу для серьезнаго разговора.

— Чортъ возьми, что за серьезные разговоры! Что хочетъ миссъ? Я самъ шутить не намѣренъ!

Миссъ одна дождалась кавалера въ залѣ. Она причесалась съ локонами à l'anglaise; лицо ея казалось еще длиннѣе и трагичнѣе.

— Что вамъ угодно, миссъ Натали? Что вы хотѣли мнѣ передать?

— Приготовьтесь къ очень дурной вѣсти, которая встревожитъ ваше благородное сердце.

— Ну, что это за вѣсть? Говорите съ разу, ненавижу этихъ предисловій!

— У васъ въ домѣ есть шпионъ.

— Знаю. Дальше не рассказывайте, чортъ возьми! Мнѣ все извѣстно. Я дорогой все узналъ.

— Быть не можетъ! Я старалась это скрыть.

— Вѣрю, что вы хотѣли скрыть, но я намѣреваюсь разгласить. Не пугайтесь пожалуйста.

— Подумайте, вѣдь вы этимъ можете повредить своему доброму имени.

— Этимъ-то я и спасу свою честь. Я не допущу, чтобъ говорили, что въ домѣ Анкершмидта находится шпионъ.

Миссъ начала умолять.

— Дюсси, позови учителя музыки.

Штрафъ съ улыбкой вошелъ, какъ человѣкъ ничего не подозревающей, началъ изъяснять свое удовольствіе, что вернулся хозяинъ. Анкершмидтъ прервалъ эти изліянія:

— Довольно!

Штрафъ долженъ былъ остановиться, кавалеръ даже руку протянулъ, сжавъ кулакъ.

— Послушай-ка ты: вчера въ домѣ Гароновѣльди дѣлали обыскъ. Ты донесъ. Я не живу въ одномъ домѣ съ шпионами. На лѣво-кругомъ, маршъ!

Штрафъ понялъ, что мѣшкать нельзя, не пробовалъ защищаться, съ благоговѣніемъ и смиреніемъ поклонился, какъ-бы подавляя вздохъ.

— Маршъ, маршъ! Сказано разъ—и довольно!—нетерпѣливо кричалъ кавалеръ.—Штрафъ сообразилъ, что самое лучшее удалиться; въ дверяхъ, обернувшись, онъ съ угрозою проговорилъ, смотря на Анкершмидта:

— Я вамъ о себѣ напомню!

Гнѣвъ прошелъ у Анкершмидта. При этихъ словахъ онъ флегматически обратился къ маленькому пажу, стоявшему у дверей:

— Дюсси, выбрось за дверь этого господина

Миссъ Натали не ушла. Она была блѣднѣе обыкновеннаго, ея сжатые губы посинѣли и она съ такимъ бѣшенствомъ глядѣла на Анкершмидта, точно ядовитая змѣя, которая готовится ужалить.

— Вы,—сказала она, подавляя гнѣвъ,—вы изволите ошибаться. Измѣна въ вашемъ домѣ пустила корни глубже, нежели вы предполагаете.

— Милѣйшая миссъ, не выражайтесь такимъ изысканнымъ слогомъ, скажите по-просту, если знаете, кто донесъ на Гароновѣльди. Доносъ могъ быть сдѣланъ только изъ этого дома. Если вы мнѣ докажете, что донесъ не этотъ бродяга, я готовъ идти вслѣдъ за нимъ и попросить у него прощенія. Не сердись, молъ, пріятель, бродяга!

— Не въ томъ дѣло, кто донесъ на Гароновѣльди.

— А въ чемъ же дѣло? Въ чемъ можетъ быть дѣло, говорите?

— Чтѣ общаго между вашимъ домомъ и г. Гароновѣлди?

— Какъ чтѣ общаго? Онъ былъ моимъ противникомъ въ политикѣ и на полѣ сраженія, и я не допущу, чтобъ про меня сказали, что я поселился рядомъ съ нимъ, чтобъ шпионить.

— Про васъ еще худшее расскажутъ, будутъ говорить, что вы возлѣ него поселились потому, что ищете заключить съ нимъ союзъ.

— Не понимаю. Какой союзъ? Уже не заговоръ ли?

— Нѣтъ, не то.

— Быть можетъ, у старина есть дочь и я за ней ухаживаю, хочу жениться?

— У него нѣтъ дочери, а у васъ есть.

— Такъ по-вашему, люди скажутъ, что я хочу навязать старику одну изъ моихъ дочерей?

— Да нѣтъ же, но у г-нѣ Гароновѣлди есть племянникъ, государственный преступникъ, онъ сидитъ въ тюрьмѣ.

Кавалеръ подумалъ, какимъ образомъ вѣсть опередила его прїѣздъ. Неужели домашніе уже знаютъ, о чемъ онъ говорилъ въ городѣ.

— Откуда вы это узнали?

— Очень просто. Г-нѣ Брейкейзаль, обѣдая у насъ, чтобъ удовлетворить наше женское любопытство, отперъ конфискованную шкатулку съ перепиской Гароновѣлди. Въ шкатулкѣ находится портретъ красиваго молодого человѣка и письма, написанныя на иностранномъ языкѣ.

— На какомъ иностранномъ языкѣ?

— На венгерскомъ.

— Вотъ какъ!

— Вы думаете, что члены вашего семейства не умѣютъ по-венгерски? Вы ошибаетесь, м-лле Элиза почти выучила этотъ языкъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго, въ два года могла научиться. Я самъ также выучился по-венгерски.

— Хорошо-съ. Теперь не угодно ли вамъ прочесть вотъ это?

Миссъ взяла длинную бумагу, по-канцелярски сложенную и подала кавалеру.

— Это почеркъ Элизы.

— Извольте прочитать.

Пока Анкершмидтъ читалъ, въ немъ одно чувство смѣнялось другимъ. Онъ удивлялся, радовался, сердился.

— Чтѣ это такое?—воскликнула миссъ Натали.

— Что это такое! Прощеніе къ высшей власти, его диктовало простое, наивное, благородное сердце, а писала слабыя дѣтская рука. Наивная просьба о дарованіи амнистіи юношѣ, сидящему въ тюрьмѣ. Что она хотѣла сдѣлать съ этой просьбой? Что она говорила?

— Она хотѣла послать ее въ Вѣну.

— Какимъ образомъ?

— По почтѣ.

— Сумасбродный ребенокъ! Гдѣ она?

— Заперта въ своей комнатѣ.

— Пошлите ее ко мнѣ; я хочу переговорить съ ней наединѣ.

— Вотъ гдѣ измѣна! — торжественнымъ тономъ проговорила миссъ. — Вотъ чего вы не подозревали; еслибъ не мой зоркій глазъ, вашему доброму имени нанесенъ бы былъ жестокий ударъ, а вовсе не тѣмъ лицомъ, на которое вы напустились.

— Хорошо, да хорошо же, другой разъ объ этомъ потолкуемъ, а теперь пришлите ко мнѣ дѣвочку.

Анкершмидтъ ушелъ въ свою комнату, сѣлъ къ столу, положилъ передъ собой просьбу дѣвочки и нѣсколько разъ перечиталъ ее.

Накъ правдиво, естественно!

Онъ положилъ рядомъ прошеніе доктора правъ и началъ слѣдить обѣ просьбы.

Дверь отворилась — и виновная вошла.

Она знала, что сильно провинилась и позвала ее къ судѣ; она не думала защищаться, сейчасъ же созналась, что виновата, бросилась на колѣни и прижалась къ отцу.

Анкершмидтъ, положивъ руку на бумагу, смотрѣлъ попеременно то на дочь, то на просьбу.

Съ четверть часа оба молчали. Потомъ Анкершмидтъ погладилъ дочь по головѣ, провелъ рукой по ея локонамъ.

Элиза схватила руку отца, прижала къ губамъ и долго цѣловала ее. Оба долго молчали.

Подъ конецъ надо же было кому-нибудь заговорить.

— Дочурка моя, ты это написала?

— Я.

— Ты очень хорошо и вмѣстѣ съ тѣмъ очень дурно поступила. Хорошо по отношенію къ узнику, и дурно въ отношеніи къ самой себѣ, потому что сама попала въ узницы. Я самъ передамъ твою простую просьбу туда, куда ты ее адресуешь и ручаюсь за успѣхъ. Но съ настоящей минуты ты не выйдешь

изъ дому, потому что ты никогда не должна увидѣть человека, котораго ты желаешь освободить.

Анкершмидтъ поднялъ ея голову, чтобъ посмотрѣть ей въ глаза.

— Итакъ, безъ меня или безъ твоей гувернантки ты не должна шагу дѣлать.

— Нигуда не пойду. .

— Хорошо же, теперь встань и поцѣлуй меня. Никому не передавай нашего разговора.

Взявъ дочь за руку, онъ повелъ ее въ залу и передалъ миссъ, сказавъ:

— Миссъ Натали, провиннившаяся во всемъ призналась. Я присудилъ ее къ домашнему аресту. Строго наблюдайте за ней.

VIII.

На другой день ранѣею Анкершмидтъ уѣхалъ изъ дому, всѣмъ объявивъ, что отправляется въ Пешть. Только одна Элиза подозрѣвала, что не туда онъ ѣдетъ.

— Я вамъ поручаю, миссъ, строго соблюдать арестъ, — сказалъ онъ, садясь въ карету. Миссъ и Эрминія проводили его до экипажа. Арестованной позволено было смотрѣть въ окошко.

— Поручаю вамъ строго наблюдать за ней. Передаю вамъ родительскую власть, поступайте съ ней какъ мать съ дочерью.

Миссъ не поняла шутки.

— И ты, Эрминія, тоже слѣди за Элизой. Ты старше и всегда была разумна. Тебя никогда не приходилось бранить, ни говорить тебѣ, что можно и чего нельзя: ты съ дѣтства была осмотрительна. Наблюдай за сестрой, ты знаешь, какъ она вѣтрена; у нея доброе сердце, но негодное для дѣвушки. У нея всѣ тѣ качества, за которыя хвалятъ мальчиковъ, а дѣвочекъ бранятъ. Обращайся съ ней ласково, съ любовью. Ну, теперь обними меня и позаботься, чтобъ не случилось какой-либо новой бѣды къ моему возвращенію.

Едва успѣла уехать пылъ отъ удалившагося экипажа, какъ въ дамамъ вопсѣлъ Максенпуттъ.

— Честь имѣю кланяться, барышни, вашъ покорный слуга. Миссъ Натали, цѣлую ваши ручки, какъ вы изволили почивать?

— Доброе утро, г-нъ фонъ-Максенпуттъ, присядьте пожалуйста. Мы такъ давно встали, что успѣли забыть, какъ провели ночь. Чему мы обязаны удовольствіемъ васъ видѣть?

— Я боялся явиться слишкомъ рано, миссъ. Дамы вѣдь долго совершаютъ свой туалетъ.

— Мы должны были поторопиться, потому что провожали отца.

— Это мнѣ извѣстно, миссъ, потому-то я и осмѣлился придти въ ранній часъ. О, я вѣдь знаю, въ какое время должно отправляться съ визитомъ.

— Здѣсь вы дома, г. директоръ, вы свой человѣкъ.

— Благодарю васъ покорно. Потому-то я и осмѣлился придти, дѣло снѣжное, отложить нельзя.

Миссъ Натали обратилась къ Элизѣ ласково, словно мать.

— Милая Элиза, пожалуйста сядьте за фортепiano нѣсколькими минутами ранѣе обыкновеннаго. Вчера вы пропустили урокъ.

Элиза поняла, что это значило. Ее хотѣли удалить и дать ей такое занятіе, чтобъ быть увѣренной, что ей нельзя подслушивать. Она повиновалась.

Максеншутцъ, опрокинувъ цилиндръ на колѣняхъ, началъ по немъ барабанитъ.

— Такъ, миссъ, прекрасно. Ну, а мадемузель Эрминія?

— О, отъ нея у меня нѣтъ секретовъ, да и быть не можетъ. Она мнѣ все-равно что сестра, да, это половина моей души.

— Итакъ, я смѣло могу говорить при барышнѣ. Съ чего мнѣ начать? — Ахъ, да, Богумиль нынче у меня ночевалъ.

— А! — вскрикнула миссъ Натали, а Эрминія взяла романъ — и притворилась, будто намѣрена читать.

— Мой другъ Богумиль мнѣ все разсказалъ, миссъ, все. Какъ его кавалеръ выгналъ изъ дому, подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ виноватъ въ томъ, что дѣлали обыскъ въ амбарѣ Гароновѣлди. Это была лишь придирка, всякій это пойметъ. Другъ мой Богумиль откровенно мнѣ объяснилъ причину этого непріятнаго поступка. Долженъ ли я передать вамъ его слова?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Онъ признался, что случилось все это потому, что кавалеръ примѣтилъ, какъ онъ близко сошелся съ вами, миссъ.

— Ахъ, — вздохнула миссъ и закрыла лицо прозрачной вышивкой, сквозь которую могла наблюдать. Эрминія перевернула страницу, какъ-бы не обращая вниманія на окружающее.

— Миссъ, я разумѣю отношенія вполне достойныя уваженія, я вполне въ этомъ убѣжденъ. Другъ мой Богумиль все мнѣ передалъ, миссъ. Онъ желаетъ на васъ жениться.

— Ахъ!

— Дѣло было покончено, я знаю. У него въ карманѣ разрѣшеніе, онъ мнѣ его показывалъ, все какъ слѣдуетъ. На-дняхъ назначена была свадьба. Между тѣмъ кто-то изъ домашнихъ передалъ это кавалеру. Онъ разсердился на сватовство, прогналъ молодого человѣка, оскорбивъ его въ вашемъ присутствіи. Вѣдь оно такъ и было, миссъ? Я говорю то, что отъ него слышалъ. Своего не прибавляю.

Миссъ, опустивъ глаза, прошептала, что это все правда.

— Прекрасно-съ! Теперь вопросъ въ томъ: желаете ли вы, миссъ, принять сторону оскорбленнаго человѣка?

— Я на все соглашаюсь, только не знаю, какъ и что должна я дѣлать?

— И это я вамъ скажу, миссъ. Требуется лишь ваше согласіе. Поступокъ кавалера оскорбляетъ и его самолюбіе, и ваше.

— О, крайне оскорбляетъ, — положивъ руку на сердце и поднимъ глаза къ потолку, отвѣтила миссъ.

— Другъ мой Богумиль серьезно помышляетъ о будущемъ. Я у него видѣлъ бумагу, его назначили профессоромъ реальнаго училища въ Офенѣ. Если тамъ узнаютъ, что его выгнали, пожалуй отнимутъ у него мѣсто.

— Бога ради!

— Одно средство помочь бѣдѣ, вы должны какъ можно скорѣе обвѣнчаться съ другомъ моимъ Богумиломъ.

— Ахъ!

— Развѣ вы не хотите, миссъ?

— Но какъ же такъ скоро!

— Мнѣ кажется, вы были достаточно подготовлены. Развѣ вы думаете, что Богумилу есть время дожидаться возстановленія своей чести?

— Нѣтъ, нѣтъ, когда дѣло касается его чести, я на все готова, — проговорила великодушно Натали, протягивая руку Максепутшу, и, какъ-бы ища опоры въ минуту столь важнаго рѣшенія, она взглянула на Эрминію, которая, отложивъ книгу въ сторону, подошла къ ней.

— Хорошо, миссъ, все прекрасно. Теперь остается поговорить о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся исполненія плана. Пока имѣю честь кланяться, если понадобится, я опять приду.

Натали поняла намекъ и, провожая Максепутшу, за дверь, второпяхъ, сказала, что теперь ей вполне понятно поведеніе Анкершмидта. Покойная супруга кавалера завѣщала ей, какъ бывшей своей компаньонкѣ, 5,000 гульд. сереб. Живя въ домѣ кавалера, она получаетъ проценты съ этихъ денегъ; въ случаѣ,

если она замужъ выйдетъ, кавалеръ обязанъ выдать ей всю сумму, а если она дурно будетъ себя вести, то лишится этого капитала. Кавалеръ и придумалъ интригу, чтобъ лишить ее денегъ.

— Вотъ оно что!—сказалъ Массенпуттъ. Теперь ему ясно стало, почему Богумилъ безъ ума влюбился въ миссъ: до сихъ поръ онъ рѣшительно не понималъ, чѣмъ она его плѣнила.

Свадьба будетъ ночью, въ квартирѣ Массенпутта. Потому ночью, чтобъ никто про нее не зналъ—и потому въ квартирѣ управляющаго, что Богумилъ не можетъ войти въ замокъ, а то снова выйдетъ скандалъ.

О свидѣтеляхъ позаботились. Директоръ предложилъ Богумилу свою собственную карету, чтобъ привести матера изъ сѣднаго села.

Наконецъ, необходимо, чтобъ Натали урядной добралась до квартиры управляющаго. Вотъ какъ надо это устроить:

Въ замкѣ есть задняя дверь, ведущая въ англійскій паркъ. Къ ней спускаются изъ замка по витой лѣстницѣ. Въ дверяхъ замокъ съ внутренней стороны только, снаружи отверстій нѣтъ. На случай, если кто захочетъ снаружи войти, то должны дернуть за колокольчикъ, который проведенъ въ комнату прислуги.

Изъ предосторожности, миссъ Натали должна выйти въ эту дверь, когда всѣ въ замкѣ улягутся спать. Въ саду ее будетъ ждать управляющій.

Чтобъ могла она вернуться той же дорогой, ей не слѣдуетъ запираить за собой двери, иначе ей до утра невозможно будетъ понасть въ домъ.

— Ну, а если воръ проберется въ полуотворенную дверь?

— И то правда, я объ этомъ не подумалъ.

— Я знаю, что сдѣлать. Эрминія любить меня, она призвана ко мнѣ какъ сестра, я у нея оставлю ключъ и попрошу впустить меня, когда я вернусь.

— А если она заснетъ?

— О, я увѣрена, что она не заснетъ. Она давно проситъ у меня позволенія прочесть одинъ романъ, если я дамъ ей книгу, она за ней присидитъ до утра.

— Вотъ и прекрасно. Еще одинъ вопросъ, миссъ, извините пожалуйста. Вопросъ нескромный, но его нельзя миновать. Есть у васъ, имѣете ли вы метрическое свидѣтельство?

— У меня должно быть метрическое свидѣтельство, но мнѣ кажется, что второнахъ священникъ выдалъ мнѣ свидѣтельство моей тѣтки. Ее тоже звали: Натали.

— Это очень можетъ случиться. Впрочемъ, кромѣ патера, который васъ будетъ вѣнчать, никому нѣтъ надобности его показывать. Не забудьте захватить съ собой это свидѣтельство.

Исполнивъ обязанности шафера, Максепутшъ спѣшилъ домой—исполнять роль посаженного отца.

Миссъ Натали весь день могла обсуждать свой планъ съ Эрминіей. Эрминія похлопочетъ, чтобъ миссъ непримѣтнымъ образомъ вышла и вернулась въ потаенную дверь; прислуга ничего не узнаетъ; она въ ту же ночь напишетъ отцу, расскажетъ ему всю исторію, попроситъ быть снисходительнымъ къ человѣку, на котораго онъ сердится. Вовсе онъ не шпіонъ и не обольститель, онъ имѣлъ серьезное намѣреніе; у него благородное сердце.

Нерпѣливо ждали, чтобъ стемнѣло. Гораздо раньше обыкновеннаго отужинали. Прислугѣ велѣно было пораньше все запереть, въ особенности двери хорошенько затворить: въ отсутствіи кавалера надо быть очень осторожнымъ.

Элизѣ позволено было не заниматься послѣ ужина. Она хорошо себя вела и потому можетъ идти спать.

Къ 10-ти часамъ все притихло въ замкѣ, потушили послѣднюю лампу. Въ комнатахъ барышень горѣли ночники.

У нихъ было двѣ комнаты. Спальня гувернантки и Эрминіи выходила въ сѣни, а изъ нея была дверь въ комнату Элизы, отсюда особеннаго выхода не было.

Въ комнатахъ Элизы заперты были ставни; а въ сосѣдней комнатѣ одно окно не было заперто. Это было условнымъ знакомъ, чтобъ показать Максепутшу, что все въ порядкѣ.

Максепутшъ въ видѣ сигнала обѣщалъ бросить въ окно камешекъ.

Скоро послышался стукъ падающаго камешка. Миссъ вернувшись въ шаль, спустилась съ лѣстницы.

Эрминія ее провожала. Дойдя до двери, она передала Эрминіи ключъ (который Анкершмидтъ просилъ ее поберечь), еще разъ обняла свою ученицу и вышла во дворъ. Эрминія рукой прикрыла свѣчку, чтобъ не примѣтили огня въ отверстіи. Потомъ заперла дверь.

— Миссъ, я здѣсь,—прошепталъ г. Максепутшъ.—Онъ стоялъ, прижавшись къ стѣнѣ и подавъ руку дамѣ, которую долженъ былъ отвезти въ себѣ.

Максепутшъ старался ободрять невѣсту, пока не настанетъ роковая минута; ее не долго пришлось дожидаться. На хорошихъ лошадяхъ до сосѣдняго села можно было доѣхать въ пол-

часа, значить черезъ часъ патеръ и женихъ могли прѣхать. Пока директоръ долженъ занять невѣсту разговоромъ.

Однако часъ прошелъ, другой, а женихъ все не возвращается. Очень дѣйствуетъ на нервы, когда приходится ждать запоздавшаго жениха—свидѣтелю, а невѣстѣ и подавно.

Было за полночь. Богумиль все не возвращался. Миссъ затревожилась.

— Да ничего не можетъ случиться, — утѣшалъ онъ озабоченную невѣсту: — ничего быть не можетъ. Я увѣренъ въ своемъ другѣ.

— О, я не сомнѣваюсь; но если съ нимъ случится какое-нибудь несчастіе дорогой. Можетъ, карета опрокинулась въ канаву, онъ упалъ и расшибся. Или разбойники напали, — онъ защищался какъ герой, и все-таки былъ убитъ. Можетъ статься, что онъ въ лѣсу заблудился?

— Да нѣтъ же, пожалуйста не бойтесь. Я знаю, почему запоздали. Вѣрно патера позвали исповѣдывать умирающаго. А вѣдь патеръ обязанъ идти исповѣдывать умирающаго, если его позовутъ, — и отложить вѣнчаніе.

Въ этомъ они были согласны, что умирающему позволено быть болѣе вѣтвѣннымъ, нежели людямъ, собирающимся жениться.

— Навѣрное на нихъ напали разбойники!

— Сдѣлайте одолженіе, не тревожьтесь. Я слышу шумъ колесъ, вотъ и карета во дворъ въѣзжаетъ.

Прошло нѣтъ минуты, никто въ дверь не стучитъ. — Да что они тамъ во дворѣ дѣлаютъ?

Мавсенпунтъ вышелъ въ сѣни. Никого не видитъ.

— Мое почтеніе, отецъ, милости просимъ.

Подойдя поближе, онъ въ потемкахъ различилъ, что его привѣтствіе относится къ его собственному пальто, которое повѣсили просушить.

На дворѣ стояла карета, свѣчи въ фонаряхъ доторали, а кучеръ водилъ по двору лошадей.

— Эй! Антонъ, Антонъ! Что такое случилось? Чѣмъ ты занимаешься?

— Чѣмъ занимаюсь! Лошадей вожу, а онѣ за мной ходятъ.

— Водору не городи! Другіе-то гдѣ?

— Другихъ двухъ лошадей водить кучеренокъ.

— Старый дуралей! Я про г-на Богумила спрашиваю.

— Его я отвезъ, куда вы приказали.

— А потомъ?

— Потомъ? Онъ велѣлъ сказать, что кланяется вамъ.

— Развѣ онъ тамъ остался?

— Нѣтъ, онъ тамъ не остался, а послалъ за почтовой каретой и далѣе поѣхалъ.

— Велѣлъ почтовую карету? Да въ томъ селѣ нѣтъ почтовой станціи.

— Да я не въ село ѣздилъ, а въ городъ.

— Въ городъ! Что-жъ велѣлъ онъ сказать?

— Сказалъ, что онъ вамъ, баринъ, очень благодаренъ за содѣйствіе и не забудетъ услуги вашей.

— За содѣйствіе! Ну, а миссъ что же онъ велѣлъ сказать?

— Что же можетъ человѣкъ велѣть передать тому, съ кѣмъ вмѣстѣ ѣдетъ?

— Съ кѣмъ вмѣстѣ ѣдетъ?

— Да съ миссъ.

— Съ какой миссъ?

— Точно я ее не знаю! Знаю я ея зеленый вуаль, который она носитъ, чтобъ не загорѣть, и юбку съ зеленой отдѣлкой спереди. Ну, и желтую шляпу съ цвѣтами знаю и синюю мантилью. — Словно я не знаю миссъ!

— Госноди, Боже мой! — крикнулъ Максепуттъ, схвативъ себя за волосы, — что тутъ только вышло! Слышалъ ли ты хоть голосъ этой дамы?

— Они говорили между собой шопотомъ, и по-французски.

— Когда и гдѣ посадилъ ты ее въ карету?

— Такъ сдѣлалъ, какъ вы изволили приказать. Вы, сударь, мнѣ сказали: — Антонъ, запряги четверку въ карету и поѣзжай по нижней дорогѣ, остановись у воротъ англійскаго парка и преспокойно жди. Придетъ г. Богумиль, сядетъ въ карету и велитъ куда ѣхать, и если еще кто съ вами поѣдетъ, онъ тебѣ объ этомъ скажетъ. Я такъ и сдѣлалъ. Я остановился у сада. Уже стемнѣло, когда молодой баринъ вышелъ изъ сада черезъ калитку. Миссъ крѣпко держала его за руку, онъ отперъ дверцу и посадилъ миссъ въ карету. Я спросилъ, куда ѣхать? Онъ сказалъ въ городъ. Въ городѣ остановились у почтовой станціи. Молодой баринъ вышелъ и велѣлъ себѣ подать почтовый экипажъ. Миссъ осталась въ каретѣ, когда почтовый экипажъ подѣхалъ, онъ помогъ ей выйти изъ кареты. У неѣ въ рукахъ былъ маленькій дорожный мешочекъ, онъ его нивому не давала, сама несла. Потомъ миссъ мнѣ сунула въ руку серебряный талеръ, какіе здѣсь не въ ходу, а молодой баринъ жетонъ,

завернутый въ бумагу, вотъ какими господа играютъ. Вѣрно ошибся, хотѣлъ дать мнѣ двойной червонецъ. Такъ они распростились со мной, почтальонъ заигралъ въ рожокъ, а я повернулъ лошадей да и поѣхалъ во-свои.

Выслушавъ этотъ занимательный разсказъ, Максепутшъ такъ вмѣстѣ съ дверью и влетѣлъ въ домъ.

— Ну, миссъ Натали, теперь и я упаду въ обморокъ! Негодяй въ вашемъ платьѣ похитилъ другую даму; если мои догадки справедливы, если онъ увезъ... О, это ужасно!..

М. П — о й.

ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА

III *).

ОБЛИЧИТЕЛЬ.

Въ одинъ зимній, жгуче-морозный денёкъ, былъ я по дѣламъ въ своемъ уѣздномъ городкѣ N***. Между прочими дѣлами, мнѣ предстояла покупка многихъ, такъ-называемыхъ, «бакалейныхъ» товаровъ, для деревенскаго обихода. Эти товары я всегда покупалъ въ лавкѣ купца Максима Назаровича Галдѣева, — слѣдовательно, и теперь направился туда же.

Лавка у Галдѣева была хотя бы и не для нашего плохенькаго городка. Она съ цѣльными, зеркальными стеклами, изящныя, стеклянныя же двери, вывѣска, во всю длину большого двухъ-этажнаго дома, на которой ярко горѣли аршинныя, золотыя буквы, вѣщающія про «Магазинъ колониальныхъ и бакалейныхъ товаровъ 1-й гильдіи купца М. Н. Галдѣева», — все это рѣзко выдѣлялось изъ ряда сосѣднихъ, невзрачныхъ лавокъ, хотя тоже и претендующихъ на громкое наименованіе «магазиновъ». Товаръ въ лавкѣ Галдѣева всегда былъ хорошій, отмытый, товаръ — отъ дорогихъ иностранныхъ винъ до чаю всевозможныхъ сортовъ включительно.

Галдѣевы были богатые купцы, переселившіеся въ N***, тому назадъ лѣтъ тридцать, изъ торговаго села Красноярья, гдѣ они нажили капиталы. Теперь у нихъ и дома въ городѣ, и бойко торгующій магазинъ, и гурты, и степи. Капиталы у Галдѣевыхъ были молодые, недавніе капиталы. Есть и теперь старо-

*) См. выше: февр., 511 стр.

жили въ Красноярѣ, помняще, какъ Назаръ Кузьмичъ Галдѣевъ сидѣлъ цѣловальникомъ въ ихъ селѣ. Состояніе нажилось какъ-то необычайно скоро и таинственно этимъ Назаромъ Кузьмичемъ, теперь восьмидесяти-лѣтнимъ, полу-слѣпымъ, но все-таки крѣпкимъ старикомъ, вѣчно сидѣвшимъ на кожаномъ мягкомъ креслѣ въ углу магазина. Исторія нажитія Галдѣевскихъ капиталовъ, какъ и всякая таинственная исторія, имѣла много разнообразнѣйшихъ варіантовъ, хотя почти въ каждомъ изъ нихъ преобладалъ элементъ либо чего ужаснаго, либо и вовсе сверхъестественнаго... По однимъ сказаніямъ «дѣдушка» — такъ звалъ старика Галдѣева весь городъ — былъ колдунъ, и нажилъ деньги при помощи «врага рода человѣческаго», по-просту — чорта; по другимъ — этотъ же «дѣдушка», въ молодости, кого-то убилъ, кого-то зарѣзалъ, вытащилъ у зарѣзаннаго изрядный кушъ денегъ, а тамъ ужъ и пошелъ, и пошелъ... Но годъ отъ году, по мѣрѣ того, какъ сила и слава Галдѣевыхъ увеличивалась, сказанія эти глохли и глохли... Тѣ, которыя содержали въ себѣ сверхъестественный элементъ, такъ и вовсе выселились изъ N***, осмѣянные молодымъ поколѣніемъ и обезсиленные наплывомъ отрицательныхъ идей, проникшихъ, вмѣстѣ съ желѣзной дорогой, до N*** — своей глуши. Они скромно пріютились по селамъ и деревнямъ, гдѣ, наперекоръ всѣмъ вѣяніямъ вѣка, вѣроятно, еще долго будутъ пользоваться авторитетомъ въ устахъ столетовалыхъ старухъ, вѣчно лежащихъ на печи. Тѣ же, отъ которыхъ вѣяло правдоподобіемъ, уступали мѣсто новымъ, блестящимъ сказаніямъ, эффектно вѣщающимъ о силѣ и славѣ капиталистовъ Галдѣевыхъ; только и слышалось: Галдѣевъ новый участокъ земли снялъ! Галдѣевъ степь купилъ въ Самарѣ! Галдѣевъ новую колокольню въ Красноярѣ строитъ!..

У «дѣдушки» было два сына: Максимъ Назарычъ — хозяинъ магазина, и отдѣленный — Терентій Назарычъ. Максимъ былъ воротила во всѣхъ дѣлахъ: и въ лавкѣ сидѣлъ, и степями управлялъ, и торговалъ гуртами. Терентій — держалъ гостиницу и земскую почту. Старіежь жилъ съ Максимомъ.

Отрадное тепло встрѣтило меня въ лавкѣ. Въ чугунной, бронзированной печкѣ — на подобіе волонны — ярко пылали дрова. Длинный, дубовый прилавокъ блестѣлъ лакомъ; за прилавкомъ высились стеклянные шкафы съ товаромъ. Нѣсколько приказчиковъ суетливо сновали по лавкѣ. Человѣкъ пять-шесть покупателей стояли и сидѣли у прилавка. У печки, на своемъ неизмѣнномъ кожаномъ креслѣ, въ лисьей долгополой шубѣ, сидѣлъ «дѣдушка», облокотившись на суковатую, грушевую палку. Си-

ніа, выпуклыя очки закрывали его большіе глаза; угрюмое лицо, обросшее сѣдыми волосами, глядѣло, на этотъ разъ, не то, чтобы весело, а какъ-то ласково-снисходительно... Противъ «дѣдушки», важно развалился на мягкомъ табуретѣ и небрежно смакуя лѣкѣрь изъ маленькой граненой рюмочки, сидѣлъ толстый баринъ, Ахукинъ,—богачъ. Около него робѣливо таялся въ струнку его управляющій. Баринъ ласково говорилъ съ «дѣдушкой» о новостяхъ, о торговлѣ, о политикѣ, на все получая умные, обстоятельные отвѣты, произносимые пѣвучимъ, дребезжащимъ голоскомъ, и приправленные разсужденіями о плохихъ временахъ...

Я поздоровался съ «дѣдушкой», удовлетворилъ его разсиромъ о здоровьѣ, о житьѣ-бытьѣ, и отошелъ къ конторкѣ, къ Максиму Назарычу. Въ лавкѣ царило одушевленіе, бойкость и веселость. Торговля была хорошая. По лицу «молодого хозяина» блуждала веселая усмѣшка. Мальчикъ то-и-дѣло отворялъ и за-твораля двери, впуская покупателей...

На фонѣ залитаго свѣтомъ зеркальнаго окна обрисовалась какая-то мощная, растрепанная фигура, идущая по тротуару. «Гуляевъ, Гуляевъ идетъ!» пронеслось по магазину. На высокомъ лбу дѣдушки пробѣжали непріятныя, тревожныя морщины, важнаго барина какъ-то конвульсивно передернуло, Максимъ Назарычъ озабоченно нахмурился...

— Не пускать бы его...—сказать нерѣшительно Ахукинъ, строя кислую мину.

— Никакъ нельзя-сь,—отвѣтилъ сумрачно Максимъ Назарычъ:—въ третьемъ году не пустили такъ-то, такъ онъ стекло кирпичемъ вышибъ—пятьдесятъ рублей въ Москвѣ отдано-сь—а все-таки вошелъ...

Въ дверяхъ показался Гуляевъ. Какой-то длинный, овчинный балахонъ, крытый ванною и до невозможности засаленный, облекалъ его высокую, спорбленную фигуру; изъ-подъ рваной клинообразной шапки безпорядочными ключьями висѣли сѣдые волосы. Изъ-подъ густыхъ бровей мрачно свѣтились какіе-то безумно-горячіе глаза. Синее, морщинистое лицо обрамляла спутанная, черная, съ сильною просѣдою борода. Онъ опирался на высокій востыль и тяжело ступалъ ногами, обутыми въ неуклюжіе коневыя сапоги.

Мальчикъ не успѣлъ отворить ему дверь: онъ самъ порывисто распахнулъ ее и, никому не кланаясь, подошелъ къ конторкѣ.

— Максимъ, чаю мнѣ!—произнесъ онъ хрипатымъ басомъ, окидывая косымъ взглядомъ находящихся въ лавкѣ.

— На сколько прикажете, Ефремъ Михалычъ?—предупредительно спросилъ его Максимъ Назарычъ.

— Полъ-фунта, въ шесть гривенъ... — такъ же отрывисто сказалъ Гуляевъ.

Максимъ Назарычъ приказалъ отвѣсить.

Царило тяжелое молчаніе... Всѣ чего-то робѣли... Словно ужасъ виталъ въ этой теплой, ярко-освѣщенной солннышкомъ, богатой лавкѣ... Мальчишъ, приставленный къ двери, позабылъ про вѣчную встрѣчу покупателей, и, испуганно расширивъ глаза, глядѣлъ на грозное чудище. Максимъ Назарычъ что-то вопопыхался въ ящикѣ конторки и шопотомъ торопилъ приказчика, отвѣщивавшаго чай Гуляеву. «Дѣдушка» пристально смотрѣлъ въ окно, сквозь свои темно-синія очки... Ахуликинъ тѣтено старался изобразить непринужденную, снисходительную улыбку: выходила какая-то жалкая гримаса. Его управляющій ступалъ куда-то... Гуляевъ молчалъ, все болѣе и болѣе насупливая свои страшныя брови...

— Ефремъ! не хочешь ли ликѣрцу выпить?—вдругъ ни съ того, ни съ сего сказалъ Ахуликинъ, и самъ какъ-бы испугался своей смѣлости.

Назаръ Кузьмичъ укоризненно поглядѣлъ на него. Всѣ робко и любопытно оглянулись на Гуляева и вздрогнули...

— Горе вамъ, мытари и фарисеи!—вдругъ грозно рявкнулъ Гуляевъ, выпрямляя свой сгорбленный станъ, и поднимая свою огромную, заскорузглую руку по направленію къ Ахуликину.

— Горе вамъ, пьющимъ кровь брата своего, и терзающимъ внутренняя его, и пожирающимъ блага его!.. Горе вамъ, грабителямъ и мздоимцамъ, и лихоумамъ, и блудникамъ, и чревоугодникамъ!

Голосъ Гуляева все возвышался и возвышался, рука поднималась выше и выше, глаза злобно искрились... Въ публикѣ царило смятеніе... Ахуликинъ сконфуженно смаковалъ свой ликѣрь, сился вызвать на лицо пренебрежительную гримасу...

— Горе вамъ, разумѣющимъ грѣхъ и творящимъ его!.. Горе вамъ, носителямъ скверны... ибо не знаете, въ онъ же часъ придетъ!.. Ты — упивающійся и объѣдающійся, чѣмъ уплатилъ за питіе и яствы свои? Не кровью ли ближняго своего уплатилъ ты, и не по́томъ ли брата своего?.. Не оголодилъ ли ты неимущаго, чтобъ пресытить чрево свое мерзкое?.. Ишь, налопался какъ!—пояснилъ Гуляевъ, тыкая пальцемъ по направленію къ объемистому животу Ахуликина, краснаго какъ ракъ, и тѣтено восклицавшаго: «Какъ ты смѣешь, негодай!.. какъ ты смѣешь!..»

— Пузатый ты чортъ! — гремѣлъ Гуляевъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти возгласы: — много ли награбилъ съ казны-то, матушки?.. Много ли гостей накормилъ на тѣ денежки?.. Горе тебѣ, пузатый идолъ!..

— Это чортъ знаетъ что! — кричалъ Ахулентъ. — Вывести его, разбойника!.. Вонъ!..

— Ефремъ Михалычъ, будетъ тебѣ срамиться-то, — уговаривалъ Максимъ Назарычъ.

Гуляевъ ничему не внималъ.

— Не боюсь тебя, смердящій бѣсе! — гремѣлъ онъ, покрывая своимъ бацищемъ и неистовый визгъ Ахулкина, и мягкія рѣчи Максима Назарыча: — рѣжь меня за святую матушку правду, сажай меня въ темницы — вездѣ мнѣ хорошо будетъ... Тебѣ-то, какъ накроютъ, весело ли будетъ?.. А вѣдь накроютъ, голубчикъ, накроютъ... Терпитъ Богъ, терпитъ, да и перестанетъ терпѣть-то!.. Покаяйся, грѣшникъ смердящій!.. Разорви одежды своя и посыпь пепломъ главу свою, и стяжаніе неправедное раздай нищимъ... А то — попомни мое слово — горе тебѣ будетъ!.. Не спасутъ воровскія денежки... Точить на тебя зубы правда... Доканаютъ тебя грѣхи твои смертные... Живъ Господь и бодрствуетъ гнѣвъ его страшный, и месть его куется на грѣшниковъ! — восторженно заключилъ онъ, сверкая глазами.

Присутствующіе трепетали... Нѣкоторые крестились, помахивая съ ужасомъ на величественную фигуру Гуляева... Громopodobный голосъ его проніеъ на улицу, и въ лавку, пугливо перешептываясь, валили любопытные. Лица, почти у всѣхъ, были встревоженныя и растерянныя... Скандалъ разрастался. Максимъ Назарычъ тихомъ услалъ приказчика за городовымъ, а Гуляевъ, бросивъ уничтоженного Ахулкина, все еще визгливо заявлявшаго свои протесты, съ сверкающимъ, озлобленнымъ взглядомъ обратился къ Назару Кузьмичу, смущенно ѣжившемуся въ своемъ креслѣ и всю эту сцену безпомощно перебиравшему своими изможденными старческими губами...

— Ты, старый Иуда, долго ли будешь собирать неправедную мзду свою?.. Долго ли будешь завистничать, и злоязычничать, и лицемѣрить Сильному, говоря: покаюсь, Господи, егда приидеши за мною?.. Какъ же! разставляй карманъ, беззубый грѣховодникъ... Нѣтъ тебѣ покаянія и нѣтъ тебѣ прощенія за грѣхи твои вопіющіе!..

— Да будетъ тебѣ, Михалычъ! — уговаривалъ Гуляева дѣдушка, пѣвучимъ, дрожащимъ голосомъ; — уйдико-сь отъ грѣха!..

Максимъ, за буточникомъ, что-ль бы послать, — тоскливо молить онъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, — все-таки не унимался Гуляевъ, — ты мнѣ скажи, на какіе капиталы ты дома построилъ, на какія деньги степь купилъ, отъ какихъ доставовъ гуртами торгуешь?..

— Наживи ты, Михалычъ, и ты заторгуешь, — слабо смѣялся дѣдушка.

Гуляевъ плюнулъ и негодуя поднималъ обѣ руки вверхъ.

— Будь ты проклятъ, океанный душегубецъ!.. Да будутъ прокляты твои нечистыя деньжищи!.. Горе тебѣ, нераскаянному грѣшнику... Вспомани мои слова: горе тебѣ... Сгниетъ богатство твое и разсѣется по-вѣтру аки дымъ... Исчухнетъ и пропадетъ отродье твое грѣховное и терніемъ заростетъ могила твоя, и душа твоя океанная ввергнется во адъ, и слава твоя пройдетъ туманомъ...

— Богъ съ тобой, Михалычъ, — бормоталъ испуганно дѣдушка.

— До конца живота моего Богъ во мнѣ...

— За что-жь ты лаешься-то?.. Ахъ, Михалычъ, Михалычъ...

— Кто сжегъ младенца безгрѣшнаго, ради наживы нечестивой? — подступалъ Гуляевъ къ дѣдушкѣ; — отъ кого работникъ Еремей Калязинскій задушился? Кто, у сызранскаго купца бумажникъ изъ-подъ подушки вытащилъ?.. Кто у Дергачевскаго дворника жену опуталъ? По чьимъ навѣтамъ она мужа подушкой задушила?.. По чьему попущенію въ Сибирь пошла?.. Все твои грѣхи, Назаръ.

Всѣ съ ужасомъ внимали длинному перечню дѣдушкиныхъ преступленій, повидимому, досконально извѣстныхъ бушующему Гуляеву... А Гуляевъ продолжалъ:

— Ты думаешь спроста Терешка-то твой отцовскія денежки по-вѣтру разматываетъ, блудницъ да пиянуновъ одариваетъ? Ты думаешь спроста Максимъ-то твой какъ свѣча таетъ? — указавъ онъ на чахлаго Максима Назарыча, беспокойно поглядывавшаго на дверь, — нѣтъ, океанный! то Господь Богъ тебя наказуетъ... то грѣхи твои на дѣтяхъ отзываются!.. Покайся, пока не поздно, старый пѣсъ... Не разводи грѣховъ... Не вѣмъ бо ни дне, ни часа, въ онъ же прійдетъ.

Ахулинь, шумно негодуя, уходилъ изъ лавки. Максимъ Назарычъ лебезилъ передъ нимъ, что-то горячо объясняя... Присутствующіе шептались и сокрушительно вздыхали. Всѣ были безъ шапокъ. Гуляевъ, въ суровой позѣ, величаво стоялъ надъ Назаромъ Кузьмичемъ. Фигура его рѣзко отличалась отъ толпы

громаднымъ ростомъ и полубиблейскимъ костюмомъ. Назаръ Кузьмичъ угрюмо поникнулъ головою подъ градомъ страшныхъ укоризнъ... Серебристые, слегка кудрявые волосы его свѣсались на очки, костливые пальцы нервно сжимали палеу, губы беззвучно шевелились... Онъ и не пытался защищаться.

Вбѣжалъ запыхавшійся городской. Онъ спѣшно растолкавъ толпу и, схвативъ Гуляева подъ руку, повелъ его къ дверямъ. Гуляевъ не сопротивлялся и, гордо поднявъ свою косматую голову, прикрытую страшной шапкой, торжественно шелъ около мизернаго солдата, расточая свои грозныя рѣчи:

— Придетъ Сильный и воздастъ каждому по дѣламъ его: и мытарю, и мздоимцу, и блуднику и фарисею...

Наконецъ, голосъ Гуляева не сталъ слышенъ въ лавкѣ. Всѣ, какъ-то разомъ, повеселѣли и заговорили. Тяжелое впечатлѣніе понемногу остывало. Разнородные толки слышались... Ругали бездѣйствіе полиціи, громко изъявляли негодованіе, а въ тихомолку хвалили Гуляева и благоговѣли предъ его беззавѣтной смѣлостью... Многие радовались, что укоры обличителя на этотъ разъ миновали ихъ и давали себѣ слово избѣгать непріятной встрѣчи... Три-четыре бѣдняка, затесавшихся въ толпу, ехидно перемигиваясь, улыбались... Максимъ Назарычъ, блѣдный и встревоженный, тщетно старался овладѣть собою и принять прежнюю позу ловкаго торгаша. Дѣдушка по-прежнему сидѣлъ, понутивъ голову, и сокрушительно вздыхалъ, судорожно барабани пальцами по ручкѣ креселъ...

Въ пылу разговора въ дверяхъ показалась сдержанно-смѣющаяся фizioномія приказчика.

— Гуляевъ теперь Андрей Ливсѣича срамать-съ, — сказалъ онъ намъ.

Мы высыпали изъ лавки. Противъ огромнаго домины первѣйшаго N*** богача, Склянкина, стоялъ Гуляевъ, и, съ силою удерживая на одномъ мѣстѣ городского, обличалъ Склянкина, трусливо выглядывавшаго въ одно изъ громадныхъ оконъ перваго этажа.

— Помни мое слово, Андрюшка! пропадешь ты съ своими деньжищами... Богъ скупцамъ не мирволить... И грабителямъ не мирволить... И лихоимцамъ не мирволить... Ты за что анадись всей семьей невѣстку-то поролъ?..

Городовой упорно тащилъ Гуляева; но всѣ его усилія оставались безплодными... Наконецъ Гуляевъ тихо двинулся, все оглашая морозный воздухъ восторженными рѣчами и негодуя, потрясая костью... У лавокъ, противоположныхъ

дому Склянкина, трусливо сновали кучки приказчиковъ, тихо пересмѣиваясь и ехидно толкуя о поркѣ Ольги Михайловны, невѣстки Склянкина, мѣстной красавицы и львицы... Фигуры Склянкина уже не было видно въ свѣтлыхъ стеклахъ окна.

Съ улицы, по которой вели Гуляева, проходящихъ и развѣзжающихъ словно метлой смѣло: спѣшили прятаться въ дворы, сворачивать въ переулки... Лишь простые люди—бѣдные, оборванные мѣщане, да заморенныя торговки, бодро шли на встрѣчу Гуляеву и радушно здоровались съ нимъ: повидимому, гроза мѣстныхъ тузовъ была для нихъ своей человѣкъ.

Вечеромъ я былъ въ клубѣ. Играли въ карты. Одинъ изъ партнеровъ обратился ко мнѣ.

— Вы слышали? Гуляевъ сегодня неслезанно срамилъ Ахукина.

— Не только слышалъ, но былъ очевидцемъ... Отъ его какой-то казной все попрекалъ?

— А винокуренный-то заводъ! Отъ, вѣдь, воруетъ на немъ страшно...

Я рассказалъ про обличеніе Галдѣева и Склянкина. Всѣ поспѣялись. Одинъ изъ партнеровъ былъ исправникъ. Кто-то обратился къ нему.

— Что вы его не смирите?

— А какъ его смирини? Сколько разъ онъ по приговору судьи сидѣлъ «за оскорбленіе на словахъ», и въ кутузку-то его сажали безъ всякаго суда,—вотъ и сегодня сидитъ,—ничего не подѣлаешь!—Отсидитъ, опять обличать...

— Вотъ съ Никандромъ Михайлычемъ мирно живетъ,—засмѣялся кто-то.

Исправникъ улыбнулся.

— И то меня пока не трогаетъ,—сказалъ онъ.

«Не за что еще»,—подумалъ я: исправникъ былъ новый.

— Кто онъ такой, этотъ Гуляевъ?

— Да однопворецъ изъ Пригородней слободы. Съ семнадцати лѣтъ въ бѣгахъ былъ; есть основаніе предполагать, что на Ирғизѣ въ сѣтахъ проживалъ. Въ шестидесятыхъ годахъ появился было у насъ, но какимъ-то образомъ замѣшался въ бывшихъ тогда въ сосѣднемъ уѣздѣ крестьянскихъ бунтахъ, и снова пропалъ. Явился опять лѣтъ шесть тому назадъ, и съ тѣхъ поръ зиму живетъ въ кельѣ. у себя въ слободѣ, изрѣдка появляясь въ городѣ и всегда дѣлая здѣсь скандалы, а лѣтомъ стран-

ствуешь въ веригахъ но святымъ мѣстамъ. Не боится никого и ничего. Терпится, какъ необходимое зло...

— А вы знаете, господа, — бойко тасуя карты, заговорилъ полковой священникъ, сидящій за сосѣднимъ столомъ, — вѣдь Галдѣевъ-то сегодня пять-сотъ рублей на новый колоколъ въ соборъ пожертвовалъ.

— Что вы?—удивились всѣ.

— При мѣ-съ?.. У отца протопопа вмѣстѣ были... Помните вѣчно, говорить, усопшаго раба Мисаила.

— Мисаила?!—еще болѣе удивились мы.

— Да, да, Мисаила-съ... Ужъ Богъ его знаетъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать.

— Это, должно быть, Гуляевъ его растрогалъ,—предположилъ кто-то.

Многіе согласились.

— А какъ хотите, господа, — снова заговорилъ священникъ, донгравъ игру, — я не согласенъ съ предположеніемъ, что Гуляевъ воспитывался на Иргивѣ-съ... Сужу по его равнодушію къ такъ-называемой обрядности... Непремѣнно духоборцы, или иные сектанты-раціоналисты, повліяли на таковой складъ его мыслей. Что же касается его увлеченія ветхимъ завѣтомъ, и особенно книгами святыхъ пророковъ, то тутъ просто пуританствомъ временъ Кромвеля пахнетъ-съ! А его толкованія Апокалипсиса и нѣкоторыхъ изреченій Искупителя, воля ваша-съ, отзываются нѣкоторымъ жидовствомъ!—Тутъ священникъ развелъ руками.

— Какъ бы новую вѣру не завелъ!—засмѣялся кто-то.

— Нѣтъ, онъ вѣдь съ простымъ народомъ о вѣрѣ мало толкуетъ, — сказалъ батюшка, проворно сдывая карты.

— А помните, господа, прошлогоднее катанье? — спросилъ исправникъ.

Всѣ засмѣялись. Я спросилъ въ чемъ дѣло.

— Да прошлую масланицу Гуляевъ все катанье разогналъ. Сталъ среди улицы и давай обличать, кого въ чемъ!.. Барынь особенно донималъ, ну, а мужчинъ попрекалъ все больше на счетъ грабежа да мошенничества... Да если бы въ общихъ, неопредѣленныхъ словахъ, а то вѣдь упомянуть, каналья, кого ограбилъ!.. Просто горе да и только... Такъ катанье и разбредось—кто куда...

— А то вотъ, разъ, я былъ у отца протопопа и Гуляевъ тамъ...—загаторилъ батюшка.

— Да будетъ вамъ!—сурово остановилъ его какой-то угрю-

мый господинъ, сердито отсчитывая марки для ремиза: — вамъ ходить... Нашли о чемъ толковать — о сумасшедшемъ какомъ-то!..

Черезъ три года Галдѣвы обанкротились. Терешка спился съ кругу, а Максимъ Назарычъ умеръ въ чахоткѣ. Старикъ, полуслѣпой и начинающій выживать изъ ума, остался какъ перстъ. Ахулкина Никандръ Михайлычъ словилъ въ воровствѣ, и судъ приговорилъ его къ штрафу въ сто, съ чѣмъ-то, тысячъ. Это, впрочемъ, не помѣшало выбрать его снова въ какую-то должность. Впрочемъ, онъ трудился недолго: какая-то аристократическая болѣзнь загрызла его, и онъ успѣ въ Флоренціи на сорокъ-восьмомъ году своего житія.

IV.

ПОЛОУМНЫЙ.

Я не понимаю прелести ружейной охоты. Но съ нею связаны длинные переходы по широкому простору степей и полей, по излучистымъ берегамъ рѣкъ, ручейковъ и рѣчинокъ, по густымъ зарослямъ топкихъ болотъ, и за это я люблю охоту. Люблю съ ружьемъ за плечами бродить по необозримымъ полянамъ, люблю отдохнуть въ жаркіе полдни гдѣ-нибудь въ свѣжей тѣни осиновыхъ кустовъ, раскинутыхъ тамъ и сямъ по этимъ полянамъ, люблю окинуть взглядомъ съ какого-нибудь высокаго кургана безконечную даль, одѣтую синеватымъ туманомъ въ пасмурный денёкъ, или подернутую сѣдою дымкою зыбкаго марева, въ знойную, тихую погоду.

Разъ, въ концѣ августа, выдался хорошій денёкъ. Ни одного облачка не плавало въ голубомъ небесномъ просторѣ. Солнце не пекло какъ въ жаркую июльскую пору, а разливало какую-то ласкающую, благодатную теплоту. Въ воздухѣ, серебряными нитями, тянулась паутина. Легкій, сухой вѣтерокъ вѣялъ съ востока, разнося сладкій запахъ сжатаго хлѣба, стоящаго въ копнахъ и освѣжающую прохладу. Стая синихъ и бѣлыхъ голубей неутомимо ворковала, и шумно переносились съ жнивовъ на жнива, сверкая на солнцѣ своими перьями. Въ рѣчныхъ камышахъ звонко щебетали скворцы.

Было воскресенье. Около обѣда отправился я на охоту. Исходивъ не одинъ десятокъ верстъ и почувствовавъ сильную

усталость, я прилежъ въ тѣни густой ветлы, сиротливо стоящей на берегу степного прудка, и заснулъ. Солнце ужъ низко стояло, когда я проснулся. Тѣнь отъ ветлы сошла съ меня, и протянулась длинной полосой вдоль лощинки. Мягкій солнечный свѣтъ билъ въ глаза.

Освѣживъ лицо водою изъ прудка, я оглянулся. Къ востоку, за прудкомъ, тянулись скошенные поля, усѣянные темно-бурыми копнами гречихи и проса; прямо предо мною, къ западу, лежала степь; шаговъ на триста отъ прудка видѣлась она, и замыкалась длинною цѣпью невысокихъ кургановъ. Даль отдѣлялась отъ меня этими курганами.

Мѣсто казалось незнакомымъ. Ни прудка этого, затеряннаго въ степи, ни ветлы, одиноко стоящей около него,—я не встрѣчалъ въ своихъ экскурсіяхъ. «Что это за мѣсто?» думалось мнѣ. Я взомель на возвышенность. Широкій просторъ разостлался предо мною. «Эге! да это Танѣвская степь!» невольно вырвалось у меня. Вплоть до виднѣющагося вдали хутора все было—степь, поросшая густой, сочной отавой. За хуторомъ опять тянулась степь, а тамъ опять курганы, высокіе, крутые... Верстъ десять отдѣляло меня отъ тѣхъ кургановъ... Длинной вереницей тянулись они по берегу Битюка. Изъ-за одного пологого промежутка между ними весело горѣла золотая искра—то былъ крестъ Красноярской колокольни.

Солнце, склоняясь къ закату, принимало мягкій, красноватый свѣтъ, и лучами своими, словно пологиемъ, охватывало степь. Соломенныя кровли хутора весело выдѣлялись изъ этого огненнаго моря своимъ желто-золотистымъ цвѣтомъ. Ветловныя, узенькія рощицы, словно крылья облегшія хуторъ, отливали багрянцемъ. Маленькій прудокъ у хутора такъ и горѣлъ ровнымъ, алымъ пламенемъ,—ни одна волна не морщила его гладкую, какъ полированная сталь, поверхность. Паутина, какъ золотая пыль дрожала въ тихомъ воздухѣ; тѣ мѣста, надъ которыми дрожала она, казались подернутыми какимъ-то лучистымъ колоритомъ. Тамъ и сямъ синѣли стога. Длинные тѣни ложились отъ нихъ на траву, выдѣляясь темно-зелеными пятнами среди свѣтящагося простора.

Рельефность очертаній предметовъ была изумительная. Дальность разстоянія какъ-бы не существовала для глаза. Съ природы словно флѣръ сняли, и она всѣми деталями своими ярко бросалась въ глаза, нѣжно лаская ихъ мягкими тонами...

Надъ всѣмъ этимъ привольемъ стояла невозмутимая тишь. А между тѣмъ сухой воздухъ словно жаждалъ звуковъ: скрипъ

колодезного журавца на хуторѣ такъ рѣзко пронесся по этому воздуху и разбудилъ такой могучій отзвукъ, что, казалось, вырвался изъ горнаго ущелья, а не среди неоглядно-плоскихъ равнинъ... Внизу, почти у самой рощицы, ходилъ табунъ. Лошади разбрелись по сочной отавѣ и спокойно паслись. Черною точкою виднѣлся около нихъ конюхъ.

Я сошелъ съ возвышенности и направился къ хутору. Въ это время звуки «жигеекъ» звонко прорѣзали воздухъ и затрепетали въ немъ веселыми, подмывающими нотеми... Конюхъ заигралъ «бычка». Бойкій мотивъ шаловливо переливался по тихому простору; откуда-то издалека несли на встрѣчу ему такой же бойкій, такой же игриво-веселый отзвукъ. Казалось новыя, славныя тоны пробѣжали по степи и подернули ее еще болѣе нѣжнымъ, еще болѣе ласкающимъ колоритомъ... Глубоко дышала грудь сладкимъ, пахучимъ воздухомъ... Слухъ нѣжилъ задорно-веселые звуки нехитраго инструмента... «Весело на бѣломъ свѣтѣ!» думалось...

А солнце все ниже да ниже опускалось... Тѣни отъ стоговъ тянулись длиннѣе и длиннѣе... Кровля хутора начинали агѣть... Ясная поверхность прудка зардѣлась багровымъ пламенемъ... Небо на западѣ переходило изъ блѣдно-голубаго въ нѣжно-розовый цвѣтъ... Горизонтъ на востокѣ охватывала хмурая синева, а надъ синевою слабо горѣло блѣднофіолетовое отраженіе заката.

Я шелъ къ хутору. На перепутьи паса табунъ. Звуки «бычка» все еще трепетали въ воздухѣ. Конюхъ, игравшій на жигейкахъ, сидѣлъ поджавши ноги на разосланномъ кафтанѣ. Это былъ малый лѣтъ двадцати, русый, почти бѣлый, въ красной кумачной рубахѣ; широчайшія плюсовыя штаны были вправлены въ узкіе «вытяжные» сапоги; сѣрая, «крымская» шапка сидѣла на бекрень, придавая видъ удали и безвѣчности курносому, безусому лицу. Глаза глядѣли весело и задорно.

— Здорово, баринъ! — закричалъ онъ мнѣ, когда я подходилъ къ нему. Широчайшая улыбка показалась у него на лицѣ.

— Вотъ и не угадалъ! — сказалъ я, тоже смѣясь и подлаживаясь подъ его непринужденный тонъ: — ишь не баринъ, а простой мѣщанинъ...

— Ну, рассказывай! кабы мѣщанинъ, ты бы купую одежду не напялилъ, — смѣялся конюхъ, подходя ко мнѣ, — мѣщане-то кошекъ скупають, по оконницамъ кнутикомъ постукиваютъ, а ты вонъ съ ружьемъ!.. Какой же это мѣщанинъ?

Приходилось соглашаться съ этимъ неоспоримымъ аргументомъ.

— Нѣтъ ли у тебя чего покурить? — обратился онъ ко мнѣ.

— Есть, есть,—сказалъ я, и досталъ ему папиросу. Навная безцеремонность и какая-то словно дѣтская простота занимали меня въ конюхѣ. Я закурилъ и расположился рядомъ съ нимъ на кафтани, который онъ предупредительно предложилъ мнѣ.

— Тебя какъ звать-то?—спросилъ я.

— Петрухой звали...

— Это чьи, Танѣевскія, что-ль, лошади-то?

— Его. И, братецъ, богатъ же нашъ баринъ!—Петруха восторженно поднялся съ мѣста:— это вотъ холостыя шестьдесятъ головъ,—указалъ онъ на табунъ,—а тамъ вонъ за Рогатымъ прудомъ матен ходять, штукъ пятьдесятъ, а вонъ за тѣми курганами коньки еще, головъ пятьдесятъ!—онъ побѣдоносно взглянулъ на меня.

— У него, помимо хутора-то, гдѣ имѣнья?—интересовался я.

— У него ихъ, малъ, цѣлый содомъ, имѣнья-то!.. Сичасъ это будетъ тебѣ Андрусовка за Битюкомъ, да Ольховатка, да Тарасовка на Плавницѣ... Тарасовку-то недавно купилъ... А тамъ еще, говорятъ, гдѣ-то до пропасти...

— Что-жъ, хорошъ баринъ-то вашъ?

— Мм...—замаялся Петруха,—да какъ тебѣ сказать... Горять больно!—добавилъ онъ послѣ маленькаго раздумья:—сичасъ тебя оборветъ, а глядишь ни за что... Баринъ богатый!

— Что онъ, ужъ старикъ?

— Какой тебѣ старикъ!.. Еще никакъ двадцати-пяти годовъ нѣту, женился недавно, такую шустренькую взял!.. А чинъ на ѣмъ должно важнѣющій, потому лѣтось я его какъ-то въ церкви видалъ: весь въ золотыхъ тесемкахъ увѣшанъ... Какъ жаръ горять! А штаны кра-а-асныя!...

— Давно ты живешь въ конюхахъ-то?

— Нѣтъ. Съ весны новѣшней. Какъ за подушнымъ погнали, батюшка пошелъ въ контору да подъ меня пятнадцать цѣлковыхъ взялъ. Съ той поры я вотъ и началъ жить.

— Сколько же ты берешь въ годъ?

— Тридцать-пять цѣлковыхъ.

— Что такъ мало?

— Да какъ же опричй? впередъ деньги взяли... Ужъ тутъ извѣстно—сбавка, что дадутъ, то и бери.

— Ты откуда самъ-то?

— Сакуринскіе, знаешь? около Яблонца.

— Знаю, знаю... Ты что же у своего барина-то не нанался? Петруха засмѣялся.

— Куда ему! онъ самъ прогорѣлъ, иной разъ пожрать нечего... Куда ужъ тутъ деньги впередъ задавать!

— Гдѣ же онъ прожился такъ?

— Да чего!— смѣхота тутъ, страсть!— Ишь съ купцами связался, торговать сталъ, заводъ мыльный завелъ, да и прогорѣлъ... Теперь съ торговли-то на собакъ передумо: все зайцевъ по полю гоняеть.

Вдали, по дорогѣ отъ хутора показался верховой на сѣрой лошади.

— Ну, слава Богу!—обрадовался Петруха,—Егорка Полоумный ѣдетъ!..

— Кто это—Егорка Полоумный?—спросилъ я.

— Да это конюхъ, со мной табунъ стерегетъ. Ишь, на смѣну ѣдетъ... Теперь вотъ мнѣ обанполъ полночи нужно къ табуну выѣзжать—какъ совсѣмъ на хуторъ гнать.

— Чтѣ же это у Егора прозвище такое чудное?—допытывался я.

— Полоумный-то?—Это его у насъ на деревнѣ прозвали такъ-то,—засмѣялся Петруха,—ишь онъ въ одну дѣвку врѣзался, —Гашка тамъ есть,—а она возьми да загулай съ купцомъ; онъ съ тѣхъ поръ и ополоумѣлъ...

— Какъ же онъ ополоумѣлъ?

— Известно какъ... Чуть человѣкъ незнамый встрѣлся ему, онъ и давай все выворачивать: какъ это полюбилась ему Гашка, какъ съ купцомъ связалась... да все, все расскажетъ... А смѣяться стануть, схватить что ни на есть въ руки, да и норовить опарашить... Мы ужъ теперь перестали надъ нимъ зубоскалить, того гляди убьетъ—боязно... Кучеръ Никифоръ Ивановичъ сказывалъ, что и въ Питерѣ онъ такой-то былъ.

— Да развѣ онъ былъ въ Питерѣ?—спросилъ я.

— Какъ же, онъ тамъ въ конюхахъ у нашего барина жилъ. Нонѣ весной пріѣхалъ только... И теперь окромѣ у него рѣчей нѣту, что объ Гашкѣ!.. Загудоръ о чемъ ни на есть, либо промолчить, аль буркнетъ словечко... А вотъ по лѣту, уйдетъ вонъ къ курганамъ,—Петруха указалъ на бугры, чернѣющіеся на фонѣ огневаго заката,—и лежитъ тамъ день-деньской... Я разъ такъ-то пошелъ искать его по степи, нужно было табунъ выгонять, а онъ лежитъ, это, на курганѣ,—вонъ что надъ самымъ Битюкомъ—выше его нѣту;—подхожу я, это,—почитай на него наступилъ,—а онъ словно и не видитъ... Выпучилъ глаза на небышко, да глядитъ... Чтѣ ты, молъ, глядишь, Егоръ? а онъ какъ вздрогнетъ: на Битюкъ, молъ, гляжу... А въ ту пору

Битюкъ еще въ берега не вошелъ: въ разливѣ былъ... Чего-жъ, молъ, его глядѣть-то? пойдѣмъ табунъ выгонять... А онъ, это, братецъ ты мой, какъ схватить себя за виски, да какъ заголо-сить, меня ажъ оторопъ взяла...

Недоумѣніе пробѣжало по добродушному лицу Петрухи, но тотчасъ же уступило мѣсто обычной наивной веселости.

— Ну, баринъ, пойдѣмъ къ хутору, что-ли? Вѣдь ты, небось, у насъ почужь-то? Гдѣ-жъ тебѣ опрять!

А меня сильно заинтересовалъ Полоумный. «Что онъ? кто онъ?» вопошилось въ головѣ: — если онъ отъ любви такой-то сталъ, то это вѣдь не частое явленіе въ крестьянскомъ мірѣ, гдѣ любовь по большей части оканчивается свадьбой, а послѣ нея становится ужъ привычкой... Я рѣшилъ познакомиться съ Полоумнымъ.

— Нѣтъ, Петруха, я видно полежу еще тутъ. Идти не хочется. Тогда на ночь приду...

— Ну, приходи на ночевку, я тебѣ на сѣнникѣ постель сготовлю.

— Спасибо.

Петруха сталъ готовиться въ отъѣздъ. Поймалъ стреноженную лошадь, распуталъ ее, взнуздалъ, второчилъ кафтанъ. Егоръ подѣвжалъ къ табуну. Лошадка его бойко и скоро шла красивымъ, развалистымъ шагомъ. Я съ любопытствомъ сталъ вглядываться въ Полоумнаго. Яркіе лучи заходящаго солнца падали ему на лицо, и оно казалось словно изъ бронзы вылитымъ. Строго очерченный профиль характеризовалъ это лицо. Тонкія, сжатія губы опушались черноватыми усиками; изъ-подъ широкихъ сдвинутыхъ бровей блестѣли большіе, не то грустные, не то злые глаза. Печать какой-то суровой, сдержанной тоски лежала на всемъ этомъ загорѣломъ, желтомъ лицѣ, съ рѣзкими, некрасивыми на первый взглядъ чертами. Чувалась согнутая, подавленная сила въ этомъ «полоумномъ»...

— Что-й-то ты долго, Егоръ? ужъ я ждалъ, ждалъ... — упрекнулъ Петруха.

Егоръ нромичалъ что-то въ отвѣтъ, слѣзъ съ лошади и началъ ее треножить. Петруха, тонко усмѣхнувшись, кивнулъ мнѣ на него, и, мѣшковато садясь на своего поджараго гнѣдого жоня, спросилъ:

— Ну что-жъ, придешь ночевать-то на хуторъ?

— Приду, приду...

Петруха поѣхалъ къ хутору.

— Ты, что-жъ, не пошелъ на хуторъ-то? — угрюмо обратился ко мнѣ Егоръ.

— Да уморился больно—отдохнуть хочется.

— Далеча ходилъ-то?

— Съ ружьемъ ходилъ, да исходилъ порядкомъ: пошелъ то отъ самой Сухопутки, даже до Титовыхъ дворишковъ доходилъ, а вотъ оттуда, вплоть до вашей степи...

— Ты самъ-то чай?

Я сказалъ.

— Что-же это ты: исходилъ много, а дичины съ тобой нѣту?—усмѣхаясь, спросилъ Егоръ.

— Не изъ дичины хожу,—сказалъ я,—скучно станеть на хutorъ, а денёкъ выдаться хорошій, вотъ и пойду бродить... А славныя у васъ тутъ мѣста!—добавилъ я, бросивъ взглядъ на окрестность.

— А ты былъ вонъ на Крутомъ курганѣ?—оживленно сказалъ Егоръ и, приподнявшись, указалъ на высокій курганъ.

— Нѣтъ, туда не доходилъ.

— Ты вотъ сходи-ко туда... Съ него страсть какъ видно!.. Тутъ тебѣ Битюкъ разливается... У самыхъ береговъ да на островахъ лѣса зеленѣютъ, а промежъ лѣсовъ села раскинулись: Тамльгъ, Паршиково, Ровенское, Подлѣсное, Яблонець... А тамъ Красноярье на кручѣ... Приволье! куда ни глянешь, все колокольни бѣлѣются да кресты жаромъ горятъ... Въ ясный денёкъ ажъ Рыбинская церковъ видна, верстъ двадцать будетъ... Какъ все равно синимъ туманомъ заволочетъ ее, церковъ-то, только кресты словно огоньки блистаютъ на солнышкѣ... Тутъ тебѣ у рѣки сбѣла да деревни приютились словно отъ ворага схоронились, а поверху, вдоль Битюка, бугры да курганы таянутся... Встарину, говорятъ, ихъ богатыри понасыпали... За Битюкомъ вусты Танѣевскіе чуть синѣются: Дальній вустъ, Травинъ вустъ... хороши есть у насъ мѣста!—добавилъ онъ послѣ легкой задумчивости и тихонько вздохнулъ.

— За Битюкомъ тоже хорошія есть мѣста,—сказалъ я.

— А ты бывалъ за Битюкомъ?—спросилъ меня Егоръ.

— Былъ какъ-то.

— Сакуриныхъ знаешь?

— Нѣтъ, тамъ не былъ. Около былъ, у одного купца на хutorѣ.

— Это у кого, не у Парменова-ли?—угрюмо спросилъ меня Егоръ.

— У него, у Евграфа Парменыча...

— Его теперь, старика-то, нѣту на хutorѣ, тамъ сынокъ раздѣлываетъ, Мишка!—злость послышалась въ тонѣ Егора.

— Слышалъ,—сказалъ я;—говорять, что малый пустой.

— А собой-то онъ какъ разъ на борова кормнаго похожъ... Двадцать-шесть годовъ ему, говорятъ, а толщину-то, что твой быкъ, ишь восемь пудовъ тянетъ... Роза—словно столъ широкая да скуластая, глаза—пьяные да шальные, бровей совсѣмъ нѣту... Пьянъ безъ просыпу съ утра до ночи...—Егоръ съ негодованіемъ плюнулъ:—этакое безобразіе искать не скоро найдешь!

Онъ опять понурился. Тяжело было смотрѣть на его тоскливое, истомленное лицо, то вспыхивающее болѣзненнымъ румянцемъ, то желтое, желтое... Двѣ-три глубокихъ морщинки залегли на высокомъ лбу, придавая этому лицу какое-то старческое, заботливое выраженіе; жалкая, не то злая, не то унылая, усмѣшка искривляла губы... Руки постоянно находились въ движеніи: онъ, то теребилъ ими войлокъ, на которомъ сидѣлъ, или полу кафтана, то рвалъ траву, далеко отбрасывая ее въ сторону...

Солнце закатилось. Горизонтъ на западѣ охватила румяная полоска. На потемнѣвшемъ востокѣ, слабо мигая, вспыхнула звѣздочка. Вечернія тѣни обнимали степь. Курганы хмурыми силуэтами выдѣлялись на розовой зорькѣ. Въ прохладномъ воздухѣ было тихо, тихо... Травы подернулись влагой, а тамъ, гдѣ тѣни были гуще, гдѣ онъ лежали съ самыхъ полднѣй,—около рощи, у стоговъ,—начинала ложиться матовая роса.

— Я вотъ разскажу тебѣ про этого Мишку! — внезапно, обернувшись ко мнѣ, заговорилъ Егоръ. Заговорилъ онъ быстро, отрывисто, словно спѣша. — Есть тамъ у насъ на селѣ дѣвка одна—Гашкой звать... У ней отца нѣту а, стало быть, братишка годовъ десяти, двѣ сестренки махонькія, да мать съ бабушкой... Мы сусѣди съ ними... Ну, съ измалѣтства мы съ этой Гашкой водились... Бывало, по лѣту въ рощу съ ней уйдемъ... Въ ту пору около села-то роща была, теперь ея и слѣдовъ не осталось—все купцамъ продали... Зайдешь, бывало, въ самое что ни на есть густое мѣсто,—чащу,—да сидишь тамъ съ нею... Дѣвчонка-то она была шустрая, ничего не боялась... Чего, бывало, не дѣлали! вѣнки вьютъ, сказки другъ-другѣмъ сказываютъ, пѣсни играемъ... Знаю, ребячье дѣло!.. А въ лѣсу по лѣту-то страсть какъ хорошо... Тутъ тебѣ, это, птички поютъ всякія, кукушка кукуетъ, горлинка турлычетъ, соловейко свищетъ—надрывается... Кругомъ не шелѣхнется, только листва вверху надъ головами словно рѣка въ половодье шумить... необышко синѣется сквозь нее—сквозь листву-то... И жутее иной разъ, особливо подъ вечеръ, и весело... А то день-деньской въ полѣ съ ней... У ней братишко-то больной какой-то былъ, почти съ пеленъ не

слѣзаль, — ее, иной разъ, и наряжать скотину стеречь... А я то, какъ себя запомню, все пастухомъ былъ... Ну, корма тогда были не нонѣшніе, — вольные корма... Сидишь себѣ, на скотину-то и не смотришь... Знамо, сытый скоть всегда спокоенъ, вонъ погляди на нихъ, — Егоръ кивнулъ головою на табунъ, — а намъ воля... У насъ въ барскомъ полѣ Волчій бугоръ есть, прозывается, — посреди поля стоитъ, — и какъ зайдешь на него, то же страсть видно: церквей, деревей, это!.. Ну, мы обаполъ полдень всегда ужъ къ Волчему стадо подгоняли — водоной тамъ близко есть, озеро... Скотина напьется, ляжетъ на тырло, а мы на бугоръ, и сидимъ тамъ словно птицы вольныя... Либо вокругъ глядимъ... а вокругъ все поля идутъ — глазомъ не обоймешь, а тамъ села, деревни, хутора... Битюкъ словно туманъ бѣлѣтся — онъ отъ бугра-то верстъ восемь... За Битюкомъ лѣса синѣются, а за лѣсами, въ жаркій день, словно волны какія обѣды ¹⁾ по степямъ бѣгутъ... А то ляжемъ навзничъ да на небышко посмотримъ... А оно синее, синее... Иной разъ облачки барашками бѣгутъ по немъ, иной разъ словно паутина раскинется... А то глядишь, глядишь такъ-то, ничего тебѣ въ небѣ нѣтъ — какъ есть одна синева, а иной разъ коршунъ покажется, словно съ самаго неба вынырнетъ... Послѣ Успенья журавли потянутся, затуракають... гуси, утки, отлетать начнутъ... эхъ, весело, бывало!

Онъ опустилъ голову на руки и задумался.

— Ну, вотъ росли мы такъ-то съ Гашкой... Извѣстно, свеклись... — Она еще дѣвчонкой хороша была, не даромъ теперь первая на селѣ... — Пошли у насъ тогда худыя времена... Перво-на-перво волю дали, — тутъ радости было не мало, у кабатчика никакъ цѣлую сороковку въ тѣ поры выпили... Землю намъ тутъ наръзали, стали выселять съ старыхъ мѣстовъ, а на новыхъ-то нѣтъ тебѣ ни пруда, ни рѣчки, — ужъ колодцы вырыли... Тутъ съ переселенія-то пошло все хуже да хуже... Земля годъ отъ году стала менѣ рожать... Зачали тутъ наши деревенскіе подъ работы браться по зимѣ, — допрежъ того николи не бывало, чтобъ за полгода подъ работу наниматься... Тутъ господа стали проживаться помаленьку... — Нашъ прогорѣлъ въ прахъ... Проявились купцы посѣвщики... Стали у господъ землю скупать да снимать, свои купецкіе порядки заводить... Вотъ этотъ Парменовъ купилъ возлѣ насъ хуторъ у одного барнишки. Стали мы на него работать... Зачалъ онъ намъ въ долгъ вѣрить, и товаромъ, а пуще того землею. Все въ-три-дорога... Съ той

¹⁾ Марево, миражъ.

поры мы и проценты узнали, какой такой онъ есть!.. Закабалить Парменовъ какъ есть всю деревню, куда супротивъ барскаго порядка тяжелѣе... Старики сказываютъ, что когда барскіе были, не въ примѣръ вольготнѣй жилось, особливо коли баринъ хорошій попадался, вотъ хоть-бы въ примѣру Ташевъ покойникъ, Михалъ Павлычъ: супротивъ его мужиковъ жителей въ окрѣгахъ не было, а теперь плоше ихъ почитай нѣту... А тутъ еще неурожай пошли: то годъ мочливый, то сухомный, то совсѣмъ не родится, кто ее знаетъ съ чего, то градомъ выбьетъ... бѣда за бѣдой!.. Чугунки пошли—извозъ отбился... Совсѣмъ мы обнищали...

Онъ замолчалъ. Невеселыя думы, повидимому, роились въ его головѣ. Голосъ становился все болѣе и болѣе протяжнымъ и тоскливымъ.

Я не заговаривалъ, какъ-то совѣстно было беречь его горе... А надъ степью догоралъ хорошій, тихій вечеръ... Быстро смеркалось. Въ темно-синей высотѣ одна за другой загорались звѣзды; зелеными, красными, синеватыми огоньками свѣтились онѣ... Свѣжіи вечерній воздухъ разливалъ какую-то здоровую, веселую бодрость по тѣлу... Грудь высоко поднималась, вдыхая этотъ воздухъ, легкія энергично работали...

Какимъ-то нескладнымъ диссонансомъ звучала въ этомъ живительномъ воздухѣ несвязная рѣчь Егора. Дико становилось...

А Егоръ опять началъ свой рассказъ. Опять потянулась его несвязная, тоскливая до истомы, рѣчь, — опять слышался его слегка дрожащій, щемящій голосъ...

— Ну, и стали мы тутъ землю сымать у Парменова, — подать надо платить, да и самимъ-то съ своего надѣлу въ пору съ голоду помирать. А за землю купцу, извѣстно, зарабатывали. За подожданье тоже платили—процентъ этотъ... Такъ-то и стали у него всѣ въ долгу... Ну, когда старикъ-то хозяйничалъ, все ничего было: хоша и дралъ съ насъ за все про все, да озорства никакого не было, — а вотъ какъ поступилъ на хуторъ Мишва, тутъ и пошло... Бабамъ да дѣвкамъ проходу не сталъ давать, а чуть заартачутся, аль судомъ погрозятъ, — бывали такія-то, — сейчасъ, это, долгомъ пугнеть: «раворю въ разъ» говорить...

— На ту пору мать-то Гашкина задолжала Парменову тридцать-три цѣлковыхъ... Я зналъ завидушіе Мишкины глаза, и говорю Гашеѣ, не показывайся, молъ, толстому дьяволу... А она въ ту пору ужъ выровнялась—какъ есть красивая дѣвка стала: чернобровая да статная...

— Въ прошломъ году это было. Весна открылась ранняя:

на святой но улицѣ ажъ пыль стояла... Долго я буду помнить эту весну!.. Гапка о праздникахъ и съ дѣвками не являлась; на улицу тоже перестала ходить,—все, бывало, со мной... Въ обѣдъ, это, уйдемъ на гумно,—тамъ у насъ пчельникъ есть,—и сидимъ до поздней зари... И чего тутъ мы не переговорили!.. А всего чаще, бывало, сидимъ около амшеника на солнышкѣ, да молчимъ, любимся... Весело!—въ небѣ жаворонки играютъ, съ теплыхъ морей птица всякая летитъ... Зеленая травка пробивается, верба цвѣтетъ, вѣтерокъ теплый подуваетъ... А ужъ хороша была Гапка эту весну!..—Егоръ тряхнулъ головой, и весело усмѣхнулся, но усмѣшка эта сразу сбѣжала съ лица и замѣнилась прежнимъ унылымъ выраженіемъ.

— Тутъ мы распрощались съ нею до осени,—потому я съ самаго Егоря на низкі шелъ, на все лѣто,—сказывали, что заработки тамъ даже хороши; опосля-то все это брехня одна вышла...—Ну, какъ ворочусь я, рѣшили мы съ Гапкой повѣнчаться. Ни батюшка, ни ея мать намъ не поперечили, только все на нужду жаловались, потому, на свадьбу какъ ни бейся, а сорокъ цѣлковыхъ надо—деньги, въ нашемъ быту не малы!.. Вотъ и пошелъ я добывать эту деньгу на низкі—въ казакъ...

— Безъ меня тутъ и стряслось горе. Вхалъ какъ-то Мишка Парменовъ по нашей деревнѣ, да супротивъ Гапкиной избы и захоти пить. Подѣхалъ къ сѣнцамъ... На ту пору Гапка тамъ была, она ему и пить подавала... Раззарился онъ тутъ на нее, — прямо къ Андронихѣ полетѣлъ, — солдатка... Подай, говоритъ, Гапку!—это онъ ужъ разспросилъ какъ звать-то... Андрониха къ Гапкѣ... Ну, та ее, знамо, сировадила. Танули они такъ-то съ недѣлю, все самое Гапку хотѣли сомутить,—а напоследокъ Андрониха прямо къ Петровнѣ,—это мать Гапкина-то. Та, было, сначала Андрониху въ шею, а Андрониха ее долгомъ зачала страшать... Ну, извѣстно, испугалась баба: долгу-то тридцать-три цѣлковыхъ, да въ посѣвѣ еще одна сороковая ржи была, сталь-быть, опять двадцать цѣлковыхъ—гдѣ ихъ взять столько денегъ-то!.. Поговорила Петровна съ Гапкой и надумались ко мнѣ писать: нельзя ли мнѣ изъ казатчины деньги выслать... Горе только одно!—какія тамъ деньги... Перво на перво пришли мы къ покосу, народу собралось страсть, ну, за дешевку и нанялись. А тамъ какъ пшеница стала поспѣвать, къ Ростову пододвинулись,—въ Ростовѣ я и письмо получилъ...—Сунулся я къ ховяину, денегъ впередъ попросить, онъ только загоготалъ въ отвѣтъ... Извѣстно, кто дастъ незнакомому человѣку?..

Взяло меня тутъ горе... Такъ я и отвѣту Гашкѣ не дала: что, думаю, безъ денегъ письмо посылать, только смѣхъ одинъ!...

— А на ту пору Мишка съ Андронихой не дремали. Стали они все пуще Петровну страдать... Та долго крѣпилась. Ну, тутъ подаль на нее Мишка въ судъ: какъ разъ въ самую рабочую пору, уборку... Измучилась баба, таскаясь къ мировому — мировой-то верстъ за сорокъ жилъ, а Мишка-то три росписки всѣ порознь подавалъ... Гашка съ рожью все одна маялась, да на помочь кой-когда Христомъ-Богомъ упрашивала... Ну, иной разъ, праздникомъ, аль въ досужую пору, дѣвки и пожнутъ, ее жалѣючи... А на живѣ-то все про то же: все Гашку слухами, да Мишкинымъ богатствомъ смущаютъ...

— Сходила, это, Петровна къ мировому три раза, и присудили съ нее семьдесятъ цѣлевыхъ, — нѣтъ надержки кавія-то еще... Тутъ Петровна и сробѣла... Стала дочь родную на непутное дѣло наводить... И разорить-то насъ, и загубить, по-миру пустить... Дѣвка и руками и ногами... Мать ужъ сердать стала: Егорѣ-то, говорить, все-равно—тебя съ грѣха не убудетъ, все такая же будешь, — а пропадать-то мы не пропадемъ... Сама ужъ Петровна сказывала опосля: день-деньской, говорить, пилю, пилю ее... раза два доводилось и за косы, — а какъ останусь одна въ избѣ, аль въ клѣтѣ зайду, да и заливаюсь тамъ горючими. Промаялись они такъ-то до Покрова, и Гашка и мать извелись совсѣмъ, Гашка ужъ на себя руки наложить задумала, да все оторопѣ брала, ну, и меня-то съ низовъ поджидала...

— А я, на грѣхъ, въ самый Успеневъ день свалился, да вплоть до Кузмы-Демьяны провалялся въ горячкѣ. Деньги, что заработалъ, за хватуру пошли, такъ я Христа-ради и до дому добрался... Тутъ осенью, съ недѣлю спусти послѣ Покрова, пріѣхалъ къ Петровнѣ приставъ, описалъ все: коровѣнну, овецъ, амбарушку, кобылу, — одна и была... Черезъ семь днѣй и продажу объявилъ. Побѣжала тутъ Петровна къ Мишкѣ, въ ногахъ валялась, слезами обливалась, а онъ только гогочетъ, толстый дьяволъ... Озлوبيлась тутъ Петровна, пришла, набросилась на Гашку, стала ее попрекать... Напоследокъ ажъ обмерла... Известно, дѣтишки махонькія, надо ихъ прокормить, надѣлать-то на одну душу всего, да и тотъ грозилъ міръ отнять — недомыка становилась... Гдѣ бабѣ справиться?.. А тутъ еще осеннія подушныя подходили, она ужъ и такъ коровѣнну на подушное хотѣла продать — годъ-то тогда плохъ былъ, сухменный: ржица еще родилась, а яровые совсѣмъ погорѣли...

Егоръ замолчалъ и отвернулся отъ меня. Не то мнѣ почу-

дилось, не то и вправду, въ его глазахъ словно слезы блеснули... Развѣ то недобрый огонёкъ сверкнулъ въ нихъ?—и то можетъ быть...

— Говорять, силкомъ Гашеу-то онъ загубилъ...—послѣ непродолжительнаго молчанія проронилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Гдѣ-жъ она теперь?—спросилъ я.

— У него, у Мишеи...

Я удивился.

— Что-жъ мать-то?

— А чего, подѣлаешь... Она съ той самой ночи и не вернулась, такъ у Андронихи и осталась, а опосля къ Мишеѣ на хуторъ переѣхала...

— И не уходитъ отъ него?

— Куда-жъ уйдешь,—срамъ! Пыталась, говорить, утопиться, да не допустили... Теперь-то оборкалась, должно... Ужъ скоро годъ какъ она тамъ, сакуринскимъ-то не показывается, а чужіе видаютъ... Работники-то ее ужъ хозяйшвой величаютъ,—ишь, не нахвалятся... Только худа, говорятъ, больно—словно испитая... Да водку зачала шибко испивать...

— Ты такъ и не видалъ ее?

— Притащился я къ Михайлову дню ко двору еле-живой, да какъ поразсказали мнѣ про все,—сама Петровна и разсказывала,—я опять свалился. До Рождества, почитай, пролежалъ, а объ Рождествѣ въ Питеръ уѣхалъ, у Танѣева въ конюхахъ тамъ жилъ... Вотъ ноябъ по веснѣ только пришелъ, прямо на хуторъ сюда...

— Да тоска вотъ дюже грызетъ,—продолжалъ онъ какимъ-то апатичнымъ, усталымъ голосомъ;—все стойтъ вотъ она въ глазахъ, скучная да худая... Такъ и ноетъ сердце, такъ и сосетъ... Въ Питерѣ плохо, думалъ какъ на степь вернуться—легче будетъ... Какъ же, полегчаетъ!.. Надѣсь, наказывала повидаться, закаменило мое сердце—не пошелъ, а на утро хоть бы удузиться въ пору... Тоска одолѣла...

Онъ замолчалъ и легъ внизъ лицомъ.

Лошади почти всѣ уже улеглись, и тихо хрустѣли, пережевывая траву. Изрѣдка раздавалось шумное фырканье, рѣзко тревожа сонный воздухъ, и опять вставала тишь надъ степью... На западѣ, у самого горизонта, едва мерцала узкая блѣсоватая полоска—остатокъ вечерней зари. Темное, почти черное, небо, сверкало крупными звѣздами. Изрѣдка, какая-либо изъ нихъ быстро сватывалась куда-то, и исчезала, оставляя на мгновеніе огненный слѣдъ... Куда она уносилась, эта звѣздочка?..

Тяжело становилось на душѣ послѣ разсказа «Полоумнаго»... Тяжело было сознание того, что вотъ на ряду съ этой роскошной природой, на ряду съ этимъ широкимъ просторомъ и земли благодатной, и чистаго, вольнаго воздуха, можетъ существовать горе,—не измышленное, а дѣйствительное, реальное, неумолимое...

Сдержанное рыданіе послышалось... Я испуганно наклонился къ Егору. Онъ весь конвульсивно вздрагивалъ, зажимая лицо руками. Плечи его тяжело приподнимались... Рыданіе было хрипелое, сухое, злобное... Я вспомнилъ почему-то о своемъ тихомъ семейномъ уголѣ, о своей безпечальной юности, о своей любви...

Веселая бесѣдушка,
Гдѣ батюшка пѣть...

Пронеслось по-надъ степью со стороны хутора:

...Пѣть...

Отозвалось въ рощѣ жидкое эхо.

Онъ пѣть, не пѣть,
Родимый мой,
За мной молодой шлѣть...

Эхо чуть слышно откликнулось:

...адоѣ шлетъ!
А я млада, младѣшенька,
Замѣшкалася...
Въ шелковой, я, травушкѣ
Запуталася...

Пѣсня приближалась къ намъ. Егоръ утихъ; лишь судорожное движеніе плечъ доказывало его усилія сдержать стоны и вопли...

— Е-го-оръ!—послышалось изъ темноты.—То былъ голосъ Петрухи.

За окликомъ конское ржаніе послышалось. Изъ табуна звонко отвѣтили на него. Лежавшія лошади стали вставать: ихъ красивые силуэты зачернѣлись около насъ. Егоръ поднялся. Зычно крикнулъ онъ въ отвѣтъ Петрухѣ, и пошелъ въ середину табуна. Черезъ пять минутъ онъ ужъ сидѣлъ на своей лошадеѣ, и стогналъ табунъ. И онъ самъ, и лошадка его, казались черными, и рѣзко выдѣлялись на звѣздномъ небѣ...

Ржаніе, фырканье, окрики, понеслись надъ степью, побѣ-

жали въ глубокое поднебесье... Я взялъ ружье и побрелъ вслѣдъ за табуномъ. Петруха подѣхалъ къ намъ и поѣхалъ возлѣ меня.

— Что, вѣдь правда, — полоумный? — спросилъ онъ меня шопотомъ и кивнулъ въ сторону Егора. Я промолчалъ. Онъ опять вполголоса затянулъ свою пѣсенку, изрѣдка прерывая ее зычнымъ окрикомъ... Впереди табуна ѣхалъ Егоръ.

— Э-эхъ! — какимъ-то тоскливымъ стономъ вырвалось у него. Я вздрогнулъ... Петруха пересталъ мурлыкать свою «бесѣдушку», и за что-то ругательски изругалъ своего мерена...

Эхъ... не одна то-ль, не одна во полѣ дороженька,
Одна пролежала...

Затянулъ Егоръ. — Эка голосина-то! — шепнулъ мнѣ Петруха.

Она ельничкомъ, мелкимъ березничкомъ —
Она заростала...

Правда, голосъ былъ хорошъ: звонкій, тигучій...

Частымъ-ли, частымъ, горькимъ осинничкомъ
Ее застлало...

...Только ужъ больно тоскливъ да жалостливъ былъ этотъ голосъ... Словно не пѣсню онъ пѣлъ, а слезную жалобу какую-то... Слушаешь, слушаешь ту пѣсню, дѣло идетъ въ ней о дороженькѣ, что пролежала по широкому, чистому полю, а такъ и чудится, что то не о дорожкѣ идетъ рѣчь, а о жизни безвременно загубленной, о долѣ безталанной, о любви опозоренной...

...Эхъ ты, прости прощай, миль сердечный другъ,
Прощай, будь здорова...
Если лучше ты меня найдешь, — меня позабудешь...
Если хуже ты меня найдешь, — меня вспоминаешь...
...Вспоминаешь!

Гулко прокатилось изъ рощи...

Табуны проходили по плотинкѣ. Гдѣ-то сквозь нее, тихо журча, просачивалась вода... Въ прудкѣ отражалось глубокое небо съ своими звѣздами... Постройки хутора зачернѣлись передъ нами. Послышался чей-то старческій кашель, и заспанный голосъ произнесъ:

— Вы, что-ль, ребята?

— Мы, дѣдушка Тихонъ! — откликнулся Петруха.

Дѣдушка Тихонъ вѣвнулъ и заскрипѣлъ воротами. Я глянулъ за прудокъ, на степь, блѣдный свѣтъ обнималъ небо на

востокѣ, «стожары» начинали меркнуть, легкій туманъ поднимался отъ земли; коростель рѣзко закрывалъ гдѣ-то за рощей...

Что-то сѣрое, холодное, сырое, повисло надъ степью...

— Пойдемъ спать, баринъ!—позвалъ меня Петруха.

Я долѣвъ за нимъ на сѣноваль.

Прошелъ годъ.

Наступила непогожая, мокрая осень. Пошли непрерывные дожди. Потянулись сѣрые, сумрачные дни, темныя, долгія ночи. Со дня на день ждали снѣгу.

Какъ теперь помню: было 22-е ноября, когда я проѣздомъ въ Петербургъ дожидался поѣзда на одной изъ большихъ перекрестныхъ станцій. Ждать приходилось долго — часовъ восемь. Въ длинномъ деревянномъ вокзалѣ сновала скучающая публика; нѣкоторые спали на диванахъ, другіе пили чай, закусывали чуть ли не въ десятый разъ... Въ залѣ царствовалъ полумракъ. Сѣреный, мокрый денекъ скудно лилъ свѣтъ въ большія, плачущія окна.

Наскучивъ ходить взадъ и впередъ по залѣ, я вышелъ на платформу. На дворѣ было еще невзрачнѣе, еще тоскливѣе, — сыростью вѣяло. Моросилъ мелкій, холодный дождь, обливая открытую досчатую платформу и однообразно барабани по желѣзной крышѣ вокзала. Сѣрая, тяжелая, тучи низко стлались надъ землею; вдали, за селомъ, за мутной, волнистой рѣкой тянулись широкія, желто-грязныя поля... Около полотна дороги, между шпалами, стояли лужи; въ нихъ монотонно плескали дождевыя капли, морща и пузыря грязную, мутную воду. Въ маленькомъ садикѣ, примыкавшемъ къ вокзалу, сиротливо торчали оголѣвшія, черныя деревья... Желтая листва лежала по дорожкамъ. Въ мокромъ воздухѣ было тихо—не дулъ рѣзкій осенній вѣтеръ. Изъ водосточныхъ трубъ, съ крыши, звонко стекала вода... Со всего капало, все было сыро... Природа словно плакала.

Вдали, за вокзаломъ, маневрировалъ локомотивъ; густой паръ клубился и шипѣлъ, разстилаясь сѣдымъ туманомъ надъ самою землею, и кутая близъ-лежащія зданія. Свистокъ глухо и уныло, словно нѣхотя, разрѣзалъ сгущенный, влажный воздухъ.

Тоска одолевала среди этой сумрачной, кислой природы... Невеселыя мысли лѣзли въ голову...

Пройдя раза два по длинной, скользкой платформѣ, я опять направился въ вокзалъ, и спросилъ кофе. Публика все сновала

по залѣ, скучная, сумрачная... Точно становилось, глядя на вытянутыя, тоскливыя лица... Разговора почти не было слышно... Лишь однообразное шмыганье ногъ по каменнымъ плитамъ пола, дребезжащій стукъ тарелокъ за буфетомъ, да отрывочныя, сердитыя требованія чаю, кофе, водки, слышались въ залѣ...

Я только-что принялся за кофе, какъ надъ моимъ ухомъ раздался голосъ.

— Вы г. N?

Я быстро оглянулся. Предо мною стоялъ офицеръ; лицо казалось незнакомымъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я, сильно недоумѣвая:—я, дѣйствительно, N.

— Друщекій... Помните, познакомились въ Москвѣ?

— А... Николай Данилыч!—я радостно протянулъ ему руки.

Годъ тому назадъ мы познакомились съ нимъ въ вагонѣ, по дорогѣ въ Москву. Онъ приводилъ партію солдатъ въ Тамбовъ и оттуда возвращался черезъ Москву въ Варшаву. Въ Москвѣ ему приходилось быть въ первый разъ, мнѣ тоже, откуда—одинаковые интересы. Мы рѣшили вмѣстѣ остановиться, и осмотрѣть «сердце» Россіи. Друщекій оказался добрымъ малымъ, умнымъ наблюдателемъ, веселымъ собесѣдникомъ. Время прошло у насъ незамѣтно, тѣмъ болѣе, что всего и времени-то было два дня...

Я обрадовался ему. Вспомнили прежнее. Посмѣялись одному комическому эпизоду, происшедшему съ нами при осмотрѣ Ивана Великаго. Сравнили страпню Гурина съ вокзальной страпней. Ознакомили другъ друга съ новостями: онъ меня съ варшавскими, а его съ N—ми...

— Какъ же я васъ раньше не видалъ?—спросилъ я его.

— Да я тутъ знакомаго офицера встрѣтилъ,—партію арестантовъ ведетъ,—ну, пошли съ нимъ въ гостиницу, на биліардъ сыграли...

— Гдѣ же онъ?

— Пошелъ своихъ провѣдать. Они тамъ, въ залѣ 3-го класса расположились... Да вотъ и онъ!..—живнулъ Друщекій.

Я оглянулся. Къ намъ подходилъ молодой, бѣлокуренькій офицеръ. Познакомились. Оказался какой-то Носовичъ, малороссъ, наивный, застѣнчивый... Мы стали ходить по вокзалу, прошли и въ 3-й классъ. Въ глубинѣ зала этого класса блестяи штаны конвойныхъ; за ними сѣрѣлись неуклюжіе халаты арестантовъ; лязгъ цѣпей доносился отсюда... Я подошелъ по-

ближе къ арестантамъ. Офицеры мои опять направились ко 2-му классу.

Въ кучкѣ арестантовъ слышался тихій говоръ. Кто-то рассказывалъ, какъ онъ бѣжалъ «съ поселенья», изъ Тобольской губерніи. Разсказу жадно внимали. Я замѣтилъ пару свѣрыхъ блестящихъ глазъ, пристально слѣдившихъ за рассказчикомъ. То были глаза сѣдого изможденнаго старика. Конвойные немилосердно звѣвали и перекидывались отрывочными фразами. Я было повернулся, чтобы идти, какъ вдругъ знакомое лицо мелькнуло среди ссыльныхъ... Въ одно мгновеніе пронеслось въ моей головѣ воспоминаніе о лѣтней ночи, о Танѣевскомъ хуторѣ, и даже «стожары» вспомнились, потухавшіе въ блѣдномъ разсвѣтѣ...

— Егоръ!.. ты зачѣмъ сюда попалъ? почти вскрикнулъ я.

Да, то былъ Егоръ. Крупныя черты его смуглаго лица рѣзко выдѣлялись среди лицъ сотоварищей. Онъ страшно похудѣлъ, и, вообще, нѣмѣнился. Только каріе, суровые глаза, казалось, еще ярче, еще жгучѣ горѣли... Нѣхота поднять онъ на меня глаза, и, какъ будто, радость свернула въ нихъ; онъ видимо узналъ меня, приподнялся и подошелъ ко мнѣ. На его ногахъ звонко загремѣли цѣпи. Я протянулъ ему руку. Солдатикъ отстранилъ меня: «не велѣно», сказалъ онъ. Егоръ опять опустилсѣ на скамью, гдѣ сидѣлъ, махнувъ мнѣ безнадежно рукою. Онъ что-то сказалъ при этомъ, но я не разслышалъ... Я поспѣшилъ розыскать Носовича, который, разумѣется, тотчасъ же далъ мнѣ позволеніе поговорить съ Егоромъ.

И вотъ повели мы разговоръ съ Егоромъ... Мелкій дождикъ мочилъ насъ, ноги сеозлизи по лужамъ, образовавшимся на платформѣ.

— Что, баринъ, небось не чаялъ меня встрѣтить скованнаго-то?—спросилъ онъ меня, печально усмѣхнувшись.

— Какъ это тебя угораздило?—спросилъ я.

— Да все злодѣй-то мой—Мишка... Вотъ погода, я все тебѣ по порядку расскажу... Душу хоть отведу... Помнишь, я тебѣ сказывалъ тогда, что Агафья-то повидаться со мною хотѣла?.. Въ тѣ поры-то я не пошелъ, ну, а потомъ не стерпѣлъ—повидался... Что-жъ, горе одно!—Разливается, бѣдная, рѣкою... Извелась вся... Ужъ какъ онъ ее, окаянный, не разлюбить-то все!.. Говорить мнѣ Гаина-то: пуще всего мнѣ тебя жалко, да срамно больно... Ну, наслушался я, да посмотрѣлся на нее, сердешную, — тутъ голосъ Егора дрогнулъ, — да и порѣшилъ... Не пришлось дѣло-то... Только амбары успѣлъ подпалить, тутъ меня и словили... Оплошку сдѣлалъ—собакъ не задобрилъ... Ну, съ пол-

года въ острогѣ просидѣлъ, а теперь вотъ на поселенье гонять... Еще какихъ-то «правовъ» лишили, — усмѣхнулся Егоръ, ну, это-то должно смѣхота одна: какія у нашего брата права!..

— Чего-жъ Агафья не ушла отъ Парменова-то?

— Уидно-съ; — онъ горько усмѣхнулся; — первое дѣло — срамъ, полюбовницей была, на селѣ проходу не дадутъ... другое дѣло — долгу-то все прибавляется, а тамъ, на селѣ, мать сама-пятъ... Тутъ одинъ конецъ, либо въ воду, либо... Такъ вотъ она и мается... Хотѣлъ я съ ней повѣнчаться, уѣхать отсюда куда глаза глядятъ... Мишка и говоритъ ей: пускай долгъ-то отдастъ твой суженый... А долгу-то, смѣшно сказать, сто-тридцать дѣлковыхъросло!.. Мать плачетъ, горьится, — пропаду, говоритъ, безъ тебя... Ну, извѣстно, — баба! добавилъ онъ послѣ легкаго раздумья. — Видно такъ тому дѣлу и быть... На роду написано... Видно и впрямъ нашу дорожку «горькимъ осинничьемъ застлало»... Онъ лѣниво усмѣхнулся.

Какое-то холодное безстрастіе сквозило въ его рѣчахъ, — словно застылъ онъ. Правда, голосъ дрогнулъ раза два, да злая усмѣшка иногда искривляла тонкія губы, но я видѣлъ Егора, съ небольшимъ годъ тому назадъ, рыдающаго, озлобленнаго... Теперь ужъ не было того Егора. Онъ какъ-то сжался, сосредоточился... Только глаза лихорадочно, воспаленно блестѣли... Еще двѣ, три морщинки прорѣзали его лобъ, въ черныхъ, коротко остриженныхъ, волосахъ, кое-гдѣ дѣлалась сѣдина...

На дворѣ темнѣло. У входа въ вокзалъ зажгли фонари, въ залахъ тоже показались огни. Дождь усилился и бойко шуршалъ по желѣзной крышѣ. Сигнальный колокольчикъ оглушительно завзвѣнѣлъ — поѣздъ былъ за одну станцію. Въ дверяхъ показался Носовичъ съ Друщепкинымъ.

— Чтó, наговорились? — закричалъ мнѣ Носовичъ.

— Не велишь-ли что роднымъ передать? — обратился я къ Егору, — я, можетъ, буду въ вашихъ мѣстахъ.

Онъ было-оживился, но только на одно мгновеніе. Обычная безстрастность опять овладѣла имъ. Его, видимо, даже начинало тяготить мое присутствіе. Радости, выказанной имъ при встрѣчѣ со мною, не замѣчалось и слѣда...

— Чего-жъ наказывать? — нѣхотя протянулъ онъ, глядя въ сторону; — кажись нечего... Только, можетъ, Агафью увидишь у Парменова, — скажи, кланяется, молъ...

Мы простились.

Черезъ пять минутъ съ багажомъ въ рукахъ всѣ высыпали

на платформу. Дождь усиливался; онъ ужъ гремѣлъ, а не шуршалъ по крышѣ. Съ нашихъ зонтовъ стекала вода. Подходящій поѣздъ тяжело грохоталъ въ мокрой тьмѣ, злобѣще сверкая красными, круглыми фонарями... Словно чудище сказочное близилося.

Загремѣлъ второй звонокъ. Пассажиры спѣшили занимать мѣста. Суетня поднялась среди нихъ... Поджарый кондукторъ бѣжалъ вдоль поѣзда, и монотонно выкрикивалъ жидкимъ дискантомъ:

— Станція Гр—и, поѣздъ стойтъ пятнадцать минутъ!..
Изъ вагоновъ вытѣкали заспанные пассажиры.

А. ЭРТЕЛЬ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мартъ, 1880.

I.

— Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи, въ первое 25-ти-лѣтіе благополучнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича (1855 — 1880 г.). Сост. подъ редакціей генераль-лейтенанта Богдановича. Томи I — IV. Стр. 481, 477, 371 и 548 Съ 80-ю приложеніями и 14-ю картами. (Послѣдній, V-й томъ выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени).

Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи, за послѣднія 25 лѣтъ, является результатомъ труда особой комиссіи, состоявшей изъ генераловъ Максимовскаго и Шульдера, полковника Хорошкина и др., подъ руководствомъ генерала М. И. Богдановича. Наше военное ховайство занимаетъ весьма видное мѣсто въ итогѣ общаго государственнаго ховайства, и потому такая общая его картина можетъ представить въ себѣ массу любопытныхъ данныхъ, и ихъ систематическое изложеніе, основанное на точныхъ, официальныхъ данныхъ, во многомъ облегчитъ трудъ будущаго историка современнаго намъ военнаго дѣла въ Россіи.

Періодъ съ 1855-го по 1880-й годъ останется памятнымъ въ богатой и безъ того военными событіями исторіи нашего отечества; онъ начался знаменитою обороною Севастополя и довершился послѣднею турецкою войною, оконченной подъ стѣнами Константинополя. Главная задача настоящаго обширнаго труда комиссіи состоитъ именно въ томъ, чтобы показать, въ какой степени послѣднія побѣды и добытые ими результаты для славянскаго міра обуславливались не только свойствами русскаго солдата, но и тѣми реформами, которыя производились у насъ въ военномъ дѣлѣ за послѣдній перелетный нами періодъ времени.

Вооруженіе арміи, въ этомъ періодѣ, подверглось коренному пре-

образованію; для оцѣнки всей трудности успѣшнаго исполненія столь сложнаго дѣла, „Очеркъ“ напоминаетъ, въ какомъ жалкомъ состояніи прежде находились наши техническія заведенія, и какія огромныя финансовыя средства требовались для созданія ихъ въ лучшемъ видѣ. Одиѣхъ денегъ къ тому было недостаточно: требовалось и время; нерѣдко случалось, что, предпринявъ и въ половину совершивъ какое-либо нововведеніе, военное министерство должно было, для своевременной защиты государства, приостановить исполненіе задуманной реформы, либо на время совершенно отъ нея отказаться. Такъ, въ 1863-мъ и 1864-мъ годахъ, сперва волненіе въ нашихъ западныхъ областяхъ, а потомъ усилія Наполеона III вооружить противъ Россіи всю Европу, заставили насъ оставить на время предположенныя по военному вѣдомству преобразованія и привести значительную часть арміи на военную ногу. Такое же неблагоприятное вліяніе на успѣхъ улучшеннаго вооруженія войскъ въ Россіи оказывала быстрота нововведеній по технической части въ арміяхъ прочихъ государствъ; по этой причинѣ мы иногда были принуждены, не окончивъ принятаго перевооруженія, приступить къ другому, чтобы не стать, въ этомъ отношеніи, ниже прочихъ; такъ, напр., пришлось намъ не разъ мѣнять систему ружей, и въ особенности по введеніи на западѣ Европы малокалиберныхъ пуль и металлических патроновъ. Помимо того, задуманныя реформы нерѣдко затруднялись случайными обстоятельствами, вліявшими на наши финансы: неурожаемъ, повальными болѣзнями, и т. п.

Забывая объ улучшеніи матеріальной части, военное министерство не могло не обратить еще большаго вниманія на драгоценнѣйшую часть арміи—личный составъ ея. Недовольно было снабдить войска превосходнымъ оружіемъ: надлежало обучить ихъ столько же мѣткой сколько и частой стрѣльбѣ. Всего же было важнѣе найти средства сберечь, по возможности, здоровье и жизнь людей, обреченныхъ на многіе годы—почти навсегда—чрезвычайнымъ трудамъ и лишеніямъ. Въ этомъ отношеніи, въ истекшее двадцатипятилѣтіе сдѣлано болѣе, нежели прежде, во все время съ самаго учрежденія регулярной арміи.

При этомъ слѣдуетъ поставить на первое мѣсто сокращеніе сроковъ службы воинскихъ чиновъ, поступавшихъ въ войска обязательно по наборамъ. Вмѣсто прежнихъ сроковъ, двадцати-пяти и двадцати-двухъ-лѣтнихъ, постепенно былъ установленъ срокъ въ шесть лѣтъ дѣйствительной службы и девять лѣтъ состоянія въ запасѣ. Обязательная служба вообще облегчена тѣмъ, что она начинается съ возраста 21-го года для всѣхъ новобранцевъ; кромѣ того, допущены многія льготы: уволены вовсе отъ военной службы един-

ственные сыновья старыхъ отцовъ и матерей и сокращены еще болѣе сроки службы для получившихъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ.

Эти мѣры оказались въ высшей степени благотѣльны. Въ прежнее время, солдатъ, будучи уволенъ въ отставку, становился какъ-бы лишнимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Возвратясь на давно покинутую имъ родину, онъ былъ чуждъ между своими, отвыкнувъ отъ ихъ образа жизни и отъ ихъ занятій, да и работать вмѣстѣ съ ними онъ не всегда былъ въ состояніи, изможденный трудами и лишеніями долготѣйшей походной жизни. Нерѣдко случалось видѣть израненнаго человѣка, побѣжденнаго не врагами, но падшаго подъ бременемъ недуговъ, лишившагося ноги или руки и протягивающаго остальную руку съ мольбою о кускѣ хлѣба. Для удовлетворенія его скудныхъ нуждъ было недостаточно небольшой получаемой имъ пенсіи, а увеличить ее не позволяли наши финансовыя средства. Нынѣ, напротивъ того, человѣкъ возвращается подъ родной кровъ еще бодрѣмъ, въ полной силѣ, еще не отвыкшимъ отъ мирныхъ занятій. Но не въ одномъ лишь матеріальномъ отношеніи нынѣ улучшено положеніе нашего солдата; оно было возвышено цѣлымъ рядомъ мѣръ и въ отношеніи нравственномъ; таковы были распоряженія объ отмигнѣ поступленія въ войска въ наказаніе за преступленія; объ отмигнѣ и облегченіи тѣлесныхъ наказаній; наконецъ, о всеобщей, обязательной для всѣхъ русскихъ подданныхъ, воинской повинности. Последняя мѣра особенно возвысила званіе солдата: каждый изъ русскихъ былъ призванъ къ участию въ защитѣ отечества; вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнились личный составъ нашей арміи, которая, съ того времени, сформирована исключительно изъ людей въ цвѣтѣ лѣтъ, наиболѣе способныхъ къ перенесенію трудовъ, требуемыхъ военною службою.

Содержаніе нашего солдата, въ продолженіи истекшаго двадцатипяти-лѣтія, было замѣтно улучшено. Доселѣ, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, проводимыхъ войсками въ лагерныхъ сборахъ, нижніе чины, болѣею частью, продовольствовались на квартирахъ отъ жителей весьма скудно, и, притомъ, такой способъ довольствія вынуждалъ обоюдныя неудовольствія и пререканія. Но, въ настоящее время, тому положенъ конецъ отпускомъ отъ казны приварочныхъ денегъ, на мясо и огородныя овощи. Это нововведеніе было сопряжено съ значительными издержками, потому что одна лишняя копѣйка въ день, отпускаемая на каждого изъ нижнихъ чиновъ, увеличивала наши военные расходы на милліоны рублей.

Что-же касается до предполагаемаго расположенія войскъ въ казармахъ, не только выгоднаго въ хозяйственномъ отношеніи, но и подающаго удобства къ образованію нижнихъ чиновъ, то это пред-

положеніе, по недостатку необходимыхъ средствъ, могло быть лишь отчасти исполнено.

Весьма важное улучшеніе послѣдовало въ одеждѣ солдата, и вообще въ одеждѣ всѣхъ чиновъ; теперь она значительно упрощена и удобнѣе прежней. Одежда нижнихъ чиновъ изготовляется нынѣ изъ лучшаго матеріала (такъ-называемыхъ—неворсованныхъ суконъ). При снаряженіи солдата, имѣется въ виду, что каждый лишній фунтъ, носимый имъ въ походѣ, становится тяжкимъ бременемъ при боевыхъ трудахъ и продолжительныхъ лишеніяхъ.

Въ продолженіи двадцатипятилѣтія, съ 1855-го по 1880-й годъ, не только строевое, но и научное образованіе воинскихъ чиновъ подверглось кореннымъ преобразованіямъ. На обученіе грамотѣ нижнихъ чиновъ было обращено особенное вниманіе, благодаря чему число грамотныхъ людей въ войскахъ увеличилось въ значительной степени и даже оказало влияніе на развитіе грамотности вообще въ народѣ: въ послѣднее время не рѣдко встрѣчаются оставшие унтеръ-офицеры и солдаты, обучающіе элементарнымъ свѣдѣніямъ въ сельскихъ школахъ, которыя, безъ содѣйствія ихъ, были бы лишены возможности имѣть учителей.

До 60-хъ годовъ, не только никто не помышлялъ о необходимѣйшемъ образованіи огромной массы армейскихъ офицеровъ, но даже было признано официально, что военное вѣдомство должно ограничиваться образованіемъ офицеровъ для специальныхъ родовъ службы; а для арміи—довольствоваться ноступающими офицерами, не заботясь объ ихъ научномъ образованіи. Но такому порядку дѣлать, не соответствующему современнымъ требованіямъ службы, былъ положенъ конецъ цѣлымъ рядомъ мѣръ, предполагаемыхъ и исполненныхъ военнымъ вѣдомствомъ. Въ настоящее время, рядовые, незнающіе грамотѣ, могутъ удостоиться производства въ унтеръ-офицеры только въ видѣ исключенія, за военные подвиги. Для всѣхъ кандидатовъ въ офицеры установлены испытанія по опредѣленнымъ программамъ, а для пріобрѣтенія необходимыхъ къ тому познаній, кромѣ существовавшихъ прежде военно-учебныхъ заведеній 2-го и 3-го разрядовъ (военныхъ училищъ и военныхъ гимназій), учреждены инженерскія училища, которыхъ число постепенно доведено до 17-ти (для полевыхъ войскъ 15 и для кавалерійскихъ 2). Кандидаты же специальныхъ родовъ войскъ, генеральнаго штаба, артиллеристы и инженеры, обучаются въ особыхъ высшихъ заведеніяхъ (академіяхъ), въ которыя поступаютъ по прослуженіи въ строю положеннаго числа лѣтъ, и, по окончаніи курсовъ, обязаны выдержать испытанія по установленнымъ для каждаго рода войскъ программамъ. Въ послѣдніе годы, въ высшихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ теоретическаго обу-

ченія, введены практическія работы, могущія служить лучшимъ мѣриломъ способностей и свѣдѣній офицеровъ, удостоиваемыхъ поступленія въ спеціальные роды войскъ.

Особенныя заботы министерства обращало на себя преобразованіе заведеній для призрѣнія раненыхъ и больныхъ воинскихъ чиновъ. Въ Восточную войну 1853—1856 годовъ, военные госпитали были вмѣстилищами всевозможныхъ лишеній и страданій; значительная часть заболѣвавшихъ воинскихъ чиновъ поступала въ гражданскія больницы, гдѣ содержаніе больныхъ обходилось дороже и было не лучше, нежели въ военныхъ госпиталяхъ. Въ настоящее же время больные воинскіе чины содержатся почти исключительно въ военныхъ госпиталяхъ, лазаретахъ и околоткахъ (при своихъ частяхъ). Содержаніе ихъ обходится нѣсколько дороже, по общему возвышенію цѣнъ на всѣ продукты, но, за то, оно гораздо лучше прежняго, что убѣдительно доказывается значительнымъ уменьшеніемъ числа больныхъ (не считая околоточныхъ, съ легкими недугами) и ослабленіемъ смертности. Наибольшая смертность приходилась на долю поступавшихъ въ гражданскія больницы. Въ 1867—1870 годахъ, изъ тысячи больныхъ умирало: въ лазаретахъ отъ 24-хъ до 28-ми; въ госпиталяхъ отъ 37-ми до 41-го; а въ гражданскихъ больницахъ отъ 55-ти до 59-ти.

Улучшенію гигиеническаго состоянія войскъ много способствовали: несравненно болѣе удобная одежда и снаряженіе воинскихъ чиновъ; лучшее продовольствіе пищею; учащеніе винныхъ порцій, довольствіе чаемъ, и проч. Успѣхъ военного вѣдомства въ поддержаніи здоровья нижнихъ чиновъ убѣдительно доказывается меньшимъ числомъ заболѣвавшихъ людей и меньшею смертностію въ отношеніи къ наличному числу войскъ.

Въ заключеніе, можно привести мѣры, принятія для поддержанія дисциплины и нравственности въ войскахъ. Къ улучшенію нравственнаго состоянія нижнихъ чиновъ много послужило прекращеніе отдачи въ солдаты за порочное поведеніе: эта мѣра, съ одной стороны, избавила армию отъ вносимой въ нее прежде нравственной заразы, а съ другой—что еще важнѣе—возвысила званіе солдата, устранивъ понятіе о вмѣненіи военной службы въ наказаніе за предосудительные поступки. Не менѣе важнымъ шагомъ къ улучшенію нравственности войскъ было расформированіе корпуса внутренней стражи, постоянно дававшего значительный контингентъ подсудимыхъ — не только нижнихъ чиновъ, но и офицеровъ. Причинами тому были составъ этого корпуса и его служебныя обязанности: корпусъ внутренней стражи комплектовался такими офицерами и нижними чинами, отъ которыхъ прочія части войскъ старались избавиться; а служба

въ этомъ корпусѣ преимущественно состояла въ препровожденіи каторжныхъ и ссыльныхъ, общеніе съ которыми оказывало вредное вліяніе на поведеніе и нравственность ихъ стражей. Напротивъ того, мѣстныя войска, замѣнившія корпусъ внутренней стражи, имѣютъ одинаковый составъ съ полевыми войсками, и главною обязанностью имъ поставлено обученіе новобранцевъ строевой службѣ. Наконецъ, отдѣленіе всѣхъ рядовыхъ предосудительнаго поведенія въ разрядъ штрафованныхъ заставляетъ многихъ людей съ колеблющимся характеромъ воздерживаться отъ дурныхъ поступковъ, а подвергшихся переводу въ штрафованные—исправляться, чтобы заслужить прощеніе. Вліяніе всѣхъ этихъ мѣръ, вмѣстѣ съ постояннымъ попеченіемъ о грамотности и преобразованіи военныхъ чиновъ, должно было имѣть самыя благотворныя послѣдствія.

Хотя личный составъ полевыхъ войскъ русской арміи нѣсколько уменьшился противъ состава по мирному положенію, существовавшего передъ Восточною войною 1853—1856 годовъ, и гораздо менѣе состава въ эпохи наибольшаго развитія нашихъ вооруженныхъ силъ, въ 1856-мъ и 1878-мъ годахъ, однакоже это вполне вознаграждается значительнымъ числомъ нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ запасѣ и совершенно готовыхъ къ поступленію въ ряды арміи.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, тѣ преобразованія, которыми весьма выгодно характеризуется исторія военнаго управленія въ Россіи за двадцать пять лѣтъ.—М. Б.

II.

—*Tužby vlastenecké. Epištoly, úvahy a řeči. Václava Vlčka. V. Praze 1879. (Завѣты патриота. Посланія, критическія статьи и рѣчи. Вацлава Вѣлка).*

Рѣдко бывало и бываетъ въ нашей литературѣ, что обратитъ на себя вниманіе книга южно- или западно-славянская. Даже въ пору недавнихъ славянскихъ восторговъ, рѣдко кому приходило въ голову полюбопытствовать, что же дѣлается въ литературѣ славянскихъ братьевъ, въ чемъ заключаются ихъ текущіе умственные и поэтическіе интересы? До публики доходили политическія выписки изъ славянскихъ газетъ,—и тѣ отрывочныя и случайныя,—но оставались почти абсолютно неизвѣстны ихъ внутренніе литературно-общественные вопросы. Въ каждой изъ этихъ литературъ есть свои любимые писатели, поэты, романисты, публицисты, но даже популярнѣйшія современныя имена извѣстны у насъ едва по слуху.

Это, конечно, не совсѣмъ вяжется съ тѣмъ, что издавна говорилось о русско-славянскихъ предназначеніяхъ и русско-славянскихъ

сочувствіяхъ,—тѣ и другія предполагали бы между обществами внутреннее согласіе интересовъ, по крайней мѣрѣ взаимное любопытство, которое со стороны братьевъ-славянъ шло бы дальше любопытства къ шумнымъ военнымъ фактамъ, а съ нашей—могло бы быть больше, чѣмъ оно есть. Если этого нѣтъ, надо убѣждаться, что предназначенія и сочувствія очень слабы; а если онѣ дѣйствительно существуютъ въ историческомъ и національномъ предположеніи, надо по крайней мѣрѣ отдать себѣ отчетъ въ ихъ дѣйствительной силѣ и степени развитія,—чтобы не ошибиться въ томъ, что мы иногда всетаки на нихъ строимъ.

Славянская „идея“, славянское „чувство“ и т. п. поминаются каждый разъ, какъ только заходитъ рѣчь о славянскомъ вопросѣ; въ послѣдніе годы любой фразѣръ толковалъ о нихъ, чтобы показать свое національное глубокомысліе; въ литературахъ славянскихъ, эти слова, быть можетъ, имѣли всегда больше искренняго смысла,—потому что дѣйствительность заставляетъ тамъ серьезно думать о своемъ положеніи и искать себѣ опоры въ племенныхъ связяхъ. Но если изъ области подобныхъ теоретическихъ и идеальныхъ соображеній мы обратимся къ обыденной жизни и литературѣ славянскихъ народовъ, мы увидимъ всего чаще, что эти соображенія гораздо меньше участвуютъ въ нихъ, чѣмъ бы можно было ожидать; увидимъ, что жизнь, а за ней литература—идутъ у разныхъ племенъ славянства своей раздѣльной жизнью, почти безъ всякой внутренней связи между ними, съ своими особыми понятіями. Какъ въ русской литературѣ „славянскія идеи“ занимаютъ свой особый уголокъ, а все теченіе литературы исполнено своихъ заботъ, не имѣющихъ съ ними никакой связи; такъ и въ другихъ литературахъ интересъ этого рода является только въ экстренныхъ случаяхъ (или въ чисто ученыхъ вопросахъ), а вообще господствуютъ чисто мѣстные интересы и точки зрѣнія. Это, конечно, вполне естественно — при чрезвычайномъ этнографическомъ и бытовомъ разнообразіи славянскихъ племенъ, при раздѣленіи славянства на нѣсколько различныхъ государствъ и различныхъ политическихъ положеній въ этихъ государствахъ, при всемъ разнообразіи историческаго преданія и современныхъ заботъ; — но этотъ фактъ поучаетъ, что говорить о „славянской идеѣ“ какъ о чемъ-то реальномъ, имѣющемъ свой опредѣленный, обязательный смыслъ, слишкомъ рано. Разнообразие славянской жизни еще не сводится ни къ какому, общепризнаваемому хотя теоретически, началу; славянская „взаимность“, столь желаемая наиболѣе пламенными славянскими патріотами, въ дѣйствительности существуетъ въ столь скромномъ размѣрѣ, что нерѣдко бываетъ едва видима, и отсутствуетъ тамъ, гдѣ ея особенно можно было бы ожидать.

На эти мысли наводитъ и книга, заглавіе которой мы выписали.

Авторъ книги, Вацлавъ Вльчекъ (или Вѣлчекъ—иначе по-русски нельзя написать этого имени) есть одинъ изъ извѣстѣйшихъ писателей новой чешской литературы (род. 1839). Дѣятельность его очень разнообразна. Это, во-первыхъ, беллетристъ на разныхъ поприщахъ: онъ писалъ рассказы изъ народнаго быта, писалъ романы историческіе, романы изъ современной общественной жизни; онъ извѣстенъ какъ писатель драматическій. Во-вторыхъ, это публицистъ, отъѣзжавшійся на крупныя и на частныя вопросы чешской жизни, политической и общественной. Съ 1871 года онъ — издатель одного изъ лучшихъ чешскихъ журналовъ—„Освѣтъ“. Одинъ изъ его романовъ, „Лавровый вѣнокъ“, считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній всего чешскаго романа.

Въ изданной теперь книгѣ, Вѣлчекъ собралъ свои статьи, разсѣяныя въ журналахъ, между прочимъ въ „Освѣтъ“,—въ которыхъ разбираются вопросы, охарактеризованные заглавіемъ. Здѣсь есть „Посланіе къ апостоламъ и проповѣдникамъ гуманности въ Европѣ“; „Посланіе къ пражанамъ“; статьи—„о патріотизмѣ чешскихъ женщинъ“, „о народномъ просвѣщеніи, особенно въ отношеніи къ чешской литературѣ“, о народномъ театрѣ, рѣчи о Гальбѣ (главѣ новѣйшей чешской поэзіи), о Палацкомѣ, Воцелѣ и проч. Мы остановимся на нѣсколькихъ образчикахъ патріотическихъ призывовъ автора.

Посланіе къ „апостоламъ гуманности“ открывается введеніемъ въ немного романтическомъ стилѣ. На одной изъ альпійскихъ вершинъ (по всей вѣроятности на Риги-Кульмѣ), авторъ вмѣстѣ съ толпой разноплеменныхъ путешественниковъ ожидаетъ восхода солнца. Восходъ благополучно совершился и по обыкновенію возбудилъ поэтическія думы. Авторъ, обратясь къ своему сосѣду, выразилъ желаніе, чтобы всѣмъ народамъ, представители которыхъ здѣсь собрались, также ясно взошло нѣкогда „солнце спасенія“. Сосѣдъ, который былъ англичанинъ, нашелъ, что это желаніе уже совершилось, потому что это солнце выходитъ каждый день, какъ „мысль, просвѣщеніе, гуманность“. Въ длинной тирадѣ англичанинъ пояснилъ, какъ эти силы уже въ наше время дѣйствуютъ въ жизни человѣчества... Нашъ авторъ усумнился—англичанинъ считъ его пессимистомъ;—онъ назвалъ ирландцевъ,—англичанинъ немного раздражился и выразилъ удивленіе, что за надобность его собесѣднику, „нѣмцу“, заступаться за ирландцевъ; нашъ авторъ отвѣтилъ, что онъ не нѣмецъ, а „чехъ“. Оказалось, разумѣется, что англичанинъ не слыхивалъ о такомъ народѣ... Они расстались, не кончивши бесѣды, а черезъ нѣсколько времени встрѣтились опять, у Люцернскаго льва. Англичанинъ тѣмъ временемъ узналъ кое-что о чехахъ и узналъ изъ источниковъ нѣ-

мѣцкихъ, гдѣ чехи являлись народомъ варварскимъ, не культурнымъ, Прага—нѣмецкимъ городомъ и т. п. Нашъ авторъ вознегодовалъ на наивный вопросъ англичанина: есть ли, однако, у чеховъ какая-нибудь литература, есть ли типографія, газеты и т. п.? Газетъ, конечно у чеховъ много, и самъ авторъ былъ уже въ то время редакторомъ „Освѣты“.

На эту тѣму авторъ обращается съ рядомъ упоровъ современной гуманности. Она гордится защитой человѣческихъ правъ, освобожденіемъ негровъ; она простираетъ свою ревность до того, что беретъ подъ свое покровительство животныхъ,—но въ это же самое время она забываетъ о цѣломъ народѣ—народѣ, который живетъ въ самомъ центрѣ Европы, который нѣкогда оказалъ человѣчеству великія услуги, а въ новѣйшее время изъ крайняго угнетенія умѣлъ поднять свою народность до высокой степени просвѣщенія. Въ этомъ трудѣ воскрешенія своей національности чешскій народъ показалъ великую выдержанность, безпристрастіе и нравственное чувство, которыя у искреннихъ проповѣдниковъ гуманности должны были бы вызвать уваженіе и сочувствіе.

„Народъ чешскій долженъ былъ тяжелымъ трудомъ добывать свое право; но этой причинѣ онъ уважаетъ и цѣнитъ право всякаго другого, отъ народа до отдѣльнаго человѣка, и въ особенности глубоко сочувствуетъ угнетенному праву. Воспитанный въ школѣ терпѣнія, онъ сохранилъ свои руки чистыми отъ всякаго пятна политическихъ битвъ и вполне проникнутъ духомъ челоѣчности...“

„Просвѣщеніе, свобода, равенство и братство!“—этотъ лозунгъ звучитъ въ цѣломъ чешскомъ народѣ какъ изъ однихъ устъ. Во имя просвѣщенія, свободы, равенства и братства, этотъ голосъ звучитъ и къ вамъ, провозвѣстники и защитники челоѣчности.

„И на этотъ разъ мы не приходимъ къ вамъ выпрашивать какой-нибудь помощи. Мы имѣемъ въ виду только успѣхъ челоѣчности“.

Но авторъ не хочетъ себя обманывать. На судьбѣ чешскаго народа онъ видитъ, что стремленія гуманности становятся безсильны уже отъ одного незнанія ея апостоловъ. Ихъ ученіе—вещь прекрасная, но нужно, чтобы теорія становилась практикой,—иначе это ученіе останется пустой фразой, оно не защититъ никакого права, не уничтожитъ никакой несправедливости... Въ каждомъ европейскомъ народѣ много партизановъ гуманности; вся европейская образованность—гуманитарная; но такова ли исторія и отношенія европейскія? Онѣ прямо противоположны этому принципу. Авторъ приходитъ къ выводу, что „проповѣдники гуманности не имѣютъ никакого рѣшающаго вліянія на европейскую исторію и отношенія“, и что „дѣло челоѣчности не можетъ быть выполнено съ успѣхомъ, если гуманисты всего

свѣта не подадутъ себѣ руки... Организуйте интернаціональное общество человѣчности—и вы увидите цѣлый чешскій народъ подъ его знаменемъ". И только тогда народамъ засвѣтитъ солнце спасенія.

Такъ разсуждаетъ чешскій патриотъ. Многое, что онъ говоритъ, очень справедливо, но, кажется намъ, очень бесполезно. Тезисъ, который онъ доказываетъ, не нуждается въ доказательствѣ. Подходить къ концу второе тысячелѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ повѣданы были міру истины христіанства, а гдѣ глубина этихъ истинъ осуществилась съ нѣкоторой полнотой кромя отдѣльных людей и немногихъ кружковъ людей? Съ другой стороны юный англичанинъ, для опроверженія котораго авторъ писалъ свое воззваніе, есть идеалистъ, немного, быть можетъ, невѣжественный, но въ концѣ-концовъ онъ не совсѣмъ неправъ: потому что хотя новѣйшая гуманитарная образованность и не принесла народамъ „спасенія“, но кое-что и сдѣлала,—насколько идеи справедливости и человѣчности могли повліять на широкія политическія рѣшенія. Ни одинъ человѣкъ благоразумный и знакомый съ исторіею не скажетъ, чтобы „проповѣдники гуманности“ имѣли „рѣшающее вліяніе въ исторіи Европы“ (а Азіи? Африки? Америки?), но несомнѣнно также, что идеи гуманитарной образованности имѣли свою, и не малую, долю вліянія и на освобожденіе негровъ, и на уничтоженіе или ослабленіе крѣпостного права, на вопросъ объ улучшеніи состоянія другихъ крѣпостныхъ—рабочихъ классовъ, и наконецъ, даже на судьбы цѣлыхъ народовъ, какъ было, напримѣръ, въ освобожденіи сѣверо-американскихъ колоній въ концѣ прошлаго столѣтія, въ освобожденіи Греціи, Сербіи, Италіи и пр. Чешскій народъ оказалъ дѣйствительно великіе успѣхи въ періодъ своего возрожденія, но патриотизмъ едва ли не увлекъ слишкомъ автора, когда онъ говоритъ о „лозунгѣ, звучащемъ въ цѣломъ чешскомъ народѣ какъ изъ однихъ устъ“: мы желаемъ этого чешскому народу, но не думаемъ, чтобы онъ достигъ всего этого въ такой мѣрѣ, какъ утверждаетъ авторъ. Чешская литература, нѣкоторыми своими сторонами, можетъ достаточно свидѣтельствовать о недочетахъ и въ „просвѣщеніи, свободѣ, равенствѣ и братствѣ“.

Итакъ, эти представленія о чешскомъ народѣ кажутся намъ преувеличеніемъ, а жалобы на гуманизмъ и его провозвѣстниковъ напрасными, потому что онѣ безплодны. Наконецъ, сомнительно, чтобы онѣ были прочтены тѣми, къ кому адресованы.

Но дошло безъ сомнѣнія по адресу другое посланіе, на которомъ мы остановимся. Это—„Посланіе къ пражанамъ“, гдѣ авторъ говоритъ о національномъ значеніи Праги, возбуждаетъ чеховъ и въ частности пражанъ къ возвышенію этого значенія путемъ поощренія чешскаго просвѣщенія и искусства. Какъ извѣстно, Прага есть для

чеховъ палладиумъ ихъ національности, и, слѣдовательно, предметъ особой патріотической любви и гордости: они любятъ говорить о красотѣ своей столицы, объ ея великихъ историческихъ воспоминаніяхъ, дорожатъ въ ней центромъ своей общественной и политической жизни, своей литературы и науки. Г-нъ Вѣлчекъ исполненъ этой гордости и любви къ своей Прагѣ въ самой высокой степени—этому соответствуетъ и его желаніе для Праги: будущее, котораго онъ ищетъ для нея, есть не только чешское, но европейское.

Въ началѣ „посланія“ онъ вспоминаетъ старыя времена, когда при Карлѣ IV Прага обѣщала стать новымъ Афинами, когда потомъ при Рудольфѣ II она стала новымъ Коринѣомъ по богатству собранныхъ въ ней произведеній искусства. Но и этотъ Коринѣзъ имѣлъ своихъ Муміевъ: военная судьба приводила въ Прагу шведовъ, французовъ, пруссаковъ, и всѣ они, особенно послѣдніе, безпощадно грабили ея художественныя сокровища; и послѣ явились иныя, не военные хищники,—многое было взято и вывезено въ Вѣну,—такъ что „гораздо легче стало сосчитать то, что уцѣлѣло въ Чехіи“. Прагу называютъ главой чешскаго королевства; она скорѣе—„сердце“ чешскаго народа. Она дѣлитъ судьбу своего народа; вмѣстѣ съ нимъ она пала послѣ бѣлогорской битвы, вмѣстѣ съ нимъ воскресла изъ мертвыхъ въ наше время.

Далѣе г. Вѣлчекъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Если Чехія есть сердце Европы, Прага есть сердце этого сердца. Въ настоящую минуту это вовсе не побуждаетъ Европу особенно насъ любить, и мы не можемъ этимъ хвалиться. Политическая Европа вообще не хочетъ слышать о сердцѣ, а потому также не хочетъ знать насъ (?); а мы до сихъ поръ еще не произвели столько, чтобы *вынудить* у Европы вниманіе, уваженіе, удивленіе.

„Но ежели Прага есть сердце сердца Европы, этимъ уже высказана великолѣпнѣйшая задача, къ которой можно стремиться въ будущемъ.

„Біеніемъ этого сердца правится цѣлый чешскій народъ; пусть Прага вознесется такъ высоко, чтобы біеніемъ своего сердца правилась цѣлая Европа. Быть пражаниномъ считается гордостью во всей Чехіи; пусть Прага вознесется такъ высоко, чтобы быть пражаниномъ было гордостью во всей Европѣ (?). Прага есть одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Европы, но также одинъ изъ городовъ, о которыхъ въ Австріи почти никто не вспоминаетъ, а въ Австріи вспоминается почти только съ бранью и враждой; пусть Прага вознесется такъ высоко, чтобы глаза всего свѣта обратились опять къ ней, какъ нѣкогда уже бывало.

„Но возможно ли это?“

Авторъ, какъ увидимъ, не скрываетъ отъ себя трудностей, мѣшающихъ осуществленію этихъ благихъ пожеланій,—но, конечно, онъ выставлялъ ихъ не даромъ: въ концѣ-концовъ онъ считаетъ возможнымъ достиженіе блестящей цѣли, какую ставить своему народу и его „сердцу“.

Но для этого нужно многое. Нельзя ждать возвращенія временъ Отокара II, Карла IV, Юрія Подѣбрадскаго,—такой политическій мессія едва ли придетъ. Нужно, слѣдовательно, искать другого пути. Теперь Прага въ самой Австріи уступаетъ не только Вѣнѣ, но и Пешту; но во внѣшней ли громадности и роскоши заключается величіе столицъ и центральныхъ городовъ? — спрашиваетъ авторъ. Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ,—величіе создается мыслью, духомъ. Такъ содалось величіе Парижа, гдѣ процвѣтали литература и искусство, гдѣ въ великихъ переворотахъ неодолимо вознеслись новыя, до тѣхъ поръ подавляемыя идеи великаго общечеловѣческаго значенія. Такія идеи нѣкогда возникали у чеховъ, но тогда сами чехи ихъ только предчувствовали, а другіе народы подавили и истребили ихъ въ чешскомъ народѣ. Теперь о чехахъ разглашаютъ, что новѣйшія идеи девятнадцатаго вѣка имъ чужды, что они неспособны понимать этихъ идей. — Какъ же быть, и что нужно Прагѣ прежде всего?

Авторъ находитъ, что надо съ прискорбіемъ признать, что Прага издавна не только была слишкомъ открыта чужому вліянію, но даже что она „въ теченіе всей чешской исторіи никогда еще не была полнымъ выраженіемъ настоящаго чешскаго духа“. Поэтому прежде всего ей слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться такимъ выраженіемъ,—не просто быть *внѣшнимъ* средоточіемъ чешской жизни, но стать высшимъ духовнымъ средоточіемъ народнаго духа. Если это станется, Прага будетъ стоять въ челѣ городовъ не только чешскихъ, но и славянскихъ. Она пріобрѣтетъ не только европейское, но міровое значеніе, и потокъ, которой идетъ теперь только съ Запада къ ней, тогда пойдетъ обратно. Правда, путь къ этому еще далекъ; но къ этому надо стремиться...

Не входя въ дальнѣйшія подробности „Посланія“, замѣтимъ только, что авторъ рекомендуетъ своимъ согражданамъ единодушіе, сознаніе своей національной задачи, и въ частности — посѣщеніе чешскаго театра, покровительство чешскому искусству. Въ другомъ посланіи—къ чешскимъ городамъ въ провинціи, авторъ совѣтуетъ вниманіе къ чешской литературѣ. „Ходите въ театръ, покупайте чешскія книги“ — таковы его совѣты на первый разъ.

Забота автора о величіи своего отечества, о просвѣщеніи народа понятна и заслуживаетъ всякаго уваженія; но,—не припоминая объ

англичанинѣ, котораго авторъ встрѣтилъ на Альпахъ, — даже русскаго читателя, расположеннаго сочувствовать національнымъ стремленіямъ единоплеменниковъ, удивять тѣ размѣры, въ какихъ чешскому патриоту представляется ожидаемое имъ значеніе его народа въ будущемъ. Авторъ дѣлаетъ оговорки, что это будущее не близко, что до него можетъ пройти еще рядъ поколѣній, но дѣло остается въ томъ, что чешскій народъ долженъ занять въ Европѣ чуть ли не первое мѣсто по своему просвѣщенію, и этимъ приобрѣсти высоекое положеніе, котораго не дастъ ему матеріальная политическая сила. Мы готовы сначала принять за шуточный оборотъ рѣчи — что Чехія есть сердце Европы, а Прага сердце Чехіи, но авторъ думаетъ это, кажется, серьезно, какъ будто топографическая центральность (предполагая, что она дѣйствительно есть) можетъ въ самомъ дѣлѣ имѣть такое абсолютное значеніе въ наши времена и, кромѣ того, при существованіи уже готовыхъ громадныхъ центровъ: если центральность имѣетъ такую важность, отчего Прага давно не стала дѣйствительнымъ умственнымъ и духовнымъ средоточіемъ Европы? Далѣе, авторъ предвидѣлъ возраженіе, что едва ли народу небольшому, какъ чехи, возможна такая первенствующая роль, и отвѣчаетъ, что исторія даетъ намъ примѣры небольшихъ народовъ, которые однако приобрѣтали всемірное значеніе, — таковы были финикіане, евреи: нужно только могущественное развитіе „духа“. Правда, развитіе „духа“ можетъ совершать великія вещи, но дѣло въ томъ, что жизнь человѣческаго общества стала нѣсколько сложнѣе, чѣмъ было во времена финикіянъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и условія развитія *духа* стали не менѣе сложны: едва ли можно думать на примѣръ, что оно можетъ идти вѣд и независимо отъ науки, въ ея безчисленныхъ современныхъ и будущихъ отрасляхъ, а успѣхи науки — какъ это можно видѣть уже и теперь — будутъ связаны съ возможностями широкаго матеріальнаго обезпеченія ея дѣятелей и ея орудій — университетовъ, академій, музеевъ, библиотекъ, коллекцій, лабораторій, экспедицій и т. д. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи малые народы будутъ поставлены далеко не выгодно. Парижъ, Лондонъ, Берлинъ своей научной славой въ очень большой степени обязаны именно тому, что они составляютъ центры великихъ, сильныхъ и богатыхъ національностей. Чтобы съ ними бороться и ихъ „опередить“, какъ въ другомъ мѣстѣ полагаетъ г. Вѣлчекъ, нуженъ центръ болѣе сильный, болѣе людной и богатый, нежели центръ чешскаго народа.

Читателю можетъ представиться мысль, что чешскій авторъ предполагаетъ для своего національнаго центра болѣе обширную окружность, что именно Прага станетъ центромъ не только для чеховъ, но для цѣлаго западнаго славянства, и что тогда она выражала бы

собой уже не маленькое племя, но цѣлый и уже многочисленный племенной союзъ.—Но на дѣлѣ авторъ такого предположенія не дѣлаетъ; онъ постоянно говоритъ только о своемъ собственномъ народѣ, и ожидаетъ, что чехи одни, собственными силами, завоюютъ свое значеніе и опередятъ Европу.

Читателю можетъ показаться далѣе, что авторъ есть мечтатель, sentimentalный идеалистъ, который не хочетъ видѣть фактовъ и котораго поэтому нечего трудиться убѣждать. Но и этого сказать нельзя. Авторъ не обманывается труднымъ современнымъ положеніемъ чешскаго народа и народности: онъ знаетъ, что чехи окружены враждебными стихіями, что имъ грозитъ серьезная опасность быть поглощенными; онъ знаетъ, что чехи бѣдны, т.-е. что хотя ихъ земля богата, но сокровища ея достаются иноземцамъ,—но онъ не теряетъ однако надежды на высокое положеніе чешскаго народа, которое будетъ приобрѣтено не политической силой, не внѣшнимъ богатствомъ, но развитіемъ научнымъ, художественнымъ, литературнымъ и народно-нравственнымъ. Онъ рекомендуетъ поэтому усиленный и всесторонній трудъ и нравственное развитіе чешскаго народнаго характера. Последнее важно не менѣе перваго: Европа страдаетъ большими пороками въ своей цивилизаціи—слишкомъ часто ея просвѣщеніе есть только полуобразованность, съ которой вполне уживается самый грубый эгоизмъ; слишкомъ распространена въ Европѣ погоня за внѣшнимъ блескомъ, матеріальными удовольствіями и роскошью и т. д. Чехи должны предаться съ одушевленіемъ наукѣ, литературѣ, нравственному совершенствованію, это возможно и въ неблагоприятныхъ политическихъ условіяхъ—величайшія явленія европейской литературы выросли въ эпохи абсолютизма.

Эти мысли авторъ излагаетъ еще въ третьей длинной статьѣ „О народномъ просвѣщеніи“ и при нѣсколькихъ другихъ случаяхъ. Мы можемъ удовольствоваться тѣмъ, что приведено.—Повторяемъ, что въ планахъ автора обнаруживается самое похвальное патриотическое чувство, и совѣты его своимъ согражданамъ—заботиться о широкомъ распространеніи въ своемъ народѣ знаній и нравственнаго просвѣщенія, внушены наилучшимъ чувствомъ; тѣмъ не менѣе разсужденія его очень мало насъ удовлетворяютъ. Нельзя не видѣть въ нихъ преувеличенія, которое бываетъ тѣмъ именно вредно, что вводитъ въ заблужденіе и о трудностяхъ, какія надо одолѣвать, и о силахъ, какія на это имѣются. Къ преувеличенію склоненъ всякій патриотизмъ; оно очень понятно, какъ высшая, идеалистическая ступень любви къ своей родинѣ, и въ этомъ смыслѣ оно часто тѣмъ сильнѣе возбуждаетъ силы общества и народа въ стремленіи къ своимъ цѣлямъ; но люди, стоящіе выше толпы—хотя бы по образо-

ванію, — люди, которые хотятъ поучать своихъ соотечественниковъ, должны очень осторожно обращаться съ этой идеализаціей. Въ ней же кроется и источникъ самаго непривлекательнаго себялюбія, заблужденій, гибельныхъ для самаго общества и народа. Хорошо еще, если дѣйствительность даетъ какое-нибудь основаніе къ этой преувеличенной идеализаціи; но какъ часто бывало, что національныя преувеличенія были настоящимъ зломъ для цѣлыхъ народовъ, вели ихъ къ самой тяжкой расплатѣ. Поэтому, мы не любимъ „патріотическихкихъ“ преувеличеній и думаемъ, что ихъ *обязанъ* остерегаться всякій разумный патріотъ, чтобы не плодить заблужденій и самообольщеній, и не помогать соотечественникамъ закрывать глаза на многое, совершающееся въ дѣйствительности. Въ патріотизмѣ славянскомъ такія преувеличенія высказывались несчетное число разъ: напомнимъ хоть нашихъ русско-славянскихъ патріотовъ, которые еще въ сорововыхъ годахъ похоронили „гнилую“ западную Европу и предсказывали господство славянской цивилизаціи; эти предсказанія у насъ, да и въ западномъ славянствѣ, которое имъ не было чуждо, не мало повредили здравой постановкѣ славянскаго вопроса. Не страдаютъ ли подобнымъ недостаткомъ и разсужденія чешскаго автора?

И не слишкомъ ли высокій тонъ взятъ былъ имъ въ началѣ, когда потомъ, въ концѣ „посланія къ пражанамъ“ и въ посланіи къ другимъ согражданамъ, г. Вѣлчекъ требуетъ отъ нихъ пока только, чтобы они „ходили въ театръ“ и тратили „нѣсколько золотыхъ“ на покупку чешскихъ книгъ,—это для покровительства искусству и литературѣ, которыми чехи должны „опередить Европу“? По крайней мѣрѣ авторъ, для равномѣрности разсужденія, потребовалъ бы отъ соотечественниковъ болѣе крупной жертвы.

Въ этомъ разсужденіи есть и другая неравномѣрность. Защищая права своей народности на вниманіе и уваженіе Европы и доказывая способность своихъ соотечественниковъ занять со временемъ блестящую роль, которую онъ имъ предвѣщаетъ, г. Вѣлчекъ указываетъ два факта изъ чешской исторіи: „пятнадцатый вѣкъ“ и новое возрожденіе съ конца прошлаго столѣтія. Оба факта въ самомъ дѣлѣ знаменательны,—хотя весьма различны по значенію. Первый, т.-е. гуситское движеніе, былъ дѣйствительно сильнымъ, въ большой степени, если не вполне—самобытнымъ проявленіемъ силы чешской національности. Второй былъ замѣчательнъ, какъ пробужденіе національности, которая считалась почти мертвою, но не вносилъ новыхъ *идей* въ содержаніе европейской образованности, а только прижизнял ихъ въ новой, открытой для нихъ средѣ. Такимъ образомъ, свидѣтельство *оригинальной* силы чешскаго народа можно было бы указать собственно только въ „пятнадцатомъ вѣкѣ“. Но г.

Вѣлчекъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что въ ту эпоху чехи однако только „предчувствовали гуманизмъ“, а въ настоящее время весь чешскій народъ, по его словамъ, уже принялъ лозунгомъ настоящія гуманитарныя идеи: „свободу, просвѣщеніе, равенство и братство“. Но, возникаютъ вопросы: дѣйствительно ли принялъ эти идеи весь чешскій народъ? И какъ онъ будетъ опережать ими Европу, когда эти идеи явно заимствованы отъ Европы?

Любопытно, наконецъ, что г. Вѣлчекъ, говоря о будущей блестящей роли чешскаго народа, не упоминаетъ нигдѣ о томъ, чтобы въ этой роли могло имѣть участіе остальное славянство, чтобы этой роли могла такъ или иначе помочь славянская солидарность. Ссылаясь на фактъ новѣйшаго чешскаго возрожденія, онъ умалчиваетъ, что очень важную долю этого явленія составляла именно идея славянской взаимности, которая помогла не мало и внутреннему развитію самой чешской литературы и ея внѣшней репутаціи и вліянію у другихъ племенъ. Надо полагать, что, по мнѣнію автора, чешская образованность—просто одна и сама по себѣ, безъ содѣйствія остальныхъ славянскихъ литературъ и безъ союза съ ними, достаточно сильна, чтобы или „опередить“ самую Европу или, какъ авторъ говорить въ другомъ мѣстѣ, быть передовой на востокѣ Европы...

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшій разборъ книги г. Вѣлка (другія статьи посвящены спеціально чешскимъ предметамъ). Ея общія положенія, какъ видѣлъ читатель, отличаются такой идеалистичностью, что похожи на поэтическую фантазію, которой критика обязана давать большой просторъ. Сдѣлаемъ еще только одно замѣчаніе,—съ котораго начали,—что, несмотря на всѣ многочисленныя толки о славянской взаимности (или единствѣ), эта послѣдняя слишкомъ часто играетъ одну, такъ-сказать форменную роль, далеко не составляя существа между-славянскихъ отношеній; она какъ-то чересчуръ легко забывается не только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о частныхъ интересахъ народностей, но и въ такихъ, болѣе общихъ, гдѣ мы именно ожидали бы ее встрѣтить—какъ, напр. въ тѣхъ гаданіяхъ о будущемъ идеальномъ господствѣ чешскаго народа, какія питаетъ г. Вѣлчекъ. И дѣйствительно, стѣбитъ взять каждую славянскую литературу врасплохъ,—безъ ея форменной одежды, въ какой полагается ей являться въ обществѣ „братевъ“,—и окажется, что частный и мѣстный интересъ (къ сожалѣнію и понимаемый часто слишкомъ узко, или ужъ чересчуръ широко) господствуетъ надъ всякими все-славянскими соображеніями.—Поэтому, мы и думали всегда, что строить что-либо все-славянское можно, только принимая въ соображеніе эти частныя стремленія народностей, потому что въ этихъ стремленіяхъ и заключается ихъ непосредственная жизнь, на нихъ

сосредоточиваются духовныя силы общества; что съ другой стороны эти частныя стремленія должны—по крайней мѣрѣ у разумнѣйшихъ людей—провѣряться и очищаться критикой отъ самообольщеній, и что наконецъ единство возможно только въ примиреніи частныхъ интересовъ на какомъ-либо *высшемъ* принципѣ. — А. А.

III.

- А. Мальцевъ, Нравственная философія утилитаризма. С.-Петербургъ, 1879.
- М. Guyau, la Morale anglaise contemporaine. Morale de l'utilité et de l'évolution. Paris, 1879.

Тема, избранная г. Мальцевымъ и Гюйо, въ сущности одна и та же. Изложеніе системъ утилитарной нравственности предпослано у обоихъ авторовъ критическому ихъ разбору. Г-нъ Мальцевъ начинаетъ первый отдѣлъ своей книги съ древне-греческой философіи, Гюйо—съ Бентама, предшественникамъ котораго въ исторіи утилитаризма посвящено другое сочиненіе того же автора: „la Morale d'Épicure et ses rapports avec les doctrines contemporaines“; во второй, критическій отдѣлъ обѣихъ книгъ имѣетъ предметомъ англійскихъ моралистовъ утилитарной (или, правильнѣе, опытной) школы, причемъ г. Мальцевъ полемизируетъ всего больше съ Дж. Ст. Миллемъ, Спенсеромъ и Бэнномъ, а Гюйо—съ Бентамомъ, Миллемъ и Спенсеромъ. Оба автора—противники утилитаризма, признающіе за нимъ, впрочемъ, большія заслуги; но исходныя ихъ точки и конечныя цѣли существенно различны. Г-нъ Мальцевъ стоитъ на почвѣ науки только одной ногой, главная его опора—въ ея области; Гюйо сражается противъ утилитаризма преимущественно научными орудіями и только въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ метафизическимъ аргументамъ, сознавая, притомъ, ихъ недостаточность и шаткость. Г-нъ Мальцевъ отвергаетъ утилитаризмъ во имя даннаго, готоваго міросозерцанія, построеннаго на авторитетѣ; въ глазахъ Гюйо философія, передъ которою долженъ пасть утилитаризмъ—задача будущаго, для которой только кладутся основанія въ настоящемъ. Г-нъ Мальцевъ примыкаетъ къ интуитивной школѣ моралистовъ; Гюйо возстаетъ противъ этой школы еще рѣшительнѣе, чѣмъ противъ утилитаризма.

„Сущность ученія интуитивной школы,—говоритъ г. Мальцевъ въ введеніи къ своей книгѣ,—сводится къ тому, что нравственныя принципы представляютъ собою нѣчто данное а priori, существующее въ природѣ человѣка съ самаго его рожденія; они совершенно самоочевидны и не требуютъ доказательствъ. Моралисты этой школы, въ противоположность послѣдователямъ утилитарной школы, убѣж-

денъ, что намъ дана самой природой способность непосредственно познавать добро и зло, т.-е. понимать, что нѣкоторыя качества — доброжелательство, честность, правдивость — выше и совершеннѣе другихъ, и что мы обязаны поэтому ихъ развивать и укрѣплять въ себѣ, а противоположныя имъ подавлять и уничтожать". Въ текстѣ книги, возражая противъ мнѣнія Спенсера о постепенномъ образованіи, путемъ опыта, нравственныхъ понятій, г. Мальцевъ приводитъ два—три факта, свидѣтельствующіе о высокомъ развитіи у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ правдивости и вѣрности своему слову, и затѣмъ восклицаетъ: „очевидно, что правила нравственности всегда и съ самаго начала представлялись человѣческому сознанію какъ абсолютно-обязательныя". Проще и смѣлѣе рѣшить спорный вопросъ не могъ бы самый крайній приверженецъ интуитивной школы. До извѣстной степени, однако, это рѣшеніе скоро берется назадъ самимъ г. Мальцевымъ. „Нравственныя убѣжденія и правила — говорить онъ нѣсколькими страницами дальше — вырабатываются только по мѣрѣ накопленія отдѣльныхъ случаевъ, по мѣрѣ образованія цѣлыхъ и длинныхъ рядовъ опытовъ. При общемъ согласіи въ исполненіи тѣхъ или другихъ нравственныхъ правилъ, послѣднія объективируются и, какъ одобренныя нравственнымъ чувствомъ каждаго, становятся eo ipso для каждаго обязательными". Объ *абсолютной*, съ *самата начала* обязательности правилъ, слагающихся медленна и постепенно, очевидно не можетъ быть и рѣчи; общее согласіе, о которомъ упоминаетъ г. Мальцевъ, очевидно, не можетъ установиться сразу. Непосредственно данными отъ природы оказываются, въ концѣ-концовъ, не нравственныя правила, не нравственные принципы, а только нравственное чувство, опредѣляемое г. Мальцевымъ какъ *способность* — отличная отъ всѣхъ другихъ — сравнивать качества и дѣйствія, различать хорошее отъ дурного, отдавать предпочтеніе первому передъ послѣднимъ. Если и признать, вопреки новѣйшей психологіи, существованіе отдѣльныхъ способностей, отдѣльныхъ функций души, то все-таки останется неразъясненнымъ, какимъ образомъ чувство, предоставленное самому себѣ, можетъ *сравнивать*, т.-е. производить изслѣдованіе предметовъ. Оно неизбежно должно пользоваться при этомъ указаніями опыта, собственнаго или чужого, — а такъ какъ указанія эти далеко не всегда и не вездѣ одинаковы, то и результатъ сравненія въ различныхъ случаяхъ не можетъ быть одинъ и тотъ же. Нравственное чувство является, такимъ образомъ, только формой, въ которую можетъ быть вложено самое разнородное содержаніе. Положимъ, что оно говоритъ въ дикарѣ съ такою же силой, какъ и въ цивилизованномъ человѣкѣ; но одно ли и то же оно имъ подсказываетъ? По мнѣнію дикарей, убить побѣжденнаго врага —

хорошо, оставить его въ живыхъ—дурно; подъ вліяніемъ этого мнѣнія, нравственное чувство дикаря побуждаетъ его къ убійству—но что же могутъ извлечь отсюда въ свою пользу моралисты интуитивной школы? „Различія нравственныхъ сужденій,—говоритъ г. Мальцевъ,—часто возникаютъ вовсе не изъ среды предписаній нравственнаго чувства, но обуславливаются причинами чисто интеллектуальнаго характера, опираются на положительныя законодательства, на массу укоренившихся въ каждомъ обществѣ обычаевъ и привычекъ... Вѣдѣнія нравственнаго чувства могутъ быть нерѣдко подавлены, искажены, могутъ даже и совершенно заглухнуть—но все это еще не служитъ аргументомъ противъ *существованія* нравственнаго чувства“. Да,—если нравственное чувство сводится къ сознанію различія между условно-хорошимъ и условно-дурнымъ, т. е. хорошимъ и дурнымъ съ точки зрѣнія отдѣльнаго человѣка; нѣтъ, если нравственное чувство—критерій для опредѣленія абсолютно-хорошаго и абсолютно-дурного. Чтобы остаться вѣрнымъ своей основной мысли, г. Мальцевъ долженъ былъ по меньшей мѣрѣ доказать, что побѣдѣ причинъ „чисто интеллектуальнаго характера“ надъ „предписаніями нравственнаго чувства“ предшествуетъ борьба, что нравственное чувство атрофируется постепенно, отступаетъ шагъ за шагомъ. Ничего подобнаго онъ даже не пытается сдѣлать. Напрасно онъ думаетъ, что, допустивъ наслѣдственную передачу извѣстныхъ эмоцій, или, лучше сказать, предрасположеній къ извѣстнымъ эмоціямъ, новѣйшіе утилитаристы сдѣлали большой шагъ къ сближенію съ интуитивной школой. Между нравственнымъ чувствомъ, какъ чѣмъ-то даннымъ а priori, чѣмъ-то всегда и вездѣ самому себѣ равнымъ, и зародышемъ нравственнаго чувства, существующимъ въ ребенкѣ, какъ въ наслѣдникѣ цѣлаго ряда поколѣній, нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Гораздо правильнѣе было бы сказать, что такіе приверженцы интуитивной школы, какъ г. Мальцевъ, дѣлаютъ большой шагъ по направленію къ своимъ противникамъ, признавая образованіе правилъ нравственности путемъ накапливающагося опыта. Въ систему опытной нравственной философіи понятіе о наслѣдственности тѣхъ или другихъ предрасположеній можетъ быть введено безъ всякой непоследовательности, такъ какъ фактъ наслѣдственной передачи подлежитъ, наравнѣ съ другими, наблюденію и опыту, и нисколько не исключаетъ апостериорнаго происхожденія правилъ нравственности; въ систему интуитивной нравственности—уступки или оговорки въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлаетъ г. Мальцевъ, вносятъ двойственность, подрывающую самыя основы системы. Стремленіе совмѣстить несовмѣстимое неизбежно влечетъ за собою противорѣчія, примѣры которыхъ у г. Мальцева мы еще увидимъ. Эклектизмъ автора выражается

даже въ цитатахъ, которыя онъ заимствуетъ, съ одинаковымъ одобреніемъ, у г. Михайловскаго и у г. Чичерина, или г. Тернера, у сотрудниковъ „Слова“ и у сотрудниковъ „Русскаго Вѣстника“, у Вундта или Литтре и у Жана, Карро, нѣмецкихъ богослововъ.

Отношеніе Гюйо къ интуитивной школѣ свободно отъ всякихъ колебаній и противорѣчій. Интуитивная нравственность, въ его глазахъ, несостоятельна уже потому, что она обречена на неподвижность—а наука не можетъ существовать безъ движенія; въ основаніи интуитивной нравственности лежитъ нѣчто абсолютное—а наука признаетъ и допускаетъ только относительное. Борьба съ интуитивной школой кажется Гюйо совершенно излишней, опроверженіе ея доктринъ—дѣломъ вполне законченнымъ. Противопоставить утилитаризму, по мнѣнію Гюйо, можно только новую систему—систему идеальной нравственности или нравственной свободы. Ошибочно было бы заключить отсюда, что Гюйо—приверженецъ метафизическаго ученія о свободѣ воли, котораго, повидимому, держится г. Мальцевъ; онъ склоняется скорѣе на сторону детерминазма и видитъ въ свободѣ не причину, а конечную цѣль человѣческихъ дѣйствій. „Основнымъ началомъ нашей дѣятельности,—говоритъ онъ,—свободу считать нельзя; но пускай она будетъ типомъ, идеаломъ, къ которому мы хотимъ приблизиться; пускай она вліяетъ на насъ не какъ направляющая, а какъ притягательная сила, какъ идея, сознаваемая нами. Свобода, такимъ образомъ понятая, была бы не абсолютною независимостью личности, а независимостью ея отъ низшихъ ея побужденій, безпрепятственнымъ движеніемъ въ нормальномъ направленіи воли“. Въ чемъ же заключается это нормальное направленіе? Если бы послѣднимъ его словомъ было приспособленіе личности къ окружающимъ ее условіямъ,—приспособленіе, вызываемое необходимостью и различное для каждой особи,—то система идеальной свободы ничѣмъ не отличалась бы отъ Спенсеровскаго эволюціонизма; но не слѣдуетъ ли признать, что есть идеалъ, общій для всѣхъ людей и независимый отъ условій, въ которыя они поставлены? Внѣшнимъ, безконечно разнообразнымъ формамъ эволюціи не соответствуетъ ли внутреннее стремленіе, всѣмъ общее и постоянно одинаковое—стремленіе къ полному, всестороннему развитію вложенной въ каждого силы, а слѣдовательно и къ согласію, къ гармоніи, къ всеобщей свободѣ? Тождество цѣли предполагаетъ внутреннее единство всего стремящагося къ ней. Свобода, какъ всеобщая цѣль, является, такимъ образомъ, всеобщей причиной; понятія о причинѣ и цѣли сливаются въ одно и составляютъ общее основаніе для нравственности, ведущей къ осуществленію идеала. Нравственность, въ этомъ смыслѣ, по истинѣ можетъ быть названа *нравственностью совершенства*, обязывающею

каждаго достигнуть наивысшей возможной для него степени развитія а такъ какъ развиваться, совершенствоваться—значить жить полною жизнью, то жизнь и нравственность соединяются въ одномъ смѣломъ синтезѣ. Такова система идеальной нравственности, идущая на смѣну умирающей или уже умершей интуитивной доктрины и призванная восполнить пробѣлы утилитаризма. Очеркъ этой системы, сдѣланный Гюйо—скорѣе догадка, чѣмъ утвердительное разрѣшеніе вопроса. Возраженія, которыя она можетъ вызвать, Гюйо заранѣе предвидитъ; къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ даже готовъ присоединиться. Онъ чувствуетъ шаткость гипотезы, фактическая повѣрка которой невозможна, по крайней мѣрѣ въ настоящее время; онъ далекъ отъ мысли о ея непогрѣшимости и выставляетъ ее лишь для обозначенія пути, по которому *впрямую* пойдетъ нравственная философія будущаго. Съ этой точки зрѣнія гипотеза Гюйо—или, лучше сказать, тѣхъ новѣйшихъ французскихъ писателей (въ особенности Фулье), у которыхъ онъ ее заимствуетъ—является одною изъ многихъ попытокъ соединить научный детерминизмъ съ практически чувствуемою необходимостью въ признаніи нравственной свободы ¹⁾. Она обращена, во всякомъ случаѣ, впередъ, а не назадъ, апеллируетъ къ изслѣдованію, а не къ авторитету, и заключаетъ въ себѣ, слѣдовательно, залогъ дальнѣйшаго развитія.

Неопредѣленное положеніе, занятое г. Мальцевымъ на границѣ двухъ міросозерцаній, отзывается, въ болѣе или меньшей степени, на всемъ критическомъ отдѣлѣ его книги. Какъ историкъ нравственной философіи, онъ приходитъ иногда къ одному выводу, какъ моралистъ, имѣющій въ запасѣ готовые отвѣты на всѣ вопросы—къ другому, противоположному. На стр. 194—195, мы читаемъ слѣдующее: „Начавъ съ прямого антитезиса доктринѣ стоицизма, утилитарная доктрина мало по малу старается не только приблизиться къ стоицизму, но и усвоить себѣ всѣ лучшія качества и стороны другихъ системъ нравственности, и въ концѣ-концовъ, въ лицѣ доктрины Милля, дойти до тѣснѣйшаго сближенія или, по крайней мѣрѣ, непротиворѣчія нравственному ученію христіанства“. На стр. 338, авторъ рассуждаетъ уже совершенно иначе. „Если мы возьмемъ“, говоритъ онъ, „даже такіа возвышенныя доктрины утилитаризма, какова доктрина Милля, то хотя онѣ и представляются на первый разъ чуждыми какихъ бы то ни было эгоистическихъ тенденцій и включающими въ себя всѣ самыя высокія и идеальныя нравственныя

¹⁾ Такія попытки существуютъ и въ нашей литературѣ; укажемъ, для примѣра, на главу „Объ элементѣ необходимости въ исторіи“ въ „Опытѣ исторіи мысли“ (Спб., 1875 г.).

требованія, но при тщательномъ изслѣдованіи оказывается, что онѣ далеко не утрачиваютъ свойственной всему утилитарному направленію эгоистической тенденціи... Сравнивая ближайшимъ образомъ принципы дѣйствія по воззрѣніямъ христіанской и утилитарной нравственности, мы находимъ, что различіе ихъ по общему содержанію есть различіе полное и принципиальное". Если слѣдовать указаніямъ самого г. Мальцева, то первое изъ двухъ приведенныхъ нами мнѣній пришлось бы признать результатомъ недостаточно тщательнаго изслѣдованія вопроса; но разгадка противорѣчія заключается не въ этомъ, а именно въ двойственности взглядовъ г. Мальцева. Еще ярче она выразилась въ примѣчаніи на той же страницѣ 338-й, въ которомъ авторъ не только констатируетъ эгоистическій характеръ всѣхъ добродѣтельныхъ поступковъ въ древности, но и усвоиваетъ себѣ слѣдующую характеристику не-христіанскихъ добродѣтелей, сдѣланную Меланхтономъ: „Сократъ отличался постоянствомъ, Ксенократъ—цѣломудріемъ, Зенонъ—воздержаніемъ; но такъ какъ эти качества коренились въ нечистыхъ душахъ, то должны быть разсматриваемы не какъ настоящіе добродѣтели, а какъ пороки". Что такое въ взглядѣ реформатора XVI-го вѣка—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что его можетъ находить прекраснымъ современный писатель, хорошо знакомый съ европейской наукой—это фактъ, заслуживающій вниманія. Прежде чѣмъ согласиться съ Меланхтономъ, г. Мальцеву слѣдовало бы вспомнить хотя бы сказанное имъ самимъ въ началѣ книги (стр. 17): „для Сократа добродѣтель была результатомъ самаго высокаго взгляда на природу и назначеніе человѣка". Слишкомъ рѣшительный въ отзывѣ объ античной добродѣтели, г. Мальцевъ недостаточно рѣшителенъ по такимъ вопросамъ, безъ предварительнаго уясненія которыхъ трудно построить теорію нравственности. Таково, напримѣръ, его отношеніе къ закону эволюціи, о которомъ онъ говоритъ слѣдующее: „не должно забывать, что этотъ законъ, при всей его популярности (только популярности?), особенно среди англійскихъ и отчасти нѣмецкихъ изслѣдователей, не чуждъ и довольно сильныхъ возраженій какъ въ его приложеніи къ объясненію явленій въ сферѣ біологіи, такъ и, тѣмъ болѣе, къ области психическихъ и социальныхъ отношеній. Общіе предположенія въ пользу закона эволюціи не говорятъ еще о томъ, что въ немъ не можетъ встрѣчаться исключеній, наибольшая вѣроятность которыхъ должна, безъ сомнѣнія, падать на такую область, какъ область нравственно-справедливаго". Совершенно иначе поставленъ этотъ вопросъ въ книгѣ Гюйо. Онъ, не колеблясь принимаетъ послѣдніе выводы науки, онъ не пугается при мысли о примѣнимости закона эволюціи къ правиламъ нравственности; онъ указываетъ только на то, что въ этой средѣ борьба,

предполагаемая закономъ эволюціи, можетъ измѣнить и вѣроятно измѣнить свой характеръ. „Мѣсто силы займетъ истинно-нравственная воля. Подборъ будетъ продолжаться, но иначе, чѣмъ прежде. Борьба за добро и справедливость, за нравственную жизнь замѣнитъ собою или по крайней мѣрѣ смягчитъ насильственную борьбу за матеріальныя блага жизни; торжество станетъ удѣломъ тѣхъ, кто всѣхъ выше поставитъ свой идеалъ и всѣхъ больше употребитъ усилий для его достиженія. Изъ этого нравственного подбора человечество будетъ выходить все лучшимъ и лучшимъ. Менѣе добрые будутъ не уничтожаемы—какъ это бываетъ съ менѣе сильными въ обыкновенной борьбѣ за существованіе,—а возвышаемы, исправляемы; вмѣсто того, чтобы быть преградой для эволюціи, они сдѣлаются ея опорой“. Само собою разумѣется, что предсказаніе Гюйо не претендуетъ на строгую точность; это гипотеза, пожалуй—даже мечта, но мечта, не заключающая въ себѣ ничего неосуществимаго и могущая воодушевить къ участію въ борьбѣ за нравственность и справедливость, которая давно уже началась и продолжается передъ нашими глазами.

Въ короткой библіографической замѣткѣ мы могли дать только общее понятіе о книгахъ г. Мальцева и Гюйо; подробностей полемики ихъ противъ утилитаризма мы касаться не будемъ. Не трудно угадать, что преимущество и здѣсь на сторонѣ французскаго писателя; твердость и опредѣленность его исходной точки не могли не отразиться на всѣхъ частяхъ его изслѣдованія. Критика утилитаризма у Гюйо идетъ гораздо глубже и гораздо больше исчерпываетъ предметъ, чѣмъ у г. Мальцева. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить, напримѣръ, возраженія, мимоходомъ приводимыя г. Мальцевымъ противъ количественной оцѣнки удовольствій, съ двумя главами, посвященными у Гюйо разбору такъ-называемой *арифметической морали* Бентама. Одна изъ самыхъ важныхъ частей ученія Милля—объ установленіи солидарности интересовъ путемъ воспитанія и реформъ въ общественномъ устройствѣ—оставлена г. Мальцевымъ почти безъ вниманія, между тѣмъ какъ въ книгѣ Гюйо ей отведено надлежащее мѣсто. Можно находить, что Гюйо недостаточно справедливъ къ утилитаризму, что слабыя стороны оспориваемой имъ системы выступаютъ у него на видъ рельефнѣе, чѣмъ сильныя; но къ книгѣ г. Мальцева эти замѣчанія примѣнимы въ несравненно большей степени. Лучшее въ ней—историческій обзоръ утилитаризма, первая часть котораго (до Бентама) можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ книгѣ Гюйо.

IV.

— *В. Болотовъ. Ученіе Оригена о Святѣйшій Троицѣ. С.-Петербургъ, 1879.*

Трудъ г. Болотова, какъ и только-что разобранная нами книга г. Мальцева, какъ и упомянутое нами въ февральскомъ обзорѣннѣ изслѣдованіе г. Остроумова о Синазитѣ, епископѣ итолемандскомъ — диссертация, написанная для полученія ученой степени въ одной изъ нашихъ духовныхъ академій. Сочиненія гг. Мальцева и Остроумова, особенно первое, представляютъ интересъ не для однихъ только специалистовъ; о книгѣ г. Болотова нельзя сказать того же самаго. Ученіе Оригена, взятое въ цѣломъ, составляетъ довольно крупный фактъ въ исторіи церкви и религіозной мысли; но г. Болотовъ беретъ только одну сторону этого ученія и налагаетъ ее съ такою подробностью, какъ-будто бы споръ между приверженцами и противниками Оригена продолжался до нашего времени, какъ-будто бы авторъ книги и его читатели живутъ не въ XIX-мъ, а въ III-мъ или IV-мъ вѣкѣ по Р. Х. Подобныя изслѣдованія встрѣчаются, правда, и въ западно-европейской богословской литературѣ; но тамъ они находятъ особую публику и занимаютъ мѣсто среди цѣлаго ряда монографій, служащихъ матеріаломъ для работъ болѣе широкихъ, болѣе обще-интересныхъ (въ родѣ церковной исторіи Баура и т. п.). Съ перваго взгляда можно предположить, что г. Болотовъ имѣлъ въ виду пополнить пробѣлъ, существующій въ западной богословской литературѣ, установить такой общій взглядъ на ученіе Оригена, какова она не представляетъ; но предположеніе это разрушается самимъ авторомъ. „Такого изслѣдованія, — говоритъ онъ въ самомъ концѣ книги, — въ которомъ были бы приняты во вниманіе всѣ мнѣнія Оригена объ отношеніи лицъ св. Троицы, богатая западная богословская литература не представляетъ, а причина этого лежитъ не въ произволѣ изслѣдователей, а прежде всего — въ самыхъ данныхъ Оригена, которые, по признанію одного изъ самыхъ тщательныхъ ученыхъ, не поддаются логическому обобщенію“. Итакъ, пробѣлъ есть, но восполнить его нельзя; не восполнилъ его, слѣдовательно, и г. Болотовъ. Изъ предисловія мы узнаемъ, что опредѣлить гомеизисъ ученія Оригена, показать происхожденіе его изъ предшествовавшихъ ему воззрѣній, г. Болотовъ также считаетъ невозможнымъ. Соображенія его по этому предмету кажутся намъ мало убѣдительными. По собственнымъ словамъ г. Болотова, нѣтъ недостатка въ памятникахъ, объясняющихъ общее отношеніе ученія Оригена къ прошедшему, опредѣляющихъ значеніе и мѣсто Оригена въ ряду

представителей богословской мысли. Что же мѣшаетъ, въ такомъ случаѣ, установить внутреннюю связь между Оригеномъ и его предшественниками? Неужели оцѣнка писателя или мыслителя съ исторической точки зрѣнія непременно требуетъ точнаго указанія источниковъ, которыми онъ пользовался, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свои взгляды? Что важнѣе, напримѣръ, для характеристики Лютера — опредѣлить со всею подробностью, кого изъ предшествовавшихъ ему богослововъ онъ читалъ и изучалъ, или связать его дѣятельность съ прежними попытками реформы, хотя бы и нельзя было доказать, что онъ были ему хорошо извѣстны? Изъ этихъ двухъ задачъ, задачей низшаго порядка — говоря словами г. Волотова — безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать первую. Г-нъ Волотовъ держится противоположнаго мнѣнія — и это вполне согласно съ общимъ духомъ его сочиненія, составляющаго продуктъ сухой, мертвой эрудиціи, а не историческое изслѣдованіе, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

V.

— А. П. Субботинъ. Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ, съ предисловіемъ кн. А. И. Васильчикова. Спб., 1880.

По инициативѣ кн. Васильчикова, г. Субботинъ, съ помощью В. И. Межова, составилъ списокъ сочиненій и статей (на русскомъ языкѣ), посвященныхъ вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ. Трудъ этотъ нельзя не признать весьма полезнымъ, особенно въ настоящее время, когда вопросъ о податной реформѣ стоитъ на очереди и приближается — по крайней мѣрѣ, въ одной своей части — къ давно ожидаемому разрѣшенію. Въ составленный г. Субботиннымъ указатель вошло 1,218 названій (книгъ, отдѣловъ книгъ, сборниковъ, официальныхъ изданій, журнальных и газетныхъ статей); изъ нихъ 92 относятся къ финансамъ вообще, 128 — къ прямымъ налогамъ вообще, 52 — къ подушной подати и сборамъ съ евреевъ и инородцевъ, 86 — къ повинностямъ вообще, 83 — къ повинностямъ дорожной, подводной и квартирной, 257 — къ военной повинности, 113 — къ налогу съ недвижимостей и земельному кадастру, 62 — къ промысловому налогу, 25 — къ горнымъ податямъ, 9 — къ лѣснымъ сборамъ, 55 — къ пошлинамъ, 82 — къ земскимъ налогамъ, 80 — къ вопросу о преобразованіи прямыхъ налоговъ и о введеніи налога подоходнаго, 94 — къ финансамъ другихъ государствъ. Изъ этого перечня видно, по какимъ отдѣламъ распределены приводимыя г. Субботиннымъ статьи и книги. Въ каждомъ отдѣлѣ онъ размѣщены по порядку ихъ появленія. О нѣкоторыхъ изъ нихъ (всего о 180) сдѣланы ко-

роткія замѣтки, въ большинствѣ случаевъ не идущія дальше указа-
нія на сущность статьи или книги, иногда заключающія въ себѣ
едва мотивированное одобреніе ея или порицаніе. Встрѣчаются
также ссылки на отзывы и рецензіи, помѣщенные въ періодическихъ
изданіяхъ. Въ предисловіи г. Субботинъ бросаетъ бѣглый взглядъ
на современное положеніе у насъ финансоваго законодательства и
финансовой литературы. Онъ видитъ недостатки перваго, но съ осо-
бенною строгостью относится къ послѣдней, впадая при этомъ въ
нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою. „Въ ученыхъ диссерта-
ціяхъ, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ о трудахъ нашихъ *доморо-*
щенныхъ финансистовъ (которымъ онъ почему-то противопоставляетъ
финансистовъ *патентованныхъ*), — до сихъ поръ мало затрогивается
русскій финансовый строй; авторы, видимо, не привыкли становиться
на реальную почву, а любятъ витать въ области научныхъ принци-
повъ, гипотезъ, эмпирическихъ выводовъ и полемическихъ хитроспле-
тений“. „Труды нашихъ финансистовъ, — читаемъ мы двумя страни-
цами ниже, — какъ доморощенныхъ, такъ и патентованныхъ, если и
не имѣютъ многихъ научныхъ достоинствъ, за то содержатъ много
фактовъ и почти всегда обращаютъ вниманіе на историческую сто-
рону“. Какимъ образомъ можно витать въ области принциповъ
— и вмѣстѣ съ тѣмъ давать много фактовъ; избѣгать реальной
почвы — и вмѣстѣ съ тѣмъ обращать вниманіе на историческую сторону
предмета — этого авторъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ. Въ дру-
гомъ мѣстѣ г. Субботинъ, признавая необходимость распростра-
ненія въ обществѣ научныхъ свѣдѣній по финансамъ, указываетъ
два средства къ достиженію этой цѣли — переводъ лучшихъ ино-
странныхъ курсовъ финансовой науки и популяризацію финансовой
науки; но вслѣдъ затѣмъ онъ прибавляетъ: „популярныя статьи и
брошюры, хотя и появляются изрѣдка, но лучше, еслибы ихъ вовсе
не было; безъ научной подготовки читателей такіе труды могутъ
только спутать ихъ взгляды“. Итакъ, популяризація финансовой
науки въ одно и то же время и полезна, и вредна; нужно подо-
ждать *научной подготовки* читателей, — но когда она будетъ окон-
чена, популяризація, очевидно, перестанетъ быть необходимой. „Го-
сударственное хозяйство, — по словамъ г. Субботина, — обсуждается въ
деталяхъ вкривъ и вкосъ нашими печатными органами; между тѣмъ,
финансовая администрація работаетъ въ тиши и приготовляетъ нѣчто
способное обновить нашъ обветшавшій финансовый строй“. Если та-
ковъ контрастъ между мудростью администраціи и безразсудствомъ
или легкомысліемъ печати, то можно только удивляться, зачѣмъ
г. Субботинъ взялъ на себя трудъ перечислить въ своемъ указателѣ
747 журнальныхъ и газетныхъ, *вкривъ и вкосъ* толкующихъ статей;

неужели только для того, чтобы убѣдиться самому и убѣдить другихъ въ несостоятельности нашей печати въ обсужденію финансовыхъ вопросовъ? Впрочемъ, въ книгѣ г. Субботина важно не предисловіе—важна библиографическая часть, значеніе которой не уменьшается явно несправедливымъ отношеніемъ автора къ нашей періодической литературѣ.

VI.

— *Эдурдъ Дауденъ. Шекспиръ, критическое изслѣдованіе его мысли и творчества.*
Переводъ Л. Д. Черновой. Спб., 1880.

Интересъ къ Шекспиру возбужденъ теперь въ русской публикѣ сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, за исключеніемъ развѣ того времени, когда его благоговѣнно изучали, въ связи съ Гегелемъ, въ московскихъ литературныхъ кружкахъ конца тридцатыхъ годовъ, когда его начиналъ переводить г. Кетчеръ, когда о немъ писали Бѣлинскій и В. Боткинъ. Произведенія Шекспира, въ прекрасныхъ, болѣею частью, переводахъ, собранныхъ Некрасовымъ и г. Гербе-лемъ, вышли въ свѣтъ уже вторымъ изданіемъ; за переводомъ обширнаго сочиненія Гервинуса о Шекспирѣ послѣдовалъ переводъ монографіи Жене о томъ же предметѣ; одинъ изъ молодыхъ нашихъ ученыхъ—Н. И. Стороженко—посвятилъ себя специально изученію Шекспира и его эпохи; въ Петербургѣ и Москвѣ образовались небольшіе кружки для чтенія и разбора шекспировскихъ комедій и трагедій. Если сравнить, однако, нашу шекспировскую литературу съ англійской, съ нѣмецкой, даже съ французской, то она, конечно, окажется крайне скудной, обогащеніе ея переводомъ хорошо избранныхъ иностранныхъ сочиненій—весьма желательнымъ. Переводъ книги Даудена является тѣмъ болѣе кстати, что наша публика всего менѣе знакома именно съ англійскими сочиненіями о Шекспирѣ. Изъ нѣмецкихъ авторовъ мы имѣемъ въ переводѣ Гервинуса и Жене, Римелина знаемъ по статьѣ г. Стороженко, Рётгера, Ульрици и другихъ шекспирологовъ старой школы—по статьямъ Бѣлинскаго; „Исторія англійской литературы“ Тэна, значительный отдѣлъ которой посвященъ Шекспиру, также переведена на русскій языкъ; но изъ англійской шекспировской литературы у насъ, если не ошибаемся, не было до сихъ поръ переведено рѣшительно ничего. Сочиненіе Даудена можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ сочиненію Жене, съ которымъ у него много общаго по свободному, простому отношенію къ Шекспиру ¹⁾. У Жене можно найти больше свѣдѣній объ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи Жене и Дауденъ, какъ и Римелинъ, составляютъ контрастъ съ Гервинусомъ, слишкомъ склоннымъ къ натяжкамъ, къ морализированію, къ

эпохъ Шекспира, о его предшественникахъ и современникахъ, объ англійскомъ театрѣ его времени, объ источникахъ, изъ которыхъ заимствованы сюжеты его комедій и трагедій; у Даудена — больше критическихъ замѣтокъ, больше указаній на главныя драсоты шекспировскихъ произведеній, на міросозерцаніе поэта, насколько оно въ нихъ отразилось. Кромѣ собственнаго взгляда, Дауденъ часто сообщаетъ отзывы другихъ писателей, въ особенности англійскихъ. Книга Жене имѣетъ болѣе сухой, болѣе справочный характеръ, что доказывается уже почти совершеннымъ отсутствіемъ въ ней цитатъ изъ Шекспира; книга Даудена, наоборотъ, наполнена цитатами, приводимыми въ подтвержденіе того или другого мнѣнія автора. Матеріалъ распределенъ у Даудена болѣе равномерно, чѣмъ у Жене; Дауденъ останавливается всего больше именно на томъ, что всего болѣе заслуживаетъ вниманія — о Жене нельзя сказать того же самаго; о „Венеціанскомъ купцѣ“, напримѣръ, у него сказано больше, чѣмъ о „Макбетѣ“ или „Отелло“. Особенною глубиною сужденія Даудена не отличаются; это болѣею частью только впечатлѣнія, но впечатлѣнія человека, живо чувствующаго неотразимую силу Шекспира и понимающаго его величіе. Всего больше удался Даудену разборъ „Ромео и Джульетты“, историческихъ драмъ и „Короля Лира“; въ разборѣ „Гамлета“ очень хороша характеристика Офеліи. Хитро-сплетенное толкованіе, на подобіе тѣхъ, которыми такъ богата старая нѣмецкая критика, мы встрѣчаемъ у Даудена только одно: это аллегорическое объясненіе, предлагаемое имъ — не особенно настойчиво, впрочемъ — для „Бури“. Онъ думаетъ, что въ Просперо Шекспиръ хотѣлъ изобразить великаго художника, котораго носятъ туда и сюда волны житейскаго моря, пока онъ не находитъ наконецъ очарованный островъ — уединеніе, удобное для осуществленія его плановъ. Онъ уноситъ съ собою искусство въ его младенчествѣ — Миранду; онъ подчиняетъ себѣ болѣе грубыя страсти и влеченія — Калибана. Эти грубыя страсти хотятъ насиловать чистоту искусства, но Просперо охраняетъ ее и передаетъ неприсвоенной Фердинанду, въ которомъ Дауденъ видитъ молодого сотрудника и послѣдователя Шекспира — Флетчера. Изъ великаго художника вообще Просперо обращается, такимъ образомъ, уже прямо въ Шекспира. Аріель — гений поэтической фантазіи, освобожденный Шекспиромъ отъ долгаго рабства. Когда Просперо покидаетъ свой островъ — это Шекспиръ покидаетъ театръ, сцену своихъ чудныхъ твореній. Никакихъ серьезныхъ основаній для своего мнѣнія Дауденъ не приводитъ и при-

отмечиванію поучительныхъ выводовъ, которыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду Шекспиръ.

вести не можеть; онъ даже самъ колеблеть его, признавая, что „Генрихъ VIII“, — часть котораго безспорно принадлежитъ Шекспиру, — написанъ послѣ „Бури“. Неуловимая фантастическая прелесть „Бури“ можеть только пострадать отъ усилій приискать для нея слишкомъ реальную подкладку.

VII.

— *Alfred Espinas, la Philosophie expérimentale en Italie. Paris, 1880.*

Философское движеніе, начавшееся въ Италіи лѣтъ пятнадцать тому назадъ, вскорѣ послѣ политическаго объединенія ея, мало извѣстно въ Европѣ и почти вовсе неизвѣстно въ Россіи ¹⁾; между тѣмъ оно представляетъ много замѣчательнаго, и всякая попытка популяризовать его результаты заслуживаетъ полнаго вниманія. Такая попытка сдѣлана во Франціи Альфредомъ Эспина (авторомъ интереснаго изслѣдованія объ обществахъ, образуемыхъ животными), избравшимъ за образецъ извѣстнаго сочиненія Рибо объ англійской и нѣмецкой современной психологіи ²⁾. Обзору итальянской опытной философіи Эспина предпослалъ вступленіе, по которому можно судить о собственномъ его философскомъ міросозерцаніи. Согласно съ Рибо, онъ признаетъ за философіей право касаться самыхъ высшихъ, послѣднихъ проблемъ бытія; онъ не допускаетъ существованія опредѣленной, неподвижной границы, за которой начинается *непознаваемое*. Въ противоположность Рибо, онъ считаетъ философію *наукой*, сохраняющей, — т.-е. могущей сохранить — научный характеръ, какихъ бы предметовъ, какихъ бы задачъ она ни касалась. Въ этомъ отношеніи точка зрѣнія Эспина совпадаетъ съ точкой зрѣнія большинства новѣйшихъ итальянскихъ философовъ. Они примыкаютъ къ позитивизму, но расширяютъ его рамки; они отвергаютъ метафизику, но не хотятъ допустить, чтобы каждое изслѣдованіе объ абсолютномъ было по необходимости изслѣдованіемъ метафизическимъ. Они твердо помнятъ, что всякая философская доктрина имѣетъ только относительное значеніе, что претендуя на нѣчто болѣе, она перестаётъ быть философіей; но они не видятъ въ этомъ препятствія

¹⁾ Само собой разумѣется, что мы имѣемъ въ виду только массу нашей читающей публики, а не тѣхъ немногихъ писателей, которые специально занимаются философіей. Перечисленіе итальянскихъ книгъ, посвященныхъ въ особенности контовскому позитивизму, можно найти въ сочиненіи г. Лесевича; „Опытъ критическаго изслѣдованія основанаго позитивной философіи“ (Спб., 1877).

²⁾ См. Литературное обозрѣніе въ „Вѣстникѣ Европѣ“ за 1879 г., № 9.

къ постройкѣ системъ, соотвѣтствующихъ современному положенію знаній. „Подобно другимъ европейскимъ націямъ“, говоритъ Эспина, „Италія имѣетъ самостоятельныхъ мыслителей, твердо рѣшившихся жить сообразно съ своими научными вѣрованіями. Они убѣждены, что одного разума достаточно и для удовлетворенія нравственныхъ потребностей личности, и для политической организаціи обществъ“.

Основателями новой итальянской философіи могутъ считаться Джойа и Романьози, жившіе въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка. Они были учениками французскихъ энциклопедистовъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могутъ быть причислены къ предшественникамъ позитивизма. Еще ближе подходитъ къ Конту современникъ его, мало извѣстный неаполитанскій философъ де-Грація, отвергавшій метафизику и допускавшій только наблюденіе. Нѣсколько позже въ Италію проникаетъ гегелианизмъ, образующій цѣлую школу, центромъ которой былъ Неаполь. Параллельно съ нимъ распространяется спиритуализмъ, въ особенности благодаря временному союзу итальянскихъ патріотовъ (гр. Маміани и др.) съ національной партіей въ средѣ католическаго духовенства (Росмини, Джоберти). Борьба съ этими теченіями немногимъ ученикамъ Романьози, — Феррари, Каттанео, было тѣмъ труднѣе, что они наслѣдовали отъ своего учителя склонность къ федерализму, а на очереди стоялъ вопросъ объ объединеніи Италіи. Феррари былъ, притомъ, не столько философомъ, сколько политическимъ писателемъ; онъ не оставилъ ни одного ученика, его парадоксальныя взгляды на исторію прошли безслѣдно ¹⁾. Вліяніе Каттанео теперь, наоборотъ, сильнѣе, чѣмъ при его жизни; онъ служитъ соединительнымъ звеномъ между итальянскимъ сенсуализмомъ XVIII-го вѣка и современнымъ итальянскимъ нео-позитивизмомъ. Основные черты его ученія слѣдующія: метафизика вовсе не можетъ считаться наукой; доступны нашему изученію только явленія, феномены; философія строится изъ обобщеній, матеріалъ для которыхъ даютъ частныя науки; всѣ наши знанія составляютъ одно цѣлое, дополняя и разъясняя другъ друга; психологія состоитъ въ тѣсной связи съ естественными науками и должна быть изучаема въ исторіи человѣчества, а не только въ жизни отдѣльнаго человѣка.

Перехода къ современному положенію философіи въ Италіи, Эспина разсматриваетъ сначала общія философскія системы, потомъ философію въ прижизненіи къ біологіи, наконецъ, философію въ при-

¹⁾ Основная мысль Феррари заключается въ томъ, что исторія каждого народа дѣлится на періоды, продолжающіеся по 125 лѣтъ и обнимающіе собою смѣну четырехъ поколѣній: приготавительнаго, революціоннаго, реакціоннаго и завершительнаго.

мѣненіи къ соціологическимъ вопросамъ. Первыми провозвѣстниками позитивизма въ Италіи были (около половины шестидесятихъ годовъ) не философы по профессіи, а историки—Виллари (авторъ извѣстныхъ сочиненій о Савонаролѣ и Маккіавелли) и Марселли. Знакома своихъ соотечественниковъ съ Контомъ, они не во всемъ, однако, слѣдуютъ его ученію; они допускаютъ изслѣдованіе первыхъ причинъ, устраняемое французскимъ философомъ. Того же мнѣнія держится Анджулли, профессоръ философіи въ неаполитанскомъ университетѣ. Онъ началъ съ изученія Гегеля, потомъ перешелъ къ Конту, усвоилъ себѣ результаты трудовъ Дарвина и Спенсера, и сдѣлался однимъ изъ главныхъ представителей экспериментальной философіи въ Италіи¹⁾. Онъ ищетъ для нея точку опоры въ прошедшемъ страны, въ народномъ духѣ, вдохновлявшемъ Кампанеллу, Джордано Бруно, Галилея и другихъ философовъ XVI-го и XVII-го вѣка; онъ утверждаетъ, что позитивизмъ—возрожденіе истинно-національной итальянской традиціи, прерванной крайнимъ упадкомъ умственной жизни. Французскій и англійскій позитивизмъ не удовлетворяетъ, однако, итальянскаго философа; Анджулли находитъ его слишкомъ нерѣшительнымъ и не хочетъ останавливаться вмѣстѣ съ нимъ передъ границей, за которою лежитъ абсолютное или непознаваемое. Совокупность такъ-называемыхъ метафизическихъ вопросовъ должна быть, по его мнѣнію, предметомъ научнаго изслѣдованія, съ помощью экспериментальнаго метода. Понятія о матеріи, силѣ, безконечности и т. п. имѣютъ такое же апостериорное происхожденіе, какъ и всѣ другія, и подлежатъ критикѣ наравнѣ съ ними. Различіе между первыми и производными причинами, проводимое позитивистами, не имѣетъ разумнаго основанія уже потому, что если первыя причины для насъ недоступны, то мы не въ правѣ и говорить о нихъ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ другихъ причинъ. Кромя этого, существенно-важнаго разногласія, Анджулли расходится съ позитивистами еще и въ томъ, что признаетъ за психологіей значеніе самостоятельной науки.

Самое видное мѣсто между современными итальянскими философами занимаетъ Ардиги. Лѣтъ десять тому назадъ онъ былъ кано-

¹⁾ Сочиненіе Эспина, какъ видно уже изъ самаго его заглавія, касается только одной философской школы. Дополненіемъ къ нему можетъ служить книга Ферри: „Essai sur l'histoire de la philosophie en Italie au XIX-me siècle“, посвященная преимущественно итальянскимъ спиритуалистамъ. Разборъ этой книги помѣщенъ въ вышедшемъ недавно сборникѣ статей Ад. Франка: „Philosophes modernes étrangers et français“ (Paris, 1879). Достаточно прочесть статью Франка, чтобы убѣдиться въ томъ, что вся жизненная сила современной итальянской философіи сосредоточивается въ школѣ, съ которою знакомитъ насъ Эспина.

никомъ мантуанскаго собора и изучалъ философію, какъ и естественныя науки, только для того, чтобы заимствовать изъ нихъ аргументы въ пользу католицизма. Неожиданнымъ результатомъ его занятій былъ переходъ къ другому міросозерцанію, прямо противоположному. Онъ оставилъ духовное званіе и получилъ мѣсто преподавателя въ мантуанскомъ лицей (итальянскій лицей соотвѣтствуетъ приблизительно нашей гимназій). Не ограничиваясь разработкой отдѣльныхъ вопросовъ, онъ задумалъ обширное сочиненіе, обнимающее собою всю сферу философіи, подъ слѣдующимъ общимъ заглавіемъ: „Объ историческомъ образованіи обыкновенныхъ идей относительно Бога и души“. По плану Ардиги, оно должно состоять изъ пяти главныхъ отдѣловъ: 1) теоріи *естественнаго образованія* (*formation naturelle*) вообще; 2) теоріи естественнаго образованія солнечной системы; 3) теоріи химическаго образованія, въ составъ которой должно войти изученіе отношеній между матеріей и духомъ; 4) психологій, и 5) позитивной морали. Отдѣлы второй, четвертый и пятый уже вышли въ свѣтъ, третій будетъ наданъ въ непродолжительномъ времени. Всего больше сходства, по смѣлости и ширинѣ замысла, колоссальное предпріятіе Ардиги представляетъ съ „Системой философіи“ Спенсера, также заключающей въ себѣ пять отдѣловъ (Первыя основанія, Основанія біологій, Основанія психологій, Основанія соціологій и Основанія нравственности). Въ планѣ Ардиги нѣтъ даже того пробѣла, который оставленъ у Спенсера — онъ посвящаетъ цѣлую книгу неорганическому міру. Правда, у Ардиги не отведено особаго отдѣла для соціологій, но общіе взгляды его по этому предмету наложены въ сочиненіи его о нравственности. Сходство между Ардиги и Спенсеромъ не ограничивается избранною ими задачей. Подобно тому, какъ Спенсеръ видитъ во всемъ переходъ отъ неопредѣленнаго, несвязнаго, однороднаго (*indefinite, incoherent, homogeneity*) къ опредѣленному, связанному разнородному, Ардиги признаетъ возрастающую опредѣленность и дифференціацію основнымъ, общимъ закономъ бытія. Мы наблюдаемъ движеніе къ опредѣленности въ двухъ видахъ: въ *пространствѣ* оно касается *матеріи*, производитъ новыя формы или фигуры, — во *времени* оно касается *силы*, производитъ фазисы или ритмы ея. Производимыя этимъ путемъ различія, обособленія, слѣдуетъ считать если не произвольными, такъ какъ безъ нихъ ничего для насъ не существуетъ, то во всякомъ случаѣ субъективными; другими словами, слѣдуетъ помнить, что раздѣляемое нашимъ умомъ въ сущности нераздѣльно, *непрерывно*, какъ до, такъ и послѣ раздѣленія. Чтобы представить себѣ, въ опредѣленномъ образѣ, опредѣленную часть матеріи, мы должны сосредоточить наше вниманіе на пунктахъ, отдѣленныхъ

другъ отъ друга извѣстнымъ разстояніемъ, и упустить изъ виду промежуточное пространство; но пространство это тѣмъ не менѣе существуетъ, взятые нами пункты соединены между собою нигдѣ не прерывающеюся линіею. То же самое слѣдуетъ сказать и о силѣ, опредѣленно представляющей намъ во времени. Промежутки между изучаемыми нами пунктами могутъ быть сдѣланы безконечно малыми, и самая возможность продолжать эту операцію до безконечности доказываетъ единство и непрерывность дѣлимой матеріи или силы. Въ чемъ заключается это единое, непрерывное, каковы его свойства? — Этого мы опредѣлить не можемъ. Объяснять, значить различать; пытаюсь объяснить безразличное, мы уже перестаемъ имѣть дѣло съ безразличнымъ. Несомнѣнно только то, что существованіе непрерывнаго, безразличнаго единства — необходимое условіе мысли. Дѣйствіе однихъ частей матеріи на другія, какъ бы далеко онѣ ни отстояли другъ отъ друга, объясняется такимъ образомъ само собою, равно какъ и связь между различными, хотя бы и весьма отдаленными, моментами проявленія силы. Непрерывность матеріи соединяетъ въ одно цѣлое всѣ составныя части міра, непрерывность силы — всѣ послѣдовательныя фазисы и моменты его существованія. Матерія и сила — это въ сущности не что иное, какъ *разнообразное и послѣдовательное* (во времени); такова и наша мысль — иначе она не могла бы понять разнообразія и послѣдовательности. Другими словами, наша мысль — составная часть міра, какимъ мы себѣ его представляемъ; какъ нѣчто опредѣленное, она прикидается къ всеобщему неопредѣленному, къ той двойственной непрерывности, которая составляетъ основу всего существующаго. Вселенная въ одно и то же время реальна и идеальна; она реальна, т.-е. извѣстна намъ такою, какою она есть, именно потому, что она идеальна, т.-е. не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ двухъ категорій, въ которыхъ она намъ представляется. Стоить только предположить противное, т.-е. допустить за пространствомъ и силой какую-то недоступную для насъ субстанцію — и познаніе наше о мірѣ, какъ и самый міръ, становится иллюзіею; передъ нами остается только поверхность вещей, тѣнь бытія. Итакъ, бытіе и мысль сводятся безъ остатка къ матеріи и силѣ, или къ пространству и времени. Обѣ эти первобытныя формы бытія неразрывно связаны между собою. Представленіе о матеріи, какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ силы — чистая нелѣпость; въ каждой частичкѣ матеріи, въ каждую данную минуту, есть силы опредѣленной величины и опредѣленнаго направленія. Каждое реальное бытіе можно сравнить съ точкой пересѣченія двухъ прямыхъ, изъ которыхъ одна представляетъ собою пространство, а другая — время. Чего нельзя вообразить себѣ находящимся въ точкѣ пересѣченія этихъ матерій, то не реально, того нѣтъ въ

природѣ. Естественно только то, что связано со всей природой; природа составляетъ одно цѣлое именно потому, что въ основаніи ея лежитъ одна и та же непрерывность матеріи и силы.

Таковы общія положенія Ардиго. Выведа изъ нихъ логическія заключенія, онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, напоминая воодушевленіемъ и силѣстью отдаленнаго предшественника своего — Лукреція. Линіи, представляющія собою пространство и время, продолжаются въ обѣ стороны до безконечности; міръ, слѣдовательно, не имѣетъ начала. Но если цѣлое непрерывно, то отдѣльныя проявленія его ограничены и въ пространствѣ, и во времени; происходя изъ неопредѣленнаго, все опредѣленное къ неопредѣленному же должно и возвратиться. Обязанное своимъ бытіемъ частной индивидуализаціи матеріи и силы, оно должно быть вновь поглощено этою безграничною массой, какъ только истощится одушевляющая его сила и совершится процессъ разложенія составляющей его матеріи. Отсюда еще не слѣдуетъ, однако, чтобы остатки опредѣленнаго, перестающаго существовать въ этомъ опредѣленномъ своемъ видѣ, исчезли безслѣдно; они образуютъ, вмѣстѣ съ новыми элементами, новыя опредѣленныя единицы, — и новыя образованія, вообще говоря, обширнѣе и совершеннѣе прежнихъ. Беззаботность, съ которою, повидимому, творить природа, обуславливается ея удивительною плодovitостью; точныхъ повтореній уже бывшаго — въ природѣ не бываетъ, потому что нѣтъ двухъ явленій, которыя происходили бы при условіяхъ *только* одинаковыхъ.

Примѣняя къ психологіи тотъ же строго-экспериментальный методъ, какъ и къ космологіи, Ардиго возстае въ особенности противъ метафизическаго я, какъ субстанціи и причины психическихъ явленій. Эта идея, образовавшаяся изъ массы отдѣльныхъ фактовъ, не можетъ и не должна служить исходной точкой для науки. Мы должны изучать внѣшнія явленія, въ которыхъ выражается сознаніе, и въ особенности историческую послѣдовательность этихъ явленій. Пока у насъ нѣтъ исторіи сознанія, начиная съ самыхъ первыхъ проблесковъ его, психологія не можетъ возвыситься на степень науки. А между тѣмъ, она должна образовать особую науку, потому что явленія, изучаемыя ею, не могутъ быть сведены безъ остатка къ явленіямъ, входящимъ въ область другихъ наукъ. Самое тщательное изслѣдованіе внѣшнихъ признаковъ или результатовъ психическаго явленія останется неполнымъ, если къ нему не будетъ присоединено такъ-называемое внутреннее наблюденіе. Физиологія не можетъ замѣнить собою психологію, потому что нѣтъ такой логической операціи, посредствомъ которой форма и движеніе кѣлочекъ могли бы быть превращены въ мысль. Въ этомъ отношеніи,

слѣдовательно, Ардиго діаметрально расходится съ Контонъ и становится на сторону англійскихъ философовъ опытной школы. По мнѣнію Эспина, психологическія воззрѣнія Ардиго скорѣе намѣчены, чѣмъ окончательно разработаны; но они заключаютъ въ себѣ основанія для цѣльной философской системы. Сильная сторона Ардиго — широкія обобщенія, смѣлыя гипотезы; развитіе и подтвержденіе ихъ массой фактическихъ данныхъ не входитъ въ составъ его плана. Мы остановились нѣсколько дольше на Ардиго именно для того, чтобы показать, какъ быстро развивается новая итальянская философія. Не ограничиваясь детальнымъ участіемъ въ работѣ, начатой другими націями, она не отступаетъ передъ самыми трудными задачами философскаго изслѣдованія и вноситъ въ разрѣшеніе ихъ такую силу мысли, какую мы до сихъ поръ привыкли встрѣчать только по сую сторону Альцовъ. Правъ ли Ардиго во всемъ томъ, въ чемъ онъ идетъ дальше Канта и Конта — это другой вопросъ; но самая смѣлость его рѣшеній какъ нельзя больше характеристична для современной итальянской философіи.

На почвѣ такъ-называемой біологической философіи, то-есть философіи, которая была бы направлена преимущественно къ изученію общихъ законовъ жизни, новѣйшіе итальянскіе ученые нашли для себя готовую традицію, благоприятную для основанія и развитія экспериментальной школы. Въ фیزیологію и патологію опытный методъ былъ введенъ въ Италіи, еще въ началѣ нашего столѣтія, знаменитымъ въ свое время докторомъ Буфалини. Въ настоящее время средоточіемъ его является флорентинская школа. Основанію ея содѣйствовали всего больше два нѣмца, Моленшоттъ и Шиффъ; между представителями ея видное мѣсто занимаетъ проф. Герценъ, русскій по происхожденію, англичанинъ — по воспитанію; но пополняется она вновь исключительно итальянцами. Въ распоряженіи ея состоятъ три журнала: одинъ, издаваемый во Флоренціи сенаторомъ Мантегацца, посвященъ антропологіи; другой, издаваемый Тамбурини въ Реджіо — психіатріи и судебной медицинѣ; третій, издаваемый въ Римѣ цѣлымъ обществомъ писателей, имѣетъ преимущественно критическій характеръ и составляется по плану англійскихъ еженедѣльныхъ критическихъ обзоровъ. Дѣятельность Моленшотта достояніемъ итальянской литературы считаться не можетъ; но Шиффъ долго печаталъ свои труды въ Италіи и по-итальянски. Всего замѣчательнѣе между ними изслѣдованіе его о теплотѣ, развивающейся при психическихъ явленіяхъ. Проф. Герценъ занимается спеціально фیزیологическою психологією; онъ написалъ „Физиологію воли“, отстаивая въ ней противъ Маудсли (извѣстное сочиненіе котораго о преступленіи и сумасшествіи онъ перевелъ на итальянскій

языкъ) присутствіе сознанія въ дѣятельности высшихъ нервныхъ центровъ, доказывая противъ Льюиса отсутствіе сознанія въ дѣятельности низшихъ нервныхъ центровъ. Мантегацца издалъ въ свѣтъ „Физиологію любви“; Лучіани и Тамбурины изучаютъ спеціально вопросъ о психо-моторныхъ центрахъ и корковомъ веществѣ мозга, извѣстный читателямъ „Вѣстника Европы“ по статьѣ И. Р. Тарханова (1879 г., № 1). Витѣ флорентинской школы пользуются извѣстностью Сицилиани (профессоръ болонскаго университета) и Виньоли; послѣдній изъ нихъ написалъ большой трудъ о психической жизни у животныхъ, первый готовитъ „Зоопсихическую классификацію“, т.-е. сравнительный обзоръ всѣхъ формъ психической дѣятельности, начиная съ инфузорій до человѣка.

Въ области нравственной и социальной философіи большую роль играетъ вопросъ о свободѣ воли. Опроверженію старыхъ метафизическихъ теорій по этому предмету посвящены сочиненія проф. Герцена („Физиологическій анализъ свободной человѣческой воли“), молодого ученика Ардиго—Энрико Ферри („Теорія отвѣтственности и отрицаніе свободной воли“), въ значительной степени и сочиненіе самого Ардиго о нравственности. Свобода, въ глазахъ Ардиго, не что иное, какъ господство идеи надъ физиологическими побужденіями,—господство, увеличивающееся по мѣрѣ развитія человѣка и общества. Наслѣдственность передаетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе побѣды, одерживаемыя личностью надъ животною частью своей природы, законы все больше и больше сдерживаютъ произволъ безпорядочныхъ силъ, все больше и больше укрѣпляютъ автономію разума. Послѣдующимъ поколѣніямъ, благодаря этому, легко достается то, что прежнимъ стоило большихъ усилій; преемники, пользуясь добродѣтелями предшественниковъ, слишкомъ расположены приписывать себѣ всю заслугу своихъ дѣйствій, считать ихъ зависящими исключительно отъ свободной воли дѣятеля. Анджулли, общій философскій воззрѣніе котораго упомянуты нами выше, написалъ цѣлую книгу о воспитаніи, въ которомъ онъ видитъ главное средство передѣлать человѣка, а черезъ него уже и общество; „преобразование общественнаго организма, — говоритъ онъ, — зависитъ отъ умственнаго преобразованія лицъ, которыя его составляютъ“. Соціальный вопросъ, со всѣми своими развѣтвленіями, нашелъ уже разрѣшеніе въ теоріи (?); положить дорогу къ практическому его разрѣшенію можетъ только воспитаніе, научное въ полномъ смыслѣ слова, и по содержанію, и по методу. Руководить воспитаніемъ должно, поэтому, государство, опредѣляя не только программу, но и духъ его, поддерживая его на высотѣ современной науки и устраняя изъ него все несогласное съ нею. Всякій гражданинъ долженъ обладать извѣстнымъ минимумъ

момъ знаній, для распространенія которыхъ необходимо учредить возможно большее число нормальныхъ школъ (по принятому у насъ выраженію—учительскихъ семинарій). Въ среду семьи влияние государства должно и можетъ проникнуть путемъ образованія женщинъ, будущихъ матерей семейства. Много общаго съ взглядами Анджелли представляетъ эту же молодого преподавателя философіи въ Бари, де-Доменичиса, озаглавленный: „Воспитаніе и дарвинизмъ“. Изъ числа экономистовъ, принимающихъ къ новой философской доктринѣ, слѣдуетъ назвать Миралья и Кузумано. Вѣнзю къ флорентинской философско-физиологической школѣ стоитъ Ломброзо, авторъ двухъ замѣчательныхъ сочиненій: „Преступникъ“ („l'Uomo delinquente“) и „Мысли и метеоры“. Въ послѣднемъ онъ изслѣдуетъ влияние климатическихъ, атмосферическихъ и вообще физическихъ условій на психическую жизнь; первое составляетъ плодъ многотѣльных наблюденій надъ тюрьмами и больницами умалишенныхъ и содержитъ въ себѣ массу интереснаго матеріала. Эспина выражаетъ желаніе, чтобы это сочиненіе Ломброзо было переведено на французскій языкъ и сдѣлалось настольной книгой прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей; мы едва ли ошибемся, если скажемъ то же самое въ примѣненіи къ русской читающей публикѣ. Допуская множество аналогій между душевнымъ состояніемъ преступника и сумасшедшаго, Ломброзо указываетъ на существенное различіе между тѣмъ и другимъ, легко открываемое опытнымъ взглядомъ. Преступникъ по профессіи, по природѣ (въ противоположность преступнику случайному, который можетъ быть и самымъ нормальнымъ, самымъ здоровымъ человекомъ) представляетъ, въ глазахъ Ломброзо, всего больше сходства съ дикаремъ, съ первобытнымъ человекомъ, даже съ животнымъ; это регрессъ человѣческаго типа или одна изъ формъ атакизма.

Два обстоятельства замедляютъ, по мнѣнію Эспина, распространеніе новой философіи въ Италіи: отсутствіе специально-философскаго журнала, который могъ бы сдѣлаться центральнымъ органомъ ея, и противодействие, оказываемое людьми старой школы опредѣленію новаторовъ на университетскія кафедры философіи. Итальянское министерство народнаго просвѣщенія воодушевлено, въ этомъ отношеніи, самыми лучшими намѣреніями и весьма просвѣщенно въ лицѣ своихъ представителей; но оно не полновластно въ назначеніи профессоровъ, его свобода дѣйствій ограничена университетскими со-вѣтами, въ которыхъ до сихъ поръ преобладаютъ идеалисты. Само-собой разумѣется, что это препятствіе временное, сравнительно легко устранимое, и оно не можетъ служить доказательствомъ вреда такого порядка; напротивъ, итальянское правительство въ настоящемъ

случаѣ только выбираетъ изъ двухъ золъ меньшее, и все-таки предпочитаетъ свободу университетскихъ совѣтовъ свободѣ чиновниковъ министерскихъ; и дѣйствительно, кто могъ бы доказать, что совѣтское кумовство хуже департаментскаго. Философская система, — говорить Эспина, вспоминая, по всей вѣроятности, о судьбѣ французскаго эклектизма времени Кузена и его школы, — можетъ сохранять господство въ преподаваніи и все-же потерять всякое вліяніе на умы. Къ этому результату Италія, повидимому, уже весьма близка. Серьезной преградой на пути опытной философіи могли быть только преданія и привычки, завѣщанныя Италіи ея ближайшимъ прошедшимъ; однако они не предупредили ни возникновенія, ни распространенія новыхъ ученій, не помѣшали имъ проникнуть въ гимназіи и университеты. Усиѣхи, сдѣланные философіей въ Италіи, служатъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ важно устраненіе вышнихъ стѣсненій, таготивующихъ надъ мыслью. — К. К.

Еще два слова по поводу сказаннаго нами объ учебникѣ г. Орлова, въ январьской книжкѣ текущаго года.

Неизвѣстная намъ провинціальная читательница обратилась въ редакцію „В. Евр.“ съ нѣкоторыми замѣчаніями и вопросами относительно нашего отзыва объ упомянутомъ учебникѣ. Мы можемъ отвѣтить ей только печатно. Читательница находитъ не только полезными, но необходимыми въ журналѣ библіографическіе отзывы о книгахъ учебныхъ, необходимыми въ особенности о книгахъ, назначаемыхъ для самообразованія; эти отзывы, по замѣчанію нашей читательницы, „по самому существу своему, не могутъ отличаться полнотой, за то они должны быть точны, ясны и опредѣленны и не оставлять мѣста сомнѣніямъ читающаго, не давать намековъ и т. д.“. Читательница возмѣла однако сомнѣніе (т.е. недоумѣніе) о томъ пунктѣ нашей статьи, гдѣ дѣлается г. Орлову упрекъ, что онъ все еще держится „теоріи тучъ и облаковъ“ въ объясненіи русскихъ былинъ, когда эта теорія сильно поколеблена новыми трудами высокаго научнаго достоинства. „Гдѣ же эти труды? какіе, чьи они?“ — спрашиваетъ наша читательница. — „Это не пустые вопросы: я держу въ рукахъ учебникъ Орлова, и, не зная трудовъ, о которыхъ говорить авторъ замѣтки, остаюсь при „теоріи тучъ и облаковъ“. И если ужъ офиціальныи преподаватель не знаетъ этихъ высоко-научныхъ трудовъ, то гдѣ же намъ, провинциальнымъ профанамъ, знать ихъ? Что же, спрашивается, станетъ дѣлать человѣкъ, собственными силами желающій завоевать себѣ нѣкоторыя познанія, какъ, наир., я — женщина, послѣднюю копѣйку жертвующая на бібліотеку, на то,

чтобы получить журналъ, прочесть библиографическую замѣтку объ учебникѣ и въ концѣ-концовъ остаться въ недоумѣніи насчетъ и того, и другого? а такихъ читателей въ провинціи много;.... журналъ же предназначается (особенно ученымъ отдѣламъ), кажется, не для специалистовъ“...

Желанія почтенной нашей читательницы очень естественны; но журналъ, къ сожалѣнію, не всегда можетъ удовлетворить подобнымъ желаніямъ. Разборъ учебниковъ есть обязательная специальность журналовъ педагогическихъ; мы думали только изрѣдка касаться подобныхъ сочиненій и упомянули объ учебникѣ г. Орлова, такъ какъ онъ особенно настойчиво поучаетъ о русской литературѣ и снабженъ особыми одобреніями. Мы ограничились только немногими замѣчаніями объ его общемъ характерѣ, — который весь намъ мало нравится, — и указали только первые встрѣтившіеся недостатки: указывать всѣ ихъ подробно было бы слишкомъ долго и — не наше дѣло; замѣчанія наши рассчитывали не на исправленія ошибокъ г. Орлова, а можетъ быть, на то, чтобы одобряющіе подобныя книги были осторожнѣе въ раздатѣ одобреній.

Перейдемъ къ дѣлу, и въ отвѣтъ нашей читательницѣ скажемъ, что въ болѣе обстоятельныхъ учебникахъ (назовемъ книгу Порфирьева) эта теорія уже снабжена большими оговорками, — и ихъ слѣдуетъ сдѣлать еще больше послѣ тѣхъ трудовъ, о которыхъ мы часто упоминали. Это — въ особенности труды нашего извѣстнаго ученаго А. Н. Веселовскаго и славянскаго ученаго В. Ягича. Мы могли не указывать ихъ ближайшимъ образомъ потому, что о тѣхъ и другихъ было говорено въ „Вѣстникѣ Европы“ — въ свое время, а нѣкоторые труды г. Веселовскаго были помѣщены въ самомъ журналѣ.

Относительно „романтизма“ читательница можетъ найти болѣе обстоятельныя, чѣмъ у г. Орлова, объясненія, напр., въ книжкѣ о новой русской литературѣ, г. Водовозова, или въ учебникѣ г. Галахова.

А. А.

РУССКАЯ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И

ЕЯ УСЛОВІЯ

Со времени изданія послѣдняго золотопромышленнаго устава (1870 г.), возбуждавшаго много справедливыхъ жалобъ, въ обществѣ и печати не прекращались слухи о предстоящихъ новыхъ измѣненіяхъ въ законодательствѣ о золотомъ промыслѣ; слухи эти основывались на томъ, что само министерство финансовъ признавало неудовлетворительность новаго устава и, черезъ два или три года послѣ его изданія, уже приступило къ пересмотру нѣкоторыхъ его отдѣловъ, именно: закона объ арендной платѣ за пріиски на казенныхъ земляхъ, закона объ обязательномъ передѣлѣ всего добываемаго золота въ монету, и др. Въ 1876 г. новое обстоятельство привлекло вниманіе общества на золотой промыселъ: передъ самымъ началомъ восточной войны неожиданно состоялось распоряженіе объ отмѣнѣ подати съ золота; причины, вызвавшія эту отмѣну, до сихъ поръ не были достаточно разъяснены въ печати. По окончаніи войны является необходимость изыскать источники для покрытія вызванныхъ войною расходовъ, и выдвигается вопросъ о возстановленіи подати съ золота. Такимъ образомъ, въ истекшее десятилѣтіе вопросы частной золотопромышленности постоянно обращали на себя вниманіе общества. Такъ какъ въ скоромъ времени предстоитъ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ, то мы считаемъ своевременнымъ высказать о нихъ свое сужденіе, а также напомнить о другихъ забытыхъ вопросахъ золотого промысла ¹⁾.

¹⁾ При этомъ мы будемъ имѣть въ виду добычу золота исключительно изъ розсыпей, оставляя въ сторонѣ добычу его изъ рудъ.

Но сперва казалось бы полезнымъ сказать нѣсколько словъ о государственномъ и мѣстномъ значеніи золотого промысла: полезно это потому, что существующіе въ нашемъ обществѣ взгляды на этотъ промыселъ довольно противорѣчивы, и вообще ихъ слѣдуетъ признать мало установившимися. Между тѣмъ, болѣе или менѣе правильная постановка вопроса о значеніи золотого промысла весьма важна для лучшаго опредѣленія того пути, по которому должны быть направлены измѣненія въ законодательствѣ о немъ.

I.

Хотя наукою давно уже опредѣляется, что золото есть товаръ, подчиняющійся, въ отношеніи производства и мѣны, экономическимъ законамъ, справедливымъ для всѣхъ прочихъ товаровъ, какъ, напр., хлѣба, кожи и т. д., но взглядъ нашего финансоваго управленія на золотой промыселъ весьма долгое время рѣзко отличался отъ его воззрѣній на всякій другой промыселъ: золото считалось чѣмъ-то особеннымъ, требующимъ особенной заботливости и охраненія со стороны административныхъ властей. Такъ, очень долгое время разработка золота въ Россіи не составляла права, присущаго каждому человѣку, а привилегію, даваемую сперва лишь немногимъ избраннымъ, а потомъ дарованную опредѣленному классу людей. Золото ставилось такъ высоко, что разрабатывать его позволялось только людямъ, ничѣмъ себя не запятнавшимъ: до 1870 г. законъ запрещалъ занятіе промысломъ „лицамъ, отставленнымъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь не опредѣлять, и оглашеннымъ по суду виновными въ поступкахъ предосудительныхъ“.

Наше законодательство о частномъ золотомъ промыслѣ отличалось вообще большою неустойчивостью и, съ самаго начала промысла, подвергалось частнымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ его развитія. Промыселъ возникъ и развивался, въ общихъ чертахъ, слѣдующимъ образомъ: до начала нынѣшняго столѣтія добываніе золота составляло монополію казны; частнымъ лицамъ поиски золота были разрѣшены въ первый разъ въ 1812 г., именно частнымъ заводчикамъ на Уралѣ въ ихъ собственныхъ дачахъ. Вслѣдъ затѣмъ стали поступать отъ другихъ частныхъ лицъ ходатайства о разрѣшеніи искать золото на казенныхъ земляхъ въ Сибири, гдѣ давно уже были извѣстны признаки нахожденія его. Но правительство медлило разрѣшеніемъ: заботясь о развитіи другихъ родовъ промышленности, оно не находило нужнымъ развивать золотой промыселъ, полагая, что „лучше сохранить сія сокровища для казны на

будущее время и, не стремясь вдругъ за умноженіемъ добычи золота, пользоваться имъ постоянно". (Журн. Ком. Фин. 15 іюня 1824 г.)

Изъ этихъ словъ можно, кажется, заключить, что правительство рассчитывало и на будущее время разрабатывать золото средствами казны. Однако, въ 1826 г. оно рѣшилось, въ видѣ особой привилегіи, дозволить разработку золота на казенныхъ земляхъ въ Сибири нѣсколькимъ лицамъ, представлявшимъ ему наиболѣе благонадежными; въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ эти привилегіи выданы еще нѣсколькимъ лицамъ, а въ 1838 году право искать золото дано потомственнымъ и личнымъ дворянамъ, почетнымъ гражданамъ и купцамъ 1-й гильдіи. Наконецъ, только въ 1870 г., (т.-е. черезъ 44 года послѣ выдачи первой привилегіи) это право распространено на каждого какъ русскаго, такъ и иностраннаго подданнаго.

Разработка золота на первыхъ же порахъ была обставлена слѣдующими, довольно стѣснительными условіями: учреждена многочисленная администрація, обязанная слѣдить за тѣмъ, чтобы разработка пріисковъ производилась правильно, „не хищнически“, чтобы пески выработывались по возможности до-чиста, а не только лучшія и наиболѣе богатая ихъ части (въ этой мѣрѣ ясно сквозить мысль упомянутаго журнала ком. фин.: сохранить для казны ея сокровища на возможно болѣе продолжительный срокъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы сосредоточить въ распоряженіи казны все золото, сдѣлана обязательною сдача всего золота въ казну; для этого промышленники обязаны все намываемое золото свозить въ г. Барнауль, а взамѣнъ его получать изъ С.-Петербургскаго монетнаго двора, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, полумпериальную монету.

При установленіи этихъ правилъ не было принято въ расчетъ того, что золотой промыселъ, какъ всякое торговое предпріятіе, требуетъ для своего развитія возможно болѣе свободы и простора, что промышленники ни въ какомъ случаѣ не будутъ руководствоваться отвлеченными цѣлями извлекъ изъ земли по возможности все золотое богатство,—а исключительно цѣлями практическими и, въ данную минуту, будутъ разрабатывать только то, что, при современныхъ способахъ разработки, будетъ ему выгодно, слишкомъ же большое усердіе къ золоту приставленныхъ къ нему наблюдателей будетъ охлаждать дѣйствіемъ кредитныхъ рублей, и этимъ путемъ достигнеть „свободы и простора“; такимъ образомъ, установленная опека цѣли своей не достигла—законъ о возможно чистой разработкѣ пріисковъ оставался мертвымъ до 1870 г., когда, наконецъ, былъ отмѣненъ, между тѣмъ она принесла тотъ вредъ, что ставила промышленниковъ въ зависимость отъ произвола чиновниковъ. Равнымъ образомъ оказалась очень стѣснительною для промысла обязательная

сдача золота въ казну, такъ какъ она сопровождается потерей времени и значительными, какъ увидимъ ниже, расходами.

Съ самаго начала частнаго промысла добыча золота была обложена однообразною податью въ пользу казны (15% натурою и кромѣ того по 4 руб. съ каждаго фунта), которая оставалась безъ измѣненія до сороковыхъ годовъ, когда открытіе богатыхъ росыпей золота въ Енисейской губ. вдругъ значительно увеличило количество намываемаго золота и подало правительству мысль возвысить подать съ него. Сперва возвышенъ только размѣръ подати (процентной — до 20 и 24%, а въ Верхнеудинскомъ округѣ до 30% и фунтовой — до 4—12 руб. съ фунта), а затѣмъ измѣнена и самая система ея: вмѣсто однообразной введена прогрессивная. Пріиски раздѣлены на 10 разрядовъ и обложены натурою отъ 5 до 35%, и деньгами отъ 4-хъ до 10 руб. съ фунта. Изъ этого видно, что во взглядахъ финансоваго управленія на промыселъ совершилась значительная переимѣна: оно уже отказалось отъ мысли сохранять запасы золота на будущее время; напротивъ, расширило область золотопромышленности, поощряло къ открытію новыхъ росыпей и, сдѣлавъ изъ подати золота статью государственныхъ доходовъ, заботилось объ увеличеніи этого дохода.

Но скоро опытъ показалъ, что въ этомъ отношеніи была перейдена мѣра: размѣръ подати назначенъ слишкомъ высокъ, вслѣдствіе чего количество добываемаго золота стало (начиная съ 1848 г.) быстро понижаться ¹⁾. Чтобы не лишиться этого источника дохода, былъ пониженъ размѣръ подати (система подати оставлена прогрессивною, но высшій размѣръ ея пониженъ до 20%, а потомъ и до 15%), еще болѣе расширена золотопромышленная область — на Забайкальскій и Амурскій края — и разрѣшено производство частнаго промысла на земляхъ кабинетскихъ въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ. Съ тою же цѣлю, т.-е. въ видахъ расширенія промысла, въ 1870 г. право разработки золота предоставлено всѣмъ; въ тѣхъ же видахъ казенные золотые промыслы переданы частнымъ лицамъ: Богословскіе проданы въ частныя руки, а Березовскіе и Міасскіе отданы въ арендное содержаніе.

Въ 1876 г. мы замѣчаемъ какъ-бы новое измѣненіе во взглядѣ финансоваго управленія на значеніе этого промысла: по случаю приближавшейся войны наше финансовое положеніе было весьма затруднительно; казалось, необходимость заставляла дорожить каждымъ источникомъ доходовъ, какъ бы относительно малъ онъ ни былъ

¹⁾ Съ частныхъ золотыхъ промысловъ въ Россіи добыто лигатурнаго золота: въ 1847 г.—1568 п.; 1848 г.—1489 п.; 1849 г.—1394 п.; 1850 г.—1212 п.

(подать съ золота доставляла около 2 м. р.); между тѣмъ, 10-го ноября 1876 г. добыча золота въ Россіи была объявлена беспошлинною. Чѣмъ была вызвана эта отиѣна? Какія значительныя выгоды обѣщало увеличеніе добычи золота, ради которыхъ можно было пожертвовать двухмилліоннымъ доходомъ въ такое критическое время?

Такъ какъ мотивы этой отиѣны не были напечатаны, то въ объясненіи ихъ можно основываться только на однихъ догадкахъ. Въ печати уже было указано на совпаденіе (по времени) отиѣны подачи съ золота съ изданіемъ закона о взиманіи таможенныхъ пошлинъ въ золотой валютѣ, и изъ этого совпаденія выведено то заключеніе, будто министерство финансовъ этою отиѣною поощряло добычу золота въ Россіи, съ цѣлью дать металлъ, необходимый для уплаты новыхъ пошлинъ. Предположеніе это едва ли справедливо: выраженіе „дать металлъ“ можно понимать только въ смыслѣ: удешевить цѣну золота, черезъ увеличеніе производства его; но золото представляетъ такой долговѣчный продуктъ, что накопившееся отъ прежняго производства количество его несравненно значительнѣе того количества, какое прибавляется ежегоднымъ производствомъ его; поэтому сокращеніе или расширеніе производства не можетъ *чувствительно* уменьшить или увеличить существующее количество его, а слѣдовательно возвысить или понизить на него цѣны; во всякомъ случаѣ, вліяніе этой причины на колебаніе цѣнъ будетъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ дѣйствіемъ, которое на него будетъ производить измѣненіе въ спросѣ и предложеніи золота, а слѣдовательно и нечувствительно.

Гораздо правдоподобнѣе кажется намъ слѣдующее объясненіе. Наше финансовое управленіе предвидѣло, что финансовыя затрудненія и упадокъ вексельнаго курса не ограничатся однимъ временемъ войны, но будутъ продолжаться и послѣ заключенія мира; поддерживать падающій курсъ можно было только увеличеніемъ производительныхъ силъ Россіи, а никакое производство, казалось, не могло возрасти такъ быстро, какъ золотое, въ случаѣ постановки его въ болѣе выгодныя условія, такъ какъ золотой промыслъ обладаетъ для этого многими характерными особенностями: во-1-хъ, онъ требуетъ затраты незначительнаго основнаго капитала по сравненію съ оборотнымъ (а предполагается, что легче занять денегъ на короткій срокъ, чѣмъ на долгій), и, во-2-хъ, для занятія промысломъ рѣдко требуются техническія познанія, а въ большинствѣ случаевъ достаточно простаго навыка и смѣтки. Такимъ образомъ, *разработка золота въ болѣе обширномъ, чѣмъ прежде, размѣрѣ признавалась имѣющею важное значеніе именно по отношенію къ нашему кредиту и торговлѣ.*

Насколько оправдались эти ожиданія, мы скажемъ ниже, но во всякомъ случаѣ фактъ отмѣны подати съ золота для насъ важенъ по сравненію съ прежними воззрѣніями финансоваго управленія на это дѣло: онъ показываетъ, что министерство финансовъ въ 1876 г. вполне отрѣшилось отъ прежнихъ взглядовъ, и главную заслугу золотого промысла видѣло не въ томъ доходѣ, который онъ давалъ казнѣ, а во вліяніи на нашъ курсъ и на нашу торговлю той суммы цѣнностей, которыя доставляетъ этотъ промыселъ.

Итакъ, во взглядахъ финансоваго управленія на золотой промыселъ мы замѣчаемъ слѣдующія измѣненія: сперва оно рассчитываетъ производить разработку золота исключительно своими средствами, и потому стремится сохранить по возможности запасы золота на болѣе продолжительное время; затѣмъ, дозволивъ разработку золота частнымъ лицамъ, оно обращаетъ промыселъ въ источникъ дохода казны и заботится объ увеличеніи его; наконецъ, значеніе промысла, заключающееся въ суммѣ его производства, беретъ верхъ надъ его значеніемъ какъ источника дохода казны, и финансовое управленіе рѣшается, для развитія его, пожертвовать получаемымъ отъ него доходомъ.

Можно находить эту послѣднюю мѣру нецѣлесообразною, но нельзя не согласиться съ послѣднимъ взглядомъ нашего финансоваго управленія на золотой промыселъ: дѣйствительно, *государственное значеніе этого промысла заключается въ цѣнности доставляемого имъ продукта*: около 2½ т. пуд. золота (шлиховаго) на сумму около 33 м. Золото это даетъ намъ возможность уплачивать разницу между нашею привозною и отпускою торговлею.

II.

Чтобы лучше выяснить значеніе золотого промысла для мѣстнаго населенія, мы позволимъ себѣ привести и провѣрить слишкомъ уже розовый взглядъ на промыселъ одного изъ горячихъ его защитниковъ, г. Скарятина (Замѣтилъ золотопромышленника):

„Золотопромышленность Восточной Сибири,—говоритъ г. Скарятинъ,—это не промышленность только, поглощающая всѣ торговныя и промышленныя силы страны и распространяющая свое могущественное и животворное вліяніе далеко за предѣлы страны, это—сводъ, на которомъ держится благоденствіе народной массы“. Къ такому убѣжденію приводитъ г. Скарятинъ сравненіе экономическаго положенія Сибири въ 60-хъ годахъ съ положеніемъ ея въ 30-хъ (т.е. до открытія промысла); замѣчаемую при этомъ разницу г. Скарятинъ приписываетъ исключительно вліянію промысла: онъ создалъ спросъ на

хлѣбъ и другіе припасы и на рабочія руки, поднимать на нихъ цѣны и способствовалъ оживленію торговли; онъ доставилъ занятіе многимъ ссыльнопоселенцамъ, до того времени занимавшимся разбоемъ, и тѣмъ сложилъ съ правительства заботу объ этихъ людяхъ; благодаря ему могъ появиться въ Сибири пароходъ и устроились хорошія дороги; онъ, наконецъ, имѣлъ воспитательное значеніе на ссыльнопоселенцевъ, давая имъ возможность, путемъ сбереженій, устроить себѣ лучшую жизнь и изъ отверженцевъ общества обратиться въ его полезныхъ гражданъ".

Мнѣніе г. Скарятина частью ошибочно, частью страдает преувеличеніемъ. Экономическое развитіе Сибири въ рассматриваемый имъ періодъ не можетъ быть приписано исключительно промыслу, такъ какъ оно должно было совершиться и безъ всякаго его вліянія; доказательствомъ можетъ служить экономическое развитіе Европейской Россіи за то же время; хотя въ Сибири развитіе не могло идти такъ быстро, но оно было, и отрицать его существованіе нельзя. Это же сравненіе привело г. Скарятину къ ошибочному заключенію относительно парохода въ Сибири: есть, конечно, рейсы, удовлетворяющіе исключительно потребностямъ промысла (такъ, богатые Олекминскіе золотопромышленники держатъ пароходы на р. Ленѣ для перевозки рабочихъ и припасовъ), но много путей торговаго движенія—совершенно независимыхъ отъ промысла, по которымъ рано или поздно должно было явиться пароходное движеніе ¹⁾.

Цѣны на хлѣбъ, съѣстные продукты и фуражъ несомнѣнно возвысились съ открытіемъ промысла, но не во всей Сибири, а только въ *близъ лежащихъ къ приискамъ мѣстностяхъ*; на всю Сибирь это повышеніе потому не могло распространиться, что число рабочихъ на приискахъ (около 40 т. человѣкъ) слишкомъ ничтожно по сравненію со всѣмъ населеніемъ Сибири: въ Восточной Сибири оно составляетъ 2%, въ Западной Сибири—0,2%, а на всѣмъ пространствѣ Сибири, взятомъ вмѣстѣ,—около 1%. Такое незначительное приращеніе потребителей не могло значительно возвысить спросъ на хлѣбъ, а слѣдовательно и цѣны на него.

Равнымъ образомъ, поднятіе цѣнъ на рабочую плату имѣло тоже только мѣстное значеніе: Сибирь страна слишкомъ обширная и способы передвиженія въ ней слишкомъ медленны и первобытны, чтобы возвышеніе рабочей платы въ одной мѣстности могло быть чувствуемо на большое разстояніе. Такъ, въ нерчинскомъ округѣ и приморской

¹⁾ Что же касается до проложенныхъ золотопромышленниками дорогъ, то, проходя по тайгѣ, онѣ оказываются необходимыми лишь для потребностей промысла и совершенно излишними для мѣстнаго населенія, незанимающагося золотымъ промысломъ.

область и рабочія руки, и припасы очень дороги, тогда какъ въ семипалатинской области, маринскомъ и алтайскомъ округахъ, напротивъ, то и другое стоитъ дешево.

Чтобы, наконецъ, оцѣнить воспитательное значеніе золотого промысла на ссыльнопоселенцевъ и прослѣдить, въ какую сторону оно направляется, надо предварительно ближе ознакомиться съ ссыльнопоселенцемъ-работникомъ, условиями его жизни на принскѣ, отношеніями къ мѣстной администраціи и т. д. Знакомство это дастъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность лучше повѣрить жалобы промышленниковъ на ихъ рабочихъ и критически отнестись къ тѣмъ мѣрамъ, которыя предлагаются промышленниками для огражденія своихъ интересовъ.

Ссыльнопоселенцы составляютъ большинство работниковъ на золотыхъ приискахъ въ Сибири; только въ очень немногихъ случаяхъ промыселъ доставляетъ занятіе мѣстнымъ жителямъ. Сибирякъ-сельскій житель, имѣя много земли какъ для пашень, такъ и для пастбы, и находя себѣ хорошіе заработки въ звѣриномъ и рыбномъ промыслахъ и въ извозѣ, ни за какія деньги не пойдетъ въ работы на прииски, развѣ только въ томъ случаѣ, когда его къ этому принудитъ необходимость: напримѣръ, засуха и вслѣдствіе того паденіе скота. Но и то онъ идетъ съ твердою рѣшимостью заработать себѣ необходимую сумму денегъ; поэтому, проработавъ лѣто и наверставъ свои убытки, онъ уже навсегда прощается съ прискомъ; его тянетъ домой, гдѣ у него семья, хозяйство.

Сибиряку-горожанину тоже нѣтъ расчета работать на промыслахъ: въ городѣ, при несравненно болѣе легкомъ трудѣ, онъ можетъ имѣть хорошій заработокъ отъ торговли и ремесленныхъ занятій. Изъ коренныхъ сибиряковъ въ чернорабочіе на промыслы ходятъ изъ года въ годъ только подонки общества, люди болѣе или менѣе лишніе, ни для какой другой работы не годные, пьяницы-забудыги; эти люди, по своему вредному вліянію на прочихъ рабочихъ, составляютъ на промыслахъ язву общества. Число ихъ, по отношенію къ общему числу промысловыхъ рабочихъ, составляетъ ничтожный процентъ.

Полную противоположность домовитому сибиряку составляетъ работникъ-ссыльнопоселенецъ. Большинство ссыльнопоселенцевъ рабочихъ принадлежатъ къ числу бездомныхъ и холостыхъ.

Ничѣмъ не связанный въ своихъ интересахъ съ товарищами по работѣ, такой работникъ-ссыльнопоселенецъ стоитъ одиноко во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ присковымъ управленіемъ и, какъ увидимъ ниже, зачастую эксплуатируется этимъ послѣднимъ самымъ всестороннимъ образомъ; разорвать, благодаря своему прошедшему, всѣ

связи съ обществомъ и не имѣя надежды снова когда-либо сдѣлаться полноправнымъ его членомъ и въ то же время не находя опоры въ семейной жизни, такой бобыль слишкомъ равнодушно и легкомысленно смотритъ на свой трудовой заработокъ и употребляетъ его на удовлетвореніе своей страсти къ вину. Понятно, что такая жизнь возвращаетъ его и убиваетъ его самостоятельность.

Въ справедливости сказаннаго насъ убѣдитъ болѣе близкое знакомство съ бытомъ пріисковаго рабочаго. Начнемъ съ найма на работы.

Въ большинствѣ случаевъ золотой промыселъ сильно нуждается въ рабочихъ рукахъ, и промышленники запасаются рабочими обыкновенно такимъ образомъ: они отправляютъ своихъ повѣренныхъ по деревнямъ, преимущественно въ тѣ мѣста, гдѣ, вслѣдствіе неурожая или какихъ-либо бѣдствій, положеніе мѣстнаго населенія особенно незавидно. Повѣренные прибѣгаютъ къ помощи сельскихъ властей, и такъ какъ время найма рабочихъ совпадаетъ всегда съ временемъ вноса податей, то власти понуждаютъ неплательщиковъ наниматься въ работу. Случается, что въ одномъ условіи состоятъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые другъ друга вовсе не знаютъ, а между тѣмъ ручаются взаимно, и вслѣдствіе этого, по окончаніи работы, иногда наиболѣе прилежному ничего не приходится получить, такъ какъ весь его заработокъ пошелъ на уплату долговъ его товарищей, за которыхъ онъ поручился единственно по настоянію сельскихъ властей.

При наймѣ пускаются въ ходъ большіе задатки, которыми промышленники одинъ передъ другимъ стараются заманить рабочихъ. Большіе задатки—страшное зло: они закабаливаютъ рабочихъ и отдають ихъ во власть пріисковаго управленія; забравъ много денегъ и принужденный, какъ увидимъ ниже, продолжать брать деньги во время своей работы, работникъ не въ состояніи бываетъ отработать ихъ въ одно лѣто, остается долженъ на слѣдующее и т. д.; разъ онъ впутался въ долгъ, ему трудно изъ него выдти—онъ попадаетъ въ кабалу. Правительство хорошо понимаетъ вредъ отъ выдачи большихъ задатковъ, и потому ограничивало прежде размѣръ ихъ 7 р. 50 к.; но чтобы обойти этотъ законъ, промышленники прибѣгали къ такого рода уловкамъ: давая большіе задатки, они показывали въ контрактѣ большую часть ихъ подъ видомъ одежды, какъ напр.: получилъ задатку столько-то, да взялъ такую-то одежду и такую-то обувь, да пропивши или потерявши взялъ вторично кое-что изъ того-же, да на содержаніе въ дорогѣ столько-то, да особыхъ одолженій столько-то, и т. под.; въ общемъ набиралась очень значительная сумма задатка. Поэтому законъ этотъ, какъ недействитель-

ный, былъ отмѣненъ въ 1870 г., и теперь задатки могутъ быть выдаваемы въ неограниченномъ размѣрѣ ¹⁾).

При наймѣ иногда прибѣгаютъ къ спавиванію рабочихъ, именно повѣреніе тѣхъ компаній, которыя дурнымъ обращеніемъ съ рабочими заслужили себѣ худую славу; примѣры этому приводить г. Кривошапкинъ.

Насколько соблюдаются въ такихъ *добровольныхъ* договорахъ интересы той и другой стороны, нанимателя и наемщика, видно изъ условій, въ нихъ встрѣчающихся. Такъ, напр., наемщикъ обязывается оставшіяся послѣ окончанія работъ долгъ или заработать или заплатить, не выходя съ принсковъ. Или, напр., срокъ службы рабочаго, по отношенію къ *его* обязательствамъ, считается со дня явки между сторонами договора, а по отношенію къ обязательствамъ *компаніи*—со времени явки рабочаго на принскъ и даже со вступленія его въ промысловую работу; при большихъ разстояніяхъ въ Сибири рабочіе часто идутъ на работу мѣсяца по два, по три, и это время имъ въ заработокъ не считается: мысль, что у рабочихъ время и трудъ можно считать за капиталъ, кажется въ Сибири еще странною. Питаться во время такого пути рабочій долженъ на свой счетъ: это или прямо оговаривается въ договорѣ, или обходится молчаніемъ; поэтому случается, что, за неимѣніемъ своихъ средствъ, рабочій пробавляется мірскими подаваніемъ, воровствомъ и грабежомъ.

Итакъ, правдами или неправдами нанятый рабочій пришелъ на принскъ. Посмотримъ, какъ онъ тамъ содержится, и каковы его отношенія къ принсковому управленію. Многія принсковыя управленія прежде всего стараются уничтожить послѣднюю тѣнь самостоятельности рабочаго: они не любятъ правильно организованныхъ артелей, которыя представляютъ одно живое цѣлое, и члены которыхъ всегда могутъ постоять другъ за друга, а потому стараются разрознить такія артели и, пользуясь закономъ, составляютъ новыя, въ которыя ставятъ старостами лицъ, далеко не раздѣляющихъ интересы артели и ей не сочувствующихъ.

Работы на промыслахъ должны быть причислены къ наиболѣе тяжелымъ. Такъ какъ время годное для промыски въ Сибири очень коротко, то поневолѣ приходится имъ дорожить, и работы идутъ непрерывно, не исключая и праздниковъ, отъ 5 часовъ утра до 8 вечера, а часто и гораздо поздиѣ, какова-бы ни была погода. Приходится часто работать въ мѣстахъ съ постояннымъ притокомъ воды,

¹⁾ Что большіе задатки зло и что сами рабочіе это хорошо понимаютъ, видно изъ того, что такъ-называемые «нижегородцы» (плотничьи артели), наиболѣе самостоятельныя и сильныя своею солидарностью,—вовсе не берутъ большихъ задатковъ (Кривошапкинъ: Енисейскій округъ и его жизнь).

стоя глубоко въ водѣ или въ грязи, оставаясь такимъ образомъ постоянно въ мокромъ платьѣ. Особенно трудными считаются работы ортовыя (подземныя), производящіяся въ мерзлой почвѣ: сырость, отсутствіе чистаго воздуха и солнечнаго свѣта составляютъ необходимую принадлежность этихъ работъ. Суровость климата, рѣзкія перемены температуры и трудность работы много способствуютъ развитію простудъ, ревматизмовъ, цыгги, водянки.

Отсюда очевидна особенная необходимость въ соблюденіи гигиеническихъ условій: хорошемъ помѣщеніи, достаточномъ количествѣ вина, здоровой и питательной пищѣ и чистой одеждѣ. На сколько исполняются эти требованія гигиены? Относительно помѣщеній для рабочихъ мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній, но извѣстно, что вообще на Руси помѣщенія для рабочаго люда отличаются презрѣніемъ всѣхъ правилъ гигиены; чего-же отъ нихъ можно ожидать въ Сибири, въ тайгѣ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ же помѣщеніяхъ—тамъ, гдѣ спать—рабочимъ приходится высушивать свою вымокшую на работѣ одежду.

Водка на пріискахъ дается рабочимъ обыкновенно въ недостаточномъ количествѣ. Это подтверждается циркулярами генералъ-губернатора Восточной Сибири ¹⁾, который въ прямую зависимость отъ недостаточной дачи вина рабочимъ ставитъ появленіе въ тайгѣ спиртоносовъ, обмѣнивающихъ спиртъ на золото, и безуспѣшность администраціи въ преслѣдованіи ихъ. Такіе спиртоносы проникаютъ въ тайгу цѣлыми партіями, вооруженные, а нѣкоторые изъ нихъ, болѣе смѣлые, привозятъ спиртъ даже на оленяхъ; преслѣдовать ихъ потому трудно, что есть множество таежныхъ тропинокъ, извѣстныхъ только имъ; наконецъ, сами рабочіе укрываютъ ихъ въ виду соблазна имѣть спиртъ. Въ виду доказанной безуспѣшности преслѣдованія спиртоносовъ, генералъ-губернаторъ видитъ лучшее средство противодѣйствія имъ въ увеличеніи дачи водки рабочимъ и въ возвышеніи платы за золото, вообще очень низкой, какъ будетъ показано далѣе.

Относительно пищи рабочихъ мы находимъ свѣдѣнія въ томъ же циркулярѣ генералъ-губернатора; условія отпуска рабочимъ пищевого довольствія весьма различны: на однихъ пріискахъ выдается въ сутки рабочему мяса 1½ ф., хлѣба 4½ фун. и чай; на другихъ—мяса 1—1¼ ф., хлѣба 3½—4 ф. и квасъ, а на иныхъ вмѣсто свѣжаго мяса дается только по 1 ф. соленого, при этомъ рабочіе не получаютъ ни чаю, ни квасу и, прибѣгая во время лѣтнихъ работъ къ утоленію жажды сырою водою, подвергаются желудочнымъ болѣз-

¹⁾ Циркуляръ генералъ-губернатора, отъ 26 марта 1876 г., № 545.

нямъ; вслѣдствіе недостатка пищи рабочіе принуждены бывають выписывать ее изъ пріисковыхъ магазиновъ на свои средства.

Вообще рабочіе рѣдко получаютъ чай отъ пріисковаго управленія: они имѣютъ отъ него только пищу и на свой счетъ должны покупать табакъ, чай, сахаръ и проч.; точно также сами должны покупать одежду и обувь. Покупать все это въ большинствѣ случаевъ приходится волей-неволей отъ пріисковаго управленія, такъ какъ больше достать негдѣ; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ можно достать на сторонѣ, многія компаніи выговариваютъ себѣ въ договорахъ строжайшее запрещеніе рабочимъ вносить съ собою излишекъ вещей и перепродавать товарищамъ (эта же передача отъ одного къ другому запрещается и для такихъ вещей, которыя не съ собой принесены, а взяты въ счетъ изъ кладовой компаніи) и обязываютъ рабочихъ одежду и пищу покупать въ пріисковомъ управленіи. Хотя, на основаніи инструкціи горнымъ исправникамъ, продажныя цѣны устанавливаются исправникомъ, но тѣмъ не менѣе онѣ высоки, напр. 40 к. и 60 к. за фунтъ сахара (какъ видно изъ циркуляра генералъ-губернатора). Въ несоразмѣрности этихъ цѣнъ сознается и самъ г. Скарятинъ, дающій совѣтъ промышленникамъ не барышничать въ столь мелкомъ дѣлѣ: „если дѣло идетъ хорошо, говорятъ онъ, то это такая мелочь, о которой не стоитъ и разговаривать; если же худо, то вѣдь этимъ не поправишь“.

Чтобы сберечь какую-нибудь копѣйку, рабочіе избѣгаютъ заниматься часто въ кладовыхъ одежду и обувь и носятъ по нѣскольку недѣль одну и ту же рубашку, которая до того успѣетъ пропитаться потомъ дегтемъ, пылью, грязью и проч., что уподобляется плотной, непромокаемой матеріи. Этой неопрятности рабочихъ способствуютъ нѣкоторые изъ управляющихъ пріисками такой спекуляціей: на пріиски запрещенъ ввозъ предметовъ роскоши, а между тѣмъ отпускъ холста на бѣлье невыгоденъ, почему и скунаютъ для рабочихъ гнилой ситецъ, который скоро распадается на рубашки и заставляетъ купить еще и т. д.

Что получаетъ рабочій и какъ производится съ нимъ расчетъ?— Рабочіе нанимаются за весьма незначительную мѣсячную плату (напр., въ Енисейской губ. 3 руб., въ Оренбургской—3 руб., въ Пермской—5—7 руб.), но имѣютъ право послѣ окончанія даннаго имъ на день урока ¹⁾, а также въ праздничные дни заниматься промысломъ псковъ въ свою пользу. Такая работа называется старательскою, и она оплачивается или за каждую сажень вскрыши, которую снимутъ

¹⁾ Уроки, впрочемъ, обыкновенно такъ велики, что рабочимъ рѣдко удается, кончая ихъ, поработать сверхурочно (Кривошапкинъ).

и отвезуть въ свободное время, или съ золотника намытаго золота (подъемнаго). Первый родъ старанія не можетъ представить столько счастливыхъ случайностей, какъ при нападеніи, при второмъ родѣ работы, на гнѣздо золота, но за то онъ вѣрнѣе, потому что не зависитъ отъ счастья попасть на хорошее мѣсто. Рабочими, впрочемъ, предпочитается второй родъ старанія—т.-е. при условіи платы съ золотника,—какъ болѣе выгодный; онъ же предпочитается и нѣкоторыми присковыми управленіями, потому что при немъ не утаивается золото: утаенное рабочимъ при урочной работѣ, оно возвращается при работѣ старательской. Плата съ сажени вскрыши составляетъ въ Енисейской губ. 25 руб., плата же съ золотника подъемнаго золота очень разнообразится, но всегда бываетъ значительно меньше настоящей цѣны шиховаго ¹⁾ золота: такъ, покупная цѣна шиховаго золота составляетъ около 3 р. 25 к.; залоговая цѣна, при приемѣ его въ залогъ въ государственный банкъ, 2 руб.; между тѣмъ въ 60-хъ годахъ въ Енисейской губерніи, по словамъ Кривошапнина, за золотникъ подъемнаго золота уплачивалось 85 к.; въ 1878 г. за него платили въ Восточной Сибири (какъ видно изъ циркуляровъ генералъ-губернатора) различно, и низшій размѣръ платы доходилъ до 96 коп., на одномъ же прискѣ даже до 60 к., да и то только за крупное подъемное золото; мелкое же золото, высѣваемое сквозь рѣшетку, не считалось подъемнымъ и поступало въ распоряженіе мѣстнаго присковаго управленія даромъ. Затѣмъ плата въ 60 к. за золотникъ уменьшалась въ случаѣ желанія рабочаго взять что-либо изъ припасовъ присковаго магазина въ счетъ подъемнаго золота или за деньги, за него уже полученныя; уменьшеніе это происходило вслѣдствіе того, что цѣна, напр., сахара, при выдачѣ его въ счетъ общей заработной платы, была установлена въ 45 коп. за фунтъ, а на деньги или за подъемное золото по 60 коп. за фунтъ, такъ что рабочій за золотникъ золота получалъ уже не 60 коп., а только 45 коп. или фунтъ сахару.

При недостаткѣ работъ промышленники не стѣсняются отпускать рабочихъ раньше наступленія срока договора и рассчитываютъ ихъ при этомъ только за заработанное время. Чтобы понять всю возмутительность подобныхъ поступковъ, стоить только вспомнить, что рабочій, въ большинствѣ случаевъ претерпѣвая многочисленныя лишенія и горькую нужду, идетъ сотни, а иногда и тысячи верстъ въ надеждѣ проработать нѣсколько мѣсяцевъ и приобрести нѣвѣстную

¹⁾ *Шиховымъ* называется золото несплавленное, добытое непосредственно промывкою изъ мѣсторожденій, а сплавленное, заключающее въ себѣ еще нѣкоторую примѣсь серебра, носить названіе *литатурнаго*; *чистымъ* называется вообще высокопробное золото, изъ котораго отдѣлено уже серебро.

сумму денег, и вдруг, по прошествии мѣсяца или двухъ, ему выдаютъ нѣсколько рублей и объявляютъ, что работѣ нѣтъ и онъ можетъ отправляться обратно. Такимъ образомъ, паниматель всегда можетъ расторгнуть контрактъ. Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находится наемщикъ, рабочій: законъ совершенно ничего не говоритъ о томъ, въ какихъ случаяхъ онъ имѣетъ право требовать уничтоженія контракта, и кто долженъ разбирать споры между нимъ и нанимателемъ; между тѣмъ подобныя случаи не рѣдки, какъ, напр., жестокое обращеніе, худое содержаніе, семейное несчастье съ рабочими и проч.

Заболѣвшихъ рабочихъ нѣкоторые золотопромышленники лечатъ на ихъ (рабочихъ) счетъ, а нѣкоторыхъ, получившихъ хроническую болѣзнь (напр., цыгу, ревматизмъ, водянку, катарръ, чахотку) вовсе не лечатъ а расчитываютъ, съ означеніемъ въ расчетныхъ листахъ: „расчитанъ за болѣзнь, остался долженъ столько-то рублей, почему по выздоровленіи и долженъ быть высланъ на операціи будущаго года“,—и отпускаютъ на всѣ четыре стороны. Безъ всякаго приарѣнія, безъ подвода, отправляется себѣ больной пѣшкомъ по таежной глуши, подвергается всѣмъ переѣмамъ суровой погоды, его мочитъ дождь, вѣтеръ насевозъ пронизываетъ его дырявую одежку, жуетъ онъ кое-какъ данные ему на дорогу ржаные сухари. Случалось, что, выбившись изъ силъ, такой бѣдняга умиралъ въ тайгѣ. А между тѣмъ на пріискахъ есть больницы, имѣющія обыкновенно очень хорошій, а для тайги даже слишкомъ роскошный видъ; но онѣ предназначаются пріисковыми управленіями только для первоначальнаго пособія и для легкихъ или экстренныхъ случаевъ, на самомъ же дѣлѣ скорѣе для вида, чѣмъ для принесенія дѣйствительной пользы.

Вотъ какую жизнь ведетъ пріисковый рабочій! Его заставляютъ работать, какъ вола, при этомъ часто обираютъ и обсчитываютъ, а если искалѣчатъ, или онъ трудно заболѣетъ, то выталкиваютъ на произволъ судьбы, вознаградивъ въ первомъ случаѣ грошами, а во второмъ—ничѣмъ ¹⁾. Отношеніе въ высшей степени безчеловѣчное,

¹⁾ Намъ могутъ замѣтить, что относительно положенія пріисковыхъ рабочихъ мы повторяемъ уже извѣстные факты, ранѣе заглавленные въ печати. Да мы и не думаемъ выдавать ихъ за что-либо новое. Но когда на положеніе пріисковыхъ рабочихъ не обращается никакого вниманія, когда въ теченіи 50 лѣтъ ни законодательство, ни промшленники ничего не сдѣлали для улучшенія ихъ положенія, мы считаемъ особенно полезнымъ твердить старое и извѣстные факты и твердить ихъ какъ можно чаще,—до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано хоть что-нибудь для облегченія участи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ несчастныхъ тружениковъ. Витовны черги жизни рабочихъ на пріискахъ заимствовали преимущественно изъ сочиненій Кривошапкина, Лоранскаго, Дейхмана и друг.

и нельзя не удивляться тому, что до сихъ поръ не принято никакихъ законодательныхъ мѣръ для облегченія участи этихъ рабочихъ: двѣ спеціальныя комиссиі для пересмотра законовъ о личномъ наймѣ, бывшія подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. Игнатьева I и ст.-секр. Валуева, вовсе не коснулись вопроса о положеніи принсковыхъ рабочихъ, которое такимъ образомъ осталось безъ перемѣны за слишкомъ пятидесятилѣтній періодъ существованія золотого промысла.

Извѣстно, какою тяжелою считается работа бурлака, замѣняющаго собою тяглый скотъ, но, по отзывамъ тѣхъ изъ сибирскихъ бурлаковъ (или, какъ ихъ въ Сибири называютъ, *караванчыхъ*), которые имѣли случай испытать также жизнь принскового рабочаго, эта послѣдняя куда хуже и тяжелѣе жизни караваннаго.

На челоуѣколюбіе золотопромышленниковъ, очевидно, разсчитывать нечего, и его мы оставимъ въ сторонѣ, но самъ собою возникаетъ вопросъ: неужели прямой расчетъ не заставляетъ ихъ поступать лучше со своими рабочими? Уже было показано, какой недостатокъ рабочихъ ощущается въ золотопромышленной области. Недостатокъ этотъ почти повсемѣстный и существуетъ не только въ Сибири, но и на Уралѣ: поэтому-то однимъ изъ условій продажи Богословскаго завода въ частныя руки было обязательство казны ноставлять для работъ на немъ определенное число ссыльнокоаторженныхъ.

Недостатокъ въ рабочихъ возрастаетъ—по направленію къ сѣверу и къ востоку: такъ, въ сѣверной Енисейской тайгѣ онъ болѣе, чѣмъ въ южной, въ восточной Сибири—значительнѣе, чѣмъ въ западной, и всего значительнѣе въ Амурскомъ краѣ. Но—фактъ удивительный—параллельно недостатку въ рабочихъ возрастаютъ эксплуатація и порабощеніе ихъ, которыя наибольшихъ размѣровъ и достигаютъ на крайнемъ востокѣ Сибири. Это утверждаютъ всѣ писавшіе о положеніи рабочихъ на золотыхъ пріискахъ. Фактъ этотъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться: вѣдь рабочіе имѣютъ въ запасѣ одно очень дѣйствительное средство отплатить хозяину за притѣсненія, это—бѣгство, противъ котораго ни казаки, ни другія средства не помогутъ: отыскать въ тайгѣ бѣглеца невозможно. И къ этому средству они дѣйствительно прибѣгаютъ, когда переполняется чаша притѣсненій; убытокъ для промышленника выходитъ страшный: „капиталь затраченъ, машины построены, припасы, инструменты, все, отъ гвоздя до шампанскаго, завезено на пріискъ, а рукъ нѣтъ, и взять ихъ негдѣ; весь механизмъ пріискаго хозяйства, если не останавливается вовсе, то разстроивается, задерживается“ (Скратинъ).

Пріисковыя управленія понимаютъ это хорошо, но тѣмъ не менѣе отношеніе къ рабочимъ остается то же. Происходитъ это по той причинѣ, что богатые золотопромышленники рѣдко сами живутъ въ Си-

бири на принсахъ; они предпочитаютъ жизнь въ столицѣ или заграничную, поручаютъ дѣло управляющимъ и даютъ инструкцію: доставить какъ можно больше барышей. Управляющіе и стараются получить барыши на всемъ, не исключая и платы рабочимъ, и ихъ содержанія. Вообще большинство управляющихъ, а также и очень многіе хозяева-промышленники, составившіе себѣ капиталъ изъ ничего, отъ своей предшествовавшей жизни, когда имъ приходилось сбивать себѣ средства по копѣйкамъ, получаютъ такой складъ и взгляды на жизнь, отъ которыхъ не могутъ отрѣшиться даже и тогда, когда обстоятельства мѣняются, и они становятся распорядителями или хозяевами обширнаго дѣла: имъ недостаетъ широты взгляда, и они не могутъ понять того, что иногда полезно бываетъ поступиться немногимъ, чтобы получить гораздо большее, полезно больше израсходовать на рабочихъ, чтобы при ихъ помощи имѣть гораздо большіе барыши. Факты на лицо: гдѣтъ около десяти тому назадъ ревизія принсковъ одной большой компаніи въ восточной Сибири, получающей огромные барыши отъ промысла, обнаружила очень плохое содержаніе рабочихъ, и, чтобы замѣть это дѣло, компаніи пришлось сдѣлать большое пожертвованіе на устройство одного учебнаго заведенія.

Мы старались очертить характеръ принсковаго рабочаго, его жизнь на принскѣ и его отношенія къ принсковому управленію.

Теперь остается сказать о томъ, какая участь постигаетъ такого рабочаго. Участь обыкновенно самая печальная. Жизнь на принскѣ дѣйствуетъ на него развращающимъ и убивающимъ его энергію образомъ: легкость кражи золота развиваетъ въ немъ алчность и другіе пороки; готовое помѣщеніе и пища балуютъ его и уничтожаютъ его самостоятельность; тяжелый трудъ и неуемное распутство подтачиваютъ здоровье и тоже убиваютъ энергію, и ссыльнопоселенецъ постепенно обращается въ машину, работающую изо дня въ день и непонимающую лучшаго способа существованія. Держится такая машина на принскѣ только до тѣхъ поръ, пока въ ней есть достаточно силъ: пропадаетъ сила, и ее выталкиваютъ на всѣ четыре стороны. Такимъ образомъ, золотопромышленность втягиваетъ въ свои работы людей сильныхъ, обезсиливаетъ ихъ и, выжавъ изъ нихъ то, что только можно выжать, мѣняетъ на новыя силы, не стѣсняя себя заботою о томъ, кого она обратила въ пролетарія.

Все это приводитъ насъ къ результатамъ, противоположнымъ выводамъ г. Скарятина, а именно: выгоды отъ золотопромышленности если и достаются рабочимъ, то въ очень ничтожномъ размѣрѣ; жизнь на принсахъ воспитываетъ рабочихъ только въ дурную сторону, портя ихъ нравственно, и подтачиваетъ ихъ здоровье; скорѣе способствуетъ

развитію въ нихъ мотовства, чѣмъ бережливости. Нѣсколько лѣтъ такой жизни не только не сдѣлаютъ ссыльно-поселенца домовитымъ полезнымъ членомъ общества, какъ ожидаетъ г. Скарятинъ, но напротивъ обратятъ его, болѣею частью, въ бездомнаго, безпомощнаго пролетарія.

Но золотопромышленники приписываютъ промыслу еще болѣшую заслугу: они въ немъ видятъ не просто средство для доставленія заработковъ ссыльно-поселенцамъ, но *единственное* средство для занятія ихъ. Вотъ что говоритъ г. Скарятинъ по поводу унадеа промысла въ концѣ сороковыхъ годовъ: „Мысль о степени значенія золотого промысла для края не была еще уяснена вполнѣ, а потому горевали только золотопромышленники, недосчитывавшіеся нѣсколькихъ милліоновъ ежегодно; но съ иной точки зрѣнія должно было представляться дѣло заботливому правителю края: что будетъ съ населеніемъ? какое поприще найдутъ рабочія руки, если промыселъ будетъ падать постоянно и наконецъ закроется вовсе?“ На этотъ вопросъ можно отвѣтить вопросомъ: съ какой точки зрѣнія представляется заботливому золотопромышленнику та случайность, если бы прекратилась ссылка на поселеніе въ Сибирь? что тогда будетъ съ промысломъ? откуда онъ достанетъ себѣ рабочія руки? Вопросъ этотъ такъ важенъ для промысла, что надъ нимъ стоить подумать. Онъ, конечно, приходилъ много разъ въ голову золотопромышленникамъ, но они не любятъ о немъ говорить: вѣдь если затронуть его, то придется, наконецъ, сознаться, что не столько промыселъ нуженъ для ссыльно-поселенцевъ, сколько нужны для него поселенцы. Мы видѣли, какъ сильно нуждается золотой промыселъ въ рабочихъ рукахъ, а слѣдовательно и въ ссыльно-поселенцахъ, со стороны которыхъ почти исключительно встрѣчается предложеніе работы на присахъ. Какъ смѣшны послѣ этого кажутся увѣренія золотопромышленниковъ, что безъ промысла несчастные ссыльно-поселенцы совсѣмъ пропали бы.

Но если вліяніе промысла на сибирское населеніе имѣетъ темныя стороны, то, можетъ быть, вредъ этотъ хотя въ нѣкоторой степени уменьшается личною дѣятельностью золотопромышленниковъ на пользу края? Вѣдь не мало хорошаго могутъ сдѣлать люди, одаренные такими большими средствами, если въ то же время они будутъ одушевлены благими намѣреніями: напр., могутъ способствовать развитію образованія въ краѣ, поднять его экономическое благосостояніе и т. д. Въ этомъ отношеніи на нихъ лежитъ даже нравственная обязанность: кому много дано, съ того много и спросится. Но съ сибирскихъ золотопромышленниковъ спросить нечего: ими почти ничего не сдѣлано для того края, который ихъ такъ щедро надѣлилъ средствами.

По словамъ самого г. Скарятина, первые золотопромышленники были

подонки общества, отребья его, обезумѣвшіе отъ неожиданно нахлынувшего имъ богатства и незнавшіе, какое бы придумать ему употребленіе. „Сотни, тысячи, десятки тысячъ, миллионы рублей попадали вдругъ въ руки людей, считавшихъ состояніе свое грошами; привезенные за тридевять земель триюфели заливали шампанскимъ люди, выросшіе въ избѣ на квасѣ и капустѣ, или за прилавкомъ базарнаго балагана съ мыломъ, дегтемъ, да гвоздями, или за кабацкой стойкой. Немногіе изъ нихъ выросли въ довольствіи, получили хотя какое-нибудь образованіе. Теперь этимъ людямъ пожимали руку графы, князья, генералы. Немудрено, что у многихъ изъ нихъ голова пошла кругомъ“.

На что употребляли свои богатства эти баловни судьбы? Отвѣтъ на это мы находимъ у г. Скарятина. Домъ людей, ставшихъ во главѣ общества, были обращены въ трактиры, гдѣ съ утра до вечера и съ вечера до утра находилъ пріютъ всякій, желавшій кутнуть и понтировать, не рѣдко на счетъ хозяина; шампанскаго выпивалось гибель: у одного золотопромышленника въ три мѣсяца вышли на 87 тыс. руб. асс., тщеславіе полагалось въ томъ, чтобы сорить направо и налево деньгами, выказывая при этомъ полное къ нимъ презрѣніе, исполнять всякую свою прихоть, какъ бы дика и безобразна она ни была, давать подачки окружающимъ льстецамъ за право безобразничать и потѣшаться надъ ними ¹⁾. Тщеславіе же побуждало этихъ миллионеровъ—вчерашнихъ кабатчиковъ и мелкихъ торгашей — употреблять всѣ усилія, чтобы породниться съ дворянскими фамиліями, хотя зачастую такое родство стоило имъ не дешево, такъ какъ влекло за собою потерю части, а то и всего состоянія, которое проматывалось новыми родственниками.

Но и для самихъ золотопромышленниковъ тотъ образъ жизни, который они вели, имѣлъ иногда гибельныя послѣдствія. Какъ ни велики были ихъ состоянія, какъ ни громады доходы (нѣкоторые наминали по сту пудовъ золота въ годъ), но многіе богачи, послѣ нѣсколькихъ прожитыхъ такимъ образомъ лѣтъ, мало того, что сами разорались, но разорали и другихъ, оставляя послѣ себя миллионныя долги. Жизнь, казалось, представляла для нихъ непрерывный праздникъ; судя по ихъ средствамъ, можно было ожидать, что таковой праздникъ будетъ для нихъ продолжаться вѣчно—до гроба, но

¹⁾ Притѣровъ г. Скарятинъ приводитъ много. Вотъ два довольно характерныхъ: одинъ золотопромышленникъ пошелъ прогуляться послѣ завтрака, и такъ какъ завтракъ былъ съ приличнымъ количествомъ шампанскаго, съ одной стороны, и водки, — съ другой, то гулявшій вскорѣ ударился въ стѣну одного дома; онъ рассердился, купилъ этотъ домъ и велѣлъ сломать, чтобы въ другой разъ на него не наткнуться. Другой золотопромышленникъ находилъ какое-то особенное наслажденіе бить одного чиновника въ Красноярскѣ, расплачивался очень хорошими домами за каждую таску.

вдругъ праздникъ совершенно неожиданно прекращался, чтобы уже никогда болѣе не повториться.

Не всегда, впрочемъ, легко имъ давался этотъ вѣчный праздникъ: бывали минуты, когда ощущеніе пустоты жизни особенно тяжело давало себя чувствовать этимъ несчастнымъ счастливицамъ. Что же они тогда дѣлали? Сокрушались о грѣхахъ, строили церкви, жертвовали для нихъ исполнскіе волокола (одинъ золотопромышленникъ далъ обѣщаніе вылить волоколъ въ тысячу пуд., но не успѣлъ его выполнить, потому что разорился), а одинъ томскій богатъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ, въ особой комнатѣ устроилъ какое-то подобіе Голгофы: тамъ, между прочимъ, стоялъ гробъ, куда онъ и ложился въ минуты, когда его праздная жизнь становилась для него уже слишкомъ тягостною. Но проходило это минутное настроеніе, и опять начиналась прежняя жизнь; попытокъ осмыслить ее не дѣлалось.

Вотъ болѣе или менѣе общая характеристика золотопромышленниковъ перваго періода. Мы считаемъ нужнымъ оговориться, что между ними были свѣтлыя личности, но ихъ было очень немного: одинъ, два—и обчелся ¹⁾; огромное же большинство принадлежало къ описанному типу. Оставили они послѣ себя память только въ варточной игрѣ, попойкахъ и безобразіяхъ.

Если сравнить описанныя времяпровожденіе и удовольствія промышленниковъ съ разгуломъ вернувшихся домой рабочихъ, — рабочихъ, которыхъ современные золотопромышленники обвиняютъ въ пьянствѣ и безобразіяхъ, — то замѣчается поразительное сходство: тѣ же безобразія и пьянство, но только у рабочихъ они въ болѣе грубой, а слѣдовательно и менѣе привлекательной формѣ. Рабочіе, конечно, трифелей не ѣли и вмѣсто шампанскаго пили водку ²⁾, но они, также какъ и тѣ, были одержимы, главнымъ образомъ, желаніемъ показать, что имъ деньги дешевле щепковъ. Рабочій, говорить г. Скарятинъ (послѣ возвращенія съ принса), мечется какъ угорѣлый: ему и въ голову не приходитъ мысль о надобности, возможности

¹⁾ Между ними одною изъ самыхъ свѣтлыхъ и замѣчательныхъ личностей былъ Ѳ. И. Поповъ, человѣкъ очень разносторонній и образованный. Кромѣ золотого промысла, онъ старался развить въ Сибири и другія отрасли промышленности, изучалъ вопросъ о соединеніи Оби съ Печорою, для чего произвелъ съемку мѣстности, гдѣ соприскаются бассейны этихъ рѣкъ, и пожертвовалъ (въ 30-хъ годахъ) 300 тыс. руб. на открытіе общественаго банка, съ тѣмъ чтобы изъ его прибыли содержалось женское учебное заведеніе. Банкъ существуетъ и понынѣ и насчетъ его доходовъ содержатся Томскія и Омскія женскія гимназій. Распространеніе образованія въ Сибири много обязано этому замѣчательному человѣку.

²⁾ Впрочемъ, бывали случаи, когда рабочіе требовали „вина, что господа пьютъ“ (т.-е. шампанскаго), но его, говорить г. Скарятинъ, имъ не давали, разумѣется, и покупая, продавалъ по 7—8 руб. бутылку какой-нибудь бурды, вмѣсто вина.

отказаться себѣ въ чемъ-нибудь, остановиться передъ высокою цѣною: только-бы было, а о цѣнѣ и не спрашиваетъ; его какъ будто тяготить съ такимъ трудомъ добытыя деньги, онъ спѣшитъ сбыть ихъ во что бы то ни стало; обираютъ его немилосердно; онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, пока не пропьется, пока уже голый не вытрезвится голодомъ; какъ будто кто гонится за нимъ, побуждая бросать деньги; это—звѣрь, ошалѣвшій отъ преслѣдованія.

Онъ покупаетъ, напр., кусокъ шелковой матеріи, велитъ постлать ее поперекъ грязной улицы, чтобы перейти по матеріи, купленной за баснословную цѣну, какъ по мосту, не замаравъ своихъ, и безъ того грязныхъ, сапогъ. Или, придя пѣшкомъ на станцію, нанимаетъ дѣвокъ, запрягаетъ ихъ въ сани и онѣ тащатъ его, въ половинѣ сентября, по голой землѣ, на полозьяхъ, до слѣдующей деревни 15 верстъ. Развѣ эти случаи не одинаково характерны съ тѣми, когда золотопромышленникъ велитъ сломать домъ, о который онъ накануне ударился лбомъ, или расплачивается за таску хорошими домами?

Въ послѣдовавшее затѣмъ время многое измѣнилось: цивилизующее значеніе времени коснулось и золотопромышленниковъ: смягчились и возвысились ихъ вкусы, и не ведутъ они той жизни, что прежде. Но по отношенію къ Сибири, тому краю, который надѣляетъ ихъ огромными богатствами, и въ тому населенію, которое составляетъ имъ эти богатства изъ земли,—они остаются тѣми же грубыми эгоистами, заботящимися исключительно о своихъ личныхъ интересахъ и выгодахъ. Только въ самое послѣднее время можно указать на нѣсколько случаевъ, гдѣ золотопромышленники своими усиліями и пожертвованіями выказали широкое пониманіе интересовъ своего края: мы говоримъ о такихъ пожертвованіяхъ, какъ, напр., пожертвованія г. Сибирякова на открытіе морского пути въ Сибирь или его же и Цибульскаго—на учрежденіе сибирскаго университета, и о нѣкоторыхъ другихъ. Но все же слишкомъ мало сдѣлано золотопромышленниками для того, чтобы претендовать на благодарность мѣстнаго населенія.

Изъ всего сказаннаго о мѣстномъ значеніи золотого промысла можно сдѣлать такой выводъ:

Золотой промыселъ для мѣстнаго края имѣетъ и хорошее, и вредное значеніе. Хорошее значеніе состоитъ въ томъ, что онъ въ нѣкоторыхъ (хотя немногихъ) мѣстахъ доставляетъ заработки мѣстному населенію; въ мѣстностяхъ нахожденія пріисковъ промыселъ способствовалъ возвышенію рабочей платы и оживленію мелкой торговли, отчасти и земледѣлія; но выгоды эти сравнительно невелики: изъ огромныхъ получаемыхъ отъ промысла барышей на долю мѣст-

наго населенія достается очень незначительная часть. Вредное значеніе промысла заключается въ развращающемъ дѣйствіи, которое онъ производитъ на мѣстное рабочее населеніе, приучая его къ безпечной, беспорядочной жизни, развивая въ немъ дурныя инстинкты и постепенно спаивая его. Вслѣдствіе этого вреднаго вліянія на ссыльно-поселенцевъ, нельзя смотрѣть на промыселъ, какъ на средство для занятія ихъ; напротивъ, въ виду недостатка рабочихъ въ Сибири, слѣдуетъ признать, что поселенцы гораздо болѣе необходимы для промысла, чѣмъ онъ для нихъ, и что безъ ссыльно-поселенцевъ промыселъ не достигъ бы своего современнаго развитія.

III.

Чего же можно желать въ будущемъ отъ золотого промысла? Въ интересахъ государственныхъ надо, конечно, желать, чтобы промыселъ получилъ болѣе развитіе; въ интересахъ мѣстнаго населенія, надо стремиться къ тому, чтобы рабочее присковое населеніе получало справедливое вознагражденіе за свой трудъ, чтобы заработанные деньги оставались его собственностью, способствовали увеличенію его благосостоянія и составляли дѣйствительное приращеніе той суммы цѣнностей, которая распространена среди низшихъ классовъ общества.

Какія измѣненія въ законодательствѣ нужны для достиженія этихъ цѣлей? Для достиженія первой цѣли необходимо, чтобы законодатель имѣлъ въ виду, что золотой промыселъ есть одинъ изъ видовъ торговаго предпріятія и, слѣдовательно, требуетъ для своего развитія тѣхъ же условій: онъ не въ состояніи выдерживать такихъ сильныхъ потрясеній, какъ, напр., возстановленіе подати съ золота, въ прежнемъ видѣ и размѣрѣ, черезъ два-три года послѣ отмѣны ея; для доставленія ему большаго простора, необходимо уничтожить многія формальности, напр., при заявкахъ и отводахъ росыпей, и отмѣнить нѣкоторые стѣснительныя условія, напр., обязательный передѣлъ всего добываемаго золота въ монету. Освобожденіе промысла отъ подобныхъ стѣсненій будетъ главнымъ условіемъ для его развитія. Оно выѣстъ съ тѣмъ много будетъ способствовать и для достиженія второй цѣли, т.-е. того, чтобы больше выгодъ отъ промысла доставалось на долю мѣстнаго сибирскаго и уральскаго населенія. Дѣйствительно, послѣдняя цѣль скорѣе осуществима при существованіи мелкаго промысла, чѣмъ крупнаго; хотя раздробленіе крупнаго промысла на болѣе мелкій совершается естественнымъ путемъ,—такъ какъ крупный промыселъ, ища болѣе богатыхъ по со-

держанію золота песковъ, постепенно отодвигается на востокъ Сибири и оставляетъ поле для развитія мелкаго промысла, — но мелкій промыселъ для своего развитія требуетъ еще болѣе свободы, чѣмъ крупный: многія стѣсненія и формальности, вовсе не чувствительныя для крупнаго промысла, оказываются непреодолимыми препятствіями для мелкаго, страшно тормазятъ и даже совершенно останавливаютъ его развитіе; законодательство должно придти на помощь мелкому промыслу и, расчищая ему путь устраненіемъ разныхъ стѣсненій, помочь искусственно тому, что рано или поздно должно совершиться само собою. При дальнѣйшемъ раздробленіи этого промысла получить доступъ къ самостоятельному занятію имъ то рабочее населеніе, которое теперь идетъ въ батраки къ богатымъ золотопромышленникамъ: оно, образуя артели и товарищества, будетъ само заниматься этимъ дѣломъ, получить лучшее вознагражденіе и возможность экономическаго благосостоянія, которое обыкновенно приносятъ съ собою промышленныя товарищества.

Независимо отъ этого должно быть обращено особенное вниманіе на положеніе приискаго рабочаго населенія: условія найма и образа жизни его такъ ненормальны, что справедливо возмущаютъ общество. Хотя мѣстной администраціе принимаются мѣры для борьбы съ этимъ зломъ, но мѣры эти недостаточны, пока на помощь администраціи не придетъ само сибирское общество; пока оно само не сознаетъ необходимости принять въ этомъ участіе и помочь сибирскому рабочему населенію, которое слишкомъ невѣжественно и мало развито, чтобы самому защищать и отстаивать свои интересы.

Мы рассмотримъ слѣдующіе вопросы: а) о подати съ золота; б) объ арендной платѣ съ присковъ, находящихся на казенныхъ земляхъ; в) объ отнѣнѣ обязательнаго передѣла всего добываемаго золота въ монету; г) о порядкѣ развѣдокъ, заявокъ и отводовъ росыпей; д) о пользованіи водою на приискахъ; е) о надзорѣ за промысломъ; ж) объ отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ на приискахъ.

IV.

Относительно *подати съ золота*, мы уже сказали, чѣмъ, по нашему мнѣнію, можно объяснить отнѣну ея въ 1876 г.: стремленіемъ нашего финансоваго управленія въ возможно короткое время значительно увеличить производительность промысла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общую производительность Россіи. Какой же получился результатъ? — въ 1876 г. добыто было шиховаго золота 2,054 п., въ 1877 г. — 2,502 п., а въ 1878 г. — около 2,560 п., т.-е. въ 1877 г. болѣе противъ 1876 г.

на 448 п., а въ 1878 г. на 506 п., т.-е. добыча золота увеличилась только на 25%. Таковъ результатъ можно было бы назвать ничтожнымъ и неоправдывающимъ принесенныхъ жертвъ, если бы мы въ правѣ были считать его послѣдствіемъ оти́вы подати съ золота; на самомъ дѣлѣ послѣдствія эти еще не успѣли достаточно выразиться въ такое короткое время, какъ два года, такъ какъ въ этотъ срокъ *нельзя было приступить къ разработкѣ вновь заявленныхъ приисковъ* (отводъ приисковъ дѣлается въ два года), ни даже *съ значительной степени усилить работы* на существующихъ приискахъ, потому что это усиленіе находится въ прямой зависимости отъ увеличенія количества рабочихъ и припасовъ на приискахъ, что, при отдаленности приисковъ и труднаго сообщенія съ ними (въ особенности на востокѣ Сибири, гдѣ теперь сосредоточена главная добыча золота), тоже не могло быть достигнуто въ короткое время. Указанное увеличеніе добычи золота въ значительной степени зависѣло отъ паденія нашего вексельнаго курса, такъ какъ черезъ это создавалась значительная премія для промышленниковъ, побудившая многихъ изъ нихъ нѣсколько усилить работы: благодаря этой преміи, стали получать выгоду даже тѣ, кто прежде едва сводилъ концы съ концами.

На вопросъ: можно ли въ будущемъ ожидать значительнаго увеличенія добычи золота послѣ оти́вы подати,—отвѣтить пока невозможно. Число заявокъ, правда, въ послѣдніе два года значительно увеличилось противъ предшествовавшихъ лѣтъ: въ восточной Сибири въ 5½ разъ и на Уралѣ въ 2½, раза,—но насколько благонадежны по содержанію золота заявленныя мѣста и насколько солидны средства промышленниковъ, заявившихъ эти мѣста,—неизвѣстно, а потому всѣ предположенія о дальнѣйшемъ развитіи безпошлинной добычи золота будутъ слишкомъ гадательны.

Предшествовавшая исторія промысла позволяетъ скорѣе заключить, что умѣренная подать съ золота не можетъ имѣть значительнаго вліянія на количество добычи его, по той причинѣ, что противъ тягости высокой подати имѣется хорошее противодѣйствіе въ улучшеніи способовъ производства промысла. Дѣйствительно, въ первое время въ Сибири находили возможнымъ разрабатывать лишь весьма богатныя россыпи, да и то выхватывая изъ нихъ только богатѣйшую полоску и оставляя въ бокахъ и отводахъ въ отвалахъ несли съ такимъ золотомъ, какое въ настоящее время найдется на рѣдкомъ приискѣ въ самомъ богатомъ мѣстѣ. Когда богатые прииски стали вырабатываться, то явилось убѣжденіе, что золотопромышленность рѣшительно и быстро клонится къ упадку, и что конецъ ея недалекъ; добыча золота стала уменьшаться, и золотопромышленники подняли плачь. Но дѣло обошлось очень благополучно: необходимость заставила по-

думать объ улучшеніи способовъ производства: усовершенствовали промывательныя машины, черезъ это усилили промывку песковъ, и, такимъ образомъ, бѣдность содержанія золота наперстали количествомъ промываемыхъ песковъ; гдѣ можно, замѣнили людей механизмами и лошадьми, и черезъ это уменьшили расходы на наемъ рабочихъ рукъ. Количество добычи золота вновь повысилось.

Благодаря этимъ усовершенствованіямъ, вводимымъ постепенно и, надо думать, далеко недостижимъ своего предѣла, въ настоящее время промываются пески съ такимъ незначительнымъ содержаніемъ золота, о которыхъ прежде нечего было и думать. Все это показываетъ, что подать съ золота, взимаемая въ умѣренномъ размѣрѣ, не можетъ быть стѣснительною для промысла. Это какъ-бы признано и самими промышленниками, не сдѣлавшими при пересмотрѣ въ 60-хъ годахъ въ податной комиссіи устава ни одного заявленія о полной отиѣнѣ подати съ золота.

Тѣмъ не менѣе возстановленіе подати съ золота въ прежнемъ видѣ всего менѣе было бы желательно въ настоящее время: хотя отиѣна подати и не вызывалась необходимостью, но разъ что подать отиѣнена, необходимо дожидаться результатовъ этой отиѣны, чтобы опредѣлить дѣйствительное вліяніе этого фактора на производство, что необходимо для дальнѣйшаго движенія законодательства о золотомъ промыслѣ. Если же необходимо увеличеніе доходовъ казны отъ золотого промысла, то это можетъ быть достигнуто на счетъ другого источника, именно насчетъ арендной платы съ казенныхъ пріисковъ, къ которой мы теперь и обратимся.

V.

Съ 1870 г. всѣ находящіеся на казенныхъ земляхъ пріиски обложены *арендной платой* въ размѣрѣ 15 коп. съ длины погонной сажени, такъ что за полный отводъ (5 верстъ длиною) приходится платить — 375 руб. въ годъ. Эта плата введена для предупрежденія захвата большого числа пріисковъ въ однѣ руки; но въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, она не достигаетъ цѣли: съ одной стороны, она слишкомъ ничтожна, чтобы предупредить захваты крупныхъ промышленниковъ, и слишкомъ высока и обременительна для производства промысла мелкихъ промышленниковъ. Поэтому въ то время, какъ въ богатѣйшихъ округахъ захваты продолжаютъ существовать въ большихъ размѣрахъ ¹⁾, золотопромышлен-

¹⁾ Въ олекминскомъ и амурскомъ округахъ число оставленныхъ безъ разработки пріисковъ было въ 1874 г. болѣе числа разрабатываемыхъ: въ первомъ — въ 9, во второмъ — въ 8 разъ.

ники болѣе бѣдныхъ золотомъ мѣстностей, именно: уральскаго хребта, западной Сибири и киргизскихъ степей—обращаются (въ 1871 г.) къ правительству съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ арендной платы, объясняя, что она лишаетъ ихъ возможности продолжать разработку бѣдныхъ по содержанию приисковъ, составляющихъ огромное большинство въ тѣхъ мѣстностяхъ. Вслѣдствіе этого взиманіе арендной платы въ этихъ мѣстностяхъ было въ 1871 г. временно пріостановлено, и выработанъ проектъ новыхъ правилъ для взиманія арендной платы ¹⁾. Существенное отличіе его отъ прежде существовавшаго способа состоитъ въ томъ, что арендную плату предполагено взимать не по числу погонныхъ сажень въ длинѣ прииска, а по размѣру его площади, съ принятіемъ десятины за единицу обложения. Такое измѣненіе вызвано значительною разностью въ размѣрахъ площадей на Уралѣ и въ Сибири: на Уралѣ ширина прииска не можетъ превышать 100 саж., а площадь его — 250,000 кв. саж., въ Сибири же приискъ можетъ занимать всю ширину долины, и потому его площадь можетъ быть болѣе 1 мил. кв. саж. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было предполагено размѣръ арендной платы поставить въ зависимость отъ богатства росыпей, посредствомъ установленія нѣсколькихъ размѣровъ платы, сообразно количеству добываемаго золота. Послѣ отмѣны подати съ золота проектъ этотъ былъ вновь пересмотрѣнъ, при этомъ основная мысль, какъ мы слышали, осталась та же, но частности измѣнены, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: предполагается установить три размѣра арендной платы: высшій—для олекминскаго округа, какъ самаго богатаго, средній—для амурскаго и низшій—для всѣхъ прочихъ, и въ этихъ размѣрахъ взимать плату со всѣхъ неработающихъ приисковъ и съ тѣхъ, гдѣ добывается менѣе 2 п. Для тѣхъ приисковъ, гдѣ будетъ добываться болѣе 2 п., но менѣе 3 пуд., подесятинная плата удваивается; гдѣ болѣе 3 пуд., но менѣе 4 пуд., она утроивается и т. д., т. е. соразмѣрно количеству добытаго золота размѣръ подесятинной платы возрастаетъ въ арифметической прогрессіи. Пояснимъ это примѣромъ: положимъ, что норма платы для одного изъ округовъ будетъ опредѣлена въ 3 р.; такая плата будетъ взиматься съ приисковъ, гдѣ золото добывается менѣе 2 п.; если добыча золота будетъ 2—3 пуд., то плата составитъ 6 р., если 3—4 п., то 9 р. и т. д.

Нельзя не отнестись съ полнымъ одобреніемъ къ такому разрѣшенію вопроса объ арендной платѣ. Арендная плата была установлена (въ 1870 г.) для устраниенія захвата приисковъ, такъ какъ опытъ показалъ, что практиковавшаяся до того времени мѣра предупреж-

¹⁾ Проектъ этотъ разобранъ въ Трудахъ общ. сод. рус. пром., 1874 г., ч. VII.

денія захватовъ—именно обязательная разработка приисковъ—положительно бесполезна: горный ревизоръ не имѣетъ возможности услѣдить за тѣмъ, разрабатывается ли приискъ или нѣтъ. Но какъ мѣра для предупрежденія захватовъ, арендная плата тоже очень несовершенна, такъ какъ не можетъ вполне уничтожить ихъ: богатый золотопромышленникъ всегда будетъ имѣть возможность и выплатить подати, и обойти законъ. Поэтому единственно къ чему можно стремиться—это къ возможному уменьшенію захватовъ ¹⁾. Но, какъ показало опыты, при выборѣ размѣра арендной платы надо поступать съ большою осмотрительностью, такъ какъ высокая арендная плата оказывается губительною для мелкой промышленности. Поэтому въ разныхъ мѣстностяхъ должны быть установлены разные нормы арендной платы, въ зависимости отъ богатства золотоносныхъ песковъ и размѣра промысловыхъ работъ: въ мѣстахъ преобладанія крупнаго промысла эта плата должна быть назначена настолько высокою, чтобы стѣснять по возможности захваты; въ мѣстахъ же мелкаго промысла она должна быть настолько низка, чтобы не тормазить развитіе мелкой промышленности. Въ принципѣ проектъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ; надо желать, чтобы онъ имъ удовлетворялъ и въ частностяхъ, т.-е. чтобы были разумно выбраны размѣры арендной платы для разныхъ мѣстностей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отнестись съ сочувствіемъ и ко введенію въ арендную плату начала прогрессивности, въ зависимости отъ количества намываемаго на приискахъ золота, такъ какъ казна черезъ это получаетъ возможность возстановить свой доходъ отъ промысла, не прибѣгая къ только-что отмѣненному способу взиманія подати съ золота.

VI.

Много нареканій возбуждаетъ порядокъ, такъ-называемаго, *расчета казны съ промышленниками за добываемое ими золото*. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: намывъ золото, промышленникъ беретъ свидѣтельство отъ горнаго ревизора о томъ, на какомъ приискѣ оно добыто, и везетъ его въ Иркутскъ, Барнаулъ или Екатеринбургъ, гдѣ существуютъ золотосплавочныя лабораторіи; тамъ золото сплав-

¹⁾ Въ 1878 г. въ екатеринбургскомъ округѣ была примѣнена другая принудительная мѣра для разработки казенныхъ приисковъ: арендаторы 3-хъ участковъ обязались имѣть не менѣе 50 рабочихъ на участкѣ; эта мѣра практикуется на земляхъ частныхъ лицъ, но врядъ ли примѣнима на казенныхъ, такъ какъ требуетъ строгаго надзора, что для казны невыполнимо, по большому числу приисковъ.

ляютъ въ штыки и ставятъ на немъ пробу и затѣмъ везутъ въ казенномъ транспортѣ (караванѣ) на с.-петербургскій монетный дворъ, а промышленнику выдаютъ ассигновки, по которымъ онъ черезъ 6 мѣсяцевъ получить съ монетнаго двора равную сумму золотомъ монетомъ.

Неудобства такого порядка заключаются въ слѣдующемъ:

1) 6-ти мѣсячный срокъ для производства расчета очень стѣснителенъ для промышленниковъ, потому что, вслѣдствіе мѣстныхъ условий, они затрачиваютъ капиталъ за годъ, за два, а иногда и болѣе до представленія золота. Правда, промышленникъ можетъ продать или заложить свои ассигновки въ банкахъ или у частныхъ лицъ, но при этомъ онъ потеряетъ, по крайней мѣрѣ, 4 учетныхъ процента; при продажѣ же, кромѣ того, потеряетъ нѣсколько процентовъ риска, которые учитываются покупателями на случай пониженія цѣны на золотѣ черезъ 6 мѣсяцевъ.

2) Промышленникъ несетъ расходы на доставку золота въ Петербургъ и расходы на полученіе золота въ Петербургѣ, такъ какъ для послѣдней цѣли онъ долженъ или самъ туда ѣхать, или давать довѣренность на полученіе золота съ монетнаго двора.

3) Промышленникъ несетъ расходы по чеканкѣ монетъ, пропадающіе совершенно непроизводительно, такъ какъ большая часть нашей монеты уходитъ за-границу и тамъ вновь перечекаивается.

Медленность и формализмъ этого расчета давно возбуждаетъ ропотъ всего золотопромышленнаго міра. Вотъ какъ отзывался объ этомъ г. Скарятинъ въ 1862 г.: „Кто хоть разъ сдавалъ золото, тотъ знаетъ, что это за исторія! Не то, чтобы золотопромышленнику было ужъ очень нужно самое золото; напротивъ, почти всегда онъ очень радъ промѣнять поскорѣй свой золотой порошокъ на кредитные билеты; но я говорю о тѣхъ хлопотахъ, потерѣ времени, поклонахъ, тратѣ денегъ и т. п., которыми сопровождается этотъ промѣнъ. Вести золото приходится за тысячи и болѣе верстъ, посылать довѣреннаго, тратить деньги, кланяться всѣмъ и каждому, начиная со сторожа ¹⁾, и ждать денегъ въ то время, когда дорогъ каждый часъ. Подрядчики приступаютъ, рабочихъ надо рассчитывать, а въ кассѣ хоть шаромъ покати. Я по собственному опыту знаю, что это за адъ!“ Такъ жалуется крупный промышленникъ, что же послѣ того сказать мелкому? Для него получить скорый расчетъ за золото тѣмъ болѣе важно, что онъ ведетъ дѣло разработки безъ запаснаго капитала:

¹⁾ Известно, что прежде при сплавѣ золота въ Барнаулѣ приходилось давать взятки всѣмъ и каждому, не исключая и кошегара, послѣднему — изъ предосторожности, чтобы горшокъ не лопнулъ и золото не вытекло.

онъ готовъ поступиться значительною частью прибыли и продать золото по значительно меньшей цѣнѣ, лишь бы получить за него скорѣе деньги.

Въ настоящее время неудобства нѣсколько уменьшились: золото сплавляется, вмѣсто одной, въ трехъ лабораторіяхъ; при приѣмѣ его не дѣлается тѣхъ притѣсненій, что прежде; но все-таки остается еще очень и очень много стѣсненій. Стѣсненія эти сознаны, наконецъ, и самимъ горнымъ вѣдомствомъ, и оно, признавая необходимымъ оставить въ своей силѣ обязательное представленіе шихового золота въ казну, находитъ возможнымъ выдавать его обратно промышленникамъ не въ видѣ монеты, а въ видѣ слитковъ лигатурнаго золота; это даетъ возможность рассчитать за золото перенести изъ монетнаго двора въ тѣ лабораторіи, гдѣ оно сплавляется, значительно сократить срокъ расчета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освободить промышленниковъ отъ расходовъ по передѣлу золота въ монету.

VII.

Порядокъ развѣдокъ, заявокъ россыпей и отвода площадей — тоже чрезвычайно сложный и продолжительный. Хотя въ законѣ точно обозначено, кто имѣетъ и кто не имѣетъ права заниматься промысломъ, тѣмъ не менѣе на право развѣдокъ золота надо брать дозволительное свидѣтельство отъ мѣстнаго управленія по золотому промыслу. Положимъ, свидѣтельство взято, поисковая партія сформирована и отправлена на развѣдки, россыпь найдена; тогда надобно заявить объ этомъ уѣздному полицейскому управленію, но предварительно надо выбить на протяженіи развѣданной мѣстности не менѣе двухъ шурфовъ. Не позже двухъ лѣтъ послѣ заявки дѣлается отводъ площади, и промышленнику выдается на нее планъ.

Порядокъ этотъ можетъ имѣть одну цѣль: обезпечить промышленнику право пользованія пріискомъ, между тѣмъ въ немъ есть много формальностей, не имѣющихъ никакого отношенія къ этой цѣли и только тормозящихъ дѣло. Къ нимъ, во-первыхъ, принадлежатъ дозволительныя свидѣтельства; введены они съ цѣлью — лучше слѣдить за тѣми, кто сталъ бы добывать золото, не имѣя на то права. Но такъ какъ съ соблюденіемъ этой формальности неизбѣжно соединены трата времени и расходы, то она приводитъ какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ: изъ-за нея одни изъ имѣющихъ право на развѣдки золота отказываются отъ поисковъ, другіе же производятъ ихъ безъ свидѣтельства и, такимъ образомъ, имѣя по закону право,

поступаютъ незаконно. Въ виду этого, дозвожительныя свидѣтельства должны быть отмѣнены.

Во-вторыхъ, обязательство выбивать не менѣе двухъ шурфовъ—опять излишняя формальность. Очевидно, она имѣетъ цѣлью заставить промышленника, прежде чѣмъ заявлять розсыпь, убѣждаться въ ея благонадежности. Законъ этотъ не всегда исполняется: дѣйствительная развѣдка площади часто дѣлается послѣ, а не прежде заявки; съ явочною же шурфовкою поступаютъ такъ: вырываютъ ямки вмѣсто шурфовъ, подаютъ явку и вступаютъ въ переговоры съ отводчикомъ. „Безъ платы отводчику,—говоритъ г. Скарятинъ въ 1862 г.,—никакъ не обходится, такъ какъ рѣдко встрѣчается такая заявка, къ которой нельзя было бы придратъся такъ или иначе, если придратъся захотятъ. Бывали примѣры, что если принскъ подаетъ надежды, то за него плачивали по десяти и даже болѣе тысячъ рублей. Обыкновенныя же расходы невелики и не обременительны для крупнаго промышленника, но могутъ оказаться очень обременительными для мелкаго“. Поэтому всего лучше было бы отмѣнить это излишнее требованіе и отводить промышленнику всякую указанную имъ свободную мѣстность, не вынуждая его производить шурфовку. Правительство само, повидимому, начинаетъ признавать эту формальность излишнею и не всегда выполнимою: по крайней мѣрѣ, прошлымъ лѣтомъ было нѣсколько случаевъ утвержденія за частными лицами принсковъ, при заявкѣ которыхъ не были соблюдены всѣ требуемыя относительно шурфовки формальности ¹⁾.

Въ-третьихъ, двухлѣтній срокъ для отвода площадей слишкомъ великъ, въ особенности для мелкаго промысла, и долженъ быть сокращенъ до *minimum*'а, который, конечно, окажется различнымъ для разныхъ мѣстностей: въ восточной Сибири, пустынной и мало населенной, онъ все-таки останется довольно продолжительнымъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной Сибири, а въ особенности на Уралѣ, гдѣ населеніе гораздо гуще, срокъ этотъ могъ бы быть сокращенъ до полугода, а можетъ быть и того менѣе.

VIII.

Въ нашемъ законодательствѣ замѣчается полный пробѣлъ правилъ пользованія *водою* на золотыхъ принскахъ. Безъ воды немыслима разработка принска: она тамъ употребляется и какъ двигатель, и какъ орудіе для промывки песковъ; какъ двигатель, сила воды мо-

¹⁾ Положеніе комитета министровъ, 1 и 29 іюня 1879 г.

жетъ быть еще замѣнена силою пара, лошадей и другими силами, но какъ орудіе для промывки она составляетъ единственное и ничѣмъ незамѣнимое средство,—она, такъ-сказать, жизнь пріисковъ.

Въ золотоносныхъ системахъ сплошь и рядомъ встрѣчается нѣсколько пріисковъ по одной долинѣ, рѣчка или ключъ которой протекаетъ только по тѣмъ изъ нихъ (главнымъ или первымъ по заявкѣ), которыя лежатъ въ самыхъ низменныхъ частяхъ долины, а потому одинъ пріискъ не имѣютъ своей воды, у другихъ же въ ней нерѣдко чувствуется избытокъ. Владѣльцы пріисковъ, по которымъ протекаетъ вода, считаютъ ее своею собственностью, а потому и распоряжаются водою, какъ имъ хочется, не только стѣсняя въ пользованіи ея, но и совсѣмъ лишая ея владѣльцевъ другихъ пріисковъ; вслѣдствіе чего послѣдніе вынуждены бываютъ или оставлять пріиски безъ разработки, или платить за воду слишкомъ дорого, или продавать пріиски за безцѣнокъ. Справедливость этого подтверждается многими примѣрами изъ практики нашего золотого промысла.

Въ законодательствахъ другихъ европейскихъ государствъ относительно пользованія водою существуютъ особыя спеціальныя правила. Для правильнаго развитія нашей золотопромышленности необходимо, чтобы отношенія промышленниковъ къ водѣ, въ случаѣ несогласій, были бы подчинены особымъ правиламъ, въ основу которыхъ долженъ быть положенъ тотъ принципъ, что вода, какъ постоянный даръ природы, по временамъ очень обильный, а иногда и недостаточный для удовлетворенія нуждъ человѣка и его фабричной и горной промышленности, не должна составлять для владѣльца прилегающей къ ней земли безусловнаго права собственности, а выражать лишь право преимущественнаго пользованія ею безъ ущерба и стѣсненія владѣльцевъ сосѣднихъ пріисковъ ¹⁾.

IX.

Близжайшій надзоръ надъ золотыми промыслами возлагается на окружныхъ ревизоровъ и полицію, въ лицѣ горныхъ исправниковъ. Обязанности ревизора состоятъ въ разсмотрѣніи правильности заявокъ, наблюденіи за производствомъ отводовъ и вообще въ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ золотопромышленнаго устава (ст. 13 уст.). Къ обязанностямъ полиціи относится веденіе списка открытыхъ россыпямъ и надзоръ за сохраненіемъ порядка на промыслахъ.

¹⁾ Труды общества содѣйствія и т. д., ч. VII. Мнѣніе комиссін, избранной комитетомъ общества для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ вопросовъ золотого промысла.

Изъ перечисленія обязанностей окружного ревизора видно, что онъ довольно неопредѣленны: „наблюдать за точнымъ исполненіемъ устава“, но на что слѣдуетъ при этомъ наблюденіи обращать главное вниманіе, чтобы изъ-за мелочей не упустить наиболѣе существеннаго? Неопредѣленность такого наблюденія сознавалась, повидимому, и составителями устава, такъ какъ далѣе, въ ст. 14 упоминается объ инструкціи, которая будетъ дана горнымъ ревизорамъ для руководства при исполненіи ими своихъ обязанностей. Инструкція эта, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не составлена, между тѣмъ въ ней настоятъ крайняя надобность; выше было показано, въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ живутъ и работаютъ рабочіе на промыслахъ; защиту ихъ правъ и интересовъ должны на себя принять лица правительственнаго надзора; это должно быть вмѣнено имъ въ обязанность, и предѣлы ихъ вѣдѣтельности въ отношеніи рабочихъ къ промышленникамъ должны быть опредѣлены инструкцію.

Вообще, горнымъ ревизорамъ и исправникамъ приходится быть посредниками между рабочими и промысловыми управленіями и для безпристрастнаго исполненія этихъ обязанностей необходимо, чтобы ревизоръ и исправники были поставлены въ положеніе вполне независимое отъ промышленниковъ. Между тѣмъ, если обратить вниманіе на получаемое ими содержаніе, трудно ожидать, чтобы эти лица въ состояніи были держать себя вполне независимо. Изъ финансовыхъ смѣтъ горнаго департамента видно, что окружной ревизоръ получаетъ въ годъ отъ 885 р. до 1,885 р., его помощникъ—864 р., горный исправникъ (по штатамъ 1838 г.)—отъ 280 р. до 435 руб. Большая часть этихъ окладовъ вообще незначительна, тѣмъ болѣе для людей, трущихся около золота. Немудрено послѣ этого, что многіе изъ этихъ лицъ прибѣгаютъ къ незаконнымъ поборамъ съ промышленниковъ, для чего практика выработала (какъ видно изъ трудовъ податной комиссіи) болѣе или менѣе опредѣленные оклады: „ограниченность оклада жалованья мѣстной присковой администраціи такова, что, напр., горный исправникъ рѣшительно не могъ бы существовать, если бы золотопромышленники не помогали ему и деньгами, и припасами въ натурѣ. Это производится слѣдующимъ образомъ: горному ревизору дается отъ 50 коп. до 1 руб. на каждаго рабочаго, помощнику его—отъ 25 к. до 50 к., и 25 к. на канцелярію; столько же почти дается исправнику, его помощнику и на канцелярію и, сверхъ того, все содержаніе натурою: чай, сахаръ, хлѣбъ, мясо, овесъ, сѣно и прислуга“. Заявленіе это было сдѣлано въ 1864 г. въ податной комиссіи однимъ экспертомъ-золотопромышленникомъ, и такъ какъ штаты съ тѣхъ поръ не измѣнились, то, вѣроятно, слова эти справедливы и для настоящаго времени. Суще-

ствование этих тайных поборовъ вызвало преслѣдованіе со стороны бывшаго генералъ-губернатора Синельникова, окончившееся, впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, полнѣйшимъ неуспѣхомъ. Дѣйствительно, единственное средство противъ этихъ злоупотреблений—это назначеніе справедливаго вознагражденія лицамъ правительственнаго надзора. Отсюда ясно, какъ необходимо возможно скорѣе пересмотрѣть штаты получаемаго ими содержанія.

X.

Вопросъ *объ отношеніи присковокъ рабочихъ къ ихъ хозяевамъ* находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи. Сами золотопромышленники начинаютъ это сознавать и заниматься изысканіемъ средствъ для улучшенія этихъ отношеній. Такъ, промышленники, обсуждавшіе этотъ вопросъ въ обществѣ содѣйствія, отзываются о немъ въ слѣдующихъ словахъ ¹⁾: „въ сорокалѣтній періодъ существованія сибирской золотопромышленности всѣ ея частныя стороны развивались и улучшались или путемъ законодательной регламентаціи, или практическимъ путемъ опыта и обычая. Исключеніемъ является только положеніе рабочихъ на прискахъ, которое и донынѣ остается почти тѣмъ же, каковымъ было сорокъ лѣтъ тому назадъ, при первомъ появленіи золотого промысла въ Сибири, дѣйствительная же отсталость этого положенія съ каждымъ годомъ и съ возрастающею силою даетъ себя чувствовать какъ самимъ золотопромышленникамъ, такъ и мѣстному населенію, и самой правительственной администраціи сибирскихъ губерній“.

Главные недостатки этихъ отношеній промышленники видятъ въ слѣдующемъ:

Во-1-хъ, при наймѣ рабочихъ имъ выдаются большіе задатки, что, по мнѣнію комиссіи золотопромышленниковъ, происходитъ вслѣдствіе разгула рабочихъ, пропивающихъ задатки и являющихся за новыми получками. Мы уже показали выше, что въ выдачѣ большихъ задатковъ виноваты исключительно сами промышленники и ихъ довѣренныя, старающіеся, при помощи большихъ задатковъ, перетянуть рабочихъ одинъ отъ другого. Мы показали также, что большіе задатки составляютъ зло, такъ какъ ставятъ рабочаго въ большую зависимость отъ присковаго управленія, вслѣдствіе чего наиболѣе самостоятельныя и осторожныя рабочіе остерегаются брать большія суммы въ задатокъ. Зло это, какъ кажется, не такъ трудно

¹⁾ Труды Общества, ч. VII.

устранимо: для этого надо, конечно, обуздать не произволъ рабочихъ, берушихъ эти задатки, а произволъ хозяевъ, ихъ дающихъ. Сдѣлано это, можетъ быть, напимѣръ посредствомъ постановленія, что какъ бы ни былъ великъ долгъ принскаго рабочаго, хозяинъ при расчетѣ обязанъ выдать ему опредѣленную часть договорной суммы деньгами. Черезъ это хозяева будутъ поставлены въ необходимость быть болѣе осторожными при выдачѣ большихъ суммъ въ счетъ будущихъ заработковъ (Лоранскій, Горный Журналъ, 1872 г.).

Во-2-хъ, рабочіе, по словамъ золотопромышленниковъ, крадутъ золото и пьянствуютъ. Но мы видѣли, что пьянство и кража золота происходятъ въ значительной степени по винѣ самихъ принсковыхъ управленій: съ одной стороны, они не даютъ рабочимъ столько вина, сколько требуется мѣстными климатическими условіями и трудностью работы, съ другой—они сами обезцѣниваютъ золото, уплачивая только за крупное, и то по баснословно низкой цѣнѣ; рабочій перестаетъ цѣнить такое золото и предпочитаетъ, вмѣсто того, чтобы отдать его почти за-даромъ промышленнику, купить на него водку, удовлетворивъ тѣмъ своей естественной потребности. Ясно, что средства противъ кражи золота и пьянства рабочихъ находятся въ рукахъ самихъ промышленниковъ. Средства эти указаны въ приведенномъ выше циркулярѣ генералъ-губернатора: надо возвысить вознагражденіе, выдаваемое рабочимъ за подземное золото, принимать въ счетъ его не только крупный, но и мелкій металлъ, не уменьшать этого вознагражденія при уплатѣ за подземное золото припасами и давать рабочимъ большее количество винныхъ порцій. Тогда смѣло можно рассчитывать, что рабочіе сознаютъ собственныя свои выгоды отъ сдачи подземнаго золота принсковому управленію, и прекратится утайка его; равнымъ образомъ значительно ослабѣетъ и пьянство ¹⁾.

Въ-3-хъ, рабочій не имѣетъ средствъ къ сбереженію и накопленію своего заработка и къ приобрѣтенію себѣ въ немъ обезпеченія на старость; потому и трудовыя деньги естественно имѣютъ въ его глазахъ сравнительно малое значеніе и часто проматываются въ очень короткое время. Но это кажущееся легкомысліе объясняется исклю-

¹⁾ Обыкновенно рабочихъ въ хищничествѣ золота, обыкновенно забываютъ, что иногда хищниками его являются тѣ самые казаки, которые приставлены къ принсамъ, чтобы охранять золото и поддерживать порядокъ и спокойствіе. Жизнь на принскѣ считается для казака очень выгодною, и эти мѣста даютъ имъ какъ-бы въ кормѣжку. Дѣлать имъ тамъ нечего, и потому они, наравнѣ съ прочими рабочими, занимаются обыкновенно промышленною работою. Промышленники зачастую тяготятся излишнимъ числомъ казаковъ, но избавиться отъ нихъ не могутъ; поэтому они теперь хлопотуютъ о томъ, чтобы самому владѣльцу принска было предоставлено право опредѣлять число нужныхъ для охраны принска казаковъ.

чительно тѣмъ обстоятельствомъ, что они не могутъ даже найти лучшаго употребленія для своихъ денегъ: дѣйствительно, нельзя допустить, чтобы рабочій успѣшно сберегалъ деньги, нося ихъ постоянно при себѣ и копилъ бы ихъ изъ году въ годъ, среди всѣхъ случайностей и соблазновъ полубродяжеской жизни. Генералъ-губернаторы восточной Сибири, какъ видно изъ ихъ циркуляровъ, принимали различныя мѣры, чтобы помочь рабочимъ донести въ цѣлости до дома заработанныя деньги: такъ, были командированы чиновники на большіе пріиски ко времени выхода оттуда рабочихъ, которые убѣждали рабочихъ (и, по словамъ циркуляровъ, не безъ успѣха) отдавать имъ деньги на время пути на сбереженіе; затѣмъ рабочимъ не дозволялось останавливаться въ большихъ городахъ и вообще въ мѣстахъ, представляющихъ много соблазновъ. Мѣры эти, конечно, слишкомъ паллиативны, чтобы имѣть какое нибудь серьезное значеніе; къ тому-же, онѣ могутъ быть приняты только относительно очень небольшого числа рабочихъ.

Къ изложеннымъ неудобствамъ слѣдуетъ прибавить еще одно, наиболѣе важное для интересовъ самихъ рабочихъ:

Въ-4-хъ, рабочіе нанимаются на пріиски единолично и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ артелями, именно для специальныхъ цѣлей, каковы: золотичныя работы, оплачиваемыя по количеству добытаго золота, вскрытіе торфовъ, плотничныя работы и друг.; дѣйствуя при единоличномъ наймѣ, часто въ подрывъ однимъ интересамъ другого, они получаютъ меньшую плату, чѣмъ тѣ, которые нанимаются по-артельному; вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе той же разрозненности своихъ интересовъ, они не находятъ въ своей средѣ никакой опоры противъ притѣсненій присоеваго управленія и страдаютъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе, чѣмъ рабочіе, нанявшіеся по-артельному.

Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для улучшенія настоящаго положенія рабочихъ, по мнѣнію комиссій, было бы такое средство, которое клонилось бы къ поднятію нравственнаго уровня самого рабочаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняло бы изъ его внутренняго быта самыя причины его недостатковъ. Такой поворотъ къ лучшему, можетъ быть, по мнѣнію комиссій, достигнутъ, хотя и очень постепенно, въ теченіи значительнаго періода времени, при осуществленіи слѣдующихъ главныхъ условій: 1) установить между рабочими круговую поруку; 2) доставить рабочему возможность къ сбереженію и накопленію его заработковъ, и 3) доставить ему лучшія гарантіи его правъ и интересовъ, измѣненіемъ способа найма и единоличнаго заключенія условій. Всѣ эти цѣли, по мнѣнію комиссій, одновременно могутъ быть достигнуты посредствомъ прямой организаціи рабочихъ въ артели, съ возможно правильнымъ и опредѣлен-

нымъ внутреннимъ устройствомъ. Устроить такую артель, коммиссія полагаетъ возможнымъ на слѣдующихъ, главнымъ образомъ, основаніяхъ: артель учреждается по возможности на долгій срокъ, и рабочіе остаются ея членами какъ въ бытность на пріискахъ, такъ и по возвращеніи на зимовку. Артель управляется старостой, и выборными этихъ лицъ ведутся переговоры съ нанимателями и заключаются контракты о наймѣ рабочихъ. Каждый рабочий изъ своихъ заработковъ отчисляетъ опредѣленный процентъ въ артельный капиталъ, и накопившаяся, такимъ образомъ, доля возвращается ему при выходѣ его изъ артели. Долги, оказавшіеся на бѣжавшихъ рабочихъ или на немѣющихся возможности ихъ уплатить, покрываются вычетами изъ общихъ заработковъ.

Къ сожалѣнію, въ проектѣ не объясняется, какимъ способомъ, по мнѣнію коммиссіи, онъ могъ бы быть введенъ въ практику. Коммиссія выражаетъ только желаніе встрѣтить при введеніи артельного начала покровительство правительства и сочувствіе частныхъ лицъ, причемъ думаетъ, что „введеніе артелей можетъ совершиться только постепенно, по мѣрѣ изученія экономическихъ условій“; но эти слова слишкомъ неясны и неопредѣленны. Говоря теоретически, способовъ для образованія такихъ артелей представляется три: 1) распоряженіе правительственное о соединеніи пріисковыхъ рабочихъ въ артели въ предѣлахъ какой-либо территоріальной единицы, напр. волости; 2) рѣшимость всѣхъ золотопромышленниковъ нанимать рабочихъ не иначе, какъ артелями, и 3) убѣжденіе самихъ рабочихъ въ необходимости соединенія ихъ въ артели.

О первой мѣрѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи; вторая тоже вовсе неосуществима, потому что нельзя разсчитывать, чтобы всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большая часть промышленниковъ одной области могла придти къ такому заключенію; но если бы это даже и осуществилось, то значительно уменьшило-бы число рабочихъ на пріискахъ, такъ какъ въ составъ артелей не могли бы войти всѣ, а лишь наиболѣе надежные работники. Остается третья мѣра: распространеніе въ средѣ рабочихъ убѣжденія въ преимуществѣ артельного найма передъ единоличнымъ. Но на распространеніе въ скоромъ времени такого убѣжденія разсчитывать нельзя, такъ какъ сдѣлать это теперь некому: если эту задачу на себя возьмутъ промышленники, то рабочіе подумаютъ (и не безъ основанія), что они стараются изъ личной выгоды—вести между ними круговую поруку.

Вѣда въ томъ, что понять и оцѣнить выгоды артельного начала можетъ человѣкъ болѣе умственно развитый и матеріально обеспеченный, чѣмъ несчастный пріисковый рабочий; слѣдовательно, надо сперва поднять его нравственный и матеріальный уровень, и вотъ

тутъ-то приходится вступить въ ложный кругъ: чтобы улучшить его матеріальное положеніе—надо ввести артельное начало, а чтобы онъ понялъ его выгоды, надо, чтобы онъ былъ лучше матеріально обезпеченъ. Но во всякомъ случаѣ, когда пріисковый рабочій пойметъ выгоды артельного начала, надо думать, что онъ устроитъ свою артель на другихъ основаніяхъ, чѣмъ предполагаетъ комиссія. Такая артель не могла бы составиться изъ всѣхъ пріисковыхъ рабочихъ одной волости, а только изъ лучшихъ рабочихъ какъ въ физическомъ, такъ и нравственномъ отношеніяхъ, т.-е. обладающихъ достаточною физическою силою и выѣстъ съ тѣмъ внушающихъ довѣріе своею честностью и готовностью подчиняться артельнымъ порядкамъ. Такъ какъ соединеніе рабочихъ въ артели обусловливается представляющею имъ работою, работы же на пріискахъ продолжаются не круглый годъ, а лишь лѣтнее время, то надо думать, что артель пріисковыхъ рабочихъ не могла бы существовать неопредѣленное время, какъ полагаетъ комиссія, а составлялась бы на одинъ годъ, и опять-таки не изъ всѣхъ пригодныхъ для этого людей въ волости, а только изъ того числа работниковъ, которые потребны для даннаго пріиска. Въ этомъ можно убѣдиться сравненіемъ проектируемой комиссіею золотопромышленниковъ артели съ граборскою артелью (въ Смоленской губ.), описаніе которой мы находимъ у нашего извѣстнаго наблюдателя народной жизни—г. Энгельгардта ¹⁾.

Однимъ словомъ, устройство артели, выработанной народною жизнью, весьма далеко отъ артели, измышленной золотопромышленниками. Поэтому надо думать, что, дойдя до сознанія о необходимости артели, ее составлять совсѣмъ на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ предполагаютъ золотопромышленники.

Но на какихъ же основаніяхъ устроится такая артель и что же дѣлать, чтобы довести скорѣе рабочихъ до сознанія о необходимости артельного найма, вообще чѣмъ способствовать разрѣшенію такого жгучаго, какъ для промышленниковъ, такъ и для рабочихъ, вопроса? На какихъ условіяхъ можетъ устроиться въ будущемъ пріисковая артель—на этотъ вопросъ никто теперь не можетъ не только отвѣтить положительно, но даже намѣтить будущее разрѣшеніе этого вопроса, потому что никто не знаетъ сколько-нибудь основательно условій жизни, обычаевъ, характера и наклонностей пріисковыхъ рабочихъ, а эти свѣдѣнія прежде всего необходимы. Отсюда ясно, что первый шагъ въ разрѣшенію этого вопроса долженъ состоять въ изученіи быта рабочихъ во всѣхъ подробностяхъ. Предпринять это изученіе

¹⁾ „Отеч. Зап.“, 1879 г., январь. Изъ деревни.

надо тѣмъ способомъ, который практикуется въ западной Европѣ для изслѣдованія положенія фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, помощью специальныхъ комиссій, изслѣдующихъ это дѣло на мѣстѣ; такія комиссіи должны были бы посѣтить возможно большее число приисковъ и собрать свѣдѣнія по заранее составленной программѣ. Комиссіи, конечно, должны быть составлены изъ людей независимыхъ и незаинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ; поэтому, кромѣ представителей отъ золотопромышленниковъ, въ ихъ составъ должны входить представители отъ правительства и отъ нашихъ ученыхъ обществъ, напр., географическаго и вольноэкономическаго. Но на это дѣло нужны большія средства: потребуется вѣроятно до 100 т. рублей, чтобы дать имъ возможность объѣхать всю золотопромышленную область? Откуда взять эти деньги? — Средства на это должны дать тѣ, кто, по собственному сознанию, наиболѣе заинтересованъ въ разрѣшеніи этого вопроса, т.-е. сами золотопромышленники, и дать эти деньги имъ очень легко, такъ какъ что, наприимѣръ, значить сложиться десяти богачамъ-промышленникамъ и пожертвовать каждому по 10 тыс. рублей? Они сами заявляютъ, что „дѣйствительная отсталость положенія промысловыхъ рабочихъ съ каждымъ годомъ и съ возрастающею силою даетъ себя чувствовать намъ самимъ“; они сознаютъ, что „введеніе артелей можетъ совершиться только постепенно, по мѣрѣ изученія экономическихъ условій“, — такъ пусть они и дадутъ толчокъ этому дѣлу, дадутъ средства изучить экономическія условія. Вѣдь, кромѣ нихъ, за это дѣло въ Сибири взялся некому: земства нѣтъ, а общество слишкомъ апатично, да если бы и захотѣло что-нибудь сдѣлать, не имѣетъ для того матеріальныхъ средствъ. Отъ нихъ однихъ зависить показать на дѣлѣ, что всѣ ихъ разсужденія объ отсталости этого вопроса — не пустыя слова, что *проектируемое стремленіе ввести между рабочими круговую поруку*, и, обезпечивъ себя съ этой стороны, почить на лаврахъ.

Но, не ожидая пришествія того далекаго и счастливаго времени, когда будутъ изучены условія жизни приискаго рабочаго и когда распространится среди рабочихъ сознание необходимости артельного начала, слѣдуетъ безотлагательно принять нѣкоторыя мѣры для улучшенія положенія приисковыхъ рабочихъ, хотя бы слѣдующія: 1) обязать промышленниковъ уплачивать рабочимъ опредѣленную часть договоренной суммы, какъ бы ни была велика сумма долга, числящаяся на рабочемъ. 2) Право промышленника разъединять артель рабочихъ, напавшихъ на круговую поруку, должно быть ограничено въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ это сдѣлать не иначе, какъ съ согласія самой артели, причемъ она имѣетъ право сложить съ себя круговое поручительство; но право выбора артельныхъ старостъ

для артелей съ круговою порукою должно быть совершенно отнято у промышленниковъ: оно можетъ принадлежать только членамъ са-мой артели, какъ главное условіе ихъ самостоятельности. 3) Про-мышленникамъ должно быть воспрещено включеніе въ договоры съ рабочими обязательства для этихъ послѣднихъ покупать стѣстные припасы, одежду и обувь не иначе, какъ въ присковомъ управленіи. 4) Должны быть установлены вполнѣ опредѣленные правила вознагражденія рабочихъ въ томъ случаѣ, когда присковое управленіе отпускаетъ ихъ, по немнѣнію работъ, раньше окончанія контракта. 5) Надо опредѣлить точно, въ какихъ случаяхъ рабочій можетъ тре-бовать расторженія контракта, и кто долженъ разбирать споры между нимъ и хозяиномъ. 6) Слѣдуетъ опредѣлить, для уничтоженія той кабалы, въ которую попадаютъ рабочіе, извѣстный срокъ, далѣе ко-торого промышленникъ не имѣетъ права удерживать у себя рабо-чаго за долгъ. 7) Обратитъ серьезное вниманіе на медицинскую часть на прискахъ и обязать промышленниковъ лечить заболѣвшихъ рабочихъ на свой собственный счетъ, трудныхъ-же больныхъ—пере-возить въ такія больницы, гдѣ, кромѣ фельдшеровъ, есть и доктора.

Мы сочли бы себя счастливыми, если бы нашъ очеркъ могъ сколько-нибудь способствовать установленію въ обществѣ болѣе правильнаго взгляда на золотой промыселъ и его потребности, и обратилъ бы вниманіе на нѣкоторые забытые вопросы золотого промысла, въ осо-бенности на вопросъ о положеніи присковыхъ рабочихъ.

П. Р.—въ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1880.

Учрежденіе Верховной распорядительной комиссіи. — Слово къ жителямъ Петербурга ея Главнаго Начальника. — По поводу событія пятаго февраля. — Февраль 1855 — февраль 1880. — Основныя положенія тюремнаго преобразованія и новаго уголовного кодекса. — Предполагаемыя измѣненія въ пенсіонномъ уставѣ. — Преобразованія въ лицѣхъ и училищѣ правовѣдѣнія. — Что нужно прежде: мѣры или люди?

I.

12-го февраля текущаго года состоялся Высочайшій указъ, данный правительствующему сенату, о новомъ, высокомъ и чрезвычайномъ учрежденіи, безъ опредѣленія срока его существованія, и съ точнымъ обозначеніемъ цѣли его дѣятельности, а именно — „положить предѣлъ непрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ“. Таково назначеніе новаго учрежденія, которое наименовано „Верховною распорядительною комиссіею“; она состоитъ: 1) изъ Главнаго Начальника; 2) назначенныхъ имъ же самимъ, по непосредственному его усмотрѣнію, членовъ комиссіи, согласно высочайшимъ повелѣніямъ, испрашиваемымъ Главнымъ Начальникомъ, и 3) изъ лицъ, которыя предоставлено ему самому призывать въ комиссію, если присутствіе ихъ будетъ признано имъ полезнымъ. Въ указѣ не объяснены взаимныя отношенія членовъ комиссіи, но такъ какъ назначеніе ихъ зависитъ отъ Главнаго Начальника, то единство въ дѣйствіяхъ комиссіи можно считать уже тѣмъ самымъ вполне обеспеченнымъ. Но, сверхъ того, „въ видахъ объединенія дѣйствій всѣхъ властей по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“, Главному Начальнику предоставлены: а) права главноначальствующаго въ

С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ему с.-петербургскаго градоначальника; б) прямое вѣдѣніе и направленіе слѣдственныхъ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ въ С.-Петербургѣ и въ нашемъ военномъ округѣ, и в) верховное направленіе такого же рода дѣлъ на всемъ пространствѣ имперіи. Отношенія Главнаго Начальника ко всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ, начиная отъ генералъ-губернаторовъ до градоначальниковъ, и ко всѣмъ вѣдомствамъ, не исключая и военного, опредѣлены тѣмъ, что всѣ мѣстныя начальства и всѣ, безъ исключенія, вѣдомства обязаны немедленнымъ исполненіемъ всѣхъ требованій Главнаго Начальника по дѣламъ объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія — и полнымъ ему содѣйствіемъ. Сверхъ того, Главному Начальнику предоставлено право, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ то нужнымъ, испрашивать Высочайшія повелѣнія и указанія; и, независимо отъ того, онъ можетъ дѣлать всѣ распоряженія и принимать вообще всѣ мѣры, которыя онъ признаетъ необходимыми для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, причѣмъ отъ усмотрѣнія его зависитъ опредѣлять мѣры взыскапія, а также и порядокъ наложенія ихъ; такія распоряженія Главнаго Начальника подлежатъ безусловному исполненію и могутъ быть отмѣнены только имъ самимъ или особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ. Въ заключеніи указа, учреждающаго Верховную распорядительную комиссію, возвышается объ отмѣнѣ должности временнаго с.-петербургскаго генералъ-губернатора.

Таково назначеніе, кругъ дѣятельности и компетенція Главнаго Начальника Верховной распорядительной комиссіи. Первое условіе успѣшности всякой мѣры есть ея полнота — и въ этомъ отношеніи новое учрежденіе можетъ удовлетворить безусловно. Его § 4, предоставляющій Главному Начальнику Верховной комиссіи право не стѣсняться ея составомъ и призывать въ комиссію всѣ лица, присутствіе коихъ будетъ признано имъ полезнымъ, — отдаетъ въ его распоряженіе всѣ лучшія умственныя и нравственныя силы страны, сверхъ тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя, какъ мы видѣли, отвѣчаютъ обязательно его требованіямъ и оказываютъ ему содѣйствіе, и мы увѣрены, что всякое призванное лицо сочтетъ не менѣе для себя обязательнымъ по совѣсти высказать свое мнѣніе о предметѣ той или другой специальности. При такомъ строгомъ соблюденіи главнаго условія всякой мѣры, и при предположеніи, что это условіе и въ будущемъ не можетъ потерпѣть никакого ущерба — а такое предположеніе основано въ настоящемъ случаѣ на § 10 самаго учрежденія, въ силу котораго распоряженія

и мѣры Главнаго Начальника могутъ быть отмѣнены только имъ самимъ или Высочайшимъ повелѣніемъ — остальное всегда зависитъ уже только отъ личныхъ взглядовъ самого исполнителя. О нихъ общество судить — и весьма основательно — по послѣдней трудной дѣятельности нынѣшняго Главнаго Начальника, въ качествѣ временнаго харьковскаго генералъ-губернатора; но графъ Лорисъ-Меликовъ въ первый же день своего новаго служенія обратился къ жителямъ столицы и самъ сказалъ слово, въ которомъ онъ выразилъ свой личный взглядъ на то, чего общество должно ожидать отъ выполненія возложенной на него высокой миссіи. Вотъ самый текстъ перваго обращенія Главнаго Начальника Верховной распорядительной комиссіи, отъ сего 14-го февраля:

„Рядъ неслыханныхъ злодѣйскихъ попытокъ къ потрясенію общественнаго строя государства и къ покушенію на Священную Особу Государя Императора въ то время, когда всѣ сословія готовятся торжествовать двадцатипятилѣтнее, плодотворное внутри и славное извнѣ, царствованіе великодушнѣйшаго изъ Монарховъ, вызвалъ не только негодованіе русскаго народа, но и отвращеніе всей Европы.

„Правительство не разъ уже обращалось къ обществу съ призывомъ сомкнуть свои силы въ борьбѣ съ преступными проявленіями, разрушающими основныя начала гражданскаго порядка, безъ котораго немыслимо развитіе никакого благоустроеннаго государства. Нынѣ оно вынуждено прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, для подавленія зла, принимающаго опасныя для общественнаго спокойствія размѣры.

„Державною волею Государя на меня выпала тяжелая задача стать во главѣ неизбѣжныхъ мѣропріятій, вызываемыхъ настоящимъ положеніемъ.

„Уповаю на Всевышняго, твердо вѣруя въ непоколебимость государственнаго строя Россіи, неоднократно переживавшей еще болѣе тяжелыя годины, убѣжденный продолжительнымъ служеніемъ Царю и Отечеству въ здравомысліи и нравственной крѣпости русскаго народа, я съ благоговѣніемъ принимаю этотъ новый знакъ Монаршаго довѣрія къ моимъ слабымъ силамъ.

„Сознаю всю сложность предстоящей мнѣ дѣятельности и не скрываю отъ себя лежащей на мнѣ отвѣтственности. Не давая мѣста преувеличеннымъ и поспѣшнымъ ожиданіямъ, могу обѣщать лишь одно — приложить все стараніе и умѣніе къ тому, чтобы, съ одной стороны, не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни предъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, поворяющихъ наше общество, а съ другой — успокоить и оградить законные интересы благомыслящей его части.

„Убѣжденъ, что встрѣчу поддержку всѣхъ честныхъ людей, преданныхъ Государю и искренно любящихъ свою родину, подвергшуюся нынѣ столь неzasлуженнымъ испытаніямъ. На поддержку общества смотрю какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ

возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества.

„Въ этомъ упованіи прежде всего обращаюсь къ жителямъ столицы, ближайшимъ свидѣтелямъ безпримѣрныхъ злодѣяній, съ настоятельною просьбою спокойно и съ достоинствомъ отнестись къ будущему и не смущаться злонамѣренными или легкомысленными внушеніями, толками и слухами.

„Въ разумномъ и твердомъ отношеніи населенія къ настоящему тягостному положенію вижу прочный залогъ успѣха въ достиженіи цѣли, равно для всѣхъ дорогой: возстановленія потрясеннаго порядка и возвращенія Отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія, указаннаго благими предначертаніями Августѣйшаго его Вождя“.

Въ этомъ первомъ словѣ мы указываемъ прежде всего на ясно выраженное сознаніе Главнымъ Начальникомъ двойственности его задачи, а потому и двойственности мѣръ къ уврачеванію зла: мѣры полицейскія — „для наказанія преступныхъ дѣйствій“, мѣры государственныя — чтобы „успокоить и оградить законные интересы благомыслящей части общества“, и возвратить отечество „на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія“. Необходимость строго отличать такіа мѣры и изъ-за однихъ не забывать другихъ — сознаются далеко не всегда; но за то можно сказать, что тотъ, кто совналъ эту истину вопліѣ, по крайней мѣрѣ уже въ половину достигъ тѣмъ самымъ цѣли. Мѣры полицейскія, какъ мѣры простѣйшія, всегда привлекаютъ къ себѣ вниманіе прежде всего, но онѣ составляютъ одно колесо общей машины, а потому дѣйствуютъ успѣшно при одновременномъ поступательномъ движеніи другихъ колесъ: задержите одно колесо на оси, а другое приведите въ движеніе — и вы получите коловращеніе на одномъ и томъ же мѣстѣ. Главный Начальникъ усматриваетъ въ „поддержкѣ общества“ — „главную силу“: вотъ еще истина, которую никакъ нельзя у насъ назвать обыкновенною; наше общество до того мало вѣритъ въ себя, какъ въ силу, да еще притомъ главную, что ему даже необходимо разъяснить въ точности, въ какой же формѣ, какими путями оно можетъ „содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни“. Мы сами затруднились бы выяснять это нашимъ читателямъ, если бы кто изъ нихъ публично обратился къ намъ съ этимъ вопросомъ; мы можемъ только сказать а priori, что если Главный Начальникъ выразилъ мысль: „убѣжденъ, что встрѣчу поддержку всѣхъ честныхъ людей, преданныхъ Государю и искренно любящихъ свою родину, подвергнушая нынѣ столь незаслуженнымъ испытаніямъ“, — то это вовсе не одни слова: онъ укажетъ честнымъ людямъ и путь для этой поддержки съ ихъ стороны и дастъ надлежащій просторъ ихъ мысли и слову. Отъ общества нельзя ждать

поддержки въ мѣрахъ полицейскихъ уже потому, что онѣ сами для своей успѣшности требуютъ всегда болѣе или менѣе тайны, и кромѣ того, полиціи очень часто приходится бороться противъ содѣйствія общества, особенно когда ей бываетъ необходимо вырвать преступника изъ рукъ раздраженной толпы; но во всѣхъ другихъ вопросахъ общество дѣйствительно можетъ являться „главною силою“, такъ какъ однѣ общественныя симпатіи могутъ значительно гарантировать правительству успѣшность всѣхъ его благихъ мѣропріятій. Мы увѣрены, что наше общество съ величайшею признательностью выслушало уже самое воззваніе къ его сочувствію; оно выкажетъ и полнѣйшую готовность идти на-встрѣчу великодушному призыву по тѣмъ путямъ, какія ему будутъ выше указаны къ тому.

Какъ далеко и это новое учрежденіе, и первое слово Главнаго Начальника Верховной распорядительной комиссіи отъ того идеала, который въ послѣднее время носился въ умахъ нашихъ нѣкоторыхъ публицистовъ, а именно „Московскихъ Вѣдомостей“, предлагавшихъ свои домашніе способы къ нашему уврачеванію!... Кромѣ какой-то диктатуры, они не могли придумать ничего, и на эту нелѣпную мысль они напали путемъ историческихъ справокъ, да вмѣстѣ съ этимъ забыли, что при усмиреніи, напримѣръ, мятежа правительство имѣетъ дѣло съ возставшимъ населеніемъ — и тогда диктатура получаетъ свое значеніе; предложить же такую же мѣру для населенія не только вполне спокойнаго, но даже, какъ мы видѣли, призываемаго властью къ содѣйствію, — это значитъ отказаться отъ здраваго смысла и къ смутѣ присоединить еще новую смуту — смуту идей. Если кто, читая „Московскія Вѣдомости“ въ послѣднее время, могъ на минуту усомниться и подумать объ опасности осуществленія подобной химеры, какъ диктатура среди мирнаго населенія, — тотъ, конечно, разувѣрился теперь вполне.

II.

Обратимся теперь къ тому глубоко печальному и вмѣстѣ ужасному факту, который вызвалъ въ печати мысль о диктатурѣ, но вмѣсто того — заключилъ организациею учрежденія, общающаго быть не только отрицательною силою, какою бываетъ диктатура, но и зиждительною, какъ охранительное начало законныхъ интересовъ страны.

Объ урокахъ исторіи часто говорятъ, но рѣдко пользуются ими; а между тѣмъ, правильно понятыя, они содержатъ въ себѣ глубокій смыслъ и большую внутреннюю силу. Безусловно-точного повторенія

однажды совершившихся событій исторіи не представляет; но аналогіи встрѣчаются въ ней на каждомъ шагѣ, сходныя причины постоянно приводятъ къ сходнымъ послѣдствіямъ. Если извѣстное средство никогда не достигало своей цѣли, мы въ правѣ заключить отсюда, что оно никогда ея и не достигнетъ. Къ несчастію, самыя простыя истины не всегда принадлежатъ къ числу самыхъ распространенныхъ. Напоминаніе о нихъ, въ минуту полной разнузданности страстей, можетъ показаться бесплоднымъ; но мы считаемъ его обязательнымъ, особенно въ виду увѣстки тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ, несмотря на важность переживаемой нами эпохи, вращается у насъ печатное слово. Печать, дѣйствительно, можетъ сказать немного—но это немногое должно быть зато сказано ею сполна.

Если перебрать въ памяти всѣ извѣстныя покушенія (съ политическою цѣлью) на жизнь монарховъ, правителей, государственныхъ людей, то замѣчательнымъ, прежде всего, представляется небольшое число *удавшихся* покушеній, понимая удачу въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. въ смыслѣ гибели лица, противъ котораго ударъ былъ направленъ. Смерти Гиппарха, Юлія Цезаря, Юліана Медичи, королей французскихъ Генриха III и Генриха IV, Вильгельма Оранскаго, Марата, герцога Беррійскаго, герцога Пармскаго, Линкольна—можно противопоставить неудавшіяся покушенія на жизнь Гиппія, Лоренцо Медичи, Елисаветы англійской, Людовика XV, Наполеона I, Людовика-Филиппа, Наполеона III, императора Франца-Иосифа, великаго князя Константина Николаевича, Вильгельма I, Бисмарка, королевы Викторіи, королей Гумберта и Альфонса. Изъ числа только-что названныхъ нами лицъ многіе подвергались опасности по два раза (король Альфонсъ, Бисмаркъ, Наполеонъ III), Вильгельмъ I — три раза, Людовикъ-Филиппъ—если не ошибаемся, восемь разъ; прибавимъ къ этому пять неудавшихся, въ великому счастью, покушеній на жизнь нашего Государя ¹⁾. Но еще важнѣе то, что рѣдкіе, сравнительно, случаи удачи почти никогда не приводили къ результату, который имѣли въ виду убійцы. Гиппій управляетъ Аѳинами еще три съ половиною года послѣ смерти Гиппарха; мѣсто Юлія Цезаря тотчасъ же заступаютъ Антоній и Октавіанъ, въ борьбѣ съ которыми погибаютъ Врутъ и Кассій, погибаетъ и римская республика. Смерть Юліана Медичи только укрѣпляетъ власть его брата.

¹⁾ Мы не успѣли заключить нашей хроники, какъ мрачная глѣбопись убійствъ увеличилась еще однимъ неудавшимся покушеніемъ на жизнь графа М. Т. Лорисъ-Мелікова. Пусть къ неудачѣ покушенія присоединится и другая неудача,—если кто-нибудь думалъ рассчитывать, что такое покушеніе можетъ измѣнить въ Главномъ Начальникѣ указанное нами въ его обращеніи къ жителямъ столицы убѣжденіе въ необходимости—двойную цѣль достигать двойными средствами.

Смерть Генриха III влечетъ за собою паденіе лиги, открывая Генриху IV доступъ къ французскому престолу. Смерть Вильгельма Оранскаго не предупреждаетъ освобожденія Нидерландовъ отъ испанскаго ига. Смерть Марата не прекращаетъ, даже не ослабляетъ террора. Смерть герцога Веррійскаго не имѣетъ никакого отношенія къ послѣдовавшему, десять лѣтъ спустя, низложенію старшей линіи Бурбоновъ. Смерть герцога Пармскаго ничего не имѣняетъ въ положеніи Италіи. Смерть Линкольна не возвращаетъ южнымъ штатамъ утраченной ими власти надъ невольниками. Исключеніе изъ общаго правила составляетъ развѣ смерть Генриха IV, предупредившая ударъ, который онъ готовилъ для католическихъ державъ Европы; но этотъ ударъ могъ быть остановленъ многими другими причинами, и притомъ онъ все-таки былъ нанесенъ, хотя и съ меньшей силой, кардиналомъ Ришелье, помѣшавшимъ полному торжеству Австріи надъ сѣвѣрной Германіей, католиковъ надъ протестантами. Но, можетъ быть, неудавшіяся покушенія не проходятъ безслѣдно, можетъ быть, они устрашаютъ тѣхъ, противъ кого направлены и производятъ такимъ образомъ перемѣну политической системы? Нѣтъ; если перемѣна и наступаетъ, то въ духѣ прямо противоположномъ тому, которыми были проникнуты виновники покушенія. Покушенія на жизнь Елисаветы, виѣстѣ съ пороховымъ заговоромъ, не улучшаютъ, а ухудшаютъ положеніе католиковъ въ Англіи; опасность, угрожавшая Наполеону I сначала со стороны якобинцевъ, потомъ со стороны роялистовъ, не доставляетъ ни тѣмъ, ни другимъ рѣшительно никакой выгоды; Людовикъ-Филиппъ, послѣ адской машины 1835 г., настаиваетъ на принятіи сентябрьскихъ законовъ; за покушеніемъ Беккера слѣдуетъ извѣстный конфликтъ между королемъ Вильгельмомъ и прусской палатой депутатовъ, за покушеніями Гёделя и Нобилинга—чрезвычайный законъ противъ социаль-демократовъ; покушеніе на жизнь Бисмарка въ 1866 г. не останавливаетъ разрыва между Пруссіей и Австріей, въ 1874 г. не смягчаетъ примѣненія майскихъ законовъ. Въ Австріи, въ Англіи, въ Италіи, въ Испаніи покушенія на жизнь государей проходятъ безслѣдно или вызываютъ только реакцію. Существуетъ, правда, предположеніе, что орсиніевскія бомбы побудили Наполеона III предпринять итальянскую кампанію; но это предположеніе крайне шаткое, опровергаемое и вилафранкскимъ миромъ, и всей дальнѣйшей политикой императора относительно Италіи—политикой, далеко неблагоприятной для ея объединенія.

Въ виду всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, на что разсчитываютъ наши агитаторы, начиная убійствомъ должностныхъ лицъ и оканчивая трехкратнымъ, въ продолженіе десяти мѣ-

спяцевъ, покушеніемъ на жизнь Государа? Полагаютъ ли они, что развитіе русской жизни совершается по особымъ, ей одной только свойственнымъ законамъ, что преступленія, бесплодныя вездѣ, у насъ приведутъ къ какому-нибудь положительному результату? Припомнимъ, что эпоха политическихъ убійствъ началась у насъ именно тогда, когда не удалось попытки распространенія революціонныхъ стремленій въ средѣ народа, другими словами—когда агитаторы убились въ отсутствіи горючихъ матеріаловъ для насильственнаго переворота. Какимъ же образомъ они могутъ думать, что условія, которыхъ имъ не удалось создать цѣлыми годами пропаганды, вознестись сами собою отъ выстрѣла или взрыва? Лицомъ къ лицу съ ними стоитъ все тотъ же, обманувшій ожиданія ихъ народъ, котораго не сдвинуть съ мѣста порохомъ, или динамитомъ. Рядъ историческихъ фактовъ, перечисленныхъ нами — не случайность; случайность не повторяется такъ часто и съ такою замѣчательною правильностью. Въ основаніи ея лежитъ общій историческій законъ, доказываемый каждою страницей прошедшаго: ограниченность роли, принадлежащей *лицу* въ послѣдовательномъ ходѣ событій. Крупный историческій результатъ не можетъ быть достигнутъ усиліями одного лица—не можетъ, слѣдовательно, быть достигнутъ и устраненіемъ одного лица съ исторической сцены. Порядковъ вещей, созданный вѣками, имѣетъ слишкомъ много точекъ опоры, чтобы разомъ пасть вѣстѣ съ одною изъ нихъ, хотя бы и самою главною.

Изъ всѣхъ формъ политическаго убійства наибольшаго осужденія заслуживаетъ та, которая не отступаетъ передъ человѣческими гонимостями, лишь бы только въ числѣ жертвъ пала одна, составляющая настоящій объектъ преступленія. И здѣсь поражаетъ насъ прежде всего то, что именно эта специально обреченная на смерть жертва до сихъ поръ всегда оставалась неприкосновенной. Адскія машины 1800, 1835, 1858 годовъ, какъ и взрывъ 5-го февраля, стоили жизни нѣсколькимъ десяткамъ людей, противъ которыхъ ровно ничего не имѣли убійцы; Наполеонъ I, Людовикъ-Филиппъ, Наполеонъ III остались невредимыми. Покушеніе 19-го ноября прошедшаго года, если бы не счастливая ошибка въ сооруженіи мины, также обрушилось бы всей своей тяжестью исключительно на тѣхъ, противъ которыхъ оно не было прямо направлено. Между тѣмъ, вредъ, приносимый подобными преступленіями, по истинѣ можетъ быть названъ громаднымъ. Не говоримъ уже о гибели однихъ, объ изувѣченіи другихъ, о скорби и бѣдствіи многихъ семействъ; еще важнѣе и печальнѣе, можетъ быть, общее вліяніе событія. Оно обостряетъ взаимную вражду, угрожаетъ безконечными репрессаліями, колеблетъ уваженіе къ человѣческой жизни—это первое и высшее условіе пра-

вильнаго развитія. Страхъ, ожесточеніе, равнодушіе къ чужому горю, презрѣніе къ чужому праву, потеря надежды на лучшее будущее — вотъ возможныя, при извѣстныхъ условіяхъ слишкомъ вѣроятныя, результаты образа дѣйствій, не разбирающаго средствъ и не заботящагося даже объ ихъ цѣлесообразности. Давно пора понять, что путь, на каждомъ шагу котораго лежатъ убійства, не ведетъ и не можетъ привести къ какой бы то ни было цѣли, и въ чемъ бы такая цѣль ни заключалась.

III.

Передъ Россіей лежитъ другой путь—путь мирнаго, правильнаго развитія, открытый нѣкогда реформами, на которыхъ невольно останавливается мысль въ настоящую минуту. Чѣмъ была Россія въ 1855-мъ г. и чѣмъ мы видимъ ее въ 1880-мъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо отойти нѣсколько дальше въ прошедшее и вспомнить ходъ событій съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій двинулъ насъ въ Европу. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ императрица Екатерина II писала Вольтеру: „у васъ низшіе научаютъ, и легко высшимъ пользоваться этимъ наставленіемъ; у насъ — наоборотъ, мы не имѣемъ такихъ *удобствъ*“. Въ этихъ словахъ ясно выразилось одно изъ препятствій, долго стоявшихъ на пути русскаго прогресса. Начиная съ Петра Великаго, преобразованія въ русскомъ государственномъ и общественномъ строѣ совершались среди безмолвія и—по крайней мѣрѣ кажущагося—безучастія общества. Оно не высказывало своего мнѣнія ни о дорогѣ, которую слѣдуетъ идти, ни о томъ, что уже сдѣлано въ однажды избранномъ направленіи. Еще не такъ давно, въ 1828 г., ст. 12-я цензурнаго устава того года воспрещала пропускать въ печать всякія разсужденія о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства и вообще о всякихъ мѣрахъ, относящихся къ кругу дѣйствій правительства. Что при нормальныхъ условіяхъ прежней русской государственной жизни, до второй половины нашего вѣка, общественная поддержка представлялась чѣмъ-то ненужнымъ, даже вреднымъ—это вполне понятно; но въ короткіе моменты пробужденія преобразовательной дѣятельности, смѣнявшіе въ нашей исторіи длинныя эпохи реакціи и застоя, столь же естественнымъ было бы, повидимому, большее довѣріе къ обществу. На самомъ дѣлѣ, однако, мы этого не находимъ. Единственная, въ продолженіи двухсотъ лѣтъ, попытка власти обратиться къ содѣйствію общества—созывъ Екатериною II-ю комиссіи для „заготовленія

проекта новаго уложенія“ — не доводится до конца и проходить почти безслѣдно. Александръ I-й остается, въ этомъ отношеніи, позади Екатерины; проектъ Сперанскаго, лелѣнный въ продолженіи многихъ лѣтъ, ни на минуту не переставалъ быть государственной тайной. Мы касаемся здѣсь того очарованнаго круга, о который такъ часто разбивались самыя добрыя намѣренія. Общество, устранившее отъ всякой заботы объ обществѣ благѣ, признается потерявшимъ—или вовсе не имѣвшимъ—способность заботиться о немъ; и что еще хуже—въ фактическихъ основаніяхъ для такого взгляда никогда не оказывается недостатка. Примѣръ екатерининской комиссіи, какъ это убѣдительно доказалъ г. Сергѣевичъ ¹⁾, свидѣтельствуешь о томъ, что въ русскомъ обществѣ 1767 г., такъ неожиданно призванномъ къ дѣятельности, нашлась значительная доля пракческаго здраваго смысла, что голосъ его и тогда могъ бы быть далеко не бесполезнымъ для правительства; вполне готовымъ для пониманія и осуществленія широкихъ преобразовательныхъ плановъ оно не было, однако, ни при Екатеринѣ, ни позже, въ началѣ царствованія Александра I-го. Чтобы объяснить себѣ нерѣшительность императора, стоитъ только припомнить, какъ относился къ задуманнымъ имъ реформамъ Карамзинъ, безспорно возвышавшійся надъ уровнемъ русскаго общества 1810 г. Условія, созданныя вѣками, тяготѣли надъ этимъ обществомъ съ силой, ничѣмъ еще почти не уравновѣшенной и не уменьшенной.

Самымъ неблагопріятнымъ изъ этихъ условій было, безъ сомнѣнія, крѣпостное право. Въ поддержаніи его былъ заинтересованъ наиболѣе образованный, или, лучше сказать, единственный сколько-нибудь образованный классъ общества. Изъ среды дворянства выходили, правда, и противники крѣпостничества, начиная съ Радищева и Новикова; но громадное большинство сословія дорожило старымъ порядкомъ, съ которымъ неразрывно были связаны всѣ его привычки, въ которомъ оно видѣло и главный источникъ своего матеріальнаго благосостоянія, и самую цѣнную изъ своихъ привилегій. Какъ вліяло крѣпостничество на нравы рабовъ и рабовладельцевъ—это слишкомъ извѣстно. Его господство неизбежно должно было отражаться на всемъ крестьянствѣ, безъ различія категорій и наименованій; положеніе помѣщичьихъ крестьянъ было типомъ, къ которому болѣе или менѣе приближалось положеніе всѣхъ остальныхъ. Въ глубинѣ народной массы теплилась, едва замѣтная и почти, къ счастью, не замѣчаемая, струя самостоятельной жизни,

¹⁾ Статья его: „Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссіи?“ напечатана въ № 1 „Вѣстника Европы“ за 1878 г.

уцѣлѣвшая отъ другой, давно минувшей эпохи; но оставаясь залогомъ лучшаго будущаго, она ничего не могла измѣнить въ настоящемъ. Отъ крѣпостного права, какъ отъ корня, глубоко ушедшаго въ землю, во всѣ стороны шли ростки, вѣрные своему происхожденію. Суды, построенные на началѣ сословности, окруженные непроницаемой тайной, не только не воспитывали въ обществѣ идею справедливости и законности, но извращали или заглушали всякое понятіе о правѣ. Система уголовныхъ наказаній отличалась крайнею жестокостію. Администрація, безотвѣтственная, невѣжественная и нравственно-испорченная, меньше всего помышляла о народномъ благѣ и не признавала за собою никакихъ обязанностей передъ обществомъ. Вступая въ ряды войска, крестьянинъ становился свободнымъ по имени, но въ сущности только мѣнялъ одну форму крѣпостничества на другую. Налоги, постоянно возвышаясь, ложились всей тяжестью своей на крестьянство, въ среду котораго не возвращалось почти ничего изъ собранныхъ съ него денегъ. Несмотря на созданное уже министерство *народнаго* просвѣщенія, *народному* образованію едва было положено первое начало. Среднихъ учебныхъ заведеній было мало: къ московскому университету, основанному за полвѣка передъ тѣмъ, только-что присоединились два другіе. Литература у насъ уже была—подражательная, блѣдная, безсильная,—но періодическая печать, даже послѣ опытовъ Новикова и Карамзина, все еще не успѣла приобрести настоящихъ правъ гражданства. Дворянское и городское самоуправленіе оставалось пустымъ словомъ, одно—вслѣдствіе своей внутренней несостоятельности, другое—вслѣдствіе вѣншихъ стѣсненій. И въ этомъ темномъ, неподвижномъ обществѣ, отчасти не сознававшемъ своихъ болѣзней, отчасти гордившемся ими, были, конечно, элементы, на которые могъ бы опереться державный реформаторъ; мимолетнаго проблеска чего-то похожаго на свободу (между 1815 и 1820 г.) было достаточно, чтобы новое, живое слово проникло и въ литературу (Опытъ теоріи налоговъ—Тургенева, Начертаніе статистики руссійскаго государства—Арсеньева), и въ университетское преподаваніе (лекціи профессоровъ, подвергнутыхъ преслѣдованію въ началѣ двадцатыхъ годовъ). Общее положеніе дѣлъ—не говоря уже о событіяхъ, происходившихъ въ Западной Европѣ—было, тѣмъ не менѣе, крайне благопріятно для застоя и крайне неблагопріятно для широкой реформы. Путь, ведущій къ ней, былъ загражденъ препятствіями всякаго рода, средства къ достиженію цѣли—едва намѣчены, самая цѣль—поятна и дорога весьма немногимъ.

Въ продолженіе четырехъ слишкомъ десятилѣтій картина, набросанная нами, измѣнилась только въ двухъ, правда—существенно важныхъ чертахъ. Сѣмена развитія, какъ ни труденъ былъ ихъ

всходъ, сдѣлали свое дѣло; гимназін и въ особенности университеты, число которыхъ (не считая гельсингфорскаго и дерптскаго), возрасло съ трехъ до пяти, значительно расширили рамки образованнаго класса; литература изъ слабаго тепличнаго растенія обратилась въ живую силу, и создала періодическую печать, по крайней мѣрѣ отчасти соотвѣтствовавшую своему призванію. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Россія пятидесятихъ годовъ была довольно точнымъ снимкомъ съ Россіи 1810 г.; только ветхость зданій, слишкомъ давно не ремонтированнаго, была болѣе замѣтна, чѣмъ прежде. Восточная война устранила всѣ сомнѣнія, которыя могли еще существовать по этому предмету. Началась преобразовательная работа, двадцатипятилѣтіе которой Россія праздновала въ истекшемъ мѣсяцѣ. Она еще далеко не окончена, но одно несомнѣнно уже удалось ей—измѣнить фizioномію общества, уменьшить общественную инерцію, вызвать къ жизни новыя силы, иначе распредѣлить и иначе направить прежде дѣйствовавшія, однимъ словомъ—устранить главныя преграды къ развитію и создать для него прочныя точки опоры. И здѣсь, конечно, на первый планъ слѣдуетъ поставить уничтоженіе крѣпостнаго права. Еще важнѣе, можетъ быть, чѣмъ непосредственные результаты этой великой реформы, представляются косвенныя ея послѣдствія, отчасти уже обнаружившіяся, отчасти только предчувствуемыя. Перегородка, отдѣлявшая одну часть русскаго народа отъ другой, пала, интересы ихъ перестали быть прямо противоположными. Не нужно больше ставить рокового вопроса—какимъ образомъ идти впередъ, когда громадное большинство обречено на безусловную неподвижность. Всякая реформа, вновь предпринимаемая, распространяется теперь не на привилегированное меньшинство, а на всю массу народа. Народныя учрежденія, народные обычаи, вынесшіе и пережившіе вѣковое господство крѣпостнаго права, но существовавшіе при немъ, если можно такъ выразиться, только контрабандой, получили официальное признаніе со стороны закона. Для образованнаго класса открылась возможность совокупной дѣятельности съ народомъ. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ эта возможность перешла въ дѣйствительность; помѣщики и бывшіе ихъ крѣпостные встрѣтились, какъ равные, въ земскихъ собраніяхъ, нѣсколько позже—въ судѣ, на скамьяхъ присяжныхъ засѣдателей. Въ общихъ судебныхъ мѣстахъ исчезла сословность; мировые судьи явились выборными отъ всего населенія. Въ ряды преобразованнаго войска дворяне стали поступать наравнѣ съ крестьянами; преимущество сокращенныхъ сроковъ службы было дано не происхожденію, а образованію. Начальное обученіе, благодаря въ особенности земству и нашей арміи, сдѣлало замѣтные успѣхи;

поголовная безграмотность не составляет болѣе отличительной черты русскаго крестьянства. Мы не говоримъ ничего о нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ находимъ себя въ настоящую минуту вынужденными отложить рѣчь о нихъ до другого времени. Мы не говоримъ также здѣсь и о военныхъ реформахъ, но потому, что выше, въ „Литературномъ обзорѣнн“ отъ исчислены, на основаніи обширнаго труда комиссіи, составившей „Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи“, за послѣднія 25 лѣтъ.

Подвигаясь къ объединенію, общество становилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, менѣе безгласнымъ, менѣе пассивнымъ. Самоуправленіе, изъ призрѣннаго, сдѣлалось до извѣстной степени реальнымъ; земскія собранія, преобразованныя, на основаніи новаго Городового Положенія, городскія думы, кабирательныя сѣзды, волостныя и сельскіе сходы приучили общество къ обсужденію своихъ интересовъ, къ завѣдыванію своими дѣлами. Въ томъ же направленіи дѣйствовало обнародованіе государственной росписи и контрольных отчетовъ, дѣйствовалъ новый законъ о печати. Область государственнаго управленія для насъ теперь уже не та terra incognita, какою она была столѣтіе или хотя бы четверть столѣтія тому назадъ. Слова Екатерины II-й, приведенныя нами выше, непримѣнны къ современному русскому обществу; *низшіе* могутъ теперь доставить—и отчасти, насколько это отъ нихъ зависитъ, уже доставляютъ—*высшімъ* тѣ *удобства*, объ отсутствіи которыхъ сожалѣла императрица. Запросъ на *наставленіе*—понимаемое, конечно, въ смыслъ обдуманнаго, мотивированнаго мнѣнія по стоящимъ на очереди вопросамъ—не остался бы теперь безъ всесторонняго отвѣта. Въ этомъ, какъ намъ кажется, заключается глубокое значеніе и главный результатъ реформъ настоящаго царствованія. Какъ бы много ни оставалось сдѣлать для нихъ довершенія и дополненія, самыя условія дальнѣйшей преобразовательной дѣятельности *существенно* отличны отъ тѣхъ, при которыхъ она началась двадцать-пять лѣтъ тому назадъ.

Съ этой точки зрѣнія можно смотрѣть на настоящее безъ большаго унынія, на будущее—безъ большаго страха. Въ настоящемъ много печальнаго, въ будущемъ—много тревожнаго; но чѣмъ сильнѣе дневной свѣтъ, тѣмъ меньше опасность, созданная темнотою и сумерками. Между задачами, намѣченными жизнью, нѣтъ ни одной, которая не могла бы быть разрѣшена совокупными усиліями правительства и общества. Чего можно ожидать отъ послѣдняго—на это указываютъ довольно ясно отзывы земскихъ собраній по вопросу о податной реформѣ, когда онъ былъ предложенъ на обсужденіе ихъ правительствомъ. Съ тѣхъ поръ прошло безъ малаго десять лѣтъ—

и вопросъ, несмотря на свою первостепенную важность, все еще остается неразрѣшеннымъ,—но измѣнилось ли за это время отношеніе къ нему общества? Едва ли!—литература и наука разработали его съ такою полнотою, которая исключаетъ возможность добросовѣстнаго разногласія, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Необходимость болѣе справедливаго распредѣленія податнаго бремени не подлежитъ болѣе сомнѣнію и спору. Задатки единодушія существуютъ и по другимъ вопросамъ государственнаго и общественнаго устройства. Новые суды, не смотря на всѣ привитія къ нимъ несовершенства, привели именно къ тому, отъ чего отдалялъ насъ дореформенный судъ: они распространили въ Россіи понятіе о правѣ, сдѣлали ее болѣе чуткой къ его нарушенію, къ противорѣчію между словомъ и дѣломъ, между буквою закона и его исполненіемъ. Отсюда желаніе не только сохранить законность въ сферѣ суда, но и водворить ее въ другихъ сферахъ, которыхъ она почти вовсе не коснулась или въ которыхъ она обезпечена еще меньше, чѣмъ въ судебной. Гуманное чувство, къ развитію и укрѣпленію котораго такъ много сдѣлано отрицательной крѣпостнаго права, отрицательной наказанія плетью и наложенія клеймъ, смягченіемъ военной дисциплины, приговорами новыхъ судовъ и въ особенности присяжныхъ засѣдателей,—требуетъ коренной реформы въ нашихъ уголовныхъ законахъ, уничтоженія послѣднихъ убѣжищъ, въ которыхъ еще гнѣздается нѣкогда всемогущая тѣлесная наказанія. Болѣе правильное пониманіе вѣротерпимости не позволяетъ утверждать, какъ прежде, что она у насъ уже существуетъ, и что въ этомъ отношеніи ничего болѣе не остается сдѣлать. Польза, приносимая печатью, несмотря на болѣе чѣмъ умѣренную и ничѣмъ не гарантированную ея свободу, земскимъ самоуправленіемъ, несмотря на узкій кругъ дѣйствій, заставляетъ желать для нихъ все болѣе и болѣе пространства.

Помимо внутреннихъ реформъ, путь, на который вступила Россія двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, ведетъ съ одной стороны къ регулированію отношеній между центромъ и окраинами государства, съ другой — къ измѣненію положенія, занимаемаго русской имперіей въ ряду европейскихъ державъ. Подавленіе притязаній, давно осужденныхъ исторіей, было невозможно безъ употребленія силы; но примиреніе національностей — т.е. единственный желанный исходъ вѣковой борьбы — не можетъ быть достигнуто посредствомъ однихъ правительственныхъ мѣропріятій. Условія, при которыхъ ему суждено состояться, еще далеко не опредѣлились; утвердительно можно сказать только одно—что всякое новое расширеніе правъ русскаго общества есть вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ къ сближенію между составными его частями. Даже въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда реформа принимается къ окраинамъ не сразу или не исполнѣ, она уменьшаетъ разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ центра, потому что рано или поздно то, чѣмъ пользуется часть, непременно должно сдѣлаться достояніемъ цѣлаго. Такая же притягательная сила должна быть признана за реформами по отношенію къ славянамъ, не входящимъ въ составъ имперіи. Всѣхъ поводовъ къ враждѣ между Россіей и западно-европейскими государствами реформы, конечно, не устранять; но онѣ должны положить конецъ недоброжелательству, съ которымъ до сихъ поръ, отчасти по старой памяти, смотритъ на насъ западно-европейское общество—недоброжелательству, не одинъ разъ тяжело отзывавшемуся на Россіи. Последняя война показала Европѣ, что Россія обладаетъ гораздо большей нравственной силой, чѣмъ прежде, что она способна и готова сражаться за идею; организація, при ея содѣйствіи данная Болгаріи, обнаружила отсутствіе систематическаго предубѣжденія противъ тѣхъ формъ, которыя она прежде безусловно преслѣдовала и отвергала. Все это пока оказывается недостаточнымъ, чтобы заставить забыть о преданіяхъ русской политики, но настанетъ время, когда разрывъ съ ними сдѣлается очевиднымъ, когда старое представленіе о „сѣверномъ колоссѣ“, тяготѣющемъ надъ Европой, окончательно отойдетъ въ исторію. Къ этому результату клонится вся наша исторія со времени парижскаго мира.

IV.

Основныя положенія судебной реформы, обнародованныя въ 1862 г., предрѣшили во всемъ существенномъ содержаніе новыхъ судебныхъ уставовъ. Нельзя сказать того же самаго объ основныя положенія „для руководства при предстоящемъ тюремномъ преобразованіи и пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ“, утвержденныя въ концѣ минувшаго года. Многолѣтняя, сложная работа, предшествовавшая ихъ изданію, привела къ небольшому, сравнительно, результату. Существующіе теперь шесть видовъ лишенія свободы рѣшено замѣнить четырьмя; установлены главныя черты каждой изъ этихъ четырехъ формъ лишенія свободы (кааторжная работа, заключеніе въ исправительномъ домѣ, заключеніе въ тюрьмѣ, арестъ); для трехъ послѣднихъ назначенъ максимумъ срока. Къ этимъ немногимъ опредѣленіямъ прибавлено нѣсколько указаній относительно дальнѣйшаго приготовленія къ пересмотру уложенія и относительно административныхъ мѣръ къ устройству новыхъ и исправленію прежнихъ мѣстъ заключенія. Для тюремной реформы основныя положенія имѣютъ несо-

миѣнную важность, допуская немедленный переходъ къ ея осуществленію; но задачу составленія новаго уголовного кодекса они поднимаютъ впередъ весьма мало. Вопросъ о томъ, въ чемъ именно новый кодексъ долженъ существенно отличаться отъ нынѣ дѣйствующаго, какіе недостатки послѣдняго должны быть устранены въ первомъ, остается вовсе не затронутымъ; даже система наказаній установлена далеко не вполне. О смертной казни не сказано ни слова; о ссылкѣ на поселеніе упомянуто только какъ о послѣдствіи каторжной работы, а не какъ о самостоятельномъ наказаніи. Предполагается ли удержать въ новомъ кодексѣ лишеніе и ограниченіе правъ, въ томъ тройномъ видѣ, въ какомъ оно опредѣлено уложеніемъ, или въ иной формѣ—этого изъ основныхъ положеній не видно. Дополнительныхъ и особенныхъ наказаній они вовсе не касаются. Насколько разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ могло бы облегчить трудъ составителей новаго кодекса и ускорить его окончаніе—это понятно само собою.

Въ ходѣ законодательныхъ работъ послѣдняго времени часто замѣчается одна изъ двухъ противоположныхъ крайностей: или большая успѣшность, или большая медленность. Всѣмъ извѣстны случаи, когда важныя отступленія отъ началъ, регулирующихъ цѣлую область законодательства, облекались въ форму закона черезъ два-три мѣсяца послѣ событій, подавшихъ къ нимъ поводъ; всѣмъ извѣстны также другіе случаи, когда реформа, признанная неотложною, оставалась безъ движенія по цѣлымъ годамъ, или хотя и двигалась, но мало приближалась къ желанному результату. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ—вмѣстѣ съ податной реформой, съ гипотечнымъ уставомъ, съ проектомъ примѣненія судебной реформы къ остзейскому краю,—и пересмотръ уложенія о наказаніяхъ. Необходимость его, сознаваемая еще во время составленія судебныхъ уставовъ, до очевидности доказана на практикѣ четырнадцатилѣтнею дѣятельностью новыхъ судебныхъ учреждений; это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, по которымъ не можетъ быть и нѣтъ никакого спора. Оказывается, однако, что оффициально онъ достигъ только перваго фазиса своего развитія, или, лучше сказать, возвращенъ къ этому фазису, изъ котораго давно считался вышедшимъ. Одновременно съ изданіемъ основныхъ положеній, Второму отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи и министерству юстиціи предоставлено составить *планъ производства работъ по пересмотру уложенія*, а также соображенія о томъ, какимъ порядкомъ этотъ трудъ можетъ быть всего успѣшнѣе приведенъ въ исполненіе. Составленіе плана работы, присланіе средствъ къ ея исполненію предшествуетъ самой работѣ; положеніе ея, слѣдовательно, представляется въ настоящую минуту точно такимъ, какъ если бы она едва

начиналась. Все сдѣланное до-сихъ поръ низводится на степень матеріала, которымъ можно воспользоваться, но можно и не воспользоваться. Безспорно, составленіе новаго уголовного кодекса или даже коренное измѣненіе существующаго—дѣло не легкое, не допускающее торопливости; но пятнадцать или хотя бы пять лѣтъ—промежутковъ времени болѣе чѣмъ достаточный и для такого дѣла. Убѣдительнымъ доказательствомъ этому служить примѣръ Германіи; составленіе, обсужденіе и утвержденіе сѣверо-германскаго уложенія—годъ спустя послѣ изданія обратившагося въ общегерманское—потребовало всего только трехъ лѣтъ. Сопоставивъ этотъ знаменательный фактъ съ медленнымъ ходомъ работъ по пересмотру нашего уголовного уложенія, „Московскія Вѣдомости“ утѣшаютъ себя слѣдующимъ соображеніемъ: „Впрочемъ, все къ лучшему. Быть можетъ, эта отсрочка была въ сущности внушена вѣрнымъ чувствомъ неполной состоятельности нашей интеллигенціи для такого дѣла, какъ уголовное законодательство“. И здѣсь, такимъ образомъ, ставится старый вопросъ о нашей незрѣлости. „Устарѣвшій кодексъ матеріальнаго уголовного права“—говоря словами самой московской газеты—„рѣшительно не гармонируетъ съ новымъ судоустройствомъ и судопроизводствомъ, тормозя на каждомъ шагѣ успѣшное примѣненіе началъ новаго уголовного процесса“,—и все-таки сохраненію этого тормоза можно радоваться, потому что устраненіе его не по силамъ нашей интеллигенціи! Но развѣ ежедневная борьба съ затрудненіями, создаваемыми несовершенствомъ уголовного кодекса—борьба, упadaющая, притомъ, не на одну интеллигенцію, такъ какъ не изъ нея только среды избираются присяжные засѣдатели—легче согласованія законовъ съ измѣнившимися требованіями жизни? Въ области уголовного права примѣромъ другихъ государствъ можно руководствоваться гораздо болѣе чѣмъ въ области, напримѣръ, гражданскаго права; національныя особенности не играютъ здѣсь важной роли, и годное для одного цивилизованнаго народа почти всегда годно и для другого, и наоборотъ. Реформа уголовного законодательства совершилась или совершается теперь почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ; недостатка въ образцахъ для своей работы наши юристы не встрѣчали и не встрѣтятъ,—а умѣнье выбирать между образцами, не отступая въ случаѣ надобности и передъ улучшеніями или дополненіями, они доказали еще при составленіи судебныхъ уставовъ. Съ политической точки зрѣнія изданіе новаго уголовного кодекса также не представляетъ никакихъ затрудненій: смягченіе наказаній скорѣе увеличить, чѣмъ уменьшить ихъ дѣйствительность, а полного обезоруженія государства или чрезмѣрнаго ограниченія его карательной власти никто изъ интеллигенціи, прямо или косвенно занятой пересмотромъ

уложенія, конечно не предложить. Не говорить уже о томъ, много ли шансовъ успѣха имѣло бы подобное предложеніе.

Молчаніе основныхъ положеній о смертной казни „Московскія Вѣдомости“ объясняютъ въ томъ смыслѣ, что вопросъ о введеніи этого наказанія для самыхъ тяжкихъ видовъ убійства оставленъ открытымъ. „Пора“, говорятъ онѣ, „перестать кичиться живой и пустою фразой, будто въ Россіи нѣтъ смертной казни. Но если она есть на дѣлѣ, то не зачѣмъ отрекаться отъ нея на словахъ. Есть снисхожденіе, есть помилованіе, но силу уголовного принципа не слѣдуетъ ослаблять въ угоду какому бы-то ни было доктринамъ. Во всемъ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ теперь ни одного государства, которое исключило бы смертную казнь за убійство изъ своего кодекса“. На фактическую ошибку, заключающуюся въ этихъ словахъ, было уже указано въ одной изъ нашихъ газетъ. Въ Голландіи, въ Португаліи, въ Румыніи, въ нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ штатахъ смертная казнь вовсе не существуетъ; въ проектѣ новаго итальянскаго уложенія предполагается ея отміна. Кичиться тѣмъ, что у насъ нѣтъ смертной казни, дѣйствительно не слѣдуетъ, какъ потому, что она входитъ въ систему наказаній, установленную уложеніемъ, такъ и потому, что примѣненіе ея во всякое время можетъ быть значительно распространено, путемъ подчиненія извѣстной мѣстности или извѣстнаго рода преступленій дѣйствію военно-уголовныхъ законовъ. Но это еще вовсе не значитъ, чтобы назначеніе въ новомъ уголовномъ кодексѣ смертной казни за самые тяжкіе виды убійства было желательно или хотя бы только безразлично. Временное изъятіе изъ общаго закона, съ цѣлью усиленія уголовной кары, представляетъ, безъ сомнѣнія, большія неудобства; но именно потому, что оно временное, оно не можетъ пустить такихъ глубокихъ корней, не можетъ сдѣлаться чѣмъ-то привычнымъ, нормальнымъ. Прекратить дѣйствіе чрезвычайной мѣры гораздо легче, нежели измѣнить законъ, въ особенности когда онъ входитъ въ составъ кодекса и органически связанъ съ другими его частями. На возможности поддержать силу уголовного принципа безъ смертной казни мы не останавливаемся, потому что объ этомъ еще недавно была рѣчь въ „Вѣстникѣ Европы“ (1879 г. № 4, по поводу вопроса о восстановленіи смертной казни въ Швейцаріи).

Нельзя не пожалѣть, что въ основныхъ положеніяхъ ничего не сказано объ одиночномъ заключеніи при каторжной работѣ, и не опредѣленъ maximum срока этого заключенія для лицъ, приговоренныхъ къ содержанію въ исправительномъ домѣ. По германскому уложенію лица, присужденныя къ заключенію въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus), не могутъ быть оставляемы въ одиночномъ заключеніи,

безъ ихъ согласія, болѣе трехъ лѣтъ. Въ виду несомнѣнно доказанной опасности, которою одиночное заключеніе угрожаетъ физическому и умственному здоровью арестанта, этотъ срокъ представляется чрезмерно продолжительнымъ. Къ заключенію въ исправительномъ домѣ, устанавливаемому основными положеніями, онъ не можетъ быть примѣненъ уже потому, что это наказаніе, по мѣсту, занимаемому имъ въ новой системѣ, имѣетъ характеръ скорѣе исправительный, чѣмъ уголовный, тогда какъ въ Германіи заключеніе въ смирительномъ домѣ — самое тяжкое, послѣ смертной казни, уголовное наказаніе, соответствующее нашей каторжной работѣ. Намъ кажется, что и годовой срокъ одиночнаго заключенія долженъ быть признанъ, вообще говоря, слишкомъ продолжительнымъ, примѣнимымъ развѣ къ случаямъ особенно важнымъ. Между тѣмъ, основныя положенія допускаютъ его даже для лицъ, присужденныхъ къ содержанію въ тюрьмѣ. Наибольшій срокъ для этого вида лишенія свободы—годъ, а приговоренные къ нему подлежатъ одиночному заключенію въ теченіи *всего* опредѣленнаго для нихъ судебнымъ приговоромъ срока. Такая строгая мѣра едва ли соответствуетъ тяжести преступленій, караемыхъ кратковременнымъ, сравнительно, лишеніемъ свободы. Конечно, между приговоренными къ тюремному заключенію найдутся и такіе, которые сами предпочтутъ не выходить изъ одиночной камеры; но одиночное заключеніе устанавливается какъ мѣра безусловно обязательная, за однимъ только исключеніемъ, о которомъ мы сейчасъ упомянемъ. Для крестьянъ и вообще для людей, не привыкшихъ къ одинокой, умственной работѣ — а такіе лица всегда составляютъ большинство тюремнаго населенія, — одиночное заключеніе будетъ крайнимъ отягченіемъ наказанія, наложеннаго на нихъ судебнымъ приговоромъ. Заключенію въ тюрьмѣ будутъ, по всей вѣроятности, подвергаться преимущественно лица, не сдѣлавшія ничего безчестнаго, поворачиваго ¹⁾; изолированіе такихъ лицъ не требуется, слѣдова-

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія едва ли можно признать правильнымъ то положеніе, по которому низшая степень заключенія въ исправительномъ домѣ не должна быть менѣе тяжкою, чѣмъ высшая степень заключенія въ тюрьмѣ. Чтобы провести рѣзкое различіе между исправительнымъ домомъ и тюрьмою, слѣдовало бы вовсе исключить изъ круга дѣйствій послѣдней такіа преступленія, какъ кража, мошенничество—а для этого необходимо было бы допустить заключеніе въ исправительномъ домѣ на сроки меньше года, чтобы не увеличивать тяжесть наказаній, опредѣленныхъ въ настоящее время за простѣйшіе виды вышеупомянутыхъ преступленій. Мы знаемъ, что основныя положенія имѣли въ виду предупредить несообразность перехода, при смягченіи наказаній, отъ сроковъ заключенія менѣе продолжительныхъ къ срокамъ заключенія болѣе продолжительнымъ,—несообразность, возможную при дѣйствіи ст. 150 улож. о нак.; но предупредить ее можно было бы и иначе — устранить, напримѣръ, переходъ отъ заключенія въ исправительномъ домѣ къ заключенію въ тюрьмѣ.

тельно, и въ видахъ предупрежденія вреднаго вліанія ихъ другъ на друга. Отступленіе отъ правилъ одиночнаго заключенія допускается основными положеніями тогда лишь, когда будетъ удостовѣрено, что такое заключеніе представляетъ опасность для здоровья заключеннаго ¹⁾. Положительно удостовѣрена опасность можетъ быть только тогда, когда появились уже первые симптомы болѣзненнаго разстройства. При длинныхъ срокахъ одиночнаго заключенія, освобожденіе отъ него по докторскому удостовѣренію слишкомъ часто, поэтому, будетъ только останавливать дальнѣйшее развитіе болѣзни (если остановить его еще не поздно), а не предупреждать самое появленіе ея.

Весьма важно, въ нашихъ глазахъ, то обстоятельство, что основныя положенія, перечисляя наказанія, взаимно которыхъ устанавливаются четыре главные вида лишенія свободы, не упомянули о заключеніи въ крѣпости и предоставили, такимъ образомъ, составителямъ уложенія возможность не только удержать эту форму уголовной кары, но и дать ей болѣе широкое развитіе. Заключеніе въ крѣпости удовлетворяетъ какъ нельзя лучше разумному стремленію новѣйшихъ законодательствъ согласовать наказаніе съ мотивами преступленія, различить *по качеству* одинаково тяжкія въ *количественномъ отношеніи* наказанія. Германское уложеніе во многихъ случаяхъ даетъ суду свободу выбора между заключеніемъ въ смиренительномъ домѣ и заключеніемъ въ крѣпости, съ тѣмъ, чтобы первое было назначаемо за преступленія, совершенныя по безчестнымъ побужденіямъ (*wenn festgestellt wird, dass die strafbar befundene Handlung aus einer ehrlosen Gesinnung entsprungen ist*). Такую же альтернативу устанавливаетъ и проектъ новаго итальянскаго уложенія. Въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ заключенію въ крѣпости дано слишкомъ мало мѣста: въ новомъ уголовномъ кодексѣ оно могло бы быть распространено (не безусловно, а факультативно) не только на многія политическія преступленія, кромѣ тѣхъ, за которыя и теперь опредѣлено это наказаніе, — но и на убійство въ запальчивости и раздраженіи, нанесеніе ранъ при тѣхъ же условіяхъ и т. п.

Уничтожая ссылку на житіе въ Сибирь и отдаленныя губерніи европейской Россіи, а также заключеніе въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ и въ рабочемъ домѣ, основныя положенія сдѣлали большой шагъ къ уничтоженію различія, передъ уголовнымъ закономъ, между лицами привилегированныхъ и непривилегированныхъ сословій. Ссылка на житіе существовала, какъ извѣстно, только

¹⁾ Правило это помѣщено въ статьѣ о заключеніи въ тюрьмѣ, но едва ли можно сомнѣваться, что оно примѣнимо и къ заключенію въ исправительномъ домѣ.

для первыхъ, арестантскія роты и рабочій домъ—только для послѣднихъ. При дѣйствіи новаго кодекса тѣ и другія одинаково будутъ подлежать заключенію въ исправительномъ домѣ. Остается только разрѣшить вопросъ о лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, опредѣляемомъ теперь для лицъ привилегированнаго класса въ большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ для всѣхъ остальныхъ. Если составители новаго кодекса найдутъ возможнымъ установить и въ этомъ отношеніи одно общее правило—чего несомнѣнно требуетъ справедливость,—то послѣдніе слѣды неравенства, достигавшаго крайнихъ предѣловъ въ эпоху процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній, исчезнутъ изъ нашего уголовного законодательства.

Говоря объ уголовномъ законодательствѣ, встаетъ вопросъ занести здѣсь въ нашу хронику одинъ новый фактъ изъ послѣдняго времени.

Статья 53-я устава уголовного судопроизводства предоставляла мировому судѣ, въ случаѣ неисполненія полиціею обязанностей, возложенныхъ на нее по производству дѣлъ у мировыхъ судей, дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія, а о важныхъ съ ихъ стороны упущеніяхъ сообщать прокурору или его товарищу. Постановленіе это подверглось недавно существенному измѣненію: мировые судьи лишены права дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія. Замѣтивъ упущеніе со стороны полиціи—все равно, важное или неважное—мировой судья можетъ только сообщить о томъ прокурорскому надзору, отъ котораго, на основаніи ст. 485 уст. угол. суд., зависитъ либо ограничиться предостереженіемъ, либо предложить дѣйствія полицейскаго чиновника на разсмотрѣніе суда. Объяснить себѣ основанія такой перемѣны довольно трудно. Злоупотребленіе со стороны мировыхъ судей правомъ, отнятымъ отъ нихъ новымъ закономъ, едва ли было возможно уже потому, что это право не давало имъ реальной власти надъ полицейскими чинами. Предостереженіе, остающееся безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, было не взысканіемъ, а только напоминаніемъ полиціи о лежащихъ на ней обязанностяхъ, объ отвѣтственности, которую можетъ повлечь за собою повторяющееся нарушеніе. Оно служило простой и удобной формой для указаній, разъясненій, вызванныхъ неправильными дѣйствіями полиціи и клонившихся къ предупрежденію ихъ на будущее время. Теперь такіа дѣйствія въ большинствѣ случаевъ будутъ проходить безслѣдно, потому что сообщать прокурорскому надзору мировые судьи по прежнему, безъ сомнѣнія, будутъ только о болѣе крупныхъ упущеніяхъ со стороны полиціи. Чины полиціи, не чувствуя себя больше непосредственно подчиненными мировому судѣ, конечно, не увеличатъ своей заботливости о правильномъ и быстромъ исполненіи возлагаемыхъ имъ на нихъ порученій. Мы не желали бы думать, что въ

новомъ законѣ отразилось недовѣріе къ суду; но во всякомъ случаѣ, измѣненіе буквы судебныхъ уставовъ важно всего болѣе потому, что оно можетъ представляться отступленіемъ отъ ихъ духа.

V.

Пересмотръ пенсіоннаго устава также принадлежитъ къ числу тѣхъ законодательныхъ работъ, движеніе которыхъ отличается большою медленностью. Начало его восходитъ къ 1866-му году; десять лѣтъ спустя, коммиссія, на которую онъ былъ возложенъ, выработала проектъ пенсіонной кассы гражданскаго вѣдомства; главные основанія этого проекта, если вѣрить газетнымъ слухамъ, были одобрены бывшимъ министромъ финансовъ, но отвергнуты его преемникомъ, признавшимъ, что въ настоящее время слѣдуетъ ограничиться частными улучшеніями и измѣненіями въ пенсіонномъ уставѣ безъ коренной его переработки. Сущность этихъ измѣненій и улучшеній должна заключаться въ увеличеніи размѣра пенсій (съ опредѣленіемъ наименьшаго ихъ размѣра, теперь составляющаго около 85 р., примѣрно въ 300 р.), въ уменьшеніи числа должностей, дающихъ право на полученіе пенсій (для чего низшія должности гражданской службы могли бы быть замѣщаемы по найму), въ уменьшеніи числа привилегированныхъ, въ отношеніи къ праву на пенсію; вмѣсто двухъ, нынѣ существующихъ,—одного срока, дающаго право на пенсію (примѣрно—сорока-лѣтняго). Для назначенія пенсій семействамъ лицъ, умершихъ на службѣ до истеченія сорока-лѣтняго срока, могли бы быть установлены особые сроки.

Необходимость увеличить размѣръ пенсій, въ особенности небольшихъ, не подлежитъ сомнѣнію и доказывается, между прочимъ, множествомъ случаевъ, въ которыхъ пенсіи назначаются *внѣ правилъ*¹⁾; уменьшеніе числа льготъ и привилегій также не можетъ возбудить никакихъ возраженій. Нельзя сказать того же самаго о двухъ другихъ предположеніяхъ, клонящихся къ уменьшенію общей цифры пенсіоннаго расхода. Чѣмъ ниже должность, занимаемая чиновникомъ, тѣмъ больше основаній предполагать, что онъ нуждается въ

¹⁾ По свѣдѣніямъ, собраннымъ коммиссіею при пересмотрѣ пенсіоннаго устава, въ промежутокъ времени съ 1853 по 1868 года, пенсій на основаніи пенсіоннаго устава назначено было 118,298 лицамъ, на сумму 12.895,431 руб., *внѣ правилъ* — 9,667 лицамъ на сумму 3.597,960 р. На каждого изъ пенсионеровъ первой категоріи приходится, среднимъ числомъ, по 109 руб., на каждого пенсионера второй категоріи—по 372 руб. въ годъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что отступленіе отъ правилъ

пенсій, а слѣдовательно—и имѣть на нее право ¹⁾. Содержаніе на низшихъ должностяхъ такъ незначительно, что изъ него только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть сдѣланы какія-либо сбереженія; наградъ на долю мелкихъ чиновниковъ выпадаетъ мало; совмѣщеніе службы съ другими, частными занятіями для нихъ гораздо труднѣе, чѣмъ для лицъ, выше поставленныхъ въ судебной іерархіи; однообразная, рутинная, на половину или вполнѣ механическая работа притупляетъ ихъ способности и дѣлаетъ ихъ, въ концѣ-концовъ, непригодными ни къ какому другому труду, кромѣ канцелярскаго. Обратитъ ихъ изъ должностныхъ лицъ въ вольнонаемныхъ работниковъ, значило бы измѣнить только названіе, а не сущность дѣла; они все-таки продолжали бы отдавать все свое время, всѣ свои силы государственной службѣ, и, состарѣвшись на ней, сохраняли бы право на попеченіе государства. По справедливому замѣчанію одной изъ газетъ, несвоевременно вводить на государственной службѣ вольнонаемный трудъ, безъ всякаго права на пенсію, когда даже въ различныхъ отрасляхъ общественной и частной службы иыскиваются средства къ обезпеченію будущности служащихъ. Не меньше неудобствъ представляетъ и отдаленіе срока выслуги пенсій на пять лѣтъ противъ существующаго, безъ того уже весьма продолжительнаго, съ уничтоженіемъ, притомъ, права на половинную пенсію, послѣ двадцати-пяти лѣтъ службы. Много ли найдется чиновниковъ, служащихъ сорокъ лѣтъ сряду?! Число ихъ съ каждымъ годомъ должно уменьшаться, потому что какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ теперь оканчиваютъ курсъ позже, чѣмъ прежде. Прежде многіе выходили изъ гимназій шестнадцати, даже пятнадцати, изъ университета — двадцати, даже девятнадцати лѣтъ; теперь громадное большинство оставляетъ гимназію и университетъ, по крайней мѣрѣ, четырьмя годами позже. Выслуживать пенсію будутъ, такимъ образомъ, только тѣ исключительно-крѣпкія натуры, которыя дотянутъ служебную лампу до 65—70 лѣтъ. Какъ бы ни ослабѣлъ, какъ бы ни утомился чиновникъ, онъ будетъ держаться за службу обѣими руками, какъ за слабый шансъ успокоенія и отдыха, приобретенный столѣтними годами тяжелой, неблагоприятной дѣятельности,—и все-таки этотъ шансъ можетъ ускользнуть отъ него, сила

состояло не только въ назначеніи пенсій до срока, но и въ увеличеніи ихъ размѣра, сравнительно съ установленной закономъ нормой.

¹⁾ Еслибы удостовѣреніе въ томъ, что оставляющій службу чиновникъ—или его семейство—не имѣетъ, помимо пенсій, достаточныхъ средствъ къ жизни, не было сопряжено съ большими затрудненіями и не могло служить источникомъ злоупотребленій, то право на пенсію, безъ сомнѣнія, было бы предоставлено только дѣйствительно нуждающимся въ ней.

его можетъ истощиться за нѣсколько лѣтъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до желаннаго часа. На увольненіе отъ службъ чиновника, которому немного остается прослужить до пенсіи, и теперь не всегда легко рѣшиться; при одномъ, сорока-лѣтнемъ срокѣ пенсіи эта трудность возросла бы до крайнихъ предѣловъ. Начальству часто предстоятъ бы выборы между поступкомъ, въ сущности жестокимъ, и снисходительностью, вредно отзывающеюся на служебномъ дѣлѣ. Одна изъ нашихъ газетъ указываетъ на то, что многіе отставные чиновники, получающіе пенсію, поступаютъ въ частную службу, что, слѣдовательно, они могли бы продолжать и государственную службу, если бы срокъ выслуги пенсіи былъ болѣе отдаленный. Такіе случаи возможны, хотя ихъ едва ли особенно много ¹⁾; но для удержанія на государственной службѣ лицъ, способныхъ продолжать ее, гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ отдаленіе срока пенсіи, представляется средство, предлагаемое многими—увеличеніе получаемаго ими содержанія, если они согласятся остаться на службѣ и по выслугѣ права на пенсію. О примѣненіи сорока-лѣтняго срока къ пенсіямъ, назначаемымъ семейству умершаго на службѣ чиновника, безъ сомнѣнія, не можетъ быть и рѣчи; чѣмъ же виновато семейство чиновника, если кормилецъ его умеръ за годъ, за мѣсяць до выслуги пенсіи? Необходимость особыхъ сроковъ для случаевъ такого рода признана и основными положеніями, измѣнившими направленіе работъ по пересмотру пенсіоннаго устава. Можно надѣяться, что дѣйствующій законъ въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, не будетъ измѣненъ въ худшему.

Что же дѣлать, однако, въ виду постоянно и быстро возрастающаго числа пенсіонеровъ и общей цифры пенсій? Въ 1828 г. всѣхъ пенсіонеровъ было около 26,000, расходъ на пенсіи составлялъ нѣсколько менѣе трехъ милліоновъ рублей; сорокъ лѣтъ спустя обѣ цифры увеличились безъ малаго въ шесть разъ—пенсіонеровъ было около 151,000, пенсій платилось болѣе семнадцати милліоновъ рублей. Прошло еще десять лѣтъ — и по росписи на 1880-й годъ расходъ на пенсіи исчисленъ уже почти въ двадцать-четыре милліона. Одна изъ газетъ утѣшаетъ насъ тѣмъ, что процентное отношеніе этого расхода къ общей цифрѣ государственнаго бюджета у насъ меньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, что въ концѣ шестидесятихъ годовъ пенсіи составляли у насъ почти четыре про-

¹⁾ Если бы можно было собрать свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, получающихъ пенсію отъ государства и вмѣстѣ съ тѣмъ несущихъ частную службу, то многія изъ нихъ — а можетъ быть, и большинство — оказались бы, по всей вѣроятности, получившими пенсію „въ правилѣ“, до выслуги установленнаго закономъ срока.

цента всѣхъ государственныхъ расходовъ ¹⁾, въ Англіи и Франціи превышали четыре, въ Пруссіи доходили до пяти съ половиной, а въ Италіи, Даніи и Баваріи—даже до девяти слишкомъ процентовъ. Утѣшеніе это кажется намъ весьма слабымъ: расходъ на пенсіи, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ числу непроеводительныхъ, и возрастаніе его, при затруднительности общаго финансоваго положенія, при множествѣ неудовлетворенныхъ или не вполне удовлетворенныхъ настоятельныхъ нуждъ, не можетъ быть признано явленіемъ нормальнымъ. Остановить увеличеніе расхода на пенсіи или, тѣмъ болѣе, достигнуть его уменьшенія, не нарушая пріобрѣтенныхъ правъ и не ухудшая положенія лицъ, посвятившихъ себя государственной службѣ, можно только однимъ путемъ: значительнымъ сокращеніемъ числа чиновниковъ и затѣмъ назначеніемъ пенсій *исключительно* на основаніи закона, совершеннымъ устраненіемъ пенсій, назначаемыхъ *отъ правилъ*. Объ осуществимости первой изъ этихъ мѣръ въ „Вѣстникѣ Европы“ уже говорилось (1879 г., № 2, Внутреннее обозрѣніе); вторая представляется намъ естественнымъ и необходимымъ результатомъ предполагаемаго возвышенія размѣра пенсій. Единственнымъ — хотя едва ли достаточнымъ — оправданіемъ многочисленныхъ отступленій отъ пенсіоннаго устава служилъ и служить крайне низкій, въ большинствѣ случаевъ, размѣръ опредѣляемыхъ имъ пенсій. Когда размѣръ пенсій будетъ согласованъ съ измѣненіемъ цѣнъ, совершившимся послѣ изданія пенсіоннаго устава, всякое основаніе къ разрѣшенію внѣ закона того, что предусмотрено и регулировано закономъ, падетъ само собою.

VI.

Мы сказали выше, что новые сроки для пенсій въ наше время затрудняются тѣмъ, что изъ гимназій и университетовъ нынѣ выходить по крайней мѣрѣ четырьмя годами позже; но Александровскій лицей и училище правовѣдѣнія доставляютъ возможность начинать службу въ весьма раннемъ возрастѣ. Однако, одному изъ этихъ учебныхъ заведеній предстоитъ реформа, въ смыслѣ увеличенія учебнаго срока.

Доступъ въ Александровскій лицей и въ училище правовѣдѣнія былъ открытъ до-сихъ поръ только для дѣтей потомственныхъ дворянъ, записанныхъ въ пятую или шестую часть родословной книги,

¹⁾ Въ настоящее время это отношеніе нѣсколько уменьшилось и составляетъ около 3²/₃ %.

и лицъ, достигшихъ болѣе или менѣе высокаго чина на военной или гражданской службѣ. Относительно лица это правило недавно намѣнено, разрѣшеніемъ пріема дѣтей потомственныхъ дворянъ, въ какую бы часть родословной книги они ни были записаны. Если вѣрить слуху, появившемуся въ нашихъ газетахъ, еще болѣе перемѣнѣ должны подвергнуться въ скоромъ времени правила о пріемѣ воспитанниковъ въ училище правовѣдѣнія; доступъ въ это заведеніе предполагается открыть для лицъ всѣхъ сословій. Программы низшихъ курсовъ будутъ сравнены, при этомъ, съ программами классическихкихъ гимназій; высшіе курсы будутъ расширены до объема университетскихъ, къ семи учебнымъ годамъ прибавлены еще два. Облегченію доступа въ высшія учебныя заведенія можно, вообще говоря, только радоваться; но не указываетъ ли оно въ данномъ случаѣ на уменьшеніе числа лицъ, желающихъ опредѣлять своихъ дѣтей въ лицей и училище правовѣдѣнія, а въ этомъ уменьшеніи не слѣдуетъ ли видѣть новое доказательство въ пользу того, что оба привилегированныя учебныя заведенія отжили свое время? Въ исторіи русскаго образованія они безспорно займутъ почетное мѣсто. Учрежденіе лицей привлекло къ высшему, сравнительно, образованію множество лицъ, которыя иначе пошли бы по обыкновенному, въ прежнее время, пути родовой и чиновной знати, т.-е. поступили бы въ военную службу. Для небольшой, но важной по своему положенію группы лицей сдѣлался такимъ же просвѣтительнымъ центромъ, какими для большинства учащихся были университеты. Пушкинскія традиціи долго поддерживали между воспитанниками лицей усиленную умственную жизнь, не всегда прекращавшуюся и за его стѣнами. Несомнѣнная заслуга училища правовѣдѣнія заключается въ томъ, что оно дало судебнымъ мѣстамъ, въ особенности Сенату, множество честныхъ дѣятелей, благодаря которымъ понятіе о судѣ перестало быть неразрывно-связаннымъ съ понятіемъ о взяткѣ. Въ настоящее время условія воспитанія и общественной жизни измѣнились настолько, что въ искусственныхъ вспомогательныхъ средствахъ въ приготовленію образованныхъ администраторовъ и судей не представляется болѣе никакой надобности; для достиженія этой цѣли вполне достаточно университетскихъ юридическихъ факультетовъ, съ ихъ административными отдѣленіями. Еще недавно они были переполнены слушателями; теперь они пустѣютъ, потому что уменьшился запросъ на юристовъ, усиленный на время введеніемъ въ дѣйствіе судебной реформы. Съ другой стороны, университеты имѣютъ теперь одинаковую притягательную силу для лицъ всѣхъ сословій, всѣхъ общественныхъ положеній. Уровень преподаванія стоитъ въ нихъ несомнѣнно выше, чѣмъ въ лицей и училищѣ пра-

вовѣдѣнія. Привилегіи, которыми пользуются послѣдніе сравнительно съ первыми, не оправдываются рѣшительно ничѣмъ; причины, иѣкогда вызвавшія ихъ, давно уже не существуютъ. Отмѣнить эти привилегіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширить объемъ лицейскихъ и правовѣдскихъ курсовъ до степени университетскихъ, значило бы устранить существующую теперь несправедливость, но не доказать правъ лица и училища правовѣдѣнія на дальнѣйшее существованіе. Въ началѣ нынѣшняго года признано было полезнымъ преобразовать и институтъ инженеровъ путей сообщенія, въ видахъ поднятія спеціальнаго образовательнаго уровня лицъ этого вѣдомства и соразмѣренія числа ихъ съ потребностями министерства путей сообщенія и подвѣдомственныхъ ему желѣзнодорожныхъ предпріятій. Еще болѣе цѣлесообразнымъ было бы обращеніе средствъ, идущихъ теперь на искусственное увеличеніе числа юристовъ, безъ всякой потребности въ томъ и безъ всякаго поднятія ихъ образовательнаго уровня,—на развитіе другихъ отраслей образованія (напр. технической), дѣйствительно нуждающихся въ поддержкѣ со стороны государства.

Заключимъ нашу хроникку небольшою замѣткой. „Journal de St.-Petersbourg“ посвятилъ недавно довольно обширную статью положенію нашихъ гимназій. Не касаясь, по особымъ причинамъ, ея содержанія, мы остановимся только на ея эпиграфѣ: „мен, по тезисурес“ (нужны люди, а не мѣры). Политическая мудрость этого изреченія подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, большому сомнѣнію; гораздо болѣе правильно кажется намъ другая, двухсторонняя формула: „не только мѣры, но и люди—не только люди, но и мѣры“. Безспорно, плохое исполненіе можетъ испортить самую лучшую мысль; но центръ тяжести все-таки лежитъ въ мысли, отъ которой въ значительной степени зависитъ и образъ дѣйствій исполнителей. Возложите на одно и то же лицо двѣ различныя задачи, одинаково соотвѣтствующія его силамъ, но не одинаковыя по внутреннему своему достоинству, по своей цѣлесообразности: одинаково ли хорошо будетъ исполненіе обѣихъ? Правило: „мен, по тезисурес“—легко можетъ обратиться въ девизъ самаго узкаго консерватизма, въ готовое возраженіе противъ самой необходимой перемѣны. Во имя этого правила можно было возставать противъ судебной реформы, предлагая замѣнить ее назначеніемъ новыхъ людей въ старія судебныя мѣста; можно было возставать противъ земскаго самоуправленія, предлагая озаботиться лишь тщательнымъ подборомъ непремѣнныхъ членовъ приказа общественнаго призрѣнія и дѣлопроизводителей особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія; можно было, наконецъ, возста-

вать даже противъ освобожденія крестьянъ, утѣшая себя надеждой на постепенный подъемъ нравственнаго уровня помѣщиковъ. Мы не знаемъ, кто именно изъ англійскихъ государственныхъ людей произнесъ слова, восхитившія автора статьи „Journal de St.-Petersbourg“; но не ими, во всякомъ случаѣ, руководились всѣ великіе политическіе дѣятели Англіи—Робертъ Пиль, графъ Грей, Джонъ Россель, и друг. Быть можетъ, они были сказаны въ такую эпоху англійской политической жизни, когда за цѣлымъ рядомъ реформъ должно было слѣдовать примѣненіе ихъ на практикѣ, когда законодательная дѣятельность должна была, на время, уступить мѣсто административной. Для насъ, живущихъ посреди незавершеннаго еще цикла реформъ, подобный моментъ не насталъ и, вѣроятно, настанетъ не скоро. Исторія послѣдняго двадцатипятилѣтія въ Россіи убѣждаетъ насъ въ томъ, что для новыхъ мѣръ, отвѣчавшихъ потребностямъ времени, всегда находились и новые люди; случаевъ достиженія цѣли посредствомъ одной перемѣны въ лицахъ она не представляетъ. Правилу: „мен, по measure“, можно противопоставить другое, болѣе древнее: „новое вино не слѣдуетъ вливать въ старыя мѣха“. При томъ, и между „мѣрами“ есть разница: мѣры бываютъ всякія — придуманныя и цѣлесообразныя; на эту сторону дѣла почтенный авторъ упомянутой статьи уже вовсе не обратилъ вниманія, увлеченный, вѣроятно, англійскимъ „краснымъ словцомъ“. Вотъ если бы онъ сказалъ, что есть мѣры, которыя легко могутъ создать и людей, и есть мѣры, которыя непременно окажутся бессильными въ этомъ отношеніи—это было бы другое дѣло, и съ нимъ нѣтъ не сталъ бы спорить.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА

15/21 февраля, 1879.

LV.

Вознагражденіе литературнаго труда во Франціи.

Мнѣ часто приходится слышать такого рода сѣтованія: „Литературный духъ исчезаетъ, меркантилизмъ одолеваетъ литературу, деньги убиваютъ талантъ“. И затѣмъ раздаются жалобы на демократію, которая наводняетъ салоны и академіи, искажаетъ языкъ, превращаетъ писателя въ обыкновеннаго купца, продающаго свой товаръ съ фабричнымъ клеймомъ, наживающаго богатство или умирающаго въ нищетѣ. Я уже давно собираюсь отвѣчать на эти жалобы и обвиненія, и въ этомъ письмѣ займусь именно вопросомъ о томъ: какую роль играютъ деньги въ современномъ литературномъ трудѣ? Прежде всего, разумѣется, слѣдуетъ замѣтить, что литературное направленіе XVII и XVIII столѣтій не имѣетъ ничего общаго съ литературнымъ направленіемъ XIX вѣка. Подъ вліяніемъ интеллектуальнаго и социальнаго движенія въ немъ мало-по-малу совершился полный переворотъ. Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ этотъ переворотъ.

I.

Недавно, я перечитывалъ критическіе этюды Сентъ-Бѣва, этотъ безконечный рядъ томовъ, гдѣ онъ высказался весь. При этомъ-то чтеніи поразили меня глубокія измѣненія въ нашемъ литературномъ направленіи. Сентъ-Бѣвъ, гибкій и обширный умъ, вполне способный оцѣнить новѣйшія произведенія, сохранялъ все-таки нѣжную привязанность къ трудамъ прошлыхъ временъ и свято держался за древнихъ и нашихъ классиковъ. Это сожалѣніе, эта тоска по прошлымъ вѣкамъ, въ особенности по XVII-му, постоянно проскальзываетъ у него такъ или иначе. Онъ не возставалъ на современную эпоху, онъ гордился тѣмъ, что знаетъ и понимаетъ всѣ ея произведенія; но не могъ совладать съ своимъ темпераментомъ, оглядывался на прошлое и наслаждался воспоминаніями классика и ученаго. Онъ родился двѣсти лѣтъ позднеѣ, чѣмъ бы слѣдовало. Никогда не понималъ я лучше прелести литературнаго направленія, созданнаго старомъ Фран-

пей. Сентъ-Бёвъ былъ одинъ изъ послѣднихъ, сочувствовавшихъ и оплакивавшихъ этотъ старый разрушавшійся міръ; и чувства его были тѣмъ отзывчивѣе въ этомъ случаѣ, что онъ стоялъ на рубежѣ прошедшей и настоящей эпохи, и былъ скорѣе дѣйствующимъ лицомъ, чѣмъ судьей. Правдивыя признанія высказываются въ тревожныя минуты, въ волнахъ личнаго горя.

Итакъ, вотъ какое понятіе составлялъ себѣ Сентъ-Бёвъ о писателѣ, когда обращался къ прошлому, о которомъ мечталъ. Писатель, это — ученый, нуждающійся прежде всего въ досугѣ. Онъ живетъ въ тиши библіотеки, вдали отъ уличнаго шума, въ пріятномъ общеніи съ музами. Удѣлъ его — непрерывное наслажденіе, утонченность чувствъ, игра ума, убаюкиваніе всего существа. Литература остается при этомъ пріятнымъ времяпровожденіемъ избраннаго общества, и воскипаетъ сначала поэта, а затѣмъ уже становится достояніемъ небольшого кружка. Само собой разумѣется, нѣтъ и помину объ усиленномъ трудѣ, о бессонныхъ ночахъ, о спѣшной работѣ; нѣтъ, тутъ ничто не подгоняетъ вдохновенія, творенія пишутся въ любимые часы, въ минуты полнаго сердечнаго и душевнаго довольства. Только порядочные люди могли писать въ такихъ условіяхъ, а разумѣю — людей замкнутыхъ, или получающихъ пенсію, людей, которыхъ боги наградили необходимымъ досугомъ. Писатель никогда не работаетъ для выгоды; онъ пишетъ, какъ поетъ птица для удовольствія своего и другихъ. Ему не платятъ, какъ не платятъ соловью. Его просто кормятъ. Всѣ признаютъ, что деньги — вещь грубая и унижающая достоинство литературы; но крайней мѣрѣ, не было примѣра, чтобы человѣкъ назвалъ состояніе литературой, и это никого не удивляетъ; сами писатели драпируются въ мантию бѣдности, и живутъ милостыней вельможъ. Они служатъ забавой, роскошью, чѣмъ-то выходящимъ изъ ряду банальной жизни, не существующимъ въ торговлѣ; только великіе міра сего въ состояніи позволить себѣ эту роскошь, также какъ и шутовъ, и гаеровъ.

Я въ особенности настаиваю на литературномъ направленіи. Писатель въ этомъ случаѣ вовсе не похожъ на ученаго, страстно добывающагося истины, полагающаго свое счастье въ открытіяхъ. Онъ прежде всего виртуозъ, упражняющійся въ риторикѣ своего времени; самые гуманные довольствуются разсужденіями о человѣкѣ, о человѣкѣ абстрактномъ, чисто метафизическомъ. Однимъ изъ великихъ наслажденій является подражаніе древнимъ, жизнь въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи съ греками и римлянами. Нужно видѣть тогдашняго писателя въ его кабинетѣ, окруженнаго книгами, свято чтущаго преданія, не дѣлающаго ни шагу безъ текстовъ, чаще всего желающаго только исполнять варіаціи на давно извѣстную тему,

обращающагося съ литературой, какъ съ великосвѣтской дамой, требующей всевозможной вѣжливости, и полагающаго всю прелесть своего ремесла въ этихъ нескончаемыхъ и утонченныхъ комплиментахъ. Словомъ, писатель занимается чистымъ искусствомъ, красивыми риторическими игрушками, искуснымъ наизываніемъ словъ, литературной рисовкой характеровъ, чувствъ и страстей, не почерпнутыхъ изъ физиологической дѣйствительности, а выплетенныхъ искусно въ трагическихъ или краснорѣчивыхъ тирадахъ. Глубокая пропасть отдѣляетъ ученаго, который изслѣдуетъ, и писателя, который описываетъ. Послѣдній не отстываетъ отъ философскаго и религіознаго догмата и вращается въ сферѣ души и голой мысли. Литература дѣйствительно остается совершенно исключительной областью, литературное направленіе имѣетъ очень опредѣленный смыслъ, литературу воздѣлываютъ какъ какой-нибудь садъ, гдѣ для каждого рода отведена особая клумба, тюльпаны съ одной стороны, розы—съ другой. Сочиненія всѣ подъ этикетками, но очень милы, для нихъ существуютъ извѣстные приемы и рецензты, но всѣ рады появленію извѣстныхъ цвѣтотъ, въ извѣстное, опредѣленное время.

Тогда литературное направленіе вырабатывалось въ салонахъ. Книги стояли дорого и были мало распространены; народъ ихъ совсѣмъ не читалъ, буржуазія почти не читала, страсть къ чтенію, которая охватываетъ теперь все общество, тогда еще не существовала. Только какъ исключеніе можно было встрѣтить страстнаго охотника до чтенія, пожирающаго все, что является на выставкахъ у книгопродавцевъ. Такимъ образомъ, для литературы не существовало публики, того, что мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ, и только салоны, немногочисленные группы избранныхъ лицъ, могли произносить рѣшительный приговоръ. Эти салоны по истинѣ царили надъ литературой. Они руководили языкомъ, указывали тѣмы для сочиненій и опредѣляли способъ ихъ обработки. Они отбирали слова, оди одобряли, другія осуждали; они сочиняли правила, выдумывали моды, создавали великихъ людей. Отсюда характеръ литературы, на который я указалъ выше: она служила украшеніемъ ума, пріятнымъ провозженіемъ времени, возвышеннымъ развлеченіемъ для людей хорошаго тона. Представимъ себѣ такой салонъ, предписывающій законы для литературы. Какая-нибудь женщина собирала вокругъ себя писателей, единственною заботою которыхъ было ей нравиться; тутъ, въ маленькомъ кружкѣ, читались новыя произведенія, велись длинные разговоры, съ соблюденіемъ всѣхъ свѣтскихъ приличій и утонченностей. Гений, какъ мы его понимаемъ нынче, съ его необузданною мощью, почувствовалъ бы себя здѣсь очень нехорошо; но простой талантъ пышно расцвѣталъ въ этой теплицѣ. Даже въ первыя вре-

мена зарожденія французской „вѣжливости“, когда салоны только что создавались и знатныя особы довольствовались тѣмъ, что содержали поэтовъ на жалованьи, также какъ содержали поваровъ,—даже тогда состояніе зависимости, въ которомъ находилась литература, отдавало ее въ руки касты, которой она льстила и со вкусомъ которой должна была сообразоваться. Разумѣется, это развивало въ ней всевозможныя пріятныя качества: тактъ, чувство мѣры, олимпийское спокойствіе, пышный слогъ; кромѣ того, всѣ достоинства, которые можно найти въ кругу образованныхъ и изящныхъ женщинъ, утонченность и изящество мысли и чувства, тонкіе разговоры о щекотливыхъ предметахъ, слегка касающіеся всего, и ни во что не углубляющіеся; бесѣды у каминна, похожія на музыкальныя арии, печальныя или веселыя. Вотъ литературное направленіе прошлыхъ вѣковъ.

Салоны естественно вели въ академію. Тамъ пышно расцвѣтала риторика. Освободившись отъ свѣтскаго элемента, отъ ухаживанія за женщинами, литература превращалась въ грамматику и риторiku, погружалась въ вопросы традицій, правилъ и рецептовъ. Нужно послушать, какъ Сентъ-Бѣвъ, этотъ свободный умъ, говорить объ академіи, съ важностью и негодованіемъ усерднаго чиновника, отправившагося въ свою канцелярію, и оставшагося недовольнымъ поведеніемъ и занятіями своихъ сослуживцевъ. Многимъ писателямъ нравились эти засѣданія, уходившія на споры о словахъ, эти говорильни, гдѣ велась борьба во имя оракуловъ древности. Пускали въ ходъ всю свою латинскую и греческую ученость, угощали другъ друга педантизмомъ и все это уснащивалось ненавистью, завистью, мелкими битвами и мелкими триумфами. Ни въ одной дворницкой не раздавалось столько тумаковъ, какъ въ академіи. Въ продолженіи двухъ-сотъ лѣтъ, государственные люди, потерявшіе власть, желчныя поэты, одурѣвшіе отъ тщеславія, буквоѣды съ головой, напичканной старьемъ, находили тамъ облегченіе, утѣшались кажущейся славой, спорили о словахъ, яростно отстаивали свои заслуги, оставаясь невѣдомыми публикѣ.

Если бы была написана интимная исторія нашей академіи, съ частными письмами академиковъ, въ которыхъ они признаются въ дѣйствительной истинѣ,—то мы имѣли бы самую необыкновенную комическую эпопею о собраніи людей, зараженныхъ дѣтскою гордостью и занимавшихся подчасъ невѣроятнымъ вздоромъ. Литературное направленіе хранилось въ этомъ животѣ завѣта, въ массѣ пересудовъ, надъ которыми мы теперь потѣшаемся. Въ этомъ отношеніи стоить прочесть Сентъ-Бѣва, который, въ тому же, даетъ намъ превосходныя замѣтки о положеніи писателя въ послѣднихъ салонахъ начала на-

шого столѣтія. Онъ, очевидно, сильно польщенъ тѣмъ, что принять у вельможъ. Онъ распахивается передъ ними, онъ почтителенъ и знаетъ свое мѣсто, признавая ихъ высшими существами. Онъ признаетъ общественную іерархію, надъ которой самъ будетъ смѣяться и которую будетъ философски критиковать, какъ только выйдетъ на улицу; но въ средѣ дамъ, рядомъ со вчерашними или сегодняшними министрами, онъ считаетъ долгомъ преклоняться, точно будто еще нуждается въ ихъ протекціи, точно онъ работаетъ только для этихъ людей, польщенный ихъ вѣжливостью, очарованный этою избранною средою, гдѣ литература кажется ему благороднѣе. Это—остатокъ придворной лести, любовь къ учтивости и счастливой гармоніи, царящихъ въ хорошемъ обществѣ. Онъ забываетъ о цѣлой націи, которой обязанъ своимъ талантомъ и славой.

Въ короткихъ словахъ,—литературное направленіе прошлыхъ вѣковъ заключается въ понятіи о такой литературѣ, которой совершенно чужда идея серьезнаго труда. Это—чистое искусство, которое принимаетъ за философское основаніе понятіе о душѣ, отличной отъ тѣла и господствующей надъ нимъ, и, основываясь на этомъ неоспоримомъ догматѣ, интересуется въ произведеніяхъ исключительно вопросами, касающимися грамматики и реторики. Такимъ образомъ, литературное направленіе въ салонахъ и академіяхъ содѣйствуетъ образованію языка, созданію вышеченной литературы, толкующей въ прекрасныхъ выраженіяхъ о характерахъ и чувствахъ, какими ихъ представляетъ метафизика того времени. Человѣкъ и природа остаются абстрактными, писатели не задаются цѣлью говорить истину о людяхъ и о вещахъ, но стараются изобразить ихъ по условленному шаблону, напирая всегда на типъ, чтобы достичь возможно большаго величія. Никто не нисходитъ до индивидуума, ни даже комическіе поэты, создававшіе капитальныя произведенія въ смыслѣ общихъ наблюденій. Изученіе отдѣльных фактовъ, анатомія частныхъ случаевъ, собраніе и классификація фактовъ еще не начинались. Дѣло идетъ только о томъ, чтобы доставить развлеченіе изыщному и избранному обществу такими сочиненіями, въ которыхъ бы оно находило свой языкъ, лоскъ, искусство говорить намеками, тонкія оговорки,—всю свою жизнь, состоящую изъ полупризнаній и комплиментовъ.

Конечно, такое литературное направленіе породило прекрасныя произведенія. Я не сужу, а только констатирую факты. Вся наша великая національная литература восемнадцатаго, а въ особенности семнадцатаго столѣтія является продуктомъ этого союза писателей съ высшимъ обществомъ, для котораго они писали. Салоны и академія—вотъ почва, на которой должны были неизбежно произрастать

образцовыя произведенія нашей классической литературы. Имъ обязаны своимъ существованіемъ стройность и торжественная пышность трагедій Расина, краснорѣчіе рѣчей Вольтера, логика и гениальный здравый смыслъ Буало. Наша слава пока еще въ нихъ, такъ какъ новыя вѣка едва начинаются, и надо ждать, пока духъ, повѣявшій со времени романтическаго матажа, разовьется въ полной силѣ и ширинѣ. Я вовсе не намѣренъ отрицать прошлое; напротивъ, я хочу опредѣлить его, чтобы показать, что оно дѣйствительно прошлое, и что французская литература вступила въ совершенно новый періодъ, который и требуетъ яснаго опредѣленія, для того, чтобы не считать бесполезныхъ сожалѣній и твердо идти къ будущему.

Итакъ, прежнее литературное направленіе опредѣлено. Перейдемъ къ историческимъ фактамъ.

II.

Давно уже я думаю, что было бы очень интересно изучить матеріальное и нравственное положеніе писателей прошлыхъ вѣковъ. Какое положеніе занимали они въ обществѣ? какъ относились къ нимъ знать и буржуазія? какъ они жили, на какія средства и на какую ногу? Нелегкое дѣло—дать обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы, дѣло, требующее справокъ и выписокъ. Нужно собрать всевозможные документы о писателяхъ, проникнуть въ ихъ интимную жизнь, разузнать объ ихъ состояніи, составить ихъ бюджетъ, слѣдить за ними въ ихъ ежедневныхъ заботахъ; въ особенности необходимо изучить состояніе книжной торговли въ данную эпоху, узнать, сколько барыша приносили автору книги, изслѣдовать, могъ ли прокормить человека литературный трудъ. Только тогда можно понять дѣйствительныя причины литературнаго направленія этой исчезнувшей эпохи: какъ почва объясняетъ растеніе, такъ писатель-паразитъ классическихъ временъ главнымъ образомъ обусловливается денежнымъ вопросомъ.

Разумѣется, я не могу изслѣдовать этотъ предметъ обстоятельно. Для этого нуженъ досугъ, котораго у меня нѣтъ. Итакъ, я представляю здѣсь только бѣглый очеркъ вопроса, нѣсколько замѣтокъ, которыя я собралъ и излагаю, чтобы указать, какой обширный и интересный трудъ предстоить по этому предмету. Я не стану даже излагать факты въ опредѣленномъ порядкѣ, но буду приводить ихъ, какъ придется, и постараюсь извлечь изъ каждаго нѣсколько мыслей, касающихся моей тѣмы.

Для полноты изслѣдованія слѣдовало бы обратиться къ первымъ представителямъ нашей литературы. Но я начну съ Малербъ. Вотъ что мы читаемъ у Тальманъ де-Рео (Tallément des Réaux); онъ, объяснивъ, что король не могъ назначить поэту достаточную пенсію, прибавляетъ: „Король поручилъ г. де-Бельгарду, тогдашнему первому камергеру, содержать его, до назначенія его пенсіонеромъ. Г-нъ де-Бельгардъ далъ ему 1000 экю жалованья, столъ, и содержалъ для него лакея и лошадей... По смерти Генриха IV, королева Марія Медичи назначила Малербу пенсію въ 500 экю, и съ этого времени онъ не получалъ больше содержанія отъ г. де-Бельгарда... Г-нъ Моранъ, уроженецъ Кана, общалъ Малербу и одному дворянину изъ его друзей, тоже уроженцу Кана, по 400 ливровъ каждому—не знаю ужъ за что, и этимъ оказалъ имъ большую услугу. Онъ даже пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать. Малербъ не хотѣлъ ѣхать къ нему, если онъ не приплетъ за нимъ кареты. Наконецъ, дворянинъ уговорилъ его отправиться верхомъ. Послѣ обѣда, имъ отсчитали деньги“...

Не правда ли, типичный примѣръ? Мнѣ кажется, эти нѣсколько строчекъ все объясняютъ. Писатель,—это роскошь, которую позволяетъ себѣ вельможа. Когда у короля нѣтъ денегъ, онъ поручаетъ какому-нибудь богатому царедворцу содержать писателя, какъ нѣкое дорогое существо, которое со временемъ послужитъ ему блестящимъ развлеченіемъ; и въ самомъ дѣлѣ, если смерть помѣшаетъ королю удовлетворить свои желанія, то останется королева, которая приметъ поэта на свое попеченіе. Писатели играютъ роль какихъ-то рѣдкихъ и дорогихъ птицъ, которыхъ вельможи заводятъ у себя, дарятъ другъ другу, мѣняются ими, чтобы показать свой вкусъ и похвастаться своимъ богатствомъ. Но въ особенности поражаетъ меня у Тальманъ де-Рео гордость, которую Малербъ сохраняетъ при такомъ паразитномъ положеніи; онъ готовъ принять деньги Морана, но требуетъ карету, чтобы ѣхать за ними, и наконецъ соглашается удовольствоваться лошадью. Не правда ли, это вполне характеризуетъ понятія того времени: денежный подарокъ не считался оскорбленіемъ, лишь бы только были соблюдены приличія.

Такого рода исторій о пенсіяхъ и денежныхъ подаркахъ писателямъ мы найдемъ много у Тальмана. Такъ, онъ говоритъ о Раганъ: „онъ жилъ тѣмъ, что начальствовалъ надъ жандармами маршала д'Эффіа“. Въ другомъ мѣстѣ онъ рассказываетъ о Шамленъ: „герцогъ Лонгвилль переманилъ Шамлена отъ г. де-Ноайяля, который обращался съ нимъ грубо, за пенсію въ 2000 ливровъ... За оду въ честь кардинала Мазарини онъ получалъ пенсію въ 500 экю... Позднѣе, Лонгвилль прибавилъ ему сто ливровъ“. Что можно думать объ этомъ

де-Ноайялѣ, который до такой степени „грубо обращался“ съ Шалленомъ, что Лонгвилль воспользовался удобнымъ случаемъ и переманилъ къ себѣ Шаллена, за дорогу по тогдашнимъ понятіямъ цѣну? Такимъ образомъ прислуга мѣняла господъ, когда господа дрались.

Приведу кстатѣ извѣстный, но очень интересный фактъ изъ книги Вольтера: „le Siècle de Louis XIV“. Это—изъясненіе изъ списка пенсій, найденнаго въ бумагахъ Кольбера, и составленнаго безъ сомнѣнія Шалленомъ. Эти пенсіи выплачивались королемъ. „Господину Пьеру Корнелю, первому драматургу въ мірѣ—2000 л.; господину Демаре, плодовитѣйшему писателю, одаренному самымъ изысканнымъ воображеніемъ, какое только когда-либо существовало—1200 л.; господину Мольеру, превосходному комическому поэту,—1000 л.; господину аббату Котену, французскому поэту и оратору,—1200 л.; господину Дувріе, ученому гуманисту,—8000 л.; господину Ожье, славному теологу и литератору,—1500 л.; господину Расину, французскому поэту,—800 л.; господину Шаллену, величайшему поэту всѣхъ временъ и превосходному критику,—3000 л.“.

Если мы ничего не имѣемъ противъ титула „величайшаго драматурга въ мірѣ“, даннаго Корнелю, то не можемъ не удивиться, узнавъ, что Демаре обладалъ „самымъ изысканнымъ воображеніемъ, какое только когда-либо существовало“, и что Шалленъ выдаетъ себя за „величайшаго поэта всѣхъ временъ и превосходнаго критика“. Но интересъ не въ этомъ; списокъ представляетъ драгоцѣнный документъ въ томъ отношеніи, что указываетъ истинный смыслъ пенсій. Это не милостыня, раздаваемая нищимъ; это награды, назначаемыя Людовикомъ XIV въ знакъ удовольствія служителямъ, которые отличились, содѣйствуя его славі. Дальше я рассмотрю, при какихъ условіяхъ государство и теперь помогаетъ литературѣ; но въ прежнія времена причиною пенсій было шаткое положеніе литераторовъ, сверхъ того, пенсіи заключали въ себѣ идею почести, такъ что иные состоятельные писатели пускались на низкія уловки, чтобы добиться пенсій.

Въ этомъ отношеніи мы находимъ поразительный примѣръ у того же Тальмана, по поводу Бальзака. „Этотъ человѣкъ, при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, пускается на низость, къ которой его никто не побуждалъ: въ письмѣ къ кардиналу Мазарини онъ подписывается: вашей эминенціи низжайшій, покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга и пенсіонеръ... Бальзакъ имѣлъ средства къ жизни, и, несмотря на то, добился пенсій въ 500 экю“. Вотъ литературный паразитизмъ въ полномъ своемъ блескѣ.

Стоитъ также привести здѣсь эпитафію Тристана, умершаго въ 1665, сочиненную Гастономъ Орлеанскимъ:

Ebloui de l'éclat de la splendeur mondaine,
 Je me flattais toujours d'une espérance vaine,
 Faisant le chien couchant auprès d'un grand seigneur.
 Je me vis toujours pauvre et tâchai de paraître;
 Je vécus dans la peine, espérant le bonheur,
 Et mourus sur un coffre, en attendant mon maître.

Конечно, не всѣ такъ охотно гнули спины. Были талантливые люди, сохранившіе гордость и независимость; но такіе встрѣчались только, какъ очень рѣдкое исключеніе, потому что, повторяю, понятія того времени безусловно одобряли такое покровительство, такое зависимое состояніе писателей на службѣ у вельможъ. Вельможи платили, писатели гнули спину. Позднѣе, въ эпоху Вольтера, нравы уже измѣнились. Такимъ образомъ, мы находимъ у Вольтера слѣдующія строчки о Менарѣ, забытомъ писателѣ, родившемся въ 1582 г. „Это былъ одинъ изъ тѣхъ писателей, которые постоянно жалуются на нищету, доставшуюся въ удѣлъ талантамъ. Онъ не зналъ, что успѣхъ хорошаго труда есть единственная, достойная художника награда; что если принцы и министры желаютъ доставить себѣ честь, награждая этого рода заслуги, то гораздо почетнѣе ожидать этой награды, не добываясь ея; и что хорошій писатель, стремящійся къ богатству, долженъ самъ создать его“. Какъ видите, тутъ нѣтъ и помину о странномъ титлѣ Балзакъ, гордившагося названіемъ пенсіонера; но все-таки Вольтеръ не отказывается отъ пенсій, онъ говоритъ только, что нужно умѣть ихъ дожидаться.

Занимству у Вольтера еще нѣсколько фактовъ. „У Декарта былъ старшій братъ, совѣтникъ въ бретонскомъ парламентѣ, который его презиралъ и говорилъ, что брату совѣтника унизительно заниматься математикой“. Но вотъ замѣтка, еще болѣе характерная. Дѣло идетъ о Валенкурѣ. „Онъ нажилъ довольно значительное состояніе, которое не могъ бы приобрести, еслибы былъ только литераторомъ. Однѣ литературныя способности, при отсутствіи трудолюбивой дѣловитости, почти всегда оставляютъ человѣка въ нищетѣ и пренебреженіи“.

Изъ жизни Лафонтена мы также можемъ почерпнуть любопытныя свѣдѣнія. „Amateur d'autographes“, журналъ, публикующій очень любопытныя письма, напечаталъ, между прочимъ, нѣсколько весьма интересныхъ писемъ Лафонтена. Въ письмѣ, отъ 5 января 1618 г., онъ благодаритъ своего дядю, Жаннара, помощника королевскаго генераль-прокурора; онъ очень обязанъ ему за деньги, которыя тому угодно было переслать Лафонтену: „вотъ уже не первый разъ, что вы свидѣствуете свое доброе расположеніе ко мнѣ“. Въ другомъ письмѣ, къ управителю герцога Вульонскаго (1-го сентября 1666)

онъ жалуется, что уже два года не получаютъ своего жалованья. Лафонтенъ можетъ служить типомъ поэта съ сильнымъ талантомъ, сочиненія котораго пользовались огромнымъ успѣхомъ, и который тѣмъ не менѣе жилъ на счетъ вельможъ, переходя отъ одного къ другому, не чувствуя и потребности въ независимой трудовой жизни.

Мнѣ было бы легко представить много такихъ примѣровъ. Такъ, наприимѣръ, въ томъ же „Amateur d'autographes“ я нахожу слѣдующіе факты. Въ письмѣ Дасье къ герцогу Орлеанскому, бывшему въ то время регентомъ, мы читаемъ: „Уже 35 лѣтъ моя жена занимается литературой, и одобреніе, которымъ в. в. почтили ея труды, убѣждаетъ насъ, что они не бесполезны. Покойный король назначилъ ей пенсію въ 500 ливровъ, во вниманіе къ ея просьбѣ; но она обязана этою пенсіей милосердію этого великаго монарха, а не его уваженію къ ней“. Вотъ другое письмо, адресованное Жильбертомъ къ Бакиару д'Арно. Привожу изъ него двѣ фразы: „Мнѣ необходимо лундоръ, рѣшаюсь просить его у васъ. Я не сомнѣваюсь, что вы будете настолько благородны, что одолжите его мнѣ, если можете“. Наконецъ, вотъ чтó пишетъ мадамъ де-Жанлисъ Талейрану, 10 іюля 1814 г.: „Мое положеніе, по отъѣздѣ герцога Орлеанскаго, ужасно; я не имѣю ни пенсій, ни доходовъ, ни ресурсовъ; живу только займами и закладываніемъ вещей... Если король дастъ пенсію литераторамъ, то мнѣ кажется, что я имѣю на пенсію болѣе права, чѣмъ многіе другіе; для меня достаточно самой маленькой, хотя бы не больше 1200 франковъ“.

Это очень неполная картина общей нищеты литераторовъ въ прошлые вѣка; но отсюда видно, въ какомъ направленіи слѣдуетъ производить изслѣдованія, и какіе интересные документы можно собрать. Затѣмъ слѣдовало бы рассмотреть, какой доходъ приносили авторамъ ихъ сочиненія, какъ и за какую цѣну продавались книги. Но мы имѣемъ мало свѣдѣній о книжной торговлѣ того времени и о точныхъ суммахъ, приносимыхъ такому-то автору такой-то книгой. Самое лучшее для полученія точныхъ справокъ было бы, безъ сомнѣнія, внимательно читать мемуары и письма; въ нихъ можно отыскать разбросанные тамъ и сямъ факты. Но впередъ можно утверждать, что книги и театральныя пьесы приносили авторамъ очень мало, особенно если мы сравнимъ тогдашнія цифры съ теперешними. Нѣтъ примѣра, чтобы гениальный человѣкъ въ тѣ времена нажилъ богатство своими сочиненіями. Безусловная нищета Корнеля оспаривалась; однако онъ во всякомъ случаѣ умеръ въ нуждѣ. Расинъ подъ конецъ своей жизни жилъ очень скромно. Мольеръ перебивался кое-какъ, и притомъ онъ былъ не только комическимъ поэтомъ, но и аферистомъ. Драматическіе авторы начали зарабатывать деньги только

со времени Вомарше. Чтѣ касается до романистовъ, поэтовъ, историковъ,—то они были добычей книгопродавцевъ.

Баюляръ д'Арно, о которомъ я уже упоминалъ, умеръ бѣднякомъ, доставивъ своими сочиненіями болѣе милліона въ пользу издателей.

Итакъ, вотъ дѣйствительное положеніе писателей, въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, положеніе, которое можно было бы доказать еще болѣе точными фактами. Резюмирую вышесказанное въ немногихъ словахъ. Литературный трудъ не могъ прокормить автора, и вслѣдствіе этого послѣдній превращался въ рѣдкую птицу, которую могли содержать въ видѣ роскоши только принцы и вельможи. Между покровителемъ и покровительствуемымъ заключается контрактъ; покровитель кормитъ, одѣваетъ, даетъ помѣщеніе или ограничивается выдачей пенсін своему *protégé*, который за это прославляетъ его щедроты, посвящаетъ ему свои сочиненія, чтобы передать потомству его имя и увѣковѣчить память о его благодѣяніяхъ. Это входило въ роль, которую старинный порядокъ отводилъ для знати: въ обмѣнъ за свои привилегіи, она была обязана помогать всѣмъ, кто ей повинуется, а литература, какъ и земля, какъ и силы народа, принадлежала къ числу ея владѣній. Общественная іерархія царила безусловно подъ охраной вѣкового почета. Если принцъ или вельможа и снисходилъ иногда до фамиллярности съ писателемъ, то это было только мимолетнымъ снисхожденіемъ, такъ какъ никому и въ голову не могло придти поставить, напримѣръ, на одну доску короля Людовика XIV и скопороха Мольера. Геній служилъ лишь для усиленія блеска царствованія. Притомъ же, какъ мы только-что видѣли, пенсія, назначаемая писателю, была не только помощію, которая давала ему возможность имѣть досугъ, необходимый для литературныхъ занятій; она была также почестію, которой добивались даже состоятельные писатели. Всякому было пріятно принадлежать къ штату какого-нибудь могущественнаго вельможи; этимъ приобреталось положеніе въ свѣтѣ. Интеллектуальная жизнь сосредоточивалась въ то время въ тѣсномъ кружкѣ высшихъ классовъ, въ салонахъ и академіяхъ. Отсюда литературное направленіе, какъ я его опредѣлилъ, вышесказанное и реторическое, поклоняющееся приличіямъ, элегантно и возвышенное, выросшее въ кругу женщинъ и стѣсненное академическими диспутами, живущее правилами и традиціями, питающее инстинктивную ненависть къ новизнѣ въ наукѣ, какъ ко врагу, который долженъ со временемъ разрушить условныя правила, и всюду внести новыя формулы.

III.

Разсмотримъ теперь матеріальное положеніе современнаго писателя. Революція 1789 г. уничтожила во Франціи всѣ привилегіи, уничтожила вѣѣствѣ и низкопоклонство. Въ новомъ государствѣ, положеніе писателя измѣнилось, безъ сомнѣнія, самымъ радикальнымъ образомъ. Это не сразу было замѣчено. Въ эпоху Наполеона, Людовика XVIII, Карла X, вещи, казалось, принимали прежній характеръ; но подѣ влияніемъ медленно дѣйствующей силы все преобразовалось; условія существованія были теперь другія, и съ каждымъ днемъ развивалось новое литературное направленіе, благодаря матеріальнымъ условіямъ, созданнымъ для литературы молодымъ обществомъ. Всякое общественное движеніе влечетъ за собою движеніе интеллектуальное.

Прежде всего, образованіе распространяется, создаются тысячи читателей. Газеты проникаютъ повсюду, даже деревни покупаютъ книги. Въ теченіи полустолѣтія книга, бывшая прежде предметомъ роскоши, становится предметомъ ежедневнаго потребленія. Нѣкогда она стоила очень дорого; теперь, обладая самыми скромными средствами, можно обзавестись небольшою бібліотекой. Эти факты имѣютъ рѣшающее значеніе: какъ скоро народъ умѣетъ читать, и можетъ читать дешево, книжная торговля удешевляется, и писатель легко можетъ добывать средства къ жизни своимъ перомъ. Такимъ образомъ, покровительство больше не нужно, паразитизмъ исчезаетъ, писатель становится работникомъ, зарабатывающимъ свой хлѣбъ трудомъ.

Это еще не все. Знать не можетъ больше жить на прежнюю широкую ногу, не можетъ болѣе имѣть своихъ постовъ и историографовъ, если бы даже эти послѣдніе были принуждены помогать пенсіей. Нравы перемѣнились; невозможно болѣе представить себѣ домъ въ фобургѣ Сентъ-Жерменъ, содержащій въ видѣ роскоши какого-нибудь Лафонтена. Такимъ образомъ, писатель не только можетъ зарабатывать свой хлѣбъ, благодаря публикѣ, но онъ безъ сомнѣнія не могъ бы найти вѣлможу, согласнаго платить пенсію за его посвященія.

Въ особенности значительные доходы даетъ журналистика. Я не сузу, а констатирую факты. Газета — обширное предпріятіе, дающее хлѣбъ огромному числу лицъ. Молодые, начинающіе писатели могутъ тотчасъ-же найти въ немъ хорошо оплачиваемую работу. Великіе критики, знаменитые романисты, не говоря о журналистахъ въ собственномъ смыслѣ слова, изъ которыхъ многіе также играли важную роль, зарабатываютъ въ газетахъ большія

суммы. Сначала заработокъ, доставляемый печатью, былъ еще очень малъ; съ теченіемъ времени онъ увеличился и возрастаетъ постоянно. Двадцать лѣтъ тому назадъ, литераторы, получавшіе въ газетѣ 200 франковъ въ мѣсяцъ (около 75 руб.), должны были считать себя счастливыми; теперь, эти самые литераторы получаютъ по 1000 франковъ и болѣе. Литература становится очень дорогою вещью, какъ только авторъ составилъ себѣ имя. Безъ сомнѣнія, газеты не могутъ открыть доступъ всѣмъ дебитантамъ, прибывающимъ изъ провинціи, но онѣ дѣйствительно даютъ хлѣбъ множеству молодыхъ людей; и эти послѣдніе сами виноваты, если со временемъ не добиваются возможности писать хорошія сочиненія. Существуетъ мнѣніе, что газеты, давая средства къ жизни молодымъ людямъ, притупляютъ ихъ, дѣлаютъ ихъ неспособными создавать великія произведенія. Это—серьезный вопросъ, но пока я удовольствуюсь тѣмъ, что укажу на средства, доставляемыя нашимъ вѣкомъ писателямъ, живущимъ своимъ перомъ.

Книги равнымъ образомъ легко идутъ въ ходъ и приносятъ правильный доходъ. Сущее ребячество—жаловаться на неприступность нашихъ издателей. Они печатаютъ даже слишкомъ много; цифра томовъ, появляющихся ежегодно во Франціи, доходитъ до вѣсколькихъ тысячъ. Когда видишь груды жалкихъ, посредственныхъ сочиненій, наводняющихъ витрины, то недоумѣваешь, отъ какихъ же книгъ отказываются издатели. Что касается до условій, то они въ настоящее время честно заключаются къ обоюдной пользѣ. Недавно еще книжная торговля была настоящей азартной игрой. Издатель покупалъ за извѣстную сумму право пользованія рукописью, въ теченіи десяти лѣтъ; затѣмъ онъ старался вернуть свои деньги и получить какъ можно больше прибыли, пуская въ ходъ книгу подъ всевозможными соусами. Въ концѣ-концовъ онъ почти всегда оставался въ дуракахъ; если книга имѣла успѣхъ, писатель кричалъ на всѣхъ перекресткахъ, что его ограбили,—оставалась нераспроданной, издателю приходилось убѣдиться, что онъ разоренъ негѣлыми кропаньями глупца. Этимъ объясняется постоянная война издателей съ авторами; надо прочесть переписку Вальзака, надо послушать ветерановъ литературы, чтобы составить понятіе о жалобахъ и процессахъ, слѣдовавшихъ за публикаціей иныхъ сочиненій. Въ настоящее время, эти обычаи переѣнились. Если нѣкоторые издатели все еще слѣдуютъ старинной модѣ, то большинство уплачиваетъ писателю извѣстную условленную сумму съ каждого проданнаго экземпляра; на примѣръ, если эта сумма равна 50 сантимамъ, то изданіе въ 1000 экземпляровъ принесетъ автору 500 франковъ; и онъ будетъ получать по 500 франковъ отъ каждого новаго изданія. Понятно, что

при такихъ условіяхъ невозможны никакія жалобы; всякій характеръ игры исчезаетъ, авторъ получаетъ сообразно съ успѣхомъ своего сочиненія, и самъ издатель увѣренъ, что доставить писателю прибыль, пропорціональную своей собственной прибыли. Нужно прибавить, что книга никогда не обогащаетъ автора, развѣ только въ случаѣ чрезвычайнаго успѣха. Три, четыре тысячи распроданныхъ экземпляровъ считаются очень хорошимъ успѣхомъ; это составитъ 2000 франковъ дохода, считая по 50 сантимовъ съ книги — а это большая плата, такъ какъ обыкновенно платятъ 35 или 40 сантимовъ. Очевидно, что если книга потребовала годъ работы и немедленно по окончаніи появилась въ продажѣ, то 2,000 франковъ представляютъ весьма скромную сумму, на которую въ наше время едва можно существовать.

Напротивъ, театръ даетъ чудовищный доходъ. Тутъ то же самое, что съ книгами; авторъ получаетъ извѣстный процентъ со сбора; но такъ какъ сборы въ этомъ случаѣ громадны, такъ какъ огромное число людей, никогда не рѣшающихся израсходовать вѣхъ франковъ на книгу, готово заплатить пять за кресло въ партеррѣ, — то и оказывается, что драма или комедія приноситъ гораздо больше дохода чѣмъ романъ. Возьмемъ какой-нибудь примѣръ. Положимъ, что пьеса выдержала 100 представленій, — обыкновенная цифра для тѣхъ, которыя имѣютъ успѣхъ; средний сборъ равенъ 4,000 франковъ; это составитъ 400,000 франковъ въ кассѣ театра; писателю достанется 40,000 франковъ, если условіе было по десяти % со ста. А для того, чтобы получить ту же сумму съ романа, считая по 50 сантимовъ съ экземпляра, нужно, чтобы изданіе разошлось въ 80,000 экземпляровъ, — случай до такой степени исключительный, что въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ можно насчитать не болѣе 4 или 5 подобныхъ примѣровъ. А я еще не говорю о представленіяхъ въ провинціи и за границей, о возобновленіяхъ пьесы.

Сдѣлаю теперь краткій очеркъ вопроса о деньгахъ, какимъ онъ представляется для дебюта, явившагося въ Парижъ. Положимъ, что молодой человѣкъ прибылъ почти безъ всякихъ средствъ въ жизни, съ небольшою суммой денегъ, могущей его прокормить въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Нужда скоро заставитъ его толкнуться въ журналистику. Здѣсь онъ найдетъ скромный ежедневный заработокъ, съ которымъ и долженъ будетъ пока примириться. Если онъ ловокъ, или просто упоренъ, то найдетъ себѣ уголь, продастъ нѣсколько статей, добьется мѣста, которое доставитъ ему 200 или 300 франковъ въ мѣсяцъ. На эти средства можно не умереть

съ голода. Противъ журналистики много кричать, ее обвиняютъ въ развращеніи молодыхъ литераторовъ, въ порчѣ талантовъ. Я никогда не могъ безъ улыбки слышать этихъ жалобъ. Журналистика убиваетъ только тѣхъ, которые должны быть убиты,—вотъ и все. Успѣхъ газетъ вызвалъ изъ-за прилавка и изъ мастерскихъ массу молодыхъ людей, которые безъ этого всю жизнь продавали бы сукно и дѣлали свѣчи, они не родились писателями и дѣлаютъ изъ журналистики простое ремесло, и это никому не вредитъ. Но оставляя въ сторонѣ журналистовъ по призванію, обладающихъ спеціальнымъ талантомъ въ ежедневной газетной борьбѣ, — пусть назовутъ мнѣ хоть одного писателя, погубившаго свой талантъ въ газетной работѣ изъ-за куска хлѣба, въ тяжелое время дебюта. Напротивъ, я убѣжденъ, что они почерпнули въ этой работѣ много энергіи, зрѣлости, печальнаго, но глубокаго познанія современнаго міра. Я уже высказывалъ эту мысль раньше, и можетъ быть разовью ее подробнѣе со временемъ. Пока вернемся къ нашему дебютанту; вотъ онъ зарабатываетъ хлѣбъ въ газетѣ; разумѣется, приходится терпѣть частыя неудачи, добывать хлѣбъ тяжелымъ трудомъ, не говоря уже о томъ, что каждую минуту можно лишиться его. Однако, борьба началась; если писатель силенъ и крѣпокъ, онъ напишетъ книгу или пьесу сверхъ своихъ ежедневныхъ трудовъ, и вступить на широкую литературную дорогу. Книга появилась въ печати, пьеса сыграна—важный шагъ сдѣланъ. Борьба продолжается; томи слѣдуютъ за томами, пьесы за пьесами, пока не достигнуть блестящаго успѣха. Тогда писатель бросаетъ журналистику, или только пользуется ею, какъ средствомъ борьбы за свои идеи. Онъ разбогатѣлъ, благодаря книжной торговлѣ или театру; онъ самъ себѣ господинъ. Такова исторія всѣхъ извѣстныхъ писателей настоящаго времени. Однако нѣкоторые избѣгли тяжелой газетной борьбы; это тѣ, у которыхъ были деньги при началѣ ихъ поприща, или тѣ, которые сразу завоевали средства къ жизни посредствомъ театра или книжной торговли.

Въ послѣднія 50 лѣтъ литературнымъ трудомъ наживались значительныя состоянія. Достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ. Съ 1830 г. барыни становятся огромными. Эженъ Сю, послѣ успѣха, доставшагося на долю его „Mystères de Paris“, продавалъ романы очень выгодно. Жоржъ-Зандъ, сначала очень нуждавшаяся, принужденная зарабатывать хлѣбъ рисунками по дереву, достигла впоследствии, если не богатства, то полнаго благосостоянія. Но больше всего денегъ перебивало у Александра Дюма, который нажилъ и приобрѣлъ милліоны въ теченіи своей безумной, полной нечеловѣческихъ трудовъ и безпорядочности жизни. Нужно также упомянуть о Викторѣ Гюго,

жившимся безъ всякаго состоянія; молодая чета жила очень умеренно, пока за успѣхомъ „Feuilles d'Automne“ и „Notre Dame de Paris“ не послѣдовала новая жизнь, жизнь почестей и богатства. Теперь обогащаются преимущественно драматическіе авторы. Во-первыхъ, я упомяну объ Александрѣ Дюма-сынѣ, столь же благоразумномъ и ловкомъ, сколько его отецъ былъ расточителемъ и безпорядоченъ; о Викторѣ Сарду, начавшемъ съ нищеты и достигшемъ комфортабельной жизни въ своемъ замкѣ Марли, въ одномъ изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстечекъ на берегу Сены. Я могъ бы увеличить число примѣровъ, но и эти достаточно показываютъ, что въ настоящее время литература часто приноситъ богатство писателю.

Но я ничего не говорилъ о Бальзакѣ. Между тѣмъ, слѣдовало бы изучить его удивительную исторію, чтобы основательно разобрать вопросъ о деньгахъ въ литературѣ. Бальзакъ былъ настоящимъ промышленникомъ, фабриковавшимъ романы, чтобы пустить въ ходъ свою фирму. Обремененный долгами, разоренный несчастными предприятиями, онъ взялся за перо, какъ за единственное орудіе, которое онъ зналъ хорошо и которое могло его спасти; онъ не отважился снова пуститься въ аферы, и, дѣйствительно, его спасло литературное ремесло. Итакъ, вопросъ о деньгахъ, поставленъ радикально. Бальзакъ требуетъ отъ книгъ не только насущнаго хлѣба, но и вознагражденія за потери, понесенныя имъ въ промышленности. Борьба продолжалась долго. Бальзакъ не нажилъ состоянія, но уплатилъ свои долги, что уже было очень хорошо. Неправда ли, мы далеко ушли отъ добряка Лафонтена, мечтающаго подъ деревьями, обѣдающаго вечеромъ за однимъ столомъ съ вельможами, и платящаго имъ за обѣдъ басней? Бальзакъ воплотилъ самого себя въ Цезарѣ Виротто. Бальзакъ боролся съ банкротствомъ съ нечеловѣческой энергіей; онъ требовалъ отъ литературы не только славы, но и достоинства и чести.

Любопытно посмотреть, во что превратились теперь пенсіи. Государство и теперь помогаетъ литераторамъ изъ своего кармана. Но пенсіи потеряли характеръ почести и перестали служить свидѣтельствомъ высокаго удивленія; ихъ выдаютъ нуждающимся писателямъ, оставшимся безъ куска хлѣба подъ старость, и почти всегда подъ видомъ какой-нибудь фиктивной должности, дабы не оскорбить его достоинства. Вообще пенсіи сдѣлались чѣмъ-то неловкимъ, конечно, онѣ не влекутъ за собой униженія, но служатъ вѣрнымъ признакомъ затруднительнаго положенія, которое обыкновенно стараются скрыть. Исторія съ разорившимся Ламартиномъ превосходно характеризуетъ взгляды современнаго общества по этому вопросу: въ отвѣтъ тѣмъ,

которые негодовали на нищету, въ которой Франція оставляетъ своего великаго поэта и требовали для него національной подписки, раздавался общій крикъ, что страна не обязана давать ренту расточительнымъ писателямъ, растрачивающимъ милліоны. Отвѣтъ очень жестокій; но онъ въ духѣ новаго общества, онъ исходитъ изъ принципа равенства, по которому каждый производитель долженъ самъ создавать себѣ состояніе. Разумѣется, Франція довольно богата, чтобы заплатить за свою славу; но общественное мнѣніе не станетъ колебаться въ выборѣ между писателемъ, достигшимъ независимости и почета своими трудами, и писателемъ, протягивающимъ руку, послѣ того, какъ всю жизнь безопасно относился и къ своему таланту, и къ своимъ долгамъ,—оно отнесется привѣтливо къ первому, и сурово ко второму. Далеко то время, когда Бальзакъ, — я говорю о Бальзакѣ XVII столѣтія, — считалъ за честь получить пенсію. Вотъ насколько мы шагнули впередъ.

Однако, въ мірѣ ученыхъ еще и теперь на пенсіи смотрятъ очень благопріятно. Въ самомъ дѣлѣ, многія изслѣдованія, опыты, требуютъ значительнаго времени и не приносятъ почти никакого дохода. Государство является на помощь, и это вполне справедливо; такъ какъ, замѣтите, вопросъ ставится всегда одинаковымъ образомъ: или писатель въ состояніи заработать средства къ жизни, и тогда ему стыдно жить на чужой счетъ, или его трудъ не даетъ ему возможности существовать, и это, по крайней мѣрѣ, извиняетъ его, если онъ принимаетъ помощь.

Останутся еще денежные пособія, заказы, знаки отличія, о которыхъ я намѣренъ сказать нѣсколько словъ. Знаки отличія, по крайней мѣрѣ, ничего не стоятъ государству; это удобный способъ удовлетворять людей, и я говорю о нихъ только для того, чтобы еще разъ указать на современный духъ равенства; въ прежнее время крестъ никогда не попадалъ на грудь писателя; теперь во французской литературѣ можно насчитать много „кавалеровъ“. Что касается до пособій и заказовъ, то они рѣдко достаются литераторамъ, внѣ театра, да и здѣсь они выпадаютъ на долю скорѣе драматической спекуляціи, нежели собственно произведеніямъ писателей. Многіе, въ особенности молодые люди, жалуются и обвиняютъ правительство въ томъ, что оно не дѣлаетъ для литературы того, что дѣлаетъ, напримѣръ, для живописи и скульптуры. Это очень опасныя требованія, — наша литература должна гордиться своею независимостью. Я не намѣренъ касаться здѣсь этого вопроса; это завлекло бы меня слишкомъ далеко, но повторяю то, что уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ: все, что можетъ для насъ сдѣлать правительство, это предоставить намъ полную сво-

боду. Въ настоящее время самое высшее понятіе, какое мы можемъ составить о писателѣ, это—понятіе о человѣкѣ свободномъ и независимомъ, который никому не льститъ, обязанъ своей жизнью, талантомъ, славой только себѣ самому, служить своей странѣ, не требуя отъ нея ничего взаимнаго.

IV.

Итакъ, вотъ какъ стоитъ вопросъ о деньгахъ въ литературѣ въ настоящее время. Теперь, мнѣ будетъ легко опредѣлить современное литературное направленіе и тѣмъ самымъ сравнить его съ литературнымъ направленіемъ прошлыхъ вѣковъ.

Во-первыхъ, салоновъ больше не существуетъ. Я знаю, что честолюбивыя женщины, свѣже чулки нашей демократіи, чванятся еще тѣмъ, что принимаютъ писателей. Но ихъ салоны не больше, какъ перекрестки, на которыхъ толкуются приглашенные, въ сумятицѣ напряженнаго честолюбія. Это уже не прежнее собраніе талантовъ, симпатизирующихъ другъ другу и группирующихся вокругъ женщины; не прежняя безвзвѣстная любовь къ литературѣ, занимающаяся бесѣдой, какъ занимаются музыкой; это—сборище честолюбцевъ и интригановъ, толпящихся около женщинъ, почему-либо считающихся вліятельными. Политика господствуетъ надъ всѣмъ, аки левъ рыкающій и ищущій, кого бы поглотить, и извѣдывать литературу до роли блѣющаго барашка, идеальнаго, чисто вымытаго барашка, украшеннаго голубыми бантиками. Мы видимъ ту же приторную комедію: литература играетъ въ куклы, въ то время, какъ людскіе страсти и аппетиты ненасытно гоняются за наслажденіями и всѣми благами міра сего.

Итакъ, литературные салоны не существуютъ болѣе, потому-что нельзя же дать это названіе салонамъ, которые служатъ настоящимъ центромъ политической агитаціи, и роковымъ образомъ становятся заклятыми врагами новаго литературнаго движенія, хотя имѣютъ претензію идти во главѣ революціонныхъ и прогрессивныхъ идей; тутъ читаютъ стихи, нѣмѣютъ отъ восторга передъ именами Греціи и Рима, притворяются тоскующими по древности, отличаются всѣми замашками школьной учительницы, изучившей классиковъ, какъ другіе—игру на фортепіано; и, разумѣется, отрицаютъ живую, современную литературу, которую готовы были бы даже преслѣдовать, еслибъ смѣли. Все это не имѣетъ никакого значенія; это то же самое, что и барыни, толкующія о туалетахъ.

Исчезновеніе литературныхъ салоновъ—привнаетъ очень важный, такъ какъ указываетъ на распространеніе любви къ литературѣ, на постоянное увеличеніе круга читателей. Если маленькіе избранные кружки, святилища, создающіа каждое своего божка, перестаютъ являться выразителями общественнаго мнѣнія, то, значитъ, судьей и критикомъ, создающимъ успѣхъ писателя, является сама читающая публика. Есть даже очевидная связь между постоянно увеличивающимся числомъ читателей и уничтоженіемъ салоновъ; несомнѣнно, что эти послѣдніе погибли и ступевались оттого, что не могли болѣе руководить публикой, возросшей въ числѣ и не захотѣвшей повиноваться. Немногіе литературные кружки, существующіе еще, главнымъ образомъ, въ академическомъ мірѣ, также чувствуютъ свое безсиліе и ничтожество, смущенные приливомъ книгъ, принужденные искать спасенія въ мертвой старинѣ. Это—агонія стараго литературнаго направленія, которую пришлось видѣть Сентъ-Бёзу.

Прибавьте къ этому, что академія также не существуетъ болѣе, т.-е. не существуетъ, какъ сила, вліяющая на направленіе литературы. Споры изъ-за кресель еще ведутся, также какъ изъ-за орденовъ, благодаря присущему намъ тщеславію. Не академія не издаетъ болѣе законовъ, и даже теряетъ всякое вліяніе на языкъ. Публика ни во что не дѣлаетъ раздаваемыхъ ею литературныхъ премій; достаются онѣ по болѣе части посредственностямъ, не имѣютъ никакого смысла, не указываютъ и не поддерживаютъ никакого движенія. Романтическое возстаніе произошло помимо академіи, которая позднѣе должна была примириться съ нимъ; теперь она готова сдѣлать то же самое для натуралистическаго движенія. Такимъ образомъ, академія является препятствіемъ на дорогѣ нашей литературы; каждое новое поколѣніе должно отпихнуть ногой это препятствіе, послѣ чего академія смиряется. Она не только ничему не помогаетъ, но, напротивъ, мѣшаетъ, и при этомъ настолько тщеславна и слаба, что готова принять съ распростертыми объятіями тѣхъ, кого сперва хотѣла уничтожить. Подобное учрежденіе не можетъ имѣть никакого значенія въ литературномъ движеніи народа; оно не имѣетъ ни значенія, ни вліянія, ни результатовъ. Единственная роль, которую ныне еще признаютъ за академіей, это—роль хранительницы языка; да и той она лишилась, такъ какъ ученый и обширный словарь Литтре пользуется теперь гораздо болѣе популярностью, чѣмъ словарь академіи; не говоря уже о томъ, что съ 1830 г. величайшіе писатели наносили жестокіе удары этому послѣднему, создавая, въ порывѣ гордой независимости, новыя слова и обороты, отканывая осужденныя выраженія, вводя въ употребленіе неологизмы, обогащая

языкъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ, такъ что словарь академіи скоро превратится въ любопытный археологическій памятникъ. Повторяю, она не играетъ ровно никакой роли въ нашей литературѣ, она служитъ только мелочному тщеславію.

Такимъ образомъ, великое социальное движеніе XVIII вѣка отразилось въ нашемъ столѣтіи на литературѣ. Линія только писатели получили новыя средства къ существованію, исчезло всякое понятіе объ искусственной іерархіи, образованіе замѣнило знатность, трудъ сдѣлался достоинствомъ. Въ силу логической необходимости, вліяніе салоновъ и академіи ослабѣло, литература стала демократической,—я хочу этимъ сказать, что теперь ступеваются передъ публикой, что новыя произведенія рождаются изъ толпы и для толпы. Наконецъ, наука проникла въ литературу, научное изслѣдованіе распространилось даже на поэтическія произведенія, и это-то и характеризуетъ современное направленіе, направленіе натуралистическое.

Я говорю, что нужно принять это положеніе дѣлъ, какъ оно есть. Жалуются, что литературное направленіе исчезаетъ; неправда, оно преобразовывается. Сравните положеніе писателя при Людовикѣ XIV съ положеніемъ современнаго писателя. На чьей сторонѣ полная и совершенная независимость личности? истинное достоинство? на чьей сторонѣ большая сумма трудолюбія? широкая и почтенная жизнь? Очевидно, на сторонѣ современнаго писателя. А чему онъ обязанъ этимъ достоинствомъ, почетомъ, независимостью личности? Всѣмъ сомнѣніямъ, свободному труду и выражающимъ его деньгамъ. Трудъ и деньги, законная прибыль за сочиненія, освободили его отъ всякой унизительной зависимости, сдѣлали изъ прежняго пута и скомо-роха—свободнаго гражданина, независимаго человѣка.

Говорятъ однако, что писатель долженъ стремиться только къ славѣ. Ну, да, это вѣрно: повторять эту мысль—ребячество. Но нужно же жить. Если вы не родились богатымъ, что же вы будете дѣлать? Неужели вы будете жалѣть о томъ времени, когда Вольтера били палкой, когда Расинъ дрожалъ отъ сердитаго взгляда Людовика XIV, когда литература находилась на жалованьи у грубой и необразованной знати? Какъ! вы платите неблагодарностью нашей великой эпохѣ, обвиняя ее въ меркантилизмѣ, когда въ этомъ прежде всего заключается право на трудъ и жизнь? Если вы не можете жить своими стихами, своими первыми опытами, возьмитесь еще за другое дѣло. Не особенно почетно мечтать о литературѣ, содержимой на чужой счетъ. Пробивайте себѣ дорогу, питайтесь картофелемъ или грибами, бейте камни днемъ, пишите образцовыя произведенія ночью. Запомните только одно: если вы талантъ, если вы сила, то вы добьетесь

славы и богатства во что бы то ни стало. Такова жизнь, такова наша эпоха. Къ чему ребяческое возстаніе противъ нас!

Я знаю все, что можно сказать противъ этого, если рассматривать вопросъ съ извѣстной стороны. Меркантилизмъ долженъ былъ родиться изъ жажды къ чтенію, изъ постоянного умноженія газеты. Но чѣмъ это мѣшаетъ настоящимъ писателямъ? Ихъ заработокъ уменьшается; ничего не значить, лишь бы только они могли существовать. Забудьте притомъ, что если какой-нибудь Понсонъ дю-Террайль наживаетъ состояніе, такъ онъ и работаетъ много, гораздо больше, чѣмъ сочинители советуетъ, ругающіе его. Безъ сомнѣнія, съ литературной точки зрѣнія, заслуги въ этомъ нѣтъ никакой; но усиленная работа фельетониста объясняетъ его богатство, тѣмъ болѣе, что эта работа обогащаетъ газеты. Мы не имѣемъ дѣло непосредственно съ публикой; между ней и нами есть посредники, издатели, цѣлый народокъ, живущій нашими сочиненіями, наживающій миллионы нашимъ трудомъ, и мы не подѣлились съ ними, и мы будемъ отворачиваться отъ денегъ, подъ предлогомъ, что деньги неблагородны! Это—нездоровыя идеи, пустыя и нелѣпыя заявленія, противъ которыхъ давно пора возстать. Такъ говорятъ только начинающіе писатели, которые еще очень бѣдны и не могутъ жить своимъ перомъ; или писатели, никогда не знавшіе нужды и третирующіе литературу, какъ любовницу, которую они привыкли угощать тонкими ужинами.

Притомъ вопросъ о деньгахъ всегда ставился нехѣдно. Нужно принять за исходный пунктъ положеніе, что всякій трудъ заслуживаетъ вознагражденія. Разумѣется, настоящий писатель не станетъ писать книгу съ единственною цѣлью получить какъ можно больше денегъ; но разъ книга написана, является издатель, закупающій деньги доставленнымъ ему товаромъ, и очень естественно, если писатель получаетъ условленную плату. Послѣ этого, становится непонятнымъ великое негодованіе противъ денегъ. Афера сама по себѣ, литература сама по себѣ. И, повторяю еще разъ, если современный писатель свободенъ, если онъ не живетъ въ оскорбительномъ для своего достоинства положеніи паразита, если онъ свободный, ни отъ кого не зависящій и не опасяющійся громко заявлять свои мнѣнія, гражданинъ,—то этимъ онъ обязанъ именно финансовой сторонѣ дѣла, связанной съ печатаніемъ новыхъ произведеній.

Во всякомъ великомъ дѣлѣ есть своя дурная сторона. Спекулянты неизбежно должны были явиться. Выше я говорилъ о фельетонистахъ, наводящихъ троттуары. По-моему, они вполне законно получаютъ деньги, такъ какъ добываютъ ихъ трудомъ, и иногда очень

усерднымъ; но, разумеется, литература тутъ не причеъ. Это-то обстоятельство и рѣшаетъ вопросъ. Начинающіе писатели напрасно кричатъ противъ фельетонистовъ; на самомъ дѣлѣ они никому не становятся поперекъ литературной дороги; они создали себѣ свою специальную публику, которая читаетъ только фельетонистовъ; они адресуются къ этимъ новымъ читателямъ, необразованнымъ, неспособнымъ понять хорошее произведеніе. За это ихъ слѣдовало бы скорѣе благодарить, такъ какъ они расчищаютъ невоздѣланную почву, также какъ мелкія гаветки въ одинъ су, проникающія въ самыя отдаленныя деревни. Притомъ, обратите вниманіе на политическія движенія: ни одно не происходитъ безъ излишествъ, каждый шагъ въ обществѣ сопровождается борьбою и разрушеніемъ. Точно также, и эмансипація писателя, торжество интеллигенціи, добившейся богатства и занявшей мѣсто аристократіи, должно было повлечь за собою нѣкоторыя печальныя явленія. Въ этомъ вся дурная сторона дѣла. Писатели ведутъ востыдныи торгъ неромъ, нижніе этажи газетъ наворачаютъ массу глупостей, литература наводнена нелѣпыми книгами. Но что до этого! это—грянь челоѣческой, выступающая наружу въ минуты социальнаго кризиса. Нужно обращать вниманіе только на прогрессъ, совершающійся вверху, на усиліе великихъ писателей, увлекающихъ изъ нашихъ современныхъ битвъ новую красоту, жизнь въ ея правдѣ и силѣ.

Другое, болѣе важное послѣдствіе новаго направленія всегда смущало меня, а именно—постоянныя усилія, на которыя осужденъ современный писатель. Далево то время, когда сонетъ, прочитанный въ салонѣ, создавалъ репутацію писателя и приводилъ его въ академію. Сочиненія Буало, Лабриѣра, Лафонтена вмѣщаются въ одномъ, въ двухъ томахъ. Въ настоящее время намъ нужно писать и писать безъ отдыха; это трудъ рабочаго, который долженъ зарабатывать свой хлѣбъ, который не можетъ остановиться, пока не наживетъ состоянія. Крімъ того, если писатель перестаетъ писать, публика забываетъ его; онъ принужденъ выпускать томъ за томомъ, какъ столяръ дѣлаетъ мебель. Посмотрите на Вальза. Это ужасно, потому что немедленно представляется вопросъ: что будетъ дѣлать потомство съ такимъ объемистымъ трудомъ, какова „Челоѣческая Комедія“; мало вѣроятности, чтобы оно сохранило все, а будетъ ли оно въ состояніи сдѣлать выборъ? Замѣйте, что все произведенія, записанныя вѣками, сравнительно коротки. Челоѣческая память пасуетъ передъ объемистымъ багажомъ. Притомъ она удерживаетъ только классическія произведенія, т. е. тѣ, которыя намъ навязываютъ въ молодости, когда нашъ умъ еще не можетъ сопротив-

латься. Итакъ, меня всегда безволею эта лихорадочная производительность. Если дѣйствительно каждый писатель носитъ въ себѣ только одну книгу, то мы поступаемъ очень опасно для нашей славы, повторяя эту книгу безконечное число разъ, поуждаемые постоянною необходимостью.

Вотъ, по моему мнѣнію, единственное сомнительное послѣдствіе настоящаго положенія вещей. И все-таки нельзя судить будущее по мѣркѣ прошлаго. Бальзакъ, очевидно, останется въ другихъ условіяхъ, чѣмъ Буало.

Итакъ, я прихожу къ научному духу, проникающему въ литературу все болѣе и болѣе. Вопросъ о деньгахъ играетъ только второстепенную роль въ преобразованіи литературнаго направленія въ настоящее время; движеніе, главнымъ образомъ, клонится къ тому, чтобы приложить къ литературѣ научные методы, орудія, заимствованныя писателемъ у ученаго, чтобы выѣсть съ ними предпринять анализъ природы и человѣка. Вся современная борьба ведется на этой почвѣ; съ одной стороны, ритори, грамматики, приверженцы чистаго искусства, продолжающіе держаться за традицію; съ другой — анатомы, аналитики, приверженцы наблюдательныхъ и экспериментальныхъ наукъ, желающіе изобразить міръ и человѣчество по новому способу, изучая ихъ природный механизмъ и добываясь для своихъ произведеній возможно болѣе истинны. Послѣдніе начали одерживать верхъ съ начала столѣтія, и опредѣлили новое литературное направленіе; это не школа, какъ я уже сто разъ говорилъ, это — социальное движеніе, всѣ фазисы котораго легко опредѣлять. Мы только-что видѣли пропасть, отдѣляющую Бальзака отъ какого-нибудь писателя XVII вѣка. Представьте себѣ Расина, читающаго „Федру“, свою самую смѣлую трагедію, въ салонѣ: дамы слушаютъ, академики одобрительно киваютъ головами, всѣ присутствующіе наслаждаются пышностью стиховъ, правильностью тирадъ, приличіемъ чувства и языка; писатель, покорный философскимъ воззрѣніямъ эпохи, создалъ прекрасное произведеніе риторики, трактующее объ отвлеченныхъ и метафизическихъ существахъ. Возьмите теперь „Кузину Бетту“ — и пошлите ее въ салонъ или академію; чтеніе ея покажется неприличнымъ, дамы будутъ скандализированы, — и все это только потому, что Бальзакъ написалъ свою книгу на основаніи наблюденія и опыта надъ живыми существами, не какъ риторъ, но какъ аналитикъ, работающій надъ научнымъ изслѣдованіемъ своего времени. Цѣлая пропасть отдѣляетъ одно отъ другого. Когда Сентъ-Бевъ восклицалъ въ отчаяніи: „о, физиологи, я встрѣчаю васъ всюду!“

онъ хоронилъ этимъ крикомъ старое литературное направленіе, онъ чувствовалъ, что царство прежнихъ литераторовъ кончилось.

Вотъ положеніе дѣлъ. Резюмирую его, повторяя, что наша эпоха не должна жаловаться на наступающій вѣкъ; это—ребячество. Двигаясь впередъ, человѣкъ оставляетъ за собою только развалины; затѣмъ возвращается назадъ и оплакивать истощенную и усыпанную обломками землю? Безъ сомнѣнія, прошлые вѣка обладали своимъ литературнымъ величіемъ, но мы не должны желать застыть въ этомъ величій, какъ-будто не можетъ и существовать другого. Литература есть только продуктъ общества. Въ настоящее время наше демократическое общество находитъ въ литературѣ превосходное и полное отраженіе самого себя. Нужно съ нимъ примириться безъ ребяческихъ сожалѣній, нужно признать могущество, справедливость и достоинство матеріальныхъ средствъ, слѣдуетъ примириться съ новымъ направленіемъ, расширяющимъ область литературы посредствомъ науки, которая, возвышаясь надъ грамматикой и риторикой, надъ философіей и религіей, стремится познать красоту истины.

V.

Какъ слѣдствіе и заключеніе къ написаннымъ мною страницамъ, я сдѣлаю краткій очеркъ того, что называется у насъ „la question des jeunes“.

Наши начинающіе писатели требовательны, что, впрочемъ, понятно и простиительно, такъ какъ молодость по своей природѣ нетерпѣлива и слѣдуетъ наслаждаться. Я знаю многихъ двадцатилѣтнихъ юношей, которые послѣ второй пьесы, не принятой директорами театровъ, послѣ третьей статьи, отвергнутой газетами, начинаютъ плакаться на упадокъ литературы, и требуютъ покровительства. Вотъ о чемъ мечтаетъ наша литературная молодежь: объ издателѣ, специально обязанномъ печатать и издавать всѣ книги начинающихъ писателей; о театрѣ, при помощи большой субсидіи дающемъ всѣ пьесы, доставляемыя директору начинающими. Въ этомъ направленіи она и ругаетъ; толкуютъ, что правительство жертвуетъ гораздо больше денегъ на музыку, чѣмъ на литературу, что живописцы осыпаны заказами и орденами, и живутъ какъ балованные дѣти, подъ отеческимъ крылышкомъ администраціи. Итакъ, разберемъ требованія этой „молодежи“.

Разумѣется, слѣдуетъ поощрять молодыхъ авторовъ; нельзя лучше

употребить свои деньги и время. Но поставимъ вопросъ на практическую почву. Идея общаго поощренія смѣшна; всегда придется дѣлать выборъ; какой-нибудь комитетъ или делегатъ всегда долженъ будетъ разсматривать сочиненія, и, такимъ образомъ, опять начнется царство произвола: всѣ молодые люди, получившіе отказъ, начнутъ снова обвинять правительство въ томъ, что оно ничего не дѣлаетъ для нихъ, нарочно затираетъ ихъ. Впрочемъ, они будутъ правы: субсидіи всегда доставятся бездарнымъ, никогда денежная помощь не выпадаетъ на долю свободнаго и оригинальнаго таланта. Такая система вспоможенія еще не примѣнялась къ книгамъ, — не существуетъ издателя, получающаго отъ государства сто или двѣсти тысячъ франковъ, съ условіемъ печатать каждый годъ 10—15 томовъ сочиненій начинающихъ писателей. Но для театра уже давно сдѣланъ этотъ опытъ: такъ, напримѣръ, Одеонъ всегда открытъ для начинающихъ драматурговъ. Пусть же соберутъ свидѣнія, много ли талантливыхъ авторовъ ставили свои перлы пьесы на Одеонѣ. Я убѣжденъ, что ихъ очень немного, тогда какъ списокъ бездарныхъ и уже забытыхъ авторовъ долженъ оказаться громаднымъ. Это неизбежно приводитъ къ слѣдующей аксіомѣ: литературное покровительство служить въ пользу только посредственности.

Мнѣ часто приходилось получать отъ молодыхъ авторовъ, въ особенноти отъ авторовъ драматическихъ, такого рода письма: „Итакъ, вы не вѣрите въ существованіе неизвѣстныхъ талантовъ?“ Разумѣется, пока талантъ еще ни въ чемъ не выразился, онъ остается въ неизвѣстности; но я убѣжденъ, — да оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, — что всякій сколько-нибудь сильный талантъ въ концѣ-концовъ выразится и вынудитъ къ себѣ уваженіе. Въ этомъ все дѣло. Нельзя помочь гению производить, онъ производитъ самостоятельно. беру примѣръ между художниками. Ежегодно, на художественной выставкѣ, этомъ базарѣ художественнаго производства, мы видимъ самыя ничтожныя ученическія картины, этюды навоіонеромъ, допущенныя, безъ сомнѣнія, только изъ снисходительности и ради поощренія; эти картины не имѣютъ ровно никакого значенія, никакой цѣны и только отнимаютъ мѣсто. Въ такомъ случаѣ, съ какою стати въ литературѣ дѣлать подобную же выставку ничтожныхъ произведеній, при помощи субсидій? Государство ничѣмъ не обязано передъ молодыми писателями; недостаточно написать нѣсколько страницъ, чтобы корчить изъ себя мученика, если никто не хочетъ ихъ печатать или играть; сапожникъ, сшивъ свою первую пару сапоговъ, не заставляетъ государство продавать ихъ. Работникъ самъ долженъ пустить въ ходъ свою работу. А если онъ не можетъ этого сдѣлать,

тѣмъ хуже! значитъ, онъ нигдѣ не годенъ, и остается въ неизвѣстности по своей винѣ, и совершенно справедливо.

Слѣдуетъ быть откровеннымъ: слабые, въ литературѣ, не стоятъ никакого вниманія. Зачѣмъ, будучи слабыми, желаютъ они казаться сильными? Восклицаніе: „Горе побѣжденнымъ!“ уместно въ литературѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Никто не заставляетъ честнаго юношу браться за перо; а разъ онъ за него взялся, пусть готовится ко всѣмъ послѣдствіямъ битвы, и не жалуется, если его собьютъ съ ногъ при первой стыкѣ, и цѣлое поколѣніе пройдетъ по его тѣлу. Жалобы, въ этомъ случаѣ, будутъ ребячествомъ, и притомъ ничего не поправятъ. Если вы не родились писателемъ, будьте каменщикомъ, какъ говоритъ Буало, и, главное, не обвиняйте весь міръ въ своей неудачѣ. Слабые всегда гибнутъ, несмотря на покровительство, — сильные пробиваются, несмотря на всѣ препятствія; въ этомъ вся мораль басни.

Я знаю, что, говоря относительно, найдутся примѣры бездарныхъ писателей, которые при помощи субсидій и протекціи сдѣлались модными. Но приводить такой аргументъ постыдно. Зачѣмъ Франціи бездарные писатели? Если начинающихъ поощряютъ, такъ, очевидно, только въ надеждѣ пособить гениальному человѣку, который можетъ оказаться въ числѣ ихъ. Книги и пьесы не принадлежать къ числу предметовъ ежедневнаго потребленія, какъ напримѣръ шляпы и башмаки, извѣстное число которыхъ публика снашиваетъ ежегодно. Если хотите, и въ книжной торговлѣ и въ театрѣ такое потребленіе существуетъ; но это относится только къ ничтожнымъ произведеніямъ, тотчасъ же забываемымъ, годнымъ только для удовлетворенія минутнаго аппетита. Я не хочу даже принимать въ расчетъ, сколько ничтожествъ можно было бы вывести въ люди, подъ условіемъ покровительства со стороны государства, назначающаго для нихъ конкурсъ, и поощряющаго самыхъ слабыхъ писателей изъ начинающихъ. Въ такомъ случаѣ пусть откроютъ въ нашей консерваторіи искусство и ремеслъ особый классъ, для обученія фабрикаціи книгъ и пьесъ по извѣстному рецепту; пусть въ нихъ изготовляются каждое лѣто комедіи и романы, чтобы Парижу было чѣмъ развлекаться зимою. Нѣтъ, во всемъ этомъ важенъ только талантъ. Покровительство совершенно неизвинительно, если оно не имѣетъ цѣлю облегчить путь талантливымъ людямъ, находящимся въ затруднительномъ положеніи и затертымъ въ толпѣ.

Послѣ этого вопросъ упрощается. Остается только предоставить вещи самимъ себѣ, такъ какъ создать талантъ невозможно, и такъ какъ талантъ въ себѣ самомъ носитъ достаточно силы для своего

полнаго развитія. Возьмите факты,—представьте себѣ группу молодыхъ писателей, человѣкъ двадцать, тридцать, пятьдесятъ, и слѣдите за ними въ жизни. Сначала, всѣ идутъ наравнѣ, съ одинаковою вѣрой, съ одинаковымъ честолюбіемъ. Скоро затѣмъ одни остаются позади, другіе какъ будто бѣгутъ впередъ, третьи толчутся на одномъ мѣстѣ. Но пока еще нельзя произнести рѣшительнаго сужденія. Наконецъ, результатъ становится очевиднымъ; посредственности, поддерживаемыя, подталкиваемыя, понукаемыя, остаются посредственностями, несмотря на свои первые успѣхи; слабыя исчезаютъ совершенно; а сильныя достигаютъ своей цѣли. Это вѣчная исторія. И было бы очень невыгодно избавлять сильныхъ отъ тяжелыхъ годовъ искуса, отъ этихъ первыхъ кровавыхъ битвъ. Пусть они страдаютъ, отчаяваются, сердятся—тѣмъ лучше.

Эмиль Золя.

НЕКРОЛОГЪ.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

(1812 — 1880).

Въ ночь съ 8 на 9 февраля умеръ И. И. Срезневскій, имя котораго пользовалось обширной извѣстностью у насъ и въ ученомъ славянскомъ мірѣ, какъ одного изъ первостепенныхъ знатоковъ славянства. Онъ оставался послѣднимъ представителемъ той группы ученыхъ, которымъ принадлежитъ заслуга основанія у насъ славянскихъ изученій: Прейсъ, Срезневскій, Григоровичъ, Водянскій—первые заняли основанныя сорокъ лѣтъ назадъ кафедры славянскихъ нарѣчій, и ихъ дѣятельность уже давно дала результаты, которые стали крупнымъ фактомъ въ развитіи нашей науки и образованности. Дѣятельность Срезневскаго была въ особенности неустанна и плодотворна. Многочисленные некрологи, явившіеся въ газетахъ съ первыхъ дней по смерти Срезневскаго, уже указали, какъ эта дѣятельность была цѣнима его учеными сотоварищами и разными поколѣніями его учениковъ.

Всегда трудно, почти невозможно—особенно въ нашихъ условіяхъ—писать біографію человека, только-что кончившаго свое общественное поприще. Мы попробуемъ указать главные факты біографіи Срезневскаго и нѣкоторыя особенности его литературно-ученой дѣятельности.

Срезневскій родился въ 1812, въ Ярославлѣ. Родъ его шелъ изъ Рязанской губерніи, изъ села Срезнева. Отецъ его былъ профессоромъ сначала въ ярославскомъ „училищѣ высшихъ наукъ“ (Демидовскомъ лицѣѣ), потомъ въ харьковскомъ университетѣ. Срезневскій учился дома, потомъ поступилъ въ харьковскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1829 году по юридическому факультету. Онъ служилъ потомъ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ присутственных мѣстахъ въ Харьковѣ, продолжая свои научныя занятія, особенно политической экономіей и статистикой. Но уже съ этого перваго времени у Срезневскаго сталъ развиваться интересъ къ старинѣ и народности, который впослѣдствіи наполнилъ всю его ученую дѣятельность. Въ 1831 онъ издалъ съ Росковшенкомъ въ Харьковѣ „Украинскій альманахъ“; въ 1832 книжку „Словацкія пѣсни“, которыя записалъ отъ заходившихъ въ тѣ края словаковъ; въ 1833 онъ издалъ первую часть

„Запорожской Старины“ (вторая, 1838); онъ писалъ историческіе рассказы изъ прошлаго Малороссіи и, наконецъ, двѣ романтическія повѣсти (въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, 1836, 1837). Въ началѣ 1837, Срезневскій защищалъ магистерскую диссертацию: „Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ“ и въ томъ же году назначенъ былъ адъюнктомъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики въ харьковскомъ университетѣ. Въ 1839 онъ издалъ еще книжку „Объ элементахъ и содержаніи статистики и политической экономіи“, но его вкусы уже окончательно клонились въ другую сторону — къ народной исторіи и этнографіи. Въ 1838, онъ издалъ двѣ книжки „Украинскаго сборника“, участвовалъ въ „Очеркахъ Россіи“ Пассека, и уже заинтересованъ былъ славянщиною. Поэтому, когда возникъ вопросъ о замѣщеніи учрежденной тогда кафедры славянскихъ нарѣчій, для харьковскаго университета выбранъ былъ Срезневскій, и для приготовленія къ занятію кафедры отправленъ былъ въ путешествіе по славянскимъ землямъ. Это путешествіе было переломомъ, или настоящимъ началомъ ученой дѣятельности Срезневскаго.

И это былъ переломъ не только въ личной его дѣятельности. Путешествія Срезневскаго и его сотоварищей по изученію славянства стали переломомъ въ цѣлой нашей историко-филологической наукѣ. Съ этихъ путешествій началось впервые правильное и многостороннее изученіе славянства; изученіе самой русской древности, этнографіи, языка впервые получило болѣе широкое и прочное основаніе черезъ введеніе исследованийъ сравнительныхъ; даны были первыя опоры для сознательнаго пониманія отношеній русско-славянскихъ и за предѣломъ научной спеціальности, въ области національной и общественно-политической.

Самъ Срезневскій, называя себя „последнимъ изъ этого случайно образовавшагося товарищества“, собралъ въ 1878 свои воспоминанія объ этихъ первыхъ дѣателяхъ русской славистики: Прейсѣ (1810—1846), Григоровичѣ (1815—1876), Бодянскомъ (1808—1877),—чтобы „быть свидѣтелемъ передъ новыми поколѣніями о томъ, чѣмъ были въ своей дѣятельности его бывшіе сотоварищи“. Все „товарищество“ вмѣстѣ составляетъ характерную группу, которая займетъ важное мѣсто въ исторіи нашей науки и литературы.

Путешествіе Срезневскаго началось лѣтомъ 1840 и кончилось осенью 1842 года. За границей онъ встрѣтился съ Прейсомъ, вѣхавшимъ ранѣе, съ нимъ вмѣстѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Прагѣ и потомъ путешествовалъ по Истріи, Далмаціи съ Черногоріей и землѣ Хорватской; болѣзнь Прейса помѣшала ихъ дальнѣйшему

странствованію вмѣстѣ. Прейсъ былъ тогда болѣе притовленъ къ дѣлу, и Срезневскій, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, признаетъ, что и самъ былъ ему немало обязанъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ многимъ пользовались отъ Прейса и западно-славянскіе ученые. Должно, впрочемъ, оговориться, что по свойству своего научнаго таланта Срезневскій быстро освоивался съ изучаемымъ предметомъ, а чрезвычайная живость характера, подвижность и воспримчивость, сохранявшіяся и до послѣднихъ лѣтъ его жизни, помогли ему сдѣлать путешествіе, богатое разнообразными научными изысканіями и живыми наблюденіями и впечатлѣніями. Онъ побывалъ во всѣхъ главныхъ пунктахъ славянскаго племени (кромя болгарскихъ), побывалъ и во многихъ, рѣдко посѣщаемыхъ закоулкахъ (какъ напримѣръ, Резавь), — занимался въ библіотекахъ книгами и рукописями, но столько же изучалъ и живыхъ людей, странствовалъ пѣшкомъ, наблюдалъ во-очію народный бытъ, изучалъ мѣстные говоры и т. д., завязалъ съ главными представителями славянскаго возрожденія много личныхъ связей, которыя вводили его въ живѣйшіе интересы славянскаго національнаго движенія первыхъ сороковыхъ годовъ. Во время путешествія и отчасти послѣ, онъ участвовалъ небольшими трудами въ славянскихъ журналахъ, въ „Часописѣ чешскаго музея“, въ чешско-славянской „Татранѣ“. Съ 1840 года онъ началъ писать о славянскихъ предметахъ и въ русскихъ журналахъ — въ варшавской „Денницѣ“, намѣревавшейся служить славянскому литературному сближенію, въ „Отеч. Запискахъ“, въ „Москвитинѣ“, „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“, „Финскомъ Вѣстникѣ“, „Московскомъ Сборникѣ“ (1847), даже въ „Малѣ“. Мы упомянули о личныхъ отношеніяхъ Срезневскаго съ дѣятелями славянскаго движенія: таковы были его близкія связи съ знаменитымъ Вукомъ Караджичемъ (лучшая біографія котораго написана Срезневскимъ), съ учеными патриотами хорватскими, чешскими, словацкими. Онъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ „иллирскимъ“ патриотомъ Станкомъ Вразомъ, поэтомъ и великимъ энтузіастомъ народности — съ нимъ онъ странствовалъ по хорватской землѣ, возбуждая полицейскія подозрѣнія, и въ изданной недавно перепискѣ Врза сохранились объ этомъ времени любопытныя, хотя отрывочныя указанія. Поэтъ словацкій посвящалъ ему воспоминанія о такихъ же странствованіяхъ вмѣстѣ по Карнатамъ (Nitra, II годъ, 1844). Изъ чешскихъ патриотовъ, извѣстна особенно его дружба съ Ганкой, можетъ быть слышномъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, довѣрчивая.

Слѣдствія о путешествіи Срезневскаго изложены въ отчетахъ, которые печатались въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“: осталась неописанной только та доля путешествія, которую онъ дѣлалъ вмѣ-

стѣ съ Прейсомъ; они хотѣли составить общій отчетъ, но онъ остался ненаписаннымъ по болѣзни Прейса.

Вернувшись изъ путешествія осенью 1842, Срезневскій тогда же назначенъ былъ профессоромъ на кафедрѣ славянскихъ нарѣчій въ Харьковѣ; въ 1846 онъ защищалъ диссертацию на степень доктора: „Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ“. Спустя нѣсколько времени по смерти Прейса, Срезневскій въ 1847 переведенъ былъ въ петербургскій университетъ, въ которомъ и работалъ до послѣднихъ своихъ дней.

Чтенія Срезневскаго въ Харьковѣ, по возвращеніи изъ-за границы, были въ университетѣ событіемъ.—„Успѣхъ его былъ громадный“,— рассказываетъ свидѣтель-очевидецъ тогдашней жизни харьковскаго университета. „Студенты всѣхъ факультетовъ, особенно въ первый годъ курса, толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора; самая большая университетская аудиторія не вмѣщала всѣхъ желающихъ. Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго-критическаго, не лишенаго юмора и ироніи, все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ; все это было такъ своеобразно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской кафедрѣ. Направление профессора было панславистское; стихи Коллара не сходили, можно сказать, съ его устъ, а „славянское братство и единеніе, въ духѣ мира и любви едва ли въ другомъ русскомъ университетѣ нашло бы для себя болѣе благопріятную почву, чѣмъ въ харьковскомъ“... Въ университетѣ харьковскомъ было тогда много поляковъ-студентовъ, и между ними и русскими студентами были самыя искреннія дружескія отношенія. Поэтому,—продолжаетъ тотъ же свидѣтель,—становится очевидной та громадная польза, которую приносилъ профессоръ Срезневскій своими панславистскими лекціями первымъ своимъ слушателямъ, въ особенности полякамъ. Независимо отъ этого, молодой профессоръ, какъ никто тогда, сумѣлъ приохотить студентовъ къ научной дѣятельности, просто научить ея производству, о чемъ—увн! кажется, и теперь лишь немногіе изъ университетскихъ преподавателей думаютъ. Онъ завалилъ студентовъ работами по исторіи русскаго языка, литературы, этнографіи, сравнительнаго славянства и проч. Онъ на лекціяхъ показывалъ, какъ надобно обращаться съ научнымъ сырьемъ, — лѣтописью, пѣснью, вообще со всякимъ источникомъ. Не менѣе полезна была его критика, весьма оригинальная и, какъ думаемъ, не безъ предвзятой мысли. Выставлялъ, напримѣръ, профессоръ *своими* авторитетами науки: Востокова, Павскаго, Добровскаго, Шафа-

рика и проч.; затѣмъ эти авторитеты умалились, указывались ихъ слабыя стороны—и нерѣдко изъ восторженнаго профессоръ переходилъ въ ироническое къ нимъ отношеніе, но, спѣшнымъ прибавить, не разбивая въ концѣ ихъ авторитета“...

Мы слушали Срезневскаго въ петербургскомъ университетѣ въ первыхъ пятидесятихъ годахъ. Надо думать, что ревностный „панславизмъ“ первыхъ годовъ отчасти улегся, сталъ спокойнѣе; но чтенія Срезневскаго были едва ли не самыя оживленныя во всемъ филологическомъ факультетѣ тѣхъ годовъ. Его рѣчь была, при всей научной серьезности изложенія, легкая, живая, остроумная, и теперь иногда не безъ лукавой критики ученыхъ авторитетовъ; чтеніе старыхъ наметкиновъ иллюстрировалось любопытными комментаріями, слiченіями архаическаго языка съ живыми нарѣчіями, стараго бытового обряда съ сохраняющимся донынѣ народнымъ преданіемъ, наглядными эпизодами изъ современныхъ славянскихъ обычаевъ, воспоминаніями изъ своихъ путешествій. Обширныя знанія въ своемъ дѣлѣ, искусная критическая діалектика, образность изложенія давали его чтеніямъ интересъ, разнообразіе, и производили большое впечатлѣніе на слушателей, разъ заинтересованныхъ.

Но, съ другой стороны, и въ то время можно было замѣтить въ теоретической постановкѣ цѣлаго предмета рѣзкую исключительность и односторонность; позитивѣ, она обнаруживалась еще сильнѣе.—Мы не можемъ здѣсь входить въ подробности и ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Односторонность, о которой мы говоримъ и которая, какъ странность, сильно бросалась въ глаза особенно лицамъ, менѣе знавшимъ весь оригинальный складъ его теоретическихъ понатій, была, по нашему мнѣнію, прежде всего слѣдомъ его перваго развитія.

То было именно время романтическихъ идей, къ которымъ приростала уже народная тенденція, но пока еще въ самыхъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ: это было какое-то идеалистическое стремленіе къ первобытному, народному, немного сантиментальное и преувеличенное, какое-то смутное ожиданіе найти разгадку исторіи и подлиннаго національнаго характера въ изученіи непосредственнаго народнаго быта съ его самородной поэзіей и самобытно сбереженными преданіями старыхъ вѣковъ. Университетъ, — гдѣ притомъ Срезневскій былъ на юридическомъ факультетѣ—повидному не далъ ему никакой прочной опоры въ этомъ отношеніи; скорѣе, Срезневскій былъ здѣсь самоучкой; но народно-романтическая тенденція была въ большомъ ходу, и онъ применилъ къ тому маленькому движенію, какое тогда склывалось въ малорусскомъ обществѣ,—и гнѣздомъ нѣгло особенно Харьковъ. Было справедливо замѣчено, что первые ученые представители у насъ славянскаго возрожденія были не случайно, за

исключеніемъ Прейса, люди, выросшіе въ малорусской средѣ, которая дѣлала для нихъ славянское движеніе болѣе понятнымъ и сочувственнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, тогдашнее движеніе въ малорусской литературѣ, искавшее новыхъ поэтическихъ элементовъ въ народномъ источникѣ и бравшее средствомъ выраженія прямой народный языкъ, представляло несомнѣнную параллель съ тѣмъ, что дѣлалось въ это же время въ возрожденныхъ литературахъ западнаго и южнаго славянства. Впослѣдствіи, Срезневскій, говоря (въ біографіи Бодянского) объ интересѣ къ народности, господствовавшемъ въ 1830-хъ годахъ, самъ характеризовалъ его, какъ „неопредѣленное чувство потребности уважать все народное, и болѣе ничего“; тогдашніе поклонники народной поэзіи „оставались въ очарованномъ кругѣ мечтаній, заступавшихъ мѣсто изслѣдованій“. Таково, безъ сомнѣнія, было и настроеніе самого Срезневскаго, когда, едва оставивъ свой юридическій факультетъ, онъ является партизаномъ этого направленія, записываетъ славянскія пѣсни и малорусскія думы, издаетъ „Запорожскую Старину“ и т. д. Направленіе было новое и далеко еще не было выяснено ни научное значеніе той народности, которую стремились сознать, ни практическо-общественное, ни наконецъ литературно-эстетическое значеніе народной поэзіи. Другая область литературы въ это время оставалась еще болѣе или менѣе равнодушна къ этому направленію; въ свою очередь, приверженцы „народности“ по „неопредѣленному чувству“ не понимали тѣхъ вопросовъ философскихъ, эстетическихъ, общественныхъ, какіе ставились тогда въ литературѣ. Оба взгляда можно винить въ известной односторонности; но едва ли не большая односторонность была во взглядѣ тѣхъ изъ тогдашнихъ партизановъ народности, которыми новѣйшая литература осталась совсѣмъ непонятна. Между прочимъ, Срезневскій былъ въ большой степени чуждъ ея, относился къ ней даже враждебно. Когда передъ отъѣздомъ за-границу онъ былъ въ Петербургѣ и встрѣтился съ литературнымъ кружкомъ „Отеч. Записокъ“ (какъ рассказываетъ г. Анненковъ), онъ высказалъ литературныя мнѣнія, которыя возбудили въ томъ кружкѣ „безмѣрное изумленіе“. Такъ бывало и до послѣдняго времени; напримѣръ, Срезневскому было не только несимпатично, но непонятно значеніе Гоголя въ нашей литературѣ и смыслъ его произведеній. Иногда его идеи подобнаго рода могли казаться намѣреннымъ парадоксомъ, — но въ основѣ все-таки лежало совсѣмъ особенное пониманіе литературныхъ предметовъ, остатокъ стараго романтизма харьковскихъ временъ, существовавшаго особнякомъ, отрѣженнаго отъ всѣхъ остальныхъ явленій и стремленій литературы.

Этотъ романтизмъ, искавшій „народности“, витавшій „въ очаро-

ванномъ кругѣ мечтаній“, одушевляемый „неопредѣленной потребностью уважать все народное“, въ славянскихъ путешествіяхъ Срезневскаго еще болѣе укрѣпился. Срезневскій встрѣтилъ здѣсь—не широкое движеніе большихъ литературъ, а именно рядъ маленькихъ литературъ, проникнутыхъ „потребностью уважать все народное“—но потребностью уже опредѣленной, потому что для нихъ это было первое элементарное средство защиты самой національности отъ поглощенія другими народами: надо было и обновить въ обществѣ образованномъ ослабѣвавшіе національные истинны, и поднять нравственно самый народъ вниманіемъ и участіемъ въ его языку, поэзіи, преданіяхъ. Эти литературы не задавали себѣ, и не въ состояніи были задавать высшихъ общихъ вопросовъ; имъ еще предстояли болѣе первоначальныя задачи—онѣ были просты, доступны народу, въ нихъ повторялись знакомыя черты народнаго языка и народныхъ сказаній; можно было видѣть наглядно ихъ пользу для развитія (небольшого) народнаго образованія... Срезневскому, и отчасти также его соотаварищамъ, могло казаться, и дѣйствительно казалось, что литература такова и должна быть. Въ статьѣ: „Взглядъ на современное состояніе литературы у западныхъ славянъ“, помѣщенной въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1847, онъ высказалъ свое преднечтеніе этихъ маленькихъ народныхъ литературъ; онѣ казались ему чуть ли не богаче и выше той нашей литературы, которая занимается вопросами, такими отвлеченными, такими далекими отъ народа... Ему не представлялась мысль, что эти малыя славянскія литературы, которыя ему нравились, въ большинствѣ были только книгами для первоначальнаго чтенія.

То, что выходило за предѣлы этого патріархально-народнаго направленія, поведимому, издавна было Срезневскому чуждо; онъ не могъ не видѣть, конечно, политическаго утѣсненія славянскихъ народностей, но ему казалось, вѣроятно, что бороться съ нимъ можно только путемъ этого идеалистическаго развитія народности. Что мечты этого рода занимали его, можно видѣть изъ того немногаго, что пока мы знаемъ объ его сношеніяхъ съ славянскими патріотами. Послѣ онъ никогда, кажется, не касался этихъ предметовъ.

По переходѣ въ Петербургъ, для Срезневскаго начался періодъ усиленной дѣятельности. Вскорѣ онъ получилъ каведру славянскихъ нарѣчій въ существовавшемъ тогда педагогическомъ институтѣ; въ 1849 избранъ былъ во второе отдѣленіе академіи наукъ, т.-е. отдѣленіе русскаго языка и словесности, гдѣ съ тѣхъ поръ и до конца своей жизни, въ теченіи полныхъ тридцати лѣтъ оставался замѣчательнѣйшимъ и трудолюбивѣйшимъ дѣятелемъ. Это отдѣленіе—за десять лѣтъ передъ тѣмъ образованное изъ блаженной памяти Рос-

сійской Академіи, унаслѣдовало тогда отъ нея многихъ членовъ съ той научно-литературной непригодностью, какая прославляла Россійскую Академію. Избраніе Срезневскаго было счастьемъ для отдѣленія, потому что онъ однимъ своимъ неутомимымъ трудомъ спасалъ его ученый декорумъ. Съ 1852 отдѣленіе начало изданіе „Извѣстій“, которыя въ теченіи десяти лѣтъ держались всего болѣе именно работами его собственными и имъ привлеченными. „Извѣстія“ представляли богатый запасъ крупныхъ и мелкихъ трудовъ по славяно-русской филологіи: Срезневскій началъ здѣсь длинный рядъ изслѣдованій о древнихъ памятникахъ русской литературы, изслѣдованій, всегда отличавшихся оригинальнымъ взглядомъ, пытливой критикой, остроумными догадками и соображеніями; онъ велъ здѣсь отчетливую библиографію славянской историко-филологической литературы, печаталъ сборники разныхъ произведеній народной словесности и т. д. Затѣмъ по прекращеніи „Извѣстій“ его изобильныя работы печатались въ сборникахъ II отдѣленія академіи. Рядомъ съ академическими работами Срезневскій принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ другихъ ученыхъ обществъ, напр. географическаго, археологическаго, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ изданіи: „Христіанскія древности и археологія“, писалъ въ присужденіяхъ премій Демидова и Уварова дѣльные отчеты, равнявшіеся иногда дѣламъ вѣнгамъ, съ новымъ перензслѣдованіемъ разбираемаго предмета.

Славянство отступало все больше и больше на второй планъ въ этихъ трудахъ, которые направлялись наконецъ почти исключительно на памятники древнѣйшей славяно-русской письменности, ихъ подробное описаніе и изслѣдованіе по языку и содержанію, и на внимательнѣйшее изученіе палеографіи. Въ этой области онъ сталъ знатокомъ первостепеннымъ.

Мы не будемъ перечислять здѣсь этихъ трудовъ, составляющихъ область совершенно спеціальную. Подробный сносокъ сочиненій Срезневскаго изданъ былъ II-мъ отдѣленіемъ академіи въ 50-лѣтнему юбилею его учено-литературной дѣятельности, который праздновался 5-го апрѣля 1879 г.

Труды Срезневскаго въ послѣднія тридцать лѣтъ, въ полномъ развитіи его ученой силы, какъ мы замѣтили, принимали все болѣе характеръ исключительно-спеціальной обработки памятниковъ. Такая обработка составляетъ первую и необходимѣйшую степень историческаго изслѣдованія, и рѣдкіе ученые исполняли ее съ такой осмотрительной точностью, какъ Срезневскій. Быть можетъ, онъ находилъ, что въ наличномъ составѣ нашей филологіи мало людей, которые исполнили бы это дѣло съ той внимательностью, какая для этого требуется; но во всякомъ случаѣ, бросалось въ глаза это одно-

стороннее употребленіе силы, которая могла бы быть способна къ широкимъ обобщеніямъ и ограничивалась работами приготовительными,—между тѣмъ, какъ обобщенія въ наукѣ не менѣе необходимы, чѣмъ первоначальная разработка матеріала: онѣ собираютъ ранѣе добытый матеріалъ въ болѣе или менѣе систематическое цѣлое, намѣчаютъ его историческое значеніе и указываютъ путь дальнѣйшихъ изслѣдованій. Срезневскій избѣгалъ этихъ обобщеній—потому ли, что стремленіе къ точности внушало ему недовѣріе къ нимъ; или что ученое самолюбіе, которое было у него очень сильно, пугалось возможности ошибиться; или, быть можетъ, практическій опытъ указывалъ болѣе спокойную дѣятельность въ специальности, далекой отъ столетовенія мѣтній и отъ соединяющихся съ этимъ тревогъ разнаго рода—не знаемъ... Какъ онъ чуждался обобщеній научныхъ, такъ онъ избѣгалъ въ послѣдніе десятилѣтія и обобщеній въ славянскомъ вопросѣ: онъ почти не высказывался о новѣйшемъ національно-политическомъ движеніи славянскихъ народовъ. Повидимому, его сочувствія принадлежали тому періоду славянскаго возрожденія, какой онъ самъ переживалъ въ средѣ славянскихъ патріотовъ начала сороковыхъ годовъ,—періоду идеализированія народности, на переходившаго еще изъ области національно-поэтической въ политическую. Замѣтимъ наконецъ, что въ складѣ его ума, очень сильнаго, была, кажется, съ самаго начала особенная оригинальность, которая позднѣе, при встрѣчѣ съ иными, ему непривычными или чуждыми идеями, переходила въ парадоксальность, иногда почти намѣренную, и въ извѣстнаго рода скептицизмъ,—который не благопріятствуетъ обобщеніямъ...

Затѣмъ, всѣ силы его ума и дарованія направились на указанныя выше спеціальныя изученія. Масса трудовъ, совершенныхъ имъ въ области археографіи, палеографіи, изданія памятниковъ, громадна; если прибавить къ этому еще то, что было имъ сдѣлано по русской и славянской археологіи, и въ прежнее время по славянской миеологіи, этнографіи, языку, то его справедливо можно поставить на ряду съ замѣчательнѣйшими изслѣдователями славянства, какими были Добровскій, Востоковъ, Шафарикъ.

Послѣ Срезневскаго остался неизданнымъ обширный и многолѣтній трудъ, которому придаютъ великую цѣну ученые, видѣвшіе его въ рукописи. Это—„Историческій словарь древняго русскаго языка“. Надо желать, чтобы изданіе его сдѣлано было скорѣе его учеными сотоварищами. Мы думаемъ, что эти сотоварищи должны были бы также обратить вниманіе на другое наслѣдье, оставшееся отъ Срезневскаго—его обширную ученую переписку, какъ говорятъ, приведенную въ порядокъ имъ самимъ. Недавно, московское Общество

Исторіи и Древностей подаю прекрасный примѣръ—изданіемъ писемъ къ Погодину изъ славянскихъ земель: этому примѣру могъ бы послѣдовать университетъ или второе отдѣленіе академіи. Обыкновенно затрудняются въ изданіяхъ подобнаго рода близостью времени, неудобствомъ касаться лицъ еще дѣйствующихъ;—но можно было бы ограничиться теперь перепискою лицъ, уже кончившихъ свою дѣятельность и принадлежащихъ исторіи. Если сохранилась хорошо и старая переписка, то мы считали бы особенно любопытными (и совершенно возможными для изданія) именно письма стараго времени, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, какъ напр. славянская переписка Срезневскаго за время его путешествія и послѣ. Слишкомъ долгое откладыванье подобныхъ изданій очень вредитъ самому ихъ интересу: являясь теперь, при свѣжихъ воспоминаніяхъ о чловѣкѣ, онѣ дадутъ гораздо болѣе живыхъ впечатлѣній не только у насъ, но и въ литературномъ славянскомъ мірѣ, и издатели, быть можетъ, въ состояніи будутъ прибавить къ нимъ больше біографическихъ и литературныхъ разъясненій, чѣмъ послѣ, когда воспоминанія поблѣднѣютъ и охладятся. Мы съ своей стороны думали бы, что это изданіе раскрыло бы для насъ одну изъ любопытнѣйшихъ и самыхъ симпатичныхъ сторонъ въ дѣятельности Срезневскаго.

А. Пилинъ.

М. Стасюлевичъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

1838—1848.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

XXV *).

Одновременно съ раздвоеніемъ въ лагерѣ «славянъ», послѣдовало точно такое же и у западниковъ: «Москвитянинъ» вызвалъ много бурь въ нѣдрахъ этой партіи, и на одной изъ такихъ бурь, лѣтомъ 1845 г., я присутствовалъ. Лѣто 1845 года оставило во мнѣ такія живыя воспоминанія, что я и теперь (1870 г.) по прошествіи слишкомъ 25-ти лѣтъ, какъ будто вижу передъ собой каждого изъ тогдашнихъ лицъ московскаго кружка, и какъ будто слышу каждое ихъ слово. Для меня это—не дальнее, на половину позабытое прошлое, а какъ будто событіе вчерашняго дня. Голоса, выраженіе физіономій и поза людей—стоятъ въ памяти такъ живо, точно мы недавно разошлись по домамъ; постараюсь передать мои воспоминанія съ наивозможной вѣрностью.

Грановскій, Кетчеръ и Г. извѣстили своихъ пріятелей, что на лѣто 1845 г. они поселяются въ селѣ Соколовѣ — въ 25-ти или 30-ти верстахъ отъ Москвы. Село принадлежало помещику Д—ву, который, на случай своихъ пріѣздовъ въ вотчину, оставилъ за собой большой домъ, а боковые флигеля и домики позади предоставилъ наемщикамъ, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ липовымъ и березовымъ садомъ, который отъ дома сходилъ подъ гору, къ рѣкѣ. На противоположной сторонѣ рѣки и горки, по

*) См. выше: мартъ, 5 стр.

общему характеру русскаго пейзажа, тянулся сплошной рядъ крестьянскихъ избъ. Въ обоихъ флигеляхъ размѣстились семейства Г. и Грановскаго, а домикъ позади занялъ Кетчеръ. Помѣщикъ не беспокоилъ наемщиковъ. Въ рѣдкіе свои наѣзды онъ только *приказывалъ* крестьянамъ и крестьянкамъ *свободно* гулять по своему саду, проходя вереницами мимо оконъ большого дома. Какъ ни легка, повидимому, была эта барщина, но она возбуждала сильный ропотъ въ людяхъ, къ ней приговоренныхъ, чему наемщики были сами свидѣтелями не разъ.

Вѣроятно, ни ранѣе, ни позже, Соколово уже не представляло такой поразительной картины шума и движенія, какъ лѣтомъ 1845 года. Прїѣздъ гостей къ дачникамъ былъ невѣроятный, громадный. Обѣды устраивались на лугу передъ домомъ почти колоссальныя, и обѣ хозяйки—Н. А., жена Г., и Е. Б. Грановская, уже привышія къ наплыву посѣтителей, справлялись съ этою толпою немовѣрно ловко. Сами онѣ представляли изъ себя очень различныя типы, хотя и связаны были тѣсною дружбой. Жена Г., со своимъ мягкимъ, едва слышнымъ голосомъ, со своей ласковой и болѣзненной улыбкой, со всѣмъ своимъ дѣтски-нѣжнымъ, хрупкимъ и страдающимъ видомъ, обладала еще страстностью характера, пламеннымъ воображеніемъ и очень сильной волей, что и доказала на дѣлѣ при началѣ своей жизни и при концѣ ея. Елизавета Богдановна Грановская была олицетвореніемъ спокойной, молчаливо-благодарной и втайнѣ радостной покорности своей судьбѣ, устроившей ея положеніе какъ жены и какъ женщины. Обѣ онѣ способны были, каждая по-своему и съ различными побужденіями, на очень значительныя жертвы и подвиги, еслибы то потребовалось. Всегда окруженная своими московскими пріятельницами, онѣ покамѣстъ служили въ Соколовѣ тѣмъ умѣрающимъ, эстетическимъ началомъ, которое сдерживало пиры друзей, гдѣ на шампанское не скупились, въ тонѣ веселой, но далеко не распущенной бесѣды.

Я появился среди этого персонала Соколова въ концѣ іюня мѣсяца, былъ принятъ имъ съ величайшимъ радушіемъ, но съ отѣнкомъ, который бросался въ глаза. Какъ гость изъ Петербурга и изъ ближайшаго кружка Бѣлинскаго, я долженъ былъ почувствовать, въ средѣ самыхъ дружескихъ изліяній, ту ноту разногласія, диссонанса, какая уже существовала между двумя отдѣлами западной партіи. Нота эта звучала и въ ироническихъ шуткахъ Г., и въ нервномъ хохотѣ Кетчера, и въ полусерььзной физіономіи Грановскаго, которая попеременно разглаживалась и темнѣла. Всѣмъ необходимо было пропѣть

противную эту ноту поскорѣе вслухъ, чтобы войти опять въ простыя, откровенныя отношенія другъ къ другу. Это и не замедлило случиться.

Въ тотъ же самый день все общество собралось на прогулку въ поля, окружавшія Соколово, на которыхъ, по случаю ранняго жнитва, царствовала теперь муравьиная дѣятельность. Крестьяне и крестьянки убирали поля въ костюмахъ, почти примитивныхъ, что и дало поводъ кому-то сдѣлать замѣчаніе, что изъ всѣхъ женщинъ одна русская ни передъ кѣмъ не стыдится, и одна, передъ которой также никто и ни за что не стыдится. Этого замѣчанія достаточно было для того, чтобы вызвать ту освѣжающую бурю, которой всѣ ожидали. Грановскій остановился и необычайно серьезно возразилъ на шутку:—«Надо прибавить, сказалъ онъ, — что фактъ этотъ составляетъ позоръ не для русской женщины изъ народа, а для тѣхъ, кто довелъ ее до того, и для тѣхъ, кто привыкъ относиться къ ней цинически. Большой грѣхъ за послѣднее лежитъ на нашей русской литературѣ. Я никакъ не могу согласиться, чтобы она хорошо дѣлала, потворствуя косвенно этого рода цинизму распространеніемъ презрительнаго взгляда на народность». Съ этого и начался споръ.

Я не упомянулъ, что въ числѣ постоянныхъ гостей Соколова, былъ еще вліятельный человѣкъ кружка—издатель «Моск. Вѣд.» Евг. Оед. Коршъ. По убѣжденіямъ своимъ, онъ принадлежалъ вполнѣ партіи крайнихъ западниковъ, отыскивая вмѣстѣ съ ними основы для мысли и для жизни въ философіи, исторіи, слѣдя за теоріями социализма, и нисколько не ужасаясь никакихъ результатовъ, какіе бы могли оказаться на концѣ этихъ розысканій; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не принималъ на вѣру никакихъ заманчивыхъ посуловъ доктрины, откуда бы она ни исходила, если только мало-малыски приближалась къ утопіи или обнаруживала поползновеніе на произвольный выводъ. Онъ постоянно воевалъ съ идеалами существованія, которыхъ тогда возникало множество. Вообще, это былъ критикъ убѣжденій и вѣрованій своего круга, съ которымъ раздѣлялъ многія изъ его надеждъ и всѣ основныя положенія. Онъ стоялъ постоянно съ ногой, занесенной, такъ-сказать, изъ своего лагеря въ противоположный, охлаждая слишкомъ радужныя чаянія или черезъ-чуръ сангвиническіе порывы своихъ друзей. Обширная начитанность и по истинѣ замѣчательная доля мѣткого и ядовитаго остроумія, эффектъ котораго увеличивался еще отъ противоположности съ недостаткомъ въ произношеніи—дѣлали изъ Евг. Корша выдающееся

лицо круга ¹⁾). Онъ тотчасъ понялъ, что завязавшійся споръ не есть какаа-либо рѣшительная битва, измѣняющая въ конецъ положеніе сторонъ, а только простое объясненіе между ними; поэтому онъ и ходилъ свободно между сторонами, не приставаая ни къ одной. Иначе принялъ дѣло Кетчеръ, которому казалось уже необходимою произвести себя въ адвокаты отсутствующей петербургской стороны, какъ еще мало онъ самъ ни раздѣлялъ всѣхъ ея воззрѣній. Онъ поднялъ перчатку Грановскаго и повелъ съ нимъ споръ о *принципахъ* чрезвычайно горячо, какъ окажется, надѣюсь, и изъ сокращенной моей передачи этого любопытнаго препирательства. За точность и порядокъ мыслей и за приблизительную вѣрность самаго выраженія ихъ—ручаюсь ²⁾).

— Да, помилуйте, какъ же можно,—восклиналъ Кетчеръ,—обобщать на этотъ манеръ каждое пустое замѣчаніе. Какой же человѣкъ удержитъ голову на своихъ плечахъ, если изъ каждаго его слова, пущеннаго на вѣтеръ, станутъ вытягивать разные смыслы. Вѣдь это преображенскій приказъ. А если ужъ обобщать, Грановскій, такъ ты бы лучше поставилъ себѣ вопросъ: не участвовалъ ли самъ народъ въ составленіи нашихъ дурныхъ привычекъ, и не есть ли наши дурныя привычки именно народныя привычки?

— Поймай, братъ Кетчеръ,—возразилъ Грановскій,—ты говоришь: не слѣдуетъ обобщать всякую случайную замѣтку; во-первыхъ, любезный другъ, случайныя замѣтки состоятъ въ близкомъ родствѣ съ тайной нашей мыслию, а во-вторыхъ, собраніе такихъ замѣтокъ составляетъ иногда цѣлое ученіе, какъ, напримеръ, у Бѣлинскаго. —А я тебѣ долженъ сказать здѣсь прямо—добавилъ Грановскій съ особеннымъ удареніемъ на словахъ,—что во взглядѣ на русскую національность и по многимъ другимъ литературнымъ и нравственнымъ вопросамъ я сочувствую гораздо болѣе славянофиламъ, чѣмъ Бѣлинскому, «Отеч. Запискамъ» и западникамъ.

За этимъ категорическимъ объявленіемъ послѣдовала минута

¹⁾ Изъ множества его цѣпкихъ замѣтокъ я помню одну, обращенную къ собесѣднику, который, на основаніи Прудона, отыскивалъ въ анархіи спасительное средство для современныхъ обществъ. — „Это, вѣроятно, потому,—сказалъ Евг. Коршъ, что анархія всегда ведетъ за собой монархію“. Въ другой разъ онъ отвѣчалъ одному профессору, который, съ нѣкоторымъ провинціальнымъ акцентомъ, восклицалъ: — „Я, братцы, какъ вамъ извѣстно, родилка“. — „Я и прежде думалъ, что ты ничего другого родить не можешь“, замѣтилъ Евг. Коршъ.

²⁾ Замѣтки и цитаты, тогда же брошенныя мною на бумагу для памяти, много помогли восстановленію всей этой сцены.

молчанія. Гораздо повдѣе мысль, выраженная Грановскимъ; повторялась много разъ и самимъ Г., отъ своего имени въ его заграничныхъ изданіяхъ, но впервые она была сказана именно Грановскимъ и въ Соколовѣ. Г. конечно, принялъ участіе въ завязавшемся спорѣ, нисколько не предчувствуя, разумѣется, что не далѣе, какъ черезъ годъ, онъ придетъ самъ въ столкновеніе съ Грановскимъ по вопросу, совершенно схожему съ тѣмъ, который теперь разбирался ¹⁾. Теперь онъ держалъ сторону Грановскаго, хотя не такъ рѣшительно, какъ можно было думать, судя по внѣшнимъ признакамъ сходства въ ихъ настроеніяхъ. Прямая, неуклонная, откровенная дѣятельность Бѣлинскаго приходилась ему всегда по душѣ, несмотря на множество оговорокъ, какія онъ противопоставлялъ ей, да и предчувствіе близости горькихъ расчетовъ съ самимъ Грановскимъ, вѣроятно, уже возникло въ его умѣ и сдерживало его слово. Вмѣстательство его въ разговоръ носило дружелюбный характеръ.

— Пойми же ты, братецъ, — говорилъ онъ, обращаясь къ Кетчеру, — что кромѣ общаго народнаго вопроса, о которомъ можно судить и такъ, и иначе, между нами идетъ дѣло о нравственномъ вопросѣ. Мы должны вести себя прилично по отношенію къ низшимъ сословіямъ, которыя работаютъ, но не отвѣчаютъ намъ. Всякая выходка противъ нихъ, вольная или невольная, похожа на оскорбленіе ребенка. Кто же будетъ за нихъ говорить, если не мы же сами? Оффиціальныя адвокаты у нихъ нѣтъ, — понимаешь, что всѣ тогда должны сдѣлаться ихъ адвокатами. Это особенно не мѣшаетъ понять теперь (1845 г.), когда мы хлопочемъ объ упраздненіи всякихъ управъ благочинія. Не для того же нужно намъ увольненіе въ отставку видимыхъ и невидимыхъ исправниковъ, чтобы развязать самимъ себѣ руки на всякую потѣху.

Кетчеръ не любилъ оставлять послѣдняго слова за противникомъ. Онъ возопилъ противъ попытки примѣнять еще и нравственность, послѣ національности, къ пустому случаю, разросшемуся въ такой диспутъ, утверждалъ, что обвиненіе какого-либо несомнѣннаго факта, хотя бы и самаго прискорбнаго характера

¹⁾ Въ „Запискахъ“ Г. разсказана подробно исторія его ссоры въ 1846 г. съ Грановскимъ по поводу неосторожнаго браннаго слова, произнесеннаго О—нымъ въ присутствіи сожительницы, впоследствии жены К. Тогда Г. стоялъ за О., не обвинялъ ему въ вину случайнаго, непечатаго выраженія, а обвиненный уже являлся К., такъ легко прощавшій прежде милостивыя замѣтки. Грановскій поддерживалъ К. и раздѣлялъ его негодованіе.

—никогда не можетъ быть безнравственно, а, наконецъ, послѣ насмѣшливыхъ отзывовъ о новыхъ народившихся руссофилахъ (на этого рода пивантныя приправы къ спорамъ никто тогда не скупился), перешелъ къ Бѣлинскому, который собственно и составлялъ настоящій предметъ всего разговора. Кетчеръ замѣтилъ, что врядъ ли мы и имѣемъ право судить о настоящихъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго на русскую народность, такъ какъ онъ ихъ никогда не высказывалъ вполне, да и въ виду цензуры и не могъ передать всей своей мысли, какъ по этому предмету, такъ и по многимъ другимъ. Здѣсь Грановскій опять остановилъ Кетчера и покончилъ споръ замѣчаніемъ, которое поразило всѣхъ своей неожиданностью; привожу его буквально:

— Знаешь ли, братъ Кетчеръ, что я имѣю тебѣ сказать по поводу твоего замѣчанія о цензурѣ. Объ умѣ, талантѣ и честности Бѣлинскаго не можетъ быть между нами никакого спора, но вотъ что я скажу о цензурѣ. Если Бѣлинскій сдѣлался силой у насъ, то этимъ онъ обязанъ, конечно, во-первыхъ, самому себѣ, а во-вторыхъ и нашей цензурѣ. Она ему не только не повредила, но оказала большую услугу. Съ его нервнымъ, раздражительнымъ характеромъ, рѣзкимъ словомъ и увлеченіями онъ никогда бы не справился, безъ цензуры, со своимъ собственнымъ матеріаломъ. Она, цензура, заставила его обдумывать планы своихъ критикъ и способы выраженія и сдѣлала его тѣмъ, чѣмъ онъ есть. По моему глубокому убѣжденію, Бѣлинскій не имѣетъ права жаловаться на цензуру, хотя и ее благодарить тутъ не за что: она, конечно, также не знала, что дѣлаетъ.

Споръ былъ вполне истощенъ именно этимъ заявленіемъ Грановскаго. Все было сказано, что Грановскому хотѣлось сказать. Когда за тѣмъ кто-то замѣтилъ, что всѣ рѣзкія, анти-національныя выходки Бѣлинскаго происходятъ еще изъ горячаго демократическаго чувства, возмущеннаго тѣмъ состояніемъ, до котораго доведены народныя массы, Грановскій горячо присталъ къ этому мнѣнію, находя въ немъ разгадку многихъ излишествъ критика, который все-таки считалъ явленіемъ ненормальнымъ и печальнымъ. Споръ прекратился. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, очистивъ совѣсть и позволивъ всѣмъ возвратиться уже безъ всякихъ помѣхъ къ простымъ, дружескимъ и искреннимъ отношеніямъ.

Въ моемъ пониманіи этотъ споръ еще имѣлъ и другое значеніе. Это было первое крупное проявленіе мысли, давно уже таившейся въ умахъ, о необходимости болѣе разумныхъ отношеній къ простому народу, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ литературѣ и въ нѣкоторыхъ слояхъ мыслящаго класса людей. Лате-

ратура и образованные умы наши давно уже разстались съ представленіемъ народа, какъ личности, опредѣленной существовать безъ всякихъ гражданскихъ правъ и служить только чужимъ интересамъ, но они не разстались съ представленіемъ народа, какъ дикой массы, не имѣющей никакой идеи и никогда ничего не думавшей про себя. Споръ выразилъ собою переворотъ, совершившійся въ понятіяхъ одного отдѣла западниковъ относительно способовъ судить и оцѣнить домашнюю культуру и нравственную фязіономію толпы.

Года два-три передъ тѣмъ никому изъ западной партіи и въ голову не приходило провѣрять самыя смѣлыя свои приговоры объ обычаяхъ, вѣрованіяхъ, моральныхъ свойствахъ народа, или заботиться объ основательности и справедливости своихъ воззрѣній на его бытъ, надежды и ожиданія. Все это было дѣломъ личнаго вкуса и всякому предоставлено было думать объ этихъ предметахъ, что угодно, безъ малѣйшей отвѣтственности за свои мнѣнія и за свою точку зрѣнія. Тонъ горделиваго, полу-барскаго и полу-педантическаго презрѣнія къ образу жизни и къ измышлениямъ темнаго, работающаго царства водворился незамѣтно въ средѣ образованныхъ круговъ. Особенно бросался онъ въ глаза у горячихъ энтузіастовъ и соборниковъ ученія о личной энергіи, личной инициативѣ, которыхъ они не усматривали въ русскомъ мірѣ. По часту отзывмы ихъ объ этомъ мірѣ смахивали на чванство выходца или разбогатѣвшаго откупщика передъ менѣе счастливыми товарищами. *Кичливость образованности* омрачала иногда самыя солидные умы въ то время и была по преимуществу темной стороною нашего западничества. Оно же—западничество это—и положило предѣлъ подобному извращенному при мнѣнію его началъ къ жизни. Споръ, изложенный выше, былъ результатомъ давнишняго желанія одного отдѣла нашихъ западниковъ заявить формальный протестъ противъ легкомысленнаго трактованія вопросовъ народной жизни, каковымъ погрѣшали нѣкоторые ряды его собственной партіи. Можетъ быть, никто не принялъ такъ горячо къ сердцу ново-возникшаго вопроса о самобытномъ мышленіи темныхъ людей, какъ одинъ изъ надежнѣйшихъ и горячихъ друзей круга, именно Е. Д. Кавелинъ, человѣкъ, внесшій обыкновенно страстное одушевленіе во всѣ свои какъ научныя, такъ и житейскія убѣжденія. Привычка къ высокоумному обращенію съ народомъ была такъ обща, что его тронуты были даже и люди, оказавшіеся впоследствии самыми горячими адвокатами его интересовъ и правъ. Уже гораздо позднѣе и въ Петербургѣ, куда онъ перѣхалъ и гдѣ приходилось

всего болѣе расчищать дорогу благорасположенному отношенію ко всѣмъ видамъ народнаго творчества, — пропаганда Кавелина не умолкала вплоть до конца 50-хъ годовъ. Здѣсь вѣсти сказать еще, что человекъ, тоже не мало содѣйствовавшій къ измѣненію способа относиться къ народу и представлять себѣ его умственную жизнь, былъ столь много осмѣянный нѣкогда славянофилами Тургеневъ. Первые его рассказы изъ «Записокъ Охотника», явившіеся въ «Современникѣ» 1847 г., положили конецъ всякой возможности глумленія надъ народными массами. Но почва для «Записокъ Охотника» была уже подготовлена, и Тургеневъ выразилъ ясно и художественно сущность настроенія, которое уже носилось, такъ-сказать, въ воздухѣ.

XXVI.

Возвращаюсь къ Соколову. Въ средніе лѣта подмосковное село это образовало нѣчто въ родѣ подвижного конгресса изъ безпрестанно наѣзжавшихъ и пропадавшихъ литераторовъ, профессоровъ, артистовъ, знакомыхъ, которые видимо всѣ имѣли цѣлью перекинуться идеями и извѣстіями другъ съ другомъ. Хозяева жили въ страшномъ многолюдствѣ и повидимому не имѣли времени сосредоточиться на какомъ-либо своемъ собственномъ, специальномъ занятіи. Гости калейдоскопически смѣнялись гостями: тутъ, кромѣ Панаева, оставившаго и описаніе Соколовской жизни, промелькнули въ моихъ глазахъ Н. А. Некрасовъ, давно уже мнѣ знакомый и возбуждавшій тогда общій симпатическій интересъ своею судьбою и своею поэзіей, затѣмъ Ив. Вас. Павловъ, здѣсь впервые мною и встрѣченный, и поражавшій оригинальною грубостію своихъ приемовъ, подъ которыми таилось у него много мысли, наблюденія, юмора и т. д.; Евг. Фед. Коршъ, старшій Щепкинъ, молодой, рано умершій Засядко, начинающій живописецъ Горбуновъ, сдѣлавшій литографированную коллекцію портретовъ со всего кружка ¹⁾ — были постоянными

¹⁾ Я сохраняю его карикатурный листокъ, дѣланный карандашомъ и изображающій Г., Гравовскаго, Корша, Панаева, мою особу и др. въ нечистой бесѣдѣ, какія тогда часто бывали на обривѣ горы, въ садовомъ навильонѣ соколовскаго парка. Кругу, собиравшемуся въ Соколовѣ, недоставало двухъ весьма крупныхъ членовъ его, В. П. Боткина и О. Оба они жили за-границей, въ Парижѣ, и первый, по рассказамъ Панаева, тоже недавно возвратившагося оттуда, усиленно старался офранцузить себя въ языкѣ, образѣ жизни, нравахъ, и уже отличался яркой ненавистью къ старому своему идолу—идеализму. Второй философски расстреливалъ

посѣтителями Соколова. Совѣмъ не правдою жили и хозяева дачи въ этомъ водоворотѣ гостей и наѣзжихъ со всѣхъ сторонъ, какъ могло показаться съ начала. Такъ, Г. печаталъ и продолжалъ свои письма объ изученіи природы; Грановскій приготовлялся къ новой, второй серіи публичныхъ своихъ лекцій; Кетчеръ переводилъ Шекспира упорно. Иногда онъ на цѣлые дни пропадалъ изъ Соколова, въ грязной, сѣрой блузѣ, и захвативъ только съ собою кусокъ хлѣба. Онъ тогда бродилъ по лѣсамъ, окружавшимъ Москву, и однажды встрѣчилъ тамъ истощеннаго бѣглаго солдата, съ пораненой ногой, который не очень дружелюбно посмотрѣлъ на него. Кетчеръ вынулъ у него занозу изъ ноги, перевязалъ рану и отдалъ ему свой кусокъ хлѣба. Когда туземное и пришлое населеніе Соколова собиралось въ сходку, на какомъ-либо изъ его форумовъ (кромѣ многлюдныхъ обѣдовъ Соколова, такимъ форумомъ служила еще и круглая площадка въ глубинѣ парка, обнесенная великолѣпными липами), то разговоры, пренія, рассказы, происходившіе на этихъ форумахъ, отражая все многообразіе характеровъ, умовъ и настроеній, носили еще одинъ общій тонъ, который и былъ господствующимъ тономъ всѣхъ бесѣдъ этой эпохи.

Политическихъ разговоровъ, въ прямомъ смыслѣ слова, на этихъ импровизированныхъ академіяхъ, почти никогда не происходило. Тогдашняя публичная жизнь снабжала только людей юмористическими анекдотами и показывала ничего болѣе не давала. Собственно же основные принципы, управлявшие обществомъ — вовсе и не затрагивались. Разсуждать о нихъ считалось дѣломъ празднымъ, и говорить о нихъ начинали тогда, когда въ примѣненіи своемъ они достигали или комическаго, или трагическаго абсурда. До тѣхъ поръ это были явленія для всѣхъ, давно отпѣтыя и похороненныя. Вспоминали о нихъ особенно, когда настояла

остатки своего, нѣкогда громаднаго, состоянія и очень солиднаго здоровья. Впрочемъ, скандальныя анекдоты Панаева объ обоихъ не много передавали ихъ нравственное содержаніе, потому что первый, Боткинъ, съѣздивъ въ Испанію, подарилъ русскую публику замѣчательно-умнымъ и картиннымъ описаніемъ страны, а второй, О., возвратясь на родину въ 1848, производилъ такое сильное обалтѣніе своей поэтической личностью, что сдѣлался почти чѣмъ-то въ родѣ директора совѣсти — *directeur de conscience* — въ двухъ семьяхъ — у Г. и у Н. А. Тучкова. Дамы обоихъ семей увлекались написанными имъ тогда поэтически-философскими и социальнo-скорбными стихотвореніями „Монологи“ — да и мужская половина семей, какъ оказалось впоследствии, подпадала вліянію поэта не менѣе женской. Тайна этого обалтѣнія заключалась въ какой-то апатической, гнѣвной нервозности характера, позволившей О. постепенно достигать крайнихъ границъ, какъ въ жизни, такъ и въ мысли, и уживаться, страдая, со всѣми самыми невозможными положеніями, легко, какъ у себя дома.

надобность ускользнуть изъ когтей того или другого изъ мертвецовъ, ходившихъ по землѣ, и пускавшагося неожиданно преслѣдовать живыхъ людей. Взамѣнъ, на первомъ планѣ стояли европейскія дѣла, ученія, открытія: они и составляли господствующую ноту въ разговорахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проходила еще другая красная нитка черезъ всю многообразную сѣть уворовъ свободной бесѣды въ Соколовѣ. Она-то и давала предчувствіе объ общемъ происхожденіи и родствѣ всѣхъ мнѣній и мыслей, тамъ высказывавшихся, несмотря на частую ихъ противоположность. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ Соколовѣ не позволялось только одного — быть ограниченнымъ человекомъ. Не то, чтобъ тамъ требовались непременно эффектные рѣчи и блестяски блестящихъ способностей вообще — наоборотъ, труженники, поглощенные исключительно своими спеціальными занятіями чествовались тамъ очень высоко — но необходимъ былъ извѣстный уровень мысли и нѣкоторое достоинство характера. Воспитанію мысли и характера въ людяхъ и посвящены были всѣ бесѣды круга, о чемъ бы они въ сущности ни шли, что и давало имъ ту однообразную окраску, о которой говорено. Еще одна особенность: кругъ берегъ себя отъ соприкосновенія съ нечистыми элементами, лежавшими въ сторонѣ отъ него, и приходилъ въ безпокойство при всякомъ, даже случайномъ и отдаленномъ, напоминаніи о нихъ. Онъ не удалялся отъ свѣта, но стоялъ особнякомъ отъ него — потому и обращалъ на себя вниманіе, но вслѣдствіе именно этого положенія въ средѣ его развилась особенная чуткость ко всему искусственному, фальшивому. Всякое проявленіе сомнительнаго чувства, лукаваго слова, пустой фразы, кривого завіренія угадывались имъ тотчасъ и вездѣ, гдѣ появлялись, вызывали бурю насмѣшекъ, ироніи, беспощадныхъ обличеній. Соколово не отставало въ этомъ отношеніи отъ общаго правила. Вообще говоря, кругъ этотъ, важнѣйшіе представители котораго на время собрались теперь въ Соколовѣ, походилъ на рыцарское братство, на воюющій орденъ, который не имѣлъ никакого письменнаго устава, но зналъ всѣхъ своихъ членовъ, разсѣянныхъ по лицу пространной земли нашей, и который все-таки стоялъ, по какому-то соглашенію, нигѣмъ въ сущности не возбужденному — вопрекъ всего теченія современной ему жизни, мѣшая ей вполнѣ разгуляться, ненавидимый одними и страстно любимый другими.

XXVII.

Исторія послѣдовавшихъ вскорѣ внутреннихъ разногласій «западной» партіи достойна не менѣе вниманія, чѣмъ и исторія ея возникновенія и вліянія въ обществѣ. За протестомъ московскихъ друзей противъ исключительнаго европеизма Бѣлинскаго послѣдовалъ расколъ въ самомъ московскомъ отдѣлѣ западниковъ. Оба главнѣйшіе его представителя, Г. и Грановскій, разошлись по вопросамъ, возникшимъ въ концѣ-концовъ на почвѣ той самой западной цивилизаціи, явленіями которой они такъ занимались. Толчокъ къ новому подраздѣленію партіи дали уже идеи социализма и связанный съ ними переворотъ въ способѣ относиться къ метафизическимъ представленіямъ. Самые первые проблески этого разногласія между друзьями оказались опять въ Соколовѣ, хотя разгаръ спора, со всѣми его послѣдствіями, относится уже къ слѣдующему, 1846 году. Позволяю себѣ остановиться теперь же на этой подробности, которая, въ различныхъ видахъ и формахъ, повторялась и во многихъ другихъ кружкахъ и отдѣлахъ нашего «западничества».

Кому невѣстно, что собственно *русскій* социализмъ, или то, что можно назвать народными экономическими представленіями, заключался въ очень ясныхъ и узкихъ границахъ, состоя изъ ученія объ общинномъ и артельномъ началахъ, т.-е. изъ ученія о владѣніи и пользованіи сообща орудіями производства. Въ этомъ скромномъ, ограниченномъ видѣ, даніемъ всей нашей исторіей, *русскій* социализмъ и былъ поставленъ впервые на видъ славянофилами, съ прибавкой однакожь, что онъ можетъ служить не только образцомъ экономическаго устройства для всякой сельской и ремесленной промышленности, но и примѣромъ сочетанія христіанской идеи съ потребностями внѣшняго, матеріальнаго существованія. На эту-то прибавку именно западники наши и не согласились: они отвергали ее самымъ положительнымъ образомъ, признавая, что русская община спасаетъ интересы народа въ настоящую минуту и даетъ ему средство бороться съ несчастными обстоятельствами, его окружающими, но за общиннымъ владѣніемъ они не признавали никакого всесвітнаго экономическаго принципа, который могъ бы быть годенъ для всякаго хозяйства. Временное значеніе артели и общины западники подтверждали примѣромъ точно такихъ же установленій, явившихся у всѣхъ первобытныхъ народовъ, и думали, что съ развитіемъ свободы и благосостоянія русскій народъ и самъ покинетъ эту

форму труда и общегитія. Убѣжденія эти принадлежали и современной имъ политико-экономической наукѣ, которая, вмѣстѣ съ ними, признавала общинный порядокъ производства цѣнностей и равномернаго распредѣленія земли и орудій труда не болѣе какъ мѣропріятіемъ противъ голода со стороны нищенствующаго, младенчествующаго народнаго быта, и не позволяла питать никакихъ надеждъ на пріобрѣтеніе имъ въ будущемъ какого-либо политическаго или экономическаго значенія. Въ такомъ видѣ представлялся западникамъ «русскій социализмъ». Совсѣмъ въ другой формѣ явился передъ ними новый «европейскій социализмъ». Начать съ того, что онъ отвергивалъ блестящія перспективы во всѣ стороны и развѣтывалъ передъ глазами лучезарную, фантастически-освѣщенную даль, которой и границъ не было видно. Какъ уже было сказано, европейскія социальныя теоріи изучались тогда очень прилежно, но изъ самыхъ теорій этихъ получались только, болѣе или менѣе хорошо связанныя и размѣщенные, коллѣкціи неожиданныхъ, изумляющихъ и подавляющихъ афоризмовъ. Европейскій социализмъ того времени не стоялъ еще на практической и научной почвѣ, а только разрабатывалъ покамѣстъ нѣчто въ родѣ «видѣній» изъ будущаго строя общественной жизни, которую онъ самъ рисовалъ по своему произволу. Существенной частію его содержанія была ожесточенная критика всѣхъ экономическихъ уставовъ и дѣйствующихъ религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій, которая служила ему способомъ очистить самому себѣ мѣсто въ умахъ: она и давала ему сильно-намѣченный, боевой характеръ. И въ какихъ энергическихъ словахъ выразился этотъ характеръ! Уже не говоря о пресловутомъ восклицаніи Прудона—*la propriété c'est le vol*, —о не менѣе знаменитомъ изреченіи портного Вейтлинга—«намъ предоставленъ только одинъ видъ свободнаго труда—грабежъ»,—сколько было еще другихъ, тоже ослѣпляющихъ и оглушающихъ тезисовъ тогдашняго молодого социализма, надъ которыми приходилось работать его неофитамъ: «Торговля и сословіе купцовъ, ею созданное, не что иное, какъ паразиты въ экономической жизни народовъ»;—«результаты коллективнаго труда рабочихъ достаются даромъ патрону, который всегда оплачиваетъ только единичный трудъ»;—«правильная ассоціація распредѣляетъ работу по силамъ каждаго, а вознагражденіе по нуждамъ его»;—«способности рабочаго не даютъ ему права на большую долю вознагражденія, будучи сами даромъ случая»;—«искусство и таланты суть уродливости нравственнаго міра, схожія съ уродливостями физическими, и никакой оцѣнки и оплаты не заслуживаютъ».

вають»;— «рабочій имѣетъ такое же право на произведенную имъ цѣнность, какъ и заказчикъ ея»;— «цивилизация Европы есть прямое порожденіе праздныхъ ея сословій» — и такъ далѣе, и такъ далѣе. Я привелъ здѣсь только тезисы и положенія новаго социализма, какія попали подъ перо, но ихъ было множество, и всѣ они раздражали воображеніе гораздо болѣе, чѣмъ цѣлыя системы этого же направленія, въ родѣ системъ Сентъ-Симона или Фурье, такъ какъ у перваго іерархическій характеръ ученія, а у втораго искусственная гармонія темпераментовъ и психическихъ серій — возбуждали многими своими сторонами недоумѣніе и юморъ. При афоризмахъ же и тезисахъ «воюющаго» социализма — наоборотъ — никто и не представлялъ требованій на очевидность и убѣдительность доказательствъ. Сила этихъ громоносныхъ положеній заключалась не въ ихъ логической неотразимости, не во внутренней ихъ правдѣ, а въ томъ, что они возвѣщали какой-то новый порядокъ дѣлъ и какъ будто бросали полосы свѣта въ темную даль будущаго, отрывая тамъ неизвѣстныя, счастливыя области труда и наслажденія, о которыхъ всякій судилъ по впечатлѣнію, полученному въ короткое мгновеніе той или другой изъ подобныхъ вспышекъ. Эти *прозрѣнія* въ будущее, однакожъ, дѣйствовали чрезвычайно различно на людей самаго круга. Грановскій, напримѣръ, нисколько не обольщался ими.

Признавая европейскій социализмъ явленіемъ, которое уже не можетъ быть оставлено безъ вниманія ни историкомъ, ни вообще мыслящимъ человекомъ, онъ смотрѣлъ на него, какъ на болѣзнь вѣка, тѣмъ болѣе опасную, что она не ждетъ и не ищетъ помощи ни откуда. «Социализмъ,—говорилъ онъ,—чрезвычайно вреденъ тѣмъ, что приучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя, и ее подрываетъ». Иначе отнеслись въ нему Г. и Бѣлинскій.

Воинственные манифесты социализма, возвѣщавшіе истребительный походъ его на европейскую цивилизацію, не приводили ихъ въ ужасъ. Конечно, ни у того, ни у другаго, не было и помина объ усвоеніи всѣхъ его предписаній или о превращеніи всѣхъ его претензій въ догматы собственной своей «вѣры» (это было бы и нецѣпо въ ихъ обстановкѣ). Многіе изъ нивелирующихъ декретовъ социализма даже казались и имъ юношескими вспышками, но они смотрѣли гораздо бодрѣе, хладнокровнѣе, и спокойнѣе, чѣмъ Грановскій, на участь современной образованности, если бы она и должна была потерпѣть нѣкоторый ущербъ. А въ томъ, что образованности этой предстоитъ не

малое испытаніе — уже никто не сомнѣвался: тогда во всей Европѣ думали, что съ социализмомъ надвинется на нее свирѣпый ураганъ, долженствующій потрясти всѣ такъ долго и такъ трудно нажитыя ею вѣрованія, убѣжденія, привычки, мысли и историческія основы. Разница въ способахъ относиться къ этимъ предчувствіямъ переворота именно и образовала ту *рознь* въ московскомъ кружкѣ, о которой теперь говоримъ. Г. былъ заодно съ Бѣлинскимъ, и они оба смотрѣли прямо и открыто въ лицо всѣмъ симптомамъ разложенія, грозившимъ, по ихъ мнѣнію, Европѣ со стороны социализма, не призывая, но и не ужасаясь развалинъ, которыя онъ долженъ произвести. Они думали, что изъ пепла старой цивилизаціи Европы возникнетъ фениксъ — новый порядокъ вещей, какъ вѣнецъ и послѣднее слово ея тысячелѣтнаго развитія.

Всѣ предчувствія переворота, напротивъ, тревожили Грановскаго въ высшей степени, и самый переворотъ, какъ онъ представлялся его уму, не вызывалъ у него ни малѣйшей симпатіи, никакихъ радужныхъ надеждъ или ожиданій. Разногласіе между друзьями было, какъ видимъ, совершенно невиннаго характера, не имѣя въ основаніи своемъ ничего, кромѣ предположеній и гаданій, но оно сопровождалось еще ироніями и диспутами, обнаруживавшими взгляды сторонъ и на другіе предметы нравственнаго характера. Разъ затянувшись, споръ уже поддерживался множествомъ горячихъ элементовъ, прибывавшихъ къ нему со стороны, изъ ученыхъ и другихъ явленій тогдашней жизни.

Однимъ изъ такихъ горячихъ матеріаловъ должно считать, между прочимъ, хорошо извѣстную книгу Фейербаха, которая находилась тогда во всѣхъ рукахъ. Можно сказать, что нигдѣ книга Фейербаха не произвела такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ въ нашемъ «западномъ» кругѣ, нигдѣ такъ быстро не упразднила остатки всѣхъ прежнихъ, предшествовавшихъ ей, совершеній. Г., разумѣется, явился горячимъ истолкователемъ ея положеній и заключеній, связывая, между прочимъ, открытый ею переворотъ въ области метафизическихъ идей съ политическимъ переворотомъ, который возвѣщали социалисты, въ чемъ Г. опять сходилъ съ Бѣлинскимъ ¹⁾. Но Грановскій съ горечью

¹⁾ Кстати замѣтить еще фактъ. Для Бѣлинскаго собственно былъ сдѣланъ въ Петербургѣ, однимъ изъ пріятелей, переводъ нѣсколькихъ главъ и важнѣйшихъ мѣстъ изъ книги Фейербаха — и онъ могъ, такъ-сказать, осязательно познакомиться съ процессомъ критики, опрокидывавшей его старыя мистическія и философіе

въ душѣ, уже тронутой сомнѣніями, отбивался отъ того послѣдняго слова, которое требовали у него друзья по поводу всѣхъ подобныхъ явленій и не говорилъ его, силясь сохранить подъ собою историческую, конкретную основу существованія, подмываемую со всѣхъ сторонъ. Онъ начиналъ расходиться съ собственнымъ кругомъ, съ тѣмъ кругомъ, въ которомъ, по собственнымъ словамъ его, заложены были цѣликомъ его сердце и вся нравственная часть его существованія. Охлажденіе и разногласіе между друзьями уже существовало втайнѣ прежде, чѣмъ вышло наружу. Уже въ Соболевѣ, Грановскій сказалъ разъ при мнѣ, путя отпрашиваясь у общества въ Москву для свиданія съ другими пріятелями, тамъ оставшимися и преимущественно съ домомъ Елагинныхъ: «Мнѣ это нужно, чтобы не совсѣмъ заглубѣть между вами—вотъ вы вѣдь успѣли уже лишить меня безсмертія души». Слова эти, несмотря на шуточный ихъ характеръ, поразили меня тогда же, какъ разоблаченіе. Черезъ годъ, именно въ 1846 г., рѣшеніе Грановскаго было принято окончательно. Г. рассказываетъ въ своихъ «Запискахъ», что Грановскій однажды положительно объявилъ ему, послѣ какого-то горячаго пренія между ними, что онъ, Грановскій, не можетъ дальше идти съ прежними своими товарищами въ томъ направленіи, какое все болѣе и болѣе усвоится ими, и изъ котораго онъ не видитъ никакого разумнаго выхода; что онъ принужденъ, съ болью въ душѣ, выдѣлиться изъ дорогого ему круга, по многимъ религіознымъ, нравственнымъ и историческимъ вопросамъ, и заявить это твердо и искренно. Г. былъ пораженъ: онъ терялъ друга—и какого друга!—своей молодости, да и видѣлъ еще, съ какой глубокой печалью на лицѣ и какимъ голосомъ Грановскій представилъ свой ультиматумъ! Изумленный и растерянный, Г. обратился тогда же за разъясненіемъ дѣла, а если можно то и за посредничествомъ, къ Е. О. Коршу, но онъ встрѣтилъ у него уклончивый отвѣтъ, который показывалъ, что не всѣ члены круга расположены смотрѣть на заявленіе Грановскаго, какъ на минутную или капризную вспышку. Евг. Коршъ не одобрялъ крутой постановки вопроса, какую сдѣлалъ Грановскій, но изъ объясненій его можно было догадаться, что самъ Коршъ признавалъ однако основательность поводовъ, которые понудили Грановскаго къ его заявленію. Разрывъ пріобрѣталъ значеніе несомнѣннаго

идеи. Нужно ли прибавлять, что Вѣлиинскій былъ пораженъ и оглушенъ до того, что оставался совершенно нѣмъ передъ нею и утералъ способность предъявлять какіе-либо вопросы отъ себя, чѣмъ всегда такъ отличался.

факта и требовалъ, подобно перелому кости въ организмѣ, наложенія на первыхъ порахъ перевязки и предоставленія затѣмъ живительному дѣйствію времени — произвести срастаніе члена. Такъ и было сдѣлано. Полнаго, совершеннаго исцѣленія однако же не послѣдовало между надломленными членами дружбы. А, между тѣмъ, я былъ свидѣтелемъ, что до конца жизни ни Грановскій, ни Г., ни Бѣлинскій, не могли говорить другъ о другѣ безъ умиленія и глубокаго сердечнаго чувства.

XXVIII.

Что же дѣлалъ Бѣлинскій за все это время? Въ концѣ лѣта этого года (1845) Бѣлинскій жилъ на дачѣ, на Парголовской дорогѣ, противъ сосноваго лѣса, окружавшаго озеро Парголовское. Мы туда и ушли съ Бѣлинскимъ, когда, по прибытіи въ Петербургъ, я пріѣхалъ навѣстить его и переговорить о всемъ, что видѣлъ за лѣто. Я ему передалъ подробности впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ пребыванія въ Соколовѣ. Онъ выслушалъ внимательно мое сочувственное описаніе тамошнихъ дѣлъ и словъ, и промолвилъ: «Да, московскій человѣкъ — превосходный человѣкъ, но кромѣ этого онъ, кажется, ничѣмъ болѣе не сдѣлается».

Бѣлинскій оставался теперь почти одинъ со знаменемъ и девизомъ непримиримой вражды. Онъ считалъ своей обязанностью еще выше держать это знамя на показъ съ тѣхъ поръ, какъ ряды его защитниковъ стали разстроиваться. Не безъ огорченія смотрѣлъ Бѣлинскій на сближеніе враждебныхъ партій въ Москвѣ, — сближеніе, которое сдѣлалось возможнымъ, какъ онъ думалъ, только потому, что одна партія не вполнѣ договаривала свою мысль и не вполнѣ обнаруживала свои конечныя цѣли, а другая — западническая, непомѣрно обрадовалась сочувственному слову и съ закрытыми глазами предавалась обычному своему наслажденію — кидаться на шею врагамъ и поскорѣе сажать ихъ за одинъ столъ съ собою. Причины разладицы увеличивались все болѣе и болѣе между друзьями: въ борьбѣ съ славянофилами, Бѣлинскому приходилось задѣвать и всѣхъ ихъ союзниковъ, старыхъ и новыхъ. Недоразумѣнія копились поэтому въ лагерѣ западниковъ почти при всякомъ обмѣнѣ мыслей между старыми друзьями. Сбереглась въ цѣлости только одна черта въ ихъ обычныхъ сношеніяхъ. Друзья не скупились на взаимныя обличенія и жестокіе упреки, когда стояли лицомъ другъ къ другу, и обращались тотъ

часть же въ прежнихъ друзей и вѣрныхъ товарищей, когда замолкали или расходились по домамъ. Беречь свои симпатіи, нажитыя въ теченіи долгаго времени, становилось тогда для всѣхъ необходимою, нисколько не мѣшавшею каждому настаивать на своихъ убѣжденіяхъ и ихъ проводить въ свѣтъ.

Бѣлинскій приступилъ тотчасъ же, съ обычной своей страстностью и искренностью, къ опредѣленію и уясненію пунктовъ разногласія, образовавшихся между московскими и петербургскими западниками. Прежде всего, онъ отнесся скептически и насмѣшливо къ серьезнымъ минамъ, съ которыми ученые въ Москвѣ разбираютъ вопросы русской жизни, перенося ихъ на почву науки, философіи, философствующей исторіи и проч. По его мнѣнію, вопросы эти не нуждаются въ такой пышной обстановкѣ и могутъ разрѣшиться очень простыми, не хитрыми и не мудреными мѣрами и принципами, доступными каждому, самому простому пониманію. Такъ же точно и по отношенію литературы къ образованнымъ классамъ общества Бѣлинскій думалъ, что послѣдніе нуждаются скорѣе въ правильномъ устройствѣ ихъ образа мыслей, чѣмъ въ знаніи послѣднихъ результатовъ европейской науки. Первое наглядное приложеніе этой системы отрицанія дальнихъ разъясненій и глубокомысленныхъ упражненій въ сферѣ идей, Бѣлинскій сдѣлалъ тотчасъ же на письмахъ Г. объ изученіи природы, которыя стали появляться тогда же въ «Отечественныхъ Запискахъ». Онъ признавалъ, что какъ положенія, такъ и цѣли этихъ чрезвычайно умныхъ статей въ высшей степени важны, но не признавалъ возможности извлечь изъ отгоровеній естествознанія моральныхъ и воспитательныхъ указаній, нужныхъ особенно для русскихъ читателей, большинство которыхъ еще не обзавелось органомъ для пониманія первыхъ нравственныхъ началъ: «И какимъ отвлеченнымъ, почти тарабарскимъ языкомъ написаны эти статьи, — говорилъ Бѣлинскій, — точно Г. составилъ ихъ для своего удовольствія. Если я могъ понять въ нихъ что-нибудь, такъ это потому, что имѣю за собой десятокъ несчастныхъ лѣтъ колобродства по нѣмецкой философіи, — но не всякій обязанъ обладать такимъ преимуществомъ!»

Несомнѣнно, что въ такихъ и имъ подобныхъ заявленіяхъ Бѣлинскаго скрывалось желаніе имѣть дѣло съ общественной литературой, занимающеюся насущными вопросами дня, съ популярнымъ изложеніемъ научныхъ и моральныхъ истинъ (онъ вздыхалъ по литературѣ этого рода и въ одномъ изъ тогдашнихъ своихъ годовичныхъ обзорнѣй словесности), но все-таки основанія

его приговора казались очень жесткими. Они лишали интеллигентныхъ людей эпохи послѣдняго убѣжища отъ пустоты жизни, какое они еще находили въ наукѣ и въ отвлеченной постановкѣ вопросовъ. Они отнимали единственную арену, на которой дозволялось проявленіе мысли. Способствовать уничтоженію этой арены или умаленію ея значенія въ публикѣ, значило просто, по мнѣнію противниковъ Бѣлинскаго, играть за-одно и въ руку съ обскурантами. Въ Москвѣ смотрѣли на эту оппозицію Бѣлинскаго эрудиціи и чистому мышленію, какъ на громадную ошибку увлекающагося критика и, въдобавокъ, какъ на плохой расчетъ. Нельзя впадать, — говорили тамъ, популярную пропаганду науки, закрывая или подрывая настоящіе источники самой науки, принуждая или отстраняя ея дѣятелей и замѣщая нынѣшнія условія умственной жизни одними упреками, страстными призывами и пожеланіями лучшаго, тщета которымъ должна быть ясна самому вспыльчивому критику еще болѣе, чѣмъ кому-либо иному. Такъ расходились московскіе западники все далѣе и далѣе отъ центра западничества, образованнаго Бѣлинскимъ въ Петербургѣ.

Помню любопытную сцену, приходящуюся къ этому же времени: я былъ случайнымъ свидѣтелемъ ея. П. Н. Кудрявцевъ, проѣзжая въ Берлинъ, куда посланъ для окончанія своего профессорскаго образованія, посѣтилъ, разумеется, въ Петербургѣ Бѣлинскаго, этого пріятеля молодыхъ своихъ годовъ, который въ авторѣ «Флейты» находилъ когда-то идеалъ природнаго эстетическаго вкуса и пониманія. Но встрѣча ихъ теперь оказалась въ высшей степени сдержанной, холодной и напряженной — и, конечно, по ней трудно было бы догадаться о родственныхъ связяхъ, нѣкогда существовавшихъ между этими людьми. Кудрявцевъ являлся точнымъ представителемъ московскаго взгляда на теперешнюю дѣятельность петербургскаго критика, и весь ходъ разговора, завязавшагося между старыми друзьями, ясно показывалъ, что тутъ лежитъ, въ скрытой формѣ, довольно сильно назрѣвшій раздоръ. Какъ теперь смотрю на высокую фигуру П. Н. Кудрявцева, въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми металлическими пуговицами: онъ опрокинулся на кресло въ пріемной-столовой Бѣлинскаго и останавливалъ порывы своего собесѣдника отрывочными, холодными фразами, которыя, будучи сказаны обычнымъ глухимъ голосомъ его и при каменномъ выраженіи на его лицѣ, падали, какъ судейскіе приговоры. Бѣлинскій выбралъ опять статьи Г. для того, чтобы черезъ нихъ переслать упреки московскимъ людямъ за ихъ абстрактныя отношенія и къ жизни, и къ

наукѣ. Кудрявцевъ отвѣчалъ коротко: «Безъ абстракцій нельзя обойтись при многихъ научныхъ вопросахъ — за это надо сердиться на логическую необходимость, а не на людей». Напрасно Бѣлинскій старался развить мысль о необходимости предпочтенія тѣхъ научныхъ положеній, которыя наиболѣе приложимы къ современному быту, и о необходимости трактованія этихъ положеній наиболѣе понятнымъ для читателей образомъ, — Кудрявцевъ отвѣчалъ: «Что за іерархія такая въ наукахъ? Отвлеченныя науки такъ же необходимы, какъ и политическія, и другъ другу помогаютъ. Почему не заниматься тѣми, съ которыми болѣе знакомъ, и въ формѣ, которая болѣе сподручна?» Въ такомъ тонѣ шла бесѣда нѣкоторое время. Весь пылъ Бѣлинскаго, однако, не могъ долго выдержать этого рѣшительнаго отвода всѣхъ его положеній, — отвода, повидимому, очень спокойнаго, но въ сущности — весьма гнѣвнаго и непріязненнаго. Бесѣда падала сама собой, и старые друзья хладнокровно разстались, обмѣниваясь самыми пошлыми вопросами на прощаніе, точно посторонніе. Устами Кудрявцева говорила извѣстная часть московскаго университета.

И тотъ же самый П. Н. Кудрявцевъ черезъ годъ, когда я посѣтилъ его уже въ Берлинѣ, при мнѣ очень сурово и рѣшительно остановилъ нѣкоего г. С—ва, ученика и поклонника Шеллинга, но только очень низкой пробы, когда тотъ вздумалъ, очертя голову, ругать Бѣлинскаго огуломъ. Надо знать, что С—въ предлогомъ для своихъ ругательствъ взялъ неблагопріятный отзывъ о Шеллингѣ гдѣ-то высказанный Бѣлинскимъ (кажется, въ статьѣ о «Тарантасѣ» графа Соллогуба), а самъ Кудрявцевъ въ то время состоялъ подъ неотразимымъ вліяніемъ Шеллинговой «Философіи Огровенія» и говорилъ о ней съ упоеніемъ, что не помѣшало ему, какъ сказано, круто отнять слово у своего единомышленника. Но такъ почти всегда дѣйствовали противники Бѣлинскаго, да и онъ самъ, принадлежавшіе къ особому, теперь уже вымершему, роду противниковъ.

Не болѣе алобы и ожесточенія сохранилъ и Г., знавшій отзывъ критика о его статьяхъ и упоминавшій объ этихъ отзывахъ потомъ не разъ. «Чудакъ этотъ, — говорилъ онъ, — изводитъ находитъ, что трудно выказать болѣе ума и дѣльнаго взгляда на предметъ въ болѣе темныхъ выраженіяхъ, но онъ забываетъ, что иначе никакого ума и взгляда на русскомъ языкѣ и показать нельзя». Впрочемъ, Г. скоро былъ съ избыткомъ вознагражденъ за строгіе приговоры критика. Вслѣдъ за письмами объ изученіи природы, появились въ «Отечествен. Запискахъ» первыя главы извѣстнаго романа Г., и авторъ имѣлъ тотчасъ же

удовольствіе видѣть, какъ внезапно перемѣнились всѣ отношенія Бѣлинскаго къ его авторской дѣятельности. Бѣлинскій пришелъ отъ начальныхъ главъ романа въ положительный восторгъ, который возрасталъ по мѣрѣ развитія повѣсти. Критикъ нашъ, конечно, не просмотрѣлъ романтическаго колорита, который положенъ былъ на главные дѣйствующія лица романа, но отношенія самого автора повѣсти къ своимъ лицамъ, горькая правда, съ которой онъ излагаетъ ихъ порывы и мечтанія, не исключаящая, впрочемъ, и глубокаго сочувствія къ нимъ, а наконецъ — картина поучительной житейской драмы, возникающая изъ фальшивыхъ общественныхъ ихъ положеній, — все это поразило критика, почти какъ неожиданность. Онъ многого ожидалъ отъ лучезарнаго ума Г., но такого мастерства «сочиненія» не ожидалъ. «Вотъ гдѣ его сила, — говорилъ онъ, — вотъ гдѣ онъ на-просторѣ, и вотъ какая арена ему открылась для богатырскихъ литературныхъ упражненій, къ которымъ онъ склоненъ». Г. былъ тронутъ этимъ неожиданнымъ успѣхомъ своего романа, переломившимъ сухое настроеніе критика. «Виссаріонъ Григорьевичъ, — замѣчалъ онъ потомъ шутя, но очень довольный приговоромъ, — гораздо болѣе любить наши сказочки, чѣмъ наши трактаты, да онъ и правъ. Въ трактатахъ мы безпрестанно переодѣваемся отъ надзора и раскланиваемся любезно съ каждымъ буточникомъ, а въ сказкѣ ходимъ гордо, и никого знать не хотимъ, потому что въ карманѣ плакатный билетъ имѣемъ: чинить ей пропуски, давать ночлеги и кормежные». Г. подтвердилъ свое воззрѣніе на «сказку», да оправдалъ и пророчество Бѣлинскаго, напечатавъ въ 1847 г. («Современникъ», 1847 года) такъ-называемыя «Записки» и т. д. (о душевныхъ болѣзняхъ вообще, и проч.). Это была тоже сказка, но — сказка, захватывавшая глубокіе психологическіе и соціальные вопросы.

Была, однако-жъ, и еще причина для этихъ симпатическихъ изліяній Бѣлинскаго, кромѣ той, которая порождалась самымъ литературнымъ достоинствомъ произведенія Г.: Бѣлинскій склонялся все болѣе къ признанію важнаго значенія, такъ-называемой, беллетристики, разнообразной, умной, цѣпкой беллетристики, которая существуетъ во всѣхъ странахъ Европы, образуя въ нихъ такой же существенный элементъ общественнаго развитія, какъ и художественныя произведенія, и часто служа пособіемъ для ихъ пониманія. Со стороны Бѣлинскаго этотъ ввѣдъ новаго дѣятеля въ область искусства и это снабженіе его патентомъ на право гражданства въ ней не было измѣной старымъ положеніямъ критика 1840—1845 гг., а только дополненіемъ ихъ.

«Великія, образцовыя произведенія искусства и науки,—говорилъ онъ,—были и останутся единственными пояснителями всѣхъ вопросовъ жизни, знанія и нравственности, но до появленія такихъ произведеній, заставляющихъ иногда ждать себя по-долгу, беллетристика — дѣло необходимое. Въ эти долгіе промежутки она предназначена занимать, питать и поддерживать умы, которые безъ нея обречены были бы на праздность или на повтореніе старыхъ образцовъ и преданій». Желать возникновенія беллетристики, не придавая ей значенія послѣдняго судьи всѣхъ современныхъ задачъ—значило для него только желать обмѣна идей и сбора необходимаго матеріала для разрѣшенія этихъ задачъ уже путемъ науки и творчества, когда наступитъ ихъ время. Зачатки такой беллетристики Бѣлинскій усмотрѣлъ именно въ вышеупомянутомъ романѣ Г., что однажды и высказалъ публично въ разборѣ его, не придавая ему художническаго значенія, но ставя его высоко, какъ произведеніе умнаго, наблюдательнаго и развитаго человѣка.

Какую скромную роль ни отводилъ еще Бѣлинскій беллетристикѣ вообще въ литературѣ, но ходатайство за нея и предъявленіе ея правъ на вниманіе—показались еще многимъ ересью. Ново и дико было то, что критикъ признавалъ учителями общества уже не одни гениальныя или очень крупныя таланты, какъ прежде, а и всю безымянную массу литераторовъ и дѣятелей, разрабатывающихъ вопросы жизни и времени, по мѣрѣ силъ своихъ и пониманія. Первая, усмотрѣвшая новое направленіе Бѣлинскаго, была, конечно, очень чуткая къ видоизмѣненіямъ его мысли—славянофильская партія. Она объявляла все ученіе о беллетристикѣ прославленіемъ публичной «болтовни», приниженіемъ серьезныхъ тружениковъ въ пользу «горлановъ». Мнѣ самому приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ — и не безвѣстныхъ — лицъ этой партіи замѣчаніе, что поставленіе беллетристики на одну доску съ поэтическимъ трудомъ похоже на оскорбленіе «святого духа».

Московскимъ умѣреннымъ западникамъ новая пропаганда Бѣлинскаго не показалась ни очень новой, ни такой страшной для дѣла образованія: они знали участіе беллетристики въ созданіи общаго умственнаго строя современной Европы. Притомъ же, внутри круга жило убѣжденіе, что нападки враговъ Бѣлинскаго порождены просто недоразумѣніемъ, у многихъ даже и сознательнымъ, ибо преслѣдователемъ художественности, чистаго творчества и серьезнаго труда нельзя было его и представить себѣ. И они были правы, какъ доказалъ восторгъ Бѣлинскаго

при появленіи въ томъ же 1845 году, еще въ рукописи, «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, которыхъ онъ считалъ, на первыхъ порахъ, замѣчательнымъ художническимъ произведеніемъ.

XXIX.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній Бѣлинскаго, передъ обѣдомъ, когда онъ отдыхалъ отъ утреннихъ писательскихъ работъ, я со двора дома увидѣлъ его у окна гостиной, съ большой тетрадью въ рукахъ и со всѣми признаками волненія на лицѣ. Онъ тоже замѣтилъ меня и проеричалъ: «Идите скорѣе, сообщу новость»... «Вотъ отъ этой самой рукописи,—продолжалъ онъ, поздоровавшись со мною,—которую вы видите, не могу оторваться второй день. Это—романъ начинающаго таланта: каковъ этотъ господинъ съ виду и каковъ объемъ его мысли—еще не знаю, а романъ отерываетъ такія тайны жизни и характеровъ на Руси, которыя до него и не снились никому. Подумайте, это первая попытка у насъ соціального романа и сдѣланная притомъ такъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно художники, т.-е. не подовѣвая и сами, что у нихъ выходитъ. Дѣло тутъ простое: нашлись добродушные чудачи, которые полагаютъ, что любить весь міръ есть необычайная пріятность и обязанность для каждого человѣка. Они ничего и понять не могутъ, когда колесо жизни со всѣми ея порядками, наѣхавъ на нихъ, дробитъ имъ молча члены и кости. Вотъ и все,—а какая драма, какіе типы! Да я и забылъ вамъ сказать, что художника зовутъ «Достоевскій», а образцы его мотивовъ представлю сейчасъ». И Бѣлинскій принялся съ необычайнымъ пафосомъ читать мѣста, наиболѣе поразившія его, сообщая имъ еще болѣшую окраску своей интонаціей и нервной передачей. Такъ встрѣтилъ онъ первое произведеніе нашего романиста ¹⁾.

И этимъ еще не кончилось. Бѣлинскій хотѣлъ сдѣлать для молодого автора то, что онъ дѣлалъ уже для многихъ другихъ, какъ, напримѣръ, для Кольцова и Некрасова, т.-е. высвободить его талантъ отъ резонёрскихъ наклонностей и сообщить ему

¹⁾ Во время вторичнаго моего отсутствія изъ Россіи, въ 1846 году, почти такое же настроеніе охватило Бѣлинскаго, какъ рассказывали мнѣ, и съ рукописью «Обновленная исторія» И. А. Гончарова—другимъ художественнымъ романомъ. Онъ съ перваго же раза предсказалъ обоимъ авторамъ большую литературную будущность, что было не трудно, но онъ еще предсказалъ, что потребуются имъ много усилій и много времени, прежде чѣмъ они наживутъ себѣ творческія идеи, достойныя ихъ таланта.

сильные, такъ-сказать, нервы и мускулы, которые помогли бы овладѣвать предметами прямо, съ-разу, не надрываясь въ попыткахъ, но тутъ критикъ встрѣтилъ уже рѣшительный отпоръ. Въ домѣ же Бѣлинскаго прочитанъ былъ новымъ писателемъ и второй его рассказъ: «Двойникъ»; это—сенсационное изображеніе лица, существованіе котораго проходитъ между двумя мірами—реальнымъ и фантастическимъ, не оставляя ему возможности окончательно пристроиться ни къ одному изъ нихъ. Бѣлинскому нравились и этотъ рассказъ по силѣ и полнотѣ разработки оригинально-странной тѣмы, но мнѣ, присутствовавшему тоже на этомъ чтеніи, показалось, что критикъ имѣетъ еще заднюю мысль, которую не считаетъ нужнымъ высказать тотчасъ же. Онъ безпрестанно обращалъ вниманіе Достоевскаго на необходимость *набить руку*, что называется, въ литературномъ дѣлѣ, приобрести способность легкой передачи своихъ мыслей, освободиться отъ затрудненій изложенія. Бѣлинскій, видимо, не могъ освоиться съ тогдашней, еще расплывчатой манерой рассказчика, возвращавшагося поминутно на старыя свои фразы, повторявшаго и повторявшаго ихъ до безконечности, и относилъ эту манеру къ неопытности молодого писателя, еще не успѣвагого одолѣть препятствій со стороны языка и формы. Но Бѣлинскій ошибся: онъ встрѣтилъ не новичка, а совсѣмъ уже сформировавшагося автора, обладающаго потому и закоренѣлыми привычками работы, несмотря на то, что онъ являлся, повидимому, съ первымъ своимъ произведеніемъ. Достоевскій выслушивалъ наставленія критика благосклонно и равнодушно. Внезапный успѣхъ, полученный его повѣстью, съ-разу оплодотворилъ въ немъ тѣ сѣмена и зародыши высокаго уваженія къ самому себѣ и высокаго понятія о себѣ, какія жили въ его душѣ. Успѣхъ этотъ болѣе чѣмъ освободилъ его отъ сомнѣній и колебаній, которыми сопровождаются обыкновенно первые шаги авторовъ: онъ еще принялъ его за вѣщій сонъ, пророчившій вѣнцы и капитолій, а когда рѣшено было напечатать «Бѣдные люди» въ альманахѣ Некрасова «Петербургскій Сборникъ» (1846), авторъ совершенно спокойно, и какъ условіе, слѣдующее ему по праву, потребовалъ, чтобъ его романъ былъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ статей книги особеннымъ типографскимъ знакомъ, напримѣръ—каймою. Романъ и былъ дѣйствительно обложенъ почетной каймою въ альманахѣ.

Впослѣдствіи изъ Достоевскаго вышелъ, какъ извѣстно, замѣчательный искатель рѣдкихъ, поражающихъ феноменовъ чело-вѣческаго мышленія и сознанія, который одинаково прослав-лялся вѣрностію, цѣнностію, интересомъ своихъ психическихъ

открытій—и количествомъ обманныхъ образовъ и выводовъ, полученныхъ путемъ того же самого тончайшаго хирургически-острого, такъ сказать, психическаго анализа, какой помогъ ему создать и всѣ наиболѣе яркіе его типы. Съ Бѣлинскимъ онъ вскорѣ разошелся—жизнь развела ихъ въ разныя стороны, хотя довольно долгое время взгляды и созерцаніе ихъ были одинаковы.

Я не успѣлъ еще сказать, что двѣ зимы 1844 и 45 гг.—Петербургъ видѣлъ въ стѣнахъ своихъ и постоянного своего антагониста Н. Кетчера. Н. Кетчеръ провелъ въ Петербургѣ эти зимы по служебнымъ дѣламъ своимъ и страшно скучалъ по родному своему городу, въ который и возвратился окончательно лѣтомъ 1845 г., гдѣ, какъ мы видѣли, я и засталъ его на дачѣ въ Соколовѣ. Въ Петербургѣ онъ занимался переводомъ съ нѣмецкаго какой-то терапевтической или фармацевтической книги, долженствовавшей служить руководствомъ для учебныхъ заведеній вѣдомства медицинскаго департамента, но поверхъ этой книги всегда лежали на письменномъ его столѣ томики Шекспира въ оригиналѣ и въ нѣмецкомъ текстѣ, и онъ свободно переходилъ отъ перевода учебной книги къ переложенію поэтическихъ созданій британскаго драматурга. Въ промежуткѣ между этими занятіями онъ посѣщалъ театръ и общество петербургскихъ актеровъ, которыхъ довольно своеобразно воспитывалъ, ругая почти все, что имъ нравилось и на что они возлагали большія надежды. Онъ иногда и собиралъ ихъ въ своей квартирѣ, на Владимірской. Тутъ я встрѣтилъ однажды и В. А. Каратыгина, бывшаго въ апогеѣ своей славы. Знаменитый трагикъ эпохи показался мнѣ нѣсколько нелѣпнымъ со своимъ громаднымъ ростомъ, густымъ и глухимъ басомъ, величавымъ видомъ и тупо-сдержаннымъ и значительнымъ словомъ. По бѣшенству жестовъ, изысканности позъ и утрировокъ выраженій онъ частенько бывалъ нелѣпъ и на сценѣ, но тутъ онъ выкупалъ эти недостатки инстинктивной отгадкой главной черты изображаемаго характера, проведеніемъ ея черезъ всю роль и передачей ея въ возможной яркости и рельефности, чѣмъ и достигалъ подъ-часъ замѣчательныхъ эффектовъ.

Пребываніе Кетчера ознаменовалось постоянными несогласными толками о различіи и противоположныхъ качествахъ обѣихъ нашихъ столицъ. Бѣлинскій, огорченный *сольками* партій въ Москвѣ, гремѣлъ противъ города, имѣющаго тлетворное вліяніе на самыхъ здравомыслящихъ людей, а Кетчеръ исполнялъ теперь роль адвоката Москвы, что было согласно съ обычаемъ, принятымъ въ кругѣ—всегда стоять за отсутствующихъ. Мы видѣли,

что лѣтомъ, возвратясь на свое родное пепелище, въ Москву, онъ оказался, наоборотъ, горячимъ защитникомъ петербургскихъ взглядовъ. Впрочемъ, въ спорахъ между друзьями не было ничего новаго, за исключеніемъ одной черты: тутъ препирались уже не представители двухъ враждебныхъ партій, а представители одной и той же дружеской партіи, что подтверждало ея распадѣніе. Обѣ столицы, Москва и Петербургъ, опять употреблены были въ дѣло, какъ прежде въ борьбѣ съ чистыми славянофилами,—для обозначенія духа и содержанія новыхъ отдѣловъ раздвоившейся партіи западничества. Москва и Петербургъ присуждены были, какъ и прежде, взимать на себя увлеченіе, страсти, гнѣвные всплески современниковъ и служить имъ орудіями борьбы. Петербургское «западничество» выражалось устами Бѣлинскаго: «Между питерцемъ и москвичемъ,—говорилъ Бѣлинскій, подразумевая уже однихъ западниковъ (я сохраняю здѣсь смыслъ рѣчей его, но не самую форму ихъ),—никакой общности взглядовъ долго существовать не можетъ: первый—*сухой* человѣкъ по натурѣ, а второй—*слезный* во всѣхъ своихъ словахъ и мысляхъ. У нихъ различныя роли, они только мѣшajúть и гадаютъ другъ другу, когда сойдутся». Этотъ афоризмъ я передалъ почти буквально, потому что часто слышалъ его отъ Бѣлинскаго. Затѣмъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, если позволительно мечтать о появленіи у насъ большой литературной и общественной партіи когда-либо, то ее слѣдуетъ ожидать только изъ Петербурга, потому что единственно въ Петербургѣ люди знаютъ истинную цѣну вещей, словъ и поступковъ, а затѣмъ еще и потому, что единственно въ Петербургѣ люди ничѣмъ не обольщаются, и принимаютъ, безъ благодарности и умиленія, всякіе подарки и милости, какъ нѣчто имъ слѣдующее; а наконецъ, и потому, что способны, безъ сердечныхъ болей, отдѣлываться отъ застарѣлыхъ мыслей и отъ хорошихъ людей, если они ни въ чему не ведутъ или мѣшajúть достиженію разъ поставленной цѣли. Какъ далеко ушелъ Бѣлинскій отъ своихъ, еще не очень давнихъ томленій по Москвѣ и нѣжныхъ воспоминаній о ней! Кетчеръ, отъ имени московскихъ западниковъ, выражалъ совсѣмъ другое мнѣніе. По его толкованію, вся работа петербургскаго человѣка заключается въ томъ, чтобъ *прослыть* умнымъ человѣкомъ, причемъ всяческія воззрѣнія, убѣжденія, тенденціи считаются у него различными видами дурачества, мѣшajúщими устройству карьеры, а затѣмъ уже, прослывъ умнымъ человѣкомъ, петербуржецъ спитъ и видитъ, какъ бы продать себя подороже со всѣмъ своимъ багажомъ.

Въ статейкѣ «Петербургъ и Москва», написанной Бѣлин-

скимъ, въ 1846, для альманаха Некрасова и отражающей хорошо его споры съ другомъ, критикъ сознается, что Москва больше и лучше читаетъ, больше и лучше думаетъ, но онъ прибавлялъ еще въ разговорахъ своихъ къ этому замѣчанію, что въ Петербургѣ люди лучше держатъ себя и порядочнѣе себя ведутъ, точно приготовляясь къ чему-то серьезному: на этомъ основаніи истому и распущенному москвичу становится даже и жутко жить на берегахъ Невы. Кетчеръ имѣлъ отвѣтъ и на это положеніе. Онъ, приблизительно, выражалъ такую мысль: излишества, безобразіе и всякія чудовищности москвича еще почтеннѣе приличія и сдержанности питерца. Тамъ всѣ уродливости на-голо и ничѣмъ другимъ, какъ уродливостями, не слывуть, а здѣсь въ цѣлый годъ не узнаешь, какой человѣкъ у тебя передъ глазами, герой ли добродѣтели или отъявленный негодяй.—Замѣчательно, что въ такихъ противоположныхъ терминахъ пренія между друзьями могли держаться цѣлые мѣсяцы сряду, но это оттого, что въ споръ заплеталось множество личныхъ вопросовъ и множество соображеній, порождаемыхъ явленіями и событіями каждаго дня въ двухъ столицахъ. Притомъ же споръ этотъ былъ тогда повсемѣстный, общій, и происходилъ, такъ или иначе, въ каждомъ домѣ, гдѣ только собирались люди, не чуждые литературѣ и вопросамъ культуры.

Какими бы странными, пустыми и праздными ни казались всѣ споры подобнаго рода современнымъ людямъ, но нельзя сказать, чтобы они лишены были вовсе дѣльныхъ основаній и поводовъ для возникновенія своего въ эпоху, когда процвѣтали: западная партія, напримѣръ, въ Москвѣ и Петербургѣ усматривала въ лицахъ, по сочувствію ихъ къ тому или другому городу, отбѣнки мнѣній, распознавъ которые другимъ путемъ было очень трудно, видѣла сразу по одному расположенію человѣка къ тому или другому центру западнаго направленія настоящее знамя человѣка и его истинные взгляды на общее дѣло просвѣщенія, угадывала, наконецъ, цвѣта и краски, въ какія должны отливаться всѣ его убѣжденія. Вѣлинскій даже по степени симпатическихъ отношеній къ одной изъ столицъ наклоненъ былъ узнавать своихъ единомышленниковъ или своихъ тайныхъ недоброжелателей. Все это, однако же, продолжалось недолго, какъ сейчасъ увидимъ, потому что характеръ самыхъ предметовъ сравненія началъ, съ переходомъ однихъ дѣятелей и представителей направленія на другую почву, съ исчезновеніемъ иныхъ вовсе изъ среды партій,—мѣняться часто: мѣрило для расцѣпки и опредѣленія величинъ, противопоставленныхъ другъ другу—сказывалось безпрестанно невѣрнымъ, неприложимымъ.

Гораздо долѣ этого спора держались толки и пренія по поводу извѣстной *фиги*, условнаго представленія, по которому сѣдалищемъ славянофильства признавалась Москва, а западническихъ тенденцій Петербургъ. Препирательства, вызванныя этой *фиги*, возобновлялись нѣсколько разъ и впослѣдствіи, но и они кажутся теперь занятіемъ, придуманнымъ для себя людьми, страдавшими обиліемъ праздныхъ силъ. Глазу современнаго человека чрезвычайно трудно найти во всѣхъ этихъ спорахъ исторически-вѣрный фактъ, такъ какъ онъ видитъ теперь одни обломки явленій, не распознаеть связи ихъ съ психической жизнью эпохи и развлеченъ тѣмъ, что всѣ эти остатки недавняго нашего прошлаго стоятъ передъ нимъ уже въ новомъ, совершенно переработанномъ, почти неузнаваемомъ видѣ, какой сообщило имъ послѣдующее развитіе нашей мысли и печати, принявшееся за ихъ возстановленіе въ свою очередь.

Но толки и горячія бесѣды не составляли для Бѣлинскаго никогда настоящаго дѣла, а только были приготовленіемъ къ нему. Статьямъ его весьма часто предшествовалъ долгій обмѣнъ мыслей съ окружающими людьми или предпосылалось изложеніе идей, его занимавшихъ, въ дружескихъ разговорахъ, чѣмъ онъ одинаково разъяснялъ самому себѣ свои тѣмы и будущій порядокъ ихъ развитія. Такъ случилось и теперь.

Бѣлинскій воспользовался появленіемъ романа гр. Соллогуба «Тарантасъ», чтобы поговорить серьезно, подробно и уже печатно со своими московскими друзьями. Извѣстно, что западники чрезвычайно откровенно относились другъ къ другу въ своемъ интимномъ кружкѣ, но чуть ли Бѣлинскій не первый перенесъ эту откровенность и въ печать. Правда, примѣръ подала славянская партія въ «Москвитинѣ», какъ мы видѣли. Она принялась тамъ за чистку домашняго бѣлья и за сведеніе счетовъ между собой, но тотчасъ же и отказалась отъ этой попытки, находя, вѣроятно, что малочисленность ея семьи требуетъ крайней осторожности и снисходительности въ обращеніи членовъ между собой. Только на условіи взаимной поддержки партія и могла сохранить свою цѣлость и сберечь весь свой персоналъ, нужный для борьбы. Потребность держаться сплоченной, по возможности, передъ врагами приводила ее затѣмъ уже постоянно не только къ публичному, непрестанному выставленію на показъ лучшей стороны своихъ дѣятелей, причемъ тщательно покрывались молчаніемъ всѣ частныя разногласія съ ними, но и къ отысканію блестящихъ сторонъ дѣятельности у такихъ людей своего круга, которые ихъ вовсе не имѣли. Всѣ соображенія и расчеты по-

добнаго рода никогда не помѣщались въ головѣ Бѣлинскаго и никогда не могли остановить его. Онъ и теперь отдался вполнѣ своему намѣренію, безъ всякаго колебанія. Статью Бѣлинскаго о «Тарантасѣ» гр. Солюгуба можно назвать образцомъ мастерской полемики, говорящей гораздо болѣе того, что въ ней сказано формально. Она произвела сильное впечатлѣніе на людей, умѣвшихъ различать за слышимой рѣчью другой, потаенный голосъ, а кто тогда не умѣлъ этого? Бѣлинскій чрезвычайно искусно воспользовался двойнымъ характеромъ разбираемаго произведенія, изображавшаго очень вѣрно, иногда даже съ истиннымъ юморомъ, скудную умственную и житейскую арену, по которой двигались представители, какъ нашей первобытной, такъ и поправленной, щеголеватой Руси, но въ то же время дополнявшаго еще свои картины фантазіями на счетъ будущаго блестящаго развитія той самой печальной среды, которую рисовало. Выходило такъ, что грубость и безплодіе почвы именно и даютъ право надѣяться на полученіе съ нея обильной жатвы и ослѣпительныхъ результатовъ. Бѣлинскій отдавалъ полную справедливость реальной живописи предметовъ и образовъ, какую находилъ въ романѣ, и относился съ презрѣніемъ къ фантастическимъ пророчествамъ и поясненіямъ его, которые, говорилъ онъ, ничего не доказываютъ, кромѣ бѣдности сужденія и созерцанія автора, если только не полагать у него *ироническія* намѣренія. Бѣлинскій называлъ всѣ эти дѣтскія *прозрѣнія въ будущее* Россіи донъ-кихотствомъ, но прибавлялъ, что это донъ-кихотство невинное и еще очень низкой, второстепенной пробы, а есть другое, болѣе опасное и лучше обдуманное,—и затѣмъ критикъ восходилъ къ описанію этого донъ-кихотства высшаго сорта и порядка, начало котораго Бѣлинскій усмотрѣлъ за границей въ сферѣ науки, исторіи и философіи, стало быть—въ сферѣ высоко-развитыхъ людей ¹⁾ и предостерегалъ отъ появленія его у насъ. Это донъ-кихотство высшаго полета, по мнѣнію Бѣлинскаго, вѣруеть въ возможность примиренія началъ, діаметрально противоположныхъ другъ другу, убѣжденій и взглядовъ, взаимно исключающихъ другъ друга, и занято отысканіемъ какого-нибудь уголка въ области мысли, гдѣ бы могъ спокойно совершиться устраиваемый имъ насильственный бракъ, противо-естественный союзъ различныхъ направленій. Какъ ни пышно съ вида это псевдо-

¹⁾ Онъ имѣлъ въ виду преимущественно новую систему Шеллинга (Философія откровенія), а послѣ нея ученія Вюше (Vichez)—о католическомъ социализмѣ, и другія.

научное донъ-кихотство, располагающее однако же огромными средствами эрудиціи, діалектики и философской находчивости, оно все-таки, говорилъ Бѣлинскій, сродни пошловатому донъ-кихотству Соллогубовскаго романа. Обоимъ имъ общее стремленіе искать спасенія отъ жизненной правды, бьющей въ глаза, въ области лжи и фантазій. Всѣ намѣренія и цѣли полемической статьи этой были достаточно ясны и прозрачны для всѣхъ, посвященныхъ въ дѣла литературы, но Бѣлинскому хотѣлось досказать и послѣднее свое слово. Онъ вмѣнилъ въ заслугу автору и то обстоятельство, что онъ далъ генерическое имя и отчество вздорному герою-мечтателю своего романа, назвавъ его «Иваномъ Васильевичемъ». — «Мы теперь будемъ знать, говорилъ Бѣлинскій, какъ называются у насъ всѣ фантазеры этого рода», — а извѣстно, что и И. В. Кирѣевскій, авторъ замѣчательныхъ статей «Москвитянина» — носилъ тоже имя и отчество.

Какъ отразилась эта статья на московскихъ друзьяхъ Бѣлинскаго, — видно изъ рѣчей и мѣній на дачѣ въ Соколовѣ, о которыхъ было уже говорено прежде.

XXX.

Между тѣмъ приближалось время очень важнаго переворота въ жизни Бѣлинскаго.

Скорѣе чѣмъ можно было ожидать, оказалось, что Бѣлинскій ошибался, когда, благодаря ослабѣвшей энергіи нашихъ партій, пророчилъ близкое воцареніе равнодушныхъ отношеній къ существеннымъ вопросамъ русской жизни, или когда опасался, что партіи окончательно сойдутся на какомъ-либо фантастическомъ представленіи изъ области исторіи, права и народнаго быта, которое не будетъ имѣть ни малѣйшей связи съ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Ничего подобнаго не случилось, да и не могло случиться. Какіе бы шаги ни дѣлали умѣренные отдѣлы нашихъ партій на встрѣчу другъ другу — сойтись они все-таки никакъ не могли, какъ показало, и очень скоро — послѣдующее время. Между ними лежала пропасть — образовавшаяся изъ различнаго пониманія роли русскаго народа въ исторіи и различнаго сужденія о всѣхъ другихъ факторахъ и элементахъ той же исторіи. «Славяне», какъ извѣстно, давали самое ничтожное участіе въ развитіи государства пришлымъ иноплеменнымъ элементамъ, за исключеніемъ византійскаго, и во многихъ случаяхъ смотрѣли на нихъ, какъ на несчастіе, помѣшавшее народу выразить вполне

свою духовную сущность. «Европейцы», наоборотъ, приписывали вышнему чуждому иностранности большае участіе въ образованіи московскаго государства, въ опредѣленіи всего хода его исторіи, и даже думали, что этнографическіе элементы, внесенные этими чуждыми національностями — и устроили то, что называется теперь народной русской фивіономіей. Разногласіе сводилось окончательно на вопросъ о культурныхъ способностяхъ русскаго народа, и вопросъ оказался настолько силенъ, что положилъ непреходимую грань между партіями.

«Славянская» партія не хотѣла, да и не могла удовольствоваться уступками своихъ враговъ, — пониманіемъ народа, напри- мѣръ, какъ одного изъ многочисленныхъ агентовъ, слагавшихъ нашу исторію, — а еще менѣе могла удовольствоваться признаніемъ за народомъ нѣкоторыхъ симпатическихъ, нравственно-привлекательныхъ сторонъ характера, на что охотно соглашались ея возражатели. Она требовала для русскаго народа кое-чего большаго. Она требовала именно утвержденія за нимъ громадной политической, творческой и моральной репутаціи, великой организаторской силы, обнаружившейся въ созданіи московскаго государства и въ открытіи такихъ общественныхъ, семейныхъ и религіозныхъ идеаловъ существованія, какимъ ничего равносильнаго не могутъ противопоставить наши позднѣйшіе и новые порядки жизни. На этомъ основаніи и не заботясь объ историческихъ фактахъ, противорѣчившихъ ея догмату, или толкуя ихъ ловко въ свою пользу, она принялась по частямъ за лѣпку колоссальнаго образа русскаго народа, съ цѣлью создать изъ него типъ, достойный поклоненія. Съ первыхъ же признаковъ этой работы по сооружеіію, въ лицѣ народа, апофеозы нравственнымъ основамъ и идеаламъ старины, и еще не дожидаясь ея конца, московскіе западники, цѣлымъ составомъ, усвоили себѣ задачу — неустанно объявлять русскій народъ славянофиловъ *лже-на-ро-домъ*, произведеніемъ ученой наглости, изобрѣтающей историческіе черты и матеріалы, ей нужные. Особенно укоряли они своихъ ученыхъ противниковъ въ наклонности принимать подъ свою защиту, по необходимости, даже и очень позорные бытовые и историческіе факты исторіи, если ихъ нельзя уже пропустить молчаніемъ или нельзя цѣликомъ отвергнуть, какъ выдумку враговъ русской земли.

Полемика эта длилась долго и особенно разгорѣлась уже въ 50-хъ годахъ, въ эпоху замѣчательныхъ славянофильскихъ сборниковъ (1852—1855 г.: Московскій Сборникъ, Симбирскій Сборникъ, Бесѣда). Душой этой полемики, послѣ того, какъ уже не стало и

Бѣлинскаго, былъ тотъ же самый Грановскій, заподозрѣнный нѣкогда петербургскими друзьями въ послабленіи врагамъ, хотя онъ самъ рѣдко выходилъ на арену. Правда, что это всегда былъ врагъ великодушный. Извѣстно, что въ разгарѣ спора много было сказано дѣльныхъ положеній съ обѣихъ сторонъ и много обнаружилось талантовъ, успѣвшихъ приобрести себѣ въ послѣдствіи почетныя имена. Ни одинъ изъ нихъ не прошелъ незамѣченнымъ Грановскимъ спервоначала. Человекъ этотъ обладалъ въ высшей степени живучей совѣстливостію, повуждавшей его указывать на достоинство и заслугу вездѣ, гдѣ онъ ни встрѣчалъ ихъ, не стѣсняясь никакими посторонними, кружковыми или тактическими соображеніями. Не рѣдко приходилось намъ всѣмъ слышать отъ него такую оцѣнку его личныхъ враговъ и враговъ его направленія, какую могли бы принять самые благорасположенные къ нимъ біографы на свои страницы. Между прочимъ, онъ очень высоко цѣнилъ молодого Валуева, автора извѣстной статьи о «Мѣстничествѣ» въ одномъ изъ славянофильскихъ сборниковъ, такъ рано умершаго для отечества, и говорилъ о немъ не иначе, какъ съ умиленіемъ.

Освобожденный отъ страха видѣть заключеніе спора, такъ много стоившаго ему, какимъ-нибудь простымъ компромиссомъ между партіями, Бѣлинскій уже спокойнѣе и объективнѣе отнесся къ самому вопросу о долѣ, какую должны имѣть и имѣютъ народныя элементы въ культурномъ развитіи страны. Теперь (1846), когда оказалось, что дѣло обличенія заностивой пропаганды и излишествъ національной партіи можетъ разсчитывать на старыхъ сподвижниковъ — спокойный отвѣтъ на вопросъ значительно облегчился. Нельзя уже было не видѣть, что ученіе о народности, какъ поводъ къ измѣненію нынѣшнихъ условій ея существованія, имѣетъ весьма серьезную сторону; только опираясь на это ученіе, открывалась возможность говорить объ ошибкахъ русскаго общества, повредившихъ чести и достоинству государства. Примѣръ былъ на лицо. «Славянская» партія, несмотря на всѣ возраженія и опроверженія, приобретала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вліянія и подчиняла себѣ умы, даже и не очень покорные по природѣ, и подчиняла одной своей проповѣдью о неузнанной, несправедливо оцѣненной и безчестно-приниженной русской народности.

И дѣйствительно, какъ бы сомнительна ни казалась идеализація народа, производимая «славянами», какими бы шаткими ни объявлялись основы, на которыхъ они строили свои народныя идеалы — работа «славянъ» была все-таки чуть ли не единственнымъ

дѣломъ эпохи, въ которомъ общество наше принимало наибольшее участіе, и которое побѣдило даже холодность и подозрительность официальныхъ круговъ. Работа эта одинаково ободряла всѣхъ, позволяя праздновать открытіе въ нѣдрахъ русскаго міра и посреди общей моральной скудости—богатаго нравственнаго капитала, достающагося почти за-даромъ. Всѣ чувствовали себя счастливыми. Ничего подобного «западники» предложить не могли, у нихъ не было никакой цѣльной и обработанной политической теоремы, они занимались изслѣдованіями текущихъ вопросовъ, критикой и разборомъ современныхъ явленій, и не отваживались на составленіе чего-либо похожаго на идеалъ гражданскаго существованія, при тѣхъ матеріалахъ, какіе имъ давала и русская, и европейская жизнь. Добросовѣстность «западниковъ» оставляла ихъ съ пустыми руками,—и понятно, что положительный образъ народной политической мудрости, найденный славянофилами, начиналъ поэтому играть въ обществѣ нашемъ весьма видную роль.

Вольное обращеніе съ исторіей, на которое имъ постоянно указывали, нисколько не останавливало роста этого идеала и его развитія; напротивъ, свобода толкованія фактовъ способствовала еще его процвѣтанію, позволяя вводить въ его фیزیономію черты и подробности, наиболѣе привлекательныя для народнаго тщеславія и наиболѣе дѣйствующія на массы. Ошибки, невѣрности, нарушенія свидѣтельствъ приходились тутъ еще на здоровье, такъ сказать, идеалу и на укрѣпленіе партіи, его воспитавшей. Между тѣмъ—сознательно или безсознательно—все-равно—партія достигала съ помощью своего спорнаго идеала несомнѣнно весьма важныхъ цѣлей. Тутъ случилось то, что не разъ уже случалось на свѣтѣ: рискованныя и самовольныя положенія принесли гораздо болѣе пользы обществу и людямъ, чѣмъ осторожныя, обдуманныя и потому робкіе шаги безпристрастнаго изслѣдованія. Партія успѣла ввести въ круговоротъ русской интеллигенціи новый предметъ, новаго дѣятельнаго члена и агента для мысли—именно народъ, и послѣ ея проповѣди ни наукъ вообще, ни наукъ управленія въ частности уже нельзя было обойтись безъ того, чтобы не имѣть его въ виду при разныхъ политико-соціальныхъ рѣшеніяхъ и не считаться съ нимъ. Это была великая заслуга партіи, чѣмъ бы она ни была куплена. Впослѣдствіи, и уже за границей, Г. очень хорошо понималъ значеніе возведенной постройки славянофиловъ и не даромъ говорилъ: «Наша европейская западническая партія тогда только получить мѣсто и значеніе общественной силы, когда овладѣетъ тѣмами и вопросами, пущенными въ обращеніе славянофилами».

Но если это-то было невозможно показѣть, то по крайней мѣрѣ уже наступало время понимать важность подобныхъ тѣмъ. Не далѣе какъ въ 1847 г., самъ Бѣлинскій уже говорилъ о нецѣлостности противопоставлять національность общечеловѣческому развитію, какъ будто эти явленія непременно должны исключать другъ друга, между тѣмъ какъ, въ сущности, они постоянно совпадаютъ. Общечеловѣческое развитіе не можетъ выражаться иначе, какъ чрезъ посредство той или другой народности, оба термина даже и немислимы одинъ безъ другого. Мысль свою онъ подробно развилъ въ статьѣ: «Обозрѣніе литературы 1846 года». Въ ней особенно любопытно одно мѣсто. Къ этому мѣсту Бѣлинскій подходитъ предварительнымъ и очень обстоятельнымъ изложеніемъ мнѣнія, что какъ отдѣльное лицо, не наложившее печати собственнаго своего духа и своего содержанія на полученныя имъ идеи и представленія—никогда не будетъ вліятельнымъ лицомъ, такъ и народъ, не сообщившій особеннаго, своеобразнаго штемпеля и выраженія нравственнымъ основамъ человѣческаго существованія, всегда останется мертвой массой, пригодной для производства надъ нею всякихъ экспериментовъ. Пространное развитіе этого положенія Бѣлинскій заключаетъ словами, почти буквально повторяющими точно такія же слова Грановскаго, сказанныя въ Соколовѣ по поводу сочувствія, какое вынуждаютъ къ себѣ по часту основныя убѣжденія «славянъ», хотя собственно критикъ нашъ этихъ словъ Грановскаго самъ не слыхалъ. Вотъ это мѣсто: «Что личность въ отношеніи къ идеѣ человѣка, то—народность въ отношеніи къ идеѣ человечества. Безъ національностей человечество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. *Въ отношеніи къ этому вопросу, я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитиковъ,* потому что если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорятъ какъ такое-то изданіе такой-то логики. Но, къ счастью, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому.....» Молодая редакція новаго «Современника» 1847 г., для котораго статья писалась и гдѣ она была помѣщена, думала однакоже иначе объ этомъ предметѣ. Такъ какъ борьба съ славянофильской партіей, да интересъ болѣе или менѣе художественной литературы обличенія, составляли пока всю программу новаго журнала, то понятно, что движеніе его критика на встрѣчу съ обычными врагами петербургской журналистики затемняло одну и важную часть самой программы журнала. Впослѣдствіи я слышалъ, что редакція много роптала

на статью съ такой странной, небывалой тенденціей въ петербургско-западнической печати, и которой она должна была открыть свой новый органъ гласности.

Такимъ образомъ разрѣшалась долгая полемика Бѣлинскаго съ лютѣйшими своими врагами.

Основаніе «Современника», 1847 г., положило предѣлъ участию Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», которымъ онъ такъ усердно послужилъ въ теченіи шести лѣтъ, что создалъ почетное имя и положеніе журналу и потерялъ свое здоровье. Съ половины 1845 г. мысль покинуть «От. Записки» не оставляла Бѣлинскаго, въ чемъ его особенно поддерживалъ Н. А. Некрасовъ съ практической точки зрѣнія. Дѣйствительно, матеріальное положеніе Бѣлинскаго, годъ отъ году, становилось все хуже и никакого выхода не представляло ни съ какой стороны. Силы его слабѣли, семья требовала увеличенныхъ средствъ существованія, а въ случаѣ катастрофы, которую онъ уже предвидѣлъ, оставалась безъ куска хлѣба. Можетъ быть, никто изъ нашихъ писателей не находился въ положеніи болѣе схожемъ съ положеніемъ тогдашняго работника и пролетарія въ Европѣ. Подобно имъ, онъ никого лично не могъ обвинять въ устройствѣ гнетущихъ обстоятельствъ своей жизни—все исполняли, по отношенію къ нему, добросовѣстно свои обязательства, никакихъ притѣсненій онъ не испытывалъ, никакихъ чрезынрныхъ требованій не предъявлялось, и никто не дѣлалъ попытокъ увернуться отъ условій, принятыхъ по взаимному соглашенію—все обстояло, такимъ образомъ, чинно, благопристойно, *респектабельно*, по англійскому выраженію, вокругъ него. Но трудъ его все-таки пріобрѣталъ свою цѣнность только тогда, когда уходилъ изъ его рукъ, приносилъ всю пользу, какой отъ него ожидать можно было, изданію, а не тому, кто его произвелъ. Не было и возможности поправить дѣло, не измѣняя обычныхъ экономическихъ условій, утвержденныхъ разъ навсегда. Съ каждымъ днемъ Бѣлинскій все болѣе и болѣе убѣждался, что тѣмъ сильнѣе станетъ онъ напрягать свою дѣятельность и тѣмъ блестящѣе будутъ оказываться ея результаты, въ литературномъ и общественномъ смыслѣ, тѣмъ хуже будетъ становиться его положеніе, въ виду неизбежнаго истощенія творческаго матеріала и уничтоженія самой способности къ труду, вслѣдствіе его удвоенной энергіи. Будущность представлялась ему, такимъ образомъ, въ очень мрачныхъ краскахъ, и съ половины 1845 г. мы слышали горькія жалобы его на свою судьбу, жалобы, въ которыхъ онъ не щадилъ и самого себя: «Да что же и дѣлать судьбѣ этой,—

говорилъ онъ въ заключеніе, — съ глупымъ человѣкомъ, которому ничего въ прокъ не пошло, что она ему ни давала» ¹⁾.

И дѣйствительно, съ концомъ 1845 г. Бѣлинскій покидаетъ на время журнальную работу и разстается съ «Отечественными Записками». Событіе это произвело нѣкотораго рода переполохъ въ маленькомъ литературномъ мірѣ того времени. Съ удаленіемъ Бѣлинскаго пророчили паденіе журнала, но журналъ устоялъ, какъ всякое предпріятіе, уже добывшее себѣ прочныя основы и открывшее притомъ готовую арену для литературной дѣятельности ново-приходящимъ талантамъ. Таковъ былъ молодой Майковъ, принявшій въ свои руки наслѣдство Бѣлинскаго — критическій отдѣлъ журнала: отдѣлъ этотъ обрѣталъ въ немъ новую и свѣжую силу, вмѣсто атрофіи и расслабленія, которыми ему грозили.

В. Н. Майковъ отложилъ въ сторону весь эстетическій, нравственный и полемическій багажъ Бѣлинскаго, и за норму оцѣнки произведеній искусства принялъ количество и важность бытовыхъ и общественныхъ вопросовъ, ими поднимаемыхъ, и способы, съ какими авторы — указываютъ и разрѣшаютъ ихъ. Преждевременная смерть помѣшала ему развить вполне свое созерцаніе ²⁾.

Съ разрывомъ старыхъ связей не все еще кончилось для Бѣлинскаго; надо было отыскать средства существованія. Бѣлинскій предвидѣлъ это и обратился, еще до разрыва, за совѣтомъ и помощью къ друзьямъ, излагая имъ свой планъ — издать уже прямо отъ своего имени большой альманахъ изъ совокупныхъ ихъ трудовъ, если они согласятся войти въ его виды и намѣренія. Отвѣтъ не замедлилъ явиться. Со всѣхъ сторонъ знаменитые и не-знаменитые писатели наши поспѣшили препроводить къ

¹⁾ Привожу анекдотъ изъ этихъ проявленій самоосужденія и самообличенія, къ которымъ онъ былъ склоненъ, но въ которыхъ былъ также всегда и искрененъ. Одинъ изъ журнальныхъ редакторовъ того времени, напечатавъ въ своемъ изданіи переводный романъ и заплативъ за него условленную сумму переводчику, почелъ себя въ правѣ выпустить переводъ отдѣльной книжкой и въ свою пользу. Но онъ попалъ на энергичнаго человѣка, который, послѣ безплодныхъ протестацій, рѣшился повести дѣло серьезно, и пожалуй до судебныхъ инстанцій, какія тогда существовали. Редакторъ принужденъ былъ уступить и возратить переводчику его собственность. Выслушавъ рассказъ, Бѣлинскій молча принялся шарить по угламъ комнаты, добывая тамъ свою палку и, подавая ее рассказчику, прибавилъ: «Учите меня, авось и я пойму, какъ должно беречь свое добро». Но выучиться этому онъ не могъ, не переставъ быть Бѣлинскимъ...

²⁾ Вмѣстѣ съ В. Н. Майковымъ былъ еще и другой замѣчательный молодой человѣкъ, В. А. Милютинъ, тоже рано погибшій. Они оба могутъ считаться послѣдними отпрысками замѣчательнаго десятилѣтія и составляютъ уже переходъ къ литературному періоду 1850—60 г.

нему все, что имѣли у себя на-готовѣ, и уже въ началу 1846 г., въ рукахъ Бѣлинскаго образовалась значительная масса рукописнаго и частію очень цѣннаго матеріала, какъ показало позднѣйшее его опубликованіе. Не могла скрыться отъ глазъ самого Бѣлинскаго и вниманія его ближайшихъ совѣтниковъ во всемъ этомъ дѣлѣ, Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, важность собраннаго матеріала. Послѣдніе уже давно искали самостоятельной издательской дѣятельности и пробовали ее не разъ—выпускомъ альманаховъ и сборниковъ, но тутъ представлялся случай въ основанію уже большого предпріятія—новаго періодическаго изданія. Матеріалъ Бѣлинскаго могъ бы служить ему, на первыхъ порахъ, готовой поддержкой. Тогда и возникла мысль о приобрѣтеніи стараго, Пушкинскаго «Современника», скромно, почти безвѣстно существовавшаго подъ руководствомъ П. А. Плетнева, — мысль, которая и приведена была въ исполненіе Некрасовымъ и Панаевымъ. Они купили вмѣстѣ съ тѣмъ и весь «матеріалъ» Бѣлинскаго (Панаевъ былъ главнымъ вкладчикомъ при всѣхъ этихъ операціяхъ), что и помогло Бѣлинскому расплатиться съ долгами и впервые почувствовать себя свободнымъ человѣкомъ. При этомъ новые редакторы «Современника» 1847 г. открывали ему еще и перспективу въ будущемъ, которая особенно должна была цѣниться Бѣлинскимъ. Они вѣлючали его въ число неофициальныхъ совздателей журнала (официальнымъ выступаясь, въ видѣ поруки передъ цензурой, проф. А. В. Никитенко) и предоставляли ему, кромѣ платы за статьи, еще и долю въ выгодахъ изданія, какія окажутся. Безъ популярнаго имени Бѣлинскаго дѣйствительно трудно было обойтись предпріятію, но къ этому примѣшивалась еще и надежда, раздѣляемая и Бѣлинскимъ, что всѣ лучшіе дѣятели Москвы послѣдуютъ за нимъ въ новое изданіе и разорвутъ связи съ «Отечественными Записками». Надеждѣ этой, однакоже, не суждено было исполниться. Московскіе литераторы, да и нѣкоторые изъ литераторовъ въ Петербургѣ, желая полнаго успѣха «Современнику», находили, что два либеральныхъ органа въ Россіи лучше одного, что раздвоеніе направленія на два представителя еще болѣе гарантируетъ участіе и свободу журнальныхъ труженниковъ, и что, наконецъ, по коммерческому характеру всякаго журнальнаго предпріятія,—врядъ ли и новое будетъ въ состояніи идти по какой-либо иной дорогѣ, въ своихъ расчетахъ съ людьми, какъ не по той же самой, по которой шло и старое. Все это происходило въ то время, когда я, уже съ февраля 1846 г., находился за границей.

XXXI.

Въ одно прекрасное утро, по осени 1847 года, въ крошечномъ салонѣ парижской моей квартиры, въ улицѣ Saintmartin, 41, явился господинъ, хорошо выбритый, по русскому обычаю, съ волосами, зачесанными на затылокъ, и въ долгополомъ сюртукѣ, который странно мѣшалъ его порывистымъ движеніямъ. Это былъ Г., носившій еще на всей своей внѣшности рѣзкій отпечатокъ московскаго жителя, но скоро преобразившійся, благодаря парижскимъ портнымъ и другимъ артистамъ, въ полного джентльмена западной расы—съ подстриженной головой, щегольской бородкой, очень быстро принявшей всѣ необходимыя очертанія, и пиджакомъ, ловко и свободно державшимся на плечахъ. Я обрадовался ему несказанно и выслушалъ юмористическую повѣсть объ усиліяхъ и домогательствахъ, какія потребовались ему для выѣзда, и потомъ о долгомъ волеѣ его, еще на *почтовыхъ*, черезъ всю Германію. Онъ прибылъ въ Парижъ со всѣмъ семействомъ, остановился на Place Vendôme и разспрашивалъ меня, какъ парижскаго старожила (я уже прожилъ дѣльный годъ въ столицѣ Франціи) объ условіяхъ, образѣ жизни и привычкахъ новой своей резиденціи, въ которыхъ, тоже по-русскому обычаю, и примѣнился весьма скоро. И не онъ одинъ подчинился этого рода превращенію и измѣненію своей оболочки, а съ нею и самаго образа жизни, но и семья его—и притомъ съ свободой и развязностію, которыя могли бы считаться изумительными, если бы не были всеобщимъ, всѣмъ извѣстнымъ свойствомъ нашей природы. Жена Г., послѣ первой недѣли своего пребыванія въ Парижѣ, представляла уже изъ себя совсѣмъ другой типъ, чѣмъ тотъ, который олицетворяла собою въ Москвѣ. Впрочемъ, внутренняя переработка, измѣнившая ея нравственную фizioномію, началась еще тамъ, — какъ буду говорить — и только завершилась въ Парижѣ. Изъ тихой, задумчивой, романтической дамы дружескаго кружка, стремившейся къ идеальному воспитанію своей души и не дѣлавшей никакихъ запросовъ и никакихъ уступокъ внѣшнему міру, она вдругъ превратилась въ блестящую туристку, совершенно достойную занимать почетное мѣсто въ большомъ, всесвѣтномъ городѣ, куда прибыла, хотя никакой претензіи на такое мѣсто и не заявляла. Новыя формы и условія существованія вскорѣ вѣтѣснили у нея и послѣднюю память о Москвѣ. — Быстро всѣхъ подобныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ метаморфозъ, испи-

тываемыхъ русскими людьми, зависѣла, кромѣ ихъ предрасположенія къ ней, еще и отъ многихъ другихъ причинъ.

Парижъ, напримѣръ, знаменитаго буржуазнаго короля Лудовика-Филиппа обаятельно дѣйствовалъ различными сторонами своей политической жизни на русскихъ, пробиравшихся туда всегда болѣе или менѣе секретнымъ, воровскимъ образомъ, такъ какъ въ нашихъ паспортахъ заграничныхъ того времени поименованіе Франціи официально воспрещалось. Впечатлѣніе, производимое Парижомъ на пришельцевъ съ сѣвера, походило на то, которое является вслѣдъ за неожиданной находкой: они принадлежали къ городу со страстію и увлеченіемъ путника, вышедшаго изъ голой степи къ давно ожидаемому источнику. Первое, что бросалось въ глаза при этой встрѣчѣ съ столицей Франціи, было, конечно, ея социальное движеніе. Вездѣ по протяженію Европы уже существовали партіи, подвергавшія разбору условія и порядки европейской жизни, вездѣ уже слагались общества, разсуждавшія о способахъ остановить, измѣнить и направить теченіе современной жизни въ другую сторону, но только въ Парижѣ критическое движеніе это вошло, такъ-сказать, въ колею обычныхъ дневныхъ явленій и притомъ освѣщалось чрезвычайно эффектно лучами французскаго народнаго духа, который умѣлъ располагать въ живописныя группы людей, ученія и идеи, и дѣлать изъ нихъ картины и зрѣлища для публики, прежде чѣмъ они сдѣлаются руководителями и преобразователями общества. Не было возможности удержаться отъ участія къ этому движенію, которое слагалось изъ мѣстныхъ, остроумныхъ статей журнальнаго міра, изъ пропаганды на театрѣ, изъ періодическихъ лекцій и конференцій профессоровъ и не-профессоровъ. Такъ, три воскресенья сряду, я слышалъ въ залѣ одного пассажиа самого О. Конта, излагавшаго основныя черты своей теоріи передъ толпой, которая и не предчувствовала, чѣмъ сдѣлается эта теорія впоследствии. Движеніе дополнялось еще массой социальныхъ книгъ, начавшихъ извѣстную войну противъ официальной политической экономіи, и фамилными собраниями честныхъ, начитанныхъ и развитыхъ работниковъ, уже принявшихъ къ свѣдѣнію новыя положенія социализма и обработывавшихъ ихъ, по-своему, какъ впоследствии депутатъ Корбонъ, часовщикъ по ремеслу, котораго мнѣ тоже удалось видѣть въ его мастерской, служившей ему и редакціей для его журнала «l'Atelier». Все это были огоньки, которые предшествовали знаменитой революціи 48-го года, нигдѣмъ, впрочемъ, еще тогда не предчувствуемой, и которая, сказать между прочимъ, своимъ внезапнымъ приходомъ ихъ всѣхъ и потушила. Когда я

прибылъ въ Парижъ по веснѣ 1846, я уже засталъ тамъ цѣлую русскую колонію, съ главными и выдающимися ея членами, Б. и С—вымъ, занятую непрерывнымъ исканіемъ и обсужденіемъ бытовыхъ, историческихъ, философскихъ и всякихъ вопросовъ, какіе постоянно возбуждала общественная жизнь Парижа при либеральномъ королѣ Лудовикѣ-Филиппѣ.

Однако иначе нельзя было назвать покаяніе того образа занятій европейскими вопросами, который существовалъ тогда между русскими, какъ—забавой.

Дѣло шло тутъ преимущественно объ удовлетвореніи любопытства, раздражаемаго безустанно явленіями каждаго текущаго дня, объ исполненіи обязанности стоять на-сторожѣ относительно всего, что происходитъ важнаго и ничтожнаго въ городѣ, о добычѣ живого матеріала для разбора его, для упражненія критическихъ своихъ способностей, а затѣмъ и болѣе всего для развитія безконечной, пестрой, золотопшвейной ткани разговоровъ, споровъ, выводовъ, положеній и контръ-положеній. Никакой отвѣтственности передъ собственной совѣстію, никакого обязательнаго начала для устройства собственной жизни и поведенія при этомъ еще не представлялось никому. Необходимости подобнаго распорядка съ собой не предвидѣлось и въ будущемъ. О русской политической эмиграціи не было еще и помина: она явилась только тогда, когда прокатился громъ революціи 1848 г. и заставилъ многихъ обратиться къ своему прошлому, подвести ему итоги и поставить себя самого въ ясное, определенное положеніе, какъ къ грозному явленію, неожиданно разразившемуся надъ Европой, такъ и къ правительствамъ, которыя были имъ испуганы. Правда, отъ времени до времени падали въ среду нашихъ людей, потѣшавшихся Парижемъ, напоминанія о требованіяхъ другого строя жизни, чѣмъ тотъ, которымъ они наслаждались. Такъ случилось съ извѣстнымъ Г—виннымъ, котораго официально вынуждали въ Россію за вустѣйшую книжонку, — напечатанную имъ по-французски въ Парижѣ, безъ дозволенія. Это былъ опытъ политической экономіи, представлявшей менѣе, чѣмъ учебникъ, простую выписку изъ школьныхъ тетрадокъ, да и то не совсѣмъ толковую, но во всякомъ случаѣ уже совершенно невинную. Я, кажется, и не встрѣчалъ на вѣку моемъ писателя, менѣе заслуживавшаго вниманія, какъ этотъ Г—винъ, въ одно время игравшій на биржѣ и въ оппозицію, пробиравшійся въ жокей-клубъ, въ міръ лоретокъ, и въ демократическія консиліабумы—наглый и ребячески-трусливый, но онъ остался въ Парижѣ, несмотря на вызовъ, и сдѣлался прежде всѣхъ русскимъ

«политическимъ» эмигрантомъ и притомъ изъ особеннаго начала, изъ страха: ему мерещились всевозможные ужасы, которые, по отношенію къ нему, просто были немислимы ¹⁾). Послѣ *напоминаний* въ родѣ того, какое получалъ Г—винъ, крутъ дилеттантствующихъ политиковъ и социалистовъ нашихъ нѣкоторое время обсуждалъ этотъ фактъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, и потомъ снова отдавался увлекающему потоку своихъ занятій и страстного, но безответнаго вмѣшательства въ интимныя дѣла французской національности.

Не должно думать, чтобъ эта азартная игра со всѣмъ содержаніемъ Парижа велась только людьми, литературно и политически развитыми: къ ней примѣшивались часто и такія особы, которыя имѣли совсѣмъ инныя цѣли въ жизни,—не культурныя. Такъ, по дорогѣ въ Европу я получилъ рекомендательное письмо къ извѣстному Марксу отъ нашего степного помѣщика, также извѣстнаго въ своемъ кругу за отличнаго пѣвца цыганскихъ пѣсень, ловкаго игрока и охотнаго охотника. Онъ находился, какъ оказалось, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ учителемъ Лассалемъ и будущимъ главой интернаціональнаго общества; онъ увѣрилъ Маркса, что, предавшись душой и тѣломъ его лучезарной проповѣди и дѣлу водворенія экономическаго порядка въ Европѣ, онъ ѣдетъ обратно въ Россію, съ намѣреніемъ продать все свое имѣніе и бросить себя, и весь свой капиталъ въ жерло предстоящей революціи. Далѣе этого увлеченіе идти не могло,—но я убѣжденъ, что, когда лихой помѣщикъ давалъ всѣ эти обѣщанія, онъ былъ въ ту минуту искрененъ. Возвратившись же на родину, сперва въ свои имѣнія, а затѣмъ въ Москву, онъ забылъ и думать о горячихъ словахъ, прозвенѣвшихъ нѣкогда такъ эффектно передъ изумленнымъ Марксомъ, и умеръ не такъ давно престарѣлымъ, но все еще пылкимъ холостякомъ въ Москвѣ. Не мудро, однако же, что послѣ подобныхъ продѣлокъ, какъ у самого Маркса, такъ и у многихъ другихъ сложилось и долгое время длилось убѣжденіе, что на всякаго русскаго, въ нимъ приходящаго, прежде всего должно смотрѣть, какъ на подосланнаго шпиона, или какъ на безсовѣстнаго обманщика. А дѣло между тѣмъ гораздо проще объясняется, хотя отъ этого и не становится невиннѣе.

¹⁾ Всего забавнѣе, что онъ и самъ считалъ себя важнымъ преступникомъ, боялся выдачи своей личности дипломатическимъ путемъ, и побѣждалъ объясняться съ министромъ Дипломатическимъ, который, выслушавъ его опасенія, засмѣялся и закричалъ: „Какой вздоръ! Живите спокойно, дѣлайте что хотите, да ужъ если вамъ нуженъ непремѣнно совѣтъ, то вотъ мой—*не отъ ежигинойтоса отъ польскія дѣла*“ (рассказъ Г—вина).

Я воспользовался однакоже письмомъ моего пылкаго помѣщика, который, отдавая мнѣ его, находился еще въ энтузіастическомъ настроеніи, — и былъ принятъ Маресомъ въ Брюсселѣ очень дружелюбно. Маресь находился подъ вліяніемъ своихъ воспоминаній объ образцѣ широкой русской природы, на которую такъ случайно наткнулся, и говорилъ о ней съ участіемъ, усматривая въ этомъ новомъ для него явленіи, какъ мнѣ показалось, признаки неподдѣльной мощи русскаго народнаго элемента вообще. Самъ Маресь представлялъ изъ себя типъ человѣка, сложеннаго изъ энергіи, воли и несокрушимаго убѣжденія — типъ, крайне замѣчательный и по вѣншиности. Съ густой, черной шапкой волосъ на головѣ, съ волосистыми руками, въ пальто, застегнутомъ на-исчѣсь — онъ имѣлъ однакоже видъ человѣка, имѣющаго право и власть требовать уваженія, каковымъ бы ни являлся передъ вами и что бы ни дѣлалъ. Всѣ его движенія были угловаты, но смѣлы и самонадѣянны, всѣ приемы шли наперекоръ съ принятыми обрадами въ людскихъ сношеніяхъ, но были горды и какъ-то презрительны, а рѣзкій голосъ, звучавшій какъ металлъ, шелъ удивительно въ радикальнымъ приговорахъ надъ лицами и предметами, которые произносилъ. Маресь уже и не говорилъ иначе, какъ такими безапелляционными приговорами, надъ которыми, впрочемъ, еще царствовала одна, до боли рѣзкая нота, покрывавшая все, чтѣ онъ говорилъ. Нота выражала твердое убѣжденіе въ своемъ призваніи управлять умами, законодательствовать надъ ними и вести ихъ за собой. Предо мной стояла олицетворенная фигура демократическаго диктатора, какъ она могла рисоваться воображенію въ часы фантазіи. Контрастъ съ недавно покинутыми мною типами на Руси былъ наирѣзительный.

Съ перваго же свиданія Маресь пригласилъ меня на совѣщаніе, которое должно было состояться у него на другой день вечеромъ съ портнымъ Вейтлингомъ, оставившимъ за собой въ Германіи довольно большую партію работниковъ. Совѣщаніе назначалось для того, чтобы опредѣлить, по возможности, общій образъ дѣйствій между руководителями рабочаго движенія. Я не замедлилъ явиться по приглашенію.

Портной-агитаторъ Вейтлингъ оказался бѣлокурнымъ, красивымъ молодымъ человѣкомъ, въ сюртуцѣ щеголеватаго покроя, съ бородкой, кокетливо подстриженной, и скорѣе походилъ на путешествующаго камми, чѣмъ на суроваго и озлобленнаго труженника, каковаго я предполагалъ въ немъ встрѣтить. Отрекоженидовавшись на-своео другъ другу и притомъ съ отгнѣвомъ на-

сканной учтивости со стороны Вейтлинга, мы сѣли за небольшой зеленый столикъ, на одномъ узкомъ концѣ котораго помѣстился Марсъ, взявъ карандашъ въ руки и склонивъ свою львиную голову на листъ бумаги, между тѣмъ какъ неразлучный его спутникъ и сотоварищъ по пропагандѣ, высокій, прямой, по-англійски важный и серьезный, Энгельсъ отерпывалъ засѣданіе рѣчью. Онъ говорилъ въ ней о необходимости между людьми, посвятившими себя дѣлу преобразованія труда, объяснить взаимныя свои воззрѣнія и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменемъ для всѣхъ послѣдователей, не имѣющихъ времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельсъ еще не кончилъ рѣчи, когда Марсъ, поднявъ голову, обратился прямо въ Вейтлингу съ вопросомъ: «Скажите же намъ, Вейтлингъ, вы, которые такъ много надѣлали шума въ Германіи своими коммунистическими проповѣдями и привлекли къ себѣ столько работниковъ, лишивъ ихъ мѣсты и куска хлѣба, какими основаніями оправдываете вы свою революціонную и социальную дѣятельность, и на чемъ думаете утвердить ее въ будущемъ»? Я очень хорошо помню самую форму рѣзкаго вопроса, потому что съ него начались горячія пренія въ кружкѣ, продолжавшіяся, впрочемъ, какъ сейчасъ окажется, очень недолго. Вейтлингъ, видимо, хотѣлъ удержать совѣщаніе на общихъ мѣстахъ либеральнаго разглагольствованія. Съ какимъ-то серьезнымъ, озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ, онъ сталъ объяснять, что цѣлію его было не создать новыя экономическія теоріи, а принять тѣ, которыя всего способнѣе, какъ показали опыты во Франціи, открыть рабочимъ глаза на ужасъ ихъ положенія, на всѣ несправедливости, которыя, по отношенію къ нимъ, сдѣлались лозунгомъ правителей и общества, научить ихъ не вѣрить уже никакимъ обѣщаніямъ со стороны послѣднихъ и надѣяться только на себя, устраиваясь въ демократическія и коммунистическія общины. Онъ говорилъ долго, но, къ удивленію моему и въ противоположность съ рѣчью Энгельса, сбивчиво, не совсѣмъ литературно, возвращаясь на свои слова, часто поправляя ихъ и съ трудомъ приходи къ выводамъ, которые у него или запаздывали или появлялись ранѣе положенія. Онъ имѣлъ теперь совсѣмъ другихъ слушателей, тѣмъ тѣ, которые обыкновенно окружали его станокъ, или читали его газету и печатные памфлеты на современные экономическіе порядки, и утерялъ при этомъ свободу мысли и языка. Вейтлингъ, вѣроятно, говорилъ бы и еще долѣе, если бы Марсъ, съ гнѣвистиснутыми бровями, не прервалъ его и не началъ своего во-

раженія. Сущность саркастической его рѣчи заключалась въ томъ, что возбуждать населеніе, не давая ему никакихъ твердыхъ, продуманныхъ основаній для дѣятельности, значило просто обманывать его. Возбужденіе фантастическихъ надеждъ, о которомъ говорилось сейчасъ,—замѣчалъ далѣе Маресь,—ведетъ только къ конечной гибели, а не къ спасенію страдающихъ. Особенно въ Германіи обращаться къ работнику безъ строго-научной идеи и положительнаго ученія равносильно съ пустой и безцельной игрой въ проповѣдники, при которой, съ одной стороны, полагается вдохновенный пророкъ, а съ другой—допускаются только ослы, слушающіе его, разинувъ ротъ. «Вотъ,—прибавилъ онъ, вдругъ указывая на меня рѣзкимъ жестомъ,—между нами есть одинъ русскій. Въ его странѣ, Вейтлингъ, ваша роль могла бы быть у мѣста: тамъ, дѣйствительно, только и могутъ удачно составляться и работать союзы между нелѣпыми пророками и нелѣпыми послѣдователями». Въ цивилизованной землѣ, какъ Германія, продолжалъ развивать свою мысль Маресь, люди безъ положительной доктрины ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ, кромя шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самаго дѣла, за которое принялись. Краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Вейтлингъ, и онъ обрѣлъ живую, свободную рѣчь. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ сталъ онъ доказывать, что человѣкъ, собравшій сотни людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской другъ другу помощи подъ одно знамя, не можетъ назваться совсѣмъ пустымъ и празднымъ человѣкомъ, что онъ, Вейтлингъ, утѣшается отъ сегодняшнихъ нападокъ воспоминаніемъ о тѣхъ согнахъ писемъ и заявленій благодарности, которыя получилъ со всѣхъ сторонъ своего отечества, и что, можетъ быть, скромная подготовительная его работа важнѣе для общаго дѣла, чѣмъ критика и кабинетные анализы доктринъ, вдали отъ страдающаго свѣта и бѣдствій народа. При послѣднихъ словахъ возбѣшенный окончательно Маресь ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что зазвенѣла и зашаталась лампа на столѣ и вскочилъ съ мѣста, проговаривая:— «Никогда еще неужество никому не помогло!» Мы послѣдовали его примѣру и тоже вышли изъ-за стола. Засѣданіе кончилось, и покуда Маресь ходилъ взадъ и впередъ, въ необычайномъ гнѣвномъ раздраженіи по комнатамъ, я нѣ-соро распроштался съ нимъ и съ его собесѣдниками и ушелъ домой, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ.

Сношенія мои съ Маресомъ не прекратились и послѣ выѣзда моего изъ Брюсселя. Я встрѣтилъ его еще, выѣстъ съ

Энгельсомъ, въ 1848 году, въ Парижѣ, куда они оба прѣехали тотчасъ послѣ февральской революціи, намѣреваясь изучать движеніе французскаго социализма, очутившагося теперь на-просторѣ. Они скоро оставили свое намѣреніе, потому что надъ социализмомъ этимъ господствовали всецѣло чисто-мѣстные, политическіе вопросы, и у него была уже программа, отъ которой онъ не хотѣлъ развлекаться — программа добиваться съ оружіемъ въ рукахъ господствующаго положенія въ государствѣ для работника. Но и до этой эпохи были минуты заочной бесѣды съ Марксомъ, весьма любопытныя для меня: одна такая выпала на мою долю въ 1846 году, когда по поводу извѣстной книги Прудона: «*Système des contradictions économiques*», Марксъ написалъ мнѣ по-французски пространное письмо, гдѣ излагалъ свой взглядъ на теорію Прудона. Письмо это крайне замѣчательно: оно опередило время, въ которое было писано, двумя своими чертами — критикой положеній Прудона, предугадавшей цѣликомъ всѣ возраженія, какія были предъявлены на нихъ впоследствии, а потомъ новостью взгляда на значеніе *экономической исторіи* народовъ. Марксъ одинъ изъ первыхъ сказалъ, что государственныя формы, а также и вся общественная жизнь народовъ съ ихъ моралью, философіей, искусствомъ и наукой — суть только прямые результаты экономическихъ отношеній между людьми, и съ перемѣной этихъ отношеній сами мѣняются или даже и вовсе упраздняются. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы узнать и опредѣлить законы, которые вызываютъ перемѣны въ экономическихъ отношеніяхъ людей, имѣющія такія громадныя послѣдствія. Въ антиноміяхъ же Прудона, въ его противопоставленіи однихъ экономическихъ явленій другимъ, произвольно сведеннымъ другъ съ другомъ и, *по свидѣтельству исторіи*, нисколько не вытекавшимъ одно изъ другого, Марксъ усматривалъ только тенденцію автора облегчить совѣсть буржуазіи, возводи неприятныя ей факты современныхъ экономическихъ порядковъ въ безобидныя абстракціи à la Гегель и въ законы, будто бы, присущія самой природѣ вещей. На этомъ основаніи онъ и обзываетъ Прудона *теологомъ* социализма и мелкимъ *буржуа* съ головы до ногъ. Окончаніе этого письма передаю въ дословномъ переводѣ, такъ какъ оно можетъ служить хорошимъ комментариемъ къ сценѣ, рассказанной выше, и даетъ ключъ для пониманія ея:

«Въ одномъ только я схожусь съ господиномъ Прудономъ (NB. Марксъ вездѣ пишетъ: «*monsieur Pr.*»), именно — въ его отвращеніи къ пассивному социализму (*sensiblerie*

sociale). Ранѣе его я уже назвалъ себѣ множество враговъ моими насмѣшками надъ чувствительнымъ, утопическимъ, *баранымъ* социализмомъ (*socialisme moutonnier*). Но г. Прудонъ странно ошибается, замѣняя одинъ видъ сентиментализма другимъ, именно сентиментализмомъ мелкаго буржуа и своими декламаціями о святости домашняго очага, супружеской любви и другихъ тому подобныхъ вещахъ,—той сентиментальностью, которая, вдобавокъ, еще и глубже была выражена у Фурье, чѣмъ во всѣхъ самодовольныхъ пошлостяхъ нашего добраго г. Прудона. Да онъ и самъ хорошо чувствуетъ свою неспособность трактовать объ этихъ предметахъ, потому что по поводу ихъ отдается невыразимому бѣшенству, возгласамъ, всѣмъ гнѣвамъ честной души — *igne hominis probi*: онъ пѣнится, клянеть, доноситъ, кричитъ о позорѣ и чумѣ, бьетъ себя въ грудь и призываетъ Бога и людей въ свидѣтели того, что непричастенъ гнусностямъ социалистовъ. Онъ занимается не критикой ихъ сентиментализма, а—какъ настоящій святой или папа—отлученіемъ несчастныхъ грѣшниковъ, причемъ воспѣваетъ хвалу маленькой буржуазіи и ея пошленькимъ патріархальнымъ доблестямъ, ея любовнымъ упражненіямъ. И это не съ-проста. Самъ г. Прудонъ съ головы до ногъ есть философъ и экономистъ маленькой буржуазіи. Чтѣ такое маленькій буржуа? Въ развитомъ обществѣ онъ, вслѣдствіе своего положенія, неизбежно дѣлается съ одной стороны экономистомъ, а съ другой—социалистомъ: онъ въ одно время и ослабленъ великолѣпными знатной буржуазіи, и сочувствуетъ страданіямъ народа. Онъ мѣщанинъ и виѣстѣ—народъ. Въ глубинѣ своей совѣсти онъ похваливаетъ себя за безпристрастіе, за то, что нашелъ тайну равновѣсія, которое, будто бы, не походить на «*juste milieu*», золотую середину. Такой буржуа вѣруеть въ противорѣчія, потому что онъ самъ есть не что иное, какъ социальное противорѣчіе въ дѣйствіи. Онъ представляетъ на практикѣ то, чтѣ говоритъ теорія, и г. Прудонъ достоинъ чести быть научнымъ представителемъ маленькой французской буржуазіи. Это его положительная заслуга, потому что мелкая буржуазія войдетъ непременно значительной составной частью въ будущіе социальныя перевороты. Мнѣ очень хотѣлось, виѣстѣ съ этимъ письмомъ, послать вамъ и мою книгу «О политической экономіи», но до сихъ поръ я не могъ еще отыскать кого-нибудь, кто бы взялся напечатать мой трудъ и мою критику нѣмецкихъ философовъ и социалистовъ, о чемъ я говорилъ вамъ въ Брюсселѣ. Вы не повѣрите, какія затрудненія встрѣчаетъ такая публикація въ Германіи со стороны полиціи,

во-первыхъ, и со стороны самихъ книгопродавцевъ—во-вторыхъ, которые являются корыстными представителями тенденцій; мною преслѣдуемыхъ. А что касается до собственной нашей партіи, то она, прежде всего, крайне бѣдна, а затѣмъ добрая часть ея еще крайне ослѣплена на меня за мое сопротивление ея декламациямъ и утопіямъ».

Книга «О политической экономіи», упоминаемая Марксомъ въ письмѣ, есть, какъ полагаю, послѣдній его трудъ: «Капиталъ», увидѣвшій свѣтъ только недавно. Признаюсь, я не повѣрилъ тогда, какъ и многіе со мной, разоблачающему письму Маркса, будучи увлеченъ, вмѣстѣ съ большинствомъ публики, пафосомъ и діалектическими качествами Прудонскаго творенія. Съ возвращеніемъ моимъ въ Россію, въ октябрѣ 1848 года, прекратились и мои сношенія съ Марксомъ и уже не возобновлялись болѣе. Время надеждъ, гаданій и всаческихъ *аспирацій* тогда уже прошло, а практическая дѣятельность, выбранная затѣмъ Марксомъ, такъ далеко убѣгала отъ русской жизни вообще, что, оставаясь на почвѣ послѣдней, нельзя было слѣдить за первой иначе, какъ издали, посредственно и неполно, путемъ газетъ и журналовъ.

Разсказанный здѣсь мой эпизодъ съ Марксомъ, можетъ быть, не покажется лишнимъ въ картинѣ Парижа, если прибавить, что точно такія же сцены и по тѣмъ же вопросамъ происходили во всѣхъ большихъ городахъ Европы и, вонечно, чаще всего именно въ Парижѣ: мѣнялись люди, мѣнялась драматическая обстановка, согласно другому развитію и образованію характеровъ: сущность преній и столкновеній въ демократическихъ кружкахъ оставалась та же. Вездѣ искали *цѣлмыхъ* доктринъ социализма, научныхъ изъясненій и оправданій для *чувства* недовольства, изъ котораго социализмъ вышелъ, плановъ для общины, гдѣ трудъ и наслажденіе шли бы рука объ руку. Потребность упразднить массу нелѣпыхъ, незрѣлыхъ, бесплодныхъ опытовъ, предпринимаемыхъ для осуществленія этого идеала непосвященными, мало подготовленными и фантастическими умами—чувствовалась повсюду. Этимъ и объясняются совокупныя усилія лучшихъ дѣателей социализма—найти такой типъ рабочей общины, который бы далъ возможность доказать несомнѣнно, что каждая нравственная и матеріальная потребность человѣка обрѣтутъ въ ней удобное и комфортабельное помѣщеніе для себя. Движеніе умовъ, какъ въ области теорій, такъ и въ пробахъ почвы для практическаго разрѣшенія экономическихъ трудностей было всеобщее до тѣхъ поръ, пока оно не уперлось въ «національныя

мастерскія», гдѣ и было подавлено для того, чтобы возродиться уже на другихъ началахъ...

Съ первыхъ же шаговъ своихъ въ Парижѣ, Г., переѣхавшій на постоянную квартиру, въ Avenue Marigny, откуда онъ писалъ въ «Современникъ» 1847 г., — Г., говорю, по складу своего ума и наклонности къ энергическому вчинанію при всякой данной задачѣ, очутился какъ-бы въ своемъ родномъ элементѣ. Онъ бросился тотчасъ же въ это сверхающее море отважныхъ предположеній, безпощадной полемики, всевозможныхъ страстей и вышелъ отсюда новымъ и крайне нервнымъ человѣкомъ. Мысль, чувство, воображеніе приобрѣли у него болѣзненную раздражительность, которая сказывалась, прежде всего, въ негодованіи на господствующій политическій режимъ, который занимался обезсиливаніемъ однихъ ученій другими. Затѣмъ, не менѣе гнѣва и злобы возбуждала въ немъ и ясность реформаторскихъ проектовъ, фальшиво обѣщающихъ положить конецъ всѣмъ преніямъ и уже торжествующихъ побѣду, прежде самаго сраженія. То и другое явленіе одинаково казались ему признаками несостоятельности общества, и въ одну изъ минутъ задумчиваго анализа ощущеній, полученныхъ имъ при первомъ знакомствѣ съ европейскимъ социализмомъ, онъ написалъ одну изъ тѣхъ своихъ статей, которая можетъ назваться самымъ пессимистскимъ созерцаніемъ западнаго развитія, какое только высказывалось по-русски; но зато она и была имъ писана уже *съ другого берега* — онъ видѣлъ теперь во-очию то, что до сихъ поръ было ему извѣстно издали. Несмотря на эту исповѣдь, Г. подчинился почти безусловно тому самому движенію, которое считалъ безысходнымъ. Долгое обращеніе съ предметомъ изслѣдованія втянуло его въ его интересы, въ его задачи и намѣренія, что часто бываетъ со страстными натурами, встрѣчающими на пути слѣпыя, но непоколебимыя вѣрованія. Не было человѣка, который бы безпощаднѣе отзывался о несостоятельности европейскаго строя жизни и который бы имѣлъ съ тѣмъ столь рѣшительно пристроивался къ нему, по-вѣряя имъ свою дѣятельность, матеріальныя и умственныя привычки. Письма Г. изъ Avenue Marigny уже носили на себѣ ясный, хотя еще и осторожно наложенный штампель гуманныхъ идей, съ намеками на вопросы новаго рода, такъ что они должны считаться первыми пробами приложенія въ русской литературѣ социологическаго способа понимать и обсуждать явленія. Начиная съ разбора драмы Феликса Пиа и до подробностей парижскаго быта — все въ нихъ отражало настроеніе, почерпнутое изъ другихъ источниковъ, а не изъ тѣхъ, которыми пи-

тались наши философскія, замаскированно-либеральныя и филантропическія тенденціи. Друзья Г. въ Москвѣ и Петербургѣ любовались этимъ оригинальнымъ, всегда блестящимъ, но вмѣстѣ и новымъ поворотомъ его таланта, и не предчувствовали, что тутъ начинается дѣло, которое далеко уведетъ отъ нихъ автора писемъ въ сторону, да и самъ авторъ еще и не помнилъ о томъ, гдѣ очутится, по логическому развитію принциповъ и ихъ послѣдствій.

Впрочемъ, московскіе друзья Г., любя сатирическую мѣткостью писемъ, восхищаясь остроуміемъ ихъ замѣтокъ и обвиненій, часто останавливаясь по-долгу на проблескахъ глубокой мысли въ опредѣленіи текущихъ явленій тогдашняго французскаго общества, — друзья, все-таки не вполне вѣрили въ объективную правду писемъ, и считали ихъ отчасти произведеніемъ обычнаго фронтёрства, свойственнаго всѣмъ путешественникамъ, которымъ стыдно съ перваго же раза поворотиться чужой странѣ и не сдѣлать оговорокъ, вступая въ близкія съ ней связи. Отголосокъ этого мнѣнія сказанъ всего сильнѣе у В. П. Боткина, что и заставляетъ меня сдѣлать выписку изъ московскаго его письма ко мнѣ, отъ 12 октября 1847 г.:

«Кстати, прочелъ въ 10 № «Современника» три письма Г. изъ Avenue Maigny и прочелъ ихъ съ самымъ живымъ удовольствіемъ. Первое письмо хуже прочихъ: въ немъ даже замѣтно нѣкоторое усиліе съострить; разумѣется, не вездѣ, но кое-гдѣ острота не выжета сама собою къ перу, къ фразѣ. Что касается до его взгляда на театры и городъ, то при всемъ его превосходствѣ, при всемъ блескѣ и глубокомысліи, по-моему мнѣнію, это все-таки *первое*, *наилонное* впечатлѣніе. Je ne cherche pas chicane à sa manière de voir — и вполне признавая за нимъ право смотрѣть на вещи подъ своимъ угломъ, я все-таки остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи и не стану подражать славянской нетерпимости Г., который меня разбранилъ за то, что я осмѣлился быть не одного съ нимъ мнѣнія. Во-вторыхъ, я прочелъ его письма съ наслажденіемъ: это такъ увлекательно, такъ игриво, это — арабескъ, въ которомъ шутка свивается съ глубокой мыслью, сердечный порывъ съ летучей остротой; что мнѣ за дѣло, что я о многомъ думаю совершенно иначе; всякій имѣетъ право смотрѣть на вещи по-своему, и Г. смотритъ на нихъ такъ живо, такъ увлекательно, что я вовсе теряю желаніе спорить: наслажденіе пересиливаетъ всякое другое чувство. Но, по моему мнѣнію, главный недостатокъ ихъ въ неопредѣленности точки зрѣнія; да, мнѣ кажется,

Г. не далъ себѣ яснаго отчета ни въ значеніи стараго дворянства, которымъ онъ такъ восхищался, ни въ значеніи bourgeoisie, которую онъ такъ презираетъ. Что же за этимъ у него остается? Работникъ. А земледѣлецъ? Неужели Г. думаетъ, что уменьшеніе избирательнаго ценза измѣнитъ положеніе буржуазіи. Я не думаю. Я не поклонникъ буржуазіи, и меня не менѣе всякаго другого возмущаетъ и грубость ея правовъ, и ея сильный прованзмъ, но въ настоящемъ случаѣ для меня важенъ фактъ. Я скептикъ; видя въ спорящихъ сторонахъ въ каждой столько же дѣльнаго, сколько и пустого, я не въ состояніи пристать ни къ одной, хотя въ качествѣ угнетеннаго—классъ рабочій, безъ сомнѣнія, имѣетъ всѣ мои симпатіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не прибавить: дай Богъ, чтобы у насъ была буржуазія! *Cet air de matador*, съ которымъ Г. все рѣшаетъ во Франціи—очень милъ, увлекателенъ, а его, мочи нѣтъ, какъ люблю въ немъ, именно потому, что знаю мягкое, голубинное сердце этого матадора, но вѣдь рѣшеніе Г. ровно ничего не уясняетъ: оно только сводитъ по вещамъ. Всѣ эти вопросы до такой степени сложны, что невозможно поднять ни одинъ, не поджавши вмѣстѣ съ нимъ нѣсколькихъ»...

Итакъ, даже оставляя въ сторонѣ личные счеты В. П. Боткина съ Г., который высказывалъ ему часто горькую правду по поводу его безхарактерной поправки всѣмъ внѣшнимъ приманкамъ парижской жизни—приведенный отрывокъ все-таки выражалъ мнѣніе и другихъ друзей Г., хорошо понимающихъ причины и поводы демократическихъ возгласовъ о буржуазіи въ ея отечествѣ, но считавшихъ такіе возгласы непригодными для русскаго общества, которое еще лишено образовательныхъ элементовъ, принесенныхъ нѣкогда этой самой буржуазіей въ исторію. Притомъ же, друзья и не знали, куда еще завестъ Г. его огульное осужденіе Европы, и боялись, что авторитетное слово его отразится въ извращенномъ видѣ на умахъ и представленіяхъ русскихъ читателей. Того же самого боялись они и от исповѣди Бѣлинскаго, когда онъ попалъ за-границу и обнаружилъ возрѣніи на западную культуру, близкое подходившія къ возрѣніямъ Г., о чемъ еще будемъ говорить. Можетъ быть, въ числѣ причинъ, побудившихъ Г. написать позднѣе вышеупомянутую свою статью, было и желаніе разъяснить друзьямъ свои истинныя отношенія къ европейскому міру, и мѣсто, которое онъ намѣренъ въ немъ занять. Извѣстно, что въ статьѣ противопоставлялось безвыходному положенію европейскаго общества появленіе народа, одно присутствіе котораго въ Европѣ тревожитъ

умы, который извѣстенъ только съ мрачныхъ сторонъ своихъ, но который несетъ съ собой народную культуру, качества мысли и сердца, имѣющія, повидимому, большую будущность въ этой нотѣ, впервые раздавшейся у Г. въ упомянутой статьѣ. Г. потомъ часто возвращался и пробовалъ брать эту ноту на множество ладовъ, но она не у всѣхъ друзей вызвала сочувствіе, а нѣкоторые долго находили ее напряженной и фальшивой, несмотря ни на какія варьяціи и смягченія, которыми сопровождалъ ее по-часту авторъ...

Между тѣмъ, жизнь Г. шла по-прежнему очень шумно и весело, несмотря на внезапныя остановки его посреди разсѣяній и развлеченій Парижа и наступающія за ними заботливыя ощущенія почвы подъ своими ногами; но перерывы эти были не долги, кругъ знакомыхъ его все болѣе и болѣе увеличивался, бесѣды разрастались, говоръ усиливался ¹⁾. Ни онъ, да и никто изъ русскихъ друзей его вовсе и не думали о томъ, что можетъ наступить минута, когда жить амфибіей посреди двухъ міровъ — западнаго и русскаго — не станетъ возможности, и придется выбирать между порядками, одинаково сильно и ревниво, хотя и на различныхъ основаніяхъ, предъявляющими права на обладаніе всѣмъ человѣкомъ. Минута была не за горами (всего одинъ годъ раздѣлялъ ее отъ людей), но когда она пришла, — наступили горькіе расчеты, болѣзненные пожертвованія, вынужденныя, противоестественныя отреченія, испортившія окончательно жизнь Г., да и многихъ другихъ еще вмѣстѣ съ нимъ.

П. Анненковъ.

¹⁾ Увлеченіе потокомъ разбухшей передъ нимъ жизни отражалось и на планахъ писательской его дѣятельности. Онъ началъ повѣсть изъ французской революціи 89 года съ русскимъ дѣятелемъ посреди ея, и не усомнился послать разсказъ въ „Современникъ“. Позднѣе Панаевъ говорилъ мнѣ въ Петербургѣ: Г. съ ума сошелъ, посылаетъ намъ картины французской революціи, точно она у насъ дѣлоприванное и позабытое. Повѣсть, разумеется, не пошла въ печать, а явилась за границей, въ особомъ сборникѣ.

РУССКІЙ РАСКОЛЪ

И

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ИСТОРИЧЕСКІИ ОЧЕРКИ ИЗЪ НОВАЙШАГО ВРЕМЕНИ.

Слишкомъ дѣйстви тѣльнѣе длится у насъ борьба съ отпадшими отъ православной церкви, и, несмотря на всевозможныя мѣры, начиная съ гоненій средневѣкового характера и кончая чуть не вѣротерпимостью, все-таки не имѣеть успѣха. Это поистинѣ колоссальное явленіе духовно-нравственнаго движенія русскаго народа, какъ то теперь дознано духовными и свѣтскими писателями, составляетъ весьма сложный результатъ разнородныхъ причинъ и слѣдствій, вытекшихъ насколько изъ прошлой исторіи церкви, настолько же, если не въ болѣе мѣрѣ, изъ исторіи развитія государственной и народной жизни послѣднихъ двухъ столѣтій. Недовольные «новшествами», церковными и государственными, носители старины русской, подъ знаменіемъ вѣры и древне-церковныхъ обрядовъ, откололись отъ православія и открыли брань съ церковью и государствомъ — «брань съ антихристомъ». Почти съ самаго момента появленія раскола рѣзко обнаружались у однихъ — вѣрнѣйшій, сплоченный союзъ поклонниковъ старины, у другихъ — «нещадныя градскія казни церковныхъ мятежниковъ». Мы не будемъ останавливаться на темной картинѣ гоненій XVII-го и первой половины прошлаго столѣтія; пройдемъ также мимо свѣтлой полосы отношенія государства къ расколу, начиная съ Петра III-го и за все время цар-

ствованія Екатерины II-й; но за то послѣдовательно, шагъ за шагомъ, прослѣдимъ рядъ мѣръ, принимавшихся противъ раскола въ текущемъ столѣтіи, и, указывая на послѣдствія ихъ, постараемся, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, говорить одними фактами объ ихъ цѣлесообразности или недостаткахъ. Едва ли слѣдуетъ упоминать, что знакомство съ историческимъ развитіемъ законодательства, а также административной и церковной дѣятельности противъ раскола, можетъ служить не малымъ, если не главнымъ подспорьемъ къ разрѣшенію постановленныхъ въ настоящую минуту вопросовъ, касательно такого сложнаго и до настоящаго времени почти загадочнаго для насъ явленія, какъ расколъ.

I.

Еще въ началѣ царствованія Екатерины II-й, подъ напоромъ либеральныхъ стремленій императрицы, проявленныхъ ею въ отношеніи раскола ради государственныхъ интересовъ, были изданы облегчительные законы, дозволявшіе возвращеніе изъ-за границы бѣжавшимъ, уничтожившіе слѣдственные комиссіи и не воспрещавшіе записываться въ купцы и въ двойной окладъ, которымъ обложены были раскольникъ со временъ Петра I. Но эти законы не затрогивали существа старообрядческой жизни и даже во многомъ не остановили прежнихъ порядковъ въ отношеніи управленія раскольниками. Синодъ и сенатъ еще не усвоили новаго и оставались вѣрными старому направленію; низшія власти, свѣтскія и духовныя, не переставали тѣснить раскольническія общества. Внѣшнія заботы отвлекли тогдашнее правительство отъ внутреннихъ интересовъ; но безпрестанные факты самосожженія и возмутительныхъ расправъ снова обратили вниманіе лучшихъ людей и императрицы на жизнь старообрядчества. Дальнѣйшія облегченія шли помимо сената и синода, частными высочайшими повелѣніями, которымъ всѣчески старались давать ограничительное толкованіе. Уничтоженъ былъ двойной окладъ, оставлено было право на отправление общественныхъ должностей, наконецъ, сила и вліяніе такихъ лицъ, какъ Румянцевъ-Задунайскій и Потемкинъ-Таврическій положили въ основаніе новое, серьезное право — право на общественное богослуженіе. Въ послѣдующее царствованіе приходилось развить это право съ тѣмъ, чтобы отдѣлить соединяющихся людей старой вѣры отъ тѣхъ, съ которыми не оставалось никакого способа соглашенія, и въ пользу которыхъ дальнѣйшія уступки со

стороны церкви признавались невозможными. Но, кромѣ этого, съ воцареніемъ императора Павла I на очереди стояло множество другихъ, и притомъ самыхъ серьезныхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. Во-первыхъ, право общественнаго богослуженія, т.-е. право имѣть своихъ священниковъ, свои церкви и открыто производить въ нихъ богослуженіе все-таки не было установлено общимъ закономъ для старообрядцевъ всей имперіи. Было дано черезъ митрополита Гавріила высочайшее разрѣшеніе только для старообрядцевъ бѣлорускаго, малороссійскаго и екатеринославскаго намѣстничества, и для новороссійскаго края по настоянію князя Потемкина; но для всей имперіи это былъ законъ сепаратный, не общій. Во-вторыхъ, и—что самое главное—неизвѣстно было, какимъ старообрядцамъ дозволено это право: всѣмъ-ли, приемлющимъ священство, или только тѣмъ, кои ставятъ необходимымъ и единственнымъ условіемъ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ и сохраненія двоеперстаго знаменія? По крайней мѣрѣ, до времени Павла I только эти двѣ уступки и сдѣланы были синодомъ. Наконецъ, въ-третьихъ, оставался неразрѣшеннымъ, также не менѣе важный, вопросъ о томъ, признается ли за сдѣланными двумя уступками церковь старообрядцевъ православною, или только остается терпимою, пожалуй, присоединенною, но, во всякомъ случаѣ, не единою православною церковью? Всѣ эти вопросы въ болѣе или менѣе опредѣлительной формѣ были разрѣшены въ царствованіе Павла I.

Изъ первоначальныхъ указовъ синода этого царствованія видно, что синодъ не допускалъ права общественнаго богослуженія и совершенія таинствъ старообрядческими священниками внѣ района, дозволеннаго старообрядцамъ общественнаго богослуженія. Въ селѣ Павловѣ, новгородской губерніи, обнаруженъ былъ бракъ крестьянина Махнева съ крестьянкою того же села, Савериановою, совершенный мимо проѣзжавшимъ раскольниковымъ попомъ. Синодъ рѣшилъ, чтобы навести справку—православные-ли они?—загнѣвъ, если они состояли въ старообрядствѣ, то подвергнуть увѣщанію, а о вѣнчавшемъ «сей бракъ раскольниковымъ попѣ,—писать синоду,—послѣку истребленіе спонсницъ бѣглыхъ людей и бродягъ, и какимъ образомъ ихъ ловить, относится къ должности канитанъ-исправника, сообщить въ губернское правленіе о сискѣ его, а когда сисканъ и доставленъ будетъ въ консисторію, поступить съ нимъ, яко лжеучителѣ раскольническомъ по силѣ законовъ» (7-го сентября 1797 года). Ясно, что синодъ здѣсь держится вполнѣ старыхъ порядковъ. Онъ не входитъ въ обсужденіе, какова толва эти старообрядцы,

кто этотъ пошъ;—бракъ не завошеъ, пошъ бродяга, потому что дѣло было въ новгородской губерніи, а потому головою выдаетъ его капитанъ-исправнику и канцеляріи.

Не знаемъ, по поводу ли этого случая или какого другого обстоятельства, но только преосвященный новгородскій митрополитъ Гавріилъ не раздѣлялъ взгляда синода, и въ томъ же году подалъ представленіе для доклада императору о дозволеніи старообрядцамъ его епархіи имѣть свои церкви. Это уже другой разъ приходилось почтенному архипастырю отстаивать права старообрядующихъ, и на этотъ разъ представленіе его имѣло полный успѣхъ. Императоръ собственноручно написалъ: «Жительствующимъ въ новгородской епархіи старообрядцамъ позволить имѣть у себя церкви и собственныхъ священниковъ, рукоположенныхъ отъ епархіальнаго архіерея для отправленія службы божіей по старопечатнымъ книгамъ, сходственно съ представленіемъ епископа, которому собственному усмотрѣнію предоставить и исправленіе тѣхъ священниковъ въ случаѣ какихъ-либо учиненныхъ ими преступленій, духовной эпитиміи подлежащихъ». Но вромѣ этого, императоръ Павелъ добавилъ: «На семъ основаніи синодъ можетъ равнобѣрное дозволеніе давать и по другимъ епархіямъ, когда изъ оныхъ вступать будутъ впредь подобныя о старообрядцахъ представленія или прошенія».

Съ этого времени начинаются непрестанныя ходатайства о дозволеніи построекъ старообрядческихъ церквей. Прежде всѣхъ обратились съ просьбою въ синодъ купцы и мѣщане г. Новоторжка во главѣ съ тамошнимъ купцомъ Морозовымъ. «Вудучи руководствуемы предками,—писали они,—и священниками, самовольно отъ мѣстъ своихъ отлучившимися, издавна привыкли молиться Богу по старопечатнымъ книгамъ, изданнымъ при святѣйшихъ русскіихъ патріархахъ до лѣтъ Іосифа и Никона, патріарховъ московскихъ, и ихъ обрядамъ; но такъ какъ познали мы изъ священнаго писанія и святыхъ отецъ преданій, что христіане безъ соединенія церкви и святыхъ таинъ, чрезъ архіерея и правильно произведеннаго священника преподаваемыхъ, быть и сноситься не могутъ, то мы просимъ дать намъ въ г. Торжкѣ церкви и священника съ дозволеніемъ ему отправлять въ ней службу и всѣ требы въ домахъ по старопечатнымъ книгамъ и обрядамъ нашимъ и таковымъ снисхожденіемъ присоединить насъ къ православной церкви». Синодъ удовлетворилъ просьбу просителей, хотя велѣлъ въ то же время тверской консисторіи отобрать отъ Морозова подписку, чтобы этимъ снисхожденіемъ пользовались единственно родившіеся и воспитанные въ старообряд-

чествѣ, и чтобы вновь въ свое общество они никого не принимали.

Но не всегда мѣстные архіереи высказывали свое слово за присоединеніе; иные шли противъ этого. Такъ, иркутскій преосвященный Веніаминъ, на просьбу старообрядцевъ верхнеудинскаго округа, далъ заключеніе, что подобнаго разрѣшенія дѣлать не слѣдуетъ, такъ какъ въ старообрядчествѣ «введены многія крайнія, а нѣкоторыя и еретическое значеніе имѣющія церемоніи, о каковыхъ въ печатныхъ книгахъ до патріаршества Никона вовсе не упоминается»; и кромѣ того, — добавляетъ епископъ, «что они, гдѣ должно упоминать о высочайшемъ имени его императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ, не хотятъ называть его величество ни благочестивымъ, ни самодержавнымъ, а точію державнѣйшимъ; о святѣйшемъ же синодѣ и вовсе не упоминаютъ, и когда имъ, епископомъ, повѣренныя стороны были спрошены, для чего бы имъ не хотѣлось, хотя-бы сему вѣрному въ церкви учрежденію сообразоваться, отвѣтствовали, что таковыхъ словъ нѣтъ въ старопечатныхъ книгахъ». Несмотря на такое представленіе, синодъ разрѣшилъ постройку церкви и общественное богослуженіе и тѣмъ какъ-бы высказалъ мнѣніе, что упомянутыя уклоненія не могутъ служить препятствіемъ къ соединенію. Вслѣдъ за этимъ, въ томъ же 1798 году, разрѣшено было с.-петербургскимъ старообрядцамъ устроить церковь въ домѣ купца Милова, затѣмъ то же разрѣшено было въ Твери; въ слободѣ Радугѣ, черниговскаго уѣзда, дозволено было освятить старую старообрядческую церковь; наконецъ, особымъ высочайшимъ указомъ 1800 года дозволено было московскимъ старообрядцамъ устроить церковь столько, «сколько для нихъ потребно будетъ».

Чѣмъ же отразилась подобная небывалая до этого времени свобода на самомъ старообрядчествѣ? Первое, какъ указываютъ акты того времени, это—то, что явилось значительное число присоединившихся къ православію. Въ одномъ постановленіи синода приводится ссылка на письмо преосвященнаго Павла, епископа тверскаго, къ митрополиту Гавріилу, въ которомъ онъ пишетъ, «что въ новгородской епархіи тысячи обратились изъ раскола, даже самые схимники оставили по крайней мѣрѣ то чужденіе и дикость, какую имѣли сперва къ священству, ненавидя его, и стали тише и кротче». Второе—то, что духовное начальство стало строже смотрѣть за всѣми, кто не ходилъ къ исповѣди, начало требовать вѣнскаго за это штрафа, и притомъ будь это присоединившіеся старообрядцы или православные. Въ постановленіи

1800 года 3-го марта, синодъ прямо высказалъ, что такъ какъ въ настоящее время нѣтъ уже раскольниковъ, нѣтъ для нихъ двойного оклада, пользуются они такимъ же, какъ православные общественнымъ богослуженіемъ, то «таковая ихъ отъ платежа за небытіе у исповѣди штрафа свобода не только дастъ имъ предъ правовѣрными выгоду, но служить нѣкоторымъ и нѣтъ правовѣрныхъ слабымъ въ вѣрѣ и нерадящимъ о должностяхъ христіанскихъ поводомъ къ удаленію отъ православной церкви». Затѣмъ въ другомъ указѣ синодъ нанеожиданнѣе велѣлъ подтвердить всѣмъ священнослужителямъ, «чтобы бывшихъ и небывшихъ у исповѣди и у святаго причастія прихожанъ въ духовныхъ росписяхъ писали по самой сущей справедливости безъ всякихъ продѣлокъ, не требуя у нихъ за требы излишняго». Кромѣ того, дарованное право общественнаго богослуженія произвело переполохъ и въ самомъ старообрядчествѣ. Не имѣя этого права, совершая богослуженіе тайно, старообрядчество, какъ извѣстно, распалось на нѣсколько толковъ и согласій, отдѣляя отъ себя секты крайнія и даже въ полномъ смыслѣ еретическія. Теперь открытъ былъ путь къ соединенію; но это самое заставило остающихся въ отпаденіи сплотиться еще крѣпче въ своихъ согласіяхъ и еще болѣе позаботиться объ упорядоченіи своего ученія. Разумѣется, нашлось не мало удовольствовавшихся дарованными «снисхожденіями», въ особенности когда они по настояніямъ митрополита Гавріила получили распространительное толкованіе; но не мало также осталось и такихъ, которые видѣли въ этомъ послѣдній шагъ къ поглощенію ихъ ученія православіемъ. Это заставило многихъ еще крѣпче стоять за свои обряды и вѣрованія и еще энергичнѣе отвергать всѣ дѣлаемыя церковью предложенія. Если порѣдѣли ряды согласій, приемлющихъ священство, то число безпоповцевъ увеличилось, а еще болѣе увеличилась секта крайнихъ воззрѣній. До этого времени эти послѣдніе терпѣлись въ массѣ старообрядства; теперь, стоя особнякомъ, они стали виднѣе и замѣтнѣе. Дѣйствительно, въ этотъ періодъ, кромѣ уже ранѣе обнаруженныхъ хлыстовской секты, секты скопцовъ, обозначилась еще секта духоборцевъ. Правительство отнеслось къ этой сектѣ крайне строго въ особенности за то, что духоборцы не признавали Богомъ установленной власти на землѣ. Въ именномъ указѣ, данномъ 28 августа 1799 г. правительствующему сенату, было сказано: «По случаю открывшейся нынѣ въ новороссійской губерніи духоборческой ереси, издавна въ Россіи умы и сердца развращающей и противу воли при началѣ царствованія нашего, слѣдуя человеколюбію, употребили

мы наикротчайшія мѣры, надѣясь, что та гнусная секта восчувствуетъ наше отеческое въ ней снисхожденіе и на путь истинный разсудка, чести и вѣры обратится, видя по существованію еще оной, сколь участники ея суть нашей помѣды не достойны, повѣщавшіе сенату: согласно съ представленіемъ новороссійскаго гражданскаго губернатора Селедзга всѣхъ обвиненныхъ въ ереси духоборческой, числомъ 31 человекъ, отослать въ Ематерибургъ вѣчно къ разработкѣ рудниковъ, содержа ихъ всѣхъ сѣванными и употребляя въ наипгчайшія работы, дабы сіи духоборцы, отвергающіе вѣщную власть на землѣ, предѣломъ Божиимъ постановленную, восчувствовали чрезъ сіе, какъ слѣдуетъ, то, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленные на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и назиданіе. Впрочемъ, въ послѣдующихъ указахъ правительство оказывается гораздо снисходительнѣе, какъ то видно изъ дѣла по обнаруженію духоборцевъ въ новгородской губерніи, въ селеніи Чудновѣ и въ самой Москвѣ. Намонецъ, еще однимъ послѣдствіемъ предоставленнаго права на общественное богослуженіе былъ переходъ значительнаго числа православныхъ священниковъ въ старообрядчество, что обусловливалось большимъ спросомъ ихъ для вновь учреждаемыхъ старообрядческихъ церквей, а также и тѣмъ, что старообрядчество содержало своихъ поповъ гораздо обезпеченнѣе, чѣмъ то подушное содержаніе, каковымъ пользовался православный причтъ.

Но положеніе старообрядчества было бы все-таки неопредѣленнымъ, если бы не было дано основныя правила, указывающія, какую существенную равнуду допускаетъ церковь въ богослуженіи, или что признаетъ она несущественнымъ для объединенія. Правила эти были даны въ царствованіе Павла I. Московское старообрядчество, какъ представитель старорусской общности всей Россіи, прося о построеніи для себя церкви, вышѣсь съ тѣмъ выставило на разсмотрѣніе московскаго митрополита Платона пункты, по которымъ возможно было бы для нихъ открыть у себя богослуженіе, подъ вѣнчимъ управленіемъ православной іерархіи. Московское старообрядчество посматрѣло на дѣло прямо: оно не хотѣло терпимости, но хотѣло права; не хотѣло дозволенія и снисхожденія, а хотѣло самобытной жизни своей церкви, покоящейся на старинныхъ обычаяхъ и старой общности. Съ того и начинаютъ московскіе старообрядцы: они просятъ, чтобы съ нихъ были сняты вѣнчмы московскихъ соборовъ, которыми ихъ оторгли отъ православной церкви, назвали еретиками, церковными мѣтежниками и передали свѣтской власти для преданія

«градскимъ казнямъ». На этотъ пунктъ вопроса старообрядцевъ митрополитъ Платонъ даетъ разрѣшеніе, говоря: «Ибо хотя церковь на нихъ оныя возложила праведно, что они и сами признають, почитая ими себя связанныхъ и отъ оныхъ просить разрѣшенія; но какъ нынѣ они сближаются, или паче соединяются съ церковью, и истину ея, и таинство, и священство ея признають дѣйствительными; то и потребно ей разрѣшеніе и не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣсть быть отягощаема, подъ каковыми отторгающіеся еще отъ церкви имѣють и впредь состоять праведно». Такимъ образомъ, разрѣшеніемъ этимъ отмѣнено постановленіе московскихъ соборовъ и признано, что сохраненіе двоенерстнаго знаменіи и другихъ обрядовъ старой церкви, за что гнались русскіе люди въ теченіи болѣе ста лѣтъ, не препятствуетъ не только сближенію, но и соединенію съ православною церковью, т. е. что это — та же православная церковь, только стараго обряда.

На просьбу московскихъ старообрядцевъ имѣть у себя священниковъ или тѣхъ, кои сами захотятъ, или избранныхъ архіереемъ, или изъ бывшихъ старообрядческихъ, но во всякомъ случаѣ поставленныхъ съ согласія общества и черезъ хиротонію по старопечатнымъ книгамъ, митрополитъ Платонъ изъявилъ согласіе, за исключеніемъ поставленія бывшихъ старообрядческихъ поповъ: «а прежнихъ ихъ поповъ, — пишетъ Платонъ — яко бѣглецовъ и предателей церкви, совѣсти и сана своего, въ таковой церкви не опредѣлять». Этимъ разрѣшеніемъ еще болѣе подтвердилось общее положеніе, что церковь единовѣрческая одна и та же церковь, ибо священство въ ней получаетъ рукоположеніе изъ одного и того же источника, и во власти епископа соединяются права «вязать и рѣзать» и въ пастырь стараго, и въ пастырь новаго обряда. Но въ отказѣ посвящать бывшихъ старообрядческихъ поповъ является противорѣчіе, такъ какъ они были священниками той же православной церкви. Объяснять это запрещеніе тѣмъ, что церковь не отпускаетъ имъ прежняго грѣха — побѣгъ изъ православія, не основательно — потому, что самое дѣяніе, для котораго они убѣгали, церковь не признаетъ теперь преступнымъ. Между тѣмъ это запрещеніе остановило многихъ отъ присоединенія къ единовѣрію, чему способствовали, разумѣется, лишенные права священства бѣглые священники.

Въ третьемъ пунктѣ московское старообрядчество просило благословить богослуженіе, таинства и требы христіанскія по прежде печатаннымъ книгамъ при всероссійскихъ патріархахъ Іовѣ, Ермогенѣ, Филаретѣ, Іосифѣ и Іоасафѣ, и чтобы освященіе церквей

и антиминисовъ производилось по этимъ книгамъ. И это было разрѣшено. «Хотя въ книгахъ, ими упомянутыхъ, пишеть Платонъ, и находятся нѣкоторыя погрѣшности, но не въ существенныхъ вѣры догматахъ, а въ словахъ и обрядахъ, а приобрѣтеніе мира церковнаго есть важнѣе его».

Далѣе старообрядцы просили, чтобы ихъ и ихъ священниковъ не требовали въ соборныхъ моленіяхъ, такъ какъ они будутъ совершать ихъ въ старообрядческихъ церквахъ; также просили не допускать на ихъ общія моленія «знаменующихся тремя персты, браны брѣющихъ и прочіе, имѣющихъ несогласіе съ древними обычаями», и о томъ, чтобы старообрядцамъ, «хотя и незаписаннымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества грекороссійской церкви, не возбранять присоединяться къ церкви старообрядческой». На это митрополитъ Платонъ сдѣлалъ слѣдующую оговорку: «Но что надлежитъ до недопущенія ими въ церковь нѣкоторыхъ ими объясненныхъ особъ, на сіе согласиться предосудительно; а предоставить сіе благоразсужденію опредѣленныхъ къ нимъ священниковъ и поставленіямъ епископа. А чтобы не возбранять присоединяться къ церкви ими просимой и другимъ незаписаннымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества грекороссійской церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи епископа, что они никогда дотоѣ въ церковь православную не ходили и таинства ея не принимали, и то нашедши его таковымъ, при принятіи въ церковь, прочесть надъ нимъ разрѣшительную молитву. А въ церкви нашей православной доселѣ бывшихъ никакъ до такого присоединенія не допускать».

Приняты были также пункты о томъ, чтобы по духовнымъ дѣламъ старообрядческое духовенство и сами старообрядцы были въ вѣдѣніи только епископа. Не было возраженія противъ того, чтобы не повторялись священнодѣйствія, совершенныя прежними старообрядческими попами, чтобы налагаемыя епископами на старообрядческое духовенство епитиміи исполнялись ими въ ихъ церквахъ, чтобы при смѣшанныхъ бракахъ бракосочетаніе совершалось въ одной изъ церквей по желанію брачующихся. На просьбу, чтобы старообрядческіе священники были на исповѣди только у священниковъ старообрядцевъ, и чтобы епископы дозволяли имъ молиться двое-перстно, предоставлено первое — совѣсти священника, а второе — совѣсти и благоразумію епископа, посвящающаго въ санъ старообрядческаго священника. Приобщаться св. таинъ православному отъ старообрядческаго священника допущено только на смертномъ одрѣ, когда не случится найти православнаго свя-

щенника; наоборотъ, старообрядцамъ приобщаться отъ православнаго священника не возбранялось. Наконецъ, въ одномъ пунктѣ, старообрядцы, считая для себя обязательнымъ вести трое-частныя книги (записи брачныя, рожденія и смерти, исповѣдныя росписи), вмѣстѣ съ тѣмъ просили, чтобы не исповѣдующихъ не привлекали къ гражданской отвѣтственности, а налагали бы на нихъ духовныя наказанія—эпитиміи. На все это митрополитъ изъявилъ полное согласіе и добавилъ, что слѣдовало бы и православныхъ отъ штрафа освободить, такъ какъ за духовное прегрѣшеніе слѣдуетъ только духовное наказаніе.

Въ послѣднемъ пунктѣ своего ходатайства московское старообрядчество заявило, что «распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослуженія; ибо такая обосторонняя разность, какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы и сынове грекороссійскія церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя, соборныя, апостольскія церкви». На это Платонъ отвѣтилъ: «Требованіе благое и достойное, чтобы оное было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности»; въ концѣ же сдѣлалъ заключеніе, чтобы слово старообрядецъ было замѣнено словомъ «соединенецъ» или «единовѣрецъ», церковь ихъ чтобы называлась «единовѣрческою», а остальныхъ отторженныхъ называть «раскольниками». Митрополитъ Платонъ находилъ необходимымъ это распоряженіе огласить, «дабы всѣмъ вѣдомо было, по какой винѣ церковь нынѣ такое творить снисхожденіе и дабы развратныя не претолковывали, ази бы святая церковь свое прегрѣшеніе, а ихъ истину познала, какъ то нѣкоторые дерзаютъ и мыслить, и говорить».

Пункты эти и заключеніе митрополита 27 октября 1800 г. были утверждены императоромъ Павломъ, и на основаніи этихъ правилъ поконится единовѣрческая церковь по настоящее время. Правилами этими удовлетворились пока обѣ стороны, хотя первенство осталось за церковью новаго обряда, и она въ отношеніи къ единовѣрческой поставлена какъ правило къ допускаемому исключенію.

II.

Императоръ Александръ I засталъ въ средѣ людей стараго обряда и отпавшихъ отъ православной церкви согласій страшный переполохъ и смятеніе. Въ пунктахъ митрополита Платона одни видѣли только уступки со стороны церкви и го-

сударства, и потому, признавая свое ученіе правымъ, стали требовательнѣе, стали сильнѣе его пропагандировать и находили множество поклонниковъ; другіе объясняли эти уступки стремленіемъ церкви новаго обряда поглотить все старообрядчество и, не довѣряя новому закону, указывали на него, какъ на ловушку; третьи придали закону имп. Павла значеніе полной свободы отправленія богослуженія, и потому всѣ пріемлющія и непріемлющія священство согласія начали строить себѣ церкви, скиты, молитвенные дома; наконецъ четвертые, адепты крайнихъ сектъ, воспользовавшись замѣшательствомъ вѣрующихъ, открыли широкое поле своей пропагандѣ и успѣвали находить значительное число прозелитовъ.

Собственно устройство единовѣрческой церкви была одна изъ самыхъ плодотворныхъ идей, какія когда-либо приходили на мысль нашимъ законодателямъ въ отношеніи старообрядчества. Намѣтивъ путь къ единенію, наша церковь при нѣкоторой снисходительности къ обрядовой сторонѣ богослуженія имѣла бы возможность соединить подъ единовѣріе всѣ согласія, пріемлющія священство, и даже нѣкоторыя изъ безпоповщинскихъ сектъ. Ей стоило только правиламъ, намѣченнымъ въ высочайшемъ повелѣніи 27 октября 1800 года, дать болѣе широкое, распространенное толкованіе, а не останавливаться на мертвой буквѣ. Пусть бы старообрядчество входило въ единовѣріе и съ болѣшими уклоненіями отъ православія грекороссійскаго; пусть первоначально и не было бы желаемаго единства; но за то со временемъ, при развитіи единовѣрія, при свободной духовной жизни этой церкви, оно могло бы поглотить всѣ секты поповцевъ, объединить ихъ въ одно согласіе, и затѣмъ подъ общимъ главенствомъ нашихъ іерарховъ, все отколотое вновь сплотилось бы съ господствующею церковью, въ которой не было бы раскола, а явились бы только два теченія—теченіе самобытной старой церкви и новой—грекороссійской. Но синодъ поступилъ иначе. Онъ съ самаго начала сталъ строго придерживаться буквы утвержденныхъ пунктовъ и при малѣйшемъ несогласіи съ ними говорилъ «поп розсуживъ». Такъ, инокъ и настоятель высоковскаго старообрядческаго скита Герасимъ съ братією просилъ синодъ дать имъ троицкую вривоверскую пустынь, съ тѣмъ, чтобы избирать имъ настоятеля самимъ и чтобы священники рукоположены были архіереемъ изъ ихъ старообрядческой братіи. «Оставляя свое заблужденіе,—пишетъ братія,—мы желаемъ принимать священниковъ отъ епархіальнаго архіерея и быть подъ его смотрѣніемъ, такъ какъ святѣйшій синодъ и архипастыри, по бывшемъ отъ лѣтъ патріарха Никона отдѣленіи, на послѣдяхъ признали отправленіе богослуж-

женія по прежде печатаннымъ книгамъ за святое и спасительное». Синодъ отвергъ это ходатайство, указывая, что заключенія ихъ «не означаютъ истиннаго въ нихъ раскаянія о бывшемъ заблужденіи, но паче подтверждаютъ прежнее ихъ ожесточеніе». Между тѣмъ, уклоненіе просителей отъ пунктовъ митрополита Платона было самое незначительное, и, слѣдуя здравой терпимости, весьма возможно было бы для монашествующей братіи обойти правило назначенія священства, а о мотивахъ, высказанныхъ старообрядцами, не слѣдовало даже и упоминать, относя это къ словопреніямъ, а тѣмъ болѣе относиться въ такой формѣ упрека. Мало того, народъ, уважая болѣе старый обрядъ, отчасти, быть можетъ, и тайно придерживавшійся его, нерѣдко просилъ синодъ объ обращеніи православныхъ церквей въ старообрядческія. Синодъ, основываясь на правилахъ митрополита Платона, относящихся къ издавна удалявшимся отъ грекороссійской церкви, отклонилъ подобныя ходатайства, а этимъ самымъ поддерживалъ и распространялъ только тайное старообрядчество. Изъ уваговъ того времени мы видимъ, что только въ двухъ мѣстахъ разрѣшено было открыть единовѣрческія церкви — въ Екатеринбургѣ и на Демидовскихъ заводахъ; а затѣмъ разрѣшеній, да и самыхъ ходатайствъ въ синодъ не поступало. Ясно, что нетерпимость синода остановила дальнѣйшее присоединеніе къ единовѣрчеству.

Но синодъ былъ при этомъ виноватъ только вполонину, такъ какъ правительство, во имя свободомыслія, само взяло въ руки заботу объ охраненіи церкви и о возвращеніи отпадшихъ. Синоду оставалось отойти отъ этого дѣла, стоять постороннимъ зрителемъ, обратиться къ духовнымъ дѣламъ своей паствы и полностью вручить въ распоряженіе свѣтской власти заботу объ обращеніи отступниковъ. Дѣйствительно, синодъ временъ Александра I почти не касается дѣлъ раскола и не входитъ въ существо этого церковно-государственного вопроса. Оставшись строгимъ къ единенію церкви черезъ единовѣріе, отстранивъ отъ себя даже увѣщеваніе заблудшихъ, онъ занимается въ это время или вопросами частнаго права, правами супруговъ старообрядческаго и грекороссійскаго исповѣданія, участію прижитыхъ дѣтей, или вопросами церковно-административнаго управленія, исполненія распоряженій и судебныхъ рѣшеній свѣтской власти по отношенію духовныхъ взысканій съ виновныхъ. Въ царствованіе Александра I синодъ утратилъ прежнее церковно-правительственное значеніе, и его мѣсто замѣняли или оберъ-прокуроръ синода князь Голицынъ, предлагавшій ему только высочайшія повелѣнія къ исполненію, или министръ народнаго

просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Шиншкѣвъ, или министръ внутреннихъ дѣлъ Ководавлевъ. Указы этого времени относятся только къ разрѣшенію нѣкоторыхъ, впрочемъ немаловажныхъ вопросовъ, касающихся частной жизни старообрядчества и православія. Такъ, синодъ разрѣшилъ и установилъ правила относительно изданія старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ. Указомъ 2-го іюня 1801 года синодъ дозволилъ печатаніе этихъ книгъ въ типографіи князь-цовскаго посада и села Махновки мглинскаго уѣзда; затѣмъ установилъ, чтобы эти типографіи принадлежали обществу, а не частному лицу (19 апр. 1803 г.); наконецъ, надалъ правила, чтобы печатаніе старыхъ церковно-служебныхъ книгъ было сосредоточено исключительно въ Москвѣ при тамошней единовѣрческой церкви. Въ типографіи назначено было два надзирателя изъ духовныхъ особъ и нѣсколько попечителей изъ прихожанъ-единовѣрцевъ. По представленіи преосвященному оригинала старопечатной книги, его свѣряли черезъ надзирателей съ книгами, находящимися въ бібліотекахъ синодальной типографіи; затѣмъ каждый листъ набора долженъ былъ быть свѣренъ снова надзирателями, а по отпечатаніи книги, къ ней прикладывался такъ-называемый выходной листъ, въ которомъ послѣ словъ: «напечатана сія книга въ царствующемъ великомъ городѣ Москвѣ», велѣно было добавлять: «въ типографіи единовѣрческой церкви въ лѣто отъ сотворенія міра (такое-то), отъ рождества же по плоти Бога Слова (такое-то), индикта мѣсяца, съ книги, напечатанной въ такомъ-то городѣ, при такомъ-то патріархѣ». Для будущихъ изданій велѣно было оставлять одинъ экземпляръ за скрѣпною надзирателей, шнуромъ и печатью въ типографіи, а три экземпляра отсылать преосвященному, синоду и въ патріаршескую бібліотеку.

Другой болѣе важный вопросъ, разрѣшенный синодальною практикою того времени, былъ вопросъ о смѣшанныхъ православныхъ съ старообрядцами бракахъ. Чтобы уяснить взглядъ синода на этотъ важный вопросъ гражданскаго права, не утратившій силу и въ настоящее время, мы прослѣдимъ нѣсколько частныхъ его рѣшеній.

Купецъ Леонъ Шутовъ принесъ въ поле связанные образа протопопу и объявилъ, что онъ ходить въ церковь не будетъ и въ исправленіи требъ не нуждается, такъ какъ «содержитъ законъ Моисеевъ». Жена Шутова въ свою очередь подала прошеніе, что мужъ принуждаетъ ее съ девятилѣтнимъ сыномъ перейти въ духоворческую секту, а потому проситъ о расторженіи брака. Синодъ не расторгнулъ, основываясь на посланіи апостола

Павла къ коринѳянамъ гл. 7 ст. 12, а дозволилъ ей только жить въ особомъ домѣ, и преподалъ ей наставленіе молиться Богу и помнить ученіе Спасителя, изложенное у того же апостола, что «святися мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ» (18 ноября 1803 г.).

Крестянка Марія Трихонова, рожденная православною, на десятилѣтнемъ возрастѣ вмѣстѣ съ отцомъ перешла въ старообрядчество; на пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ она была выдана замужъ за старообрядца Михайлова, и бракъ ихъ совершили на Рогожскомъ кладбищѣ, какъ заявляетъ просительница, неизвѣстный человѣкъ—былъ ли то попъ или просто мужикъ, не знаетъ, а потому просить присоединить ее къ православію, а бракъ расторгнуть. Здѣсь синодъ нашелъ просьбу просительницы правильною, и по силѣ соборныхъ правилъ не призналъ это сопряженіе даже бракомъ.

Въ отиѣну своего прежняго рѣшенія въ дальнѣйшей практикѣ синодъ началъ расторгать браки, если одна сторона перешла въ расколъ, основываясь на посланіи Павла, гдѣ сказано: «аще невѣрный отлучается, да разлучатся, не поработится бо братъ или сестра въ таковыхъ». Замѣчательно однако то, что синодъ не расторгалъ брака, когда мужъ переходилъ въ скопчество, лишь бы было на это обоюдное согласіе брачующихся (см. 9 сентаб. 22 декабря 1807 г. 18 февраля 1808). Взамѣнъ того, всякое сопряженіе подъ именованіемъ раскольниковскихъ браковъ, при которомъ одинъ изъ брачующихся былъ православнымъ и совратился, синодъ признавалъ незаконнымъ, и виновныхъ, какъ прелюбодѣевъ, отсылалъ къ гражданскому суду (10 декабр. 1809 г.).

Относительно совершенія браковъ между лютеранами и духовборцами синодъ отказался дать свое заключеніе на запросъ государственной юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, говоря, «что духовборческая секта находится внѣ всякаго установленнаго исповѣданія христіанской религіи, что она есть не что иное, какъ только невѣжественное уклоненіе отъ правовѣрія и правилъ, утвержденныхъ св. православною нашею церковію, что блуждающіе въ семъ расколѣ не принадлежать къ сословію истинныхъ чадъ ея, и потому синодъ, не входя ни въ какое сужденіе насчетъ совершенія брака духовборца съ невѣстою, содержащею лютеранское исповѣданіе, не можетъ дать разрѣшеніе на сей случай». Но за то синодъ далъ чрезвычайно важное рѣшеніе относительно брачующихся старообрядцевъ, добровольно пожелавшихъ обѣднаться въ православной церкви. Рѣшеніемъ 22 января 1815 года синодъ прямо высказалъ: «Какъ видно,

Долгушинъ и Васильева, поморскаго толка, не желая жить любовно, согласились, чтобы бракосочетаніе ихъ совершилось въ церкви черезъ православнаго іерея, то чрезъ сіе не только сдѣлались участниками церковныхъ молитвъ, при семъ таинствѣ совершаемыхъ, но и сближаются къ истиннымъ христіанамъ», т.-е. этимъ самымъ синодъ показалъ, что наша церковь и для раскола не отказывается въ пріятіи нѣкоторыхъ таинствъ, какъ, напримѣръ, брака, безъ полнаго присоединенія къ ней.

Что касается погребенія и крещенія старообрядцевъ, то въ этомъ случаѣ синодъ выказалъ полное свое невмѣшательство. Епископъ калужскій доносилъ синоду, что тѣла умершихъ безпоповщинской секты хоронятъ сами крестьяне, притомъ ночью, скрытно и въ неуставленныхъ мѣстахъ. Земскіе суды, пишетъ епископъ, производятъ объ этихъ дѣлахъ слѣдствія, привлекая къ отвѣтственности крестьянъ и духовенство, производя тѣмъ большія имъ отягощенія и волокиты. Епископъ указывалъ, что такъ какъ раскольники этой секты въ Христа вѣруютъ, евангельское ученіе пріемлютъ только съ извращеннымъ толкованіемъ, и бываютъ терпимы между живыми, то могутъ быть терпимы и между мертвыми, а потому полагалъ предавать ихъ землѣ православными священниками по примѣру иновѣрцевъ. Синодъ отвергъ это предложеніе, говоря, что если это дѣлать противъ воли раскольниковъ, то можетъ быть принято ими за притѣсненіе, и на духовенство можетъ послѣдовать нареканіе. По другому случаю, гдѣ архангельская консисторія возбудила дѣло и настойчиво преслѣдовала виновныхъ за то, что одинъ изъ старообрядцевъ похоронилъ умершую, а другой окрестилъ младенца, синодъ постановленіемъ 1-го февраля 1818 г. разъяснилъ, что «духовенство не должно дѣлать никакихъ притязаній къ раскольникамъ, которыя насильствовали бы ихъ совѣсть по образу ихъ мыслей, а затѣмъ гражданское правительство, независимо отъ требованій духовнаго начальства, можетъ свободно дѣйствовать по точной силѣ узаконеній».

Такимъ образомъ, въ царствованіе Александра I синодъ совершенно отклонилъ отъ себя дѣла по расколу, и всю заботу о прекращеніи или уменьшеніи его предоставилъ свѣтскому правительству. Посмотримъ же теперь, какія мѣры принимало оно въ этомъ дѣлѣ?

«Общее правило, принятое мною на заблужденіе сего рода — пишетъ императоръ Александръ I тамбовскому губернатору по поводу распространившейся тамъ секты духоборцевъ, — состоитъ въ томъ, чтобы, не дѣлая насилія совѣсти и не входя въ розысканіе внутренняго исповѣданія вѣры, не допускать однакоже никакихъ

вышнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви и строго воспрещать всякіе въ семъ соблазны не въ видѣ ереси, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка». Вотъ программа, которую объявилъ Александръ I въ началѣ своего царствованія. Если она не вполне совпадаетъ съ свободою совѣсти, какъ понимается она въ послѣднее время, то все-таки она стоитъ неизмѣримо выше существовавшихъ до того взглядовъ. Здѣсь нѣтъ наказуемости и гражданскаго преслѣдованія за одно состояніе въ расколѣ, нѣтъ насилуванія совѣсти или принудительнаго увѣщеванія объ обращеніи, нѣтъ розыска признаковъ отступничества. Это былъ уже большой шагъ впередъ въ исторіи развитія у насъ вѣротерпимости. Законодательство наше, по крайней мѣрѣ въ этотъ періодъ, отрѣшилось отъ старыхъ отжившихъ формъ охраненія чистоты христіанскаго ученія, оно предоставило въ то время совѣсти каждому доискиваться христіанской истины и отклонило отъ себя въ этомъ дѣлѣ всякое механическое, принудительное человѣческое участіе. Къ сожалѣнію, мысль, выраженная Александромъ I, была настолько высока и настолько не вязалась со всѣмъ строемъ тогдашняго общества и формой государственности, что ей пришлось остаться одинокимъ свѣточемъ, блеснувшимъ среди мрака и утонувшимъ въ немъ, не произведя никакого видимаго результата. Тѣ прекрасныя слова о «свободѣ» отношеній человѣка къ Богу были высказаны среди закрѣпощенныхъ милліоновъ, которые нуждались въ свободѣ на землѣ, а имъ предлагалась свобода созерцанія, свобода возноситься мыслію къ небу. Вотъ почему народныя массы и воспользовались этою предоставленною имъ въ то время свободою для того, чтобы удариться въ мистицизмъ. Церковь, какъ мы видѣли, отступилась отъ духовно-нравственнаго направленія народа и оставила это на попеченіи свѣтской власти. Установленное сближеніе съ нею старообрядчества черезъ единовѣріе прекратилось. Началось духовное броженіе въ народѣ, стали расти и распространяться, вмѣсто прежняго старообрядчества, ереси самаго противонравственнаго направленія. Любый проходимецъ, бѣглый солдатъ, бродяга, увлекалъ темныя массы, основывалъ братства, согласія, коверкая и уродуя нравственную жизнь забытыхъ дѣтей природы. Скопецъ Селивановъ возвращается изъ Сибири и темною массою возводится въ божество. Скопецъ камергеръ Елянскій подаетъ Александру I-му въ 1804 г. проектъ скопческо-теократическаго правленія въ Россіи съ его «божественною канцелярію», состоящею изъ скопцовъ. Все бросилось въ мистицизмъ и забыло о землѣ и о живущемъ на ней закрѣпощенномъ народѣ.

Вторая часть программы Александра I-го, запрещающая «внѣшнія оказательства» отступленія отъ церкви съ воспрещеніемъ соблазновъ не въ видѣ ересей, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка—всецѣло предала еретиковъ и раскольниковъ, неприсоединившихся къ единовѣрію, въ руки полицейскихъ чиновниковъ, съ ихъ волокитами и взяточничествомъ. Это совершенно парализовало и уничтожало благія намѣренія императора. Полицейскій надзоръ и придирка еще болѣе разжигали мистическія увлеченія и безъ того забитаго народа. Необразованное, тупое чиновничество, разумѣется, не могло понять значенія словъ Александра и изъ своекорыстныхъ видовъ повсюду искало «оказательствъ», прицѣпляя ихъ къ любому явленію обыденной жизни раскольниковъ. Въ этомъ случаѣ либеральная съ виду программа открыла широкій просторъ для негласнаго кормленія чиновниковъ.

Наибольшее противорѣчіе между гуманными взглядами государя и далеко не гуманными распоряженіями управителей замѣтно было въ дѣлахъ, относящихся къ духоворческой и молоканской сектамъ. Александръ I былъ крайне снисходителенъ къ послѣдователямъ этого уклоненія. Въ его царствованіе сектанты получили особенное развитіе и осѣдность въ Тамбовской, Воронежской и Слободско-Украинской губерніяхъ. Ревизовавшіе въ этомъ году эти губерніи сенаторъ Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій засвидѣтельствовали передъ государемъ, что они были удивлены нравственностью этихъ людей и ихъ трудолюбіемъ. Александръ I тотчасъ же вернулъ всѣхъ изъ ссылки, предоставилъ имъ право жить въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, и велѣлъ доставить ему самыя точныя справки объ ихъ хозяйствѣ, величинѣ надѣловъ и нуждахъ. «И разумомъ, и опытомъ давно уже дознано, — пишетъ государь слободско-украинскому губернатору, — что умственные заблужденія простого народа, преніями и нарядными увѣщеваніями въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-по-малу изглаживаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно держаться, и на немъ основано было повелѣніе, данное о увѣщеваніи сихъ духоворцевъ при возвращеніи ихъ во-свояси. Сіи увѣщанія никакъ не должны имѣть вида допросовъ, состязаній и открытаго образу ихъ мыслей насилія; но должны сами собой, непримѣтно, изливаться къ нимъ изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ непринужденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на ихъ положенія разговоровъ, а чтобъ все сіе имѣло

болѣе дѣйствія и чтобъ они лучше почувствовали обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно было бы дать имъ самимъ примѣтить, что оно объ нихъ печется, и послѣ претерпѣннаго ихъ разоренія войти въ ихъ состояніе». Несмотря, однако, на такой гуманный совѣтъ мелитопольскіе сектанты не совсѣмъ довольны были своимъ положеніемъ и не мало терпѣли отъ мѣстной власти. Въ томъ же году они подали прошеніе о соединеніи ихъ въ одно мѣсто и о водвореніи ихъ сколь возможно подалѣе. Государь удовлетворилъ и эту просьбу, назначивъ имъ для поселенія обширныя поля маріупольскаго уѣзда по рѣкѣ Молочной (откуда названіе молokane). Имъ назначено было по 15 десятинъ душевого надѣла, на пять лѣтъ они освобождены были отъ государственныхъ податей, на подъемъ имъ было выдано по 100 руб. на дворъ, уплата за землю разсрочена была на 25 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы каждое семейство платило не болѣе 5 руб. въ годъ. Но этого мало. Наученный опытомъ, что, несмотря на указы, притѣсненія раскольниковъ считались дѣломъ обыденнымъ, Александръ I снова и снова повторяетъ въ указахъ губернаторамъ о человѣчномъ съ ними обращеніи. Такъ, онъ пишетъ тамбовскому губернатору, отъ 21-го февраля 1803 г., «что доколѣ не обнаружено будетъ въ духоборцахъ явнаго неповиновенія установленной власти, дотолѣ не можно по единому смыслу ихъ ереси судить и обвинять въ семъ преступленіи». Доволяя подобно слободско-украинскимъ и тамбовскимъ молokane переселяться на Молочную рѣку, Александръ I снова повторяетъ, «о наблюденіи во всѣхъ случаяхъ, чтобы до перехода ихъ не было имъ дѣлано никакихъ принужденій, обидъ и утѣсненій». То же самое еще разъ указываетъ онъ въ распоряженіи о переселеніи духоборцевъ изъ Азовской крѣпости. Но всѣ эти указы и наставленія не имѣли никакого значенія и оставались безъ всякаго исполненія. Въ 1816 году тѣ же молokane, о которыхъ такъ заботился Александръ I, подали ему прошеніе, выывая о защитѣ ихъ противъ притѣсненій мѣстной власти. Жалоба ихъ была настолько основательна, что, несмотря на донесеніе губернатора о развратномъ будто бы ихъ поведеніи, государь отвѣтилъ: «Отдаленіе сихъ людей отъ православной греко-россійской церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшнхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи, ибо ревность божію имѣютъ, но не по разуму. Но православному ли государству приличествуетъ, — спрашиваетъ Александръ I, — заблуд-

шихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобное? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю възскати и спасти погибшаго, не можетъ внушено быть насильствіемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра порождается благодатью Господнею чрезъ убѣжденіе поученіемъ, кротостью, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ». Во время путешествія черезъ мелитопольскій уѣздъ на просьбу духоворцевъ государь велѣлъ черезъ Аракчеева сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣхъ безъ исключенія прежде сосланныхъ изъ этой секты возвратить на Молочныя воды, а такъ какъ въ числѣ ихъ было двое рядовыхъ 23-го егерскаго полка, сосланныхъ по наказанію вкнутомъ въ Нерчинскъ, то государю любопытно было знать, за какой поступокъ они были осуждены; все это казалось ему страннымъ, такъ какъ онъ зналъ и слышалъ много о безупречной нравственности самой секты. Сдѣлали справку. Оказалось, что эти двое несчастныхъ по приговору генераль-аудиторіата, высочайше же утвержденному 10 сентября 1811 года, т.-е. спустя 10 лѣтъ послѣ закона о ненаказуемости за одну принадлежность къ сектѣ, были осуждены именно: «за отстаніе преданій, греко-россійской церковью уставленныхъ и за непризнаніе надъ собою верховной власти». Если неисполненіе законовъ было возможно въ высшихъ учрежденіяхъ, то что послѣ этого можно было ожидать въ глуши, въ мѣстахъ, гдѣ не было никакого контроля?

Мы уже упомянули, что синодъ устранилъ себя отъ раскольниковъ дѣлъ и предоставилъ ихъ во владѣніе свѣтской власти. На ходатайство иргизскихъ жителей о посвященіи ихъ священниковъ епископами синодъ отвѣчалъ отказомъ, говоря: «ибо онѣя со всѣми жителями своими не что иное суть, какъ раскольниковскія скопища, блуждающія внѣ православной нашей церкви и въ отчужденіи отъ ея правленія». Но иначе посмотрѣло на дѣло свѣтское правительство. «Для успокоенія старообрядцевъ,—говоритъ указъ 12-го мая 1803 года,—дозволяется имъ имѣть священниковъ изъ Иргиза, наблюдая, чтобы таковое снисхожденіе не могло быть обращено во зло, чтобы священники сіи вызываемы были по мѣрѣ надобности и съ вѣдома духовныхъ и гражданскихъ правительствъ, и чтобы во всемъ были подчинены, на основаніи общихъ правилъ, мѣстному преосвященному». Тутъ выплыло явное противорѣчіе: свѣтская власть возводила въ санъ священства тѣхъ, которыхъ синодъ признавалъ начальниками скопищъ. На практикѣ это привело къ тому, что бѣглецы попы, расстриги,

указывали на посвященіе свое въ Иргизѣ и тѣмъ ограждали себя отъ преслѣдованія. Наконецъ, когда синодъ настойчиво сталъ требовать преслѣдованія поповъ, то въ отвѣтъ на это, по поводу запроса малороссійскаго генералъ-губернатора, сенатъ указомъ 5-го іюня 1805 года прямо высказалъ: «какъ изъятіе изъ волостей священниковъ могло бы болѣе ожесточить раскольниковъ въ ихъ суевѣріи и лишить ихъ способовъ крещенія младенцевъ и погребенія мертвыхъ, то и должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ-сказать, сквозь пальцы и не подавая однако же имъ явнаго вида покровительства».

Точно также въ отношеніи общественнаго богослуженія раскольниковъ, первоначальные указы императора носили характеръ полной терпимости. Старообрядчество пріемлющее и непріемлющее священство начало строить себѣ монастыри, церкви, скиты, часовни. Самъ государь, будучи въ Москвѣ и осматривъ выстроенный московскимъ купцомъ Ильею Ковылинымъ богадѣльный домъ на преображенскомъ кладбищѣ, указомъ 15-го мая 1809 года утвердилъ это заведеніе за обществомъ старообрядцевъ и призналъ, «что оно заслуживаетъ быть подъ общимъ покровительствомъ законовъ и мѣстнаго начальства». Указомъ этимъ Александръ I какъ-бы освятилъ общественное богослуженіе старообрядцевъ подъ видомъ учрежденія благотворительныхъ заведеній. Въ 1808 г. государь жертвуетъ въ пользу старообрядческаго Корсунскаго монастыря по 500 фуръ соли изъ Кинбурискихъ соленыхъ озеръ ежегодно, а самыя озера отдалъ монастырю на содержаніе безъ платежа въ казну. Въ 1811-мъ году онъ разрѣшилъ отправлять богослуженіе и освятить церковь по старому обряду въ Климовскомъ старообрядческомъ монастырѣ. Слѣдуя государю, впослѣдствіи начали давать разрѣшеніе на постройку церквей и монастырей губернаторы. Синодъ возсталъ противъ этого, такъ какъ къ нему со всѣхъ концовъ Россіи начали поступать заявленія объ увеличеніи числа совращенныхъ. Дѣйствительно, расколъ окрѣпъ въ это время матеріально, приобрѣлъ вліяніе на всю администрацію и пользовался во всѣхъ отношеніяхъ большими удобствами жизни и болѣею свободою, чѣмъ весь остальной закрѣпощенный людъ. Расколъ началъ считаться уже не сотнями тысячъ, а милліонами. Члены синода настоятельно потребовали отъ оберъ-прокурора, князя Голицына, чтобы онъ доложилъ объ этомъ государю и уяснилъ, на какихъ основаніяхъ церковь полагаетъ возможнымъ единеніе и за какими предѣлами нельзя допускать общественное богослуженіе. Государь, дѣйствительно, увидалъ, что расколъ и ереси растутъ, а присоединяющихся къ единовѣрію почти

не стало. Нужно было отстать отъ прежней программы, слушать не мистика Голицына, а охранителя Шишкова. Дойти до полной вѣротерпимости было нельзя: Россія крѣпостная не могла пользоваться свободою въ своихъ духовныхъ отправленияхъ. Государь понялъ это, и остановилъ дальнѣйшее развитіе вѣротерпимости. По поводу построенія съ дозволенія губернатора въ Вольскѣ старообрядческой церкви онъ издаетъ въ ноябрѣ 1817 года указъ, гдѣ строго воспрещается разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ кому бы то ни было изъ свѣтской власти. Въ декабрѣ того же года онъ дѣлаетъ замѣчаніе двумъ губернаторамъ за дозволеніе устройства близъ Саратова старообрядческой обители и построенія раскольническихъ часовенъ въ Чугуевѣ и Боровскѣ. Синодъ, видя, что государь удовлетворилъ его настояніе, началъ самъ возбуждать дѣла о недовольственныхъ постройкахъ церквей. Дѣлъ возникло множество. Чтобы прекратить это, въ 1822 году былъ изданъ указъ, по которому запрещено было входить въ разсмотрѣніе и разслѣдованіе о тѣхъ церквахъ, скитахъ и часовняхъ, которые уже были построены, но затѣмъ къ постройкамъ новыхъ не дозволено было допускать ни по какому случаю. Мало того. Всѣ льготы, данныя сектантамъ въ началѣ царствованія, были отняты, и даже къ нѣкоторымъ изъ нихъ примѣнена была прежняя строгость. Страннымъ исключеніемъ изъ этого только составляютъ скопцы. Въ отношеніи этой, болѣе вредной секты мы видимъ снисхожденіе, видимъ защиту какой-то скрытой силы. Вотъ что говорятъ документы.

Въ 1807 и 1808 годахъ по поводу распространенія скопчества въ Орловской губерніи были изданы законы, по которымъ повелѣно было всѣхъ оскопленныхъ сдавать въ солдаты, зачитывая ими рекрутскую очередь. Но секта эта получала годъ отъ году все большее и большее распространеніе. Возбуждены были дѣла въ Рязанской, Симбирской и другихъ губерніяхъ. Губернаторы всѣ единогласно доносили, что вредъ этой секты требуетъ болѣе строгихъ мѣръ, чѣмъ отдача въ солдаты, особенно въ отношеніи оскопителей. Не имѣемъ данныхъ, чтобы сказать почему, но замѣчательно, что въ отвѣтъ на всѣ эти заявленія былъ изданъ 14 марта 1814 года такой указъ: «объявить тѣмъ скопцамъ, которые будутъ скрывать, гдѣ они оскоплены, что съ ними поступать, какъ съ ослушниками, а тѣхъ, которые чистосердечно признаются, отнюдь не преслѣдовать». Что же изъ этого вышло? Вышло то, что всѣ скопцы чистосердечно признавались, что они сами себя оскопляли и потому оставались безъ преслѣдованія. Эта ужасная секта росла съ

неимоверною быстротою. О такихъ небывалыхъ льготахъ узнали заграничные скопцы, вышедшіе во время гоненій въ турецкія провинціи, и массами стали возвращаться въ Россію. Возвращались по преимуществу оскопители и распространители севты. Не было возможности оставить въ силѣ законъ 14-го марта, но, не желая докладывать государю, хотѣли обойти законъ постановленіемъ комитета министровъ. И, дѣйствительно, 11-го мая 1815 г. комитетъ сдѣлалъ распоряженіе «чтобы изъ-за границы скопцовъ не впускать, а кои оскопили себя въ границахъ, съ таковыми поступать по силѣ указа сената отъ 8-го октября 1808 г., т. е. отдавать въ солдаты». Редакція указа такова, что постановленіе о примѣненіи закона 8-го октября какъ будто относится только къ выходцамъ, а не ко всѣмъ скопцамъ; можно было и наоборотъ объяснить ее, какъ отмѣну высочайшаго повелѣнія 14-го марта. Какъ и слѣдовало ожидать, явились недоразумѣнія, запросы.

Между тѣмъ, скопчество пріютилось въ самомъ Петербургѣ и въ обширныхъ размѣрахъ, что обнаружилось слѣдствіемъ по поводу смерти отъ оскопленія крестьянина Петрова. На этотъ разъ комитетъ министровъ вошелъ съ представленіемъ къ государю и далъ заключеніе, что отдача въ солдаты не останавливаетъ распространеніе ереси и что слѣдуетъ способныхъ отсылать въ войска Сибири и Грузіи, а неспособныхъ въ Иркутскую губернію. Несмотря, однако, на всѣ доводы комитета, Александръ I держался прежнихъ возрѣній и велѣлъ Аракчееву передать, что эту мѣру возможно принять только въ отношеніи оскопителей и зачинщиковъ. На другой годъ, когда губернаторы сдѣлали запросъ комитету министровъ, — слѣдуетъ ли ссылатъ въ войска Сибири и Грузіи самооскопителей, комитетъ далъ весьма уклончивый отвѣтъ: въ этихъ случаяхъ должно каждый разъ входить съ особымъ представленіемъ въ сенатъ; но государь собственною рукою сдѣлалъ на этомъ постановленіи такую резолюцію: «сила наказанія, опредѣленная 4-го августа 1816 года на зачинщиковъ и на тѣхъ, кои производятъ оскопленіе, должна быть распространена и на тѣхъ людей, кои сами себя оскопили». Не прошло двухъ лѣтъ, какъ выходитъ новый законъ, впрочемъ, не опубликованный, не гласный (1-го января 1819 г.), по которому упомянутое наказаніе вѣдно относится только до тѣхъ скопцовъ, которые оскопили себя послѣ закона 4-го августа 1816 года, что, разумѣется, равносильно было полной отмѣнѣ этого закона, такъ какъ всѣ скопцы оказывались самооскопленными чуть не съ малолѣтства; медицинское же освидѣтельство-

ваніе при средствахъ того времени не могло дать точныхъ указаній о времени ихъ оскопленія.

Какъ извѣстно, конецъ царствованія императора Александра I ничего не имѣетъ общаго съ его началомъ. Молодой монархъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ сохранившихся еще въ его памяти наставленій Лагарпа, долженъ былъ на все смотрѣть благодушно и былъ въ полной увѣренности съ своими молодыми друзьями, что добрыя слова и желанія властителя непосредственно перейдутъ въ добрыя дѣла сложнаго государственнаго механизма, уже испорченнаго и заржавѣвшаго во всѣхъ частяхъ. Узнать народъ и сообразно съ его нуждами и требованіями разобрать государственное устройство съ его надстройками — объ этомъ никто тогда не думалъ. Все дѣйствовало па-угадъ, ощупью, безъ всякой системы, не справляясь съ прошлымъ и не предвидя послѣдствій въ будущемъ. Въ этомъ хаосѣ и неустойчивости одинаково возможно было появленіе законовъ, напоминающихъ чуть не постановленія конвента о правахъ чловѣка, и такихъ законовъ, которые являлись какъ-бы сколеомъ съ учрежденій XIV-го или XV-го вѣковъ. Все дѣло заключалось только въ томъ, кого случай приближалъ къ государю — Чарторижскаго, Новосильцева, Сперанскаго, первыхъ убѣждений, или Аракчеева, Шишкова и проч. Точно такъ же и въ отхопненіи раскола мы видимъ — нынѣ законъ полной свободы, завтра — стѣсненія, противорѣчія. Только съ двадцатыхъ годовъ начинаются болѣе послѣдовательныя распоряженія, и то потому только, что они шли къ ограниченію и къ стѣсненію правъ старообрядчества.

Дѣйствительно, съ двадцатыхъ годовъ начинается весьма строгій надзоръ за сектантами и старообрядцами. Духоборцы и молокане тотчасъ же выселяются въ таврическую губернію, причемъ распространители ученія подверглись уголовному суду. Сектанты-субботники выселились на Кавказъ въ пограничныя мѣста, а распространителей отвели въ уголовный судъ. Даже скопцовъ начали поголовно всѣхъ отдавать на службу въ войска Сибири и Грузинъ, а неспособныхъ ссылатъ на жительство въ иркутскую губернію. Было обращено также вниманіе на согласія, неприемлюція священства, въ особенности на еедосѣвцевъ. Указомъ 11-го апрѣля 1820 года вмѣнено было полиціи въ обязанность слѣдить, чтобы въ домахъ владѣнческихъ раскольническихъ обществъ люди жили съ паспортами, чтобы они имѣли опредѣленный родъ жизни, а съ остальными поступать какъ съ бродягами. «Женщины безъ дѣла и письменныхъ видовъ, — говорится въ указѣ, —

а тѣмъ болѣе молодыя должны быть тотчасъ выслаемы». Въ особенности государь негодовалъ на Преображенское кладбище: «Въ немалому моему удивленію,—пишетъ Александръ I князю Голицыну, московскому генералъ-губернатору, и князю Лобанову-Ростовскому, министру юстиціи,—дошло до свѣдѣнія моего, что упомянутое общество, удаляясь отъ правилъ тишины, въ непремѣнную обязанность онаго поставленныхъ, возродило въ 1816 г. при выборѣ новыхъ попечителей разныя раздоры; что, кромѣ сего, въ богадельномъ домѣ разсѣваются вредныя правила, какъ-то: неповиновеніе властямъ и закону, развращеніе браковъ и т. п. Дозволивъ учрежденіе богадельнаго дома, какъ установленіе, цѣлью благотвореніе имѣющее, не можно было предполагать, чтобы изъ сего возродиться могли пренія по ереси, въ кои присутственнымъ мѣстамъ должно будетъ вмѣшиваться». Дѣло въ томъ, что на Преображенскомъ кладбищѣ явились раздоры и разногласія, новыя толки, новыя ученія. Споръ этотъ доведенъ былъ до правительственныхъ установленій, гдѣ указывали, что нѣкто Гнусинъ, проживающій въ богадельномъ домѣ безъ паспорта, проповѣдуетъ возмутительное ученіе и нарушаетъ тѣмъ покой и благочиніе послѣдователей и основателей богадельнаго дома. Завязалось дѣло, и дѣло — хлѣбное, перешедшее послѣ въ сенатъ. Узнавъ объ этомъ, государь дѣло велѣлъ прекратить, Гнусина сыскать и предать суду, а затѣмъ строго запретилъ правительственнымъ властямъ вмѣшиваться въ церковныя раздоры старообрядчества. Богадельный домъ Александръ I не закрылъ, но издалъ въ 1823 г. особыя правила надзора за нимъ, гдѣ, между прочимъ, было указано: «1) метрическихъ книгъ не заводить, «дабы сіе не принято было за утвержденіе раскольниковскаго общества», а вѣдать ихъ полиціи; 2) совратителей изъ православія предавать суду, и 3) такъ какъ, вмѣсто богадельнаго, этотъ домъ сдѣлался «гнѣздомъ раскола и убѣжищемъ бѣглыхъ и опасныхъ людей», то повелѣно, чтобы подкидышей держать только до 14-ти лѣтъ, престарѣлыхъ — начиная съ 50-ти лѣтъ, молельня и келій не устраивать, и чтобы за всѣмъ этимъ строго наблюдали полиція. Но строгость этихъ правилъ не уменьшила значенія Преображенскаго кладбища, сохранившагося до настоящаго времени.

Впрочемъ, относительно сектъ, приѣмлющихъ священство, былъ изданъ 26-го марта 1822 года весьма льготный законъ, гдѣ, между прочимъ, сказано было, что ежели бѣглый поппъ не совершитъ преступленія, то его оставлять на мѣстѣ у раскольниковъ, какъ такого человѣка, коимъ не дорожатъ, а

на требованіе духовенства о высылкѣ ихъ отъѣзжать: «они находятся на своихъ мѣстахъ». Гдѣ у раскольниковъ нѣтъ молитвенныхъ домовъ или церквей, — говорить тотъ же указъ, — тамъ бѣглыхъ священниковъ не держать ни подъ какимъ видомъ, а гдѣ они есть, «приказать для порядка вести метрики и представлять о томъ вѣдомости ежегодно гражданскому начальству». Въ это же самое время были преподаны православному духовенству правила, чтобы священники кротостью, поведеніемъ и твердымъ познаніемъ закона Божьяго должны противостать распространенію раскола. Говорилось, чтобы посланы были миссіонеры для увѣщеванія совратившихся, и указывалось, что образованіе дѣтей въ училищахъ есть средство, которымъ съ наибольшимъ успѣхомъ можно дѣйствовать въ отвращенію и постепенному прекращенію всякаго рода вѣрозаблужденій.

Что касается гражданскихъ правъ раскольниковъ, то въ царствованіе Александра I были изданы 27-го мая 1820 года правила объ избраніи ихъ въ должности по купеческимъ и мѣщанскимъ сословіямъ. Правилами этими устанавливалось, чтобы раскольники выбирались въ должности при ограниченномъ числѣ православныхъ и то только изъ сектъ, пріемающихъ священство. Безпоповцевъ дозволялось допускать къ выборамъ, съ разрѣшенія, впрочемъ, министра внутреннихъ дѣлъ, только тѣхъ сектъ, кои молятся за царя и пріемлютъ бракъ; остальные секты — молокане, духоборцы, субботники, хлысты, скопцы — къ выборамъ вовсе не допускались. Наконецъ, въ самомъ концѣ своего царствованія, 14-го марта 1825 года, въ виду осложненія вопроса о расколѣ, какъ по внутреннему содержанію вновь отвергающихся ученій, такъ и по распространенности его, государь учредилъ секретный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ кievскаго митрополита Евгенія, изъ членовъ — министра внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая судьбы раскола измѣняются. Послѣ суровыхъ гоненій, въ силу новыхъ вѣяній и личныхъ воззрѣній государей, при Павлѣ I и Александрѣ I-мъ, расколъ мало-по-малу получилъ право гражданства и свободнаго существованія въ имперіи. Внутреннія силы самихъ сектантовъ дали возможность имъ воспользоваться терпимостью этого промежутка и настолько окрѣпнуть, что въ 1825 году они уже представляли изъ себя могущественную и значительную числомъ оппозицію, съ которой справиться одними гоненіями прежнихъ лѣтъ нельзя было, а требовалась особая система, настолько же стойкая и твердая, какъ они сами. Мы уже видѣли,

что еще въ царствованіе Александра церковь отступилась отъ раскола и всецѣло передала его въ руки свѣтской власти. Слѣдовательно, борьба съ расколомъ завѣщана была императору Николаю I на чисто-политическомъ полѣ; но ему также завѣщана была неровность и непослѣдовательность мѣръ законодательства, что или возбуждало въ расколѣ неудовольствіе, или порождало въ немъ неоправдываемыя надежды. Кромѣ того, допущенная его предшественниками нѣкоторая вѣротерпимость въ отношеніи раскола не была вполне разграничена соотвѣтственно приносимому вреду сектантскихъ ученій, и потому нерѣдко пользовались послабленіями секты, явно противонаравственные, а секты высокаго христіанскаго ученія и сами-по-себѣ вовсе безвредныя оставались подъ прощаніемъ мѣстной власти. Въ періодъ царствованія императора Николая I расколъ вступаетъ въ сферу иныхъ отношеній. Ему приходится теперь бороться съ цѣльною системою болѣе стойкаго государственнаго управленія, напрягать всѣ свои внутреннія силы къ самосохраненію, и не однимъ пассивнымъ противодѣйствіемъ — самосоверщаніемъ или мистицизмомъ, но работою надъ самимъ собою, надъ своимъ общежитіемъ и негласнымъ самоуправленіемъ.

III.

Съ 30-хъ годовъ расколъ подвергся въ первый разъ послѣдовательному преслѣдованію. Это преслѣдованіе не имѣло характера прежнихъ гоненій; напротивъ, вышняя сторона отношенія правительственной власти къ расколу какъ-будто сохранила тотъ же самый отпечатокъ терпимости, какой обнаруженъ былъ въ царствованіе Петра III и Екатерины II, Павла I и Александра I; за то теперь преслѣдованія касались внутренней жизни раскола, били по его живымъ силамъ. Преслѣдованіе ересеначальниковъ, уничтоженіе мѣстъ общественнаго богослуженія, послѣдовательное непризнаваніе въ жизни старообрядчества чего-либо отдѣльнаго, общественнаго, лишеніе въ пользованіи гражданскими правами, вытекающими изъ таинствъ брака, крещенія, какъ, на примѣръ, непризнаваніе законнорожденности, — вотъ тѣ принудительныя средства, въ которыхъ прибѣгало правительство, начиная съ 30-хъ годовъ. Съ общей точки зрѣнія законодательства и взглядовъ высшихъ инстанцій видна была какъ-бы терпимость, но терпимость безъ права общественнаго богослуженія, безъ «вышняго оказательства» принадлежности къ расколу; видно было от-

существованіи преслѣдованія, но съ наложеніемъ строгаго запрета распространенія ученія, совершенія обрядовъ служителями старообрядчества и наказаній совратителямъ и совращеннымъ. Если наверху говорилось, что правительство не преслѣдуетъ собственно за мнѣнія о вѣрѣ, то внизу — полиція, суды уголовныя закрывали церкви, скиты, молебни, забирали и сажали въ тюрьму собравшихся на молитву въ частные дома, повсюду искали и находили совратителей и совращенныхъ. Въ итогѣ — нескончаемыя дѣла, бездна колодниковъ, постоянныя ссылки. Положеніе старообрядчества ухудшалось еще тѣмъ, что въ 30-хъ годахъ административныя силы государства достигли высшаго предѣла, связаны онѣ были однимъ узломъ военной субординаціи, а при случаѣ поддерживаемы и войскомъ. Старообрядчеству нѣкуда было скрыться отъ надзора тайной полиціи; оно прикрѣплено было къ мѣсту, на которомъ покой и безопасность каждаго изъ нихъ зависѣли отъ усмотрѣнія начальства, въ большинствѣ случаевъ покупаемаго весьма и весьма дорогою цѣною.

Разумѣется, подобная система, какъ система управленія всего государства, развивается не съ-разу. Надобно было при-смотреться къ явленіямъ народной жизни, и уже послѣ, крупными мѣрами, подавить «церковное мятежничество», въ которомъ замѣтными чертами стали проглядывать недовольства политическаго характера. Какъ послѣдователь самой сильной централизаціи, императоръ Николай I рѣшился всѣ дѣла по расколу сосредоточить въ одномъ мѣстѣ, подѣ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ. Когда комитетъ министровъ увидалъ, что поступающихъ на его разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ по расколу годъ отъ году становится болѣе, то сдѣлалъ постановленіе (16-го февраля 1826 г.), чтобы дѣла этого рода оканчивались разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ губернаторовъ. Государь не согласился на это и собственноручно написалъ: «оставить по-прежнему». Съ этою же цѣлью онъ велѣлъ внести въ проектъ учрежденія III-го отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, какъ въ установленіе государственной полиціи, также и дѣла по расколу. 3-го іюля того же 1826 года, вышло высочайшее повелѣніе объ упраздненіи особаго отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ и объ учрежденіи, подѣ начальствомъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, третьяго отдѣленія, предметомъ занятій котораго между прочимъ (пунктъ 2-й) было положено «собираніе свѣдѣній о числѣ существующихъ въ государствѣ разныхъ сектъ и расколовъ».

Когда такимъ образомъ сосредоточены были дѣла и свѣдѣнія о раскольникахъ во всей имперіи въ III-мъ отдѣленіи, въ коми-

тетъ министровъ и въ особомъ секретномъ комитетѣ, то прежде всего обнаружилось, что уклоненіе отъ вѣры и обрядовъ православной церкви разбивалось на множество согласій, толковъ, сектъ, изъ коихъ нѣкоторыя были чисто еретическаго характера и даже сопряженныя съ изувѣрствомъ. Затѣмъ обнаружилось, что развитіе единовѣрческихъ церквей было чрезвычайно слабо, и мысль о соединеніи поклонниковъ стараго обряда черезъ единовѣріе почти не осуществлялась, что, напротивъ, согласія, приѣмлющія священство и отвергающія его, т.-е. собственно старообрядчество поддерживалось и крѣпло взаимнымъ общеніемъ и самопомощью послѣдователей, значительными общественными капиталами и правомъ общественнаго богослуженія, т.-е. тѣмъ, что имѣло у себя монастыри, скиты, церкви, молельни, богоугодныя, благотворительныя заведенія и проч. Наконецъ, дознано также было, что, кромѣ старообрядчества, на почвѣ русской народности возникло множество сектъ, у которыхъ за внѣшнимъ культамъ богослуженія лежала цѣлая программа анти-государственныхъ началъ, связывающихъ послѣдователей ея въ крѣпкія и стойкія общины, отвергавшія внѣшнюю власть и тѣмъ болѣе ея централизацию.

Понятно, что первыя дѣйствія правительства были направлены противъ послѣднихъ сектъ. Скопцовъ велѣно было ссылать на службу въ сибирскій корпусъ или оставлять тамъ на поселеніи; ссылать велѣно всѣхъ безъ исключенія: малолѣтнихъ отдавать въ флейтчики и барабанчики, отъ взрослыхъ не принимать никакихъ отговорокъ, что они были осклоплены въ малолѣтствѣ, во снѣ, неизвѣстными людьми, или что сдѣлались таковыми отъ ушиба, болѣзни и проч. (30 янв. 1826 г.). Духоборцевъ изъ казаковъ приказано было ссылать на кавказскую линію, а изъ помѣщичьихъ крестьянъ отдавать въ рекруты съ зачетомъ или ссылать на поселеніе въ Сибирь. Молоканамъ не велѣно было выдавать плакатныхъ паспортовъ для заработковъ, и даже воспрещено было отлучаться изъ своихъ селеній безъ вѣдома полиціи (10 апрѣля 1826 г.). Противъ субботниковъ было издано высочайшее повелѣніе, чтобы малолѣтнихъ и женщинъ, производящихъ по жидовской ереси обряды, сдавать или въ военно-сиротскія заведенія или на казенныя фабрики вѣдомства министерства финансовъ. Совращенныхъ велѣно было сдавать въ солдаты, а совратителей и подговорщиковъ приказано преслѣдовать по всей строгости законовъ (3 іюня 1826 г.). Зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій не велѣно было принимать ни за кого изъ поименованныхъ сектъ. Впрочемъ, нѣкоторыхъ изъ

ересеначальниковъ въ началѣ царствованія приказано было посылать на увѣщеванія въ монастыри; такъ, напримѣръ, купецъ Семенъ Швецовъ былъ посланъ въ Спасо-Евфимьевскій монастырь, поручикъ Богдановъ — въ Валаамскій.

Что касается старообрядцевъ приѣмлющихъ и неприѣмлющихъ священство, то противъ нихъ не съ разу были приняты крупныя мѣры. Напротивъ, въ одномъ изъ первыхъ указовъ мы находимъ такое постановленіе: «Имѣя въ виду, что какъ въ Пермской, такъ и въ другихъ губерніяхъ находится старообрядцевъ весьма значительное число и всѣ они совершаютъ браки, крещеніе рождающихся младенцевъ и погребеніе умершихъ по своимъ обрядамъ, то мѣстныя начальства не должны входить ни въ какія изслѣдованія о таковыхъ старообрядцахъ; ибо отъ сего могутъ произойти большія безпокойства, а надлежитъ только наблюдать, дабы они никого изъ православныхъ не соврашали въ свой расколъ». Но, оставляя терпимымъ совершеніе обрядовъ, правительство направило свои запрещенія на условія, при которыхъ совершаются они. Прежде всего оно издаетъ нѣсколько послѣдовательныхъ указовъ о недовolenіи старообрядцамъ вновь строить и чинить старыя молитвенныя дома и церкви: «Раскольники, — говоритъ, напримѣръ, указъ 5 іюля 1827 г., — по извѣстному ихъ упорству и ожесточенію въ своихъ заблужденіяхъ, легко могутъ подъ предлогомъ поправокъ или передѣлокъ въ молебныхъ своихъ устривать оныя вновь». Оно не дозволяетъ старообрядцамъ принимать бѣглыхъ поповъ. Въ указѣ московскому генералъ-губернатору князю Голицыну, на представленіе его, что въ Москвѣ на старообрядческихъ кладбищахъ находится множество бѣглыхъ поповъ, государь отвѣтилъ: «чтобъ нынѣ находящихся оставлять въ покоѣ, но новыхъ не дозволять отнюдь принимать». Казалось бы, что въ силу этого закона убѣжавшіе въ расколъ священники не должны быть преслѣдуемы; но синодъ просилъ оберъ-прокурора князя Мещерскаго доложить государю, «что слѣдуетъ признавать самый побѣгъ священника отъ своего мѣста и должности къ раскольникамъ за преступленіе тяжкое, требующее неопустительнаго правосудія». Ссылаясь на соборныя постановленія, на духовный регламентъ, на неувѣрность убѣжавшихъ поповъ церкви и государю, синодъ добавляетъ: «сіе влѣтвopеступленіе бѣглыхъ священниковъ увеличивается еще тѣмъ, что, присоединяясь къ раскольникамъ, они даютъ имъ противоположную присягу, въ которой ученіе и обряды православной церкви называютъ еретическимъ злочестіемъ, и даже нѣкоторые гражданскіе обычаи, принятые правительствомъ, проклинаютъ».

Представленіе это было уважено, и священство, состоящее въ старообрядцѣхъ, должно было совершать богослуженіе тайно, дабы не попасться въ руки полиціи.

Обративъ вниманіе на мѣста, гдѣ совершалось богослуженіе старообрядцевъ, и на лицъ, которыя совершали ихъ, правительство обратило большое вниманіе на благотворительныя ихъ заведенія, въ которыхъ, какъ извѣстно было, старовѣры совершали свои обряды, укрывали своихъ учителей, и которыя вообще служили источникомъ старообрядческихъ ученій. Такихъ богаделенъ было множество. Первое мѣсто изъ нихъ занимали московскія Преображенское и Рогожское кладбища, затѣмъ богадельня рижскихъ старообрядцевъ, богадельня купца Папушина въ Судиславлѣ, Ситминская богадельня въ Вятской губерніи и мн. др. Значеніе этихъ мѣстъ для старообрядцевъ было громадное. Оттуда истекали правила ихъ согласій, обрядовая сторона культа, снабженіе молитвенными книгами, наконецъ, матеріальная помощь. Въ этихъ мѣстахъ старообрядчество находило свое единеніе, свою силу. Правительство сознавало это, но не сразу воснулось ихъ преобразованію, а начало съ одной изъ незначительныхъ богаделенъ—съ богадельни купца Папушина. Высочайшимъ повелѣніемъ 23 января 1830 года было указано, чтобы въ этой богадельнѣ были оставлены по письменнымъ видамъ только лица не моложе 50 лѣтъ; мальчиковъ же велѣно было отобрать и отдать въ ближайшіе батальоны кантонистовъ. «Устроеннымъ въ сей богадельнѣ молельнямъ,—говоритъ далѣе указъ,—на основаніи правилъ благочинія публичными не быть, а оставить ихъ только для употребленія живущихъ въ богадельномъ домѣ». «Крепчайшую уничтожить и перекрещиваніе въ ономъ воспретить». Наконецъ, приемъ новыхъ лицъ въ богадельню былъ вовсе воспрещенъ, и сама богадельня оставлена была только по жизни Папушина, послѣ чего должна была поступать въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія. Этимъ было положено начало одному изъ самыхъ тяжелыхъ постановленій для раскола. Закрытіе или присоединеніе къ приказамъ призрѣнія богаделенъ уничтожало самый источникъ старообрядчества. Оно долго боролось противъ этой мѣры, приведеніе ея въ исполненіе долго не двигалось впередъ даже и въ то крутое время, а Преображенское и Рогожское кладбища, несмотря на всѣ усилія правительства, успѣли отстоять свою самостоятельность.

Впрочемъ, въ тѣ же первые годы царствованія Николая I было принято не мало мѣръ предупредительныхъ. Такъ, государь нѣсколько разъ повелѣвалъ синоду обратить особенное вниманіе на

образованіе и нравственность священнослужителей, въ особенности въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе былъ развитъ расколъ. Особенною заботою государя пользовалось учрежденіе миссіонерствъ. Такія миссіи были посланы въ пензенскую губернію, гдѣ развились въ то время секты молоканская и іудействующихъ, въ пермскую губернію, гдѣ почти все населеніе состояло въ расколѣ, и въ другія мѣста. Насколько государь озабоченъ былъ этимъ дѣломъ, можно видѣть изъ того, что при учрежденіи ордена св. Анны 14 апрѣля 1829 г., онъ нашелъ необходимымъ ввести въ статутъ постановленіе, что «къ ордену сопричисляются духовные, обратившіе къ церкви значительное число раскольниковъ и особливо такихъ сектъ, кои признаются упорнѣйшими и вреднѣйшими, какъ-то: іудействующие, молокане, духоборцы, перекрещиванцы и пр.».

Несмотря однако на всѣ эти мѣры, расколъ росъ и укрѣплялся, а секты съ самыми непонятными уклоненіями не только отъ православія, но и вовсе отъ христіанства, являлись все новыя и новыя. Остановить это духовно-нравственное броженіе народа правительство не могло даже такими сильными и послѣдовательными мѣрами, какія принимало. Ясно, что здѣсь играли роль другіе факторы, лежащіе глубоко въ строѣ народной жизни. И дѣйствительно, крѣпостное право въ то время приняло самый острый характеръ. Продавали людей на базарахъ, мѣняли ихъ на борзыхъ щенковъ и проч. Государственные, удѣльные, горно-заводскіе крестьяне терпѣли не менѣе. Окружные начальники засѣкали крестьянъ до смерти, горнозаводскіе управители бросали непослушныхъ въ доменные печи, шпицрутены служили защитою и охраною интересовъ откупщиковъ, постоянные наборы на двадцатипятилѣтнюю службу, гдѣ царило въ то время правило: «десять забей, одного выучи» — все это глубоко отражалось на народной жизни и само собою возбуждало въ народномъ самосознаніи самыя причудливыя фантазіи. Если добавить къ этому, что у народа не было такого духовенства, которое могло-бы успокоить совѣсть угнетенныхъ, влить въ нихъ надежду и теплую вѣру въ лучшее будущее, что, вмѣсто духовныхъ наставниковъ, народъ часто видѣлъ въ духовенствѣ невѣжество, корыстолюбіе, развратъ, пьянство и полную рабскую подчиненность епархіальному начальству, помѣщику и даже полиціи, — то весьма понятно становится, почему онъ слушалъ всякаго учителя и всякое ученіе, лишь бы чѣмъ-нибудь восполнить стремленія своей наболѣвшей души. Проповѣдуетъ какую-то чужъ простая баба Акулина — является секта Акулиновщина; несетъ небылицы отставной сол-

дать 12-го года о Наполеонѣ—составляется секта наполеоновщина. Или вотъ еще примѣръ: ревизовавшій государственныя имущества въ Тверской губерніи чиновникъ обнаружилъ въ Никольскомъ сельскомъ обществѣ секту, отличающуюся тѣмъ, что женщины послѣ рожденія перваго сына перестаютъ беременить. Дѣло это обратило на себя вниманіе высшаго правительства. Затребованы были отъ губернатора свѣдѣнія, снаряжена особая коммиссія. Оказалось, что не только совратившіяся, но всѣ почти окрестные православные жители заражены были расколомъ, основанномъ на ложномъ толкованіи 38 главы книги Бытія, и что главною цѣлью его было избѣжаніе рекрутской повинности. Положимъ, секта эта существовала. не долго; но мы привели ее, какъ доказательство, что въ отпаденіи играли значительную роль гнетъ народа и его безпомощность. Въ саратовской губерніи, несмотря на строгія мѣры противъ тамбовскихъ молоканъ, секта эта распространилась въ значительномъ размѣрѣ; но такъ какъ ученіе этой секты не могло быть передано саратовскимъ крестьянамъ во всей чистотѣ, ибо учителей жестоко наказывали, то они его обставили нелѣпостями въ родѣ того, что при молитвословіяхъ ѣвдѣли верхомъ на кочергахъ, били въ сковороды, бѣгали какъ сумасшедшіе и проч. (Донесеніе саратовскаго губернатора. Указъ синода 15-го мая 1835 г.) И здѣсь видно, что для народа нужна была какая-либо вѣра, какой-либо обрядъ, лишь-бы чѣмъ-нибудь наполнить свою истерзанную душу и чѣмъ-нибудь занять свой отуманенный умъ.

Но правительство оставалось при своей системѣ: большее сопротивленіе раскола побуждало его принимать все большія и большія строгости. Высочайшимъ повелѣніемъ 20-го ноября 1830 года повелѣно было, въ сектахъ духоборцевъ, иконоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ, тѣхъ, «комъ привлекали другихъ къ своей ереси или изобличены были въ соблазнахъ, буйствѣ и дерзости противъ церкви и духовенства православной вѣры», ссылать на службу въ кавказскій корпусъ, а неспособныхъ и женщинъ селить въ Закавказьѣ. Давъ такое широкое примѣненіе отвѣтственности, доходящее почти до признанія виновности за одно состояніе въ расколѣ означенныхъ сектъ, законъ оградилъ преслѣдованіе только тѣмъ, что всѣ дѣла этого рода должны были восходить черезъ комитетъ министровъ до высочайшаго свѣдѣнія. Между тѣмъ на практикѣ, сколько намъ извѣстно, правила 20-го ноября получили значеніе прямого гоненія: болѣе зажиточные сектанты брались подъ караулъ и подвергались преслѣдованію, какъ ересеначальники; самыя безвинныя и незначи-

тельные собранія для моленія приводили хозяина дома къ отвѣтственности за соблазнъ. Только значительные выкупы спасали иногда невинныхъ отъ «бѣлой ленты» и отъ многолѣтняго сидѣнія въ тюрьмѣ. Молокане и духоборцы тамбовской, воронежской и другихъ губерній начали обращаться съ просьбою о переселеніи ихъ въ новороссійскій край къ своимъ единовѣрцамъ. Въ этомъ имъ отказали, а дозволили заселять только отдаленныя мѣста закавказскаго края. И, несмотря на дальній и опасный путь, несмотря на всѣ неудобства переселеній въ то время, цѣлыя села—и зажиточныя села—поднимались со всѣмъ своимъ скарбомъ, дѣтьми, и уходили по военно-грузинской дорогѣ въ невѣдомыя земли, лишь бы избавиться притѣсненій мѣстнаго начальства. Впрочемъ, правительство помогало этимъ несчастнымъ за время пути, продовольствіе имъ отпускалось казенное; по прибытіи, въ малолѣсныхъ мѣстахъ выдавалось на обзаведеніе по 100 руб., въ лѣсныхъ по 50 руб. Селить ихъ велѣно было не въ одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ; причемъ приписываться къ городамъ дозволено было только въ послѣдствіи по особому ходатайству барона Розена (отца игуменья Митрофанія), который весьма сочувственно отнесся къ этимъ эпитономамъ Закавказья и не разъ ходатайствовалъ за нихъ передъ высшимъ правительствомъ объ облегченіи ихъ участи и о дозволеніи отлучаться для заработковъ, что до того времени было воспрещено.

Богатыя земли, свобода въ отправленіи богослуженія, относительная свобода въ жизни, начали привлекать въ Закавказье множество ссылаемыхъ. И по слухамъ, и по свидѣтельству возвращавшихся оттуда, они узнавали, что ихъ единовѣрцы богатыли и зажили тамъ на славу. Слухъ этотъ разнесся между молоканами и между православными. Православные тоже бросились на переселенія; но они не обладали тою общностью интересовъ, какая поддерживалась у сектантовъ ихъ ученіемъ, и имъ трудно было справиться съ новыми условіями хозяйства, притомъ они были гораздо бѣднѣе поселенцевъ-сектантовъ. Видя матеріальное преимущество и безупречную нравственность сектантовъ, православные поселенцы почти всѣ переходили въ ихъ согласія. А это послужило поводомъ къ тому, что съ 1838 года были прекращены добровольныя переселенія сектантовъ и остались только въ видѣ ссылки по приговорамъ судовъ уголовныхъ. Правительство убѣдилось тогда, что обособленіе сектантовъ не только не уменьшаетъ распространеніе сектъ, а, напротивъ того, увеличиваетъ его, такъ какъ новообращенцы къ числу другихъ побудительныхъ причинъ отпаденія ставили также и возможность пере-

селенія на свободныя земли, гдѣ они знали, что у нихъ одновѣрцовъ царствовало довольство.

Что касается до сектъ, оставшихся въ Россіи, то противъ нихъ правительство принимало самыя строгія мѣры. Мелитопольскихъ молоканъ, напримѣръ, къ которымъ такъ снисходителенъ былъ Александръ I, не дозволено было отпускать во внутреннія губерніи. Даже неурожай 1833 года не сдѣлалъ исключенія изъ этого правила, и на просьбу молоканъ повелѣно было пріискать имъ работу въ Крыму. Когда дошло до государя свѣдѣніе о сильномъ распространеніи молоканъ въ тамбовской и сосѣднихъ губерніяхъ, онъ приказалъ принять слѣдующія двѣ мѣры: 1) составить списокъ ересеначальниковъ и вліятельныхъ лицъ этой секты и сослать ихъ въ Закавказье, и 2) новообращенныхъ, если они не объявятъ своихъ совратителей, подвергнуть наказанію не болѣе 10-ти человѣкъ, наравнѣ съ совратителями. Въ этомъ же указѣ (14 марта 1835 года) было сдѣлано предположеніе, чтобы вообще приравнять отвѣтственность совращенныхъ съ совратителями; объ этомъ даже затребованы были мнѣнія губернаторовъ. Не знаемъ, благодаря какому случаю, но этотъ законъ остался предположеніемъ и не пополнилъ такимъ образомъ и безъ того строгое наше законодательство о расколѣ.

Молоканская и духоборческія секты особенно легко пріобрѣтали любовь народа. Простота ученія, общность, артельность, самопомощь, столь близкія складу русскаго человѣка, привлекали послѣдователей въ эти секты даже при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ, какъ, напримѣръ, среди каторжныхъ и сосланныхъ. Кромѣ того, ученія эти распространялись по преимуществу среди помѣщичьихъ крестьянъ; одно время они даже назывались «мужиновскою» сектою. Сами помѣщики не имѣли интереса преслѣдовать сектантовъ; они видѣли въ нихъ самыхъ трудолюбивыхъ, хорошей нравственности и сравнительно болѣе богатыхъ работниковъ, а потому собственная выгода заставляла ихъ если не покровительствовать, то, по крайней мѣрѣ, оставаться совершенно безразличными къ появленію ихъ въ имѣніяхъ. Съ другой стороны, правительство, охраняя и защищая въ полной силѣ владѣльческія права помѣщиковъ, не могло довести преслѣдованія помѣщичьихъ крестьянъ до того предѣла, до котораго доходило оно въ средѣ совращенныхъ изъ крестьянъ удѣльныхъ и казенныхъ. Все, что можно было сдѣлать, выразилось въ указѣ 13 февраля 1837 года, въ которомъ обращено было вниманіе, чтобы полиція всячески останавливала и предот-

вращала боислуженіе сектантовъ. «Всякое оказательство молоканской секты должно быть не только запрещено, но по возможности предотвращено надзоромъ», говорить первый пунктъ правилъ. Для этой цѣли запрещены были молоканскія собранія въ сборныхъ избахъ и частныхъ домахъ; сборныя избы велѣно ломать, проповѣдниковъ отсылать въ духовному начальству для заточенія въ монастырь, и во всякомъ случаѣ удалять отъ общества. Этими-же указомъ воспрещено было молоканамъ записываться въ купеческое сословіе, хотя бы и получившимъ свободу отъ помѣщиковъ, воспрещены были также выѣзды съ мѣстожителъства, имѣть у себя и самимъ служить у православныхъ. Такъ какъ самою тяжкою для молоканъ повинностью была рекрутская, какъ противорѣчащая духу ихъ ученія, то указомъ 9-го апрѣля 1838 года было воспрещено имъ нанимать за себя рекрута не только изъ православныхъ, но и изъ татаръ. Впослѣдствіи тѣ же правила и мѣры приняло правительство и противъ другихъ, вредныхъ сектъ, какъ-то субботниковъ, духоборцевъ, хлыстовъ, скопцовъ и др.

Въ отношеніи старообрядчества правительству приходилось бороться еще сильнѣе и еще настойчивѣе. Благодаря прежнимъ дозволеніямъ и терпимости, благодаря тому, что еще во времена гоненій старообрядчество сплотилось въ одну общую солидную массу, успѣло запастись значительными капиталами, въ царствованіе Николая I оно явилось силою, и силою значительною какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. Богатѣйшія фирмы и вся почти торговля была въ рукахъ старообрядцевъ. Ихъ монастыри, скиты, молельни, благотворительныя дома имѣли крѣпкую организацію и поддерживаемы были значительными средствами. Въ Москвѣ, въ Ригѣ, на Волгѣ, по Иргизу, въ Стародубѣ, въ Перми и прочихъ мѣстахъ были устроены общественныя молельни, при которыхъ были богадельни, школы; здѣсь жили учителя и начетники, здѣсь былъ центръ старообрядческой образованности, отсюда разсылались посланія, поддерживая и укрѣпляя старій обрядъ повсемѣстно въ имперіи. Съ этою-то крѣпкою организаціею и пришлось продолжать упорную войну правительству того времени.

Мы видѣли, какія мѣры приняло первоначально правительство. 14 мая 1830 года было сообщено министру народнаго просвѣщенія, что въ Ригѣ существуетъ школа, управляемая шильскимъ мѣщаниномъ-раскольниковомъ, а такъ какъ по закону, говорить сообщеніе, «запрещено выбирать изъ раскольниковъ въ общественныя должности, а потому еще менѣе можно допустить

раскольнику быть наставнику юношества», то предполагалось школу эту закрыть, а если оставить, то на основаніи правилъ объ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Представленіе это было уважено, и этимъ было положено новое, весьма существенное ограниченіе для старообрядчества. Школа для старовѣровъ составляла неотъемлемую принадлежность охраняемаго ими стараго богослуженія. Укрѣплять въ догматахъ вѣры и охранять отъ новшествъ обрядовое богослуженіе имъ тѣмъ болѣе было необходимо, что изъ этихъ школъ выходили для нихъ священники, а для безпоповцевъ—проповѣдники ихъ ученія. Наполнять комплектъ своего духовенства изъ бѣглыхъ поповъ для нихъ было крайне опасно, да и не желательно. Строгость въ отношеніи раскопозъ, малая подготовленность и невысокая нравственность ихъ уже давно озабочивали старообрядчество мыслью организовать свое собственное духовенство. Въ школѣ они видѣли источникъ его, въ заграничной іерархіи старообрядства они искали правомочія для нихъ. Но, независимо отъ этого, старообрядцы, и въ особенности безпоповцы, хорошо видѣли, что при отсутствіи у нихъ церковной іерархіи, при полной безконтрольной свободѣ толкованія священнаго писанія, школа могла быть единственнымъ средствомъ противъ лжеучителей и лжетолкователей. Еще при Денисовѣ старообрядчество сознавало для себя пользу и необходимость школы. Школы были устроены повсюду—въ богадельняхъ, въ скитахъ, въ моленныхъ. Только знаніемъ хотѣли руководители раскола остановить суровый аскетизмъ и тѣ грубыя уклоненія, которыя съ такою силою распространялись въ массѣ темнаго народа. Имъ хорошо было видно, что, охраняя старыя обряды и ставя подъ этотъ дозвугъ всевозможные толки, проявляющіеся на безформенной почвѣ отпадшихъ, они тѣмъ болѣе будутъ отходить отъ правилъ старой церкви, чѣмъ менѣе развита будетъ въ нихъ средѣ грамотность. Въ этомъ отношеніи преслѣдованіе и уничтоженіе раскольническихъ школъ прямо и непосредственно вело къ увеличенію раскола и раскола въ формѣ «особенно вредныхъ сектъ». Но правительство не сознавало этого въ то время. Напротивъ, оно видимо убѣждено было въ противномъ, что ученіе и его обособленность у раскольниковъ даетъ имъ силу и преимущество противъ темной массы православнаго народа, и потому оно находило нужнымъ закрывать одну за другою школы, не видя того, что этимъ самымъ расколъ еще болѣе удаляется отъ истины, познаваемой только свѣтомъ знанія.

Указомъ 14 марта 1835 года повелѣно было закрыть одну изъ лучшихъ школъ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ. «Дѣтей,

въ семь училищъ обучающихся, — говорилъ указъ, — родять родителямъ или родственникамъ на воспитаніе; а тѣхъ изъ нихъ, которыхъ нельзя надлежащимъ образомъ пристроить по бѣдности родителей или родственниковъ или по немѣннѣю оныхъ, взять въ военные кантонисты». Суровость этого закона была сознаваема самимъ государемъ; но крайней мѣрѣ подъ указомъ его рукою было написано: «исполнить сіе съ должною осмотрительностью и безъ всякаго вида насилія». Однако, отнимая у раскольниковъ право общественнаго образованія, правительство хотѣло замѣнить его своимъ поднадзорнымъ со стороны православнаго духовенства. Ревизовавшій еще въ 1828 году олонечскую губернію, сенаторъ Барановъ, для ослабленія раскола, признавалъ необходимымъ учредить тамъ духовныя училища съ тѣмъ, чтобы старообрядческія дѣти, «воспитываясь въ оныхъ, приносили съ собою священныя чувства православнаго христіанскаго ученія въ свои семейства». Это послужило основаніемъ правилъ 17 октября 1836 г. о духовныхъ училищахъ, которымъ дано было повсемѣстное примѣненіе въ имперіи, и въ которыхъ между прочимъ сказано, что обученіемъ должно заниматься духовенство, начиная его съ дѣтей православныхъ, «дабы за ними привлечь и раскольниковскихъ», и, кромѣ того, «если раскольники не иначе пожелаютъ отдать дѣтей своихъ въ ученіе, какъ по книгамъ старопечатнымъ, изданнымъ въ единовѣрческой типографіи, то принимать ихъ съ симъ условіемъ и обучать по симъ книгамъ». Такимъ образомъ, первоначальное учрежденіе народныхъ духовныхъ школъ является мѣрою противъ раскола. Въ указѣ 13 февраля 1837 г. такая же мѣра предлагается монастырямъ мужскимъ и женскимъ, и указывается, что она можетъ служить не только къ уменьшенію раскола, но и къ предохраненію отъ него.

Что касается самыхъ мѣстъ богослуженія, то правительство продолжаетъ принимать въ этомъ направленіи самыя энергическія мѣры. Мы знаемъ, что еще со временъ императора Александра I существовало правило, что губернаторы могли разрѣшать раскольникамъ учрежденіе разнаго рода благотворительныхъ обществъ. Правилѣ этимъ хотѣли воспользоваться старообрядцы, въ особенности послѣ запрещенія имъ строить и поправлять церкви, монастыри, молитвенныя дома. Усиленные ходатайства, а также «посильныя благодарности», на которыя рука старообрядцевъ никогда не оскудѣвала, весьма часто приводили къ удовлетворенію ихъ просьбъ о постройкѣ богаделенъ и другихъ благотворительныхъ заведеній, типомъ для которыхъ служили имъ московскія кладбища. Указомъ 2 апрѣля 1831 года пове-

ѣнно, чтобы генералъ-губернаторы и военные губернаторы «сами собою не утверждали правилъ для какихъ бы то ни было обществъ, или для управленія какими-либо заведеніями безъ предварительнаго о томъ сношенія съ министерствами». Въѣсто существовавшихъ до того правилъ о благотворительныхъ заведеніяхъ раскольниковъ, были изданы новыя, причемъ пояснено было, что всѣ эти заведенія должны носить на себѣ характеръ исключительно одного благотворенія и ничуть не быть мѣстомъ общественнаго и притомъ публичнаго богослуженія. Всѣ они подчинены были приказамъ общественнаго призрѣнія, должны были призрѣвать старыхъ и увѣчныхъ только изъ старообрядцевъ; сиротскія отдѣленія въ нихъ закрыты, выборные почитатели и ѡномъ, и притомъ утвержденные губернаторами, обязаны были представлять ежемѣсячныя вѣдомости о прибывающихъ и убывающихъ изъ богаделенъ; наконецъ, полиціи вѣѣнено было въ обязанность строго слѣдить за лицами, живущими въ этихъ богадельняхъ и за тѣмъ, чтобы тамъ не было вѣншнаго онаятельства раскола. Приведеніе этихъ мѣръ въ богадельныхъ домахъ, не имѣвшихъ большого авторитета у раскольниковъ, производилось безъ особыхъ препятствій, но въ домахъ Петербурга и Москвы это исполнялось съ большою осторожностью. Въ 1840 году купецъ Апаровъ завѣщаль въ пользу старообрядческаго общества домъ, находящійся между Чернышевымъ и Семеновскимъ мостами, гдѣ находилась моленная и богадельня еедосѣвскаго согласія. Секретный комитетъ постановилъ ограничить своеволие еедосѣвцевъ: домъ отдать наслѣдникамъ, а часовню съ богадельнею закрыть. На этомъ журналѣ собственноручно государь написалъ слѣдующее: «исполнить; но по особой важности сего предмета нужна крайняя осторожность при исполненіи, тѣмъ болѣе, что домъ въ 3-й адмиралтейской части, среди самаго многочисленнаго стеченія народа; прежде приступленія къ закрытію моленной Бенкендорфу условиться съ военнымъ губернаторомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ о мѣрахъ исполненія и предупрежденія всякихъ притомъ безпорядковъ».

Точно также въ отношеніи московскихъ кладбищъ, правительство дѣйствовало весьма осторожно. Не сразу, но мало-по-малу стремилось оно подвести ихъ подъ общія правила. Указомъ 28 мая 1834 г. было постановлено, чтобы подышней въ сиротскихъ отдѣленіяхъ московскихъ кладбищъ оставлять только до 3-хъ-лѣтняго возраста, остальныхъ свыше этого возраста велѣно было «отправить или въ воспитательный домъ, или въ кантонисты». Мѣру эту, говорилось въ указѣ, «при-

водить въ исполненіе съ такою поспѣшностью, какая по обстоятельствамъ необходима окажется, не допуская, впрочемъ, медленности ненужной», причемъ приказано было объявить настоятелямъ кладбищъ, «что они по правиламъ должны были подкидышей свыше четырнадцати лѣтъ пристроить; но такъ какъ они сего не исполнили, то правительство приняло само шесть обѣ участи сихъ сиротъ». Уже одні эти оговорки указываютъ, что было не совсѣмъ безопасно въ отношеніи внутренняго спокойствія затронуть такія учрежденія, какъ Рогожское и Преображенское кладбища, содержимыя самими богатыми московскими купцами, имѣвшими въ себѣ и значеніе на всю Россію. Впрочемъ, мѣра эта была приведена въ исполненіе безъ особаго замѣшательства, такъ какъ всѣхъ сиротъ разобрали старообрядцы и дальнѣйшій затѣмъ приемъ подкидышей прекратился. Но это было только начало. Послѣдующими указами правительство подчинило ихъ общему постановленію. Попечители московскаго рогожскаго кладбища, купцы Мотылевъ и Маловъ, жаловались генералъ-губернатору, что ихъ кладбище хотя и именуется рогожскимъ богадельнымъ домомъ, но правила этихъ домовъ не могутъ быть отнесены къ ихъ кладбищу, такъ какъ тамъ исполняются у нихъ духовныя требы. Просьба эта доведена была до свѣдѣнія государя, но не имѣла никакого успѣха. «Заведеніе, въ которомъ дозволено призывать только страждущихъ,—говорится въ указѣ 16-го мая 1836 г.,—свойственнѣе именовать богадельнымъ домомъ, а не кладбищемъ, такъ какъ уже и есть въ Москвѣ у раскольниковъ безпоповщинской секты Преображенскій богадельный домъ; впрочемъ, нисколько не запрещается раскольникамъ бѣглопоповщинской секты называть Рогожскимъ кладбищемъ то мѣсто, гдѣ они отправляютъ богослуженіе по ихъ обрядамъ и заблужденіямъ. Поэтому,—говорится далѣе въ указѣ,—просьба попечителей оказывается неосновательною и служить только подтвержденіемъ, что раскольники употребляютъ всѣ способы выставить себя отдѣльнымъ обществомъ, а установленіе порядка считаютъ притѣсненіемъ».

Таковъ былъ взглядъ правительства даже въ отношеніи сектъ, приѣмлющихъ священство. Противъ Преображенскаго кладбища были приняты мѣры еще вѣрче. Нужно замѣтить, что это кладбище владѣло большими недвижимыми имуществами, домами, землями и лѣсами. Указомъ 9-го апрѣля 1838 года, основываясь на томъ, что кладбищу дозволено было имѣть только капиталы, влады и приношенія, повелѣно было всѣ эти недвижимости продать; причемъ указано, чтобы преображен-

скій богадельный домъ во всемъ слѣдовалъ установленнымъ для всѣхъ домовъ этого рода правиламъ. На домогательство старообрядцевъ о дозволени имъ вести метрическія книги получить былъ тоже отказъ съ указаніемъ, что книги эти должны вестись въ полиціи, а не въ богадельныхъ учрежденіяхъ, что «это могло бы давать расколу видъ законности и тѣмъ служить къ его укрѣпленію». Даже въ отношеніи браговъ на просьбу Рогожскаго кладбища было приведено слѣдующее заключеніе: «хотя браки раскольниковъ, совершаемые въ церкви, не признаются законными, однакожь остаются терпимыми въ отношеніи гражданскомъ, и для дѣлъ градскаго общества нужно свѣдѣніе не только о рождающихся и умирающихъ, но и о ихъ женахъ для причисленія ихъ къ семействамъ; почему, дабы удовлетворить сей надобности, не дѣлая вида законности раскольническимъ бракамъ, не представляется другого средства, какъ дозволить полиціи раскольническихъ женъ поповщинской секты вносить въ обывательскія книги тѣмъ же порядкомъ, какъ записываются рождающіеся, не упоминая о бракахъ, и въ случаѣ надобности, на основаніи сихъ книгъ, выдавать раскольникамъ свидѣтельства объ ихъ женахъ». Эта вынужденная терпимость касалась только поповцевъ; для секты же беспоповскихъ брачныя сопряженія, не освященные церковью, признавались просто блудомъ, а дѣти ихъ считались незаконнорожденными.

Слѣдуя общему правилу, что старообрядчество не составляетъ отдѣльнаго общества, не имѣетъ и не должно имѣть какого-либо вѣдѣнаго, признаваемого государствомъ, признала отдѣльнаго существованія, были сдѣланы распоряженія объ отобраніи отъ обществъ печатей, о воспрещеніи имъ выдавать свидѣтельства въ исполненіи христіанскихъ обязанностей и о неутвержденіи духовныхъ завѣщаній, составленныхъ въ пользу старообрядческихъ заведеній. Такъ, не утверждено было духовное завѣщаніе, по которому дворянинъ Петръ Лещиковъ отказалъ землю, отведенную подъ охтенское кладбище, тамошней старообрядческой мелельнѣ; былъ отданъ наслѣдникамъ покойнаго почетнаго гражданина Долгова домъ, завѣщанный имъ выговскимъ старообрядческимъ больницамъ, а указомъ 11-го марта 1836 г., по поводу завѣщанія въ пользу Рогожскаго кладбища имущества своего мѣщаниномъ Воцанинымъ, высказано было общее положеніе, что законы государственные не признаютъ существованія и правъ монастырей и церквей или часовенъ раскольническихъ наравнѣ съ православными церквами и монастырями, что поэтому и духовныя завѣщанія въ пользу ихъ не могутъ быть утверждаемы судомъ

гражданскимъ, «дабы сихъ правъ непримѣтно, подъ видомъ общаго, не восхитили себѣ раскольническія заведенія въ увеличенію и распространенію раскола».

Обративъ вниманіе на мѣста общественнаго богослуженія, сдѣлавъ точную перепись раскольническимъ монастырямъ, церквямъ и молитвеннымъ домамъ, правительство строго наблюдало, чтобы новыя не строились, а старыя не поправлялись. Оно воспрещало также обращать крестьянскія избы въ молитвенные дома и устроить въ нихъ престолы, приказало снять кресты съ раскольническихъ часовенъ, а когда была выстроена въ Иргизскомъ монастырѣ новая колокольня, то только въ виду предотвращения кровавыхъ сценъ, уже бывшихъ въ этомъ монастырѣ, колокольню оставили, но губернатору былъ сдѣланъ выговоръ за недосмотръ. Между тѣмъ низшее духовенство и полиція выказывали свое рвеніе въ дѣлѣ сокращенія и прекращенія мѣстъ старообрядческаго богослуженія. Во многихъ мѣстахъ по этому поводу происходили столеновенія, даже употреблялась военная сила съ печальными результатами для ослушниковъ — плетями и каторгою. Болѣе рѣшительные губернаторы высказывали мнѣніе, что необходимо назначить одинъ срокъ, послѣ котораго закрыть всѣ молебни, церкви и монастыри; но правительство отклонило такое предложеніе, заявляя, что это имѣло бы характеръ гоненій. Однако въ постановленіи 5-го мая 1839 года мы находимъ правила объ уничтоженіи часовенъ или молебенъ самаго рѣшительнаго направленія. Противозаконно выстроенныя или возобновленныя старообрядческія часовни вѣдѣно было запечатывать и доносить объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, которому, между прочимъ, преподается такое правило (пунитъ 4): «во всякомъ случаѣ между запечатаніемъ часовни и совершеннымъ ея уничтоженіемъ должно пройти значительное время, дабы послѣ нѣкоторой привычки видѣть его въ бездѣйствіи менѣе сильно было бы впечатлѣніе уничтоженія». Этимъ правиломъ министерство воспользовалось вполне: не только молебни вновь выстроенныя, поправленныя, но и тѣ, которыя почему-либо находили нужнымъ закрыть, сперва запечатывали, а потомъ уничтожали. Въ особенности обращено было вниманіе на мѣста, почитаемыя старообрядцами. Мы видѣли, какъ поступлено было съ московскими кладбищами; такія же мѣры были приняты относительно Иргиза; то же самое мы встрѣчаемъ относительно выгорѣлаго общежительства — этой колыбели безпоповщинскаго согласія. Въ уважѣ 18 февраля 1837 года говорится, чтобы колокола съ тамошнихъ часовенъ были сняты, молебни на кладбищѣ были уничтожены,

и затѣмъ вѣльно было наблюдать, чтобы списанныя иконы и книги не распространялись внѣ круга жительства раскольниковъ. Единственное исключеніе того времени было сдѣлано для некрасовцевъ, которымъ дозволено было выстроить церковь въ г. Измаилѣ и то въ видахъ политическихъ, чтобы привлечь выселеніе ихъ изъ Турціи.

Въ отношеніи старообрядческаго духовенства, правительство слѣдуетъ той же постепенности, какъ и въ отношеніи мѣстъ богослуженія. Постановивъ 31 января 1832 года правило, чтобы оставить въ поможіе бѣглыхъ поповъ, находящихся до этого времени при мѣстахъ старообрядческаго богослуженія, оно дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ распоряженіе, чтобы вновь бѣглыхъ поповъ отсылать въ епархіи, чтобы всѣхъ священнослужителей, пріѣзжающихъ на Рогожское кладбище, высылать изъ Москвы и не позволять имъ переходить съ мѣста на мѣсто, назначивъ надъ ними тайный полицейскій надзоръ. Лишеннымъ священства попомъ воспрещено было «пробываніе, и тѣмъ менѣе приписываться къ городскимъ и сельскимъ обществамъ въ той губерніи, гдѣ они были священниками или находились у раскольниковъ, и въ выполненіи сего вѣльно было брать съ нихъ подписку подъ опасеніемъ за нарушеніе оного быть отосланными въ закавказскія провинціи».

Однако все это нисколько не останавливало побѣговъ изъ епархій, гдѣ, при недостаточности средствъ и суровомъ деспотизмѣ консисторій и владыкъ, тяжело жилось нашему духовенству. Большинство священниковъ убѣгало на Ирбитъ, гдѣ въ соборной церкви Яновитскаго толка по чиноположенію, содержащемуся въ большомъ Іосифовскомъ требникѣ, производилась надъ попами «исправа»: новопріемлемый надѣвалъ на себя епитрахиль, поручи и фелонь, и послѣ исповѣди у монастырскаго священника громкогласно читалъ на амвонѣ, предъ собраніемъ братства, обратясь къ западу лицомъ, отрицаніе. Потомъ помазывали его муромъ съ присовокупленіемъ вѣстныхъ словъ, произносимыхъ православными священниками при совершеніи надъ младенцами таинства крещенія. По окончаніи этого обряда, настоятель и братія шли къ нему подъ благословеніе и затѣмъ онъ допускался къ исполненію требъ. Почти тотъ же чинъ совершался при пріемѣ новообращаемыхъ послѣдователей, безъ чего его не допускали къ общей молитвѣ (указъ 17 января, 1836 г.). Когда узналъ объ этомъ государь, то, въ возбужденіе дальнѣйшихъ «исправъ», столь постыдныхъ для поповъ, столь же прискорбныхъ для православной церкви, приказалъ отобрать отъ настоятелей монасты-

рей подписки, чтобы впредь этого не было, а въ случаѣ нарушенія, то и настоятели, и совершавшіе чиноположеніе попы, и вновь обращенные будутъ судиться, какъ распространители ереси.

Предъ нами прошелъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, которыми руководствовалось правительство для уменьшенія раскола. Нельзя сказать, чтобы онѣ не были приведены въ систему и являлись случайными отвѣтами на встрѣчающіеся и обнаруженные факты жизни раскола. Напротивъ, изолированіе или высылка послѣдователей болѣе вредныхъ сектъ, съ полнымъ лишеніемъ ихъ политическихъ и даже гражданскихъ правъ, уничтоженіе и постепенное сокращеніе мѣстъ общественнаго богослуженія съ ихъ учрежденіями для сектъ менѣе вредныхъ, дѣлаемыя затрудненія для пріисканія поповъ сектами, пріемлющими священство, примѣненіе строгихъ уголовныхъ законовъ для совратителей и распространителей раскола вообще, распространительное толкованіе «внѣшняго оказательства», наконецъ, противоудѣйствіе малѣйшему стремленію сектантовъ въ обособленности въ государствѣ—все это мѣры, направленные въ одну цѣль, и составляютъ собою часть цѣлой и довольно крѣпкой системы. Тѣмъ не менѣе расколъ все росъ и росъ, питаясь недовольствомъ, вытекавшимъ изъ подспудной народной массы, придавленной своею неволюю. Несмотря на учрежденіе и особое наблюденіе со стороны жандармскихъ офицеровъ, особо установленныхъ по губерніямъ секретныхъ комитетовъ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, расколъ все-таки жилъ, множился, отправлялъ богослуженіе и не поддавался требованіямъ правительства. Здѣсь замѣчательнъ тотъ фактъ, что сектанты менѣе вредныхъ согласій стали переходить въ болѣе вредныя, гдѣ богослуженіе и обрядовая сторона были проще, а, слѣдовательно, ихъ легче было укрыть отъ полицейскаго и жандармскаго наблюденія. Согласія, пріемлющія священство, нѣсколько разъ пытались просить о присоединеніи ихъ къ единовѣрію, съ оставленіемъ только права самимъ выбирать священниковъ безъ особаго архіерейскаго рукоположенія, хотя и оставляя ихъ подъ наблюденіемъ епископа; но имъ отказывали въ этомъ, и они переходили въ согласія безіоповщическія. Безіоповщина разбилась на множество толковъ, изъ которыхъ, какъ мы видѣли ранѣе, нѣкоторые доходили до крайняго отрицанія не только правилъ церкви, но и государственнаго общенія. Скопцы, хлысты находили себѣ массу послѣдователей изъ того же раскола.

Нельзя также сказать, чтобы сами раскольники не домогались у правительства дозволенія устроить у себя какую-либо организацию. Сколько разъ они подавали просьбы, чтобы разрѣ-

или имъ выдавать свидѣтельства о рожденіи, смерти и бракѣ; просили, чтобы имъ дозволили причислиться къ извѣстнымъ часовнямъ или церквамъ;—но на все это получали или отказъ, или устрашеніе. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ указѣ синода 10-го марта 1839 года на просьбу екатеринбургскихъ старообрядцевъ о дозволѣніи выбора и себѣ священниковъ изъ епархій: «раскольники при этомъ новомъ положеніи не принимаютъ наименованія единовѣрцевъ. Изъ сего ясно видно ихъ намѣреніе держаться по прежнему въ видѣ общества отдѣльнаго отъ церкви, слѣдовательно—по прежнему враждовать противъ церкви и по возможности отторгать отъ нея православныхъ. Если въ семъ успѣвали они силою богатства и общественныхъ связей донинѣ, когда непризнаніе ихъ священниковъ правительствомъ болѣе или менѣе затрудняетъ ихъ и уничтожаетъ; то безъ сомнѣнія должно опасаться умноженія совращеній, когда ихъ священство получить видъ законности передъ гражданскою властью. Шестъ екатеринбургскихъ расколоводителей, —продолжаетъ синодъ, —просятъ себѣ права выбирать священниковъ изъ всѣхъ российскихъ епархій. Право весьма обширное и безпримѣрное. Удивительна отважность, съ которою назначаютъ себѣ права шестъ расколоводителей!» Разумѣется, просьба эта не была удовлетворена, и съ просителей взята подписка, «чтобы они впредь не осмѣливались утруждать начальство подобными ухищренными просьбами».

Закрытіе значительнаго числа молеень и часовень отразилось на жизни раскола еще тѣмъ, что поповцы начали группироваться около тѣхъ мѣстъ, гдѣ были каменные старообрядческія церкви, и гдѣ поэтому ихъ духовенство было болѣе обезпечено отъ притѣсненій. Такъ, мы видимъ, что множество старообрядцевъ переселилось въ Измаилъ, гдѣ некрасовцамъ предоставлены были большія льготы. Группировались также старообрядцы около ржевскаго молитвеннаго дома, около черниговскихъ храмовъ, Изгири и пр. Впрочемъ, уступая необходимости, чтобы не возбудить явнаго сопротивленія при уничтоженіи старыхъ молитвенныхъ домовъ, само правительство должно было дѣлать уступки и разрѣшать старообрядцамъ ходить для совершенія службъ изъ Смоленской и тверской губерній во Ржевъ, изъ калужской въ черниговскую и пр. (указы 1840 ноябр. 21, 1841 г. декабр. 19).

Не малую роль въ жизни раскола играла подкупность мелкаго чиновничества и даже чиновъ высшихъ. Какъ ни странно покажется, но убѣдительные факты говорятъ за то, что въ то крутое время, въ особенности во вторую половину царство-

ванія, наибольшимъ послабленіемъ и даже снисхожденіемъ пользовались члены самаго вреднаго направленія, скопцы и хлысты. Ловкіе, умные, обладавшіе значительными капиталами, исполнявшіе для видимости обряды православной церкви и даже дѣлавшіе ей значительныя вклады, они успѣвали завязывать самыя сильныя связи и находить самое могущественное покровительство. По указу 27-го марта 1843 года, приказано было не преслѣдовать скопца Солодовникова, и въ виду обширныхъ коммерческихъ его дѣлъ по заграничной торговлѣ, ограничиться однимъ полицейскимъ надзоромъ съ лишеніемъ занимаемыхъ имъ должностей. Затѣмъ въ указѣ 8-го апрѣля 1848 года читаемъ, что такъ какъ Солодовниковъ осклопенъ въ малолѣтствѣ противъ собственной воли, то прекратить надъ нимъ полицейскій надзоръ и не подвергать дѣйствию существующихъ относительно скопцовъ постановленій. Упомянемъ здѣсь еще о дѣлѣ скопчихи Дурдиной, чтобы указать насколько сильно было вліяніе скопческой сѣти. Въ комиссіи медицинскаго изслѣдованія найдено было, что Дурдина осклопена, ибо «сосцы обѣихъ грудей у нея были отрѣзаны или истреблены»; с.-петербургская уголовная палата оставила обвиняемую въ подозрѣніи, основываясь на одномъ ея показаніи, что сосцы она потеряла отъ болѣзни. Дѣло поступило въ физикатъ, который призналъ заключеніе врача правильнымъ, что сосцы были отрѣзаны острымъ орудіемъ. По рассмотрѣніи этого дѣла комитетомъ министровъ, постановленіемъ 27 авг. 1846 г., онъ опредѣлилъ: сослать Дурдину въ закавказскій край на водвореніе. Начались ходатайства, просьбы, подарки, раздача денегъ. Велѣно было снова рассмотреть дѣло; но здѣсь была уже задѣта честь физиката, членовъ комитета министровъ. Комитетъ снова осудилъ подсудимую, но все-таки, «въ видѣ снисхожденія, — дозволить ей слѣдовать за Кавказъ въ своемъ экипажѣ». Покрывали хлыстовъ и скопцовъ чиновники мелкіе и мѣстное духовенство. Вотъ еще примѣръ: хлыстовка Ульяна Васильева, изъ костромской губерніи, почитаемая тамошними хлыстами «богородицею», была заключена 1838 г., по высочайшему повелѣнію, въ Флоровской монастырь въ Киевѣ. Вслѣдствіе представленія епархіальнаго начальства о ея раскаяніи, она снова была водворена на прежнее мѣстожительство. Прошло два года. По дознанію ревизующаго костромскую губернію, сенатора Лобанова-Ростовскаго, оказалось, что Васильева все-таки оставалась богородицею хлыстовъ, и хотя жила постоянно въ Костромѣ, но ѣздила въ Москву, руководила тамъ богомоленіемъ и участвовала во всѣхъ хлыстовскихъ радѣніяхъ.

Мы не станемъ приводить множества другихъ фактовъ; но достоверно, что скопцы и хлысты умѣли пользоваться гораздо большимъ снисхожденіемъ, чѣмъ другія секты. Въ то время какъ обоготворяемые пророки и пророчицы фальшиво удостовѣрялись въ твердости православной вѣры, мы видимъ, что противъ такихъ сектъ, какъ молоканская, принимаются самыя строгія мѣры; о сектахъ Даниловскаго и Спасова согласія выгорѣцкихъ общезнательствъ олонекій губернаторъ хлопочетъ, чтобы ихъ признали особенно вредными, а тамбовскій архіепископъ преосвященный Георгій до того ожесточился противъ безпоповщины, что совѣтовалъ, вмѣсто словъ: «сводный бракъ» — употреблять выраженіе «сводная случка», «сводный союзъ блуда», или «сводная связь». Бывали и въ это время проблески болѣе спокойнаго отношенія въ дѣлу раскола, но они терялись въ общей системѣ и являлись какъ-бы нечаяннымъ исключеніемъ. Такъ, увидя несомнѣнное вліяніе выгорѣцкихъ общезнательствъ и поморскаго толка на бѣдное населеніе олонекіи губерніи, правительство дѣлаетъ распоряженіе объ облегченіи способовъ отбыванія повинностей и вноса податей, озабочивается улучшеніемъ въ олонекіи и архангельской губерніяхъ путей сообщенія; наконецъ, постановляетъ, чтобы въ Корелію назначались священники, знающіе мѣстный языкъ (указъ 11 января 1836). Мало того, въ концѣ тридцатыхъ годовъ началось иногда высказываться убѣжденіе, что «мѣры, предпринимаемыя и невидержимаемыя, нерѣдко бываютъ вредныя, нежели когда бы оныхъ совсѣмъ не было предпринято» (13 фев. 1837 г.). Но, повторяемъ, подобныя взгляды и мѣры были только исключеніемъ и не имѣли никакого примѣнительнаго въ дѣлу значенія.

Е. Р.

ДЕРЕВЕНСКІЕ МІРОЇДЫ

ОЧЕРКИ.

Мы—въ одной изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ природа не особенно щедра къ человѣку: земля холодная, тяжелая, *не-родимая*, зимы студеныя, лѣта короткія, хорошихъ луговъ, заливныхъ, мало, а единственное бывшее мѣстное богатство—лѣса дремучіе—давнымъ-давно прожито, израсходовано, безъ всякой прибыли, безъ малѣйшаго остатка про черный день, на крайнюю нужду; гдѣ земля не родитъ безъ сильнаго удобренія и двойной обработки, а скота въ долгую зиму прокормить нѣтъ, и гдѣ поэтому двѣ коровушки на крестьянскій дворъ считаются уже роскошью, признакомъ большого довольства и благосостоянія; гдѣ мужикъ, безъ сторонняго отъ земли заработка, не въ силахъ заплатить даже своей подати, а не только прокормиться и одѣться съ семьей; гдѣ рядомъ съ крестьянской нуждой пристроилось, нашло рабочія руки и развилось фабричное производство, не обогатившее крестьянина, но подорвавшее окончательно его вѣру въ землю-кормилицу, создавшее взаимнѣ этой вѣры культъ рубля; гдѣ мужикъ ни сытъ, ни голоденъ, лаптей давно уже не носить, въ праздникъ надѣваетъ синій кафтанъ и пуховую шляпу, въ домѣ норовитъ завести хоть какой-нибудь самоваришко, но говядину ѣсть два раза въ годъ, соль расходуетъ какъ драгоценность, а въ запасѣ имѣетъ развѣ только одну сѣрую капусту-кисленицу.

Вѣчная и единственная забота всего населенія такого края о томъ: какъ бы прокормиться, какъ бы уплатить подати, или хоть старую недоимку, гдѣ бы перехватить на безвыходную нужду и хоть бы какъ-никакъ свести въ году концы съ кон-

цами: и это не всѣмъ удается, большинство запуталось въ неплатныхъ долгахъ, махнуло съ отчаяніемъ рукой на будущее, не хочетъ думать даже о завтрашнемъ днѣ: поѣсть бы только, а главное — выпить сегодня; тѣ, которые имѣютъ возможность мечтать о сбереженіяхъ, о залежномъ рублѣ, объ улучшеніяхъ въ домашнемъ обиходѣ и хозяйствѣ, тѣ исключительные счастливицы, тѣ богачи, — тѣмъ хорошо живется на свѣтѣ: за то они всѣ и на перечесть не то въ деревнѣ, а въ цѣлой волости. Понятно, что среди такого населенія неизбѣжно должны были явиться и тѣ счастливицы, которые занимаютъ въ деревнѣ особенное положеніе, служатъ экономическимъ центромъ цѣлаго сельскаго общества, а иногда и цѣлой волости, которымъ кланяются и выражаютъ въ глаза почтеніе и благодарность, хоть за глаза нерѣдко бранятъ и проклинаятъ, которыхъ народъ называетъ и благодѣтелями, и кровопійцами, — на которыхъ смотритъ, какъ на неизбѣжное, необходимое и почти законное зло, какъ на результатъ, но не какъ на причину своей бѣдности, которыхъ считаютъ скорѣе полезными, чѣмъ вредными для себя людьми. Это богатые деревенскіе обыватели, ссужающіе крестьянъ въ кредитъ — все равно деньгами, или продуктами, — это мѣстные бакары, ростовщики, которыхъ мы привыкли называть мірофдами, хотя въ народѣ такое выраженіе не употребительно, и даже мало извѣстно.

Мірофды бываютъ разные. Есть такіе, которые искренно, непритворно, считаютъ себя благодѣтелями своихъ односельцевъ, которые смотрятъ на свое дѣло почти какъ на христіанскій подвигъ любви къ ближнему; есть и такіе, которые принимаютъ за ростовщичество сознательно, какъ за самый выгодный промыселъ, дающій наибольшій процентъ на капиталъ: эти ведутъ свое дѣло откровенно, на чистоту, безъ всякаго лицепріятія, и какъ купецъ опредѣляетъ цѣну своего товара по количеству требованія на него, такъ и они, смотря по нуждѣ заемщика, увеличиваютъ свой процентъ, т.-е. чѣмъ больше нуждается, тѣмъ больше долженъ заплатить и процентовъ. У такихъ ссуда дѣлается почти всегда на-вѣрняка, безъ всякаго риска, со всевозможными въ деревенскомъ быту обезпеченіями. Но есть и притворщики, которые хотятъ обмануть и себя, и заемщиковъ въ значеніи своихъ операций: эти послѣдніе или ждутъ, чтобы ихъ много просили и кланялись объ одолженіи, и соглашаются на выгодный для себя оборотъ, какъ на тяжелую жертву; или сами предлагаютъ свою помощь и ссужаютъ деньгами по чувству состраданія къ нуждѣ ближняго, но въ томъ и другомъ случаѣ

умѣють оградить себя отъ всякаго риска и нажить на своемъ благодѣяннѣ 200 на 100. Затѣмъ, личный характеръ и общественное положеніе разнообразятъ типы деревенскихъ міройдовъ: ими бываютъ, вѣдь, не только крестьяне, но и лица другихъ сословій, живущіе среди сельскаго населенія.

Вотъ нѣсколько такихъ типовъ.

I.

ДѢДУШКА НИКОЛАЙ ИВАНЫЧЪ.

Неприглядна и скучна деревня Пустополье. Длиннымъ порядкомъ сѣрыхъ избъ подъ соломенными крышами протянулась она версты на двѣ по берегу рѣчонки, которая въ лѣтнюю пору почти совсѣмъ пересыхаетъ, такъ что и водой изъ нея не пользуются, а берутъ изъ колодезь, вырытыхъ среди деревни. Ни деревца, ни кустика кругомъ, одно голое, чистое, сѣрое поле, только въ огородахъ, которые тянутся отъ улицы вплоть до рѣчки, торчатъ кое-гдѣ рябины, да ветлы — и тѣ на-перечетъ, и всѣ какія-то корявыя, невзрачныя, да сзади деревни, распахивая крылья, стоятъ двѣ вѣтряныя мельницы. Въ послѣднее время, впрочемъ, по распоряженію начальства, передъ каждою избою посажено по три березки, которыя посадили тотчасъ же послѣ посадки, но тщательно охраняются на своемъ мѣстѣ, въ видѣ голыхъ, сухихъ мѣтелъ. Для чего заботливое начальство приказало посадить это украшеніе, въ деревнѣ не знаютъ, но полагаютъ, что для пожарнаго случая, а потому, какъ строгіе исполнители всякаго приказа, мужички тщательно берегутъ даже посаженныя березки, рассуждая, вѣроятно, что въ такомъ видѣ для пожарнаго случая онѣ еще удобнѣе. Кромѣ этого новаго украшенія, противъ каждаго почти дома торчатъ скворечники, прировненные изъ полуразбитыхъ глиняныхъ кувшиновъ, укрѣпленныхъ на-верху длинныхъ жердей. Эти скворечники — единственный признакъ присутствія эстетическихъ потребностей и любви къ природѣ въ обитателяхъ Пустополя. На улицѣ, весной и осенью, а часто и лѣтомъ, послѣ сильныхъ дождей стояла непролазная грязь, которая нѣсколько не стѣснила мѣстныхъ обывателей.

Всѣ избы въ деревнѣ, какъ двѣ капли воды, похожи одна на другую: всѣ въ три окна, изъ которыхъ среднее побольше, всѣ подъ соломенными крышами, у всѣхъ съ одной стороны крылечки, съ другой—ворота во дворъ. Если и есть между ними какая разница, такъ развѣ въ томъ, что одна изба поновѣе, или повыше другой, у одной нижніе два вѣнца подгнили, и изба искрокинула на бокъ, а у другой введены два вѣнца новые; у одной крыша на дворѣ завалилась, а у сосѣдней прикрыта свѣжей соломой. На дворахъ и въ избахъ у всѣхъ одно и то же: среди двора, ближе къ воротамъ, — телѣга, у задней стѣны, за отгородкой у колоды, лошадь и корова, или лошадь и корова съ телкой; въ углу пара овецъ; въ избѣ столъ подъ образами и лавки по стѣнамъ, одежда и малыя ребята на полатяхъ, старуха на печкѣ; въ свѣтломъ углу люлька съ ребенкомъ; въ темномъ на полу, на соломѣ, сосунъ-теленокъ.

Общій колоритъ деревни сѣрый, унылый, неприглядный. Среди однообразныхъ деревенскихъ избъ бросается въ глаза только одна: построена она по тому же образцу, какъ и всѣ остальные, но изъ очень толстаго лѣса, изъ такого толстаго, что сосѣдняя съ нею изба кажется сложенною изъ жердей; срублена эта изба аккуратно и прочно, врыта тѣсомъ, заборникъ вокругъ двора крѣпкій, прямой и ровный, сложенъ и пригнанъ такъ, что не найдешь ни одной щелки между бревнами: видно, что хозяинъ заботился, чтобы ни вѣтромъ не продувало, ни снѣгомъ не заносило скотинку на дворъ. Ворота во дворъ крѣпкія, тяжелыя, на здоровыхъ желѣзныхъ петляхъ, а не на деревянномъ шкелѣ, какъ въ другихъ дворахъ, затворяются плотно, запираются дубовымъ засовомъ съ желѣзнымъ висячимъ замкомъ. У воротъ на цѣпи влая собака. Дворъ большой, просторный, съ теплыми омшанниками для овецъ и мелкой скотины, съ кормовой избой, на студеную пору, для коровъ и лошадей: видно, что хозяинъ бережетъ свою жилую избу, не хочетъ гнить ее и не пускаетъ въ нее зимою скотину, погрѣться и поѣсть мѣшанины, какъ дѣлаютъ сосѣди. На дворѣ больше десятка головъ разнаго скота, и весь онъ сытый, гладкій и холеный; въ колодахъ кормъ у него не переводится, подъ ногами мягкая соломенная постилка; стлать хомлева не лѣнится, да и есть, значитъ, что постлать, не тащатъ старую солому съ крыши, а стоятъ ометы ея около овина. Противъ дома на огородѣ, такъ что изъ оконъ видно, стоитъ большой двухъ-этажный амбаръ-кладовая, такой же прочный, изъ такого же толстаго здороваго лѣса, какъ и изба, съ обитыми желѣзомъ двойными дверями, съ внушительными внутренними и висячими

замками. Осади дома—гумно съ овинномъ, на которомъ такъ же, какъ и на всѣхъ остальныхъ постройкахъ, видна заботливая хозяйская рука: они и больше, и исправнѣе, и сподручнѣе устроены, чѣмъ всѣ остальные въ деревнѣ, дровъ въ него требуется меньше, а хлѣбъ сушится лучше и скорѣе, и «опасность въ немъ совсѣмъ не та противъ воли Божіей: на-счетъ пожарнаго случая,—соглашаются сосѣди,—потому все въ порядкѣ произведено»: имникъ глубокий въ мѣру, устье съ затворомъ, кругомъ справно, ни откуда вѣтеръ не заберется: съ которой стороны ни дуй, а онъ курится себѣ ровненько, ровно и не знаетъ... Около овина въ порядкѣ сложены омѣты ржаной соломы, а яровая прибрана въ сарай, стоящій тутъ же, неподалеку на гумнѣ; ладонь передъ овинномъ круглый годъ отъ помолотухи до замолота покрыта толстымъ слоемъ соломы: оттого никогда не прорастаетъ травой, не требуетъ лишней работы на подчистку и не бываетъ пыльна. Въ избѣ и на дворѣ съ перваго взгляда виднѣтъ во всемъ образцовый порядокъ: все на своемъ мѣстѣ, все прибрано, все, что нужно, подъ рукой, ничто не мѣшаетъ и на дорогѣ не валется, хотя все сдѣлано и ведется совсѣмъ по-мужичьи, по стародавнему образцу, безъ всякихъ отличій противъ крестьянскихъ привычекъ и обычаевъ. Этого, выдающійся въ глаза, домъ въ деревнѣ Пустополье и все хозяйство принадлежать дѣдушкѣ Николаю Ивановичу Курешунову, заурядному мужичку той же деревни.

Провище свое Николай Ивановичъ получилъ отъ своихъ односельчанъ еще въ молодости, именно за склонность къ скупидомству, за бережливость, за вниманіе и заботливость о всѣхъ мелочахъ въ хозяйствѣ. Въ настоящее время это—восьмидесятилѣтній, согнутый въ дугу, старикъ, сѣдой какъ луна, но съ гладкимъ, почти безъ морщинъ, худошавымъ благообразнымъ лицомъ; взглядъ его мирный, тихій, но твердый, пытливый и пристальный, обличающій натуру сосредоточенную и характеръ упорный; говоритъ тихо, сдержанно и мѣрно; всегда, повидимому, ровень и невозмутимъ; въ движеніяхъ степенень, но ходитъ и дѣлаетъ все быстро; одѣтъ всегда, и зиму, и лѣто, въ нагольный полушубокъ, который на немъ какъ-будто не старѣется и смотритъ всегда новинка, недавно снятымъ; только въ самые жаркіе дни, и те у себя дома, можно увидѣть Николая Ивановича въ одной рубашкѣ, но, выходя куда-нибудь со двора, онъ всегда надѣваетъ свой неизвѣстный полушубокъ. При встрѣчѣ съ людьми, кто бы это ни былъ, всегда и всѣмъ кланяется очень низко, снимая шапку и опуская ее почти до земли: не только гордости или

чванства своимъ богатствомъ не было замѣтно въ Николай Ивановичѣ, но, напротивъ, какъ-будто хотѣлъ показать себя хуже и ниже всѣхъ; держалъ себя такъ не изъ фарисейства и притворства, а по какой-то безосознательной деликатности. Онъ зналъ себя цѣну и въ извѣстныхъ случаяхъ любилъ даже похвалиться собой, поставить себя въ примѣръ; позволялъ себѣ при случаѣ упрекнуть сосѣда за бездомство, за безхозяйственность, дать совѣтъ и сдѣлать внушеніе. Съ молодости Николай Ивановичъ былъ такой неустанный работникъ, такой труженикъ, на котораго удивлялись даже мужики: сомнѣвались—спалъ ли онъ когда-нибудь, а безъ дѣла его видали только въ праздничные дни; но и въ праздники онъ что-нибудь копошился около дома, не выходилъ только никогда на полевую работу. Теперь, на девятомъ десяткѣ жизни, по его собственному мнѣнію, онъ уже ничего не дѣлалъ, отдыхалъ, предоставивъ всю работу сыновьямъ и только досматривалъ за домомъ; но этотъ досмотръ стоилъ всякой другой работы. Старикъ былъ цѣлый день на ногахъ: онъ носился всюду, видѣлъ всюкую работу, осматривалъ каждый закоулокъ своего хозяйства и зналъ каждую минуту, что у него дѣлается. Въ теченіи дня онъ сбѣгаетъ и на поле, и на лугъ, если идетъ сѣнокосъ, и самъ встаети отнесетъ завтракъ, или полдникъ рабочимъ, и обѣдитъ пустошку собственного лѣса, которую купилъ и беретъ какъ веницу ока, и притащить дровъ въ печѣ, и въ горнило у страпухи заглянуть, и оглядеть не одинъ разъ всѣ запоры у своихъ владовыхъ и чулановъ, и поставить на мѣсто вещь, которую молодежь по разсѣянности забила убрать, и поправить кормъ у скота, а если мало его, такъ и прибавить, и при этомъ успѣваетъ вести счеты и расчеты съ должниками и покупателями. Николай Ивановичъ велъ торговлю всякимъ нужнымъ въ крестьянствѣ товаромъ, и это дѣло оставилъ специально за собою, не довѣряя его даже сыновьямъ.

У Николая Ивановича большая семья: два старшихъ сына были отдѣлены, а два, уже женатыхъ и дѣтскихъ, жили еще при немъ; старуха жена умерла, и главной хозяйкой въ домѣ оставалась дочь—дѣвица, почти также уже старуха. Не совсѣмъ по мысли было невѣсткамъ подчиняться золовкѣ, та вѣрно держала въ рукахъ бразды правленія, тѣмъ болѣе, что пользовалась особенною любовью и довѣріемъ отца. Старикъ позволялъ ей даже принимать участіе въ своихъ торговыхъ оборотахъ, довѣрялъ ключи отъ амбара и чулановъ, и вѣрилъ въ ея расчетливость, бережливость и скупидомство. Разбирая не рѣдкія стычки между

дочерью и невестками, а иногда и сыновьями, Николай Ивановичъ всегда былъ на сторонѣ первой.

— Я знаю: мнѣ на ея рукахъ умереть, а не на вашихъ, — откровенно говаривалъ онъ, — она мнѣ глаза закроетъ, а не вы. Ей некуда отъ меня уйти, а вы только и ждете того, какъ бы отдѣлаться.

Сыновья, молча, выслушивали такіа слова отца, внутренно соглашавсь съ ними, но сами проситься въ отдѣлъ не смѣли: они знали, что у старика есть на этотъ предметъ опредѣленный твердый взглядъ и особенныя соображенія, противъ которыхъ возражать и спорить было опасно и невыгодно. Они имѣли передъ глазами примѣръ старшихъ братьевъ: самого старшаго сына, Николай Ивановичъ отдѣлилъ по доброй своей волѣ, когда считъ это нужнымъ и своевременнымъ, и наградиъ его сравнительно щедрой рукой: выстроилъ ему хорошую избу съ дворомъ, сараемъ, амбаромъ, далъ хорошую лошадь, съ телѣгой и сбруей, новотельную молочную корову, пару овецъ, хлѣба на сѣмена и на ѣмѣна на круглый годъ, и даже благословиъ двумя четвертными бумажками на разживу; невестка увезла въ новую избу цѣлѣе вѣроба одѣжи и бѣлья, не нуждалась на первыхъ порахъ даже ни въ какой домашней утвари: всѣмъ снабдиъ ее заботливый свекоръ. Зато совсѣмъ иначе поступилъ онъ со вторымъ сыномъ, который настойчиво и съ грубостями просился въ отдѣлъ: Николай Ивановичъ уступилъ, но не выдѣлилъ, а, какъ говорили на деревнѣ, выкинулъ сына на всю его волю. Изба, которую онъ купилъ ему, была и меньше, и гораздо хуже, чѣмъ у старшаго брата, лошадеику, коровенку далъ изъ плохенькихъ, чуть не изъ заморышей; въ такомъ же родѣ была и вся остальная родительская награда изъ вещей, а въ деньгахъ и вовсе отказалъ: у самого нѣтъ, да и кончено; а что есть, такъ на свою нужду требуется; самъ теперь хозяинъ, мужикъ полный, промышляи самъ про себя, на то тебѣ руки дадены, не на пустое мѣсто и высаженъ: всякое мужицкое заведеніе есть у тебя. А денегъ, сказалъ, нѣтъ, такъ негдѣ и взять!..

Сколько было денегъ у Николая Ивановича, никто не зналъ, не знала даже и его любимая дочь; да врядъ ли безошибочно могъ бы сказать и онъ самъ, если бы захотѣлъ признаться. Чужихъ догадокъ, толковъ и соображеній о денежномъ капиталѣ Николая Ивановича было не мало: охотниковъ считать въ чужомъ карманѣ и въ деревнѣ такъ же много, какъ въ городѣ. Досужіе счетчики соображали, что у Николая Ивановича большія тыщи лежатъ, и спрятаны онѣ гдѣ-нибудь либо

въ амбарѣ, либо на мельницѣ, либо въ дому въ голбцѣ, въ землю зарыты. Находились не разъ и охотники посылать этихъ денегъ,—но все какъ-то неудачно: очень ужъ сторожекъ оказывался дѣдушка; въ такое время ни подбирались, какъ ни ухищрялись, не заставляли его въ распахъ, или крѣпко уснувшимъ: только тавкнетъ собака на дворѣ, или около амбара, смотришь—и голова его сѣдая изъ оконца на улицу высунулась и огонь въ нозѣ вздуваютъ, и самъ старикъ, съ которымъ-нибудь сыномъ, вооруженнымъ топоромъ, или дубиною, въ сопровожденіи злойшей собаки выходитъ изъ калитки на улицу. Прямо, что кощей безсмертный, душу дьяволу продалъ, сна не имѣетъ: все добро свое сторожить!..—говорили про него. Николай Ивановичъ сталъ особенно остороженъ и подозрителенъ въ послѣднее время, когда, по его мнѣнію, народъ сталъ сильно портиться, и послѣ того, какъ удалось-таки какимъ-то лихимъ людямъ обокрасть его мельницу: запоровъ отбить не могли, такъ взломали крышу въ амбарѣ и черезъ нее пролѣзли внутрь. Правда, поживались немного: вытащили два мѣшка ржи, да мѣшокъ ячменя и то не его, а чужіе, мірскіе, привезенные къ нему для помола, да захватили его собственный желѣзный ломъ, которымъ поднимались жернова для жови.

Случай этотъ былъ особенно памятенъ и неприятенъ для Николая Ивановича, потому что міръ, по мнѣнію старика, обидѣлъ его. Владѣльцы пропавшаго хлѣба стали просить, чтобы дѣдушка Николай вознаградилъ ихъ за пропажу, чтобы раздѣлилъ бѣду хоть пополамъ, но старикъ уперся, отказывался; потерѣвшіе обратились къ мірскому суду: сельская сходка постановила, что такъ какъ хлѣбъ былъ на мельницѣ Николая Ивановича, следовательно онъ его долженъ былъ и беречь, а не уберечь, такъ его и отвѣтъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ.

— Ты, дѣдушка, за помолъ бралъ, не даромъ, вѣдь, молоть?..—спрашивалъ его міръ, желая доказать основательность своего разсужденія.

— Знамо, бралъ... Кто же станетъ чужой хлѣбъ даромъ молоть...

— Ну, а коли денежки за помолъ получалъ, значить, ты, хоть, мукой отдай и денежки за помолъ получи, либо зерномъ вороти, сколь принялъ... тогда безъ всякаго: сколь получилъ, отдай въ поворотъ... И шабашъ дѣло... Вотъ!..

— Да кабы я замоталъ, али что... А то, вѣдь вы видѣли; скрадено... со вломомъ... крышу содрали... Причемъ тутъ я?.. Мнѣ и безъ того убытокъ: теперь вонъ крышу чини, опять же

домъ былъ мой собственный, трехъ рублей бы не взялъ... здоровый домъ... тоже унесли... Да я же еще и плати! Что вы, господа миряне? Не по божески, не по совѣсти судите: въ одну обиду мнѣ...

— Какъ не по совѣсти?... Нѣтъ, ты это напрасно, Николай Ивановичъ... Мы черезъ самую, то-есть, совѣсть судимъ... Вотъ какъ передъ истиннымъ... потому мужику своего жалко... Ему гдѣ взять? ему взять негдѣ... а онъ къ тебѣ на мельницу привезъ, сдать, съ твоей мельницы пропало, ну, значить, твоей и отвѣтъ... А ты ницѣ вора, найдешь: стробовай съ него, все твое будетъ, а мужиковъ ублаготвори... потому твоя бѣда, а они ни въ чемъ непричинны въ этомъ... Опять же они въ нуждѣ, можетъ быть послѣдній мѣшокъ хлѣба-то привезли къ тебѣ, а у тебя, слава Богу, не какъ у нихъ: есть имъ чего отдать...

«Оттого-то вы меня и нажимаете, что у меня есть имъ чего отдать» — подумалъ про себя Николай Ивановичъ, и хотя не убѣдился доводами міра, но спорить не сталъ и подчинился приговору. Но съ тѣхъ поръ далъ себѣ слово не принимать на свою мельницу чужого помода ни за какія деньги. При этомъ онъ сообразилъ, что для него будетъ даже гораздо выгоднѣе — покупать зерно и перемалывать его на собственной мельницѣ, для перепродажи потомъ мукою.

— Не одинъ разъ послѣ помянете, что обидѣли меня... — проговорилъ Николай Ивановичъ, возвращая пропавшій хлѣбъ. — Не вы одни, а всѣмъ міромъ, ось, придетъ, просить будете, чтобымъ взялъ смолоть, хоть пудикъ... Да нѣтъ, ужъ, спасибо... больше во мнѣ и не ходите: чужбинны ни съ чѣмъ брать не стану... только про себя и буду молоть... Вы думаете мнѣ корысть, что-ли, большая была, что я чужбинну-то молоть?.. Не думайте: я на своей мукѣ больше выручу... Я благодаренъ вамъ же, міру, дѣлалъ, что молоть вамъ хлѣбъ. У меня мельница не простоятъ безъ дѣла, а на своей-то мукѣ я не двугривенну съ мѣшка-то возьму за помолъ, особенно въ нужное время, или въ половодѣ... Небось, помянете... А я за воровъ не плательщикъ...

Николай Ивановичъ не ошибся: дѣйствительно, же разъ помятъ мужики, что попримали его въ этотъ разъ. Въ Пустопальи, кромѣ его, была еще одна вѣтряная мельница, но содержалась не въ порядкѣ, молола плохо, да и хозяинъ ея былъ человѣкъ не совсѣмъ добросовѣстный. Крестьянинъ отдастъ хлѣбъ на мельницу безъ вѣса, и почти безъ мѣры, полагаясь только на свой глазъ, а еще больше на совѣсть мельника: насыплетъ полный мѣшокъ зерна и смотритъ, чтобы онъ такой же полный воротился къ

нему и съ мукою. Не очень туго набить мѣшковъ, пониже завязать, чѣмъ былъ съ зерномъ, — мужикъ смекаетъ, что мельникъ нечистъ на руку, но только развѣ почешетъ въ затылкѣ, наматаетъ это себѣ на усь, а спорить и доказывать не ставетъ, потому-что бесполезно, да ничѣмъ и уличить нельзя. Водяныя мельницы отъ деревни далеко: ѣхать туда — потеряешь цѣлыя сутки съ лошадыю: большой разсчетъ, особливо въ рабочее время; вѣтряныя въ сосѣднихъ деревняхъ тоже свои, деревенскимъ хлѣбомъ завалены, да и все-таки закладывая лошадь, да поѣзжай. А дома у себя то ли дѣло: завалили мѣшковъ на плечи, добѣжалъ, свалилъ; смелъ, дѣдушка, когда время позволить. И ужъ повоенъ: первое, что Николай Ивановичъ, какъ ни скупъ, а чужимъ фунтомъ не пользуется, смелетъ малое и нужду твою не забудетъ, коли попросишь: поторопится... Особливо дорогъ была услуга Николая Ивановича при первомъ замолотѣ новаго урожая: у крестьянъ Пустоколя своего хлѣба никогда не хватало на круглый годъ, самый запасный хозяинъ начиналъ покупать муку съ ранней весны, а большинство съ великаго говѣнья, или даже со святокъ. Слѣдовательно, приходилось много навѣдать денегъ, много должать и голодать: перваго снопа собственной ржи ждать мужикъ точно ни-вѣсть какой благодати, и нерѣдко сегодня сожнетъ полсотни сноповъ, а завтра охмичетъ еще хорошенъко не обстоявшіеся, сприватые, посушить зерна на солнышкѣ, или на печкѣ — и скорѣе на мельницу, если только есть хоть маленькая килинка, что крылья ворочаетъ. Вотъ ужъ тутъ и низкіе поклонны, и просьбы, и ласковыя рѣчи мельнику: — Родимый, кормилецъ, да нельзя ли, да поскорѣе... Да мою-то засыпь перво: право, ну, вѣришь Богу, пылинки въ дому нѣтъ: кошъ ложись, да помирай, даромъ вотъ отъ Создателя свѣтлаго дождался батюшки хлѣбца... Сдѣлай божескую милость, ужъ ты мнѣ-то уважь: дай своего-то новенькаго отвѣдать поскорѣе! Ну что, покупалъ-покупалъ, займовалъ-займовалъ... одно слово, хоть въ пеглю!.. Сдѣлай же милость — уважь, прошу я тебя...

И, бывало, дѣдушка Николай Ивановичъ, уважалъ, какъ и сколько могъ: смелетъ кому нудить, кому два, смотря по нуждѣ, по вѣтру и по собственному досугу. А со времени покражи на мельницѣ, на всѣ просьбы и мольбы въ подобныхъ случаяхъ, у Николая Ивановича былъ одинъ неизмѣнный отвѣтъ:

— Не принимаю я нонѣ чужбины... Не нелю на сторону... Подѣте въ Явову (на другую мельницу). — Ко мнѣ и ходить не пошто: слышывалъ вѣдь ужъ я: не примаю...

— Да что въ Якову, Николай Ивановичъ... Дождешься ли у Якова: самъ знаешь...

— Не мое дѣло.. Я занялся: не принимаю...

— Оважи божескую милость... Будь отецъ родной... Право, ну....

— Вотъ, мукой, коли хочешь, на промѣнъ дамъ и то буде рожъ сухая...

— Своего-то бы хотѣлось отвѣдать: новинки-то...

— Ну, какъ знаешь... Твое дѣло... Подъ въ Якову: можетъ онъ и...

— Нѣтъ ужъ, что Яковъ... Были у него тоже... Ну, давай хоть на промѣнъ, только...

— Что?..—спрашиваетъ Николай Ивановичъ, хмурясь и отрывисто.

Мужикъ хотѣлъ сказать: «только не больно нажимай, не обижай», но удерживается, зная, что Николай Ивановичъ за такую оговорку разсердится и, пожалуй, вовсе откажется и въ промѣнъ, ибо вполне убѣжденъ, что дѣлаетъ мужику одолженіе, выручаетъ его изъ большого затрудненія. Поэтому мужикъ говоритъ совсѣмъ не то, что думалъ:

— Новенькаго-то хотѣлось больно отвѣдать...

— У меня мука хорошая, домашняя, не какъ кулевая...— замѣчаетъ въ утѣшеніе ему Николай Ивановичъ. — Сколько у тебя тутъ?..

— Да не вѣду: прикинуть нужно...

— Знаю, прикинуть: неужто такъ?.. Показъ-ка... Э, братъ, вѣдь-то безъ вѣтру, видно, либо нарочно посочну прикинулъ, дѣи тѣи...

— Нѣтъ, дѣдушка, Николай Ивановичъ, для себя старался: думалъ, вѣдь, смелешь... Самъ бы ѣсть сталъ... А это отъ ладони, знать: ладонь больно пыльна...

— А макины-то сколь... смотри-ка... Да и съ юстеровъ!.. Эка, братцы, рожъ-то у васъ какая... мелкая, тончая.. легкая!..

— Отъ земли, Николай Ивановичъ: земля наша не родить... Бѣда!..

— Да ривѣ не одна у насъ земля-то... Смотри-ка у меня... А рядомъ полоса-то...

— Твое дѣло другое, дѣдушка Николай: у тебя удобство не то: сколь скотинки-то держишь, и сколь мы?.. Твою полосу выберешь ие всѣхъ, потому — сдобилъ ты ее... Вотъ что... Какъ можно твою полосу съ нашей сравнить... Дай-ка мнѣ твою-то полосу—и у меня не всякъ хлѣбъ будетъ...

— Да, дай тебѣ!.. Видали, братъ, мы довольно!.. Я вѣкъ-отъ, почитай, на всѣхъ полосахъ пересидѣлъ: всѣ черезъ мои руки прошли, двигали-двигали меня вѣкъ-отъ по полю... нѣчего сказать, довольно!.. Только полосу-то въ парадокъ произведешь, только на дѣло поставишь... ну, и родить, слава Богу, а попадетъ въ вамъ въ руки—ту же полозу и не унесешь...

— Такъ-то и есть, Николай Ивановичъ: я и говорю, что все отъ сдобы,—у тебя удобства много, скотники деревни довольно: ублаготворишь ты полосу-то... Вотъ она и показывать сама себя... и хлѣбецъ починетъ родиться на ней... Наша земля безъ навозу не родить: самъ знаешь, Николай Ивановичъ... Известно, что кабы у насъ съ-эстоль скота, что у тебя...

— Э, полно ты!.. Все бы одно и было, что теперь: развѣ бы не измотали скота-то? — измотали бы!.. Известно, скотъ по хлѣбу, и хлѣбъ по скоту, а все по заботѣ, да по бережн... А ваша забота-то извѣстная... особенно въ нѣдѣннее время!.. Вы только ненавидите, да заискиваете на людей, а настоящей заботы въ васъ нѣтъ... И признательности миньше нѣтъ въ людяхъ: что ни дѣлай, а доброго слова не жди... Ну, противъ твоего четверика больше двухъ бабмановъ муки не дамъ... Вотъ, хочешь—получай, хочешь—нѣтъ, потому—сорна очень...

— Ужъ больно мало, Николай Ивановичъ... Чтой-то!..

— Нѣтъ, не мало, а въ самый разъ, еще слишкомъ... Посчитай-ка: подсыять теперь твой четверикъ, безъ пяти фунтовъ пудъ больше не потанетъ—это разъ; а мука-то теперь на двадцать копѣекъ дороже гуляетъ противъ разъ-то въ худѣ—вотъ тебѣ другой; да распылъ въ помолѣ... да не ходи, не ѣди, не хлопочи... Смелни-ка все-то: много ли мнѣ на барыши, на хлопоты останется?.. Вамъ, вѣдь, все не въ честь, не въ милость, что для васъ ни дѣлай... Я, вѣдь, знаю довольно... Не хочешь, такъ и не надо: не наваливаю...

— Ну, да давай, давай... Прибавь хоть фунтиковъ натыкъ на двѣ-то мѣрки.

— То-то: прибавь... Поди-ка, выпроси у другого... На вотъ, бери, Богъ съ тобой...

— Ну, вотъ поворѣйше благодаримъ, дѣдушка Николай Ивановичъ.

И мужикъ уходитъ впомнѣ довольный и благодарный за ничтожную надбавку.

Ужъ скупъ, нѣчего сказать, скупъ, скарденъ, старый хлѣвъ, думаетъ онъ про-себя, *а все лучше дружка: поди-ка у другого выпроси... Другой не то, что прибавить на нужду-бѣдность, а

поровнять последнюю шкуру съ тебя содрать... Нѣтъ, этотъ еще Бога помини!...»

Николай Ивановичъ слылъ за великаго скупца; про скупничество его ходили по деревнѣ насмѣшливые разсказы. Говорили, что своимъ домашнимъ онъ отпускаетъ соли по щепотѣ въ сутки на наждаго, а хлѣба даетъ съ нѣсу; что внучатамъ съ базара, вмѣсто рогатицы, приносятъ тотъ же кусокъ чернаго хлѣба, что съ собой изъ дому на закуску бралъ, только примакиваетъ ребятишекъ тѣмъ, что будто это лиса съ базара имъ прислала, а барановъ даетъ только для забавы: поддержи въ рукахъ, посмотри, пожалуй, лизни, а укусить не можешь, и побалуешь—назадъ отдай; что на улицѣ и около чужихъ дворовъ онъ въ сору роется и всякую завалищую дрянь, всякое шеро, что изъ хвоста у птицы вывалится, подбираетъ и прятеть, а своихъ курицъ, которыя плохо несутся, собственноручно пруткомъ стегаетъ, чтобы не загуливались, не лѣнились, свое дѣло знали; что въ церкви, Богу, на цѣлый годъ одну толстую свѣчку ставитъ, самъ зажигаетъ, самъ и гаситъ ее, потому—сходнѣе, дешевле обходится, вѣтъмъ каждый праздникъ по трѣшнику на новую свѣчку изводить, и т. п.

Деревенскіе люди объясняли зажиточность и сравнительное благосостояніе Курошупова не чѣмъ инымъ, какъ его скупостью, жадностью и счастьемъ; въ дѣйствительности же Николай Ивановичъ былъ не столько скупъ, сколько бережливъ и расчетливъ; а счастье его состояло въ томъ, что онъ былъ способенъ работать безъ усталости и велъ жизнь съ молодости крайне трезвую и умеренную: ни водки, ни чаю не пилъ онъ во всю свою жизнь, и только въ глубокой уже старости, когда началъ чувствовать одышку, пилъ нарѣдка горячую меду съ медомъ. Правда, послѣ отца ему досталось все крестьянское хозяйство въ надлежащемъ порядкѣ, но чтобы начать откладывать и копить деньги, Николай Ивановичъ, какъ и всякій крестьянинъ, долженъ былъ подвергать себя всевозможнымъ лишениямъ и имѣть при этомъ сильный характеръ, выдержку и изворотливость. Крестьянину особенно трудно скопить первые десятки рублей свободныхъ денегъ, которыя онъ можетъ спрятать. Если это разъ сдѣлано, онъ уже не остановится, и начинаетъ прикапывать и откладывать или просто для того, чтобы были залежныя денежки про черный день, или чтобы при случаѣ пустить ихъ въ оборотъ на какое-нибудь выгодное дѣло. Въ первомъ случаѣ у него одна забота: какъ бы не узнали люди, что у него водятся денежки; онъ тщательно скрываетъ это ото всѣхъ, даже отъ близкихъ родныхъ,

Во второмъ — онъ долго присматривается, долго и медленно соображаетъ, недовѣрчиво и осторожно разсчитывая, какое дѣло сподручнѣе, выгоднѣе, представляетъ меньше риска, дастъ вѣрнѣе и больше барышей: приняться ли торговать, устроить ли какое промышленное заведеніе, купить ли лѣску, или земли, или пустить деньги въ ростъ, по рукамъ. Но всѣ эти разсчеты и соображенія оканчиваются обыкновенно тѣмъ, что мужикъ не ваго ничего не выдумаетъ, а идетъ по протоптанной дорожкѣ, слѣдуетъ чьему-либо примѣру: разбогатѣлъ сосѣдъ отъ торговли скотомъ — и онъ примется за мясничество, выгодно идетъ у сосѣдняго мужика мельница, или маслобойня, или поташный заводъ, — и онъ будетъ стремиться устроить такое же заведеніе, начали покупать земли или лѣсъ — и онъ за другими, а ужъ на-счетъ того, какъ выгодно давать деньги въ ростъ, научатъ прежде всего всѣ сосѣди, лишь бы узнать имъ, что деньги водятся, и что скрывать ихъ отъ славивецъ не желаетъ: со всѣхъ сторонъ явятся просьбы ссудить: «что угодно бери послѣ, только теперь одолжи, не оставь, потому — нужда очень догоняетъ!»

Николай Ивановичъ принялся за дѣло нѣсколько своеобразно: прежде всего, какъ хлѣбопашецъ, онъ заботился объ увеличеніи удобренія и скотоводства, а для этого нанималъ, гдѣ могъ, луга на сенокосъ, впоследствии же приобрѣлъ лужку и въ собственности; скупалъ по осени изнуренныхъ, замученныхъ лошадей, дешево по нуждѣ обываемыхъ коровъ, за зиму ихъ откармливалъ, а весной продавалъ дорогою цѣною. Затѣмъ онъ сообразилъ, что очень выгодно имѣть въ запасъ всякую мелочь, которая требуется въ мужицкомъ хозяйствѣ, для того, чтобы продавать ее въ тѣхъ случаяхъ, когда мужику нельзя ѣхать за нею на базаръ или по недосугу, или просто потому, что наличныхъ денегъ нѣтъ; но торговля эта, во всякомъ случаѣ, не бойкая, малая и грошовая, а потому, чтобы сдѣлать ее болѣе выгодной, нужно покупать товаръ какъ можно дешевле. И вотъ Николай Ивановичъ отправлялся обыкновенно на каждый базаръ въ сосѣднее село, ходить, высматривать, и только подъ самый уже конецъ базара, когда всѣ почти покупатели расходились, а продавцы начинали запрягать лошадей и увозить свои возы съ остатками непроданнаго товара, Николай Ивановичъ приступалъ къ скупкѣ этихъ остатковъ. Тутъ онъ торговалъ и покупалъ все, что только отдавали дешево изъ-за того, чтобы не возиться съ товаромъ взадъ да впередъ: покупалъ десятокъ платковъ, двѣ кадки, пять паръ ведеръ, дюжину вѣяльныхъ лопатъ, сѣсть колесъ, вязанку лаптей и поршней на время пашни и жатки,

и пр., скупалъ онъ и хлѣбъ по ранней осени, когда мужики вoзять и даже носить его на базаръ узлами по двѣ, по три мѣры, чтобы продать для нужды хоть бы за что-нибудь; запасы соли, дегтю, веревонъ также никогда не переводились въ амбарахъ Николая Ивановича, и ихъ онъ закупалъ большими количествами, гуртомъ, по возможно дешевой цѣнѣ, съ непремѣнной уступкой отъ продавца. Покупая, дѣдушка торговался изъ-за каждой копейки такъ терпѣливо и такъ настойчиво, что рѣдкій продавецъ не дѣлалъ ему уступки; напротивъ, продавая самъ свой товаръ, Николай Ивановичъ былъ неуступчивъ, и твердъ, какъ камень, въ разѣ назначенной цѣнѣ.

— Ну-ка-сь, дѣдушка Николай, чтой-то, — тараторила иной разъ баба, торгуя у него какую-нибудь плетуху: — самъ-то, поди, трѣпнишь далъ, а съ меня семь копѣекъ хопъ взять...

— Такъ ты поди покупай у кого дешевле, — отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ Николай Ивановичъ, видимо недовольный: — я тебя не звалъ, не наваливалъ, — сама пришла... Нечего тебѣ съ меня возмнскать, за что самъ купилъ... Не по мысли, дорого, такъ не ворони: на базарѣ и впрямь дешевле — ступай на базаръ... у меня лежить, мѣста не пролежить...

— Да, слышь, останная плетуха рассыпалась, — не въ чемъ мякину таскать... Гдѣ тутъ базара ждать...

— Ну, такъ...

— А ты побойся Бога: уступи хоть сколь-нибудь... Ну, куда эко мѣсто: семь копѣекъ...

— Ну, а коли тебѣ не нужно, такъ слунай съ Богомъ... Выходи, сарай запру... Мнѣ, вѣдь, языкомъ-то бить некогда: не одно это дѣло-то у меня... Выходи, говорятъ, коли не надобно...

— Да гдѣ не надобно... Негдѣ взять-то, oprчъ тебя... Такъ ты ужъ коли подожди денегъ-то... Не случилось теперь...

— То-то, подожди!.. Я вотъ купилъ въ свое время: она и дешево мнѣ пришлась... А ты прибѣжала безо времени, да еще и безъ денегъ, а торгуешься, въ цѣнѣ обмжаешься...

— Да вотъ, поди ты, — говорила я и моему-то: — что бы во время-то купить на базарѣ, парочку: за десять бы копѣекъ какихъ бы пару взять можно... такъ вотъ: то да се, одна нужда другую погоняетъ... За что ни схватись — все нужно, все надобно... Такъ и не купили...

— Беззаботные, больше ничего... Когда же отдашь-то?.. За вами еще за деготь, да за соль есть...

— Все, все отдадимъ, все вмѣстѣ: вотъ, Богъ дастъ, деньги получимъ... Небось, помнимъ все, не забудемъ, отдадимъ...

— То-то, помните ли... Васъ, вѣдь, много, а я одинъ: пожалуй, и забуду...

Но дѣдушка Николай обладалъ необыкновенной памятью, даже и подъ старость. Онъ не зналъ вовсе грамоты, и должностъ своихъ на всякой случай, для повѣрки и доказательства, отпечатавъ на стѣнахъ амбара, и на сусѣнахъ мѣломъ и красиломъ (красный карандашъ) ему одному понятными и известными знаками; но ему рѣдко приходилось справляться въ этой бухгалтеріи: онъ помнилъ все, что и что забрать и сколько это ему должно. Въ рѣдкихъ случаяхъ спора съ должниками онъ подводилъ ихъ къ стѣнѣ, на которой значились его кабалистическія отпѣтки и указывалъ на нихъ.

— Вотъ смотри самъ, — говорилъ Николай Ивановичъ, водя пальцомъ по стѣнѣ: вотъ ты, вотъ баншманъ соли Ольгунька твои брала, вотъ за дѣтѣмъ самъ прибѣгалъ: пять фунтовъ отпущено; вотъ четыре сажени возжи бралъ: снопы еще возили въ тѣ поры; вотъ ведро — вотъ смотри... Какъ же, братецъ, ты споришь, Иванъ Савастьяновъ: развѣ я сдѣлаю это, чтобы что лишняго взять?.. Мнѣ чужого не надо, я своимъ доволенъ... Вотъ ужъ она не обманетъ стѣна-то: писано, вотъ смотри самъ...

Мужикъ смотритъ на стѣну и болѣею частью убѣждается.

— Стало быть, запомитовали какъ, изъ головы вонъ, — говоритъ онъ, почесывая въ волосахъ.

— А ты, впередъ, смотри: этого чтобы не было... чтобы споръ, али здоръ какой... Это мнѣ въ большую обиду... Я не согласенъ насчитывать, али лишнее что брать съ васъ: пускай лучше мое пропадетъ... и пропадетъ!.. чѣмъ ваше, мірское... Я отъ Бога доволенъ...

— Да знамо!.. такъ, стало быть, что запомитовать, Николай Ивановичъ... Вотъ два-то рубляка получи, да сотри что, а то потерпи: за мной будетъ...

— То-то вотъ за тобой!.. А когда же отдашь-то?..

— Да ужъ отдамъ, вотъ... Погоди... Что дѣлать-то? дай вотъ съ деньжонками сбиться: отдадимъ... Намъ сбѣжать некуда: всегда у васъ на глазахъ... Потерпи маленько, отдамъ... Вѣшь вотъ принесъ, — сколь сбился... А ужъ пудикъ мучки отвѣсь, да солцы хоть полъ-баншманчика... Сдѣлай милость...

Николай Ивановичъ, хотя и выражалъ неудовольствіе на худой, неаккуратный платежъ, хотя и ворчалъ о несправности и непризнательности заемщиковъ, во все-таки отвѣшивалъ и отпиривалъ, отпуская просимое. А мужикъ, то поглядывая на вѣсы, на муку, то запуская руку въ сусѣны съ розью и впол-

уха прислушиваясь къ ворчанью старика, въ то же время со вздохомъ говорилъ свое:

— Что ты будешь дѣлать!.. Никакъ не выкрутишься!.. Такое наше дѣло!.. Бьешься, бьешься, никакъ, братецъ мой, сила не беретъ... чтобы не позаймовать... И радъ бы радостью, пошелъ бы, кажись, съ поклонами, всё отдать, чтобы чисто было за тобой... Ну, нѣтъ, никоимъ манеромъ не осилишь!.. Все недохватка, все недохватка наша!.. Что ты прикажешь дѣлать?..

— Да-а... А на Петровъ день много ли водки-то брать?.. Чай, ведеръ пять?..

— Куда... Чтой-то ты, Николай Ивановичъ... Передъ Богомъ, всего два ведерка взялъ, да еще полведра посылали... на проходы... не хватило...

— Ну-ка, два ведра съ половиной!.. Сколь это денегъ-то?.. вѣдь пятнадцать рублей... Ну-ка, пятнадцать рублей на водку прожрали въ три дня!.. Съ экой-то охалкой дѣтей, что у тебя!..

— Да, вѣдь, какъ же быть-то, Николай Ивановичъ?.. Никакъ невозможно, по нашему мѣсту: тоже престолъ, гости, сродственники... Какъ не угостить?.. Ты ихъ не уважишь, и они тебя не почтутъ... Самъ знаешь: никакъ нельзя... Иной разъ, правда, что не больно радъ и не изъ-чего бы, а никакъ невозможно...

— Вотъ еще, невозможно... А что я хуже тебя, что ли, бѣднѣе, да у меня и пол-съ-эстолька не вышло водки-то?.. Отчего же такъ?..

— Ну, Николай Ивановичъ, ты особъ статья... Тебѣ подошло... Тебя Богъ благословилъ... крѣпостью!.. Мы слабы...

Такъ говорилъ мужикъ, а самъ въ это время думалъ другое.

«Не даромъ къ тебѣ и гости-то не ѣздятъ», думалъ онъ. «Не даромъ и дочка-то въ дѣвкахъ осталась: кому лестно взять у экого, что и погоститься не къ чему прѣхать!.. Пустыхъ-то щей у каждаго дома есть... Экихъ жидоморовъ-то, что ты, на всю, вѣдь, деревню одинъ!.. Да тебѣ хорошо подошлось... съ деньгами-то!.. У тебя денегъ-то куча, такъ тебѣ ничего не надо: безо всѣхъ проживешь... А мы на знати живемъ: намъ безъ этого нельзя... Поговорилъ бы я съ тобой, сказалъ бы тебѣ въ отвѣтъ довольно много, противъ этого, кабы не нужда моя... Вишь ты, позавистовалъ: два ведра много... А какъ же у Евграшки-то шесть вышло?.. Не запасѣй меня живеть!.. Это какъ?.. Пятнадцать цѣловыхъ!.. Сами знаемъ, что деньги большія!.. Да коли никакъ безъ этого невозможно обойтись... Мы не жидоморы какіе, слава Богу... У насъ кубышки нѣтъ!.. Намъ дрожать не надъ чѣмъ, не какъ тебѣ!..»

Николай Ивановичъ считалъ торговлю дѣломъ не только вы-

годинѣмъ, но и честнымъ, полезнымъ, справедливымъ, даже отчасти благотѣльнымъ, особенно когда она велась не на честныя деньги, а въ кредитъ, гдѣ продавецъ рискуетъ своимъ добромъ, выручая человѣка изъ нужды. Не любилъ онъ только одного товара и считалъ торговлю имъ вредною и постыдною, не любилъ онъ торговли виномъ. Нѣсколько разъ сивенья подговаривались, что очень бы выгодно кабачокъ содержать: скоро люди по этой части разживаются, особенно, если съ умомъ вѣяться... Николлай Ивановичъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ...

— Не то, покамъ живъ — не будетъ этого, — говорилъ онъ обыкновенно, а и умру завѣщанье вамъ отъ меня, дѣтямъ, кои почтеніе у васъ есть, хотите отца послушать: никогда не можете этого затѣвать... Это не дѣло, не торговля, а одно распутство... На разореніе, на погибель людскую эта вода выдумана... Нѣтъ вамъ отъ меня на это благословенія: такъ и знайте... И помни мое слово: кто изъ васъ за это дѣло примется, не будетъ тому ни счастья, ни прибыли!..

Дѣдушка Николлай въ этомъ случаѣ оказался почти пророкомъ. Второй сынъ его, котораго онъ выдѣлилъ противъ своей воли и наградилъ меньше старшаго, отчасти на зло отцу, отчасти по личному вкусу, избралъ именно этотъ промыселъ: началъ бурчествовать водкой; но не поправилъ этимъ своихъ дѣлъ, а только самъ спился, да еще чуть не попалъ въ острогъ и совсѣмъ разорился: «остатки замотался», какъ говорили про него мужики.

Процентщикомъ Николлай Ивановичъ сдѣлался случайно, такъ сказать безъ умысла, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія — увеличивать свой капиталъ отдачею денегъ въ ростъ. Первую ссуду онъ выдалъ своему дальнему родственнику, неудачнику-мужичонку, у котораго была большая семья, ребятишки малъ-малъ меньше, который не былъ ни пьяница, ни лѣнтяй, работалъ, усердствовалъ, но которому все не удавалось: то лошадь, то корова падетъ, то жена цѣлое лѣто валяется больная, то овинъ сгоритъ, то недобрые люди ночнымъ временемъ послѣдніе колеса со двора уватятъ. Точно въ заколдованномъ кругу какимъ-то жилось этотъ несчастный труженикъ: работаетъ, мучится, бьется изъ послѣднихъ силъ, и вотъ какъ-будто дѣло на ладъ пошло, и хлѣбъ, слава Богу, хорошъ на корню стоитъ, и въ домѣ съ голода не пухнуть, и съ податями порасплатился; «на путь находитъ, справляться сталъ нашъ Тимоша!» начинаютъ уже поговаривать про него мужики, и точно слезать: налетитъ вдругъ не вѣдомо съ чего и откуда нежданная, негаданная бѣда, и опять Тимоша, какъ ракъ на мели, опять, куда ни оглянешься,

кругомъ бѣда, горе, недостатки, нужда, хоть помирай, или живой въ землю зашвыривайся. Придетъ вдругъ время такое, что дома ни куска хлѣба, ни щепотки соли, корова стоитъ безъ корма, работать не на чемъ—лошади нѣтъ, староста изъ-за недоимки прохода не даетъ, а высшее начальство въ лѣнности, въ пьянствѣ упрекаетъ, а за неисправность обѣщаетъ послѣднюю шкуру спустить...

«Да спускай хоть три!..» думаетъ про себя, молча насупившись, въ такія минуты Тимоша: «не дорога моя шкура: бери, не жалко!.. не много изъ нея корысти и мнѣ-то!..»

Думаетъ такъ, а въ то же время и соображаетъ: какъ бы какъ, гдѣ бы деньжонокъ достать, чтобы хоть маленько перевернуться, своихъ накормить, чужимъ глотку заткнуть... Вотъ въ одну изъ подобныхъ отчаянныхъ минутъ онъ и надумалъ обратиться за помощью къ дѣдушкѣ Николаю Иванычу, о которомъ уже въ ту пору носилась молва, какъ о человѣкѣ денежномъ.

— Дѣдушка Николай, выведи ты меня изъ сумлѣнія...—говорилъ съ поклономъ Тимоша.

— Изъ какого сумлѣнія?..

— Изъ мово... Пропадаю, братъ: вѣрно слово, пропадаю... Хоть въ петлю, такъ въ пору.

— Да что такое?

— Да что? знамо, нужда: никакъ не вывернешься... Вотъ теперь нашия подходить, а лошади нѣтъ... Чѣмъ пахать-то буду?.. Бѣда моя приходитъ вовсе...

— Такъ что же мнѣ-то?.. Что же я-то тебѣ при томъ?.. Знамо, жалко, да что подѣлаешь?..

— А дай рубликовъ двадцать-пять на лошадь... Хоть бы какую-нибудь...

— Что ты, братъ! у меня своя семья, я самъ про себя промышляю... Про другихъ у меня денегъ нѣтъ... Да и вовсе нѣтъ у меня этихъ денегъ, чтобы людямъ раздавать...

— Эка!.. Такъ, вѣдь, я не вовсе: я отдамъ... Богъ дастъ поправлюсь, и отдамъ... съ ростомъ отдамъ... какъ самъ положишь... И когда поработать что клинешь, али что... завсегда твой слуга, только вѣсть подай...

— Нѣту, нѣтъ... Какія у меня такія деньги... Что выдумать!..

— Николай Иванычъ... А, Николай Иванычъ, поглядь сюда... Вотъ Богъ, вотъ,мотри... Вотъ я на волѣнки всталъ, вотъ плачу... Вотъ каково сладко мнѣ!.. Помогли, дѣдушка, не оставь... Право слово, пропадаю... А отдать, я отдамъ...

— Да, отдашь!.. дожидайся... Только тебя и видѣлъ съ деньгами-то... Да и не съ чего тебѣ отдать-то...

— А вотъ какъ отдамъ... Смотряй сюда, снимай Бога со стѣнки, давай въ руки: черезъ дѣтей побожусь, что отдамъ, по рублику, по два, долго ли, коротко ли, а заплачу, съ ростомъ, что положишь, все заплачу... А то слушай... дѣдушка!.. не дашь теперича ты, нечего мнѣ и домой ходить: стегать меня ужъ двою стегали, да я этого не боюсь, наплевать!.. не въ томъ!.. А взяться мнѣ не съ чего, и домашніе безо всего сидятъ... и на чемъ я промыслю безъ лошади?.. Одно слово: не ублаговторишь ты меня теперь, и домой не пойду...

— А куда же?..

— Куда?.. а въ омутъ головой, либо въ петлю!.. Нѣтъ ужъ!.. черезъ силу стало!.. А дашь, право слово, справлюсь и тебѣ заплачу... Да вотъ, вось, рожь поспѣеть, первымъ долгомъ: бери прямо съ гумна зерномъ, хоть два мѣшка, хоть три, а то и четыре—заверстывай, а тутъ опослѣ опять какъ: деньгами, али чѣмъ... Дай только передышку, чтобы не вдругъ... чтобы справиться... А я вотъ передъ Богомъ... вотъ на колѣнкахъ... и плачу... Смотряй: слезы плачу... Вотъ до чего!..

Тронулся Николай Ивановичъ, и какъ ни трудно ему было разстаться съ деньгами, а далъ двадцать-пять рублей.

Тимоша заревѣлъ отъ радости, благодарилъ, кланялся въ ноги, самъ, безъ требованія, полѣзъ въ уголъ къ иконѣ, крестился и цѣловалъ ее, свидѣтельствуясь ею, что отдалъ деньги. И дѣйствительно, не обманулъ: года четыре онъ расплачивался съ этимъ долгомъ то хлѣбомъ, то работой, то деньгами, но расплатился вполне, и еще самъ по доброй волѣ предложилъ Николаю Ивановичу мѣшокъ овса въ знакъ благодарности, послѣ того, какъ дѣдушка объявилъ, что они въ полномъ расчетѣ, что онъ получилъ съ Тимоши сполна весь долгъ и со всѣми процентами. Проценты эти Николай Ивановичъ, какъ ему казалось, разчитывалъ съ Тимоши по-божески и скорѣе съ обидою для себя, чѣмъ для него, хотя расчетъ этотъ основывался на томъ, сколько бы онъ могъ получить съ ссуженныхъ денегъ, еслибы пустилъ ихъ въ торговлю. Во всякомъ случаѣ сдѣлка эта была не безвыгодна для Николая Ивановича, но и онъ самъ, и Тимоша, считали ее не иначе, какъ благодѣяніемъ со стороны старика. Добросовѣстность Тимоши, чувство нравственнаго удовлетворенія, которое получилъ Николай Ивановичъ, а равно и мысль, что, дѣлая людямъ благодѣяніе, выручая ихъ изъ нужды и бѣды, онъ въ то же время не обижаетъ и себя, сдѣлали его доступнымъ къ просьбамъ и другихъ объ одолженіи. Охотниковъ на такіа просьбы явилось много, такъ какъ нужды у всѣхъ сосѣдей было по горло.

Но не всѣ были такъ добросовѣстны и исправны, какъ Тимоша: многіе затягивали уплату долга, оказались и такіе должники, на которыхъ Николаю Ивановичу приходилось рукою махнуть. Замѣчательно, что никто изъ должниковъ, даже вовсе безнадежные, никогда не отказывались отъ своихъ долговъ, хотя Николай Ивановичъ, давая деньги взаймы, никогда не бралъ ни расписокъ, ни закладовъ, слѣдовательно ничѣмъ не былъ обезпеченъ и не могъ прибѣгнуть къ принудительному взысканію. Да ему никогда и въ голову не приходило, что онъ могъ бы требовать уплаты долга черезъ судъ, или съ посредствомъ нынѣ преобладающихъ властей: онъ продолжалъ смотрѣть на себя по отношенію къ своимъ должникамъ, какъ на человѣка, оказывающаго благодѣяніе, а неисправные, или вовсе уклоняющіеся отъ платежа были въ его глазахъ только людьми непризнательными, неблагодарными, или вовсе безсовѣстными. Николай Ивановичъ охотнѣе давалъ взаймы тѣмъ, которые, прося деньги, больше и униженнѣе кланялись; онъ подробно расспрашивалъ про нужду, ради которой дѣлался заемъ и условливался, какъ, когда и чѣмъ: деньгами, или хлѣбомъ, думая расплатиться заемщикъ; при этомъ онъ не упускалъ случая поворчать на безхозяйственность, или беззаботность и лѣность просителей. Затѣмъ онъ давалъ деньги и отмѣчалъ одному ему понятными знаками выданную ссуду. До срока онъ никогда не напоминалъ о займѣ, но послѣ срока, если должникъ не являлся съ извиненіемъ и съ просьбой обождать уплаты, Николай Ивановичъ самъ начиналъ ходить къ нему — сначала какъ-бы мимоходомъ и случайно, съ безмолвнымъ напоминаніемъ въ пристальномъ взглядѣ, потомъ уже съ прямымъ категорическимъ вопросомъ, а наконецъ съ упрекомъ и неудовольствіемъ. Если должникъ извинялся и оправдывался неимѣніемъ средствъ и невозможностью расплатиться, дѣдушка уличалъ его, указывалъ, когда онъ получалъ деньги, когда возилъ хлѣбъ или иной продуктъ на продажу, — когда сколько и съ кѣмъ пропилъ, оказывалось, что Николай Ивановичъ отлично зналъ всю подноготную хозяйства и жизни каждаго изъ своихъ должниковъ. Если же старикъ замѣчалъ, что неисправный плательщикъ начинаетъ отъ него бѣгать, уклоняется отъ объясненій, и вмѣсто извиненій и обѣщаній отвѣчаетъ короткимъ и грубымъ отказомъ, такого онъ считалъ безнадежнымъ, переставалъ съ нимъ говорить, при встрѣчѣ даже отворачивался и лично ему никогда уже не напоминалъ о долгѣ, но за то попрекалъ имъ и указывалъ на него каждому вновь обращающемуся заемщику.

— Вотъ какъ вамъ нынче вѣрить-то, — говаривалъ онъ въ

этихъ случаяхъ:—вотъ тотъ и этотъ вовсе и платить отказались, а за такими-то столько лѣтъ жду и отдадутъ ли когда—Богъ ихъ душу знаетъ... Вотъ и добро-то дѣлать нынче не знаешь какъ... Жалуетесь, что много росту сталъ брать противъ прежняго, а какъ же мнѣ быть-то, коли вонъ есть какіе лодыри? поневолѣ и росту прибавилъ: вините не меня, а ихъ!.. Не промадать же моему доброму нѣтъ-за нихъ, несовѣстныхъ!.. Я изъ добра даю, мнѣ въ томъ корысть небольшая, одно безпокойство только... У меня въ товарѣ, въ оборотѣ, эти деньги больше бы припомогу дали...—И Николай Ивановичъ былъ вполне убѣжденъ, что поступаетъ по совѣсти и по справедливости, заставляя новыхъ заемщиковъ расплачиваться за недобросовѣстность и неисправность прежнихъ. И крестьяне съ своей стороны внутренне соглашались, что дѣдушка долженъ же какъ-нибудь наверстывать свои потери и убытки, находили только, что онъ, особливо въ послѣднее время, сталъ возвышать ростъ не столько ради вознагражденія своихъ убытковъ, сколько изъ скупости и изъ жадности.

— А все сказать надо,—заключали они:—хоть и скупъ, и жаденъ, и проценту много беретъ, а все спасибо, что соужаетъ: хоть есть къ кому обратиться въ нуждѣ; безъ него и того бы хуже было...

Но послѣ освобожденія крестьянъ и особенно со введеніемъ мировыхъ судей, но мѣръ того, какъ письменный документъ и росписка начали получать все болѣе и болѣе значеніе въ крестьянской жизни, когда крестьяне начали говорить: «есть у тебя моя рука: гдѣ я тебѣ росписался?.. Покажи... а нѣтъ,—такъ съ чего ты ко мнѣ лѣзешь?.. Подписка, братецъ, новѣ требуется, а либо свидѣтель, а такъ-то кто тебѣ помѣритъ!..»—и съ тѣхъ поръ Николай Ивановичъ началъ все рѣже давать денегъ взаймы, а наконецъ сталъ и вовсе отказывать.

— Нѣтъ, нынче идите къ грамотнымъ...—отвѣчалъ онъ на просьбы о деньгахъ. Я не письменный человѣкъ, а нынче все росписка требуется, на всякое дѣло... Нынче самъ себѣ не вѣрить человѣкъ, и совѣсти своей не чувствуетъ, коли въ бумагѣ не написано, да подписки не далъ... Нѣтъ, идите вонъ къ дякону: онъ дастъ денегъ, сколь хощь, только въ правленіе къ писарю сводить... А мнѣ по судамъ ходить не приходится... Вотъ хлѣба, пожалуй, дамъ и въ долгъ—получай... Ну, и обманешь, такъ на двухъ пудахъ не разоришь... А денегъ?.. Нѣтъ у меня новѣ денегъ... Да и вправду нѣтъ: всѣ въ товаръ извелъ...

Мужики съ тѣхъ поръ больше бранить и хуже отзываться о Николаѣ Ивановичѣ.

Александръ Потѣхинъ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ НОВЕЛЛА

и

ДЕКАМЕРОНЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

Окончаніе.

IX *).

Томъ же жизнью, тѣмъ же духомъ исполнѣ средневѣковымъ бѣетъ и отъ новеллъ десятаго дня «Декамерона». Но здѣсь мы встрѣчаемся съ мотивами разсказа, которыхъ намъ не приходилось еще указывать у Боккачіо: тѣмъ разсказчикомъ даются здѣсь примѣры щедрости и великодушія «въ дѣлахъ любви и другихъ» (*si ragiona di chi liberalmente, ovverro magnificamente alcuna cosa operasse intorno a' fatti d'amore a d'atra cosa*). Очевидно, что такая тема поведетъ за собою разсказы въ иномъ нѣсколько духѣ, чѣмъ описанія разныхъ отвѣтовъ, насмѣшекъ и продѣлокъ, и что сообразно съ этой темой переводъ здѣсь долженъ быть на сторонѣ не хитраго «мѣщанскаго» ума, а рыцарскаго благородства; вышнее вознѣшеніе и остроуміе здѣсь станутъ идеалъ безорыскія, принципіи рыцарской чести; отъ этого представителями высшихъ чувствъ и добродѣтелей здѣсь явятся короли, рыцари, волшебники и идеальныя отвлеченныя личности баснословныхъ

*) См. выше: мартъ, 197 стр.

сказаній. Но, несмотря на то, что повѣсти эти защищаютъ, казалось бы, идеалы, противоположные идеаламъ флорентійской повѣсти, онѣ, все-таки, не измѣняютъ основному характеру новеллы: напротивъ, онѣ представляютъ намъ новыя доказательства того, какъ близко, благодаря своему происхожденію, стояла новелла къ жизни народа и какъ вѣрно отражала она въ себѣ всѣ теченія его мысли. Мы видѣли, какъ гениальный рассказчикъ писалъ съ натуры, одѣвая яркими красками дѣйствительности тотъ матеріалъ, который жилъ въ памяти и фантазіи его эпохи. Мы видѣли, какъ, задаваясь цѣлью воспроизводить все новое, т.-е. не только комическое, но все выдающееся, необычайное, доходившее даже до трагизма, новелла пользовалась тѣми мотивами народнаго творчества, которые защищаютъ земные интересы противъ религіозно-аскетическаго ученія. Но это «новое», какъ главный предметъ новеллы, обусловившій въ ней и цѣль, и характеръ разсказа,—это «новое» могло касаться не однихъ ея комически-грязныхъ сторонъ, а затрогивать тѣ высокіе интересы и стремленія, носителемъ которыхъ является въ эту эпоху *рыцарство*. Въ Италіи, гдѣ рано поднялся практически-буржуазный духъ общества, идеи, воплощенные въ рыцарствѣ, не имѣли того значенія, какъ на сѣверѣ; но тѣмъ не менѣе и тутъ, не только литература искусственная, исходившая изъ придворно-рыцарскихъ круговъ Сициліи и Неаполя, но и литература народная не могли остаться чужды рыцарскаго образа мыслей, общаго всему Западу. Замѣтимъ, впрочемъ, что терминъ «рыцарскій» здѣсь вполне условный: еще въ тѣ смутныя, воинственные времена, когда рыцарство не составляло сословія, преслѣдующаго опредѣленныя задачи въ жизни, когда литературная мысль только-что пробуждается въ неустановившемся обществѣ Европы,—уже тогда въ народѣ зарождаются тѣ т.-н. рыцарскіе идеалы, которые его нравственное чувство выставляютъ оплотомъ противъ грубаго произвола собственныхъ страстей. Впослѣдствіи эти идеалы безкорыстія, великодушія, самопожертвованія, нравственнаго совершенствованія воплощены поэмю въ возвышенныхъ образахъ героевъ, «рыцарей безъ страха и упрека»; но прежде всего они находятъ себѣ мѣсто въ томъ обществѣ всей Европѣ хаотически-богатомъ повѣствовательномъ матеріалѣ, изъ котораго впослѣдствіи вырастаетъ произведеніе національной литературы. Проникая и въ *chanson de Gestes*, и въ придворно-рыцарскую поэму, въ романъ, и въ народную сказку германскихъ, славянскихъ племенъ, и въ фабліо сѣвернаго трувера, и въ бойкій анекдотъ новеллиста, матеріалъ этотъ составляетъ основу всего «Декамерона», не исключая

и 10-го дни новеллы. Его рыцарственные сюжеты исходят изъ одного источника съ новеллами, хотя бы на тому женскихъ обмановъ; а потому, хотя по общей мысли, по болѣе идеалистическому настроенію, они противоположны предыдущимъ разсказамъ, но точно такъ же, какъ и тѣ, представляютъ собою продуктъ средневѣковой народной мысли, освѣщаютъ нѣкоторую сторону умственной жизни эпохи: въ тому же, вводя новый элементъ повѣствованія, они отыскиваютъ новыя черты повѣсти, какия намъ не случалось еще указывать у Боккаччо: здѣсь новеллистъ во имя идеала сходитъ съ той реальной почвы, на которой до сихъ поръ держался, и разсказъ не въ силахъ воплотить его идеала въ такомъ же яркомъ и полномъ образѣ, какъ воплотился въ немъ проявленіи буржуазнаго городского духа.

Первая новелла этого дня, хотя отчасти мотивирована, какъ полагаютъ, изъ длиннаго скучнаго романа «Бузоне да Губбѣо» (Busone da Gubbio 1300—1350), описывающаго приключенія сицилійскихъ рыцарей, тѣмъ не менѣе носитъ такой же анекдотическій характеръ, какъ и тѣ разсказы предыдущихъ дней, гдѣ вся сила — въ остроуміи отдѣльнаго замѣчанія, въ находчивости сравненія и т. п. Тутъ разсказывается, какъ одинъ итальянскій дворянинъ Руджіери Фидоковани, ища подвиговъ и славы, прѣзжаетъ служить во дворъ испанскаго короля Альфонса. Видя во всѣмъ большую щедрость короля, рыцарь находитъ, что его недостаточно отличаютъ отъ другихъ и не награждаютъ по заслугамъ, а потому собирается вернуться на родину. На прощанье король даритъ ему мула для дороги и затѣмъ посылаетъ вѣстѣ съ нимъ одного изъ своихъ приближенныхъ, чтобы тотъ незаметно наблюдалъ, что будетъ Руджіери говорить про короля и его подарокъ. Но рыцарь всю дорогу отзывался о королѣ съ большою похвалою. Только разъ, когда мулъ, не останавливавшійся, гдѣ останавливались другіе, остановился посреди рѣки, рыцарь прыгнулъ на него, говоря, что онъ похожъ на своего прежняго господина, короля Альфонса; тогда спутникъ Руджіери тотчасъ же передалъ ему приказаніе короля вернуться назадъ. Король потребовалъ у него объясненія этого оскорбительнаго для него сравненія, и рыцарь отвѣчалъ, что мулъ останавливался, гдѣ не слѣдуетъ, такъ и король былъ щедръ гдѣ не подобало: мало награждалъ того, кто заслуживалъ большаго. Но въ этомъ, по мнѣнію короля, надо винить не его, а злую судьбу самого Руджіери: и въ доказательство несправедливости къ нему фортуны, онъ велитъ принести два одинаковыхъ ящичка, а рыцарю — выбрать который-нибудь изъ нихъ: въ одномъ хранятся разные драгоценности испанской короны, въ другомъ

насыпана земли. Когда выборъ Руджіери оказался неудачнымъ, король объявилъ, что онъ желаетъ исправить ошибку рока, вознаградить достойнаго по заслугамъ, и потому за его рыцарскую службу дарить ему ящикъ съ драгоценностями.

Этотъ приемъ испытанія судьбы выборомъ ящиковъ—мотивъ въ разныхъ видахъ и вариантахъ, очень распространенъ въ европейскихъ литературахъ: имъ воспользовался и Шекспиръ въ «Венеціанскомъ купцѣ», а первый его прототипъ учение находить и въ аскетической, повсемѣстно разошедшейся, древней повѣсти «Варлаама и Иосафата», и въ средневѣковомъ сборникѣ поучительныхъ рассказовъ о «Римскихъ Дѣяніяхъ», *Gesta Romanorum*. Если такіа заимствованія или совпаденія подтверждаютъ народное происхожденіе «Декамерона», то не менѣе ясно сказывается оно и въ слѣдующей новеллѣ вполне мѣстнаго типа: мы раньше уже видѣли, что многія лица, памятные народу какими-нибудь особенностями жизни и характера утѣковѣченіи какъ въ «Декамеронѣ», такъ и въ «Божеств. комедіи». Въ этомъ дѣѣ мы встрѣчаемся съ личностью, также извѣстною по Данту. Гино-ди-Такко, искупающій въ Чистилищѣ свирѣпость нрава (*Purg. VI, 13*), прославился въ эпоху феодальной неурядицы въ Италіи жестокостью и разбоями. Впрочемъ, нѣкоторые историки и комментаторы Данта рисуютъ его разбойникомъ-рыцаремъ, грабившимъ не ради наживы, а для того, чтобъ имѣть средства дѣлать добро и помогать бѣднымъ. Рыцарскимъ характеромъ отмѣченъ онъ и у Боккаціо. Изгнанный изъ Сіены—рассказывается во II-ой новеллѣ—онъ возмущенъ противъ папскаго двора, задерживавшаго и грабившаго проѣзжавшихъ вблизи его владѣній. Случилось, что одинъ изъ самыхъ богатыхъ прелатовъ, настоятель клюнійскаго аббатства, заболѣлъ при папскомъ дворѣ и ѣхалъ лечиться въ Сіену. Гино-ди-Такко забралъ его въ плѣнъ со всей его блестящей свитой и, узнавъ, что онъ страдаетъ желудкомъ и ѣдетъ лечиться, заперъ его одного въ комнату и посадилъ на строжайшую діету; когда, въ очень короткое время, прелатъ совсѣмъ изнемогъ и ему дозволили быть со свитой, онъ узналъ, что только его одного держали въ такомъ заключеніи, между тѣмъ, какъ приближенные его пользовались всѣми удобствами жизни. Гино-ди-Такко, угостивши прелата богатымъ обѣдомъ, выпустилъ его изъ плѣна: онъ не только его вылечилъ, но и предложилъ ему взять назадъ все добро, захваченное шайкой. Великодушіе, данное такой разсказа, заключается не въ одномъ этомъ поступкѣ благороднаго разбойника: и прелатъ сумѣлъ, достойнымъ образомъ, отблагодарить своего врага; онъ оставилъ ему лошадей и все, что у него

было съ собою, а возвратившись въ Римъ, рассказать папѣ, кому обязанъ своимъ выздоровленіемъ, и выхлопоталъ феодалу прощенье.

Общій тонъ разсказа въ обѣихъ новеллахъ мало чѣмъ отличается отъ обыкновенной манеры Боккачіо: тутъ та же живость въ веденіи дѣла, та же точность и опредѣленность описанія, та же тщательность и подробность въ мотивированіи дѣйствія: да и по самому содержанію обѣ новеллы, хотя на тому рыцарскихъ чувствъ, — такіе же анекдоты, какъ разсказы предыдущихъ дней: въ одной *новое*, остроумное, въ оригинальномъ сравненіи и въ необыкновенной развязкѣ событія, а въ другой — «новое», не столько въ приключеніи, сколько въ щедрости и благодарности прелата, — качества поразительныя потому, что духовенство, по понятію времени, было съ ними вовсе незнакомо. Но хотя въ обѣихъ сюжетахъ такъ чувствуется *время*, нѣкъ создавшее, мы не встрѣчаемъ тутъ того мировоззрѣнія, тѣхъ чувствъ и помысловъ, въ которыхъ намъ трудно вѣрять и вдуматься. Другое дѣло, остальные новеллы этого дня. Тамъ мы сталкиваемся съ нравственными идеалами времени, и намъ снова приходится убѣждаться, какъ значительно сдѣняется съ вѣками *нравственная* точка зрѣнія, и какъ мало *рыцарская* добродѣтель соответствуетъ нравственнымъ потребностямъ позднѣйшихъ временъ. Мы видимъ тутъ, напр., въ IV-ой новеллѣ, что великодушіе, благородство сказываются поступками, которые въ наше время не возбуждаютъ никакого восторга и умиленія: у Боккачіо слушатели не находятъ словъ и сравненій, чтобъ возвеличить заслуги благороднаго героя, а мы въ нихъ видимъ проявленіе самаго простаго элементарнаго чувства чести.

Эта четвертая новелла 10-го дня повѣствуетъ о томъ, какъ въ Болоніѣ одинъ прекрасный, благородный кавалеръ Джентель Каризенди влюбился въ жену Никколучіо Каччяниниво и, не добившись отъ нея отвѣта на свою страсть, уѣхалъ изъ города. Она въ его отсутствіе заболѣла, умерла и была погребена въ фамильномъ склепѣ. Когда это печальное извѣстіе дошло до ея обожателя, то онъ вернулся въ Болонью, чтобъ еще разъ взглянуть на нее и поцѣловать ее хотя бы мертвую; пробравшись тихонько въ склепъ, онъ нашелъ въ мнимомъ трупѣ признаки жизни, взялъ его въ сабѣ въ домъ, гдѣ мать его разными средствами привела за-живо похороненную въ чувство. Когда та, очнувшись, хотѣла тогда же вернуться къ мужу, рыцарь упросилъ ее, чтобъ она въ благодарность за спасеніе исполнила бы одно его желаніе, а именно: прожила бы нѣкоторое время съ его матерью

въ его домѣ; онъ ручался, что она не увидитъ у него ничего оскорбительнаго для своей чести, потому что онъ желаетъ торжественнымъ образомъ возвратитъ ее мужу. Она согласилась, и рыцарь на время уѣхалъ изъ Боловни. Тутъ у ней родился сынъ. Черезъ нѣкоторое время рыцарь вернулся домой и приготовилъ большой пиръ, на который совалъ лучшихъ гражданъ города, въ томъ числѣ и мужа спасенной имъ дамы. На пирѣ онъ произноситъ рѣчь:—Въ Персіи,—говоритъ онъ,—существуетъ обычай, по которому гостепріимный хозяинъ, угощая друзей своихъ, показываеъ имъ то, что для него выше и дороже всего на свѣтѣ, будь то хорошій другъ, жена или дитя, въ знакъ того, что онъ радъ бы раскрыть передъ друзьями свое сердце точно такъ же, какъ онъ имъ теперь показываеъ предметъ своей привязанности. Этотъ обычай рыцарь желаетъ ввести и у себя, показавши гостямъ женщину, которая ему дороже всего на свѣтѣ. Но прежде онъ проситъ ихъ разрѣшить ему слѣдующій вопросъ: у хозяина заботѣ слуга и былъ имъ безъ помощи выкинутъ на улицу; другой подымалъ его, ходилъ за нимъ, вылечилъ его, и оставилъ служить у себя. Имѣетъ ли первый хозяинъ право требовать, чтобы слуга былъ ему возвращенъ? Обсуждая вопросъ, гости поручили отвѣтить Николучіо Каччинилло, который и рѣшилъ, что хозяинъ на повинутаго имъ слугу не можетъ имѣть никакого права. Тогда рыцарь показавъ имъ красавицу, жену Николучіо, которую никто не узналъ, такъ какъ считали ее умершею, и объяснилъ, что это тотъ слуга, котораго выкинули на улицу, какъ ненужную вещь, онъ возвратилъ ее къ жизни, слѣдовательно, она должна, по ихъ рѣшенію, принадлежать ему. Затѣмъ онъ подробно разсказалъ, какимъ образомъ онъ ее спасъ, какъ горячо ее любитъ, и объявилъ, что не желаетъ воспользоваться своимъ правомъ и возвращаетъ ее и ребенка, своего крестника, мужу. Въ заключеніе, слезы радости, благодарности, а со стороны разсказчика—умилеііе передъ великодушіемъ героя.

Наврядъ ли въ наше время подобное великодушное самоотверженіе—если даже допустить возможность такого приключенія—заслужитъ названія высокой добродѣтели: можно ли въ поступкѣ рыцаря, поборовшаго свою страсть къ женщинѣ, притомъ же его не любившей, видѣть что иное, какъ самое естественное уваженіе человѣка къ женѣ другого? Но итакъ смотрѣлъ на вещи вѣкъ рыцарства: если женщина приравнивалась къ слугѣ, къ рабу, къ вещи, брошенной однимъ и поднятой другимъ, то понятно, что и то чувство, въ силу котораго человѣкъ

отказывается отъ удовлетворенія страсти, является высокимъ, изъ ряду вонъ выдающимся великодушіемъ. А уваженіе къ женщинѣ, какъ къ человѣку, признаніе за нею человѣческаго достоинства не существуетъ въ вѣкъ рыцарскаго поклоненія и служенія дамамъ: высокое, отчасти символическое обоженіе женской добродѣтели вырастаетъ на той же почвѣ, какъ и шаткость семейныхъ основъ, неурядица семейнаго быта, такъ ярко сказавшаяся въ цинизмѣ средневѣковой повѣсти. То грубое отношеніе къ женщинѣ въ первобытномъ обществѣ, которое указываетъ на низкій уровень его нравственнаго развитія, не можетъ не поражать насъ во всѣхъ почти рассказахъ этого дня, защищающихъ рыцарскіе идеалы. Возьмемъ слѣдующую, 5-ю новеллу, гдѣ рассказчикъ предлагаетъ образцы щедрости и великодушія, еще болѣе поразительные, чѣмъ предыдущіе.

Въ мадонну Діанору влюбленъ богатый баронъ Ансальдо; сколько ни старается онъ заслужить любовь своей дамы, сколько ни надобѣдаетъ ея посланіями и увѣщаніями, она не подкупается ничѣмъ. Наконецъ, на его новую попытку она велитъ отвѣтить ему, что повѣрить его любви и согласится на всѣ его желанія только тогда, когда въ январѣ мѣсяцѣ онъ дастъ ей садъ такой же зеленый и цвѣтущій, какъ въ май. Услыхавъ такое требованіе, миссеръ Ансальдо, хотя и считалъ его невыполнимымъ, приложилъ, тѣмъ не менѣе, всѣ старанія и розыскалъ волшебника, который взялся за огромныя деньги исполнить невозможное. И вотъ, въ половинѣ января въ Удино, среди льдовъ и снѣговъ, расцвѣтаетъ прекрасный садъ, и м. Ансальдо, нарвавши въ немъ плодовъ и цвѣтовъ, посылаетъ ихъ мадоннѣ Діанорѣ, приглашая ее придти полюбоваться на исполненіе ея желанія. Совѣстно и обидно было ей вспомнить объ обѣщаніи, которое теперь приходилось выполнить; со слезами рассказала она обо всемъ мужу; тотъ сперва замѣтилъ ей, что честная женщина не выслушиваетъ никакихъ подобныхъ посланій и не идетъ ни на какія условія; но затѣмъ рѣшилъ, что она обязана исполнить обѣщаніе, и онъ дозволяетъ ей то, на чтб бы не согласился ни одинъ мужъ, — имѣя отчасти въ виду, что м. Ансальдо, при помощи своего волшебника, можетъ жестоко отомстить имъ. Она должна идти къ месс. Ансальдо и, какъ бы то ни было, отдѣлаться отъ своего обѣщанія. Какъ ни плакала мадонна, а надо было повиноваться. И вотъ утромъ, въ сопровожденіи двухъ слугъ, является она къ м. Ансальдо; онъ очень почтительно принимаетъ ее — и крайне удивленъ, когда она объясняетъ ему, что не любовь и не вѣрность данному слову приводятъ ее къ

нему, а приказаніе мужа, который сжалился надъ постоянствомъ и любовью ея обожателя. За такое самопожертвованіе месс. Ансальдо не желаетъ платить безчестьемъ и проситъ ее вернуться къ мужу и передать ему его уваженіе. Они дѣлаются друзьями, а волшебникъ, видя, что рыцари превосходятъ одинъ другого великодушіемъ, отказывается отъ платы, назначенной за садъ.

Оба эти сюжета, о заживо похороненной женѣ и о волшебномъ садѣ, обработаны были у Боккачіо раньше, въ «Filosoro», гдѣ они также приводятся какъ примѣры рыцарскаго благородства; отъ этого и въ формѣ разсказа у нихъ много общаго: въ обѣихъ новеллахъ дѣйствія меньше, чѣмъ въ предыдущихъ дняхъ разсказовъ; въ обѣихъ много мѣста отдается рѣчамъ, описанію чувствъ и т. п.; даже въ новеллѣ о волшебномъ садѣ у автора какъ-будто и не хватило средствъ естественнымъ путемъ развязать узелъ интриги: ему пришлось прибѣгнуть къ анти-художественному элементу волшебства, котораго мы еще не встрѣчали въ «Декамеронѣ».

Но, несмотря на то, что оба сюжета по происхожденію могли бы относиться къ искусственной рыцарской литературѣ, общее направленіе и содержаніе ихъ мало расходится съ духомъ тѣхъ отдѣловъ сборника, которые посвящены женской злобѣ и всяческимъ продѣлкамъ и обманамъ; и тутъ, въ новеллѣ на тему рыцарскихъ чувствъ, мы встрѣчаемся, какъ и тамъ, съ грубою любовью человѣка, который ищетъ отвѣта на свое чувство путемъ подарковъ, подкупа и лести; и тутъ чувствуется та же среда, на которой процѣвѣетъ грубая гравіокомическая «beffa»: собственно нравственное содержаніе этихъ новеллъ совершенно одного уровня съ 7-мъ днемъ разсказовъ; тутъ, при данной постановкѣ сюжета, также какъ и тамъ, могла бы разыгратъ наглая продѣлка жены. Существенное различіе ихъ въ одной развязкѣ: тамъ торжествуетъ грубый инстинктъ, въ связи съ болѣе или менѣе остроумною ложью, — здѣсь на первый планъ выдвигаются *чувства*, отвлеченныя понятія добродѣтели. Но отъ этого тамъ болѣе жизненной правды, болѣе реализма: цѣль автора — вѣрная передача осязательнаго факта, съ его настоящими причинами и побужденіями, лежащими въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ, — потому и разсказъ его идетъ живо и бойко, не задерживаясь никакими отступленіями: мотивы дѣйствія, выхваченные изъ жизни, не сложны, легко понятны, не требуютъ длинныхъ поясненій; даже, если главный предметъ разсказа — чувство, какъ въ повѣстяхъ о любовныхъ

приключеніяхъ, то оно, какъ скрытая пружина дѣйствія, остается позади тѣхъ реальныхъ событій, которыя составляютъ главный предметъ описанія. Здѣсь же, въ тѣхъ рыцарской добродѣтели, совершенно наоборотъ: цѣль не въ фактъ, ради его самого, а въ тѣхъ побужденіяхъ, которыми онъ вызывается; поэтому дѣйствіе вяло, интрига даже не развязывается сама собою; да и не интрига интересуется вовсе рассказчика: тутъ требуется восхвалить, превознести извѣстный образъ мыслей; нарисовать прежде всего извѣстный идеалъ. Отъ этого рассказъ удаляется отъ искренняго воспроизведенія жизни, онъ теряетъ свою художественную беспристрастность: новеллистъ задался тенденціей, цѣлями, лежащими за предѣлами его рассказа. Раньше, въ трагическихъ рассказахъ о несчастной любви, мы также видѣли на первомъ планѣ чувство; но тамъ сильная искренняя страсть, выражавшаяся ударами ножа, приемами яда, зависѣла отъ характера молодого существа, не щадившаго для нея жизни; понятно, что то чувство не требовало объяснительной рѣчи, въ родѣ рассказа о персидскомъ обычаѣ гостепріимства. А здѣсь, въ 10-мъ днѣ, перевѣсь не на сторонѣ страсти, доводящей героя рядомъ строго послѣдовательныхъ проявленій до трагическаго конца; здѣсь коллизія чувствъ разрѣшается въ область душевнаго міра: страсть побѣждается добродѣтелью, надъ желаніемъ беретъ верхъ разсудительное великодушіе. А эти похвальные чувства не вытекаютъ изъ сильныхъ движеній сердца, ихъ главнымъ двигателемъ является болѣе или менѣе холодное сознаніе *рыцарской* чести, весь тотъ кодексъ нравственныхъ понятій, который выработался извѣстными историческими условіями и называется рыцарскимъ идеализмомъ. Стимулы эти, преимущественно отвлеченно-разсудочнаго свойства, не способны глубоко затронуть симпатіи читателя, а потому, чтобы дать понять всю ихъ возвышенность, рассказчику надо выдвинуть ихъ напередъ, ввести подробно ихъ анализирующія рѣчи и краснорѣчивыя отступленія, которыя, какъ ни стилизованы, составлять все-таки длинноты и не искупать скудости дѣйствія.

Яркое доказательство тому находимъ мы въ 6-й *новеллѣ* этого дня, самое краткое резюме которой уже указываетъ на бѣдность интриги и на изобиліе краснорѣчія. Король Карлъ I, будучи уже очень не молодъ, посѣщаетъ въ Кастелламаре знатнаго флорентинца-гиббеллина, Нери-дельи-Уберти, у котораго принять съ большимъ почетомъ; видитъ у него двухъ хорошенькихъ дочерей его, влюбляется и хочетъ отнять ихъ у отца. Только убѣдительныя рѣчи его совѣтника, графа

Гвидо Монфордскаго, заставляютъ его отказаться отъ этого желанія и выдать ихъ замужъ, наградивши богатымъ приданымъ. Правда, и въ этой новеллѣ сказывается — напимѣръ, въ описаніи приѣма у богатаго рыцаря — великій мастеръ, не жаглющій кисти въ тонкости и подробности воспроизведенія, но очевидно, что цѣль и интересъ разсказа въ торжествѣ того разсудительнаго благоразумія, которое говоритъ устами совѣтника и побуждаетъ короля къ великодушному самоотверженію. Понятно, что такая цѣль не способна породить сильнаго, драматическаго дѣйствія: побѣда холоднаго разсудка, дѣйствующаго подъ вліяніемъ убѣдительной рѣчи, не выливается въ цѣльномъ, живомъ образѣ: она вызываетъ только краснорѣчіе защитительныхъ и оправдательныхъ рѣчей, которыя и поставятъ ее на пьедесталъ высокаго героизма. На этотъ же пьедесталъ воздвигается и то естественное уваженіе человѣка къ женѣ другого, которое мы видѣли въ 4-й новеллѣ этого дня. Оно и не могло быть иначе. Въ тѣ времена, когда общество знаетъ такъ мало препятствій въ удовлетвореніи страстей, всякая побѣда надъ ними цѣнится очень высоко. Ихъ произволу и разуму въ народныхъ массахъ то время могло противопоставить, кромѣ религіозно-церковнаго ученія, еще тотъ кодексъ рыцарской нравственности, который пронизываетъ собою бытъ и литературу среднихъ вѣковъ. Рыцарственность, вмѣстѣ съ религіею, служить охраною всѣхъ чистыхъ и высокихъ движеній человѣческой души и живетъ въ сознаніи народа, какъ выраженіе его нравственныхъ идеаловъ. Но если эти идеалы возвышенны и грандіозны, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, туманны и неясны и не находятъ себѣ настоящаго легальнаго примѣненія въ жизни. Въ борьбѣ съ грубостью вѣка они сдвигаются утонченностью чувства, отвлеченностью и безцѣльностью стремленій, а потому такъ же легко мирятся съ самыми необузданными проявленіями физическаго темперамента, какъ легко уживался съ распущенностью нравовъ и съ цинизмомъ литературы суровый аскетизмъ христіанскаго востока.

Оттого обѣ новеллы, взятая авторомъ изъ «Filosoro», хотя преслѣдуютъ рыцарскія цѣли, но на почвѣ той грубой чувственности, на которой возникаютъ и фривольные разсказы предыдущихъ дней. Вообще непримѣнимость къ жизни рыцарскаго идеализма сказывается въ этомъ днѣ такимъ противорѣчивымъ явленіемъ, какъ полное игнорированіе человѣческаго достоинства женщины — съ одной стороны, а съ другой — высокое обожаніе ея красоты и добродѣтели. Отъ этого и два противоположныхъ рода любви, которые рисуются въ литературѣ среднихъ вѣковъ. Или она,

какъ въ области городскихъ сюжетовъ «Декамерона», не поднимается выше грубо-животной страсти и сказывается комическою стороною обмана и насилия, или она, какъ въ рыцарской лирикѣ того же времени, принимаетъ видъ загадочнаго чувства, при которомъ герои проявляютъ самую неестественную утонченность въ чувствахъ и поступкахъ, страдаютъ болѣзненною сентиментальностью. Это не значитъ, конечно, чтобы тогда не знали вовсе искренне-здоровой страсти, оданакowo удаленной отъ обѣихъ крайностей. Когда Боккаччо въ трагически-любовныхъ новеллахъ стоялъ на почвѣ реальнаго разсказа, онъ воспроизводилъ тотъ міръ души, который не исключалъ и великодушія, и самопожертвованія, и героизма, но такъ же далеко стоялъ отъ цинизма грязныхъ продѣлокъ, какъ и отъ сентиментальной извращенности головнаго увлеченія. Мы видѣли, въ какихъ поэтическихъ образахъ запечатлѣна молодая страсть, такъ разрушительно дѣйствующая на юные организмы въ борьбѣ съ разными препятствіями; мы видѣли, какъ близко тамъ любовь сопривасалась съ смертью, какъ одинъ, не задумываясь, жертвовалъ жизнью для другого... Въ отдѣлѣ рыцарскихъ сюжетовъ мы тоже видимъ любовь, отъ которой заболѣваетъ и чуть не умираетъ дѣвушка; но это чувство навѣяно тѣмъ отвлеченнымъ идеализмомъ, который накладываетъ свою печать на всѣ проявленія нравственной жизни тѣхъ вѣковъ.

Вотъ что въ новеллѣ 7-й этого дня разсказывается про любовь Лизы, дочери бѣднаго аптекаря, къ королю Сициліи Петру Аррагонскому. Король велъ въ Палермо блестящій образъ жизни съ своими баронами. Случилось, что на одномъ турнирѣ видѣла его Лиза, дочь флорентинскаго аптекаря, и такъ влюбилась въ своего короля, что ни о чемъ иномъ и не могла думать, какъ о своей высокой любви, *magnifico et alto amore*, и о своемъ низкомъ происхожденіи, не подававшемъ ей никакихъ надеждъ на счастье любви. Она впала въ меланхолію, скрывала ото всѣхъ свои мысли, и кончилось тѣмъ, что заболѣла и стала таять, какъ снѣгъ на солнцѣ; ничто не помогало ей, и въ отчаяніи она желала умереть, но желала еще, чтобы король узналъ о ея любви къ нему. Она придумала пригласить къ себѣ Минуччіо д'Ареццо, пѣвца и музыканта (*cantatore e sonatore*), любимаго королемъ, чтобы насладиться его искусствомъ. Отецъ, ни въ чемъ ей не отказывавшій, исполнилъ и это ея желаніе. Музыка растрогала ее, вызвала обильныя слезы; оставшись съ пѣвцомъ наединѣ, она довѣрила ему тайну своей любви и своей болѣзни, прося помочь ей въ исполненіи единственнаго и послѣдняго ея жела-

нiя. Пѣвецъ общалъ свое содѣйствiе и тотчасъ же обратился къ одному поету, *dicitore in rima*, который долженъ былъ написать канцону и воспѣть въ ней положенiе и чувства больной дѣвушки. Канцона была написана и пропѣта съ усѣхомъ въ присутствii короля, который, какъ и ожидалось, весьма заинтересовался ея содержанiемъ. Пѣвецъ наединѣ объяснилъ ему о положенii и о желанii бѣдной дѣвушки, своею красотою известной и при дворѣ; король сжалился и общалъ напѣстись ей; объ этомъ тотчасъ же сообщено было больной, которая тутъ же почувствовала облегченiе. Король въ тотъ же вечеръ пришелъ къ аптекарю, полюбопытствовалъ видѣть его садъ, а тамъ разспросилъ его и про красавицу дочь. Услыхавъ о ея болѣзни, онъ выразилъ желанiе ее видѣть, вошелъ къ ней въ комнату и, взявши ея за руку, сказалъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ, содѣйствовалъ ей скорѣе оправиться. Дѣвушка застыдилась, но почувствовала такую радость, какъ будто понала въ рай и общала собраться съ силами и выздороветь. Утѣшивши ее своимъ разговоромъ, король уѣхалъ и не могъ не пожалѣть, что такая красавица—дочь аптекаря. А дѣвушка, ошастливленная посѣщенiемъ предмета своей высокой привязанности, стала быстро оправляться и хорошѣла больше, чѣмъ когда-либо. Король между тѣмъ обсудилъ это дѣло съ королевой и рѣшилъ, что дѣвушку за ея высокiя чувства надо вознаградить какъ слѣдуетъ; и вотъ королевская чета торжественно съ большою свитою является къ аптекарю, и король объявляетъ Лицѣ, что хочетъ удостоить ее большой чести, въ награду за ея любовь къ нему: съ разрѣшенiя королевы онъ цѣлуетъ ее и представляетъ ей жениха, котораго для нея выбралъ, не богатаго, но благороднаго юношу и проситъ позволенiя навсегда считаться ея рыцаремъ. Изъ любви къ нему дѣвушка рада исполнить всякое его желанiе; отецъ и мать въ восторгѣ, женихъ также, а король иначе и не выѣзжаетъ на турниры, какъ подъ знаменемъ своей дамы.

Что за чувство даетъ содержанiе новеллъ, лишенной всякаго драматическаго дѣйствiя, но исполненной закругленныхъ красивыхъ фразъ? Безнадежная любовь, отъ которой такъ страдает дѣвушка, что сперва рѣшается умереть, потомъ удовлетворяется нѣсколькими ласковыми словами; но любовь ли это, если отчаянiе переходитъ въ готовность исполнить волю обожаемаго, т. е. выдти замужъ за рекомендованнаго имъ жениха? Теперь подобное чувство назвали бы увлеченiемъ молодой, горячей головы, живущей воображенiемъ и мечтами, головною, легко испаряющеюся страстью. Но для того вѣка это было особое высокое чувство—

magnifico e alto amore, на которое смотрѣли очень серьезно: оно заслуживало похвалы и награды, оно составляло отличіе высшаго общества — король не могъ не пожалѣть, что такую возвышенностью помысловъ надѣлена дѣвушка невысокаго происхождения. — Слѣд., тутъ опять специально-рыцарская точка зрѣнія, особая нравственная мѣрка. Новелла эта — отголосокъ придворно-рыцарской сферы — переноситъ насъ въ ту искусственную среду, гдѣ женщина является въ сіяніи божества; гдѣ процвѣтаетъ любовная лирика провансальскихъ поэтовъ, съ ихъ постояннымъ обращеніемъ къ Амуру и описаніемъ утрированныхъ чувствъ; гдѣ король подъ знаменемъ своей дамы, которую онъ цѣлуетъ съ разрѣшенія королевы, носить девизомъ: *Mon Dieu et ma dame!* Эта среда выработала тотъ кодексъ рыцарской нравственности, по которому разсудочное великодушіе, или великодушное благо-разуміе ставилось на степень высокаго геройства: неудивительно, если и болѣзненное чувство платоническаго обожанія — головное увлеченіе только-что проснувшейся молодости — возводится на степень высоко-идеальнаго стремленія; оно должно исполнѣ соответствовать тому настроенію, которое возводитъ въ идеалъ все, что только идетъ въ разрѣзъ съ грубостью и эгоизмомъ неразвитаго человѣчества.

Поэтому въ рыцарскомъ идеализмѣ большую роль играла и *щедрость*. Эта добродѣтель не была, какъ у насъ, одною противоположностью скупости, это та особенная *liberalita*, которая свидѣтельствуешь о величій души, чуждается всякаго мелочнаго чувства, проявляется всякимъ великодушнымъ поступкомъ; эта *liberalita* должна была нравиться рыцарству какъ противоположеніе грубо-эгоистическимъ стремленіямъ; и съ нею мы встрѣчались уже въ Новеллино, гдѣ столько примѣровъ королевской и рыцарской расточительности; въ «Декамеронѣ» она выражается въ обычаяхъ гостепріимства, которые прославляются въ двухъ новеллахъ, въ 9-ой о мессирѣ Торелло и Саладинѣ, и въ 3-ей о Натанѣ и Митриданесѣ. Кромѣ одинаковой идеи добродѣтели, оба эти разсказа имѣютъ еще то общее, что оба переносятъ насъ на Востокъ: одинъ разыгрывается на половину въ Александріи, при дворѣ Саладина въ эпоху крестовыхъ походовъ; другой — въ баснословной странѣ въ глубинѣ Азіи. Раньше, отмѣчая въ «Декамеронѣ» тѣмъ «путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ», мы имѣли случай замѣтить, какую важную роль далекій Востокъ игралъ въ народной фантазіи. Очевидно, что вліяніе Востока, такъ сильно сказавшееся въ первобытной повѣствовательной поэзіи Европы, должно было усилиться съ тѣмъ

стремительнымъ передвиженіемъ цѣлыхъ массъ, которое вызвано было крестовыми походами. Вѣроятно и та цивилизація, съ которою европейскіе народы столкнулись въ Азіи, была не безъ вліянія на образованіе рыцарскихъ идеаловъ: собственно говоря и въ Азіи существовало рыцарство; не даромъ же личность Саладина такъ импонировала своимъ воинственно-благороднымъ характеромъ, что создалось цѣлое сказаніе о посвященіи его въ христіанскіе рыцари (въ Новеллино—фабіо о Гутонѣ Табарійскомъ); и въ средѣ образованныхъ султанскихъ дворовъ рыцарскіе идеалы могли находить себѣ воплощеніе: тутъ могла процвѣтать и утонченность вѣжливости и высоко-цѣнная *courtoisie*, и та безграничная щедрость—гостепріимство мы привыкли считать качествомъ преимущественно восточныхъ народовъ, — щедрость, принимавшая грандіозные размѣры, благодаря роскоши подарковъ, тѣхъ баснословныхъ богатствъ, камней, тканей и т. п., которые фантазія рассказчиковъ могла найти только на Востоцѣ. Понятно, что перенесеніе рыцарскихъ идеаловъ съ Запада на Востокъ не только не уменьшало, но еще болѣе усиливало ихъ характеръ отвлеченности, неопредѣленности и непримѣимости. Такими именно чертами отмѣченъ и духъ гостепріимства, составляющій основную идею въ новеллѣ о *Мессирѣ Торелло и Саладинѣ*. Вотъ въ чемъ ея содержаніе:

Саладину вздумалось посмотрѣть на приготовленія христіанъ къ походу противъ него (3-й крест. походъ 1189 года). Переходѣвши вунцомъ, съ небольшою свитою, выѣзжаетъ онъ изъ Египта и, путешествуя по европейскимъ землямъ, попадаетъ въ Ломбардію; тутъ, недоѣзжая Павіи, встрѣчаетъ онъ однажды благороднаго мессира Торелло, который съ своими прислужниками, съ соколами и собаками направляется въ одно изъ прекрасныхъ помѣстій на Тессинскомъ озерѣ. Завидя иностранцевъ, мессиръ Торелло вздумалъ принять ихъ у себя. Для рыцарскаго гостепріимства существуетъ и особый терминъ, — *onorare* значитъ особенно радушно принимать гостей, оказывая имъ вниманіе и всякія почести, исполняя всѣ ихъ желанія и награждая ихъ подарками. — На вопросъ Саладина о томъ, попадутъ ли они до ночи въ Павію, рыцарь поспѣшилъ отвѣтить отрицательно; а на вопросъ о ночлегѣ, предложилъ имъ въ провозатые одного изъ своихъ прислужниковъ, который можетъ указать имъ дорогу. Оговзавши слугу въ сторону, онъ сдѣлалъ ему свои распоряженія, а самъ поѣхалъ въ помѣстье и приготовилъ все для самаго роскошнаго пріема иностранцевъ; слуга же, проплутавши съ гостями по окрестности, вскорѣ явился съ ними къ мессиру То-

релло. Саладинъ не могъ не понять всей утонченности этой любезности: пригласи ихъ самъ мессиръ Торелло къ себѣ, они имѣли бы право отказаться, а теперь онъ хитростью заставляетъ ихъ принять его угощеніе. На тонко-вѣжливое извиненіе Саладина, мессиръ Торелло отвѣчаетъ не менѣе утонченнымъ изъясненіемъ рыцарской *courtoisie*, и, видя съ первыхъ словъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, не только угощаетъ ихъ ужиномъ и оказываетъ имъ всякія почести, но посылаетъ въ Павію сказать женѣ, чтобъ и тамъ приготовленъ былъ гостямъ таковой же пріемъ. На утро онъ показываетъ имъ свою соколиную охоту, самъ ѣдетъ съ ними въ Павію, гдѣ принимаетъ ихъ еще роскошнѣе; знакомитъ ихъ съ женою, которая оказывается не менѣе любезна, чѣмъ онъ; окружаетъ ихъ такимъ вниманіемъ, что совершенно ихъ очаровываетъ; а на прощанье онъ и жена дѣлаютъ имъ роскошные подарки. Саладинъ, назвавшійся сирійскимъ купцомъ, ѣдущимъ въ Парижъ, выражая свою благодарность хозяину, желалъ только имѣть когда-нибудь возможность отплатить и ему подобнымъ же пріемомъ. Собравши въ Европѣ нужныя ему свѣдѣнія, онъ вернулся въ Александрію и приготовился къ войнѣ, а мессиръ Торелло, не взирая на просьбы и слезы жены, сталъ собираться въ крестовый походъ. Убѣждая, онъ просилъ жену объ одномъ: если отъ него не будетъ извѣстій, не выходить замужъ раньше, чѣмъ исполнится одинъ годъ, одинъ мѣсяцъ и одинъ день со дня его отъѣзда. Жена обѣщалась и дала ему кольцо, глядя на которое онъ долженъ былъ вспоминать о ней. На войнѣ мессиръ Торелло попалъ въ плѣнъ и отведенъ былъ въ Александрію; тутъ на досугъ онъ сталъ заниматься прирученіемъ птицъ, слухъ о чемъ скоро дошелъ до Саладина, и тотъ сдѣлалъ его своимъ сокольниковымъ. Изъ плѣна ему удалось послать письмо на родину съ генуэзцами, которые пріѣзжали выкупать своихъ плѣнныхъ, и дать женѣ знать, что, будучи живъ и здоровъ, онъ надѣется къ ней вернуться. Между тѣмъ однажды на охотѣ Саладинъ, вглядываясь въ своего сокольникаго, по улыбкѣ и одному движенію рта вспомнилъ о своемъ гостепріимномъ хозяинѣ въ Павіи, узнать его и, убѣдившись изъ разспросовъ, что не ошибся, велѣлъ показать ему платье, полученное отъ него въ подарокъ и открылъ плѣннику, что онъ былъ у него въ гостяхъ. Съ этихъ поръ положеніе мессира Торелло совершенно измѣнилось: султанъ велѣлъ одѣть его по-царски, оказывать ему такое же уваженіе и почетъ, какъ его собственной особѣ; вообще всячески старался отплатить ему за его гостепріимство. Мессиръ Торелло при дворѣ Саладина зажилъ такъ

пышно, что и не думалъ о родинѣ; а память о женѣ мало его беспокоила, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что, получивши его письмо, она будетъ знать, гдѣ онъ, и замужъ не выйдетъ. Случилось однако иначе: въ христіанскомъ войскѣ умеръ одинъ рыцарь также по имени Торелло, и всѣ думали, что это былъ хорошо всѣмъ извѣстный мессиръ Торелло, уроженецъ Павіи; слухъ о его смерти быстро распространился, и нашлись даже очевидцы, которые увѣрили его жену, что видѣли его мертвымъ. Когда первое горе мнимой вдовы улеглось, къ ней стали приставать родные, уговаривая ее выдти замужъ; сколько ни отказывалась она, наконецъ, вынуждена была дать слово одному жениху съ условіемъ только выждать время до срока, назначеннаго ей мессиромъ Торелло. Между тѣмъ мужъ ея встрѣтился въ Александріи съ однимъ изъ спутниковъ тѣхъ генуэзцевъ, которымъ онъ поручилъ письмо на родину, и узналъ отъ него, что никто изъ генуэзцевъ до Италіи не доѣхалъ, потому что судно ихъ было разбито бурей. Разсчитавши, что скоро кончается срокъ, назначенный имъ женѣ, Торелло впалъ въ такое отчаяніе, что заболѣлъ, легъ въ постель и рѣшился умереть.

Саладинъ, какъ только узналъ о причинѣ его горя, общалъ приложить всѣ старанія, чтобъ въ данному сроку рыцарь поспѣлъ въ Павію. Онъ поручилъ устроить это одному опытному волшебнику; тотъ прежде всего усыпилъ его волшебнымъ питьемъ, а Саладинъ велѣлъ соннаго рыцаря перенести на роскошное ложе, одѣть его богатымъ платьемъ и обложить оружіемъ и разными подарками для него и для жены; въ ту же ночь мессиръ Торелло силою волшебства былъ въ одно мгновеніе перенесенъ изъ Египта въ Италію, и очутился, какъ онъ самъ того желалъ, въ монастырѣ, гдѣ его дядя былъ аббатомъ. Это было въ день свадьбы его жены, послѣдній день срока, даннаго ей мужемъ. Въ качествѣ иностранца отправляется мессиръ Торелло на свадебный пиръ; въ иноземной одеждѣ, съ длинною бородою, наблюдаетъ онъ за поведеніемъ жены, остается очень доволенъ, видя что она сильно горюетъ; онъ посылаетъ ей въ чашѣ вина кольцо, данное ею на память при его отъѣздѣ, она узнаетъ кольцо, пристально вглядывается въ мнимаго иностранца и — бросается въ его объятія.

Вся эта новелла, и особенно послѣднія сцены возвращенія на родину, — испугъ монаховъ, нашедшихъ въ церкви рано утромъ богатое ложе съ спящимъ на немъ чужестранцемъ, и свиданіе съ женою, — написаны со всею живостью и увлекательностью Бюффьева разсказа. И не удивительно: хотя главная мысль повѣсти

—рыцарская добродѣтель гостепріимства, но она тѣсно связывается здѣсь съ элементами приключеній, равныхъ случайностей, поэтому принимаетъ тотъ *реалистическій* характеръ, который мы видѣли въ первыхъ дняхъ «Деламерона». Тутъ такъ же, какъ и тамъ, — особенно во второй, болѣе живой половинѣ разсказа, — насъ увлекаетъ интересъ чисто сказочный — приключеніе пѣннаго рыцаря при дворѣ того знаменитаго султана, котораго народная фантазія любила украшать своими вымыслами. Отъ этого тутъ тѣ же достоинства реалистически-художественнаго разсказа: та же рельефность, ясность очертаній, та же мелочность наблюденія, то же умѣнье двумя-тремя чертами обрисовать ситуацію и тотъ же тонъ сповойно-оживленнаго разсказа, возсоздающаго предметы и лица во всей ихъ жизненной полнотѣ. Но все-таки рыцарская основа сюжета не могла остаться безъ вліянія на ходъ повѣсти: въ первой половинѣ, гдѣ преобладаетъ *добродѣтель*, чувствуется сравнительная бѣдность дѣйствія, а въ концѣ — неумѣнье справиться съ интригою; какъ и въ новеллѣ о мадоннѣ Діанорѣ развязка приводится вмѣшательствомъ волшебства.

Присутствіе чудеснаго весьма распространено въ повѣствовательной, современной Боккачіо, литературѣ: оно встрѣчается и въ рыцарскихъ поемахъ, и въ фэбліо, и въ народныхъ сказкахъ и указываетъ на молодость литературной мысли, на бѣдность литературнаго таланта у разсказчиковъ: въ самомъ дѣлѣ, какъ удобнѣе вывести героя изъ затруднительнаго положенія, какъ не помощью чудеснаго явленія, неожиданнымъ участіемъ сверхъестественнаго? Этими средствами эффекта съ успѣхомъ пользуются даже многіе послѣдователи Боккачіо; но самъ гениальный разсказчикъ прибѣгаетъ въ нимъ только въ 2-хъ новеллахъ всего сборника. Обыкновенно его новелла представляетъ собою строго мотивированное, послѣдовательное дѣйствіе, гдѣ одинъ фактъ вытекаетъ изъ другого, или изъ внутреннихъ побужденій, изъ общаго характера лица, отъ этого новелла его — тонко-веденная, законченная драма вполне реальнаго характера.

Но разъ, какъ и въ этомъ 10-мъ днѣ, онъ задается воспроисхожденіемъ высокихъ идеаловъ, повѣсть его не ограничивается однимъ художественнымъ воссозданіемъ естественныхъ побужденій нашей природы; разсказчика интересуетъ не опредѣленный жизненный фактъ, а тѣ отвлеченные идеалы, которые лежатъ въ основѣ рыцарскаго міровоззрѣнія. Особенно цѣльно выражается эта отвлеченность идеальной добродѣтели въ 3-й новеллѣ о *Натанѣ и Митриданесѣ*. Тутъ мы видимъ самое неумѣренное пользованіе убѣдительною краснорѣчія: не даромъ же эта повѣсть въ рѣдкой

христоматин не приводится образцомъ Боккаччьева слога, и не даромъ достоинства подобныхъ разсказовъ утвердили за нимъ славу краснорѣчивѣйшаго писателя, у котораго совѣтовали учиться проповѣдникамъ. — Если въ новеллѣ «Мессиръ Торелло» современный читатель не можетъ не подивиться безцѣльности и бесполезности рыцарскаго гостепріимства, которое такъ было оцѣнено Саладиноу, то еще болѣе неограниченную расточительность видимъ мы въ повѣсти о Натанѣ: тутъ гостепріимство поставлено на высоту недосигаемаго идеала; отъ того мѣсто дѣйствія — вѣрнее неопредѣленно, а дѣйствующія лица страдаютъ безцвѣтностью, какъ воплощенія необычайно высокихъ качествъ души. И если въ новеллѣ о мессирѣ Торелло мы могли видѣть, какъ близко сходились идеалы Востока и Запада (Саладинъ рисуется рыцаремъ; въ немъ такъ много общаго съ европейцемъ, что мессиръ Торелло тотчасъ же признаетъ въ немъ равнаго себѣ: та же вѣжливость, деликатность обхожденія, та же утонченность вѣншей манеры), то эту же близость можно указать и въ новеллѣ о Натанѣ. Здѣсь олицетвореніе рыцарской щедрости прямо относится въ ту туманно-баснословную страну, гдѣ сходятся пути Востока и Запада.

Въ Каттайо — такъ называлась въ тѣ времена сѣверная часть Китая — жилъ человѣкъ по имени Натанъ. Онъ былъ знатнаго происхожденія, имѣлъ несмѣтное богатство и жилъ на той дорогѣ, по которой больше всего сообщенія между Востокомъ и Западомъ. Желая на дѣлѣ выказать величіе и щедрость своей души, онъ выстроилъ себѣ одинъ изъ богатѣйшихъ и роскошнѣйшихъ дворцовъ въ мірѣ, въ которомъ все было приспособлено къ тому, чтобъ съ большимъ вниманіемъ и почетомъ принимать благородныхъ гостей (*gentili uomini ricevere et onorare*). Онъ не замедлилъ вскорѣ такъ прославиться своею щедростью и великолѣпіемъ, что сталъ извѣстенъ не только на востокѣ, но и на западѣ. Молва о немъ дошла до одного молодого человѣка, по имени Митриданесъ; тотъ, зная, что онъ не бѣднѣе Натана, и завидуя его славѣ и добродѣтели, рѣшилъ, во что бы то ни стало, превзойти или затмить его: онъ построилъ себѣ дворецъ, подобный Натанову, и завелъ въ немъ такое же широкое гостепріимство, отчего вскорѣ и сталъ извѣстенъ. Но вотъ однажды женщина попросила милостыню у однихъ дверей дворца, получила, подошла къ другимъ, тамъ получила, затѣмъ къ третьимъ — и такъ возвращалась и получала до 12 разъ; когда она подошла въ 13-й, Митриданесъ, видѣвшій это со двора, замѣтилъ ей: «добрая женщина! ты просишь-таки довольно усердно!» — «О, щедрость Натана, возликула на это старуха, изумительна!

У 32-хъ воротъ его дворца подавали мнѣ, а онъ не показывалъ и виду, что призналъ меня; адѣсь же я попросила только въ 13-й разъ, какъ меня узнали и выбрали!— Съ этимъ она ушла и не возвращалась. Митриданесъ, слыша ея сравненіе, совсѣмъ разстроился, и, не умѣя даже въ мелочахъ сравниться съ Натаномъ, отчаялся когда-либо превзойти его: слава этого старика, думалъ онъ, только тогда не будетъ вредить его извѣстности, когда его не будетъ въ живыхъ; — онъ рѣшился убить его, тотчасъ же пустился въ путь и на третій день прибылъ къ мѣсту жительства Натана. Подъѣзжая совершенно одинъ ко дворцу, онъ встрѣтилъ самого хозяина, который въ простомъ скромномъ одѣяніи шелъ пѣшкомъ; Митриданесъ, не зная его, обратился къ нему съ просьбой показать, гдѣ живетъ Натанъ, а когда тотъ взялся проводить его, объяснилъ старику, что желаетъ остаться по возможности неизвѣстнымъ Натану. Поэтому, когда они подошли къ дворцу, Натанъ шепнулъ своимъ слугамъ, чтобъ они и виду не подавали, кто тутъ хозяинъ, и не говорили бы о томъ Митриданесу. Затѣмъ онъ помѣстилъ гостя въ отличной комнатѣ, приставилъ къ нему слугъ и самъ долго бесѣдовалъ съ нимъ: про себя онъ сказалъ, что принадлежитъ къ числу незначительныхъ слугъ въ домѣ и вовсе не можетъ согласиться съ тѣми похвалами, которыми молва осыпаетъ старика. Бесѣда его очень понравилась юношѣ, и онъ нѣсколько дней прожилъ во дворцѣ, пользуясь всѣми удобствами жизни и интереснымъ обществомъ хозяина; а тотъ такъ сумѣлъ расположить его къ себѣ, что онъ наконецъ открылъ ему цѣль своего посѣщенія. Натанъ взволновался, но тотчасъ же оправился и твердо, не измѣнившись даже въ лицѣ, общалъ юношѣ свое содѣйствіе; онъ похвалилъ его за это благородное намѣреніе: если бы на свѣтѣ было больше такой зависти (точнѣе—соревнованія), свѣтъ былъ бы лучше! Затѣмъ онъ указалъ ему лѣсокъ, въ которомъ удобно будетъ совершить убійство, такъ какъ Натанъ пойдетъ туда на слѣдующее утро. Митриданесъ, во всемъ слѣдуя его совѣтамъ, на другой день явился въ лѣсокъ, издали завидѣлъ Натана, и прежде чѣмъ повончить съ нимъ, вдругъ вдумалъ послушать хотя бы одинъ разъ рѣчей знаменитаго старика. Онъ кинулся на него и каково же было его удивленіе, когда онъ узналъ въ немъ того самого собесѣдника, который такъ ласково обходился съ нимъ и такъ хорошо его принималъ! Гнѣвъ обратился въ стыдъ: онъ палъ къ ногамъ своей жертвы и со слезами просилъ прощенія; тутъ только онъ увидѣлъ всю щедрость старика, дарившаго даже жизнь свою гостю! и тутъ только открылись глаза

его, ослѣпленные завистью! онъ созналъ свое заблужденіе и просилъ наказать его какъ того заслуживалъ. Натанъ поднялъ юношу, поцѣловалъ его и сказалъ, что намѣреніе его не требуетъ оправданія, потому что онъ хотѣлъ убить его не изъ вражды и ненависти, а изъ желанія славы. — «Будь увѣренъ, говорилъ онъ, что никто тебя не любитъ больше меня, потому что я вижу величіе твоей души, стремящейся не конить добро, какъ мелкие люди, — і мізегі, говоритъ Бонкаціо, такъ сказать, «мизерныя» души — но тратить накопленное: не стыдись, что ради славы хотѣлъ убить меня, и не думай, что я тому удивляюсь. Императоры и короли убиваютъ не одного человѣка, какъ ты, и разоряютъ цѣлыя страны и жгутъ города для того только, чтобъ увеличить свое владѣніе, а слѣдовательно и свою славу».

Митриданесъ, хотъ и не желалъ нисколько защищать свой людскій умыселъ, не могъ однако не подивиться, какъ благородно съумѣлъ оправдать его Натанъ, и, продолжая бесѣду, выразилъ удивленіе, какъ могъ самъ Натанъ способствовать выполненію его плана: на это Натанъ возразилъ, что у него есть правило не выпускать изъ дому гостя, не сдѣлавши для него все ему желательное и пріятное. «Ты пришелъ съ цѣлью взять мою жизнь; чтобъ ты не былъ единственнымъ вышедшимъ отсюда неудовлетвореннымъ, я рѣшилъ тебѣ отдать ее. Потому еще разъ говорю тебѣ: возьми ее; не знаю, какъ могу ее лучше употребить: я столько лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, что мнѣ еще не много остается прожить, и оттого предпочитаю теперь добровольно отдать жизнь, чѣмъ ждать, пока природа ее у меня отниметъ. Чѣмъ дольше я буду жить, тѣмъ меньше цѣны будетъ имѣть моя жизнь: потому прошу тебя, возьми ее, пока мнѣ есть еще что давать. Найдется ли еще другой, кто пожелаетъ взять ее?» Митриданесу было стыдно, и онъ сказалъ, что онъ не только не желаетъ сокращать его жизни, но проситъ Бога продлить ее и дополнить ее дѣлами его собственной молодой жизни. На это Натанъ быстро возразилъ: — Ты желаешь продлить мою жизнь, желаешь, чтобъ я принялъ отъ тебя то, чего никто не принималъ отъ другого? — Да, отвѣчалъ Митриданесъ. — Въ такомъ случаѣ, сказалъ Натанъ, ты молодецъ, останься у меня, живи подъ моимъ именемъ и продолжай мою жизнь, а я отправлюсь къ тебѣ и буду называться Митриданесомъ. — Еслибъ я умѣлъ такъ жить и дѣйствовать, какъ ты, я бы принялъ твое предложеніе; но я знаю, что мои дѣла будутъ только уменьшать славу Натана, потому и не намѣренъ отнимать у другого то, чего самъ не умѣлъ для себя достигнуть (т. е. славы). — Послѣ этихъ и подобныхъ имъ рассужденій На-

танъ съ Митриданесомъ возвратились во дворецъ, гдѣ юноша нѣсколько дней пользовался почетнымъ гостепріимствомъ; Натанъ своимъ умомъ и познаніями укрѣпилъ въ душѣ юноши высокіе и великіе помыслы и отпустилъ его съ убѣжденіемъ, что ему не превзойти щедрости знаменитаго старика.

Мнѣ кажется, и въ сокращенномъ изложеніи новеллы должна просвѣчивать діалектика всѣхъ разсужденій, утрированная тонкость чувствъ и мыслей, которыя тутъ замѣняютъ живость дѣйствія и интересъ интриги. И это искусственное описаніе невозможной ситуаціи принадлежитъ тому же перу, изъ-подъ котораго такъ цѣльно и полно вылилась исповѣдь с. Чьянеллето, насмѣшка надъ глупымъ Каландрино, проповѣдь остроумнаго балагура, фрате Чиполла! Но тутъ нельзя искать того яркаго волорита, той правды и искренности, которыя производятъ художественное обаяніе реалистическихъ новеллъ «Денамерона». Здѣсь авторъ въ живомъ и цѣльномъ образѣ не увѣковѣчиваетъ частицы современной ему дѣйствительности; безхитростнымъ анекдотомъ чисто мѣстнаго происхожденія онъ не переноситъ насъ въ далекую чуждую намъ жизнь итальянца; здѣсь передъ нами не бойкій разсказчикъ, необузданно-дерзкая насмѣшка котораго не останавливается ни передъ какими святыми и нравственными интересами человѣчества; адѣсь геро въ рукахъ поэта-рыцаря по духу и воспитанію. Здѣсь онъ не довольствуется тѣмъ, что даетъ ему непосредственное его знаніе жизни. Въ поискахъ за идеальными сторонами существованія его мысль уходитъ въ ту безграничную сферу фантастичности, которую нравственные потребности его времени противопоставляютъ эгоизму и грубости дѣйствительной жизни. Отпоромъ корыстолюбію и преобладанію личныхъ интересовъ мало развитой общественности, мысль вѣка возводитъ *щедрость* на высоту особенно важной добродѣтели; но не есть ли этотъ идеалъ, воплощенный въ личности Натана, не болѣе какъ одна несбыточная мечта,—мечта народа, ищущаго въ вымыслѣ величія, широты и простора, которымъ нѣтъ мѣста въ общественной жизни? Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить какъ не заоблачной идеальностью ту безумную и бесполезную щедрость, которая, мало того, что по тридцати разъ подаетъ милостыню и ставитъ цѣлью жизни тратить добро, но даже жертвуетъ самою жизнью ради того только, чтобъ, по долгу гостепріимства, исполнить всякое желаніе гостя? Какая высокая цѣль и какая польза человѣчеству отъ такого самопожертвованія? — Правда, комментаторы этой новеллы всегда поясняютъ, что Натанъ разсуждаетъ какъ язычникъ, и Боккаччо будто бы умѣлъ тутъ стать на точку

зрѣнія не-христіанской добродѣтели. Не вѣрнѣ ли предположить, что, развивая извѣстный идеалъ безо всякаго отношенія его къ дѣйствительности, авторъ развилъ его отвлеченными рассужденіями до такихъ крайнихъ предѣловъ, что перешелъ даже за границы христіанскаго міровоззрѣнія. — Эта крайность и безцѣльность рыцарской добродѣтели не могла, конечно, и въ поэзіи сказаться опредѣленными ясно-очерченными образами; оттого тѣ поэмы, въ которыхъ воплощались возвышенныя проявленія рыцарскаго духа, не пережили своей эпохи; а ихъ беспочвенный идеализмъ сказался и въ новеллахъ болѣею растянутастью формы, длиннотами въ видѣ выпрєннихъ рассужденій, діалектическихъ разглагольствованій о самыхъ утонченныхъ ощущеніяхъ. Что поэтъ тутъ былъ человѣкомъ вполне своего вѣка, выразителемъ современныхъ стремленій и направленій мысли, видно не только изъ тщательности и изящества въ отдѣлкѣ этихъ повѣстей, но и изъ огромной ихъ популярности. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна 8-ая новелла! въ ней мы найдемъ такое же, какъ и въ Натанѣ, изобиліе риторики и діалектики, вызываемое высокими и тонкими чувствами, а также и яркое доказательство того, какъ легко это невозможное величіе души мирилось съ грубостью неудержимой страсти и съ безцеремоннымъ отношеніемъ къ семьѣ. — Эта новелла — одна изъ наиболѣе знаменитыхъ въ «Декамеронѣ»: она передѣлывалась, переводилась на многіе языки, пользовалась, очевидно, необыкновенной симпатіей и читателей, и критиковъ, высоко превозносившихъ ея стилистическія достоинства. Она имѣетъ предметомъ любовь и самопожертвованіе двухъ друзей, и точно такъ же, какъ и повѣсть о Натанѣ, переноситъ все дѣйствіе въ далекій, нехристіанскій міръ, потому что и въ ней идеалы добродѣтели — дружбы — доведены до такой крайности, что переходятъ мѣру христіанскихъ обязанностей. Поэтому Боккачіо одѣлъ героев новеллы въ классическій костюмъ и заставилъ ихъ рассуждать и дѣйствовать сообразно не съ христіанской, всегда примѣнимой моралью, а сообразно съ строго-логичнымъ, но вполне отвлеченнымъ идеализмомъ.

Дѣйствіе происходитъ въ античномъ мірѣ, въ правленіе Августа, бывшаго еще триумвиромъ. Одинъ знатный римлянинъ посылаетъ сына своего, Тито Квинціо Фульбо, дополнить въ Афинахъ философское образованіе, и помѣщаетъ его тамъ въ домѣ стариннаго своего пріятеля, у котораго есть также взрослый сынъ Джизиппо. Между молодыми людьми, преданными наукѣ, завязывается горячая дружба. Проходитъ года три, умираетъ отецъ Джизиппо; и оба друга оплакиваютъ его съ одинаковою

горестью; вскорѣ послѣ этого Джизиппо, по совѣту друзей, собирается жениться на 15-ти-лѣтней красавицѣ Софроніи. Незадолго до свадьбы знакомить онъ съ нею своего друга, и тотъ влюбляется въ нее со всѣмъ пыломъ страсти. Долго борется онъ съ собою, но чѣмъ больше уговариваетъ онъ себя, тѣмъ больше въ немъ разгорается любовь, такъ что, наконецъ, онъ заболѣваетъ съ горя. Его состояніе не можетъ укрыться отъ друга, и на разспросы его Тито откровенно признается въ страсти, которую онъ изъ любви къ другу рѣшился преодолѣть, во что бы то ни стало; но другъ не допускаетъ подобной жертвы: онъ такъ его любитъ, что жизнь его дороже ему невѣсты, потому онъ ее и уступаетъ Тито.—Борьба съ самимъ собою, тонкое взвѣшиваніе противорѣчивыхъ чувствъ и борьба великодушія между друзьями ведется такими же послѣдовательными логическими доводами, съ тѣми же пріемами періодическихъ рѣчей, какъ и въ повѣсти Натана.—Споръ возвышенныхъ душъ рѣшается тѣмъ, что одинъ, Джизиппо, сыграетъ свадьбу, а затѣмъ тайнымъ образомъ будетъ замѣненъ другимъ. Ни невѣстѣ, ни ея роднымъ о томъ ничего не должно быть извѣстно, потому что они могутъ не только не согласиться на подмѣнъ, но оскорбиться и отказать жениху. Обманъ удастся какъ нельзя лучше. Затѣмъ вскорѣ въ Римѣ умираетъ отецъ Тито, и Тито долженъ возвратиться на родину; конечно, обманъ долженъ обнаружиться, такъ какъ фиктивная жена Джизиппо должна сопровождать своего настоящаго мужа римлянина. Узнавъ, чья она жена, она тотчасъ рассказываетъ это своимъ родственникамъ, которые оскорблены обманомъ не менѣе ея; афиняне страшно возмущены и грозятъ Тито преслѣдованіемъ и наказаніемъ. Джизиппо извинялся-было тѣмъ, что считалъ друга своего болѣе себя достойнымъ Софроніи, но Тито, соединяя мужество римлянина съ умомъ афинянина, рѣшилъ торжественно оправдать его—для того собралъ въ храмѣ друзей и родныхъ Софроніи и произнесъ передъ ними длинную рѣчь. Въ ней онъ сперва ссылается на волю боговъ, допустившихъ подмѣнъ, затѣмъ оправдывается большою въ нему дружбою и любовью Джизиппо: замѣна одного пріятеля другимъ тѣмъ болѣе извинительна, что они занимаютъ совершенно одинаковое положеніе въ обществѣ, и тутъ Тито напоминаетъ слушателямъ о своемъ богатствѣ, о знатности, древности своего рода въ Римѣ, и намекаетъ на то, что римляне народъ свободный, а афиняне — покоренный; слѣдовательно, онъ, какъ женихъ Софроніи, ничѣмъ не ниже Джизиппо. Правда, можно возразить, что не самая замѣна оскорбительна, а тотъ образъ дѣйствія, къ которому при-

бѣгли друзья, обманувши и Софронію, и родныхъ ея. Но какихъ путей не избираетъ судьба? «Вы негодуете на Джизиппо за то, что онъ выдалъ ее за меня, но какое бы наказаніе вы придумали для него, еслибъ онъ отдалъ ее за какого-нибудь негодяя? а онъ могъ и это сдѣлать». Словомъ, силою цicerоновскаго краснорѣчія, убѣдительною пространныхъ, изворотливыхъ софизмовъ Тито увѣрилъ аеинянъ въ справедливости и законности своего поступка, и вполнѣ примиренный съ родными и друзьями Софроніи, увезъ ее въ Римъ. — Джизиппо, оставшись одинъ въ Аеинахъ, былъ черезъ нѣкоторое время силою политическихъ обстоятельствъ изгнанъ изъ города и лишился при этомъ всего состоянія. Кое-какъ, нищимъ, добрался онъ до Рима; направился прямо къ дому Тито и сталъ на дорогѣ такъ, чтобъ могъ попасть ему на глаза. Но Тито прошелъ мимо и не узналъ его, а Джизиппо показалось, что онъ просто не хотѣлъ узнать друга, гнушаясь его положеніемъ. Не зная, гдѣ ночью приклонить голову и вспоминая, какъ много онъ сдѣлалъ для своего друга, онъ нашелъ въ глухой части города какую-то пещеру, легъ въ ней и горько плакалъ, пока не заснулъ. Въ эту же пещеру ночью пришло двое воровъ, которые заспорили о чемъ-то, одинъ убилъ другого и скрылся, а Джизиппо, желая покончить съ жизнію, остался при трупѣ и объявилъ себя убійцею. Его привели къ претору и осудили на крестную смерть; но случилось, что Тито вошелъ въ преторію, тотчасъ же узналъ осужденнаго и рѣшился спасти его: онъ взялъ убійство на себя, выставляя на видъ то обстоятельство, что обвиненный — иностранецъ и былъ найденъ при трупѣ безъ всякаго оружія. Преторъ сталъ допрашивать Джизиппо, но тотъ, видя великодушіе Тито, настаивалъ на своей винѣ. Преторъ въ крайнемъ изумленіи хотѣлъ-было оправдать обоихъ, какъ явился настоящій убійца и, тронутый невинностію двухъ великодушныхъ обвиняемыхъ, сознался въ преступленіи. Октавіанъ Августъ, услыша про то, призвалъ всѣхъ трехъ подсудимыхъ къ себѣ и, разобравши въ чемъ дѣло, рѣшилъ освободить не только ихъ въ чемъ неповинныхъ друзей, но ради ихъ дружбы помиловалъ и виноватаго.

Итакъ, главная цѣль автора — превознесеніе высокаго чувства дружбы, всѣ достоинства которой рассказчикъ подробно анализируетъ въ заключеніе своего повѣствованія; но, несмотря на это, новелла не страдаетъ такою отвлеченностію, какъ повѣсть о Натанѣ, потому что историческій костюмъ тутъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати: дѣйствующимъ лицамъ эпохи Августа очень въ лицу краснорѣчіе софизмовъ и разсудительность возвышен-

ныхъ чувствъ. Хотя критика особенно восхваляетъ въ этой новеллѣ умѣнье Боккачіо соблюдать историческую вѣрность, мѣстный колоритъ разсказа, но неудивительно, что писатель, открывавшій поволюніе гуманистовъ, хорошо былъ знакомъ съ приѣмами классической рѣчи и стукѣлъ лицъ, одѣтыхъ въ античный костюмъ, заставитъ говорить по правиламъ риторики. Тутъ его увлекало подражаніе античнымъ образцамъ краснорѣчія, преимущественно латинской литературы, и повѣсть его пропитана идеализмомъ уже не рыцарскимъ, а гуманистическимъ, основаннымъ на изученіи произведеній отжившихъ, вполне оторванныхъ отъ реальной почвы. Понятно поэтому, что достоинства Боккачіева повѣствованія здѣсь слѣдуетъ искать не въ томъ обаяніи художественной правды, которымъ такъ привлекательны его новеллы — анекдоты, а въ томъ преобладаніи риторическаго таланта, которое такъ высоко цѣнилось начинавшимся въ Италіи вѣкомъ возрожденія. Боккачіо во всѣхъ новеллахъ этого дня, а особенно въ повѣсти о Тито и Джизиппо, является строго логическимъ проповѣдникомъ, неуклонно стремящимся доказать, защитить свою идею. Уже по самому содержанію «Натана» можно видѣть, что дѣйствующія лица не могутъ вести тутъ того оживленнаго натуральнаго діалога, какой разсказчикъ съ такимъ неподражаемымъ комизмомъ воспроизводитъ въ новеллахъ другого отдѣла. Здѣсь разговоръ ведется по пунктамъ: одинъ доводъ защищается однимъ, опровергается другимъ; здѣсь идутъ обсужденія извѣстнаго вопроса, съ доказательствами за и противъ него, со всѣми діалектическими ухищреніями разсудочной работы: это, конечно, не вноситъ ни теплоты, ни естественности въ разсказъ; за то всякая мысль раскрывается съ возможною полнотою. Правда, манеру эту можно угадать въ «Декамеронѣ» почти всюду, гдѣ рѣчь не идетъ о будничныхъ предметахъ; болѣею частію чувства выражаются у Боккачіо закругленными благозвучными періодами. Но это вліяніе гуманизма сказывается только во внѣшней формѣ рѣчи, въ ея монотонной періодичности и тутъ, гдѣ краснорѣчіе выдвигается въ защиту извѣстнаго идеала, эти приѣмы риторики не только примѣняются въ самыхъ неограниченныхъ размѣрахъ, но занимаютъ первое мѣсто въ повѣсти. Недаромъ Боккачіо считается образцовымъ ораторомъ и критики рекомендуютъ сравненіе этой новеллы съ сочиненіемъ Цицерона о дружбѣ. Въ самомъ дѣлѣ, гибкость его мысли и изложенія замѣчательна: онъ съ неподражаемымъ мастерствомъ умѣетъ обставить свою главную мысль доводами и доказательствами, выводами и заключеніями, которые развиваются въ цѣльяхъ цѣпи развѣтвленныхъ предложеній,

а затѣмъ выразить эту мысль въ цѣльной, законченной рѣчи, лучшимъ образомъ которой служить оправдательная рѣчь Тито. Разумѣется, краснорѣчіе идеальной тенденціи не замѣняетъ реализма дѣйствія, и повѣсть, такъ высоко цѣнимая современниками, не можетъ теперь не казаться длинною и скучною. Притомъ же и идеализмъ ея глубоко не затрогиваетъ, не проникаетъ собою дѣйствительной жизни. Мы видѣли въ повѣсти о Наталѣ, что рыцарскіе идеалы возникали въ мірѣ фантазій, отвѣчали порывамъ человѣческой мысли, убѣгавшей въ область невыполнимой мечты отъ грустной дѣйствительности. Тотъ же безспорный идеализмъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ пробуждающагося гуманизма, съ его риторической выправкой ума, встрѣчаемъ мы и въ новеллѣ о Тито. Наполняя рассказъ разсужденіями о нравственныхъ вопросахъ, рассказчикъ за тенденціоннымъ резонированіемъ какъ будто не видитъ, что онъ стоитъ на той грубой почвѣ всякихъ «женскихъ» продѣлокъ, какъ и въ новеллахъ исключительно комическаго направленія. Основа интриги, великодушная хитрость друга, не есть ли въ сущности самая грубая «beffa», наглая продѣлка надъ женщиною, которою друзья распорядились какъ вещью? Въ самомъ дѣлѣ, отвиннемъ подкладку самопожертвованія, высокой дружбы, всѣ тѣ софистическія намышленія въ родѣ обвиненія фортуны, которыми оправдывается ораторъ, — и передъ нами голый фактъ лжи и обмана, полнаго неуваженія къ женщинѣ, къ семьѣ. Подъ идеалами благородства и величія души скрывается такая же грубость необузданной страсти, какъ и въ флорентійской повѣсти, а слѣдовательно, и такое же, какъ и тамъ, отсутствіе крѣпкаго семейнаго начала, полное игнорированіе человѣческаго достоинства женщины. Если утонченная сантиментальность рыцарства, его платоническое обожаніе не внушали къ женщинамъ уваженія и легко мирились съ грубымъ взглядомъ на нее средневѣковыхъ повѣствователей, то понятно, что и писатель-гуманистъ, который такъ тонко анализируетъ душевную борьбу своихъ героевъ, такое значеніе придаетъ всѣмъ высокимъ чувствамъ, въ свое время стоитъ вполне на общемъ уровнѣ развитія, когда въ основу знаменитой новеллы кладетъ мысль, что во имя высоко-идеальной дружбы женщиною какъ вещью хозяинъ распоряжается по произволу.

Эту зависимость гениальнаго поэта отъ создавшей его эпохи еще яснѣе можно видѣть въ послѣдней новеллѣ «Декамерона», въ 10-мъ рассказѣ 10-го дня. Это — повѣсть о «кроткой Гризельдѣ», быстро распространившаяся въ европейскихъ литературахъ и почерпнутая авторомъ изъ обще-европейскаго повѣствово-

вательнаго матеріала. Что въѣтъ гуманизма не оскорблялся содержаніемъ разсказа, въ которомъ унижалась женщина во имя деспотической власти мужа, видно изъ того, что «пѣвецъ Лауры» Петрарка, этотъ всемірный литературный авторитетъ своего времени, перевелъ повѣсть на латинскій языкъ, чтобы доставить ей большую извѣстность. Правда, онъ высоко цѣнилъ художественную форму, живой и увлекательный разсказъ, достоинства слога и изложенія, точно такъ же, какъ онъ высоко ставилъ въ этомъ отношеніи описаніе чумы, которымъ отерявается «Декамеронъ»; но, во всякомъ случаѣ, повѣсть, благодаря однимъ внѣшнимъ достоинствамъ, не достигла бы такой популярности, еслибы не соответствовала господствующему воззрѣнію на семью и женщину.

Давно тому назадъ, изъ маркизовъ Салуццкихъ старшимъ въ родѣ былъ одинъ молодой человѣкъ, по имени Гвальтьери. Онъ не имѣлъ ни жены, ни дѣтей и проводилъ все время на охотѣ, нисколько не заботясь о продолженіи своего рода. Вассалы его, между тѣмъ, очень о томъ беспокоились и упрашивали его жениться, но онъ не хотѣлъ, говоря, что очень трудно найти жену съ характеромъ, ему подходящимъ, а безъ этого нѣтъ счастья въ семьѣ. Наконецъ, чтобы никого не винить въ случаѣ неудачнаго выбора, онъ объявилъ, что выберетъ себѣ жену по вкусу, съ тѣмъ только, чтобы ее почитали какъ подобаетъ маркизѣ, что бы она ни была. Вассалы на все согласились, лишь бы только онъ женился. Гвальтьери явилась одна молодая дѣвушка, изъ сосѣднихъ крестьянъ, и, чтобы не искать дальше, онъ рѣшилъ жениться на ней; поговоривши съ ея отцомъ, онъ просилъ вассаловъ быть чрезъ нѣсколько дней готовыми въ свадьбѣ, такъ какъ онъ нашелъ себѣ неvěсту по сердцу. Затѣмъ онъ заказалъ роскошный пиръ, созвалъ множество гостей, приготовилъ большое приданое и въ назначенный для свадьбы день, въ сопровожденіи всѣхъ гостей, направился къ неvěстѣ. Подѣхавши въ деревнѣ къ дому избранной дѣвушки, всѣ увидали, что она ходила за водой и спѣшила идти смотрѣть на свадебный поѣздъ. Гвальтьери одинъ вошелъ въ домъ, и въ присутствіи отца спросилъ дѣвушку, будетъ ли она, если выйдетъ за него замужъ, стараться во всемъ угождать ему, во всемъ слушаться его, не обижаться, что бы онъ ни говорилъ и ни дѣлалъ, и т. п.; на все дѣвушка отвѣчала согласіемъ. Тогда Гвальтьери вывелъ ее къ своимъ провожатымъ, велѣлъ тутъ же раздѣть и затѣмъ во все новое одѣть ее съ ногъ до головы, на непричесанные волосы надѣть его корону, и объявилъ удивленной публикѣ, что она его неvěста. Отпраздновавши такую богатую свадьбу, какъ-

будто женился на дочери французскаго короля, Гвальтьери зажилъ очень счастливо; Гризельда измѣнилась вмѣстѣ съ своимъ положеніемъ: она стала такъ привѣтлива, любезна и умна, какъ будто родилась дочерью самаго высокопоставленнаго лица; по отношенію къ мужу она была какъ нелзя болѣе услужлива и послушна, а къ вассаламъ такъ милостива и добра, что они не могли нахвалиться выборомъ своего господина, которыми сперва были такъ поражены. У Гризельды родилась дочь. Гвальтьери былъ очень радъ, только вздумалъ теперь испытать терпѣніе жены. Онъ сталъ приедиваться сердитымъ и говорилъ, что подданные его очень негодуютъ на его бракъ и на то, что у ней родилась дочь. Гризельда, не мѣняясь ни въ лицѣ, ни въ обращеніи съ нимъ, отвѣчала, что будетъ довольна, какъ бы онъ ни поступилъ съ нею, потому что помнить, что не заслужила такой чести, которою онъ ее удостоилъ. Черезъ нѣкоторое время къ ней вошелъ слуга отъ мужа и объявилъ, что ему приказано отнять у ней ребенка и — дальше онъ не могъ ничего сказать. Видя его опечаленное лицо и вспоминая слова мужа, Гризельда догадалась, что дочку ея хотятъ убить, вынула ее изъ колыбели, поцѣловала, благословила ее и отдала слугѣ, сказавши только, несмотря на все горе, которое испытывала: «возьми, дѣлай, что велѣлъ тебѣ мой и твой господинъ, только не оставляй ее на растерзаніе звѣрямъ и птицамъ — если онъ этого не приказывалъ!» Мужъ не могъ надивиться такому послушанію, отослалъ ребенка къ родственникѣ въ Болонью, велѣлъ хорошенъко воспитать ее, никому не говоря, кто она и откуда. У Гризельды родился сынъ. Мужъ опять ссылается на ропотъ подданныхъ, недовольныхъ теперь будто тѣмъ, что надъ ними будетъ властвовать внукъ крестьянина, — опять отнимаетъ ребенка и отсылаетъ въ Болонью. Жена переноситъ это испытаніе такъ же твердо, какъ и первое. Гвальтьери, зная, какъ горячо любить она дѣтей, не можетъ надивиться ея терпѣнію, тѣмъ болѣе, что всѣ негодуютъ на него, думая, что онъ убилъ дѣтей, а она одна защищаетъ его, говоря, что онъ имѣетъ полное право распоряжаться съ дѣтьми по произволу. Прошло много лѣтъ съ рожденія дѣтей: Гвальтьери подумалъ, наконецъ, что настало время сдѣлать окончательное испытаніе. Онъ объявляетъ всѣмъ, что сожалѣетъ о своемъ бракѣ съ простою крестьянкой: тогда онъ поступилъ опрометчиво, теперь онъ раскаивается, проситъ у папы развода и позволенія жениться на другой. Когда Гризельда услышала, что ей придется вернуться въ домъ отца и опять пасти овецъ, а другая женщина замѣ-

нить ее при нѣжно-любимомъ мужѣ, — она сильно опечалилась, но рѣшила выдержать и это горе такъ же мужественно, какъ разлуку съ дѣтьми. Потому, когда Гвальтьери показалъ ей поддѣльную бумагу о разводѣ и сказалъ, что онъ хочетъ выбрать жену равную себѣ, а она можетъ взять приданое, которое принесла, и вернуться къ отцу, Гризельда сдержала слезы и отвѣчала, что всегда помнила свое происхожденіе, знала, что мужъ далъ ей положеніе въ обществѣ, — онъ же воленъ и отнять его. Она уходитъ изъ дому мужа безо всякой одежды, такъ какъ въ приданое она ничего не принесла съ собою, и только выпрашиваетъ у Гвальтьери, какъ мать его дѣтей, одну рубашку, чтобъ дойти до дому отца. Но и этого испытанія было мало. Когда Гризельда вернулась къ своей прежней жизни, Гвальтьери велѣлъ ей придти къ нему и приготовить въ домѣ все нужное для свадьбы; она должна была позвать гостей и, какъ хозяйка, принять неvěсту. Горько было бѣдной женщинѣ, но она тщательно все исполнила и любезно принимала гостей въ своемъ крестьянскомъ нарядѣ, — Гвальтьери не дозволилъ ей и на этотъ разъ надѣть его платье. А между тѣмъ привезли изъ Болоньи дѣтей Гризельды; дѣвочекъ-красавицъ было лѣтъ 12, а мальчику лѣтъ 7. Гвальтьери дочь свою выдавалъ за знатную, ожидаемую имъ неvěсту и она торжественно была введена въ его домъ. Гризельда ласково приняла ее, всѣ любовались красотой неvěсты, а Гризельда хвалила ее больше всѣхъ. Тутъ только вполнѣ убѣдился Гвальтьери въ покорности жены и нашелъ, что настало время вознаградить ее за всѣ испытанія. Подозвавши ее, онъ спросилъ, какъ ей нравится его неvěста. Она отвѣчала, что очень нравится, и просила его не подвергать ее тѣмъ оскорбленіямъ, которыя испытывала первая жена, потому что эта еще очень молода и воспитана иначе, чѣмъ та, которая съ молоду привыкла ко всякимъ лишеніямъ. Гвальтьери, видя, что обманъ его хорошо сыгранъ, посадилъ ее рядомъ съ собою, объяснилъ ей, какъ онъ доволенъ ея поведеніемъ, примѣрнымъ для всѣхъ женъ, и представилъ ей дѣтей, которыхъ она считала погибшими. Съ этой поры они зажили въ полномъ счастьи и довольствѣ.

Къ чему же, спрашивается, надо автору описывать это возмутительное систематическое терзаніе женскаго сердца? эти страданія, вызываемыя однимъ капризомъ и въ сущности ничѣмъ не вознаграждаемыя? Разсказчикъ самъ называетъ образъ дѣйствія Гвальтьери *matta bestialita* — безумнымъ звѣрствомъ; но онъ имѣетъ тутъ цѣлью создать идеалъ примѣрной жены, идеалъ всепрощающей кротости, и при этомъ невольно связывается, что

мужъ — властелинъ надъ женою, какъ надъ безответной рабой. И здѣсь, слѣдовательно, изъ-за высокаго идеала добродѣтели глядитъ грубый реализмъ тогдашней жизни. Обрабатывая сюжетъ, уже жившій въ народной фантазій, Боккаччо и образъ женщины рисовалъ вполне соответствовавшій современному міровоззрѣнію; а образованная Европа, умиляясь передъ идеаломъ и наслаждаясь латинскимъ пересказомъ изящной повѣсти, какъ-бы не видала той унижительной роли, какую въ ней играла жена и мать семьи; гуманисты, въ лицѣ самого Петрарки, соглашались съ тѣмъ взглядомъ на женщину, который выработался въ эпоху мало-развитой общественности. Неудивительно, если и Боккаччо, посвящая женщинамъ свой сборникъ фривольныхъ рассказовъ, стоялъ вполне на точкѣ зрѣнія того народа, изъ первобытнаго творчества котораго онъ черпалъ эти рассказы. Какъ близокъ «Декамеронъ» къ этому источнику, мы уже видѣли на 7-мъ днѣ, на тѣмъ женской злобы и хитрости; въ повѣсти о Гризельдѣ Боккаччо имѣлъ дѣло съ сюжетомъ также издавна близкимъ народу. Критики «Декамерона», указывая на спутанность свидѣтельствъ о происхожденіи этой новеллы, предполагаютъ, что въ основѣ ея лежитъ истинное событіе, сохраненное народными преданіями; въ французскихъ фаблю существуетъ точно такой же рассказъ о «Griselidis», но его первый источникъ неизвѣстенъ; загѣмъ наша извѣстная сказка — «Дочь пастуха» (Аванасьева, «Русск. народн. сказки», III, 206) описываетъ — въ сокращенной формѣ, но во всѣхъ перипетіяхъ сходную съ Гризельдой — судьбу крестьянки замужемъ за царемъ. Наконецъ, Петрарка писалъ Боккаччо, по прочтеніи этой новеллы, что онъ раньше слышалъ о Гризельдѣ и ея судьбѣ; очевидно, что это — сюжетъ давно знакомый народному уму: если тѣмъ невинно угнетаемой женщины — падчерицы, оклеветанной жены — породила множество сюжетовъ въ народной литературѣ, начиная съ легенды о Женевиѣвѣ и кончая волшебной сказкой о Сандрильонѣ, то нельзя ли къ этому цѣлу сказаній о женской кротости и терпѣливости, — сказаній, ведущихъ свое начало изъ древнихъ источниковъ космогоническаго міра, отнести происхожденіе и этого сюжета Боккаччевой новеллы? Иначе трудно объяснить его огромную распространенность: трудно предположить, чтобъ онъ сталъ извѣстенъ во всей Европѣ, благодаря Боккаччевой обработкѣ; новелла должна была вызывать давно жившее въ памяти народа представленіе вротвой, безропотной жены, настолько же близкой ему, насколько извѣстенъ въ народныхъ сказкахъ идеалъ злой жены, жены упрямой спорщицы. Не удивительно потому, что

новелла быстро приобрѣла популярность: уже въ XIV-мъ вѣкѣ во Франціи насчитываютъ до 20 редакцій этого разсказа; затѣмъ она появилась и на французской сценѣ, и въ 1548 году была напечатана, подъ заглавіемъ: «Mystère de Grisélidis». Въ Англіи Чоусеръ перевелъ ее въ своихъ «Канторберійскихъ сказкахъ», въ разсказѣ Клерка, оксфордскаго студента. Въ Италіи она 6 разъ передѣлывалась на драмы.

Такимъ образомъ, въ послѣднемъ дѣѣ разсказовъ, Боккаціо хотя и проводитъ идеалы, чуждые дѣйствительнаго быта, но остается вѣрнѣе первоначальнымъ основамъ того повѣствованія, которое породило итальянскую новеллу. Несмотря на искусственный идеализмъ, онъ и тутъ долженъ пользоваться тѣмъ отдѣломъ обще-европейскаго средневѣковаго матеріала, который опредѣляется самымъ терминомъ «пюво», «novella», и ему онъ придаетъ образцовую художественную форму. Въ непередаваемой гармоніи внутренняго содержанія и внѣшней формы заключается неумирающее значеніе всякаго истинно-высокаго произведенія искусства, заключается и значеніе сборника фривольныхъ сказокъ, «Декамерона», одѣвающего разнообразныя проявленія современной ему мысли формою изящнаго разсказа.

Х.

Мы видѣли, въ чемъ заключается характерное содержаніе многихъ новеллъ «Декамерона», — посмотримъ теперь, какія художественныя особенности повѣсти оно вызвало. Для это вернемся нѣсколько назадъ и окинемъ общимъ взглядомъ тѣ десять отдѣловъ, на которые распадается «Декамеронъ». — Геніальный художникъ создаетъ новую форму для литературнаго матеріала, издревле созданнаго первобытнымъ творчествомъ народа и разсѣяннаго по всей средневѣковой Европѣ: его новелла представляетъ собою художественное завершеніе тѣхъ произведеній народнаго ума, которыя имѣютъ разныя названія: сказки, странствующаго разсказа, повѣсти, анекдота, загадки. Этотъ отдѣлъ повѣствованія имѣетъ предметомъ реальный конкретный фактъ дѣйствительности, вымысла или преданія: онъ не задается никакими идеальными цѣлями, вѣрнѣе — не имѣетъ никакого отношенія ни къ религіознымъ, ни къ героически-воинственнымъ настроеніямъ народа. Отъ этого роль подобнаго повѣствованія въ общемъ вліяніи словеснаго искусства на народный умъ — совершенно второстепенная: повѣсть-сказка не уноситъ мысли отъ

земли, не возвышаетъ помысловъ и желаній въ душѣ человѣка, не двигаетъ его къ совершенію подвига, въ достиженію высокаго идеала; она довольствуется тѣмъ, что забавляетъ, тѣшитъ фантазію художественными представленіями; она вызываетъ извѣстную работу мысли, представляя уму загадку, остроумное словцо (въ анекдотѣ), мѣткое замѣчаніе или (въ болѣе развитомъ повѣствованіи-сказкѣ, рассказѣ) загадочное, выдающееся, не совсѣмъ обыкновенное приключеніе, или (въ анекдотическомъ рассказѣ) догадливость, находчивость на дѣлѣ, остроумную продѣлку, ловкій обманъ. Если подобныя задачи литературнаго произведенія можно называть «комическими», то цѣль новеллы и есть комизмъ, — но, разумѣется, въ самомъ обширномъ значеніи слова. Комизмъ ведетъ за собою и реальность въ изображеніи предметовъ. Вотъ почему новелла, сообразно съ цѣлями первобытнаго повѣствованія, вырастаетъ и совершенствуется на почвѣ реализма, подъ часъ столь же грубо-циническаго реализма, какъ циниченъ примитивный комизмъ, какъ грубы и нравственные понятія молодого общества.

Итакъ, реализмомъ должна быть отмѣчена та повѣсть-сказка, повѣсть-анекдотъ, которая, воссоздавая конкретную сторону жизни, *опытнѣе* проявленія жизненныхъ отношеній, рассказываетъ все, что *ново*, изумительно и необычайно. Такой реалистическій характеръ лежитъ уже въ самомъ терминѣ «Novella», какъ онъ употребляется въ первомъ сборникѣ итальянскихъ новеллъ. Реализмомъ отмѣчена художественная повѣсть, созданная гениальнымъ рассказчикомъ, реализмомъ проникнуто все содержаніе, всѣ основные элементы сказаза въ «Декамеронѣ».

Мы видѣли, что тема, преобладающая въ флорентійской повѣсти, носить характеръ вполне буржуазный, *городской*. Главный ея предметъ — тонкость, остроуміе, въ чемъ бы оно ни проявлялось: въ ловкости ли обмана, мошенничества, преступленія, какъ во 2-омъ днѣ рассказовъ — о счастливо-окончившихся приключеніяхъ; какъ въ 3-емъ — о побѣжденныхъ препятствіяхъ въ достиженіи цѣли; какъ въ 7-мъ, 8-мъ и отчасти 9-омъ — объ обманахъ и насмѣшкахъ въ области семейныхъ и любовныхъ отношеній; или въ взобрѣтательности насмѣшливыхъ шутокъ, шалостей, проказъ и болѣе или менѣе невинныхъ продѣлокъ, какъ мы видѣли образцы въ 1-омъ, 2-омъ, 8-омъ и 9-омъ днѣ «Декамерона»; наконецъ, въ силѣ и мѣткости отдѣльныхъ замѣчаній, отвѣтовъ, тѣхъ «bons mots», которыми исключительно посвященъ весь 6-ой день и большая часть новеллъ 1-го дня. Обильный матеріалъ этотъ давался новеллистѣ фантазіею его народа: если

въ «Декамеронѣ», особенно въ отдѣлѣ этихъ сюжетовъ, обыкновенно указываютъ на заимствованія изъ фаблю, изъ этихъ или иныхъ сборниковъ повѣствованія, то гораздо удобнѣе тутъ предположить прямое пользованіе не этими источниками, — флорентинецъ могъ быть вовсе незнакомъ съ вольными произведеніями французскихъ рассказчиковъ, съ тѣми остро-анекдотическими мотивами, которыми богата память народа и которые одинаково сказались, какъ въ сѣверной германской сказкѣ, какъ у автора фаблю, такъ и у итальянскаго новеллиста. Это содержаніе, вытекавшее изъ самыхъ основныхъ потребностей народной мысли, затрогивало и тѣ близкіе народу вопросы, которые сопрягаются съ его ежедневнымъ существованіемъ, поддерживаются всѣмъ вольнымъ бытомъ небольшой городской общины. Мы видѣли, въ чемъ состоялъ *реализмъ* въ обработкѣ этого матеріала: мы видѣли, какъ для будничной тѣмы ловаго мошенничества или смѣшной продѣлки, авторъ могъ брать черты окружавшей его дѣйствительности; какъ для повѣсти, ведущей свое происхожденіе изъ далекой старины, характеры и типы онъ списывалъ прямо съ природы. Мы видѣли, какая полнота, яркость и рельефность картины, какія художественныя достоинства новеллы зависѣли отъ этой непосредственной близости ея къ жизни народа. Эта близость обуславливала и ея темныя стороны—ея цинизмъ, отражавшій всю грубость общественныхъ нравовъ. Такимъ образомъ, если новелла требовала, съ одной стороны, извѣстнаго художественнаго матеріала, который былъ у всей Европы, а съ другой стороны—той среды, гдѣ бы этотъ матеріалъ служилъ выраженіемъ господствующаго въ обществѣ настроенія, то понятно, почему новелла родилась въ Италіи, у народа, носившаго еще въ себѣ черты *римскаго* характера; у латинской расы, не создавшей цѣльной, величественной эпопеи; среди городскихъ общинъ, не знавшихъ надъ собою феодальной власти, рыцарскихъ правъ; въ той торговой республикѣ, которая рано прославилась своимъ дипломатическимъ, тонко-насмѣшливымъ умомъ.

Такое же участіе въ «Декамеронѣ» народной жизни, видимъ мы и въ другихъ элементахъ его содержанія. Всѣ рассказчики всѣхъ временъ и народовъ знаютъ благодарную тѣму *любовныхъ исторій*; ей Боккачіо посвящаетъ два дня рассказовъ. И въ нихъ онъ вполне остается вѣренъ своимъ первымъ источникамъ: сюжеты его трагическихъ новеллъ хранятся въ народныхъ преданіяхъ, въ мѣстныхъ сказаніяхъ; онъ вѣренъ и духу своего времени: какъ исторію женской невѣрности, грязной продѣлки, онъ могъ воссоздавать вполне реально, сообразуя комическія

цѣли съ грубостью существующихъ нравовъ; такъ точно, рисуя сильные аффекты, неумѣренные проявленія страсти, онъ видѣлъ и въ дѣйствительности ту молодость физическихъ силъ, страстность темперамента, которую исторія указываетъ намъ не только въ XIV-мъ, но и въ позднѣйшихъ столѣтіяхъ. Оттого любовь въ «Декамеронѣ», т.-е. въ тѣхъ новеллахъ его, гдѣ она заслуживаетъ названіе сердечнаго чувства, любовь рисуется крайне цѣльной, несложной страстью, всѣ затрудненія которой рѣшаются смертью, или устраняются оборотомъ фортуны. Являясь здоровымъ психическимъ процессомъ, не допуская никакихъ внутреннихъ осложнений, любовь эта не можетъ, какъ въ нашихъ романахъ, наполнять собою содержаніе разсказа, не можетъ сама по себѣ придать интересъ и разнообразіе интригѣ, особенно когда завершается благополучнымъ исходомъ. Потому разсказчику нужно было въ любовную исторію вводить чисто внѣшнія, постороннія чувства, *приключенія*; а тутъ ему опять помогала народная фантазія, давая ему сказочные вымыслы.

Ихъ мы находимъ во второмъ и пятомъ днѣ разсказовъ. Эти приключенія—игра случая, нечаянность судьбы, похищенія на морѣ и на сушѣ, у разбойниковъ и корсаровъ, у сарацинъ и при дворѣ восточныхъ султановъ. Тутъ въ новеллѣ дѣйствуютъ излюбленныя народной сказкой мотивы, описывающіе судьбу угнетенной невинности, оклеветанной жены царедворца, впавшаго въ немилость. Тутъ дѣйствуютъ и мотивы поздне-греческой беллетристики, претворенные и усвоенные средневѣковыми народами. Составляя или всю основу новеллы, какъ въ разсказахъ о счастливо-окончившихся приключеніяхъ, или вводя въ любовную исторію, какъ второстепенный ея мотивъ, ради разнообразія и интереса, и этотъ элементъ разсказа имѣетъ несомнѣнно реальное происхожденіе, зиждется на народномъ опытѣ, сохраняющемъ память о разныхъ перипетіяхъ, какъ дальняго пути, такъ и войны съ далекими племенами. Такъ какъ эта область народныхъ вымысловъ близко соприкасалась съ любовной повѣстью, то тутъ новеллистѣ не приходилось вовсе затрогивать нравственной стороны человѣческихъ отношеній, вдаваться въ анализъ ихъ душевной жизни; точно также и въ области городскихъ сюжетовъ, гдѣ «*beffa*», насмѣшка составляетъ основу разсказа, новеллистъ какъ-будто игнорируетъ законы нравственности, радуясь торжеству остроумія; онъ списываетъ съ дѣйствительности, не задаваясь никакими идеалами. Но и въ «Декамеронѣ» она чувствуетъ потребность выставить, наконецъ, какой-нибудь идеалъ, провести мораль, хотя бы и не ту церковно-аскетическую мораль

среднихъ вѣновъ, краснорѣчивымъ протестомъ противъ которой являлась бойко-насмѣшливая новелла. И вотъ въ послѣднемъ отдѣлѣ сборника, въ рассказахъ на тему щедрости и великодушія, Боккачіо выше чувственной страсти, выше произвола, выше остроумія прославляетъ тѣ высокія чувства, которыя стоятъ во главѣ рыцарскаго кодекса морали. На содержаніи всѣхъ новеллъ 10-го дня мы имѣли возможность убѣдиться, какъ отвлеченны и прозрачны были тѣ высокіе идеалы, изъ-за которыхъ глядѣла современная жизнь. Мы видѣли, что *эти* нравственныя чувства не могли вылиться въ такой же ясной и цѣльной формѣ, какъ болѣе реальныя сюжеты: автору потребовалась риторика, краснорѣчіе, потому что какъ только въ идеальной новеллѣ выступалъ реальный фактъ, такъ онъ расходился, если не съ идеализмомъ автора, то съ общечеловѣческой нравственностью; вспомнимъ самопожертвованіе Натана во имя гостепріимства, обманъ Софронія во имя высокой дружбы; рассказчику голый фактъ вѣроломства приходилось защищать помощью искусственно-риторическихъ построеній, потому что идеалы его возникали въ фантастической сферѣ рыцарскихъ и гуманистическихъ мечтаній. Не проникая въ жизнь, не находя въ ней законнаго себѣ примѣненія, идеалы эти и въ поэзіи не выразились никакимъ воплощеньемъ художественнымъ произведеніемъ. Поэтому новелла, воплощая ихъ, покидаетъ реальную почву, и теряетъ тѣ художественныя достоинства, которыя обуславливаютъ значеніе «Декамерона» въ европейской литературѣ. Тамъ, гдѣ авторъ довольствуется художественнымъ, разумѣется, не чуждымъ идеализаціи—воспроизведеніемъ жизни, тамъ его главный предметъ, его первая забота *опытія событія*, конкретныя факты, которые онъ и воссоздаетъ съ неподражаемымъ мастерствомъ. Но разъ онъ вдается, какъ въ 10-мъ днѣ рассказовъ, во внутреннюю исторію челоуѣка, касается его душевной жизни, онъ хотя и оказывается часто великимъ знаткомъ нашей природы, но въ цѣломъ фальшивитъ: онъ вноситъ разсудочную дѣятельность въ дѣло чувства и страсти и потому является не непосредственнымъ художникомъ, а риторически-краснорѣчивымъ проповѣдникомъ устарѣвшаго идеализма.

Итакъ, содержаніе Боккачіевой повѣсти сводится, собственно говоря, къ очень немногимъ темамъ. Это, во-первыхъ, *городскіе* сюжеты съ преобладаніемъ ловкости и всяческаго остроумія; затѣмъ *любовныя* исторіи съ изобиліемъ внѣшнихъ приключеній; *сказочныя* похожденія на морѣ и на сушѣ, и, наконецъ, воплощенія *рыцарской* доблести. Рисуя въ этихъ немногочисленныхъ темахъ всякія житейскія отношенія, Боккачіо выводитъ въ «Де-

камеронѣ» множество самыхъ разнообразныхъ сословій, положеній, типовъ, характеровъ, яркіе образы которыхъ проникнуты неподдѣльною правдивостію. Въ этомъ воспроизведеніи жизни новеллистъ держался яснаго и иногда черезъ-чуръ широкаго взгляда на вещи. Не омраченный никакими предубѣжденіями, предвзятыми цѣлями, насмѣшливый рассказчикъ видѣлъ и темныя, грустныя стороны окружавшей его дѣйствительности; а обличеніе этихъ сторонъ выходило тѣмъ ярче и сильнѣе, чѣмъ меньше въ немъ было преднамѣренной сатиры; въ изображеніи жизни онъ руководствовался непосредственнымъ знакомствомъ съ нею, тѣми наблюденіями, которыя въ душѣ поэта принимаютъ форму опредѣленныхъ художественныхъ образовъ. Раздѣляя всѣ настроенія своего времени, онъ искренно выражалъ ихъ, нигдѣ не подводя ихъ насильственно подъ какія-либо чуждыя имъ соображенія и желанія. Рассказывалъ ли онъ за быль древнее, еще быть можетъ мѣстическое, равеннское преданіе о наказаніи гордой женщины за ея недоступность въ любви, онъ не имѣлъ въ виду никакого закона нравственнаго или семейнаго; его интересовалъ краснорѣчивый фактъ самъ по себѣ, какъ мысль жестокаго наказанія за жестокость причиненныхъ любовью страданій; а тотъ Дантовскій образъ, которымъ воображеніе эпохи одѣло эту мысль, явился у рассказчика непринужденно, какъ воплощеніе извѣстнаго настроенія въ обществѣ, но не какъ иллюстрація какаго-либо правила или закона. Рассказывалъ ли онъ продѣли чувственнаго духовенства, обличеніе лежало внѣ его прямыхъ цѣлей: интрига существовала для рассказчика только изъ-за своей комической стороны. Правда, въ послѣднемъ отдѣлѣ «Декамерона» Боккачіо выставляетъ извѣстные нравственные идеалы, но они оказались блѣдны и слабы въ сравненіи съ идеалами, ставившими успѣхъ, торжество ума выше религіозно-нравственныхъ интересовъ.

Это отсутствіе тѣсно ограниченнаго идеала, широта взгляда, дѣлаютъ Боккачіо однимъ изъ первыхъ людей новаго времени, снявшихъ оковы средневѣковаго міросозерцанія съ вольной мысли человѣчества. Какъ родоначальникъ въ наукѣ того движенія мысли, которое подготовило реформацію, Боккачіо въ «Декамеронѣ» даетъ намъ самую вѣрную картину своей эпохи, со всею искренностью воспроизводя все, что жило въ фантазіи народа. Выстъ съ тѣмъ эта широта взгляда, непосредственность и непринужденность наблюденія, не только придаютъ «Декамерону» цѣнность историческаго памятника, но обусловили и его художественное значеніе. Воссозданіе прошлой жизни, какъ бы далека эта жизнь ни была — проникнута ли она чуждымъ намъ духомъ эллинскаго

міра или средневѣковой общины, — только тогда будетъ полно для насъ живого интереса, когда подѣ историческимъ костюмомъ авторъ укажетъ намъ природу, общую всему человѣчеству. А въ тѣхъ новеллахъ «Декамерона» — и ихъ можно насчитать не мало, — гдѣ насъ не отталкиваетъ ни ихъ цинизмъ, ни плоскость устарѣлаго остроумія, рассказъ Боккаччо всегда интересенъ, всегда дѣйствуетъ всѣмъ обаяніемъ истинной поэзіи. Намъ становятся близки и понятны, дороги, какъ живые, хорошо знакомые люди, герои его повѣстей; для насъ дышать полной живнью и веселій монахъ-краснобай, и напыщенный ученостью и талантами, хвастливый и любопытный д-ръ Симоне, и всему вѣрающій, безконечно-глупый Каландрино. Давно исчезла та жизнь, сошла съ исторической сцены та эпоха, которая производила этихъ людей, и мы стали въ нихъ цѣнить не столько ихъ вѣрность своей эпохѣ, сколько вѣрность нашей обще-человѣческой природѣ. Въ «Декамеронѣ» мы имѣемъ наглядный примѣръ того, какъ создаются въ поэзіи живыя лица, какъ выборомъ немногихъ чертъ дѣйствительности выясняется типичная ситуація, рельефно выдѣляются очертанія предметовъ, — какъ не старѣютъ приемы поэтическаго творчества. Поэтому «Декамеронъ», хотя и воспроизводитъ жизнь давно пережитую, отдѣленную отъ насъ цѣлыми вѣками, никогда не теряетъ своей цѣнности какъ картина, списанная съ природы рукою великаго мастера. Конечно, тѣ темы, которыми довольствовался XIV вѣкъ, немислимы для повѣствователя нашихъ дней; но что бы ни бралъ онъ предметомъ художественнаго разсказа, всегда «Декамеронъ» будетъ для него высокимъ образцомъ, потому что повѣствованіе только тогда поэтически дѣйствуетъ на человѣка, глубоко затрогиваетъ мысль и чувство, когда одѣто той художественной формой, которая у Боккаччо доведена до совершенства. Его повѣсть содержитъ въ себѣ, если взглянемъ ближе въ ея построеніе, непреложные законы всякаго повѣствованія. Въ чемъ сказались эти законы, не трудно уяснить себѣ, разъ мы знаемъ содержаніе новеллы. Мы видѣли, что было цѣлью, твердо преслѣдуемою авторомъ во всемъ сборникѣ: — обращаясь къ одной фантазіи своей публики, рассказчикъ представлялъ ей только то, что было *ново* во всемъ широкомъ значеніи этого слова у итальянцевъ; все, что было оригинально, необычайно, интересно по остроумію или рѣдкости. Мы видѣли, что это *новое* лежало во *внѣшнихъ* обстоятельствахъ жизни, что новеллистъ рѣдко заглядывалъ въ тотъ глубокий міръ душевной и умственной жизни, который въ наше время поглощаетъ все вниманіе поэта. Затѣмъ это *новое* заключалось или въ событія,

или въ отдѣльныхъ словахъ, отвѣтахъ и т. п.; въ первомъ случаѣ новелла приближалась къ сказкѣ, во второмъ — къ анекдоту; но и въ новеллѣ-сказкѣ преобладать анекдотическій характеръ: описываемое событіе вызывалось преимущественно остроумными замислами обмана и насмѣшки; если въ новеллѣ-сказкѣ не дѣйствовала сердечная страсть, то въ ней огромную роль играла «beffa», — огромную сравнительно съ сказочнымъ мотивомъ тѣхъ случайностей, которыя не зависятъ отъ мысли и воли человѣка. А такое преобладаніе анекдотическаго содержанія, эти опредѣленные, тѣсно ограниченные сюжеты обусловили и законченность внѣшней формы.

Ту же *цѣльность и ясность плана* наблюдаемъ мы и въ новеллахъ на любовныя тѣмы: мы видѣли, что въ нихъ рассказчика интересовало не столько самое чувство, сколько тѣ внѣшнія событія, которыми оно обставлялось; въ романтическую исторію рассказчикъ не вносилъ ничего личнаго, субъективнаго, не задавался никакими вопросами соціального или психологическаго свойства: его интересовало любовное приключеніе только необыкновенною, *новой* своею стороною. Бралъ ли онъ сюжетомъ несчастную любовь, трагизмъ которой заключается въ неравенствѣ общественныхъ положеній, онъ нисколько не касался «гражданскаго» мотива, соціальныхъ или нравственныхъ результатовъ разсказа: онъ цѣнилъ тотъ драматическій конфликтъ страстей, тѣ внѣшнія обстоятельства сюжета, которыя вполнѣдствіи ихъ новеллы о Гвискардо и Гисмондѣ (1-ая нов. 4-го дня) сдѣлали удобную фабулу многочисленныхъ трагедій. Если наши повѣствователи дѣлають въ романѣ или повѣсти сердечное чувство основой фабулы, то мы знаемъ, что любовь нужна тутъ, чтобы дать наиболѣе полную и вѣрную картину душевной жизни какъ у отдѣльныхъ единицъ, такъ и у цѣлаго общества. Нашъ гбѣ критики, самонаблюденія и экспериментальнаго метода, и въ литературѣ ищетъ точнаго воспроизведенія душевныхъ процессовъ, если не разрѣшенія, то художественнаго объясненія вопросовъ, возникающихъ въ сложныхъ движеніяхъ чувства и мысли. Въ вѣбѣ Боккачіо страсть не имѣла такого сложнаго характера, не видоизмѣнялась до неузнаваемости по индивидуальностямъ; любовь являлась цѣльнымъ, здоровымъ чувствомъ, не знавшимъ разнообразныхъ запутанныхъ комбинацій. Въ томъ романтическомъ приключеніи, гдѣ страсть властвуетъ безраздѣльно, заглушая всѣ желанія и помысленія, вызывая трагическій исходъ своимъ неудержимымъ пыломъ, тамъ, естественно, не можетъ быть внутренней исторіи чувства: умираетъ ли герой отъ наплыва силъ-

наго горя, отъ отчаянной, безнадежной любви, кончаетъ ли героиня самоубійствомъ при бездыханномъ трупѣ своего милаго, — всюду мы видимъ одно и то же простое, ничѣмъ не осложненное молодое чувство. Не зная внутреннего разнообразія, любовная исторія тогда только могла быть предметомъ новеллы, когда ознаменовывалась новымъ событіемъ, когда въ основѣ ея лежалъ опредѣленный фактъ, подъ-часъ невозможный и невѣроятный.

И это фактически-анекдотическое зерно, лежащее въ основѣ каждой новеллы, образовало тотъ крѣпкій остовъ, который писатель облекалъ плотью и кровью, создавая цѣльный живой организмъ художественнаго разсказа. Отыскать этотъ крѣпкій остовъ, опредѣляющій рѣзко-очерченную фязіономію новеллы, не трудно: онъ дается самымъ заглавіемъ. Итальянская повѣсть не озаглавлилась, какъ наша, однимъ именемъ или двумя-тремя словами; обыкновенно въ заглавіи приводилось все содержаніе, напримѣръ (Nov. VIII 2-го дня): «Графъ Антверпенскій, будучи оклеветанъ, уходитъ въ изгнаніе и оставляетъ двухъ сыновей въ разныхъ мѣстахъ Англіи; возвратившись инкогнито изъ Ирландіи, находитъ ихъ благоденствующими; отправляется оруженосцемъ въ войско французскаго короля и, когда доказана его невинность, возвращается въ прежнее положеніе». Или (Nov. VII 4-го дня): «Симона любитъ Пасквино; находятся вмѣстѣ въ саду; Пасквино беретъ въ ротъ листъ шалфея и умираетъ; Симона взята подъ судъ и, желая показать судѣ, отчего умеръ Пасквино, беретъ въ ротъ такой же листъ и такъ же умираетъ». Понятно, что сюжетъ, который своими общими чертами можетъ быть переданъ въ немногихъ словахъ заглавія, непременно поведетъ за собою стройность размѣровъ въ новеллѣ. А это достоинство внѣшняго построенія можно найти даже въ томъ отдѣлѣ «Декамерона», гдѣ изобилуетъ краснорѣчіе: въ 10-мъ днѣ, въ длинной исторіи о *щедрости Натана* и то чувствуется, несмотря на массу діалектическихъ разсужденій и описаній чувствъ, опредѣленная фактическая подкладка: зерно пространнаго разсказа — въ попыткѣ молодого человѣка убить старика и въ самопожертвованіи послѣдняго.

Этотъ крѣпкій остовъ вызывалъ, въ свою очередь, и *эмически объективный* тонъ повѣствованія. Если рассказывая «исторію» художникъ не заботился ни о постановкѣ характеровъ, ни объ этюдѣ надъ замѣчательнымъ типомъ, ни о характеристикѣ нравовъ; если онъ старался заинтересовать публику точнымъ описаніемъ выдающагося случая внѣшней жизни, во всей ясности возстановить этотъ случай въ фантазій читателя, — онъ могъ раз-

сказать свой вести медленно, не торопясь. Надо ли ему приготовить слушателей къ поразительно-находчивому отвѣту, или привести къ благополучному исходу приключенія юноши, ободеннаго хитрой красавицей, онъ можетъ спокойно, по-долгу вырывать всякую мелочь, способствующую ясности и полнотѣ картины: онъ знаетъ, что планъ его намѣченъ въ самомъ сюжетѣ, канва дается ему фактически-анекдотическими рамками; и сколько бы онъ ни развивалъ содержанія этихъ рамокъ, рассказъ его всегда будетъ отличаться не только ясностью, но и сжатостью. Конечно, эпическій тонъ давался и отношеніемъ рассказчика къ своему сюжету: мы видѣли, что онъ мало интересовался результатами своихъ новеллъ; оставаясь вполнѣ индифферентнымъ къ нравственному значенію рассказа, новеллистъ не касался никакой злобы дня, никакой личной мысли; его обличеніе не подчинилось никакому предвзятому убѣжденію; смѣясь надъ духовенствомъ, онъ воспроизводилъ, что было *ново*, слѣдовательно—комично. Поэтому онъ вносилъ въ рассказъ только то, что способствовало или рельефности описываемой ситуаціи, или силѣ и успѣху сказаннаго слова, сыгранной шутки. Беретъ ли онъ сюжетомъ отвѣтъ хлѣбника Чисти слугѣ, посланному съ большой бутылкой, чтобы острога имѣла смыслъ и силу для слушателей, ему прежде всего необходимо характеризовать главнаго героя, хлѣбника; и вотъ, онъ тщательно описываетъ всѣ мельчайшія обстоятельства, вызывающія знакомство дворянина съ хлѣбникомъ, пространно рассказываетъ и то, что вызываетъ отвѣтъ, главную цѣль повѣсти; но, несмотря на детальность, рассказъ его быстро движется впередъ, потому что все въ немъ сводится къ общей характеристикѣ героя, въ которой находчивый отвѣтъ является какъ-бы главною и рѣшительною чертою. Хочетъ ли рассказчикъ въ новеллѣ о Гвидо Кавальканти напомнить слушателямъ древнюю истину, что дураки и невѣжды—тѣ же мертвецы,—онъ долго остановится на описаніи веселой жизни извѣстнаго кружка, подробно обрисуетъ ситуацію, встрѣчу, вызвавшую умную дерзость; а между тѣмъ, анекдотъ, рассказанный такъ обстоятельно, живетъ въ памяти читателя, какъ анекдотъ, т.-е. какъ нѣчто мѣтко и кратко сказанное; рассказъ представляется намъ сжатымъ потому только, что всѣ подробности и детали въ немъ влоняются въ полнотѣ картины, слѣдовательно и въ силѣ остроумнаго отвѣта.

Такимъ образомъ, анекдотическая цѣль рассказа вызвала и то качество новеллы, которое мы назовемъ *драматическою* живостью изложенія. Благодаря тому, что главный предметъ ея—

фактъ, дѣйствіе, совершающееся въ опредѣленный срокъ, каждая новелла представляетъ собою законченную драму, въ которой можно указать экспозицію, узелъ и развязку. Авторъ отбѣняетъ ту или другую черту въ характерѣ героя для того только, чтобъ выяснитъ дѣйствіе, подвинуть рассказъ впередъ; отсюда и правильность отношеній между характеристиками дѣйствующихъ лицъ и веденіемъ самаго дѣйствія. Въ нашихъ современныхъ романахъ, повѣстяхъ и рассказахъ въ большинствѣ случаевъ дѣйствующее лицо описывается въ ущербъ живости дѣйствія; а новеллистъ не интересовался своимъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ типичнымъ явленіемъ, не изучалъ его какъ продуктъ извѣстныхъ жизненныхъ условій; оно ему было нужно, чтобъ воскресить въ фантазіи публики то *новое*, что служить предметомъ повѣсти. Отъ этого характеристика героевъ производится уже самымъ постепеннымъ веденіемъ дѣйствія, авторъ всегда тщательно мотивируетъ всѣ движенія и поступки лица: рассказываетъ ли онъ, какъ Каландрино ѣдиль соль въ свинью и былъ обманутъ товарищами, или какъ онъ искалъ волшебный камень Элиотропію, — новеллистъ для ясности картины не упуститъ ни одной причины, ни одного побужденія, заставившаго его героя сдѣлать то или другое, и этими мелкими поступками онъ пластично выдѣлитъ данную личность. Надо ли ему показать, какъ насмѣшники провели глупца, онъ рядомъ послѣдовательныхъ фактовъ выставитъ на видъ всю глупость челоуѣка, и эти мелкіе факты, характеризующіе личность, точнѣе мотивируютъ событія, а потому не задерживаютъ, но яснѣе выдѣляютъ общій ходъ дѣйствія.

Въ этомъ тщательномъ и подробномъ мотивированіи не заключается ли и реализмъ той повѣсти, которая впервые показала, какъ поэзіей создаются живыя лица, какъ описывается дѣйствіе, фактъ, хотя мелкій, незначительный, но зависящій отъ личныхъ, прирожденныхъ или выработанныхъ жизнью характеровъ? Поэтому-то «Декамеронъ», какъ ни далека намъ жизнь, его создавшая, всюду даетъ намъ чувствовать живое воспроизведеніе дѣйствительности: въ немъ насъ не отталкиваетъ фантастичность, внимательство волшебства или божества; въ немъ люди зависятъ отъ своихъ инстинктовъ и желаній; въ немъ слышится земная жизнь съ ея страстями, въ ея *реальныхъ*, темныхъ и свѣтлыхъ проявленіяхъ.

Этотъ *художественный реализмъ*, простота, цѣльность и законченность построения производятъ неумирающую красоту итальянской новеллы, заслужившей ея творцу славу гениальнаго рассказчика. Неудивительно, если красота эта не дѣйствуетъ на

читателя нашихъ дней съ тѣмъ обаяніемъ, которое доставило «Декамерону» такую популярность въ Европѣ XIV-го и послѣдующихъ вѣковъ: наше поэтическое чувство должно сильнѣе возбуждаться произведеніями современныхъ намъ повѣствователей-романистовъ, потому что въ нихъ мы всегда находимъ, болѣе или менѣе вѣрное, отраженіе тѣхъ настроеній и вопросовъ, которые интересуютъ и мучатъ наше время. Даже если мы постараемся, при чтеніи «Декамерона», забыть на время наши антипатіи къ идеаламъ буржуазнаго духа, такъ высоко ставившаго ловкость и успѣхъ, и къ тѣмъ искусственнымъ идеаламъ, которые, въ вѣкъ грубой силы, человѣчество выдвигало въ защиту нравственныхъ интересовъ, если мы остановимся на одной художественной сторонѣ новеллы, то и тутъ надо нѣкоторое усиліе надъ собой, чтобъ прочувствовать то наслажденіе, которое поэтический рассказъ долженъ былъ производить въ свое время. Въ нашъ вѣкъ чрезмѣрныхъ усилій и желаній, чрезмѣрной работы мысли, повѣсть не можетъ сохранять полной гармоніи эпическаго тона, точно такъ же, какъ рѣдкій писатель умѣетъ отрѣшиться отъ субъективной, болѣе или менѣе лихорадочной мысли своего времени; намъ трудно наслаждаться изящною формою повѣствованія, помимо его содержанія; намъ необходимо большое усиліе надъ собой, чтобъ вдуматься въ жизнь, создавшую новеллу, чтобъ оцѣнить ту художественность въ изображеніи будничныхъ явленій, которая такъ сближаетъ съ нами эту далекую, давнопрошедшую жизнь. Измѣнились и осложнились съ того времени всѣ условія умственной жизни, измѣнились въ корни и наши требованія отъ поэзіи; но и теперь понятны тѣ типы, которые гениальный рассказчикъ увѣковѣчилъ въ изящномъ рассказѣ. Мы видѣли у Боккачіо типъ ученаго дурака, болонскаго доктора Симоне, напыщеннаго своими знаніями и талантами; въ рассказѣ о томъ, какъ его дурачатъ насмѣшливые художники, такъ много чертъ мѣстной жизни, что онъ не понятенъ безъ комментарія; но и тутъ мы не можемъ не чувствовать всей жизненности и правдивости комическаго типа. Невольно чувствуется, что какъ бы далеко впередъ ни ушло человѣчество, какъ бы широко ни распространилось образованіе, глупецъ во всѣ времена выкажетъ одни и тѣ же свойства характера; если эти свойства станутъ со временемъ сложнѣе и запутаннѣе, насколько сложнѣе современная мысль, то и подъ ними проницательный глазъ художника увидитъ ту же основу глупости и самодовольства, какъ и въ докторѣ Симоне, и выведетъ этотъ типъ уже не въ наглой «beffa»

грубого свойства, но въ очеркѣ иной жизни, иныхъ, болѣе тонкихъ и сложныхъ отношеній. Сдѣлать въ незамысловатомъ разсказѣ такой жизненный типъ—человѣкомъ живымъ, т. е. одѣть его чертами, непосредственно взятыми изъ дѣйствительности, показать, слѣдовательно, какъ въ человѣкѣ, продуктѣ известной среды и эпохи, проявляется его вѣчная, неизмѣняемая природа—составляетъ высшую заслугу Боккачіо. Умѣнье это—тайна художественнаго творчества, законы котораго такъ же неизмѣнны и непреложны, какъ непоколебимы тѣ основы обще-человѣческой природы, которыя оно воплощаетъ.—Въ наше время, когда критически-научные приемы мысли играютъ такую большую роль даже въ художественной литературѣ, когда всякій, сколько-нибудь выдающійся, разсказчикъ долженъ быть психологомъ—въ наше время особенно полезно возвращеніе къ тѣмъ классическимъ произведеніямъ литературы, которыя многовѣковая работа исторіи признала образцовыми въ повѣствованіи. Въ виду новыхъ требованій отъ поэзіи, соответствующихъ запросамъ современной мысли,—въ виду, напр., такого явленія, какъ успѣхъ и популярность у французской, наиболѣе художественно развитой, публики романа, который наполненъ одними, не столько даже психологическими, сколько медико-фізіологическими описаніями; въ виду этого пренебреженія къ законамъ творческой фантазіи, пренебреженія, оправдываемаго эстетическими теоріями—полезно мыслію обратиться къ прошлому, воплотившему жизнь въ образахъ, своей глубиной и правдивостью близкихъ самымъ отдаленнымъ потомкамъ. Поэтому и Боккачьева новелла можетъ быть особенно интересна для нашихъ разсказчиковъ и ихъ критиковъ.

Правда, нашъ романъ по своей формѣ имѣетъ мало общаго съ итальянской новеллой: онъ выросъ и преобразовался изъ средне-вѣковой эпопеи, изъ тѣхъ длинныхъ разсказовъ о похожденияхъ и приключеніяхъ рыцарей, обличительный примѣръ которыхъ мы имѣемъ въ Сервантесовомъ Донъ-Кихотѣ; по самому происхожденію своему романъ представляетъ собою болѣе высокій родъ повѣствованія, имѣетъ болѣе возвышенныя цѣли и болѣе широкое русло разсказа, чѣмъ выросшая изъ сказки-анекдота новелла. Но на ряду съ романомъ у насъ есть еще *повѣсть*.

Повѣсть отличается отъ романа не одними только размѣрами: рисуя широкій потокъ жизни, романъ воспроизводитъ наиболѣе крупныя ея явленія, столкновенія цѣлаго круга лицъ и характеровъ, между тѣмъ какъ повѣсть не въ такой полнотѣ затрогиваетъ общественныя и семейныя отношенія; предметъ повѣсти—не совокупность наиболѣе характеризующихъ общество

явленій, а одно рѣзко выдающееся явленіе. Потому повѣсть разрабатываетъ одинъ мотивъ, рассказываетъ если не одно событіе, то одинъ рядъ событій, рисуетъ тѣ отношенія, которыя проливаютъ свѣтъ на одну какую-нибудь интересную автору сторону общественной или психической жизни. Къ тому же, какъ и старинная итальянская, наша современная повѣсть имѣетъ предметомъ что-нибудь *новое*, выдѣляющееся изъ общаго теченія жизни, т. - е. то, что рассказываемую исторію заставляетъ разниться отъ другихъ, подобныхъ ей случайностей жизни. Въ повѣсти читатель прежде всего въ нравѣ спроситъ себя: почему же именно эту, а не другую какую исторію рассказываетъ авторъ? Слѣдовательно, въ событіи, служащемъ фабулою, должно лежать что-нибудь особенное, исключительное, какъ и у новеллы—одинъ какой-нибудь мотивъ, отмѣченный характеромъ *новизны*, своеобразнаго. Понятно, что описывая особенность, болѣе или менѣе необыкновенную исторію, поэтъ заставляетъ ее точно такъ же способствовать нашему пониманію челоука и его природы, какъ проявленія болѣзни способствуютъ изученію его тѣлесной организаціи. Это не значитъ, что предметомъ повѣсти могутъ служить одни только уродливыя, болѣзненныя проявленія общественнаго организма; въ ней они могутъ занимать столько же мѣста, сколько и во всякомъ произведеніи искусства и съ тѣмъ же необходимымъ условіемъ, чтобы въ изображеніи уродливаго соблюдались законы художественнаго творчества. Благодаря подобному предмету и подобнымъ цѣлямъ повѣсти Боккачіева новелла должна служить ей образцомъ.

Пусть мотивъ нашей повѣсти будетъ заимствованъ изъ иныхъ формъ жизни,—чѣмъ у Боккачіо, изъ области умственныхъ, душевныхъ интересовъ; но разъ въ основу ея положено одно ясно-очерченное и опредѣленное событіе, одинъ законченный мотивъ, одѣтый тѣми подробностями, которыя придаютъ ему ясность и полноту жизненнаго явленія,—мотивъ этотъ поведетъ за собою и рѣзкій слугуетъ повѣсти, ту цѣльность и стройность построения, которая у Боккачіо исторію комическаго обмана дѣлала вышнѣйшимъ произведеніемъ литературы. Кладя въ основу повѣсти не тотъ анекдотъ, на которомъ построена новелла, а фактъ, настолько же соответствующій нашимъ насущнымъ интересамъ, насколько «beffa» была близка итальянскому уму,—писатель-художникъ можетъ не только придать правильность внѣшней формѣ, но и развить характеръ личности, освѣтить темную область душевныхъ осложнений и настроеній, точно такъ же какъ новеллистъ, рассказывавшій остроу находчиваго отвѣта, могъ созда-

вать неумирающие типы и характеры людей. При этомъ не слѣдуетъ только упускать изъ виду, что въ повѣсти зерно, изъ котораго она развивается—ея основной мотивъ—должно заключать въ себѣ ясно-очерченное *дѣйствіе*, т.-е. событіе, протекающее въ извѣстный срокъ времени, а не готовое, опредѣлившееся положеніе; потому что поэтъ, если хочетъ воскресить въ представленіи читателя живыя лица и ихъ отношенія, долженъ прежде всего *разсказывать*, а не *описывать*,—этому учить насъ не одна только теорія эстетиковъ, но сама исторія литературы и въ данномъ случаѣ исторія итальянской новеллы.

Мы, въ этомъ отношеніи, много грѣшимъ: если современный романъ, стремясь представить полную картину общественныхъ движеній и настроеній, часто непомѣрно растягивается и, превращаясь въ хронику, теряетъ стройную форму художественнаго произведенія, то и повѣсть зачастую является какъ-бы эскизомъ романа, или очеркомъ типичной личности, описаніемъ характернаго явленія. Но не въ правѣ-ли мы и теперь требовать отъ автора, чтобы онъ въ художественной повѣсти, если воспроизводитъ интересъ минуты, вопросъ дня—сохранилъ бы цѣльность и законченность формы, т.-е. нашелъ бы для своей мысли краснорѣчивое, выясняющее ее *дѣйствіе*? а постепенное веденіе этого дѣйствія, правильное мотивированіе его дать ему возможность изобразить и душевное состояніе и внутреннія отношенія интересующихъ его лицъ.

Этотъ законъ, положенный въ основу новеллы ея гениальнымъ творцомъ, находимъ мы въ разныхъ примѣненіяхъ во всѣхъ видахъ художественнаго повѣствованія: ему подчиняются эпическія произведенія лучшихъ писателей всѣхъ временъ, когда эти писатели не уходятъ за предѣлы поэтическаго творчества; ему всегда будетъ подчиняться и наша повѣсть, какъ бы ни повышались требованія отъ литературы и какое бы *новое* содержаніе ни вносила въ него возрастающая мысль человѣчества.

А. А.

НОВЫЙ ПОМѢЩИКЪ

РОМАНЪ, ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ, МАВРА ІОКАЯ.

Съ венгерскаго.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

IX *).

Между тѣмъ, пока происходило ночное похищеніе, Элиза спала сномъ праведниковъ. Солнечный лучъ, пробившись сквозь занавѣску, разбудилъ ее. Часъ былъ очень ранній, въ замкѣ царствовала тишина; обыкновенно обитатели его не слишкомъ рано вставали. Но вотъ, наконецъ, маленькіе столовые часики тихо пробили девять часовъ, а въ сосѣдней комнатѣ не слышно было ни малѣйшаго шума.

Долго-таки почиваютъ миссъ съ Эрминіей.

Надо взглянуть, проснулись ли онѣ?

Элиза имѣла обыкновеніе мстить своей англичанкѣ тѣмъ, что будила ее громкимъ пѣніемъ.

— Доброго утра! I wish you a good morning, miss!—шумно раскрывъ двери, проговорила Элиза.

За то какъ же она удивилась, увидавъ пустую комнату. Кровати были не поматы,—видно, что на нихъ и не ложились. Элиза не могла понять, куда дѣлась гувернантка и сестра Эрминія. Она оглянулась кругомъ. На письменномъ столѣ лежало

*) См. выше: мартъ, 251.

запечатанное письмо. Она взяла его въ руки. Письмо адрессовано ей:

«Не осуждай меня за сегодняшній поступокъ. Я безъ *тебя* жить не могу. Отецъ выгналъ его нынче, не подозрѣвая, что этимъ и меня обрекаетъ на скитаніе по бѣлому свѣту. Не смѣю писать отцу: онъ не прочтетъ моего письма и проклянетъ меня. Но тебя онъ любитъ, ты такъ добра, — кромѣ тебя нѣкому за меня вступиться. Не знаю, право, о чемъ мнѣ просить тебя. Я такъ расстроена. Ты сама отгадаешь, чего мнѣ надо. Будь посредницей между нами и отцомъ. Твое доброе сердце уважаетъ тебѣ, что сдѣлать. Да благословить тебя Богъ! Сто разъ, тысячу разъ цѣлую тебя. — Эрминія».

«Р. S. Миссъ и нашъ управляющій ничего не знаютъ: если возможно, оправдай ихъ передъ отцомъ. Оплакивай меня».

Послѣ припадка отчаянія и искренняго горя, Элиза заперлась въ своей спальнѣ и рѣшила написать обо всемъ отцу.

Ей слѣдовало остерегаться разсужденій, которыя можно бы было счесть за упрекъ. Отецъ считалъ Эрминію представительницей своего рода, эту скромную и умную дѣвушку, которая рѣдко говорила, которой не приходилось объяснять, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ. Ее всѣ гувернантки расхваливали, она была любимицей покойной матери, и за нее-то приходится заступаться легкомысленной, вѣтренной Сандрильонѣ, которую вѣчно держали на уздечкѣ. Она теперь должна вымаливать прощенье своей образцовой сестрѣ.

— «Ты знаешь, какъ наша мама любила Эрминію. Не отталкивай ее отъ себя!»

Это былъ самый важный аргументъ письма.

— Кто тамъ?

Это была миссъ Натали.

Элиза указала ей на стулъ. Она чувствовала, что теперь ей очередь повелѣвать.

— Миссъ, прочтите это письмо, — сказала она.

У миссъ выступили на лицѣ красныя пятна, признакъ гнѣва и испуга, всѣ черты ея лица перекослились. Письмо выпало изъ ея дрожащихъ рукъ.

— Это ужасно, это жестоко!

— Теперь прочитайте другое письмо, — сказала Элиза, передавая ей свое письмо къ отцу.

— Пожалуйста, Элиза, сперва выслушайте меня.

— Ничего не хочу слушать, миссъ.

— Вы должны все узнать.

— Да вы хотите, кажется, рассказывать любовныя приключенія, а до сихъ поръ сами же не давали мнѣ прочесть ни одного романа?

Миссъ Натали вынуждена была прочесть сначала письмо Элизы къ отцу. Ей показалось, что Элиза старается помирить отца съ похитителемъ, а она бы желала, чтобъ этого человѣка преслѣдовали, убили, уничтожили.

— Мнѣ кажется, что тутъ виноваты одинъ проклятый обольститель, а вы его же защищаете.

— Я его защищаю потому, что теперь онъ уже сталъ мужемъ Эрминіи. Притомъ, сестра пишетъ, что вы и управляющій ни въ чемъ не виноваты. Изъ этого я заключаю, что вы были ея соучастниками. Мнѣ поручено васъ оправдывать, а я даже не знаю, въ чемъ вы оба провинились? Что-жъ я могу сказать въ ваше оправданіе? Одно знаю, что чѣмъ скорѣе отецъ проститъ виновныхъ, тѣмъ легче ему будетъ простить и ихъ соучастниковъ.

— Это-то такъ, — процѣдила миссъ, съ покорнымъ видомъ передавая Элизѣ письмо.

Элиза дернула за сонетку, чтобъ позвать горничную, и, запечатавъ письмо къ отцу, передала его служанкѣ.

— Пусть берейторъ скорѣе осѣдлаетъ лошадь и свезетъ это письмо къ доктору Гришаку, — онъ передастъ его отцу. А ты, Луиза, пожалуйста, перенеси постель и вещи миссъ въ дамскую комнату. Что она прикажетъ, то и дѣлай... Идите съ Богомъ, миссъ Натали.

Нечего дѣлать — надобно было повиноваться.

Но миссъ, собравъ все свое имущество, велѣла горничной перенести его не въ дамскую комнату, а прямо въ квартиру управляющаго.

Можно себѣ представить, какъ обрадовался Максеппутшъ, увидѣвъ въ окошко, что миссъ со всѣмъ своимъ добромъ направляется къ его дверямъ.

Докторъ Гришакъ преспокойно пилъ чай. Еще рано было — часовъ одиннадцать; онъ сидѣлъ въ халатѣ и въ туфляхъ. Помощники его успѣли понабѣгать: вся ихъ должность состоитъ въ бѣготнѣ, а шефъ ихъ занимается только пріемомъ; на его дверяхъ крупными буквами написано «Пріемъ отъ 11 до 1 часа пополудни».

Докторъ собирался выпить вторую чашку кофе. Слуга на

серебряномъ подносѣ принесть визитныя карточки двухъ кліентовъ, которые желали съ нимъ посовѣтоваться.

— Такъ рано! — высокомерно проговорилъ докторъ Гришаевъ, вынимая изъ кармана свой хронометръ. Всего 10 час. 57 минутъ. Скажи, чтобъ обождали. Давай сюда карточки, — кто это?

Слуга подать.

— Это интересно! Сейчасъ же проси ихъ сюда. Скажи, что я еще въ халатѣ, однако готовъ ихъ принять.

Докторъ, въ ожиданіи посѣтителей, улыбался; ему даже вторая чашка кофе показалась ароматнѣе первой.

Послышался легкій стукъ въ дверь.

— Войдите.

— А, здравствуйте, г. Максенпутинъ. Садитесь, пожалуйста. Гдѣ же миссъ? Куда она дѣлась? Ея карточку мнѣ тоже подали.

— Она осталась въ пріемной, услышавъ, что вы въ халатѣ.

— А, вотъ оно что! Понятно, она строго держится приличій, — это ея ремесло: знать, чтó прилично и чтó неприлично. Впрочемъ, я полагаю, все равно, здѣсь она или нѣтъ. Мы можемъ и безъ нея рѣшиться на что-нибудь.

— Какъ вы изволили сказать? — съ удивленіемъ спросилъ Максенпутинъ.

— Да вѣдь я все уже знаю! — развалившись и положивъ ноги на кушетку, — сказалъ адвокатъ. — Мнѣ извѣстно все ваше дѣло. Другъ мой, Штрафъ, еще вчера мнѣ все рассказалъ.

— Какой Штрафъ? — спросилъ Максенпутинъ, вытаращивъ глаза.

— Ахъ, да! вы его не знаете подъ этимъ именемъ. Ну, тотъ самый молодой человѣкъ, который жилъ у Анкеримидта въ качествѣ учителя музыки.

— Онъ вашъ другъ?

— Пожалуйста, примите въ свѣдѣнію, что я всегда говорю: «мой другъ», когда мнѣ не приходится въ голову никакое другое прозвище.

— Гдѣ же теперь находится этотъ плутъ? — вдругъ проговорилъ Максенпутинъ; у него даже глаза кровью налились. Ему пришло на мысль, что еще можно его поймать, отнять у него барышню, отвести домой, — и тогда все дѣло будетъ поправлено.

— Я думаю, что онъ уже въ Вѣнѣ. Впрочемъ, ни въ чему не повело бы его преслѣдовать, — онъ вчера еще обѣщавался съ барышней. Это я знаю навѣрное...

— Этотъ негодяй былъ у меня, — продолжалъ докторъ, свер-

тывая папироску изъ турецкаго табаку. — Онъ хотѣлъ, чтобъ я взялся вести его процессъ съ Анкершмидтомъ.

— Какой процессъ? Можетъ быть, за нанесенное оскорбленіе?

— Вотъ еще! — смѣясь, отвѣтилъ докторъ, зажигая папироску у газоваго рожка. — Много онъ объ этомъ думаетъ! Нѣтъ, просто о женнномъ приданомъ.

— Проклятый! — проговорилъ Максенпуттъ, утираясь носовымъ платкомъ.

— Предлагаю мнѣ 20,000 гульденовъ, если я возьмусь вести дѣло и выхлопочу ему деньги.

— Какъ? 20,000 гульденовъ?

— Это немного. Каждой дѣвицѣ отъ матери досталось по 250,000 гульденовъ. Есть изъ чего хлопотать.

— Вотъ, проклятый! — простоналъ Максенпуттъ.

— Да!.. Однако я не взялся за его дѣло.

— Не взялись?

— А вы какъ думали? — съ достоинствомъ взглянувъ на него, проговорилъ Гришакъ. — Я адвокатъ г. Анкершмидта, — съ моей стороны было бы подлостью взяться за такой процессъ.

Максенпуттъ какъ-будто этому удивился.

— Я*ему отвѣчалъ, что мнѣ его 20,000 гульденовъ не надо, пусть обратится къ другому юристу. Онъ сказалъ, что въ Вѣнѣ поищеть такого адвоката... Однако, поговоримъ о васъ. Ловкій негодяй, — и вамъ каша наварилъ.

— Развѣ вы все знаете?

— Какъ же мнѣ не знать! Онъ мнѣ все рассказывалъ, всѣ подробности. Чтобъ барышню похитить, онъ миссъ съ ума свелъ. Подъ конецъ онъ уговорилъ и васъ въ качествѣ свидѣтеля пригласить миссъ въ себѣ на квартиру, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нельзя войти въ замокъ. Все это для того было устроено, чтобъ воспользоваться отсутствіемъ миссъ и увести Эрминію черезъ ту дверь, отъ которой ключъ ему вручили.

— Проклятый! — безпрестанно ворчалъ Максенпуттъ и началъ платкомъ вытирать даже затылокъ.

— Бѣдовый малый! — посмѣивался докторъ Гришакъ. — И вѣдь въ вашей каретѣ, на господскихъ лошадяхъ увезъ барышню. Вотъ такъ гениальная выдумка!

Но Максенпутту шутка далеко не казалась забавной.

— Ваше счастье еще, что Анкершмидтъ надолго отлучился, даже мнѣ не сказалъ, куда ѣдетъ. Вонъ у меня лежитъ письмо отъ мадемуазель Элизы, въ которомъ она ему, вѣроятно, сооб-

щастя о случившемся, а я не знаю, куда его и переслать. Большое для васъ счастье, что нѣтъ его дома.

— Такъ вы думаете, докторъ, что послѣ кавалеръ на насъ не будетъ гнѣваться?

— Я думаю, что это счастливое обстоятельство, — однако не могу сказать положительно.

— Въ такомъ случаѣ, почему же это счастье для насъ, что нѣтъ его дома?

— Потому, что будь онъ теперь дома, онъ бы по-просту застрѣлилъ васъ, вмѣстѣ съ миссъ. А пока онъ вернется, вы оба можете ускользнуть.

Голосъ, которымъ онъ проговорилъ «ускользнуть», и его движеніе руки при этомъ ясно показали Максенпутшу, что ему слѣдуетъ сдѣлать.

— Таково ваше мнѣніе, г. докторъ?

— Нѣтъ сомнѣнія, что лучше этого ничего не присовѣтуешь. Насколько я знаю Анкершмидта, я увѣренъ, что онъ способенъ выместить свой гнѣвъ на первомъ человѣкѣ, который ему подъ руку попадется. Онъ готовъ стрѣлять, рубить.

— Такъ неужели изъ-за этого негодяя долженъ я мѣста лишиться? — плаксиво проговорилъ г. Максенпутшъ.

— Вы можете начать искъ, требовать вознагражденія за убійство.

— Какая мнѣ будетъ польза?

— О процессахъ, какъ и о лекарствахъ, не спрашиваютъ, принесутъ ли они пользу. Пациентъ долженъ имѣть довѣріе.

— Такъ вы не думаете, г. докторъ, чтобы съ кавалеромъ можно было поладить безъ тяжбы?

— Ни вы, ни миссъ не должны на это рассчитывать, — на-вѣрное могу вамъ сказать.

— Миссъ придетъ въ отчаяніе.

— Впрочемъ, любезный Максенпутшъ, я придумалъ для васъ одинъ планъ, но сперва надо его хорошенько обдумать. Теперь оставьте меня одного и возвратитесь часа черезъ два. Тогда мы потолкуемъ, какъ вамъ помочь.

— Тысячу разъ благодарю васъ, г. д-ръ, а въ долгу не останусь.

Докторъ позвонилъ, велѣлъ лакею подать себѣ фракъ и попросить миссъ войти.

— Присядьте пожалуйста, миссъ, — говорилъ д-ръ Гришакъ, подводя къ дивану дѣву, на которой надѣтъ былъ вуаль кофей-

наго цвѣта, такъ какъ зеленый увезла Эрминія. Ни за что въ свѣтъ не согласилась бы она поднять свой вуаль.

— Мнѣ извѣстна судьба вапа, миссъ—продолжалъ д-ръ Гришакъ, стоя выпрямившись противъ нея.— По отношенію къ вамъ происшествіе это крайне плачевно; кромѣ того, что вамъ придется оставить домъ Анвершмидта, ваше доброе имя пострадаетъ, а что всего хуже, вы можете потерять 5,000 гульденовъ, обѣщанныхъ вамъ кавалеромъ... Пожалуйста, не перебивайте меня. Я юристъ и сентиментальными вопросами не занимаюсь. Одно могу вамъ сказать, что въ вашемъ положеніи ничего не остается дѣлать, какъ начать процессъ съ Максенпутшемъ, требуя вознагражденія за убійство, потому что онъ вамъ причинилъ убытокъ.

— Не будете ли вы такъ добры, г-нъ докторъ, не возьметесь ли вести мой процессъ.

— Для васъ, миссъ, охотно соглашаюсь.

— Я на васъ полагаюсь вполне,—съ важностью проговорилъ миссъ, вставая.— Къ чему излишнія разсужденія, я подчиняюсь вашему приговору. Что вы мнѣ прикажете дѣлать, то и буду дѣлать; что вы мнѣ дадите подписать—подпишу. Если вы мнѣ спасете 5,000 гульд., о которыхъ идетъ рѣчь, я вамъ дамъ 500 гульденовъ вознагражденія.

Вотъ это было дѣльно сказано.

— Условіе подходящее, миссъ, положитесь на меня, я обѣщаю вамъ выхлопотать 5,000 гульд. Напишите свой адресъ на визитной карточкѣ и вернитесь домой; черезъ полтора часа я пришлю вамъ бумагу, вы подпишете ее, а въ два часа надѣюсь опять нѣмѣть счастья васъ видѣть у себя.

Миссъ простилась и ушла.

Д-ръ Гришакъ сейчасъ же велѣлъ своему помощнику написать бумагу, въ которой означена была сумма, обѣщанная адвокату за хлопоты; ее-то и должна была подписать миссъ.

Черезъ два часа явился Максенпутшъ.

— Мнѣ васъ очень жаль,—сказалъ ему докторъ:—то, чего можно было опасаться, случилось. Миссъ начинаетъ процессъ съ вами о 5,000 гул., потерянныхъ ею по вашей винѣ. Вотъ данная мнѣ довѣренность.

Максенпутшъ все это время точно усиливался смотрѣть ртомъ, а слушать глазами,—понятно, его усилія не увѣнчались успѣхомъ.

Докторъ продолжалъ:

— По-моему, вамъ остается всего одно средство, чтобъ выгнать изъ тины,—только единственное средство!

Максенпутшу все равно было—хоть бы полу-средство нашлось.

— Благодаря ему, вы не только не потеряете 5,000 гул., а еще выиграете эту сумму.

Максенпутшу такое предложеніе показалось даже волшебнымъ.

Докторъ взялъ его за воротникъ и наклонился къ нему такъ, что ихъ носы чуть не столкнулись:

— Только и есть одно средство,—женитесь на миссъ.

Хорошо, что докторъ держалъ Максенпутша за воротникъ, а не то при этихъ словахъ онъ упалъ бы навзничь.

— Да ну же, другъ мой,—улыбаясь и нѣсколько посторо-
нясь, сказалъ Гришакъ.—Разсудите хорошенько, потерять 5,000 гульд. или выиграть 5,000? Тутъ разница въ цѣлыхъ 10,000 гульд. У миссъ есть государственные билеты, недавно я ей передалъ купоны. Тутъ наберется тоже тысячъ пять.

Максенпутшу предложеніе показалось уже менѣе неснос-
нымъ. Если хорошенько вдуматься,—по дѣламъ миссъ ему су-
руга подходящая.

— Скорѣе обсудите вопросъ и поскорѣе рѣшайтесь,—миссъ торопиль.

— Однако, я вѣдь даже не знаю, согласна ли она?

— Это уже предоставьте мнѣ.

— Хорошо, вотъ вамъ моя рука, пусть уже я буду жерт-
вой!—проговорилъ несчастный.

— Не угодно ли вамъ сейчасъ же сѣсть за письменный
столъ, вамъ слѣдуетъ подписать довѣренность. Вотъ на этой бу-
магѣ; прошу покорно перечеркнуть штампель. Мнѣ думается,
500 гульд. вознагражденія немного будетъ.

Максенпутшъ почесалъ за ухомъ. Значить, приданого оста-
нется всего 4,500. Впрочемъ, это лучше, нежели уплатить пять
тысячъ.

— Вотъ такъ, теперь заходите ко мнѣ часовъ въ шесть; до
той поры я все устрою.

Максенпутшъ ушелъ словно въ чадъ. Въ два часа явилась
миссъ Натали.

Докторъ встрѣтилъ ее съ кислой миной.

— Дѣла ваши плохи... Я говорилъ съ Максенпутшемъ, онъ
сдѣлалъ жѣтвое возраженіе, сказавъ, что вы уже тѣмъ потеряли
право на 5,000 гульд., что помогли Штрафу похитить свою
воспитанницу, и потому ему не приходится отвѣчать за потерю.
О, это хитрый господинъ; ему бы быть адвокатомъ. Мнѣ
пришлось сознаться, что онъ правъ. Впрочемъ, я вижу еще
одинъ способъ, посредствомъ котораго вы можете добиться сво-
ихъ денегъ и притомъ восстановить свою репутацію. Выслушайте

меня внимательно и, пожалуйста, не падайте въ обморокъ. Дѣло очень серьёзное. Вамъ остается одно средство: выйдите замужъ за Максепутна.

— Ахъ!.. но онъ согласится ли?—восклинула миссъ.

— Положитесь на меня; Максепутнъ—честная душа, характера сговорчиваго, и если я ему присовѣтую, онъ самъ согласится, что человѣку съ его правилами болѣе ничего не остается дѣлать.

Провожая миссъ Натали, Гришакъ выразилъ надежду въ шесть часовъ опять имѣть удовольствіе ее видѣть. Она обѣщалась придти.

Въ этотъ же вечеръ счастливая пара была уже обвѣнчана, и докторъ Гришакъ торжествовалъ. Кромѣ маленькаго развлечения, которая доставила ему женитьба Максепутна на миссъ, ему еще придется получить съ жениха 500 гул., да съ невесты 500, все изъ тѣхъ же спасенныхъ 5,000 гульденовъ. Эту тысячу гульденовъ онъ могъ себѣ выплатить въ самый день ихъ свадьбы, потому что онъ былъ душеприказчикомъ покойной г-жи Анвершмидтъ. Этимъ капиталомъ самъ Анвершмидтъ не распорядился.

Одно только остается страннымъ въ поведеніи Гришака, а именно то, что, заработавъ шута въ какіе-нибудь два часа 1,000 гульд., онъ отказался отъ 20,000 гульд., которыя предлагалъ ему Штрафъ, если онъ возьмется вести процессъ съ Анвершмидтомъ.

Но докторъ Гришакъ былъ хорошо знакомъ съ завѣщаніемъ покойной г-жи Анвершмидтъ. Въ немъ, между прочимъ, говорилось, что если одна изъ дочерей выйдетъ замужъ противъ согласія отца, то теряетъ право на наслѣдство.

Вотъ, вѣрно, почему адвокатъ ссылаясь на свою неподкупную честность.

По словамъ людей свѣдущихъ, крѣпость Куфштейнъ, въ Тиролѣ, можетъ считаться образцовой крѣпостью—такъ-сказать академіей.

Венгерскія крѣпости Арадъ, Коморнъ, Іозефштадтъ (въ Богеміи) и хваленое «новое аданіе» (uj épület) въ Пештѣ—просто гимназіи, или даже элементарныя школы въ сравненіи съ Куфштейномъ. Окончившіе курсъ въ этихъ крѣпостяхъ, пусть лучше и въ разговоръ не суются. Они просто полуграмотные.

Аладаръ Гароновельди уже пятый годъ проводитъ въ «академіи». Его нумеръ длиною въ четыре шага, шириною въ три,

и весьма мало комфортабеленъ: въ немъ стоить стулъ, столъ, да кровать. Зато на двери нельзя пожаловаться: ихъ цѣлыхъ три, одна за другой. Можно составить себѣ понятіе о толщинѣ стѣны изъ того, что среднюю дверь можно распахнуть, не отворяя внутренней и внешней.

Однажды, въ послѣбѣденную пору, въ непоказанное время зашумѣли ключи у дверей Аладара, и къ нему вошелъ чело-вѣкъ, совсѣмъ ему незнакомый.

Это былъ кавалеръ Анкершмидтъ. Анкершмидтъ ожидалъ увидать блѣдное, изнуренное лицо, на которое тюрьма наложила свою печать. Какъ же былъ онъ удивленъ, увидавъ юношу съ веселымъ выраженіемъ лица, на которомъ не видно было и тѣни горя. На лбу ни одной морщины, глаза блестятъ, сѣдыхъ волосъ тоже не видать.

Узникъ двинулся на встрѣчу къ посѣтителю.

Анкершмидтъ сдѣлалъ знакъ сторожу, чтобъ онъ оставилъ ихъ наединѣ, и тотъ спрятался между дверями.

— Вы Аладаръ Гароновѣльди? спросилъ Анкершмидтъ строго, — по военному. Кавалеръ былъ въ мундирѣ.

— Да, это—мое имя.

— Съ какого времени вы здѣсь находитесь?

— Не знаю, у меня нѣтъ календаря.

— Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь жалобъ на сторожей?

— Ничакихъ, я ими доволенъ.

— Позволяютъ ли вамъ выходить изъ номера?

— Разъ въ недѣлю на полчаса.

— Находите ли вы это достаточнымъ?

— Я даже и этимъ разрѣшеніемъ не пользуюсь.

— Почему?

— Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Однако это вредитъ вашему здоровью.

— Я никогда не хвораю.

— Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь желанія?

— Ничакого, ровно ничакого.

— Не скучаете ли вы?

— Нѣтъ. Вѣдь я одинъ, некому мнѣ надоѣдать.

— Чѣмъ же вы занимаетесь цѣлый день?

— Самимъ собою.

— Вамъ не дають книгъ?

— Не знаю, положено ли давать, я не просилъ.

— Не желаете ли вы повидаться съ родными?

— Напротивъ, мнѣ бы очень жаль было, еслибъ они изда-

дека сюда прїѣхали для того, чтобъ обмѣняться со мной нѣсколькими пустыми фразами на иностранномъ языкѣ въ присутствіи постороннихъ лицъ. Не стоить труда вѣдать.

— Не любили ли вы кого-нибудь?—При этомъ вопросѣ узникъ разсмѣялся.

— Какъ не любить! У каждого человѣка есть привязанности къ женищинѣ, собакѣ и т. д.

— Вы все это относите къ одной категоріи?

— Да вотъ видите: прощаясь съ дядей, человѣкомъ оригинальнымъ, я просилъ его, чтобъ каждый разъ, когда онъ будетъ мнѣ писать, невеста прибавляла бы слово: «адіеу». Въ первомъ письмѣ увидалъ я это слово, написанное страннымъ почеркомъ. Въ post scriptum дядя мнѣ пояснилъ, что такъ какъ невеста моя по нѣкоторымъ причинамъ отказалась отъ подписи, то онъ сунулъ моею собакѣ перо въ переднюю лапу и заставилъ царапать: адіеу. Изъ этого я заключилъ, что невеста моя не очень обо мнѣ сокрушается; бѣдняжка, умно дѣлаетъ. Собака же, напротивъ, осталась мнѣ вѣрна и въ каждомъ письмѣ царапаетъ, при помощи дяди, свою кличку: «Цицка».

Аладаръ засмѣялся и разсмѣшилъ Анкершмидта.

Но Анкершмидтъ тотчасъ принялъ серьезный видъ; ему не слѣдовало выдавать себя.

— Молодой человѣкъ, я къ вамъ пришелъ, впрочемъ, не съ цѣлью шутить, а чтобъ узнать, какъ съ вами обращаются и какъ вы себя ведете. Одно могу вамъ сказать: вы человѣкъ опасный.

— Почему же, на что можете вы на меня пожаловаться?

— На то именно, что не имѣю причины на васъ жаловаться. Въ книгѣ записаны желанія, жалобы каждого узника; про васъ ни слова не сказано. Вы никогда ничего не просили, никогда ни на кого не жаловались. Вы вѣжливы, сдержаны. Это опасныя черты характера. Еслибъ отъ меня зависѣло, я бы никогда не освободилъ васъ.

Съ тѣмъ Анкершмидтъ и удалился, оставивъ узника одного. Аладаръ пожалъ плечами и началъ насвистывать венгерскую народную пѣсню. Это было его любимое занятіе. Къ счастью его, инструментъ для насвистыванія онъ всюду могъ возить съ собою.

Скоро однако объяснился результатъ посѣщенія незнакомаго гостя. Аладаръ былъ освобожденъ, и въ этотъ же вечеръ выѣхалъ изъ Куфштейна; комендантъ могъ только показать ему почеркъ, которымъ было писано прошеніе о его освобожденіи. Почеркъ былъ женскій, но вовсе незнакомый Аладару.

Анвершимидтъ, вполне довольный и счастливый, уѣхалъ также обратно въ Пештъ.

Гришакъ замѣтно надулся, услышавъ объ освобожденіи Аладара. Прощай, прелестная вдовушка! Тотъ, конечно, явится, чтобъ овладѣть либо невѣстой, либо контрактомъ. Онъ непременно съ этого начнетъ. И всѣмъ этимъ удовольствіемъ обязанъ онъ Анвершимидту, у котораго страсть соваться не въ свое дѣло.

«Однако погоди, подумалъ докторъ Гришакъ, если ты мнѣ сдѣлалъ сюрпризъ, такъ и я тебя озадачу».

— Вы не получили письма, отправленнаго мною въ Вѣну?

— Я ничего не получалъ. Я вернулся не черезъ Вѣну, а черезъ Вейсенбургъ. Ну, что у насъ новенькаго?

— Ничего хорошаго. Вотъ письмо m-lle Элизы. Изъ него вы все узнаете.

— Отъ Элизы?

Анвершимидтъ разорвалъ конвертъ и, все болѣе и болѣе волнуясь, дочиталъ письмо до конца. У него руки такъ и опустились, когда онъ во второй разъ прочелъ письмо.

— Эрминія бѣжала! — пробормоталъ онъ едва слышно.

Гришакъ ожидалъ, что ветеранъ вскочить съ мѣста и начать ломать стулья, будетъ ругаться, проклинать, велитъ послать за лошадьми и отправится въ погоню за бѣглецами, чтобъ застрѣлить ихъ. Но кавалеръ, опустивъ голову, съ грустью только повторялъ: — Эрминія бѣжала!

Къ такому элегическому настроенію адвокатъ не былъ подготовленъ и не зналъ что ему сказать, но наконецъ проговорилъ:

— Нѣтъ сомнѣнія, что у васъ за спиной давнымъ-давно командовали люди, которымъ вы слѣпо довѣряли: управляющій и гувернантъ.

— Какъ? Максеппуттъ и Натали? Дѣйствительно, Элиза ихъ защищаетъ.

— Что они сговорились — это безспорно, — и Максеппуттъ женился на миссъ Натали.

— Женился? Неужели? вступилъ въ законный бракъ? — недоувѣрчиво воскликнулъ Анвершимидтъ.

Гришакъ разсказалъ ему всѣ подробности свадьбы управляющаго, и мимоходомъ сообщилъ имя его зятя.

— Штрафъ! прекрасное имя!

— Это его фамилія.

— И моя дочь! — да ну, все-равно, продолжайте.

Гришакъ убѣдился, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ, котораго никакой пулей не проймешь. Онъ неуязвимъ. Но у него

есть въ запасѣ одна ядовитая стрѣла, эта навѣрное попадетъ въ цѣль.

— Вы, я вижу, готовы помириться съ похитителемъ вашей дочери?—замѣтилъ адвокатъ.

— Въ моемъ положеніи обыкновенно прощаютъ, а не ищутся.

— Значитъ, вы даруете Штрафу амнистію.

— Какому Штрафу! Я его подъ этимъ именемъ не знаю, говорите: Богумилу. Чортъ возьми, да зачѣмъ у этого человѣка столько разныхъ именъ!

— На это существуютъ основательныя причины.

— Развѣ его когда-нибудь преслѣдовали?

— Напротивъ.

— Чтѣ значитъ «напротивъ»? Я не понимаю.

— Онъ скорѣе по обязанности носить разные имена.

— Зачѣмъ? Развѣ это какая-нибудь важная особа?

— О, да, очень важная. На-дняхъ этотъ Богумиль ознакомилъ меня съ своимъ положеніемъ.

— Что же онъ сообщалъ вамъ?—приставалъ Анвершмидтъ къ своему адвокату.

Д-ръ Гришаевъ медлилъ отвѣчать.

— Одно могу сказать,—началъ Гришаевъ:—онъ занимаетъ служебную должность.

— Какую должность?

Гришаевъ наклонился и сказалъ кавалеру шопотомъ на ухо:

— Штрафъ, какъ мнѣ извѣстно, служить въ тайной австрійской полиціи.

При этихъ словахъ Анвершмидтъ такъ припрыгнулъ на креслѣ, точно въ него попалъ осколокъ лопнувшей бомбы. Онъ не зналъ какимъ словомъ выразить, что почувствовалъ, и у него вырвалось:

— Полное пораженіе! Богъ милостивъ, прибавилъ онъ:—довольно! болѣе ничего слышать не хочу!—вотъ все, что могъ проговорить Анвершмидтъ.

Ага! значитъ ударъ мѣтло попалъ.

Старикъ такъ былъ взволнованъ, что не примѣтилъ, какъ надѣлъ шляпу въ комнатѣ адвоката.

Потомъ, онъ глухо проговорилъ:

— Не рассказывайте никому объ этомъ дѣлѣ. Будетъ того, что оно намъ обоимъ извѣстно. Чортъ возьми, довольно того, что я про это знаю! Куда мнѣ дѣться отъ своихъ собственныхъ глазъ? Чортъ васъ поберетъ съ этимъ извѣстіемъ! Очень, очень вамъ благодаренъ!

Кавалеръ ушелъ, захлопнувъ за собой дверь. Черезъ двѣ минуты опять вернулся.

— Докторъ! Я полагаю, мнѣ слѣдуетъ перемѣнить фамилію? Какъ это дѣлается? Устройте это. Не хочу болѣе называться Анкершмидтомъ!

Гришакъ отвѣчалъ, что все будетъ сдѣлано, только теперь ему слѣдуетъ скорѣе вернуться домой.

Мысль о перемѣнѣ фамиліи продолжала вертѣться въ головѣ у Анкершмидта, и когда ему въ конторѣ одинъ изъ писарей услужливо подалъ пальто, онъ спросилъ молодого человѣка:

— Какъ бы вы перевели по-венгерски фамилію Анкершмидтъ?

— «Вошмочко-ковачи».

По-венгерски, якорь: «вошмочко», а кузнецъ: «ковачъ».

Анкершмидтъ, окинувъ его грустнымъ взглядомъ съ головы до ногъ и взявъ изъ его рукъ трость, пробормоталъ по-нѣмцѣи:

— Осѣлъ ты, братецъ! И въ этомъ опять я виноватъ.

Злоба Анкершмидта усиливалась по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ дому.

Дорбгой онъ началъ допрашивать, кто изъ кучеровъ возилъ убѣжавшихъ на господскихъ лошадяхъ, — его стоить повѣсить, онъ его сейчасъ же застрѣлитъ.

Прислуга ждала кавалера въ величайшемъ страхѣ. Элиза спустилась на встрѣчу отцу, и молча бросилась ему на шею.

— Не говори, ни слова не говори! Никогда не упоминай о нихъ. Видишь, я старикъ, я былъ во многихъ битвахъ, однако я нивогда не приходилъ въ бѣшенство, а теперь я знаю, какъ бѣсится. Ни слова о нихъ!

Они между тѣмъ поднялись по лѣстницѣ. Прислуга, въ щель увидавъ конецъ сцены и замѣтивъ, что кавалеръ спокойно поднимается по лѣстницѣ подъ руку съ дочерью, приободрилась, отперла пастежъ двери, самый храбрый выступилъ впередъ, за нимъ слѣдовала экономка, горничная, сзади стояла мужская прислуга. Начали подходить къ рукѣ, увѣряя, что ни въ чемъ не виноваты.

Анкершмидтъ, строго на нихъ посмотрѣвъ, громовымъ голосомъ закричалъ:

— Чортъ возьми! Бездѣльники такіе! Будьте вы прокляты! И чтобы впредь этого не было!

Потомъ, взявъ дочь за руку, старикъ ушелъ въ свою комнату. Элиза помогла ему переодѣться. Онъ рассказывалъ ей, гдѣ былъ, что устроилъ, какъ освободилъ узника въ Куфштейнѣ.

— Теперь, милая дочь моя, я рѣшаю не брать больше въ домъ сторожа, чтобъ за тобой слѣдить, но скажу тебѣ, что ты должна сама остерегаться. Одна изъ моихъ дочерей вышла за шпиона, съ меня будетъ этого горя; пусть же не говорятъ, что другая освободила изъ заточенія богатаго молодого человѣка, чтобъ выйти за него замужъ. Ты меня понимаешь, не такъ ли?

Элиза взяла руку отца, и пожала ее по-мужски.

— Еще одно слово,—сказалъ Анкершмидтъ. Прошлое очень огорчаетъ меня, я сержусь даже на свою фамилію, и тебя буду называть вмѣсто Элизы — Эржика. Теперь займись хозяйствомъ, ты становишься хозяйкой.

Дѣвушка удалилась.

— Эржика! — позвалъ ее Анкершмидтъ.

Дѣвушка просунула голову въ дверь.

— Хорошо, — шутиливо сказалъ Анкершмидтъ. Я хотѣлъ знать, помнишь ли ты свое новое имя.

Егоръ, камердинеръ, который всегда брилъ барина, поспѣшилъ къ нему съ теплою водою, однако скоро вернулся обратно въ кухню и разсказалъ прислугѣ, что баринъ спросилъ его по-венгерски: чего тебѣ надо, *Дюрко?*

— Я пришелъ брить васъ.

— Ты меня больше брить не будешь, — отвѣчалъ баринъ. Баринъ хочетъ отпустить бороду!.. Человѣкъ начинаетъ ненавидѣть все свое прошлое, такихъ людей въ «нашей сторонѣ» очень много.

Х.

Коринна скоро узнала отъ доктора Гришака, что ея женихъ освобожденъ.

Это былъ тяжелый ударъ!

Жаль, что не удалось устранить этого удара. Теперь надо позаботиться уменьшить опасность, елико возможно.

Коринна полагала, что Аладаръ уже дома, у своего стараго дяди. Если Анкершмидтъ вернулся въ Пештъ, то Аладаръ навѣрное уже въ деревнѣ.

Коринна рѣшилась написать Аладару анонимное письмо, предостерегая его противъ самой себя, какъ женщины, которая его не стдитъ.

Положивъ письмо въ конвертъ, она ломаннымъ почеркомъ написала адресъ и поручила для вѣрности отправить его «казнымъ».

На бѣду, только-что передъ тѣмъ въ австрійскихъ почтамтахъ снова появилось прежнее правило: при отправкѣ заказного письма отправитель долженъ написать свою фамилію на-право отъ печати. Если кто этого не исполнялъ,—угрюмый почтовый чиновникъ бросалъ обратно письмо подателю, бранился и посылалъ его домой написать что пропущено.

Городъ, видите, долженъ знать, кто отправляетъ письма черезъ его собственный почтампъ. Но городу и въ голову не приходило, что хитрые люди могутъ, вмѣсто своего имени, написать: «Корнелій Непотъ», или «Леа Кохеба».

— А имя зачѣмъ не выставлено?—сердито замѣтилъ приѣмщикъ посланному Коринны.

— Фамилія выставлена,—отвѣчаетъ невинный.

— А другая-то фамилія?

— Да вѣдь письмо одному лицу адресовано.

— Оселъ! Нужна фамилія того, кто отправляетъ. Пошелъ, назадъ неси обратно, пусть напишутъ—или, вотъ перо, самъ напиши.

Посланный взялъ перо въ кулакъ и нацарапалъ огромными буквами имя своей госпожи на «анонимномъ» письмѣ, не пропустивъ ни одной буквы.

Ну, теперь Коринна можетъ быть покойна: анонимное письмо попадетъ въ надежныя руки, и даже получатель, прежде чѣмъ прочтетъ письмо, узнаетъ отъ кого оно?

Въ этотъ же самый день бѣдный управляющій старика Гароновѣльди, Компотъ, узналъ наконецъ отъ арестовавшаго его Брейхейселя, что слѣдствіе окончено благополучно, и онъ можетъ вернуться домой. Если онъ желаетъ жаловаться,—можетъ: его слова занесутъ въ протоколъ.

Но Компотъ поблагодарилъ; онъ, молъ, въ протоколѣ не нуждается, лучше по-добру, по-здорову, отправиться домой.

На обратномъ пути онъ на минутку пріостановился у почтамта своего города, чтобъ спросить, нѣтъ ли писемъ въ деревню. Одно было, всего одно.

Старый Гароновѣльди сидѣлъ у камина и читалъ Тацита, когда Компотъ вернулся изъ-подъ ареста.

Добрякъ съ шумомъ вошелъ въ комнату, какъ и подобаетъ мученику-патріоту, четыре недѣли бывшему подъ слѣдствіемъ; за все это время онъ спалъ северно и ѣлъ Богъ знаетъ что. Пошли расказы.

— Ахъ, я было совсѣмъ позабылъ! вѣдь я съ почты принесъ письмо отъ г-жи Пойтой,—проговорилъ Компотъ.

— Да какъ вы знаете, что письмо отъ нея?

— А снаружи имя на адресѣ написано, — теперь такое правило.

— Хорошо правило! Покажите-ка?

Посмотрѣвъ на письмо, старый баринъ покачалъ головой.

— Оно адресовано Аладару.

— Позвольте взглянуть. Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ ему. Это, должно быть, ошибка, Аладаръ вертится у нея въ головѣ, такъ вотъ рука-то и написала его имя. Безъ сомнѣнія, письмо вамъ назначалось, иначе она бы не адресовала его сюда, въ деревню, а прямо—въ Куфштейнъ.

— Быть можетъ, она его сюда адресовала для того, чтобъ я дальше переслалъ.

— Этого я не думаю. Ясно, что оно писано къ вамъ, даже сказано: «съ полнѣйшимъ уваженіемъ», г-ну Аладару она бы просто написала: «съ любовью». Не правда ли? И притомъ крупными буквами прибавлено: «спѣшное», и поставлено три восклицательныхъ знака. Вѣдь г. Аладару никто не можетъ писать: «спѣшное»; ради этого въ крѣпости не поторопятся ему передать. Просто она писала къ вамъ.

Послѣдній доводъ дѣйствительно убѣдилъ Гароновѣльди. Но чѣмъ дальше читалъ онъ письмо, тѣмъ болѣе дивился. То взглянетъ на конвертъ, то еще разъ письмо прочтетъ, — все-таки не могъ онъ толку добиться.

— «Чего же она хочетъ», раздумывалъ старикъ, «чтобъ онъ отъ женитьбы отказался! Да это ему легко сдѣлать уже потому, что еще десять лѣтъ ждать приходится... Анонимное письмо, а снаружи вся фамилія выставлена».

Можетъ быть, кто-нибудь хотѣлъ надъ нимъ подшутить? Все-таки не поймешь, въ чемъ-же тутъ острота заключается.

Придя къ такому заключенію, онъ швырнулъ письмо въ корзину съ дровами. Вздоръ какой-то!

— Ну, теперь, другъ мой Компонъ, продолжайте свой рассказъ. Что-же сказалъ полицейскій Брейхейзель? Развѣ мнѣ не вернуть шкатулки? Хоть-бы портретъ-то мнѣ отдали; вмѣсто его онъ можетъ велѣть себѣ вѣшать зеркало и бриться передъ нимъ.

— Я тоже объ этомъ просилъ, а онъ говорить: нельзя, это «доказательство» отослано въ Вѣну.

— Ужъ не на лондонскую-ли выставку!

Во время этой бесѣды лагавая собака Аладара лежала на медвѣжьей шкурѣ у ногъ старика Гароновѣльди; скрестивъ передъ

нѣ лапы, она положила на нихъ свою голову и какъ будто слушала съ англійской флегмой.

Какой-то экипажъ въѣхалъ во дворъ. Собака проворно выткнула шею.

— Кто-нибудь изъ знакомыхъ пріѣхалъ: Цица не лаетъ, — пояснилъ Компошъ старому Гароновѣлди.

Однако Цица вспрыгнула, встряхнула ошейникъ, подняла одно ухо и начала внезапно визжать.

Черезъ минуту собака громко залаяла и вспрыгнула на стараго Гароновѣлди, толкая его въ бокъ передними лапами. Потомъ кинулась на Компоша, вспрыгнула до самой шеи и лизнула въ щеку. Затѣмъ побѣжала въ двери и начала сврести одной лапой, оборачивая голову къ хозяину, словно она старалась изобразить улыбку.

Между тѣмъ въ сѣняхъ раздались шаги, и Цица почти завыла. Гость вошелъ. Это былъ — Аладаръ Гароновѣлди.

Въ подобныхъ случаяхъ на сценѣ, актеры сперва пятятся, потомъ спрашиваютъ другъ друга: — «Ты ли это? Неужели это ты? Не обманываетъ ли меня зрѣніе?...» и т. д. Не будучи актерами, дядя и племянникъ, увидавъ другъ друга, крѣпко, крѣпко обнялись. Ни слова не промолвивъ, они стояли, обнявшись, со слезами на глазахъ долго, долго. Компошъ почти совсѣмъ потерялъ рассудокъ и убѣждалъ возвѣстить дворнѣ такое радостное событіе.

Вернувшись опять въ домъ, Компошъ нашелъ, что дядя съ племянникомъ сидятъ рядомъ и преспокойно бесѣдуютъ.

— Я вѣдь зналъ, что г-нъ Аладаръ нинѣче вернется! съ триумфомъ проговорилъ управляющій. — Я это даже хотѣлъ сказать. Я это чувствовалъ.

— Цица ранѣ васъ высказала предчувствіе, любезный Компошъ, сказалъ шутливо старый Гароновѣлди, пока Аладаръ съ чувствомъ пожималъ руку преданному человѣку.

— Видите, г-нъ Гароновѣлди не вѣрить, что я раньше Цицки предчувствовалъ ваше возвращеніе! — озабоченно проговорилъ Компошъ, съ завистью взглянувъ на собаку, которая спокойно положила свою красивую, умную голову на колѣни Аладару. — А между тѣмъ, все-таки я первый предчувствовалъ, что вы скоро вернетесь: развѣ не я привезъ домой письмо г-ну Аладару?

Теперь только вспомнилъ старикъ про письмо, брошенное въ корзину.

— И то правда! Тебѣ писать изъ Пешта какая-то немз-

вѣстная особа, желающая тебѣ добра. Поищите-ка письмо, Компошъ: оно тамъ валяется.

— Кто могъ мнѣ написать?

— Увидишь. Ясно, что это лицо знало о твоёмъ освобожденіи, прежде нежели ты сюда явился.

Аладаръ прочелъ письмо и только погладилъ собаку по головѣ.

— Ципка такихъ писемъ не писала.

— Что ты на это скажешь, — спросилъ старикъ, — понимаешь ли ты, что это значить?

— Прекрасно понимаю. Моя милая неvěста струсила. — Что, свадебный контрактъ здѣсь у васъ, дядя? — спросилъ Аладаръ.

— Конечно.

— Пошлемъ-ка его обратно, пусть она не тревожится.

— Хорошо, отлично, вотъ это люблю! Въ одинъ день два помилованія: одна амнистія освобождаетъ тебя отъ 20-ти-лѣтняго заточенія, а другая — отъ пожизненнаго рабства.

Первый день весь посвященъ былъ радости. На другое утро Аладаръ озадачилъ дядю тѣмъ, что выразилъ желаніе сдѣлать визитъ кавалеру Анкершмидту.

— Можешь къ нему сходить, это человѣкъ порядочный.

— Онъ посѣтилъ меня въ Куфштейнѣ, я долженъ ему отдать визитъ.

— Да, надо тебѣ у него побывать...

Аладаръ совсѣмъ очаровалъ Анкершмидта своею искренностью и независимымъ образомъ мыслей.

— Молодой человѣкъ, не попадите опять въ бѣду. Жаль васъ будетъ, — сказалъ съ участіемъ кавалеръ.

— О, нѣтъ, — смѣясь, возразилъ Аладаръ. Если я вамъ говорю, что не намѣренъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, такъ это вовсе не значить, что я хочу странствовать по лѣсамъ. Я хотѣлъ сказать, что буду искать труда, которымъ могъ бы существовать.

— Какъ?

— Понятно. Мое недвижимое имущество конфисковали, капиталъ у меня никогда не было, а жить у дяди и выдавать себя за эмигранта — не въ моемъ вкусѣ.

— Однако, вѣдь дядя вашъ богатъ и очень васъ любитъ, это я знаю навѣрное.

— Потому-то я и не могу у него остаться. И потому насъ не такъ воспитывали, чтобъ, ничего не имѣя, мы не

знали, куда бы голову преклонить. Мы съумѣемъ и въ бѣдности прожить. У меня есть дипломъ инженера, теперь естатіи думаютъ о судоходствѣ рѣки Тиссы: найдутъ и для меня маленькое мѣстечко. Тутъ мнѣ никогда долго не придется сидѣть на одномъ мѣстѣ: въ этой службѣ разъѣзды неизбежны.

Анкершмидтъ, слушая такіа разсужденія, отъ удовольствія почесалъ свой сѣдой затылокъ; онъ сталъ побаиваться, что не только дочь его Эржина, бывшая Элиза, да и самъ онъ, пожалуй, влюбится въ молодого человѣка.

— Однако, скажите-ка, — спросилъ кавалеръ съ особенной усмѣшкой, — можетъ ли понравиться вашей невѣстѣ такая должность, которая постоянно будетъ удалять васъ изъ дому?

— У меня нѣтъ невѣсты. Впрочемъ, — я вижу, вы все знаете — это дѣло прошлое, — равнодушно отвѣтилъ Аладаръ.

— Но, можетъ быть, вы не совсѣмъ разошлись съ нею?

— Я объ этомъ, простите, не люблю говорить.

— А я люблю. Подумайте, вѣдь и я гожусь въ женихи, я вдовецъ. Мнѣ интересно знать, гдѣ отыскивается ваканція, свободно ли сердце той или другой дамы?

Аладаръ улыбнулся на эту шутку.

— Дай Богъ, чтобъ ни одинъ изъ насъ не женился на моей невѣстѣ.

— Какое же вы имѣете основаніе такъ говорить?.. Чѣмъ она васъ обидѣла?

— Человѣкъ, который хоть сколько-нибудь собой дорожитъ, въ этомъ не признается.

— Ее передъ вами оклеветали?

— О, нѣтъ, никто.

— Объяснялись вы съ ней?

— Мы еще не видали другъ друга.

— Значить, это произошло на письмѣ?

— Да.

— Ну, мой юный другъ, это еще недостаточная причина для того, чтобъ разойтись. Письма часто ведутъ къ недоразумѣніямъ. Изъ-за письма нельзя разстроивать всю будущность. Я вамъ совѣтовъ не даю, не имѣя права мѣшаться въ ваши дѣла, а просто обращаюсь къ вашей справедливости. Вы, венгерцы, славитесь привязанностью къ своимъ правамъ. Вамъ извѣстно, что даже завѣдомо написавшему фальшивый вексель предлагаютъ вопросъ: «Ты ли это написалъ?» — прежде нежели пронаести надъ нимъ приговоръ. Тѣмъ болѣе, полагаю я, что въ старой Венгрии никто не осудитъ своей невѣсты, не выслушавъ ее.

— Вы правы, пожалуй: дѣйствительно, мнѣ слѣдуетъ побывать у нея.

Они скоро пожали другъ другу руку, но ни одинъ изъ нихъ не сказалъ: до свиданія!

Аладаръ, уходя, подумалъ: «Вотъ, неприятный-то человѣкъ! ему извѣстны всѣ мои тайны. Я больше сюда не приду».

Анвершмидтъ думалъ себѣ: «Ему здѣсь вѣрно не понравилось, должно быть другой разъ не явится».

На другой день Аладаръ отправился уже въ Пешть и передъ обѣдомъ, выждавъ часъ, въ который принято дѣлать визиты, явился къ Кориннѣ.

Послѣ театральнѣйшей сцены изумленія со стороны Коринны, жалобъ ея на нервы и сердцебіеніе, разговоръ перешелъ на самые банальные предметы.

Коринна все ожидала, что Аладаръ сейчасъ упомянетъ о старомъ контрактѣ и готовилась въ этомъ случаѣ упасть въ обморокъ и тѣмъ положить конецъ разсужденіямъ о замужествѣ.

Однако Аладаръ даже и не упомянулъ объ этомъ. Спросилъ ее, ѣздитъ ли она въ театръ? Какія появились новыя оперы, нравятся ли онѣ публикѣ? Какія новыя имена заучилъ ея любимецъ попугай? Ѣздитъ ли она верхомъ, у нея ли еще лошади со звѣздами? И дѣлалъ ей тому подобные пустые вопросы.

Когда Коринна черезъ-чуръ уже начала жаловаться на сердцебіеніе, Аладаръ всталъ, посоветовалъ своей невѣстѣ не пренебрегать разстройствомъ нервъ и поскорѣе отправиться на воды, — и затѣмъ они очень мило простились.

Аладаръ окончательно убѣдился въ томъ, въ чемъ ему было нужно убѣдиться: надо теперь уничтожить и контрактъ in optima forma.

Ему извѣстно было, что Гришакъ — адвокатъ Коринны. Онъ прямо къ нему и отправился.

Адвокатъ встрѣтилъ его съ самою невысказанной любезностью, какъ вообще принимаютъ людей, которыхъ побаиваются и не жалуютъ.

— Я долго васъ не буду задерживать, — сказалъ Аладаръ. — У меня есть условіе съ вашей кліенткой, госпожой Пойтой.

— Знаю-съ. Мнѣ знакомо условіе.

— Тѣмъ лучше, мнѣ нѣтъ надобности пояснять дѣло. Въ настоящее время я не могу предложить блестящаго положенія женищину, на которой бы женился.

«А!» — подумалъ докторъ Гришаевъ: «онъ хлопочетъ о договорѣ», и спросилъ:

— Изволили вы переговорить съ г-жой Пойтой.

— Я видѣлся съ нею и замѣтилъ, что и она не желаетъ сохранить прежнихъ отношеній.

— А вы?

— Я ничуть ее за это не виню. Къ брачнымъ договорамъ я отношусь крайне снисходительно. Я нахожу, что она въ правѣ отказаться отъ супружества.

— Ну, а что касается договора?

— Затѣмъ-то именно я и пришелъ къ вамъ. Съ слабонервной дамой нельзя толковать о дѣлѣ. Мы контракты уничтожимъ.

— Какія же вы предлагаете условія?

— Очень простое условіе. Пусть вдова Пойтой вернетъ мнѣ мою бумагу, а я отдамъ ей ея документъ.

— И вы не желаете воспользоваться ни однимъ изъ тѣхъ правъ, которыя вамъ предоставляются по контракту.

— Да, вѣдь, я насильно не заставляю женщину выйти за меня за-мужъ.

— Но... касательно имущества?

— А! вы говорите объ имуществѣ безъ невесты? Нѣтъ, милостивый государь, это противно моимъ правиламъ.

Докторъ Гришаевъ всталъ со стула и, кланяясь Аладару, проговорилъ:—Вы, дѣйствительно, благородный человѣкъ!..

— Такимъ образомъ,—продолжалъ адвокатъ,—мы легко можемъ сговориться; контрактъ у меня, при васъ ли копія?

— Да, она со мной.

— Потрудитесь написать, что вы отказываетесь отъ всякихъ притязаній...

— Писать я ничего не намѣренъ, а если позволите, здѣсь же сожгу документъ въ каминѣ. Вы то же сдѣлайте съ даннымъ мною условіемъ, пусть оба превратятся въ пепелъ.

— Но... почему же не хотите вы надписать на документъ?

— Потому, что я не желаю давать г-жѣ Пойтой никакого доказательства въ томъ, что я хоть одну секунду думалъ о ней послѣ нашей послѣдней встрѣчи. Если вы не соглашаетесь, я передамъ дѣло моему адвокату, и тогда вы вдвоемъ порѣшите этотъ вопросъ.

Д-ръ Гришаевъ не желалъ упускать случая, и уговоривъ Аладара присѣсть, согласился на все.

Завладѣвъ контрактомъ, Гришаевъ припряталъ его въ надежное

мѣстечко и съ веселой улыбкой подошелъ въ Аладару и прошепталъ:

— Вы нынче выказали большое великодушіе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ, по закону, противникъ безапелляціонно долженъ былъ попасть въ ваши руки. За это вы будете вознаграждены. Припомните, что говоритъ вамъ докторъ Гришакъ, тотъ самый, которому вашъ дядя предложилъ разъ вѣсто стула скамейку, на которой садятся доить коровъ; этотъ самый докторъ говоритъ вамъ, что вы скорѣе, чѣмъ ожидаете, сдѣлаетесь богаты по-прежнему. И вы не пожалѣете, что великодушно отказались отъ чужого добра.

При этихъ словахъ, Аладаръ принужденно улыбнулся: его вниманіе сосредоточилось въ это время на томъ обстоятельстве, что дядя его въ самомъ дѣлѣ предложилъ доктору сѣсть на скамью коровницы.

— Да, да, милостивый государь, вашъ дядя еще хотѣлъ заставить меня лечить больныхъ овецъ, колы скоро я докторъ... Но я за это не сержусъ на него, нисколько не сержусъ.

Въ доказательство, что онъ вовсе не сердится, Гришакъ проводилъ Аладара до самой лѣстницы. А тотъ все смѣялся надъ скамейкой, которую дядя предложилъ доктору. Про то же, что докторъ сказалъ ему въ концѣ визита, онъ давнымъ-давно забылъ.

XI.

— Папá, мнѣ очень трудно одной,—сказала однажды дочь Анвершмидта своему хмурому отцу.

— Такъ чего же ты желаешь?

— Мнѣ бы надо кого-нибудь, кто бы могъ мнѣ помочь хозяйничать, съ кѣмъ бы можно было и побесѣдовать.

— Это вѣрно; тебѣ надо какую-нибудь компаньонку; да гдѣ ее отыскать-то?

— Я сама поищу.

Для черезъ два Эржина опять заговорила о томъ же.

— Папá, вѣдь я нашла то, что мнѣ нужно. Одна знакомая мнѣ пріятельница въ Вѣнѣ рекомендуетъ мнѣ отличную женщину.

— Почему-жъ ее въ Вѣнѣ не удерживаютъ?

— Это—несчастная женщина. Мужъ ея—негодяй; онъ завелъ процессъ съ тестемъ, изъ-за приданого, и проигралъ. Теперь онъ мучитъ жену, даже бьетъ ее...

— Ну, ты ужь готова расплакаться! Вѣдь не тебя бьютъ.

— Да вѣдь это такая гадость.

— Однако, если ты намѣрена оплакивать всѣхъ женщинъ, которыхъ бьютъ, совѣтую тебѣ вставать пораньше, а то дня не хватитъ на слезы.

— И это еще не все; онъ, наконецъ, выгналъ ее; бѣдная женщина не знала куда идти. Стыдилась показаться знакомымъ. Не смѣла вернуться къ отцу. Ей пришлось искать мѣста. Вотъ моя вѣнская пріятельница и рекомендуетъ мнѣ ее въ компаньонки. Она радехонька будетъ попасть въ нашъ домъ.

— Такъ, но каковъ у нея самой характеръ?

— О, самый кроткій, она олицетворенное терпѣніе.

— Ты уже готова за это поручиться. Почему ты знаешь, такова ли она?

— Я предполагаю, что она должна быть кротка, если безропотно перенесла столько обидъ.

— Да это совсѣмъ иной вопросъ, ты этого не понимаешь. И фурія можетъ сносить побои отъ мужа.

— О, это не фурія, она не зла. Что-жъ, ты позволишь взять ее къ намъ?

— Пожалуй, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Вотъ ты сама увидишь, если она даже будетъ у насъ какъ сыръ въ маслѣ кататься, и то убѣжить къ мужу.

— Значить, я могу написать Гришаку, чтобы онъ ей выслалъ денегъ на дорогу?

— Можешь, напиши.

Черезъ нѣсколько дней Эрженка получила письмо изъ Пешта. Прочитавъ его въ своей комнатѣ, она долго не рѣшалась идти къ отцу, чтобы онъ не примѣтилъ, какъ у нея заплаканы глаза. Наконецъ, рѣшилась.

— Знаешь папá, та бѣдная женщина...

— Ну, что съ ней случилось?

— Она уже доѣхала до Пешта.

— Слава Богу! Я за ней пошлю экипажъ.

— Вѣдь ты за ней карету пошлешь?

— Зачѣмъ же непременно карету?

— Позволь карету!

— Ну, пусть по-твоему.

Анжершмидтъ весь слѣдующій день охотился. Настала пора для бекасовъ. Егеръ предсказалъ, что въ этомъ году будетъ ихъ много — потому, что сырая погода.

Поздно вечеромъ вернулся старикъ домой, удачно поохотившись. Штукъ пять дичи украшали его ягдташъ.

Эржики пришлось выслушать рассказъ о каждомъ убитомъ бекасѣ. Дѣвушка, какъ знатокъ, внимательно выслушивала рассказы, не спуская глазъ съ отца.

— Я и шестого могъ бы застрѣлить, — онъ, каналья, уже былъ подстрѣленъ, я хотѣлъ его поднять, а онъ юркнулъ въ кусты. Я такъ и не нашелъ его, а долго розыскивалъ, пока луна не спряталась. Завтра я его отыщу.

— Ты и завтра уйдешь?

— На зарѣ. Ты еще будешь спать.

— Къ обѣду-то ты вернешься?

— У меня обѣдъ въ сумѣ.

— Какъ, ты опять такъ поздно придешь?

— Даже еще позднѣе, когда луна скроется.

— Не отлучайся завтра на долго.

— Но, милочка моя, въ это время всего удобнѣе охотиться за бекасами.

— Положимъ что такъ, но вѣдь та бѣдная женщина...

— Чтѣ опять съ ней? Но, чортъ возьми, я эту бѣдную женщину могу завтра увидеть — и черезъ мѣсяцъ, а бекасы пролетать, и все кончено.

— А все-таки вернись въ семь часовъ.

— Клянусь св. Губертомъ, я ранѣе половины 9-го не вернусь.

— Уступи полчаса.

— Но я теперь обѣщался самому св. Губерту.

— А, можетъ, онъ и не слыхалъ твоего обѣщанія.

— Ну, хорошо: буду къ восьми часамъ дома. Если нѣсколько опоздаю, не упрекай меня. Чортъ возьми, сколько мнѣ однако терпѣть приходится ради этой бѣдной женщины, которой я еще ни разу не видалъ.

Чтобъ угодить дочери, кавалеръ рѣшился на другой день часомъ раньше отправиться на охоту. Однако св. Губертъ тѣмъ не менѣе отмстилъ ему.

До обѣда ему попало всего два бекаса, и то одного онъ такъ прострѣлилъ, что не стоило домой нести. Послѣ обѣда часамъ къ шести началась адская гроза. Анзершмидтъ спасся отъ нея, благодаря телѣтѣ, попавшейся ему на дорогѣ.

Когда кавалеръ вѣхалъ во дворъ, разразился ливень.

Эржика съ озабоченнымъ лицомъ побѣжала отцу на встрѣчу.

— Господи Боже мой! Вѣдь она въ дорогѣ; чтѣ только съ ней будетъ въ эту грозу!

— Она, кто она?

— Да моя бѣдная женщина.

— Она все тревожится о бѣдной женщинѣ, которая ѣдетъ себѣ въ каретѣ! Чортъ знаетъ, что это такое!

Гроза долго не утихала. Кавалеръ, взглянувъ какъ-то въ окно, вдругъ увидалъ въѣзжавшую на дворъ карету.

Онъ растаянулъ на кровати, и рѣшилъ ничѣмъ больше не возмущаться. Вѣдь свѣтъ не передѣлаешь!

Вскорѣ однако онъ услышалъ, что кто-то тихонько приотворилъ дверь. Вѣрно, Эржика; дѣйствительно, это она.

Боязливо просунула она головку въ полуоткрытую дверь и глазами искала отца.

— Ты все сердисься? — спросила она дѣтски-слезливымъ голоскомъ.

— Сержусь, — ворчливо отвѣтилъ кавалеръ.

— Ну, полно же сердиться, — нѣжно проговорила дѣвочка, подошла къ отцу и старалась схватить его за руку.

— Убирайся, пожалуйста! — какъ будто сердито сказать ей Анкершмидтъ, отдергивая руку. Дѣвочка прижалась къ его груди и горько заплакала. Отецъ испуганно вскочилъ:

— Что съ тобой? Чего ты такъ плачешь?

Эржика обняла отца. Поцѣловала его. Но слезы не легко остановить; нельзя такъ скоро успокоиться.

— Ну, что же ты хотѣла сказать?

— Она уже здѣсь. Приѣхала.

— Бѣдная-то женщина? Ну, слава Богу, что она здѣсь, по крайней мѣрѣ не придется ее дожидаться. Теперь ей ничего больше не надо?

— О, нѣтъ! — вздохнувъ, сказала дѣвушка. — Она очень больна!

— Надо ее въ постель уложить, заварить ей чаю; она вѣрно дорогой простудилась.

— Сдѣлай лучше, чтѣ я тебя попрошу. Исполни мою просьбу.

— Ну, хорошо, о чемъ же ты меня попросишь?

— Она желала бы тебя видѣть, прежде нежели ее въ постель уложить.

— Развѣ ей любопытно на меня посмотрѣть? Значить, у нея любопытство сильнѣе головной боли. Это добрый знакъ.

Анкершмидтъ всталъ съ дивана. Эржика схватила его руку обѣими руками и повела его на свою половину.

Въ первой комнатѣ стояла кровать Эрминіи съ бѣлыми занавѣсками, не поматыми съ той поры, какъ она бѣжала. Къ этой постели подвела Анкершмидта его младшая дочь.

Она приподняла бѣлую занавѣску, и кавалеръ увидать на подушкѣ какую-то больную, въ безпамятствѣ, съ впалыми глазами, желтую какъ воскъ, съ пересохшими губами — бѣдную женщину, и не тотчасъ узнать свою родную дочь, несчастную Эрминію.

Анкершмидтъ мгновенно бросился въ другую комнату.

— Запрягай опять лошадей и скачи въ городъ за докторомъ! — раздался съ балкона голосъ кавалера.

— Какъ же скакать на заморенныхъ лошадяхъ? — отвѣчалъ ему со двора голосъ.

— Да, на заморенныхъ!

— Въ проливной дождь?

— Да, въ проливной дождь!

Съ этого дня въ домѣ Анкершмидта ночи кажутся очень длинными. Въ домѣ больная, — и она не спитъ.

Отецъ съ младшей дочерью попеременно, а иногда оба вмѣстѣ сидятъ у изголовья страдальцы.

Больная все бредитъ, будто она невѣста. Она шопотомъ разговариваетъ съ возлюбленнымъ, котораго любить, обожаетъ. Говорить, какое должно быть у нея подвѣчное платье, какой вѣнокъ изъ миртъ и бѣлыхъ розъ. И все-то она про него говоритъ. Какъ онъ рыцарски любезенъ, какъ счастливъ или несчастливъ! То представляется онъ ей героемъ, то кажется ей, что его преслѣдуютъ. Всюду онъ съ нею, раздѣляетъ ея чувства, живетъ съ ней одной жизнью. Куда бы онъ ни пошелъ, она его видитъ.

И каждую ночь Эрминія все объ одномъ и томъ же бредитъ.

А проснувшись, она сокрушается о своемъ снѣ, жалуется на него сестрѣ. Опять она видѣла, будто любить его!

Во снѣ она любитъ того, кого на яву ненавидитъ. Душа ея за нимъ слѣдуетъ, ищетъ его, въ немъ только для нея все счастье заключено, а когда проснется — содрогается; боится подумать о немъ.

— Буди меня чаще, — проситъ она сестру, — не давай мнѣ крѣпко засыпать. Когда увидишь, что начинаю волноваться, позови меня, я очнусь. Если я начну бредить, разбуди меня, не давай мнѣ бредить. О, это ужасно, что вѣчно приходится видѣть сны!

Докторъ сказалъ, что у нея сильная нервная болѣзнь. Ей только можетъ помочь благопріятный нравственный переворотъ.

Самое лучшее было бы развести ее съ мужемъ. Анкершмидтъ

тоже объ этомъ думать и рѣшилъ посоветоваться насчетъ процесса о разводѣ съ Гришакомъ.

Въ прекрасный весенній день, послѣ обѣда, Эрминія настолько хорошо себя чувствовала, что ей позволено было сойти въ садъ и погулять подъ руку съ Эржиной.

— Это солнце, эта зелень, могли бы меня вылечить, — сказала она, наклонясь къ сестриному плечу, еслибъ не мучила меня одна мысль, что мужъ можетъ потребовать меня назадъ, и тогда трава кажется мнѣ желтой, и я забну на солнцѣ.

— Посмотри, фіалки уже распускаются, — сказала Эржина, желая развлечь сестру; наклонившись, она сорвала нѣсколько скромныхъ весеннихъ цвѣточковъ и подала Эрминіи: — Какъ они чудно пахнутъ!

Эрминія отбросила ихъ съ отвращеніемъ.

— У нихъ такой же запахъ, какъ у сигаръ, которыя онъ куритъ!.. Лучше-бъ мнѣ не выздоравливать! Теперь, потому что я больна, мнѣ никто не дѣлаетъ упрековъ, а еслибъ я выздоровѣла, отецъ припомнилъ бы мнѣ все.

— Онъ давно тебя простилъ! Смотри, вотъ онъ идетъ къ намъ, какъ онъ тебѣ улыбается.

Анкершмидтъ на поворотѣ дорожки шелъ къ нимъ на встрѣчу.

— О, нѣтъ!

На этотъ разъ дѣйствительно Эрминія была права. Анкершмидтъ былъ озабоченъ.

— Папá, иди сюда! — крикнула Эржина веселымъ, звонкимъ голосомъ. — Я спорю съ Эрминіей, она увѣряетъ, что ты сердилъ, а я говорю, что ты улыбаешься.

— Вотъ какъ! Конечно, я улыбался, — сказалъ Анкершмидтъ, подходя къ нимъ; и дѣйствительно, онъ старался казаться веселымъ.

— Онъ только теперь началъ улыбаться, — тихо проговорила Эрминія на ухо Элизѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вернулась, она еще ни разу не осмѣлилась прямо взглянуть отцу въ глаза.

Анкершмидтъ, услыжавъ шопотъ, попытался ее успокоить.

— Да, точно, я былъ немного не въ духѣ: меня извѣщаютъ, что, по случаю одного процесса, мнѣ надо съѣздить въ Пешть. Мнѣ досадно, потому что не хочется оставить васъ одиѣхъ.

— Видишь ли, что я была права, — прошептала Эрминія.

— Не горюй, дочь моя. Пока я въ Пешть буду, я попрошу доктора здѣсь пожить.

Эрминія опять шопотомъ сказала сестрѣ:

— Попроси убѣдительно папу не посылать сюда доктора. Мнѣ нравится быть больной.

— Почему это? — спросилъ Анкершмидтъ, разслушавъ послѣднія слова. — Зачѣмъ ты такъ говоришь?

— Потому что, пока я больна, всѣ ко мнѣ добры.

— О, мое милое дитя, — возразилъ Анкершмидтъ, притягивая къ себѣ Эрминію и обнимая ее: — Отцовскій гнѣвъ — бальзамъ въ сравненіи съ тѣмъ, что ты уже испытала.

Эрминія съ грустью взглянула отцу въ глаза и обѣими руками схватила его руку.

— Правда, правда, — прошептала она и, опустивъ голову, прибавила: — поздно приходится узнавать все это.

— Однако, дѣти мои, мнѣ пора ѣхать, — дѣло спѣшное.

— Ахъ, папá, — проговорила Эржика, — куда ты все отлучаешься, — мы тебя не пустимъ. Ночью плоха дорога.

— Это почему? почти ѣдетъ же всю ночь. Мнѣ не первый разъ придется ночью путешествовать.

— Зачѣмъ ты такъ торопишься?

— Зачѣмъ, да зачѣмъ! Гдѣ тебѣ это понять, даже еслибы я и сказалъ причину. По-латыни говорится: «*periculum in mora*»! Да вотъ и карета готова. Ухаживай за Эрминіей.

— Но гдѣ же дорожныя вещи?

— Мнѣ ничего не надо, все у меня есть, — коротко отвѣтилъ Анкершмидтъ, поцѣловалъ дочерей и сбѣгъ въ карету, запряженную четверикомъ; экипажъ быстро удалился.

Эрминія стояла у парадной лѣстницы и не двинулась съ мѣста, пока не исчезло послѣднее облако пыли отъ удалявшагося экипажа.

Анкершмидтъ, прямо съ дороги, весь въ пыли, спѣшилъ къ доктору Гришаку.

— Получили вы мое письмо? — спросилъ адвокатъ.

— Оно-то и вызвало меня въ городъ.

— Поняли вы, что въ немъ высказано.

— Вполнѣ. Онъ намѣренъ начать процессъ, требовать, чтобы жена къ нему вернулась.

— По гражданскому австрійскому своду законовъ...

— Я не спрашиваю, что тамъ говорится. Чего хочетъ этотъ человѣкъ?

— Признаюсь откровенно, изъ всего я одно вывожу заключеніе, а именно — что Шграфъ хочетъ выманить деньги у васъ.

— Очень радъ.

— Штрафъ — негодяй, это неоспоримо. Вы — человекъ честный. Штрафъ одинаково убѣжденъ и въ томъ, и въ другомъ; на этомъ и основывается весь его расчетъ. У васъ нѣтъ въ рукахъ никакого доказательства, которое могло бы послужить мотивомъ для развода. Помимо же такихъ доказательствъ, какъ вамъ извѣстно, по закону жена не имѣетъ права жить отдѣльно отъ мужа. Чтобы разводъ состоялся, обѣ стороны должны высказать суду взаимную ненависть. До тѣхъ поръ, пока Штрафъ будетъ утверждать, что онъ любитъ жену, съ нимъ ничего не подѣлаешь.

— Слѣдовательно, мы должны купить у него признаніе въ ненависти къ женѣ.

— Дѣйствительно, обыкновенно такъ дѣлается.

— Отлично. Сколько онъ требуетъ?

— Покуда мнѣ это неизвѣстно. Но я думаю, что намъ придется пожертвовать 10,000 гульденовъ, чтобы съ нимъ поладить.

— Очень хорошо. Сейчасъ же примитесь за это дѣло. Когда процессъ о разводѣ окончится въ нашу пользу, въ видѣ вознагражденія за хлопоты вы получите отъ меня тоже 10,000 гул. Теперь дайте мнѣ перо и бумагу. Я напишу ордеръ своему вѣнскому банкиру, а вамъ дамъ обязательство. Диктуйте, что слѣдуетъ мнѣ писать?

XII.

Д-ръ Гришакъ съ первымъ поѣздомъ отправился въ Вѣну, чтобы передать предложеніе, которое и для него представляло большую выгоду.

Въ квартирѣ Штрафа онъ засталъ другого стараго знакомаго — Максепутша, супруга англичанки Натали.

Едва вошелъ Гришакъ въ переднюю, какъ уже успѣлъ отгадать положеніе дѣла. На всей мебели видѣлись казенныя печати, доказывающія настойчивость кредиторовъ. За дверью Гришакъ слышалъ оживленный споръ между двумя собесѣдниками. Оба вмѣстѣ кричатъ, — видно, дѣло идетъ не о бездѣлицѣ. Открывъ дверь, онъ увидѣлъ, что оба знакомые стояли такъ близко другъ къ другу, какъ-будто каждый хотѣлъ заставить противника даже носомъ слушать, что онъ толкуетъ.

— Ахъ, господа, о чемъ это вы спорите съ такимъ ожесточеніемъ? — шутиливо спросилъ Гришакъ, а противники, увидавъ его, отошли другъ отъ друга. — Не могу ли я помочь разрѣшить споръ?

Пока взволнованный Максепуттъ искать, въ какихъ словахъ выразить свое огорченіе, Штрафъ, пожавъ плечами, запустилъ руки въ карманы и шутиливо отвѣчалъ:

— Мы съ почтеннымъ другомъ моимъ рассуждали о весельномъ правѣ. Онъ понять не хочетъ, то хотя онъ раньше всѣхъ описалъ мебель, но если другой кредиторъ явится и докажетъ, что мебель принадлежитъ моей женѣ, и предъявить весель за ея подписью, то онъ и возьметъ мебель. Вѣдь это безспорно?

— Чортъ возьми!—прорычалъ Максепуттъ,—вѣдь это не шутки. Г-нъ докторъ, не угодно ли вамъ взглянуть: вотъ веселя, доказывающіе, что я этому человѣку далъ 10,000 гульд.

— Всего-то 5,000,—онъ заставилъ написать вдвое.

— Я молчу, веселя за себя говорятъ. Десять штукъ по 1,000 гульд. Чтѣ мнѣ до этой дрянной мебели!

— Да и я то же говорю.

— Однако, значить, я разоренный человѣкъ?

— А я-то развѣ не разоренъ?

— Для меня непонятно веселое настроеніе этого господина! горячился Максепуттъ:—Онъ вытянулъ у меня деньги, не можетъ заплатить,—и еще смѣется.

— Позвольте, позвольте, — сказалъ Гришаевъ, — дайте мнѣ высказаться. Быть можетъ, еще не все потеряно. Сколько долженъ г. Штрафъ г-ну Максепутту?

— Повѣрьте мнѣ, докторъ, всего—5,000, отвѣчалъ Штрафъ.

— Хоть бы и эту сумму, на чтѣ могли вы ее разстрѣпать?

— Да на процессъ съ тестемъ.

— Не могли же вы на него потратить всѣ деньги?

— Ахъ, бросимъ это! Вы сами знаете, что если человѣкъ на улицѣ поклонится адвокату, такъ вѣдь и за это ему заплатить придется.

— Ну, возразилъ Гришаевъ, мы немного и въ карточки поигрываемъ, не такъ ли?

— Случалось. Кю же не играть-то? Хотѣлъ бы я посмотреть на такого молодца. Пожалуй, еще попрекать стану, что я сигары курю?

— Курили бы сигары, да не на мои деньги,—злобно проворчалъ Максепуттъ.

Его пуще всего сердило, что должникъ по-сю пору курить сигары «Sabannos».

— Прошу васъ нѣсколько успокоиться, господа, — унималъ ихъ Гришаевъ.—Дайте мнѣ высказаться, можно дружески порѣ-

шить дѣло. Г-нъ Максепутинъ, я полагаю, удовольствоваться бы 5,000 гульденовъ, съ прибавленіемъ законныхъ процентовъ.

— Что вы называете законными процентами?

— Ну, положимъ 10%.

— Положимъ. Что-жъ дальше?

— Это вполне зависитъ отъ моего почтеннаго друга, г-на Штрафа. Анкершмидтъ поручилъ мнѣ начать процессъ о разводѣ.

— Ни къ чему это не поведетъ. Я хочу, чтобъ жена вернулась ко мнѣ.

— Онъ хочетъ, чтобъ она къ нему вернулась, — проворчалъ Максепутинъ, съ ожесточеніемъ качая головой. — У васъ даже стула нѣтъ, посадить ее не на что!

— Когда придетъ, и стулъ найдется.

— Не придетъ она, сударь, — лукаво замѣтилъ Гришакъ, а предлагаютъ вамъ кругленькую сумму, если вы не будете препятствовать благопріятному рѣшенію процесса...

— Слушайте, да слушайте же! — вѣдывался въ разговоръ Максепутинъ.

Штрафъ, повернувшись, черезъ плечо спросилъ:

— Какую сумму предлагаетъ онъ?

— Да-съ, это можно назвать суммой, — проговорилъ Гришакъ, разстегнувъ сюртукъ. — Ассигновка при мнѣ, извольте прочесть: 10,000 гульденовъ.

— Да слушайте же, — ворчалъ Максепутинъ, — 10,000 гульденовъ!! — Берите ихъ, берите скорѣе, соглашайтесь.

— По-вашему, я долженъ согласиться, да всѣ 10,000 вамъ и отдать, не такъ ли? Подѣлуйте меня а conto за такую нелѣпую фантазію.

— Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ отдайте лишь мои 5,000 и проценты, — я удовольствуюсь. Чего же еще отъ меня требовать?

— Эхъ, не портите мнѣ моего дѣла, — сказалъ Штрафъ, — отталкивая своего кредитора. Потомъ, принявъ величественную позу, онъ сталъ противъ доктора и, съ трудомъ дыша сквозь сжатія губы, проговорилъ:

— Г-нъ докторъ, я ожидалъ этого предложенія. Я зналъ, что это такъ и будетъ. Но дѣло-то еще не созрѣло. Не таковъ я человѣкъ, чтобъ на кулушку сокола промѣнять. Я убѣжденъ, что ежели мнѣ нынче 10,000 предлагаютъ, такъ черезъ мѣсяцъ 20,000 предложатъ. Деньги-то наростутъ, потому-то я и не спѣшу ихъ брать.

— Но! — разомъ вскричали Гришакъ и Максепутинъ.

— Теперь переговоры кончены. Нечего со мной болѣе раз-

суждать. Я азартный игрокъ. Выигранную ставку опять кладу на карту. Ставлю 10,000 гульденовъ. Давайте вдвое или ничего. Хочу 20,000 гульденовъ, или пусть жена возвращается. Не спорьте со мной, всѣ ваши увѣщанія даромъ пропадутъ: «Faites vos jeux, Messieurs!»

— Позвольте сказать...—заговорилъ-было Максепуттъ.

— Ни слова болѣе, контора запирается.

— Вы несноснѣйшій человѣкъ.

— Знаю, на это-то я и рассчитываю.

Максепуттъ съ отчаянія вылетѣлъ изъ комнаты, однако на лѣстницѣ приостановился, чтобы узнать отъ Гришака, почему этотъ сумасшедшій надѣется, что Анкершмидтъ принесетъ для него новую жертву.

Штрафъ удержалъ доктора на пару словъ.

— Послушайте, докторъ, поняли ли мы другъ друга? Вы человѣкъ умный, и я тоже. У насъ въ рукахъ такой случай, который упускать было бы безуміемъ. Вѣроятно, Анкершмидтъ обязался дать вамъ хорошій гонораръ, въ случаѣ выигрыша процесса. Если мои новыя условія будутъ приняты, я, въ свою очередь, обѣщаю вамъ 10% вознагражденія съ означенной сумм. Это достаточно за вашъ несложный трудъ.

Гришакъ видѣлъ, что имѣетъ дѣло съ практичнымъ человекомъ, знакомымъ съ его ремесломъ, и на предложеніе его отвѣчалъ улыбкой, а уходя, пожалъ руку Штрафу, сказавъ: «ну, мы какъ-нибудь поладимъ».

На лѣстницѣ Максепуттъ поймалъ доктора и всячески старался отъ него вывѣдать, можно ли добиться, чтобы удвоили предложенную сумму? Гришакъ, лукаво прищурясь, замѣтилъ, что все улажено будетъ.

— Ахъ, лишь бы мнѣ получить свои 5,000 гульденовъ, любезный докторъ, я бы, повѣрьте, предложилъ вамъ всѣ проценты.

— 500 гульденовъ? Что-жъ! и то деньги.

Гришакъ записалъ и это предложеніе, и въ тотъ же день обратно поѣхалъ въ Пештъ.

Анкершмидтъ все время ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Именитый адвокатъ рассказалъ старику, что у Штрафа, повидимому, деньги есть, Максепуттъ даетъ ему взаймы, сколько тотъ хочетъ. Потому-то онъ очень ломается и менѣе чѣмъ на 20,000 не хочетъ соглашаться.

Анкершмидтъ даже не поморщился. Спросилъ бумаги и написалъ второй вексель на 10,000.

— Сдѣлайте милость, отдайте ему, сколько онъ проситъ.

Гришакъ въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Вѣну.

— Ну, сударь мой, — проговорилъ онъ, входя къ Штрафу, — могу сказать, что дѣло было не легкое. Старикъ озлился, ругался, бранилъ меня.

Штрафъ въ высшей степени равнодушно выслушивалъ его рассказъ, облокотась на спинку стула.

Докторъ продолжалъ:

— Признаюсь, мнѣ стоило не мало труда уговорить его, — и при этомъ онъ усѣлся на одинъ изъ опечатанныхъ стульевъ.

— Неужели?

— Подъ конецъ онъ таки-уступилъ.

— Вотъ какъ!

— Я сказалъ ему, что отъ этого вопроса зависитъ счастье его дочери, рассказалъ ему, какой вы несносный человѣкъ, какъ вы мстительны, словомъ — я васъ представилъ въ отличномъ свѣтѣ.

— Спасибо.

— Право! И вообразите, такимъ образомъ добился того, что старикъ еще 10,000 обѣщалъ. У меня всексель.

— Хорошо.

— Ну, что-жъ вы на это скажете?

— Да ничего.

— Ничего? — спросилъ Гришакъ, опершись на колѣни, чтобы получше рассмотреть этого господина. — Вы ничего не хотите сказать на то, что я выигралъ въ азартной игрѣ и вмѣсто 10,000 привошу удвоенную сумму?

Тутъ Штрафъ подошелъ къ Гришаку, преспокойно положилъ руки на его плеча и проговорилъ:

— Я вамъ скажу, докторъ, что гдѣ есть 20,000 гул., тамъ найдутся и 30,000.

— Это что такое! — вскрикнулъ отчаянно Гришакъ, и вскрикнулъ со стула, точно его толкнула невидимая пружина.

— Тамъ найдутся и 30,000! — хладновровню повторилъ авантюристъ.

— Съ ума вы сошли, что ли?

— Съ чего вы это взяли, — напротивъ, я въ полномъ разумѣ. Какъ вы думаете, докторъ? Когда дѣла хорошо идутъ, кому въ голову придетъ запереть лавочку?

— Однако, — видъ себя отъ гнѣва вскричалъ Гришакъ, — я, право, не знаю, какъ назвать ваши дѣйствія.

— Какъ? — спросилъ цинически авантюристъ. — Это, видите

ли, называется: Архимедовъ винтъ — безконечный. Не сердитесь, милѣйшій докторъ, я знаю съ кѣмъ дѣло имѣю и бюъ наѣрняка. Вамъ тоже не придется на меня пожаловаться. Нынче я би вамъ выдалъ 2,000 гул., а черезъ нѣсколько дней дамъ 3,000.

— Ну, вы — молодецъ! Я бы не осмѣлился до такой степени натягивать струну. Однако, попробую еще разъ уговорить Анкершпидта, — авось уступитъ. Если же онъ скажетъ, что болѣе ни гроша не прибавитъ, тогда уже извольте гнаться за нимъ въ Америку, если онъ туда дочь увезетъ, или въ наихудшемъ случаѣ возьмите изъ себѣ обратно жену, но уже меня не вините.

— До свиданія, милый докторъ, — проговорилъ Штрафъ, пожимая руку Гришака, и даже не проводилъ его въ прихожую.

Онъ сознавалъ, что теперь на его улицѣ праздникъ, и дѣйствительно былъ правъ: старикъ дѣйствительно опять согласился.

— Я это напередъ зналъ, говорилъ Анкершпидтъ своему адвокату. Вотъ вамъ еще вексель, отдайте его. Вѣроятно, когда вы скажете ему, что я согласенъ дать 30,000, то онъ сейчасъ же запроситъ 40,000; такъ я изъ предосторожности дамъ вамъ четвертый вексель на 10,000. Можете вполне удовлетворить его.

Гришакъ замѣтилъ, что старикъ практиченъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сентименталенъ — *practico-sentimentalis*.

Онъ спряталъ оба векселя и потомъ съ пунктуальною методиста, у котораго каждое слово равняется клятвѣ, — началъ утверждать, что теперь наѣрное исходъ дѣла будетъ благопріятный.

— Такъ сдѣлайте одолженіе, поспѣшите.

Гришакъ опять пустился въ путь, уговоривъ на этотъ разъ старика вернуться домой и обѣщая телеграммой передать ему изъ Вѣны радостное извѣстіе.

На этотъ разъ Гришакъ придумалъ зацѣпить свидѣтелей, и вспомнилъ Максепутша. Не рассказавъ ему благопріятной новости, онъ, напротивъ, сталъ ему совѣтовать удовольствоваться однимъ капиталомъ; хорошо еще если и эти деньги получить; но зато онъ съ своей стороны берется склонить Штрафа къ уилатѣ денегъ.

Штрафъ, увидавъ сіяющее лицо вошедшаго Гришака, не могъ удержаться отъ улыбки.

— Что скажете, добрый докторъ?

— Прежде спрошу васъ, сколько наѣрены вы уступить изъ 30,000 гул.?

— Тридцать!!.. — воскликнулъ Максепуттъ, услыхвъ слова доктора. Больше онъ ничего не въ состояніи былъ выговорить.

— Ни единого гроша! — рѣшительно проговорилъ некогда бывшій господинъ.

— Полноте шутить.

— Я требую 30,000 сполна.

— Если я вамъ сейчасъ дамъ 29,999 гул. и 50 крейцеровъ, неужели вы не возьмете, потому что 50 крейцеровъ не хватаетъ.

— Не возьму.

Максенпуттъ съ отчаяніемъ закричалъ:

— Не дурите же однакъ! Вотъ вамъ 50 крейцеровъ, я готовъ ихъ прибавить.

Это проявленіе великодушія разсмѣшило Гришака и Штрафа.

Казалось, они сейчасъ сговорятся.

— Ну-съ, милостивый государь, — вдоволь насмѣявшись, заговорилъ Гришакъ съ пріятливой улыбкой. — Если вы не рѣшаетесь взять 30,000, то я скажу вамъ, что вы не 30,000, а 40,000 получите.

При этомъ онъ выложилъ изъ бумажника на столъ четыре банкета.

Максенпуттъ, увидавъ такое зрѣлище, остолбенѣлъ.

Но зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ адвокатъ, видя, что Штрафъ довольствуется 30,000, показалъ ему четвертый банкета, который довѣритель поручилъ ему выдать въ крайнемъ случаѣ?

Штрафъ обѣщалъ ему заплатить проценты съ 30,000, а въ такомъ случаѣ удобнѣе получить ихъ съ 40,000.

— Ну, теперь все кончено, не такъ ли? — спросилъ Гришакъ Штрафа.

— Извольте мной распорядиться — отвѣчалъ тотъ, — къ вашимъ услугамъ.

— Итакъ, прежде всего составимъ документъ. Въ немъ вы должны высказать непреодолимое отвращеніе къ своей женѣ, отказаться отъ сожитія съ нею и выразить свое согласіе на разводъ.

— Изложите все это, докторъ, какъ слѣдуетъ, и я подпишусь.

Гришакъ устылся и написалъ немедленно бумагу.

— Хорошо ли такъ? Какъ вамъ кажется?

— Даже читать не хочу; если вы довольны, такъ и я доволенъ.

— Не можете ли вы припомнить какіе-нибудь поступки, которые бы по закону можно было приписать ненависти и тѣмъ оправдать ваше отвращеніе къ женѣ.

— О, очень охотно! — потрудились написать. — Я прежде всего сознаюсь, что имѣлъ обыкновеніе ее бить.

- Чѣмъ?—позвольте спросить.
- Иногда обматывалъ вокругъ руки цѣпь отъ стѣнныхъ часовъ и билъ ее оловянными гирями.
- Да, это важно.
- Потомъ, съ утра закиралъ ее и до вечера не кормилъ.
- И это не дурно.
- Затѣмъ насильно отнималъ у нея обручальное кольцо и надѣвалъ при ней на руку горничной.
- А! ну, этого будетъ достаточно.
- Хотите, я еще продиктую что-нибудь похуже.
- И этого довольно.

Сперва Гришака подписать документъ въ качествѣ свидѣтеля, потомъ передалъ перо Магсенпутшу, чтобъ онъ подписался, — и это было сдѣлано.

Наконецъ, онъ уступилъ свой стулъ Штрафу.

Штрафъ лѣниво усѣлся, придвинулся къ столу, пробѣжалъ глазами документъ, потомъ одобрительно покачалъ головой. Взявъ перо, онъ попробовалъ, посмотрѣлъ, нѣтъ ли на немъ волоса, обмокнулъ въ чернила, попробовалъ на бумагѣ, потомъ принялся писать. Сперва сдѣлалъ размахъ, чтобъ написать первую букву. Вдругъ остановился, наклонилъ голову, задумался, потомъ бросилъ перо и всталъ.

— Не хочу подписывать!

— Чтбъ вы сказали?—съ двухъ сторонъ крикнули ему.

— Теперь менѣе чѣмъ за 60,000 не подпишу.

Съ этими словами Штрафъ разорвалъ документъ на клочки и бросилъ на полъ.

Между тѣмъ, Анкершмидтъ дома въ такомъ былъ веселомъ настроеніи, что съ нимъ, какъ говорили мы, венгерцы, можно бы было птиць наловить.

Онъ себя чувствовалъ, какъ человѣкъ, которому удалось отлично уладить свои дѣла и свалить гору съ плечъ. Оскорбленная гордость, униженная честь, отцовская любовь, страданіе и стыдъ, — все это ступевалось передъ радостной мыслію объ успѣшной развязкѣ. За 40,000 гул. онъ откупился!

Для того, кто понималъ, какъ онъ, важность достигнутой цѣли, это не крупная цифра.

Его веселость всѣхъ оживила.

Всего удивительнѣе было впечатлѣніе произведенное на болъную. Въ нѣсколько дней Эрминія такъ оправилась, что была неузнаваема. Скоро она догадалась, въ чемъ дѣло. Сестры скоро

узнали секретъ отца, и съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и онъ, поджидали телеграмму отъ Гришака. Отецъ ежедневно два раза ѣздилъ навстрѣчу посланнаго за ожидаемой телеграммой.

Но съ Анкершмидтомъ случилось то же, что бываетъ съ нетерпѣливымъ охотникомъ, который выходитъ изъ засады, а въ его отсутствіи дичь-то и показывается. Какъ-то на улицѣ разѣхался онъ съ нарочнымъ, и тотъ привезъ телеграмму, въ его отсутствіе.

Эрминія должна была расписаться и приняла депешу.

Сердце забилося у нея, кровь кинулась въ голову, когда взяла она въ руки пакетъ. Вотъ клочокъ бумаги, который долженъ ей вернуть спокойствіе. Она еще можетъ надѣяться на счастье.

Тайна и безъ того перестала быть тайной, — Эрминія вскрыла депешу.

«Штрафъ не уступаетъ. Дѣлаетъ новыя требованія. Невыносимый человѣкъ! Не знаю какъ съ нимъ быть.

Д-ръ Гришакъ».

Эрминія сидѣла напротивъ сестры у круглаго столика и видѣла, какъ она въ одну минуту поблѣднѣла, словно невидимая рука вдругъ стерла всю краску съ ея лица.

Она быстро вырвала у сестры депешу, но едва успѣла удержать сестру, которая безъ чувствъ упала было съ кресла.

Эрминія, услыжавъ отцовскіе шаги, бросилась къ нему на встрѣчу.

— Что случилось? — спросилъ отецъ дрожащимъ голосомъ.

Эрминія подала ему распечатанную депешу:

— Она ее прочла.

Анкершмидтъ взглянулъ, смялъ депешу въ руцѣ и проговорилъ съ отчаяніемъ: — Вотъ что ее убило!

Послѣдняя сцена между Штрафомъ, Гришакомъ и Максепутнемъ окончилась чуть не дракой. Вслѣдствіе того, Штрафъ придумалъ для два не возвращаться въ свою квартиру. На третій день вечеромъ освѣдомился онъ у привратника, сколько разъ докторъ Гришакъ и Максепутнъ объ немъ спрашивали?

Докторъ Гришакъ восемь разъ заходилъ, а Максепутнъ каждыя полчаса являлся, даже ночью.

Этого можно было ожидать.

Штрафъ порѣшилъ еще одну ночь не почевать дома. Онъ уже и то двѣ ночи провелъ на лавкѣ въ трактирѣ, потому что денегъ у него не было, не на что было нанять номеръ въ гостиницѣ.

Въ его кармѣ было всего-то четверть гульдена. Это были обычные деньги въ ту пору. Гульденовую бумажку рвали на четыре и даже на 8 частей, такъ какъ мелникъ денегъ не существовало. Лоскутка въ 15 крейцеровъ еле хватало на ужинъ; только и можно спросить пару сосисекъ да кружку пива.

Штрафъ, идя по улицѣ, смѣялся надъ всей исторіей и разсуждалъ самъ съ собой:

«У меня только и есть четверть гульдена; что будетъ лучше: съѣсть ли двѣ сосиски, по крейцеру каждая, и стаканъ пива выпить да взять плохую сигару, или просто сосиски и два стакана пива, безъ сигары. А вѣдь стоило мнѣ протянуть руку, и было бы у меня 40,000 гульденовъ.

«Но, если мнѣ придется 4,000 отдать Гришпаку, 5,500 Максепутшу, 1,500 разнымъ кредиторамъ, — мнѣ и 30,000 не останется. И это хорошая сумма. Но, подождемъ, дадимъ травкѣ подрости. Архимедовъ винтъ — отличное изобрѣтеніе!

«Вопросъ вотъ въ чемъ заключается: имѣть только поужинать копѣечными сосисками и 60,000 получить, или, 40,000 взять и послѣ отлично поужинать?»...

Трудно было разрѣшить этотъ вопросъ. Но судьба ему помогла въ лицѣ Максепутша.

— Наконецъ-то я васъ поймалъ — кричалъ кто-то полурадостно, полу-сердито, схвативъ его съзади за воротникъ. Штрафъ обернулся и увидѣлъ своего друга.

— Однако, — сказалъ Штрафъ, — что это за насиліе? Вы мнѣ не опекуны, не можете меня вести, куда я не захочу идти.

— Ну, ну, ну, не горячитесь! Сейчасъ узнаете, кто я вамъ такой.

— Мой кредиторъ — вотъ и все. Велика заслуга! Я такого рода дивныхъ звѣрей не боюсь. Жалуйтесь на меня.

— Успокойтесь пожалуйста. Я не кредиторъ вамъ. Посмотрите, вотъ письмо, въ которомъ я посылаю Аншерпмиду всѣ десять векселей. Онъ мнѣ уплатитъ. Я ему присовѣтовалъ, что съ ними сдѣлать. Онъ ихъ не сразу долженъ предъявить, а по одному. Вы никогда не уплатите, дадите себя посадить въ долговое отдѣленіе. Кредиторъ имѣетъ право на годъ посадить васъ на свой счетъ. Черезъ годъ предъявить второй вексель, опять васъ посадить, и такъ будетъ повторяться все та же исторія. На

десять лѣтъ вы обещаны, у васъ будетъ и квартира и харчи, если не надойдетъ вамъ сидѣть. Значитъ, я для васъ кто-нибудь!

Штрафъ считалъ своего друга способнымъ исполнить угрозу, не даромъ у него глаза такъ и сверкаютъ. А тотъ продолжалъ:

— Тогда Анверпиндту не къ чему будетъ вѣстъ съ вами переговоры. Онъ можетъ быть повоенъ: въ долгое отдѣленіе жены не обязаны сопровождать мужей. Что-жъ, пріятель мой, пойдете вы со мной въ Гриннаку?

— А зовъ. умижу.

— Спѣшите «увидѣть», а то знаете ли, вѣдь я мужъ миссъ Натали, и она меня убьетъ, если я приду домой безъ денегъ, или если васъ не отыщу.

Доводъ точно былъ убѣдительнаго свойства.

— Ну, такъ, во имя чорта, идемъ.

Вскорѣ Орестъ и Пиладъ входили въ гостиницу «Золотой Тѣлецъ» въ Леопольдовскомъ предмѣстьѣ.

Къ удовольствію Максепутша портѣе объявилъ, что Гриннакъ дома и только-что получилъ телеграмму.

Максепутшъ проводилъ Штрафа по лѣстницѣ до самой двери и успокоился, лишь когда тотъ вошелъ въ комнату. Затѣмъ самъ онъ спустился внизъ, сѣлъ въ извозничью карету и рѣшился дожидаться возвращенія своего друга.

Гриннакъ вечеромъ, стоя у окна, смотрѣлъ на уличные фонари.

— Здравствуйте, докторъ!—поздоровался гость.

Гриннакъ, взглянувъ черезъ плечо, отвѣчалъ:

— Вашъ покорный слуга.

— «Хмъ! Онъ нынче важничаетъ», подумалъ Штрафъ.

Онъ самоуверенно бросился на диванъ и заговорилъ:

— Ну-съ, докторъ? Что подблизиваетъ Архимедовъ винтъ? Сѣно или солома? 40 или 60?

При этомъ докторъ неожиданно повернулся на каблукахъ и, уставивъ на него глаза, проговорилъ:

— Можете идти въ Силезію орестъ косятъ. Вамъ болѣе не надо ни Архимедова винта, ни 40,000 гул., ни 40,000 крейцеровъ. Нынче ночью умерла ваша жена.

Съ этими словами онъ кинулъ ему телеграмму, въ которой сказано было: «Эрминія скончалась въ 2 часа пополудни».

Штрафу прежде всего на умъ пришло: не хитритъ ли онъ? Пожалуй, онъ выказалъ эту телеграмму, чтобъ испугать его?

Потому онъ спросилъ съ улыбкой:

— Не шутка ли это, докторъ?

— Убирайтесь вонъ отсюда. Вы—дуракъ, оселъ, болванъ! Изъ-за вашего дерзкаго сумасбродства потерялъ я 14,500 гул., которые уже почти были въ моемъ карманѣ. Вы,—негодяй!

Штрафу случалось иногда высунувать подобныя комплименты, но не въ такомъ количествѣ, какъ этотъ разъ.

Наконецъ, бѣшенство у доктора выразилось не только въ словахъ, но и въ дѣйствіяхъ. Когда истощился запасъ ругательства, то, чтобъ ихъ снова не повторять, онъ схватилъ за воротъ пріятеля и съ такою силою выпхвyrнулъ его за дверь, что тотъ едва устоялъ на ногахъ.

Штрафъ, послѣ такого недружелюбнаго поступка, поправилъ шляпу, которая спустилась ему на самыя глаза, сунулъ обѣ руки въ карманы жилета и пробормоталъ:

— Приходится, видно, съѣсть копѣечныя сосиски!

Посвистывая, онъ спустился съ лѣстницы. Увидавъ его, Магсенпутшъ выпрыгнулъ изъ кареты и поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— Ну, что-жъ, порѣшили?

Штрафъ, увидавъ его лицо, на которомъ выражалось и отчаяніе, и надежда, не удержался и громко захохоталъ; взявъ за плечи озадаченнаго пріятеля, онъ такъ прямо въ лицо ему глядя и хохоталъ...

ХІІ.

Эржена, по смерти бѣдной сестры, унаслѣдовала послѣ нея не одинъ ея капиталъ, но и всю любовь отца. Послѣ похоронъ, Анвершмидтъ удержалъ у себя Гришака; онъ хотѣлъ посоветоваться съ нимъ о томъ, какъ передать Элиѣ право сохранить свою фамилію и послѣ замужества, присоединивъ къ фамиліи мужа фамилію отца.

Два дня толковали они объ этомъ проектѣ. На второй день послѣ обѣда, когда пили кофе, вдругъ вошелъ въ комнату управляющій старика-сосѣда Гароновѣльди, Компонъ.

— Какъ поживаете, любезный другъ, что свѣдете?—спросилъ Анвершмидтъ.

— Благодарю покорно,—отвѣчалъ Компонъ, раскланиваясь, и поспѣшно вынулъ письмо изъ кармана.

— Мы сейчасъ получили спѣшное письмо отъ г-на Аладара. Молодой баринъ пишетъ, чтобъ мы и вамъ сообщили содержаніе этого письма. Дѣло-то касается васъ еще болѣе, чѣмъ насъ.

— Что это можетъ быть?—спросилъ Гришакъ съ любопытствомъ, надѣвая пенснѣ.

— Если позволите, я прочту письмо,—сказалъ Компошъ:

«Любезный дядя! Вода въ Тиссѣ быстро прибываетъ. Судя по извѣстіямъ изъ Токая, мы должны ожидать большого наводненія. Вода, поднявшись еще на два фута, сломаетъ плотину около Фюенша, у самыхъ плюзовъ. Удержатся ли плюзы до этой поры?—но уже и теперь сваи качаются. Для нашей страны это будетъ ужасное бѣдствіе, потому что на противоположномъ берегу устроены крѣпкія плотины; значить, туда вода не можетъ прорваться, и затопитъ такія мѣстности, которыя никогда еще не наводняла. Если вода снесетъ плотину, такъ разольется у васъ вплоть до моста. Если на футъ выше поднимется, затопитъ овчарню, а на 2 фута—такъ попадетъ и въ комнаты. Потому слѣдуетъ принять предосторожности. Къ счастью, мостъ крѣпокъ, а у дома каменный фундаментъ. Если окружить усадьбу валомъ въ 3 фута вышиною, онъ пріестановитъ наводненіе. Слѣдуетъ поскорѣ этимъ заняться, потому что на нашу плотину нельзя положиться. Пожалуйста поспѣшите обо всемъ увѣдомить сосѣда; его замокъ стоитъ на 7½ футовъ ниже вашего, любезный дядя, ему слѣдуетъ болѣе опасаться» и т. д.

Гришакъ замѣтилъ, что это вещь невозможная.

Поднялся споръ съ Компошомъ.

— Но вѣдь опасность еще не настолько близка,—замѣтилъ Анкершмидтъ; ему также казалось отчасти неправдоподобнымъ, чтобъ эти чудные луга черезъ нѣсколько дней могли уподобиться морской поверхности.

Компошъ пожалъ плечами.

— Впрочемъ,—утѣшалъ докторъ Гришакъ Анкершмидта,—такому строенію, какъ вашъ замокъ, врядъ ли можетъ повредить наводненіе. Вѣдь это не то, что дома, выстроенные изъ кирпича съ примѣсю гравя. Такіе, понятно, сейчасъ-же обрушатся. Вашъ замокъ строилъ вѣнскій архитекторъ, его не такъ-то легко растоптать.

Тутъ Компошъ уже вспыхнулъ и сталъ объяснять адвокату: онъ видѣлъ, какъ знаменитый-то вѣнскій архитекторъ этотъ замокъ строилъ, видѣлъ, какіе тутъ кирпичи, и какъ между столбами сыпали мусоръ; никто не позаботился поглубже вырыть фундаментъ, хотя почва-то песчаная,—признаюсь,—заклучилъ Компошъ, во время наводненія, еслибъ мнѣ даже подарили замокъ, я въ немъ-бы и часу не остался.

Анкершмидтъ все-же поблагодарилъ Компоша за извѣщеніе,

сказавъ, что онъ намѣренъ лично убѣдиться, насколько велика угрожающая опасность, и нынче-же поѣдетъ взглянуть на Тиссу.

И Гришаевъ тоже заторопился, припомнивъ, что ему необходимо завтра быть въ Пештѣ. Анкершмидтъ не особенно его удерживалъ. Проектъ насчетъ передачи фамиліи Эржики еще можно отложить. Гришаевъ уѣхалъ, а вскорѣ и Анкершмидтъ отправился къ рѣкѣ. На четверекъ хорошихъ лошадей въ пять часовъ могъ онъ легко доѣхать до Тиссы.

Свернувъ съ большой дороги, экипажъ направился къ плотинѣ; сотни людей взадъ и впередъ ходили, возили тачки, дѣлали вязанки изъ ивового хворосту. Когда Анкершмидтъ доѣхалъ до плотины, какой-то господинъ въ венгерскомъ плащѣ остановилъ его экипажъ и вѣжливо спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ хочется взглянуть на работу.

— Позвольте узнать, откуда вы изволили пріѣхать? Съ этого или съ того берега рѣки?

— Съ этого.

— Хорошо-съ. Не угодно ли вамъ будетъ сказать мнѣ вашу фамилію.

— Очень охотно. Я Анкершмидтъ.

— А! Сосѣдъ г-на Гароновѣлди! Вамъ слѣдуетъ видѣть изъ экипажа, а карета здѣсь останется: ее нельзя вести на плотину.

— Чье это распоряженіе?

— Г-на Гароновѣлди, — онъ здѣшній инженеръ.

Войдя на новую плотину, Анкершмидтъ убѣдился, что Тисса дѣйствительно разгулялась.

Бурное теченіе съ быстротою молніи несло въ направленіи къ плотинѣ.

Изъ воды выглядывали лишь верхушки серебрянѣхъ тополей, которые находились за плотинкой; это доказывало, какъ поднялась вода въ нѣсколько дней.

На поверхности бушующей рѣки не замѣтно было ни одной лодки; обыкновенно на ней виднѣлась пропастъ мельницъ, которыя возвышались надъ синеватою поверхностью словно дикія утки. Вдоль берега прежде тянули баржи, а по теченію, бывало, плыли плоты; издали, иной разъ, покажется легкій дымокъ отъ пароклада; тамъ и сямъ рыбацкія лодки съ сѣтями; вездѣ колья торчатъ изъ воды. Мельницы сорвало, изломало, всѣ лодки на берегъ выбросило. Съ одного берега на другой проплавать

былъ канать, сотни воронъ на немъ устланы, словно его натянули для нихъ. По временамъ, что-то черное мелькаетъ между волнами, трудно разобрать что это такое. Стараются угадать: что это за вещь: кусокъ ли дерева, мебель какая-нибудь или трупъ?

Скрипъ тачекъ и удары молота заглушаютъ звуки человеческихъ голосовъ. Теперь не до разговора, того и гляди, вода хлынетъ на послѣдній сухой край плотины.

— Вотъ и самъ инженеръ идетъ,—сказалъ провожатый, указывая на приближавшуюся фигуру, въ которой Анкершмидтъ врядъ ли узналъ-бы Аладара Гароновѣлди, еслибъ ему не сказали, что это онъ.

— Здравствуйте,—привѣтствовалъ инженеръ Анкершмидта. Вы не повѣрили моему письму, не такъ-ли? И пріѣхали своими собственными глазами взглянуть на разрушеніе? Итакъ, оглянитесь на всѣ стороны. Вотъ, нынче вода поднялась всего на 5 дюймовъ. Вѣрно на томъ берегу гдѣ-нибудь прорвало плотину, потому что вчера около Тоная она поднялась на цѣлый футъ.

— Развѣ это намъ поможетъ, если она прорветъ плотину на той сторонѣ?—спросилъ кавалеръ.

— Понятно. Тогда она можетъ разлиться въ ту сторону; за то, тамошніе жители спасутся, если Тисса насъ затопитъ. Изволили вы замѣтить, что мои сторожа остановили вашу экипажъ, и только узнавъ, кто вы, позволили вамъ войти на плотину?

— Значить, здѣсь теперь военные порядки?

— Мы принуждены ихъ держаться. Намъ приходится бороться не съ одними стихіями, а съ людьми также. На этомъ и на томъ берегу находятся дома, имущество, годовой доходъ—все стоитъ на картѣ. У насъ только и есть одна защита—длинный шланецъ. Если теченіе прорветъ въ одномъ мѣстѣ шланецъ, жители того берега могутъ служить благодарственный молебень, они спасены будутъ, за то на пострадавшемъ берегу убытку будетъ на нѣсколько милліоновъ. Ну, а отчаяніе плохой совѣтъ!

— Вѣдь вы не предполагаете, чтобъ могли прійти съ того берега къ намъ и испортить нашу плотину?

— И то можетъ случиться; потому-то изъ предосторожности разставлены часовые, какъ въ военное время. Но вамъ, конечно, извѣстно, что самые опасные враги не тѣ, которыхъ можно прогнать съ помощію оружія. Можетъ къ намъ явиться богатый господинъ и посулить крупную сумму денегъ, если тамъ и самъ скроютъ отъ инженера недостатки.

— Однако почему бы не укрѣпить шлюзы, вмѣсто того, чтобы строить посади ихъ новую плотину? — спросилъ Аладаръ Анкершмидтъ.

— Это у меня многіе спрашивали, даже официально. А вонъ лежатъ сваи, выкинутыя на берегъ, — онѣ служатъ отвѣтомъ на вашъ вопросъ.

Сказавъ это, Аладаръ повелъ Анкершмидта къ 5 или 6 сваямъ, около которыхъ стояли сторожа.

— Не угодно ли взглянуть? Наводненіе вырвало эти сваи изъ шлюзовъ. У каждой не хватаетъ надлежащей длины! Возьмемъ локоть и смѣримъ, съ краю до краю въ нихъ 3 локтя и 4 фута, значитъ сваи шлюзовъ на 5 футовъ менѣе вбиты были въ землю, чѣмъ указано на планѣ. Слѣдовательно, подрядчикъ съэкономничалъ! Вотъ и послѣдствіе этой бережливости: вода снизу подмываетъ плотину. Значитъ, всякое укрѣпленіе сверху ни къ чему не поведетъ. Сваи не могутъ противодействовать напору воды, потому-то и принужденъ я въ томъ же направленіи выстроить новую плотину для огражденія этой экономической постройки, а не то именно въ томъ мѣстѣ и промокнемъ, которое считали наиболѣе огражденнымъ.

Анкершмидтъ выразилъ желаніе остаться съ молодымъ инженеромъ.

— Но я долженъ предупредить васъ, что у меня ничего нѣтъ, кромѣ прутьевъ; изъ нихъ мы сплетемъ шалашъ, въ немъ и переночуемъ.

— Отличное помѣщеніе!

Ветеранъ съ живостью молодого человѣка послѣдовалъ за инженеромъ, и, пробираясь между хворостомъ, они дошли до плетня, гдѣ оба усѣлись на связки прутьевъ, положенныхъ на крестъ.

Насталъ вечеръ, стая дикихъ гусей передѣлѣла съ поля въ тростникъ, изъ дальняго села долеталъ меланхолическій звукъ колокола. Съ поля слышались сигналы, на каждой милѣ рожекъ изъ букового дерева давалъ знать, что окончена дневная трудъ на плотинѣ. Кто съ утра до вечера трудился — тотъ можетъ теперь отдохнуть; начинается ночная работа. Свѣжія руки берутъ заступы и кирки и продолжаютъ работать надъ плотиною, сперва при лунномъ свѣтѣ, потомъ зажигаются фонари.

Собесѣдники условились поочереды дежурить ночью. Аладаръ болѣе утомился, и первый долженъ лечь отдохнуть. Когда мѣсяцъ скроется, Анкершмидтъ его разбудитъ, и самъ станетъ дежурить до утра.

Аладаръ, укутавшись въ свой плащъ, легъ на голую землю,

прислонившись головой къ связкѣ хворосту, и едва успѣлъ пожелать доброй ночи своему товарищу, какъ сейчасъ же заснулъ.

Анкершмидтъ усѣлся поодаль на хворостѣ и подбавлялъ дрова.

Около полуночи мѣсяцъ началъ прятаться. Серебряный серпъ словно колыбался въ волнахъ рѣки, и блѣдные лучи отражались въ водѣ, протягиваясь вплоть до берега.

Въ моментъ, когда луна стала заходить, проснулся юноша.

— Вы, кажется, почувствовали, что луна скрылась? — съ удивленіемъ спросилъ Анкершмидтъ.

— Плохой тотъ труженикъ, — возразилъ Аладаръ, — кто во снѣ не чувствуетъ, что настала минута, въ которую слѣдуетъ ему проснуться.

Между тѣмъ, вдоль плотины зажгли сотни факеловъ, и работа шла такъ же, какъ и днемъ. Телѣжки скрипѣли, возгласы рабочихъ при вбиваніи свай нарушали ночную тишину.

— Мнѣ чудится, — замѣтилъ Аладаръ, — какъ-будто вдалекѣ раздается колокольный звонъ.

— У васъ въ ушахъ звенить. Помилуйте, есть ли возможность услышать звукъ отдаленнаго колокола, посреди этого скрипа телѣгъ и стука молотовъ!

Аладаръ не могъ успокоиться; отойдя на нѣсколько шаговъ отъ костра, который ему глаза рѣзали, онъ сталъ внимательно разсматривать поверхность Тиссы.

— Мнѣ кажется, какъ будто человѣкъ приближается.

— У васъ отличное зрѣніе. Я, кромѣ воды, ничего не вижу.

— Вонъ тамъ вдали, по теченію, гдѣ выглядываютъ верхушки плакучихъ ивъ. Сейчасъ поровняется онъ съ деревьями.

— Вѣрно это какой-нибудь кусокъ дерева.

— Я вижу слѣды весель въ водѣ, это долженъ быть челнокъ. Вѣрно сторожа заснули, потому и не стрѣляютъ въ него.

Черезъ нѣсколько минутъ и Анкершмидту показалось, что приближается челнокъ. Оба они взяли ружья и пошли на плотину навстрѣчу челноку.

Тисса быстро текла, челнокъ двигался словно съ помощью паровъ. Скоро можно было различить, что въ немъ сидитъ человѣкъ и гребетъ двумя веслами. Челнокъ былъ вырубленъ изъ одного куска дерева.

— Эй, кто тамъ? куда плывешь? — крикнулъ Аладаръ и прицѣлился изъ ружья.

Изъ лодки голосъ отвѣчалъ:

— Не заботьтесь о томъ, кто я, а хлопчите о спасеніи

своей жизни, пока еще есть время. Тамъ выше, около Добой каналы прорвали плотину.

— Прорвали!—съ отчаяніемъ вскричалъ Аладаръ.

— Я самъ видѣлъ, какъ прорвали, видѣлъ это, знаю имя этого человѣка!

— Кто же это?

— Не скажу. Если я назову его, такъ его пошлютъ послѣ на галеры, а потомъ онъ вернется оттуда и хвастаться станетъ, что тамъ побывалъ. А вотъ какъ я одинъ знаю, кто онъ такой, такъ ему не остаться въ живыхъ. Будьте здоровы!

— Стой!—крикнулъ ему Аладаръ.—Выйди на берегъ, или я тебя застрѣлю.

— Извольте стрѣлять,—отвѣчалъ плывущій и легъ въ чепокъ.

Течение съ быстротой молніи увлекло его дальше. Стрѣльба было бы напрасно.

Аладаръ, схвативъ руку Анкершмидта, сталъ вновь прислушиваться.

— Знаете, теперь я отчетливо различаю звукъ колокола. Бьютъ въ набатъ. Вѣрно этотъ человѣкъ правду сказалъ. Намъ нельзя терять ни одной секунды. У Добой каналы прорвали плотину, вашъ замокъ можетъ затопить быстрее, нежели вы доскачете туда на хорошей лошади.

— А вы?

— Я здѣсь останусь, пока есть работа, хотя тутъ уже никто помочь не можетъ. Вода прибываетъ. Работники разбѣгутся, услышавъ страшную вѣсть, да и они въ правѣ бѣжать. У каждаго семья, хозяйство. Спѣшите. Некогда совѣщаться.

— А вы-то послѣ спасетесь?

— Здѣсь лодокъ довольно, сяду въ одну изъ нихъ и буду грести по направленію къ колокольнѣ. Господь съ вами!

Пожавъ руку кавалеру и повѣсивъ ружье черезъ плечо, Аладаръ быстро пошелъ въ ту сторону, гдѣ исчезъ таинственный пловецъ.

Когда Анкершмидтъ разбудилъ кучера, посреди работниковъ на плотинѣ не замѣтно было волненія. Молоты стучали, вдоль берега горѣли факелы.

Анкершмидтъ велѣлъ погонять лошадей. Онъ только и думалъ о дочери, которой грозитъ опасность.

Луга, находящіеся между большой дорогой и плотиною были болотисты. Колеса такъ и вѣзывались въ землю.

Показалась утренняя звѣзда, а Анкершмидтъ еле добрался до

большой дороги. Тутъ лошади понеслись по шоссе, усыпанному мелкимъ булыжникомъ.

На зарѣ, доѣхавъ до ручья, кучеръ приостановилъ лошадей, далъ имъ напиться, а Анкершмидтъ взошелъ на мостикъ, чтобъ оглядѣть мѣстность.

Вездѣ виднѣлась зелень.

На лугахъ красовались желтые и лиловые цвѣточки, засѣянные поля напоминали шахматную доску; паслись стада, виднѣлись бѣлые и черные агнаты, коровы, буйволы.

При лучахъ восходящаго солнца на травѣ блестѣли капельки росы, точно брилліанты.

Что за благодатная страна! Кто бы могъ помириться съ мыслью, что черезъ день, даже черезъ нѣсколько часовъ все это пропадетъ. Вся эта счастливая мѣстность покроется грязью и будетъ изображать картину разрушенія.

Съ четверть часа летѣлъ экипажъ Анкершмидта, и опять на дорогѣ попался мостъ, перекинутый черезъ ручей. Кучеръ обернулся и сказалъ:

— Ручеекъ-то назадъ течетъ.

Анкершмидтъ выглянулъ изъ кареты, и ему показалось, что вода, дѣйствительно, мутная и течетъ въ противоположную сторону.

Онъ сталъ внимательно наблюдать и замѣтилъ, что канавы по дорогѣ полны воды,—должно быть, она недавно тутъ очутилась, на днѣ канавъ виднѣлись цвѣты, изъ воды торчала трава и точно удивлялась своей новой обстановкѣ.

Еще черезъ полчаса вода переполнила канавы и разлилась по дорогѣ, тамъ и сямъ сверкая между колосьями.

Наконецъ, залило и дорогу, вода покрыла весь дернъ.

— Скорѣе, скорѣе! надо торопиться! погонялъ Анкершмидтъ кучера и все выглядывалъ изъ кареты. Неслись стаи дикихъ утокъ, точно онѣ спѣшили завладѣть мѣстностью.

Въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ попалось имъ чуть не озеро.

— Прямо въ воду!—кричалъ Анкершмидтъ. Шаговъ черезъ 200 они опять попали на сушу, и благополучно поѣхали дальше.

Теперь показались холмики, до нихъ вода не достигала, по обѣ стороны дороги виднѣнъ былъ лѣсокъ, слышалось пѣніе соловья, тополи цвѣли, слышенъ былъ запахъ акаціи. Человѣческіе нервы не могли предчувствовать того, что происходитъ за лѣсомъ.

Когда выбрались изъ чащи, ихъ взорамъ представилась иная картина.

Тамъ и самъ отражались въ водѣ солнечные лучи точно въ разбитомъ стеклѣ. Правая сторона дороги походила на морской берегъ, о который разбивались крупныя волны. За лѣсомъ оказался проломъ въ плотинѣ длиною въ 30 локтей, и въ него съ шумомъ врывалась вода.

За проломомъ по всей дорогѣ видѣлись телѣги, тутъ были дѣти, женщины, ломавшія себѣ руки съ отчаянія. Мужчины громко кричали; толпилось много празднаго народу.

Доѣхавъ до пролома, Анкершмидтъ понялъ, почему ему нѣтъ не попадался по дорогѣ: народъ не могъ пробраться черезъ проломъ.

Обломки нѣсколькихъ телѣгъ, выброшенные въ канаву, доказывали, что были смѣльчаки, которые попробовали пробраться черезъ воду, но не могли съ ней справиться. Она безпощадно влекла за собой тѣхъ, кто съ ней пробовалъ бороться, и все больше и больше размывала плотину.

— Нельзя ли переправиться?—спросилъ Анкершмидтъ.

— Радуйтесь, что вы на той сторонѣ,—проворчалъ кто-то. Во время опасности люди становятся грубы.—Благодарите Бога, что вы внѣ опасности.

— Не знаете ли, что въ Бальфалу дѣлается? — спросилъ Анкершмидтъ о своемъ помѣстьѣ.

— Мы живемъ по близости и съ ранняго утра слышали, что тамъ бѣгутъ въ набатъ. Вода такъ неожиданно нахлынула, что нельзя туда попасть.

— Но я, во что бы то ни стало, долженъ туда попасть!

— Въ каретѣ трудно. Вы поѣзжайте обратно, пока есть возможность, и возвращайтесь съ какой-нибудь станціи по Тиссѣ въ лодкѣ, да скажите, что здѣсь мы въ большой опасности, того и гляди потонемъ.

Анкершмидтъ видѣлъ, что слѣдуетъ послушаться добраго совѣта. Черезъ проломъ быстро текла вода и все болѣе затопляла тотъ берегъ. Нельзя было времени терять. Онъ обѣщалъ несчастнымъ людямъ вскорѣ вернуться въ лодкѣ, велѣлъ вучеру поворотить лошадей и быстро ѣхать къ плотинѣ, на Тиссѣ; тамъ вѣрно позднее будетъ наводненіе.

Значить, надо ѣхать обратно по той же дорогѣ. Теперь уже цвѣтущая трава совсѣмъ была покрыта водою. Карету и лошадей такъ и поднимала прибывающая мутная вода, гдѣ полдня тому навадъ цвѣли желтые и лиловые цвѣты, видѣлись изъ воды лишь кончики колосьевъ, а въ водѣ отражалось небо, со всѣхъ сторонъ.

На лугу уже не паслись бѣлые да черные ягнята: все это бѣжало по дорогѣ. Жители ближайшихъ селеній бросались во всѣ стороны, куда глаза глядятъ.

По безпорядочному бѣгству можно было заключить, что никто не знаетъ, съ какой именно стороны грозитъ опасность и куда отъ нея бѣжать. Слышно было, какъ въ сосѣднихъ селеніяхъ бьютъ въ набатъ. Съ верху раздавался злобѣщій крикъ водяныхъ птицъ, а на землѣ массы людей вопили, прося помощи.

Бѣлый домикъ на лугу, какой-нибудь трактирчикъ, совсѣмъ окружонъ былъ водой. На крышѣ сидѣло нѣсколько женщинъ и махали бѣлыми платками, а кругомъ ниоткуда не видно было помощи.

Анкершмидтъ былъ въ величайшей тревогѣ, и не разъ вспоминалъ слова Компоша, что новый замокъ плохо выстроенъ, и случись наводненіе—обитателямъ его трудно будетъ спастись.

На плотинѣ уже никого не было, кромѣ Аладара, его помощниковъ, да гребцовъ въ припасенныхъ лодкахъ.

Аладаръ очень былъ занятъ, едва даже замѣтилъ вернувшася Анкершмидта; онъ веревками прикрѣплялъ къ плотинѣ сваи, которыя водой оторвало отъ пллюзъ.

— Извините, я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ; я хочу только сберечь вотъ эти «доказательства», которыхъ съ собой взять не могу; сейчасъ отдамъ приказаніе людямъ, чтобы они знали, куда ѣхать на помощь къ несчастнымъ, которымъ грозитъ страшная опасность.

Вскорѣ лодки съ гребцами и паромы, по указанію Аладара, поплыли; борясь съ прибывающей водой, онѣ неслись по ея волноватой поверхности и направлялись къ колокольнѣ.

Анкершмидтъ въ возненіи ходилъ взадъ и впередъ по плотинѣ, крутя усы, словно они были во всемъ виноваты.

Вскорѣ вернулся къ нему Аладаръ.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ! Самое лучшее—отправить вашу карету въ Солнокъ по плотинѣ: она туда доѣдетъ, а здѣсь намъ некуда ее дѣвать.

— Но я желаю попасть домой. Что-то тамъ творится?

— Мы вѣстѣ отправимся. Я вѣдъ тоже сиѣшу къ моему бѣдному дядѣ. Недѣли на три я по неволѣ свободенъ отъ должности, а покуда мы можемъ спасти утопающихъ жителей.

— Однако, вы отпустили всѣ паромы?

— Да. Они отправились въ ближайшія мѣстности, куда можно добраться прямо на паромѣ, а если мы хотимъ домой попасть, намъ надо принять нѣкоторыя предосторожности?

— Предосторожности?

— Я говорю, вотъ объ этомъ челнокѣ. Мы вдвоемъ въ него сядемъ, тутъ только для двоихъ мѣста и хватитъ; когда попадемъ на сушу, можемъ взять челнокъ на плечи и нести, пока опять не встрѣтится по дорогѣ вода.

Анкершмидтъ, глядя на него, покачалъ головой, но долженъ былъ повиноваться.

Маленькая лодочка съ двумя пассажирами скользила по водѣ какъ птица, то въ прямомъ направленіи, то поворачивая вправо и влево. Анкершмидтъ удивлялся, какъ молодой инженеръ хорошо знаетъ дорогу, и убѣдился, что дѣйствительно скорѣе можно было пробѣжать въ челнокѣ, нежели въ каретѣ.

— Вода прибываетъ быстрѣе, чѣмъ я ожидалъ. Мы ѣдемъ противъ теченія, — сильно напирая на весло, сказалъ Аладаръ.

— Вы, быть можетъ, устали? Я васъ замѣню.

— Нѣтъ, я только хотѣлъ сказать, что чѣмъ мы больше отдаляемся отъ Тиссы, тѣмъ глубже становится потокъ. Онъ вдали течетъ къ намъ на встрѣчу, чѣмъ мы дальше ѣдемъ, тѣмъ болѣе приближаемся къ мѣсту сильнаго наводненія.

Анкершмидтъ съ грустью глянулъ въ воду, по которой скользилъ челнокъ. Сквозь нее виднѣлись чудесные колосы, даже васильки видны были, пунцовый макъ, и среди этихъ васильковъ и маку плавали тысячи рыбокъ изъ Тиссы. Колокольчики словно плавали въ водѣ. На деревьяхъ, вполонину затопленныхъ водою, сидѣли не вороны, а горностаи да крысы, которые доплыли туда по водѣ. Со всѣхъ сторонъ изъ воды торчали ихъ головы; они плыли, разыскивая безопасное мѣстечко.

Вдругъ одна землеройка поплыла за челнокомъ Аладара и, поровнявшись съ весломъ, высоко подняла надъ водой крошечный носикъ, ея круглыя уши были загнуты назадъ, своимъ длиннымъ и широкимъ хвостомъ она правила какъ рулемъ, а блестящими и умными глазами взглядывала на Аладара, точно умоляла о помощи.

— Землеройка надѣется, что мы ее спасемъ, — улыбаясь, сказалъ Аладаръ, пересталъ грести и протянулъ весло звѣрку.

Тотъ сейчасъ же взобрался на него, потомъ на бортъ челнока и, усталый, растянулся на днѣ лодочки. Не двигаясь, тяжело дыша, онъ не спускалъ съ Аладара своихъ умныхъ глазъ.

— Этотъ маленькій бездѣльникъ принялъ нашу лодку за пассажирскій пароходъ, — сказалъ Аладаръ, и, вынувъ ватерплатку, прикрылъ имъ звѣрка, чтобъ его согрѣть.

Высунувъ потомъ голову изъ-подъ платка звѣроу кругомъ оглянулся и началъ разглаживать крошечными лапками свои уши и щеки, зубками расчесалъ мѣхъ на спинѣ, который отъ воды склеился, потомъ поднялъ хвостъ и ногтями расчесалъ и его, и опять началъ приглаживаться, сѣвъ на заднія лапы.

— Пріятель мой не стѣсняется—сказалъ Аладаръ, прицѣпивъ весло на другую сторону, чтобъ не испугать звѣрка.

— А какъ вы думаете, скоро ли мы домой доберемся?—спросилъ старикъ, вспомнивъ про свою заботу.

— Теперь скоро полдень, мы приближаемся къ тополевому лѣсу. Если черезъ четыре часа дойдемъ до него, намъ останется всего три часа, потому что за проломомъ мы поѣдемъ уже по теченію.

— Что-то теперь стало съ тѣми людьми, которые тамъ, на дорогѣ, ожидали помощи?

— Вѣрно они по сію пору дожидаются насъ, потому что въ этой мѣстности нѣтъ паромовъ. Мы поѣдемъ къ нимъ.

— Но вѣдь съ этимъ челнокомъ намъ не спасти сотни людей.

— Конечно, не съ помощію челнока, но, быть можетъ, намъ придетъ счастливая мысль; это случается во время опасности.

Онъ продолжалъ гребти съ веселымъ лицомъ, точно ѣхалъ на прогулку, шутя относясь ко всему.

Черезъ полчаса они доѣхали до тополевого лѣсу, изъ котораго вернулся обратно Анвершмидтъ. Лѣсъ этотъ стоялъ какъ островъ посреди воды, на опушѣ вода уже омывала стволы деревьевъ.

Когда они проѣхали мимо лѣса, до ихъ слуха долетѣлъ неясный шумъ, словно звуки человѣческихъ голосовъ, шумящихъ на базарѣ; но только это были грустные возгласы. Вода все прибывала, печальная была картина. Плотину почти залило, крупныя волны ударились о нее и грозили снести ее совсѣмъ.

Сухого пространства оставалось немного, нельзя было поѣхать ни впередъ ни назадъ. Сотни телѣгъ сгучились на одномъ мѣстѣ. Женщины были въ отчаяніи, дѣти плакали, мужчины къ своимъ прикрѣпляли бѣлые платки и кричали, прося помощи. Вода быстро прибывала; если въ ночь ихъ не спасутъ, къ утру все исчезнетъ—и люди, и телѣги, и плотина!

Имъ нуженъ паромъ, а къ нимъ на помощь подъѣзжаетъ челнокъ.

Аладаръ, приблизившись къ несчастнымъ, крикнулъ изо всѣхъ силъ:

— Эй! Есть ли между вами разумный человѣкъ, пусть онъ выступить впередъ, я съ нимъ переговорю.

Всѣ притихли, и сѣдой старикъ, снявъ шапку, подошелъ къ краю воды.

— Нечего охать, надо стараться помочь бѣдѣ!—крикнулъ Аладаръ, ближе подѣхавъ.—Въ лѣсу надо искать убѣжища.

— Оно такъ-то такъ!—отвѣтилъ старикъ, почесывая затылокъ,—да мы плавать не умѣемъ, а еслибъ и умѣли, нельзя же намъ бросить женщинъ.

— Кто же вамъ велитъ ихъ бросать? И ихъ надо перетаскать. Конечно, я не могу тысячу человѣкъ перевезти въ челнокѣ, это продолжится цѣлыхъ три дня, а вода не ждетъ. Но, если я десять разъ взадъ и впередъ съѣзжу, то могу перевезти десять здоровыхъ парней, они срубятъ нѣсколько крупныхъ деревьевъ, сдѣлаютъ паромъ и на немъ перевезутъ въ лѣсъ всю ватагу. Оттуда вода народа не утащитъ, успѣютъ подать ему помощь.

Человѣкъ пятьдесятъ разомъ высказали готовность ѣхать рубить лѣсъ.

Пяти минутъ достаточно было, чтобъ съѣздить взадъ и впередъ.

Вскорѣ въ лѣсу начали раздаваться удары топора; когда въ челнокѣ перевезли десятого парня, можно было сдѣлать даже два паромъ. Аладаръ сдѣлалъ руль и весла и научилъ, какъ спустить паромъ въ воду. Взявъ съ собой двухъ молодцовъ, онъ привязалъ челнокъ къ парому и велѣлъ направляться къ плотинѣ.

Никогда еще съ такой радостью не встрѣчали появленіе паромъ. Столько людей въ немъ видѣло своего спасителя. У всѣхъ выступили слезы на глазахъ.

— Ну, братцы! — крикнулъ Аладаръ, — теперь надо держаться порядка, тогда никакой бѣды не случится. Сперва перевеземъ женщинъ и дѣтей, онѣ всѣхъ больше трусятъ и другихъ смущаютъ. Потомъ перевеземъ стариковъ. Болѣе 30-ти человѣкъ за-разъ перевозить нельзя. Когда всѣ люди будутъ внѣ опасности, переправимъ скотину, ее слѣдуетъ лишь привязать къ парому, она переплыветъ, если есть ей за что держаться. Можно и телѣги перевести, только сперва ихъ надо разобрать на части. Ничто не пропадетъ. Рулевой долженъ наблюдать, чтобъ лѣвый уголъ паромъ былъ противъ теченія.

— Нельзя ли намъ узнать ваше доброе имя, — спросилъ послѣ старикъ Аладаръ, — чтобъ мы могли рассказать, кто насъ спасъ и чтобъ внуки наши знали это имя.

Аладаръ и Анкершмидтъ уже сидѣли въ челнокѣ. Повернувшись, Аладаръ сказалъ въ отвѣтъ ложное имя.

— Вы черезъ-чуръ скромничаете, — упрекалъ послѣ кавалеръ юношу, — даже не хотите сказать своего настоящаго имени добрымъ людямъ, которые изъ чувства благодарности желали узнать, какъ васъ зовутъ.

— Мнѣ не трудно бы было исполнить ихъ желаніе, но вѣдь у этихъ добрыхъ людей языкъ безъ костей, и мое имя узнали бы не одни внуки, а также и окружное начальство.

— А! Такъ вы не хотите, чтобъ начальство узнало о вашемъ подвигѣ, боятесь, что дадутъ вамъ награду, расхвалить въ газетахъ? Теперь я понимаю въ чемъ дѣло.

— Не совсѣмъ такъ. Я о томъ подумалъ, что когда вода убудетъ и замѣтатъ, что въ казенномъ лѣсу много срубленныхъ деревьевъ, такъ меня притянутъ къ суду за «порубку» лѣса и такой прочтутъ параграфъ, что мнѣ и рта разинуть не удастся, чтобъ оправдать себя. А я, побывавши въ крѣпости, не желаю попасть въ тюрьму низшаго разряда.

На это Анкершмидтъ только улыбнулся, а Аладаръ продолжалъ:

— Поспѣшимте, однако, домой, мы здѣсь цѣлыхъ два часа потратили, надо наверстать потерянное время.

— Чтб, не видать еще колокольни?

— Нѣтъ, но мнѣ дорога хорошо знакома — и ночью доберусь, въ особенности при лунномъ-то свѣтѣ.

Дѣйствительно, челнокъ быстрѣе двигался, чѣмъ въ полдень, но вода уже не была прозрачна, не видѣлись колосья да маки, а просто грязный и мутный потокъ несея прямо изъ Тиссы. На поверхности плавали тростникъ и луговое сѣно.

Вода спугнула обитателей какого-то звѣринца и они длинной вереницей проплыли мимо челнока. Аладаръ пересталъ грести. Красивый олень и умная козуля не испугались, увидавъ людей. Посреди оленей, пыхтя, плылъ голодный волкъ.

— Если эти животныя въ тополевыи лѣсъ попадутъ, наши люди вкусно поужинаютъ, за то недѣли черезъ двѣ начнется процессъ по поводу запрещенной охоты.

Солнце уже почти сѣло, когда Аладаръ замѣтилъ, что на горизонтѣ видѣется колокольня.

Аладаръ посоветовалъ Анкершмидту не смотрѣть напрасно вдаль, потому что лишь часа черезъ три можетъ онъ увидать свой замокъ.

Лучше всего будетъ, если онъ ляжетъ въ челнокъ и попробуетъ заснуть; ему не мѣшаетъ отдохнуть послѣ безсонной ночи.

Анкершмидтъ согласился лечь, но увѣрялъ, что спать ему не хочется, однако, какъ легъ, такъ и заснулъ.

Благодаря этому сну, ему не пришлось увидѣть свой развалившійся замокъ, который выглядывалъ изъ воды словно привидѣніе.

Аладаръ еще издали, насколько ему позволяло зрѣніе, примѣтилъ, что на замокъ Анкершмидта крыша погнулась. Съ каждымъ ударомъ весла яснѣе могъ онъ видѣть руину. Можно было отличить ввалившіяся окна, растрескавшіяся стѣны; развалившіеся флигеля и оторванные карнизы все яснѣе обрисовывались. Аладаръ радовался, что Анкершмидтъ ничего этого не видитъ.

Время къ ночи приближалось, кругомъ царствовала тишина, которая такъ грустно вліяетъ на душу бодрствующаго человѣка; чувствуешь себя покинутымъ.

Разрушающая стихія объяла всю равнину. На горизонтѣ двѣ луны казалось приближались другъ къ другу, одна на небѣ, другая въ водѣ.

При этомъ грустномъ освѣщеніи развалины замка Анкершмидта пододвигались, какъ кошмаръ, съ каждымъ ударомъ весла отчетливѣе видѣлись слѣды разрушенія. Искривившіяся окна, изогнутая крыша, перекосившіяся балки, проломъ въ брандмауерѣ, одиноко торчащая труба и нѣсколько оголенныхъ задній все яснѣе и яснѣе обрисовывались въ сумеркахъ. Замѣтно было, какъ вода пробивалась сквозь окна нижняго этажа, когда челнокъ проѣхалъ мимо фасада замка, въ срединѣ котораго былъ проломъ, — сквозь это отверстіе видѣнъ былъ старинный и вполне уцѣлѣвшій домъ Гароновельди.

Аладаръ вдвое сильнѣе началъ грести и не спускалъ глазъ съ спящаго спутника. Онъ не хотѣлъ его будить, молча хотѣлъ проѣхать мимо развалинъ. Пусть его спитъ, пока они не дойдутъ до дядинаго дома, — тамъ узнаемъ, что случилось съ жителями замка.

Аладаръ усиленно работалъ веслами, спѣша проѣхать мимо замка, и это ему почти удалось, какъ вдругъ на той улицѣ, въ концѣ которой стоялъ замокъ, показалась лодка.

При лунномъ свѣтѣ Аладаръ увидалъ Компоша, и тотъ его узналъ. Не успѣлъ Аладаръ сдѣлать ему знака, чтобъ онъ молчалъ, какъ Компошъ уже громко разразился:

— Ого!

Анкершмидтъ быстро поднялся и прежде всего увидать свой развалившійся замокъ.

Нѣсколько минутъ какъ окаменѣлый, съ неподвижными глазами и блѣднымъ лицомъ, смотрѣлъ онъ на грустную картину, и потомъ вдругъ вскричалъ:—Дочь моя!

Еслибъ его Аладаръ не схватилъ за руку онъ бы упалъ въ воду.

— Дочь моя!—съ отчаяніемъ повторилъ старикъ.

— Она у насъ, въ безопасности!—кричалъ Компошъ, стараясь съ помощію багра приблизиться къ челноку.

Анкершмидтъ и плакалъ, и смѣялся вмѣстѣ, пока Компошъ рассказывалъ подробности спасенія.

Наконецъ, обѣ лодки доѣхали до дома Гароновѣлди, стоявшаго какъ островъ посреди воды.

Черезъ мостикъ, устроенный изъ остатковъ свиного хлѣва, пошатываясь и постукивая, они пробрались во дворъ.

XIV.

Лодки встрѣчены были безъ всякой торжественности. Даже никто другъ другу на шею не кинулся. Главнымъ препятствіемъ для подобныхъ изліяній служила работа; всѣ были заняты, трудились до самой полуночи.

Огромное пространство въ 20 моргеновъ, на которомъ находился дворъ, паркъ и огороды, походило на островъ посреди моря и было биткомъ набито волами, лошадьми и овцами, которыхъ сюда перегнали съ пастбищъ, чтобъ спасти отъ воды. Пастухи наблюдали за скотомъ, а другая прислуга хворостомъ укрѣпляла ограду. Такимъ образомъ, никто не примѣтилъ, что лодка подѣхала, кромѣ слуги, которому Компошъ велѣлъ связать цѣпью обѣ лодки и запереть на замокъ, а ключъ положить въ карманъ.

— Наконецъ-то мы доѣхали! Теперь позвольте васъ, кавалеръ, проводить къ барышнѣ. Я вижу огонь въ ея комнатѣ. Ну, а г-нъ Аладаръ самъ найдетъ дорогу къ дядюшкѣ,—сказалъ Компошъ.

Старый Гароновѣлди еще не ложился и радостно встрѣтилъ племянника:

— Слава Богу! Какъ ты сюда добрался?

— Въ челнокъ. Я Анкершмидта съ собой привезъ.

— И прекрасно сдѣлалъ. Дочь его себѣ всѣ глаза выплакала, горюя объ отцѣ. Ты вѣрно усталъ?

— Право, не знаю, чувствую лишь ужасную жажду. Съ ранняго утра ничего не пилъ, хотя все время былъ на водѣ.

— Тебѣ, должно быть, и ѣсть хочется? Ужинъ готовъ.

— Зачѣмъ же вы такъ долго ждали?

— Мы поджидали Композа. Онъ въ лодкѣ объѣзжалъ село, чтобъ посмотрѣть, не нуждается ли кто въ помощи... Однако сперва переодѣнься, въ домѣ у насъ барышня. Вотъ ключъ отъ твоей комнаты.

— Въ одну секунду буду готовъ.

Аладаръ, шаря въ своемъ шкату, раздумывалъ, какъ странно все дѣлается на свѣтѣ: человѣка чуть не выгнали изъ дому, а онъ послѣ этого садитъ въ свой челнокъ своего же противника и съ утра до вечера гребетъ, чтобъ благополучно довести его до дому, а потомъ, самъ, голодный, томимый жаждой, желалъ бы лечь на солому — не тутъ-то было: изволь одѣваться и идти освѣдомиться о здоровьѣ дочери своего противника.

Аладаръ вовсе не желалъ зла незнакомой барышнѣ, но не прочь бы былъ услышать, что она не придетъ ужинать потому, что у нея мигрень, или оттого, что уже спать легла.

Ожиданіе его не сбылось. Вскорѣ раздался голосъ дяди. Онъ пришелъ его поторопить. Кушанье подали, и гости приглашены.

Случилось именно такъ, что въ дверяхъ дядя и племянникъ столкнулись съ кавалеромъ и его дочерью.

Тутъ было не до витайскихъ церемоній. Нѣ-скоро поздоровались, нельзя же стоять въ дверяхъ.

За столомъ, разговоръ начался-было съ выраженія благодарности за спасеніе, но благодаря Композу разговоръ скоро перешелъ на другіе предметы. Вино подѣйствовало на управляющаго, и старикъ сдѣлался болтливъ болѣе обыкновеннаго.

— Объ одномъ сожалѣю, что во время опасности г-на Аладара не было дома!

— Почему это?—спросилъ юноша.

— Вы бы могли сами барышню спасти. Это бы такъ слѣдовало. Я и въ романахъ читалъ, что это всегда такъ случается, а то знаете ли мы, старики...

Аладаръ, замѣтивъ, что Композъ болтаетъ вздоръ, прервалъ его разговоромъ о спасеніи землеройки, которую онъ послѣ спрятавъ въ карманъ пальто, въ ужасу Композа, ненавидящаго землероекъ, этихъ вредныхъ животныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Эржика же восхищалась принесеннымъ звѣркомъ и даже просила подарить его ей.

— Только вы ему закажите крѣпкую клѣтку, барышня, — важно замѣтилъ Компощъ: — онъ вѣдь грызетъ даже дубовое дерево.

— Кто же держитъ гостей въ клѣткѣ? У меня онъ будетъ расхаживать на волю.

Анвершмидтъ вѣшался въ разговоръ.

— Подумай, другъ мой, вѣдь мы теперь однако сами гости, нашъ замокъ стоитъ подъ водой.

— Э, полноте, — остановилъ его старикъ Гароновѣльди, — мои гости у меня должны быть какъ дома. Я желаю, чтобъ вы здѣсь жили, какъ въ своемъ домѣ, пока вашъ замокъ будутъ исправлять. У меня помѣщеніе большое, а я одинѣхонекъ.

Всѣ замолчали.

Въ такія минуты обыкновенно всѣ, молча, объ одномъ и томъ же думаютъ.

Первый заговорилъ Анвершмидтъ.

— Искренно благодарю васъ за дружеское предложеніе и рѣшительно не имѣю никакого основанія отъ него отказаться. Эржика и безъ того зоветъ васъ дядей.

— Вамъ вѣдь хорошо извѣстно, что мы старше знакомые. М-ле Эржика мнѣ давно оказала услугу. Вѣдь и она меня спасла, еще не зная, стою ли я этого.

— Какъ это случилось? — спросилъ Аладаръ, глядя на Эржику.

— Это такъ, шутка, — краснѣя, проговорила дѣвочка.

— По отношенію ко мнѣ это вещь важная, — сказалъ Гароновѣльди.

— Какъ? — воскликнулъ кавалеръ, рукой закрывая стаканъ, чтобъ Компощъ ему не подливалъ вина: — вы еще не забыли этихъ пустяковъ.

— Конечно, нѣтъ, у меня при себѣ письмо, которое, помните, я не хотѣлъ прочесть, за чтó почтенный сосѣдъ мнѣ чуть голову не отрубилъ. Я съ той поры ношу письмо въ своемъ бумажникѣ.

Чтобъ доказать, что говорить сущую правду, онъ вынулъ старый кожаный бумажникъ, и изъ четвертаго отдѣленьца, гдѣ хранились самыя старинныя драгоценности, напимѣръ: два банжовыхъ билета съ венгерской надписью: «anno domini», добраго стараго времени, измятый портретъ и шелковый лоскутокъ отъ какого-то знамени — тутъ же лежало и письмо, которое дѣвочка написала, еще будучи ребенкомъ, предостерегая его противъ измѣны. Онъ передалъ письмо Аладару, такъ какъ другимъ оно было знакомо.

Никто не могъ предположить, что Аладаръ по почерку узнастъ руку, написавшую прошеніе, благодаря которому его освободили. Никто не могъ знать, что онъ видѣлъ это прошеніе.

Взглянувъ на письмо, Аладаръ почувствовалъ, какъ кровь прилила ему къ сердцу. Онъ не читалъ его, или если и читалъ, такъ не думалъ о немъ. Онъ припоминалъ дѣтски правдивое прошеніе объ освобожденіи узника, который всѣми былъ забытъ и для всѣхъ потерянъ.

Вотъ та рука, то сердце, которые дѣйствовали и чувствовали, и которыхъ не могъ онъ отыскать.

— Ты, кажется, не намѣренъ мнѣ возвратить письма? — спросилъ старикъ Гароновѣльди племянника.

— Я думаю о томъ, какъ почеркъ этотъ схожъ съ почеркомъ другого лица.

Въ эту минуту Аладаръ невольно примѣтилъ, съ какою удивленіемъ Анкершмидтъ переглянулся съ дочерью, и какъ дѣвушка, растерявшись, опустила глаза, между тѣмъ какъ Анкершмидтъ всячески старался казаться спокойнымъ.

Старикъ приписалъ волненіе Анкершмидта усталости. Онъ поднялся съ мѣста, всѣ этимъ воспользовались, чтобъ распрощаться и каждый пошелъ въ свою комнату.

Старикъ Гароновѣльди удивился, когда, вставъ рано и пробираясь на ципочкахъ по корридору, чтобъ, никого не разбудя, выдти изъ дому посмотреть на наводненіе, вдругъ увидалъ Аладара совсѣмъ одѣтаго. Онъ вышелъ изъ своей комнаты.

— Какъ, ты уже проснулся?

— Да, я хочу пораньше уѣхать.

— Уѣхать? Куда? Зачѣмъ?

— Въ челнокъ поѣду, посмотрю, нельзя ли кому-нибудь помочь?

— Къ чему же такъ спѣшить?

— Пойдите ко мнѣ въ комнату, я вамъ все расскажу.

Старикъ пошелъ къ нему.

— Ну, говори же, что тебя гонить отсюда?

— Милый дядя, вчера, когда вы мнѣ показали письмо, я увидалъ, что оно написано тѣмъ же почеркомъ, какъ и прошеніе, по которому меня освободили.

Старого Гароновѣльди тоже поразило это открытіе.

— Значить, она писала и прошеніе?

— Да, я знаю болѣе чѣмъ бы желалъ.

— И хочешь бѣжать отсюда!

— Что-жъ мнѣ дѣлать? Первый разъ въ жизни встрѣчаю я женщину, у которой есть сердце. Будь она старуха, я бы этому обрадовался, сталъ бы ее звать матерью, прося называть меня своимъ сыномъ, но прелестный, умный, добрый ребенокъ и я — къ чему поведетъ эта встрѣча?

— Я въ этомъ бѣды не вижу. Если ты ее любишь, бери ее. Тебѣ ее отдадутъ.

— Добрый дядя, я вѣдь бѣдный человекъ, съ трудомъ хлѣбъ добываю, а они богаты. Если я здѣсь останусь, имъ придется по милости наводненія со мной встрѣчаться, говорить, желаютъ ли они этого или нѣтъ. Они по неволѣ должны жить со мной подъ одной кровлей. Кругомъ море, куда имъ дѣваться? Если я воспользуюсь ихъ грустнымъ положеніемъ, меня можно будетъ сравнить съ индійцами съ Караибскихъ острововъ, которые ѣдятъ тѣхъ, кто у нихъ ищетъ прибѣжища.

— Твоя правда, уходи.

Старикъ еще разъ пожалъ руку племяннику и повторилъ: уходи! Взялъ его подъ руку, и они вмѣстѣ пошли во дворъ.

По словамъ прислуги въ ночь вѣтеръ испортилъ укрѣпленія. Аладаръ сейчасъ распорядился, чтобъ въ ащики изъ-подъ муки наложили камней, объ такую ограду волны будутъ разбиваться. Когда эту работу кончили, настало время завтрака. Аладару опять пришлось встрѣтиться съ Анкершмидтами.

Аладаръ не могъ уйти, не простившись, потому и сказалъ Анкершмидту, что хочетъ въ лодкѣ ѣхать въ Добон на Тиссу, откуда началось наводненіе.

— Чѣмъ вы тамъ можете помочь? — спросилъ Анкершмидтъ, чтобъ его удержать.

— Ничѣмъ, но могу изучать грустныя послѣдствія наводненія.

— А я надѣялся, что мы нынче прокатимся по отдаленнымъ лугамъ.

Это было удерживаніе *in optima forma*, отказаться было невозможно.

— Я не спѣшу, я охотно поѣду съ вами, погода хорошая.

Никогда бы молодые люди не узнали другъ друга такъ скоро, еслибъ не наводненіе.

На возвратномъ пути съ прогуломъ, Аладаръ нашелъ уже, что вода становится прозрачнѣе. Чтó за пустаки и всѣ убытки

въ сравненіи съ тѣмъ, что сердце иногда можетъ выиграть. Когда всѣ вернулись къ обѣду, Компонъ порадовалъ ихъ извѣстіемъ, что вода спустилась на 2 дюйма.

Аладара это вовсе не порадовало, — напротивъ, онъ еще поссорился съ Компономъ за то, что тотъ радуется явленію, которое доказываетъ только, что вода опять гдѣ-нибудь прорвала плотину и наводнила другія мѣстности.

Черезъ три дня послѣ того Аладаръ, наконецъ, вспомнилъ, что пора ѣхать; нельзя же ему оставаться послѣ того, что онъ толковалъ о своемъ отъѣздѣ. Вечеромъ онъ объявилъ дядѣ, что завтра намѣренъ уѣхать и взять съ собой гребца.

Старикъ, подмѣчавшій хорошо все, что совершалось около него, съ улыбкой отвѣчалъ племяннику: — Пожалуй, а я велю тебѣ испечь пирога на дорогу.

Утромъ Аладаръ рано всталъ, сложилъ свои чертежи, инструменты, и усердно вытрясалъ пальто. Старикъ вышелъ изъ своей комнаты и шутиливо спросилъ:

- Что-жъ, собираешься въ дорогу? Пирогъ-то готовъ.
- Благодарю, дядя. Я хочу проститься съ Анкершмидтами.
- Хорошо сдѣлаешь, послѣ и мнѣ удѣли минутку.

Вѣроятно, Аладаръ ошибся, и прежде чѣмъ попасть къ Анкершмидту, вошелъ въ комнату къ его дочери; въ свѣтъ это не принято, — впрочемъ, онъ былъ увѣренъ, что Эржика уже кончила свой туалетъ.

По лицу дѣвушки видно было, что и она какъ будто его дожидалась.

- Вы уже ѣдете? — спросила она, протягивая ему руку.
- Я слишкомъ долго здѣсь прожилъ.
- Но, вѣдь, вы, кажется, здѣсь у себя дома.
- О, нѣтъ, вѣдь это дядинъ домъ, а онъ меня почти-что выгоняетъ, онъ лѣнтяевъ не любитъ.

— Теперь этотъ домъ однако принадлежитъ не одному дядѣ, а отчасти и намъ. Такъ или нѣтъ?

- Ваша правда.
 - Въ такомъ случаѣ я васъ кое о чемъ попрошу, только пожалуйста не считайте меня черезъ-чуръ бойкой.
 - Что прикажете?
 - Я хотѣла попросить васъ остаться еще на день.
- Аладара не было надобности особенно упрашивать.
- Ваша просьба будетъ исполнена, — я остаюсь.
 - А! — вскрикнула дѣвушка, радуясь такому началу, и глаза

ей заблестали. — Теперь я сожалѣю, что не попросила васъ пробыть здѣсь всю недѣлю.

— Хорошо, — отвѣтилъ Аладаръ. — Я останусь и недѣлю.

— Еслибъ я знала, что вы склонны къ уступкамъ, я бы попросила васъ остаться на мѣсяцъ.

Аладаръ не могъ больше скрывать волненія, и въ голосѣ его проглянула нѣжность:

— Я здѣсь останусь на мѣсяцъ, на два, на цѣлый годъ!

Дѣвушка вдругъ, со слезами на глазахъ, обѣими руками схватила его руку и сказала:

— Оставайтесь навсегда...

— Навсегда! — сказалъ Аладаръ, прижимая къ груди милаго ребенка.

Аладаръ могъ только расцѣловать ручки милаго ребенка.

— Пойдемте, пойдемте, — сказала Эржика, взявъ его подъ руку, и повела его къ отцу.

— Посмотри, папá, — сказала она, входя въ комнату отца: — я ему сдѣлала предложеніе, онъ принялъ.

Старикъ, подавая руку Аладару, притянулъ его къ себѣ и поцѣловалъ въ обѣ щеки, нѣжно прошептавъ: «мой милый!»

Аладаръ молчалъ. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые вслухъ высказываютъ свои мысли. Онъ думалъ о томъ, что для него только-что началась новая жизнь, и вотъ въ новой жизни, на первыхъ же шагахъ, онъ встрѣчаетъ счастье! Въ ту эпоху грустна была общественная жизнь, и въ такое-то время его ждетъ счастье возлѣ любимой женщины, въ маленькомъ волшебномъ мірѣ, въ которомъ онъ забудетъ, на какой мы живемъ несчастной планетѣ.

Много есть въ жизни хорошаго, о чемъ еще и не говорилось въ книгахъ.

Между тѣмъ, старику Гароновѣлди надобно, наконецъ, что племянникъ такъ долго прощается съ Анкершмидтами. Старикъ рѣшился самъ пойти къ гостямъ.

Войдя въ комнату Анкершмидта, онъ только улыбнулся, увидавъ, что Аладаръ сидитъ возлѣ Эржики.

Но, какъ-будто ничего не замѣчая, онъ обратился къ Аладару:

— Твоя лодка готова...

— Теперь я нигуда не поѣду, — отвѣчалъ Аладаръ, подводя къ дядѣ свою сконфуженную невесту.

— Мы его здѣсь удерживаемъ, — сказала Эржика, прижимаясь къ жениху.

— Ну, а я лодку-то приготовилъ, — добродушно подшучивалъ старый Гароновѣлди.

Анкершмидтъ разсмѣялся.

— Да вѣдь я зналъ, что этимъ кончится, — продолжалъ дядя. — Вотъ когда можно сказать, что свадьбу не только небо устроило, но и вода также. Теперь у нашего героя поубавится тщеславія при мысли, что онъ только и могъ найти себѣ невѣсту на острову, гдѣ не случилось соперниковъ.

Влюбленные, несмотря на сыпавшіяся на нихъ насмѣшки, чувствовали себя вполне счастливыми, и стояли рядомъ, обнявшись.

Эту сцену прервалъ приходъ Компоша; никого не найдя въ другихъ комнатахъ и узнавъ, что всѣ собрались у Анкершмидта, онъ съ шумомъ влетѣлъ, объявляя, что съ утра вода опустилась на цѣлый футъ.

— Мнѣ до этого теперь дѣла нѣтъ, — сказалъ Аладаръ, выстуная впередъ, — пусть ее хоть совсѣмъ исчезнетъ.

Компошъ посмотрѣлъ на всѣхъ и съ-разу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Ага, такъ вотъ почему г-нъ Аладаръ разсердился, когда я вчера сказалъ, что вода убыла. Ну, это...

Такъ Компошъ и не досказалъ своей мысли.

Впрочемъ, извѣстіе, сообщенное имъ, побудило всѣхъ тотчасъ же выйти изъ дому и взглянуть, какъ убываетъ вода...

Прошло нѣсколько недѣль. Наводненіе давно уже прекратилось. Сперва образовалось болото, потомъ появились маленькіе озера среди полей; эти озера просохли только на третье лѣто.

Всюду видѣлось грустное опустошеніе.

Долго съ трудомъ можно было переѣзжать изъ одной деревни въ другую, до того плоха была дорога. Вода сорвала всѣ мосты.

— А не случись наводненія, никогда бы мы не встрѣтились, — сказалъ какъ-то Анкершмидтъ.

Теперь онъ только объ одномъ заботился — о счастьи своей дочери.

Въ одно изъ ближайшихъ воскресеній въ церкви послѣдовало обычное оглашеніе о предстоящемъ бракѣ. Старики радовались, словно сами помолодѣли.

[Тутъ собственно и кончается романъ Іюлая; но авторъ, въ заключеніе, помѣстилъ еще два эпизода, съ цѣлью досказать вкратцѣ судьбу второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, и эпилогъ, выясняющій политическое и общественное значеніе романа.]

ЭПИЛОГЪ.

Медвѣдь—большой философъ. Въ ясные дни онъ также наслаждается жизнью, а когда ненастье придетъ, онъ не бѣжитъ въ чужую сторону, какъ, напримѣръ, аисты, не грабитъ по лѣсамъ, какъ волки, и не прислуживается, какъ собаки, а прячется въ свою берлогу, уляжется тамъ, да и ждетъ себя спокойно: кому скорѣе надобность пассивное сопротивленіе — ему или зимѣ?

Всегда зима оказывается нетерпѣливѣе и убѣгаетъ; но никто еще не видывалъ, чтобъ медвѣдь замерзнулъ въ берлогѣ.

Иногда долго длится стужа. Медвѣдь и этимъ нисколько не смущается. Онъ знаетъ, что придетъ время — и зима кончится. Если вѣтеръ слишкомъ сильно дуетъ въ берлогу, онъ не читаетъ ему никакихъ увѣщаній, а просто повернется спиною къ отверстію; такъ что если и мерзнетъ у него что-нибудь, такъ одна лишь спина.

Зимой бываетъ день, который у венгерцевъ называется днемъ «Освященія свѣчей», а именно 2-е февраля. Почему знаетъ медвѣдь, когда по календарю наступаетъ этотъ день — пока остается тайной для натуралистовъ. Дѣло въ томъ, что въ этотъ самый день медвѣдь выходитъ изъ берлоги и озирается кругомъ.

Смотрить, какова погода! Если увидитъ, что день ясный, свѣтъ таетъ, небо голубое, да еще примѣтитъ, что глухія синицы начинаютъ пѣть весенній гимнъ, принимая за зелень древесныя почки (изъ прутьиковъ, намазанныхъ клеемъ, устраиваютъ имъ ловушки, въ которыя онѣ и попадаютъ); если дуетъ теплый вѣтеръ, медвѣдь возвращается въ берлогу, ложится на бокъ, уткнется въ лапы морду и спитъ еще 40 дней. Значитъ, зима просто кокетничаетъ, все равно, что консервативное министерство, когда выставляетъ либеральную программу.

Если же медвѣдь увидитъ 2-го февраля, что погода холодная, вѣтрено, свѣтъ падаетъ, стволы деревьевъ скрипятъ, и вороны каркаютъ, покачиваясь на вѣткахъ, словно говорятъ: «не дожидаться намъ марта, зимѣ конца не будетъ!» — когда съ сосенъ падаютъ ледяныя сосульки и волкъ воетъ въ лѣсу, — тогда медвѣдь отряхивается, протираетъ глаза и не возвращается въ берлогу, а весело идетъ прогуляться по лѣсу.

Медвѣдь понимаетъ, что это въ послѣдній разъ проявляется вся жестокость зимы. Пусть ее злитъ: чѣмъ она больше сердится, тѣмъ скорѣе растаетъ.

Медвѣдь не ошибается.

Гдѣ набрался онъ идей соверцательной философіи? — этого мы сказать не сумѣемъ. Но знаемъ давнымъ-давно, что это метеорологическое наблюденіе сдѣлано было именно въ Венгріи. Это вѣрно.

Старый Гароновѣлди и послѣ свадьбы племянника все еще не снималъ съ себя зарокъ, и не переступалъ черезъ порогъ своего жилища.

Впрочемъ, если онъ прежде жилъ отшельникомъ, такъ теперь и подавно можетъ продолжать сидѣть дома: онъ не одинъ. Правда, Аладару рѣдко приходилось быть его компаньономъ, — онъ занятъ былъ своей службой. За то Эржика была неразлучно съ нимъ, да и Анкершмидтъ больше сидѣлъ у Гароновѣлди, чѣмъ дома.

Австрійскій ветеранъ такъ освоился за это время съ нашей политикой, какъ-будто бы десять лѣтъ прожилъ въ Венгріи.

Онъ вообще въ политикѣ принадлежалъ къ партіи, такъ-называемыхъ, «сангвиниковъ». Онъ былъ изъ близорукихъ, изъ тѣхъ, которые принимаютъ муху за слона и вѣрятъ всему, что говорится въ газетахъ.

Гароновѣлди надъ нимъ подсмѣивался:

— Все это солнечные лучи «второго февраля».

Анкершмидтъ радостно хватался за всякое явленіе, предсказывающее перемѣну, какъ онъ говорилъ, въ «нашей судьбѣ».

Такъ всегда бываетъ у насъ, въ Венгріи: иностранцы-колонисты, новые помѣшники, черезъ десять лѣтъ толкуютъ непремѣнно о «нашей участи». Это у насъ очень обыкновенное явленіе.

Такіе иностранцы даже превращаются иногда въ самыхъ ревностныхъ венгерскихъ патріотовъ, а дѣти ихъ и подавно.

Анкершмидтъ, бывшій австрійскій генералъ, не только приналь къ сердцу венгерскіе интересы, но еще применилъ къ крайней лѣвой партіи.

Но Аламъ Гароновѣлди все не трогался изъ своей берлоги.

Ему казалось, что зима все еще длится, не время медвѣдю просыпаться.

Между тѣмъ, настало время бурь, снѣга, мороза; всѣ умы были отуманены. Застыла всякая надежда, завали рано распустившіеся листики, слышалось лишь карканье воронъ: «не стоить надѣяться, не стоить мечтать!»

Однажды Анкершмидтъ пришелъ къ старику Гароновѣлди

очень не въ духѣ и передалъ газету, сообщавшую новое, грустное извѣстіе:

«Сдвинуть каждый камень, на которомъ основывались надежды патріотовъ. Одинъ лишь остался нетронутымъ въ тяжелое время переворотовъ и разгрома — то была «свобода вѣроисповѣданія». Теперь страшные новаторы и на него ступаютъ ногой, хотятъ и его опрокинуть. Время имъ благопріятствуетъ, — очень темно, очень холодно...»

При этомъ извѣстіи Гароновѣльди оживился.

— А! ну, вотъ, значить, пора медвѣдю выйти изъ берлоги! — воскликнулъ старикъ. — Приготовьте карету, а завтра поѣду въ Мишеольцъ, въ протестантскую консисторію.

Это было въ концѣ 1865 года. Медвѣдь былъ правъ: усиленная буря и завываніе вѣтра говорили только объ агоніи реакціи.

Въ концѣ 1867 года начались выборы въ новую палату.

Самымъ яростнымъ агитаторомъ во всемъ околотѣ явился старикъ Анкершмидтъ.

Эржика цѣлые дни вышивала да пришивала кокарды цвѣта 1848-го года, которыя ея старикъ-отецъ раздавалъ всѣмъ, кто попадался ему на улицѣ. Онъ готовъ былъ сѣсть каждаго, кто осмѣливался сомнѣваться въ томъ, чтобы старато Гароновѣльди выбрали въ члены палаты. Кандидата же враждебной партіи онъ такъ пугнулъ, что тотъ даже официально извинился въ томъ, что осмѣлился тягаться съ Гароновѣльди. И кончилось тѣмъ, что Анкершмидтъ достигъ своей цѣли: старикъ Гароновѣльди выбранъ былъ единогласно.

Вотъ странныя дѣла, — и все-таки о нихъ никакъ нельзя сказать: «Помилуйте, да это давнымъ-давно было; а пожалуй — это все и выдуманно...» — Нѣтъ, это и не выдуманно, и было вовсе не такъ давно!

М. П — ой.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

IV *).

Отъ путаницы, какую представляютъ мысли Погодина о польскомъ вопросѣ, пріятно перейти къ точкѣ зрѣнія, которая отличается большой послѣдовательностью и — иногда большой прямою. Какъ бы ни мало соглашались мы съ точкой зрѣнія славянофильской (разумѣемъ настоящихъ славянофиловъ, а не энигоновъ), мы готовы признать эти ея качества, и еще одно — искреннюю любовь къ народу.

Такъ какъ мы не имѣемъ въ виду подробной, библиографической исторіи польскаго вопроса въ нашей литературѣ, то остановимся только на двухъ-трехъ статьяхъ, гдѣ взглядъ этой школы выразился съ достаточной полнотою, не подъ одними случайными впечатлѣніями минуты, а какъ цѣльная, давно признаваемая теорія. Отголоски этого взгляда можно было встрѣтить и въ другихъ, между прочимъ низменныхъ слояхъ нашей литературы, — но послѣднихъ мы желали бы вовсе не касаться: повторяя ключи славянофильской теоріи, они не повторяли ни ея логической связи, ни примѣровъ ея искренности, и прибавляли только злобность и лицемеріе.

Прежде всего мы остановимся на статьѣ Юрія Самарина

*) См. ниже: февраль, стр. 703.

напечатанной въ сентябрѣ 1863 года, когда были еще сильны непосредственныя впечатлѣнія событій,—но остающейся на высотѣ обширнаго историческаго вопроса ¹⁾.

Польскій вопросъ, по словамъ Самарина, едва ли не самый запутанный и сложный изъ всѣхъ вопросовъ, когда-либо занимавшихъ Европу. Эта запутанность происходитъ отъ того, что въ немъ смѣшались *три* вопроса, тѣсно связанныхъ между собой, но по существу различныхъ: во-первыхъ, польская *народность*; во-вторыхъ, польская *государственность*, и наконецъ «*колониализмъ*, какъ просвѣтительное начало, какъ представительство и вооруженная пропаганда латинства въ средѣ славянскаго міра». Эти три понятія постоянно смѣшиваются, говоритъ Самаринъ; вся политика поляковъ заключается въ ихъ отождествленіи, наша должна состоять въ ихъ разъединеніи.

Польская *народность* есть фактъ: у поляковъ есть свой языкъ, литература, историческая фizioномія, бытовыя преданія. «Признаніе этого простого и неопровержимаго факта естественно ведетъ къ признанію права на такое устройство, которое бы не нарушало свободы народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, составляющихъ *необходимое условіе всякой живой народности*. Мы разумѣемъ подъ этимъ: свободу вѣроисповѣданія, официальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта». Но по этому самому основанію поляки не могутъ требовать подчиненія себѣ другой народности, имѣющей тѣ же самыя права: ихъ притязанія не могутъ идти далѣе фактическихъ предѣловъ ихъ народности.

Иначе стоитъ вопросъ о польской *государственности*. Политическая самостоятельность не составляетъ необходимой принадлежности всякой народности; напротивъ, народность въ одну эпоху можетъ быть отдѣльнымъ государствомъ, въ другую можетъ терять независимость, вовсе не уничтожаясь сама. Съ другой стороны, государство, хотя и бываетъ преимущественнымъ выраженіемъ и дѣломъ одной народности, но можетъ не ограничиваться только ея предѣлами и, напротивъ, захватывать другія народности или части ихъ по внѣшнимъ обстоятельствамъ—по условіямъ защиты, торговыхъ путей и т. п. Такимъ образомъ, и польскій государственный вопросъ надо ставить самостоятельно, не сливая его съ вопросомъ народности.

Польское государство было нѣкогда обширно и могущественно;

¹⁾ См. „Современный объектъ польскаго вопроса“, въ № 38 „Дѣла“ 1868. „Сочиненія Ю. О. Самарина“, М. 1877, т. I, стр. 325—350.

это могущество, эти обширныя земли потеряны. Въ какихъ же границахъ требуется восстановленіе польскаго государства? Поляки не скрываютъ, что при этомъ желаемомъ восстановленіи они не думаютъ довольствоваться предѣлами польской народности, что въ этихъ предѣлахъ прочное государство немислимо между сильными сосѣдями, и указываютъ на такъ-называемыя «историческія границы» старой Польши (обыкновенно—на границы 1772 г., наканунѣ перваго раздѣла). Такимъ образомъ, къ Польшѣ долженъ быть отчисленъ весь западный русскій край, часть Малороссіи съ Києвомъ и т. д. Россія отодвигается въ предѣлы не только времени Екатерины, но—по инымъ—даже въ предѣлы времени Іоанна Грознаго.

Самаринъ отвѣчаетъ на эти притязанія простымъ аргументомъ, что время упраздняетъ старыя историческія условія, что на мѣстѣ старыхъ предѣловъ Польши выросла новая сила, которая сама считаетъ свои историческія права. Тѣ обширныя земли, которыя нѣкогда входили въ составъ Польши, принадлежали инымъ народностямъ, а эти народности и въ свое время сопротивлялись польскому владычеству, а теперь возстали бы противъ него еще сильнѣе—такъ что, еслибъ и образовалось снова государство по идеалу польскаго патріотизма, ему грозило бы опять паденіе по причинѣ внутренняго раздора, котораго польское правительство не было прежде и въ будущемъ, вѣроятно, не будетъ въ состояніи примирить. Такимъ образомъ, для польскаго государства пришлось бы принести *въ жертву* нѣсколько народностей (малорусскую, бѣлорусскую, литовскую). Польскіе писатели обыкновенно отвергаютъ это послѣднее, утверждая, что Польша не умѣетъ угнетать, напротивъ, уважаетъ чужое право и поплатилась за свой широкій идеалъ свободы. Самаринъ не согласенъ съ этимъ. Онъ приводитъ свидѣтельство безпристрастнѣйшихъ польскихъ историковъ, которые признаютъ, что двѣ причины сгубили старую Польшу: польскій гоноръ не мирился съ мыслью о равноправности бѣлоруссовъ и малоруссовъ съ поляками, и іезуитизмъ не допускалъ рядомъ съ собою православной церкви. Самаринъ находитъ, что та же самая нетерпимость отличала поляковъ и до послѣдняго времени; онъ приводитъ примѣры. Весь вопросъ о польской государственности онъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ:

«Итакъ, обезпеченіе законныхъ правъ польской народности, по убѣжденію поляковъ, требуетъ непремѣннаго восстановленія Польши, какъ государства, а государство, по ихъ же словамъ, немислимо внѣ извѣстныхъ условій, для достиженія которыхъ нѣсколько живыхъ народностей должны быть принесены въ жертву

польской; иными словами: въ отплату за расчлененіе Польши (démembrement) Европа призывается теперь къ расчлененію Россіи. Спрашивается: ради чего и во имя чего?»

Этотъ вопросъ приводитъ Самарина къ третьей сторонѣ польскаго дѣла, къ *полонизму*. Самаринъ признаетъ всѣ права польской народности; нашелъ невозможнымъ и неисполнимымъ требованіе государственности, какъ она понималась польскими патриотами (до событій 1860-хъ годовъ, по поводу которыхъ онъ писалъ); наконецъ въ «полонизмѣ» онъ видитъ всю сущность польскаго вопроса, изъ которой проистекаетъ великая трудность его рѣшенія, — трудность, которую онъ считаетъ несравненно большею, чѣмъ она представлялась другимъ русскимъ писателямъ. «Полонизмъ», по изображенію Самарина, есть квинтъ-эссенція польскаго взгляда на вещи, польская національная идея (современная), вѣрно выведенная изъ польской исторіи и — прямо намъ враждебная, такъ какъ она прямо противоположна *нашей* національной идее. Для читателя, знакомаго съ теоріями славянофильской школы, должно быть впередъ ясно, что полонизмъ приводится главнымъ образомъ или исключительно къ католицизму или къ «латинству».

Самаринъ такъ передаетъ ту идею, какую имѣютъ польскіе патриоты о высокомъ значеніи своего отечества въ человѣческой и славянской исторіи.

«Польша, — говорятъ намъ, — это не то, что какая-нибудь другая вѣтвь общеславянской семьи, великорусская или болгарская, а гораздо болѣе. Это — соль славянства, поддерживающая въ немъ жизнь и охраняющая его отъ тлѣнія; это — образовательная завскаса, брошенная въ богатую, но неподвижную стихію. Это — передовая дружина славянства, влекущая за собою цѣлое племя къ просвѣщенію и свободѣ. Она жила и живетъ не для одной себя; не властолюбие и не страсть къ завоеваніямъ, а историческое ея призваніе неудержимо выносить ее далеко за предѣлы ея національности; когда ей подчиняются другія племена, это не насиліе, а естественный фактъ постепеннаго озаренія низменностей тѣмъ самымъ свѣтомъ, каковыя нѣсколько раньше охвачены были вершины; это побѣда свѣта надъ мракомъ. Кто-жъ положить предѣлы распространенію свѣта и кто рѣшится закрѣпить правомъ жертвое царство тьмы?»

«Остудивъ этотъ лиризмъ, высоко поэтическій у Мицкевича и доходящій до комизма у дюжинныхъ писателей, мы получимъ слѣдующее опредѣленіе Польши, данное однимъ изъ современ-

ныхъ ¹⁾ ея публицистовъ, Мирославскимъ, и довольно вѣрно выражающее, съ его точки зрѣнія, историческое ея призваніе въ отношеніи къ славянскимъ племенамъ, ограничивающимъ ее съ юго-востока, и къ римско-германскому міру, ограничивающему ее съ сѣверо-запада: la Pologne est une modification du Slavisme par l'éducation latine en concurrence au Slavisme grec et oriental des tribus danubiennes, de la Moscovie et de la Ruthénie. По нашему, это значитъ: Польша—это острый клинъ, вогнанный латинствомъ въ самую сердцевину славянскаго міра съ цѣлью расколоть его въ щепы».

«Глубокая несовмѣстность и непримиримость латинства съ славянствомъ доказана историческимъ опытомъ вѣковъ,—говоритъ Самаринъ,—хотя у насъ многіе не рѣшаются еще признать ее». Эти слова Самарина составляютъ и теорію всей школы и сущность его взгляда на польскій вопросъ. Вездѣ,—говоритъ онъ,—гдѣ славянство тѣсно примыкало къ латинству, славянская природа чахла и гибла. Чехія, предчувствуя это, возстала противъ латинства въ эпоху гусситства, и вѣроятно этому могущественному протесту обязана сохраненіемъ своей народности. Но ни одно славянское племя не отдавалось латинству такъ беззаветно, какъ Польша, и за это она поплатилась своимъ паденіемъ. Самаринъ указываетъ у самихъ польскихъ историковъ признаніе, что исторія Польши представляетъ борьбу славянской народной стихіи съ латинскимъ просвѣтительнымъ началомъ и попытку примирить ихъ,—но что когда латинство брало перевѣсъ, то Польша падала. Первое введеніе латинства уже нарушило славянской бытъ Польши: явилась аристократія, города отдѣлились отъ земли, община отошла на задній планъ. Потомъ мало-по-малу мѣстные элементы оправились, и это новое проявленіе славянской стихіи какъ разъ совпало съ охлажденіемъ къ латинству, распространеніемъ въ Польшѣ протестантства и въ то же время съ вѣдшимъ усиленіемъ государства. Но затѣмъ католицизмъ усиливается вновь при дѣятельныхъ усиліяхъ іезуитовъ: Польша снова бросилась въ крайнее латинство, началось преслѣдованіе иновѣрцевъ и результатомъ было ея окончательное паденіе. Лучшее, что извлекли польскіе панегиристы изъ своей исторіи, было сознаніе, что Польша *отбивалась* отъ латинства и иногда его одолевала. «Послѣ такой исповѣди, что скажетъ кающийся?—продолжаетъ Самаринъ. Конечно, вы ждете отъ него отреченія отъ латинства и твердаго обѣта повернуться къ нему

¹⁾ 1863.

спиною? Ничуть не бывало. Онъ заканчиваетъ свою скорбную повѣсть повтореніемъ старой присяги Мечислава; онъ вторично отдаетъ латинству свою, на минуту какъ-бы просвѣтавшую душу и, во имя вольной кабалы своей, обращаетъ взоръ на Западъ, прося состраданія и помощи. Онъ говоритъ Европѣ: «Заступись за меня и, вѣрный тебѣ слуга, я стану на стражѣ, чтобъ оградить тебя отъ дикой силы, порожденной сочетаніемъ восточной схизмы съ монгольскимъ деспотизмомъ; развяжи мнѣ руки и врагъ нашъ исчезнетъ какъ призракъ; Востокъ Европы будетъ твой, и я самъ потану къ тебѣ моихъ сжованныхъ братьевъ». Въ этомъ обмѣнѣ услугъ, въ этой подразумеваемой исторической сдѣлкѣ, которой основанія положены въ X вѣкѣ,—разгадка сочувствія поляковъ къ западной Европѣ и обратнаго сочувствія Европы къ полякамъ. Называйте его безсознательнымъ, неразумнымъ, противнымъ политическимъ интересамъ первостепенныхъ державъ, положимъ; но тѣмъ оно для насъ знаменательно, какъ проявленіе глубокаго инстинкта. Вѣдь историческій токъ не весь умѣщается въ трактатахъ и дипломатическихъ нотахъ».

Самаринъ удивляется, что многіе у насъ все еще не понимаютъ значенія полонизма, какъ вооруженной пропаганды латинства; онъ считаетъ крайне узкимъ тотъ взглядъ, который равнодушенъ къ вѣроисповѣданію поляковъ и успокоивается тѣмъ, что не нынче-завтра папа совсѣмъ потеряетъ свое значеніе. Онъ объясняетъ, что латинство не есть только догматическая и іерархическая особенность католицизма, но вся совокупность нравственныхъ и бытовыхъ понятій, порожденныхъ католицизмомъ. Полякъ можетъ не хуже француза смѣяться надъ папой, и тѣмъ не менѣе оставаться рабомъ латинства. Самаринъ указываетъ на «извѣстный польскій катихизисъ, давно находящійся въ обращеніи (?), хотя и недавно оглашенный», и источникъ этого извращенія понятій цѣлаго общества видитъ въ латинствѣ, — это прямое слѣдствіе латинскаго представленія объ отношеніяхъ правящей церкви къ подвластнымъ ей душамъ.

Историческая задача латинства, по словамъ Самарина, состояла именно въ томъ, чтобы отыечь отъ церковнаго организма идею единства, понятаго какъ *власть*, облечь эту идею въ видимый символъ (папство) и черезъ это превратить единеніе вѣры и любви въ юридическое положеніе, а членовъ церкви въ подданныхъ ея главы. Вслѣдствіе того, латинство одинаково было враждебно, съ одной стороны, славянской общинности, съ другой—началу «соборнаго согласія», на которомъ построена православная церковь. Западный протестантизмъ былъ возстаніемъ подав-

ленной латинствомъ свободы личности, но протестъ остался въ кругу тѣхъ же понятій; протестантизмъ не пришелъ къ идеѣ соборнаго согласія, а обращается къ изолированной личности и подчиняетъ всѣ формы общежитія началу договорному, то-есть сдѣлѣ, основанной на личномъ интересѣ. Оттого, несмотря на противоположность воззрѣній и привычекъ, протестантская Европа вращается въ томъ же ложномъ кругѣ идей какъ и латинская, и также какъ она враждебно относится къ восточно-православному началу.

Самаринъ предвидитъ и встрѣчаетъ возраженіе: «какъ убѣдиться, что изъ множества свободныхъ стремленій можетъ выработаться органическое и прочное единство (т.-е. то, что онъ видитъ въ принципѣ православномъ?) Почему намъ знать, что православное начало дѣйствительно хранить въ полнотѣ живого явленія двѣ отвлеченныя крайности, распавшіяся въ западномъ мірѣ на противоположные полюсы? Можетъ быть, это единство, эта полнота, есть только начальное безразличіе, по существу своему неустойчивое? Можетъ быть, и славянская общинность ничто иное, какъ признакъ первобытной неразвитости? Гдѣ ручательство, что въ указанныхъ началахъ лежитъ дѣйствительно зародышъ своеобразной будущности?»

Самаринъ отвѣчаетъ на это словами Фауста: Wenn ihr's nicht fühlt, ihr werdet's nicht erjagen, и указаніемъ на извѣстныя брошюры Хомякова ¹⁾ и статью Гильфердинга о значеніи Польши въ славянскомъ мірѣ, и прибавляетъ, что историческіе факты, какъ участіе поляковъ въ подавленіи гусситства, въ іезуитскихъ гоненіяхъ, въ походахъ Наполеона, въ турецкихъ рѣзняхъ, достаточно объясняютъ, чего славянство можетъ ожидать отъ восстановления Польши на тѣхъ началахъ, которыми она служила до сихъ поръ.

Сдѣлавшись «отравленнымъ мечомъ и орудіемъ гибели» для другихъ, Польша внесла ту же отраву и въ свою плоть и кровь. На этомъ пути Польша дошла до самоубійства, до предѣла, дальше котораго не можетъ пойти ни отдѣльный человѣкъ, ни народъ; но она не смогла совсѣмъ превратиться въ племя неславянское. Европа чувствуетъ это, и потому, хотя одобряетъ «ихъ службу противъ славяно-православнаго міра», но не понимаетъ и не уважаетъ ихъ. «Дѣло въ томъ, — замѣчаетъ Самаринъ, — что въ складѣ не только русской, но и польской жизни, насколько она сохранила отпечатокъ славянства, Европа встрѣчаетъ

¹⁾ Издавши потомъ Самаринъ во II томѣ „Сочиненій“ Хомякова, въ Прил. (сочиненія богословскія).

какую-то темную, загадочную сторону, какія-то для нея необъяснимыя требованія и одинаково необъяснимую неспособность удовлетвориться тѣми началами и формами общежитія, въ которыхъ улеглась латинская природа».

Дѣло въ томъ, что въ польской жизни дѣйствительно есть эти порывы славянской природы: польскія мечтанія о всепримиряющей любви, какъ основѣ общежитія, ихъ ревнивое обереганіе личной свободы, доходящее до отрицанія всякаго политическаго центра и авторитета, ихъ осмѣянное непостоянство, даже необузданные порывы своеволія, все это, по мнѣнію Самарина, именно показываетъ, что ихъ славянская природа не можетъ ужиться подъ гнетомъ латинства. Эту народную стихію Самаринъ видитъ въ мистицизмѣ новѣйшихъ польскихъ поэтовъ, въ ихъ скорбныхъ воспоминаніяхъ о чемъ-то далекомъ и утраченномъ, въ неясныхъ отеревеніяхъ, изрѣдка озаряющихъ личное сознаніе.—Европа можетъ смотрѣть на эти явленія равнодушно или презрительно,—они ей чужды: но мы, русскіе, по мнѣнію Самарина, не совсѣмъ правы передъ поляками въ этомъ отношеніи. «Мы слишкомъ легкомысленно подписали приговоръ западной науки и политической мудрости объ ихъ несостоятельности и не умѣли ни оцѣнить, ни даже опознать славянской струи, вопреки всему пробѣгающей въ ихъ политической исторіи и въ ихъ литературѣ. Мы, нерѣдко относившіеся слишкомъ снисходительно къ ихъ историческимъ преступленіямъ и ошибкамъ, не умѣли въ ихъ собственныхъ глазахъ оправдать именно то, что мы одни могли понять и уяснить другимъ—эти невольные проблески сочувственной намъ народной стихіи».

Самаринъ намѣревался въ послѣдствіи возвратиться къ этой сторонѣ польской національности, дѣйствительно почти забытой въ нашихъ (да и польскихъ) разсужденіяхъ о вопросѣ и дѣйствительно очень важной; но, кажется, Самарину не удалось исполнить этого намѣренія.

Общій выводъ его таковъ:

«Какъ двѣ души, заключенныя въ одномъ тѣлѣ, славянство и латинство вели и доселѣ ведутъ внутри самой Польши борьбу непримиримую, на жизнь и смерть. Въ ней-то и заключается глубокой трагическій интересъ польской исторіи, и отъ невѣдомаго ея исхода зависитъ будущность Польши. Это—не международная, а внутренняя, домашняя ея тяжба, вопросъ народной совѣсти. Какимъ бы добровольнымъ истязаніямъ ни подвергала себя Польша, какъ бы ни бичевала себя, чтобы окончательно очиститься въ глазахъ латинства отъ первороднаго грѣха своей

славянской крови, ей не переродиться ¹⁾); будущность ея, если только для нея есть будущность—въ славянскомъ мірѣ и въ дружномъ общеніи со всѣми ей сродными племенами, а не въ хвостѣ латинства»...

А теперь, въ настоящемъ положеніи вещей, всѣ политико-соціальныя притязанія Польши основаны на двухъ противорѣчіяхъ: «Во имя своей народности, она требуетъ для себя политическаго господства надъ другими равноправными съ нею народностями и оправдываетъ это притязаніе обѣтомъ—служить орудіемъ просвѣтителному началу, которое сгубило и губитъ ея внутреннюю жизнь».

Таковъ взглядъ Самарина. Это—наиболѣе цѣльное, логическое и наглядное изложеніе теоріи, которая вообще высказывалась писателями славянофильской школы и ихъ болѣе или менѣе близкими послѣдователями. Тотъ же взглядъ проводился вообще въ газетѣ «День», въ статьяхъ Гильфердинга, на которыя ссылается и Самаринъ, и проч.; но первенство въ развитіи теоріи должно быть, безспорно, отдано Самарину, какъ писателю перваго поколѣнія славянофильской школы, которое установило основныя черты всей ея системы. Рядомъ съ излагаемой нами статьей, въ сочиненіяхъ Самарина помѣщена замѣтка его, отосланная издателемъ въ 1849 году, по поводу книги Мицкевича «L'église officielle et le messianisme», 1845 (замѣтка написана на оберткѣ этой книги). Общая мысль, вынесенная имъ изъ чтенія книги Мицкевича, совершенно совпадаетъ съ изложенной выше теоріей.

Намъ остается передать мнѣніе Самарина о возможныхъ средствахъ къ разрѣшенію польскаго вопроса. Онъ думаетъ, что только такое «разрѣшеніе» можетъ считаться окончательнымъ и полнымъ, которое заключалось бы въ устраненіи самихъ поводовъ къ періодическимъ потрясеніямъ Польши и которое удовлетворило-бы самихъ поляковъ: безъ этого послѣдняго условія полное разрѣшеніе вопроса немыслимо.

Въ то время, когда Самаринъ писалъ свою статью, польское возстаніе еще не было усмирено. Тогда много писалось на тему разрѣшенія польскаго вопроса. Упомянутое обстоятельство, случившееся съ журналомъ «Время», показываетъ, что въ литературѣ не могли высказаться мнѣнія общества съ какой-нибудь полнотой. Случай съ «Временемъ» ясно и категорически устранилъ такую возможность,—что, впрочемъ, ранѣе и безъ того подразумевалось.

¹⁾ Т.-е. не потерять своей первоначальной славянской природы.

Такимъ образомъ, такъ-называемое общественное мнѣніе выразилось только отчасти; но должно сказать, что и въ томъ, что было сказано газетою «День» и «Моск. Вѣдомостями» съ «Рус. Вѣстникомъ» (на которые дальше ссылается Самаринъ), находились мнѣнія, до известной степени раздѣляемые людьми, которымъ была очень мало сочувственна славянофильская исключительность и еще менѣе — полонофагія.

Самаринъ останавливается сначала на предположеніи, выставленномъ «Моск. Вѣдомостями» и «Рус. Вѣстникомъ» — о полномъ сліянніи Россіи и Польши въ формѣ *общаго* государственнаго *представительства*, основаннаго на коренныхъ началахъ *русскаго* политическаго быта безъ принудительной власти и только въ смыслѣ организациі общественнаго мнѣнія. Самаринъ совершенно отвергаетъ это предположеніе, какъ средство къ окончательному разрѣшенію польскаго дѣла; оно свидѣтельствуешь, по словамъ его, объ узкости взгляда и непониманіи всей глубины вопроса. И съ его точки зрѣнія это отрицаніе было послѣдовательно: изъ предыдущаго мы видѣли, что по его взгляду отношенія Польши и Россіи не умиряются въ одной области политики и состоятъ въ глубокомъ принципиальномъ различіи двухъ обществъ. Польша потому и враждуетъ противъ Россіи, что ихъ идеалы политическіе и религіозные совершенно различны. Упомянутое представительство на русскихъ началахъ (т.-е. «безъ принудительной власти и въ смыслѣ организациі общественнаго мнѣнія») для насъ было бы удовлетвореніемъ, а полякамъ могло бы показаться горькой насмѣшкой; такое соединеніе Россіи съ Польшей было бы не сліяніемъ, а поглощеніемъ Польши Россіею: оно не удовлетворило и не примирило бы поляковъ, а только открыло бы новую почву для борьбы. Эта борьба была бы совершенно бесполезна для разрѣшенія польскаго вопроса, а для насъ, по мнѣнію Самарина, даже далеко не безопасна, — «при той узкости и шаткости народнаго самосознанія, которую ежедневно обнаруживаютъ самые искренніе и даровитые поборники ея политическихъ интересовъ».

Съ другой стороны, Самаринъ не раздѣляетъ и мнѣнія газеты «День», которая, не опредѣляя прямо рѣшенія вопроса, указывала путь къ нему, именно: опросъ самѣй Польши, всей польской націи въ полномъ ея составѣ, съ тѣмъ, чтобы отъ нея самой узнать ея потребности и желанія; но предварительно «День» считалъ необходимымъ усмирить мятежъ и ввести въ гражданскій бытъ Польши новый, прежде заброшенный ея элементъ, крестьянство. Самаринъ сомнѣвается и въ этомъ пути къ умиротво-

ренію. «Опросъ», т.-е. *suffrage universel*, привелъ бы въ положительному результату лишь тогда, когда Польша была бы сама съ собою согласна, т.-е. не носила бы въ себѣ внутреннего раздѣленія. Но тогда не было бы и польскаго вопроса въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ теперь представляется. Надломленная въ самой себѣ, Польша могла бы дать только одинъ отрицательный отвѣтъ — о своемъ нежеланіи жить вмѣстѣ съ Россіей, но все-таки изъ своихъ вѣковыхъ опытовъ не извлекла бы никакой положительной основы для своего будущаго.

Изъ всего, сказаннаго выше о взглядѣ Самарина на латинство, становится ясна послѣдовательность его заключенія, что такое разрѣшеніе польскаго вопроса, которое удовлетворило бы самихъ поляковъ, немислимо безъ коренного, духовнаго ихъ *возрожденія*. То-есть, нужно, чтобы Польша отрелась отъ латинства и стала *сама собою*, т.-е. однимъ изъ славянскихъ племенъ; но, съ другой стороны, нужно, чтобы и Россія стала *сама собою*, именно «историческимъ представительствомъ православно-славянской стихіи». Торжество Россіи надъ Польшей должно быть не военное, не дипломатическое, а свободно признанное торжество одного просвѣтительнаго начала надъ другимъ... Самаринъ ждетъ «обычныхъ восклицаній»:—«Да это мечта! Это невозможно, немислимо! Какъ ожидать перерожденія цѣлаго племени!» Онъ отвѣчаетъ, что и не думалъ отыскивать *скорого и легкаго* разрѣшенія польскаго вопроса. Напротивъ, онъ и хотѣлъ объяснить, что нельзя убаюкивать себя надеждой на такое скорое разрѣшеніе труднаго дѣла какими бы то ни было мѣрами административными или политическими; но замѣчаетъ однако, что самъ далеко не считаетъ невозможнымъ духовное примиреніе Польши съ Россіей и лично даже имѣетъ въ это полную вѣру. Цѣль его разсужденія была та, чтобы выдѣлить политическій вопросъ о Польшѣ и поставить его въ его настоящіе предѣлы.

Если, такимъ образомъ, нельзя мечтать о скоромъ достиженіи полного рѣшенія, то настоятеленъ болѣе тѣсный вопросъ политическій. «Споръ славянства съ латинствомъ» сталъ вооруженнымъ возстаніемъ, сдѣлался политическимъ вопросомъ обще-европейскимъ. Рѣшеніе *этой* стороны вопроса неотложно, но оно можетъ быть только тѣсное, ограниченное, и надо знать впередъ, что оно не удовлетворитъ поляковъ; основаніемъ рѣшенія должны быть исключительно интересы Россіи.—Мѣры, которыя предлагалъ Самаринъ, въ значительной степени и были потомъ проведены въ дѣйствительности. Прежде всего, по его мнѣнію, необходимо было совершенное подавленіе возстанія,—не подчиняясь

при этомъ соображеніяхъ о будущемъ устройствѣ края; затѣмъ или въ то же время, необходимо локализовать политическій вопросъ о Польшѣ въ предѣлахъ царства, именно—прекратить вліяніе полонизма въ западномъ краѣ и на Украинѣ и обезпечить преобладаніе стихій русской и православной, и для этого прекратить обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, передать мѣстную власть отъ поляковъ въ болѣе надежныя руки, улучшить положеніе православнаго духовенства и учредить школы. Когда это будетъ сдѣлано и народная сила станетъ на ноги и приобрететъ достаточныя средства для саморазвитія, польскій политическій вопросъ будетъ въ рукахъ Россіи.

Дальнѣйшая судьба вопроса будетъ, конечно, зависѣть отъ многихъ обстоятельствъ и, по мнѣнію Самарина, для Россіи будутъ возможны два пути къ будущему разрѣшенію политическаго вопроса о Польшѣ. Во-первыхъ, нераздѣльное соединеніе Польши съ Россіей, учрежденіемъ въ Польшѣ сильной русской власти, которая убѣдила бы поляковъ въ невозможности возстанія; во-вторыхъ, добровольное и полное отреченіе Россіи отъ Польши. Никакія среднія мѣры между этими, напр., политическая раздѣльность съ одной династіей или похожая на это административная автономія «осуждены опытомъ» и не должны быть повторяемы. Соединеніе можетъ осуществиться въ рѣзкой формѣ военной диктатуры, или въ другой формѣ болѣе мягкой, допускающей извѣстное участіе населенія въ мѣстномъ управленіи.

Другой путь, отреченіе Россіи отъ Польши, Самаринъ считаетъ ни невозможнымъ, ни безусловно противнымъ интересу Россіи. Но онъ считаетъ необходимыми для этого три условія: во-первыхъ, чтобы отреченіе было совершенно добровольное, слѣдовательно въ такую минуту, когда политическое могущество Россіи будетъ несомнѣнно; во-вторыхъ, чтобы Россія, принимая такую мѣру для умиротворенія Европы, неразрывно связала свое отреченіе отъ царства польскаго съ единовременнымъ разрѣшеніемъ въ томъ же духѣ вопросовъ объ Италіи ¹⁾ и о подвластныхъ Турціи племенахъ славянскихъ ²⁾; въ-третьихъ, отказываясь отъ царства, Россія должна стать въ его будущему положенію отрицательно—оградивъ свои собственные интересы, но не принимая на себя никакихъ обязательствъ относительно самостоятельности Польши и безопасности ея отъ покушеній сосѣдей.

Но эти вопросы еще далеки отъ насъ.

¹⁾ Въ 1863, еще не объединенной.

²⁾ Теперь надо было бы сказать: подвластныхъ Турціи или отошедшихъ отъ нея къ Австріи.

Какъ видѣть, пониманіе польскаго вопроса у Самарина сводится къ цѣлой обширной теоріи, въ которой польскій вопросъ есть только одно частное примѣненіе. Теорія состоитъ въ извѣстной славянофильской идеѣ объ исконной противоположности греко-славянскаго и романо-германскаго міра, и о полной несовмѣстности славянства съ латинствомъ.

Со времени польскаго возстанія тема «латинства» перешла за предѣлы славянофильской школы, была неотораема по-своему писателями совсѣмъ иного калибра, которые скоро успѣли ее опопылить до такой степени, что о ней становится мудрено говорить. Явились публицисты того особаго рода, которые дѣлають сложное разсужденіе о предметѣ невозможнымъ и споръ съ ними нимало не желательнымъ, напримѣръ, обвинители «латинства», которые сами не уступили бы іезуитамъ и не прочь были отъ инквизиціи, или публицисты сентиментальныя, съ односторонностями другого рода. Все это ставило вопрѣсь о «латинствѣ» и «полонивствѣ» въ такое положеніе, что та часть литературы, которая отнеслась бы критически къ упомянутымъ взглядамъ, предпочитала совсѣмъ не касаться предмета, обставленнаго притомъ литературными условіями, совершенно неблагопріятными.

Въ такомъ сосѣдствѣ находился взглядъ Самарина на польскій вопросъ. Его, конечно, невозможно смѣшивать съ этимъ сосѣдствомъ; теорія Самарина, при всей исключительности, есть широко продуманное и искреннее убѣжденіе; при антипатіи къ одной сторонѣ польской національной жизни, у него есть серьезное вниманіе и сочувствіе къ другой ея сторонѣ, — той, которую онъ считаетъ славянскою, намъ однородной и близкой; есть безпристрастіе, очень далекое отъ обычной похвалы русскою силой (какъ молодечество Погодина, увѣренно собиравшагося съ 60-ю милліонами побѣдить четыре) и отъ противнаго надмывательства надъ слабѣйшимъ.

Главнаго основанія теоріи Самарина о польскомъ вопросѣ мы разбирали не будемъ. — Это основаніе, какъ мы видѣли, заключается въ противоположеніи католицизма и православія, какъ оно было объясняемо Хомяковымъ и самимъ Самаринимъ, комментировавшимъ Хомякова въ предисловіи къ изданію его «богословскихъ сочиненій». Польша и Россія противоположны, какъ противоположны представляемыя ими начала, римско-латинское и православно-славянское. Исторически они были въ постоянномъ столкновеніи. Кто изъ нихъ правъ, рѣшается тѣмъ, на чьей сторонѣ правъ принципъ. Самаринъ отсылаетъ читателя къ брошюрамъ Хомякова, гдѣ вопросъ возведенъ къ христіанской догма-

тивѣ, въ первомъ вѣкѣ христіанства, когда на соборахъ опредѣлялось философско-догматическое существо св. Троицы. Къ этому положенію догматическому присоединяется другое называемое въ исторіи (или ей приписываемое), что наиболѣе исключительнаго свойственна славянству религія есть восточное православіе. Мы имѣли случай рѣше говорить объ этихъ общихъ основаніяхъ цѣлой славянофильской теоріи, и теперь ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями.

Подобнаго рода теоріи, въ нравственно-историческихъ предметахъ, бываютъ похожи на поэзію. Онѣ могутъ быть очень хороши въ книгѣ, онѣ могутъ поразить воображеніе и чувство, но могутъ быть угловаты и невозможны въ жизни. Самъ Самаринъ признавалъ у Мицкевича «высокую поэзію» тѣхъ самыхъ идей, которыя у писателей дюжинныхъ казались ему (не безъ основанія) комическими и которыя онъ приводилъ только въ образчикъ, до чего можетъ доходить національное заблужденіе. Нѣсколько попожымъ образомъ могутъ представляться и славянофильскія теоріи. Онѣ хороши на извѣстной поэтической или теоретической высотѣ отвлеченности, — пріятно было бы вѣрить въ нихъ, потому что онѣ берутся все объяснить, — какъ поэтическая картина завлекаетъ вѣрить въ ея истинность; — но онѣ заманчивы только потому, что витаютъ въ областяхъ, далекихъ отъ непосредственной дѣйствительности, которая иногда готовитъ имъ самыя рѣшительныя опроверженія. Не случайно происходили въ исторіи самой школы такіе факты, что тридцать лѣтъ тому назадъ, люди, носившіеся съ самыми возвышенными національными идеалами, сочтены были за людей неблагонамѣренныхъ и подозрительныхъ, а два года тому назадъ, получили подтвержденіе этихъ подозрѣній. Дѣйствительность о себѣ напоминала, и дѣйствительность той самой жизни, которая возводилась ими же въ «перлъ созданія».

Возведенная до тѣхъ источниковъ, которые указаны были Хомяковымъ, славянофильская теорія становилась дѣломъ вѣры. Самаринъ подтверждаетъ это, приводя слова Гёте: Wenn ihr's nicht fühlt, ihr werdet's nicht erjagen. Но на это же могутъ сослаться именно тѣ, кого мы хотѣли бы убѣдить: если они не чувствуютъ, то что же съ ними дѣлать?

Историческая жизнь чрезвычайно сложна, и теоріи исключительныя, какъ славянофильская, требуютъ множества оговорокъ, которыя, будучи сдѣланы добросовѣстно и многосторонне, неизбѣжно должны будутъ ограничить и самую теорію. Укажемъ, напримѣръ, что въ нашей собственной средѣ есть много людей,

которые съ полнымъ правомъ могутъ назваться просвѣщенными и которые не принимаютъ тѣхъ первыхъ основныхъ посылокъ, на каковыхъ утверждается теорія, т.-е. посылокъ, требующихъ особеннаго «чувства», и взаимно того считаютъ нужными доказательства. Далѣе, что касается фактовъ исторіи, очевидно, что для утвержденія теоріи, столь категорической, какъ славянофильская, нужна гораздо болѣе обширная и глубокая разработка исторіи и этнологіи, чѣмъ та, какая достигнута въ настоящее время.

Обращаемся въ самому предмету. Для набѣжанія недоразумѣній скажемъ впередъ, что нѣкоторые изъ положеній теоріи, выставленной Самаринимъ, намъ сочувственны въ значительной степени, хотя мы объясняемъ ихъ иначе и не принимаемъ ихъ въ приданной имъ исключительности. Напримѣръ, «латинство». Оно намъ крайне антипатично многими, и существенными своими сторонами, но мы думаемъ, однако, что, опредѣляя его историческое вліяніе и современное значеніе, обязательно строго соразмѣрять его съ параллельными фактами. «Латинство» намъ не сочувственно какъ деспотическая теократія, которая не хочетъ знать исторіи и въ понятіи о самой себѣ стоитъ упрямо на теоріяхъ Томы Аквината (на-дняхъ мы читали о чествованіи его памяти въ Римѣ съ признаніемъ неподвижной истины его предписаній); какъ система, которая торжественно, въ знаменитомъ недавнемъ «Силлабусѣ» возстаетъ съ церковными угрозами и проклятіями огуломъ противъ современной науки (вѣроятно, очень смущая благочестивыхъ изъ католическихъ ученыхъ, или побуждая ихъ не обращать вниманія на «старичка, живущаго за Альпами»); какъ учрежденіе, которое, прерываясь преемствомъ отъ великаго имени Христа, гонялось за свѣтской властью и у себя дома практиковало ее прежде въ крупно-инквизиторскомъ, позднѣе въ мелкомъ полицейскомъ стилѣ, и само сильно помогало превращать религію или въ суевѣрное невѣжество, или въ открытое лицемеріе.

Та «глубокая несовмѣстность и непримиримость», которую Самаринъ указываетъ между латинствомъ и славянствомъ, этимъ вовсе не ограничивалась и именно обнаружилась у западныхъ народовъ еще въ глубинѣ среднихъ вѣковъ, и отдѣльными фактами и цѣлыми обширными сектами, которыхъ голосъ былъ подавленъ иногда только истребленіемъ цѣлыхъ населеній. Затѣмъ, въ исторической связи съ этими сектами (съ Вальденсами, съ ученіемъ Виллефа) борьба противъ латинства высказалась гуситствомъ и, опять въ исторической связи съ нимъ, реформацией, которая оторвала отъ церковнаго и свѣтскаго начальства

Рима дѣлую половину Европы. Правда, что славянофильская теорія даетъ протестантизму тѣсный объемъ борьбы въ томъ же ложномъ кругу романо-германской церковной идеи; но гусситство, которое она выдѣляетъ, все-таки есть явленіе лишь на половину славянское, а на половину западно-европейское, и какъ прежде католицизмъ, такъ потомъ протестантизмъ сильно подѣйствовали на цѣлое европейское образованіе, вліяніе котораго и у насъ есть фактъ прочный и неистребимый, — и не только въ церковной области, но и въ кругѣ специальныхъ идей, — какъ церковно-историческая критика.

Историческій принципъ, какъ раса, религія и т. п. не есть отвлеченная алгебраическая формула, всегда неизмѣнная; напротивъ, онъ всегда находится во взаимодействіи со множествомъ разнообразныхъ условий, его видоизмѣняющихъ. Принципъ восточный и принципъ западный проявлялись въ историческихъ формахъ, которыя не могли не закрывать такъ или иначе основной идеи. Факты, живые люди съ ихъ понятіями, вынесенными изъ другихъ областей жизни, могутъ дѣлать принципъ неузнаваемымъ. Разсматривая его какъ алгебраическую формулу, можно всегда устранить эти невыгодныя историческія проявленія, какъ временный недостатокъ, какъ частную ошибку, исключеніе; но, съ другой стороны, временныя недостатки бываютъ и очень продолжительны, исключенія слишкомъ часты, такъ что то и другое можетъ представиться принадлежностью самаго принципа. Такъ обыкновенно и создаются взгляды двухъ сторонъ другъ на друга, тѣ взгляды, которые именно и дѣйствуютъ на людскія понятія и отношенія въ дѣйствительной жизни. Одно начало упрекаютъ за «видимый символъ единства» и отсутствіе «соборнаго согласія»; другое — другая сторона упрекаетъ за гражданскую власть надъ церковью, за «цезаро-папизмъ». Одно упрекаютъ за эксплуатацію народной жизни и деспотическое подавленіе личности; другое — за господство внѣшняго формальнаго обряда, за такое же подавленіе личности, за невѣжество, за апатическое бездѣйствіе церкви; въ нашей исторіи не умѣютъ понять «соборнаго согласія» при громадномъ развитіи раскола. Если протестантизмъ есть произволъ личности, то въ восточномъ, какъ и въ западномъ принципѣ, — на дѣлѣ личность остается равно поработоченной и, за отсутствіемъ свободнаго развитія и выраженія религіозной идеи, осужденной на индифферентизмъ.

По славянофильской теоріи католицизмъ специально несовмѣстенъ съ славянской природой; но длинная исторія протестовъ противъ него, идущихъ уже ясно съ XI—XII вѣка, показы-

васть, что онъ несомнѣнъ и съ природой романо-германской. Борьба шла неровно; останавливалась на отдѣльныхъ завоеваніяхъ въ пользу личности и замолкала, но въ послѣднія десятилѣтія мы опять видимъ продолженіе этой борьбы и въ германскомъ, и въ романскомъ мірѣ, и дѣло идетъ именно о томъ основномъ началѣ, которое Самаринъ и Хомяковъ считали главной лозой латинства, о «символѣ единства». Если бы случилось, что это движеніе въ средѣ самаго католицизма («старо-католицизмъ» — въ Германіи, противъ-клерикальное движеніе — во Франціи) перешло въ Польшу, — что было бы очень разумно, — то, вѣроятно, уменьшился бы размѣръ «полонизма» и стало бы гораздо легче наше соглашеніе съ поляками.

Самаринъ конечно не удовлетворился бы подобной средней мѣрой. Полное разрѣшеніе польскаго вопроса онъ считалъ немислимымъ безъ коренного, духовнаго *возрожденія* поляковъ, другими словами, — безъ обращенія ихъ въ православіе. Это было бы прекрасно безъ сомнѣнія, но намъ кажется, что можно было бы помириться и на меньшихъ условіяхъ, напримѣръ, хотя на тѣхъ, какія выставлены у «старо-католиковъ» и во Франціи. Религія есть слишкомъ тѣсное преданіе и слишкомъ чувствительный нервъ народной жизни. «Возрожденіе» чрезвычайно трудно; слѣд., съ одной стороны требовалось бы нѣсколько терпимости, хотя бы для нѣсколько свосной жизни виѣстѣ, пока возрожденіе еще не совершилось, а съ другой, если мы настоятельно требуемъ «возрожденія», надо желать, чтобы наша собственная жизнь заявила дѣйствительное, а не казуистическое превосходство своего начала. Но, напримѣръ, даже въ настоящую минуту приходится столько слышать и читать (конечно, въ очень омыченныхъ выраженіяхъ) жалобъ на недостатки нашего варадно-церковнаго быта, что, кажется, намъ предстоитъ еще немало домашней, внутренней работы, чтобы мы могли, съ нѣкоторой убѣдительностью и авторитетомъ, заявить требованіе «возрожденія». Преданія, съ которыми пришлось бы бороться при этомъ, очень сильны и — вовсе не лишены оснований. Какъ бы ни ложелъ быть, по нашему мнѣнію, принципъ католицизма, при немъ существовали и примѣры искренняго христіанскаго благочестія и любви къ ближнему, и примѣры самоотверженнаго патриотизма, такъ онъ понимался всею массою польскаго общества.

Переходимъ къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ Самарина. Указывая губительность латинства для славянской омііи, Самаринъ приводитъ слѣдующіе признаки его будущаго вреднаго вліянія въ историческомъ развитіи Польши: — «образованіе нена-

родной, строго-замкнутой и приткнутой къ Риму іерархіи, постепенное возникновеніе около нея аристократіи военно-политической, отторженіе власти отъ подданныхъ, высшихъ слоевъ общества отъ низшихъ, быстрое развитіе цивилизаціи въ кругу привилегированныхъ сословій, но цивилизаціи, не проникающей въ народныя массы, и постепенное сгущеніе тьмы въ низменныхъ слояхъ общества и т. д. Вы убѣдитесь,—замѣчаетъ Самаринъ,—что все это совершалось не случайно». Но, положъ руку на сердце,—развѣ, за исключеніемъ перваго обстоятельства, котораго у насъ нѣтъ¹⁾, не повторяются въ нашей собственной исторіи тѣ же самыя явленія, съ мѣстными видоизмѣненіями или даже безъ видоизмѣненій, высшихъ слоевъ общества отъ низшихъ, быстрое развитіе цивилизаціи въ кругу привилегированныхъ сословій, но цивилизаціи, не проникающей въ народныя массы, и постепенное сгущеніе тьмы въ низменныхъ слояхъ общества? Къ сожалѣнію, намъ слишкомъ знакомы жалобы на эти самыя недостатки нашей общественной и народной жизни, и приходится заключать, что господство восточнаго начала не обезпечиваетъ отъ тѣхъ же самыхъ или однородныхъ неурядицъ общественнаго устройства.

Указывая связь протестантизма и латинства по одинаковой ложности ихъ, хотя и противоположныхъ, идей, Самаринъ объясняетъ этимъ то явленіе, что протестантская Европа, при всей враждебности къ латинству, сознаетъ внутренно свое тѣсное родство съ нимъ, и потому именно, проклиная папу, сочувствуетъ Польшѣ, несущей противъ Россіи римское знамя. Намъ кажется, нѣтъ основанія приписывать эти сочувствія столь исключительной причинѣ и надо принять еще другія соображенія. Онѣ дѣйствительно есть и заключаются въ той общей «нелюбви къ намъ», о которой у насъ верѣдко печалится чувствительные публицисты. Происхожденіе этой «нелюбви» имѣетъ дѣйствительно свою связь съ европейскимъ «латинствомъ», но не исключительную. Въ средніе вѣка для католической Европы Россія была предметомъ вражды, какъ страна «схизмы»; для упрямыхъ католиковъ это соображеніе остается, конечно, и теперь, но вообще, причины «нелюбви» явились другія—различіе племенъ (то же, какое, напримеръ, никогда не внушало французамъ особой симпатіи къ гѣмцамъ), видимая отсталость Россіи въ образованіи и въ обще-

¹⁾ Да и то, нашу іерархію нельзя въ известномъ смыслѣ также не назвать замкнутой, когда духовенство стало наслѣдственнымъ сословіемъ, а въ послѣднее время раздаются постоянныя жалобы на его мало удовлетворительное отношеніе къ народной жизни.

ственныхъ обычаяхъ, сопровождающихъ образованіе, особенность русскаго политическаго устройства, вслѣдствіе которой Россія много разъ оказывалась на сторонѣ европейскихъ реакцій. Нѣтъ сомнѣнія, что эти политическія соображенія, совсѣмъ независимыя отъ церковно-догматическихъ, и играютъ теперь главную роль въ томъ отношеніи западной Европы къ Россіи, которое заставляетъ протестантскую Европу поощрять Польшу противъ насъ; цѣль—ослабить Россію въ политическомъ ея вліяніи на европейскія дѣла, а не вредить «схизмѣ», къ которой Европа теперь довольно равнодушна. Вражда къ «схизмѣ» есть спеціальность ультрамонтанъ, имѣющихъ, конечно, свой голосъ въ направленіи европейскихъ дѣлъ, но, повторимъ, столь не исключительный и не сильный, что чисто политическіе интересы взяли верхъ надъ нимъ въ самомъ гнѣздѣ ультрамонтазма, подлѣ самого «апостольскаго сѣдалища». Что дѣйствительно сочувствія къ Польшѣ всего болѣе основываются на политическихъ, а не вѣроисповѣдныхъ соображеніяхъ, въ этомъ не трудно убѣдиться изъ европейской печати: Польша считается угнетенной народностью, бывшимъ государствомъ, которое могло бы ожидать болѣе либеральнаго отношенія къ ней со стороны побѣдителя. Австрія и Пруссія, конечно, участвовали въ дѣлѣ, но онѣ теперь считаютъ себя правыми, потому что своимъ польскимъ подданнымъ дали конституціонныя учрежденія и потому, что ихъ владычество сопровождается большею высотой ихъ нѣмецкой образованности надъ польской, — чего они не видятъ въ русскіхъ отношеніяхъ. Что касается до отношеній вѣроисповѣдныхъ, то, конечно, папа и ультрамонтаны не имѣютъ другого основанія для своихъ сочувствій къ Польшѣ, но извѣстно, что, напримѣръ, французское правительство, въ періодъ особеннаго покровительства польской эмиграціи, вовсе не поощряло ни польскаго «мессіанизма», ни другой польской мистико-политической пропаганды въ клерикальномъ духѣ.

Самаринъ, какъ выше упомянуто, возстаетъ противъ мысли о привлеченіи Польши къ Россіи путемъ представительства «на русскихъ началахъ», т.-е. безъ принудительной власти подобнаго учрежденія и только въ смыслѣ «организациа общественнаго мнѣнія». Самарину казалось, что это было бы принято поляками, какъ «новое посягательство на ихъ національность». Мы этого не думаемъ. Представительство и въ той, не западно-европейской, а русской формѣ, о какой говорилось въ 1863, могло бы стать въ высокой степени полезнымъ государственнымъ дѣломъ, хотя бы только какъ «организациа общественнаго мнѣнія». По-

или съ такимъ же основаніемъ должны были бы принять за «посягательство на ихъ національность» участіе въ нѣмецкомъ, австрійскомъ и прусскомъ парламентѣ; рѣшающаго вліянія они тамъ никакъ не имѣютъ, но, тѣмъ не менѣе, считаютъ это участіе важнымъ правомъ. Намъ кажется, что такимъ же или подобнымъ образомъ они взглянули бы на участіе и въ другомъ представительствѣ, — послѣ того, какъ усмиреніе возстанія заставило бы ихъ отказаться отъ политическихъ плановъ, абсолютно неисполнимыхъ. Оставляя въ сторонѣ всякія соображенія о «принудительной власти», представительствѣ имѣло бы великую важность именно какъ организація общественнаго мнѣнія, и ее съ радостью приняли бы всѣ, кому дороги интересы своего общества и народа, и мы думаемъ — не только русскіе, но и поляки. Что мы читаемъ безпрестанно въ послѣднія нѣсколько лѣтъ? Всѣ сержанія мнѣнія, какія высказываются теперь по поводу нашихъ внутреннихъ дѣлъ, могутъ быть сведены въ одному — въ желанію организація общественнаго мнѣнія. Достаточно извѣстно, что у насъ такая организація совсѣмъ отсутствовала и отсутствуетъ, вслѣдствіе чего и стали возможны такіе страшно болѣзненные явленія, какія совершались въ нашей жизни въ послѣдніе годы. Польша точно также не имѣетъ этой организація, или, вѣрнѣе, имѣетъ ее еще меньше, чѣмъ русское общество, — потому что, напримѣръ, положеніе польской печати (въ царствѣ) еще болѣе стѣсненное, чѣмъ у насъ. Возможность высказать свое положеніе есть для общества великое дѣло; это — начало исцѣленія, и одно пріобрѣтеніе этой возможности должно дѣйствовать ободряющимъ и успокоивающимъ образомъ. Такъ это могло бы быть въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ, и въ нашихъ отношеніяхъ съ поляками, и политическихъ, и общественныхъ. Въ этихъ политическихъ отношеніяхъ было много неправильнаго, и въ болѣе или менѣе свободномъ и открытомъ обсужденіи ихъ, безъ сомнѣнія, выяснилось бы многое, и это помогло бы найти мѣры, которыя способны были бы удовлетворить иснаніямъ польскаго общества безъ ущерба русскому интересу, и тѣмъ внести примирительный элементъ, которому пора бы войти въ силу. Съ другой стороны, подобное выясненіе status quo могло бы благоприятно подѣйствовать и на наши общественныя отношенія съ поляками. Странно сказать, но наступаетъ уже второе столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ польскія земли вошли въ составъ русскаго государства, и однако же два общества остаются крайне чужды одно другому; государственное единство не сгладило нисколько исторической вражды, именно потому, намъ кажется, что некое-

возможность общественной самостоятельности на обѣихъ сторонахъ не давало свободно высказываться ни тому, ни другому обществу и, слѣдовательно, не давало возможности обнаружиться тѣмъ точкамъ соприкосновенія, какія несомнѣнно между двумя обществами существуютъ. Намъ кажется глубоко справедливымъ замѣчаніе Самарина, что въ польской политической исторіи и въ литературѣ, «вопреки всему», пробѣгаетъ славянская струя, и что мы не вполне правы передъ поляками, что не умѣли до сихъ поръ ни оцѣнить, ни даже замѣтить ея. Постаравшись открыть и оцѣнить эту славянскую струю, мы тѣмъ самымъ открыли бы точку соприкосновенія, начатки общаго нравственно-національнаго интереса, для развитія которыхъ, конечно, потребовались бы иные условія общенія, чѣмъ тѣ, какія до сихъ поръ существовали для обѣихъ сторонъ. Почва для сближенія можетъ быть дама только учрежденіями, которыя, хотя бы въ скромномъ размѣрѣ, открыли путь для общественной самостоятельности: общій реальный интересъ несомнѣнно оказалъ бы самое дѣйствительное вліяніе на это сближеніе, — которое, на нашъ взглядъ, можетъ стать всерьѣзъ и весьма серьезной государственной необходимостью.

Можно согласиться съ Самаринимъ, что польскій вопросъ не умѣщается въ области политики; можно желать польскаго *возрожденія*, — не какъ въ природѣ бывають средніе вершины въ процессахъ ея развитія, такъ они могутъ быть желательны и въ жизни обществъ; отсутствіе, устраненіе ихъ и бываетъ обыкновенно причиной политическихъ потрясеній и переворотовъ. Исторія, можетъ быть, приведетъ это возрожденіе, но современному обществу плохое утѣшеніе, что нѣкогда достигнуть будетъ искомый результатъ; будущія поколѣнія, быть можетъ, лучше нашего устроятъ свою судьбу, не желательно, чтобы и нынѣшнія приобрѣли возможность идти хотя медленно къ лучшему будущему и получили на свою долю то нравственное удовлетвореніе, которымъ скрашивается жизнь личная и жизнь общественная.

Возводя польскій вопросъ до принциповъ и выводя цѣны защищаемый имъ самими принципы, Самаринъ очень хорошо знаетъ, чего требуетъ его достоинство: «нужно, — говоритъ онъ, — терпѣніе не военное и не дипломатическое, а терпѣніе, свободно *признанное* одного просвѣтительнаго начала надъ другимъ». Мысль прекрасная, но, въ сжатіи, Самаринъ оставляетъ невыясненнымъ вопросъ, который немалюбо представляется: *какъ* можетъ, и что нужно для того, чтобы могло осуществиться это свободное признаніе? Съ нашей точки зрѣнія, нужны двѣ вещи:

во-первыхъ, чтобы одно просвѣтительное начало проявилось въ такомъ величїи, въ такой умственной и нравственной силѣ и широтѣ, которыя способны были бы вызвать это свободное признание; а во-вторыхъ, чтобы и *другому* началу была дана возможность высказаться во всей своей *теоретической* силѣ. Для такого торжества, о которомъ говоритъ Самаринъ, совершенно необходимо, чтобы могло совершиться правильное сопоставленіе, открытое общеніе, прямой споръ, искренняя бесѣда; только такое свободное обсужденіе вопроса могло бы быть достойно высоты принципа, какъ выставляетъ его Самаринъ.

Осмотрѣвшись въ нашей литературѣ, — которая, вѣдь официальныя дѣйствія, была единственнымъ выраженіемъ мнѣній русскаго общества, — нельзя сказать, чтобы ея разсужденія были достойны этой высоты. Могло быть въ русскомъ обществѣ понятное раздраженіе; но, мимо его, нѣсколько искреннее (хотя наивное) слово было заглушаемо мѣропріятіемъ, а оставались свободны слова ослѣбленія, которыя едва ли отвѣчали національному достоинству: какъ будто сомнѣвались, что Россія достаточно сильна, и забывали, что болѣе сильный долженъ быть и болѣе великодушнымъ; наконецъ, лучшее, что было сказано, было то, что говорилось объ устройствѣ польскаго крестьянства, а затѣмъ, вопросъ какъ въ разбираемомъ разсужденіи Самарина, оставался въ идеалистической отвлеченности, односторонности которой въ свое время такъ и осталась безъ отвѣта...

Узнавая единственную возможность окончательнаго рѣшенія польскаго вопроса въ *возрожденіи*, Самаринъ дѣлаетъ многозначительную оговорку, что, съ другой стороны, нужно, чтобы и Россія рѣшилась и сумѣла сдѣлаться *сполнъ собою*, то-есть «историческимъ представительствомъ православно-славянской стихіи». Другими словами, для самой Россіи нужно также возрожденіе, въ томъ смыслѣ, какъ понимается значеніе Россіи въ славянофильской теоріи, и едва ли логически не надо ожидать сначала *этого* возрожденія, чтобы требовать возрожденія Польши. Для «свободнаго признаннаго торжества» нужно, чтобы повораживающійся и признающій видѣлъ предъ собою убѣдительное и увлекающее проявленіе высшей идеи, дающее исходъ странно запутанному національному вопросу. Но когда придетъ это русское возрожденіе, что для него нужно и дѣлается ли то, что нужно? Прошло почти двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ высказано это ожиданіе, и сама школа, безъ сомнѣнія, признаетъ, что даже теоретически вопросъ о томъ, что нужно, не выясненъ и не усвоенъ хотя бы извѣстнымъ кругомъ общества, а что сдѣлано, слѣдо-

вательно, и того менѣе. Напротивъ, дѣйствительность еще слишкомъ далека отъ этого идеала, способнаго убѣдить и увлечь...

Въ разсужденіи Самарина остался неизясненнымъ одинъ пунктъ. Онъ говоритъ только о русской Польшѣ, не упоминая о прусской и австрійской, — но по ходу его мысли и по неизвѣстнымъ положеніямъ славянофильской теоріи надо принять, что желаемое имъ возрожденіе должно распространяться на цѣлое племя. Такимъ образомъ, *полное* разрѣшеніе польскаго вопроса (состоящее въ торжествѣ нашего «просвѣтительнаго начала», т.-е. вѣрнѣе говоря, въ принятіи поляками православія) становится въ зависимость отъ еще болѣе обширной борьбы, и такъ какъ по славянофильской теоріи православіе вообще есть специально-славянское исповѣданіе (исторически предполагается, что у всѣхъ славянскихъ племенъ христіанское ученіе впервые явилось изъ византійскаго источника), и только съ православіемъ соединена возможность истинно-славянскаго просвѣщенія, государственнаго и народнаго устройства, то очевидно, что *полное* рѣшеніе польскаго вопроса связано съ громадной борьбой, Kulturkampf'омъ славянства съ романо-германствомъ.

Таковы широкія оженія и надежды теоретиковъ славянофильской школы. Все это было бы прекрасно, еслибъ было возможно. Къ сожалѣнію, не только наше настоящее, но и настоящее всего славянскаго племени, очень ослабляютъ надежду на «свободно признанное торжество»; прошлая тысячелѣтняя исторія славянства также не подтверждаетъ подобнаго оженія, и говоритъ напротивъ, что славянство гибло отъ неумѣнья примирять «внутренніе раздоры». До сихъ поръ славянство все только отступало передъ романо-германствомъ, — и пока мы будемъ собираться съ силами, пока Россія, единственный прочный пунктъ въ этой борьбѣ, будетъ стараться (если будетъ) стать *только собою*, въ западномъ славянствѣ мѣръ идетъ постоянное отступленіе передъ романо-германствомъ, и въ частности Польша, въ своей прусской части, видимо таетъ передъ наплывомъ германской стихіи, или просто вымираетъ, какъ вымерли нѣкогда балтійскіе и по-эльбскіе славяне. Въ виду *этого* процесса, надо думать, требовалось бы съ нашей стороны еще нѣчто иное, кромѣ мирнаго оженія торжества нашего просвѣтительнаго начала, и особенно — нѣчто болѣе спѣшное. Именно, эти чисто реальныя соображенія должны бы, по нашему мнѣнію, внушить болѣе національной и религіозной терпимости, — которой слишкомъ мало во всѣхъ нашихъ

отношеніяхъ съ поляками, и которая могла бы болѣе искренно соединить ихъ съ нами хотя бы на общемъ славянскомъ вопросѣ. Къ такому же желанію можно приходять и съ другой стороны. Не скажемъ, чтобы наше время въ самой западной Европѣ достигло мирнаго устройства религіозныхъ противорѣчій, — недавній нѣмецкій Kulturkampf, современная клерикальная борьба во Франціи и т. д. указываютъ, что этого еще нѣтъ; но во всякомъ случаѣ, въ понятіяхъ просвѣщеннѣйшихъ людей общества и затѣмъ въ государственныхъ учрежденіяхъ выработалось стремленіе къ примиренію, которое во многихъ случаяхъ осуществляется и на дѣлѣ. — Неужели не можетъ быть теперь, до окончанія борьбы «просвѣтительныхъ началъ», открытъ путь такого предварительнаго примиренія, которое соединило бы насъ для общихъ цѣлей, какія на дѣлѣ есть, и непосредственно облегчило бы жизнь настоящихъ поколѣній. Говорятъ обыкновенно (какъ говорится при всѣхъ репрессивныхъ отношеніяхъ), что сами поляки не идутъ къ намъ на встрѣчу, чуждаются примиренія; но въ подобныхъ отношеніяхъ первый шагъ на встрѣчу долженъ дѣлаться сильнѣйшимъ.

Мы остановимся еще на нѣкоторыхъ видоизмѣненіяхъ изложенной теоріи, и перейдемъ потомъ къ другому взгляду на польскій вопросъ.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

НА ЗАКАТЪ.

Теплую пѣснь, призывая народъ,
Колоколъ сельскаго храма поетъ;
Нивы полны аромата,
Тухнетъ румянецъ заката...
Но не стремятся въ храму рѣкой
Волны народа дордгой большой, —
Тяжко налившійся колось
Глушить взывающій голосъ.
Нынѣ крестьянамъ нелегкіе дни,
Господу молятся въ полѣ они —
Время страдѣ началось,
Время жнитва и покоса.

•Страдные дни нищихъ духомъ пройдутъ;
Золото нивы — серпы соберутъ;
Станутъ копенъ вереницы,
Съ пѣснью мончающей жницы!
Но для тебя не минѣтъ никогда
Бѣшеной мысли и сердца страдѣ —
Нѣтъ для тебя исцѣленья
Острымъ недугамъ сомнѣнья!
Доброе сѣмя Творецъ тебѣ далъ,
Что-жь ты посѣялъ и что ты пожаля?!...»
Слышу, поетъ мнѣ упрямо
Колоколъ сельскаго храма...

Да, глубоко въ нѣдрахъ духа ношу
 Божіе сѣмя я нынѣ...
 Гдѣ его сѣять?!.. Я сердцемъ дрожу,
 Слованный мыслью, блуждая, брожу
 Въ снѣжной, безлюдной пустынѣ;—
 Но сокровенно то сѣмя растеть,
 Теплою мыслью согрѣто...
 Если въ грядущемъ оно расцвѣтетъ,
 Цвѣтъ пусть къ единому Богу идетъ
 Прямо изъ сердца поэта.

II.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

О милой родинѣ жестокою тоской
 Она томилась и страдала,
 И возвращенія изъ стороны чужой
 Домой, какъ узникъ, ожидала...
 А тамъ, на сѣверѣ, отъ холода и сна
 Проснулись лѣса и нивы,
 Сверкали рѣкъ безбрежные разливы,
 И пахла ландышемъ цвѣтущая весна.
 Входили бѣзими, надъ зеркаломъ пруда
 Носились ласточки, гоняясь другъ за другомъ,
 И пахла сыростью, чернѣя, борода,
 Уже врываема пługомъ;
 Кропили лѣсъ, поля, душистую сирень
 Росы благоуханной слезы,
 И листья молодой березы
 И хвои запахомъ былъ полонъ теплый день.
 Лѣсовъ задумчивый, согрѣтый нѣгой ликъ
 Дремалъ подъ синевой эфирной,
 Но пробуждалъ его задорный птичій крикъ
 И благодушный щебетъ мирный...
 Тамъ пѣсня русская звенѣла далеко
 И за-сердце брала тоскою,
 Иль русской удалью, плѣнявшей широтою,
 Захватывала духъ тепло и глубоко.

Та пѣснь звала ее, томимую тоской—
 Печалью тихой, но жестокой—
 Та пѣснь звала ее изъ стороны чужой
 Въ объятье родины далекой.

III.

НАДЪ БЕЗДНОЙ.

Въ путь къ свѣту, правдѣ, — въ міръ отрады
 Душой стремясь надъ бездной тьмы,
 Какъ Петръ въ волнахъ Тиверіады,
 Въ волнахъ житейскихъ тонемъ мы.

Мы видимъ, жизненною северной
 Насъ поглощаетъ каждый часъ,
 Но кто намъ вѣнчаетъ: «Маловѣрный!»
 И кто теперь поддержитъ насъ?

Изъ тьмы лишь тотъ восприметъ снова,
 Чья жизнь грустна, чья мысль чиста,
 И кто въ груди услышитъ слово
 Толпой распятаго Христа!

Н. В.

НАШИ

252

ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

Изъ общественной жизни города Петербурга.

Кто интересуется дѣлами вообще нашихъ городскихъ думъ, и въ частности петербургской, тотъ не могъ не запомнить того возбужденія, какое вызвано было, по осени минувшаго года, ходомъ дѣла о пользованіи водами столицы для содержанія живорыбныхъ садковъ и торговли рыбою. О немъ говорили всѣ и на всѣ лады, въ обществахъ и въ частныхъ кружкахъ; о немъ говорила печать: чуть не каждый номеръ каждой газеты возвращался къ этому дѣлу, то въ серьезной, то въ иронической формѣ.

Вопросъ рыбный, или садковладѣльческій, какъ ни второстепененъ онъ среди другихъ интересовъ нашей столицы, заставилъ однако всплыть наружу и доказать съ рѣзкою очевидностію, насколько шатко и непрочно стоитъ въ нашемъ „муниципалитетѣ“ рѣшеніе всякаго дѣла. Несмотря на особня убѣжденія городского головы, дѣло общей выгоды, въ первомъ засѣданіи, проигрывается, узкіе интересы нѣсколькихъ торгашей одерживаютъ при баллотировкѣ побѣду. Съ рѣдкимъ единодушіемъ ежедневная печать возстала противъ этого безобразія,—и слѣдующее засѣданіе дало другіе результаты. Собраніе оказалось полнѣе, голоса сторонниковъ рыбной монополіи раздавались тише, исходъ оказался противоположный.

Произошелъ благоприятный поворотъ. Нельзя однако не видѣть, что такая перемена носитъ характеръ случайный. Очевидно, единодуш-

ное давленіе печати повліяло случайно на гласныхъ думы, пристыдивъ часть тѣхъ, кто поддерживалъ эксплуататоровъ, и заинтересованъ часть другихъ, являющихся на думскія собранія преимущественно ради great attraction,—ради спектакля. Но вѣдь есть тысячи дѣлъ, въ которыхъ со стороны печати можетъ не оказаться дружнаго натиска, и наша дума останется сама съ собой.

Какъ будетъ дума справляться въ такомъ случаѣ,—это видно хотя бы изъ послѣднихъ выборовъ городского головы. Никогда, разумѣется, ни для какого дѣла, дума не соберется въ такомъ количествѣ, какой оказался при баллотировкѣ новаго головы; ни для какого дѣла дума не увидитъ въ стѣнахъ своихъ такого числа крупныхъ именъ, какое явилось, когда нужно было положить свой шаръ именно за того, кто былъ послѣ избранъ. И за всѣмъ тѣмъ избраніе, помнится, рѣшилось большинствомъ только шести голосовъ...

Сличите эти выборы съ новѣйшимъ „рыбнымъ дѣломъ“, и вы увидите, что радоваться благопріятному обороту послѣдняго особенно нечего. Всякій фазисъ всякаго дѣла можетъ въ нашей думѣ представить такіа случайности, которыя трудно предвидѣть и еще труднѣе предотвратить.—Вновь избранный городской голова имѣлъ за себя многолѣтнюю земскую дѣятельность и во всякомъ случаѣ пользовался доброю извѣстностію. И что же? Противъ него былъ представитель одной весьма и весьма извѣстной торговой фирмы. До окончательныхъ выборовъ, при избраніи кандидатовъ записками, тотъ, кто былъ впоследствии избранъ, получилъ до 60-ти голосовъ, т.-е. подавляющее большинство противъ всѣхъ другихъ. Окончательное избраніе казалось обезпеченнымъ. Это однако ничего не значило. Встрѣтившись наканунѣ выборовъ съ представителемъ, или главою даже той партіи, которую одна газета называла „черною сотней“, мы высказывались за несомнѣнность избранія перваго кандидата.

—„Нѣтъ-съ, не выберутъ-съ“,—возражалъ намъ этотъ почтенный „лидеръ“ тономъ полнѣйшей увѣренности.—„Записки, знаете, ничего не значать-съ; нишуть открыто, ходитъ эта наша интеллигенція, укоряетъ; неужто, говорить, не напишете за него; онъ человѣкъ такой-сякой, извѣстный. Трудно, знаете, въ этакоемъ случаѣ выдержать свой характеръ; ну, человѣкъ и напишетъ, кого требуютъ, а вовсе его даже и не хочетъ,—а такъ, чтобы отдѣлаться. А вотъ-съ, какъ будутъ шарикъ класть—тогда и увидите. Это вѣрно-съ, никакъ-съ не выберутъ“.

И дѣйствительно, предсказаніе чуть не сбылось. Не сдѣлавъ противная сторона самыхъ крайнихъ, такъ-сказать экстраординарныхъ, усилій,—первый кандидатъ былъ бы забаллотированъ. Но вѣдь такіа чрезвычайныя усилія невозможны постоянно, каждый день. А за то

не только возможны, но и естественны такія явленія, какъ первоначальное рѣшеніе по рыбному дѣлу—и *tutti quanti*.

Но не представится ли подобный ходъ дѣла нормальнымъ и неизбежнымъ, если подумать, что во всякомъ обществѣ вѣдь есть разнородные интересы, во всякомъ дѣлѣ есть мнѣнія за и противъ, всякая партія хлопочетъ о торжествѣ своего дѣла? Чѣмъ шире кругъ дѣятельности, чѣмъ многосоставнѣе общество, тѣмъ явственнѣе будетъ дѣленіе на группы и естественнѣе борьба. Борьбы слѣдуетъ даже желать: она возбуждаетъ энергію, гонитъ апатію; изъ столкновения мнѣній рождается истина,—говорить извѣстное французское изреченіе.

Конечно, всѣ эти афоризмы имѣютъ свое значеніе, но значеніе относительное. Борьба должна происходить на одной и той же почвѣ, и вестись тѣмъ же оружіемъ. Противъ слова и убѣжденія должно противостоять также словомъ и убѣжденіемъ, но не слѣдуетъ бороться воздѣйствіемъ на инстинкты. Борьба честности съ безсовѣстностью, борьба между знаніемъ и невѣжествомъ, не могутъ быть признаваемы „столкновеніемъ мнѣній“.

Между тѣмъ, во многихъ отношеніяхъ таковы условія борьбы въ нашихъ городскихъ думахъ вообще и въ каждой въ частности: чѣмъ меньше сила умственная и нравственная, тѣмъ больше идутъ въ ходъ хитрость и темныя средства, начиная съ прокатыванія на „воронныхъ“ послѣ того, какъ записки были бѣленькія, и кончая опусканіемъ нѣсколькихъ шаровъ за разъ въ пользу благопріятеля, или подлѣзаніемъ подъ столы съ тою же цѣлью. Это дико, это безобразно, однако это бывало. Борьбѣ правильной, честной, хотя бы горячей, страстной и увлеченной, борьбѣ полезной—мало можетъ быть мѣста въ нашихъ думахъ,—не исключаемъ отсюда и петербургскую.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о бѣльшей или меньшей высотѣ нравственной, о честности бѣлье широкой, нежели та, которая только изъ кармановъ не крадетъ,—самый уровень умственного развитія, образованія, подготовки между представителями нашихъ столичныхъ интересовъ, какую въ средней сложности составляетъ величину?

Чтобы заправлять первымъ городомъ въ государствѣ, чтобы вышнать его благоустройство на пользу громаднаго населенія и въ поученіе и примѣръ тысячѣ другихъ градовъ и весей російскихъ, чтобы распространять въ массахъ просвѣщеніе на благо грядущимъ поколѣніямъ, чтобы давать народу мировыхъ судей свѣдущихъ, правоправящихъ свою важную миссію, чтобы служить наконецъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія въ важныя минуты народной жизни,—для всѣхъ этихъ дѣлъ, что требуется отъ городского представителя? Какими условіями обставлено избраніе въ сонмъ 252 представи-

телей Петербурга—перваго города въ имперіи и далеко не послѣдняго въ ряду европейскихъ столицъ? Они—эти представители—имѣютъ власть рѣшать множество вопросовъ, которыми ваша жизнь, въ числѣ 800,000 другихъ жизней, можетъ быть облегчена, обставлена удобствами, ограждена отъ мириадъ ежедневныхъ непріятностей и даже опасностей,—или, напротивъ, можетъ быть стиснута какъ желѣзнымъ кольцомъ всяческими обременительными распоряженіями, неравнообразными налогами, даже сокращена вслѣдствіе малыхъ заботъ о ея сохраненіи.

Какой цензъ нравственный?—Не убей, не укради; конечно, такъ это нигдѣ не сказано: для городского представительства человѣкъ долженъ быть только не осужденъ судомъ за эти и подобныя дѣянія, не быть злостнымъ банкротомъ, разстригой, или исключеннымъ позорно изъ своего сословія. Какъ видно, требуются не Катоны и не Аристиды, которыхъ, конечно, было немного и въ собственномъ ихъ отечествѣ, но все же нельзя назвать нашъ нравственный цензъ особенно высокимъ.

Цензъ умственный или образовательный? Нужно ли кончить курсъ въ высшемъ или въ среднемъ учебномъ заведеніи, классическомъ или реальномъ, или довольно пройти прогимназію?—Это очень важно; только при извѣстной степени образованія возможна истинно полезная дѣятельность общественная. Да, важно, но—не нужно; не нужно даже и народнаго училища, можно быть просто безграмотнымъ. Нигдѣ, на единое слово въ городскомъ положеніи о томъ, что лицо, участвующее въ выборахъ,—слѣдовательно и могущее быть избраннымъ въ думу—должно имѣть извѣстную степень образованія или хотя грамотности.

Но—скажете вы—значить, тѣмъ лучше; столица—центръ государственной, ученой, учебной, литературной, административной и всякой другой интеллигентной дѣятельности. Чѣмъ шире вообще доступъ къ дѣламъ общественнымъ, тѣмъ свободнѣе путь и для нихъ. Тѣмъ лучше.

Казалось бы такъ. Но есть еще цензъ—матеріальный, денежный, имущественный. Въ немъ-то вся и сила. Нужно быть владѣльцемъ или совладѣльцемъ недвижимой собственности, хотя бы на долю приходился рубль, и даже того меньше, платежа въ пользу города; нужно быть купцомъ которой-нибудь гильдіи, нужно быть приказчикомъ или торговцемъ хотя съ лотка или изъ корзинки. Всѣмъ такимъ, начиная съ тѣхъ нѣкоторыхъ, что платятъ съ своей недвижимости тысячи рублей, и кончая тѣми, что платятъ рубль и меньше,—всѣмъ имъ настежь отверзты двери къ избирательной урнѣ, а затѣмъ, при желаніи и умѣньи, по гранитной лѣстницѣ и въ думскія палаты. Дѣла нѣтъ, что многіе изъ нихъ не умѣютъ пера взять въ

руки и бухгалтерію свою ведутъ на биржѣ или иѣлкомъ на стѣнѣ,— всѣ они такъ или иначе имѣютъ по праву доступъ къ карману городского правленія. Если же вы, обыватель, этого ценса не имѣете, то всѣ ваши доблести гражданскія, нравственныя, умственныя приравниваются нулю. Затѣмъ, проходя мимо здоровеннаго парня, десятки лѣтъ занятаго великимъ дѣломъ продажи „американскаго звѣря“ въ банкѣ,—склоните только смиренно голову и помните, что въ глазахъ городского самоуправления вы—ничто передъ нимъ.

Но такъ-ли это? Не для краснаго ли словца все это говорится?— Въ такомъ случаѣ, посмотримъ, что скажутъ намъ точныя цифры и документы.

I.

Чтобы правильнѣе было представленіе о томъ, что такое въ дѣйствительности наша дума, т.-е. первенствующій органъ столичнаго самоуправления, припомнимъ вкратцѣ ея права и обязанности.

Дума состоитъ изъ 252-хъ гласныхъ. Она—полный козаникъ:

во-первыхъ, въ наружной красотѣ, порядочности, чистотѣ города: улицы, площади, мостовыя, сады, каналы, водопроводы, освѣщеніе, стоки,—всѣ эти важные факторы правильной и цивилизованной жизни въ ея рукахъ, ей принадлежитъ и инициатива, и исполненіе;

во-вторыхъ, большая доля благосостоянія населенія также въ ея власти: забота о народномъ продовольствіи, слѣдовательно объ обильномъ снабженіи его хорошими, свѣжими и дешевыми продуктами; правильная, честная торговля, полезная не для однихъ торговцовъ; забота объ охраненіи здоровья народнаго и прямой, великій результатъ ея—уменьшеніе смертности,—устраненіемъ всего того, что можетъ вредить здоровью и жизни; предупрежденіе разныхъ бѣдствій, эпидемій, пожаровъ, наводненій, падежей,—и помощь пострадавшимъ отъ нихъ;

въ-третьихъ, городу принадлежать дѣла и высшаго порядка: ему предоставлено участіе въ попеченіи о народномъ образованіи, онъ можетъ устроить библіотеки, музеи, театры и другія подобныя святилища наукъ и искусствъ.

Наконецъ, дума имѣетъ право заявлять правительству и о всѣхъ другихъ, какъ сказано въ законѣ, „пользахъ и нуждахъ“ города.

Это одна сторона правъ и обязанностей. Другая—не менѣе важна. Дума вполне самостоятельна въ данныхъ ей предѣлахъ. Администрація не можетъ ни отказать, ни измѣнить ея рѣшеній. Она уступаетъ только власти сената, и то послѣ самаго подробнаго пересмотра

дѣла, по выслушаніи всѣхъ ея доводовъ. Ея должностныя лица избираются по ея произволенію, и только два высшіе представителя—городской голова и его товарищ—утверждаются правительствомъ. Органы городского самоуправления подвергаются отвѣтственности не иначе, какъ по рѣшенію самой думы и по суду. Дума имѣетъ право издавать мѣстные законы, такъ-называемыя обязательныя постановленія, и все населеніе должно повиноваться имъ, какъ закону, подъ страхомъ отвѣтственности. Дума можетъ облагать жителей известными налогами и сборами,—и всѣ 800,000, прямо или косвенно, ихъ платятъ безапелляціонно.

Изъ этого краткаго очерка видно, какъ широко дѣйствія думы могутъ захватывать интересы всякаго изъ насъ. Дума можетъ быть его благодѣтельницей; она можетъ быть его бичомъ. Она можетъ удешевить ему жизнь, устранить множество весьма тягостныхъ неудобствъ и лишеній, дать ему комфортъ и безопасность, даже прибавить цѣлыя годы къ средней его жизни. Она можетъ поднять уровень нравственности въ массахъ, можетъ дать множество высокихъ наслажденій изъ области изящнаго и научнаго, а своими музеями, чтеніями, театрами отвлечь десятки и сотни тысячъ народа отъ тѣхъ вертеповъ, которые именуются трактирами, портерными, кабаками... И наоборотъ, она можетъ сдѣлать такъ, что людямъ отъ дороговизны придется обѣдать черезъ день, мерзнуть и разболѣваться не только въ подвалахъ, но и въ бельэтажахъ, ломать себѣ на каждомъ шагѣ шею, задыхаться отъ всякой мерзости не только во дворахъ, но и на площадяхъ, отравляться не только всякими питьями и снѣдами, но и водою; она можетъ сдѣлать такъ, что торговля будетъ равноименна мошенничеству, а домовладѣльцы будутъ только эксплуататорами сотенъ тысячъ ихъ вѣрноподанныхъ, называемыхъ жильцами; вмѣсто уничтоженія нищенства, она можетъ расплодить и ускорить его; вмѣсто церквей, музеевъ и библіотекъ, она можетъ погнать народъ въ полпивныя, въ кабаки и прочія клоаки подъ знаменемъ распивоно и на выносъ...

Все это она можетъ сдѣлать. Но лучше желать, чтобы дѣлалось первое, а не послѣднее.

Все зависитъ отъ того, какія цѣли имѣютъ, какъ задачу свою понимаютъ, какими средствами, нравственными и умственными, обладаютъ тѣ 252 лица изъ 800 тысячъ,—предполагаемая квинтъ-эссенція населенія—которые, именуясь гласными думы, составляютъ верховный ареопагъ городскихъ интересовъ.

Но главнѣе, и прежде того, все зависитъ отъ вопроса: кто и какъ выбираетъ этихъ 252-хъ? Если избиратель можетъ понять и понимать, что онъ дѣлаетъ, кого и для чего онъ предлагаетъ и бал-

лотируетъ, если онъ проиненуть важностію дѣла, для котораго назначаетъ дѣателей, — то дума въ лицѣ своихъ гласныхъ представитъ корпорацію, достойную своей задачи. Потребности, выгоды и удобства восьмисотъ тысячъ будутъ обезпечены въ невозможной мѣрѣ. Если, напротивъ, избиратель никакихъ этихъ заботъ высшаго порядка не имѣетъ, если онъ не можетъ подняться выше своего верстака или выручки, и вся его задача состоятъ въ томъ, чтобы самому попасть или провести благопріятеля въ гласные, ради только личныхъ интересовъ своихъ или своего цеха, — то въ результатѣ будетъ нѣчто подобное тому, что мы видимъ во многихъ думахъ.

Взглянемъ же сначала на тѣхъ избирателей, которые дали въ 1877 г. нынѣшній составъ городской думы; имъ придется вновь избирать его въ 1881 г., такъ-какъ срокъ службы городскихъ представителей четырехъ-лѣтній.

По городовому положенію 1870 года, всякій городской обыватель имѣетъ право голоса при избраніи гласныхъ, если онъ русскій подданный, не моложе 25-ти лѣтъ, и если владѣетъ въ городѣ недвижимою собственностію, или ведетъ торговлю, или имѣетъ ремесленное заведеніе и платитъ исправно, не менѣе двухъ лѣтъ, городскіе сборы. Имущество можетъ быть самое ничтожное, торговля и промыслы даже мелочные и разносные. Приказчики имѣютъ также права избирателей. Нѣсколько владѣльцевъ одного и того же имущества считаются, каждый, избирателемъ, хотя бы на долю cadaго причиталось платить въ городской доходъ даже меньше рубля. Мелкіе торговцы и промышленники платятъ также ничтожные сборы.

Правила эти исполнѣ примѣнены въ Петербургѣ, также какъ они примѣняются во всѣхъ самамалѣйшихъ городамъ, гдѣ каждый житель знаетъ почти лично всѣхъ своихъ согражданъ. Никакихъ измѣненій въ виду также и разницы въ составѣ населеній не сдѣлано. Въ городѣ Кадѣ, напримѣръ, 800 жителей, въ Петербургѣ въ тысячу разъ больше; но все различіе состоитъ лишь въ томъ, что въ одномъ избиратели могутъ быть раздѣлены для выбора гласныхъ всего на два разряда, а въ другомъ они дѣлятся на три.

Въ основаніе дѣленія на разряды принята исключительно сумма платимыхъ городу сборовъ. Такимъ образомъ, по нашей столицѣ общая сумма платежей исчислялась къ выборамъ 1877 года кругло въ 1.878,000 руб., и каждый изъ трехъ разрядовъ составили обыватели, платящіе, въ общей сложности, 626 тысячъ. Платящіе наиболѣе вошли въ первый, платящіе наименѣе — въ третій разрядъ. Передъ избирательнымъ ящикомъ они всѣ равны, такъ что, наприм., графъ А. С. Апраксинъ, стоящій первымъ въ первомъ разрядѣ и вносящій

въ городской доходъ 14,053 руб. ежегодно, имѣеть такой же одинъ голосъ въ своемъ разрядѣ, какъ и г-жа Карамольди, послѣдняя въ третьемъ разрядѣ, вносящая копѣекъ 40, или и менѣе того. Однако этимъ параллель и ограничивается. Громадное различіе заключается, какъ легко видѣть, въ числѣ лицъ образующихъ разрядъ: тѣмъ больше цифра сбора, платимаго однимъ лицомъ, тѣмъ меньше нужно такихъ лицъ для составленія валовой разрядной суммы, опредѣленной, какъ сказано, въ 626 тысячъ. Если бы всѣ были богачи въ родѣ гр. Апраксина, то ихъ на разрядъ пришлось бы всего 45, и, избравъ свою долю, т.-е. 84-хъ гласныхъ (треть 252-хъ), каждый, очевидно, имѣлъ-бы право набрать почти двухъ представителей въ думу. Но гр. Апраксинъ—единственный домовладѣлецъ и плательщикъ. Слѣдующій по порядку—здѣшняя портовая таможня—вноситъ въ городъ всего 11,673 р., а затѣмъ Александро-невская лавра лишь 8,957 р. Изъ частныхъ лицъ идутъ затѣмъ П. И. Лихачевъ, почетный гражданинъ и 1-й гильдіи купецъ, который платитъ около 8½ тыс. и П. Д. Яковлевъ, также почетн. гражд. и 1-ой гильд. купецъ, вносящій 8,288 руб. Затѣмъ, цифра платежей постепенно понижается, и первый разрядъ оканчивается наименьшею суммою въ 1,274 руб., уплачиваемою вдовою почетн. гражд. Якунчинова.

Всѣхъ избирателей перваго разряда, т.-е. городскихъ зажиточныхъ людей, числится 240. Здѣсь значатся наиболѣе крупныя купеческія фамиліи: Воронинъ, Елисѣевъ, Яковлевъ, Громовъ, Дурдинъ, Тупиковъ, Кенигъ, Коровинъ, Лопатинъ, Ломачъ, Вердъ, Глазуновъ, Палинъ, Кохунъ, Штанге, Санъ-Галли и проч. Изъ именъ аристократическихъ видны, кромѣ гр. Апраксина, графъ Стенбокъ-Ферморъ (владѣлецъ яковлевскихъ желѣзныхъ заводовъ), графъ Шереметевъ (адъютантъ Государя Цесаревича), бар. Фредериксъ (командиръ конной гвардіи), князь Вяземскій (владѣлецъ извѣстныхъ домовъ на Сѣнной) Демидовъ, князь Санъ-Донато, князь Вѣлосельскій-Вѣлосерскій, графиня Игнатьева, графиня Шувалова, княгиня Волконская и др. Печать представляется В. А. Полетикою (издатель „Молвы“), А. А. Краевскимъ (издатель „Голоса“ и „Отечественныхъ Записокъ“). Первый со своихъ домовъ платитъ городу около 2½ тыс., послѣдній около 1,300 руб. въ годъ.

Въ средней сложности правоспособность, такъ сказать, cadaго избирателя выражается суммою 2,600 руб., и каждымъ 20-ти избирателямъ принадлежитъ избраніе 7-ми думскихъ гласныхъ.

Если похраздѣлить избирателей на двѣ группы, отнеся къ первой тѣхъ, кто причисляется по обычаю къ интеллигенціи, а именно такъ-называемыхъ привилегированныхъ—дворянъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, лицъ, имѣющихъ ученые степени и званія и т. п.,—а

въ другой купцовъ, промышленниковъ и пр., то тотчасъ окажется, что изъ 240—102 принадлежать къ первымъ, 88 къ послѣднимъ, и 50: разнымъ юридическимъ лицамъ, учреждениямъ, общества и пр.

Второй разрядъ включаетъ обывателей съ платежомъ отъ 1,278 р. до 382 р. Не вдаваясь въ подробности, скажемъ, что въ немъ оныхъ лицъ почти въчетверо больше, именно 987, и значеніе каждаго избирателя почти въ четыре раза меньше. Если по первому разряду каждый третій человекъ можетъ быть избранъ въ гласные (84 изъ 240), то во второмъ разрядѣ только одиннадцатый. Подраздѣливъ и ихъ на категоріи, мы увидимъ, что—469, или половина, приходится на долю привилегированныхъ, 386 прочихъ, и 82 разныхъ обществъ и учреждений.

Наконецъ, третій разрядъ: онъ обнимаетъ всѣхъ остальныхъ обывателей, платящихъ отъ 382 руб. до десятиковъ копѣекъ. Этотъ разрядъ, выдающійся надъ прочими своей многочисленностію—въ немъ 19,345 избирателей—требуетъ къ себѣ, по многимъ соображеніямъ, особаго вниманія. Какъ увидимъ ниже, онъ даетъ наибольшій процентъ гласныхъ въ счетъ 252-хъ. Многообразность побудила уже и думу разбить его на нѣсколько отдѣловъ, изъ которыхъ каждый для своихъ выборовъ собирается особо.

Средняя сумма платежа въ этомъ разрядѣ весьма сильно понижается: если она была 2,600 руб. въ первомъ и 668 р. во второмъ, то здѣсь не достигаетъ даже 38 р. Избиратель такъ-сказать мальчикъ, притомъ вовсе не въ правильной прогрессіи съ тѣми двумя разрядами; его оцѣнка въ 20 разъ ниже избирателя второразряднаго, и въ 80 почти разъ противъ перваго разряда. Только двѣсти-тридцатый человекъ можетъ рассчитывать быть гласнымъ.

Въ предѣлахъ самого разряда колебаніе ценза весьма большое, чего нѣтъ въ первыхъ двухъ; взносъ перваго плательщика (382 р.) въ 950 разъ больше взноса послѣдняго (копѣйки). Если есть нѣкоторое равновѣсіе въ первомъ разрядѣ и особенно во второмъ, то въ третьемъ разрядѣ уже нѣтъ и тѣни справедливости. Плательщикъ 380 р., т.-е. владѣлецъ имущества, стоящаго не меньше 50 тыс. руб., поставленъ совершенно въ тѣ же условія, какъ и торговецъ съ лотка. Два равные почти плательщика, одинъ, напр., по налогу въ 385 р., а другой въ 380 р., отстоятъ однако на громадное разстояніе: первый, будучи во второмъ разрядѣ, имѣетъ примѣрно $\frac{1}{11}$ права при выборѣ, а послѣдній, по 3-му разряду, только $\frac{1}{100}$.

Защитники существующаго положенія скажутъ, разумѣется, что это неизбежно при постепенномъ пониженіи платежныхъ окладовъ, что гдѣ-нибудь должна быть грань между разрядами, что кажущаяся неравномѣрность можно только перенести, но не уничтожить и проч.

Статься можетъ, что болѣе внимательный взглядъ укажетъ и другое обстоятельство.

Что представляетъ собою составъ избирателей 3-го разряда? Это очень пестрый конгломератъ. Въ немъ:

Во-первыхъ, всѣ остальные владѣльцы недвижимой собственности; ихъ всего 6614 чел. По суммѣ сбора они распределяются такъ:

отъ 382 до 66 руб.	платать 2681	лицо
„ 65 „ 16 „	„ 2454	„
„ 15 „ 2 „	„ 1405	„
„ 1 руб. до кон.	„ 177	„

Изъ общей цифры принадлежать приблизительно:

до 2200, т.-е. менѣе 35%,	къ привилегированнымъ,
„ 4250, болѣе 63% —	къ прочимъ,
„ 169	разныхъ учреждений.

Во-вторыхъ, въ размѣрѣ 66 руб. платать купцы первой гильдіи. Ихъ 307 и изъ нихъ:

29 привилегированныхъ,
278 или болѣе 90%, прочихъ, и
60 компаній и обществъ.

Въ число 278-ми входитъ 58 евреевъ, т.-е. болѣе 19%. всѣхъ первостатейныхъ купцовъ.

Въ-третьихъ, купцы 2-ой гильдіи; они вносятъ по 16 руб.; всего 3087 чел. Большинство принадлежитъ къ непривилегированнымъ, именно 2960, или болѣе 95%.

Въ-четвертыхъ, длинный рядъ плательщиковъ по 2 руб., какъ-то: содержателей типографій, фотографій, аптекъ и т. п., лицъ, взявшихъ свидѣтельства на разные промыслы, торговлю, извозъ и проч., гдѣ интеллигентные классы представлены рѣдкими единицами. Содержателей типографій и другихъ названныхъ заведеній всего 30. Затѣмъ, по мѣщанскимъ свидѣтельствамъ 3427, и по ремесленнымъ 1152. Всего—4579. Сюда же принадлежатъ приказчики первого разряда: ихъ значится въ спискѣ 2304.

Всего, слѣдовательно, промышленниковъ и торговцевъ, платящихъ 2 рубля, не малая цифра—6918. Изъ нихъ до 280, или 4% дворянъ, чиновниковъ, ихъ жены и пр., и 6633, т.-е. 96 процентовъ, простого званія.

Въ-пятыхъ, есть еще люди, записанные также въ мѣщанской и ремесленной управѣ, но платящіе только по одному рублю. Ихъ всего 2324 чел., изъ которыхъ только 36 привилегированныхъ.

Въ-шестыхъ, наконецъ, есть изъ тамъ же записанныхъ платящіе меньше рубля: такихъ 93.

Вотъ общая картина той части городского общества, которая составляетъ третій разрядъ избирателей.

Взявъ эти цифры по главнымъ группамъ, увидимъ, что изъ 19,345 третьеразрядныхъ избирателей: 6614 только составляютъ владѣльцы недвижимости, во всѣхъ его разиѣрахъ, не исключая и микроскопическихъ, и 12,731 суть люди торговаго сословія, по преимуществу мелкіе, платящіе городу ничтожныя деньги.

Итого: 34 процента домовладѣльцевъ и 66% торговцевъ, т.-е. люда подвижного.

Но разиѣръ платежей еще своеобразнѣе: представители торговли и промысловъ, въ числѣ двухъ третей всѣхъ избирателей, выплачиваютъ городу, всѣ вмѣстѣ, не болѣе 86 тысячъ; владѣльцы же недвижимости, остальная треть, вносятъ 540 тыс. руб. Такимъ образомъ, средняя имущественная величина торговца выражается цифрою менѣе 7 руб., а домовладѣльца почти въ 82 руб.

Кромѣ того, недвижимость не легко переходитъ изъ рукъ въ руки, и домовладѣлецъ неизбѣжно, такъ или иначе, болѣе привязанъ къ мѣсту, а затѣмъ и къ городскимъ интересамъ, хотя бы понимаемымъ по-своему. Отъ торговца же, особенно мелкаго, и въ этомъ отношеніи требуется гораздо меньше. На будущее время онъ ничѣмъ не связанъ съ городомъ, и завтра же, быть можетъ, со всѣмъ легковѣснымъ скарбомъ своимъ переберется туда, гдѣ выгоднѣе. Въ прошломъ отъ него также не много требовалось: прожить въ столицѣ не менѣе двухъ лѣтъ, имѣя при этомъ право отлучаться, на сколько хочетъ.

За всѣмъ симъ, и домовладѣлецъ, и торговецъ имѣютъ при выборахъ ту же силу.

Но если со стороны имущественной правоспособности допущено такое рѣзкое неравновѣсіе въ пользу подвижного торговаго класса, то оно еще болѣе бьетъ въ глаза со стороны ценза образовательнаго. Разумѣется, принятое нами подраздѣленіе на привилегированныхъ и непривилегированныхъ не можетъ удовлетворить требованіямъ строгой критики для всякаго отдѣльнаго случая. Само по себѣ званіе дворянина или чиновника не есть дипломъ на образованность; иной, не только коллежскій регистраторъ, но и коллежскій совѣтникъ будетъ краснѣть въ этомъ отношеніи передъ инымъ мѣщаниномъ, кончившимъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Но въ данныхъ условіяхъ предложенная оцѣнка едва ли ошибочна. Наша общественность еще до сихъ поръ держится на той почвѣ, гдѣ человѣкъ купческаго, тѣмъ болѣе мѣщанскаго сословія, разъ онъ получилъ доступъ къ образованію, мѣняетъ тотчасъ же свое состояніе или званіе; мѣщанинъ и купецъ стремятся въ

службу, со службой въ чины,—и затѣмъ они уже значатся въ спискахъ или по этимъ послѣднимъ, или по крайней мѣрѣ по тѣмъ званіямъ или степенямъ, которыя дало имъ учебное заведеніе. Одинъ инженеръ-техникъ, другой классный художникъ, третій кандидатъ правъ, четвертый такой или иной совѣтникъ, пятый лекаръ или фармацевтъ. Всѣ эти званія отнесены въ нашемъ исчисленіи къ категоріи привилегированныхъ; туда же причислены ихъ жены, дочери и пр.; на долю другой категоріи осталась поэтому та масса, которая не тронута ни образованіемъ, ни воспитаніемъ, хотя, безъ сомнѣнія, нѣкто ей не откажетъ въ смысленности. Такимъ образомъ, гораздо вѣрнѣе признать, что въ высшій разрядъ пошло не мало людей необразованныхъ,—нежели наоборотъ.

Что же оказывается изъ приведенныхъ выше цифръ?

Если исключить разныя учрежденія, общества и пр., то въ первомъ разрядѣ будетъ 102 образованныхъ противъ 88 прочихъ; во второмъ, соотвѣтственно, 469 противъ 386; въ третьемъ: домовладѣльцевъ 2200 привилегированныхъ противъ 4250, и торговцевъ 320 противъ 9700.

Въ томъ числѣ не мало совсѣмъ чужихъ людей, финляндцевъ, евреевъ и т. п. Финляндцевъ, напр., до 340, евреевъ болѣе 210 ¹⁾.

Такимъ образомъ, видимъ, что въ третьемъ разрядѣ, на долю его 84-хъ гласныхъ, не полные 10 только, пропорціонально, принадлежатъ образованнымъ избирателямъ; остальныхъ же 74-хъ выбираютъ исключительно сибирки и чужки, лавочники, кабачники и т. п.

Возьмемъ, наконецъ, общую сложность всѣхъ трехъ разрядовъ. Быть можетъ, она перетянетъ ту чашку вѣсовъ, на которую налегъ третій разрядъ?

Не имѣя возможности судить о томъ, кому изъ числа избирателей довѣрили разныя общества и учрежденія свое право голоса, будетъ наиболѣе справедливо раздѣлить ихъ по-ровну между привилегированными и непривилегированными. Тогда окажется: въ первомъ разрядѣ—44-хъ гласныхъ выбираетъ интеллигенція, и 40—прочіе, во-второмъ, 46 первые и 38 послѣдніе; въ обоихъ въ пользу образованія оказывается лишь большинство 12-ти гласныхъ.

Въ третьемъ—перевѣсъ является на сторонѣ необразованности, въ видѣ 74-хъ противъ 10-ти!

Въ итогѣ — 64 безъ 12-ти, т. е. 52 гласныхъ, составляютъ ту пуховую пирю, которая фатально тянетъ выборы внигъ...

¹⁾ Кстати: интересно бы сравнить, насколько русскій торговецъ, проживъ два года въ Гельсингфорсѣ или Выборгѣ съ платежомъ рубля, былъ бы допущенъ къ городскихъ выборамъ?... Тамъ не раньше пяти лѣтъ позвать русскому купить за свои деньги клочокъ земли, а то съ разрѣшенія власти.

Быть может, возражать на это, что невѣрно предположеніе, будто бы представительство на выборахъ будетъ со стороны разныхъ обществъ поручено людямъ обѣихъ категорій по-ровну; что, вѣроятно, напротивъ, большинство такихъ повѣренныхъ будетъ взято изъ класса образованнаго. Допустимъ и это, хотя, думаемъ, многія торговныя фирмы представляются соучастниками ихъ, не всегда имѣющими право на дипломъ.

Тогда на сторонѣ интеллигенціи будетъ въ первомъ разрядѣ 53, и во второмъ 49, всего 102 гласныхъ противъ 31+35, т.-е. противъ 66-ти. Перевѣсъ на 36. Но, сравненный съ *недостаткомъ* въ 64 по третьему разряду, онъ все-таки приводитъ къ тому же существенному заключенію, хотя менѣе рельефному, что необразованность въ конечномъ результатѣ имѣетъ все-таки верхъ не малымъ большинствомъ — 28-ми гласныхъ.

Не здѣсь ли первая причина рѣшеній въ родѣ садкомладѣльческихъ и тому подобныхъ? Не здѣсь ли корень той скудной дѣятельности, которая въ общемъ характеризуетъ вышнюю думу за шесть лѣтъ ея существованія, со введенія городского положенія, которое привѣтствовали какъ наступленіе чуть не золотого вѣка? Не здѣсь ли объясненіе и того полнаго заброса, въ которомъ пребываютъ интересы остального, не избирающаго, но громаднаго большинства 780 тысячъ жителей, не входящихъ прямо ни въ какое соотношеніе съ городскимъ самоуправленіемъ? 780 тысячъ вручаютъ свою участь остальнымъ 20-ти тысячамъ, изъ коихъ 16 тысячъ — люди безъ всякаго образованія.

Обратимся теперь къ дѣятельности этихъ двадцати тысячъ избирателей, т.-е. къ самымъ выборамъ гласныхъ.

Предварительныя дѣйствія городской управы при выборахъ 1877 г. заключались въ составленіи списка избирателей, который для публичной провѣрки выставленъ былъ на двѣ недѣли въ залахъ думы. Около 300 лицъ разсматривали списокъ, и, по заявленію управы, не сдѣлали никакихъ возраженій. Нельзя сказать, чтобы 300 лицъ изъ 800,000 указывали на большой интересъ къ дѣлу. Нельзя, впрочемъ, и винить эти если не 800, то 780 тысячъ: они не избиратели. Если человекъ не имѣетъ никакихъ правъ въ дѣлѣ, то для чего же онъ пойдетъ разсматривать документы, до этого дѣла относящіеся? И какъ будутъ приняты тѣ заявленія, которыя онъ найдетъ бы возможнымъ сдѣлать? И допустить ли еще его до такихъ разсмотрѣній и заявленій? Другое дѣло — сами избиратели; они могли бы поинтересоваться своими собратами по имуществу, по торговлѣ, по вершенію городскихъ дѣлъ; могли бы и должны бы

заглянуть, нѣтъ ли въ спискѣ безправнаго и не упущенъ ли иждивеній право. Съ этой точки зрѣнія 300 любомытствовавшихъ, составляя лишь одну семидесятую долю всѣхъ самихъ избирателей, не говорятъ объ избыткѣ вниманія.

Послѣ такого, въ нѣкоторомъ смыслѣ безмолвнаго одобренія списковъ, они были напечатаны. Гласные, бывшіе на-лицо отъ прежнихъ выборовъ, выдѣлены въ текстѣ жирнымъ шрифтомъ отітокъ о томъ, какъ-бы для руководства избирателей. Алфавитъ къ списку составленъ и напечатанъ только для гласныхъ. Всѣмъ избирателямъ разосланъ не былъ. Между тѣмъ, это очень немаловажно. Всякій, кому приходится имѣть дѣло со спискомъ въ 20,500 фамилій, разбросанныхъ въ совершенно особомъ порядкѣ по разнымъ страницамъ, разрядамъ, отдѣламъ и пр., согласится съ тѣмъ, что найти данное лицо — сущая египетская работа. Нужно имѣть громадный запасъ времени и терпѣнія, чтобы перечитывать одну за другой всѣ эти фамиліи, пока не наткнешься, наконецъ, на искомое лицо. Поэтому едва ли было бы мотовствомъ со стороны городской управы, если бы она, печатая списки, не скупилась на лишнюю тысячу рублей для напечатанія также и алфавита для всѣхъ избирателей.

Избиратели собираются по два раза: сперва для предложенія кандидатовъ въ гласные, а потомъ уже для окончательныхъ выборовъ изъ числа предложенныхъ.

Каждый изъ трехъ разрядовъ выбираетъ самъ по себѣ, независимо отъ прочихъ. Поэтому второй, напримѣръ, разрядъ не предложилъ еще своихъ кандидатовъ, а первый уже произвелъ и окончательные выборы. Такъ какъ предлагать и выбирать можно гласныхъ и не изъ своего разряда, то этимъ устраняется избраніе одного и того же лица нѣсколько разъ въ разныхъ отдѣлахъ. Можетъ быть, это и хорошо для ускоренія хода выборовъ; но такой приѣмъ лишаетъ возможности видѣть, какой кандидатъ пользуется довѣріемъ всѣхъ разрядовъ, а затѣмъ въ выборѣ другихъ, менѣе извѣстныхъ или и менѣе достойныхъ кандидатовъ остается судьей одна только наименѣе устойчивая масса избирателей третьяго разряда. Къ тому же, эти послѣдніе, по многочисленности своей, какъ выше упомянуто, подраздѣляются еще на нѣсколько отдѣловъ. Въ 1877 году такихъ было пять. Въ сложности, по всѣмъ тремъ разрядамъ, на общій операціи употреблено 14 дней, съ 10-го февраля по 21 марта, съ неравномѣрными промежутками: выборамъ было посвящено великопостное время.

Отъ перваго разряда явилось на первое собраніе 87 избирателей, т.-е. едва третья часть. Ими предложено 280 кандидатовъ, изъ

которых семеро не пожелали баллотироваться. На окончательные выборы, через пять дней послѣ того, прибыло значительно болѣе, именно — 204 избирателя. Абсолютнымъ большинствомъ выбрано только 55, остальные 29 — до 84-хъ — потребовали вторичной баллотировки.

Второй разрядъ, затѣмъ, явился сперва въ числѣ только 180 лицъ и предложилъ 622 кандидата. Отказались изъ нихъ 30. На выборы пришли 251 избиратель, т.-е. немного болѣе половины. Выбаллотировали непосредственно лишь 19; остальные выбраны уже дополнительно. Что значать эти дополнительные выборы — скажемъ сейчасъ.

По третьему разряду, во всѣ пять пріемовъ, прибыло 1,049 избирателей (изъ 19,000) и предложили 1,628 чело. — въ счетъ 84-хъ. Отказались 395. При выборахъ было на-лицо всего 1,816 челоѣкъ; избрано прямо 47 гласныхъ, и по дополнительной баллотировкѣ 37.

Что же выходитъ въ общей сложности?

На предложеніе кандидатовъ, вмѣсто 20¹/₂ тысячъ избирателей, является только 1,316, т.-е. какіе-нибудь 6 процентовъ. Эти шесть процентовъ выставляютъ, за вычетомъ отказавшихся — легко сказать! — 2,098 кандидатовъ, для выбора изъ нихъ 252-хъ. На окончательные выборы прибываетъ больше: отчасти, вѣроятно, просьбы, влиянія, убѣжденія желающихъ засѣдать въ ареопагѣ, воздѣйствуютъ на многихъ, — и они у ящичковъ, кладутъ свой шаръ, куда слѣдуетъ. Многіе заручаются довѣренностями, чтобы избирать и быть избранными съ возможно болѣею несомнѣнностью. Въ одномъ третьемъ разрядѣ по довѣренностямъ клада шары четвертая часть всѣхъ прибывшихъ избирателей. Всего у ящичковъ оказалось, такимъ образомъ, 2,541 — вдвое болѣе чѣмъ для предложенія кандидатовъ. Однако и это удвоенное число составляло лишь 12 процентовъ. Выходитъ, что двѣ съ половиной тысячи изъ 800 тысячъ ставятъ избранныхъ, являясь, по какой-то странной случайности, или по какому-то недоразумѣнію, олицетвореніемъ всего города. И эти избранные малымъ меньшинствомъ гласные считаются представителями „городскими“. Одинъ говорить и дѣйствуетъ за 3,000 горожанъ, не имѣвъ отъ этихъ трехъ тысячъ ни малѣйшаго уполномочія.

Въ концѣ-концовъ, изъ 2,098 кандидатовъ выбираютъ 252-хъ. Остальные 1,841 забаллотированы. Они являютъ собою какой-то громадный балластъ, съ которымъ корабль столичнаго самоуправленія прибылъ такъ или иначе къ гавани, и который затѣмъ выкидывается за бортъ. Самое дѣло выборовъ кажется очень просто: взяли шары, положили, — и все кончено. Между тѣмъ, взгляните въ цифры. Изъ 252-хъ абсолютное большинство получили, иначе — собрали за себя болѣе половины избирательныхъ голосовъ, только 121,

меньшая часть состава думы. Большая же ихъ часть явилась на сѣтъ съ продолжительными потугами. Избиратели такъ мало подготовились къ своей задачѣ, такъ мало думали о томъ, кто суть лучшие люди хотя бы въ своемъ ограниченномъ кружкѣ, на которыхъ слѣдуетъ остановиться, голоса ихъ такъ разбились между случайно намѣченными 2,000 кандидатовъ, что естественно нужны были длинныя дополнительныя баллотировки для того, чтобы въ каждомъ разрядѣ добрать недостающее, притомъ не малое, число представителей. Второй разрядъ, напримѣръ, наиболѣе еще интеллигентный, могъ выбрать съ-разу даже не четвертую часть своей доли, и на остальныхъ три четверти долженъ былъ перебаллотировывать. Или ужъ такъ хороши всѣ его 600 кандидатовъ...

Но посмотримъ еще поближе. Въ этомъ второмъ разрядѣ е каждомъ изъ 600 кандидатовъ каждый изъ 521-го наличныхъ избирателей долженъ сказать свое мнѣнiе, положить шаръ на-право или на-лѣво. Въ третьемъ разрядѣ эти цифры возрастаютъ въ значительной мѣрѣ, и каждый изъ 1,816 выборщиковъ долженъ подобнымъ образомъ высказаться о каждомъ изъ 1,228 претендентовъ. Представьте себѣ всю эту длинную процедуру. Каждый избиратель долженъ пройти каждый изъ этого множества ящиковъ. Было бы еще сносно, если бы довелось разомъ исполнить этотъ пелерниажъ,—и изъ думы вонъ. Но именно, какъ-бы ради того, чтобы всякій избиратель съ чистомъ совѣстью могъ сказать, что потрудился на пользу общую до поту лица, до изнеможенiя, дума какъ-разъ являетъ въ этомъ дѣлѣ крайнюю бережливость. Не желая потратить лишнюю тысячу рублей, она не заготовляетъ баллотировальныхъ ящиковъ въ достаточномъ числѣ. Этимъ избиратели не только подвергаются нѣкоторымъ образомъ пыткамъ изнеможенiя, но и прямо отгоняются отъ дѣла. Прочтите, что писала городская управа въ своемъ представленiи думѣ въ декабрѣ 1876 года ¹⁾ по поводу затрудненiй отъ недостатка баллотировальныхъ ящиковъ при прежнихъ выборахъ:

„.... Приходилось во всѣ семь дней баллотировки (3-го разряда) ящики перемѣнять по 6 разъ; эти перемѣны, послѣ каждой изъ которыхъ нужно снимать ящики, считать шары, ставить ящики обратно и вставлять на нихъ карточки съ именами слѣдующихъ кандидатовъ, утомляли избирателей, которые, чтобы пробаллотировать всѣхъ кандидатовъ, должны были оставаться въ собранiи съ утра до ночи; а какъ большинство избирателей начинало уходить изъ собранiя уже послѣ второй перемѣны (*nota bene!*), то отъ этого происходила баллотировка не одинаковымъ числомъ избирателей,

¹⁾ „Извѣстiя Городской Думы“, 1876 г. № 24, стр. 2572.

невыгодно отражающаяся для многихъ предложенныхъ кандидатовъ и прямо противорѣчащая ст. 222 уст. выборовъ“.

Управа просила шестьсотъ ящичковъ, — дума дала половину.

Примѣните то, что писала управа, къ послѣднимъ выборамъ. Уже во второмъ разрядѣ требовалось ящики переимѣнить два раза, а съ дополнительной перебаллотировкой во время трехъ разъ. Въ третьемъ же разрядѣ, при 1,200 слѣдующихъ кандидатахъ, переимѣну приходилось дѣлать такъ же почти, какъ и прежде, не меньше 4—5 разъ, потому что хотя ящичковъ поставили вдвое больше, но и число кандидатовъ было больше, а самая баллотировка разбита, вмѣсто семи дней, только на пять; естественно, утомленіе должно было быть никакъ не меньше, какъ и при выборахъ 1872 года. Довольно представить себѣ указанную управой манипуляцію; а многое еще ею не указано: полученіе листовъ на шары, самое полученіе шаровъ, толкотня, шумъ, безпорядокъ; затѣмъ разбираніе сотенъ надписей на ящикахъ, послѣдовательное прохожденіе къ нимъ каждаго изъ избирателей, скучившая и монотоннѣйшая операція счета голосовъ о людяхъ, по большей части, никому неизвѣстныхъ, кромѣ своей кучки, — и все это повторяется разъ 6 съ убійственнымъ однообразіемъ. Представьте себѣ всю эту „канитель“, и вы не усомнитесь въ словахъ управы о томъ, что большинство уходило уже послѣ второй переимѣны, что затѣмъ кандидаты слѣдующихъ смѣнъ баллотировались ничтожнымъ числомъ, что поэтому они проигрывали, несмотря, можетъ быть, на свои достоинства, что выборы такого рода были незаконны, — и все это, говоримъ мы, нѣмало мѣсто имѣло и при выборахъ, давшихъ намъ нынѣшній составъ гласныхъ.

Но еще два слова. Въ городскомъ положеніи особо установленъ порядокъ дополнительныхъ баллотировокъ, когда абсолютнымъ большинствомъ не выбрано все требуемое число гласныхъ. Въ этомъ случаѣ изъ невыбранныхъ кандидатовъ отбираются въ особый списокъ тѣ, которые хотя и не получили набирательнаго числа голосовъ, однако получили ихъ противъ другихъ собратовъ по неудачѣ наиболѣе. Такихъ „обнадеживаемыхъ“ берется двойнѣ противъ цифры недобранныхъ гласныхъ. Затѣмъ баллотируются только они, но уже особеннымъ, самымъ снисходительнымъ способомъ. Для нихъ уже не требуется соединеніе голосовъ болѣе половины наличныхъ выборщиковъ; считаются выбранными тѣ, кто получалъ вообще побольше голосовъ, хотя бы само по себѣ число это было ничтожно. Пріемъ этотъ особенно характеренъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по утвержденію управы, большинство избирателей ушло, и при ящикахъ осталось малое меньшинство. По распредѣленіи его голосовъ одни кандидаты

могли получить всего-на-все по 2, по 3 шара, а другіе по одному. Первые оказывались бы избранными въ гласные...

Взглянемъ теперь и на составъ гласныхъ, въ томъ видѣ, какъ онъ окончательно сложился описаннымъ путемъ въ послѣдній разъ. Онъ управляетъ городомъ въ настоящее время и будетъ управлять до 1881 года. Отъ выборовъ до выборовъ онъ избирается почти исключительно по той естественной и неизбежной причинѣ, заявленіе о которой сопровождается въ думѣ, по обычаю, сочувственными словами председателя, вставаніемъ въ знакъ уваженія съ мѣстъ и некрологами.

Сравнительно съ первымъ четырехлѣтіемъ новаго периода городскихъ дѣлъ обновленіе состава думы произошло меньше чѣмъ на половину; точнѣе—58% прежняго состава избраны опять въ нынѣшнюю думу. На 146 старыхъ приходится 106 новыхъ гласныхъ ¹⁾.

Подраздѣленіе на тѣ дѣя крупныя рубрики, которыя принимались въ основаніе при разсмотрѣніи избирательнаго списка, представляетъ нѣкоторый перевѣсъ класса привилегированнаго надъ непривилегированнымъ: 138 первого и 119 послѣднѣго. Если сличить эти цифры съ распредѣленіемъ гласныхъ прежняго выбора, показанныхъ по списку, то окажется поступательное движеніе въ пользу привилегированныхъ.

Нелишне будетъ показать и общественное положеніе гласныхъ съ нѣскольکو бѣльшею подробностію, и даже нѣкоторою несомнѣностію, сличая чины, званія, сословія. Впрочемъ, помѣна sint odiosa, и мы ихъ оставимъ въ сторонѣ. Наши 252 составляютъ такую іерархическую лѣстницу:

12 лицъ титулованныхъ; 19 военныхъ генераловъ и офицеровъ, служащихъ и отставныхъ; 44 тайныхъ (6), дѣйствительныхъ статскихъ (23) и статскихъ совѣтниковъ (15); 37 лицъ прочіихъ, не высшихъ чиновъ гражданскихъ, считанъ и нѣкоторые степені и званія; 21 архитекторовъ (15) и инженеровъ разнаго наименованія; 24 коммерціи совѣтниковъ и почетныхъ гражданъ; 21 купцовъ первой гильдіи; 53 купцовъ второй гильдіи; 21 мѣщанъ (15), ремесленниковъ (4), и крестьянъ (2).

Изъ этого перечня можно видѣть, что служилое сословіе играть видную роль въ составѣ нашей думы. Волкѣ, впрочемъ, пробѣгая

¹⁾ Быть можетъ, въ этихъ и подобныхъ цифрахъ окажутся погрѣшности въ отдѣльныхъ единицахъ: не имѣя алфавита избирателей, было очень трудно ориентироваться въ 20 тысячахъ именъ. Но, повторяемъ, неточность можетъ касаться только единицъ и на сущность дѣла вліять никакъ не можетъ.

отчеты о засѣданіяхъ ея, легко убѣдится, что небольшой кружокъ говорящихъ гласныхъ, „ораторовъ“, принадлежитъ почти исключительно въ этому классу. Но большинство думскихъ членовъ, и особенно одна его часть, вѣроятно помнитъ, что слова — серебро, а молчаніе золото, и потому „словъ не трать по пустому“ дѣлаетъ дѣло, какое находитъ нужнымъ для себя дѣлать, не ораторствуя, въ молчаніи. Она, эта часть, и числомъ состоитъ за себя. Купцовъ разнаго наименованія, съ почетными гражданами, какъ видно, 98, да мѣщанъ съ ремесленниками и крестьянами 21; итого 119 — добрая половина думы.

Кромѣ этой корпораціи, особенно выдается группа представителей одной специальности: архитекторовъ и инженеровъ засѣдаетъ въ думѣ — 21 членовъ: на одиннадцать гласныхъ — двѣнадцать изъ нихъ. Странный набитокъ именно въ пользу этихъ техниковъ, какъ будто все дѣло думы состоитъ въ томъ, чтобы строить, строить и строить. Это богатство особенно бросается въ глаза, когда поприсматрѣться къ представителямъ другихъ отраслей знанія. Юристовъ, напримѣръ, видимъ одного-двухъ; представителей учебной части едва ли больше; гласныхъ изъ врачебнаго сословія, — кажется, нѣтъ ни одного; духовныхъ — ни одного. Между тѣмъ, дума вѣдаетъ и мировыхъ судей; можетъ и должна принимать широкое участіе въ народномъ образованіи; а вопросы народнаго здоровья составляютъ существеннѣйшую ея задачу. И при этомъ 15 архитекторовъ... Это значить, разумѣется, что у архитекторовъ есть дома, которые они себѣ построили, а у судей, учителей, докторовъ — ихъ нѣтъ. Положимъ, такъ; но не заключается ли въ этомъ характеристика всей системы?..

Приведенный перечень пріобрѣтаетъ еще нѣкоторую своеобразную окраску отъ сличенія переменъ по группамъ: много ли вошло новыхъ и много ли осталось прежнихъ гласныхъ? Какъ и слѣдовало ожидать, разныя группы представляютъ разныя явленія: въ однихъ больше движенія, переменъ, въ другихъ преобладаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ консерватизмъ.

Титулованный классъ выражаетъ нѣкоторое безразличіе: шестеро остались отъ прежнихъ выборовъ и шестеро же вошли вновь. То же и съ военными генералами.

Гражданскіе чины первыхъ пяти классовъ въ немалой цифрѣ 44-хъ, занявъ думскія мѣста въ 1873 году, въ большомъ числѣ сохранили довѣріе избирателей: 32 изъ нихъ остались сидѣть на скамьяхъ городского самоуправленія, и только 8 дѣйств. статскихъ совѣтниковъ и 4 статскихъ совѣтника вступили вновь.

Неменьшую такъ-сказать стойкость проявили купцы второй гиль-

дін, и особенно мѣщане. Первые въ счетѣ своихъ 53-хъ считаютъ 36 прежнихъ, оправдавшихъ довѣріе, а изъ 15 мѣщанъ избиратели „убѣдительно упросили“ 12 по-прежнему представлять городскіе интересы и только троицъ выбрали вновь. Боле крупное купечество, очевидно, нѣсколько меньше держится за курульскія кресла: изъ 45-ти лицъ только 29 были гласными и по прежнимъ выборамъ.

Совсѣмъ другое дѣло — мелочичиновная, особенно гражданская братія. Очевидно, тутъ происходила сильная выборная агитація; — мало ли есть въ думскихъ комитетахъ и комиссіяхъ разныхъ мѣстечекъ, на которыхъ можно приносить пользу! Или, быть можетъ, на выборныхъ собраніяхъ избиратели ужъ такъ устали, что клали шары зря, инымъ секретарямъ и регистраторамъ не за что иное, какъ за доблесть ихъ гражданскую, а другимъ за то, что не погнушались взять промысловыя свидѣтельства и заплатить два рубля, чтобы попасть въ думу. Какъ бы то ни было, но къ 15-ти оставшимся прежнимъ чиновникамъ прибыло 22 новыхъ. Удержатся ли какъ тѣ, такъ и другіе при будущихъ выборахъ, — того ни кому не дано знать; быть можетъ, они падутъ предъ новыми ревнителями пользы общественной...

Но пальма первенства въ этой ревности принадлежитъ безспорно архитекторамъ и инженерамъ. Ихъ, какъ сказано, 21 въ числѣ гласныхъ, — и изъ этихъ 21-го только пятеро отъ прежнихъ выборовъ: остальные 16 всѣ новые, со свѣжими силами. Это отрадно; городъ украсится отличными общественными сооружениями, прекраснѣйшими мостовыми, чудесной канализаціей, подешевѣютъ квартиры. Но три года прошли уже, и всѣмъ имъ до слѣдующихъ выборовъ остается служить лишь одинъ годъ.

Что представляетъ составъ гласныхъ со стороны тѣхъ трехъ разрядовъ, къ которымъ они принадлежатъ по избирательнымъ спискамъ, т.-е. со стороны ихъ имущественной представительности?

Въ этомъ отношеніи цифра 84, или третья часть всего комплекта гласныхъ, на каждый разрядъ, вовсе исчезаетъ подъ влияніемъ той статьи городского положенія, которая даетъ возможность выбирать представителя и не изъ своихъ одноразрядниковъ. Люди богатые довольно усердно уклоняются отъ службы въ званіи гласныхъ. Свои ли дѣла въ избытѣ, или равнодушіе къ дѣлу общественному, — но большинство перворазрядныхъ выборныхъ не вступило въ думу. На ихъ долю выпадаетъ всего 32 гласныхъ, вмѣсто 84-хъ. И второй разрядъ далъ лишь около 70. Затѣмъ, неизбѣжно третій разрядъ несетъ на себѣ недоборъ своихъ болѣе богатыхъ собратьевъ, и онъ выставилъ поэтому 60 процентовъ всего думскаго состава, т.-е. около 150-ти гласныхъ.

Таимъ образомъ 32—70—150,—вотъ прогрессія, въ которой по мѣрѣ уменьшенія личнаго достатка каждаго обывателя увеличивается ихъ число въ думѣ, а съ ними и сила вліянія на дѣла города. Здѣсь уже не то, что въ избирательныхъ собраніяхъ: тамъ, чѣмъ состоятельнѣе избиратель, чѣмъ выше разрядъ его, тѣмъ голосъ его сильнѣе; здѣсь, напротивъ, въ думской залѣ уже всѣ равны. Поэтому избиратели третьяго разряда вершатъ дѣла, и притомъ вершатъ подавляющимъ большинствомъ.

Въ этомъ, разумѣется, особенной бѣды не было бы ни для кого, кромя развѣ самаго принципа имущественнаго ценза, лежащаго во главѣ угла. Въ третьемъ разрядѣ есть довольно владѣльцевъ недвижимости, людей если не богатыхъ, то обеспеченныхъ. Они же принадлежатъ въ большемъ числѣ и къ привилегированнымъ классамъ; имъ и книги въ руки.

Такъ, но не совсѣмъ такъ. Одно названіе домовладѣльца не есть еще аттестатъ на достаточность, на обеспеченность и затѣмъ на независимость и самостоятельность. Немало есть домовъ въ разныхъ Колтовскихъ, Гавани и прочихъ мѣстахъ, столь и не столь отдаленныхъ, гдѣ едва ли есть большая разница между обиталищемъ владѣльца и диогеновой бочкой. Но и сами владѣльцы такъ же далеки тамъ отъ современнаго человѣка, какъ и отъ этого циническаго философа. Иной и руку не прочь протянуть. Весь вопросъ поэтому въ мѣрѣ обеспеченности.

Но что считать состояніемъ или доходомъ обеспечивающимъ, т. е. дающимъ возможность дѣйствовать по крайнему разумію и убѣжденію, „безъ зрѣнія на лица“ и тѣмъ болѣе безъ внимательнаго уха ко вслѣдственнымъ искушеніямъ? Этотъ вопросъ на столько сложенъ, что даетъ чуть ли не столько же рѣшеній, сколько отдѣльныхъ субъектовъ ему подлечь, и мы, разумѣется, не задаемся цѣлію его разрѣшать. Приблизительно же можно предположить, что тысячи 4—5 есть для Петербурга необходимая норма расходовъ образованнаго человѣка съ умѣренными привычками, съ семействомъ средней величины. Помнится, одна изъ комиссій рассчитала, что при самыхъ скромныхъ требованіяхъ молодого холостого человѣка, жизнь его здѣсь обойдется не менѣе 1,200—1,500 р. Но „средняго“ гласнаго должно представлять себѣ не иначе какъ семейнымъ: указанный закономъ возрастъ (не менѣе 25 лѣтъ) говорить въ пользу этого соображенія. Поэтому первая изъ нашихъ цифръ окажется вовсе непреувеличенной.

Принявъ такую норму необходимаго годового дохода, увидимъ, что недвижимое имущество нашихъ третьеразрядныхъ гласныхъ даетъ ее лишь въ немногихъ случаяхъ. Высшій размѣръ ихъ платѣ-

шей—382 р.; при томъ что оцѣночный оборъ въ пользу города составляетъ 8% чистаго дохода,—этотъ платежъ соответствуетъ годовому доходу въ 4,700, много 5,000 р. При 300 р. налога онъ не превышаетъ 3½—4 тысячъ. Въ этикъ слѣдовательно предѣлахъ третьяго разряда только и есть достаточная обезпеченность отъ недвижимости, и такихъ гласныхъ по избирательному списку мы насчитали 17. Остальные 133 гласные, или во крайней мѣрѣ привлеченные изъ нихъ, въ числѣ до 60, принадлежатъ въ постороннихъ источникахъ дохода даже и для той скромной жизни, которую выше мы приняли въ основаніе расчета. Прочіе, торговое сословіе, какому въ этомъ отношеніи учету подлежать не могутъ.

На это мы ждемъ немедленнаго возраженія въ томъ смыслѣ, что, кромѣ домовъ, дающихъ небольшой сравнительно доходъ, эти господа имѣютъ другія средства, которыми и пополняютъ свой бюджетъ. Безъ сомнѣнія, скажемъ и мы; но въ такомъ случаѣ, краугольный принципъ—владѣніе недвижимостію, допущеніе или недопущеніе къ выборамъ и въ гласные только на основаніи этого владѣнія (не говоря о торговцахъ)—теряетъ почву. Являются посторонніе элементы, въ родѣ обладанія капиталомъ, дающихъ проценты, въ родѣ, службы оплачиваемой жалованьемъ, въ родѣ личнаго труда, сопряженнаго съ заработкомъ и т. п. Но есть множество людей, которые совмѣщаютъ въ себѣ эти послѣдніе элементы,—однако же доступна къ городскимъ дѣламъ они не имѣютъ. Владѣніе небольшою недвижимостію является поэтому только „pro forma“, нѣкоторою натяжкой, сдѣлкой съ канцелярскою совѣстью и въ сущности имѣетъ немного большаго значенія какъ заручка промышленнымъ свидѣтельствомъ за два рубля, для того только чтобы попасть въ гласные.

Повторяемъ, весьма многіе гласные третьяго разряда, и, слѣдовательно, многіе, даже половина всего думскаго состава, не обезпечены въ средствахъ жизни тѣмъ имуществомъ, которое даетъ имъ доступъ въ думу. Это не отнимаетъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ личныхъ ихъ достоинствъ, болѣе или менѣе высокихъ. Доказательство на лицо, между прочимъ, въ томъ, что почти весь нынѣшній составъ городской управы, начиная съ головы и его товарища, принадлежитъ къ третьему разряду. Тѣмъ не менѣе многіе изъ гласныхъ этого разряда, не имѣя довольно отъ своихъ недвижимостей и заботясь объ увеличеніи средствъ, видятъ и въ думской дѣятельности источникъ для ихъ приобрѣтенія. Было бы несправедливо, разумѣется, утверждать, что всѣ они поэтому будутъ неустойчивы въ нравственныхъ правилахъ, будутъ по произволу наклонять думскіе вѣсы туда, куда имъ выгодно. Но въ отношеніи къ нѣкоторымъ, а быть можетъ и многимъ, отвергать эту возможность было бы также едва ли справед-

ливо. — Что же будетъ еще, если къ малому знуществу, съ одной стороны, присоединится и малая образованность съ другой. Эти малые величины составляютъ такую факторы, которые, говоря языкомъ математикъ, въ произведеніи дадутъ величину еще меньшую, и во всякомъ случаѣ вовсе не то, чего ожидалъ законодатель. Въ числѣ третьеразрядныхъ гласныхъ почти половина вносятъ городу меньше 100 рублей. Изъ нихъ 37 чел. владѣютъ скромною собственностію отъ 15 до 3-хъ тысячъ руб., и 37 платятъ городу 16 рублей и меньше. Кто такіе эти послѣдніе? Они составляютъ болѣе 14 процентовъ всего числа гласныхъ, и перемѣщеніе ихъ въ ту или другую сторону должно имѣть бесспорное вліяніе на рѣшенія, особенно при обычной малодѣятельности думскихъ засѣданій. Они, а именно: 19 купцовъ второй гильдіи, со взносомъ 16 руб., 6 домовладѣльцевъ, платящихъ отъ 15 до 4-хъ руб., 10 лицъ, преимущественно мѣщанъ, вносящихъ по 2 рубля, и 2 ремесленника съ рублевыми платежами. Если вы возмущаете на себя трудъ осмыслить, что платятъ эти граждане въ городскую казну, то окажется, что они, всѣ 37 лицъ вмѣстѣ, выплачиваютъ не болѣе 365 рублей! Если же припомнить и ихъ интеллектуальный цвѣтъ, то окажется, что необразованность въ нихъ думѣ, за свои 365 руб. въ годъ, почти всегда можетъ повернуть всякое дѣло въ любую сторону. Кроме этой немалой бравя есть и изъ прочіихъ явлений не мало такихъ, — кто же этого не знаетъ? — которые вполнѣ солидарны съ ней во взглядахъ и стремленіяхъ, и слѣдуетъ, какъ дѣй малые воды, по образному.

Что же въ итогѣ? Гласныхъ, вполнѣ обезпеченныхъ и потому самостоятельныхъ, въ думѣ немного. Многие изъ нихъ принадлежатъ къ купечеству. Изъ остальныхъ — часть составляютъ люди, получающіе свои средства лишь въ некоторой мѣрѣ отъ купечества, которое было для нихъ ступенью въ думу; они пополняютъ ихъ изъ другихъ независимыхъ отъ того источниковъ. Наконецъ, всѣ прочіе, не многочисленные, вовсе необезпечены, и, засѣдая въ думѣ, добываютъ себѣ средства службой, торговлей, промышленью, изъ дня въ день. Дебелая доля думскихъ дѣятелей не имѣетъ вовсе образованія.

Есть и еще одна сторона, не заданная нѣмъ цифръ, но тѣмъ не менѣе очевидная. Думскіе члены, такъ или иначе образованные, чувствуютъ послѣдствія, заинтересованы въ томъ или другомъ случаѣ, сейчасъ начинаютъ дѣлаться, играть въ карты, и напоминать собою лобби, муку и рака. Противная сторона, купеческо-мѣщанская, составляетъ съ ними рѣзкій контрастъ: она слита въ одну глыбу, стоитъ какъ одинъ человекъ, строго дисциплинирована и, не мудряствуя лукаво, безъ рѣчей и прений, бескомпромиссно, но неуклонно выполняетъ приказаніе своего наиболѣе: кладь направо — и кладетъ,

прокатывай на вороньяхъ—и прокатывается. Здѣсь не похотѣли бытѣ ножки, не разбрасываются цѣны, здѣсь виднѣтъ „свое дѣло“,—и почтенная стойкость и выдержка берутъ вертъ надъ безалаберной полуобразованностью. Въ тому же, изъ этой послѣдней, какъ сказано, не малая доля „себѣ на умѣ“,—является поддерживать сторону провинциальную, не заботясь о взглядахъ и убѣжденіяхъ, или и вовсе ихъ не имѣя.

Не ясно ли, почему наши общественныя дѣла идутъ такъ, какъ они идутъ?..

Въ виду такого положенія дѣлъ, сократить которое во всей неприкосновенности едва ли можно быть желательнымъ;—не лишне взглянуть еще на то, какія побужденія руководили при насамодѣйствіи тѣхъ безъ сомнѣній хорошихъ обшчествъ, изъ которыхъ выросло однако такое мало-плодотворное дерево? Отвѣты найдутся въ тѣхъ мотивахъ и соображеніяхъ, которыми сопровождалось составленіе городского положенія, и которыя дѣйствительно могли быть превосходны.

Извѣстно, что двѣ заведенія земскихъ учреждений наши сословія были рѣзко обособлены и замкнуты. И въ петербургскую городскую думу, несимную названіе общей, гласные избирались изъ пяти сословій: дворянскаго потомственнаго, дворянскаго интима, въ которому были присоединены и почетные граждане, купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго. Каждое было отдѣльно: „жидовъ самарянамъ“ не соприкасались. Дворяне потомственные даже не вносились въ городскую обывательскую книгу, которая, по выраженію одного извѣстнаго въ свое время господина, предназначалась для „средняго рода людей“.

Но съ изданіемъ земскаго положенія условія намѣнились рѣзко: въ основу положено было исключительное муниципальное представительство, и „средняго рода“ человѣку предоставлено сидѣть рядомъ съ мундиромъ. Впрочемъ, сословность оставилась еще въ томъ, что гласные избирались по прежнему по сословіямъ.

Городовое положеніе сдѣлало еще шагъ впередъ въ этомъ направленіи: члены думы берутся изъ избирателей, для офннки которыхъ поставленъ единственный критерій—размѣръ платимыхъ городу сборовъ. Составители положенія задавались, вѣроятно, такими вопросами: въ чемъ главнѣйшій предметъ дѣятельности городскихъ думъ?—и отвѣчали: въ городскомъ благоустройствѣ.—Что нужно для поддержанія и развитія этой дѣятельности?—Материальныя средства. —Изъ чего они состоятъ?—Преимущественно изъ недвижимостей, платимыхъ жителями: съ ихъ недвижимостей, съ торговъ и промысловъ. —Слѣдовательно, —владѣльцы недвижимостей и содержатели

торговцев и промышленных заведений явились во главѣ избирательныхъ собраній. Они признаны „непосредственно связанными съ интересами и благосостояніемъ избраннаго ими для жителяства или для постоянной торговли мѣста“.

Но кромѣ этихъ, такъ сказать, первѣйшихъ, оказались еще, — какъ мы видѣли — чуть не десятки тысячъ мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ. Какъ они явились? — Въ силу того же принципа: платимъ съ торговли и промысловъ. Но въ отношеніи къ нимъ позволимъ себѣ выписать мотивы составителей in extenso:

„Что касается остальныхъ вѣтѣй торговцевъ и промышленниковъ, которые по условіямъ ихъ промысла составляютъ населеніе болѣе или менѣе подвижное, то, въ устраненіе возможности предоставленія права голоса на выборахъ такимъ лицамъ, кои или только-что успѣли взять установленные торговые документы въ городѣ, или давно оставили оный, и кои, въ томъ и другомъ случаѣ, не могутъ считаться достаточно связанными съ интересами и дѣятельностію даннаго городского населенія, — признано наиболѣе осторожнымъ помѣстить въ положеніи ограниченіе, въ силу котораго лица подобнаго рода могутъ быть равноправными въ составѣ избирательныхъ собраній при условіи проживанія ими въ городѣ и уплаты въ пользу оного повинностей не менѣе двухъ лѣтъ предъ выборами. Ограниченіе сіе представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что, при отсутствіи оного, пришлось бы допустить до заведыванія общественными дѣлами такихъ изъ торговцевъ, которые, сохраняя права своего состоянія (напримѣръ, торгующіе по купеческимъ свидѣтельствамъ крестьяне), выражаютъ связь свою съ городомъ тѣмъ лишь, что разъ или два въ годъ приблудутъ туда для прибрѣтенія нужныхъ, на предметъ производства торговли въ уѣздѣ, документовъ. Со введеніемъ же этихъ лицъ въ составъ городскихъ избирательныхъ собраній могло бы быть одно изъ двухъ: или они подавали бы свой голосъ на выборахъ въ гласные въ пользу тѣхъ изъ жителей города, которыхъ мало или вовсе не знаютъ, или же, получивъ, до известной степени, способъ вліять на направленіе выборовъ, стали бы дѣйствовать корпоративно, въ собственныхъ своихъ видахъ, посредствомъ выбора гласныхъ изъ среди себя. Въ первомъ случаѣ, участіе означенныхъ лицъ не только не принесло бы пользы, но, напротивъ, имѣло бы ту важную невыгоду, что избранными въ званіи гласныхъ могли бы оказаться такіе обыватели, которые ибсолютно населеніемъ никогда бы не были удостоены избранія; въ послѣднемъ — вліяніе означенныхъ лицъ направлялось бы прямо къ умаленію интересовъ постоянного населенія, къ ослабленію той нравственной и экономической связи, которая должна лежать въ основѣ всякой правильно организованной общинной единицы. Но

подобныя неблагопріятныя послѣдствія могли бы получиться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно широкаго размѣра, и именно тамъ, гдѣ торговля сосредоточивается по преимуществу въ значительныхъ селахъ, гдѣ составъ собственно городского купечества невеликъ, и гдѣ, слѣдовательно, преобладаніе оставалось бы не за оными послѣдними въ сравненіи съ сторонними торговцами¹⁾.

Ограничимся пока этой вышесказанной. Прежде всего нельзя не видѣть, что составители, писавшіе 10 лѣтъ назадъ городское положеніе, хотя отрѣшались въ принципѣ отъ прежнихъ сословныхъ воззрѣній, на дѣлѣ однако проговаривались въ старинномъ смыслѣ, и въ концѣ-концовъ сводили къ тому, что въ городѣ есть только купечество да мѣщанство, и объ интересахъ, о представительствѣ ихъ интересовъ только и заботились. Положимъ, въ примѣненіи къ какому-нибудь Запаверску—это и такъ; но видѣ городскому положенію назначалось дѣйствовать по всей Руси. Въ ней, кромѣ столицъ да Одессы, есть города съ пятидесяти и со стотысячнымъ населеніемъ, есть города университетскіе, есть крупныя административныя центры; вездѣ въ этихъ городахъ не одно же купечество да приходящіе изъ уѣзда торговцы.

Однако не только въ нихъ, но и въ Петербургъ и въ Москвѣ городское положеніе примѣнялось одинаково, т.-е. безъ измѣненій въ смыслѣ избирательныхъ правъ. Къ удивленію, вѣрство петербургскій городской голова и другіе засмѣри не нашли въ себѣ никакихъ доводовъ довольно убѣдительныхъ для того, чтобы провести различіе между первою столицею и послѣднимъ городишкомъ—тою же деревнею. Вышла та аномалія, что въ Петербургѣ также не увидѣли никого большаго, кромѣ городского купечества и приходящихъ изъ уѣзда торговцовъ...

По странной, даже злой въ нѣкоторомъ родѣ насильскій судьбы, тѣ вредныя случайности, которыя авторы положенія съ такою точной заботливостію отстраняли вообще отъ городовъ, даже маленькихъ, обрушились всею своею тяжестью на первѣйшіе изъ нихъ.

Надо—говорили они—чтобы къ городскому управленію привлечены были люди, непосредственно связаные съ интересами и благосостояніемъ избраннаго ими мѣста жительства.—А на дѣлѣ вышло, что въ избирательныхъ урнѣхъ Петербурга является именно *большинство* людей, не имѣющихъ съ этими интересами и съ этими благосостояніемъ никакой связи. Они, правда, не приходятъ изъ уѣзда; не разныя концы столицы, не стоятъ ли, не знакомству людей между собою, дажно невелики были губерніи?

¹⁾ Городское положеніе съ разясненіями и дополненіями. 1873 г., стр. 22—23.

Къ этому дѣлу—говорили дальше—нѣбось въ виду привлечь людей наиболѣе платящихъ въ пользу города,—а въ числѣ стоящихъ избирателей является огромное тѣмъ, что платить рубль, много два въ годъ.

Необходимо, чтобы до закрыванія общественными дѣлами не были допущены люди, которые связаны съ городомъ только явкой въ полгода разъ за выпиской торговыхъ документовъ. Не поэтому ли въ административныхъ избирателяхъ нѣтъ цѣлая тропка?

Если ихъ ввести въ составъ городскихъ избирательныхъ собраний, то они подадутъ голоса въ пользу тѣхъ, чего мало или вовсе не знаютъ. И наши гласные много ничего не знаютъ, выставляютъ двѣ тысячи кандидатовъ, которыхъ баллотировать охуждено, и не могутъ выбрать и половины гласныхъ безъ громадныхъ перебаллотировокъ. Или же они откажутся дѣйствовать корпоративно, въ собственныхъ видахъ...—Точно, точно какъ двѣ капли воды: именно все это у насъ и предѣлывается.

Дѣла, писанія приведенные мотивы, снали къ некоторой необычайную фотопрографию будущего, фотопрографию съ того, что существуютъ десять лѣтъ спустя. Только получился какой-то своеобразный негативъ: что они уничтожали, затуповывали, то имело и вышло наиболѣе рельефно.

Нельзя не признать, что во всемъ вышеприведенномъ изложеніи проходитъ взглядъ, отрѣшенный отъ дѣйствительной жизни, и что эта послѣдняя въ теченіе ряда лѣтъ съ безпощадной жесткостью доказала всю его несостоятельность. Имущественное—исключительно имущественное—представительство положено въ основу. Но въ развитіи принципа оказалась въ представительствѣ только малая часть дѣйствительнаго имущества, какая-то случайная выдержка изъ всего того, что составляетъ въ городѣ имущество и что, по принципу, имѣетъ право участія въ этомъ представительствѣ. Помани въ стѣгъ дома; но громадное „содержимое“ этихъ домовъ, дѣлимое безъ сомнѣнія въ многіе милліоны, всѣ громадные капиталы, которые, обращаясь въ столицѣ, не могутъ не оставлять на ней слѣда болѣе или менѣе глубокаго, всѣ многочисленныя милліоны, проживающіе въ ней восьмисотъ-тысячнымъ населеніемъ,—отъ нихъ тоже остается городу все-что, болѣе или менѣе существенное,—все это усомнилось при разработкѣ положенія на основѣ „недѣлительно-имущественной“. Между тѣмъ, попали какіе-то владѣльцы такихъ имуществъ, которыми вся дѣла грошъ, попали въ подавляющей массѣ разныя навозчики, разносчики и торговни, ведущіе коммерцію изъ-за хлѣба на квась.

Но даже если держаться намѣченной дорожки—прямыхъ плате-

шой въ думу, то надо было идти по ней дальше, а не останавливаться на полпути. Если торговецъ-промышленникъ съ платежемъ рубля-двухъ считается представителемъ имущества,—то почему, напримѣръ, не считается таковымъ плательщикъ адреснаго сбора, который, какъ извѣстно, доходитъ даже свыше 7-ми рублей съ лица, и даетъ городу 300 или 400 тысячъ рублей, тогда какъ сборъ съ промысловыхъ свидѣтельствъ даетъ всего тысячъ 12—15. Идя послѣдовательно, отчего не считаются представителями плательщики и промисловнаго сбора, вносящіе каждый разъ, при переездѣ вида, при переѣздѣ на квартиру, 15 даже 40 копѣекъ, что въ теченіи года составляетъ, разумѣется, не меньше того рубля, за который теперь тысячи торговцевъ считаются думскими избирателями и тому подобное. Мы уже не касаемся тѣхъ косвенныхъ платежей въ пользу города, въ которыхъ вынуждено большинство жителей домо-владѣльцами, поднимающими плату за каждую квартиру на столько, сколько прибавлено налога на весь многостажный домъ, торговцами, поднимающими цѣну на товаръ и потому, что на него большой спросъ, и потому, что спросу нѣтъ, и потому, что холодно, и потому, что тепло, и т. д.

Но возвратимся къ нашимъ „мотивамъ“. Приведенная выписка говорить о связи интересовъ, о нравственной и экономической связи въ сферахъ общинной единицы, о благосостояніи города, которое опять связано съ интересами обывателей, и о другихъ лицахъ того же порядка. Дѣло идетъ уже не о томъ только, чтобы заплатить въ городскую кассу рубль, но чтобы и хорошо употребить его на предметы, стоящіе повыше трактирной выручки и салоннаго верстака. Это требуетъ само по себѣ знаній, опытности, способностей; они нужны для тысячи городовъ русскихъ, и тѣмъ болѣе необходимы для столицы. Однако въ этомъ отношеніи никакихъ руководящихъ указаній, никакихъ опредѣленныхъ требованій. Образование, умственный цензъ, въ городскомъ положеніи не упоминаются. Быть можетъ, никакія такая указанія и требованія составители положенія и не находили нужными. По ихъ расчету, быть можетъ, умъ, знаніе, опытность, наука сами должны были войти въ лицъ народныхъ избранныхъ, этого дѣла городского населенія...

Да, казалось бы; но выше мы видѣли, какъ дѣлается наши гласные, и изъ этого возвращаться не будемъ. Просвѣщеніе и таланты не всегда идутъ рука объ руку съ домами, приносящими доходъ, и, разумѣется, они не торгуютъ съ лѣтками, а брать промысловыя свидѣтельства, не быть промышленникомъ (бываетъ и такъ!), не претить только тому, чьи мысли и заботы направлены не на общественное

благосостояніе, а на полученіе теплѣнаго иѣсточка или какаго-нибудь подрядка, хотя бы на очистку нечистотъ.

Будемъ, однако, справедливы. Если составители городского положенія и не ввели ни одной статьи, трагующей объ этомъ предметѣ, то еще не слѣдуетъ, чтобы они признавали образованіе пустяками и надоромъ въ городскіе дѣлахъ. Напротивъ, возблагодаримъ ихъ хотя за добрые помыслы; за дѣйствія благодарить не приходится, такъ какъ благія мысли ихъ не облекались въ законъ и не вылились въ форму положительнаго закона. Да и самыя сужденія-то о пользѣ просвѣщенія пріютились совсѣмъ не тамъ, гдѣ мы ихъ ищемъ. Въ данномъ случаѣ, просвѣщеніе разсматривалось не какъ источникъ права на голосъ, а какъ нѣкоторый полезный суррогатъ, который можно получить при новыхъ налогахъ въ будущемъ.

Дѣло въ томъ, что 135-я статья городского положенія представляетъ думамъ ходатайствовать о введеніи, въ пользу городовъ, сбора съ квартиръ или съ жилыхъ помѣщеній. Мотивированіе этой статьи отличается особенною полнотой и обстоятельностью, но мы не будемъ входить во всѣ его изгибы:—теперь рѣчь идетъ не о квартирномъ налогѣ. Отметимъ только одно изъ разсужденій, именно то, что наниматели квартиръ, пользуясь тѣми же удобствами жизни и тѣми же условіями общественнаго благосостоянія, какъ и всѣ мѣстные жители, не несутъ однако никакихъ налоговъ, а потому-де находятся въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ, чѣмъ домовладѣльцы, торговцы и промышленники. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не пожалѣть бѣдныхъ домовладѣльцевъ и кунцовъ, которыхъ всемірно притѣсняютъ наниматели и покупатели...

Но собственно въ отношеніи къ нашему дѣлу интересны слѣдующія строки:

„Установленіе у насъ квартирнаго налога имѣло бы существенное значеніе и въ другомъ отношеніи, а именно въ отношеніи обновленія состава городского общественнаго управленія новыми элементами.

„Нынѣшнее общественное устройство городовъ признается неудовлетворительнымъ оттого главнымъ образомъ, что въ составѣ общественнаго представительства не принимаютъ участія лица принадлежащіе къ образованнымъ классамъ населенія, и потому безъ прочнаго обезпеченія этого участія едва-ли возможно было бы считать преобразование городского управленія вполне совершившимся, какъ то сознаютъ и многіе изъ самихъ городскихъ обществъ.

„Казалось бы возможнымъ даже сказать; что уровень городского общественнаго устройства можетъ быть поднятъ подъ тѣмъ, и *едва ли не единственнымъ* во многихъ городахъ условіемъ, чтобы допущенъ былъ налогъ на наемныя жилыя помѣщенія, съ предоставленіемъ

квартирантамъ общихъ правъ по заведыванію городскими общественными дѣлами, и что обстоятельствомъ снѣтъ, *быть можетъ, обусловливается весь уставъ примѣненія настоящаго положенія*“.

Принятіе неожиданное, и настолько необычайное, что мы склонны видѣть въ немъ не иное что, какъ lapsus calami редактора. Введеніемъ образованныхъ людей обусловливается весь уснѣхъ реформы,—и, между тѣмъ, въ самомъ положеніи ни одной статьи, ни одного, можно сказать, намека на то, что составители нѣбли въ корни своихъ соображеній. Правда, этихъ соображеніямъ придана форма полусомнѣнія: „едва ли не“, „быть можетъ“,—но мы знаемъ изъ давнишнихъ правилъ грамматики, что такіе обороты нерѣдко употребляются не для ослабленія, а для усиленія смысла. Правда и то, что вставлена оговорка о „многихъ городахъ“, гдѣ условия успѣха примѣнимы: какъ-бы, слѣдовательно, рѣчь не о всѣхъ идетъ. Но вѣдь въ такихъ случаяхъ вообще отличаются осторожностью въ выраженіи категорическихъ нѣбій. А съ другой стороны, не бесспорно-ли, казалось бы, нашему Петербургу быть въ числѣ этихъ „многихъ“; однако то-ли говорили выше цѣлые ряды цифръ?

Если же приведенные отзывы о необходимости ввести образованныхъ людей въ думы не сорвались только съ пера, а содержатъ серьезную мысль, дѣйствительное желаніе,—то чѣмъ же онѣ выражены. Онѣ выражены, какъ сказано, статьей 135-й, которая *предоставляетъ думахъ ходатайствовать законодательнымъ порядкомъ о введеніи сбора съ квартиръ или жилыхъ помѣщеній*. И только. О правахъ на голосъ, приобретаемыхъ затѣмъ квартирантами,—ни малѣйшаго упоминанія. Не упоминается и въ другихъ мѣстахъ положенія. Лишь въ нѣбій государственнаго совѣта, которымъ это положеніе облекалось силою закона, „предоставлено“ министру внутреннихъ дѣлъ войти съ представленіемъ о правахъ плательщиковъ квартирнаго сбора на участіе въ общественныхъ дѣлахъ,—но не ранѣе, однако, того, какъ онъ будетъ въ городѣ уже установленъ.

Выходитъ, слѣдовательно, во-первыхъ, надо чтобы дума признала нужнымъ установить квартирный налогъ; во-вторыхъ, чтобы министр также призналъ нужнымъ внести проектъ закона о предоставленіи этимъ новымъ плательщикамъ права, принадлежащаго уже равноснѣкамъ.

Что же касается установленія по-квартирнаго налога по инициативѣ самой думы,—то вопросъ этотъ безъ сравненія еще сложнѣе. Сколько припомнимъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ шла рѣчь о введеніи этого налога въ размѣрѣ 4-хъ процентовъ съ наемной платы, съ тѣмъ чтобы имъ замѣнить сборы адресный, больничный и прописочный, и дѣло доходило до государственнаго совѣта. Однако послѣд-

ний его не утвердить, между прочимъ потому, что не находилъ справедливымъ упразднить сборъ на больницы, т.-е. освободить отъ всякаго участія въ составленіи средствъ на нихъ тотъ именно классъ, который ими непосредственно пользуется. Что было послѣ того, — мы не знаемъ.

Но главное: какъ ни много даетъ квартирный налогъ, особенно при такомъ крупномъ обложеніи (4⁰/₀, т.-е. со скромной квартиры въ 500 р. придется заплатить 20 руб.), — еще остается открытымъ вопросъ: пожелаютъ ли сами гласные думы принять его? Въ виду возможнаго затѣмъ допущенія новыхъ плательщиковъ къ выборамъ, — кто охотно наложитъ на себя руку? Многимъ не можетъ быть особенно желательно помогать ввести новыхъ людей, людей не только постороннихъ, но подѣ-часъ и враждебныхъ. Гласный квартирантъ, — это будетъ, изъ четырехъ разъ три, сильнѣйшая оппозиція и домовладѣльцу и купцу. Это два полюса; интересы ихъ прямо противоположны.

Все это, разумѣется, одни гаданія. Однако, въ теченіи семи почти лѣтъ, дума не нашла нужнымъ воспользоваться тѣмъ правомъ, которое предоставило ей городское положеніе. Она нуждается въ деньгахъ, проектировала даже налогъ на личный трудъ, — а своимъ законнымъ достояніемъ не пользуется.

Мы вовсе не имѣемъ въ виду высказываться ни за, ни противъ того или другого налога, — это не составляетъ цѣли настоящей статьи. Но привели послѣднія свѣдѣнія только для того, чтобы показать, что вопросу объ освѣженіи адмѣнцѣй думы новыми образованными силами, — что предусматривали съ упованіемъ составители городского положенія, — находится въ нѣкоемъ *seculis vicieux*, и едва ли разрѣшится удовлетворительно въ указанномъ направленіи. Дай Богъ намъ опиньтись, но... гласнымъ своя рубашка ближе къ тѣлу.

Такая пословица есть и у нѣмцевъ, но у нихъ она не совсѣмъ та: *Jedem ist sein Haut näher als sein Hemd*, т.-е. а кожа еще ближе рубашки. Это, на нашъ взглядъ, и сдѣлѣ, и вѣрнѣе. Своя кожа ближе; она даетъ возможность лучше осзать, лучше чувствовать, нежели рубашка, хотя бы и своя собственная. Поэтому, должно быть, въ нашемъ же остзейскомъ краѣ лучше почувствовали своей кожей, нежели мы своей рубашкой, что къ городскому дѣлу непрѣмѣнно нужно, такъ или иначе, приурочить образованность и науку. Остзейскіе горожане (замѣтите: сами, и гораздо скорѣе, чѣмъ наппи петербургскіе) не только это поняли, но и нашли пути какъ устроиться. Добрая воля скоро справилась съ недомолвками положенія: остзейцы обложили какимъ-то пустячнымъ налогомъ своихъ „литераторовъ“, — и дѣло было сдѣлано. Эти просвѣщенные люди, хотя не домовла-

дѣлами, и не купцы, не развостыки, оказались плательщиками прямого налога, а затѣмъ и прямыми участниками въ выборахъ и въ городскомъ самоуправленіи *).

Резюмируемъ же, въ двухъ словахъ, все сказанное, и этимъ закончимъ нашу очеркъ.

Дѣла петербургской думы, а съ ней и городского благоустройства, идутъ едва ли соотвѣтственно тѣмъ желаніямъ и ожиданіямъ, какія высказывались при введеніи новаго положенія.

Дѣятельность ея представляетъ неустойчивость, односторонность, медленность, иногда и полный застой.

Въ столицѣ нашей считается не меньше 800 тысячъ жителей; а участвовать въ выборѣ городскихъ дѣателей имѣютъ право только 20 тысячъ, т.-е. 2½ процента.

Говорятъ: это—представители имуществъ. Но половина ихъ—мелкіе промышленники и торговцы; репрезентуются они рублемъ-двумя платежа. Это ли имущество? И будто остальная громада 780 тысячъ совсѣмъ неимуществе?

Поглядѣть съ другой стороны на эти первенствующіе 20 тысячъ, и оказывается: *болѣе трехъ четвертей*—люди темные, безъ образованія.

И они-то выбираютъ заправителей всего городского дѣла. Какъ выбираютъ? Полная небрежность, невниманіе: является къ выборамъ какая-нибудь десятая часть, т.-е. 2—3 человека съ тысячи населенія. Эти единицы представляютъ собой весь городъ, т.-е. остальные 97½ процентовъ жителей,—точно эти въ самомъ дѣлѣ давали имъ на то право и полномочіе.

И эта случайная тысяча людей никого и ничего не знаетъ и наобумъ ставитъ цѣлыя двѣ тысячи кандидатовъ, изъ которыхъ выбираютъ на удачу 252-хъ гласныхъ.

Кладутся для этого миллионы шаровъ, избиратели сами себя блещутъ, изнемогая отъ шарокатанія, или просто бѣгутъ, за-долго до конца, къ себѣ въ лавку, въ трактиръ, къ своему дѣлу. Большинство гласныхъ является избраннымъ по волѣ даже не горсти, а какой-то щепотки избирателей.

*) Городовому положенію остзейскаго края у насъ была посвящена специальная статья (мартъ, 1877, стр. 387), какъ разъ наизусть окончательнаго его утвержденія. Было два проекта, одинъ—мѣстный, составленный въ интересахъ кружковъ, а другой—правительственный, обнимавшій общіе интересы всѣхъ горожанъ. Въ остзейскомъ край былъ утвержденъ именно послѣдній, который тамъ и дѣйствуетъ съ того времени. Впрочемъ, вопросъ о „литератахъ“ не иначе рѣшался и въ мѣстномъ проектѣ.—*Ред.*

Тѣмъ не менѣе дума составила. Не мало въ ней гласныхъ прежнихъ, пустившихъ корни. Но за то многіе—люди малодостаточные; у нихъ недвижимость — только ярлыкъ для входа въ думу; а живутъ они такими же, независимыми отъ этого ярлыка, доходами, какъ и масса людей изъ недопущенныхъ 780 тысячъ.

Почти половина гласныхъ принадлежитъ къ торговому, больше второстепенному и мелкому, люду. Эти граждане—дипломовъ за отличныя успѣхи въ наукахъ не имѣютъ, но держатся другъ за друга крѣпко, и потому представляютъ силу. Сила эта, когда захочетъ и когда ей нужно, даетъ себя знать, и побороть ее можно только напряженіемъ необычайнымъ.

Городовое положеніе основано на благихъ наміреніяхъ, но многія изъ формъ, въ которыя оно вылилось, дали на практикѣ обратное тому что ожидалось.

Предполагалось устранить элементы чуждые, также какъ и вредное ихъ вліяніе; а на дѣлѣ думу наводнили и укоренились въ ней именно *такіе* элементы,—равнодушные только „къ своимъ“ интересамъ, и вліяніе ихъ оказалось подавляющимъ.

Официально признавалось, что полезно и нужно, даже необходимо, открыть въ городскому управленію двери образованности и наукъ; а на самомъ дѣлѣ оно уперлось въ глухую стѣну эгонзма домохозяевъ и торгашей,—и эта стѣна сама едва ли падеть; на нее нѣтъ и трубъ іерихонскихъ...

Мудрено ли послѣ этого, если городскія дѣла у насъ идутъ плохо.

К. Орд.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Апрѣль, 1880.

I.

— *М. Ковалевскій. Англійская конституція и ея исторія. Москва, 1880.*

Заглавіе брошюры г. Ковалевскаго вызываетъ нѣкоторое надоразумѣніе: объ англійской конституціи писали многіе историки—кого именно изъ нихъ имѣетъ въ виду г. Ковалевскій? Оказывается, что изъ прежнихъ изслѣдователей англійской конституціонной исторіи или, по крайней мѣрѣ, средневѣкового ея періода, ни одинъ не заслуживаетъ названія историка, что оно принадлежитъ по праву только Оксфордскому профессору Стебсу, обширному труду котораго (доведенному до воцаренія Тюдоровъ, т.-е. до конца XV-го вѣка) посвящена брошюра г. Ковалевскаго. Чтобы доказать это положеніе, авторъ выставляетъ на видъ, съ одной стороны, недостатки Галлама и Гнейста, съ другой—достоинства Стебса. Сочиненіе Галлама богато оригинальными и глубокими мыслями, но о постепенномъ образованіи англійскихъ государственныхъ учрежденій онъ говоритъ лишь мимоходомъ; источники, которыми онъ пользовался, были сравнительно скудны, подготовительныя работы—малочисленны, общее состояніе исторической критики—неудовлетворительно, основное воззрѣніе Галлама, считавшаго національный духъ главнымъ двигателемъ развитія—ошибочно. Къ Гнейсту г. Ковалевскій относится гораздо строже, чѣмъ къ Галламу; онъ обвиняетъ нѣмецкаго публициста въ недостаточномъ знакомствѣ съ источниками, въ готовности набирать факты, откуда ни попало, въ безцеремонномъ обращеніи съ ними, когда это нужно для мотивированія его апріорныхъ построеній. Судебныя протоколы, помѣстныя описи, сборники жалованныхъ грамотъ, договорныя грамоты, народныя сатиры, историческія баллады—все это совершенно игнорируется Гнейстомъ. Связь между экономическимъ развитіемъ и поли-

тическимъ ростомъ англійской націи остается для него скрытой; англійская конституція — этотъ результатъ вѣковой борьбы аристократическихъ притязаній съ демократическими — является у него продуктомъ естественнаго, почти ничѣмъ непрерываемаго роста изъ тѣхъ сѣмянъ, которыя посѣяны были на англійской почвѣ германскимъ племенемъ англо-саксовъ. Въ королѣ и его чиновничествѣ Гнейстъ видитъ воплощеніе абсолютной справедливости; защитниковъ меньшинства противъ большинства онъ выставляетъ неукоснительными блюстителями равноправности и всеобщности. Онъ утверждаетъ вопреки несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ, что мировые судьи въ Англіи съ древнѣйшихъ временъ не выбирались народомъ, а назначались правительствомъ, и именно этимъ объясняетъ достоинства англійскаго мирового института. Въ противоположность Гнейсту, Стебсъ отличается прежде всего громадною начитанностью въ средне-вѣковыхъ памятникахъ письменности и права; изданіемъ многихъ изъ нихъ онъ началъ свою ученую дѣятельность. Съ знаніемъ источниковъ онъ соединяетъ критическое отношеніе къ нимъ. Его мнѣнія вполне опредѣленны, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне объективны. Читая его, можно подумать, что разнорѣчіе по обсуждаемымъ имъ вопросамъ просто немислимо — такъ ясно говорятъ сами за себя сгруппированные и освѣщенные имъ факты. Патріотъ въ душѣ, Стебсъ не преувеличиваетъ однако вліянія національнаго германскаго духа на развитіе англійскихъ учреждений; протестантскій священникъ, онъ вполне признаетъ заслуги католицизма. Одного только недостаетъ ему — художественнаго изложенія; его сочиненіе растянута и читается не безъ труда.

Переходя отъ этой общей характеристики Стебса къ указанію главныхъ вкладовъ, внесенныхъ его книгой въ историческую науку, г. Ковалевскій приходитъ къ результатамъ, не вполне соответствующимъ восторженному тону вступленія. Оказывается, что порядокъ, въ которомъ Стебсъ излагаетъ собранный имъ матеріалъ, положительно не можетъ быть одобренъ; что общественная исторія средне-вѣковой Англіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена Стебсомъ, едва ли въ состояніи объяснить многое въ политическомъ развитіи страны; что два важнѣйшіе фактора экономическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественнаго переворота, пережитаго Англіею въ XV-мъ вѣкѣ (замѣна прежнихъ формъ владѣнія арендованіемъ земель и земледѣльческаго хозяйства — луговымъ или пастбищнымъ), совершенно упущены изъ виду; что отдѣлъ, посвященный городамъ, вышелъ неопредѣленнымъ и блѣднымъ; что о дворянствѣ и рыцарствѣ Стебсъ не даетъ обстоятельныхъ свѣдѣній; что исторія крестьянскаго сословія и въ особенности уничтоженія крѣпостной зависимости

изложена недостаточно подробно; что движеніе Уотта Тейлора (Wat Tyler) представлено не въ надлежащемъ свѣтѣ. Лучшую часть труда Стебса составляетъ исторія англійскаго парламента, хотя большинство фактовъ, приводимыхъ въ этомъ отдѣлѣ сочиненія, не представляетъ интереса новизны; удачно также изложенъ ходъ развитія англійскаго самоуправленія, и хорошо объяснено происхожденіе въ Англіи феодализма. Исторія парламента проникнута у Стебса одною мыслью—что англійская свобода есть продуктъ вѣковой, многотрудной борьбы всѣхъ классовъ англійскаго общества противъ непрестанныхъ и воплѣ естественныхъ стремленій королей къ единоличному правленію. Это господство основной идеи—замѣчаетъ г. Ковалевскій—даетъ цѣльность изложенію, но сопряжено съ стремленіемъ подгонять историческіе факты подъ сложившуюся напередъ теорію. Такъ, на-примѣръ, войну Алой и Бѣлой Розы Стебсъ старается объяснить тѣмъ, что Ланкастерская династія была представительницей конституціонализма, династія Йорковъ—представительницей абсолютистскихъ тенденцій, между тѣмъ какъ по мнѣнію г. Ковалевскаго гораздо правильнѣе предположить, что Ланкастеры были защитниками аристократическихъ интересовъ, а Йорки—первыми провозвѣстниками демократической политики Тюдоровъ ¹⁾.

Если въ оцѣнкѣ сочиненія Стебса, сдѣланной г. Ковалевскимъ, не трудно подмѣтить внутреннее противорѣчіе, то едва ли можно согласиться вполне и съ отзывомъ его о Гнейстѣ. Нѣкоторыя положенія Стебса, причисляемыя г. Ковалевскимъ къ лучшимъ сторонамъ его книги, составляютъ, въ сущности, повтореніе взглядовъ, высказанныхъ Гнейстомъ или даже раньше его другими историками. Таково, на-примѣръ, мнѣніе Стебса объ англо-саксонскомъ *витенагемотѣ*, въ которомъ онъ видитъ не представительное, не народное собраніе, а собраніе лицъ, близкихъ къ королю, служащихъ при его дворѣ или при его войскѣ. Значеніе витенагемота понималось именно въ этомъ смыслѣ уже Гизо (Histoire des origines du gouvernement representatif en Europe, лекція четвертая и пятая). „Въ то время“,—говоритъ онъ,—„о представительствѣ не существовало еще и понятія... Въ витенагемотѣ послѣдняго періода англо-саксонской монархіи нѣтъ ни одного изъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ позже сложилась палата общинъ; мы не видимъ въ немъ депутатовъ ни отъ городовъ,

¹⁾ Весьма любопытно то обстоятельство, что Ричардъ III-й, при имени котораго въ воображеніи большинства возстаетъ только колоссальная мексингемская фигура коронованнаго злодѣя, пытался устранить цѣлый рядъ золъ, отъ которыхъ страдали низшіе классы народа, на-пр. огораживаніе общинныхъ полей и обращеніе ихъ въ пастбища. Неправидный аристократіей, онъ пользовался популярностью въ средѣ народа.

ни отъ графствъ. Онъ состоитъ только изъ крупныхъ собственниковъ, изъ лицъ, имѣющихъ власть въ государствахъ" ¹⁾). Въ этому взгляду на витенагемотъ примыкаетъ и гнейстовская школа ²⁾, не менѣе рѣшительно, чѣмъ Стебсъ или г. Ковалевскій, отвергающая фибцію Монтескьё о происхожденіи англійской свободы изъ первобытныхъ лѣсовъ Германіи. Какъ и новѣйшіе изслѣдователи, она признаетъ, что первыя основанія феодализма были положены въ Англіи еще до норманскаго завоеванія. Самъ г. Ковалевскій допускаетъ, что по вопросу объ образованіи англійскаго парламента изъ феодальной куріи или совѣта короля Стебсъ усвоилъ себѣ мысль Гнейста, подкрѣпивъ ее только новыми доказательствами. Не явствуетъ ли изъ всего этого, что можно признавать заслуги Стебса, не отрицая и не умаляя заслугъ Гнейста? Правда, большимъ безпристрастіемъ Гнейстъ не отличается; онъ принадлежитъ въ той школѣ нѣмецкихъ ученыхъ, которые, вступивъ въ жизнь въ эпоху полнѣйшаго политическаго безсилія и разьединенія Германіи, сдѣлались именно потому приверженцами силы и единства и внесли свои симпатіи, свои надежды въ изученіе прошедшаго, въ оцѣнку общественнаго склада и государственныхъ учрежденій. Отсюда односторонность, иногда ошибочность выводовъ, къ которымъ приходитъ Гнейстъ; но отъ односторонности не свободенъ вѣдь и Стебсъ, увлекающійся только въ другую сторону, чѣмъ нѣмецкій ученый. Политической дѣятельности Гнейста за послѣднее время мы сочувствуемъ столь же мало, какъ и многимъ его идеаламъ; но справедливо ли приводить ее какъ аргументъ противъ прежнихъ научныхъ трудовъ его, справедливо ли забывать изъ-за нея о почетной роли, которую игралъ Гнейстъ въ эпоху многолѣтней борьбы между министерствомъ Висмарка и прусской палатой депутатовъ?

Въ началѣ разбираемой нами брошюры, г. Ковалевскій излагаетъ личное мнѣніе свое о нѣкоторыхъ сторонахъ англійской конституціонной исторіи. Говоря объ участіи англійской аристократіи въ призвѣ средняго сословія къ политической жизни, авторъ объясняетъ его не прозорливостью и не тактомъ аристократіи, а просто ея интересами. „Представимъ себѣ“,—говоритъ онъ,—„такой порядокъ вещей, при которомъ собственникъ земли извлекаетъ весь доходъ съ нея въ

¹⁾ Г-тъ Ковалевскій, какъ и Гизо, различаютъ нодѣйшій витенагемотъ отъ болѣе ранняго и находятъ, что нполнѣ устранившимся отъ участія въ этомъ собраніи народъ является въ концу англо-саксонскаго періода.

²⁾ Для общаго знакомства съ взглядами Гнейста на главнѣйшіе вопросы англійской конституціонной исторіи хорошимъ источникомъ можетъ служить статья профессора Ноордена: „Zur Literatur und Geschichte des englischen Selfgovernmenta“, напечатанная въ XIII-мъ томѣ зибелевской „Historische Zeitschrift“.

формѣ ежегодно выплачиваемой натуральной или денежной ренты, при которомъ, въ силу владѣнія землею на зависимыхъ отношеніяхъ, большая часть населенія государства связана постоянными обязательствами по отношенію къ небольшому числу собственниковъ — и мы необходимо должны будемъ допустить, что все способное затронуть интересы второстепенныхъ вассаловъ отражалось рано или поздно въ томъ же направленіи и на интересахъ ихъ сюзереновъ. Отсюда ясно, что гарантировать этихъ подвассаловъ отъ чиновничьяго благоусмотрѣнія, дать имъ право изъяслять или не изъяслять согласие на обложеніе правительственными платежами и контролировать употребленіе дарованныхъ ими суммъ было столько же въ интересахъ средняго сословія, сколько и въ интересахъ высшей аристократіи, въ экономической зависимости отъ которой жило среднее сословіе¹⁾. Сочраженія эти не отличаются большой убѣдительною силой. Оградить своихъ подвассаловъ отъ злоупотребленій, насколько это было необходимо для исправнаго отбыванія ими феодальныхъ платежей и повинностей, аристократія могла съ помощью вліянія и власти, ей самой принадлежащихъ; съ этой точки зрѣнія ей не было никакой надобности заботиться о расширеніи правъ подвассаловъ—расширеніи, которое легко могло обратиться въ ущербъ ея собственнымъ правамъ. Экономическая зависимость значительной части средняго сословія отъ аристократіи долго существовала и на континентѣ—однако, континентальная аристократія не хлопотала о предоставленіи своимъ подвассаламъ тѣхъ или другихъ политическихъ правъ. Мнѣніе гнейстовской школы, объясняющей заступничество англійской аристократіи за массу свободнаго населенія нивелирующею политикою первыхъ норманскихъ королей, и вмѣстѣ съ тѣмъ выставляющей на видъ существенную разницу въ мѣрѣ заботливости возставшихъ бароновъ о своихъ и о чужихъ правахъ, кажется намъ болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ взглядъ г. Ковалевскаго. Чѣмъ сильнѣе была королевская власть въ Англіи, тѣмъ больше аристократы нуждались въ посторонней поддержкѣ; обращеніе ихъ къ городамъ и графствамъ имѣло скорѣе политическую, чѣмъ экономическую подкладку.

Недостаточно доказаннымъ кажется намъ, далѣе, мнѣніе г. Ковалевскаго объ одной изъ причинъ, помѣшавшихъ въ Англіи переходу отъ сословной монархіи ¹⁾ къ абсолютной. Англійскіе города гораздо менѣе континентальныхъ принимали участіе въ движеніи противъ феодальнаго строя, ознаменовавшемъ въ западной Европѣ

¹⁾ Такъ какъ учрежденія, ограничивавшія въ средніе вѣка монархическую власть, не могутъ быть названы представительными, то для отличія ограниченной такимъ образомъ монархіи отъ позднѣйшей, неограниченной, г. Ковалевскій называетъ ее *сословною*.

вторую половину XIV-го вѣка (Жакри и Э. Марсель во Франціи, Артевальды во Фландріи, Уоттъ Тейлоръ, въ Англіи). Объясняется это тѣмъ, что они съ одной стороны были болѣе зависимы отъ аристократіи, съ другой—сохраняли въ своей средѣ большую гражданскую равноправность. Въ концѣ XIV-го вѣка городское землевладѣніе въ большинствѣ англійскихъ бурговъ было землевладѣніемъ зависимымъ, ничѣмъ въ сущности не отличающимся отъ обычнаго держанія дворянскихъ земель свободными землевладѣльцами,—а стремленіе гильдій захватить въ свои руки всю политическую власть надъ городомъ не выходило еще изъ области болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ. „При такихъ условіяхъ“, говоритъ г. Ковалевскій, „неудивительно, если, несмотря на однообразное подавленіе въ Англіи и Франціи эмансипаціонныхъ движеній совокупными усиліями королевской власти и феодальной аристократіи, несмотря на восстановленіе силою оружія средневѣкового сословнаго строя, послѣдствія, къ которымъ ведетъ эта побѣда въ обѣихъ сосѣднихъ странахъ, являются исполнѣ различными. Во Франціи города и послѣ подавленія возстанія остаются сильными противовѣсами феодализму, въ которыхъ король ищетъ опоры противъ политическихъ притязаній дворянства; въ Англіи города неизмѣнно стоятъ на сторонѣ феодальной аристократіи. Во Франціи дворянство остается замкнутымъ классомъ, въ Англіи ряды его постоянно пополняются выдающимися членами средняго сословія“. Не отвергая фактовъ, приводимыхъ г. Ковалевскимъ, мы сомнѣваемся только въ выводѣ, который онъ изъ нихъ дѣлаетъ. Еслибы возстанія XIV-го вѣка были подавлены одною аристократіей, безъ содѣйствія королевской власти, или наоборотъ, то различіе въ судьбѣ городовъ, сообразно съ мѣрой участія ихъ въ возстаніи, было бы понятно; но побѣда была достигнута союзомъ двухъ силъ, неодинаково относившихся къ побѣжденнымъ. Отсюда возможность такого результата, что французскіе города, больше участвовавшіе въ возстаніи и, слѣдовательно, больше подавленные его неудачей, остаются, по выраженію самого г. Ковалевского, сильными противовѣсами феодализму, т.-е. тѣмъ же, чѣмъ были и до возстанія. Въ группировкѣ общественныхъ силъ возстанія XIV-го вѣка, по крайней мѣрѣ во Франціи и въ Англіи, ничего не измѣнили, и мотивировать или различіе въ судьбѣ того и другого государства едва ли возможно. Всѣ характеристическія черты въ отношеніяхъ средняго сословія къ аристократіи, указываемыя г. Ковалевскимъ, могутъ быть наблюдаемы одинаково и до—и послѣ второй половины XIV-го вѣка. Союзъ англійскихъ городовъ съ дворянствомъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, большое значеніе; но роль городовъ во время возстанія Уотта Тейлора можетъ быть приводима только въ доказательство существова-

ніа этого союза, а не въ разъясненіе его происхожденія. Замѣтимъ, въ заключеніе, что участіе англійскаго городского населенія въ возстаніи Уотта Тейлора, какъ видно изъ другого мѣста брошюры г. Ковалевскаго, далеко не было ничтожнымъ. Г-нъ Ковалевскій обѣщаетъ посвятить одно изъ ближайшихъ своихъ изслѣдованій именно возстанію Уотта Тейлора; неизданные судебные протоколы, по словамъ автора, позволяютъ ему представить это возстаніе въ совершенно новомъ свѣтѣ. Отъ такого изслѣдованія можно ожидать много любопытнаго, въ особенности если г. Ковалевскій внесетъ въ него свой любимый — и вполнѣ правильный — историко-сравнительный методъ. Вторая половина XIV-го вѣка принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ эпохъ европейской исторіи.

II.

— *Николай Куплеваскій. Административная юстиція въ западной Европѣ.*

I. Административная юстиція во Франціи. Харьковъ, 1879.

Сочиненіе г. Куплеваскаго, если оно будетъ доведено до конца, пополнить весьма чувствительный пробѣлъ въ нашей литературѣ и облегчить предварительное обсужденіе вопроса объ административной юстиціи — вопроса, который уже поставленъ въ нашихъ правительственныхъ сферахъ и по всей вѣроятности скоро получитъ движеніе въ законодательномъ порядкѣ. Два года тому назадъ административное отдѣленіе с.-петербургскаго юридическаго общества выслушало весьма обстоятельный и интересный докладъ г. Коркунова объ административныхъ искахъ и жалобахъ; но въ печати (*Журн. Гражд. и Угол. Права* 1878 г., № 5—6) появилось лишь короткое извлеченіе изъ этого доклада. Пренія, возбужденныя имъ, далеко не исчерпали предмета, именно вслѣдствіе недостаточной разработки его у насъ въ журналистикѣ и даже въ наукѣ государственнаго и административнаго права. Г-нъ Куплеваскій останавливается съ одинаковымъ вниманіемъ на всѣхъ сторонахъ избранной имъ темѣ — на исторіи административнаго суда во Франціи, на современномъ его положеніи, на проектахъ преобразованія его, на различныхъ взглядахъ, возбуждаемыхъ имъ въ средѣ французскихъ практиковъ и ученыхъ. Характеристическая черта французской административной юстиціи — это различіе между исками, предъявляемыми къ администраціи по поводу нарушенія ея принадлежащаго частному лицу права, и жалобами, приносимыми на нарушеніе администраціей частнаго интереса. Такъ-называемый *сторный путь* (*voie contentieuse*) установленъ только для первыхъ; послѣдніе идутъ чисто административнымъ путемъ (*voie*

gratieuze), т.-е. разсматриваются пачальствомъ должностнаго лица, на которое приносится жалоба. До послѣдняго времени, впрочемъ, разрѣшеніе *споровъ* между частными лицами и администраціей ¹⁾ принадлежало, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, учрежденіямъ, имѣвшимъ чисто-административный характеръ, такъ что администрація, въ сущности, была — да и теперь отчасти остается — судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Первую степень административнаго суда составляютъ совѣты префектуры, члены которыхъ назначались и назначаются правительствомъ; предѣдательство въ совѣтѣ принадлежитъ префекту; составъ совѣтовъ, вообще говоря, не можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ ихъ назначенію, несмотря на законъ 1865 г., требующій отъ совѣтниковъ юридическаго образованія и десятилѣтней административной или судебной практики; содержаніе, получаемое ими, незначительно, зависимость отъ префекта — полная, такъ что люди способные набѣгаютъ этого мѣста или остаются на немъ недолго. Высшая инстанція административнаго суда — судебное отдѣленіе государственнаго совѣта (*section du contentieux*). До 1872 г. (за исключеніемъ короткаго промежутка времени между 1849 и 1851 г.) члены государственнаго совѣта по этому отдѣленію, какъ и по всѣмъ другимъ, назначались и увольнялись по усмотрѣнію правительства и постановляли не рѣшенія, а только мѣнія, принатіе или непринатіе которыхъ зависѣло отъ верховной власти; теперь судебное отдѣленіе и особое общее собраніе по дѣламъ судебнымъ (*assemblée générale délibérante au contentieux*) окончательно рѣшаютъ подвѣдомственные имъ дѣла, и составъ ихъ представляетъ больше гарантій независимаго и безпристрастнаго рѣшенія ²⁾. Реформа административно-судебной дѣятельности государственнаго совѣта не удовлетворила, однако, защитниковъ кореннаго преобразованія въ устройствѣ французской административной юстиціи. Въ 1872 г. Родо, одинъ изъ главныхъ противниковъ административной централизаціи, внесъ въ

¹⁾ Мы говоримъ здѣсь объ администраціи, какъ о *своимъ*, а не какъ о представительницѣ фиска, т.-е. казны. Различіе это проведено французскимъ правомъ не вполне послѣдовательно; нѣкоторые роды дѣлъ, по которымъ администрація является представительницей фиска — напр. дѣла по кредитнымъ требованіямъ къ государству — изъяты изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ и предоставлены административной юстиціи.

²⁾ Г-нъ Кузлемаскій говоритъ, что ординарные совѣтники (*conseillers d'état en service ordinaire*) набираются національнымъ собраніемъ на 9 лѣтъ, причемъ черезъ каждые три года одна треть ихъ возобновляется. Это едва ли такъ; первоначально члены государственнаго совѣта дѣйствительно были набраны національнымъ собраніемъ, но теперь они, если не ошибаемся, назначаются правительствомъ. Припомнимъ, какой шумъ возбудило въ прошедшемъ году одновременное назначеніе нѣсколькихъ республиканцевъ членами государственнаго совѣта.

національное собраніе проектъ закона о передачѣ всѣхъ судебнo-административныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе обыкновенныхъ судовъ, и въ томъ же смыслѣ былъ составленъ докладъ комиссіею, разсматривавшею этотъ проектъ. Обсудить его національное собраніе, исключительно занятое борьбою партій, не успѣло, хотя имѣло для того цѣлыхъ три года; вопросъ, поставленный Родо, и до сихъ поръ остается вопросомъ. Изъ числа французскихъ юристовъ, одни разрѣшаютъ его согласно съ Родо, другіе защищаютъ существующій порядокъ, третьи признають необходимость особаго административнаго суда, но предлагаютъ сдѣлать его совершенно независимымъ отъ администраціи, наравнѣ съ обыкновенными судами. Не ограничиваясь изложеніемъ этихъ трехъ главныхъ мнѣній, г. Куплеваскій обращается къ нѣмецкой литературѣ, въ которой вопросъ объ административной юстиціи разработанъ гораздо полнѣе, чѣмъ во французской. Между нѣмецкими защитниками особыхъ, независимыхъ административныхъ судовъ, существуетъ разногласіе относительно компетенціи этихъ судовъ; одни стоятъ за ограниченіе ея дѣлами спорными, въ французскомъ смыслѣ этого слова, т.-е. спорами о *правѣ*, другіе предлагаютъ распространить ее на нѣкоторые дѣла чисто-административнаго свойства, т.-е. предоставить административному суду, въ извѣстныхъ случаяхъ, обсужденіе не только *законности*, но и необходимости, справедливости и цѣлесообразности административныхъ мѣръ. Главнымъ представителемъ послѣдняго мнѣнія является Гнейстъ.

Подробный обзоръ различныхъ взглядовъ, прекрасно сгруппированныхъ г. Куплеваскимъ, потребовалъ бы слишкомъ много мѣста; отсылая читателей, интересующихся ими, къ самой книгѣ г. Куплеваскаго, мы укажемъ только заключеніе, къ которому приходитъ авторъ. Само собою разумѣется, что онъ высказывается противъ зависимости административнаго суда отъ администраціи, противъ предоставленія администраціи разрѣшать направленные противъ нея споры. По вопросу о необходимости особаго административнаго суда, г. Куплеваскій склоняется къ утвердительному отвѣту, хотя и не такъ рѣшительно, какъ г. Коркуновъ; онъ находитъ возможнымъ учредить для дѣлъ судебнo-административныхъ особаго отдѣленія въ составѣ обыкновенныхъ судовъ, параллельно отдѣленіямъ гражданскимъ и уголовнымъ, и придастъ большое значеніе практической подготовкѣ будущихъ членовъ административныхъ отдѣленій, съ помощью цѣлесообразно устроеннаго стажа. По вопросу о предоставленіи особому, независимому административному суду функций не только судебныхъ, но и чисто-административныхъ, г. Куплеваскій готовъ принять мнѣніе Гнейста, лишь бы только былъ установленъ различный порядокъ производства для дѣлъ того и другого рода. При обсужденіи въ

с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ реферата г. Коркунова, за соединеніе въ одномъ учрежденіи *исковъ и жалобъ* по дѣламъ административнымъ стоялъ, въ противоположность референту, проф. Градовскій,—но такимъ учрежденіемъ, въ глазахъ г. Градовскаго, долженъ быть первый департаментъ правительствующаго сената, между тѣмъ какъ по мнѣнію Гнейста, раздѣляемому г. Куплеваскииъ, въ составъ административнаго суда должны входить, не крайней мѣрѣ въ двухъ первыхъ инстанціяхъ, представители мѣстнаго самоуправленія, а третья инстанція, рѣшающая вопросы только въ принципѣ, должна состоять изъ несмѣняемыхъ судей. Г-нъ Куплеваскій говоритъ, впрочемъ, не специально о Россіи; онъ старается показать, какииъ требованіямъ должно удовлетворять лучшее, съ теоретической точки зрѣнія, устройство административнаго суда. Если въ обзорѣ административной юстиціи въ западной Европѣ онъ присоединитъ свой взглядъ на возможное, практически, преобразованіе ея въ Россіи, ему придется, можетъ быть, дополнить или измѣнить кое въ чемъ заключенія свои по вопросу, разрѣшаемому имъ теперь въ наиболѣе общей его формѣ.

Нѣкоторые отдѣлы административной юстиціи принадлежать во Франціи къ вѣдомству органовъ мѣстнаго самоуправленія. Г-нъ Куплеваскій представляетъ, по этому поводу, довольно полную картину функций генеральныхъ и муниципальных совѣтовъ. Съ главнымъ предметомъ его сочиненія она не имѣетъ неразрывной связи, но сама по себѣ очень богата интересомъ. Она напоминаетъ намъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ русское мѣстное самоуправленіе построено на болѣе прочной почвѣ, чѣмъ французское. Кругъ дѣйствій генеральныхъ (департаментскихъ) совѣтовъ значительно расширенъ законами 1866 и 1871 г., но они до сихъ поръ не имѣютъ своихъ исполнительныхъ органовъ, въ родѣ нашихъ губернскихъ или уѣздныхъ земскихъ управъ. Исполнителемъ постановленій генеральнаго совѣта, равно какъ и избираемой имъ постоянной департаментской комиссіи, является префектъ, т.-е. должностное лицо, не имѣющее никакихъ прочныхъ связей съ департаментомъ и безусловно подчиненное центральной власти. Префектъ готовится дѣла, подлежащіе разсмотрѣнію генеральнаго совѣта, заключаетъ контракты, ведетъ иски и отвѣчаетъ по нимъ отъ имени департамента, назначаетъ и увольняетъ должностныхъ лицъ, содержащихся на счетъ департамента. Предложеніе Родо о возложеніи всѣхъ этихъ обязанностей на избранное департаментомъ лицо—департаментскаго мэра—не было принято національнымъ собраніемъ ¹⁾. Генеральные совѣты не могутъ принимать никакихъ мѣръ,

¹⁾ Однимъ изъ главныхъ препятствій къ болѣе широкой организаціи департаментскаго самоуправления послужило въ 1871 г., безъ сомнѣнія, вліяніе Тьера, до конца жизни остававшагося рьянымъ приверженцемъ административной централизаціи.

обязательныхъ для населенія; заботы о народномъ продовольствіи, о предупрежденіи эпидемій и эпизоотій и т. п. принадлежать исключительно органамъ правительственной власти. То же самое слѣдуетъ сказать и о муниципальных (общинныхъ) совѣтахъ, какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ. Мэры назначаются и увольняются въ болѣе населенныхъ общинахъ президентомъ республики, въ менѣе населенныхъ—префектомъ. Не только отчуждать недвижимыя имѣнія, совершать договоры найма на срокъ свыше 18 лѣтъ, заключать займы, устанавливать экстраординарные налоги (превышающіе извѣстный *taximum*), но и искать или отвѣчать на судѣ община можетъ лишь съ разрѣшенія администраціи (или въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ—генеральнаго совѣта). Г-нъ Куплеваскій едва ли правъ, говоря, что опека правительства въ имущественныхъ дѣлахъ общины сведена во Франціи почти къ ея необходимому предѣламъ. Если нашимъ городамъ предоставлено право искать и отвѣчать на судѣ по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго съ чьей-либо стороны предварительнаго дозволенія, то трудно согласиться съ тѣмъ, что для французскихъ городовъ необходимо ограниченіе этого права. Злоупотребленія при отчужденіи недвижимыхъ имѣній или заключеніи договоровъ найма могли бы быть предотвращены правомъ жалобы отдѣльныхъ гражданъ на распоряженія общественнаго управленія.

Констатируя тотъ фактъ, что наши законы о мѣстномъ самоуправленіи имѣютъ нѣкоторыя преимущества передъ французскими, мы вѣчно далеки отъ мысли, чтобы наше самоуправленіе въ силу этого одного должно было быть поставлено выше французскаго; мы хотимъ сказать только, что дальнѣйшіе развитіе самоуправленія не встрѣтитъ у насъ тѣхъ преградъ, которыя до сихъ поръ задерживаютъ его во Франціи. Во Франціи до сихъ поръ многіе убѣждены, что „ея административной централизаціи завидуетъ вся Европа“; у насъ никогда не было и не могло быть подобнаго предразсудка.

III.

—И. И. Янжул. Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ. Москва, 1880.

Книга г. Янжула знакомитъ насъ съ весьма интереснымъ и мало извѣстнымъ явленіемъ—съ одной изъ тѣхъ англійскихъ лигъ или ассоціацій, которыя такъ сильно способствуютъ осуществленію необходимыхъ реформъ и вообще побѣдѣ движенія надъ рутиной. Прототипомъ подобныхъ ассоціацій служитъ знаменитая лига противъ хлѣбныхъ законовъ, прославившая Кобдена и Брайта, принудившая

Роберта Пила наложить руку на одну изъ твердынь англійской аристократіи и англійскаго консерватизма. Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ поставила себѣ задачу еще болѣе обширную — коренное преобразование англійскихъ финансовъ. Ея девизъ — „бережливое управленіе страной, справедливое и простое устройство налоговъ, совершенная свобода торговли“. Понятно, что такая цѣль не можетъ быть достигнута съ разу, что къ ней можно приближаться лишь постепенно, путемъ долгихъ и упорныхъ усилій. Лига противъ хлѣбныхъ законовъ существовала только пять лѣтъ; ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ основана тридцать два года тому назадъ, а трудъ ея все еще далеко не оконченъ. Г-нъ Янжуль останавливается лишь на одной сторонѣ ея разнообразной дѣятельности — на критикѣ государственныхъ расходовъ, касающихся войска, флота, колоній и придворнаго управленія, — и говоритъ, притомъ, преимущественно о первыхъ десяти годахъ существованія ассоціаціи. Избраніе этого періода времени авторъ мотивируетъ тѣмъ, что онъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи расходовъ, и что отдаленность его отъ насъ допускаетъ безпристрастное къ нему отношеніе. Съ послѣднимъ изъ этихъ мотивовъ согласиться довольно трудно. Не только прошедшее, но и настоящее англійскихъ финансовъ не заключаетъ въ себѣ ничего, могущаго нарушить спокойствіе русскаго ученаго или его читателей, внести въ изложеніе элементъ страстный, несовмѣстный съ объективностью и сдержанностью научнаго труда. Между тѣмъ, въ дѣятельности ливерпульской ассоціаціи интересны не только стремленія, но и результаты, обнаруживающіеся по болѣе части не въ первое десятилѣтіе ея, а гораздо позже. Г-нъ Янжуль не оставляетъ безъ вниманія эту сторону дѣла, выхода такимъ образомъ за начертанную имъ самимъ границу; но картина преобразованій, достигнутыхъ благодаря усиліямъ общества, была бы полнѣе, еслибъ исторія его требованій была продолжена дальше конца пятидесятихъ годовъ и доведена приблизительно до нашего времени.

Во главѣ своего девиза ливерпульская ассоціація поставила, какъ мы видѣли, слова: „бережливое управленіе“ (economical government). Она исходила при этомъ изъ того убѣжденія, что всякая серьезная реформа въ финансовой системѣ должна начаться съ тщательнаго изслѣдованія, пересмотра и сокращенія государственныхъ расходовъ, а не съ изобрѣтенія новыхъ источниковъ дохода. Разрѣшеніе вопроса о способахъ и предѣлахъ сокращенія расходовъ должно быть предоставлено лучшимъ умамъ страны, а отнюдь не чиновникамъ, такъ какъ послѣдніе, даже при полной добросовѣстности, не могутъ отрѣшиться отъ условій существующей рутинны и возвыситься до правильного пониманія народныхъ интересовъ. Сокращеніе расходовъ мо-

жесть быть произведено двоякимъ путемъ: нѣкоторыя статьи расхода могутъ быть признаны вполне излишними и вовсе исключены изъ бюджета, другія могутъ быть уменьшены посредствомъ присканія новыхъ, болѣе дешевыхъ способовъ удовлетворенія извѣстной государственной потребности. Во всякомъ случаѣ, существенное улучшение финансовъ предполагаетъ коренное измѣненіе всей административной системы; безъ соблюденія этого условія всѣ попытки сокращенія расходовъ въ наискорѣйшемъ времени сводятся къ нулю. Руководствуясь этими основными положеніями, ассоціація направила свою полемику противъ самыхъ больныхъ мѣстъ англійской администраціи, тѣсно связанныхъ съ недостатками финансовой системы. Въ военномъ вѣдомствѣ она выставила на видъ широкое развитіе синекуризма и плюрализма (т.-е. существованіе должностей безъ опредѣленныхъ обязанностей, но съ значительнымъ окладомъ жалованья, и соединеніе въ рукахъ одного лица нѣсколькихъ должностей, по существу своему несовмѣстныхъ), преобладаніе протекціи надъ справедливой оцѣнкой трудовъ и заслугъ, продажность офицерскихъ чиновъ, ничѣмъ не оправдываемое разединеніе отдѣльных отраслей управленія (напр., артиллерійскаго отъ обще-армейскаго), неправильную систему снабженія войскъ одеждою ¹⁾, увольненіе офицеровъ и должностныхъ лицъ съ единственной цѣлью очистить дорогу для новыхъ маменькиныхъ сынковъ, причемъ увольняемые щедро награждались невыслуженными еще ими пенсіями. Въ морскомъ вѣдомствѣ обнаружилась колоссальная небрежность при постройкѣ судовъ, сопряженная съ такимъ же колоссальнымъ невѣжествомъ и приводившая въ цѣлому ряду ухищреній или просто обмановъ, для прикрытія грубыхъ ошибокъ и легкомысленной растраты казенныхъ денегъ; обнаружилось также господство мертваго формализма, безконечной переписки, исключительно бумажнаго отношенія къ живому дѣлу. Исслѣдуя положеніе колоній, ассоціація наглядно доказала преимущество самоуправленія передъ опекой; такъ напримѣръ, въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ представительное управленіе, введенное въ 1843 г., въ три года уменьшило расходы въ два съ половиною раза и довело ихъ до 1 ф. 8 шилл. на душу, между тѣмъ какъ въ другой сосѣдней колоніи (южной Австраліи), состоявшей подъ управленіемъ центральной власти, расходъ на душу доходилъ въ то же время до 10 фунтовъ стерл. Въ придворномъ вѣдомствѣ синекуризмъ процвѣталъ не менѣе, чѣмъ въ военномъ.

¹⁾ Оно составляло доходную статью такъ-называемыхъ полковниковъ по обмундированію, получавшихъ отъ казны деньги на приготовленіе солдатской одежды и уполномоченныхъ, силою обычая, удерживать часть этихъ денегъ въ свою пользу, съ соотвѣствующимъ, конечно, ухудшеніемъ поставленныхъ ими предметовъ.

Благодаря полной свободѣ печати, критическій анализъ ассоціаціи не ототуналъ передъ самыми щекотливыми задачами. Не ограничиваясь обобщеніями, она приводила факты, называла имена, вносила свѣтъ въ самые темные закоулки кабинетовъ и канцелярій. Ей приходилось имѣть дѣло съ такими синекуристами, какъ принцъ Альбертъ (мужъ королевы), который, помимо назначенныхъ ему парламентомъ 30,000 ф. стерл., получалъ содержаніе по пяти занимаемымъ имъ должностямъ или званіямъ: фельдмаршала арміи, полковника третьего полка гвѣшй гвардіи, констебля виндзорскаго замка, смотрители виндзорскаго парка и завѣдующаго придворной фермой; какъ герцогъ Кембриджскій, за которыми также числилось нѣсколько должностей; какъ герцогъ Веллингтонъ, состоявшій въ числѣ полковниковъ по обмундированію. Ей приходилось возставать противъ обычаевъ, въ сохраненіи которыхъ была заинтересована вся англійская аристократія—возставать противъ нихъ не безобиднымъ, сравнительно, путемъ общихъ разсужденій, а путемъ прямыхъ указаній, по неволѣ задѣвавшихъ массу личныхъ самолюбіи. Говоря, напримѣръ, о преобразованіи гвардіи, ассоціація перечислила всѣ родственныя отношенія и связи каждаго офицера лейбъ-гвардейскаго полка, чтобы показать наглядно значеніе протекціи въ англійскомъ войскѣ. Въ какое гвѣздо ось она такимъ образомъ засунула руку, объ этомъ можно судить по слѣдующему факту: у одного командира лейбъ-гвардейскаго полка, лорда Комбернера, оказалось 199 аристократическихъ родственниковъ, и изъ нихъ служащихъ—164, на половину—въ военной службѣ. Безцеремонное обращеніе англійскихъ аристократовъ съ государственными финансами обрисовывается какъ нельзя лучше по вопросу о пенсіяхъ, также поставленному ливерпульскою ассоціаціей и разработанному съ свойственною ей основательностью и прямою. Сыну фельдмаршала Раглана, доказавшаго въ Крыму только полное отсутствіе опытности, знанія и таланта, была назначена пенсія въ 2,000 ф. ст., съ переходомъ ея въ слѣдующее поколѣніе, вдовѣ его—пенсія въ 1000 ф., между тѣмъ какъ послѣ него осталось состояніе почти въ 100,000 фунтовъ. Наслѣдники герцога Графтона и графа Шомберга получаютъ значительныя пенсіи (первыя—болѣе 10,000 ф., послѣднія—4000 ф.; эта пенсія недавно уменьшена на половину) съ конца XVII-го, наслѣдники герцога Марльборо (4000 ф.)—съ начала XVIII-го вѣка; между тѣмъ фамилія Марльборо принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ между богатыми англійскими аристократическими родами. Основаніемъ къ назначенію пенсій Марльборо и Шомбергу послужили, по крайней мѣрѣ, блистательныя военныя заслуги (достаточно уже, впрочемъ, вознагражденные другимъ путемъ); но Графтону пенсія назначена была только потому, что онъ былъ незаконнорожденнымъ сыномъ короля Карла II-го.

Къ числу результатовъ, достигнутыхъ если не-исключительно, то преимущественно благодаря дѣятельности ливерпульской ассоціаціи, слѣдуетъ отнести: отмѣну (съ небольшими исключеніями) продажи офицерскихъ чиновъ; сліяніе различныхъ отраслей военного управленія, послѣдствіемъ чего было закрытіе нѣсколькихъ канцелярій; уничтоженіе многихъ синекуръ (въ томъ числѣ и полковниковъ по обмундированію); введеніе строгихъ повѣрочныхъ испытаній при опредѣленіи на службу и повышеніи въ должности; большую перемѣну къ лучшему въ положеніи флота, при умѣренной, сравнительно, цифрѣ расходовъ на его пополненіе и содержаніе ¹⁾; распространеніе представительнаго управленія на значительную часть англійскихъ колоній (колоніальнымъ бюро долго завыдывалъ одинъ изъ прежнихъ дѣятелей ассоціаціи, сэръ Уильямъ Мольтсортъ). „Какъ живительная сила солнца,—сказано въ одномъ изъ трактатовъ ассоціаціи,—вызываетъ изъ земли новыя растенія, способствуетъ образованію новыхъ организмовъ, точно такъ же свободныя государственныя учрежденія вызываютъ къ жизни свѣжія народныя силы, создаютъ новые интересы, и въ результатѣ усиливаютъ и ускоряютъ экономическое и духовное процвѣтаніе страны, къ прямой выгодѣ дѣлаго человечества“. Эти слова блистательно оправдываются исторіею англійскихъ колоній, освобожденныхъ отъ опеки метрополи. Южная Австралія, подъ управленіемъ центральной власти доходившая до банкротства, теперь не стоитъ Англіи ни одного шиллинга; въ Новомъ-Южномъ-Уэльсѣ доходы постоянно превышаютъ расходы; въ Викторіи приходится одна школа на 393 жителя, одинъ учащійся — на 5 человекъ, между тѣмъ какъ даже въ Германіи одна школа приходится на 688 жителей, одинъ учащійся—на семь человекъ (въ Англіи—одинъ на 14). Идержки придворнаго вѣдомства, несмотря на значительное увеличеніе королевскаго семейства (каждому члену котораго, достигшему нѣвѣстнаго возраста, парламентъ ассигнуетъ особое содержаніе или дотацію), уменьшились, сравнительно съ пятидесятью годами, слишкомъ на 200,000 фунт. стерл. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, г. Лангуль имѣлъ полное право заключить свое изслѣдованіе слѣдующими словами: „Итакъ, лишь общественная самостоятельность и частный законодательный починъ,

¹⁾ По вычисленію, недавно напечатанному въ „Times“, морской бюджетъ неслѣдуетъ считать наиболѣе сильнымъ флотъ послѣ англійскаго (Франціи, Германіи, Австріи, Италіи, Россіи и Соединенныхъ-Штатовъ), составляетъ въ совокупности болѣе 20 мил. ф. стерл., т.-е. вдвое больше противъ англійскаго (10 мил.); между тѣмъ, Англія обладаетъ 40 броненосцами, исполнѣ удовлетворяющими современнымъ требованіямъ, а остальныя шесть государствъ, вмѣстѣ взятыя—только тридцатью восемью.

въ связи съ свободною печатью, привели Англію къ цвѣтущему положенію ея финансовъ, и тѣмъ самымъ указываютъ единственный вѣрный путь, по которому должна слѣдовать каждая страна, желающая достигнуть той же цѣли съ наименьшей потерей народныхъ средствъ и силъ”.

IV.

— *Иванъ Кашкаровъ, Нужды русскаго народа. С.-Петербургъ, 1880.*

Книга г. Кашкарова составлена изъ статей, напечатанныхъ имъ за послѣднія десять лѣтъ въ разныхъ газетахъ. Въ хорошихъ наблюденіяхъ, честномъ отношеніи къ дѣлу и нѣкоторомъ запасѣ практическихъ свѣдѣній автору отказать нельзя; но мысли, лежащія въ основаніи его книги, не отличаются ни новизною, ни многостороннею обработкой. Онъ стоитъ за скорѣйшую организацію мелкаго земельного кредита, предлагая притомъ открыть его не частнымъ лицамъ, а только дѣльнымъ сельскимъ обществамъ и товариществамъ, состоящимъ, по меньшей мѣрѣ, изъ десяти домохозяевъ; онъ доказываетъ необходимость поощренія и облегченія крестьянскихъ переселеній, въ виду крайней недостаточности крестьянскихъ надѣловъ; онъ выставляетъ на видъ слабыя стороны крестьянскаго самоуправления и призываетъ интеллигенцію, отсутствующую изъ деревень, къ непосредственному служенію народнымъ нуждамъ. Все это нельзя признать излишнимъ, потому что вѣрную мысль не мѣшаетъ повторять какъ можно чаще, пока она не перейдетъ въ жизнь или, по крайней мѣрѣ, не станетъ общимъ достояніемъ; но данныя, приводимыя г. Кашкаровымъ, равно какъ и разсужденія его, очень мало могутъ способствовать достиженію желанной цѣли. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Авторъ совѣтуетъ интеллигенціи, вмѣсто того, чтобы составлять проекты, добиваться чести принять участіе въ крестьянскомъ самоуправленіи и тѣмъ начать дѣло изученія народныхъ нуждъ съ самаго начала. „Но чтобы такое участіе было дѣйствительно полезно“, говоритъ онъ, „для этого слѣдуетъ отрѣшиться прежде всего отъ всякой дворянской и иной спѣси и не вступать въ народную жизнь купно, цѣлымъ сословіемъ землевладѣльцевъ, какъ это предлагаютъ люди, измыслившіе всесословныя волости или вотчинную полицію. Необходимо на первое время допустить въ крестьянское самоуправленіе только такихъ лицъ, которые, безъ всякой задней цѣли, желали бы принести ему пользу и въ службѣ выборнаго старшины видѣли бы свое призваніе, нравственный долгъ и одну изъ самыхъ почетныхъ общественныхъ обязанностей. Для

этого нужно только, чтобы земство и правительственные учрежденія убѣдились въ неотложной необходимости закона, на основаніи котораго крестьянамъ предоставлялось бы право выбирать въ старшины лицъ всѣхъ сословій, имѣющихъ земельный цензъ, прожившихъ на мѣстѣ не менѣе трехъ лѣтъ и достигшихъ извѣстнаго возраста. Цитата, приведенная нами, доказываетъ съ полною ясностью, что г. Кашкаровъ далекъ отъ всякой мысли о подчиненіи крестьянства, въ болѣе или менѣе благовидной формѣ, влиянію и власти крупныхъ землевладѣльцевъ, что ему чуждо стремленіе къ дворянской опеке надъ меньшей братіей; но гарантіи, предлагаемыя имъ, свидѣлствуютъ именно лишь о добрыхъ его намереніяхъ. Какимъ образомъ провести черту между лицами, выдающими въ службѣ выборнаго старшины свое призваніе, нравственный долгъ и т. п., и лицами, выдающими въ ней нѣчто совсѣмъ другое? Какъ опредѣлить, есть ли у кандидатовъ въ старшины *задняя цель* (т.-е. задняя мысль), или они одушевлены только желаніемъ общей пользы? Условія, о которыхъ говорить г. Кашкаровъ — цензъ (какой именно?), возрастъ, мѣсто жительства — ничего въ этомъ отношеніи не предрѣшаютъ. Замѣтимъ, что г. Кашкаровъ предлагаетъ — на случай принятія его мысли — соединеніе нѣсколькихъ волостей въ одну и назначеніе волостному старшинѣ содержанія въ 800—1000 рублей. Безъ составленія „проекта“ не обошелся, такимъ образомъ, и самъ авторъ, уговаривающій интеллигенцію отказаться отъ этого занятія; онъ забылъ только объяснить, какимъ образомъ одно расширеніе круга лицъ, изъ которыхъ могутъ быть избираемы волостные старшины, произведетъ существенную перемену въ тѣхъ условіяхъ, благодаря которымъ въ настоящее время рѣдко бываетъ удаченъ выборъ крестьянскихъ властей. Въдѣсть же и между крестьянами люди честные, опытные, толковые; почему же они только въ немногихъ случаяхъ попадаютъ въ волостные старшины или сельскіе старосты? Есть ли основаніе предполагать, что изъ числа землевладѣльцевъ были бы избираемы — *притомъ же обстоятельствахъ* — именно лучшие люди?

Большою неопредѣленностью отличается отношеніе автора къ капитальному вопросу о поземельной общинѣ. Въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 193) онъ защищаетъ ее противъ „грубыхъ недоразумѣній“ ея противниковъ, оговариваясь впрочемъ, что его защита относится не къ русской общинѣ въ настоящемъ ея видѣ, а къ той христіанской, идеальной общинѣ, которая можетъ ее со временемъ замѣнить; въ другомъ мѣстѣ (стр. 214) онъ признаетъ безъ оговорокъ, что русская община составляетъ нашу національную черту, уничтоживъ которую мы рискуемъ остаться безъ почвы подъ ногами; въ третьемъ мѣстѣ (стр. 154) мы читаемъ, что община уже отслужила

свою службу русскому народу и неспособна долѣе, въ настоящемъ своемъ видѣ, приносить ему пользу и счастье. Авторъ согласенъ на то, чтобы община существовала у насъ возможно долгое время, такъ какъ при недостаткѣ образованія эта форма общежитія имѣетъ много хорошихъ сторонъ у патриархальныхъ народовъ (слѣдовательно, русскому народу суждено еще долго оставаться патриархальнымъ?); но искусственно поддерживать общину, по мнѣнію г. Кашкарова, и безтактно, и жестоко. Въ какой степени искусственная поддержка (т.-е. недопущеніе произвольнаго перехода отдѣльныхъ владѣльцевъ отъ общиннаго владѣнія къ личной собственности, и всѣ связанныя съ этимъ постановленія положеній 19 февраля 1861 г.) необходима для самаго существованія общины; какимъ образомъ можетъ быть созданъ новый типъ общины, если перестанетъ существовать старый; какимъ образомъ учрежденіе, отслужившее свою службу, можетъ быть признаваемо нашей національной чертою—на всѣ эти вопросы г. Кашкаровъ не даетъ никакого отвѣта. Мы видимъ только разныя впечатлѣнія, производимыя на него общиною, но не находимъ цѣльнаго на нее взгляда. То же самое можно сказать и о многихъ другихъ предметахъ, затронутыхъ въ книгѣ г. Кашкарова.

V.

— *Ежегодникъ министерства финансовъ*. Выпускъ X-й. С.-Петербургъ, 1879.

Десятый выпускъ этого полезнаго изданія составленъ по образцу предыдущихъ. Особенно подробно разработанъ, въ виду интереса, представляемаго въ настоящее время податнымъ вопросомъ, отдѣлъ, касающійся подушной подати. Къ таблицѣ, показывающей (за 1877 г.) цифру оклада, цифру дѣйствительнаго поступленія, цифру оставшейся къ 1878 г. недоимки и процентное отношеніе ея къ окладу, присоединены: а) вѣдомость объ окладахъ подушной съ сельскихъ сословій подати и окладного сбора съ мѣщанъ, по уѣздамъ и по сословіямъ плательщиковъ, съ указаніемъ числа послѣднихъ; б) перечень окладовъ подушной подати (въ порядкѣ возрастанія ихъ) по городамъ и уѣздамъ; в) четыре графическія таблицы, съ указаніемъ высшаго, средняго и низшаго окладовъ подушной подати по губерніямъ, и г) шесть картъ европейской Россіи—пять для нагляднаго знакомства съ среднимъ подушнымъ окладомъ по губерніямъ, и шестая, показывающая распредѣленіе по губерніямъ недоимокъ подушнаго оклада ¹⁾.

¹⁾ Изъ сравненія этой карты съ первою таблицей, напечатанной въ текстѣ книги, оказывается, что въ таблицѣ цифры, относящіяся къ губерніи Смоленской, отнесены по ошибкѣ къ губерніи Ставропольской, и наоборотъ.

Подушного оклада должно было поступить въ 1877 г. всего 59.755,632 руб., дѣйствительно поступило вмѣстѣ съ недоимкой 58.974,013 рублей (т.-е. менѣе противъ оклада на 781.619 руб.), осталось въ недоимкѣ 12,053,883 руб. (т.-е. съ небольшимъ италъ часть годового оклада). Изъ 59 губерній и областей, въ 27 дѣйствительное поступленіе превысило окладъ (т.-е. недоимка уменьшилась), въ 32 не дошло до цифры оклада. Замѣчательно, что къ числу первыхъ принадлежатъ такіа бѣдныя губернія, какъ Олонецкая, Вологодская, Новгородская, къ числу вторыхъ такіа, сравнительно, достаточныя губернія, какъ Харьковская, Тамбовская, Симбирская. Всего значительнѣе недоимка въ Казанской губерніи: вмѣсто 1.768,126 р. внесено только 1.051,884 руб., т.-е. менѣе противъ оклада на 716,242 руб. Всей недоимки на Казанской губерніи числилось къ 1878 г. — 753,712 руб., слѣдовательно, она за одинъ 1877-ой годъ увеличилась въ двадцать разъ. Довольно великъ недоборъ также по Московской губерніи (болѣе 130,000 руб.). Всего больше превышаетъ цифру оклада дѣйствительное поступленіе въ губерніяхъ Херсонской (на 107,527 руб.), Бессарабской (на 99,272 руб.) и Ковенской (на 96,737 руб.). Исправнымъ платежемъ подати отличался въ 1877 г. въ особенности западъ Россіи; изъ всѣхъ 9 сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній не внесла всего оклада одна лишь Витебская (и то не доплатила только 400 руб.), изъ прибалтійскихъ губерній—одна Курляндская (и то не доплатила только 330 руб.). Много замѣчательнаго представляетъ общая цифра недоимокъ (т.-е. не за одинъ только 1877-й, а за всѣ прежніе годы) и процентное отношеніе ихъ къ окладу. Всего меньше это отношеніе въ губерніяхъ Олонецкой (0,4), Полтавской (0,6), Курской (0,9), Ярославской (1), Вологодской (1,6), Калужской (2,1), Тульской (2,3), Костромской (2,4), Астраханской (2,5), Кубанской обл. (2,5), Гродненской губ. (2,8); всего больше — въ области Войска Донского (175), губ. Оренбургской (80), Тобольской съ Акмолинской областью (74), Новгородской (67), обл. Забайкальской (65), губ. Енисейской (64), Смоленской (61), обл. Якутской (59), губ. Могилевской (58), Казанской (43).

Чѣмъ объяснить громадную разницу въ цифрѣ недоимокъ между такими губерніями, какъ Новгородская, съ одной стороны (506,508 руб.), Олонецкая (799 р.) и Вологодская (12,395 р.) — съ другой? Средняя цифра окладовъ въ этихъ трехъ губерніяхъ почти одинакова (въ Вологодской 1 р. 95 коп., въ Новгородской 1 р. 85 к., въ Олонецкой 1 р. 76 к.); условія жизни въ Олонецкой губерніи и болѣе части Вологодской конечно не лучше чѣмъ въ Новгородской. Какъ объяснить, далѣе, громадность недоимки, наивнѣйшей на области Войска Донского? Какъ объяснить, что въ Могилевской губерніи

процентное отношеніе недонимки въ окладу — 58, а въ Витебской, еще болѣе бѣдной — 32 (средній окладъ въ первой—1 руб. 77 коп., во второй—1 р. 78 к.). Подобная неравномѣрность въ поступленіи подушной подати составляетъ весьма сильный аргументъ противъ этого налога, отиѣна котораго, къ сожалѣнію, все еще составляетъ только предметъ надеждъ и ожиданій.—К. К.

VI.

— *Peter the Great*. By Eugene Schuyler. I—II. (Петръ Великій, Ем. Скайлера, въ *Scribner's Monthly Illustrated Magazine for the people*, conducted by J. G. Holland. New-York, 1880, № 4—5).

Можно положительно сказать, что никогда въ прежнее время въ европейской (надо прибавить: и американской) литературѣ не появлялось сочиненій о Россіи, писанныхъ съ такимъ знаніемъ русской жизни и исторіи, какія становятся очень не рѣдки теперь. Достаточно назвать Альфреда Рамбѣ и Мэкензи Уолласа, чтобы подтвердить это. Тотъ и особенно другой знаютъ Россію не по простымъ впечатлѣніямъ туриста, не по свѣдѣніямъ, случайно набраннымъ въ извѣстномъ кругѣ общества, какъ это бывало; напротивъ, они были наблюдателями компетентными, потому что имъ знакомъ и русскій языкъ, и литература, и исторія. Имя г. Евгенія Скайлера извѣстно у насъ меньше, но и онъ справедливо можетъ занять мѣсто въ ряду писателей, близко знакомыхъ съ русскою жизнью. Г-нъ Скайлерь прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, на дипломатической службѣ Соединенныхъ-Штатовъ, получилъ въ эпоху послѣдней войны назначеніе въ Константинополь, а въ настоящее время—въ Англію. Живя въ Россіи, онъ хорошо познакомился съ русскимъ языкомъ и литературой, о которой давалъ тогда ежегодные отчеты въ англійскомъ „*Athenaeum*“. Во время войны, уже находясь въ Константинополь, г. Скайлерь принялъ дѣятельное и памятное участіе въ раскрытіи филиппопольскихъ убійствъ, которое ускорило развязку событій.—Главнымъ трудомъ его въ литературѣ была любопытная и поучительная книга о Туркестанѣ, обзоръ которой въ свое время сдѣланъ былъ въ „*Вѣстникѣ Европы*“, и которая была у насъ вообще очень замѣчена.

Теперь г. Скайлерь предпринималъ новый трудъ, именно исторію Петра Великаго, первыя главы которой появились теперь въ „*Магазинѣ*“ Скрибнера. Начавъ съ послѣднихъ годовъ царя Алексѣя Михайловича, авторъ въ появившихся теперь главахъ доводитъ разсказъ до перваго стрѣleckаго бунта. Авторъ хорошо изучилъ нашу литературу и важнѣйшіе иностранные источники о Петрѣ Великомъ

и обставляетъ біографію Петра историческими обзорами и эпизодами, которые для иностраннаго читателя даютъ достаточно полное и очень наглядное представленіе объ историческомъ ходѣ русской жизни. Таковы главы объ отношеніяхъ народа и правительства, о жизни стараго царскаго двора, о церковномъ расколѣ, о мѣстничествѣ, о военномъ дѣлѣ въ московскомъ царствѣ. Въ предварительной замѣткѣ авторъ заявляетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ его взгляды нѣсколько отличаются отъ вообще распространенныхъ. Въ изданіи популярномъ онъ не считалъ нужнымъ вдаваться въ подробныя разъясненія или въ опроверженіе обычныхъ мнѣній, но готовъ отвѣчать на всѣ вопросы, которые были бы обращены къ нему лично. Впослѣдствіи, мы постараемся возвратиться къ труду г. Скайлера и его взглядамъ на эпоху.

Наконецъ, разсказъ г. Скайлера сопровождается множествомъ иллюстрацій. Это—портреты историческихъ лицъ, изображенія старинныхъ зданій и историческихъ предметовъ, бытовыхъ сценъ и т. д. Въ основаніе этихъ иллюстрацій положены извѣстные старинные портреты, гравюры изъ старыхъ сочиненій, современныхъ фотографій старыхъ зданій и предметовъ, наконецъ, историческія картины современной нашей живописи. Рисунки подобраны очень кстати и исполнены съ замѣчательнымъ совершенствомъ и, что бываетъ рѣже, съ большою точностью относительно оригиналовъ, напримѣръ, славянскія надписи въ очень мелкихъ копіяхъ знамени, образа и т. п.

Въ своемъ предисловіи г. Скайлеръ говоритъ, что, не желая отягощать изданіе цѣтатами и указаніями на свои историческіе источники, онъ предоставилъ себѣ сдѣлать это въ другое время. Надо заключить, что онъ думаетъ впослѣдствіи издать свою работу въ цѣломъ, книгой. Если продолженіе будетъ соответствовать началу, то мы думаемъ, что подобный популярный и оживленный разсказъ могъ бы быть очень великимъ и въ русской литературѣ,—несмотря на то, что у насъ было писано не мало о петровскомъ времени,—особенно если къ нему присоединить тѣ же иллюстраціи. Будемъ съ интересомъ ждать дальнѣйшихъ главъ разсказа Скайлера.

Еще два слова о вѣѣшности американскаго журнала, гдѣ печатается трудъ г. Скайлера. Вѣѣшность эта вполнѣ безупречна, и изданіе таково, что съ нимъ едва ли могутъ равняться не только наши, но даже и европейскія такъ-называемыя „роскошныя“ изданія. Успѣхъ его въ Америкѣ также безпримѣренъ, и если вѣѣрить сдѣланному намъ сообщенію, то число подписчиковъ журнала доходитъ до 280,000.—А. А.

ПЕРГАМСКІЯ РАСКОПКИ

Письмо въ редакцію.

...Отведите мнѣ двѣ-три странички вашего журнала для того, чтобъ я могъ подѣлиться съ его читателями тѣмъ глубокимъ впечатлѣніемъ, которое произвели на меня, во время моего недавняго проѣзда черезъ Берлинъ, приобрѣтенные прусскимъ правительствомъ мраморные го-рельефы лучшей эпохи аттическаго ваянія (III-го столѣтія до Р. Х.) — открытые въ Пергамѣ (не въ древней Троѣ)—а въ столицѣ небольшого мало-азійскаго царства, сперва покореннаго, какъ и весь греческій міръ, Римомъ—а потомъ разореннаго наплывомъ варваровъ. Существованіе этихъ го-рельефовъ, воздвигнутыхъ кѣмъ-то изъ царствовавшей династіи Атталовъ и считавшихся у древнихъ однимъ изъ чудесъ вселенной, было, конечно, не безъизвѣстно ученымъ—германскимъ ученымъ въ особенности; о нихъ говорится въ сохранившемся сочиненіи одного довольно, впрочемъ, темнаго писателя II-го столѣтія; — но честь открытія этихъ великолѣпныхъ останковъ принадлежитъ германскому консулу въ Смирнѣ Гуманну,—а заслуга, скорѣе—счастье приобрѣтенія ихъ, выпала на долю прусскаго правительства, при энергическомъ содѣйствіи кронъ-принца. Все дѣло было ведено очень ловко и тайно; во-время были высланы инженеры и ученые профессора,—во-время купленъ участокъ земли, близъ деревушки Бергама, подъ которой скрывались всѣ эти сокровища; самый фирманъ султана на владѣніе открытыми мраморами, а не одними снимками съ нихъ (какъ то сдѣлало греческое правительство), былъ очень удачно и то же во-время полученъ, и въ концѣ-концовъ Пруссія—за какія-нибудь ничтожнѣйшія 130,000 марокъ — закрѣпила за собою такое завоеваніе, которое, конечно, принесетъ ей больше славы, чѣмъ завоеваніе Эльзаса и Лотарингія и, пожалуй, окажется прочнѣе.

Эти го-рельефы составляли собственно фронтоны или фризъ громаднаго алтара, посвященнаго Зевесу и Палладѣ (фигуры въ полтора раза превосходятъ человѣчскій ростъ)—стоявшаго передъ дворцомъ или храмомъ Аттала. Они найдены на довольно незначительной глубинѣ—и хотя разбиты на части (всѣхъ отдѣльныхъ кусковъ собрано болѣе 9000—правда, иные куски аршина полтора въ квадратѣ и болѣе),—но главные фигуры и даже группы сохранены, и мраморъ не

подвергся тѣмъ разрушительнымъ вліяніямъ открытаго воздуха и прочимъ насиліямъ, отъ котораго такъ пострадали останки Пареевона. Всѣ эти обломки были тщательно перенумерованы, уложены на двухъ корабляхъ — и привезены изъ Малой Азіи въ Триестъ (два другихъ корабля еще въ дорогѣ съ остатками четырехъ колоссальныхъ статуй и архитектурныхъ частей) — потомъ отправлены по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ. Теперь они занимаютъ нѣсколько залъ въ Музеумѣ, на полу которыхъ они разложены — и поемному складываются въ прежнемъ своемъ порядкѣ, подъ наблюденіемъ коммисіи профессоровъ и съ помощью цѣлой артели искусныхъ итальянскихъ формовщиковъ. Къ счастью, главные группы сравнительно меньше пострадали — и публика, которой позволено разъ въ недѣлю осматривать ихъ съ высоты небольшихъ подмостковъ, окружающихъ лежащіе мраморы, можетъ уже теперь составить себѣ понятіе о томъ, какое поразительное зрѣлище представлятъ эти го-рельефы, когда сплоченные и воздвигнутые вертикально, въ особенно для нихъ устроенномъ зданіи, они представлены передъ удивленными взорами нынѣшнихъ поколѣній во всей своей двухтысячелѣтней, скажемъ болѣе — въ своей безсмертной красотѣ.

Эти го-рельефы (многіе изъ тѣхъ такъ выпуклы, что совсѣмъ видѣются изъ задней стѣны, которая едва съ одной стороны прикасается ихъ членовъ), — эти го-рельефы изображаютъ битву боговъ съ титанами или гигантами, сыновьями Гѣи (Земли). Не можемъ здѣсь же, вѣстать, не замѣтить, что какое счастье для народа обладать такими поэтическими, исполненными глубокаго смысла религіозными легендами, какими обладали греки, эти аристократы человѣческой породы. Побѣда несомнѣнная, окончательная — на сторонѣ боговъ, на сторонѣ свѣта, красоты и разума; но темныя, дикія земныя силы еще сопротивляются — и бой не конченъ. По срединѣ всего фронтона Зевсъ (Юпитеръ) поражаетъ громоноснымъ оружіемъ, въ видѣ опрокинутаго скиптра, гиганта, который падаетъ стремглавъ, спиною къ зрителю, въ бездну; съ другой стороны — вадывается еще гигантъ, съ яростью на лицѣ — очевидно, главный борецъ, — и, напрягая свои послѣднія силы, являетъ такіе контуры мускуловъ и торса, отъ которыхъ Микель-Анджело пришелъ бы въ восторгъ. Надъ Зевсомъ богиня Побѣды паритъ, расширяя свои орлиныя крылья, и высоко вадываетъ пальму триумфа; богъ солнца, Аполлонъ, въ длинномъ легкомъ хитонѣ, сквозь который ясно выступаютъ его божественныя, юношескіе члены, мчитъ на своей колесницѣ, везомый двумя конями, такими же безсмертными, какъ онъ самъ; Эосъ (Аврора) предшествуетъ ему, сидя бокомъ на другомъ конѣ, въ перехваченной на груди струистой одеждѣ, и, обернувшись къ своему богу, зоветъ его впередъ виахомъ обважен-

ной руки; конь подъ ней такъ же — и какъ-бы сознательно — обора- чиваетъ назадъ голову; подъ колёсами Аполлона умираетъ раздав- ленный гигантъ, — и словами нельзя передать того трогательнаго и умиленнаго выраженія, которымъ набѣгающая смерть просвѣтляетъ его тяжелыя черты; уже одна его свѣшенная, ослабѣвшая, тоже умирающая рука — есть чудо искусства, любоваться которымъ стоило бы того, чтобы нарочно съѣздить въ Берлинъ. Далѣе, Паллада (Минерва), одной рукой схвативъ крылатаго гиганта за волосы и волоса его по землѣ, бросаетъ длинное копьё другою, круто поднятой и загнутой назадъ рукою, между тѣмъ какъ ея змѣя, змѣя Паллады, обвившись во- кругъ побѣжденнаго гиганта, вивается въ него зубами. Кстати за- мѣтить, что почти у всѣхъ гигантовъ ноги заканчиваются змѣиными тѣлами, — не хвостами, а тѣлами, головы которыхъ также при- нимаютъ участіе въ битвѣ; Зевсовы орлы ихъ терзаютъ, — уцѣлѣла одна змѣиная широкая, раскрытая пасть, захваченная орлиной ла- пой. Тамъ Цибелла (Деметеръ), мать боговъ, мчится на львѣ, перед- няя часть котораго, въ сожалѣнію, пропала (много обломковъ мрамора было сожжено варварами на ивѣсть); человѣческая нога судо- рожно упирается въ брюхо льву — и своей поразительной реальной правдой служить противоположностью другой, идеально-прекрасной ногѣ, несомнѣнно принадлежавшей богу, побѣдоносно наступившему на мертваго гиганта. Вакхъ-Діонисосъ, Діана-Артемида, Гефестъ-Вул- канъ — также въ числѣ бойцовъ-побѣдителей; есть другіе еще, пока безымянные боги, нимфы, сатиры, — всѣхъ фигуръ около сорока и всѣ выше человѣческаго роста! Поразительна фигура Гѣн (Земли), матери гигантовъ; вызванная гибелью своихъ сыновъ, она до поло- вины корпуса, до пояса, поднимается изъ почвы... Нижняя часть ея лица отбита (головы Зевеса и Паллады — увы! — также исчезли), но какой величавой и безконечной скорбью вѣетъ отъ ея чела, глазъ, бровей, ото всей ея колоссальной головы — это надо видѣть... на это даже намекнуть нельзя. Всѣ эти — то лучезарныя, то грозныя, жи- выя, мертвыя, торжествующія, гибнущія фигуры, эти извивы чешуй- чатыхъ змѣиныхъ колецъ, эти распростертыя крылья, эти орлы, эти кони, оружія, щиты, эти летучія одежды, эти пальмы и эти тѣла, красивѣйшія человѣческія тѣла во всѣхъ положеніяхъ, смѣлыхъ до неувѣроятности, стройныхъ до музыки, — всѣ эти разнообразнѣйшія выраженія лицъ, беззавѣтныхъ движенія членовъ, это торжество злобы, и отчаянію, и веселость божественная, и божественная жестокость — все это небо и вся эта земля — да это міръ, цѣлый міръ, передъ от- кровеніемъ котораго невольный холодъ восторга и страстнаго благоговѣнія пробѣгаетъ по всѣмъ жиламъ. И вотъ еще что:

при видѣ всѣхъ этихъ неудержимо свободныхъ чудесъ, куда дѣваются всѣ принятые нами понятія о греческой скульптурѣ, объ ея строгости, невозмутимости, объ ея сдержанности въ границахъ своего спеціальнаго искусства, словомъ, объ ея классицизмѣ, — всѣ эти понятія, которыя, какъ несомнѣнная истина, были преподаваемы намъ нашими наставниками, теоретиками, эстетиками, всей нашей школой и наукой? — Правда, намъ по поводу, напримѣръ, Лаокоона, или умирающаго Гладіатора, наконецъ, фарнезскаго Быка говорили о томъ, что и въ древнемъ искусствѣ проявлялось нѣчто напоминающее то, что гораздо позже называлось романтизмомъ и реализмомъ; упоминали о родосской школѣ ваянія, даже о пергамской школѣ; но тутъ же замѣчали, что всѣ эти произведенія уже носятъ нѣкоторый оттѣнокъ упадка, деходящаго, напримѣръ, въ фарнезскомъ Быкѣ до роково; толковали о границахъ живописи и ваянія и о нарушении этихъ границъ; но какая же можетъ быть рѣчь объ упадкѣ передъ лицомъ этой „Битвы боговъ съ гигантами“, которая и по времени своего происхожденія относится къ лучшей эпохѣ греческой скульптуры — къ первому столѣтію послѣ Фидіаса? Да и какъ подвести эту „Битву“ подъ какую-либо рубрику? Конечно, „реализмъ“, — ужъ если взять это слово — реализмъ нѣкоторыхъ подробностей изумителенъ, тамъ попадаютъ обуви, складки тканей, переливы кудрей, даже вихры шерсти надъ копытами коней, оттѣнокъ которыхъ не перещеголяютъ самые новѣйшіе итальянскіе скульпторы, а ужъ на что они теперь въ этихъ дѣлахъ мастера! Конечно, „романтизмъ“, въ смыслѣ свободы — тѣлодвиженія, позъ, самаго сюжета, въ устахъ иного французскаго педанта получилъ бы названіе всклокоченнаго — „échevelé“; но всѣ эти реальныя детали до того исчезаютъ въ общемъ цѣлостномъ впечатлѣніи, — вся эта бурная свобода романтизма до того проникнута высшимъ порядкомъ и яснымъ строемъ высокохудожественной, идеальной мысли, что нашему брату-эпигону только остается преклонить голову и учиться, — учиться снова, перестроить все, что онъ до сихъ поръ считалъ основной истиной своихъ соображеній и выводовъ. Повторяю, — эта „Битва боговъ“, дѣйствительно, откровеніе, и когда — не раньше однаго года или двухъ — воздвигнется, наконецъ, передъ нами этотъ „алтарь“, всѣ художники, всѣ истинные любители красоты должны будутъ ходить къ нему на поклоненіе.

Я только вскользь упомянулъ о тѣхъ тысячахъ небольшихъ обломковъ, которые тутъ же лежали на полу залъ, и которые постепенно поступаютъ, по мѣрѣ возможности, на свои мѣста. Хода вокругъ нихъ, безпрестанно поражаешься — то какимъ-нибудь прест-

нымъ плечомъ, то частью руки или ноги, то клочкомъ волнистой тунники, то просто архитектурнымъ украшеніемъ... Между прочимъ, тамъ есть небольшая, вполне сохранившаяся женская голова изъ желтоватаго мрамора, которая и по размѣрамъ не подходитъ ни къ одной богинѣ... Я забылъ сказать, что по бокамъ этого огромнаго алтаря существовали барельефы, меньшей величины и болѣе плоскіе... Эта прелестная голова до того кажется, по выраженію, намъ современною, что, право, невольно думаешь, что она и Гейне читала, и знаетъ Шумана...

Однако, довольно. Позволю себѣ прибавить одно слово: выходя изъ Музеума, я подумалъ: „Какъ я счастливъ, что я не умеръ, не доживъ до послѣднихъ впечатлѣній, что я видѣлъ все это!“—Смѣю полагать, что и другіе подумаютъ то же самое, проведя часъ-другой въ созерцаніи пергамскихъ мраморовъ „Битвы боговъ съ гигантами“.

Ив. Тургиневъ.

С.-Петербургъ.—18-го марта 1880 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1880.

Третье отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи.—Отзывы въ печати на обращеніе правительства къ общественной поддержкѣ.—Начальныя городскія училища въ С.-Петербургѣ.—Настоящее положеніе нашихъ военно-учебныхъ заведеній.—Вопросъ объ усмысленіи незаконнорожденныхъ дѣтей.—Улучшеніе состава присяжныхъ засѣдателей.—Новая газета «Берегъ» о реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.—Есть свидѣнію редакціи «Голоса».

Подчиненіе Третьяго отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи, а вслѣдъ затѣмъ и корпуса жандармовъ, Главному Начальнику верховной распорядительной комиссіи поставило на очередь вопросъ о будущности перваго изъ этихъ учреждений. Петербургская журналистика отнеслась къ этому вопросу съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Основная, общая всѣмъ мысль заключается въ томъ, что если Третьему отдѣленію и суждено возвратиться къ самостоятельной дѣятельности, то не въ прежней формѣ и не въ прежнихъ границахъ. Противъ необходимости спеціальной государственной полиціи никто не возражаетъ, лишь бы только она была введена въ административный организмъ, какъ одна изъ обыкновенныхъ составныхъ частей его, равноправныхъ со всѣми остальными, и соединена въ одномъ вѣдомствѣ съ общей полиціей; но административно-судебная, въ существѣ же своемъ карательная власть, единогласно признается несовмѣстной съ правомѣрнымъ государственнымъ строемъ, и притомъ не достигающей своей цѣли. Наше мнѣніе по этому предмету давно уже извѣстно читателямъ. „Для отнятія или ограниченія права“, сказано было въ нашемъ журналѣ еще девять лѣтъ тому назадъ ¹⁾, „необходимъ приговоръ уголовнаго суда, основанный на уголовномъ законѣ. Только законъ, какъ нѣчто постоянное, твердое и для

¹⁾ „Итоги судебной реформы“: „Вѣстникъ Европы“, 1871 г., № 5, стр. 357.

всѣхъ доступное, можетъ указать тѣ нарушенія гражданскаго или государственнаго долга, которыя должны имѣть послѣдствіемъ отнятіе или ограниченіе права; только уголовный судъ, предоставляющій обвиняемому всѣ средства къ защитѣ и оправданію, соединяющій въ себѣ всѣ условія для безпристрастнаго и спокойнаго отношенія къ дѣлу, можетъ рѣшить, существуетъ ли въ данномъ случаѣ нарушеніе и долженъ ли отвѣчать за него его виновникъ. Одинаково несправедливо, одинаково опасно и вредно подвергать кого-нибудь наказанію за проступокъ, не запрещенный уголовнымъ закономъ—и опредѣлять наказаніе безъ предварительнаго изслѣдованія дѣла общимъ судебнымъ порядкомъ. Говоря о наказаніи, мы разумѣемъ, конечно, не тѣ только карательныя мѣры, которыя установлены уголовнымъ закономъ, а всякое вообще отнятіе или ограниченіе права, принадлежащаго человѣку физически и нравственно правоспособному. Понятно, напримѣръ, что ограниченіемъ свободы слѣдуетъ считать не только ссылку на поселеніе или на житье, предусмотрѣнную уложеніемъ о наказаніяхъ, но и всякую высылку изъ мѣста жительства, всякое стѣсненіе въ правѣ свободнаго его избранія... Называйте подобныя мѣры какъ хотите — мѣрами для предупрежденія и пресѣченія преступленій, мѣрами для охраненія общественной безопасности, мѣрами, принимаемыми во имя общаго блага (*salut public*), — сущность ихъ отъ этого не измѣняется; исходя отъ администраціи, онѣ все-таки остаются ничѣмъ другимъ, какъ нарушеніемъ коренныхъ условій правильнаго общественнаго устройства“. Разбирая, далѣе, обычные аргументы въ пользу такъ называемой *административной расправы*, нашъ журналъ останавливался, между прочимъ, на томъ изъ нихъ, который, противопоставляя злоумышленникамъ добрыхъ гражданъ, признаетъ безвредными, безразличными для послѣднихъ мѣры, исключительно направленныя противъ первыхъ. „Во время первой французской революціи этотъ аргументъ былъ высказанъ въ знаменитой фразѣ: *que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent!* Къ сожалѣнію, различіе между *bons* и *méchants* устанавливается на практикѣ не такъ легко, какъ въ теоріи. Стоить только объявить извѣстную категорію лицъ подозрительными (*suspects*) — и черезъ нѣсколько времени никто не будетъ знать, гдѣ начинается и гдѣ оканчивается эта категорія. Несдержанное ни точнымъ опредѣленіемъ закона, ни правильными обрядами судопроизводства, усердіе, даже самое благонамѣренное, скоро теряетъ чувство мѣры и осторожности. Понятіе о политическомъ преступленіи—или, лучше сказать, о политической неблагонадежности—дѣлается все болѣе и болѣе эластичнымъ, къ признакамъ такой неблагонадежности присоединяются черты, не имѣющія съ нею

ничего общаго... Нельзя привыкнуть къ мысли о томъ, что воръ или мошенникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, свободно пользуется всѣми законными средствами защиты и часто приговаривается судомъ лишь къ кратковременному содержанію подъ стражей, — а человѣкъ, подозрѣваемый въ политической неблагонадежности, высылается безъ суда, безъ истребованія объясненій, иногда даже безъ предваренія объ ожидающей его участи, въ одну изъ тѣхъ губерній, которыя служатъ мѣстомъ ссылки для осужденныхъ за подлогъ, крупное воровство или мошенничество. Такая высылка — не простое ограниченіе свободы; она часто можетъ быть равносильна отнятію у высылаемаго лица и у его семейства всѣхъ средствъ къ существованію въ настоящемъ, всѣхъ надеждъ на будущее". Сознавая, что мысль о немедленномъ и совершенномъ уничтоженіи административной расправы была бы, при данныхъ обстоятельствахъ, непрактичною мечтою, „Вѣстникъ Европы“ предлагалъ — какъ это и теперь дѣлаютъ нѣкоторыя газеты — учрежденіе, въ видѣ переходной мѣры, особаго административнаго суда". „Еслибы право принимать чрезвычайныя политическія мѣры было оставлено только за центральными органами правительства, и притомъ только въ отношеніи къ политическимъ проступкамъ¹⁾; еслибы принятіе подобныхъ мѣръ зависѣло въ каждомъ данномъ случаѣ не отъ одного лица, а отъ коллегіальнаго учрежденія, пользующагося независимостью, обязаннаго руководствоваться заранѣе опредѣленными правилами и выслушивать всѣ объясненія и оправданія лица, призываемаго къ отвѣтственности; еслибы высылаемые лица были водворяемы въ такіе города, гдѣ они могли бы продолжать свои прежнія занятія; еслибы, наконецъ, былъ опредѣленъ срокъ ссылки или порадокъ, въ которомъ можетъ совершаться возвращеніе высланнаго лица, — то сумма личной безопасности, оставаясь весьма ограниченной, все-таки увеличилась бы довольно замѣтно, и на этой переходной точкѣ все же немного легче было бы ожидать желаннаго, окончательнаго шага къ безусловному господству закона". Учрежденіе, отчасти похожее на такой судъ, существуетъ въ Германіи на основаніи закона, изданнаго въ 1878 г. противъ соціально-демократической партіи.

Въ томъ же самомъ 1871 году, у насъ затронутъ былъ и другой вопросъ о цѣлесообразности карательныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ администраціей. И тогда уже мы видѣли не мало оснований, заставлявшихъ сомнѣваться въ возможности достигнуть этимъ путемъ

¹⁾ Въ цитируемой нами статьѣ говорилось, между прочимъ, о вредѣ, происходящемъ отъ предоставленія чрезвычайной власти второстепеннымъ органамъ администраціи и отъ примѣненія ея къ дѣламъ, чуждымъ всякаго политическаго характера.

какихъ бы то ни было прочныхъ результатовъ. Послѣ 1871 г. примѣненіе административной расправы получило размѣры еще гораздо болѣе широкіе, — и не предупредило ни тайныхъ обществъ, такъ быстро растущихъ въ ширь и глубь со времени нечаевского процесса, ни цѣлаго ряда политическихъ убійствъ и покушеній на убійство, слѣдующихъ одно за другимъ, начиная съ 1878 г. Годъ тому назадъ чрезвычайная власть, которою облечено Третье отдѣленіе, была распространена на временныхъ генералъ-губернаторовъ, съ новымъ расширеніемъ ея предѣловъ — и эта мѣра точно также не привела къ желанной цѣли. Не говорятъ ли всѣ эти факты съ неотразимой силой за необходимость измѣненія системы, лежавшей до сихъ поръ въ основаніи дѣятельности Третьяго отдѣленія? Не дадутъ ли они право надѣяться, что переходъ этого учрежденія въ вѣдѣніе Главнаго Начальника верховной комиссіи означаетъ не только перемѣну лица, но и принципиальную перемѣну образа дѣйствій, если не въ настоящемъ, то въ очень близкомъ будущемъ? Область административной расправы должна суживаться по мѣрѣ того, какъ будетъ расти *общественная поддержка*, о которой говоритъ графъ Лорисъ-Меликовъ въ первомъ призывѣ своемъ къ русскому обществу.

Къ сожалѣнію, не всѣ представители общества сумѣли оцѣнить высокое значеніе этого призыва. Знаменательнымъ словамъ Главнаго Начальника верховной комиссіи: „На поддержку общества смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильного теченія государственной жизни“, — „Московскія Вѣдомости“ (№ 51) противопоставили рѣшительное отрицаніе всякой мысли объ общественной поддержкѣ. „Гдѣ эти элементы въ интеллигентныхъ сферахъ нашего общества“, — восклицаетъ московская газета, „на которые могло бы опереться правительство великой державы? Не въ салонахъ ли петербургскихъ? Не въ фельетонахъ ли петербургскихъ газетъ? Не въ наукѣ ли нашей? Гдѣ эта наука, гдѣ ея плоды?.. Развѣ можно думать въ эту минуту о представительствѣ, какъ о полезной силѣ? Развѣ дозвоительно думать о чемъ-либо подобномъ въ солидарности съ гнуснѣйшимъ заговоромъ, руководимымъ вражескою рукою? *Нѣтъ надобности обращаться къ обществу за поддержкой и пособіемъ.* Оно само обратится къ правительству на всякую добрую помощь и содѣйствіе, лишь бы только правительство должнымъ образомъ дисциплинировало своихъ дѣятелей, *сверху до низу*, и искало себѣ опоры въ патріотическомъ духѣ и русскомъ миѣніи. Дисциплина въ правительственныхъ рядахъ и патріотизмъ въ образованныхъ слояхъ общества — вотъ что требуется, вотъ о чемъ надо позаботиться; начать же необходимо съ дисциплины“. — „Не въ

лителлигенціи петербургской—говорится въ другомъ мѣстѣ той же статьи,—а въ русскомъ народѣ слѣдуетъ искать опоры во всякомъ правительственномъ дѣлѣ“.

Если бы въ словахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ выражалось—какъ это думаютъ нѣкоторые органы нашей печати—только личное мнѣніе г. Каткова и немногихъ его сотрудниковъ и благопріятелей, они могли бы быть оставлены безъ вниманія; но за московской газетой въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, стоитъ цѣлая общественная группа, съ которой нельзя не считаться. Это—та группа, которая давно уже провозглашаетъ необходимость „поставить точку“ къ реформамъ, взять назадъ или извратить наиболѣе опасная изъ нихъ, искать спасенія только въ силѣ, разсвѣтать всѣ вопросы острыми полицейскими или карательными мѣропріятіями; это—та группа, которая сознательно или безсознательно смѣшиваетъ законное неудовольствіе съ анархическими страстями, желаніе преобразованій съ революціонной агитаціей; это—та группа, которая говоритъ устами петербургскаго корреспондента берлинской „Крестовой Газеты“: „правительство слишкомъ слабо относится къ тѣмъ сферамъ, которыя потворствуютъ фанатикамъ нигилизма, а потому нельзя сказать, чтобы противъ нигилизма принимались серьезныя мѣры“. Вліяніе этой группы чувствуется слишкомъ сильно, чтобы ему можно было противопоставить только молчаливое пренебреженіе. Мы вполне понимаемъ негодованіе, заставившее К. Д. Кавелина ¹⁾ возвысить голосъ противъ яростныхъ криковъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Ученикъ и другъ Вѣлинскаго, пережившій вмѣстѣ съ г. Катковымъ эпоху рожденія новыхъ общественныхъ идеаловъ, такъ же бережно хранящій лучшія преданія этой эпохи, какъ беззавѣтно забываетъ о нихъ бывшій его союзникъ, К. Д. Кавелинъ не могъ отнестись равнодушно къ апофеозу направленія, плоды котораго ему слишкомъ хорошо знакомы еще со временъ его молодости. Ошибается К. Д. Кавелинъ только тогда, когда говоритъ: „Роль наша, людей сороковыхъ годовъ, уже сыграна и мы уже не можемъ принимать участія въ современной жизни въ качествѣ дѣятелей“; но самое появленіе въ печати подобной статьи доказываетъ, что ихъ роль не сыграна, что они вовсе не отказываются подать голосъ и тѣмъ принять полезное участіе въ современной жизни. Нѣтъ, роль поколѣнія, къ которому принадлежитъ К. Д. Кавелинъ, не можетъ считаться вполне сыгранною, пока игнорируются или оспариваются истины, введенныя имъ же въ оборотъ русской жизни. На стражѣ этихъ истинъ люди сороковыхъ годовъ, оставшіеся вѣрными своему знамени, должны стоять—да и стоять на

¹⁾ См. „Молву“, № 57.

самомъ дѣлѣ—вмѣстѣ съ своими преемниками, ближайшими и отдаленными. Это поняло общество, привѣтствовавшее въ прошломъ году величайшаго изъ живущихъ между нами современниковъ Грановскаго и Вѣлинскаго — И. С. Тургенева; это вспоминается и чувствуется каждый разъ, когда приобрѣтенію, казавшемуся прочнымъ, угрожаетъ опасность, когда возобновляется борьба, которую давно можно было считать оконченною. Теорія, проповѣдуемая „Московскими Вѣдомостями“ и поддерживаемая, насколько хватаетъ силъ, ихъ литературными и не литературными союзниками, отрицаетъ не то или другое крайнее мнѣніе, а всю совокупность условій, необходимыхъ для успѣшнаго продолженія преобразовательной работы.

Отсутствіе, будто бы, въ обществѣ элементовъ, съ помощью которыхъ могло бы быть достигнуто властью „возобновленіе правильной теченія государственной жизни, возвращеніе отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія“—не что иное, какъ не совсѣмъ новый вариантъ на старую, избитую таму. Мы слыхали ту же пѣсню передъ каждой новой, сколько-нибудь широкой реформой. Намъ увѣряли, что не найдется людей для проведенія въ жизнь положеній 19-го февраля,—и вслѣдъ за тѣмъ явились мировые посредники нерваго призыва; намъ пугали отсутствіемъ или недостаткомъ силъ, способныхъ осуществить новыя судебныя уставы,—и первыя же мѣсяцы дѣятельности новыхъ судовъ доказали всю тщету этого страха; намъ говорили, что земское самоуправленіе мыслимо только въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ,—а въ числѣ лучшихъ дѣятелей его оказались не только небогатые помѣщики, но и крестьяне. Теперь требованія жизни ставятся шире, чѣмъ пятнадцать, двадцать лѣтъ тому назадъ,—но за то и жизнь ушла далеко впередъ, приготовила фундаментъ для новыхъ капитальныхъ построекъ. Этотъ фундаментъ—всѣ реформы настоящаго царствованія; каждая изъ нихъ, какъ мы старались показать въ предъидущемъ обзорѣ, не только устраняла ту или другую преграду къ развитію, но и создавала для него положительныя точки опоры. Искать этой опоры слѣдуетъ, конечно, не въ салонахъ и не въ фельетонахъ, хотя и въ нихъ можно уловить работу общественной мысли. Есть другія, болѣе широкія сферы жизни, забывать о которыхъ можетъ только крайнее ослѣпленіе или полнѣйшая недобросовѣстность. Фонарь, при свѣтѣ котораго „Московскія Вѣдомости“ изслѣдуютъ составныя элементы нашего общества, горитъ очень тускло или, лучше сказать, закрытъ наглухо, если онъ, остановясь на салонахъ и фельетонахъ, просматривалъ земское и городское самоуправленіе. Всесословныя собранія, хотя бы и избранныя для спеціальной, сравнительно-узкой цѣли, хотя бы и не вполне удовлетворительно составленныя, вслѣдствіе

несовершенство избирательнаго закона, не должны быть упущены изъ виду, когда идетъ рѣчь объ общественной поддержкѣ, первая форма которой, безъ сомнѣнія—свободное выраженіе мысли общества. Съ этой точки зрѣнія болѣе чѣмъ странно высокомерное отношеніе къ печати, достаточно выросшей и созрѣвшей, чтобы служить вѣрнымъ, хотя и—по необходимости—неполнымъ отраженіемъ различныхъ общественныхъ взглядовъ. Органу печати, сильному только своимъ вліяніемъ на извѣстную часть общества и сочувствіемъ, въ ней находимымъ, менѣе чѣмъ кому бы то ни было пристало сомнѣваться въ правѣ другихъ газетъ и журналовъ на вниманіе высшаго правительства, апеллирующаго къ общественному содѣйствію. Удивляться ли, впрочемъ, игнорированію печати со стороны тѣхъ, кто не хочетъ видѣть русской науки, не хочетъ вѣрить въ существованіе плодовъ ея? Какъ ни мало сдѣлала еще русская наука, сравнительно съ европейскою—она стоитъ бесконечно выше грубаго призыва къ диктатурѣ и способна по меньшей мѣрѣ обнаружить всю фальшь, гнѣздящуюся въ этомъ призывѣ. Она способна и на гораздо большее; она можетъ освѣтить настоящее яркимъ ретроспективнымъ свѣтомъ, раскрыть смыслъ уроковъ, заключающихся въ прошедшемъ русскаго народа, указать точки соприкосновенія между стариною и новизною. Неужели русская историческая наука стоитъ въ настоящее время на томъ же пунктѣ, на которомъ оставилъ ее Карамзинъ? Неужели труды Кавелина, Соловьева, Костомарова, Забѣлина, Сергѣевича, Ключевскаго не могутъ считаться зрѣлыми ея плодами, имѣющими глубокое практическое значеніе? Неужели наша экономическая наука не ушла впередъ съ тѣхъ поръ, какъ все ея богатство ограничилось двумя-тремя учебниками, скопированными съ французскихъ моделей? Можно ли, наконецъ, отдѣлять русскую науку отъ европейской, отрицать ту силу, которую черпаетъ первая изъ постоянного общенія съ послѣдней? Допустимъ, что русская наука не произвела ничего самостоятельнаго; она во всякомъ случаѣ богата опытомъ другихъ народовъ, цѣннымъ и для Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ русская государственная и общественная жизнь неразрывно связана съ общеевропейскою.

По странному противорѣчію, публицисты, возстающіе противъ обращенія власти къ общественной поддержкѣ, признаютъ однако, что правительство нуждается въ нравственной опорѣ. Эту опору они видятъ то въ „патріотическомъ духѣ и русскомъ мнѣніи“, то въ русскомъ народѣ. Но если общество неспособно помочь правительству, если всѣ элементы русской интеллигенціи испорчены или безсильны, то что же слѣдуетъ понимать подъ именемъ *русскаго мнѣнія* (замѣтьте—не общественнаго, а какого-то другого)? Въ какой

формѣ оно можетъ быть высказано, если всѣ существующіе органы его нигде не годятся, а мысль объ учрежденіи новыхъ составляетъ, въ глазахъ этихъ публицистовъ, чуть не государственное преступленіе? Патриотическій духъ, въ глазахъ нашихъ *спасителей общества*, есть сила, которую еще надлежитъ создать, и притомъ не сейчасъ, а только тогда, когда въ правительственныхъ рядахъ будетъ установлена желанная дисциплина. Чѣмъ оказался бы патриотизмъ, *сдѣланный* при посредствѣ дисциплины, — это понять не трудно. Въ отвѣтъ Е. Д. Кавелину „Московскія Вѣдомости“ (№ 66) называютъ русскій народъ великой, сверху до низу, исторически организованной силой. „Опирайтесь на русскій народъ, — говорятъ онѣ, — не значить опираться только на его темныя массы, а на всю совокупность его организаціи, на всѣ его сословія, по скольку каждое изъ нихъ остается вѣрнымъ историческому духу своего народа и подчиняетъ свой интересъ государственной пользѣ. Но нельзя сказать, чтобъ интеллигенція, посвящаясь надъ Россіей и имѣющая свое средоточіе въ Петербургѣ, была русскимъ народнымъ разумомъ, чтобы она была органомъ русскаго патриотическаго духа, чтобы она въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ управлялась русскими историческими началами“. Уступка, сдѣланная повидимому въ началѣ этой тирады, берется назадъ въ ея концѣ, и народъ остается тѣмъ, чѣмъ онъ всегда былъ въ устахъ московской газеты — не живымъ единеніемъ такъ-называемаго общества съ такъ-называемой массой, а безформенной стихіей, элементомъ противоположнымъ (и враждебнымъ) интеллигенціи. Отдѣленный отъ интеллигенціи, народъ не имѣетъ ни органовъ, ни способовъ для выраженія своей мысли; народная поддержка, независимая отъ общественной — пустая фраза, подъ которой можетъ скрываться и нѣчто гораздо худшее. Можно находить, что не всѣмъ частямъ народа одинаково легко отзываться на призывъ къ общественной поддержкѣ, что возможность высказываться, крайне недостаточная для всѣхъ, для однихъ ограничена еще болѣе, чѣмъ для другихъ; но логически вытекаетъ отсюда только необходимость лучшей организаціи общества, умноженія средствъ и формъ, съ помощью которыхъ можетъ быть услышанъ его голосъ, а отнюдь не необходимость занимать ротъ тѣмъ, кто въ состояніи говорить, и внимательно относиться лишь къ тѣмъ, кто хранитъ глубокое молчаніе.

Приверженцы реакціи, во вкусѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, преслѣдуютъ двоякую цѣль: заградить дорогу впередъ — и вызвать или усилить поворотъ въ противоположную сторону. Главнымъ орудіемъ ихъ въ обоихъ случаяхъ служитъ широко-распространительное толкованіе понятія о противогосударственныхъ

и противообщественныхъ тенденціяхъ. По теоріи этихъ господъ, говорить о необходимости движенія—значить становиться на сторону агитаторовъ, присоединяться къ ихъ преступнымъ требованіямъ; возражать противъ необходимости новыхъ репрессивныхъ мѣръ—значить „потворствовать фанатикамъ нигилизма“. Фальшь, заключающаяся въ первомъ изъ этихъ аргументовъ, была уже выставлена на видъ К. Д. Кавелинымъ; полное разоблаченіе ея затруднено, къ сожалѣнію, невозможностью открытой полемики съ произведеніями тайной прессы, невозможностью даже всесторонняго знакомства съ ними. Замѣтимъ только, что одно и то же слово можетъ обнимать собою весьма различные представленія, и что даже *тождествомъ* выраженія нельзя доказывать *общности* стремленій ¹⁾. Положимъ, что возникаетъ вопросъ о войнѣ или мирѣ. Изъ числа высказывающихся за войну, одни могутъ видѣть въ ней исключительно источникъ личной для себя выгоды, въ формѣ почестей или наживы; другіе могутъ привѣтствовать ее, какъ причину слабости для государства, дезорганизация котораго составляетъ соврѣнный предметъ ихъ усилій; третьи могутъ желать войны для пріостановленія ненавистныхъ изъ реформъ; четвертые, наоборотъ—для ускоренія и довершенія ихъ; пятые могутъ думать только о военной славѣ, шестые—только о достиженіи ближайшей цѣли, съ которою предпринимается война. Общимъ лозунгомъ для всѣхъ этихъ чувствъ и взглядовъ будетъ служить—война, война во что бы-то ни стало!—но справедливо ли было бы подводить ихъ подъ одну мѣрку, считать представителей ихъ солидарными между собою? Въ вопросѣ же, теперь занимающемъ насъ, внутреннее разногласіе при кажущемся внѣшнемъ сходствѣ еще болѣе глубоко. Какъ бы ни были разнообразны ожиданія, возлагаемыя на войну, она все-таки остается войною, т.-е. совокупностью наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій, болѣе или менѣе предопредѣленныхъ взаимнымъ отношеніемъ воюющихъ державъ; усовершенствованіе же государственнаго строя можетъ быть настолько различно въ самомъ существѣ своемъ, насколько различны побужденія, заставляющія желать его. Оттѣнковъ здѣсь такъ много и разстояніе между ними такъ громадно, что огульное сужденіе о сторонникахъ преобразованія становится рѣшительно немислимымъ. Недоразумѣніямъ—скорѣе, впрочемъ, намѣреннымъ, чѣмъ ненамѣреннымъ—способствуетъ до сихъ поръ всего больше неопредѣленная постановка искаженнаго

¹⁾ Новымъ прихитромъ подобной аргументаціи можетъ служить наводняемое „Московскихъ Вѣдомостей“, что Нечаевъ, выходя изъ суда, кричалъ: „земская дума!“—„земскій соборъ!“ Итакъ, еслибы одному изъ осужденныхъ революціонеровъ вздумалось крикнуть теперь: „вводная реформа!“—то нужно было бы наложить veto и на этотъ вопросъ?

„Московскими Вѣдомостями“ вопроса о представительствѣ, не идущая, вслѣдствіе внѣшнихъ препятствій, дальше самыхъ общихъ положеній. По справедливому замѣчанію К. Д. Кавелина, только съ устраненіемъ этихъ препятствій, т.-е. съ предоставленіемъ большаго простора печатному слову, общественная мысль получитъ желанную ясность, исчезнетъ послѣдній предлогъ къ прискорбному и вредному смѣшенію понятій.

Намъ говорятъ, что правительство не принимаетъ серьезныхъ мѣръ противъ нигилизма, что оно слишкомъ слабо относится къ тѣмъ сферамъ, которыя потворствуютъ фаворитамъ этого ученія. Въ отдѣльности взятое, первое изъ этихъ положеній было бы совершенно непонятно; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что чрезвычайная власть генералъ-губернаторовъ, военные суды, смертная казнь—не серьезныя мѣры противъ нигилистовъ. И дѣйствительно, второе положеніе имѣетъ цѣлью показать, что рѣчь идетъ объ усиленной строгости не противъ нигилистовъ, а противъ другихъ сферъ. На чью голову призывается ударъ—это остается неразъясненнымъ. Быть можетъ, здѣсь имѣются въ виду слѣдователи или судьи, уничтожающіе доказательства вины государственныхъ преступниковъ, полицейскіе чиновники, способствующіе ихъ побѣгу, должностныя лица, выдающія имъ тайны своихъ вѣдомствъ? Едва ли; не говоря уже о томъ, что подобныя случаи крайне рѣдки, они предусмотрѣны уголовнымъ закономъ и конечно не остаются безъ преслѣдованія; то же самое слѣдуетъ сказать о частныхъ лицахъ, укрывающихъ у себя государственныхъ преступниковъ, содѣйствующихъ уничтоженію слѣдовъ преступленія, открыто выражающихъ сочувствіе къ революціонной пропагандѣ. Возстаивая противъ „потворства нигилизму“, добровольцы реакціи мѣтатъ, очевидно, гораздо дальше; они заносятъ руку на цѣлыя общественныя группы, на цѣлыя отрасли общественной жизни, цѣлыя направленія общественной мысли. Журналъ или газета не официальнаго и не оффиціознаго колорита, земское собраніе, непочтительно относящееся къ интересамъ крупнаго землевладѣнія, присяжные заседатели, оправдывающіе сознавагося преступника, судъ, допускающій раскрытіе сословныхъ или административныхъ злоупотребленій,—вотъ враги, на которыхъ они хотятъ навлечь спасительную строгость власти. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ принятія первыхъ чрезвычайныхъ мѣръ противъ агитаторовъ прошло уже болѣе полутора года,—и въ продолженіе этого времени не было закрыто ни одно земское собраніе, не была ограничена свобода дѣйствій суда, не была экстренно усилена суровость отношенія администраціи къ печати! Это явный безпорядокъ, это соблазнъ, которому какъ можно скорѣе долженъ быть положенъ конецъ! Сильное правительство непремѣнно

должно запретить нѣсколько журналовъ, прекратить обсужденіе важнѣйшихъ вопросовъ, допустить выраженіе однихъ только чувствъ, безъ размысленій, и водворить наружное единогласіе съ помощью дисциплины. Такова основная мысль реакціонеровъ, не высказанная прямо, но безъ труда читаемая между строками. Отвѣтственность ихъ ничуть не уменьшается тѣмъ, что правительство не слѣдуетъ ихъ совѣтамъ. Въ смутное время слово тѣмъ легче можетъ перейти въ дѣло, чѣмъ проще и привычнѣе указываемая имъ дорога. Программа „Московскихъ Вѣдомостей“: „*нѣтъ надобности обращаться къ обществу за поддержкой и пособіемъ*“, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій была русской правительственной программой; понятно, какъ велика—въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ—опасность возвращенія къ ней. Къ счастью для Россіи, проповѣдь недоверія и усиленнаго гнета встрѣтила на этотъ разъ, повидимому, не совсѣмъ благопріятную для нея почву.

Въ одномъ изъ петербургскихъ періодическихъ изданій была недавно высказана мысль, что въ настоящую минуту можетъ и должна идти борьба только между защитниками и противниками самоуправленія и свободнаго выраженія мнѣній, что между тѣми и другими въ сущности нѣтъ середины, что всѣ частныя разногласія должны быть отложены въ сторону, всѣ личные счеты—забыты. Къ числу противниковъ свободной мысли эта газета относитъ, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, одни офиціозныя изданія. Признавая несвоевременность личныхъ счетовъ (едва ли, впрочемъ, они когда-либо и бывають своевременными), а также необходимость возможно большаго единодушія, мы не думаемъ однако, чтобы всѣ органы нашей печати могли быть сгруппированы только въ два лагеря, отграниченные одинъ отъ другого точною демаркаціонною линіею. Есть изданія, стоящія одной ногой въ одномъ, другою—въ другомъ лагерѣ. Въ ихъ неустойчивости и двойственности, точно такъ же какъ и въ независимой цѣльности „Московскихъ Вѣдомостей“, отражается частица нашей общественной мысли—и съ этой точки зрѣнія мы считаемъ нужнымъ посвятить и имъ нѣсколько словъ. „Dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es“, говоритъ французская пословица; для представителей упомянутой нами середины (или, лучше сказать, современнаго „ни то, ни се“) весьма характеристично почтительное отношеніе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“. „Московскія Вѣдомости“ не столбомъ и не стоятъ противъ реформъ; либералы напрасно называютъ ихъ ультра-охранительнымъ органомъ; пора бросить подобныя клички, давно вывѣтрившіяся и безсодержательныя; программѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ (той самой, гдѣ онѣ отрещиваются отъ общественной поддержки) нельзя отказать въ твердости и послѣдовательности, хотя

можно спорить съ нею *даже по существу* (какъ смѣло); негодованіе, вызываемое ею, довольно бессмысленно и т. д.—вотъ образцы этого отношенія, достаточно подтверждающіе нашу мысль о неполномъ изолированіи „Московскихъ Вѣдомостей“ среди русской печати. „Пора усвоить себѣ“, говоритъ та же петербургская газета, дружащая съ московской, „единственно-разумный критерій для опредѣленія того, чего намъ желать, къ чему стремиться. *Польза дѣла* — вотъ этотъ критерій; постепенное, спокойное, но безостановочное шествіе по пути мирнаго развитія — вотъ самый надежный способъ достигнуть наибольшей пользы... Мы всегда были того мнѣнія, что въ полемикѣ между нашими либералами и консерваторами кроется великое недоразумѣніе, въ которомъ существенную роль играетъ—правду сказать — крайнее рутинерство и доктринерство гг. либераловъ. Еслибы та и другая сторона дала себѣ трудъ хорошенько уяснить пункты несогласія, то, можетъ быть, оно оказалось бы по существу *желаній и упованій* не Богъ знаетъ какое“. Въ доказательство этому приводится списокъ реформъ, допускаемыхъ „Московскими Вѣдомостями“, — съ увѣреніемъ, что подъ такой программой предстоящей организаторской дѣятельности смѣло могли бы подписаться либералы. Сокращеніе сроковъ военной службы, облегченіе крестьянскихъ переселеній, отмена соляного налога, преобразование податной системы, устраненіе многихъ несовершенствъ по слѣдственной части, улучшеніе сельскаго благоустройства, опредѣленіе правильныхъ отношеній между нанимателями и нанимающимися—вотъ пункты, включенные въ программу минимыхъ реформистовъ. Никакихъ недоразумѣній не возбуждаютъ только первые три, не имѣющіе за то и никакой политической окраски; слѣдующіе два могутъ быть понимаемы весьма различно, и весь вопросъ—въ способѣ ихъ пониманія; подъ фирмой „улучшенія сельскаго благоустройства“ легко могутъ скрываться старые проекты вотчинной полиціи и т. п., а подъ видомъ „опредѣленія отношеній нанимателей къ нанимающимся“—старая попытка подчиненія послѣднихъ первымъ. Между такой программой и желаніями тѣхъ, кого называютъ рутинерами и доктринерами—только за то, что они не умѣютъ, по пословицѣ, молотить на двухъ гумнахъ,—очевидно, весьма мало общаго. Нѣтъ! какъ ни молоды наши партіи, соединить ихъ въ одно цѣлое не удастся никакому политическому эклектизму. Нужно быть очень наивнымъ, чтобы предлагать имъ въ критерій—да еще единственно разумный—*пользу дѣла*, т. е. самое неопредѣленное изъ всѣхъ относительныхъ понятій. Выставлять его своимъ девизомъ могутъ пріемъ противоположныя предпріятія; мотивировать *пользой дѣла* можно все что угодно, даже при полной искренности намѣренія. Въ глазахъ одного дѣйствительно полезной можетъ быть только дисциплина, въ глазахъ

другого — только общественная поддержка. Инстинктивно чувствуя недостаточность своего „единственно разумнаго критеріа“, газета спѣшитъ разъяснить, въ чемъ заключается, по ея мнѣнію, „самый надежный способъ достигнуть наибольшей пользы“, но разъясненіе это мало помогаетъ дѣлу. *Постепенное, спокойное, но безостановочное шествіе на пути мирнаго развитія* исключаетъ мысль о реакціи и о насильственномъ переворотѣ, но ничуть не разрѣшаетъ вопроса о предѣлахъ, средствахъ, цѣляхъ и послѣдовательности развитія. Въ виду примирительной формулы, до такой степени лишенной внутренняго содержанія, другой сторонѣ остается только коснѣть въ своемъ „рутинерствѣ и доктринерствѣ“ (известно, что наши квази-консерваторы совершенно свободны отъ этихъ недостатковъ!); дорога, указанная ей для сближенія съ противниками, оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, рѣшительно никуда не ведущей. Въ другой статьѣ той же газеты идетъ рѣчь о бездушномъ либерализмѣ, *питающемъ смуту своею безшабашностью, своею неопредѣленностью*. Обвиненіе это направлено, правда, не противъ всего русскаго либерализма, а противъ одного только его оттѣнка, отличающагося „оторванностью отъ народа, отъ условій народнаго быта“; но нѣсколькими столбцами ниже мы читаемъ слѣдующее: „если можно въ чемъ обвинять русскихъ либераловъ, то именно въ отсутствіи національных принциповъ, въ пренебреженіи къ народнымъ традиціямъ, въ рабскомъ копированіи иностранныхъ образцовъ и лѣни собственной мысли“. Отличительная черта „бездушнаго либерализма, питающаго смуту“, приписывается здѣсь русскимъ либераламъ уже безъ всякой оговорки. Въ концѣ-концовъ, такимъ образомъ, заключеніе петербургской газеты подходитъ весьма близко къ обычной московской тѣмѣ: „либерализмъ—одинъ изъ источниковъ смуты, одна изъ опоръ крамолы“. Спѣшимъ прибавить, что газета не выводитъ изъ этого тезиса никакихъ уголовно-полицейскихъ требованій, не предлагаетъ никакихъ „серьезныхъ мѣръ противъ сферъ, потворствующихъ нигилизму“, признаетъ даже пользу обращенія къ обществу, несмотря на распространеніе въ немъ либеральныхъ мнѣній; но при условіяхъ, переживаемыхъ нами, согласіе въ принципѣ сближаетъ больше, чѣмъ отдаляетъ разногласіе въ его приложеніи. Стоить только допустить общее положеніе, благопріятное рутинному образу дѣйствій—охотники сдѣлать изъ него логическій выводъ всегда найдутся.

Если „Московскія Вѣдомости“ и не стоятъ совершенно одиноко въ нашей печати, то направленіе, представляемое ими, во всякомъ случаѣ имѣетъ противъ себя значительное большинство ея органовъ. Въ средѣ этого большинства нѣтъ радикальнаго разногласія на счетъ того, что составляетъ настоятельную потребность настоящей минуты.

Есть основаніе предполагать, что въ томъ же смыслѣ высказалось бы, при первой возможности, большинство органовъ земскаго самоуправленія. Весьма знаменательно, съ этой точки зрѣнія, постановленіе харьковскаго губернскаго земскаго собранія, состоявшее еще въ декабрѣ 1878 г., но лишь недавно появившееся въ газетахъ. „Земскія собранія разрознены“, говорится въ запискѣ гласнаго Е. С. Гордѣенко, представленной земскимъ собраніемъ правительству въ видѣ отвѣта на первое обращеніе его къ общественной поддержкѣ: „между ними нѣтъ никакой связи... Они собираются во имя земскихъ повинностей, для нихъ обязательныхъ, и въ правѣ рассуждать о предметахъ мѣстнаго хозяйства. О дѣлахъ, чуждыхъ хозяйству, и даже сельско-хозяйственныхъ, но выходящихъ за предѣлы губерніи, они не имѣютъ права говорить; о дѣлахъ же политическихъ мы боимся рассуждать. Изъ такихъ разрозненныхъ и разсичатыхъ, подобно песку, элементовъ нельзя сплотить той силы, которая могла бы быть опорой государства и противостоять врагамъ его. Въ рукахъ земства могло бы быть орудіе, способное оказать содѣйствіе правительству — это общественное мнѣніе; но его у насъ нѣтъ, такъ какъ мы не имѣемъ органа для его выраженія; оно остается нѣмымъ, находится подъ контролемъ и не можетъ выражаться свободно, правильно, а иногда даже высказывается, по необходимости, совершенно превратно... Земство желало бы соединить всѣ свои силы не только для своихъ экономическихъ нуждъ, но и для всѣхъ нуждъ и польвъ государства, чтобъ и въ настоящее трудное время, которое мы переживаемъ, оно могло быть дѣйствительною опорой правительства“. Событія послѣдняго года послужили новымъ подтвержденіемъ этихъ словъ; въ связи съ голосами, со всѣхъ сторонъ раздающимися теперь, они по всей вѣроятности не пройдутъ безслѣдно.

II.

Чтобы судить о томъ, на что способно въ будущемъ наше самоуправленіе, необходимо имѣть въ виду результаты, достигнутые и достигаемые имъ не совсѣмъ при благопріятныхъ условіяхъ, въ узкой, со всѣхъ сторонъ ограниченной сферѣ дѣйствій. Весьма поучителенъ, въ этомъ отношеніи, напечатанный недавно отчетъ комиссіи, образованной с.-петербургскою городскою думою для завѣдыванія начальными городскими училищами. Усилія города получить въ свое вѣдѣніе городскія начальныя училища начались въ 1864-мъ году, но увѣнчались успѣхомъ лишь *тринадцать* лѣтъ спустя. Цѣль города заключалась не только въ томъ, чтобы управленіе училищами пере-

шло изъ однихъ рукъ въ другія, но и въ томъ, чтобы увеличилось число и улучшилось положеніе училищъ. Для достиженія этой цѣли, городъ уже тогда выражалъ готовность увеличить вѣтеро суму, расходуемую имъ на начальное обученіе. Въ 1867 г. только-что принятое дѣло было приостановлено отъѣвомъ министра внутреннихъ дѣлъ, который, „въ виду сдѣланныхъ въ послѣднее время со стороны городской думы заявленій о недостаточности городской кассы для удовлетворенія издержекъ, уже лежащихъ на обязанности ея“, затруднился дать ходъ предположеніямъ думы и нашелъ, что „за этимъ ничего не остается, какъ осуществленіе настоящаго похвальнаго желанія городского общества отложить до болѣе удобнаго случая“. Въ концѣ 1868 г. погребенный такимъ образомъ вопросъ возникъ вновь, по инициативѣ управляющаго с.-петербургскимъ учебнымъ округомъ, причѣмъ со стороны послѣдняго было заявлено о необходимости оставить за округомъ, и послѣ передачи училищъ въ вѣдѣніе города, части той суммы, которая отпускалась городомъ на содержаніе училищъ (изъ 14,571 руб.—4,480 руб.). Основаніемъ въ этому приводилось помѣщеніе нѣкоторыхъ (четырехъ) училищъ въ казенныхъ зданіяхъ. Городская дума согласилась оставить требуемую сумму за округомъ только на два года, такъ какъ уже тогда нѣлась въ виду необходимость перемѣщенія училищъ, помѣщавшихся въ казенныхъ домахъ, въ другія, болѣе удобныя квартиры. Послѣ этого общія мнѣнія дальнѣйшій ходъ дѣла опять приостановился; только дума, черезъ посредство особой комиссіи, продолжала работать надъ планомъ реорганизаціи народныхъ училищъ, окончательно изготолвленнымъ ею къ 1871 г. Въ ожиданіи благополучнаго и скораго конца, городъ мечталъ уже объ открытіи, къ юбилею Петра Великаго (въ маѣ 1872 г.), четырехъ новыхъ училищъ. Этимъ мечтамъ не суждено было осуществиться. Министерство народнаго просвѣщенія, предполагая войти съ представленіемъ объ измѣненіи состава училищныхъ совѣтовъ и вообще управленія начальными училищами, нашло „неблаговременнымъ“ приступить къ учрежденію въ столицѣ училищнаго совѣта и къ разсмотрѣнію проектированныхъ думою мѣръ по завѣдыванію начальными городскими училищами. Новое положеніе о начальныхъ училищахъ было утверждено 25 мая 1874 г.; но затѣмъ понадобилось еще два съ половиною года для разрѣшенія вопроса объ особыхъ училищныхъ совѣтахъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, хотя, судя по сказанному выше, онъ былъ предрѣшенъ въ принципѣ уже въ 1872 году. Давно желанная минута наступила только въ 1877 году; въ іюнѣ этого года открытъ с.-петербургскій городской училищный совѣтъ, а въ іюлѣ состоялась пере-

дача начальныхъ училищъ изъ вѣдѣнія учебнаго округа въ вѣдѣніе города.

Каково же было, въ этотъ моментъ, положеніе училищъ, завѣдываніе которыми, вопреки желаніямъ и просьбамъ города, такъ долго удерживала за собою учебная администрація? Представлялось ли оно на столько блестятельнымъ, что училища могли только потерять—или по крайней мѣрѣ ничего не могли выиграть—отъ перехода въ другія руки? Всѣхъ училищъ, сданныхъ городу, было шестнадцать: четырнадцать мужскихъ и два женскихъ. Только четыре изъ нихъ помѣщались въ удобныхъ, сухихъ и теплыхъ квартирахъ; помѣщеніе остальныхъ страдало болѣе или менѣе важными недостатками. Такъ, напримѣръ, въ Покровскомъ училищѣ за отсутствіемъ вентиляціи и вслѣдствіе близости ретираднаго мѣста воздухъ былъ весьма испорченъ; помѣщеніе учителя было такъ невелико, что, несмотря на свое ограниченное жалованье, онъ вынужденъ былъ жить въ вольнонаемной квартирѣ. Въ Успенскомъ училищѣ все помѣщеніе было сыро до такой степени, что стѣны, шкафъ и книги покрылись плѣсенью. Въ Спасскомъ училищѣ запахъ отъ отхожихъ мѣстъ проникалъ въ классъ и дѣлалъ воздухъ нестерпимымъ. Помѣщеніе Благовѣщенскаго женскаго училища отличалось сыростью, такъ какъ было расположено надъ двумя прачешнями; подъ классомъ проходили трубы изъ ретираднаго мѣста. Учителя во всѣхъ мужскихъ училищахъ получали жалованья по 171 руб. 59 коп. въ годъ! Объ учебныхъ пособіяхъ мы читаемъ въ отчетѣ, между прочимъ, слѣдующее: въ Покровскомъ училищѣ большая часть книгъ состояла изъ устарѣлыхъ учебниковъ или сочиненій безполезныхъ для училища, напр.: „Военная бібліотека“, „Записки Желябужскаго“ (другія училища имѣли счастье обладать „Портфелемъ для хозяекъ“, „Русскимъ барабанщикомъ“, „Опытъ о женщинахъ“, „Федрой“ Расина); въ Сергіевскомъ училищѣ половинну бібліотеки составляли устарѣлыя брошюры; въ Исаакиевскомъ училищѣ картины были попорчены мышами; въ Спасскомъ—образцы мѣховъ съѣдены молью; въ Сампсоньевскомъ училищѣ не было ни ящиковъ подвижныхъ буквъ, ни счетовъ. Классные столы почти вездѣ были старой конструціи, въ нихъ училищахъ чрезвычайно ветхіе, отчасти развалившіеся. На содержаніе всѣхъ шестнадцати училищъ расходовалось около 12,750 руб. (сверхъ того, четыре изъ нихъ, какъ мы уже видѣли, помѣщались въ казенныхъ зданіяхъ). Сколько дѣтей обучалось въ городскихъ начальныхъ училищахъ до передачи ихъ въ вѣдѣніе города—этого въ отчетѣ коммиссія, къ сожалѣнію, не показано; но, судя по тому, что въ первомъ учебномъ году послѣ передачи (1877—78) ихъ было въ 23 училищахъ 899, можно сказать утвердительно, что до передачи ихъ было въ 16-ти

училищахъ не многимъ развѣ болѣе шестисотъ, на городъ въ 800,000 жителей.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени перехода училищъ въ вѣдѣніе города—и положеніе ихъ успѣло уже значительно измѣниться къ лучшему. По словамъ безпристрастнаго свидѣтеля—инспектора народныхъ училищъ—для десяти училищъ квартиры были наняты вновь, помѣщенія прочіихъ, за исключеніемъ четырехъ, реставрированы (а нѣкоторыя вмѣстѣ съ тѣмъ и расширены); „классныя комнаты въ новыхъ и передѣланныхъ помѣщеніяхъ просторны, свѣтлы, чисто содержатся и весело выглядятъ“. Казанское (бывшее Благовѣщенское) училище“, говоритъ инспекторъ, „преобразилось вполне; хотя оно и осталось въ прежнемъ помѣщеніи, но я не узналъ этого помѣщенія; изъ темнаго, тѣснаго и грязнаго оно сдѣлалось свѣтлымъ, просторнымъ и чистымъ“. Уже въ 1 января 1878 г. было открыто семь новыхъ училищъ (2 мужскихъ и 5 женскихъ); въ учебномъ 1878—1879 г. всѣхъ училищъ было сорокъ, въ началу учебнаго 1879—80 г.—*пятьдесятъ одно* (32 мужскихъ и 19 женскихъ).. Въ два года, такимъ образомъ, число училищъ вообще утроилось, число женскихъ училищъ увеличилось почти вдесатеро. Учащихся въ 20-мъ августа 1879 г. было 1890: 1,275 мальчиковъ и 615 дѣвочекъ. Жалованье учителя или учительницы во всѣхъ училищахъ составляетъ 600 рублей, изъ которыхъ вычитается 50 рублей, если учитель или учительница не обучаетъ пѣнію, и еще 100 рублей—если учительница въ женскомъ училищѣ не обучаетъ рукодѣлю. Новая классная мебель, удовлетворяющая требованіямъ школьной гигиены, уже въ продолженіе перваго учебнаго года была заведена во всѣхъ новыхъ училищахъ и въ нѣсколькихъ старыхъ. На книги, учебныя пособія и другія классныя принадлежности (кромѣ мебели) въ тотъ же періодъ времени израсходовано болѣе 4,000 рублей. Общій расходъ на обустройство и содержаніе училищъ уже въ продолженіе перваго учебнаго года превысилъ 40,000 рублей; до какой суммы онъ простирается въ настоящее время—это изъ имѣющихся у насъ данныхъ не видно, но такъ какъ на содержаніе cadaго училища ассигнуется 1750 руб., то уже одна эта статья расхода, при 51 училищѣ, составляетъ почти 90,000 рублей. Обустройство cadaго вновь открываемаго училища обходится городу въ 500 рублей; содержаніе эксперта при городскомъ управленіи по учебной части ¹⁾, запасныхъ учительницъ и канцеля-

¹⁾ Этотъ мудреннй титулъ данъ педагогу, приглашенному городомъ для наблюденія за преподаваніемъ въ начальныхъ училищахъ, по требованію губернскаго и городского дѣла въ присутствіи. Г-нъ градоначальникъ находилъ, что дума вовсе не имѣетъ право назначать такого наблюдателя; присутствіе не согласилось съ этимъ мнѣніемъ и ограничилось перемѣной названія.

ріи при комиссіи, завѣдующей училищами, составляетъ болѣе 6,000 рублей въ годъ, такъ что расходъ города на училища въ текущемъ году долженъ быть весьма близокъ къ 100,000 руб. ¹⁾). Сравнительно съ населеніемъ Петербурга, число учащихся въ начальныхъ городскихъ училищахъ все еще крайне недостаточно ²⁾); но если развитіе школьнаго дѣла будетъ идти впередъ такъ же быстро, какъ въ первые два года, то мысль объ обязательномъ обученіи въ столицѣ скоро перестанетъ быть мечтою. Мысль эта завѣщена городу первымъ предсѣдателемъ городской училищной комиссіи, слишкомъ рано умершимъ *Θ. Θ. Эвальдомъ*, однимъ изъ самыхъ достойныхъ дѣателей нашего молодого самоуправления—какихъ не много!

Пассивъ тринадцатилѣтнихъ счетовъ между городомъ и учебной администраціей можетъ быть сведенъ къ слѣдующимъ главнымъ даннымъ: дѣло народнаго образованія потеряло болѣе полу-милліона рублей; нѣсколько тысячъ дѣтей не получили начального образованія и вступили въ жизнь вовсе неразвитыми умственно и нравственно; другія тысячи вынуждены были учиться въ холодныхъ, сырыхъ, тѣсныхъ классахъ, на вредной для здоровья мебели, съ самымъ скуднымъ запасомъ учебныхъ пособій, у учителей, отъ которыхъ нельзя было требовать ни достаточной подготовки, ни усердія къ дѣлу. Если сопоставить эти данныя съ результатомъ двухлѣтней дѣятельности города, то въ пользу самоуправления получится новый, существенно важный доводъ, вполне однородный съ тѣми, которые даетъ исторія нашего земства, но болѣе поразительный, вслѣдствіе обилія средствъ, которыми располагаетъ столица сравнительно съ провинціей.

III.

Развитіе образованія въ Россіи требуетъ совокупныхъ, дружныхъ усилій самоуправления и администрацій. Мы видѣли, что можетъ сдѣлать первое, когда ему, наконецъ, удастся приложить руку къ одной изъ величайшихъ работъ нашего времени; обнародо-

¹⁾ Съ обучающихся въ начальныхъ училищахъ городъ взимаетъ по 2 руб. въ годъ; въ сравненіи съ стоимостью содержанія училищъ это сумма совершенно ничтожная. При 2,000 учащихся, часть которыхъ, по бѣдности, освобождается отъ платы, она не можетъ составить и четырехъ тысячъ рублей въ годъ.

²⁾ Нормальнымъ отношеніемъ числа учащихся къ населенію считается 1 : 7. По этой нормѣ число учащихся въ Петербургскихъ школахъ должно было бы составлять около ста тысячъ; но если принять во вниманіе число дѣтей, получающихъ домашнее воспитаніе, и въ особенности число припавшихъ, временныхъ и слѣдовательно безсемейныхъ жителей Петербурга, то страшная цифра должна будетъ значительно уменьшиться.

ванный недавно „Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, съ 1700 по 1880 годъ“ ¹⁾ знакомить насъ съ дѣятельностью спеціального административнаго вѣдомства, широко понимающаго свою роль въ той же общей, для всѣхъ одинаково важной, работѣ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ наши кадетскіе корпуса стояли совершенно особнякомъ отъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній; они удовлетворяли, болѣе или менѣе, своему спеціальному назначенію, доставляли арміи болѣе или менѣе годныхъ къ военной службѣ офицеровъ, но не оказывали никакого вліянія на поднятіе у насъ общаго уровня развитія и знаній. Реформа, предпринятая въ началѣ шестидесятихъ годовъ, имѣла въ виду вдвинуть военно-учебныя заведенія въ общую систему народнаго образованія, приготовить въ нихъ сначала просто развитыхъ людей, а потомъ уже спеціалистовъ. Съ этою цѣлью рѣшено было отдѣлать спеціальныя классы отъ общихъ, превративъ первые въ особня *военныя училища*, а послѣдніе—въ общеобразовательныя учебныя заведенія военнаго вѣдомства, подъ названіемъ *военныхъ гимназій*. Устройство военныхъ гимназій предположено было согласовать съ современными требованіями педагогики, какъ по части воспитательной, такъ и по части учебной, допустивъ къ занятію воспитательскихъ должностей безразлично военныхъ и гражданскихъ чиновъ, имѣющихъ надлежащее образованіе. Осуществленіе реформы началось въ 1863 году; въ настоящее время она вполнѣ закончена, и до извѣстной степени можно уже судить о ея результатахъ.

¹⁾ Мы касаемся здѣсь только послѣдняго отдѣла этой книги, изображающаго настоящее положеніе военно-учебныхъ заведеній; другіе отдѣлы ея также не лишены интереса, хотя официальная исторія кадетскихъ корпусовъ (внѣшняя организація и регламентація ихъ, назначеніе и увольненіе начальниковъ и т. п.) изложена авторомъ (г. Далаевымъ) гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ домашняя, внутренняя, закулисная ихъ жизнь. Отмѣтимъ одну любопытную подробность: въ „пунктахъ для перемѣны кадетскаго корпуса“, утвержденныхъ Екатериною II въ 1765 г., запрещено было подвергать кадетъ тѣлеснымъ наказаніямъ; но уже при императорѣ Александрѣ I они стали опять дѣломъ совершенно обыкновеннымъ и продолжали господствовать (хотя объ этомъ г. Далаевъ и не упоминаетъ) и въ слѣдующее царствованіе. Замѣчательно также другое распоряженіе Екатерины (1772 г.): она приказала опредѣлять въ кадетскій корпусъ, черезъ каждые три года, отъ 14 до 16 мѣщанскихъ сыновей, для приготовленія ихъ въ воспитатели и учителя при томъ же корпусѣ. Помимо этой главной цѣли, отъ совместнаго обученія воспитанниковъ-мѣщанъ съ кадетами-дворянами ожидалась и та польза, что послѣдніе, „привыкнувъ заблаговременно не пренебрегать тѣми, кои законами общества опредѣлены къ нижнему противу нихъ состоянію, научатся исподволь судить о людяхъ по правымъ достоинствамъ, а не по дѣламъ, нимаю отъ нихъ независимымъ“. Была ли осуществлена эта мѣра и къ какимъ она привела результатамъ — мы изъ книги г. Далаева, къ сожалѣнію, не узнаемъ.

Военныя гимназіи—заведенія главнымъ образомъ военныя только по вѣдомству и по связи, существующей между ними и военными училищами. Курсъ ученія, для нихъ установленный, соответствуетъ основнымъ требованіямъ общаго реального образованія. Отъ прусскихъ реальныхъ училищъ перваго разряда военныя гимназіи отличаются существенно только тѣмъ, что въ послѣднихъ не проходитъ латинскій языкъ; между военными гимназіями и нашими гражданскими реальными училищами нѣтъ и этой разницы. Курсъ какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, семилѣтній; на отечественный языкъ и словесность, иностранные языки (французскій и нѣмецкій), математику, исторію и географію въ военныхъ гимназіяхъ приходится большее число уроковъ, чѣмъ въ реальныхъ училищахъ, на естественную исторію, физіку и начала химіи—одинаковое число уроковъ; въ реальныхъ училищахъ удѣляется больше времени только на начертательныя искусства. При несомнѣнной потребности нашего общества въ реальномъ образованіи, военныя гимназіи имѣютъ для него, такимъ образомъ, весьма важное значеніе. Неудивительно, что число ихъ постоянно растетъ и достигло уже восемнадцати, съ 7,617 учениками (въ томъ числѣ двѣ тысячи экстерновъ), между тѣмъ какъ по штату ихъ полагается менѣе семи тысячъ. Прежде въ число воспитанниковъ военныхъ гимназій принимались только лица привилегированныхъ сословій; теперь изъ числа восемнадцати гимназій шесть открыты для лицъ всѣхъ сословій (съ тѣмъ ограниченіемъ, что они могутъ поступать лишь въ экстерны). Объ успѣшности занятій въ военныхъ гимназіяхъ и другихъ, равныхъ имъ военно-учебныхъ заведеніяхъ могутъ дать понятіе слѣдующія среднія цифры, выведенныя за десятилѣтіе съ 1869 по 1879 г.: изъ числа 5,360 учащихся выбывало ежегодно по окончаніи курса 502, до окончанія курса—495, т.-е. производительная убыль почти равнялась непроизводительной; какъ та, такъ и другая составляла около 9%, общаго числа учащихся. Этотъ результатъ и самъ по себѣ можетъ быть признанъ весьма благоприятнымъ¹⁾; но для правильной оцѣнки его необходимо прибавить, что изъ числа 495 учениковъ, выбывавшихъ до окончанія курса, 122, т.-е. почти четвертая часть, были переводимы въ военныя прогимназіи, сохраняя такимъ образомъ возможность окончить курсъ ученія, хотя и менѣе полный. Поводомъ къ переводу въ прогимназіи служилъ какъ неуспѣхъ въ наукахъ (112 случаевъ), такъ и дурное поведеніе (10 случаевъ); ученики послѣдней категоріи

¹⁾ Въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія отношеніе числа окончившихъ курсъ къ числу учащихся колебалось, въ продолженіе семи лѣтъ, между 2,1 и 2,8%. Окончили курсъ въ теченіе шести лѣтъ (1872—77) 6,511 человекъ, выбыло до окончанія курса—51,406.

опредѣлялись въ вольскую прогимназію, предназначенную спеціально для нравственнаго исправленія наиболѣе испорченныхъ воспитанниковъ военныхъ гимназій и прогимназій. Цѣль эта достигается не только усиленіемъ надзора, но и организаціей ремесленныхъ и земледѣльческихъ работъ, а также добавочныхъ внѣ-классныхъ занятій искусствами. Значительное число учениковъ, подлежащихъ исключенію изъ заведеній, предохраняется такимъ образомъ отъ окончательной гибели; военное вѣдомство предоставляетъ ихъ на произволъ судьбы только тогда, когда ничего больше не можетъ для нихъ сдѣлать. Какъ ни важно указанное нами назначеніе военныхъ прогимназій, польза, приносимая ими, этимъ, конечно, не исчерпывается. Онѣ увеличиваютъ собою число учебныхъ заведеній, въ которыхъ можно пріобрѣсти законченный кругъ элементарныхъ свѣдѣній, и, сверхъ того, облегчаютъ поступленіе въ юнкерскія училища, о которыхъ мы сейчасъ упомянемъ ¹⁾).

Способствуя распространенію общаго образованія, военно-учебныя заведенія достигаютъ и своей спеціальной цѣли. Въ военнымъ гимназіямъ примыкаютъ военныя училища (числомъ шесть, если присоединить къ нимъ спеціальные классы корпусовъ пажескаго и финляндскаго), къ военнымъ прогимназіямъ — юнкерскія училища, организованныя въ 1864 г. (числомъ шестнадцать); какъ тѣ, такъ и другія снабжаютъ войско офицерами, въ различной степени подготовленными, но во всякомъ случаѣ прошедшими и общій, и спеціальнѣйшій курсъ ученія. Въ 1867 г. отношеніе офицеровъ, получившихъ образованіе, ко всему наличному комплексу офицеровъ, равнялось 44%; въ настоящее время оно составляетъ уже 70%. Изъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній наименьшею замкнутостью отличаются именно спеціально военныя: не только въ юнкерскія, но и въ военныя училища допускаются лица всѣхъ сословій. Компетентные судьи признаютъ, что боевая способность нашей арміи, со времени реформы военно-учебныхъ заведеній, ничуть не уменьшилась; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только припомнить образъ дѣйствій нашихъ офицеровъ во время войны 1877—78 гг.

Чрезвычайно характеристична для военно-учебнаго вѣдомства исторія устроеннаго имъ, въ 1864 г., педагогическаго музея. Первоначальнымъ назначеніемъ его, вмѣстѣ съ центральной педагогической бібліотекой, было снабженіе военно-учебныхъ заведеній учебными

¹⁾ Всѣхъ военныхъ прогимназій въ настоящее время восемь, съ 1798-го училищами (одна изъ нихъ, ярославская, предназначена къ обращенію въ военную гимназію). Среднее за десять лѣтъ число учащихся въ прогимназіяхъ простиралось до 2,480 человекъ; изъ нихъ являлось ежегодно по окончаніи курса—427 (около 18%), до окончанія курса—267 (около 11%).

пособіями; но эта скромная роль скоро усложнилась другою, гораздо болѣе обширною. Уже въ 1866 г. была устроена музеемъ первая публичная выставка учебныхъ пособій. Въ 1870 г. при музеѣ была учреждена особая коммиссія, на обязанность которой было, между прочимъ, возложено слѣдить за всѣми учебными и воспитательными пособіями, появляющимися въ Россіи и за границей, *содействуя мѣстному и въ насъ производству и возможному удешевленію*, и устривать правильное и возможно-полное пользованіе коллекціями музея, посредствомъ объяснительныхъ лекцій (преимущественно по методикѣ и дидактикѣ начального обученія). По поводу участія музея въ московской политехнической выставкѣ (1872 г.), коммиссіею былъ изданъ полный систематическій обзоръ имѣющихся въ музеѣ пособій по обученію и воспитанію, съ критическою ихъ оцѣнкой. Въ 1871 г. музей и библіотека вошли въ составъ общаго музея прикладныхъ знаній, и къ задачамъ коммиссіи присоединилось распространеніе полезныхъ свѣдѣній въ массѣ населенія. Съ этою цѣлью она стала устроить не только публичныя лекціи по нѣкоторымъ научнымъ предметамъ, но и популярныя чтенія для солдатъ и для народа. Лучшія изъ чтеній, произнесенныхъ въ аудиторіяхъ музея, печатаются въ видѣ дешевыхъ брошюръ, которыхъ разошлось уже около миллиона экземпляровъ. Помимо всего этого коммиссія музея разработала, съ помощію специалистовъ, нѣсколько вопросовъ школьной гигиены, одинаково важныхъ, безъ сомнѣнія, для всѣхъ учебныхъ заведеній, напр. вопросовъ объ образцовой классной комнатѣ, о вліяніи школы на зрѣніе воспитанниковъ, о явленіяхъ утомленія при умственныхъ занятіяхъ, и т. п. И въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, военно-учебное вѣдомство, работая для себя, работало вмѣстѣ съ тѣмъ на пользу общаго народнаго образованія. Если припомнить, въ заключеніе, что военному министерству Россія обязана открытіемъ высшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, то можно ли отрицать, что централизація учебнаго дѣла, какъ бы она ни была логична въ теоріи, не всегда желательна на практикѣ? Основательно ли требовать, во имя отвлеченнаго принципа, уничтоженія такого порядка вещей, при которомъ, какъ сказано было недавно въ одномъ изъ нашихъ обзрѣній, „недостатокъ одного вѣдомства можетъ восполниться и получить поправки въ другомъ?“ Конечно, устройство народныхъ чтеній не принадлежитъ къ числу задачъ военнаго вѣдомства и ближе касается министерства *народнаго просвѣщенія*; но едва ли найдется прямолинейный формалистъ, способный воскликнуть: „лучше полное отсутствіе народныхъ чтеній, чѣмъ организація ихъ неподлежащей властью!“

IV.

Въ послѣднее время ходило не мало слуховъ и предположеній въ области законодательства и судебной администраціи, и изъ нихъ нѣкоторые успѣли уже обратиться и въ факты. Остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя заслуживаютъ больше вниманія.

Наши гражданскіе законы отличаются, какъ извѣстно, крайне казуистическимъ характеромъ. Изданные болѣею частью по поводу отдѣльных случаевъ, они содержатъ въ себѣ мало общихъ положеній, подъ которыя легко могли бы быть подведены разнообразныя явленія жизни. Опредѣляя, напримѣръ, порядокъ усыновленія дворянами, купцами, мѣщанами, крестьянами, низшими чинами, иностранцами, первая часть X-го тома умалчиваетъ объ усыновленіи почетными гражданами, вслѣдствіе чего оно допускалось до сихъ поръ лишь по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ. На дняхъ обнародованъ законъ, пополняющій этотъ пробѣлъ—распространеніемъ на почетныхъ гражданъ, съ незначительными измѣненіями, правилъ объ усыновленіи, существующихъ для лицъ купческаго сословія. Вопросъ о томъ или другомъ порядкѣ усыновленія не имѣетъ, самъ по себѣ, большого значенія, и мы не остановились бы на немъ, еслибы съ нимъ не былъ тѣсно связанъ другой, существенно важный вопросъ о правѣ усыновлять своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Усыновленіе купцами допускается по закону въ томъ лишь случаѣ, если окажется, что воспитанникъ, объ усыновленіи котораго подана просьба, не есть незаконнорожденный сынъ просителя. Правило это распространено новымъ закономъ и на почетныхъ гражданъ. Мы не думаемъ, чтобы это доказывало неизмѣнность взгляда, котораго до сихъ поръ держалось наше законодательство по отношенію къ незаконнорожденнымъ. Если вновь изданный законъ не отмѣнилъ для почетныхъ гражданъ ограниченія, установленнаго для купцовъ, то это можетъ быть объяснено частнымъ характеромъ новаго закона. При общемъ пересмотрѣ узаконеній объ усыновленіи и о незаконнорожденныхъ, который, вѣроятно, не заставитъ долго ждать себя, ограниченіе, упомянутое нами, едва ли останется въ силѣ, тѣмъ болѣе, что теперь уже оно не существуетъ для мѣщанъ и крестьянъ.

Доказательство тому, что улучшеніе участи незаконнорожденныхъ не можетъ быть признано *неблаговременнымъ*, мы видимъ прежде всего въ замѣчательномъ узаконеніи, изданномъ года полтора тому назадъ въ великомъ княжествѣ финляндскомъ. Намъ приходится еще недавно ссылаться на финляндскіе законы, по вопросу о наслѣдованіи женщинъ; такое же любопытное указаніе они могутъ дать

намъ и въ настоящемъ случаѣ. Съ 1878 г. незаконнорожденные дѣти въ Финляндіи получили право наслѣдства послѣ матери, даже при существованіи у нея законныхъ дѣтей (но въ половинномъ, сравнительно съ ними, размѣрѣ). Еще важнѣе то, что на отца незаконнорожденного ребенка возложена, наравнѣ съ матерью, обязанность содержать и воспитывать его, пока онъ не будетъ въ состояніи самъ поддерживать свое существованіе. Это послѣднее постановленіе предполагаетъ право незаконнорожденного (или лицъ, охраняющихъ его интересы) доказывать рожденіе свое отъ извѣстнаго отца (*recherche de la paternité*, запрещаемая французскимъ закономъ, но дозволяемая нѣкоторыми другими западно-европейскими законодательствами), или по меньшей мѣрѣ право отца признавать незаконнорожденныхъ дѣтей своими. Какъ бы то ни было, по финляндскому закону, утвержденному Государемъ Императоромъ, незаконнорожденные дѣти не могутъ болѣе почитаться безправными. Что могло бы помѣшать русскому законодательству вступить на ту же дорогу? Обычай или взгляды народа? Усыновленіе отцомъ своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, включеніе ихъ въ семью посредствомъ послѣдующаго брака отца съ ихъ матерью, предоставленіе имъ права наслѣдованія послѣ отца, въ особенности при отсутствіи законныхъ дѣтей—все это, какъ видно изъ трудовъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ и изъ книги С. В. Пахмана („Обычное гражданское право въ Россіи“),—явленія вполне нормальныя и повседневныя въ жизни русскаго народа. Политическія соображенія?—Чѣмъ меньше неполноправныхъ, приниженныхъ, обдѣленныхъ судьбою, тѣмъ болѣе обезпечено спокойствіе государства. Святость брака?—Не говоря уже о томъ, что незаконнорожденные дѣти—не участники въ винѣ своихъ родителей, никто не предлагаетъ безусловно, во всѣхъ отношеніяхъ уравнивать ихъ съ законнорожденными. Общественная нравственность?—Она будетъ ограждена гораздо болѣе, когда нарушеніе ея будетъ возлагать на нарушителя извѣстныя обязанности, когда виновнымъ будетъ предоставлена возможность уничтожить, хотя отчасти, вредныя послѣдствія своего увлеченія ¹⁾.

¹⁾ Вопросъ о незаконнорожденныхъ, до сихъ поръ мало разработанный въ нашей литературѣ, возбужденъ въ ней недавно сочиненіемъ г. Загоровскаго: „Незаконнорожденные по саксонскому и французскому гражданскому кодексамъ, въ связи съ принципиальнымъ рѣшеніемъ вопроса о незаконнорожденныхъ вообще“ (Кіевъ, 1879), и рефератомъ профессора Кистяковскаго, читаннымъ въ сентябрѣ и октябрѣ прошедшаго года въ кіевскомъ юридическомъ обществѣ (начало его напечатано въ № 1 Журн. Гражд. и Угол. Права за 1880 г.). Изъ реферата г. Кистяковскаго мы узнаемъ, что запрещенное у насъ узаконеніе незаконнорожденныхъ посредствомъ послѣдующаго брака родителей (*legitimatío per subsequens matrimonium*) допускается даже турецкимъ законодательствомъ.

Если безправіе незаконнорожденныхъ не должно и не можетъ болѣе быть возводимо въ принципъ, то однимъ изъ лучшихъ средствъ для противодѣйствія ему представляется именно свободное усыновленіе отцами незаконнорожденныхъ дѣтей своихъ, но крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда усыновленіе вообще разрѣшено закономъ ¹⁾. Принятіе отцомъ на воспитаніе незаконнорожденного своего ребенка свидѣтельствуетъ о готовности его загладить, насколько это возможно, свою вину; понятно, что изъ того же источника происходитъ желаніе обезпечить будущность ребенка, упрочить положеніе его въ обществѣ. Такая готовность, такое желаніе заслуживаютъ поощренія, а не стѣсненія. Предупредить усыновленіе собственного незаконнорожденного ребенка—запретительный законъ, притомъ, часто не въ силахъ. Въ метрическомъ свидѣтельствѣ о незаконномъ рожденіи означается мать незаконнорожденного, но, конечно, не означается его отецъ. Определить, кто именно отецъ незаконнорожденного, можно только путемъ изслѣдованія, крайне щекотливаго и тѣмъ болѣе затруднительнаго, чѣмъ больше времени прошло послѣ рожденія ребенка; достовѣрность результата, добытаго изслѣдованіемъ, въ большинствѣ случаевъ—весьма гадательнаго свойства. Отецъ, желающій усыновить своего ребенка, не всегда разборчивъ въ выборѣ средствъ къ достиженію своей цѣли; то же самое слѣдуетъ сказать и о лицахъ, интересы которыхъ несомнѣсны съ успѣхомъ ходатайства объ усыновленіи. Съ обѣихъ сторонъ можно ожидать попытокъ нарушить правильный ходъ изслѣдованія, затмить или исказить истину, обмануть присутственное мѣсто, отъ котораго зависитъ усыновленіе. Положимъ, что лицо, объ усыновленіи котораго подана просьба—дѣйствительно незаконнорожденное дитя просителя, и что родственники послѣдняго направляютъ всѣ свои усилія только къ обнаруженію этого тщательно скрываемаго факта; безнравственность такихъ усилій, порожденныхъ исключительно корыстью или тщеславіемъ, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, равно какъ и опасность, которою часто угрожаетъ раскрытіе семейной тайны. Задача законодательства—предупреждать, а не вызывать столкновенія частныхъ интересовъ, одинаково вредныя и для отдѣльныхъ лицъ, и для цѣлаго общества.

Другая новость, заимствуемая нами изъ газетъ, касается образованія при министерствѣ юстиціи особой коммисіи для обсужденія мѣръ къ болѣе правильному составленію списковъ присяжныхъ заседателей. Поводомъ къ этому послужилъ тотъ несомнѣнный фактъ,

¹⁾ Дѣйствующій законъ допускаетъ усыновленіе дворянами и купцами лишь въ случаѣ бездѣтности ихъ (т.-е. неимѣнія законныхъ дѣтей).

что въ списки присяжныхъ засѣдателей, особенно въ провинціи, вносится чрезвычайно мало лицъ изъ образованнаго класса общества, вслѣдствіе чего иногда даже бываетъ трудно составить присутствіе присяжныхъ, соответствующее требованію закона, т.-е. заключающее въ себѣ по меньшей мѣрѣ одного грамотнаго. Весьма часто присяжные не имѣютъ никакой свободы въ выборѣ своего старшины, такъ какъ *должны* предоставить это званіе единственному грамотному изъ ихъ среды. Между тѣмъ, грамотность, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, печальный *minimum* знаній для старшины присяжныхъ. Его задача заключается не только въ томъ, чтобы написать, съ грѣхомъ пополамъ: „нѣтъ, не виновенъ“ или, „да, виновенъ“, и затѣмъ толково прочесть въ публичномъ засѣданіи вопросы суда и данныя на нихъ отвѣты ¹⁾, но и въ томъ, чтобы руководить совѣщаніями присяжныхъ, напоминать имъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ, повторять разъясненія, данныя предсѣдательствующимъ на судѣ. Для правильнаго исполненія этой задачи нужна извѣстная степень умственнаго развитія, которой грамотность, сама по себѣ, еще не доказываетъ. Съ другой стороны, если изъ числа присяжныхъ только одинъ принадлежитъ къ образованному классу общества, онъ можетъ приобрести слишкомъ подавляющее вліяніе на всѣхъ остальныхъ. Вполнѣ удовлетворительнымъ можно считать только такой составъ присяжныхъ, въ которомъ по крайней мѣрѣ два или три лица не уступаютъ, по степени развитія, судьямъ, обвинителю и защитнику. Неграмотные или полуграмотные присяжные могутъ быть и очень часто бываютъ отличными судьями факта; но въ предварительной работѣ, предшествующей рѣшенію—въ соглашеніи противорѣчій, въ взаимной повѣркѣ впечатлѣній, въ критической оцѣнкѣ личныхъ взглядовъ, высказанныхъ сторонами, въ устраненіи всего того, что напрасно внесено ими въ дѣло—участіе лицъ, болѣе образованныхъ, во многихъ случаяхъ должно быть признано чрезвычайно важнымъ ²⁾. Разъясненія предсѣдательствующаго

¹⁾ Уголовный кассационный департаментъ правительствующаго сената признаетъ, и совершенно правильно, что лицо малограмотное не можетъ быть старшиною присяжныхъ, такъ какъ подъ именемъ грамотнаго законъ разумѣетъ лицо, могущее не только читать и писать, но и понимать написанное. Вопреки этому общему положенію, однако, сенатъ неоднократно оставлялъ въ силѣ рѣшенія такого состава присяжныхъ, старшина котораго затруднился прочесть публично вопросы суда, а иногда и собственныя свои отвѣты. Такое отступленіе отъ смысла закона и отъ начала, установленнаго самимъ сенатомъ, можетъ быть объяснено только убѣжденіемъ сената, что избраніе малограмотнаго или полуграмотнаго старшины иногда представляется неизбежнымъ.

²⁾ Польза такого участія въ особенности чувствуется тогда, когда самый предметъ дѣла (напр. въ дѣлахъ о подмогѣ, злостномъ банкротствѣ, уточненномъ мо-

на судѣ не могутъ замѣнить этого условія уже потому, что предсѣдательствующій не присутствуетъ при совѣщаніи присяжныхъ и лишень, въ большинствѣ случаевъ, возможности знать, что именно ихъ затрудняетъ или вводитъ въ заблужденіе.

Общіе и очередные списки присяжныхъ засѣдателей составляются для каждаго уѣзда комиссіею, избираемою уѣзднымъ земскимъ собраніемъ (а въ столицахъ—соединеннымъ засѣданіемъ думы и уѣзднаго земскаго собранія). Этотъ порядокъ, самъ по себѣ, не требуетъ измѣненій; необходимо только установить правила, въ силу которыхъ обязанность, одинаково важная для всего общества, не могла бы быть возлагаема почти исключительно на однихъ неграмотныхъ или малограмотныхъ его членовъ. Достигнуть этого предполагается обязательнымъ включеніемъ въ списки, въ извѣстномъ процентномъ отношеніи къ общему числу присяжныхъ по данной мѣстности, лицъ, получившихъ высшее, среднее и затѣмъ хоть какое-нибудь образованіе. Наказаніе за уклоненіе отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя и за содѣйствіе такому уклоненію предполагается усилить, продолжительность сессіи — уменьшить до одной недѣли. Неполнота списковъ, замѣчаемая въ настоящее время, зависитъ, между прочимъ, отъ неточнаго соблюденія закона, въ которомъ перечислены различныя категоріи лицъ, подлежащихъ призыву къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Принадлежность къ нѣкоторымъ изъ этихъ категорій опредѣляется безъ всякаго затрудненія, и лица, входящія въ ихъ составъ (напр., несущія государственную и гражданскую службу, или владѣющія въ уѣздѣ землею) включаются въ списки, развѣ если комиссія намѣренна потворствуетъ освобожденію ихъ отъ лежащей на нихъ по закону обязанности; но лица другихъ, не столь ярко разграниченныхъ категорій (напр. получающія извѣстный доходъ—въ столицахъ не менѣе пяти-сотъ, въ другихъ мѣстахъ не менѣе двухъ-сотъ рублей въ годъ—отъ своего занятія, ремесла или промысла), могутъ не попасть и, дѣйствительно, сплошь да рядомъ не попадаютъ въ списки исключительно вслѣдствіе небрежности комиссіи. Чтобы предупредить такую небрежность, стоить только регулировать дѣятельность комиссій, теперь не подчиненныхъ, *de facto*, никакому контролю.

Но какъ бы опредѣленна ни была инструкція, данная комиссіамъ, какъ бы удовлетворительны ни были составленные на основаніи ея списки, все это не приведетъ къ желанной цѣли, если не будетъ устраниена другая причина, вредно вліяющая на составъ при-

меничествъ) или часть судебного производства (напр. экспертиза по вопросу о виѣваемости) трудно доступны для пониманія большинства присяжныхъ.

сутствія присяжныхъ засѣдателей. Эта причина—широкое право отвода присяжныхъ, предоставленное сторонамъ, и установившійся на практикѣ способъ пользованія этимъ правомъ. Послѣдствіемъ отвода слѣшкомъ часто бываетъ удаленіе изъ числа присяжныхъ, дѣйствительно призываемыхъ къ отправленію правосудія, всѣхъ или почти всѣхъ лицъ, сколько-нибудь образованныхъ. Въ большинствѣ случаевъ такіа лица отводятся обвинителемъ, потому что они менѣе подчиняются его авторитету, болѣе склонны къ оправдательнымъ или мягкимъ приговорамъ; иногда они отводятся и защитой—напримѣръ, въ дѣлахъ о побояхъ, о злоупотребленіяхъ отцовскою или супружескою властью, къ которымъ купцы, мѣщане и крестьяне относятся, вообще говоря, снисходительнѣе, чѣмъ лица другихъ сословій. Какъ бы добросовѣстно и внимательно ни дѣйствовали коммиссія, во многихъ уѣздахъ число присяжныхъ изъ образованнаго класса общества по необходимости будетъ крайне незначительно. Предположимъ, что они составляютъ, въ данную сессію, пятую часть общаго числа комплектныхъ присяжныхъ (6 изъ 30); все-таки они могутъ всѣ до одного быть отведены обвиненіемъ или защитой ¹⁾. Если немногіе изъ нихъ и останутся не отведенными, они легко могутъ не войти въ составъ присутствія (т.-е. жребій можетъ не пастъ ни на одного изъ нихъ). Намъ кажется, что интересы правосудія были бы вполне ограждены, еслибы каждой сторонѣ предоставлено было отводить, безъ объясненія причинъ, не болѣе двухъ или трехъ присяжныхъ засѣдателей. Право немотивированнаго отвода имѣетъ цѣлью устранить изъ состава суда тѣхъ присяжныхъ, которые, несмотря на отсутствіе законныхъ поводовъ къ отводу, не представляютъ достаточно гарантій спокойнаго, безпристрастнаго отношенія къ дѣлу. За самыми рѣдкими исключеніями, такихъ лицъ не можетъ быть много,—а при поголовномъ или сильно распространенномъ пристрастіи въ пользу или противъ подсудимаго не поможетъ и самое широкое право отвода. Ограничить фактическое пользованіе правомъ отвода безъ измѣненія закона, опредѣляющаго его размѣры, едва ли возможно. Министерство юстиціи могло бы, конечно, предписать прокурорамъ отводить присяжныхъ съ надлежащею осторожностью и безъ предвзятой мысли, но въ концѣ-концовъ исполненіе этого предписанія все-таки пришлось бы предоставить усмотрѣнію обвинителей, а защитникамъ нѣтъ не могъ бы и предписать чего-либо подобнаго. Контроль общественнаго мнѣнія за тенденціознымъ отводомъ немыслимъ въ виду того, что имена

¹⁾ Прокуроръ или частный обвинитель имѣетъ право отвести не болѣе шести присяжныхъ, а подсудимому предоставляется отвести ихъ столько, чтобы изъ числа тридцати осталось не менѣе восемнадцати неотведенныхъ лицъ. Отводъ въ обоихъ случаяхъ производится безъ объясненія причинъ.

отводимыхъ присяжныхъ просто вычеркиваются изъ списка, безъ означенія и объявленія, кѣмъ они вычеркнуты; да и можно ли, притомъ, серьезно говорить о контролѣ общественнаго мнѣнія надъ дѣятельностью провинціальныхъ судовъ?

Одна изъ нашихъ газетъ выразила желаніе, чтобы предположенія, на которыхъ остановится коммиссія, были оглашены путемъ печати. Въ виду важности предмета и необходимости освѣтить его со всѣхъ сторонъ данными, почерпнутыми изъ опыта, желаніе это представляется какъ нельзя болѣе законнымъ. Успѣшное разрѣшеніе задачи, возложенной на коммиссію, уменьшитъ, быть можетъ, число и настойчивость нападеній, слишкомъ часто грозящихъ опасностью нашей суду присяжныхъ.

V.

Въ половинѣ марта появилась въ Петербургѣ новая газета— „Берегъ“. Въ первыхъ же ея нумерахъ мы прочли, между прочимъ, статью, подъ заглавіемъ: „Новыя силы“, посвященную размышленіямъ по поводу современнаго состоянія реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Если редакція хотѣла на первыхъ же порахъ обратить на себя вниманіе выборомъ предмета, наиболѣе интереснаго для публики,—то она въ этомъ отношеніи нисколько не ошиблась. Кому дѣрзнули интересы нарастающихъ поколѣній, тотъ, конечно, не пройдетъ мимо такого предмета. По мнѣнію „Берега“, „реальные училища, если можно такъ выразиться, своего рода—*materia grata*: или хвали, или строго соблюдай фигуру умолчанія“. Реальные училища въ томъ видѣ, какъ они существуютъ теперь, основаны нынѣшнимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и потому вышеприведенныя слова газеты мы поняли сначала какъ заявленіе о томъ, что будто о нихъ нельзя говорить иначе, какъ съ цѣлью похвалы. Но въ то же время за упомянутымъ заявленіемъ слѣдуетъ цѣлая статья, которую никакъ нельзя признать ни особою „хвалою“, ни „фигурою умолчанія“. Оказывается, однако, что для хулителей опасность представляется не со стороны администраціи, а со стороны „либераловъ“, будто бы особенно покровительствующихъ реальнымъ училищамъ; но вѣдь эти „либералы“ не участвовали нисколько ни въ составленіи устава реальныхъ училищъ, ни въ ихъ устройствѣ. Сама газета тутъ же указываетъ на такой фундаментальный ихъ недостатокъ: реальные училища открыты, а никто не подумалъ предварительно приготовить для нихъ учителей; въ такомъ же положеніи были и классическія гимназій, гдѣ

было открыто преподаваніе греческаго языка, а учителей не было; но для восполненія такого недостатка выписали чеховъ, а въ реальныхъ училища, по словамъ газеты, назначили учителями бухгалтеріи—студентовъ юридическаго факультета. Но надобно думать, что такіа назначенія дѣлали не либералы. По мнѣнію газеты, въ реальныхъ училищахъ даже преподаваніе математики поставлено ниже, чѣмъ въ классическихъ, „иначе, говоритъ она, не имѣло бы объясненія запрещеніе — принимать въ университетъ даже и тѣхъ реалистовъ, которые въ состояніи обнаружить знаніе въ древнихъ языкахъ въ полномъ размѣрѣ программы гимназій“. Но и въ этомъ дѣлѣ въ чемъ же виноваты либералы? Только на этотъ разъ газета ошибается: при сравненіи программъ по математикѣ и времени, затрачиваемомъ на ихъ преподаваніе, реальныхъ училища нисколько не ниже гимназій, а въ такомъ случаѣ „запрещеніе принимать въ университетъ даже и тѣхъ реалистовъ, которые въ состояніи обнаружить знаніе въ древнихъ языкахъ въ полномъ размѣрѣ программы гимназій“, — должно остаться для редакціи „Берега“ безъ „объясненія“.

Продолжая далѣе развивать свою мысль и желая доказать всю негодность реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, авторъ статьи приходитъ къ такому заключенію: „реальные училища — депо для неудачниковъ, оставившихъ гимназію“. Но какъ могутъ быть виновны реальные училища въ томъ, что гимназіи обилуютъ „неудачниками“ — этого авторъ статьи не объясняетъ, и даже говоритъ ниже, что предпочтеніе къ реальнымъ училищамъ со стороны родителей „есть своего рода нелѣпный, но понятный протестъ противъ классической системы“. Допустивъ „понятность“ этого „протеста“, статья въ то же время смѣется надъ родителями, которые отдають своихъ дѣтей, „въ упрекъ классической системѣ“, въ реальные училища. Но давно ли мы живемъ въ такомъ изобиліи, что родители могутъ выбирать между реальнымъ училищемъ и гимназіей; ежегодно печатаемыя извѣстія о массѣ непринятыхъ, по недостатку мѣста, въ учебныя заведенія, хотя и выдержавшихъ экзаменъ, кажется, должны были бы внушить редакціи „Берега“ мысль, что родителямъ не до выбора. Мы еще недавно представили примѣръ, что въ одномъ мѣстѣ родители отдали сына въ училище малолѣтнихъ преступниковъ, такъ какъ нигде не могли опредѣлить его. Вѣдь не скажетъ же редакція „Берега“, что это было сдѣлано „въ упрекъ классической системѣ“. Относительно же „неудачниковъ“ изъ классическихъ гимназій, спросимъ автора статьи: а еслибы они не поступили въ реальные училища, то развѣ они тѣмъ

самымъ перестали бы представлять изъ себя „подходящій народъ, къ которому пишутся воззванія?“

Каково же общее заключеніе статьи? „Общее заключеніе, какое можетъ быть сдѣлано относительно реальныхъ училищъ (министерства народнаго просвѣщенія) вытекаетъ само собою: не только тѣ изъ реалистовъ, которые не оканчиваютъ курса, *но и тѣ, которые доходятъ до конца*, ни на что неспособны: у нихъ нѣтъ ни достаточнаго общаго образованія, ни хоть какой-нибудь подготовки къ практической дѣятельности. Въ головѣ реалиста какой-то сумбуръ, и, какъ даетъ понять отчетъ по одному изъ учебныхъ округовъ, пораженіе способности къ отвлеченному мышленію, неумѣнье сообразить и построить простѣйшую задачу, напримѣръ, технической химіи“.

Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ преувеличеніи, авторъ благоразумно ссылается на показаніе офиціального лица, котораго попеченіямъ ввѣрены реальные училища его округа.

Что же тутъ дѣлать, по мнѣнію автора: „Одно изъ двухъ,—говоритъ онъ,—или реальные училища—общеобразовательныя заведенія, тогда для окончившихъ ученіе въ нихъ *должны быть допущены и всѣ послѣдствія общаго образованія*. Или же это школы *нѣкотораго* (курсивъ въ статьѣ) образованія и технической подготовки, но тогда онѣ должны быть приспособлены къ этой цѣли“. Въ теоріи нельзя съ этимъ не согласиться, да и на практикѣ такъ устроены реальные училища въ Германіи: тамъ они также общеобразовательныя заведенія и вмѣстѣ профессиональныя. Это впрочемъ очень хорошо извѣстно и автору статьи въ „Берегѣ“. „Однихъ,—говоритъ онъ,—нѣмецкая реальная школа готовитъ прямо къ практикѣ, другихъ же подготавливаетъ въ высшую спеціальную школу, назначенную для образованія практиковъ такой или иной технической дѣятельности“; дополнимъ эти слова напоминаніемъ автору, что въ Германіи изъ реальныхъ училищъ допускается пріемъ не въ одни высшія спеціальныя школы, а также и въ нѣкоторые изъ факультетовъ. Но не въ этомъ дѣло; авторъ даже спрашиваетъ: „Что будетъ теперь (у насъ), послѣ введенія ограниченій для поступленія въ разныя спеціальныя заведенія Петербурга, до сихъ поръ безгранично допускавшія приписку (?) реалистовъ,—сказать трудно“. Впрочемъ, ниже, у автора разъясняется то, что затруднило его въ эту минуту. „Не одинъ, напримѣръ, изъ елисаветградскихъ посессоровъ затруднялся вопросомъ: что же дѣлать со своимъ сыномъ, пріѣхавшимъ домой послѣ окончательнаго экзамена (въ реальномъ училищѣ)? Куда дѣвать его? Отпустить въ Петербургъ? — Но сынъ одного сосѣда чрезъ годъ возвратился изъ Петербурга, пора-

женный непривычнымъ климатомъ холоднаго сѣвера; сынъ другого сосѣда водворенъ на мѣсто жительства, съ воспрещеніемъ выѣзда; сынъ третьяго сосѣда водворенъ на мѣсто жительства совсѣмъ новое, и т. д. А теперь и доступъ въ учебныя заведенія затрудненъ. Между тѣмъ изъ Елисаветграда идутъ желѣзныя дороги въ три близкихъ университетскихъ города (Кіевъ, Харьковъ, Одесса); но реалистовъ въ университетъ не принимаютъ. Очевидно, что теперь „елисаветградскій поссessorъ“ затруднится еще болѣе.

Авторъ, какъ мы видѣли, не знаетъ, „что будетъ теперь“ — но, тѣмъ не менѣе, въ заключеніи статьи, высказываетъ предположеніе, „что и безъ того уже чрезмѣрная масса, ничѣмъ незанятаго мыслящаго пролетаріата можетъ возрастать больше и больше, благодаря, между прочимъ, и реальнымъ училищамъ“, т.-е., конечно, не зданіямъ ихъ, а тѣмъ условіямъ, въ которыя они поставлены уставомъ 1872 года, разсмотрѣннымъ въ статьѣ выше. Мы уже видѣли, какую альтернативу предлагаетъ авторъ на случай новаго разъясненія этого вопроса въ „скоромъ будущемъ“: „Или реальныя училища — общеобразовательныя заведенія, тогда для окончившихъ ученіе въ нихъ должны быть допущены всѣ послѣдствія общаго образованія; или же это школы *нѣкотораго* (?) образованія и технической подготовки, но тогда онѣ должны быть приспособлены для этой цѣли; но въ нынѣшнемъ положеніи, — заключаетъ онъ, — дѣло оставаться не можетъ, если только нежелательно размноженіе класса людей, для которыхъ съ каждымъ годомъ труднѣе и труднѣе найти нормальное общественное положеніе; и нельзя ждать отъ такихъ людей спокойнаго отношенія къ обстановкѣ, окружающей ихъ жизнь, для которой они — лишніе“. Во всемъ этомъ намъ показалось мало удовлетворительнымъ одно выраженіе, а именно, что для реальныхъ училищъ нужно, если не общее образованіе, то „нѣкоторое“. Что это значитъ? — не было ли бы проще сказать: то, которое авторъ выше самъ хвалитъ въ реальныхъ училищахъ Германіи?

Не имѣя, по особымъ причинамъ, никакой возможности полизировать съ авторомъ „Новыхъ силъ“, — мы строго ограничили резюмированіемъ его основныхъ идей въ предѣлахъ его же статьи. Мы, можетъ быть, не согласились бы съ нимъ относительно того, что онъ говоритъ о двойственной, будто бы, цѣли реальныхъ училищъ; но — далѣе развивать нашего разсужденія мы не можемъ, такъ какъ намъ пришлось бы брать аргументы, конечно, не заключающіеся въ статьѣ. Точно также мы съ нимъ не согласились бы и въ его взглядѣ на какой-то „антагонизмъ двухъ міросозерцаній, двухъ абстрактно-политическихъ направленій“, который, будто бы, выражаютъ собою классицизмъ и реализмъ; о какомъ тутъ „антаго-

низмъ", да еще „абстрактно-политическихъ направленій", можетъ идти рѣчь, когда, по указанію самого „Берега", какъ мы видѣли выше, реальныя училища министерства народнаго просвѣщенія такъ устроены и такъ обставлены, что даже въ головѣ окончившаго курсъ въ реальномъ училищѣ является „какой-то сумбуръ", а отчетъ одного попечителя свидѣтельствуетъ при этомъ даже о „пораженіи способностей къ отвлеченному мышленію", а слѣдовательно — о неспособности вообще къ абстрактному мышленію, и въ частности — къ „абстрактно-политическому", на которое указываетъ выше авторъ статьи. Быть можетъ, „Берегъ" не правъ, давая такой аттестатъ реальнымъ училищамъ министерства народнаго просвѣщенія, устроившаго ихъ и руководившаго ими въ теченіи 8-ми лѣтъ, — но возраженіе на это, конечно, читатели ожидаютъ не отъ насъ, а отъ болѣе компетентныхъ лицъ и отвѣтственныхъ за такое или другое нынѣшнее положеніе реальныхъ училищъ. Точно также намъ не дано рѣшать вопроса, насколько справедливо или ложно приведенное нами выше весьма категорическое утвержденіе редакціи „Берега", а именно, что „въ нынѣшнемъ положеніи дѣло (реальныхъ училищъ) оставаться не можетъ, если только не желательно размноженіе класса людей, для которыхъ съ каждымъ часомъ труднѣе и труднѣе найти нормальное общественное положеніе; и нельзя ждать отъ такихъ людей спокойнаго отношенія къ обстановкѣ окружающей ихъ жизни, для которой они — лишніе". Не имѣя права ни утверждать такого положенія, ни отрицать, — мы такъ и оставляемъ его закрытымъ вопросомъ.

Но не всѣ разсуждаютъ такъ спокойно, какъ мы, и, напримѣръ, редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", на слѣдующій же день послѣ выхода въ свѣтъ упомянутой статьи „Берега", выступила на защиту реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, и такимъ образомъ предупредила болѣе компетентныхъ людей въ вопросахъ подобнаго рода. Но, къ сожалѣнію, мы не нашли въ этой защитѣ ничего поучительнаго для читателя, такъ какъ она написана безъ соблюденія спокойствія духа, и даже, какъ говорится, „съ пѣною у рта", и притомъ писана какъ будто этою же самою пѣною, не имѣющею, конечно, ничего общаго съ классическою пѣною, изъ которой родилась Афродита-Венера.

Наша хроника была уже заключена, когда въ „Голосѣ", № 79, появилось официальное „опроверженіе", напечатанное газетою по требованію министерства народнаго просвѣщенія. Въ заключеніи этого „опроверженія" газетѣ „Голосъ" мы встрѣтили упоминovenіе и на-

шего журнала: министерство народнаго просвѣщенія, покончивъ съ главнымъ предметомъ, поставляетъ на видъ редакціи „Голоса“, что прочія „нареканія“ противъ нашихъ гимназій и прогимназій, упоминаемыя въ „Голосѣ“, были неоднократно опровергаемы министерствомъ въ различныхъ газетахъ и журналахъ, — между послѣдними указанъ и „Вѣстникъ Европы“. Желая оказать содѣйствіе редакціи „Голоса“ въ присканіи указанныхъ ей опроверженій, полученныхъ нами отъ министерства народнаго просвѣщенія за 14-ть лѣтъ существованія журнала, приводимъ списокъ ихъ, прося притомъ обратить вниманіе и на данныя съ нашей стороны „Объясненія“, безъ которыхъ намъ не случалось оставлять ни одного опроверженія или разъясненія:

1) „Объясненіе мин. нар. просв.“ — янв., 1872 г. — а въ февралѣ нашъ отвѣтъ на то (стр. 864 и слѣд.).

2) „Разъясненіе мин. нар. просв.“ — май, 1876 г. — а въ іюнѣ наше объясненіе (стр. 829—832).

3) „Опроверженіе мин. нар. просв.“ — авг., 1877 г. — а въ сентябрѣ наше объясненіе (стр. 376—382).

4) „Разъясненіе мин. нар. просв.“ — май, 1879 г. — а въ іюнѣ наше объясненіе (стр. 803 и слѣд.).

5) „Разъясненіе мин. нар. просв.“ — ноябрь, 1879 г. — а въ декабрьской книгѣ наше послѣднее объясненіе (стр. 885 и слѣд.).

По поводу послѣдняго нашего объясненія „Московскія Вѣдомости“, полемизируя съ какимъ-то петербургскимъ корреспондентомъ „Journal des Débats“, сообщили, съ своей стороны, цѣлую исторію, и отъ нихъ только мы узнали, что это послѣднее наше объясненіе явилось въ свѣтъ даже съ одобренія стороны, давшей самое „разъясненіе“. Не ручаемся за достовѣрность изложеннаго „Москов. Вѣдомостями“, и только сообщаемъ все это къ свѣдѣнію редакціи „Голоса“, на случай если она приступитъ къ ознакомленію съ указанными ей опроверженіями министерства народнаго просвѣщенія въ другихъ изданіяхъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 марта, 1880.

СВООІЯ РЕЙХСТАГА ПЕРЕДЪ ПАСХАЛЬНЫМИ ВАКАЦІЯМИ.

Нѣсколько дней тому назадъ, снова начались парламентскія вакаціи; первое собраніе рейхстага было 12 февраля, а 18 марта уже начались пасхальныя вакаціи,—и только 6 апрѣля рейхстагъ соберется снова. Короткая сессія, сверхъ всякаго ожиданія, оказалась спокойной, и можно надѣяться, что такой характеръ сессіи сохранится и послѣ Пасхи, хотя, конечно, самыя важныя дѣла еще не рѣшены. Сюда относится, во-первыхъ, предложеніе *противъ* усиленія арміи и измѣненій въ ея организаціи, во-вторыхъ, продолженіе закона противъ социалистовъ. Оба предмета были, однако, уже обсуждаемы въ короткій промежутокъ послѣдней сессіи, и потому переданы въ комиссіи, изъ совѣщаній которыхъ пока явствуется, что сущность желаній правительства будетъ удовлетворена.

Чтобы дать отчетъ о минувшихъ совѣщаніяхъ, необходимо немедленно заняться именно этими двумя предметами. Проектъ о военныхъ силахъ былъ представленъ вскорѣ послѣ созванія рейхстага. Какъ извѣстно, и теперь еще дѣйствуетъ имперскій военный законъ, назначающій для мирнаго контингента германскихъ имперскихъ войскъ 1% населенія и семилѣтній срокъ, т.-е. до конца 1881 г. Въ то время думали, что такой срокъ выбранъ удачно, такъ какъ онъ приблизительно совпадаетъ съ септеннатомъ маршала Макъ-Магона, и опасались, что по истеченіи этого французскаго септенната произойдутъ событія, которыя потребуютъ отъ Германіи большаго напряженія ея военныхъ силъ. Однако, человѣческая предусмотрительность опирается на весьма шаткую почву: въ это время во Франціи произошли нѣкѣмъ непредвидѣнные перемѣны. Одно только осталось неизмѣненнымъ, а именно то, что французы при всякомъ правительствѣ проявляютъ одинаковую заботливость и любовь къ своей арміи, и, что какъ республиканское, такъ и монархическое, какъ умѣренное, такъ и радикальное, правительства одинаково тщательно заботятся о ней.

Законопроектъ, представленный теперь рейхстагу, содержитъ три главныхъ пункта: во-первыхъ, онъ требуетъ установленія новаго семилѣтія для мирнаго контингента войскъ, до истеченія марта 1888 г.; во-вторыхъ, усиленія мирнаго контингента на одинъ процентъ изъ прироста населенія за это время, и учрежденія соотвѣтственныхъ

кадровъ; въ-третьихъ, введеніи военныхъ упражненій въ мирное время для резервовъ перваго класса. Увеличеніе настоящаго контингента войска достигнетъ 25—26,000 человѣкъ, но еще гораздо значительнѣе будетъ усиленіе кадровъ, благодаря этому увеличенію. А именно прибавятся новыя кадры изъ 11 полковъ инфантеріи и 40 батарей, а военное образованіе резервистовъ увеличить число способныхъ къ войнѣ солдатъ на 15,000 человѣкъ. Разсматривать отдѣльныя числа и различныя, относящіяся сюда, исключительно парламентскіе пункты, значило бы входить въ чисто военные вопросы; я ограничусь обзоромъ положенія, въ которомъ находились рейхстагъ и вся вообще Германія въ тотъ моментъ, когда былъ внесенъ проектъ о военныхъ силахъ, сперва отвергнутый. У насъ всѣ убѣждены въ томъ, что значительно увеличилась въ послѣдніе годы французская и русская военная сила, и что вообще съ 1870—71 гг. дѣла сложились крайне неблагопріятно для Германіи. Сами французы отнюдь не скрываютъ этого. Въ появившейся недавно книжкѣ Фарси: „le Rhin français“, требующей завоеванія Германіи до Рейна и признающей возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи только вопросомъ времени, авторъ въ заключеніе говоритъ даже о паденіи Германіи, замѣчая: „Чрезвычайная изолированность, которую тщетно стараются прикрыть театральными эффектами, очевидная отсталость въ военномъ дѣлѣ суть также признаки ослабленія могущества“. Именно это послѣднее убѣжденіе, что Германія отстала въ военномъ дѣлѣ отъ другихъ державъ, должно было, разумѣется, произвести глубокое впечатлѣніе не только на армію, но и на всю публику, способную понимать политическія дѣла; потому-что, хотя французскія воззрѣнія на этотъ счетъ не могутъ ни увеличить, ни уменьшить дѣйствительныхъ силъ германской арміи, однако, таковъ ужъ характеръ французовъ, что ихъ политика по отношенію къ Германіи значительно мѣняется, смотря по тому, считаютъ ли они Германію опасною соперницею, или нѣтъ. Очевидно также, что многіе французы, или какая-нибудь вліятельная французская партія, стремятся убѣдить своихъ соотечественниковъ, что германская армія теперь уже не превосходитъ французскую. Стоить только вспомнить, съ какимъ торжествомъ вся французская пресса рассказывала о томъ, какъ на императорскихъ маневрахъ въ Страсбургѣ часть одного отряда потеряла сапоги въ глинистой почвѣ. Правда, солдаты сдѣлали все, что можно было сдѣлать въ этомъ затруднительномъ положеніи: они оставили сапоги въ глинѣ и продолжали маршировать, такъ что наружный видъ движенія ни мало не пострадалъ; но все-таки французы были въ себя отъ радости при мысли, что съ ихъ штиблетами не можетъ произойти ничего подобнаго.

Я указываю на эти явленія, какъ на интересные симптомы, и могъ бы привести кучу такихъ примѣровъ. Но сущность тутъ заключается въ томъ впечатлѣніи, какое выносите изъ этихъ вещей, а опредѣлить это впечатлѣніе съ точностію—дѣло трудное. Для этого нужно имѣть большую объективность и пользоваться извѣстнымъ авторитетомъ и очень большимъ довѣріемъ. Однако, всякій, кто хоть сколько-нибудь сохранилъ безпристрастіе, долженъ признать тотъ фактъ, что настроеніе нѣмецкаго народа сравнительно съ 1874 г. гораздо болѣеклонится въ пользу необходимости увеличенія военныхъ силъ и востаетъ противъ тѣхъ, которые думаютъ, что, благодаря септеннату, погибнуть всѣ парламентскія права, а вслѣдствіе усиленія арміи потерпѣть ущербъ мирное преуспѣяніе народа. Въ 1874 г., партія національ-либераловъ очень неохотно соглашалась даже на одинъ только септеннатъ, явившійся, какъ извѣстно, плодомъ компромисса, такъ какъ первоначально правительство хотѣло установить однопроцентный мирный контингентъ войскъ навсегда. Но тогда страна съ такою рѣшительностію высказалась противъ либераловъ, что они очень хорошо увидѣли неизбѣжность своего полнѣйшаго пораженія, въ случаѣ распушенія парламента и воззванія правительства къ народу,—и уступили. Для полноты представленія слѣдуетъ также вспомнить, какое сильное сопротивленіе въ парламентѣ и въ народѣ вызвали въ 60-мъ году первыя попытки правительства добиться только умѣренного усиленія и увеличенія арміи. Меня самого до извѣстной степени удивляетъ это явленіе. Если принять во вниманіе хотя то обстоятельство, что не только либеральная, но и прогрессивная печать чрезвычайно распространена въ странѣ, гораздо болѣе, чѣмъ консервативная, и что она много разъ теперь, какъ и прежде, неутомимо возставала противъ милитаризма; если, далѣе, принять во вниманіе и то, что всеобщая воинская повинность должна возбуждать въ народѣ живѣйшее желаніе мира, такъ какъ война неумолимо требуетъ отъ каждого величайшихъ жертвъ; если, наконецъ, подумать о томъ, какъ далеко простирается эта новая реформа, предписывая военныя упражненія для резервовъ, которые до сихъ поръ почти не призывались къ службѣ, такъ какъ цифра ежегоднаго набора и безъ нихъ достигала надлежащей полноты,—то нельзя не изумляться спокойствію, съ которымъ большинство народа несетъ великія жертвы, требуемыя отъ него. Разумѣется, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, можно отыскать и причины этого явленія. Во-первыхъ, не исчезло еще воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда чужеземцы воевали и господствовали въ нѣмецкой землѣ, а именно о временахъ страшнаго наполеоновскаго гнета; во-вторыхъ, завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи произвело на германскій народъ

необыкновенно глубокое и неизгладимое впечатлѣніе, и именно потому что оно совпадаетъ съ объединеніемъ Германіи, впервые послѣ долгаго промежутка времени. Дѣйствіе такихъ впечатлѣній на чувства людей весьма трудно поддается объясненію. Очень часто случается, что ни по газетнымъ мнѣніямъ, ни по парламентскимъ рѣчамъ нельзя судить объ истинномъ настроеніи народа; чѣмъ сильнѣе развитъ парламентаризмъ, чѣмъ свободнѣе пресса, тѣмъ болѣе ихъ дѣйствія распространяются въ ширину, но не въ глубину; и очень понятно, что часто національное мнѣніе имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ можно заключить по многочисленнымъ заявленіямъ, выражаемымъ въ печати и даже въ собраніяхъ обычнымъ путемъ парламентскихъ разсужденій. Это, конечно, не уменьшаетъ достоинства подобныхъ свободныхъ учреждений, но скорѣе только указываетъ, что въ самомъ ихъ распространеніи лежитъ естественный и неизбѣжный противовѣсъ ихъ единовластію. Всякій, кто слѣдилъ за развитіемъ Германіи за послѣднія 30 лѣтъ, припомнить, какого шума могли надѣлать до появленія политическихъ вольностей одно какое-нибудь слово или статья; тогда какъ теперь отъ этого придетъ въ волненіе только самый ничтожный кружокъ людей. Не въ одномъ либерализмѣ лежитъ причина того, что, напримѣръ, въ законахъ о печати чрезвычайно ограничено право полицейскихъ конфискацій—а именно полиція можетъ пользоваться этимъ правомъ, собственно говоря, только въ случаѣ прямого возбужденія къ мятежу,—или того, что теперь безъ всякаго затрудненія соглашаются допускать перепечатку революціонныхъ документовъ, если только газета не выражаетъ прямо своего къ нимъ сочувствія, тогда какъ всякій знаетъ, какъ близко относились къ этому прежде; причина этого просто-на-просто та, что въ прежнія времена вліяніе подобныхъ вещей было гораздо сильнѣе, чѣмъ нынѣ. Позвольте мнѣ для ясности привести примѣръ. Въ пятидесятихъ годахъ въ Берлинѣ было бы очень опаснымъ дѣломъ напечатать переписку Феликса Пиа съ Гарибальди, въ которой въ ясныхъ выраженіяхъ хвалилось царубійство. Теперь эта переписка печатается во всѣхъ берлинскихъ и вѣроятно во многихъ провинціальныхъ газетахъ, и никто не думаетъ привлечь къ отвѣтственности какой-нибудь изъ этихъ листовъ. Разумѣется, для этого необходимы успѣхи въ политической зрѣлости народа. Вскорѣ послѣ революціи 1848 г. эти или подобныя заявленія произвели бы совсѣмъ не то дѣйствіе на юношеское и возбужденное чувство народа, чѣмъ теперь, когда политика уже давно находится въ періодѣ спокойнаго развитія. Наконецъ тутъ замѣшивается еще одно обстоятельство, которое, очевидно, имѣетъ сильное вліяніе на настроеніе народа. Какъ ни часто раздаются жалобы на настоящія дурныя времена, но всякій знаетъ,

что эти времена все же гораздо лучше прежнихъ, и что ихъ недостатокъ только потому возбуждаютъ такіа сильныя жалобы, что предшествовавшій періодъ былъ періодомъ необычайно быстрого развитія.

Вообще говоря, до сихъ поръ въ теченіе настоящаго сенатната, царило спокойствіе въ странѣ и увѣренность въ сохраненіи мира—увѣренность, которую не могли поколебать и нѣкоторые угрожающіе симптомы. Печальныя предсказанія насчетъ того, что военный сенатнать или какой-нибудь другой болѣе продолжительный срокъ военного бюджета погубить всѣ парламентскія права, ничѣмъ не доказаны, а чѣмъ мрачнѣе эти пророчества, тѣмъ, понятно, полнѣе будетъ ихъ неудача, если они не сбудутся.

Какъ я уже говорилъ, военный законо-проектъ обсуждался въ обществѣ собраніи рейхстага 1 и 2 марта. Собственно говоря, нельзя сказать, чтобы при этихъ дебатахъ было высказано что-нибудь новое. Самъ графъ Мольте, слова котораго всегда производятъ сильное впечатлѣніе, какъ въ собраніи такъ и во всей странѣ, не прибавилъ ничего новаго къ своимъ предъидущимъ рѣчамъ; онъ даже говорилъ при каждомъ удобномъ случаѣ, и можно думать—исполнѣ серьезно, что война, по его мнѣнію, есть зло, но что онъ считаетъ негнѣшны надежды на уничтоженіе этого зла, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Одинъ пунктъ, довольно обстоятельно обсуждавшійся даже въ книгахъ по этому предмету, былъ едва затронутъ въ дебатахъ. Какъ извѣстно, противники милитаризма всегда наминаютъ о чрезвычайной непроизводительности арміи, а противъ этого факта, который повидимому очевиденъ, приводятъ, собственно говоря, только одно возраженіе, а именно, что армія есть своего рода страховая премія для безопасности государства, и потому съ лихвой вознаграждается издержки. Хотя я не принадлежу къ числу гегеліанцевъ, признающихъ, что все существующее разумно; но все же, по моему мнѣнію, самый фактъ продолжительнаго существованія такихъ отягчительныхъ учреждений, какъ постоянная армія, даетъ основаніе думать, что въ самихъ этихъ учрежденіяхъ лежитъ ихъ оправданіе, и притомъ не имѣющее ничего общаго съ такою отвлеченною идеей, какъ, наприимѣръ, идея о страховой преміи. Можетъ быть, читатели не побѣгутъ на меня, если я приведу вульгарный примѣръ, для того, чтобы перейти къ другой точкѣ зрѣнія, съ которой я рассматривалъ постоянную армію ¹⁾.

¹⁾ Мы назовемъ этотъ примѣръ, приведенный ниже почтеннымъ корреспондентомъ, болѣе остроумнымъ, чѣмъ вульгарнымъ,—но въ сущности этотъ примѣръ служить только новымъ доказательствомъ, какъ воинственно настроены умы въ Германіи, и какъ заботливо стараются тамъ объяснить, и чѣмъ самимъ оправдать подобное настроеніе минути.—Ред.

Одно время врачи внезапно пришли къ убѣжденію, что бульонъ вовсе не питателенъ, но обладаетъ какими-то другими возбуждающими свойствами, которыя заставляютъ людей считать его питательнымъ. Это положеніе усердно развивалось врачами, и я полагаю, стоитъ теперь на твердой научной почвѣ. Однако люди продолжаютъ варить и пить бульонъ, и каждый считаетъ его здоровѣе какого-нибудь жидкаго постнаго супа. (Это можетъ происходить только оттого, что теорія просмотрѣла и упустила изъ виду какую-нибудь недоступную для нея сторону вопроса; то же самое можно сказать о войнѣ и постоянной арміи. Если бы человѣкъ былъ дѣйствительно существомъ, лишеннымъ воинственныхъ наклонностей; если бы прекрасное мирное настроеніе было дѣйствительно пріятно сердцу человѣческому, т. е. не сердцу отдѣльной личности, но цѣлой націи, какъ въ этомъ убѣждаютъ проповѣдники мира, тогда чтó бы мѣшало двумъ враждебнымъ войскамъ отбросить смертоносное оружіе и кинуться другъ другу въ объятія? Чтó сдѣлали для распространенія своихъ идей такія миролюбивыя общины, какъ квакеры, или меннониты? Онѣ постоянно ограничивались только ничтожнымъ кружкомъ приверженцевъ, и, очевидно, останутся такими и на будущее время. Правда, что постоянныя арміи чрезвычайно обременительны для націи; но если сравнить время, когда такихъ постоянныхъ армій не существовало, и время, когда онѣ существовали, то должно будетъ признать, что всеобщее благосостояніе развивалось въ замѣчательной прогрессѣ, именно въ эти послѣднія времена, и что положеніе людей во всѣхъ отношеніяхъ улучшилось сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда не было постоянныхъ армій. На дняхъ, одна изъ здѣшнихъ газетъ напечатала письмо одного высокопоставленнаго сановника, написанное около 100 л. тому назадъ; въ этомъ письмѣ онъ говорилъ, что если европейскія державы будутъ непрерывно и неосмотрительно увеличивать постоянныя арміи на счетъ націи, то это отзовется на ихъ финансахъ и повлечетъ за собой дефицитъ. По поводу этого пророчества весьма справедливо замѣчали, что оно однако-же не исполнилось въ истекшія 100 лѣтъ, и вѣроятно не исполнится также и въ ближайшія 100 лѣтъ. Мнѣ кажется, что при всѣхъ этихъ общихъ разсужденіяхъ упущенъ изъ виду одинъ весьма существенный пунктъ, и, конечно, такое упущеніе со стороны приверженцевъ современнаго реалистическаго направленія весьма замѣчательно и поразительно. Наука, въ особенности естествознаніе, установила великую истину, какъ мнѣ кажется не допускающую никакого возраженія, что природа во всѣхъ своихъ проявленіяхъ дѣйствуетъ съ избыткомъ: тысячи или миліоны цвѣтовъ погибаютъ, прежде чѣмъ одинъ превратится въ плодъ. Эта расточительность про-

является во всѣхъ царствахъ природы. Конечно, какое-нибудь строга религіозное ученіе, выдѣляющее людей изъ общей совокупности явленій природы, можетъ дѣлать для нихъ радикальное исключеніе и утверждать, что законы природы отнюдь не примѣняются къ человѣчеству; но замѣчательно, что эту теорію прилагаютъ на практикѣ не религіозные люди, а скорѣе либералы, принимающіе означенное реалистическое воззрѣніе, какъ въ церковныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Люди, по мнѣнію которыхъ высшая міровая цѣль состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ работалъ въ мірѣ, мечтаютъ о какомъ-то Эльдорадо, осуществленіе котораго разочаровало бы самихъ его участниковъ. И какъ невѣрна вся эта мысль вообще, предоставляющая все на долю однихъ матеріальныхъ силъ и для разнообразія рекомендуемая имъ мирныя наслажденія въ родѣ литературы, искусства, музыки и т. д.! Если бы дѣйствительно прогрессъ человѣчества основывался только на трудѣ, то каждое правительство должно бы было стараться радикально передѣлать современныя общества; такъ какъ съ точки зрѣнія труда производится большая и непродуцируемая трата силъ.

Есть много людей, которые должны упорно работать, пользуясь только ничтожнымъ отдыхомъ, но у большинства людей, работа сравнительно съ временемъ ихъ жизни, такъ мала, что они могли бы производить гораздо больше, и эта возможность должна быть принята во вниманіе, если только теорія утилитаристовъ справедлива. Этого однако на самомъ дѣлѣ не существуетъ; напротивъ, въ дѣйствительности и здѣсь въ естественныхъ законахъ господствуетъ до извѣстной степени система расточительности. Какъ земледѣлецъ не можетъ работать круглый годъ, но въ извѣстное время года работаетъ, напрягая всѣ силы, тогда какъ въ другое время отдыхаетъ, — такъ и для каждаго производства должна быть граница. Фабрики не могутъ до безконечности производить шерсть и булавки, но должны сообразоваться съ потребностью, и если потребности въ нихъ не оказывается, то имъ приходится такъ или иначе прекращать производство. Безграничнаго производства не существуетъ, и вѣчные законы, управляющіе человѣчествомъ, остаются неизмѣнными. Такъ, напримеръ, теперь опять начинаютъ жаловаться на усиливающуюся эмиграцію, приписывая ее неблагоприятнымъ условіямъ жизни. Между тѣмъ очевидно, что если населеніе постоянно возрастаетъ, а земля остается въ одномъ и томъ же количествѣ, то, наконецъ, должно получиться избытокъ населенія; колонизація происходила уже тысячи лѣтъ тому назадъ. Сравнительно еще недавно, римская имперія распространяла свои владѣнія черезъ Альпы на сѣверъ, и римскія колоніи заселяли большую часть современныхъ Франціи и Германіи. Если

избытокъ населенія не сдѣлался особенно чувствителенъ въ Европѣ, такъ это просто благодаря необычайному распространенію человѣка на землѣ, и главнымъ образомъ благодаря постепенному заселенію Америки. Въ Россіи также есть еще обширныя области, которыя требуютъ культуры и могутъ вмѣстѣ огромную массу людей, но и тамъ наступить, наконецъ, предѣлъ для этого, если только не вѣрять вмѣстѣ съ однимъ изъ новѣйшихъ французскихъ социалистовъ въ возможность безграничнаго усовершенствованія производительности на землѣ, такъ что, наконецъ, добьются того, что морская вода будетъ служить вкуснымъ и питательнымъ напиткомъ для чрезмѣрно размножившагося человѣчества.

Какъ я уже говорилъ выше, дебаты о военномъ законо-проектѣ не произвели никакого особеннаго волненія; проектъ былъ переданъ комиссіамъ, которыя окончили свою работу еще до вакацій, оставивъ проектъ безъ измѣненія въ его существенныхъ чертахъ. Разумѣется, оппозиція опять представила требованіе объ установленіи двухлѣтнаго срока службы, благодаря которому было бы даже возможно содержать гораздо болѣе сильную армію съ меньшими издержками. Ни одна сторона, конечно, не представила новыхъ аргументовъ. Правительство, или, лучше сказать, военные представители правительства, каждый разъ, когда заявлялось требованіе о двухлѣтнемъ срокѣ, доказывали, что отъ этого нарушится порядокъ въ арміи; такъ какъ при значительномъ увеличеніи арміи въ военное время въ нее попадетъ только незначительное число людей, прослужившихъ всѣ два года, тогда какъ большинство окажется такихъ, которые только недавно начали служить, или служили уже слишкомъ давно, такъ что не могутъ въ короткое время снова привыкнуть къ военнымъ порядкамъ. Впрочемъ, ни для кого не тайна, что императоръ ни въ какомъ случаѣ не согласится на двухлѣтній срокъ службы, и гораздо охотнѣе отброситъ всякую мысль о преобразованіяхъ въ организаціи арміи. Это, понятно, не мѣшаетъ оппозиціи возвращаться къ своимъ прежнимъ аргументамъ, и, конечно, она имѣетъ на это полное право. Такъ, напримѣръ, недавно депутат Рихтеръ указалъ на одинъ недостатокъ, который, можетъ быть, признаетъ и другая сторона. Именно, онъ объяснилъ, что такъ-называемыя ремесленныя комиссіи при арміи суть весьма вредное учрежденіе. Молодые, способные служить люди попадаютъ не на службу, а въ такъ-называемыя рабочія комиссіи, въ качествѣ саножниковъ и портныхъ, и должны здѣсь исполнять грубую работу за ничтожное вознагражденіе, вмѣсто того, чтобы учиться службѣ. Въ обыденной жизни мастера сильно жалуются на то, какое непригодное образованіе получаютъ эти молодые люди на службѣ, и какими неспособными въ своему дѣлу

возвращаются они со службы; такъ что съ ихъ стороны было сдѣлано предложеніе предоставить эти портняжныя и сапожныя работы старикамъ, а молодыхъ привлекать къ дѣйствительной службѣ. Я уже говорилъ, что такія заявленія слѣдовало бы принять во вниманіе, и надо надѣяться, что въ послѣдствіи все это дѣло подвергнется болѣе спокойному и обстоятельному обсужденію.—Съ другой стороны, въ теченіе прошлаго и настоящаго септенната появился рядъ сочиненій, указывающихъ на другой пунктъ, на который прежде почти не обращали вниманія, а именно—вліяніе военной службы на здоровье молодого населенія. Обыкновенно при каждомъ заболѣваніи, при каждомъ несчастномъ случаѣ въ войскѣ начинаютъ, какъ говорится, звонить во всѣ колокола и бить тревогу; а между тѣмъ научное исследование доказало, что военная служба у насъ дѣйствуетъ чрезвычайно благотворно на физическое здоровье молодыхъ людей. Именно профессоръ Іегеръ рядомъ ежегодныхъ статистическихъ исследованийъ доказалъ, что смертность между нѣмецкими солдатами въ продолженіи трехлѣтней службы уменьшается на 68%, а въ теченіе третьяго года службы на 33%. Этотъ и другіе авторитеты разбирали также не разъ высказанную мысль, что время военной службы можно сократить, перенести часть военного образованія, а именно гимнастику, въ школы,—мысль вообще очень популярную въ Германіи; они доказали, что какъ ни важны гимнастическія упражненія въ школѣ для первоначальнаго тѣлеснаго развитія, онѣ однако не могутъ замѣнить собственно военныхъ упражненій, которыя гораздо рациональнѣе и требуютъ большаго напряженія всѣхъ силъ. Конечно, большая часть рекрутъ берется изъ земледѣльческаго сословія, такъ что для нихъ не имѣетъ особеннаго значенія тѣлесное воспитаніе въ военной службѣ, хотя и здѣсь, при однообразіи ихъ обычной работы, вѣроятно очень полезна военное воспитаніе, упражняющее все тѣло; но весьма значительная часть германской арміи набирается изъ городского населенія, т.-е. изъ такихъ людей, которые въ теченіе всей своей жизни почти не пользуются свѣжимъ воздухомъ и по большей части ведутъ сидячую жизнь. Для этихъ людей, конечно, очень полезно провести два, три года на утомительной военной службѣ. Сидячій образъ жизни, занятіе ремесломъ, вообще обращаются въ привычку для людей, такъ что они перестаютъ заботиться о всестороннемъ тѣлесномъ воспитаніи, находя его для себя неудобнымъ; а военная служба доставляетъ именно это всестороннее воспитаніе, въ особенности при современномъ способѣ веденія войны, когда полагаются не на сомкнутость массъ, но на личную дѣятельность каждаго, и достиженіе этого является цѣлью всего военного воспитанія.

Въ принятіи законо-проекта послѣ ваканцій не можетъ быть ни

какого сомнѣнія, если бы даже центръ оказался противъ; а это, разумѣется, еще неизвѣстно навѣрное, хотя культурная борьба, какъ кажется, постепенно близится къ концу. Огромное большинство національ-либераловъ рѣшилось стоять за сущность военного проекта; къ нимъ присоединяется небольшая группа бывшихъ національ-либераловъ, отдѣлившихся въ прошломъ году отъ своей партіи и образующихъ теперь такъ-называемую „либеральную группу“, и консерваторы обѣихъ фракцій. Князь Бисмаркъ, хотя и присутствовалъ въ Берлинѣ, однако по своему обыкновенію не былъ въ рейхстагѣ при обсужденіи проекта, — и говорятъ, замѣтилъ, что въ его отсутствіе все идетъ гораздо лучше.

Подобно тому, какъ при обсужденіи военного проекта, канцлеръ почти не присутствовалъ также и при рѣшеніи извѣстнаго дѣла о гибели „Великаго Курфюрста“. Эта катастрофа въ Каналѣ послужила предметомъ продолжительнаго слѣдствія, тянувшагося болѣе полутора года и окончившагося только недавно. Нѣкоторые офицеры были подвергнуты небольшому взысканію; приговоры военного суда надали по нѣскольку разъ на одно и то же лицо, такъ какъ нѣкоторые не получили утвержденія отъ императора; въ заключеніе, однако, виновника катастрофы не оказалось, — мало того, личность, которой общее мнѣніе приписывало главную вину, получила повышение. Первоначально самъ министръ Стоунъ объявилъ, что рейхстагу будутъ сдѣланы сообщенія о результатахъ слѣдствія, — впослѣдствіи однако онъ мало-по-малу взял это обѣщаніе назадъ, ссылаясь на то, что не имѣетъ никакого права доводить до всеобщаго свѣдѣнія военные приговоры и слѣдствія. Такимъ образомъ ограничились только печатаніемъ въ полуофициальной газетѣ морского управленія полуофициальныхъ, но очевидно искаженныхъ, отчетовъ о катастрофѣ по даннымъ, собраннымъ слѣдствіемъ. Эти отчеты были напечатаны незадолго до созванія рейхстага и, такимъ образомъ должны были служить для него единственнымъ матеріаломъ при обсужденіи дѣла. Понятно, что это не особенно понравилось рейхстагу, такъ что изъ среды его былъ сдѣланъ Стоуну запросъ по этому дѣлу, возбудившій продолжительный и оживленный споръ, но не приведшій ни къ какому результату. Большинство рейхстага подверглось тяжкимъ упрекамъ, а одинъ журналъ, близкій стоящій къ Бисмарку, уворалъ даже его друзей въ рейхстагѣ въ томъ, что они не исполнили своей обязанности, что они не стояли на высотѣ своей задачи, такъ какъ не исследовали дѣло обстоятельно. Конечно, въ оправданіе большинства можно принять во вниманіе, что, во-первыхъ, не всякій легко рѣшится подвергать возможные недостатки правительства публичному обсужденію, если только подумаетъ о неблагоприятномъ впечатлѣніи,

какое это можетъ произвестъ за границей; а во-вторыхъ, многіе оправдываютъ свое молчаніе тѣмъ, что еще неизвѣстно, найдется ли лучший преемникъ для теперешняго морского министра, въ энергической дѣятельности котораго по крайней мѣрѣ никто не сомнѣвался. Стоитъ и князь Бисмаркъ уже съ давнихъ поръ не расположены другъ къ другу, и еще недавно одно побочное обстоятельство, о которомъ сейчасъ расскажу, доставило новое доказательство этой неприязни.

Какъ вамъ извѣстно, въ нѣмецкой орфографіи издавна царствуетъ весьма шаткая система, вообще соотвѣтствующая нѣмецкому характеру. Прочно установленной орфографіи не существовало никогда; даже въ отдѣльных областяхъ, гдѣ, конечно, школы введутъ хоть нѣкоторое единообразіе, она еще подвержена колебаніямъ; вообще, орфографія претерпѣваетъ постоянное преобразование. Загляните въ оригинальныя изданія классиковъ конца прошлаго столѣтія, Гёте или Шиллера — вы будете поражены огромнымъ отличіемъ тогдашней орфографіи отъ современной. Я не намѣренъ пускаться здѣсь въ область словесности и обсуждать, будетъ ли цѣлесообразно принять за основу орфографіи правило, на основаніи котораго каждое слово должно писать такъ, какъ оно произносится, или слѣдуетъ твердо держаться историческаго принципа, т.-е. каждое слово писать такъ, чтобы какъ можно яснѣе былъ видѣнъ его корень и развитіе. Оба эти принципа въ сущности играютъ извѣстную роль во всякой орфографіи, такъ какъ и произношеніе столь же скоротечно и мѣнчиво, какъ всѣ вещи на свѣтѣ. Такимъ образомъ придется замѣнить и правописаніе, если только принять за правило, что оно должно быть подобно произношенію. Несмотря на то, уже съ давнихъ поръ постоянно предпринимались попытки установить одну общую нѣмецкую орфографію; ученые изобрѣтали системы; книгопродавцы, типографы и издатели соединялись въ пользу извѣстной системы; школьныя управленія въ отдѣльныхъ государствахъ тоже старались исправить орфографію, и даже министръ Фалькъ въ теченіе многихъ лѣтъ занимался этимъ предметомъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года міръ былъ пораженъ извѣстіемъ, что теперешній министръ Путткаммеръ принялся за наслѣдіе Фалька, и быстро рѣшился сдѣлать то, на что не рѣшался послѣдній, а именно создать систему орфографіи, и предписать принудительное введеніе ея въ школахъ, уже съ перваго апрѣля нынѣшняго года. Объ этой системѣ можно много сказать. Многое въ ней всѣми признано справедливымъ, противъ многихъ были сдѣланы возраженія; но вообще ее хвалили за то, что существующая система сохраняется насколько возможно, и измѣненія не велики. Но мало-по-малу стали раздаваться громкія жалобы, и главнымъ образомъ со стороны книгопродавцевъ, жалующихся на жертву,

которую от них требуютъ; такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ учебники съ прежней ореографіей не будутъ допускаться, то большая часть ихъ потеряетъ всякую цѣну; а извѣстно, что книгопродавцы, торгующіе учебниками, затрачиваютъ на свои предпріятія весьма значительные капиталы, потому что только очень большой сбытъ подобныхъ книгъ приноситъ выгоду. Однако, эти жалобы не возбудили никакого особеннаго вниманія, когда въ одинъ прекрасный день officialный листокъ морского вѣдомства, т.-е. министра Стона, „Marine-Verordnungsblatt“ вышелъ въ свѣтъ съ новой ореографіей. Непосредственно за тѣмъ распространилось извѣстіе, что князь Бисмаркъ запретилъ примѣненіе новой ореографіи въ имперіи и даже назначилъ усиленные дисциплинарныя высканія для непослушныхъ чиновниковъ. Дѣло было въ высшей степени комично, и вся эта „Orthographiekrieg“, какъ обыкновенно называютъ адѣсь эту распрю, явилась въ какомъ-то юмористическомъ свѣтѣ, хотя въ основаніи своемъ она весьма серьезна. Пруссійскій министръ, какъ, напримѣръ, Путткамеръ, пользуется въ своемъ вѣдомствѣ извѣстнымъ и даже очень значительнымъ авторитетомъ, и можетъ въ немъ во множествѣ случаевъ распоряжаться, не нуждаясь ни въ чемъ позволеніи. Напротавъ, въ качествѣ прусскаго министра, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права распоряжаться въ имперскихъ дѣлахъ, и во всякомъ случаѣ Бисмаркъ имѣлъ полное право отменить распоряженіе, касательно дѣятельности государственныхъ чиновниковъ, сдѣланное безъ всякаго согласія съ его стороны. Удивительно и непонятно при этомъ то обстоятельство, что Путткамеръ, очевидно, не подумалъ о возможности непреодолимаго препятствія для своихъ распоряженій и не удостоверился въ томъ заранее. Онъ уже много разъ позволялъ себѣ такіе опрометчивые поступки, и не мало получилъ за это выговоровъ. Нужно сознаться, что подобнаго рода публичное порицаніе министра, который, несмотря на то, остается на службѣ, не много можетъ содѣйствовать возвышенію какъ его личнаго, такъ и вообще правительственнаго авторитета. Въ этомъ отношеніи было бы безъ сомнѣнія гораздо лучше—строже соблюдать конституюціонную систему въ Германіи. Къ сожалѣнію, такъ-называемые консервативные кружки все еще чувствуютъ въ этому непреодолимый страхъ, и совершенно не думаютъ о томъ, какъ глубоко измѣнились отношенія, и какъ мудро поступаютъ правительства, если они принимаютъ въ расчетъ измѣнившіяся воззрѣнія.

Англійская система относительно министерства состоитъ, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ: монархъ поручаетъ какому-нибудь лицу образованіе министерства, и предоставляетъ ему самому избирать себѣ товарищей, причежъ, разумѣется, не лишаетъ себя права протестовать

противъ избранія того или другого непріятнаго для него лица. Это право монарха неоспоримо, и не разъ примѣнялось къ дѣлу, тогда какъ, разумѣется, глава министерства въ свою очередь пользуется правомъ отказа отъ возложеннаго на него порученія, если монархъ не согласится допустить избраннаго имъ министра. Этотъ обычай служить основой всякаго конституціоннаго министерства, тогда какъ въ Пруссіи существуетъ мнѣніе, что черезъ это чрезвычайно уменьшаются прерогативы короны, и что король пользуется историческимъ правомъ—назначать и удалять министровъ по своему желанію,—правомъ, которое конституція не можетъ ни ослабить, ни уничтожить; какъ извѣстно, въ нашей конституціи сказано, въ § 45: „король назначаетъ и удаляетъ министровъ“. Это узаконеніе очевидно не имѣетъ никакого отношенія къ вышеупомянутому конституціонному принципу; тутъ говорится только, что никто, кромѣ короля, не можетъ назначать и удалять министровъ, но совсѣмъ не указывается, на какомъ же основаніи происходитъ это назначеніе или удаленіе. Гораздо важнѣе узаконеніе, по которому министры должны быть вслушиваемы въ парламентъ. Въ Англіи, министры имѣютъ право присутствовать въ парламентѣ только въ томъ случаѣ, когда они также избраны. Это чрезвычайно увеличиваетъ затрудненія правительства; министерство во всякомъ случаѣ не можетъ существовать безъ сношеній съ парламентомъ, а если министръ не избранъ въ депутаты, то въ Англіи онъ не имѣетъ никакой возможности защищать свою политику передъ парламентомъ. На это, разумѣется, можно возразить, что во всякомъ случаѣ министръ можетъ получить полномочіе. Мы въ Пруссіи были свидѣтелями такого случая, что въ палатѣ депутатовъ засѣдали только 7 консерваторовъ, которые одни могли считаться друзьями правительства; даже въ этомъ случаѣ нѣкоторые изъ нихъ могли бы выйти въ отставку, и было бы возможно доставить министрамъ полномочія; но они не получили бы въ самой палатѣ и одного дружественнаго голоса, и дѣло вышло бы еще затруднительнѣе. Между тѣмъ обстоятельства теперь сложились такимъ образомъ, что ни одинъ либераль не думаетъ въ настоящую минуту объ измѣненіи конституціи въ либеральномъ духѣ. Они довольны уже и тѣмъ, если все останется *in statu quo*, откладываятъ свои надежды до того времени, когда снова станутъ во главѣ правленія. Разумѣется, дѣло гораздо болѣе подвинулось бы впередъ, чѣмъ до сихъ поръ, если бы само правительство вводило улучшенія, безъ которыхъ съ теченіемъ времени нельзя будетъ обойтись. Основное правило, согласно которому никакое парламентское большинство не можетъ заставить короля дать отставку министру, выразилось во всей своей строгости въ теченіе двухъ великихъ реакціонныхъ періодовъ, кото-

рые прусскому народу пришлось пережить въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Въ 50-хъ годахъ Отто фонъ-Мантейфель и его товарищи при каждой парламентской бурѣ объявляли, что они подадутъ въ отставку только по приказанію короля; въ 60-хъ годахъ то же самое объявляли при каждомъ удобномъ случаѣ Бисмаркъ и его товарищи, — и консерваторы видѣли въ этомъ доказательство чрезвычайнаго монархическаго образа мыслей. А между тѣмъ прослѣдите спокойно ходъ исторіи, и вы увидите, что этотъ принципъ принесилъ не мало вреда. Прежде всего, онъ отнюдь не упрочивалъ положеніе правительства. Министертва мѣнялись очень часто; огромное зло при этомъ заключается въ томъ, что разъ министръ лишился своего выдающагося положенія, онъ почти или совершенно перестаетъ участвовать въ политической и парламентской жизни. Отъ того происходятъ дѣйствительно огромныя затраты силъ, на которыя такъ много жаловались, и которыя, конечно, въ высшей степени вредны для нормальнаго развитія политической жизни. Конечно, нельзя не сознаться, что безусловная необходимость уступать голосу парламента существенно замѣнила бы характеръ прусской королевской власти и прусской конституціи. Центръ тяжести былъ бы при этомъ перенесенъ въ парламентъ, подобно тому какъ въ Англіи онъ находится въ нижней палатѣ; но вѣдь если принципы высются, какъ твердая и непреступная скала, то на практикѣ дѣло происходитъ иначе, и есть всегда извѣстныя лазейки. Даже въ Англіи, монархъ имѣетъ возможность отклонить рѣшеніе парламента, продержавъ министра болѣе долгое время, вопреки парламенту, и, наконецъ, аннелировать къ народу посредствомъ новыхъ выборовъ.

Это и нѣкоторыя другія средства можно бы было очень удобно примѣнить и въ Пруссіи, и такимъ образомъ провести принципъ безъ всякаго вреда, такъ какъ огромное большинство народа, навѣрно, признаетъ, что для Пруссіи было чрезвычайно полезно, что Бисмаркъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ не подчинился парламенту, потому что иначе онъ не могъ бы такъ возвысить авторитетъ Пруссіи въ глазахъ міра. Ему самому не нравится современная система, но только по другимъ причинамъ, а именно — ему не нравится коллегіальное устройство прусскаго министерства, гдѣ каждый министръ пользуется извѣстною самостоятельностью, и большинство можетъ даже пересиливать меньшинство. Проще всего было бы въ этомъ случаѣ меньшинству или отдѣльному лицу, которое не можетъ подчиниться общему рѣшенію, выйти въ отставку; но здѣсь проявляется слабая сторона системы, такъ какъ король можетъ приказывать этому меньшинству или этому лицу оставаться на своемъ посту, и они не могутъ удалиться, не нарушивши, по существующимъ понятіямъ,

вѣрноподданинческихъ чувствъ къ своему королю. Хотя въ германской имперіи не существуетъ такой коллегіальности, и канцлеръ стоитъ во главѣ всей администраціи, такъ что начальники отдѣльных департаментовъ подчинены ему и могутъ дѣйствовать только съ позволенія канцлера,—однако очень естественно, что эти отдѣльные начальники внутри своихъ вѣдомствъ пользуются значительной самостоятельностью. Такимъ образомъ случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что между Стошемъ и княземъ Бисмаркомъ возникли сильныя пререканія. По настоящему, одинъ изъ нихъ долженъ былъ бы удалиться, но императоръ рѣшилъ, что оба должны остаться и терпѣть другъ друга. Первое и было исполнено, но второе не осуществилось, и такимъ образомъ они остались съ тѣхъ поръ заклятыми врагами. Что подобнаго рода отношенія вовсе не приносятъ пользы странѣ,—это уже не въ первый разъ приходится доказывать. Въ Англіи необходимая прочность для каждаго правительства обуславливается, какъ извѣстно, тѣмъ, что второстепенныя мѣста въ каждомъ департаментѣ достаются специалистамъ, которые ни какъ не затрогиваются перемѣнами въ министерствѣ, но остаются на своихъ мѣстахъ. Собственно говоря, и у насъ существуетъ нѣчто подобное, а именно, такъ-называемые „тайные совѣтники“, которые не мѣняются, или мѣняются — только очень рѣдко, и служатъ министрамъ часто совершенно противоположныхъ направленій, дѣлающимъ постепенно ихъ начальниками.

Бисмаркъ очень ловко воспользовался случаемъ подставить ногу своему старинному врагу; дѣйствительно, Стошъ неблагоразумно поступилъ, вводя эту ореографію; онъ не подумалъ осведомиться о воззрѣніяхъ Бисмарка на этотъ счетъ, и теперь ему остается только отказаться отъ своего намѣренія, — униженіе, конечно, весьма чувствительное для гордаго и суроваго человѣка; однако Стошъ рѣшился не отступать. Впрочемъ, пренія въ обѣихъ палатахъ — дѣйствительно, и въ палатѣ депутатовъ, и въ рейхстагѣ, велись пренія объ ореографіи — отличались весьма юмористическимъ характеромъ, тѣмъ, такъ-сказать, ученымъ юморомъ, который трудно понять иностранцамъ. Однако—что весьма замѣчательно и удивительно—пренія не привели ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Нѣкоторые либеральные депутаты вознамѣрились внести предложеніе, чтобы канцлеръ пригласилъ другія союзнныя правительства ввести общую вѣмечную ореографію; но это предложеніе не пошло на обсужденіе до вакацій и, по общему мнѣнію, должно теперь кануть въ Лету, такъ какъ послѣ вакацій ожидается только очень непродолжительная сессія, въ теченіи которой успѣютъ обсудить только весенній законопроектъ и вопросъ о продленіи закона о социалистахъ.

Замѣчательно, что правительство отказалось отъ другихъ своихъ плановъ. Оно намѣревалось ввести значительное число новыхъ налоговъ, но встрѣтило такъ мало сочувствія съ обѣихъ сторонъ палаты, что совершенно отказалось отъ осуществленія своихъ намѣреній; да, вѣроятно, и финансы въ такомъ положеніи, что установленіе новыхъ налоговъ не является безусловно необходимымъ. Далѣе, очень много шума возбудило предложеніе правительства о двухлѣтнемъ бюджетѣ и созваніи рейхстага черезъ каждыя два года, такъ какъ въ этомъ увидѣли нарушеніе конституціоннаго принципа и ограниченіе конституціонныхъ правъ народа. Причиной этихъ измѣненій — какъ вы, можетъ быть, примечаете — выставилось то, что ежегодное созваніе рейхстага и ландтага, на-ряду съ созваніемъ ландтага въ отдѣльныхъ государствахъ, ложится тяжелымъ бременемъ на націю. Когда Бисмаркъ увидѣлъ, что ему не удастся возбудить никакого сочувствія въ рейхстагѣ, то онъ не замедлилъ придти къ рѣшенію, и — сначала, разумѣется, частнымъ образомъ — заявилъ, что если рейхстагъ доволенъ настоящимъ способомъ совѣщаній, то онъ, Бисмаркъ, ничего противъ этого не имѣетъ, и вообще не придаетъ дѣлу важнаго принципіальнаго значенія. Тѣ, которые серьезно опасались, что установленіе двухлѣтнихъ бюджетныхъ періодовъ уменьшитъ конституціонныя права народа, могутъ радоваться такому исходу дѣла; но нельзя умолчать о томъ, что чрезвычайная парламентская дѣятельность породила въ народѣ чрезвычайную апатію. Можетъ быть, ни въ одной странѣ не относятся къ парламентскимъ совѣщаніямъ съ такимъ безусловнымъ равнодушіемъ, какъ въ Германіи, т.-е. въ Пруссіи, и нельзя согласиться съ либералами, будто это равнодушіе зависитъ только отъ того, что парламентъ не пользуется дѣйствительнымъ значеніемъ: причиной его служитъ скорѣе то, что народъ не въ состояніи интересоваться парламентаризмомъ десять лѣтъ въ-ряду, по девяти мѣсяцевъ въ годъ. Въ Англіи интересуются парламентскими совѣщаніями, далеко не имѣющими такого интереса, какъ тѣ, которыя часто происходятъ въ Пруссіи. Масштабъ тутъ совершенно другой. Безъ всякаго сомнѣнія, для публики законодательные вопросы вообще имѣютъ только самый ничтожный интересъ; гораздо любопытнѣе пренія, на манеръ тѣхъ, какія происходятъ въ французскомъ національномъ собраніи, гдѣ разыгравшіяся страсти и жаркіе личные перекоры подаютъ поводъ къ сценамъ, которыя, конечно, занимаютъ публику. Въ нѣмецкихъ собраніяхъ есть нѣсколько такихъ ораторовъ, какъ, напримѣръ, Евгений Рихтеръ, изъ партіи прогрессистовъ, или ультрамонтаны — Шорлемеръ-Альстъ и Людвигъ; такимъ образомъ, въ занимательныхъ сценахъ нѣтъ недостатка, и для публики они всегда

имѣютъ живой интересъ; но, очевидно, для политическаго развитія онѣ приносятъ очень ничтожную пользу.

Расколъ партій, о которомъ я уже пространно говорилъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ, зашелъ, между тѣмъ, очень далеко. Чтобы начать съ партіи національ-либераловъ, слѣдуетъ отмѣтить великое событіе: Ласкеръ, наконецъ, рѣшился разстаться съ этой партіей. Его дальнѣйшее пребываніе въ этой партіи сдѣлалось фактически невозможнымъ, такъ какъ правое ея крыло, во главѣ котораго стоитъ Беннингсенъ, до такой теперь степени усилилось, что ничтожное число членовъ, такъ-называемаго, лѣваго крыла, считающаго своимъ главою Ласкера, не можетъ больше бороться. Конечно, остальные члены этого лѣваго крыла, между которыми въ особенности слѣдуетъ упомянуть о Форменбекѣ, Риквартѣ и баварскомъ баронѣ Штауффенбергѣ, не объявили о своемъ отдѣленіи отъ партіи, хотя ихъ связь съ остальными членами національ-либеральной партіи остается весьма шаткой. Съ другой стороны, весьма возможно, что Ласкеръ постарается присоединиться къ партіи прогрессистовъ, куда за нимъ могутъ послѣдовать члены лѣваго крыла. Напротивъ, правое крыло можетъ надѣяться, что члены національ-либеральной партіи, отдѣлившіеся отъ нея въ послѣднее время, въ виду ея крайняго либерализма, и образовавшіе самостоятельную, такъ-называемую либеральную группу, снова присоединятся къ національ-либераламъ, когда узнаютъ, что Ласкеръ потерялъ вліяніе на нее. Это измѣненіе въ положеніи національ-либеральной партіи уже проявилось при обсужденіи военнаго закона, о чемъ я уже говорилъ выше; какія отсюда произойдутъ дальнѣйшія слѣдствія, — этого въ настоящую минуту еще невозможно предвидѣть. Многіе думаютъ, что Висмаркъ воспользуется поддержкой центра и консервативной партіи, чтобы провести реакціонныя мѣры, наперекоръ партіи національ-либераловъ, которой онъ пользовался, пока ему было нужно. Я уже достаточно часто заявлялъ, чтобы не повторять еще разъ, что не вѣрю въ эти реакціонерныя намѣренія Висмарка. Притомъ ясно, что если эти намѣренія дѣйствительно существуютъ, то Висмаркъ очень плохо пользуется временемъ, когда клерикально-консервативная коалиція имѣетъ или можетъ имѣть большинство голосовъ въ рейхстагѣ. Какъ ни мало Висмаркъ наклоненъ къ либерализму, онъ не можетъ не понимать, что прусское государство, по своей внутренней сущности, стремится въ прогрессу, и современный канцлеръ такъ хорошо знаетъ исторію Пруссіи, что долженъ помнить, какъ каждый періодъ регресса въ Пруссіи сопровождался регрессомъ въ силѣ и могуществѣ государства.

Чрезвычайно интересный документъ въ этомъ отношеніи пред-

ставитьъ одна, только-что появившаяся книга, на которую я хочу обратить вниманіе всѣхъ тѣхъ моихъ читателей, которыхъ интересуетъ, такъ-сказать, анатомія историческаго развитія. Упомянутая объ этой книгѣ, я радуюсь, что могу, послѣ долгаго промежутка времени, опять сообщить читателямъ о двухъ, дѣйствительно интересныхъ и важныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Одно изъ нихъ и есть вышеупомянутая книга — „Geschichte des preussischen Staatswesens vom Tode Friedrichs des Grossen bis zu den Freiheitskriegen“, Мартина Филиппсона ¹⁾, нѣмецкаго ученаго, который теперь находится въ Брисселяхъ, но въ теченіи многихъ лѣтъ занимался историческими изслѣдованіями здѣсь, въ Берлинѣ, причѣмъ ему много помогла чрезвычайная предупредительность г. Зибеля, охотно предлагающаго архивы для историческихъ изслѣдованій. Кто знаетъ нѣмецкую исторію, тому извѣстно, какъ мало изслѣдовать періодъ отъ смерти Фридриха-Великаго до катастрофы 1806 года. Пруссіе историкъ упорно обходили этотъ весьма мало утѣшительный періодъ; они занимались или эпохой Фридриха II, или посвящали свое вниманіе самой катастрофѣ и послѣдовавшему затѣмъ возрожденію, путемъ законодательства Штейна-Гарденберга. Двадцати-лѣтній періодъ отъ смерти Фридриха II до юнскаго катастрофы пробѣгали, относительно говоря, только мелькомъ, какъ періодъ упадка, изнеможенія, разврата и безправственности. Конечно, есть монографіи, въ которыхъ рассматривается тотъ или другой предметъ,—не осталась неизвѣстною и реакція Фридриха-Вильгельма II съ извѣстною эрой Вёльнера и декретомъ о цензурѣ,—даже знаменитый Вёльнеровскій эдиктъ о религіи послужилъ предметомъ многихъ изслѣдованій,—Филиппсонъ говоритъ, что этотъ эдиктъ въ свое время вызвалъ не менѣе 95-ти литературныхъ изслѣдованій и разборовъ;—но чрезвычайно часто упускалось изъ виду при изслѣдованіи этого періода, что въ жизни народовъ не бываетъ абсолютнаго застоя, и всегда развиваются новыя стремленія, иногда медленнѣе, иногда быстрѣе, иногда ясно, иногда неясно. Филиппсонъ съ самаго начала становится на точку зрѣнія истиннаго историка; онъ считаетъ своею обязанностью ничего не приукрашивать и не скрывать, но изображать развитіе отечества по своему убѣжденію и знаніямъ. „Если,—говоритъ онъ,—исторія должна быть наукой—а таково мнѣніе и желаніе всѣхъ тѣхъ, которые занимаются ею для нея самой, не унижая ее до служенія политическимъ, религіознымъ и социальнымъ цѣлямъ — то ея единственною и исключительною заботой должна быть истина, прямое и откровенное изложеніе результатовъ, добы-

¹⁾ Leipzig, Verlag von Veit u. C^o, 1880.

тыхъ безпристрастными изслѣдованіями. Писатель не долженъ и не можетъ отрѣшиться отъ своей личной точки зрѣнія, своихъ взглядовъ и мнѣній. Онъ можетъ оплакивать то или другое событіе, или радоваться ему, защищать или нападать на то или другое политическое или социальное направленіе, но онъ всегда долженъ стараться стать на точку зрѣнія тѣхъ лицъ и возникнуть въ тѣ положенія, которыя намѣренъ изобразить. Только такимъ путемъ достигнеть онъ справедливаго отношенія къ прошлому и безпристрастнаго воззрѣнія на историческія событія. Это новый методъ; что же выйдетъ изъ исторіи, если каждая нація, каждая партія станутъ ее изображать сообразно съ своими взглядами и интересами".

Филипсонъ, человѣкъ, безъ сомнѣнія, свободно мыслящій, придаетъ своему труду огромное значеніе, благодаря этой объективности. Онъ не старается уменьшить или ослабить недостатки того времени, но онъ указываетъ на то, на что до сихъ поръ почти не обращалось вниманія, а именно, что въ этотъ печальный періодъ по смерти Фридриха II, началось движеніе въ пользу ограниченія абсолютной королевской власти, установившейся по уничтоженіи сословнаго самоуправленія въ концѣ XVII столѣтія, — движеніе, которое сначала явилось только въ средѣ чиновничества; но скоро развилось требованіе конституціи въ самыхъ отдаленныхъ слояхъ общества, и онъ положительно высказываетъ мнѣніе, что исторія конституціонной жизни въ Германіи начинается съ восшествія на престолъ Фридриха-Вильгельма II. Королевская власть пытается положить конецъ этимъ стремленіямъ; однако, благодаря слабости ея представителя, они дѣлаютъ замѣчательные успѣхи, между тѣмъ какъ непосредственное, дѣятельное вмѣшательство монарха во всѣ области необыкновенно расширившейся государственной жизни оказывается невозможнымъ, общество искинываетъ гарантіи противъ произвола перемѣняемыхъ министровъ и любимцевъ деспотизма. Эти тенденціи проявляются, конечно, такъ слабо и въ такой оригинальной формѣ, что надо, такъ сказать, разсматривать вещи подъ микроскопомъ и пытливымъ окомъ историка-изслѣдователя, чтобы нѣсколько выснить ихъ.

Фридрихъ-Великій безусловно покровительствовалъ просвѣщенію, — тому просвѣщенію, какое впервые внесли въ Европу французы и какое легло въ основу всѣхъ новѣйшихъ учреждений, но оно, несмотря на свои безспорныя преимущества и благодѣянія, все же не вполне соответствуетъ потребностямъ человѣческаго сердца и слишкомъ неприязненно относится къ религіи. Поэтому это просвѣщеніе постоянно вызывало реакцію, которую нельзя объяснить однимъ слѣпымъ пристрастіемъ къ реакціи, такъ какъ она дѣйствительно обуславливается самими слабыми сторонами этого просвѣщенія. Въ исторіи человѣ-

чества какихъ-нибудь сто лѣтъ съ небольшимъ не составляютъ очень значительнаго періода времени, и еще не наступило время, когда просвѣщеніе стало въ правильныя отношенія со всѣми остальными элементами государства и общества. Подобно тому, какъ во времена Фридриха-Великаго слово „просвѣщеніе“ было лозунгомъ, такъ теперь такимъ лозунгомъ служить слово „образование“. Какъ тогда думали въ просвѣщеніи найти лекарство противъ всѣхъ золъ, такъ теперь такого лекарства ищутъ въ образованіи. Наши либералы думаютъ, что слѣдуетъ открывать все больше и больше школъ, что преподаваніе въ этихъ школахъ должно дѣлаться все пространнѣе и обнимать все болѣе и болѣе число предметовъ; это — такъ, но одного школьнаго образованія мало для достиженія той высокой цѣли, какую они преслѣдуютъ. Такъ, напримѣръ, либералы гордятся, и по праву, своимъ превосходнымъ школьнымъ управленіемъ въ Берлинѣ. И дѣйствительно, трудно найти городъ въ Европѣ, гдѣ бы для народныхъ школъ было сдѣлано такъ много, какъ въ Берлинѣ. Дѣло это ведется уже довольно давно и можно было бы уже ожидать отъ него осязательныхъ результатовъ. Но если мы взглянемъ въ общественное состояніе, то увидимъ, что это образованіе отнюдь не вызвало улучшенія въ нравахъ, а въ политическомъ отношеніи юношество, воспитанное въ школахъ прогрессивной партіи, применило не къ прогрессивной партіи, которой оно обязано своимъ образованіемъ, а къ социальной демократіи. Почти банально напоминать о томъ, что, кромѣ образованія, необходимыми элементами для процвѣтанія государства и обезпеченія общества являются еще законность и дисциплина, одинаково обязательныя, конечно, какъ для правительства, такъ и для общества.

Чѣмъ безграничнѣе господствовало просвѣщеніе при Фридрихѣ Великомъ, тѣмъ естественнѣе и неизбежнѣе явилась послѣ него реакція. Не то, что она наступила, но то, какъ она происходила, было несчастіемъ для прусскаго государства. Фридрихъ-Вильгельмъ II былъ слабый монаръхъ; Вольнеръ — не только ничтожный, но и дурной человѣкъ; онъ руководствовался одними личными соображеніями и пользовался во вредъ государству своимъ вліяніемъ на короля. Новое правительство выступило на поприще при благоприятныхъ условіяхъ. Фридрихъ Великій въ послѣдніе годы своей жизни сталъ еще мизантропичнѣе и тираничнѣе, чѣмъ былъ вначалѣ; онъ даже и въ мирное время необычайно отягчалъ свой народъ, и по его преемникѣ давно уже и страстно вздыхали. Новый король хорошо понималъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, чтобы вызвать болѣе благоприятное настроеніе въ народѣ и привлечь къ себѣ сердца своихъ подданныхъ. Къ сожалѣнію, вліяніе Вольнера мало-по-малу совлекло его съ

истиннаго пути. Личныя антипатіи и интересы Вольмера устранили также мало-по-малу отъ управленія послѣднихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ Фридриха-Великаго, людей необыкновенно опытныхъ, даровитыхъ и предусмотрительныхъ. Одно болѣе строгое давленіе въ религіозномъ отношеніи само по себѣ не принесло бы еще такъ много вреда, и Филиппсонъ признаетъ даже нѣкоторыя справедливыя стороны въ религіозномъ эдиктѣ, отъ 9-го іюля 1788, и только указываетъ на тѣ пункты, въ которыхъ онъ заходилъ слишкомъ далеко. Достаточно извѣстно и подтверждается тутъ лишь новыми и интересными доказательствами, что король встрѣтилъ оппозицію противъ этого эдикта какъ разъ въ самомъ духовенствѣ, въ томъ самомъ, какое мы привыкли нынѣ обозначать подъ именемъ „партіи придворнаго проповѣдника“. Худшимъ пунктомъ въ этомъ эдиктѣ былъ тотъ, которымъ воспрещались всякія диссидентскія ученія, и такимъ образомъ ограничивалось свободное толкованіе Библии, всегда допускавшееся въ Пруссіи.

Я зашелъ бы слишкомъ далеко, если бы сталъ приводить дальнѣйшія цитаты изъ этого сочиненія, такъ какъ онѣ необходимо должны были бы быть довольно пространными, чтобы дать о немъ истинное понятіе. Многія отношенія, поведенія къ порчѣ государственнаго строя, не зависѣли отъ правительственной системы; они заключались въ матеріальномъ развитіи той эпохи, частію отъ продолжительности мира—съ 1763 г.—и улучшенія имущественнаго быта дворянъ,—благодаря вздорожанію земли и ея продуктовъ, которое повело, при тогдашнемъ ничтожномъ образованіи, къ роскошной жизни. Насчетъ конечнаго результата сомнѣнія невозможны. Нельзя отрицать, говоритъ авторъ въ концѣ этого перваго тома, что управленіе Фридриха-Вильгельма II. въ значительной степени содѣйствовало эксплуатаціи государства въ пользу одного сословія. Фридрихъ II принуждалъ по крайней мѣрѣ дворянство служить государству, но при его болѣе слабомъ преемникѣ дворянство отдѣлялось отъ его принужденія. Пустота, алчность, матеріальныя наслажденія, грубое высокоміріе царствовали въ средѣ дворянъ; въ войскѣ—себялюбіе, необразованность, эгоизмъ, отсутствіе самопожертвованія и привязанности къ королю и отечеству, въ чиновномъ мірѣ—честолюбіе, себялюбіе, млость, отсутствіе пониманія дѣла и энергіи въ исполненіи своихъ обязанностей; всѣ классы стремились къ наслажденію, и это характеризовало прусскій государственный строй въ концѣ XVIII столѣтія.

Почти одновременно съ этой книгой появилась другая, четвертый томъ „*Leben des Feldmarschals Grafen Neidgardt von Gneisenau*“, извѣстнаго вѣрнаго друга и совѣтника Блюхера. Когда извѣстный историкъ Пертцъ окончилъ свою знаменитую біографію Штейна,

то также принялся за жизнеописание Гнейзенау. Семейство послѣд-
няго доставило ему обширные матеріалы, а равно для него были
открыты и государственные архивы; въ шестидесятыхъ годахъ по-
являлись три объемистыхъ тома, въ которыхъ біографія была дове-
дена до конца 1813 г. Въ то время Пертцъ, уже не молодой чело-
вѣкъ, заболѣлъ и не могъ продолжать своего труда. Но онъ все еще
не терялъ надежды снова взяться за свой трудъ, и такимъ обра-
зомъ, сочиненіе оставалось недооконченнымъ цѣлое десятилѣтіе. Когда
Пертцъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, издатель его книги и
фамилія Гнейзенау поручили продолженіе ея доктору Гансу Дель-
брюку, замѣчательному молодому ученому, историку по своей специ-
альности, бывшему воспитателемъ принца Вольдемара, умершаго въ
прошломъ году. Дельбрюкъ выпустилъ теперь четвертый томъ біо-
графіи и первый своего труда, а пятый выйдетъ въ концѣ текущаго
года. Если Гнейзенау пришлось болѣшую часть своей жизни страдать
отъ бѣдствій, которымъ подвергалось прусское государство, за то на-
градой ему послужилъ счастливый походъ 1813 г. Но и тутъ оказались
свои темныя стороны. При ближайшемъ изученіи исторіи выясняется,
какъ не совершенны всѣ людскія начинанія, и часто даже величайшій
и чистѣйшій идеализмъ разбивается о людскіе недостатки и слабо-
сти. Самъ авторъ въ этомъ откровенно сознался. Результатъ похода
1814 г. былъ такъ блестящъ, какъ только можно ожидать, но бли-
жайшее изслѣдованіе показываетъ, что великія жертвы, которыя были
принесены, прежде нежели пруссаки и русскіе прошли отъ Рейна до
Парижа, были бы ненужны, если бы войска немедленно выступили
противъ Наполеона; своими проволочками они дали послѣднему воз-
можность собраться съ силами и дать цѣлый рядъ сраженій, которыя
чуть-было не скомпрометтировали весь результатъ. Послѣ вступленія
въ Парижъ, Блюхеръ ушелъ со своего поста и съ нимъ вмѣстѣ Гней-
зенау; они сочли свою задачу оконченной, и надо считать простымъ
случаемъ, что понадобился походъ 1815 г. Мирные переговоры не
могли удовлетворить человека съ такимъ широкимъ взглядомъ, какъ
Гнейзенау. Онъ оставался простымъ зрителемъ этихъ переговоровъ,
но высказываясь противъ нихъ, — онъ въ равной степени недово-
ленъ и внутреннимъ развитіемъ Пруссіи. По этому пункту книга
Дельбрюка можетъ идти въ „pendant“ къ вышеозначенной книгѣ
Филипсона. Гнейзенау тоже принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые
уже въ 1814 г. считали конституцію крайне нужной. Но онъ не
считалъ возможнымъ провести таковую для Германіи и полагалъ,
что Пруссія должна сначала ввести конституцію у себя, и что за-
тѣмъ она привлечетъ въ свою сторону всѣ голоса всей Германіи,
даже католическаго юга.

„Если будетъ въ непродолжительномъ времени составлена конституція для вновь организовавшейся и расширившейся монархіи и дарована королю народу, то она послужитъ наилучшей связью для соединенія новыхъ земель съ стариннымъ государствомъ,—писалъ онъ тогда въ одномъ письмѣ къ Гарденбергу;—другія нѣмецкія государства будутъ проводить параллели между своимъ положеніемъ и нашимъ, и желаніе соединиться съ нами пробудится въ нихъ, а, слѣдовательно, расчистится путь для новыхъ приобрѣтеній и не столько силою оружія, сколько либеральностью принциповъ“.

Гнейзенау, конечно, не былъ либераломъ въ современномъ значеніи этого слова. Кромѣ того, онъ былъ солдатъ до мозга костей, но тѣмъ не менѣе правильно понималъ потребности государства. Какъ иначе пошло бы развитіе прусскаго королевства, если бы уже въ 1815 г. послѣдовали совѣтамъ его и другихъ его единомышленниковъ!!

Послѣднія событія во внѣшней политикѣ такъ всесторонне обсуждались въ газетахъ, что я врядъ ли могу прибавить что-нибудь новое. Послѣ поздравительнаго письма императора Вильгельма, скрѣпленнаго подписью Бисмарка, со днемъ рожденія императора Александра, нѣсколько натянутыя отношенія слегка улучшились. Если и теперь дѣлаются еще кое-какія разоблаченія, согласно новой модѣ, то они носятъ ретроспективный характеръ и уподобляются грохоту удаляющейся бури. Какое вліяніе будетъ имѣть невыдача Гартманна французскимъ правительствомъ — объ этомъ мнѣнія раздѣляются. Какъ Бисмаркъ, котораго можно считать компетентнымъ судьей, высказалъ на одномъ обѣдѣ, что эта мѣра французскаго правительства врядъ ли испортитъ хорошія отношенія Франціи съ Россіей. При чрезвычайно разнорѣчивыхъ извѣстіяхъ объ этомъ пунктѣ, трудно высказать какое-либо сужденіе о возможныхъ послѣдствіяхъ этого эпизода.

Незадолго до праздниковъ происходила помолвка старшаго сына германскаго кронпринца, принца Вильгельма, со старшею дочерью недавно умершаго герцога Аугустенбургскаго, бывшаго претендента на Шлезвигъ и Голштинію. Эта помолвка до нѣкоторой степени всѣхъ удивила, частью вслѣдствіе молодости принца, которому всего 21 годъ, и онъ даже моложе своей невѣсты,—частью потому, что всѣмъ казалось, что будущій императоръ германской имперіи могъ бы сдѣлать болѣе блестящій выборъ. Въ придворныхъ кружкахъ и въ высшемъ обществѣ рассказываютъ, что помолвка эта—дѣло рукъ кронпринцессы Викторіи, которая всегда была очень расположена къ аугустенбургскому дому и весьма ревностно поддерживала притѣ-

занія принца Фридриха Аугустенбургскаго. Поэтому слѣдуетъ смотрѣть на эту помолвку, какъ на родъ нѣкотораго поздняго вознагражденія за жертву, вынужденную Пруссіей въ былое время у принца.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

15/27 марта, 1879.

LVI.

МАДАМЪ СУРДИ.

Каждую субботу, Фердинандъ Сурди заходилъ сдѣлать новый запасъ красокъ и кистей въ лавочкѣ „дяди“ Морана, расположенной въ темномъ и сыромъ нижнемъ этажѣ дома, дремавшего на узкой площади городка Меркёра, подъ сѣнью стариннаго монастыря, преобразованнаго въ свѣтскій коллежъ. Фердинандъ—уроженецъ, какъ говорили, Лилля; онъ былъ уже цѣлый годъ гувернеромъ въ коллежѣ, занимался живописью со страстью, запираясь въ своей мастерской, и посвящая все свободное время этюдамъ, которыхъ никому не показывалъ.

Чаще всего онъ встрѣчалъ въ лавкѣ мадмуазель Адель, дочь дяди Морана; она сама рисовала акварелью, и объ этомъ много толковали въ Меркёрѣ.

— Позвольте три трубки бѣлой краски, одну—желтой охры, двѣ—зелени Веронеза...

Адель, бывшая au courant маленькой торговли отца, отпускала молодому человѣку краски, и всякій разъ спрашивала:

— А еще что прикажете?

— Пока ничего больше.

Фердинандъ опускалъ въ карманъ маленькій свертокъ, расплачивался съ неловкостью бѣдняка, который всегда боится быть пристыженнымъ, затѣмъ уходилъ. Такъ прошелъ годъ безъ всякихъ происшествій.

Попупателей у дяди Морана было человѣкъ двѣнадцать. Меркёръ, насчитывавшій 8,000 душъ жителей, приобрѣлъ громкую славу своими кожевенными заводами; но искусства тамъ прозябали. Было тутъ четверо или пятеро мальчишекъ, начавшихъ полотно подъ наблюде-

ніемъ учителя-поляка, блѣднаго и сухого человѣка, съ профилемъ захирѣвшей птицы; затѣмъ, барышни Левекъ, дочери нотариуса, принялись-было за масляныя краски, но это возбудило всеобщій скандалъ. Одинъ только и былъ настоящій покупатель, знаменитый Ренкѣнъ, уроженецъ города, пользовавшійся обширною извѣстностью въ Парижѣ, какъ живописецъ, получавшій медали и заказы, и даже удостоившійся ордена. Когда онъ пріѣзжалъ погостить лѣтомъ въ Меркѣръ, въ маленькой лавкѣ на площади коллежа наступалъ переносъ. Моранъ нарочно выписывалъ краски изъ Парижа, изъ кожи лѣзь, чтобы угодить Ренкѣну, и принималъ его подобострастно, почтительно расспрашивая про его новыя триумфы. Живописецъ, добродушный толстякъ, въ концѣ-концовъ соглашался обѣдать у Морана, и рассматривалъ акварели маленькой Адели; онъ находилъ ихъ немного блѣдноватыми, но свѣжими какъ роза.

— Лучше рисовать, нежели вышивать по кантѣ, — говаривалъ онъ, теребя ее за ухо. — И право же, рисунки твои недурны; немного сухи, но типичны. Работай, работай и не стѣсняйся, дѣлай такъ, какъ Богъ на душу положитъ.

Конечно, дядя Моранъ существовалъ не на счетъ своей торговли. Живопись была его старою страстью; художественная жизнь никогда не исчезала въ немъ — и теперь проявлялась въ его дочери. Ему принадлежалъ домъ, гдѣ онъ жилъ, — наслѣдства, слѣдовавшія одно за другимъ, обогатили его: онъ получалъ, какъ говорили, отъ шести до восьми тысячъ франковъ дохода. Но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ держать свою лавку въ маленькомъ салонѣ нижняго этажа, окно котораго служило витриной; маленькую выставку украшали трубки съ красками, палочки съ тушью, кисти; время отъ времени появлялись акварели Адели и маленькія картины религіознаго содержанія живописца-полака. Дни проходили за днями, но покупатели не являлись. Тѣмъ не менѣе дядя Моранъ жилъ счастливо, вдыхая запахъ красокъ, и когда мадамъ Моранъ, старая больная женщина, почти не встававшая съ постели, совѣтовала ему развязаться съ „магазинъ“, онъ приходилъ въ бѣшенство, какъ человѣкъ смутно сознающій, что исполняетъ нѣкую миссію. Вуржуа въ глубинѣ души, человѣкъ строгой набожности, онъ былъ прикованъ къ своей торговлѣ инстинктомъ неудавшагося художника. Гдѣ городу покупать краски! Сказать правду, никто ихъ не покупаетъ, но все же охотники могутъ явиться. И онъ не рѣшался бросить свое дѣло.

Въ этой-то средѣ выросла мадмуазель Адель. Ей шелъ 22-ой годъ. Маленькаго роста, почти слишкомъ полная, съ пріятнымъ круглымъ лицомъ и проникательными глазами, но чрезвычайно блѣдная и желтая, она не считалась красивой. Она производила впечатлѣніе

маленькой старухи, лицо ее уже казалось увядшимъ, какъ у классной дамы, состарѣвшейся въ глухомъ раздраженіи старой дѣвы. Однако Адель не хотѣла выходить замужъ. Она уже отказала нѣсколькимъ женихамъ. Ее называли гордой, безъ сомнѣнія, она ожидала принца; ходили разные непристойныя исторіи о фамиллярностяхъ, которыя позволяли себѣ съ нею старый волокита Ренкенъ. Адель, замкнутая въ себѣ самой, обыкновенно молчаливая и задумчивая, казалось, не замѣчала этихъ клеветъ. Она жила, не вѣдая страстей, свыкшись съ тусклой сыростью площади коллежа, и съ малолѣтства имѣя передъ глазами одну и ту же, покрытую мохомъ, мостовую, одинъ и тотъ же темный перекрестокъ, на которомъ не видать было души человѣческой; только два раза въ день городскіе мальчики толкались у дверей коллежа; это служило для нея единственнымъ развлеченіемъ. Но она никогда не скучала, она какъ будто неуклонно преслѣдовала давно задуманный планъ существованія. Въ ней было много силы характера и много честолюбія, въ соединеніи съ неутомимымъ терпѣніемъ; и это вводило людей въ заблужденіе насчетъ ее истиннаго характера. Мало-по-малу на нее стали смотрѣть какъ на старую дѣву. Казалось, она навсегда предалась своимъ акварелямъ. Однако, когда пріѣзжалъ знаменитый Ренкенъ и рассказывалъ про Парижъ, она слушала его, нѣмая, блѣдная, и острые черные глаза ее блестѣли.

— Отчего ты не пошлешь своихъ акварелей на выставку?—сказалъ ей однажды живописецъ, который всегда говорилъ ей „ты“, въ качествѣ стараго друга. Я похлопочу, чтобы ихъ приняли.

Но она пожала плечами и сказала съ непритворной скромностью, къ которой однако примѣшивалась горечь:

— О! женская живопись! стоить ли объ этомъ толковать.

Появленіе Фердинанда Сурди было важнымъ дѣломъ для дяди Морана. Прибавлялся новый покупатель, и покупатель серьезный, такъ какъ никто въ Меркёрѣ не истреблялъ столько красокъ. Въ теченіе перваго мѣсяца Моранъ очень интересовался молодымъ человекомъ, удивленный артистическою страстью въ одномъ изъ тѣхъ гувернеровъ, которыхъ онъ презиралъ за неопрятность и дѣвность, наглядѣвшись на нихъ въ продолженіи 50-ти лѣтъ. Но этотъ гувернеръ, какъ ему рассказывали, принадлежалъ къ знатной разорившейся фамиліи, и по смерти своихъ родителей вынужденъ былъ взять первое попавшееся мѣсто, чтобы не умереть съ голода. Онъ продолжалъ заниматься живописью, мечталъ о свободѣ, о Парижѣ, о славѣ. Прошелъ годъ,—Фердинандъ, казалось, смирился, прикованный къ Меркёру нуждою. Дядя Моранъ въ концѣ-концовъ привыкъ къ нему, и пересталъ имъ интересоваться.

Однако, какъ-то разъ, вечеромъ, его удивилъ вопросъ дочери. Она рисовала, при свѣтѣ лампы, стараясь съ математической точностью воспроизвести фотографію съ какой-то картины Рафаэля, какъ вдругъ, послѣ долгого молчанія, сказала, не поднимая головы:

— Папа, отчего ты не попросишь у Фердинанда какую-нибудь изъ его картинъ?.. Ее можно бы было поставить за витрину.

— Ба! это правда—воскликнулъ Моранъ—это идея... Мнѣ никогда не приходило въ голову посмотрѣть, что онъ тамъ рисуетъ. Развѣ онъ показывалъ тебѣ что-нибудь?

— Нѣтъ,—отвѣчала она.—Я такъ сказала... По крайней мѣрѣ мы увидимъ, какого рода его живопись.

Собственно Фердинандъ заинтересовалъ Адель. Ее поразила красота молодого блондина, носившаго коротко остриженные волосы, но длинную бороду, золотистую, мягкую и тонкую бороду, сквозь которую просвѣчивала его рововая кожа. Его голубые глаза выражали кротость, а маленькія, тонкія руки и нѣжное лицо указывали на мягкую, чувственную натуру. У него не могло быть твердой воли. Дѣйствительно, случалось, что онъ по три недѣли не являлся въ лавку; живопись была заброшена, и ходили слухи, что молодой человѣкъ проводитъ время достойнымъ сожалѣнія образомъ въ грязномъ трактирѣ. Одно время поговаривали даже объ исключеніи его изъ службы, такъ какъ онъ двѣ ночи провелъ въѣзъ училища и однажды вечеромъ явился мертвецки-пьянымъ; но трезвый онъ оказывался такъ милъ, что его оставляли, несмотря на его заблужденія. Дядя Моранъ, конечно, избѣгалъ говорить съ дочерью объ этихъ вещахъ; рѣшительно все гувернеры другъ друга стоятъ, — совершенно безразличные люди, и онъ высокомерно пріосанивался, какъ подобало скандализованному буржуа, встрѣчался съ молодымъ человѣкомъ, хотя въ душѣ сохранялъ глухое пристрастіе къ художнику. Адель тѣмъ не менѣе знала о безпутствахъ молодого человѣка, благодаря болтовнѣ служанки. Она также молчала, но думала объ этомъ, и сердилась на молодого человѣка до такой степени, что въ теченіе трехъ недѣль избѣгала отнуждать ему товаръ, даже уходила изъ лавки, лишь только замѣчала, что онъ направляется въ нее. Но она очень много думала о немъ, и разнаго рода смутныя идеи зашевелились въ ней. Онъ становился интересенъ. Когда онъ проходилъ, она слѣдила за нимъ глазами; потомъ размышляла о немъ съ утра до вечера, наклонясь надъ своими аэварелями.

— Ну, что же, — спросила она въ воскресенье у отца, — принеси онъ тебѣ картину?

Наканунѣ она сдумала устроить такъ, что отецъ находился въ лавкѣ, когда пришелъ Фердинандъ.

— Да,—сказалъ Моранъ,—но онъ заставилъ-таки себя просить!.. Не знаю, скромность ли это или лманье. Онъ извинялся, говорилъ, что его картины не стоить показывать... Завтра картина будетъ у насъ.

На другой день Адель, вернувшись домой съ прогулки къ развалинамъ замка, куда она ходила спать эскизы, остановилась въ онѣмѣннѣ передъ полотномъ безъ рамки, поставленнымъ на мольбертъ, посреди лавки. Это была картина Фердинанда Сурди. Она изображала дво широкаго рва, съ огромнымъ откосомъ, зеленая линія котораго перерѣзывала голубое небо; тутъ рѣзвилась толпа учениковъ коллегя, между тѣмъ какъ гувернеръ читалъ, растянувшись на травѣ; очевидно, картина была срисована съ натуры. Но Адель была совершенно поражена нѣкоторыми переходами тоновъ и смѣлостью рисунка, на которую бы она сама никогда не рѣшилась. Въ своихъ собственныхъ работахъ она выказывала необыкновенное искусство, такъ что совершенно усвоила себѣ сложные приемы Ренкена и многихъ другихъ любимыхъ ею художниковъ. Но тутъ было что-то новое, незнакомое для нея, чувствовалась личность художника, и это ее поражало.

— Ну, что же? — спросилъ Моранъ, стоявшій сзади ея, и ожидавшій ея рѣшенія. — Чтѣ ты объ этомъ думаешь?

Она молчала. Наконецъ, все еще колеблясь и не рѣшаясь, провормотала:

— Странно... Очень хорошо...

Она возвращалась къ полотну нѣсколько разъ, съ серьезнымъ лицомъ. На другой день, когда она все еще рассматривала картину, вошелъ въ лавку Ренкенъ, находившійся въ то время въ Меркёрѣ, и слегка вскрикнулъ:

— Ва! это чтѣ такое?

Онъ смотрѣлъ на картину—ошеломленный. Потомъ, придвинувъ стулъ и сѣвши передъ картиной, оглядѣлъ ее въ деталяхъ, и мало-по-малу пришелъ въ восторгъ.

— Да это очень любопытно!.. Тонъ замѣчательной тонкости и правды!.. Посмотрите, какъ выдѣляются эти бѣлыя рубашки на зеленой травѣ... И какъ оригинально! какъ правдиво!.. Вѣдь это не ты рисовала?

Адель слушала, краснѣя, какъ-будто бы онъ дѣлалъ комплиментъ ей самой. Она поспѣшно отвѣчала:

— Нѣтъ, нѣтъ; это тотъ молодой человѣкъ: вы его знаете,—онъ служитъ въ коллегѣ.

— Право, работа похожа на твою, — продолжалъ художникъ. — Это ты, если бы только прибавить тебѣ силу... А! такъ это тотъ мо-

лодой человекъ! ну, у него есть талантъ, и большой талантъ. Такая картина имѣла бы большой успѣхъ на выставкѣ.

Вечеромъ Ренкѣнъ обѣдалъ у Морановъ; онъ всегда оказывалъ имъ эту честь, прїѣзжая въ Меркёръ. Онъ говорилъ о живописи весь вечеръ, нѣсколько разъ возвращаясь къ Фердинанду Сурри, котораго обѣщалъ увидѣть и ободрить. Адель молча слушала его рассказы о Парижѣ, о жизни, которую онъ тамъ ведетъ, о триумфахъ, которые достаются ему на долю, и на блѣдномъ лбу разсудительной молодой дѣвушки ложилась глубокая морщина, какъ-будто подъ ней засѣла и навсегда утвердилась какая-то мысль. Картина Фердинанда была вставлена въ рамку и выставлена въ витринѣ; барышни Левекъ видѣли ее, но нашли незаконченной, а встревоженный полякъ рассказывалъ въ городѣ, что это живописецъ новой школы, отрицающей Рафаэля. Несмотря на то, картина имѣла успѣхъ; ее нашли прекрасной; семейства горожанъ приходили одно за другимъ, посмотрѣть на учениковъ, которые тутъ были нарисованы. Положеніе Фердинанда въ коллежѣ не улучшилось отъ этого; преподаватели были скандализированы славой этого гувернера, настолько безнравственнаго, чтобы срисовывать дѣтей, за которыми ему поручено было глядѣть. Однако за нимъ оставили мѣсто, явивъ обѣщаніе вести себя серьезнѣе на будущее время. Ренкѣнъ, явившійся къ нему съ поздравленіемъ, нашелъ его обезкураженнымъ, почти въ слезахъ; онъ поговаривалъ о томъ, что надо бросить живопись.

— Полно!—сказалъ живописецъ съ своей обычной добродушной грубостью. — У васъ достаточно таланта, чтобы насмѣяться надъ всѣми этими болванами... Не безпокойтесь, будетъ и на вашей улицѣ праздникъ: вы сдѣлаете выбѣты изъ нищеты, какъ и ваши собратья. Я самъ былъ на побѣгушкахъ у каменьщиковъ... А пока работайте,—въ этомъ все дѣло.

Съ этихъ поръ для Фердинанда началась новая жизнь. Мало-по-малу онъ сблизился съ Моранами. Адель начала копію съ его картины „Прогулка“. Она оставила свои акварели, и принялась за масляныя краски. Ренкѣнъ совершенно справедливо замѣтилъ: у ней была вся тонкость рисунка молодого живописца, безъ его силъ; но крайней мѣрѣ, она уже вполне овладѣла приемами и даже превосходила Фердинанда въ искусствѣ и ловкости, легко побѣждая всякую трудность. Копія, медленно и тщательно сдѣланная, сблизила ихъ еще больше. Адель, такъ-сказать, раскусилъ Фердинанда, быстро овладѣла его методомъ, такъ что онъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ такое буквальное повтореніе своей картины, воспроизведенной со всею женскою граціей. Это былъ онъ, обезличенный, но исполненный прелести. Въ Меркёрѣ копія Адели имѣла гораздо большій

успѣхъ, чѣмъ оригиналь Фердинанда. Но за то пошли чудовищныя исторіи на ихъ счетъ.

Въ дѣйствительности, Фердинандъ не думалъ ни о чемъ подобномъ. Адель вовсе не прельщала его. Онъ пребывалъ холоденъ къ маленькой буржуазкѣ; желтоватый жиръ ея лица былъ ему даже неприятенъ. Онъ обходился съ ней просто, какъ художникъ, какъ товарищъ. Они говорили только о живописи. Онъ воспламенялся, вслухъ мечталъ о Парижѣ, возмущался противъ нищеты, которая привязывала его къ Меркёру. Ахъ! еслибъ у него были средства къ жизни, онъ бросилъ бы коллежъ! Успѣхъ казался ему несомнѣннымъ. Несчастный вопросъ о деньгахъ, о насущномъ хлѣбѣ, приводилъ его въ бѣшенство. А она серьезно слушала его, видимо, обсуждая вопросъ со всѣхъ сторонъ, взвѣшивая шансы успѣха. Потомъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, совѣтовала ему не терять надежды.

Въ одно прекрасное утро дядю Морана нашли въ лавкѣ мертвымъ. Онъ разбиралъ ящики съ кистями и красками, какъ вдругъ былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Прошло двѣ недѣли; Фердинандъ избѣгалъ тревожить огорченныхъ дочь и мать. Когда онъ опять явился, все оказалось по старому. Адель рисовала, въ траурномъ платьѣ; мадамъ Моранъ спала въ своей комнатѣ. Пренная жизнь, разговоры объ искусствѣ, мечты о триумфѣ въ Парижѣ—пошли своимъ чередомъ. Только молодые люди сблизились еще больше. Но никогда нѣжная фамиллярность, никогда слово любви не смущало ихъ чисто интеллектуальной дружбы.

Однажды вечеромъ, Адель, казавшаяся еще серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно, объяснилась на чистоту, пристально посмотрѣвъ на Фердинанда своими свѣтлыми глазами. Безъ сомнѣнія, она достаточно изучила его; пора было прийти къ какому-нибудь рѣшенію.

— Послушайте,—сказала она.—Давно уже я хочу поговорить съ вами объ одномъ планѣ... Теперь, я одинока. Моя мать не идетъ въ счетъ. И вы извините меня, если я буду говорить съ вами напрямикъ...

Онъ слушалъ ее въ недоумѣніи. Тогда, безъ всякаго смущенія, съ замѣчательною ясностью, она объяснила ему положеніе дѣлъ, упомянула о его безконечныхъ жалобахъ. Ему недоставало только денегъ. Имѣй онъ необходимыя на первое время средства, чтобы работать свободно и жить въ Парижѣ—и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сталъ бы знаменитъ.

— Итакъ,—заключила она,—позвольте мнѣ явиться къ вамъ на помощь. Отецъ оставилъ мнѣ 5,000 франковъ дохода, и я могу располагать ими, какъ мнѣ вздумается, такъ какъ судьба моей матери также обезпечена. Я для нея не нужна.

Но Фердинандъ возсталъ противъ этого. Никогда онъ не приметъ подобной жертвы, никогда не рѣшится ее обобрать. Она твердо посмотрѣла на него, видя что онъ не понялъ.

— Мы поѣдемъ въ Парижъ,—возразила она съ разстановкой,—будущность въ нашихъ рукахъ...

Потомъ, видя его недоумѣніе, улыбнулась и пожала ему руку, сказавши съ сердечной простотой:

— Хотите на мнѣ жениться, Фердинандъ?.. Все же я буду обязана вамъ, а не вы мнѣ, такъ какъ вы знаете, что я честолюбива; да, я всегда мечтала о славѣ, а вы доставили мнѣ славу.

Онъ несвязно бормоталъ что-то, не рѣшаясь еще сдаться на это столь внезапное предложеніе, тогда какъ Адель спокойно излагала свой планъ, давно и зрѣло обдуманый. Потомъ она съ материнскою нѣжностью потребовала отъ него только одной клятвы: вести себя хорошо. Геній не совмѣстенъ съ беспорядочной жизнью. При этомъ дала ему понять, что знаетъ про его распущенность, что это ее не останавливаетъ, но, разумѣется, онъ долженъ исправиться. Фердинандъ очень хорошо понялъ, какого рода сдѣлку предлагаетъ ему Адель: она доставляла ему деньги, онъ обязывался принести ей славу. Онъ не любилъ ее, а въ эту минуту даже испытывалъ къ ней настоящее отвращеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ бросился къ ея ногамъ, и благодарилъ ее, не найдя ничего сказать, кромѣ фразы, фальшиво прозвучавшей въ ея ушахъ:

— Вы будете моимъ ангеломъ-хранителемъ.

При всей своей холодности, она внезапно отдалась порыву страсти; бросилась къ нему на шею и осыпала поцѣлуями его лицо; вѣдь она любила его, прельщенная красотой молодого блондина. Уснувшая страсть пробудилась. Въ этой сдѣлкѣ принимало участіе и долго подавляемое чувство.

Спустя три недѣли, Фердинандъ Сурди былъ женатъ. Онъ уступилъ не столько расчетамъ, сколько необходимости и цѣлому ряду фактовъ, изъ которыхъ не могъ выпутаться. Запасъ красокъ и кистей былъ проданъ мелкому сосѣднему торговцу бумагой. Мадамъ Моранъ, привыкшая къ одиночеству, пребывала совершенно равнодушной ко всему происходившему. И вотъ, молодая чета отправилась въ Парижъ, увозя съ собою *Проулку*, покидая Меркёръ, ошеломленный такой внезапной развязкой. Дѣвицы Левекъ говорили, что мадамъ Сурди какъ разъ въ-время поѣхала родить въ Парижъ.

II.

Мадамъ Сурди въ Парижѣ занялась устройствомъ квартиры въ улицѣ d'Assas; большое окно мастерской выходило на деревья Люксембургскаго сада. Такъ какъ средства молодой четы были невелики, то Адели пришлось сдѣлать чудеса, чтобы устроить комфортабельную обстановку безъ большихъ издержекъ. Она старалась привязать къ себѣ Фердинанда, заставить его полюбить мастерскую. И дѣйствительно, первое время жизнь вдвоемъ, въ громадномъ Парижѣ, была по истинѣ восхитительна.

Зима приходила къ концу. Первые мартовскіе дни были теплы и безоблачны. Ренкень прибѣжалъ, лишь только узналъ о пріѣздѣ живописца съ женою. Ихъ свадьба не удивила его, хотя обыкновенно онъ возставалъ противъ брачныхъ союзовъ между художниками; по его мнѣнію, это всегда имѣло дурной исходъ, одинъ непременно долженъ былъ заѣсть другого. Фердинандъ заѣсть Адель, вотъ и все; и тѣмъ лучше для него, потому что малый нуждается въ деньгахъ. Вѣдь все равно, жениться ли на непривлекательной дѣвушкѣ, или терпѣть голодъ и холодъ, и обѣдать въ ресторанахъ за полтора франка.

Войдя въ мастерскую, Ренкень увидѣлъ „Прогулку“, въ богатой рамкѣ, стоящую на мольбертѣ, посреди комнаты.

— А, а!—сказалъ онъ весело,—вы привезли съ собою нашъ chef d'oeuvre.

Онъ сѣлъ, и снова принялся расхваливать изящество тоновъ и оригинальность картины. Потомъ внезапно сказалъ:

— Надѣюсь, что вы пошлете ее на выставку. Я ручаюсь за успѣхъ... Вы пріѣхали какъ разъ во-время.

— И я советую ему это—кратко сказала Адель.—Но онъ не рѣшается. Ему хотѣлось бы начать чѣмъ-нибудь болѣе великимъ и совершеннымъ.

Тогда Ренкень пришелъ въ азартъ. Юныя произведенія священны; можетъ быть, къ Фердинанду никогда больше не вернется такое вдохновеніе, такая наивная смѣлость рисунка. Нужно быть набитымъ дуракомъ, чтобы не понимать этого. Адель улыбалась его азарту; конечно, ея мужъ пойдетъ дальше, она надѣялась, что другія картины будутъ еще лучше; но ей пріятно было видѣть, что Ренкень старается уничтожить странное безпокойство, овладѣвшее Фердинандомъ въ послѣднюю минуту. Было рѣшено, что съ завтрашняго дня „Прогулку“ пошлютъ на выставку; до ея открытія оставалось три дня. Что

касается до принятія картины, то оно обезпечено: Ренкенъ былъ членомъ комитета и пользовался тамъ значительнымъ вліяніемъ.

На выставѣ „Прогулка“ имѣла огромный успѣхъ. Въ теченіе трехъ недѣль публика толпилась передъ картиной. Фердинандъ, какъ это часто бываетъ въ Парижѣ, сталъ сразу знаменитъ.

Для вѣщаго успѣха, и критика разошлась во взглядахъ. Грубыхъ нападокъ не было, только нѣкоторые придирались къ деталямъ, за то другіе съ увлеченіемъ защищали художника. Въ концѣ-концовъ „Прогулка“ была объявлена образцовымъ произведеніемъ, и администрація тотчасъ же предложила за нее 6,000 франковъ. Картина отличалась оригинальностью на столько, чтобы плѣнить пресыщенный вкусъ большинства; въ то же время темпераментъ художника не доходилъ до излишества, способнаго раздражать людей; въ результатѣ, новизны и силы было какъ разъ столько, сколько требовалось для публики. Кричали даже о появленіи новой силы; такъ поправилось это равновѣсіе въ картинѣ.

Въ то время, какъ мужъ производилъ такой фуроръ въ публикѣ и въ печати, Адель, также отправившая на выставку свои мерсерскіе опыты, очень изящныя акварели, не возбуждала вниманія ни въ публикѣ, ни въ журналахъ. Но она не завидовала, въ ней даже нисколько не страдало тщеславіе художника. Всю свою гордость она сосредоточила на своемъ миломъ Фердинандѣ. У этой молчаливой дѣвушки, которая до 22-хъ лѣтъ прозябала въ сырѣмъ провинціальномъ болотѣ, у этой холодной и желтой буржуазки страсть вспыхнула съ необыкновенною силой. Она любила Фердинанда за его золотистую бороду, за его розовую кожу, за прелесть и грацію всей его фигуры; она ревновала, страдала, если онъ выходилъ изъ дому на самое короткое время, безпрестанно слѣдила за нимъ, опасаясь, чтобы какинибудь другая женщина не покинула его у нея. Она очень хорошо видѣла въ зеркалѣ свои недостатки: толстую талію, блѣдное лицо. Не она, а Фердинандъ олицетворялъ красоту въ ихъ союзѣ; и тутъ преимущество было на его сторонѣ. Ея сердце млѣло при мысли, что она всѣмъ обязана Фердинанду. Ея голова работала, она поклонялась Фердинанду, какъ художнику, и чувствовала къ нему безконечную благодарность; она участвовала въ его талантѣ, въ его побѣдахъ, въ его славѣ, которая и ее озаряла своими лучами. Всѣя мечты осуществились не на ней самой, но на существѣ, которое она любила, какъ ученица, какъ мать и какъ жена. Наконецъ, она гордилась Фердинандомъ, какъ своимъ созданіемъ.

Въ эти первые два мѣсяца, счастье озаряло и украшало мастерскую улицы d'Assas. Хотя Адель и сознавала, что всѣмъ обязана Фердинанду, но это сознаніе не унижало ее: она довольствовалась мыслью,

что все это создавалось ея руками. Она привѣтствовала нѣжною улыбкой расцвѣтъ счастья, къ которому стремилась—и которое лелѣла. Она говорила себѣ—и эта мысль не имѣла ничего низкаго—что только благодаря ея деньгамъ стало возможнымъ осуществленіе этого счастья. Такимъ образомъ, она примиралась съ своимъ положеніемъ, сознавая его необходимость. Ея удивленіе и обожаніе были добровольною данью личности, готовой ступивъ въ пользу созданія, которое она считаетъ своимъ, которымъ она живетъ. Деревья Люксембургскаго сада зеленѣли, пѣніе птицъ доносилось въ мастерскую вмѣстѣ съ теплымъ весеннимъ вѣтеркомъ. Каждое утро получались новыя журналы съ хвалебными отзывами; публика раскупала портретъ Фердинанда, его картина воспроизводилась всѣми способами и во всѣхъ форматахъ. И новобранцы упились этой шумной славой, чувствуя съ дѣтскою радостью, что огромный и шумный Парижъ занимается ими, въ то время какъ они завтракаютъ за своимъ маленькимъ столикомъ, въ пріятной тишинѣ своего убѣжища.

Однако, Фердинандъ не принимался за работу. Лихорадочное возбужденіе, въ которомъ онъ жилъ, не давало, говорилъ онъ, ему работать. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ каждый день собирался приступить къ большой картинѣ, которую задумалъ уже давно: картина называлась *Озеро* и изображала аллею Булонскаго лѣса, въ ту минуту, когда цѣль экипажей медленно катится, озаряемая золотистымъ свѣтомъ заката. Онъ уже набросалъ нѣсколько эскизовъ; но вдохновеніе, посѣщавшее его во дни нищеты и бѣдности, не возвращалось. Благосостояніе, казалось, усыпляло его; притомъ онъ наслаждался своимъ внезапнымъ торжествомъ, какъ будто опасался испортить его новыми трудами. Теперь онъ все время проводилъ внѣ дома. Часто исчезалъ поутру, и возвращался только вечеромъ; два или три раза пришелъ домой очень поздно. У него были безконечныя предлоги для отлучекъ: то посѣщеніе мастерской, то визитъ къ какому-нибудь современному художнику, собираніе матеріаловъ для будущихъ работъ, а въ особенности дружескія обѣды. Онъ встрѣтилъ здѣсь многихъ изъ своихъ лилльскихъ товарищей, былъ уже членомъ многихъ артистическихъ обществъ. Благодаря всему этому, онъ закружился въ вихрѣ удовольствій, послѣ которыхъ возвращался домой въ лихорадочномъ возбужденіи, болтая громче обыкновеннаго и сверкая глазами.

Адель не позволила себѣ еще ни одной жалобы. Она очень страдала отъ этой разсѣянной жизни, отнимавшей у нея мужа и оставившей ее одну въ теченіе долгихъ часовъ. Но она упрекала себя за свою ревность и опасенія: у Фердинанда есть свои дѣла; художникъ—не буржуа, который можетъ жить сповойно въ своемъ уголку; ему нужно знать свѣтъ; онъ обязанъ жертвовать собою ради успѣха.

И она испытывала почти угрызения совѣсти за свое внутреннее волненіе, когда Фердинандъ, разыгрывая передъ ней роль чужого, замученнаго свѣтскими обязанностями, клялся, что все это ему надоѣло до-нельзя, и что онъ готовъ бы былъ всѣмъ пожертвовать, лишь бы только никогда не разставаться съ своей женой. Однажды она даже сама выпроводила его за дверь, когда онъ притворно отказывался идти на веселый завтракъ, гдѣ долженъ былъ познакомиться съ однимъ очень богатымъ любителемъ. Потомъ, оставшись одна, Адель плакала. Какъ она ни крѣпилась, ей постоянно представлялся Фердинандъ въ кругу другихъ женщинъ, она чувствовала, что онъ ее обманываетъ, и такъ разстроивалась отъ этой мысли, что должна была ложиться въ постель.

Часто приходилъ за Фердинандомъ Ренкенъ. Тогда она пробовала шутить:

— Вы будете благоразумны, не правда ли? Вы знаете, что я до-вѣряю вамъ его.

— Полно, не бойся!—отвѣчалъ, смѣясь, живописецъ.—Если его задумаютъ похитить, я буду при немъ... Я принесу тебѣ его шапку и трость.

Она до-вѣряла Ренкену. Если и онъ уводилъ Фердинанда, значитъ это было нужно. Она привыкла къ этой жизни. Но все-таки съ сожалѣніемъ вспоминала о первыхъ недѣляхъ ихъ парижской жизни, до выставки, которая вывела весь этотъ шумъ, когда они такъ счастливо проводили время вдвоемъ, въ уединеніи своей мастерской. Теперь она должна была работать одна, и съ жаромъ принялась за свои акварели, чтобы убить время. Какъ только Фердинандъ заворачивалъ за уголъ, кивнувъ ей головой въ послѣдній разъ на прощанье, она отходила отъ окошка и принималась за работу. А онъ рыскалъ по городу, заходилъ Богъ знаетъ куда, засиживался Богъ знаетъ гдѣ, возвращался домой съ красными глазами, еле держась на ногахъ отъ усталости. Она же терпѣливо, упрямо, проводила цѣлые дни за своимъ маленькимъ столикомъ, снимая безъ устали копінъ съ этюдовъ, привезенныхъ изъ Меркёра, небольшихъ умильныхъ пейзажей, и дѣлала замѣчательные успѣхи. Это замѣняетъ мнѣ работы по канвѣ,—говорила она съ принужденной улыбкой.

Однажды вечеромъ она дожидалась Фердинанда, снимая черниль карандашомъ копію съ гравюры,—какъ вдругъ глухой шумъ отъ паденія чьего-то тѣла, раздавшійся у самыхъ дверей мастерской, заставилъ ее вдрогнуть. Она окликнула, рѣшилась отпереть дверь, и очутилась лицомъ къ лицу съ своимъ мужемъ, который старался подняться на ноги, смѣясь густымъ смѣхомъ. Онъ былъ—пьянъ.

Адель, блѣдная какъ полотно, помогла ему встать и добраться до спальни. Онъ извинялся, бормоча безсвязныя слова. Она, не говоря ни слова, помогла ему раздѣться. Потомъ, когда онъ улегся въ постель и захрапѣлъ, она не легла спать сама, и просидѣла всю ночь въ креслѣ, съ открытыми глазами, погруженная въ задумчивость. Морщина легла на ея блѣдномъ лбу. На утро она ни слова не сказала ему о постыдной вчерашней сценѣ. Онъ былъ очень смущенъ, ходилъ совсѣмъ осовѣлый, съ воспаленными глазами и горечью во рту. Молчаніе жены удвоивало его смущеніе; такъ что онъ два дня не выходилъ изъ дому, смиренно приваившись за работу съ усердіемъ шкельника, старающагося загладить свою шалость. Онъ набросалъ общій контуръ своей картины, совѣтуясь съ Аделью, стараясь дать ей замѣтить, какъ онъ ее уважаетъ. Сначала она была молчалива и очень холодна, воплощая собой живой упрекъ, хотя и воздерживаясь отъ всякихъ намековъ. Потомъ, видя раскаяніе Фердинанда, она опять стала простой и доброй; все было молча прощено и забыто. Но на третій день явился Ренкенъ и увелъ своего молодого друга въ Café Anglais на обѣдъ съ какимъ-то знаменитымъ критикомъ; Адель должна была дожидаться мужа до 4 часовъ утра, когда онъ явился съ подбитымъ лѣвымъ глазомъ: вѣроятно, его хватили бутылкой въ какомъ-нибудь вертепѣ. Она уложила его и перевязала рану. Ренкенъ расстался съ Фердинандомъ на бульварѣ, въ 11 часовъ.

Съ тѣхъ поръ это сдѣлалось правиломъ: уходилъ ли Фердинандъ на обѣдъ, отправлялся ли онъ на вечеръ, отлучался ли подъ какимъ-нибудь предлогомъ вечеромъ—всякій разъ онъ возвращался въ ужасномъ видѣ. Онъ приходилъ домой мертвецки-пьяный, украшенный снятками, принося въ своей растрепанной одеждѣ постыдный запахъ алкоголя и мускуса.

Онъ утопалъ въ чудовищномъ развратѣ, благодаря поворной слабости характера. И Адель продолжала молчать, продолжала заботиться о немъ съ суровостью статуи, не спрашивая его, не давая ему оплеухъ за поворное поведеніе. Она подавала ему чай, держала передъ нимъ лоханку, приводила все въ порядокъ, не желая будить никого, срывая свое положеніе, какъ позоръ, обнаружить который ей не позволяла стыдливость. Притомъ, зачѣмъ бы стала она его спрашивать? Каждый разъ, она легко представляла себѣ всю драму, пьянство съ друзьями, затѣмъ безнотныя ночныя прогулки по Парижу, грязныя кутежи. Иногда она находила въ его карманахъ незнакомыя адреса, всякаго рода доказательства его поведенія, которая она торопилась сжечь, не желая знать объ этихъ вещахъ. Когда онъ возвращался испаранный и грязный, она обмывала его въ высокочкомъ молчаніи, которое онъ не осмѣливался нарушить. Потомъ,

на другое утро, послѣ этихъ ночей разврата, когда онъ просыпался и видѣлъ ее передъ собою въ нѣмомъ молчаніи, имъ обонимъ казалось, что они пережили какой-то кошмаръ, и жизнь принимала свое обычное теченіе.

Одинъ только разъ, Фердинандъ, проснувшись, въ порывѣ невольной нѣжности, бросился къ ней на шею, рыдая, и съ трудомъ выговорилъ:

— Прости меня, прости!

Но она оттолкнула его, недовольная, притворяясь удивленной:

— Какъ! простить тебя?.. Ты ничего не сдѣлалъ дурного. Я и въ чемъ тебя не упрекаю.

И это упорное желаніе казаться незнающею, это превосходство женщины, владѣющей собою до полного господства надъ страстями, совершенно уничтожало Фердинанда.

На самомъ дѣлѣ, Адель терзалась отъ гнѣва и отвращенія. Поведеніе Фердинанда возмущало ее привычки порядочности, принятыми строгимъ воспитаніемъ. Ею овладѣвало глубокое отвращеніе, когда Фердинандъ возвращался, зараженный развратомъ, когда ей приходилось прикасаться къ нему своими руками и проводить остатокъ ночи въ атмосферѣ его дыханія. Она презирала его. Но къ этому презрѣнію примѣшивалась ненависть къ друзьямъ, къ женщинамъ, которыя доводили его до такого униженія. Она съ радостью успивала бы предсмертное хрипѣніе тѣхъ женщинъ на тротуарѣ; она представляла ихъ себѣ чудовищами, не понимая, отчего полиція не очиститъ отъ нихъ улицы ружейными выстрѣлами. Ея любовь къ Фердинанду не уменьшилась; если человекъ внушалъ иногда отвращеніе, то она поклонялась художнику; и это поклоненіе было до такой степени безкорыстно, что она, какъ истая буржуазка, пропитанная легендами о безпорядочности жизни, свойственной гениальнымъ людямъ, спрашивала себя, не должна ли она принимать развратъ Фердинанда за тотъ роковой поэмъ, на которомъ произрастаютъ великія произведенія. Если ее женская деликатность, ее материнская любовь оскорблялись нѣжностями Фердинанда, то, можетъ быть, еще горьче упрекала она его за то, что онъ не сдержалъ обязательства трудиться, нарушилъ контрактъ, заключенный между ними, согласно которому она должна была доставить матеріальное благо-состояніе, а онъ—славу; такое нарушеніе данного слова возмущало ее, и она старалась спасти, по крайней мѣрѣ, талантъ, если ужъ человекъ долженъ былъ погибнуть. Для этого ей нужна была сила. Она должна была быть главою въ домѣ.

Не прошло и году, какъ Фердинандъ почувствовалъ себя въ положеніи ребенка. Адель совершенно управляла его волей. Она была

мужчиной въ этой жизненной битвѣ. При каждомъ новомъ проступкѣ, когда она ухаживала за нимъ съ суровымъ состраданіемъ, онъ все болѣе и болѣе смирался, угадывая ея презрѣніе и покорно склоняя голову. Они не обманывали другъ друга: она являлась разумомъ, честностью, силой, тогда какъ онъ погружалъ во всевозможныхъ слабостяхъ и порокахъ; и всего болѣе терзала и уничтожала его эта холодность судьбы, который все знаетъ и простираетъ свое презрѣніе до прощенія, не считая даже нужнымъ увѣщевать виновнаго, какъ-будто бы каждое слово о такомъ постыдномъ предметѣ унизило бы самого судьбу. Она молчала, чтобы самой оставаться на высотѣ, чтобы не спуститься и не замарать себя въ этой грязи. Если бы она сердилась, если бы она попрекала его грязью его ночныхъ любовныхъ похожденій, какъ женщина, волнуемая ревностью, онъ, конечно, страдалъ бы не такъ сильно, онъ не чувствовалъ бы себя раздавленнымъ ея ледянымъ величіемъ. Унижалась, она возвысила бы его. Какимъ маленькимъ, какимъ ничтожнымъ онъ чувствовалъ себя, просыпаясь, полуживой отъ позора, съ увѣренностью, что она все знаетъ — и не удостоиваетъ проронить ни одной жалобы.

Однако, картина подвигалась впередъ; онъ понялъ, что талантъ остался его единственной силой. Когда онъ работалъ, Адель снова превращалась въ нѣжную жену; тутъ она, въ свою очередь, умилялась, почтительно слѣдила за его работой, стоя за его спиной, и высказывала тѣмъ больше покорности, чѣмъ лучше была работа. Онъ былъ ея господиномъ, онъ опять становился мужемъ, занимавшимъ должное мѣсто въ дому. Но теперь его часто одолевала непреодолимая лѣнь. Когда онъ возвращался домой, разбитый и истощенный жизнью, которую велъ, его руки отказывались работать, имъ овлаждало полнѣйшее безсиліе; онъ чувствовалъ какую-то тяжесть въ головѣ, его способности не повиновались ему. Тогда онъ цѣлый день топтался передъ картиной, хватался за кисть и тотчасъ же съ отчаяніемъ и яростью выпускалъ ее изъ рукъ или засыпалъ тяжелымъ сномъ на диванѣ, и просыпался только вечеромъ съ жестокою головною болью. Въ эти дни Адель молча смотрѣла на него. Она ходила на цыпочкахъ, стараясь не раздражать его нервовъ, не тревожить вдохновенія, которое, безъ сомнѣнія, должно явиться; вѣдь она вѣрила въ вдохновеніе, въ невидимый огонь, летающій черезъ открытое окно на чело художника. Потому и ее утомлялъ этотъ упадокъ силъ, она начинала безпокоиться при мысли, пока еще смутной, что Фердинандъ могъ кончить полнымъ банкротствомъ, какъ безчестный компаньонъ.

Наступилъ февраль, приближалось время выставки, а „Озеро“ не приходило къ концу. Черная работа была кончена; все полотно

было уже зарисовано. Но только нѣкоторыя отдѣльныя части далеко подвинулись впередъ, остальное было неясно и несовершенно. Нельзя было послать картину въ такомъ состояніи, въ видѣ предварительнаго наброска. Ей недоставало необходимой законченности, а Фердинандъ не подвигался впередъ, онъ терялся въ деталяхъ, занарывалъ поутру то, что нарисовалъ наканунѣ, вертѣлся какъ быкъ въ колесѣ, бесплодно тратилъ силы, въ напрасныхъ усиліяхъ создать что-нибудь. Однажды Адель отлучилась зачѣмъ-то изъ дому; возвращаясь домой въ сумеркахъ, она услышала въ потемнѣвшей мастерской рыданія. И увидала мужа, неподвижно сидѣвшаго на стулѣ передъ картиной.

— Ты плачешь? — сказала она, сильно взволнованная. — Что съ тобой?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, — пробормоталъ онъ.

Онъ сидѣлъ такъ уже цѣлый часъ, бессмысленно устремивъ взоры на картину, гдѣ уже ничего не могъ разобрать. Все сливалось передъ его мутнымъ взглядомъ. Его работа казалась ему бессмысленнымъ и жалкимъ хаосомъ; онъ чувствовалъ себя парализованнымъ, слабымъ какъ ребенокъ, совершенно неспособнымъ привести въ порядокъ эту безпорядочную путаницу красокъ. Потому, когда мракъ мало-по-малу опуталъ полотно, когда все, включая и жизненные черты картины, погружалось въ темноту, какъ-бы уничтожилось, онъ почувствовалъ смертельную тоску. Тутъ онъ разразился рыданіями.

— Но ты плачешь, я чувствую это, — повторила молодая женщина, прикоснувшись руками къ его лицу, орошенному горячими слезами. — Развѣ ты страдаешь?

На этотъ разъ онъ не могъ отвѣчать. Его опять душили рыданія. Тогда, забывъ свою затаенную злобу, уступая чувству состраданія къ этому жалкому, безсильному человѣку, она матерински поцѣловала его въ темнотѣ.

Вотъ оно, — окончательное банкротство!

III.

На другой день Фердинандъ долженъ былъ послѣ завтрака отлучиться изъ дому. Вернувшись черезъ два часа, и остановившись, какъ обыкновенно, въ задумчивости передъ картиной, онъ слегка вскрикнулъ:

— Ва! кто-то дотрогивался до моей картины?

Налѣво, очевидно, работали надъ уголкомъ неба и группой де-

ревень. Адель, наклонившись надъ столомъ съ акварелями, не сразу отвѣчала.

— Кто это сдѣлалъ,—повторилъ онъ скорѣе удивленный, чѣмъ разсерженный.—Развѣ приходилъ Ренкенъ?

— Нѣтъ,—сказала Адель, не поднимая головы и дѣлая видъ, что усердно занимается. Это я забавлялась... Но, наконецъ, вѣдь это не важно.

Фердинандъ принужденно засмѣялся.

— Итакъ, ты хочешь мнѣ помочь?... Тонъ очень удаченъ; только въ одномъ мѣстѣ нужно смягчить свѣтъ.

— Гдѣ же?—спросила она, вставая... А! да, эта вѣтка...

Она взяла кисть и сдѣлала поправку. Онъ смотрѣлъ на нее. Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ опять принялся давать ей совѣты, какъ ученицѣ, между тѣмъ какъ она продолжала рисовать небо. И безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія, было рѣшено, что она докончитъ фоны. Время не терпѣло; нужно было торопиться. И вотъ, онъ лгалъ, притворялся больнымъ, а она дѣлала видъ, что вѣритъ ему.

— Такъ какъ я боленъ,—повторялъ онъ каждую минуту,—то твоя помощь много облегчитъ меня... Фоны не имѣютъ важности.

И такимъ образомъ, онъ валялся на диванѣ, тогда какъ она стояла передъ мольбертомъ. Время отъ времени онъ вставалъ съ дивана, подходилъ, зѣвая, обсуждалъ въ двухъ-трехъ словахъ картину, иногда заставлялъ ее кое-что передѣлать. Онъ былъ очень строгій профессоръ. Со второго дня, онъ рѣшилъ, что Адель сперва подвинетъ впередъ фоны, прежде чѣмъ онъ примется за передній планъ: это, по его словамъ, должно было облегчить ему трудъ, такъ какъ онъ чувствовалъ себя все хуже и хуже; тогда будетъ яснѣе видно, что надо сдѣлать. И вотъ, цѣлую недѣлю онъ провелъ въ абсолютной праздности, дремалъ на диванѣ, между тѣмъ какъ жена молчаливо стояла передъ картиной цѣлые дни. Потомъ онъ расшевелился, и самъ принялся за передній планъ. Но Адель не отходила отъ картины, и когда онъ начиналъ терять терпѣніе, успокаивала его, окончивала мелкія детали, на которыя онъ ей указывалъ. Часто она посылала его подышать свѣжимъ воздухомъ въ Люксембургскомъ саду: ему не слѣдовало такъ волноваться, говорила она очень ласково. Оставшись одна, она торопилась, работая съ женскимъ упорствомъ, и, не стѣсняясь, отдѣлывала и передній планъ. Онъ же былъ такъ вялъ, что не замѣчалъ работы, сдѣланной въ его отсутствіе; или по крайней мѣрѣ не говорилъ объ этомъ; казалось—онъ думалъ, что картина подвигалась сама собою. Въ двѣ недѣли *Озеро* было кончено. Но Адель была недовольна. Она чувствовала, что чего-то недостаетъ. Когда успокоенный Фердинандъ объявлялъ, что картина очень хороша, она холодно качала головой.

— Чего же ты хочешь? — говорилъ онъ съ гнѣвомъ. Мы не можемъ-же уморить себя надъ картиной.

Она хотѣла, чтобы Фердинандъ положилъ на картину печать своей личности. И съ удивительнымъ терпѣніемъ и силой воли возбуждала въ немъ энергію. Въ теченіе цѣлой недѣли она подстрекала и воспаляла его. Онъ не выходилъ болѣе изъ дому, она согрѣвала его своими ласками, опьяняла похвалами. Потомъ, когда нервы его были возбуждены, она всовывала ему въ руки кисть, и по цѣлымъ часамъ удерживала его передъ картиной, разговаривала, споря, приводя его въ волненіе, которое поддерживало его силы. Такимъ образомъ, онъ передѣлалъ за-ново картину, исправилъ работу Адели, придавъ ей силу и оригинальность. Казалось, онъ немного сдѣлалъ, но результатъ вышелъ громадный. Картина ожила.

Радость молодой женщины была велика. Будущность снова улыбалась имъ. Она будетъ помогать мужу, такъ какъ продолжительные труды утомляютъ его. Ихъ союзъ отъ этого станетъ еще крѣпче; это ее восхищало. Но она заставила его въ шутку поклясться, что онъ никогда не проговорится объ ея участіи въ его работѣ; это только стѣснило бы ее. Онъ согласился, удивляясь. Онъ не завидовалъ Адели; онъ всюду рассказывалъ, что она рисуетъ гораздо лучше, чѣмъ онъ, — что и было справедливо.

Когда Ренкенъ пришелъ посмотрѣть *Озеро*, онъ долго не говорилъ ни слова. Потомъ, совершенно серьезно, поздравилъ своего молодого друга.

— Это, конечно, выше *Проулки*, — сказалъ онъ. — Фоны замѣчательно легки и изящны, а передній планъ поражаетъ силой... да, да, очень хорошо, очень оригинально.

Онъ былъ дѣйствительно изумленъ, но не говорилъ объ истинной причинѣ своего изумленія. Этотъ дьяволъ Фердинандъ сбивалъ его съ толку: онъ никогда не считалъ его такимъ искуснымъ, и притомъ въ картинѣ было что-то опять новое, неожиданное для него. Однако, въ тайнѣ онъ предпочиталъ *Проулку*, — конечно, та была слабѣе, грубѣе, но личность художника была въ ней замѣтнѣе. Въ *Озерѣ* талантъ художника окрѣпъ и развился, и все-таки картина нравилась ему менѣе, потому что въ ней было меньше оригинальности и замѣчалась склонность къ банальнымъ эффектамъ.

Это не помѣшало ему, уходя, повторить:

— Удивительно, мой милый... Вы будете имѣть сумасшедшій успѣхъ.

Онъ предсказалъ справедливо. *Озеро* имѣло еще больше успѣха, чѣмъ *Проулка*. Особенно восторгались женщины. Картина дышала изяществомъ; веревница экипажей, колеса которыхъ блестяли на

солнцѣ, маленькія разодѣтыя фигурки, свѣтлыми пятнами выдѣлявшіяся на зелени лѣса, восхищали посѣтителей, смотрѣвшихъ на живопись, какъ на ювелирную работу. Но и болѣе строгіе судьи, требующіе отъ произведенія искусства логики и силы, и тѣ были восхищены искусствомъ исполненія, вѣрнымъ пониманіемъ эффектовъ, мастерской техникой. Всѣ критики единодушно признали, что Фердинандъ де-Сурди пошелъ впередъ. Только одинъ грубый человѣкъ, возбуждавшій всеобщую ненависть за спокойствіе, съ какимъ говорилъ правду, осмѣлился замѣтить, что если художникъ будетъ писать въ томъ же вычурномъ и извѣженномъ родѣ, то отъ его оригинальности не останется и слѣда черезъ какихъ-нибудь пять лѣтъ.

Обитатели улицы d'Assas были очень счастливы. Успѣхъ былъ взять уже не съ боя, а освещенъ окончательно. Кромѣ того, деньги стали лить въ руки; со всѣхъ сторонъ получались заказы; кое-какіе эскизы, имѣвшіеся у художника въ мастерской, были раскуплены на расхватъ и по дорогой цѣнѣ.

Адель не потеряла голову отъ успѣха. Она не была скупа, но воспитана въ школѣ провинціальной экономіи, и знала цѣну деньгамъ. Поэтому она заботилась о томъ, чтобы Фердинандъ исполнялъ сдѣланные ему заказы. Она записывала сроки, отпускала товаръ, поимѣщала деньги. Но главныя ея заботы сосредоточивались на мужѣ, котораго она держала въ ежѣвыхъ рукавицахъ. Она строго распредѣлила его жизнь, отвела извѣстное число часовъ для работы, остальные для развлечения. При этомъ нискогда не сердилась; она оставалась все той же молчаливой, достойной женщиной, но онъ далъ ей уже такую власть надъ собой, что дрожалъ передъ ней. Конечно, она оказала ему тогда громадную услугу, потому что безъ ея поддержки онъ окончательно опустился бы и не далъ тѣхъ произведеній, какія доставлялъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Она была его силой, руководителемъ и поддержкой. Конечно, страхъ, испытываемый передъ ней, не мѣшалъ ему снова и снова пускаться въ развратъ; онъ пропадалъ время отъ времени изъ дому, и возвращался больной и измученный послѣ двухъ или трехъ сутокъ кутежа. Но каждый разъ онъ давалъ ей этимъ новое орудіе противъ себя; она обращалась съ нимъ еще холоднѣе, подавляла его своимъ презрѣніемъ и тогда въ продолженіи цѣлой недѣли онъ не отходилъ отъ мольберта. Она слѣпкомъ страдала, какъ женщина, когда онъ ей измѣнялъ, чтобы желать повторенія шалости, послѣ которыхъ онъ возвращался къ ней раскаяннымъ и покорнымъ грѣшникомъ. Совсѣмъ тѣмъ, когда она видѣла приближеніе вриса по его блѣдному лицу, лихорадочнымъ глазамъ и рукамъ, то съ яростнымъ нетерпѣніемъ ждала, чтобы улица превратила его въ мягкую и послушную глину, которую она мала какъ

хотѣла своими сильными, но не красивыми руками. Она знала, что не привлекательна съ своимъ безцвѣтнымъ лицомъ, толщиной и широкими костями, и бессознательно вымѣщала это на красивомъ мужчинѣ, возвращавшемся къ ней, когда красотки превратятъ его въ тряпку. Впрочемъ, Фердинандъ быстро старился; у него появились ревматизмы, онъ страдалъ нервами; въ сорокъ лѣтъ распутная жизнь превратила его въ старика. Годы должны были укротить его.

Послѣ „Озера“ стало рѣшеннымъ дѣломъ, чтобъ мужъ и жена работали вмѣстѣ. Они, правда, еще скрывали это, и, заперевъ тщательно двери, принимались за одну и ту же картину и трудились сообща. Фердинандъ, представитель мужественнаго таланта, оставался вдохновителемъ, творцомъ; онъ выбиралъ сюжеты и набрасывалъ ихъ на полотно. Потомъ уступалъ мѣсто Адели, представительницѣ женственнаго таланта,—затѣмъ отбѣивалъ все нѣсколькими штрихами. Такимъ образомъ, въ первое время онъ вносилъ въ картину много своего; онъ ставилъ себѣ за честь, чтобы жена помогала ему только въ деталяхъ, въ эпизодахъ; но слабость его все росла, и день ото дня онъ становился лѣнивѣе и предоставлялъ Адели все больше и больше простора. Такимъ образомъ, надъ каждой новой картиной она, силою вещей, работала все больше и больше, хотя вовсе не имѣла опредѣленнаго намѣренія замѣнить своей работой работу мужа. Она хотѣла только, чтобы имя Сурди, принадлежавшее теперь ей, не утратило своей славы; она хотѣла поддержать эту славу, о которой еще дурнушкой, дѣвчонкой, сидѣвшей за пертомъ, неустанно мечтала. Кромѣ того, она хотѣла сдерживать сломо относительно покупателей и доставлять картины въ срокъ, какъ честный торговецъ, у котораго слово свято. И вотъ, такимъ образомъ она вынуждена была второпяхъ оканчивать картины, затыкать всѣ прорѣхи, оставленныя Фердинандомъ, доканчивать картины, когда видѣла, что онъ окончательно неспособенъ держать кисть въ своихъ дрожащихъ рукахъ. При этомъ она никогда не принимала торжествующаго вида,—она продолжала вести себя какъ послушная ученица, работающая подъ его указкой. Она все еще уважала въ немъ художника, она все еще искренно поклонялась ему, инстинктивно сознавая, что, несмотря на свое паденіе, онъ все же вносилъ мужественный элементъ въ ихъ картины. Безъ него она не сумѣла бы писать такіа грандіозныя вещи.

Ренкѣнъ, отъ котораго чета такъ же таялась, какъ и отъ другихъ живописцевъ, съ удивленіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ мужественный талантъ смѣнялся талантомъ женственнымъ, — и никакъ не понималъ, въ чемъ дѣло. Онъ находилъ, что Фердинандъ не то, чтобы попалъ на ложный путь, потому что все-таки работалъ и пи-

сать новыя картины, но только развитіе его таланта приняло такое направленіе, какого сперва нельзя было ожидать. Его первая картина „Прогулка“ была отмѣчена живой оригинальностью, и эта оригинальность мало-по-малу стиралась въ послѣдующихъ произведеніяхъ, и картины его становились все банальнѣе и банальнѣе. Между тѣмъ ихъ писала та же кисть,— по крайней мѣрѣ, Ренкенъ побоялся бы въ томъ, — до такой степени Адель искусно усвоила себѣ приемы мужа. Она владѣла способностью усваивать себѣ въ совершенствѣ чужую манеру, чужую кисть. Съ другой стороны, картины Фердинанда приобрѣтали какую-то неопредѣленную чопорность и буржуазную правильность, которая была противна старому мастеру. Онъ пріивѣтствовалъ въ своемъ молодомъ другѣ свободное дарованіе, и сердился на чопорность и жеманство, замѣчавшіяся въ его послѣднихъ произведеніяхъ. Разъ вечеромъ, въ кружкѣ художниковъ, онъ вышелъ изъ себя и закричалъ:

— Подлецъ де-Сурди становится ханжой... Видѣли ли вы его послѣднюю картину? У него нѣтъ, должно быть, больше крови въ жилахъ; совсѣмъ измотался парень. Да! вотъ она вѣчная исторія, какъ бабы губятъ мужчинъ. И знаете ли, что меня особенно бѣситъ? Это то, что онъ рисуетъ все такъ же хорошо. Ей-Богу! Чего вы смѣетесь? Я воображалъ, что если онъ сойдется съ пути, то кончить тѣмъ, что станетъ настоящей мазилкой. И вотъ же нѣтъ; онъ точно придумалъ машину, которая работаетъ за него, неизмѣнно правильно, но банально... Это окончательное паденіе. Человѣкъ ужъ не въ состояніи писать дурно.

Всѣ привыкли къ парадоксальнымъ выходкамъ Ренкена и забавлялись ими. Но онъ зналъ, что хотѣлъ сказать, и такъ какъ онъ любилъ Фердинанда, то ему, въ самомъ дѣлѣ, было грустно за него.

На другой день онъ пошелъ въ улицу д'Асса. Но увидя, что ключъ торчитъ въ дверяхъ, рѣшился войти, не постучавшись, и остановился въ ошолобеніи... Фердинанда не было дома. Передъ мольбертомъ Адель оканчивала картину, про которую уже впередъ кричали газеты. Она была такъ поглощена работой, что не слышала, какъ отворилась дверь, тѣмъ болѣе, что и не подозрѣвала, что служанка, вернувшись домой, забыла запереть дверь. Ренкенъ, не двигаясь съ мѣста, съ минуту глядѣлъ на нее. Она рисовала привычной рукой, показывавшей большую практику. Она вполнѣ усвоила себѣ тѣ механическіе приемы, про которые онъ вчера говорилъ. Вдругъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло, — и это его такъ сразило, нескромность его поступка стала для него такъ очевидна, что онъ попытался уйти незамѣченнымъ и снова войти, но уже постучавшись въ дверь. Но тутъ Адель неожиданно оглянулась.

— Боже мой! да это вы!— закричала она.— Какъ вы здѣсь очутились, какъ вы вошли?

И вся вспыхнула. Ренкенъ, тоже смущенный, отвѣчалъ, что только-что вошелъ. Затѣмъ сообразилъ, что если онъ станетъ ремонтировать, то положеніе будетъ еще затруднительнѣе.

— Эге! дѣло, видно, къ спѣху,—проговорилъ онъ самымъ добродушнымъ тономъ.—Ты помогаешь Фердинанду.

Лицо ея уже приняло свою обычную восковую блѣдность. Она спокойно отвѣчала.

— Да, эту картину слѣдовало отпустить еще въ понедѣльникъ, а такъ какъ Фердинандъ опять боленъ... впрочемъ, я такъ, только кое-что затушевываю, неважное.

Но она понимала, что такого человѣка, какъ Ренкенъ, не проведешь. И стояла, не шевелась, держа въ рукахъ кисть и палитру. Тутъ онъ самъ ей сказалъ:

— Не стѣсняйся моимъ присутствіемъ. Работай, пожалуйста.

Она пристально глядѣла на него въ теченіи нѣсколькихъ секундъ. Затѣмъ рѣшилась. Теперь ему все извѣстно, къ чему притворяться долѣе? А такъ какъ она самымъ положительнымъ образомъ обѣщала отпустить картину къ вечеру, то и принялась за работу съ чисто мужеской энергіей. Онъ усѣлся и слѣдилъ за ея работой, когда вошелъ Фердинандъ. Сначала онъ былъ пораженъ, увидя, что Ренкенъ сидитъ позади Адели и смотритъ, какъ она рисуетъ. Но онъ чувствовалъ себя очень утомленнымъ, совсѣмъ неспособнымъ къ сильнымъ ощущеніямъ. Онъ опустился на диванъ, рядомъ съ старымъ живописцемъ, съ чувствомъ человѣка, ничего въ мірѣ не желающаго, кромѣ того, чтобы ему дали уснуть. Всѣ молчали — и ему не хотѣлось входить въ объясненія. Ну-да, такъ оно и есть, и это ему все равно! Черезъ минуту онъ наклонился къ Ренкену, въ то время какъ Адель, приподнявшись на цыпочкахъ, отдѣлывала небо смѣлыми ударами кисти, и сказалъ ему съ истинной гордостью:

— Знаете ли, mon cher, вѣдь она искуснѣе меня... О! она такая мастерица! У нея такой стиль!

Когда Ренкенъ спускался съ лѣстницы въ волненіи, онъ громко проговорилъ:

— Совсѣмъ погибъ малый! Она не дастъ ему пасть очень низко, но и помѣшаетъ подняться очень высоко. Конченъ багъ!

IV.

Прошли годы. Сурди купили въ Меркёрѣ маленькій домикъ съ садомъ, выходившимъ на городской бульваръ. Сначала они прѣзжали туда на лѣтніе мѣсяцы, спасаясь отъ парижской духоты и жары. Но потомъ стали заживатьъ подолгу и все болѣе и болѣе отвыкали отъ Парижа. Такъ какъ домъ былъ очень малъ, то они выстроили въ саду просторную мастерскую, и вскорѣ пристроили къ ней цѣлый флигель. Теперь они ѣздили въ Парижъ гостить зимою, мѣсяца на два. Они жили въ Меркёрѣ, а въ Парижѣ у нихъ былъ только небольшой pied-à-terre, въ улицѣ Клиши, въ принадлежавшемъ имъ домѣ.

Переселеніе въ провинцію совершилось мало-по-малу; когда въ присутствіи Адели этому удивлялись, она ссылалась на слабое здоровье Фердинанда. По ея словамъ, она думала только о томъ, чтобы мужу было покойно, и онъ пользовался свѣжимъ воздухомъ. Но, по правдѣ сказать, она исполняла давнишнее желаніе, осуществляла свою послѣднюю мечту. Еще дѣвчонкой, мечтая о славѣ, она мысленно доживала свой вѣкъ, въ лучахъ славы, въ Меркёрѣ, окруженная почтительнымъ поклоненіемъ его обывателей. Тамъ она родилась, тамъ ея глодалъ червякъ честолюбія, и самолюбію ея гораздо больше льстили удивленные взгляды кумушекъ Меркёра, когда она проходила мимо нихъ подъ руку съ мужемъ, нежели комплименты, расточаемые въ салонахъ Парижа. Въ глубинѣ души она осталась буржуазкой и провинціалкой, и ее сильнѣе всего интересовало то, что думаетъ и говорить о ней ея родной городишко.

Въ настоящую минуту имя Фердинанда де-Сурди не могло уже расти. Живописецъ, доживъ до пятидесяти лѣтъ, получилъ всѣ награды, всѣ установленныя медали, кресты и титулы. Онъ былъ уже нѣсколько лѣтъ командоромъ Почетнаго Легіона, академикомъ. Только состояніе его могло еще расти, хотя уже газеты исчерпали весь лексиконъ похвалъ.

Уже лѣтъ десять какъ составила для него обычная хвалебная формула: его называли плодовитымъ мастеромъ, чародѣемъ, околдовывавшимъ всѣ души. Но это его больше не трогало; онъ сталъ равнодушенъ и говорилъ о славѣ, какъ о старомъ фракѣ, къ которому привыкъ. Когда обыватели Меркёра видѣли, какъ онъ проходилъ мимо нихъ, сгорбленный, съ безжизненными глазами, ни на что не глядѣвшими, — то къ почтенію, съ какимъ они провожали его взглядами, примѣшивалось сильное удивленіе: имъ трудно было представить себѣ, что этотъ вялый и тихій господинъ производилъ столько шума въ столицѣ.

Впрочемъ, всѣмъ было извѣстно, что м-ше Сурди помогаетъ мужу. Она слыла за бой-бабу, даромъ, что была мала ростомъ и толста. И даже обыватели не мало дивились тому, что такая грузная женщина можетъ по цѣлымъ днямъ простаивать передъ картинами, не чувствуя усталости. Дѣло привычки, толковали буржуа. Сотрудничество жены нисколько не роняло Фердинанда въ глазахъ свѣта; напротивъ того, Адель, съ свойственнымъ ей тактомъ поняла, что не должна открыто затмевать мужа; онъ продолжалъ подписываться подъ картинами, какъ конституціонный король, который царствуетъ, но не управляетъ. Безъ сомнѣнія, картины м-ше де-Сурди нисколько бы не восхитили, тогда какъ произведенія Фердинанда де-Сурди сохраняли прежнее обаяніе для критики и публики. Поэтому она продолжала восхищаться Фердинандомъ, и удивительно то, что это восхищеніе было искреннее. Хотя, мало-по-малу, онъ пересталъ даже притрогиваться къ кисти, она все еще смотрѣла на него какъ на истиннаго творца картинъ, которыя теперь она рисовала почти цѣликомъ. Всѣмъ посѣтителямъ она говорила: „Фердинандъ сдѣлалъ это, Фердинандъ занялъ вотъ этотъ“, хотя бы даже Фердинандъ и не притрогивался къ картинѣ. Всякое критическое замѣчаніе сердило ее, такъ какъ она не допускала, чтобы можно было критиковать талантъ ея мужа. Это наивное ослѣпленіе, это ничѣмъ несокрушимое поклоненіе Фердинанду, какъ художнику, помогало послѣднему переносить глухое недовольство своимъ безсиліемъ. Онъ не страдалъ отъ своего паденія, онъ тоже твердилъ: „моя картина, мои произведенія“, нимало не помышляя о томъ, какъ пишутся картины, подъ которыми онъ подписывается. И все это дѣлалось такъ просто, что ему даже и въ голову не приходило завидовать женщинамъ, которая отняла у него его личность; онъ безпрестанно хвалилъ ее. Онъ вѣчно повторялъ то, что сказалъ разъ вечеромъ Ренкену:

— Божусь вамъ, она талантливейше меня... Мнѣ чертовски трудно справиться съ рисункомъ, а она рисуетъ какъ ни въ чемъ не бывало... съ легкостью поразительной... О! вы понятія не имѣете о ея мастерствѣ! Нѣтъ, рѣшительно это прирожденная способность; она бываетъ просто въ крови у человѣка.

Слушающіе скромно улыбались, считая эти слова за комплименты влюбленнаго мужа. Но если кто-нибудь неосторожно высказывалъ, что, при всемъ своемъ уваженіи къ м-ше Сурди, онъ не вѣритъ въ ея художественный талантъ, Фердинандъ выходилъ изъ себя, принимался пространно толковать о темпераментахъ и манерахъ въ живописи и кончалъ споръ незыбѣннымъ крикомъ:

— Говорятъ же вамъ, что она искуснѣе меня! Ей-богу, удивительно, что мнѣ никто не вѣритъ.

Мужъ и жена жили очень дружно. Съ теченіемъ времени годы и упадокъ силъ очень укротили Фердинанда. Онъ не могъ больше пить вина, потому что желудокъ его разстроивался отъ малѣйшей невоздержности. Только женщины все еще порою совращали его съ пути истиннаго. Но когда чета перебралась въ Меркёръ, то, за неимѣніемъ удобныхъ случаевъ къ измѣнѣ, онъ почти не намѣнялъ женѣ. Адель могла только опасаться ухаживаній за служанками, которыхъ она нанимала. Хотя она и старалась выбирать самыхъ дурныхъ, но это не мѣшало Фердинанду ласкать ихъ, если онѣ то позволяли. Женѣ оставалось только прогнать служанку, когда она замѣчала, что дѣло неладно. Фердинандъ съ недѣлю послѣ того ходилъ, повѣся носъ. И такимъ образомъ поддерживалось пламя ихъ любви даже въ старости. Адель по прежнему обожала мужа и про себя ревновала его, а онъ, когда она грозно молчала послѣ каждаго новаго пассажа съ служанкой, старался всячески задобрить ее. Онъ очень одряхлѣлъ; лицо его пожелтѣло и прорѣзалось глубокими морщинами. Но борода все еще сохраняла золотистый оттѣнокъ; она съ годами не сѣдѣла, но желтѣла, какъ спѣлый овесъ, и своей формой придавала ему сходство съ фламандскими вельможами, съ которыхъ писалъ портреты Вандейкъ.

Наступилъ день, когда Фердинанду вдругъ стала противна живопись. Онъ испытывалъ какъ-бы физическое отвращеніе къ запаху красокъ; руки его дрожали, голова кружилась. Вѣроятно, это было естественное послѣдствіе его артистическаго безсилія, перешедшаго въ острое состояніе. Оно должно было разрѣшиться безсиліемъ физическимъ. Адель была очень добра съ нимъ; утѣшала его, божилась, что это временное недоровье, которое должно пройти, и принудила его къ безусловному покою. Такъ какъ его смущала мысль, что онъ больше рѣшительно не работаетъ надъ картинами, она нашла исходъ. Она придумала, что онъ будетъ дѣлать эскизы картинъ чернымъ карандашомъ, а она уже станетъ переносить ихъ на полотно и писать по его указаніямъ. Съ тѣхъ поръ такъ и дѣлалось; онъ больше не притрогивался кистью къ картинамъ, которыя подписывалъ своимъ именемъ.

Адель выполняла всю матеріальную часть работы; онъ только придумывалъ сюжеты и дѣлалъ этюды карандашомъ, зачастую весьма плохіе и неправильные, которые она исправляла, не говоря ему ни слова. Давно уже они работали для чужихъ краевъ. Послѣ великаго успѣха, одержаннаго во Франціи, явились заказы главнымъ образомъ изъ Россіи и Америки; а такъ какъ аматёры этихъ отдаленныхъ странъ были неприсотливы, такъ какъ все дѣло ограничивалось только укупоркой и отсылкой ящиковъ, то Сурди мало-по-малу исключительно предались этой удобной коммерціи. Къ тому же, во

Франціи картины шли гораздо тише. Когда, время отъ времени, Фердинандъ посылалъ картину на выставку, критика встрѣчала ее прежними похвалами. Онъ былъ талантъ признанный, котораго больше не оспаривали, и могъ мало-по-малу спуститься до посредственныхъ и банальныхъ произведеній, не нарушая привычекъ публики и критики. Но только покупатели мало-по-малу отставали отъ его произведеній. Его продолжали чествовать какъ современнаго мастера, но картинъ его не покупали. Чужіе края забирали все, что онъ писалъ.

Но въ этомъ году одна картина Фердинанда де-Сурди опять произвела большой фуроръ на выставкѣ. Она служила какъ бы въ *pendant* къ его первой картинѣ „Прогулка“: въ пустой залѣ съ оштукатуренными стѣнами учились школьники, они слѣдили за тѣмъ, какъ мухи летаютъ, исподтишка шалили, а губернёръ, углубленный въ чтеніе романа, повидимому забылъ весь міръ. Картина называлась *Классъ*. Ее находили прелестной, и критики сравнивали оба произведенія, которыя отдѣляли тридцатилѣтній промежутокъ времени, и толковали даже о пройденномъ пути, о неопытности, выдуманной въ *Прогулкѣ* и мастерской technikѣ, доказанной „Классомъ“. Однако большинство художниковъ протестовало, и Ренкенъ громче всѣхъ. Онъ былъ очень старъ, но все еще бодръ для семидесяти-пяти-лѣтняго старика и по прежнему страстный поклонникъ правды.

— Полноте,—кричалъ онъ.—Я люблю Фердинанда какъ сына, но, право же, негѣло отдавать предпочтеніе его теперешнимъ произведеніямъ передъ юношескими! Въ нихъ нѣтъ больше ни огня, ни силъ, ни оригинальности. О! они лучше нарисованы, техника законченнѣе.—согласенъ! но надо быть свѣчнымъ торговцемъ, чтобы предпочитать эту банальную технику, приправленную какою-то странной смѣсью всѣхъ на свѣтѣ стилей... Нѣтъ, не мой Фердинандъ пишетъ эти вещи...

Но не договаривалъ. Самъ-то онъ зналъ въ чемъ дѣло, и въ его горечи сказывалась глубокая неприязнь, которую онъ всегда чувствовалъ къ женщинамъ, къ этимъ зловреднымъ существамъ, какъ онъ называлъ ихъ порою. И только сердито повторялъ: — Нѣтъ, это не онъ пишетъ... нѣтъ, это не онъ пишетъ...

Онъ слѣдилъ за медленнымъ вторженіемъ Адели въ область своего мужа съ любопытствомъ наблюдателя и аналитика. При каждой новой картинѣ онъ замѣчалъ малѣйшія измѣненія, узнавая работу мужа и жены, замѣчая, что первая уменьшалась сравнительно со второй въ правильной и постоянной прогрессіи. Эта исторія казалась ему до такой степени интересной, что онъ забывалъ свой гнѣвъ, наслаждаясь игрой страстей, какъ человѣкъ, страстно любившій зрѣлище жизни. Онъ замѣчалъ самые легкіе оттѣнки поглощенія одного

человѣка другимъ, и теперь понималъ, что психологическая и физиологическая драма совершилась. Развязка была передъ его глазами, въ картинѣ „Классъ“. Онъ видѣлъ, что Адель проглотила Фердинанда! конченъ балъ!

И вотъ, какъ то бывало ежегодно въ юнѣ мѣсяцѣ, Ренкенъ рѣшился съѣздить на нѣсколько дней въ Мерсбургъ. Притомъ, со дня выставки, онъ испытывалъ сильнѣйшее желаніе видѣть мужа и жену. Тутъ ему представлялся случай убѣдиться на дѣлѣ въ справедливости своихъ предположеній.

Когда онъ пришелъ къ Сурди, былъ жаркій полдень и садъ дремалъ въ тѣни деревъ. Все, начиная отъ дома и кончая градами въ цвѣтникахъ, отличалось чистотою, буржуазною правильностью, указывавшею на порядокъ и тишину. Городской шумъ не достигалъ до этого уединеннаго уголка, пчелы жужжали въ розовыхъ кустарникахъ. Служанка сказала посѣтителю, что барыня въ мастерской.

Отворивъ дверь, Ренкенъ увидѣлъ Адель, рисовавшую стоя, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ засталъ ее въ первый разъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но теперь она уже не смутилась. Она слегка вскрикнула, и хотѣла положить палитру. Но Ренкенъ закричалъ:

— Я уйду, если тебѣ нѣшай... Что за чорты! смотрите на меня, какъ на друга. Работай, работай.

Она не стала спорить, какъ женщина, знающая цѣну времени.

— Ну, если вы позволите... Вы знаете, работы—всегда гибель.

Несмотря на свои лѣта, несмотря на постоянно увеличивавшуюся тучность, Адель всегда работала быстро, съ необыкновенною вѣрностью руки и плодovitостью. Ренкенъ съ минуту смотрѣлъ на нее, потомъ спросилъ:

— А Фердинандъ? его нѣтъ дома?

— Да нѣтъ же, онъ здѣсь: вотъ онъ, отвѣчала Адель, указывая кончикомъ кисти на уголокъ мастерской.

Дѣйствительно, Фердинандъ лежалъ тутъ же на диванѣ и спалъ. Голосъ Ренкена разбудилъ его; но онъ не узнавалъ живописца, съ трудомъ собираясь съ мыслями.

— Ахъ, это вы... Какой пріятный сюрпризъ,—сказалъ онъ наконецъ.

И слабо пожалъ его руку, съ усиленіемъ приподнимался на своемъ ложѣ. Наканунѣ жена поймала его въ обычной шалости, такъ что теперь онъ былъ очень смирень, съ смущеннымъ лицомъ, не зная, какъ заслужить ея помилованіе. Ренкенъ не ожидалъ найти его такимъ истощеннымъ и раздавленнымъ. На этотъ разъ паденіе было полное, и онъ почувствовалъ сильную жалость къ бѣдному человѣку.

Желая видѣть, не удастся ли ему возбудить въ немъ хоть немного прежняго огня, Ренкенъ разсказалъ ему объ успѣхѣ „Класса“ на послѣдней выставкѣ.

— А, мой милый, вы все еще волнуете толпу... О васъ говорятъ не меньше, чѣмъ въ началѣ.

Фердинандъ туло посмотрѣлъ на него. Потомъ, чтобы сказать что-нибудь, промолвилъ:

— Да, знаю, Адель читала мнѣ журналы. Моя картина очень удачна, не правда ли? О! я работаю, я много работаю. Но, увиравъ васъ, она сильнѣе меня, она чертовски сильна въ живописи.

И онъ подмигнулъ глазомъ, указывая съ слабой улыбкой на жену. Та подошла, пожимая плечами, съ видомъ доброй женщины, и говоря:

— Не слушайте его. Вѣдь вы знаете его конекъ. Повѣрить ему, такъ я, пожалуй, окажусь великимъ художникомъ. Я помогаю ему и притомъ очень плохо. Впрочемъ, пусть его забавляется.

Ренкенъ молча слѣдилъ за этой комедіей, которую они разыгрывали другъ передъ другомъ, безъ сомнѣнія искренно. Онъ вполне сознавалъ, что Фердинандъ—чистый нуль въ этой мастерской. Онъ пересталъ даже рисовать эскизы карандашомъ, не чувствуя болѣе потребности отстаивать свою личность, хотя бы посредствомъ грубой лжи; онъ довольствовался ролью мужа. Сюжетъ изобрѣтала, набрасывала эскизъ и писала Адель, не спрашивая даже совѣтовъ у мужа; она до такой степени вошла въ роль художника, что продолжала ее, и никто бы не могъ указать того момента, когда совершился окончательный переломъ. Теперь она работала одна—и въ этой женской индивидуальности сказывался лишь слабый отпечатокъ прежней мужской индивидуальности.

Фердинандъ зѣвалъ.

— Вы останетесь обѣдать, не правда ли?—сказалъ онъ.—О! я до смерти усталъ... Понимаете вы это, Ренкенъ? я ничего не дѣлаю, а устаю до смерти.

— Онъ ничего не дѣлаетъ, только работаетъ цѣлый день,—сказала Адель.—Онъ никогда не хочетъ меня послушать—и хорошенько отдохнуть.

— Это правда,—возразилъ Фердинандъ,—отдыхъ дѣлаетъ меня больнымъ, мнѣ необходимо работать.

Онъ всталъ, потомъ сѣлъ за маленькій столикъ, на которомъ нѣкогда его жена рисовала акварели. И принялся разсматривать листокъ бумаги, на которомъ были набросаны первые тоны акварели. Это былъ обыкновенный пансіонскій рисунокъ: ручеекъ, на немъ мельница, возлѣ группа тополей и старая ива. Ренкенъ, наклонившійся

за его синной, разсмѣялся надъ дѣтской неумѣlostью рисунка и красокъ, надъ этой почти комической пачкотней.

— Какъ... пошло, — чуть не сказалъ онъ.

Но замолчалъ, замѣтивъ упорный взглядъ Адели. Твердою рукою, безъ мушталеа, она набрасывала эскизъ дерева.

— Не правда ли, красиво? —нисходятельно сказалъ Фердинандъ, продолжая разсматривать листокъ съ видомъ благоразумнаго мальчика. — О! вы знаете, я дѣлаю только этюды.

Ренеъ былъ пораженъ. Теперь... Фердинандъ рисовалъ акварели.

Эмиль Зола.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Нѣсколько вопросовъ

по поводу разсужденій о нашемъ „третьемъ сословіи“.

Въ прошедшемъ году, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ помѣщена была статья о нарождающемся у насъ третьемъ сословіи, въ смыслѣ „tiers-état“, — подъ заглавіемъ: „Новые всходы“. Въ ней не было ничего особенно новаго, но тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ вниманія, такъ-какъ въ ней затрогивались своеобразно многіе весьма спорные пункты относительно предмета, который остается далеко еще не разъясненнымъ для массы читающей публики.

Авторъ начинаетъ статью заявленіемъ, что собирается писать о вопросѣ довольно „щекотливомъ“, потому-что о людяхъ, выдѣляющихся у насъ въ „третье сословіе“, онъ не можетъ сказать ничего хорошаго, а это составляетъ, по его мнѣнію, литературное преступленіе, чуть ли даже не измѣну. Страхъ быть обвиненнымъ въ такой измѣнѣ увеличиваетъ, по словамъ автора, ряды защитниковъ народа, которыхъ въ послѣднее время развелось множество. Въ этихъ рядахъ авторъ различаетъ: а) писателей, основательно знающихъ крестьянство и сознающихъ причинную связь его нравственности съ бѣдностію; б) людей, притворяющихся, что любятъ народъ, какъ плоть отъ плоти своей, и в) развратниковъ изъ дворянъ, лакеевъ, молодого купечества, укутывающихъ деревнѣ ножи, дѣлающихъ ей глазки и дающихъ ей отвратительные любовные щипки“.

Перехода къ исторіи образованія третьяго сословія въ Европѣ, авторъ видитъ его зародыши въ городахъ, въ которыхъ крестьянство укрывалось отъ феодализма.

Въ Россіи же, напротивъ, третье сословіе начинается прямо съ деревни.

Это отличіе въ происхожденіи у насъ третьяго сословія авторъ объясняетъ тѣмъ, что въ Россіи крестьянство преобладаетъ надъ прочими сословіями, численность которыхъ авторъ опредѣляетъ 8-ю милліонами. Поэтому въ Россіи крестьянство держится земли.

Несмотря на это, земельная крестьянская община у насъ находится, по мнѣнію автора, въ бѣдственномъ положеніи. „Возрастающее малоземелье, уменьшеніе плодородія земли, податныя тягости, скудость, или отсутствіе промысловъ и заработковъ тяжело дѣйствуютъ на общину, такъ что крестьянство цѣлыми деревнями уходитъ изъ нея далеко на заработки, оставляя дома только женъ и дѣтей. Такимъ образомъ, пустуютъ цѣлыя деревни, а изъ нѣкоторыхъ мѣстностей крестьянство совсѣмъ бѣжитъ неизвѣстно куда“.

Къ вліяніямъ, разрушительно дѣйствующимъ на земельную общину, авторъ причисляетъ усилія *вожаковъ мѣщанской партіи*. Понимая, что „народное землевладѣніе есть главный стратегическій пунктъ, главный ключъ крестьянской позиціи, вожди мѣщанства поэтому и направляютъ противъ него все свое искусство, всѣ свои силы. Отсюда выходятъ проекты всесословной волости, имѣвшій въ виду создать суррогатъ патримоніальной власти и суда, отсюда проекты крестьянскихъ майоратовъ, отсюда нападки на общину, старанія отрѣзать земледѣльца отъ земли, во имя раціональной агрономіи, *промышленности, національнаго прогресса и славы*“. Видя крушеніе своихъ проектовъ, люди, заинтересованные въ водвореніи буржуазіи, не останавливаются на этомъ: они твердятъ крестьянамъ, что виновата во всемъ община, круговая порука, передѣлъ полей, мірскіе порядки, потворствующіе дѣтямъ и пьянцамъ; они устраиваютъ для достаточныхъ крестьянъ ссудо-сберегательныя товарищества и хлопочутъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ, для участковаго землевладѣнія; они устраиваютъ въ городахъ техническія и разныя другія училища, въ которыхъ опять-таки попадаютъ дѣти достаточныхъ людей, тогда какъ масса остается безъ школы; они помогаютъ богатымъ крестьянамъ улучшать скотъ выставками, преміями, племенными производителями“.

„Подъ вліяніемъ этихъ тяжелыхъ условій жизни,—продолжаетъ авторъ,—изъ крестьянства выдѣляется особый классъ людей, *молодая буржуазія*, которая стремится покупать земли на сторонѣ, въ одиночку, стремится къ другимъ занятіямъ, торговлѣ, ростовщичеству,

составленію рабочихъ артелей, съ собою во главѣ, полученію разныхъ подрядовъ и тому подобнымъ мелкимъ аферамъ”.

По вычисленіямъ автора, число частныхъ землевладѣльцевъ въ 41 губерніи увеличилось болѣе чѣмъ вътрое, а именно до 210,000, главный контингентъ которыхъ состоитъ изъ мелкихъ собственниковъ, имѣющихъ среднимъ числомъ по 19 десятинъ на лицо. Это-то и есть наша молодая сельская буржуазія, непосредственно примыкающая и соединяющаяся съ мелкимъ дворянствомъ.

Въ деревнѣ къ возрастающей буржуазіи авторъ причисляетъ разнообразныя виды прежнихъ кулаковъ, купцовъ, кабатчиковъ, подрядчиковъ, закладчиковъ: „Почти въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ есть одинъ, или нѣсколько такихъ эксплуататоровъ. Крестьянство смотритъ на нихъ какъ на людей умныхъ и отдаетъ имъ даже дѣтей въ науку”.

Въ городахъ представителями третьяго сословія являются, по мнѣнію автора, приказчики, конторщики, мелочные торговцы, разносчики, разнообразные подрядчики (штукатуры, плотники, жеманщики), кондукторы, старшіе дворники, городовые, биржевые артельщики, содержатели перевозовъ, съѣстныхъ и питейныхъ дворовъ, хозяева различныхъ мастерскихъ, фабричныхъ мастеровъ и т. д. „Все это настоящая молодая буржуазія со всѣми характерными ея признаками. Кодексъ ея морали здѣсь также не широкъ: вся дѣятельность основана на эксплуатаціи труда, и жизненная задача заключается въ приобрѣтеніи капитала или капиталца и тупоумнаго времяпрепровожденія. Стремленія къ образованію и умственной жизни вообще имъ никакого”. „Надъ учеными они искренно смѣются, какъ надъ бѣлыми дворянами. Если они отдаютъ дѣтей въ школы, то только для того, чтобы выучить ихъ считать по счетамъ и читать наизусть. Помѣщики имъ покровительствуютъ и встрѣчаютъ ихъ съ радостію, земскіе люди выдаютъ имъ громадные страховые преміи, народныя учителя пишутъ имъ клаузы, духовенство дѣлаетъ визиты”. „Я знаю,—продолжаетъ авторъ,—что многіе радуются на этихъ людей, видятъ въ нихъ умъ, энергію и предприимчивость, считаютъ ихъ элементами наиболѣе прогрессивными изъ народа, видятъ въ нихъ прямой, естественный шагъ отечественной цивилизаціи, неровности которой сгладятся со временемъ. О, я давно знаю,—продолжаетъ авторъ,—что у насъ создавалась высшая буржуазія изъ людей образованныхъ, купечества и дворянства, либо не выдержавшаго кризиса 1861 г. и опустившагося, либо окваченнаго духомъ времени; знаю, что буржуазія эта образовала уже кадры третьяго сословія, и что ей недостаетъ только именно такихъ элементовъ изъ народа, безъ которыхъ она ничего подѣлать не можетъ и которые ей потому и нравятся.

Я знаю, что многіе потомки древнихъ родовъ занялись уже выкуреніемъ и кабаками, желѣзнодорожными концессіями, засѣли въ правленіяхъ акціонерныхъ банковъ и поютъ теперь новыя пѣсни⁴.

Изобразивъ необычайный ростъ и вредныя свойства молодой буржуазіи, авторъ останавливается на средствахъ, чтобы помочь злу или совсѣмъ подавить его.

„Для нихъ не сочинишь, конечно, особаго уголовного кодекса, в не придумаешь особой педагогикѣ. Не дѣйствовать ли на нихъ презрѣніемъ? Но кто будетъ презирать ихъ, и не презираютъ ли она уже раньше тѣхъ, кто могъ бы ихъ презирать?“

Порядокъ, по мнѣнію автора, могъ бы быть восстановленъ посредствомъ прочнаго водворенія и преобладанія земельной общины. Такъ по крайней мѣрѣ я заключаю изъ слѣдующихъ словъ статьи:

„Должны быть немедленно приняты мѣры въ огражденію деревни отъ хищничества, къ огражденію нашей общины, какъ *формы общаго житія, помогающей нравственному несовершенству человеческой природы. Община разъ навсегда должна быть обезпечена*, но и этого мало: община, при настоящихъ экономическихъ ея условіяхъ, существовать не можетъ, а потому нужны мѣры въ *расширенію крестьянскаго землевладенія*. Средства эти не новы, конечно, но дѣло въ томъ, что это единственное въ своемъ родѣ *средство*“ (стр. 151 и 152).

Въ настоящую же минуту мы видимъ повсюду нашествіе: въ селеніяхъ—кулаковъ, ростовщиковъ, кабатчиковъ, мелкихъ землевладельцевъ и друг.; въ городахъ—приказчиковъ, конторщиковъ, мелочныхъ торговцевъ, подрядчиковъ, артельщиковъ, старшихъ дворниковъ, кондукторовъ и т. д. Всѣ эти господа безпощадно эксплуатируютъ крестьянство и, при участіи вожаковъ мелкой буржуазіи, вынуждаютъ его бросать деревни и землю.

Мѣры, которыя могли бы быть приняты противъ такого злообразованія, просвѣщеніе, смягченіе нравовъ, авторъ признаетъ недостаточными. „Ожидать умственного развитія эксплуатирующихъ и улучшенія общественнаго мнѣнія не возможно,—говоритъ авторъ,—ни съ точки зрѣнія справедливости, ни съ точки зрѣнія нравственной и политической, на которую должно ставиться государство“.

Но самую настоятельную и дѣйствительною мѣрою представляется, по мнѣнію автора, совершенное упраздненіе историческаго появленія и развитія буржуазіи, и прямой переходъ общества на слѣдующую ступень его развитія.

Предметы, которыхъ касается авторъ, дѣйствительно весьма важны, хотя едва ли ихъ можно назвать „щекотливыми“. Давно уже говорится о вредномъ вліяніи кулаковъ на деревни и города, и всѣ въ

этомъ отношеніи согласны съ авторомъ. Не менѣе говорено и говорится похвального деревнѣ, крестьянству, и все это не выходитъ изъ предѣловъ разсужденій, чистой теоріи. Дальнѣйшее, болѣе полное, обстоятельное и всестороннее обсужденіе этихъ предметовъ въ области теоріи не можетъ и не должно казаться щекотливымъ, вреднымъ и потому опаснымъ. Не выяснятся ли отъ того эти предметы еще болѣе? Не измѣнятся ли положенія, не устранятся ли совсѣмъ нѣкоторые изъ нихъ, уступая мѣсто другимъ, какъ болѣе доказаннымъ, выработаннымъ, не войдутъ ли они тогда прочтѣе въ сознаніе публики, а потомъ массы? Вспомнимъ судьбу у насъ славянофильскихъ ученій. Послѣ того, какъ они перестали скрываться подъ заманчивыми покровами запрета и тайны, послѣ открытаго, всесторонняго обсужденія ихъ въ печати, вспомнимъ съ благодарностію о томъ, что отъ нихъ осталось прочнаго, и забудемъ о томъ, что вовсе отпало.

На этомъ основаніи я прошу позволенія изложить возникающіе въ умѣ практическаго человѣка недоумѣнія и вопросы, по мѣрѣ его знакомства съ положеніями автора приводимой статьи. Можетъ быть, нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ покажутся простодушными, но зато другіе, быть можетъ, вызовутъ замѣчанія людей, болѣе компетентныхъ и способныхъ. Изъ столкновенія мнѣній возникаетъ истина. А ее одну только и нужно.

Дѣйствительно ли все наше крестьянство такъ *держится земли и любитъ ее*, какъ полагаетъ авторъ?

Не оставляетъ ли землю большинство нашихъ крестьянъ съ радостію, когда представится къ тому возможность?

Возможно ли крестьянамъ нашей средней полосы упорно держаться земли, даже если ее у нихъ достаточно, когда они могутъ заниматься ею только нѣсколько мѣсяцевъ въ году, требующихъ усиленной работы (страдная пора), и когда остальные мѣсяцы они должны заниматься чѣмъ-нибудь другимъ?

Не существуютъ ли у насъ цѣлые уѣзды и даже губерніи, въ которыхъ недостатка земли нѣтъ, гдѣ крестьяне, способные къ труду, вовсе не живутъ и не любятъ жить, а приходятъ только на побывку, а женщины, старики и дѣти остаются въ деревнѣ, при землѣ, потому, что жить тамъ удобнѣе и дешевле?

Дѣйствительно ли крестьянская земельная община представляетъ *стратегическій пунктъ, главный ключъ крестьянской позиціи*, и дѣйствительно ли крестьянство, будучи выбито изъ общины, не сможетъ удержаться на землѣ?

Дѣйствительно ли всѣ вожаки мѣщанства найдутъ выгоду въ отрѣшеніи крестьянъ отъ земли?

Не составляет ли это отръшеніе желанія только немногихъ землевладѣльцевъ, и притомъ тамъ, гдѣ имъ трудно находить рабочихъ для своихъ полей?

Какую пользу могутъ принести желающіе мѣщанства, даже и землевладѣльцамъ, нуждающимся въ рабочихъ, ссудосберегательныя товарищества, кредитъ для мелкихъ землевладѣльцевъ, ремесленные училища, улучшеніе породъ скота, хотя бы для однихъ достаточныхъ крестьянъ? Не привелись ли бы оттого постепенно и скорѣе всѣ эти улучшения и къ бѣднымъ крестьянамъ, для массы которыхъ введеніе ихъ повсемѣстно и одновременно вдругъ представляется невысказаннымъ?

Неужели полезнѣе было бы для большинства общинниковъ, если бы этихъ улучшеній совсѣмъ не вводить до тѣхъ поръ, пока найдено будетъ возможнымъ ввести ихъ повсемѣстно и одновременно?

Отъ чего служить гарантіею община: отъ удаленія крестьянъ отъ земли, или для удержанія при ней насильно?

Вездѣ ли обремененіе податями происходитъ въ общинѣ отъ несообразности ихъ съ доходами земли?

Причинная связь бѣдности и нравственности въ общинахъ должна быть обсуждена внимательно, для того чтобы опредѣлить: производить ли бѣдность дурную нравственность, или наоборотъ?

Не существуетъ ли между крестьянствомъ еще другой причины, обусловливающей и бѣдность, и дурную нравственность?

Должно ли оплакивать увеличеніе у насъ числа мелкихъ землевладѣльцевъ? Не представляютъ ли они крестьянамъ средства для заработковъ, недостающихъ въ ихъ общинѣ? Если поставить общину въ такое положеніе, чтобы члены ея, даже неумѣлые, неспособные къ земледѣльческимъ работамъ, или не любящіе и не желающіе ихъ, не нуждались въ заработкахъ, то что дѣлать съ этими членами?

Если мелкихъ земельныхъ собственниковъ, которыхъ авторъ насчитываетъ до 210,000, поставить въ такія неблагопріятныя условія, что они принуждены будутъ бросить свою землю,—не будетъ ли это, разъ собственники эти существуютъ въ такомъ числѣ, сопряжено съ сильнымъ экономическимъ потрясеніемъ?

Вообще, возможно ли, полезно ли, справедливо ли совершать такую насильственную операцію въ пользу земельной общины, возможность противѣтанія которой практически еще не доказана?

Вспомнивъ сочувствуя автору въ указаніяхъ его на глубокой развратъ и вредъ, производимый хищническими инстинктами грубыхъ, невежественныхъ эксплуататоровъ, выдѣлившихся изъ сельской общины, я спрошу: неужели законодательство и государство ничего не могутъ предпринять и сдѣлать противъ этого зла, кромѣ упраздненія исто-

рической ступени, чрезъ которую до сихъ поръ проходили всѣ общества, и средствъ, какія онъ предлагаетъ къ этому, кромѣ одного насилія?

Неужели законодательству и государству не поставлены уже существенныя для него и важнѣйшія задачи, состоящія въ урегулированіи отношеній между капиталомъ и трудомъ—задачи, надъ рѣшеніемъ которыхъ размышляютъ и трудятся теперь лучшіе умы нашего времени?

Въ чемъ именно ошибаются тѣ, которые видятъ въ тѣхъ, кого авторъ считаетъ представителями буржуазіи, энергію, предпримчивость, и вообще представителей въ народѣ прогрессивнаго элемента, естественный ходъ цивилизаціи? Можно ли, должно ли упразднить въ народѣ прогрессивный элементъ и какими средствами?

Если всѣ эти эксплуататоры, вмѣсто того, чтобы заслуживать вездѣ презрѣніе, встрѣчаютъ радостный приѣмъ, услуги и почетъ, даже между людьми, образовательный уровень которыхъ выше крестьянскаго и ихъ уровня, то не существуетъ ли между ними, земельною общиною и прочими сословіями какой-нибудь особой причинной связи? Если рубль, эта капиталистическая луна, какъ выражается авторъ, выплываетъ на первый планъ деревенскаго ландшафта, если на него обращаются всѣ взоры, помыслы и душевныя силы, если онъ становится мѣриломъ способностей личности, то не стоитъ ли миллионъ такихъ же лунъ на первомъ планѣ городского вида и не обращаются ли къ нему всѣ помыслы, не становится ли онъ цѣлю жизни въ городѣ и мѣриломъ способностей каждой личности?

Какая этому причина, кого винить, чѣмъ помочь, или предупредить въ будущемъ?

Не будетъ ли эксплуатация возникать, измѣняясь въ формахъ и свойствахъ, до тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться неравенство между людьми въ той или другой средѣ, въ той или другой формѣ, и не присуще ли неравенство всему человѣчеству?

Если указываемыя авторомъ мѣры, какъ ни мало, образованіе, по его мнѣнію, не гарантируютъ человѣка отъ хищныхъ инстинктовъ, то осуществимы ли и достаточны ли другія, предлагаемыя авторомъ и еще никѣмъ и нигдѣ не испытанныя средства?

Если же принять предлагаемыя авторомъ единственныя, по его мнѣнію, дѣйствительныя средства, состоящія въ огражденіи и обезпеченіи навсегда земельной общины и расширеніи крестьянскаго землевладѣнія,—то возникаетъ еще слѣдующій рядъ вопросовъ:

Предположимъ, что крестьянское землевладѣніе получило полное, желаемое авторомъ распространеніе, что крестьянамъ перешли земли всѣхъ 210,000 собственниковъ, что единственнымъ хозяиномъ въ Россіи

земли остались одни крестьянскіе общины, что, кромѣ того, крестьяне получаютъ всѣмъ имъ доступныя школы съ лучшими народными учителями, можно ли и должно ли тогда запретить выходъ изъ общины тѣмъ неумѣлымъ, слабымъ и получившимъ другіе вкусы, потребности и наклонности, кромѣ земледѣлія? Должно ли насильно втискивать такихъ въ общину?

Если такъ, то изъ какихъ источниковъ должны образовываться другіе дѣатели, необходимыя для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей общины и общества?

Что касается до обязанности, возлагаемой авторомъ на государство, — миновать для общественнаго развитія ступень образованія третьяго сословія, то и тутъ являются слѣдующіе вопросы:

На какую именно ступень должно вести общество, вмѣсто ступени, соотвѣтствующей развитію третьяго класса?

Должна ли эта ступень представлять усовершенствованную земледѣльческую, или другую общину? Если другую, то какъ къ ней перейти безъ насилій, не принося при этомъ въ жертву значительной части общества, хотя бы 210,000 землевладѣльцевъ? Какими средствами уничтожить неравенство между людьми, не прибѣгая къ прокустову ложу?

Можно ли съ достовѣрностію утверждать, что въ историческомъ развитіи общества не будетъ возникать, въ той или другой формѣ, четвертое, пятое и т. д. сословіе?

Въ заключеніе, да позволено мнѣ будетъ предложить еще послѣдніе вопросы, которые поставятъ, можетъ быть, сущность дѣла въ иномъ видѣ, чѣмъ ставилъ его авторъ статьи:

Можно ли исчисленныхъ авторомъ представителей буржуазіи считать дѣйствительными факторами той исторической ступени, на которую вступаетъ или вступило уже наше общество?

Не представляютъ ли кулаки, кабатчики, подрадчики и другіе только отдѣльныя, временныя явленія, въ слояхъ нашей общины, только признаки временной болѣзни, появленіе которой объясняется патологическимъ состояніемъ всего общества со всѣми его разнообразными факторами, оставленными авторомъ въ сторонѣ?

Не имѣетъ ли каждый слой нашего народа такихъ же вредныхъ осадковъ, или наслоеній, образующихся при патологическомъ состояніи общества въ извѣстный періодъ его развитія, и не имѣющихъ прочной будущности?

Не представляются ли подобными осадками или наслоеніями на сельской общинѣ люди въ родѣ Волкова, о процессѣ котораго разсказываетъ авторъ?

Не представляются ли такими же болѣзненными наростами въ другомъ слое общества Юханцевы, Ландсберги и другіе?

Не является ли дѣйствительнымъ представителемъ и у насъ третьяго сословія возрастающая группа людей интеллигентныхъ, потребности которыхъ составляютъ осуществленіе *правды и порядка*?

Не представляются ли временными болѣзненными наростами въ этой послѣдней группѣ люди, не получившіе окончательнаго умственнаго и нравственнаго развитія, достаточнаго и прочнаго образованія, и поставленные черезъ это въ невозможность принять правильное участіе въ общей работѣ для достиженія мирнымъ путемъ правды и порядка, т. е. болѣе высокой степени общественнаго развитія? Группа, на которой обнаруживаются эти болѣзненные наросты, въ огромномъ большинствѣ своихъ здоровыхъ членовъ, не сознаетъ ли уже размѣръ причиняемаго ей и обществу этимъ наростомъ вреда, и не готова ли она стать на высоту своего положенія и призванія и найти въ себѣ умѣнье, силы и средства для излеченія этой болѣзни, чтобы двинуться потомъ по пути мирнаго прогресса?

Вотъ, цѣлый рядъ вопросовъ, которые требуютъ, по нашему мнѣнію, всесторонняго и самаго безпристрастнаго изученія и оцѣнки со стороны каждаго, кто хотѣлъ бы намъ дать дѣйствительную картину „новыхъ всходовъ“, разобраться въ нарождающемся постепенно новомъ порядкѣ вещей и идей, не разсѣкая Гордіева узла и не задаваясь тщетною мыслію отыскать падающую въ чемъ-нибудь одною для излеченія многообразныхъ общественныхъ недуговъ.

А. К.

Отъ Редакціи. — Настоящее письмо, съ которымъ обратился къ намъ г. А. К., есть собственно программа тѣхъ частныхъ вопросовъ, которые, по его мнѣнію, требуютъ предварительнаго обстоятельнаго и всесторонняго изученія, прежде чѣмъ было бы можно рѣшать вопросъ, общій, и вмѣстѣ теоретическій—о пользѣ или вредѣ такъ-называемаго „средняго сословія“ и о желательности его или нежелательности въ исторической судьбѣ обществъ. Но въ то время, когда мы печатали письмо г. А. К., въ новой газетѣ „Берегъ“ (№ 4) появилась передовая статья, поставившая этотъ же вопросъ о „третьемъ сословіи“ въ Россіи и тутъ же рѣшившая, что его въ Россіи нѣтъ, что оно однако необходимо, такъ какъ безъ него не существуетъ переходныхъ „ступеней отъ одного класса къ другому“, какія мы видимъ въ Западной Европѣ, и какихъ мы, дѣйствительно, не видимъ въ восточныхъ государствахъ; что, наконецъ, средство къ основанію у насъ „третьяго сословія“ весьма простое—но „крайне трудное“—а именно произвести въ среднее сословіе „11 милліоновъ нашихъ раскольниковъ“ какъ-бы въ награду за то, что они, „несмотря на суровую разносторонность мѣръ—умѣли завоевать себѣ экономическое благосостояніе и въ то же время воспитать и поддержать въ себѣ духовную самодѣятельность“, и вообще за то, что они „во многомъ напоминаютъ тѣ

черты, которыми отличается буржуазія; начать хотя бы съ того, что экономическая подкладка этого быта создана неутомимымъ трудомъ и желѣзной энергіей личной инициативы, борющейся съ цѣлымъ рядомъ искусственно поставленныхъ помѣхъ;... далѣе, интеллектуальные интересы очень оживлены среди раскольниковъ;... семейный бытъ раскольниковъ и подавно крѣпокъ;... далѣе, продолжительная необходимость—укрываться и защищаться общими силами,—развила въ раскольникахъ до высокой степени чувство корпоративности, такъ-сказать, инстинктъ общаго интереса, общаго дѣла..." Однимъ словомъ, наши раскольники приобрѣли всѣ свойства, какія обыкновенно развиваются въ преслѣдуемыхъ, и, по словамъ газеты, „этотъ готовый (для образованія средняго сословія) матеріалъ, въ высшей степени упругій и прочный, нуждается лишь въ одномъ:—въ государственнo-юридическомъ признаніи его существованія—возможности занять свое нормальное существованіе". Но между послѣднимъ положеніемъ газеты, противъ котораго никто не споритъ, и ея мыслью пожаловать раскольниковъ въ „среднее сословіе"—цѣлая бездна. Самая возможность такого предложенія служить только доказательствомъ того, что у насъ съ одной стороны живы преданія старины, а съ другой—понятія о среднемъ сословіи очень шатки и неопредѣленны. Было время, когда у насъ, замѣтивъ малочисленность городовъ, жаловали сѣла въ города, какъ жалуютъ изъ титулярныхъ въ коллежскіе ассессоры, хотя, по правдѣ сказать, многія изъ этихъ пожалованныхъ селъ и до сихъ поръ еще не стали городами, — и вотъ теперь пускается въ ходъ подобная же мысль о пожалованіи цѣлаго класса людей въ „среднее сословіе". Въ западной Европѣ „среднее сословіе" явилось результатомъ болѣе широкаго развитія политической жизни, и дѣйствительно, среднее сословіе и складывается только тамъ, гдѣ оно приобрѣтало себѣ политическія права. Объ искусствѣ созданія средняго сословія никто, нигдѣ и никогда не думалъ, — да и думать объ этомъ было бы невозможно и напрасно. Среднее сословіе свободно и естественно выдѣляется изъ всей массы народа путемъ развитія промысловъ, искусствъ, наукъ, и окончательно формируется подъ вліяніемъ вышеуказаннаго условія, или остается въ зачаточномъ состояніи тамъ, гдѣ оно не встрѣчаетъ такого условія. Мы привели нѣсколько фантастическій проектъ „Берега", какъ доказательство того, что вопросъ о „среднемъ сословіи" не перестаетъ интересовать наше общественное мнѣніе, а также и того, что этотъ вопросъ у насъ разработанъ весьма мало, а потому легко поддается всяческимъ, внезапнымъ и скоропостижнымъ рѣшеніямъ ¹⁾.

¹⁾ Кстати здѣсь сдѣлать ссылку на 504 и 505 страницы этой же книги нашего журнала, гдѣ приводится письмо В. П. Воткина къ П. В. Анненкову, писанное въ 1847 г. и касающееся того же предмета, которое записываетъ и автора настоящаго письма къ намъ. Объ этомъ вопросѣ, какъ видно, спорили не мало и „лири сороковыхъ годовъ".

ИЗВѢСТІЯ

ОТЧЕТЪ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОВІИ НУЖДАЮЩИХСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНИМЪ, ЗА 1879 ГОДЪ.

I. Личный составъ.—Къ 1-му января 1879 года числилось въ обществѣ 585 членовъ. Въ теченіи 1879 г. избрано вновь 103. Исключено изъ списка: умершихъ членовъ общества десять; сложившихъ съ себя званіе членовъ общества 3. А всего, за исключеніемъ 13-ти лицъ и поступленіемъ вновь 103, къ 1-му января числилось въ спискѣ 675 лицъ, т.-е. болѣе противъ прошлаго года на 90.

Для замѣщенія 4-хъ открывающихся вакансій на 1880 г., комитетъ избралъ слѣдующихъ лицъ: Н. В. Гербеля, Д. В. Григоровича, А. А. Потѣхина, М. Е. Салтыкова, М. И. Сомовскаго, К. М. Станюковича, И. Р. Тарханова и И. С. Тургенева.

Общихъ собраній въ 1879 г. было четыре: одно годовое (2-го февраля) и три обыкновенныхъ (8-го апрѣля, 7-го октября и 30-го декабря). 30-го декабря, вслѣдъ за обыкновеннымъ общимъ собраніемъ было открыто чрезвычайное, для обсужденія замѣчаній министра народнаго просвѣщенія на проектъ устава ссудо-сберегательной кассы при обществѣ и записки, составленной Е. П. Карновичемъ, о мѣрахъ для пріисканія занятій переводчикамъ.

Комитетъ имѣлъ 25 засѣданій.

II. Занятія членовъ общества.—На общихъ собраніяхъ присутствовало: 2-го февраля 28 членовъ; 8-го апрѣля 25; 7-го октября 19; 30-го декабря 25 членовъ. Редакціи „Отечественныхъ Записокъ“, „Вѣстника Европы“, „Недѣли“, „Голоса“, „Молвы“ и „Русскихъ Вѣдомостей“ печатали извлеченія изъ журналовъ комитета и общихъ собраній и годовыхъ отчетовъ секретаря и казначея. Редакціи „Голоса“, „Новаго Времени“ и „Молвы“, кромѣ того, помѣщали въ своихъ изданіяхъ приглашенія членовъ общества въ общія собранія и объявленія о публичныхъ чтеніяхъ въ пользу общества. Редакція „Донской Газеты“ (нынѣ прекратившейся) напечатала уставъ общества. Редакція газеты „Сибирь“ выразила готовность содѣйствовать цѣлямъ общества. Редакція „Критическаго Обзорнія“ изъявила согласіе печатать годовые отчеты вполнѣ или въ извлеченіи. Типографія М. М. Стасюлевича бесплатно напечатала отчетъ общества за 1878—79 годъ. Кромѣ того, многіе члены общества, вмѣстѣ съ нѣкоторыми посторонними лицами, способствовали успѣху данныхъ въ пользу общества публичныхъ чтеній и спектаклей, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Въ общемъ собраніи 30-го декабря членами ревизіонной комиссіи для обрѣвизованія отчетовъ и дѣятельности комитета избраны по большинству голосовъ: Н. С. Тятанцевъ, А. А. Потѣхинъ, О. Θ. Миллеръ, К. М. Станюковичъ, В. А. Полетика, Г. К. Градовскій и М. Е. Салтыковъ.

III. ЗАНЯТІЯ КОМИТЕТА: А. ДЕНЕЖНЫЯ ПОСОБІЯ.

1) Пенсіи.—По назначеніямъ прежнихъ лѣтъ, пенсіи производились 12-ти лицамъ по 300 руб. (въ томъ числѣ Дружининская), тремъ по 240 руб., одному 210, одному 200, двумъ по 180, тремъ по 150 и пяти по 120 руб. въ годъ. Всего въ теченіи 1879 года пенсіонеровъ общества было 27, а сумма получаемыхъ ими пенсій составляла 6,140 руб. въ годъ. Но въ теченіи года одна изъ пенсіонерокъ, именно г-жа Дубенская, получавшая Дружининскую пенсію, умерла, вслѣдствіе чего пенсія за послѣднюю треть, уже отправленная къ ней, была возвращена. Затѣмъ одному лицу, получавшему пенсію въ размѣрѣ 180 руб., она увеличена на будущее время до 300 руб.

2) На воспитаніе и ученіе.—По назначенію прежнихъ лѣтъ было выдано шести лицамъ или семействамъ пособій на сумму 738 руб. Въ отчетномъ году возобновлены, продолжены и вновь назначены слѣдующія пособія. За обученіе въ школѣ кройки и шитья дочери писателя, которую, по ея неподготовленности, комитету не удалось помѣстить въ гимназію г-жи Слѣшневой, 150 р.; на воспитаніе дѣтей престарѣлаго и больного писателя 240 р., за обученіе дочери писательницы въ гимназіи 30 р. и за право слушанія ею же лекцій на высшихъ женскихъ курсахъ 25 р.; на воспитаніе дѣтей умершаго писателя продолжено пособіе по 15 р. въ мѣсяцъ; на воспитаніе дѣтей умершаго профессора одновременно 80 р.; на воспитаніе дѣтей писателя 56 р.; на обученіе и воспитаніе сына умершаго писателя 92 р.; на воспитаніе дочери умершаго писателя продолжено на годъ пособіе въ 120 р.; на воспитаніе приемыша умершаго писателя продолжено такое же пособіе въ 120 р. на одинъ годъ; на воспитаніе сына переводчицы и учительницы 60 р.; на мелкіе расходы по воспитанію сына умершаго писателя 18 р. 45 к.; на воспитаніе сына писательницы 100 р., на воспитаніе дѣтей умершаго писателя получаемое ими пособіе въ 120 р. въ годъ увеличено до 180; на воспитаніе дочери умершаго писателя 50 р. въ годъ на 3½ года. Стипендіатами общества въ петербургскомъ университетѣ назначены студенты перваго курса: Дьяконовъ, Антушевичъ, Сергіевскій и Висоцкій; стипендія имени В. Θ. Корша предоставлена студенту 2-го курса Машуркѣ.

3) Продолжительныя и смѣшанныя пособія.—Вдовѣ писателя назначено по 20 р. въ мѣсяцъ на одинъ годъ; больному писателю назначено 100 р. одновременно и затѣмъ по 50 р. въ мѣсяцъ въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ; вдовѣ писателя продолжено на одинъ годъ пособіе по 15 р. въ мѣсяцъ; больному писателю по 20 р. въ мѣсяцъ на полгода; женѣ писателя 100 р. одновременно и по 10 р. въ мѣсяцъ въ теченіи года.

4) Единовременныя пособія—выданы въ теченіи года 54 раза, всего на сумму 3550 р., въ томъ числѣ: 200 р. одинъ разъ; по 150 р. три раза; по 100 р. тринадцать разъ; по 75 р. три раза; по 60 р. два раза; по 50 р. девятнадцать разъ; 40 р. одинъ разъ; 30 р. одинъ разъ; по 25 р. восемь разъ; 15 р. одинъ разъ; по 10 р. два раза. Въ числѣ этихъ пособій нѣкоторые имѣли спеціальное назначеніе. Такъ, одно изъ пособій въ 50 р. распадается на двѣ части: поло-

вина была выдана просителю, а другая половина внесена въ университетъ за право слушанія лекцій. Въ составъ одного пособия въ 100 р. и одного въ 150 входятъ по 50 р., ассигнованныхъ на похороны. 15 р. выдано на похороны дочери писателя. По поводу этого послѣдняго назначенія и двухъ другихъ еще болѣе мелкихъ выдачъ (по 10 р.) комитетъ считаетъ нужнымъ объяснить, что они только повидимому противорѣчатъ постоянному стремленію комитета оказывать нуждающимся литераторамъ и ученымъ дѣйствительную помощь, насколько это дозволяется средствами общества. Подобныя мелкія выдачи, при всемъ желаніи комитета избѣжать ихъ, обуславливаются иногда точными указаніями самихъ просителей. Такъ именно было въ дѣлѣ назначенія пособия въ 15 р. и одного изъ пособій въ 10 р. При томъ же лицо, получившее пособие въ 15 р. на похороны дочери, пользовалось и пользуется другими видами помощи со стороны нашего общества. Что касается другого пособия въ 10 р., то хотя лицо, получившее его, просило больше, но комитетъ назначилъ ему 10 р. собственно на проѣздъ въ недалеую провинцію, откуда оно пріѣхало, по его словамъ, для представленія просьбы. Такимъ образомъ, ходатайство его надо, собственно говоря, считать отклоненнымъ. Въ безсрочную ссуду, равносильную, по правиламъ о ссудахъ, безвозвратному пособию, выдано всего 1610 р.; въ томъ числѣ одинъ разъ 300 р., два раза по 200 р., одинъ разъ 150 р., пять разъ по 100 р., два раза по 60 р., два раза по 50 р., одинъ разъ 25 р. и одинъ разъ 15 р. Всего же назначено въ единовременное пособие и въ безсрочную ссуду 66-ти лицамъ и семьямъ 5,160 р., причемъ двумъ лицамъ назначены упомянутыя виды пособія по два раза и одному три раза.

5) Ссуды (срочныя).—Всего въ ссуду выдано въ теченіи 1879 г. девяти лицамъ 2,348 р., въ томъ числѣ: одному лицу 600 р., тремъ по 300 р., двумъ по 200 р., двумъ по 150 р. и одному 148 р.

Б. Неденежныя пособія.—Комитетъ неоднократно сносился съ редакціями и издателями по просьбамъ сотрудниковъ о посредничествѣ для полученія гонорара. Сношенія эти имѣли слѣдующіе результаты: пять просителей были совершенно удовлетворены; относительно одного комитетъ получилъ обѣщаніе постепенной уплаты гонорара; въ одномъ случаѣ исходъ посредничества былъ рѣшительно неблагопріятный; въ трехъ случаяхъ исходъ остался въ отчетномъ году комитету неизвѣстнымъ. По ходатайству комитета въ истекшемъ году помѣщены въ гимназію г-жи Спѣшиевой на бесплатныя вакансіи три дочери писателей и освобождена отъ платы ученица гимназіи княгини Оболенской, дочь переводчицы. Сверхъ того комитетъ ходатайствовалъ о помѣщеніи въ гимназію княгини Оболенской на одну изъ предоставленныхъ ею комитету бесплатныхъ вакансій дочери умершаго писателя, но воспользовалась ли мать дѣвочки этимъ ходатайствомъ—комитету неизвѣстно. Дочь умершаго писателя помѣщена, по ходатайству комитета, въ Ивановское дѣвичье училище челоѣколюбиваго общества за уменьшенную плату, въ размѣръ получаемого ею отъ нашего общества пособія. Комитетъ хлопоталъ о помѣщеніи малолѣтняго сына умершаго писателя въ пріютъ, но до сихъ поръ дѣло это еще не выяснилось. Въ такомъ же неопре-

дѣленномъ положеніи находится дѣло вдовы писателя, которой, независимо отъ выданнаго ей денежнаго пособія, комитетъ старался оказывать помощь ходатайствомъ о пособіи изъ другихъ источниковъ и помѣщеніи ея сына въ учебное заведеніе. Члены комитета о поступленіи вдовы писателя на женскіе медицинскіе курсы на нѣкоторыхъ льготныхъ условіяхъ оказались безуспѣшными. Независимо отъ назначенія денежнаго пособія въ 60 р. на воспитаніе сына переводчицы и помѣщеніе дочери ея на бесплатную вакансію въ гимназію княгини Оболенской, комитетъ, за смертью самой переводчицы, входилъ въ сношенія съ частными лицами, принимающими участіе въ судьбѣ ея сиротъ, о способахъ ихъ обезпеченія. Но въ настоящее время дальнѣйшая помощь со стороны комитета оказывается излишнею, такъ какъ дѣвочка взята на воспитаніе однимъ изъ членовъ комитета, а воспитаніе мальчика обезпечено частною подпиской. Однимъ изъ членовъ комитета были рассмотрѣны присланныя въ комитетъ двѣ рукописи, одна изъ которыхъ, будучи признана для печати удобною, передана въ редакцію періодическаго изданія. Одному писателю, кромѣ денежнаго пособія, была оказана медицинская помощь и бесплатное леченіе въ водолечебницѣ д-ра Афанасьева. Въ пріютѣ г. Мартынова помѣщены два писателя. Третій, ходатайствовавшій о помѣщеніи его въ тотъ пріютъ, внослѣдствіи, по измѣнившимся обстоятельствамъ, отказался поселиться тамъ, равно какъ и четвертый, которому комитетъ самъ предложилъ одну изъ комнатъ въ домѣ г. Мартынова.

Отклонено комитетомъ въ 1879 г. 64 просьбы 54-хъ лицъ, въ томъ числѣ: 47 просьбъ о пособіи, 8 о ссудѣ, 4 о безсрочной ссудѣ, 2 о присканіи занятій, одна о помѣщеніи въ учебное заведеніе, одна объ отсрочкѣ ссуды и одна о пенсіи.

Подводя итоги своей дѣятельности за истекшій годъ, комитетъ считаетъ долгомъ выразить глубокую благодарность лицамъ, оказавшимъ ему многостороннее содѣйствіе. Принявъ въ руководство заглавія прошлогодней ревизіонной комиссіи, комитетъ постоянно заботился объ увеличеніи средствъ общества, привлеченіи новыхъ членовъ и болѣе широкое ознакомленіи публики съ дѣятельностью общества. Усилія комитета не встрѣтили равнодушія въ средѣ лицъ, интересующихся положеніемъ нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. Возрастающее сочувствіе къ цѣлямъ нашего общества составляетъ самый выдающійся фактъ въ жизни литературнаго фонда за истекшій годъ. Оно выразилось въ очень разнообразныхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще небывалыхъ до сихъ поръ формахъ и размахѣхъ.

Въ отчетномъ году избрано вновь 103 члена. Чтобы оцѣнить эту цифру вспомнимъ, что въ теченіи 1872 г. было избрано 41, въ 1873—45, въ 1874—67, въ 1875—81, въ 1876—54, въ 1877—24, въ 1878—43 новыхъ члена. Такимъ образомъ, приростъ личнаго состава общества въ истекшемъ году далеко превышаетъ цифры новыхъ членовъ за предыдущіе годы.

Изъ денежныхъ пожертвованій, обращаютъ на себя вниманіе: 1) пожертвованіе въ 1,000 р., заглаженнаго пенсионеркою общества Дубенскою, получавшею такъ-называемую Дружининскую пенсію; деньги

этѣ комитетъ постановилъ присоединить къ неприкосновенному капиталу общества подъ именемъ капитала отца завѣщательницы, профессора московскаго университета Д. Н. Дубенскаго; 2) пожертвованіе въ 6,152 р. 7 к., завѣщанныхъ нижемеръ-генераль-майоромъ Н. П. Мартыновымъ; комитетъ постановилъ зачислить изъ этихъ денегъ 52 р. 7 к. въ расходный капиталъ, а остальные 6,100 р. обратить въ неприкосновенный капиталъ, подъ именемъ капитала Н. П. Мартынова.

Изъ неденежныхъ пожертвованій на первомъ планѣ стоитъ предложеніе П. К. Мартынова, который предоставилъ въ распоряженіе комитета часть своего дома на Малой Охтѣ съ тѣмъ, чтобы помѣщеніе это бесплатно отводилось нуждающимся литераторамъ и ученымъ или ихъ семьямъ. Сверхъ помѣщенія, г. Мартыновъ даетъ отъ себя отопленіе и прислугу.

Княгиня Оболенская предоставила въ распоряженіе комитета три бесплатныя вакансіи въ своей гимназіи.

С. С. Поляковъ предоставилъ двѣ стипендіи въ учрежденныхъ имъ желѣзнодорожномъ и горнозаводскомъ училищахъ.

Т. П. Пассекъ пожертвовала 10 экземпляровъ своихъ воспоминаній „Изъ дальнихъ лѣтъ“.

С. И. Черепановъ пожертвовалъ 50 экземпляровъ своей брошюры „Отрывки изъ воспоминаній сибирскаго казака“.

Екатеринославское общество любителей музыки, пѣнія и драматическаго искусства устроило въ пользу нашего общества вечеръ, давшій чистой выручки 72 р. 90 к.—Н. В. Альбертини устроилъ въ Ревелѣ 20-го мая въ пользу общества литературно-музыкальный вечеръ, давшій 150 р.—Г. К. Градовскій доставилъ 68 р. 57 к., вырученные со спектакля, даннаго въ пользу общества 29-го іюля въ Любани.—П. И. Вейнбергъ устроилъ въ пользу общества литературно-музыкальный вечеръ въ Мерекюлѣ 31-го іюля, отъ котораго очистилось 248 р. 50 к.—Всѣмъ участвовавшимъ въ этихъ вечерахъ и способствовавшимъ ихъ успѣху, комитетъ выразилъ глубокую благодарность.

Самымъ комитетомъ были устроены два литературные вечера (9-го и 16-го марта), давшіе 4,856 р. 47 к.; спектакль въ Павловскѣ (24-го іюля), отъ котораго очистилось 1,062 р. 50 к.; литературное утро (28-го декабря), давшее 1,104 р. 30 к. Комитетъ выразилъ глубокую благодарность: П. И. Вейнбергу, Д. В. Григоровичу, Ѳ. М. Достоевскому, А. И. Пальму, А. Н. Плещееву, Я. П. Полонскому, А. А. Потѣхину, М. Г. Савиной, М. Е. Салтыкову и И. С. Тургеневу, принимавшимъ участіе въ чтеніяхъ; М. В. Ватсонъ, Ж. А. Полонской и А. В. Топорову, содѣйствовавшимъ устройству литературнаго утра; артистамъ: Г. Н. Ѳедотовой, Е. А. Семеновой, Е. А. Яблочниной, Ѳ. П. Гореву, Н. А. Журину, А. И. Трофимову и Е. Ѳ. Тихомирову, отказавшимся отъ платы за участіе въ спектаклѣ.

Забывая о расширеніи средствъ общества, комитетъ не упускалъ изъ виду своей прямой задачи—улучшенія положенія нуждающихся литераторовъ и ученыхъ.

До сихъ поръ всѣ поступающія въ комитетъ просьбы о приисканіи работы, преимущественно переводной, отклонялись, такъ какъ, за исключеніемъ весьма немногихъ частныхъ случаевъ, комитетъ не

имѣлъ возможности удовлетворить просителей. Въ виду этого, комитетъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ, Е. П. Карновичу, составить записку о мѣрахъ для присканія занятій переводчицамъ и переводчицамъ. Записка эта была прочитана въ общемъ собраніи 30-го декабря и принята единогласно.

ОТЧЕТЪ КАЗНАЧЕИ ОБЩЕСТВА ЗА 1879 ГОДЪ.

І. Состояніе кассы къ началу года.

Руб. К.
 Въ 1-му января 1879 г. въ кассѣ общества состояло. . . 74,669 69
 Въ томъ числѣ:

	Руб.	К.
а) Процентными бумагами.	73,025	—
б) Наличными и на текущемъ счету. . .	1,644	69
	<hr/>	<hr/>
	74,669	69

Въ означенной суммѣ состояло капиталовъ:

а) Расходнаго.	36,968	40
б) Неприкосновеннаго (въ томъ числѣ имени: А. А. Краевского — 2,250 р., В. П. Гаевского, И. Т. Лисенкова, Б. И. Утина и С. Я. Чернышева — по 1,000 р. и Н. В. Василевского — 300 рублей).	24,981	99
в) Капитала стипендіи Е. П. Ковале- вскаго.	10,553	25
д) Капитала стипендіи В. Θ. Корша. . .	2,166	5
	<hr/>	<hr/>
	74,669	69

Къ 1-му января 1879 года изъ вышеозначенной суммы 73,025 р., представляющей собою капиталы общества различныхъ наименованій въ процентныхъ бумагахъ, было заложено бумагъ на номинальную сумму 5,200 рублей, за которыя общество состояло должнымъ 3,780 рублей.

ІІ. Приходъ.

Въ теченіи 1879 года на приходъ записано. 36,774 62¹⁾

Въ томъ числѣ:

А) Дѣйствительный приходъ.

	Руб.	К.
1) Пожалованія особъ Высочайшей фамиліи . . .	1,900	—
2) Отъ министерства народнаго просвѣщенія. . .	1,000	—
3) Единовременныя пожертвованія частныхъ лицъ. .	9,824	91
4) Годовые членскіе взносы.	5,567	—

¹⁾ По ежемѣсячнымъ извѣдностямъ: 87,774 р. 62 к., такъ какъ перечисленныя въ расходнаго въ неприкосновенный капиталъ Д. Н. Дубенскаго записаны въ извѣдностяхъ на приходъ и выписаны въ расходъ.

5) Пожизненные членскіе взносы	600	—
6) Отъ литературныхъ чтеній, спектаклей и проч.	7,490	34
7) Доходы съ капиталовъ:		
а) Общества	3,521 р. 12 к.	
б) Стипендія Е. П. Ковалевскаго.	556 " 50 "	
в) " В. Θ. Корша.	122 " 50 "	
	<hr/>	4,200 12.
8) Возврата пособій безсрочныхъ ссудъ и пенсій	200	—
9) Проценты по срочнымъ ссудамъ.	114	—
10) Возвращены % при выкупѣ заложен. бумагъ.	28	25

В. По оборотамъ кассы.

11) Возвратъ срочныхъ ссудъ.	1,750	—
12) Куплено % бумагъ для расх. кап. общества.	1,700	—
13) " " " " неприкосновен. кап.	1,800	—
14) " " " " капитала Е. П. Кова- левскаго	600	—
	<hr/>	

Всего записано на приходъ . . . 36,774 62

III. Расходъ.

Руб. К.

Въ теченіи 1879 года въ расходъ выписано. 26,864 25 ¹⁾

Въ томъ числѣ:

А. ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО РАСХОДА.

	Руб. К.
1) Единовременныя пособія	3,012 50
2) Безсрочныя ссуды.	2,265 —
3) Пособія на воспитаніе.	2,906 45
4) Тоже изъ капитала Е. П. Ковалевскаго.	450 —
5) " " " В. Θ. Корша.	140 —
6) Продолжительныя пособія	920 —
7) Пенсіи	6,140 —
8) Пересылка суммъ (въ томъ числѣ 2 р. 56 к. изъ суммъ Ковалевскаго).	39 49
9) За храненіе капитала (въ томъ числѣ 2 р. 95 к. изъ суммъ Ковалевскаго и 2 р. 15 к. изъ капитала Корша) и за гербовныя марки	18 40
10) Проценты по залогу бумагъ.	24 15

В. По оборотамъ.

1) Срочныя ссуды.	2,348	—
2) Выкуплены заложенныя % бумаги общества на номинальную сумму 5,200 рублей. . . за	3,780	42
3) Заплачено за купенныя для общества % бу- маги на номинальную сумму 3,500 рублей. . .	3,250	88
4) Заплачено за купенныя для капитала Е. П. Ковалевскаго % бумаги на номинальную сумму 600 рублей.	568	96
	<hr/>	

А всего выписано въ расходъ. 25,868 41

¹⁾ По приходорасходной книгѣ—25,868 р. 41 к.

Томъ II.—Апрѣль, 1880.

IV. Состояніе кассы къ 1-му января 1880 года.

	Руб.	К.
Къ 1-му января 1880 года записано на приходъ. . .	111,444	31
„ „ „ „ „ „ выписано въ расходъ. . .	25,868	41
Затѣмъ состоитъ къ 1-му января на лицо . . .	85,575	90

Въ томъ числѣ:

	Руб.	К.
а) Процентными бумагами.	83,325	—
б) Наличными и на текущемъ счету.	2,250	99

Въ означенной суммѣ состоитъ: расходнаго капитала общества—39,969 р. 11 к.; неприкосновеннаго капитала (въ томъ числѣ имени: Н. П. Мартынова—6,100 р., А. А. Краевского—2,250 р., В. П. Гавескаго, Д. Н. Дубенскаго, И. Т. Лисенкова, Б. И. Утина и С. Я. Чернышева — по 1,000 р., и Н. М. Василевскаго — 300 р.)—32,775 р. 11 к., капитала Е. П. Ковалевскаго — 10,685 р. 28 к. и капитала В. О. Корша—2,146 р. 40 к.

Къ 1-му января 1880 года общество ничего не состоитъ должнымъ по заложеннымъ процентнымъ бумагамъ.

Къ 1-му января 1880 года общество имѣетъ въ долгу за разными лицами по срочнымъ ссудамъ—1,508 р.

Въ томъ же годовомъ общемъ собраніи, взамѣнъ выбывшихъ на основаніи § 20 устава, въ члены комитета избраны по большинству голосовъ: М. Е. Салтыковъ, А. А. Потѣхинъ, Д. В. Григоровичъ и И. С. Тургеневъ.

Избраны на 1880 годъ: предсѣдателемъ *В. П. Гавескій* (Литейная, 48), помощникомъ предсѣдателя *А. А. Краевскій* (Литейная, 38); секретаремъ *Н. К. Михайловскій* (Бассейная, 33); казначеемъ *О. О. Воропоновъ* (Большая Московская, 9).

О П Е Ч А Т К А.

Въ мартовской книгѣ, на стр. 17, строка 1 сверху, напечатано: *лоната*, вѣсто: *лапотной*.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

МАРТЪ—АПРѢЛЬ, 1880.

Книга третья.—Мартъ.

	СТР.
Замѣчательное десятилетіе.—1838—1848 гг.—Изъ литературныхъ воспомина- ній.—XVI-XXIV.—П. В. АННЕНКОВА	5
Современная глушь.—Мученикъ захолустья.—В. Н. НАЗАРЬЕВА	58
Послѣдній романъ въ жизни Лассала.—Очеркъ.—В. К.	117
Изъ дневника познанскаго учителя.—Разсказъ Литвуса.—Н.	179
Итальянская новелла и Декамеронъ.—Историко-литературные очерки.— VI-VIII.—А. А.	197
Новый помѣщикъ.—Романъ, въ двухъ частяхъ, Мавра Юлая.—Съ венгер- скаго.—VI-VIII.—М. П.—ой.	251
Записки Степняка.—III.—Овличитель.—IV.—Полоумный.—А. И. ЭРТЕЛЯ Хроника.—Литературное Овозрѣніе.—I. Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи 1855—1880 гг. Сост. п. р. г.-л. Богода- новича. Т. I-IV.—М. В.—II. Заботы патріота, В. Болчка.—А. А.—III. Нравственная философія утилитаризма, А. Мальцева.—La morale an- glaise contemporaine, par M. Guizot.—IV. Ученіе Оригена о св. Троицѣ, В. Болотова.—V. Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ, А. Субботина.—VI. Шекспиръ, критическое изслѣдованіе его мысли и творчества, Эд. Даудена.—VI. La philosophie expérimentale en Italie, par A. Esprit.—К. К.—Еще два слова о руководствѣ г. Ор- лова.—А. А.	286
Наша золотопромышленность и ея условія.—П. Р.—въ.	315
Внутреннее Овозрѣніе.—Учрежденіе верховной распорядительной комиссіи.— Слово къ жителямъ столицы съ Главнаго Начальника.—По поводу со- бытія пятаго февраля.—Февраль 1855—февраль 1880.—Основныя поло- женія тюремнаго преобразованія и новаго уголовнаго кодекса.—Пред- полагаемыя измѣненія въ пенсіонномъ уставѣ.—Преобразованія въ лицѣ и училищъ правовѣдѣнія.—Что нужно прежде: мѣры или люди?	354
Парижскія Письма.—Вознагражденіе литературнаго труда во Фран- ціи.—L.V.—ЭМ. ЗОЛА.	392
Некрологъ.—И. И. Срезневскій.—А. Н. ПЫПИНА	420
Бивпографическій Листокъ.—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Со- ловьева. Т. XXIX.—Макиавелли, какъ политическій мыслитель. А. С. Алексѣева.—Исторія корабля, въ двухъ томахъ. Н. Боголюбова.—Князь Серебряный, Н. Трескина.	447

Книга четвертая.—Апрѣль.

	стр.
Замѣчательное десятилетіе. — 1838 — 1848 гг. — Изъ литературныхъ воспоминаній. — XXV-XXXI. — П. В. АННЕНКОВА.	457
Русскій расколъ и законодательство. — Историческіе очерки изъ новѣйшихъ временъ. — I-III. — Е. Р.	507
Деревенскіе міроводы. — Очерки. — I. Дядушка Николай Ивановичъ. — АЛЕКСѢЯ ПОТЪХИНА.	553
Итальянская новелла и Декамеронъ. — Историко-литературные очерки. — IX-X. — А. А.	575
Новый помѣщикъ. — Романъ, въ двухъ частяхъ, Мавра Юлая. — Съ венгерскаго. — Вторая и послѣдняя часть. — М. П. — ой	620
Польскій вопросъ въ русской литературѣ. — IV. — А. Н. ПЫПИНА	686
Стихотворенія. — I. На закатѣ. — II. Тоска по родинѣ. — III. Надъ бездною. — Н. Б. ХРОНИКА. — Наши 252 представителя. — Изъ общественной жизни города Петербурга. — К. ОРД.	710
Литературное Овозрѣніе. — I. М. Ковалевскій, Англійская конституція и ея исторія. — П. Н. Куплевасскій, Административная юстиція въ западн. Европѣ: Франція. — III. И. Янжулъ, Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. — IV. И. Камкаровъ, Нужды русскаго народа. — V. Ежегодникъ министерства финансовъ, в. X. — К. К. Peter the Great, by Eug. Schuyler, I-II. — А. А.	718
Пергамскія раскопки. — Письмо въ редакцію. — ИВ. С. ТУРГЕНЕВА	746
Внутреннее Овозрѣніе. — Третье отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи. — Отзывъ въ печати на обращеніе правительства къ общественной поддержкѣ. — Начальныя городскія училища въ С.-Петербургѣ. — Настоящее положеніе нашихъ военно-учебныхъ заведеній. — Вопросъ объ усыновленіи незаконнорожденныхъ дѣтей. — Улучшеніе состава присяжныхъ заседателей. — Новая газета „Берегъ“ о реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. — Къ свѣдѣнію редакціи „Голоса“.	767
Корреспонденція изъ Берлина. — Сессія рейхстага предъ пасхальными vacatіями. — К.	772
Парижскія Письма. — LVІ. — Мадамъ Сурди. — ЭМ. ЗОЛА	806
Письмо въ Редакцію. — Нѣсколько вопросовъ, по поводу разсужденій о нашемъ „третьемъ сословіи“. — А. К.	828
Извѣстія. — Отчетъ секретаря общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и Отчетъ казначея общества за 1879 г.	857
Библиографическій Листокъ. — Всеобщая исторія литературы, В. Θ. Корша. Вып. I. — Князь Серебряный, гр. А. К. Толстого. 4-е изд. — Экономическое значеніе машинъ, Θ. Е. Орлова. — Полное собр. соеетовъ Шекспира, въ перев. Н. Гербеля. — Польскія сказки, изложенныя по Войницкому и Балинскому.	867

Am...
Page 100, 101
Ch. 100

JUL 22 1982